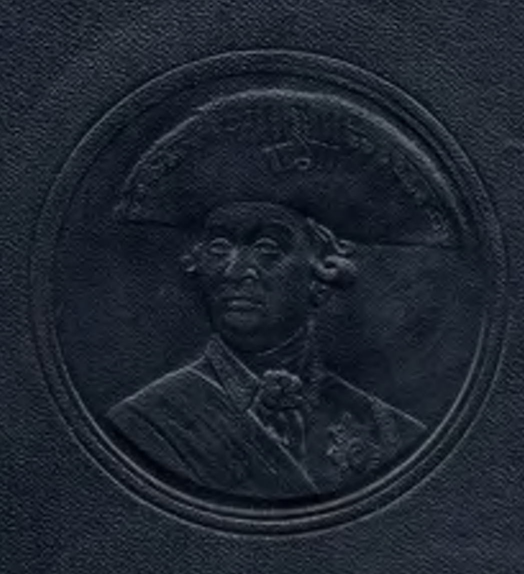
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ АРМИИ

П. А. РУМЯНЦЕВ



П. А. РУМЯНЦЕВ

Документы

II

ЦЕНТРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Материалы по истории
русской армии

РУССКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва—1953

ЦЕНТРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

П. А. РУМЯНЦЕВ

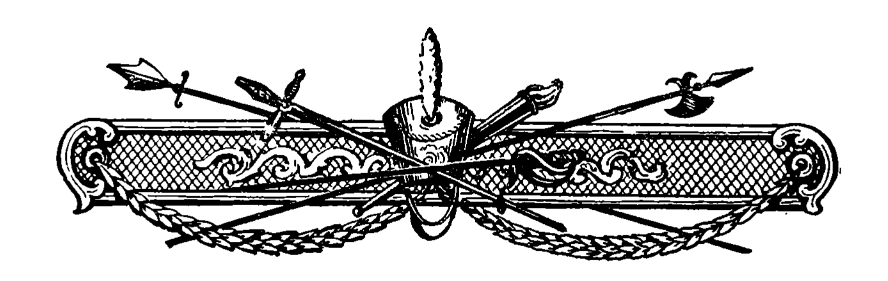
ТОМ
II

1768—1775

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПОЛКОВНИКА
П. К. ФОРТУНАТОВА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва—1953

СОДЕРЖАНИЕ



ВВЕДЕНИЕ

Документы, публикуемые во II томе сборника «П. А. Румянцев», относятся к войне 1768—1774 гг., в которой Россия боролась с Турцией за Приазовье, Северное Причерноморье, а также за выходы и свободное плавание по Черному морю.

Земли, за которые шла война, уже с первых веков н. э. были заселены славянами. Только ослабление русского государства в результате монголо-татарского нашествия дало возможность сформироваться Крымскому ханству, которое в начале XV в. захватило южные окраины России. Эти области вскоре были завоеваны Оттоманской империей, которая неуклонно проводила агрессивную политику по отношению ко всем своим соседям. В XVII—XVIII вв., находясь под влиянием различных государств Западной Европы и в первую очередь Франции и Англии, Турецкая империя направляла агрессию главным образом против России, Польши и Австро-Венгрии, сочетая ее с усилением эксплуатации ранее закабаленных Турцией народов.

Превратив с 1475 г. крымского хана в вассала Оттоманской империи, турецкие феодалы, как и татарские беки, использовали Крым в качестве базы для грабительских вторжений в пределы Украины и Приазовья. Одновременно с этим правительство Турции стремилось захватить Закавказье и Северный Кавказ, а также всю Украину.

В силу этого Россия была заинтересована в освобождении от иностранных захватчиков всех приазовских земель и земель, примыкающих к Черному морю с севера и северо-востока. Отсутствие портов у русского государства на Черном море являлось серьезным препятствием для развития сельского хозяйства черноземных областей юга России.

Русское дворянство и в первую очередь крупные помещики юга надеялись увеличить свои доходы с областей Украины, из-

гнав турок из Северного Причерноморья. Кроме этого, овладение черноморскими портами и обеспечение свободного провоза товаров по Черному морю и через Босфор давало возможность получать большие доходы от экспорта сельскохозяйственных продуктов. В результате внешняя политика русского царизма определялась интересами правящих классов, «...«потребностью» военно-феодально-купеческой верхушки России в выходах к морям, морских портах, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами...» [1].

Вместе с тем нельзя забывать, что освобождение из-под гнета турецких султанов народов Северного Причерноморья, Крыма, Приазовья и Северного Кавказа являлось положительным фактором и в развитии балканских народов.

Уже с конца XIV в. русское государство стало постепенно возвращать те земли, которые были у него отняты в результате монголо-татарского нашествия, но к середине XVIII в. они еще не были полностью возвращены.

Установленные Белградским договором 1739 г. границы рассматривались Россией лишь как временные, поскольку Северное Причерноморье и большая часть Кавказа все еще оставались в руках турок, а отсутствие естественных оборонительных рубежей делало чрезвычайно трудной защиту всей Украины.

Население территорий, захваченных Турцией и Крымским ханством, обречено было на обнищание и вымирание независимо от своей национальности. Особенно тяжел был социальный и национальный гнет в странах с нетурецким населением — на Балканах.

Войны России с Турцией в XVIII—XIX вв. сыграли большую положительную роль в развертывании национально-освободительного движения среди балканских народов. Победы русского оружия, расшатывая военное могущество Турции, облегчали борьбу народов Балканского полуострова за независимость.

Все указанные выше факторы определяли характер русско-турецких войн XVIII в., в том числе и войны 1768—1774 гг. Они определяли также и деятельность П. А. Румянцева, командовавшего русскими войсками в этой войне.

Являясь представителем высших слоев дворянства Российской империи, П. А. Румянцев проводил политику своего дворянского класса. Особенно сильно это проявилось в период 1764—1768 гг., когда Румянцев был президентом Малороссийской коллегии. Согласно специальным указаниям Екатерины II его деятельность была направлена в первую очередь на руссификацию Украины и реорганизацию местного управления по образцам российских учреждений.

---

[1] И. Сталин. О статье **Энгельса „Внешняя политика русского царизма“**, Большевик, 1941, № 9.

Несмотря на это военная деятельность Румянцева была безусловно прогрессивной. Являясь продолжателем петровской школы русского национального военного искусства, он во многом способствовал его дальнейшему развитию.

Успехи русской армии в Семилетней войне обеспокоили крупнейшие западноевропейские державы, прежде всего Францию и Англию, а затем Пруссию; поэтому последние стали искать государства, которые можно было бы противопоставить возрастающим силам России. Они стали оказывать давление на польскую шляхту, правящие круги Швеции, правителей Австрии, турецкого султана Мустафу III, чтобы активизировать их антирусскую деятельность. В наибольшей степени эта антирусская политика имела успех в Турции. Правящие круги Оттоманской империи стремились в тот период упорядочить систему государственного управления страны, а также увеличить силы и боеспособность армии и флота. При непосредственной поддержке в первую очередь правительства Людовика XV им это в известной мере удалось сделать, и во второй половине 60-х годов XVIII в. султан уже ищет благоприятной обстановки, чтобы открыть военные действия против сильного северного соседа. Выгодный для Турции в данном отношении момент создался в 1768 г., когда деятельность Барской конфедерации[1] резко усилила враждебное отношение польской шляхты к России и значительная часть русских войск была брошена на борьбу с конфедератами.

Осенью 1768 г., побуждаемый венским, а главным образом версальским дворами, турецкий султан предъявил русскому послу в Константинополе Обрескову ультиматум о немедленном выводе русских войск из Подолии. Отказ России выполнить это требование был сочтен турецким правительством достаточным поводом для объявления войны. Однако поскольку ни та, ни другая сторона практически не были еще готовы к вооруженной борьбе, военные действия фактически развернулись только в следующем, 1769 году.

Нападения со стороны турок и татар можно было ожидать и значительно раньше, в связи с чем Румянцев в пределах возможностей, предоставленных ему по занимаемой им должности «главного малороссийского командира», успел кое-что заблаговременно предпринять для усиления обороноспособности южных границ России.

---

[1] Барская конфедерация — объединение наиболее реакционных групп польских магнатов и шляхты, поднявших мятеж против России в 1768 г. в связи с тем, что под давлением России в польско-литовском феодальном государстве — Речи Посполитой было установлено гражданское равноправие христиан некатоликов и католиков. Свое название получила от г. Бара на Подолии, где организаторы движения опубликовали призыв к защите „вольности и веры“.

Документы, вошедшие в I главу настоящего тома, показывают тот единственно правильный путь — отказ от прикрытия границ лишь линией мелких крепостей, — который Румянцев наметил в предстоящих военных действиях на юге Украины. Большую роль в этом верном выборе плана обороны, несомненно, сыграл боевой опыт, накопленный Румянцевым в Семилетнюю войну, хорошее знание характера степного театра военных действий и его особенностей, а также вполне реальный учет количества и качества войск противника. Отказ Румянцева от кордонной системы обороны был для того периода крупным нововведением в военном деле и, как далее будет показано, дал положительные результаты.

Еще до начала военных действий Румянцев 24 сентября 1768 г. представил в Военную коллегию в Петербурге свои принципиальные соображения о методах ведения войны в степных районах юга Украины (док. № 1). Здесь прежде всего он подчеркнул явную нецелесообразность применения кордонной системы, рассчитанной на пассивную оборону, которая широко применялась в то время иностранными армиями, особенно австрийской. «В ровной и открытой степи, — писал он, — где ничего того нет, что по искусству военному в укрепление себе употребить бы можно, не только частица войска, но и нарочитой корпус не может противостоять силам многочисленным, которыми окружают со всех сторон открытые дороги» (док. № 1, стр. 4).

Румянцев делает правильный вывод о необходимости наступательных действий против турок. В них он видел единственное средство разгрома противника. Для обоснования своей стратегии Румянцев приводил в пример неудачные военные действия, проведенные Минихом и Ласси в 1738 г. П. А. Румянцев считал, что большая подвижность турецко-татарских войск, имевших многочисленную конницу, могла быть преодолена только захватом русскими войсками инициативы.

6 ноября 1768 г. Румянцев был назначен командующим 2-й армией. Эта армия была второстепенной как по своей численности, так и по полученным задачам [1]. Такое назначение не было случайным. Екатерина II и узкий круг близких к ней лиц явно не доверяли Румянцеву. Зная его как талантливого полководца, они боялись, как бы он не приобрел в войсках еще большую популярность и не сделался опасным.

В связи с этим командование основными морскими силами России в самом начале войны было поручено А. Г. Орлову, а сухопутными — А. М. Голицыну. А. Г. Орлов не имел никакого опыта в командовании флотом, а А. М. Голицын, хотя и участвовал в Семилетней войне, но военных способностей не

---

[1] Основную стратегическую задачу должна была выполнять 1-я армия, которой командовал А. М. Голицын.

проявил. Но это были люди, которым императрица вполне доверяла. Без учета этого факта нельзя понять истинной сущности всей переписки Румянцева с Военной коллегией, а также с Екатериной II в первый год этой войны, особенно в осенние и зимние месяцы 1768—1769 гг.

Отсутствие единого командования армиями приводило часто к несогласованным действиям. Роль ставки главного командования выполняла Военная коллегия.

Характерно, что правительство не находило тогда даже нужным информировать Румянцева как командующего армией о намечавшихся в Петербурге военных планах и об обстановке на театре военных действий, вследствие чего Румянцев был вынужден в конце концов обратиться 14 декабря 1768 г. с личным письмом к вице-президенту Военной коллегии З. Г. Чернышеву с просьбой открыть ему «план существительный определенных действий, ибо я, — писал Румянцев, — подобно слепцу, хожу поднесь в темноте и только лишь по одному воображению сличаю обстоятельства» (док. № 27, стр. 48). Только эта просьба, обращенная к одному из самых влиятельных в придворных кругах лиц, возымела свое действие, и 5 января 1769 г. Румянцеву из Петербурга был сообщен план предстоящей кампании (док. № 32).

Находясь в столь трудных условиях и не имея возможности действовать наступательно ввиду ограниченности имевшихся в его распоряжении сил, Румянцев, как показывает его рапорт в Военную коллегию от 30 декабря 1768 г., разрабатывает свой план обороны, основанный на использовании крупных подвижных отрядов, чтобы «не раздробляя полки отнюдь на так малые части, содержать сколько можно целыми» (док. № 30, стр. 54).

Быстрая ликвидация набега, организованного ханом в направлении Волчьи Воды — Бахмут, убедительно доказала принципиальную правильность вышеуказанного плана Румянцева, решительно порывавшего с системой пассивной кордонной обороны.

Присланный из Петербурга общий план ведения кампании 1769 г. предусматривал наступление на Хотин, как направление главного удара русской армии. Румянцев же был решительно несогласен с этим указанием и предлагал в письме к Н. И. Панину от 27 января 1769 г. (док. № 34) сначала захватить Очаков, являвшийся важнейшей базой турецких войск на юге России. Свое предложение, как и в ряде других аналогичных документов, он основывал на опыте войны 1735—1739 гг., верном анализе военной обстановки и в частности на состоянии коммуникаций турецкой армии. Однако план Румянцева правительством был оставлен без внимания.

Формирование 2-й армии шло медленно, а ее плохое снабжение привело к тому, что войска Румянцева даже к концу апреля 1769 г. не имели еще необходимых переправочных средств для

перехода через Днепр (док. № 42). Такое положение являлось закономерным следствием рескрипта Екатерины II (док. № 32), согласно которому задачи 2-й армии на 1769 г. ограничивались только тем, чтобы не допускать противника со стороны Крыма и Бендер и поддерживать в случае надобности действия армии А. М. Голицына.

Все это в целом заставило Румянцева зимой и весной 1768—1769 гг. ограничиться рамками активной обороны главным образом Елизаветградской провинции.

II глава сборника посвящена военным действиям армии Румянцева в мае — сентябре 1769 г. Основные события развертывались тогда в районе нахождения 1-й армии Голицына, и войска Румянцева, как и намечено было правительственной директивой, играли второстепенную роль.

При получении сведений о первых небольших успехах главной армии Голицына Румянцев переправил через Днепр большую часть своих войск у Переволочной и Кременчуга с намерением двигаться дальше к крепости св. Елизаветы (позднее Елизаветград), а затем на юго-запад к Днестру. Одновременно с этим подчиненный Румянцеву отряд под командованием Берга расположился в районе Бахмута с целью прикрыть от татарских набегов строительство восстанавливавшихся тогда крепостей Азова и Таганрога (реляция П. А. Румянцева Екатерине II от 15 мая 1769 г., док. № 46).

Наступление Румянцева к Бендерам дезориентировало турецкое командование, скрывая истинное направление главного удара русских войск, но оно могло дать положительные результаты лишь при наличии энергичных наступательных действий армии Голицына. Голицын, однако, никакой поддержки 2-й армии не оказал и, отступив обратно за Днестр, полностью сорвал план командующего 2-й армией П. А. Румянцева, намечавший одновременный удар на противника силами обеих основных русских группировок. Возмущенный Румянцев обратился к Екатерине II с протестом против пассивной деятельности Голицына (док. № 48). Не получая от Екатерины II в этом вопросе поддержки, он обратился непосредственно к Голицыну 11 июня 1769 г., обвиняя его в самой резкой форме в недостаточном противодействии противнику. «Вы, — писал Румянцев, — впущаете вступать в наши границы, сберегая от нашествия токмо польские и открываете дорогу по вашему отступлению к Каменцу, или к окружению себя, или, что он, всредине между наших армий став, удобность получит, может пресекти взаимное сообщение» (док. № 50, стр. 95—96).

Это письмо также не внесло никаких изменений в методы ведения войны. Румянцев продолжает посылать как императрице, так и командующему 1-й армией сообщения, в которых указывает на заведомую ошибочность действий Голицына, ставящих русские войска на Украине в крайне тяжелое положение,

Несмотря на столь неблагоприятную для достижения победы обстановку, Румянцев проявлял максимально возможную в таких условиях активность. Заняв основными силами армии позиции на р. Буг, он выдвинул на запад в направлении Бендер всю свою легкую конницу, которая составляла передовой отряд Зорича. Одновременно с выдвижением в западном направлении отряда Зорича другой небольшой отряд демонстрировал наступление в сторону Польши, а корпус Берга провел ряд активных действий в крымском направлении. Эти действия, направленные на то, чтобы раздробить силы турецко-татарских войск и насколько возможно ослабить их противодействие армии Голицына (док. № 55), дали свои положительные результаты, которые могли быть значительно больше при правильной координации действий 1-й и 2-й армий.

Резкая критика Румянцевым военной деятельности Голицына была вполне справедлива. В письме от 12 июля 1769 г. к Н. И. Панину Румянцев указывает на основную причину неуспехов русской армии в первой кампании войны 1768—1774 гг.

«Я не скрываю от вашего сиятельства, — писал Румянцев, — и то, что все его (Голицына. — *П. Ф.*) намерения толь мне неизвестны, что я не только их не могу проникнуть, но приводят оные еще совсем меня в недоумение и хотя я многократно просил его сиятельство, чтобы меня удостоил откровением своих предприятий, но всегда моя просьба втуне оставалась, хотя ж и сообщал мне, но тогда, когда уже им произведены были оные в действо, и так сколько бы я не желал ему вспомоществовать какими-либо движениями, токмо в рассуждении сокрытия от меня поямых его намерений ничего сделать не могу» (док. № 56, стр. 106).

Отсутствие взаимодействия между армиями предопределило неудачный исход кампании 1769 г. В этой кампании А. М. Голицын повторял действия Апраксина и Фермора по отношению к Румянцеву в период Семилетней войны. Личная выгода и зависть к талантливому генералу у этих бездарных командующих всегда были выше интересов государственных.

Неспособность Голицына добиться победы над противником стала очевидной для правительства только после необоснованного отхода 1 августа 1769 г. 1-й армии обратно за Днестр. Рескриптом от 13 августа того же года Екатерина II отстранила Голицына от поста командующего 1-й армией, назначив на его место П. А. Румянцева (док. № 63, стр. 119).

Таким образом, документы II главы характеризуют правильное понимание Румянцевым военно-политической обстановки. П. А. Румянцев, несмотря на его попытки, не мог преодолеть препятствия, создаваемые правящими кругами дворянской России в деле лучшей организации военных действий.

Материалы III главы излагают деятельность Румянцева по подготовке войск к кампании 1770 г. В новую должность командующего 1-й армией он вступил только 18 сентября 1769 г. (док. № 71, стр. 142) и поэтому не имел возможности развернуть немедленно крупные наступательные действия; этому мешала и наступавшая осень с ее степным бездорожьем. Кроме того, Румянцев, как видно из его письма Н. И. Панину от того же 18 сентября, «...нашел армию, что касается до людей, весьма утружденных от понесенных беспокойств долговременно, а лошадей и вовсе в изнурении. Потому должно быть первое мне упражнение оных отдохновение, к которому я, осмотревшись, приступлю» (док. № 72, стр. 143).

При организации армии возникали большие трудности. Не хватало помещений для размещения войск на зимних квартирах, ощущался недостаток продовольствия и фуража, в войсках не был укомплектован личный состав. Необходимо было вести борьбу с грозным врагом — эпидемией чумы. Кроме того, нужно было организовать управление в освобожденной от турок Молдавии.

Публикуемые ниже архивные документы раскрывают оперативную деятельность Румянцева, подготавливавшего тогда более выгодные исходные позиции для своей армии.

Заблаговременно, до начала военных действий, еще 23 октября 1769 г. Румянцев представил Екатерине II основные положения своего плана кампании 1770 г. Предстоявшую боевую деятельность 1-й армии он расценивал как несравненно более серьезную, чем в первый год войны. Полководец стремится найти кратчайший путь для проникновения русских войск вглубь расположения противника. Румянцев считает, что «в будущей кампании... первым объектом нам предстоит крепость Бендеры...» (приложение к док. № 84, стр. 165). Ошибочно, впрочем, было бы утверждать, что Румянцев в вопросах ведения войны придерживался традиционных взглядов западноевропейской школы той эпохи, для которой главным объектом военных действий были крепости. Для него крепости и в частности те же Бендеры не были самоцелью, как это рассматривалось в рескрипте Екатерины II от 10 декабря 1769 г. (док. № 103), а только направлением главного удара. Об этом свидетельствует хотя бы то, что уже осенью передовые отряды 1-й армии выдвигаются им не только в южную часть Молдавии, но и в Валахию.

Новаторство Румянцева видно и в понимании громадного значения хороших взаимоотношений русской армии и местного населения. Учетом этого фактора объясняется издание Румянцевым манифестов от 31 октября 1769 г. (док. № 88) к жителям Молдавии и от 4 декабря того же года (док. № 100) к населению Валахии с разъяснением положительного значения для них изгнания турок из этих стран.

Содействие мирного населения русским войскам Румянцев мыслил не только в виде снабжения армии продовольствием и

фуражом из местных ресурсов, но также и путем создания вооруженных добровольческих отрядов для борьбы с турецкими угнетателями. Ни один западноевропейский полководец не учитывал этого важного фактора.

Период подготовки к летним боям и походам используется П. А. Румянцевым для укрепления внутреннего порядка в войсках и лучшей организации походной службы. С этой целью в марте 1770 г. Румянцев составил «Обряд службы», который должен был изучаться самым тщательным образом личным составом 1-й армии. Этот устав являлся развитием его же Устава службы 1761 г. Он устанавливал единообразие в некоторых правилах строевой, внутренней и караульной службы войск. Много внимания уделялось лучшей организации походов, лагерей и фуражировки.

Содержание этого «Обряда» является, несомненно, значительным шагом вперед в области подготовки войск. Данный документ может законно расцениваться как предшественник «Науки побеждать» Суворова, поскольку Румянцев вслед за Петром I стал рассматривать солдата как главную силу на войне.

IV глава сборника включает документы знаменитой летней кампании 1770 г., в которой полководческий талант Румянцева развернулся во всем своем блеске и принес ему заслуженную славу выдающегося русского полководца.

К весне 1770 г. была уже закончена подготовка войск к боевым действиям в широком масштабе. Румянцеву удается переправить свою армию у Хотина через Днестр в Молдавию, оттянув одновременно на север в целях большей концентрации войск передовые русские части из южной Валахии.

Документы, публикуемые в IV главе сборника, обрисовывают разностороннюю военную деятельность Румянцева за период летней кампании 1770 г.

Являясь сторонником активных военных действий, Румянцев вместе с тем умело совмещает решительную наступательную тактику с разумной осторожностью. Давая в ордере от 8 июня 1770 г. положительную оценку действиям командира передового корпуса Н. В. Репнина, Румянцев в то же время указывает ему: «чтоб вам, ожидая на себя от Серета нападения по вашему вычету маршов толь скорого, переходить Прут, вступить в бой с неприятелем и обратиться потом на другого, то сие предприятие не согласует с военными правилами, ибо в таком случае, конечно, держать условие оба корпусы неприятельские между собою, и вы, наступая на одного, могли бы охвачены быть от другого и утратить всякое сообщение с армиею» (док. № 142, стр. 303). Румянцев предупреждает от огульного наступления немедленно и во что бы то ни стало. Решающие военные события кампании 1770 г. развернулись лишь во второй половине июня, когда Румянцеву удалось сосредоточить свои войска у Рябой

Могилы. Первое большое сражение разыгралось 17 июня 1770 г. именно у этого пункта, где полки 1-й армии встретились с войсками крымского хана.

Победа Румянцева над татарами у Рябой Могилы изложена им в подробных реляциях Екатерине II (док. № 146 и 147).

Несмотря на численное превосходство и выгодную позицию, войска крымского хана в сражении у Рябой Могилы были разгромлены. Разгром Румянцевым неприятеля был осуществлен благодаря талантливо составленному плану удара по войскам противника с фланга и с тыла при сковывании его с фронта. Большое значение в достижении победы имел и наступательный порыв русских войск, высокая согласованность действий отдельных колонн и инициатива частных начальников.

Победа при Рябой Могиле могла бы дать лучшие результаты, если бы русская конница была более подвижной. В описании преследования разбитого противника Румянцев проявил недостаточную объективность. «Вся наша кавалерия, — пишет он в донесении Екатерине II, — при сем случае весьма хорошо свое дело исполняла и преследовала верст до 20-ти неприятеля, чрезмерно напрягаясь достигнуть его; но он по легкости своей от времени далее ускакивал». Если сам Румянцев признает, что потери противника, полностью разгромленного, составили лишь «до 400 человек в убитых» (док. № 147, стр. 314—315), то ясно, что действиям конницы, которая в этом бою не сумела догнать противника, нельзя дать «хорошую» оценку.

Кампания 1770 г. наглядно показала, что Румянцев ставил своей задачей не осаду крепостей, а разгром турецко-татарских полчищ в полевом бою. Придерживаясь такой тактики, 1-я армия смело захватила инициативу и 7 июля 1770 г. обрушилась на лагерь крымского хана Каплан-Гирея и трех турецких пашей, который располагался на лéвом берегу р. Ларги, у места ее впáдения в р. Прут. Здесь произошло большое сражение.

По своему масштабу, после Кагульского, оно явилось самым крупным из тех, в которых Румянцев самостоятельно руководил войсками. Для изложения основных событий данного боя в настоящем сборнике использованы следующие документы: 1) диспозиция Румянцева для атаки турецкого лагеря от 6 июля 1770 г. (док. № 152), 2) выдержка из «Журнала военных действий армии», составленная в день боя (док. № 153), и 3) реляция Румянцева Екатерине II, датированная 12 июля 1770 г. (док. № 155). Эти материалы дополняют друг друга и позволяют более полно осветить военное искусство русской армии в сражении.

П. А. Румянцев высоко оценивал боеспособность своих войск. Получив данные о почти трехкратном численном превосходстве татар и турок и выгодности их позиции с точки зрения обороны, он все-таки смело решил атаковать противника при Ларге. Румянцев добивается блестящей победы благодаря искусному

управлению войсками на поле боя, правильной оценке общей обстановки и в частности местности, расчленению боевых порядков русских войск, смелому выделению на направлении главного удара более 80% имевшихся в его распоряжении войск, а также умелой концентрации огня артиллерии.

Необходимо отметить, что успех военных действий в большей степени объяснялся также героизмом русских солдат и офицеров. «Генералитет, штаб, обер- и унтер-офицеры и до последнего рядового, — писал Румянцев 12 июля 1770 г. Екатерине II, — оказывали добрую свою волю к наступлению на неприятеля» (док. № 155, стр. 337).

Победив при Ларге, Румянцев понял, что хан хотя и потерял в бою артиллерию и обоз, но в основном все-таки благополучно вывел из-под удара свои войска. Самое же главное — армия великого визиря еще вовсе не испытала ударов русского оружия, а потому сама намеревалась действовать наступательно. Создалась обстановка, которая получила верное отражение в «Журнале военных действий армии» от 20 июля 1770 г. «Всяк представить себе может, в каком критическом положении была... армия: пропитание войску давали последние уже крохи, визирь со сту пятьдесят тысячами был в лице, а хан со сту тысячами облегал уже спину и все провиантские транспорты» (док. № 158, стр. 341).

При таком положении единственно правильным было решение нанести смелый удар армии визиря раньше, чем та соединится с войсками крымцев. Такое решение и принимается Румянцевым, который форсированным маршем направляет свою малочисленную армию на юг, навстречу визирю, успевшему занять выгодную позицию за Трояновым валом, на р. Кагул.

Сражение, которое произошло на р. Кагул 21 июля 1770 г., было самой значительной победой, когда-либо одержанной Румянцевым. В связи с важностью Кагульского боя с точки зрения изучения военного искусства Румянцева изложение этого сражения дается в сборнике в нескольких документах. Боевые действия этого сражения описываются достаточно детально и объективно, причем особенную важность имеет реляция от 31 июля 1770 г. (док. № 163).

Следует отметить, что П. А. Румянцев ошибочно считал, что войско визиря, участвовавшее в сражении, имело 150 тыс. человек (док. № 159, стр. 346).

Прилагаемый к настоящему сборнику «План атаки русских войск под командованием П. А. Румянцева при р. Кагуле 26 июля 1770 г.» наглядно показывает, что весь лагерь турецкой армии перед боем занимал площадь немногим более 2 кв. км. Разместить на таком участке пересеченной местности 150 тыс. войск, из которых две трети составляла конница, конечно, было абсолютно невозможно. Если учесть, что бивак одного кавалерийского полка (1000 человек) требовал площади 150×200 м и такой же

территории требовал лагерь четырех батальонов пехотного полка, то можно предположить, что против 1-й армии на Кагуле стояло ориентировочно войско в 70—80 тыс. человек.

Как и при Ларге, в сражении при Кагуле решающую роль сыграли наступательный порыв и стойкость русских солдат, что отмечается П. А. Румянцевым во многих публикуемых в сборнике документах (док. № 158, 159 и 163).

Столь же большое значение имели смелость замысла и военное искусство Румянцева, который, не побоявшись подавляющего численного превосходства неприятеля, смело напал на него, прежде чем тот соединился с крымским ханом. Русский полководец верно выбрал направление главного удара, искусно совместил фронтальное наступление несколькими колоннами с обходным наступлением группы Репнина, успешно вводил в бой частные резервы для отражения атак турок, хорошо организовал взаимодействие пехоты, конницы и артиллерий, учел особенности рельефа местности и т. д. В частности, правильная организация взаимодействия отдельных родов войск позволила лучше устранить слабые стороны последних. Так помощь конницы компенсировала медлительность пехоты, а пехота придавала большую стойкость коннице.

В результате тяжелых поражений при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле боеспособность турецко-татарских армий значительно ослабла. Войсками Румянцева были взяты крепости Измаил, Браилов и Килия, а 2-й армией Панина заняты Бендеры.

П. А. Румянцев всегда требовал от войск большой подвижности с учетом реальных возможностей наступательных действий частей. «К крайнему неудовольствию, — пишет он 7 августа 1770 г. генералу Олицу, — подался мне случай сведать, что некоторые полки и команды, марширует в повеленные от меня места, делают переходы в день верст по десяти и менее с растахами по своему произволению, чиня моим повелениям, в коих точно предписано было маршировать с возможным поспешением, явное преслушание, не понимая, что чрез оное в настоящих военных обстоятельствах могут произойти великие конфузии и разные неожидаемые неприятные приключения... Нахожу сим единожды навсегда сделать генеральное постановление, дабы всякий полк и команда... без крайней нужды маршировали отнюдь не менее: пехотные — двадцати, а конные — двадцати пяти верст в день с растахами» (док. № 169, стр. 369).

Для Румянцева характерно постоянное стремление к объединенным, согласованным действиям армий. Так, например, поступает он по отношению к армии Панина во время осады ею крепости Бендер. Такой метод действий совершенно отсутствовал у А. М. Голицына и у многих других полководцев того времени.

В промежутке между сражениями при Рябой Могиле и Ларге развертывались крупные военные события в Эгейском море, где флот Спиридова и А. Г. Орлова разгромил 24 и 26 июня 1770 г.

турецкие эскадры у Хиоса и Чесмы. Русская эскадра имела тогда полную возможность после таких блестящих побед прорваться через Дарданеллы и нанести решающий удар Константинополю. А. Г. Орлов, несмотря на настояния Спиридова, не проявил должной смелости и ограничился пассивной блокадой южного выхода из Дарданелл. Эта ошибка лишила Румянцева возможности шире развить военные действия.

В итоге летней и осенней кампании 1770 г. Румянцеву удалось вывести большую часть своих войск на левый берег нижнего течения Дуная, полностью разорвать сухопутную связь между армиями хана и султана и взаимодействие между турками и барскими конфедератами. Это был, несомненно, большой успех, но к победоносному миру он еще не привел.

Враждебная России дипломатическая деятельность Австрии и Пруссии, угроза вооруженного вмешательства с их стороны делали для русских поход за Дунай и Балканы предприятием чрезвычайно рискованным.

Решающие военные события снова отодвигались из-за принятого в ту эпоху сезонного способа ведения войны, который требовал прекращения боевых действий на всю зиму, а иногда и весну. Такой способ объяснялся бездорожьем, характерным для этого времени года. Таким образом, Румянцев не мог осенью развернуть наступательные действия за Дунай. Войска были отведены глубоко в тыл на зимние квартиры в ноябре 1770 г.

Документы V главы освещают подготовку войск к военным действиям 1771 г., а также показывают планы Румянцева по организации кампании.

Ввиду недостатка в Румынии продовольствия сосредоточенное расположение 1-й армии на зимних квартирах практически оказалось невозможным и отдельные корпуса ее были размещены на значительном расстоянии друг от друга. Первый корпус был размещен на зиму 1770/71 г. в Молдавии с центром размещения в Яссах, второй — в Валахии с центром в Бухаресте, третий — в Бессарабии и по крепостям низовья Дуная с центром в Измаиле. Четвертый корпус должен был действовать самостоятельно против конфедератов уже на территории Польши.

Разбросанность войск не могла не сказаться отрицательно на боевой деятельности 1-й армии. Румянцев учел это и сумел обеспечить за собой инициативу на весь зимний период, предприняв ряд успешных наступательных действий в начале зимы 1770/71 г.

В первую очередь им было дано указание — наступая на запад, захватить Крайову (док. № 196), а на юг — Журжево на берегу Дуная. Демонстративный характер этих действий предопределил их ограниченный масштаб. Развертывание широкого наступления было нецелесообразно, так как русское правительство намечало в следующем, 1771 г., использовать армию Румянцева для выполнения второстепенных стратегических задач.

Военная коллегия поставила основной задачей для войск, действовавших на данном театре войны в 1771 г., изгнание турок из Крыма. Это должна была выполнить 2-я армия В. М. Долгорукова. Таким образом, Румянцев не мог надеяться на получение сколько-нибудь значительного усиления своих войск, положение которых затруднялось растянутостью коммуникаций и обороняемой линии по Дунаю.

Учитывая это, Румянцев для того, чтобы осложнить положение противника и увеличить свои силы, решил поднять против турок местное население, для чего дал 4 февраля 1771 г. конкретные указания Потемкину призывать к борьбе совместно с русскими румын и болгар, «дабы в чаянии того приготовлялись они и сами к свержению с себя ига нечестивых магометан удобовозможным против них ополчением и, будучи бы усердны своему благу, соединялись с нами к общему делу» (док. № 204, стр. 424).

Данный проект Румянцева не получил широкого осуществления, так как кампания, развернувшаяся на Балканах в 1771 г., имела небольшие масштабы. Тем не менее важно отметить эту, одну из первых попыток поднять балканские народы на борьбу против турок совместно с русскими войсками. Следует иметь в виду, что царизм всегда боялся каких-либо проявлений освободительного движения, в какой бы форме оно ни проявлялось. В данном же случае он нуждался в поддержке местного населения на театре военных действий. В связи с этим указанное выше обращение Румянцева к угнетенным народам Балкан следует рассматривать как проявление внешней политики Российской империи в данном вопросе.

Правительство Екатерины II на 1771 г. не ставило перед Румянцевым крупных стратегических задач. 1-я армия должна была в 1771 г. лишь сковывать противника. Это следует учесть при рассмотрении военных действий Румянцева в указанный период. Его армия охраняла от вторжения турок левый берег Дуная и не допускала создания турецких плацдармов на левобережье. В результате кампании 1771 г. не только Молдавия, но и Валахия оказались в руках русских войск.

Наиболее значительными событиями являлись военные действия за Дунаем (нападения на Исакчу 23 марта 1771 г. и Цибру — 5 мая того же года).

В общем публикуемые в V главе документы описывают события, в которых число бойцов с русской стороны в каждом отдельном случае не превышало нескольких тысяч человек. Исключением были бои на Дунае в июне, в которых участвовал десятитысячный отряд Репнина, а в октябре — бои отряда Эссена на подступах к Бухаресту, в которых было нанесено тяжелое поражение превосходящим силам турок.

Для обеспечения господства русских вооруженных сил на Дунае Румянцев организовал речную Дунайскую флотилию под

руководством капитана 1-го ранга Нагаткина, которая была укомплектована русскими матросами, запорожскими казаками, молдаванами и арнаутами[1] и состояла из судов, частично захваченных у турок, а частично построенных русскими. Данный замысел оказался правильным, и турецкие суда вскоре прекратили движение по Дунаю. Не обладая в данной области нужным опытом, Румянцев тем не менее давал своим подчиненным совершенно правильные установки как в организации, так и в тактике речной флотилии. В дальнейшем этот опыт взаимодействия Дунайской флотилии с сухопутными войсками в 1771—1774 гг. был с успехом использован в последующих русско-турецких войнах.

По опыту кампании конца 1770 г. Румянцев для того, чтобы «отдалить нанесение беспокойств от неприятеля во время пребывания войск в зимних квартирах» (док. № 246, стр. 486), решил провести ряд активных действий против турок на противоположном берегу Дуная. Выполняя это задание, Гейсман и Милорадович захватили Тульчу и Мачин. Развить далее военные действия оказалось невозможным ввиду крайнего недостатка резервов, которые должны были поступать из глубокого тыла страны.

Наступившая зима прервала боевые действия, и 1-я армия была отведена в тыл на зимние квартиры.

Документы, относящиеся к зиме 1771/72 г. и весне 1772 г., рассказывают преимущественно о дипломатической деятельности П. А. Румянцева, так как военные действия между Россией и Турцией временно затихают и с марта 1772 г. начинаются длительные мирные переговоры.

Оба государства были заинтересованы в скорейшем заключении мира. Нараставшие народные волнения пугали русское дворянство. Не легче было положение и у Турции, но в результате дипломатического воздействия на нее Пруссии, Австрии и Франции переговоры не привели ни к чему.

Участвуя в подготовке мирного договора, Румянцев предвидел возможный срыв его и возобновление противником военных действий, поскольку им были получены сведения о том, что за Дунаем собираются «турецкие войска в великом количестве» (док. № 258, стр. 516).

Все материалы о дипломатической деятельности Румянцева подчеркивают решительность его действий и правильный учет окружающей обстановки. Так, отправив 25 мая 1772 г. в Петербург подписанный обеими сторонами первоначальный проект договора о перемирии (док. № 271), Румянцев менее чем через полтора месяца сообщал туда же о плане ведения войны в случае срыва перемирия (док. № 272). Отмечая малую эффективность действий русских против турецких крепостей по Дунаю, а также большие трудности, могущие возникнуть при попытке

---

[1] Арнауты — выходцы из Албании.

наступления на Адрианополь и Константинополь, Румянцев считает необходимым добиваться заключения мира. Если же договориться с турками не удастся, то, по его мнению, необходимо «искать удобного времени и случаю, где бы можно неприятелю без своего ущербу дать сильный удар и в расстройке его явить ему следы крайней опасности и тем его понудить к миру» (док. № 272, стр. 543). Другими словами, Румянцев ищет здесь, как и всегда, путь к победе с наименьшими потерями для русских войск.

Трезво оценивая обстановку и трудное положение русской армии на Балканах и учитывая угрозу возможного вмешательства Австрии на стороне противника, Румянцев в ряде документов неоднократно указывает на необходимость заключения мира или продления перемирия. Реальные возможности для этого были, так как резкое падение дисциплины в турецкой армии толкало султана к скорейшему окончанию войны.

Правильное понимание Румянцевым международной и военной обстановки выявилось и в момент обострения русско-шведских отношений. Вступившему на престол в 1771 г. шведскому королю Густаву III удалось в августе 1772 г. произвести государственный переворот, в результате которого он сделался самодержавным монархом. Агрессивные, враждебные России настроения нового короля настолько испугали Екатерину II, что в начале декабря 1772 г. из Петербурга потребовали от Румянцева переброски из действующей армии к Пскову восьми пехотных полков. В ответ на это Румянцев в письме к Н. И. Панину от 16 декабря 1771 г. указывает, что снятие с фронта войск может стать известно туркам и тогда переговоры о мире окончательно сорвутся. Концентрация же большого числа русских войск против шведов, «которых ополчение, в лучшее сил их состояние, едва им соответствовало» (док. № 285, стр. 560), является совершенно излишней. Дальнейшие события полностью подтвердили справедливость анализа Румянцева в отношении малой вероятности нападения шведской армии на Россию в начале 70-х годов XVIII в.

Публикуемая переписка Румянцева, захватывающая период мирных переговоров, представляет большой интерес как в военно-историческом, так и общеисторическом отношениях.

Попытки русских дипломатов Г. Г. Орлова и Обрескова в Фокшанах договориться о мире с Турцией, а также переписка по этому вопросу Румянцева с великим визирем были безуспешны. Отрицательную роль в этом сыграл Г. Г. Орлов, который, выражая точку зрения Екатерины II, фактически сорвал переговоры. Не дали положительных результатов и переговоры в Бухаресте. Понуждаемые Францией, а также послами Австрии и Пруссии Тугутом и Цегелином, представители Турции не соглашались на требования России о независимости Крыма и полной свободе плавания русских судов по Черному морю и проли-

вам. В связи с провалом мирных переговоров в марте 1773 г. военные действия возобновились. Они продолжались до конца сентября этого же года и были прерваны наступлением зимы. Указанные события отражены в документах, помещенных в главе VII.

25 марта 1773 г. в связи с окончанием срока перемирия и явной безнадежностью заключить мир Румянцев представил Екатерине II свои соображения относительно продолжения военных действий (док. № 296). В это время русское правительство, опасаясь нараставшего возбуждения широких народных масс, разоряемых длительной войной, требовало от Румянцева перехода через Дунай и удара на Шумлу, а затем далее вглубь Турции. Необходимость скорейшего окончания войны вытекала и из ухудшавшегося экономического положения России.

Разбираясь в военной обстановке несравненно лучше, чем правительство, Румянцев очень обстоятельно доказывал недопустимость наступления. Он писал в Петербург, что, завоевав в предшествующих кампаниях большие по площади территории, «мы и находимся едва в состоянии защищать их, толь меньше уделять к наступательному из них употреблению. Следственно переходить Дунай ради решительного поиску, в рассуждении несравненных преимуществ неприятельских близостию крепостей его и крепких мест, и удобностью к снабдению себя всем надобным, и к произведению разных диверсий, а доведши дела наши до степени, каковой они достигли, по мнению моему, есть самоотважное предприятие» (док. № 296, стр. 579).

Первые же недели возобновившихся военных действий подтвердили нецелесообразность дальнего похода за Дунай и побудили Румянцева убедить императрицу действовать осторожно. Для подкрепления своей точки зрения он ссылался даже на то, что его ближайшие помощники — Салтыков, Потемкин и Вейсман — были того же мнения относительно способа ведения войны (док. № 300, стр. 593). Румянцев намечал в 1773 г. ограничиться сначала активными действиями против турецких крепостей — Гирсова и Туртукая с последующим захватом Силистрии, т. е. в известной степени повторить мероприятия кампании 1771 г. Сообщая в реляции от 21 апреля 1773 г. о первых успехах Вейсмана, Румянцев обращает внимание на те причины, которые замедлили развертывание военных действий в широком масштабе. «Препятствие, — пишет он, — что до селе не могла еще вся армия выступить в поле, наносила суровая погода и неимение подножного корму, ибо на сих днях только показалась весняная теплота. От упадшего необычайно большого снегу в конце зимы погибло у жителей здешних великое число скота, а которой и остался, то в таком изнурении, что обыватели не в состоянии пришли удовлетворить пособием оного нуждам армии...» (док. № 305, стр. 606).

Желая сохранить силу армии, Румянцев неоднократно обра-

щал внимание подчиненных ему генералов на необходимость бережного отношения к личному составу войск, а также к местному населению (док. № 304 и 306), поскольку последнее могло оказать существенную поддержку русской армии.

Весной и в начале лета 1773 г. активно действуют лишь отдельные отряды армии Румянцева, имевшие задачу подготовить нанесение главного удара туркам за Дунаем. Согласно диспозиции от 8 июня 1773 г. (док. № 322) переправа основных сил Румянцева через Дунай была намечена у Гуробала, в 30 км восточнее Силистрии. Этому решающему мероприятию предшествовали отдельные удары по войскам и укреплениям противника, как, например, демонстрация Вейсмана в Бабадаге, диверсия А. В. Суворова на Туртукай и т. д.

Переправа через реку и захват небольшого плацдарма у Гуробала были осуществлены 7 июня 1773 г. еще до получения указанной диспозиции. Понеся значительные потери, противник отошел к укреплениям Силистрии.

В качестве дальнейшего этапа наступления Румянцев наметил овладение «городовым ретранжементом», прикрывавшим подходы к самой крепости. Эта задача была также успешно выполнена, но на этом наступление остановилось. Первый натиск прибывших на выручку Силистрии турецких подкреплений удалось отразить, но вскоре поступили разведывательные сведения о движении к этому городу еще более крупных турецких подкреплений. Под угрозой окружения Румянцев решил отступить обратно за Дунай.

Нельзя не признать, что в данном военном предприятии русским командованием и в первую очередь самим Румянцевым не было проявлено должной энергии и настойчивости. Бросается в глаза, что в реляции от 30 июня 1773 г. (док. № 333) он так подробно описывает наступление на Силистрию, бой на подступах к ней и отход обратно за Дунай, как он это никогда не делал в отношении какого-либо другого военного мероприятия. В этом донесении явно чувствуется стремление автора обосновать невыполнение требований Екатерины II о развертывании широкого наступления на столицу Турции.

Отход русской армии на левый берег Дуная ободрил турецкое командование, которое предприняло успешное наступление в западной части Валахии. Впрочем, в дальнейшем их действия против Журжева и Гирсова были неудачны. В бою у Гирсова 3 сентября 1773 г. русские войска под командованием А. В. Суворова одержали крупную победу.

Правящие круги царской России не учли создавшегося положения и, все более боясь роста народного движения, стали вновь требовать от Румянцева ускорения боевых событий на фронте.

Ход войны в сентябре — ноябре 1773 г. на Балканах составляет содержание документов VIII главы сборника. В них показывается, как при должном умении вполне возможны были част-

ные победы над турками даже при самых тяжелых условиях. Примером этого является разгром противника под Карасу, который не был полностью использован, поскольку наступление отряда Унгерна на Варну организовано было крайне неумело и кончилось отступлением русских войск. Впрочем, Румянцев, по-видимому, и не предполагал развивать в ту осень наступление большого масштаба, так как перечисленные выше действия имели целью, как и в предшествующие два года, лишь обезопасить зимние квартиры русской армии от нападения турецких войск.

Чрезвычайно важным документом для характеристики обстановки, сложившейся к концу кампании 1773 г., и выявления планов Румянцева на будущее является реляция Румянцева от 28 ноября 1773 г. (док. № 348). Отметив здесь все трудности, с которыми русской армии пришлось встретиться, он указывает на целесообразность «в будущую кампанию перенестись с армиею за Дунай и там производить военные операции лутче по состоянию дел и положению неприятельскому, сохраня от проницания публики сие намерение, а в отвлечение внимания неприятельского разгласить здесь оборонительное, а не наступательное приготовление» (док. 348, стр. 688).

Эти слова Румянцева еще раз подтверждают, что он предпочитал наступление обороне. Если же в кампании 1773 г. он и не проявил максимально возможной активности, то это объяснялось ограниченностью боевых ресурсов, которые были предоставлены в его распоряжение. Необходимо отметить, что правительство в свою очередь с еще большей настойчивостью указывало Румянцеву, чтобы тот в будущей кампании 1774 г. обязательно добился выгодного для России мира. Излагая в письме от 6 декабря 1773 г. сложившуюся в стране обстановку, императрица стремилась скрыть серьезность восстания Пугачева, которое в это время было в полном разгаре.

«А что касается до башкирских замешательств около Оренбурга, — сообщала она, — о которых, может статься, до вас слух дошел, то по наряду, отселе сделанному, надеяться можно, что вскоре желаемый вид возьмет и все в прежнее состояние придет» (док. № 349, стр. 695). Эта уверенность не могла быть искренней, так как в начале декабря в Петербурге уже было известно о тяжелых поражениях отрядов Кара около Юзеевой и Чернышева под Оренбургом.

В дальнейшем восстание Пугачева, несомненно, сильно повлияло на ход войны. Для подавления крестьянского движения нужны были войска, а перебросить большое количество с фронта к Волге можно было лишь после заключения мира с турками. Это обстоятельство вынуждало правящий класс России возможно скорее закончить войну. П. А. Румянцеву и было поручено добиться окончания войны, что он и сделал в короткий срок, обнаружив большой полководческий и дипломатический талант.

Для достижения победоносного мира в одну кампанию Румянцеву предстояло провести большие военно-политические мероприятия, которые прежде всего заключались в организации решающего наступления за Дунай. В феврале 1774 г. он получил от Военной коллегии точный расчет сил, которыми он сможет располагать в летней кампании этого года (док. № 352). Сам план наступления был принят еще раньше.

Разногласия между правительством и Румянцевым были лишь в сроке реализации указанного плана, так как Екатерина II предлагала начать наступление немедленно, воспользовавшись ожидавшейся со смертью султана смутой, а Румянцев настаивал на отсрочке наступления до полного укомплектования частей и прекращения весенней распутицы (док. № 353). Мнение Румянцева восторжествовало, и 8 апреля 1774 г. он доносил в Петербург, что сосредоточение войск у Браилова намечено им на 7 мая, так как «ранее сего нельзя было никак в нынешний год вывести в поле войски по неимению нигде подножного корму» (док. № 357, стр. 716).

В апреле этого же года Россией были сделаны новые попытки договориться с султаном, но успеха они не имели. Анализ публикуемых здесь мартовских и майских документов Румянцева позволяет установить, что в кампанию 1774 г. он намеревался воевать несравненно более активно, чем в предыдущем году. Теперь его армия была доукомплектована свежими силами, а пополнение предыдущего года прошло хорошую школу боевого опыта. Это позволяло ввести в наступление основные силы действующей армии во главе с Румянцевым и добиться таких побед, которые обеспечили бы заключение приемлемого для России мира.

Наиболее ответственную роль в этом наступлении должны были играть войска А. В. Суворова и Н. М. Каменского, которым было дано задание — наступая через Бабадаг, перерезать коммуникацию турецкой армии Силистрия — Шумла.

Далее военные и политические события на Балканах развертывались чрезвычайно успешно для русских войск. Отряд Н. М. Каменского разбил турок под Базарджиком и захватил этот город. Отряд П. И. Салтыкова переправился через Дунай у Туртукая, в то время как основные силы Румянцева форсировали реку у Гуробала. Наконец, 10 июня А. В. Суворов нанес тяжелое поражение туркам у Козлуджи и по прямому указанию П. А. Румянцева развил быстрое наступление в направлении Шумлы. Эта последняя победа была одержана в очень трудных условиях, и Румянцев в реляции от 14 июня 1774 г. дал весьма высокую оценку военному искусству победителей, их смелости и решительности (док. № 376).

Победа у Козлуджи вызвала тревогу у турок, и визирь Мухсин-Заде-Мехмед паша предложил снова начать мирные переговоры. Военные действия прекратились. Июльские документы

1774 г., помещенные в последней главе сборника, вновь показывают Румянцева как дипломата. Для характеристики этой его деятельности особую ценность представляет реляция от 17 июля 1774 г. (док. № 386).

Длительная война была завершена выгодным для России Кючук-Кайнарджийским миром, который, фиксируя превосходство русских вооруженных сил над турецкими, являлся переломным моментом во взаимоотношениях России с Турцией. Борьба между этими государствами в последующем не раз приводила к войнам, но каждая из них показывала возрастающую мощь России и увеличивающийся упадок военно-феодальной Оттоманской империи. Условия данного мира положительно сказались на политическом и экономическом положении России, повысив ее престиж, укрепив южные границы государства и обеспечив экономическое развитие украинских областей. Румянцев, добившись мира, сорвал замыслы западных дипломатов, пытавшихся свести на нет успехи русского оружия.

В войне 1768—1774 гг. Румянцев проявил себя не только как практик, успешно решающий конкретные тактические задачи на поле боя, но и как талантливый новатор — теоретик военного дела. Прежде всего необходимо указать на данное им еще в начале этой войны определение сущности военного искусства полководца. «Ремесло наше, — писал он, — свои имеет правила, во многих случаях неопределенные, без положения и точности, зависимые токмо от предрассуждений полководцев. А все, что искусство военное во основание своим мероположениям приемлет, состоит в одном том, чтобы держать всегда в виду главную причину войны, знать, что было полезно и вредно в подобных случаях в прошедших временах, совокупно положению места и сопряженные с тем выгоды и трудности, размеряя противных предприятия по себе, какое бы могли мы сделать употребление, будучи на их месте» (док. № 34, стр. 64).

Из вышесказанного видно, что Румянцев не допускал в военном искусстве какого-либо шаблона, в то время как шаблон был характерной особенностью тактики и стратегии западноевропейского военного искусства. Вместо строгого соблюдения линейного боевого порядка, действий по коммуникациям противника и осады крепостей как главного объекта военных действий талантливый русский полководец широко применяет на поле боя каре и рассыпной строй, стремится в первую очередь к разгрому живой силы противника, базирует свои действия на трезвом учете конкретной обстановки и опыте предыдущих войн.

В условиях войны с турками и татарами с их почти постоянным численным превосходством над русскими войсками Румянцев правильно оценивал, какое громадное значение для достижения победы имеет захват инициативы.

В реляции Екатерине II от 15 марта 1771 г. он пишет: «Я не возьму смелости делать тут объяснение о войне наступательной

и оборонительной... Полководец, ведущий свои действия по правилам первой, в предмете имеет один главный пункт и к оному течет со всем устремлением, поелику одолением оного опровергает все другие, от того зависящие. Но в оборонительной войне нельзя взять предмет такого равновесия, ибо тут на все части потребны и силы и внимание по подверженню оных попыткам неприятельским» (док. № 208, стр. 429). Анализ всех успешных боевых действий Румянцева в войне 1768—1774 гг. показывает, что «устремление к главному пункту» являлось одним из важнейших факторов достижения победы на Ларге, Кагуле и т. д.

Румянцев всегда обращал внимание своих подчиненных на то, какое значение имеет смелость и внезапность действий войск. «Военные дела, — указывает Румянцев Штофельну, — нередко доказывали, что не все то невозможно, что невозможным по всему кажется и для того великое искусство присвоили себе те генералы, которые во всех частях так дела свои основывали, что противоборствующие им и в самых тайных своих намерениях встречали себе вдруг препоны или заграждения» (док. № 97, стр. 186).

Нельзя не констатировать, например, что в бою при Козлудже Суворов, несомненно, действовал в полном соответствии с указанными установками Румянцева. Бой в лесистой местности при трехкратном превосходстве сил противника явно противоречил традициям западноевропейского военного искусства XVIII в. Победа здесь явилась в значительной степени результатом необычности действий русского войска.

Захват территории враждебного государства и ее жесточайшее разорение были характерными особенностями войн XVIII в. Ограбление и физическое истребление мирного населения являлись неотъемлемыми сторонами деятельности наемных армий той эпохи. На такой же точке зрения стояли и многие принятые на русскую службу немецкие генералы, например, Штофельн, Веймарн и другие.

Как указывалось выше, Румянцев не считал оккупацию территории противника фактором большой стратегической значимости, а что касается разорения мирного населения, то он резко отрицательно относился к подобному способу ведения военных действий. «Не предвижу, — сообщал он Екатерине II, — однакож, я ни пользы, ни славы, когда только сожжен город, хотя до основания... поелику чрез то неприятель не оскудевает ни в силах, ни в храбрости своей, как равномерно и город не терпит в рассуждении военного своего состояния. А напротив истребление города все выгоды с собой уничтожить должно, для которых мы оный приобретать старались или считали необходимым» (док. № 113 а, стр. 221).

Подобные взгляды не раз отмечались в указаниях Румянцева еще в период Семилетней войны, строго придерживался он их и при борьбе с турками и татарами. В свою очередь заботли-

вое отношение к мирным жителям в значительной мере разрешало проблему снабжения русских войск продовольствием и фуражом за счет местных ресурсов, тогда как, например, для Миниха неуменье обеспечить свои войска питанием зачастую было причиной для отступления и отказа от выполнения намеченного плана.

Непосредственно перед началом военных действий Румянцев писал в декабре 1768 г. З. Г. Чернышеву, что, по его мнению, в Заднепровье провиантские магазины «не трудно там приготовить, потому что все жители, единоверные нам, весьма нашей стороне преклонны и они бы с радостью подавали пропитание нашим войскам, нежели теперь снедает их жестокость удручений помещичьих имений, которые (помещики) с ними поступают, как лютые тираны» (док. № 27, стр. 47).

Признавая несомненную целесообразность перехода к обороне в случае надобности на отдельных участках театра военных действий, в определенные периоды войны, Румянцев дает теоретическое обоснование методов проведения оборонительных мероприятий.

«Война оборонительная предприемлема быть должна двумя образы: 1-й к тому способ, когда можно избрать одно такое место, где можно, укрепившись, остановить стремление противных: 2-й, ежели в силах покрыть воинством и защитить всю пространность границ своих... но последнее всегда мне невозможным кажется» (док. № 3, стр. 8). Данные высказывания позволяют заключить, что Румянцев, признавая реальные выгоды обороны в тактике, считал сомнительным успех ее применения в стратегии. Такой вывод, очевидно, и привел Румянцева к отказу от кордонной системы, что отмечалось выше.

Необходимо, наконец, отметить правильное определение Румянцевым роли различных родов войск. Как известно, в турецкой армии конница в 3—5 раз превосходила по численности пехоту. Это в свою очередь вызывало и у турок стремление усилить конницу за счет пехоты. Румянцев победами при Ларге и Кагуле убедительно доказал решающую роль пехоты в сражении. «Пехота,— писал он Н. И. Панину в феврале 1769 г.,— самое твердое основание в воинстве... А у меня ее столь мало, что теряет уже свою пропорцию против других легких войск, мне назначенных» (док. № 39, стр. 71). Вся последующая боевая деятельность Румянцева в войне 1768—1774 гг. наглядно доказывала, что пехота не должна страшиться подвижности и многочисленности вражеской кавалерии и может победить последнюю при поддержке собственной, хотя бы и малочисленной конницы.

Победа в войне 1768—1774 гг. и заключение Кючук-Кайнарджийского мира являются блестящим доказательством военного и дипломатического таланта Румянцева. В этой войне, а особенно в кампаниях 1770 и 1774 гг., он, следуя заветам

Петра I, сумел блестяще показать, каких результатов можно добиться смелыми, решительными наступательными действиями, проводимыми на основе верной оценки обстановки и правильного взаимодействия войск.

* * *

Во введении к I тому сборника «П. А. Румянцев» был дан краткий очерк о военной деятельности выдающегося русского полководца. Теперь необходимо подытожить значение его деятельности за время войны 1768—1774 гг., т. е. за тот период, когда военное искусство Румянцева проявилось в высшей степени. Передовой характер его действий особенно заметен при сравнении с боевой практикой русской армии в войну 1735—1739 гг. В этой войне русские войска имели некоторые определенные тактические успехи в борьбе с турками, но грубые стратегические ошибки Миниха сводили их на нет.

Заслуга Румянцева в войне 1768—1774 гг. в первую очередь состояла в том, что он повел военные действия своей армии по совершенно новым путям. Если Миних во главу угла ставил захват и разорение территории, принадлежащей противнику, а также борьбу за крепости, то Румянцев самым важным считал полный разгром в бою живой силы врага.

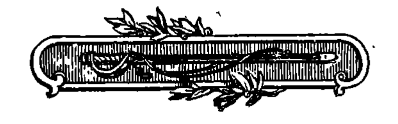
Учтя явный авантюризм походов в Крым Миниха в 1736 г. и Ласси в 1737 г., Румянцев признавал целесообразным продвижение вглубь вражеской страны только в том случае, если это не было связано с бесполезными потерями людей и позволяло рассчитывать на прочное закрепление отвоеванной территории.

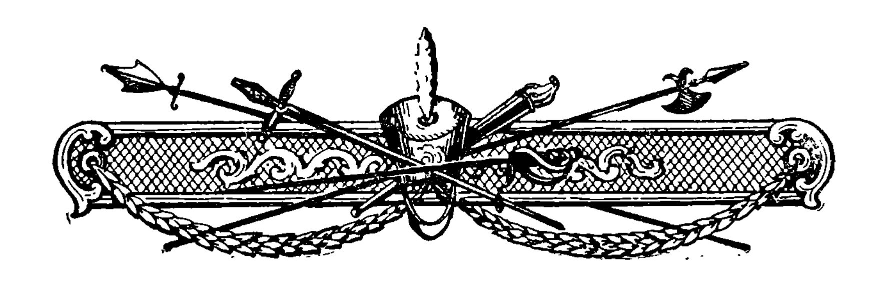
Для XVI—XVIII вв. характерны продолжительные войны. Во времена Румянцева это считалось нормальным явлением. Победитель при Ларге и Кагуле впервые показал новые пути быстрого развертывания военных событий.

Новаторство Румянцева в тактике нашло отражение в войне 1768—1774 гг., в умелом ведении то стремительных, то осторожных наступательных действий в зависимости от конкретной окружающей обстановки. Что касается обороны, то здесь он дал новые методы активной организации последней, сочетаемой с короткими, но быстрыми ударами сосредоточенных сил по войскам противника.

Тактика и стратегия Румянцева в войне 1768—1774 гг. были той основой, на которой развивалось, поднимаясь на новую, более высокую ступень, русское военное искусство Суворова и Кутузова.

Полковник П. Фортунатов





ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Второй том сборника «П. А. Румянцев» включает документы, характеризующие наиболее яркий период полководческой деятельности Румянцева — его участие в русско-турецкой войне 1768—1774 годов. Победы, достигнутые русской армией в русско-турецкой войне 1768—1774 годов под личным командованием П. А. Румянцева, вошли в историю как блестящие образцы русского военного искусства и стали гордостью русской военной истории.

Второй том сборника разделен на девять глав, в соответствии с основными хронологическими этапами деятельности Румянцева в русско-турецкой войне.

Первая глава (сентябрь 1768 — май 1769 года) освещает вопрос формирования 2-й армии, главнокомандующим которой был назначен Румянцев, действия армии по укреплению южных границ и подготовке России к войне с Турцией.

Довольно полно представлена вторая глава, посвященная действиям 2-й армии в мае — сентябре 1769 года.

Третья глава освещает полководческую деятельность Румянцева в период подготовки к кампании 1770 года (сентябрь 1769 — март 1770 года). В эту главу включено наставление Румянцева по обучению и воспитанию войск, названное им «Обряд службы».

Четвертая глава состоит из документов, освещающих наступательные действия 1-й армии в апреле — ноябре 1770 года. В эту главу включены документы по подготовке и проведению боевых действий русских войск при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле.

Основное содержание пятой главы составляют документы о подготовке и проведении кампании 1771 г. (декабрь 1770— ноябрь 1771 года).

Шестая глава характеризует расположение армии на зимних квартирах, а также военно-дипломатическую деятельность

П. А. Румянцева в период заключения перемирия и в русско-турецких мирных переговорах (ноябрь 1772 — март 1773 года).

Седьмая глава посвящена разведывательным действиям русской армии на Дунае (март — сентябрь 1773 года). В эту главу входят документы по подготовке и переправе главных сил первой армии через Дунай, диспозиция П. А. Румянцева, данная для этой переправы, действия против Силистрии и обратная переправа русской армии на левый берег Дуная.

Восьмая глава сборника освещает осеннюю наступательную кампанию 1-й армии за Дунаем (сентябрь — ноябрь 1773 года). Это самая маленькая глава в сборнике, содержащая всего 7 документов.

Девятая глава содержит документы о подготовке к кампании 1774 года, о наступлении Румянцева за Дунай и заключении Кючук-Кайнарджийского мирного договора (декабрь 1773— июль 1774 года). В эту главу включен один документ более позднего периода — рескрипт Екатерины II Румянцеву о назначении последнего командующим всей кавалерией русской армии.

Документы внутри глав и во всем сборнике расположены в хронологическом порядке. В сборник включены, в основном, только документы, исходящие от Румянцева.

Так как научная целесообразность требовала осветить основные этапы полководческой деятельности П. А. Румянцева в русско-турецкой войне 1768—1774 годов, то многие документы, не относящиеся к этому вопросу, как то: хозяйственная переписка, документы о войне с польскими конфедератами и др., в сборник не включены.

В настоящую публикацию главным образом вошли реляции Румянцева Екатерине II о ходе боевых действий 2-й, а потом 1-й армий, о состоянии русских войск, их обучении и воспитании, реляции со сведениями о противнике, ордера подчиненным частям и командующим по вопросам управления войсками, приведению их в состояние боевой готовности, осуществлению отдельных боевых операций; диспозиции, планы и наставления для отдельных боевых действий и обучения войск; расписания армий; ведомости о штатном и наличном составе войск; письма Румянцева Панину, Голицыну, переписка с верховным визирем Турции, русскими дипломатическими представителями и т. п. Из входящих документов в сборнике публикуются лишь рескрипты Екатерины II Румянцеву и указы Военной Коллегии.

Большую часть публикуемых документов составляют подлинники. Значительная часть документов публикуется из журналов исходящих бумаг Румянцева, в которые текст документов записывался полностью. Документы из этих журналов составителями рассматриваются как копии.

Основная масса документов сборника публикуется впервые. Часть документов, помещенная в сборнике, была уже опубликована в отдельных периодических изданиях XIX века, а также

в сборнике «Фельдмаршал Румянцев», изданном Центральным Государственным военно-историческим архивом в 1947 году, в приложениях к книге А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1768—1774 гг.» и в ряде других изданий.

Необходимо отметить, что публикаций, которые более или менее полно освещают боевую деятельность П. А. Румянцева в русско-турецкой войне, в периодических изданиях XIX века имеется значительное количество. К таким изданиям относятся сборники: «Чтения в обществе истории и древностей Российских», в которых за 1865—1866 годы публиковались документы военно-походной канцелярии П. А. Румянцева, ряд документов П. А. Румянцева публиковался в журналах «Русского Исторического общества», в «Северном Архиве» и т. п., но все они останавливались лишь на отдельных сторонах боевой деятельности Румянцева за этот период.

Настоящая публикация отличается от всех предшествующих тем, что в ней в соответствии с требованиями военно-исторической науки дана научная подборка документов, довольно полно освещающих полководческое мастерство и военное искусство одного из крупнейших русских полководцев. Документы, сохранившиеся в архивном фонде и публикуемые во втором томе сборника «П. А. Румянцев», показывают самостоятельность русского военного искусства, его передовой характер, проявившиеся в русско-турецкую войну 1768—1774 годов в новых формах использования отдельных родов оружия, в новых боевых порядках, в обучении и воспитании войск. Публикуемые документы подтверждают лживость утверждений ряда историков Западной Европы и русской дворянско-буржуазной историографии о несамостоятельности и зависимости от Запада русской военной науки и военного искусства.

Если тот или иной документ был уже опубликован, то об этом указывается в легенде. Основная масса документов, публикуемых в сборнике, хранится в Центральном Государственном военно-историческом архиве СССР (ЦГВИА) в фондах: Военно-Ученого Архива (ВУА), Румянцева-Задунайского (ф. 44), Потемкина-Таврического (ф. 52), Секретной экспедиции Военной Коллегии (ф. 20), Аракчеева (ф. 341). Небольшая часть документов, главным образом рескрипты Екатерины II П. А. Румянцеву, взяты из Центрального Государственного архива Древних Актов (ЦГАДА), из фондов Румянцева-Задунайского и фондов б. Государственного архива (разряды XVIII). Несколько документов — из Отдела рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Архива внешней политики России (Архив ВПР МИД СССР, ф. Сношения России с Турцией) и из Исторического архива г. Харькова.

Помимо документов, публикуемых по подлинникам или копиям, хранящимся в архивах, в сборник включено несколько

документов, опубликованных ранее в печатных изданиях; эти документы в архивах не найдены, а поэтому взяты из печатных источников.

К сборнику приложено 9 карт и схем, которые воспроизведены с подлинников того времени.

В тех случаях, когда в тексте документов упоминаются приложения или другие документы, не публикуемые в сборнике, в подстрочных примечаниях указывается их место хранения, а в ряде случаев отмечается «не публикуется».

Заголовки к документам даны составителями, за исключением тех документов, в которых сохранены заголовки оригиналов, что оговорено в подстрочных примечаниях.

Все даты указаны по старому стилю.

Разновидности документов установлены на основании содержания документа, формальных признаков, присущих той или иной разновидности, а также особенностей документации XVIII века.

Обращения в официальных документах и заключительные слова или фразы выпущены.

Ряд документов в целях сокращения объема сборника печатается не полностью. В тех случаях, когда документ публикуется частично, в заголовке отмечается «из...», а все пропуски в тексте обозначаются отточиями.

Наименование чинов и должностных лиц, неоднократно упоминаемых в сборнике, полностью раскрывается только при первом упоминании, а также в случае изменения их чина или должности в период, охватываемый сборником. В остальных случаях, в целях сокращения заголовков, воспроизводятся только фамилия и инициалы.

Текст документов печатается по новой орфографии и пунктуации, но стиль и характерные особенности языка эпохи, специфические особенности в написании отдельных слов сохранены. Транскрипция географических названий, имен и фамилий дается согласно документам, несмотря на разночтения. Слова или части слов, а также исправления, восстановленные пропуски и недописки, внесенные в текст при археографической обработке документа, взяты в прямые скобки. Реальные примечания к документам даны составителями.

В легендах документов (ссылках на источники) указано место хранения документа, которое включает в себя сокращенное название архива, название или номер фонда, номер описи, дела и листа в деле; здесь же отмечено, является ли документ подлинником, копией, черновиком и т. п., и дана ссылка на наличие предшествующей публикации документа, если он ранее был опубликован.

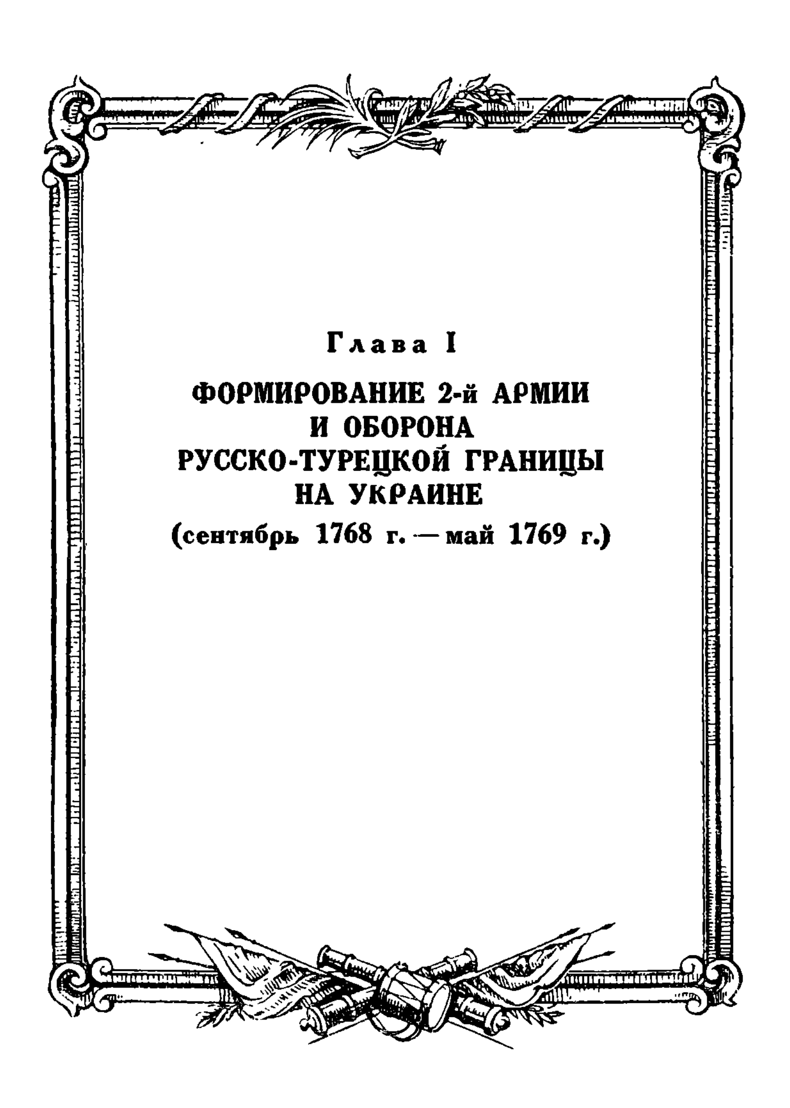
К сборнику приложены: терминологический словарь, предметно-тематический указатель, указатель имен, указатель географических наименований, а также перечень документов, опуб-

ликованных в сборнике. В именном и географическом указателях даны все разночтения имен и географических названий, встречающихся в тексте документов. В терминологический словарь включены вышедшие из употребления или редко встречающиеся русские и иностранные слова, специальные термины и выражения.

Сборник составлен и подготовлен к печати старшим научным сотрудником Центрального Государственного военно-исторического архива СССР Е. П. ВОРОНИНЫМ.

Консультант подполковник А. Н. КОЧЕТКОВ.

Руководство по подготовке сборника к печати осуществляли начальник Центрального Государственного военно-исторического архива СССР подполковник Н. П. ШЛЯПНИКОВ и начальник Научно-публикаторского отдела Центрального Государственного военно-исторического архива СССР майор Х. И. МУРАТОВ.

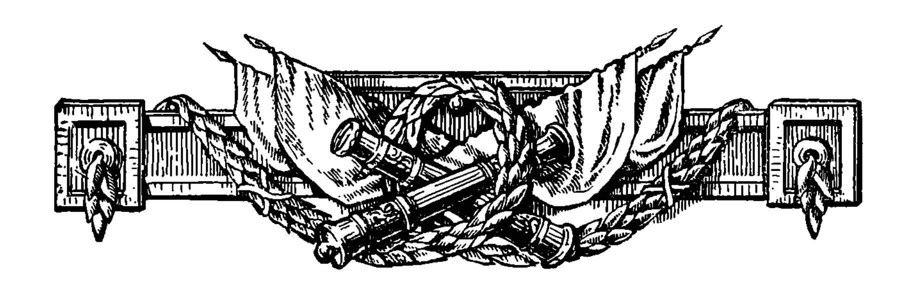


Глава I

ФОРМИРОВАНИЕ 2-й АРМИИ И ОБОРОНА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ГРАНИЦЫ НА УКРАИНЕ

(сентябрь 1768 г. — май 1769 г.)

1 496



№ 1

1768 г. сентября 24. — РАПОРТ ГЕНЕРАЛ-АНШЕФА П. А. РУМЯНЦЕВА В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ О СОСРЕДОТОЧЕНИИ ТУРЕЦКО-ТАТАРСКИХ ВОЙСК ВБЛИЗИ ЮЖНЫХ ГРАНИЦ РОССИИ И ПЛАНЕ АКТИВНОЙ ОБОРОНЫ ПОГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ

№ 922 *Глухов*

Доходящие ко мне известия от господина генерала-губернатора киевского Воейкова и командующего в Польше генерала-майора князя Прозоровского, в согласном повторении о явном уже во многих местах собрании турецких и татарских войск, в образе ополчения, вблизи границ наших в неоткрытом еще намерении вводят меня, наконец, по примечанию на расположение сих многочисленных сил от хотений в Бендерах и Яссах и по воображению в том всех видов в заключение не сомнительное, что намерение сего собранного войска к тому непременно клонится, чтоб препятствовать нашим военным действиям в Польше по возбуждению некоторых конфедератов. Часть же довольная воинства, приведенная к Очакову, я уповаю, что определена или в подкрепление в Польше своих сил, или чтоб покушением в другой стороне на наших границах при их восприятии сделать нам диверсию. Худоумным моим примечанием я, так понимая состояние сих дел из должности, на мне лежащей [1],

---

[1] В 1764 году П. А. Румянцев был назначен президентом вновь образованной Малороссийской коллегии и генерал-губернатором Малороссии (Украины). Пребывая на этом посту вплоть до начала русско-турецкой войны 1768—1774 гг., П. А. Румянцев уделял большое внимание обороне южной границы России. Эта граница шла по ровной и открытой местности огромного степного пространства, так называемого «Дикого поля», и была плохо укреплена. Так называемая «укрепленная украинская линия» состояла из незначительных полевых укреплений и единственной незакон-

предварительно донесть о том Государственной военной коллегии не упускаю, как и то представить, что при сих обстоятельствах требует от меня помянутый господин генерал-губернатор Воейков, чтоб я часть, в моей команде состоящих полков, в подкрепление форпостов ввел неприметным образом в Елисаветградскую провинцию, на что согласиться собою отнюдь мне воспрещает совершенное знание той страны, которую я сам с примечанием объехал. Пространство и дикость оныя гораздо требуют превосходнейших сил, нежели все здешние, к защищению ее. В ровной и открытой степи, где ничего того нет, что по искусству военному в укрепление себе употребить бы можно, не только частица войска, но и нарочитой корпус не может противостоять силам многочисленным, которыми окружают со всех сторон открытые дороги. Я не смею посему отважиться на такову попытку, которая в неудачном случае подвергла бы меня ответу за употребление в худо доверенности, которую ношу, чтоб в виде укрепления пограничного оставить в неминуемую жертву противников часть войск, заведя их в те места, где никаких способов не в состоянии взять будут к своей обороне, тем меньше по отдаленности от других ожидать себе подкрепления; во всей оной Елисаветградской пространной и дикой провинции нет никакого пристанища, которое бы надежное нам подавало укрепление или удержать могло стремления противных. Словом, вся та дикая степь такой натуры, что охранение ее превосходит всякие возможности, и предприятия бы, к тому с малым числом войск употребленные, послужили бы только в преуспеяние противных. Ведав все сии неудобности, я осмеливаюсь слабым разумением судить по оным, что ежели прямое дошло бы иметь нам в той стороне военное действие, то не укреплением форпостов, как господин генерал Воейков мнит, которые в открытом поле не заграждают всех дорог, паче легко ополченным всадникам и коих самое положение меньше всего надежно; ниже тщетным упованием на тамошнюю крепость, которая по худому местоположению и неприведению еще к окончанию столь же к защите неудобна, а хотя бы и окончена была, то она всегда осталась бы в блокаде, как удаленная от всякой коммуникации. Но надлежит с умножением военных сил встретить прежде нападения на наши границы своего противника, и, таким образом отразив его, за собою оставить всякую безопасность. Во основание сему моему мнению привожу опыты прошедшей турецкой войны, в которой, когда наши армии действовали наступательно,

---

ченной строительством крепости св. Елизаветы и совершенно не прикрывала границы от набегов турок и татар.

Румянцеву неоднократно, в том числе и в настоящем рапорте, приходилось доказывать правительству невыгоду и невозможность обороны границы путем кордонного размещения постов и вооруженных сил.

Радикальным способом обороны границы Румянцев считал наступательные действия против начавших концентрироваться на границе турецких войск.

то сии места прикрыты были в надежной безопасности, а когда и две армии приходили внутрь своих границ, тогда известно, что в силу только река Днепр везде прополоненная была удержательною преградою набегов стремящихся, которые и тут малое в одном месте просмотрение употребили за вред многой нам[1]. Так и теперь, ежели необходимость вооружить нас должна против сих соседей, то наступательные действия полезнее для той страны будут, а буде устроивать себя к обороне, то готовиться к тому, конечно, не место во всех тех диких степях, которые, восприяв защищать, нельзя не подвергнуть себя всекрайней опасности.

Яко Государственная военная коллегия совершенно в сем случае известна о высочайших соизволениях ее императорского величества, то поелику положение вышеписанное наших соседей превосходит меру отражения следствиями, позволенными моей власти, я за необходимость счел отправить в оную с сим нарочного куриера, прося себе на такой случай по благорассмотрению повеления, докладывая, что здешних всех войск, паче недавно сделанных и слабых еще солдат, совсем недостаточно к прямому ополчению будет против многочисленных сил наступателей, так как и артиллерии полевой, кроме полковых пушек, здесь не имеется, а по известиям и в Киеве оной нет же, то к начатию дела завременно в том снабдение нужно. Я, содержа до днесь полки в обоих лагерях и выводя теперь оные по случившейся здесь не во время еще стуже в кантонир-квартиры, расположу оные так, чтоб толь скоро хотя в Польшу или же в стороне других соседей подать ими помощь было возможно, коль близко где видима будет прямая опасность.

Осталось упомянуть о поселенном народе в Елисаветградской провинции, которого господин генерал Воейков насчитывает до семидесяти пяти тысяч, что все сии жители при первой противной буре разлетятся во все стороны подобием, как и во время прежнее бывало. Они к своему жительству мало еще прилепляются и во многом образом кочующих живут. Я имею достоверные известия, что при малой и пустой тревоге всегда из лучших их старшин все свои пожитки переправляют за Днепр, и так ежели подъять оружие следует, то по изготовленному уже плану завременно оных перевесть в другие места, первая надобность, чтоб не оставить их в корысть непременную противным. На все сие ожидаю решительного в резолюцию указа, поднося при сем расписание в коих местах расположены будут полки на кантонир-квартиры.

Генерал г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 223, д. 11, л. 52—53 об. Подлинник.

---

[1] Имеется в виду русско-турецкая война 1735—1739 гг., в которой принимал участие отец Румянцева генерал А. И. Румянцев.

При возвращении армий Миниха и Ласси на зимние квартиры на Украину набеги татар возобновлялись.

1768 г. сентября 24 — „РАСПИСАНИЕ, В КОТОРЫХ МЕСТАХ ПО ДНЕПРУ УКРАИНСКОЙ ДИВИЗИИ ПОЛКИ РАСПОЛОЖЕНЫ НА КАНТОНИР-КВАРТИРЫ“ [1]

Звание полков		Местечка, где штаб квартиры
Борисоглебской драгунской.		В Переяславле.
Ростовской	карабинерные.	В Пещаной.
Ямбургской	карабинерные.	В Бубнове.
Старооскольской	пехотные.	В Домонтове.
Белевской	пехотные.	В Золотоноше.
Ря[ж]ской	пехотные.	В Ирклееве.
Елецкой	пехотные.	В Еремеевке.
Курской	пехотные.	В Чигрин Дуброве.
Брянской	пехотные.	В Городище.
Орловской	пехотные.	В Власовке.
Тамбовской	пехотные.	В Голтве.
Севской	пехотные.	В Кобеляках.
Псковской	карабинерные.	В Потоке.
Пермской	карабинерные.	В Келеберде.
Изюмской гусарской.		В Кишенте и Орлике.

Петр г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 223, д. 11, л. 54. Подлинник.

№ 2

1768 г. октября 5. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Е. А. ЩЕРБИНИНУ О ЗАЩИТЕ ЮЖНОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ЛИНИИ

Лагерь под Полтавой

Сообщенные вашему превосходительству от генерала-майора фон Штофельна ведомости о пограничных происхождениях, которые вы от 30 числа истекшего месяца мне приложили, до сего уже были мне известны, я на оные сказать другого не могу, как что суть больше простые рассказы, по коим достоверных заключений делать неудобно. [В] местах же, где предосторожность требует укрепления, как вы объявляете, от крепости святаго Петра до города Изюма должны прикрывать, ежели есть команды слободских гусарских полков, а от толь до Бахмута Бахмутского полку казаки, поселенные гусары Екатерининской провинции, а далее к Луганской станицы Донские казаки; а как

[1] Заголовок подлинника.

сии все места по своему положению в Новороссийской губернии принадлежат ведомству господина генерал-аншефа и киевского генерал-губернатора Федора Матвеевича Воейкова и он притом мне сообщал, что он уже на случай предосторожности сделал от себя распоряжения к восприятию воинских мер, так ваше превосходительство не изволите ли по тому отписать к нему на разрешение сообщенные мне обстоятельства, о чем и я к нему писал, а я в протчем честь имею верить, что есмь и пребывать буду с моим совершенным почтением вашего превосходительства государя моего покорным слугою.

Г. Румянцов

Филиал ЦГИА УССР в г. Харькове, ф. 401, д. 39, л. 2. Копия.

№ 3

1768 г. октября 8. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА КИЕВСКОМУ И НОВОРОССИЙСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ Ф. М. ВОЕЙКОВУ О ПРИСЫЛКЕ СВЕДЕНИЙ О РАСПОЛОЖЕНИИ ВОЙСК ДЛЯ ОБОРОНЫ ЮЖНЫХ ГРАНИЦ И ПЛАНЕ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ ТУРЦИИ

Лагерь под Полтавой

Вашему высокопревосходительству угодно было, в ответ на мое сообщение от 5-го сего месяца, сослаться на прежние свои уведомления от 19-го и 6-го чисел истекшего сентября[1]. Но того месяца в 19-й день вы меня осведомляли о заграничных обстоятельствах[2], а в 3-м сказали только, что от вас дан ордер г-ну генерал-майору и кавалеру Исакову все форпосты неприметным образом войсками приумножить и всем Новороссийской губернии полкам быть во всякой военной исправности, так как и кошевому атаману.

Сии, однакож, осведомления не могут удовольствовать моего последнего у вас прошения, которое о том идет, чтобы ваше высокопревосходительство не оставили дать мне знать объяснительно, как и где расположили вы части войск команды своей, и какую на оных в намерении своем полагаете оборону, ибо хотя я о некоторых из оных по крепостной команде получаю ра-

---

[1] Сообщение П. А. Румянцева и уведомления Ф. М. Воейкова не обнаружены.

[2] Упоминаемые здесь «заграничные обстоятельства» — осложнения взаимоотношений России с Турцией, приведшие в этом же году к русско-турецкой войне 1768—1774 гг.

порты, но оные показуют только число больных и здоровых, а прямого и на сей час нужного сведения о состоянии и расположении тамошних полков и поселенного воинства, кроме от вашего высокопревосходительства, ни откуда больше узнать мне не остается, потому наипаче, что вы, милостивый государь мой, почтили меня требованием моего совета, к чему их употребить. И сей совет столь вынуждает от меня ваше благосклонное взыскание, сколько и самая должность генерально о целости границ, на меня возложенных. Хотя я себя всегда меньше считаю, нежели бы мог, преподавать советы командиру, благоразумия и просвещения преисполненному, но из одной дружеской взаимности скажу вашему высокопревосходительству мои мнения.

Война оборонительная предприемлема быть должна двома образы: 1-й к тому способ, когда можно избрать одно такое место, где можно, укрепившись, остановить стремление противных; 2-й, ежели в силах покрыть воинством и защитить всю пространность границ своих, в тех местах, где вы считаете больше семидесяти тысяч поселенного народа. Но последнее всегда мне невозможным кажется, и я, однако, повиновался бы предначертаниям вашего высокопревосходительства, когда бы вы, по своему умению, к тому открыли мне дорогу возможности. Посему повторяю просить уведомления на случай о ваших специально распоряжениях, и в коем намерении оные предприняты, долженствуя по получении того со всеблагодарением споспешествовать моим признанием.

Г-н генерал-майор фон Штофельн, имевши в своем ведомстве по одной линии только форпосты, не объемлет с тем других никаких распоряжений, которые от вас зависимы в рассуждении поселенных там войск. Напоследок имею честь просить ваше высокопревосходительство известить меня, какие действия в соседях произвела, как я думаю, выполненная уже экзекуция над разбойниками[1], и на какой их обстоятельства после того мере, как вы имеете всю способность о сем наведаться. А я должен сказать, что наступившая суровая погода заставляет непременно дать уже покой, нужный полкам, держимым еще в лагерях, которые поднесь стесняются из предосторожности, чтоб иногда покушению противных изготовить скорое отражение.

Тем воспользоваться хочу обыкновенным моим удовольствием уверить о моем непременном высокопочитании, с которым пребыть честь имею.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1. Архив военно-походной канцелярии Румянцева, ч. 1, стр. 65—67.

---

[1] Имеются в виду действия русских войск под командованием генерал-майора Кречетникова против гайдамаков.

№ 4

1768 г. октября 11. — УКАЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ П. А. РУМЯНЦЕВУ О РАСПОЛОЖЕНИИ ВОЙСК НА ВРЕМЕННЫХ КВАРТИРАХ И О МЕРАХ В СЛУЧАЕ ВОЗМОЖНОГО НАПАДЕНИЯ ТУРОК И ТАТАР

№ 261

Присланной в Военную коллегию чрез нарочного офицера рапорт ваш от 24-го минувшего месяца[1] представлен был ее императорскому величеству и во исполнение высочайшего ее величества соизволения Коллегия следующее вам в ответ объявить имеет.

Хотя по полученным здесь известиям беспокойствии около наших границ еще и поныне продолжаются, но сии известии однакож не подтверждают того, чтоб собранное в разных местах как турецкое, так и татарское войско, действительно в таком намерении в те места введено было, чтоб вооруженною рукою на наши границы напасть и явным противу войск наших действием препятствовать нашим в Польше операциям или чтоб в другой стороне наших границ какое предприятие сделать; тем не меньше Коллегия во всем согласна с благоразумными вашими на всякой случай к безопасности границ предпринятыми мерами и с учиненным по тому войскам вашим на кантонир-квартиры расписанием, приложенным при том вашем в Коллегию рапорте, а ко всему тому еще присовокупить находит.

Из помянутого при рапорте вашем приложенного расписания усматривается, что хотя дистанция, по которой вы войска, под командою вашею состоящие, на кантонир-квартиры расположить назначили довольно пространна, как то оной в рассуждении надобности к защищению и способности на все те случаи, которые вы справедливо предусматриваете, иначе и быть неможно, но между тем некоторая часть сих войск будет расположена весьма тесно, так что опасаться надлежит, чтоб полки от такой тесноты несколько не претерпели. Для соблюдения их не худо бы было, естли б вы квартиры сей утесненной[2] части войск ваших хотя поротно некоторым образом пораспространили и тем бы, освобождая их от тесноты, сделали б сии кантонир-квартиры сколько возможно спокойными зимними квартирами. Правда, что при положении настоящих теперь обстоятельств не надлежит из виду упущать принятые уже вами для всех слу-

[1] См. документ № 1.

[2] «Утеснения» в расположении войск были следствием отказа П. А Румянцева от системы кордонной обороны, бесполезной в условиях украинских степей, и перехода к более целесообразному дислоцированию армии на зимних квартирах сосредоточенными группами.

чаев на особливом вашем в воинском деле искусстве основанные предосторожности, но естли вы, будучи тамо на месте, по получаемым вами почти из первых рук, следственно и верным известиям усмотрите, что обстоятельства несколько переменятся и что уже в дальней осторожности нужды не будет, то необходимо надобно хотя несколько полков на непременные их квартиры отпустить, а особливо те, которые к оным ближайшими находятся.

Естли же напротиву того вы по тем вами получаемым известиям усмотрите, или же и отсюда вам знать дано будет, что замешательствы с стороны ваших границ прибавляются, в таком случае Коллегия не только несумненную на вас надежду полагает, как то она по сим вашим распоряжениям и действительно уже видит, что в предосторожности в храбром супротивлении и встречи противной стороны ничего упущено не будет, но сверх того и то оставлено не будет, чтоб находящиеся в Польше войска наши не только силу вашу знатно приумножили, но и предприятиям вашим хорошею подпорою быть в состоянии нашлись, а естли нужда того требовать будет, то, конечно, войски ваши и отсюда достаточно подкрепятся; вы предварительно от виц-президента оной Коллегии уже уведомлены о приготовлении квартир для оставшихся Севской дивизии полков, а в таком случае они первые, которые к вам присланы будут.

В расписании ваших кантонир-квартир ничего не упомянуто об Острогожском гусарском полку, а как и оной уже теперь, конечно, в свои квартиры прибыл, то имеете вы и сей полк по рассмотрению вашему ныне ж, естли надобно, к себе взять.

Артиллерии у вас теперь в самом деле весьма мало, но Коллегия не оставила уже и в том такие меры принять, чтоб вы в ней отнюдь никакого недостатку не имели, а вследствие того господину генерал-фельдцейхмейстеру указом уже знать дано, чтоб он в Киеве пятнадцать орудиев с двойным числом надлежащих зарядов и с принадлежащими к ним артиллерийскими служителями в такой готовности и исправности содержал, чтобы оные по первому получаемому от вас повелению тотчас выступить и туда следовать могли, куда от вас повелено будет.

Когда ж бы оной по обстоятельствам еще и более востребовалось, то от Коллегии по тому ж такое распоряжение сделано будет, что в потребном числе сколько можно без потеряния времени доставится туда, где в ней нужда окажется.

Справедливо вы в рапорте своем о Елисаветградской провинции упоминаете, что охранить ее от набегов неприятельских по открытому ее со всем и степному положению весьма трудно, и что ежели б прямое дошло иметь нам в той стороне военное действие, то во оной устроевать себя к обороне, конечно, не место, но со всем тем не надлежит ее оставить вовсе без защищения и на произволение первым покушениям противной стороны, а особливо там находящиеся мало укрепленные места

определенными в них гарнизонами, но паче должно стараться мужественно и с храбростию все грозящее ей от набегов разорение отвращать и содержать ее доколе можно в безопасности. Пространного и со всех сторон открытого поля от многочисленного легкого войска всемерно всего закрыть и защитить неможно, но имея какие бы то ни было крепости к своему убежищу всегда способно обыкновенные тамошнему народу набеги воспрещать и их поставить в некоторое противу себя почтение; сего ради и не оставите вы с своей стороны помянутые места сколько по рассмотрению вашему возможно будет подкрепить, а господину генерал-аншефу и киевскому генерал-губернатору Воейкову от Коллегии знать дано, чтоб он, как находящимся в сей провинции гусарским и пикинерным полкам, так и особливо состоящим в крепости святые Елисаветы трем гарнизонным баталионам наиприлежнейше подтвердил, чтоб они содержали себя во всякой воинской исправности и к обороне и супротивлению также и отвращению сих набегов в ежечасной готовности, а в баталионах бы для того и людей из всех отлучек собрать и приумножить.

В протчем же получите вы вскоре полное повеление о комплектовании рекрутами полков вашей дивизии, по которому вы и в состоянии будете оные полки во всем в полном числе людей увидеть. Военная коллегия рекомендует притом приложить всевозможное к тому старание, чтоб оные и всем протчим, что им потребно, таким образом снабдены и в такую исправность приведены были, чтоб ничто уже предприятии ваши удерживать или остановлять не могло, одним словом, чтоб они в таком совершенном состоянии находились, какого только от известного вашего к службе усердия надеяться и ожидать должно.

ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 223, д. 11, л. 55—59 об. Копия.

№ 5

1768 г. октября 17. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О КОНЦЕНТРАЦИИ ТУРЕЦКО-ТАТАРСКИХ ВОЙСК НА ГРАНИЦЕ РОССИИ, НЕИЗБЕЖНОСТИ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ И О ПРИНЯТЫХ МЕРАХ ПО ЗАГОТОВЛЕНИЮ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Глухов

От дня в день получаемые известия о движениях Оттоманской Порты примечанию моему не оставляют сомнения, чтоб оные не к тому приготовлялись, дабы в Польше воспрепятствовать успехам оружия вашего императорского величества[1] или

[1] Речь идет о военных действиях русских войск против польских конфедератов.

сделать каковы покушения на здешные границы державы вашего величества.

Последнее уведомление, что мне сообщено от киевского генерала-губернатора Воейкова из письма к нему пребывающего в Константинополе вашего императорского величества тайного советника Обрезкова, прямо уже гласит, что собрание на границах многочисленных татарских и других войск, запасение магазейнов и распоряжения при самом султанском дворе являют вид намереваемой против областей вашего императорского величества непременной войны.

Обстоятельства сии, понудив меня к восприятию мер предосторожности, в сих случаях потребной, в соответствие званию, которое ношу в пограничной стороне, вверенной своею безопасностию моему предохранению по воли вашего императорского величества, заставили потому несколько теперь в сих местах прибавить магазейнов над штатное Провиантского департамента положение в рассуждении, что, ежели бы высочайшее соизволение вашего императорского величества воспоследовало противные намерения, о коих совершеннее, конечно, соизволите знать, опровергнуть силою оружия, то бы посредством сего тогда можно было везде одержать верх, не имевши нигде нужды в содержании войск...

Граф *Румянцов*

Резолюция Екатерины II: «Написать письмо в ответ, что я опробую его распоряжении о заготовлении в сем письме означенном провианта и что впрочем ссылаюсь на новые распоряжении Военной коллегии. А сие письмо отправить с завтрашном куриером Военной коллегии».

ЦГАДА, фонд 6. Гос. архива, разряд XIII, д. 76, л. 15. Подлинник. Опубл. с редакционными изменениями в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1, ч. 1, стр. 69—70 и в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947 г., стр. 134—135.

№ 6

1768 г. октября 17. — ДОКЛАД П. А. РУМЯНЦЕВА В СЕНАТ О НЕОБХОДИМОСТИ РЕОРГАНИЗАЦИИ МАЛОРОССИЙСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В СВЯЗИ С УГРОЗОЙ ВОЙНЫ

При настоящих обстоятельствах, когда здешней страны соседи пограничной покой начали тревожить собранием многочисленного своего воинства, я, по возложенной на меня должности, сделать по мере того распоряжения в войсках моей команды, признал нужным велеть всем полкам Малороссийских казаков, под видом моего осмотру военной их исправности, приготовить к движению вперед.

Представляя при сем случае Правительствующему Сенату на высокое рассмотрение, как в полках Малороссийских, так и составляющих оные сотнях, числу казаков нет пропорции, ниже равномерности, но в ином три, две и по одной тысячи состоит, а в Полтавском, по отходе из оного четырнадцати сотен под Новороссийскую губернию, в остальных при нем пяти сотнях имеется только 378 казаков, а старшин полковых и сотенных везде по равному числу, и от того происходит, что у иного старшины со излишеством пространная команда, а другой весьма скудную имеет. И хотя здешних казаков без других постановлений нельзя учинить способными к прямой полевой службе, можно однакож в них некоторый завести порядок, военным людям потребный, и для нынешнего времени всенужный, когда угодно будет Правительствующему Сенату повелеть разобрать их во всяком полку и сотнях по равному числу, в составление учрежденного им числа двадцати тысячей старшинам и рядовым, годным показать образ службы и вооружение.

Сие сколь легко учинить можно, толь от времени и нечувствительно возрастет их мужество и порядок, коль и употребляемы быть могут в помощь защищения, паче нужного теперь сим областям..

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1. Архив военно-походной канцелярии Румянцева, ч. 1, стр. 71—72.

№ 7

1768 г. октября 17. — РАПОРТ П. А. РУМЯНЦЕВА В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ О ЗАГОТОВКЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И ФУРАЖА НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ

№ 1008

В 10-й день сего месяца, получа я от господина генерала-аншефа, киевского генерала-губернатора и кавалера Воейкова сообщение, что пребывающий в Константинополе тайный советник и кавалер Обресков уведомляет его от 4-го числа истекшего сентября, яко выведенные на границы татарские и другие во многочисленности войски, приготовлечия великих магазейнов и распоряжения при самом султанском дворе являют бессомнительные следствия намереваемой против нас войны[1], за нужно нашел повелеть господину генерал-провиантмейстеру-лейтенанту Колтовскому, который репортовал меня, что по издержании в расход приготобленного провианта по моему еще с начала при-

[1] В 1768 г. дипломатические отношения России с Турцией стали чрезвычайно напряженными и фактически уже были прерваны 25 сентября.

бытия сюда предписанию, от 765-го года на линию в Кременчуке и Переволочной, хотя де состоявшимся в 766 году апреля 6-го числа о Провиантском департаменте штатом положено иметь в запас в Переволочной муки пятнадцать тысяч с пропорциею круп, овса двенадцать тысяч пятьсот тридцать одну, в Кременчуге муки тринадцать тысяч восемьсот двадцать девять с пропорциею круп, овса двенадцать тысяч пятьсот тридцать четвертей, но как на тот запасной денег ни откуда в отпуске не было, а притом и указами из главной провиантской канцелярии велено ему приготовлять провиант во всех местах по числу расхода, то потому и заготовления запасному провианту ныне в объявленных местах не состоит, в самой скорости по умеренным нынешним ценам в Переволочной и Кременчуке муки, круп и овса заготовить толиким числом, как по вышеписанному штатному положению Провиантского департамента в тех местах в запас иметь повелено, а сверх того еще учредить три магазейна в Переяславле, Лубнах и Харькове и в оных запастись провиантом и овсом равною же пропорциею против вышеобъявленного положения.

Сии заготовления, как тогда не будут излишни, ниже в трату казне, ежелиб обстоятельства, наводящие опасность, успокоились, потому что запас сей сойдет по временам на здешние полки, так в случае военных крайностей мы чрез то выграть много можем, когда все силы здешние безостановочно в состоянии будем во все места ввесть и содержать, а теперь беспокойной и необузданной народ, каковы орды татарские, в многочисленном собрании пребывающие близ наших границ, заставляют одним своим положением кроме протчего ко всякой против них предосторожности. О чем Государственной военной коллегии рапортую, прося о вышеписанном дать знать и Главной провиантской канцелярии.

Генерал г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 223, д. 11, л. 134—134 об. Подлинник.

№ 8

1768 г. октября 17. — РАПОРТ П. А. РУМЯНЦЕВА В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ О СОСТОЯНИИ КАВАЛЕРИЙСКИХ И ПЕХОТНЫХ ПОЛКОВ И НЕПРИГОДНОСТИ ИМЕЮЩИХСЯ У НИХ РУЖЕЙ

№ 1009

В окончании прошедшего сентября случившаяся в сих местах необыкновенная стужа заставила, что я велел было полки расположить при обоих лагерях в околичных поселениях, но возвратившиесь потом ясные и теплые дни польстили продолже-

нием по здешнему климату еще погоды. Посему я, отправившись к Полтавскому лагерю в первых числах сего месяца, как только туда доехал, то наступившей нестерпимый осенний и приближенной зиме холод в силу дозволил осмотреть в тамошнем лагере всякой полк порознь в экзерциции и эволюциях.

О качестве здешних полков по собственному моему теперь испытанию доложить Военной коллегии могу, что первенство пред всеми тут кавалерийскими без сомнения имеет Изюмской гусарской, в котором люди прямо научены службе, лошади хорошие, выключая только немногих употребленных из комплекту прежних казацких; Борисоглебской драгунской, хотя имеет людей весьма хороших и выученных, как надобно, но лошади так в оном стары и дурны, что действовать не могут и при экзерциции не только чтоб к полевой службе были способны; я для сего велел сему полку покупать из ремонтной, и которая имеется в оном суммы лутчих лошадей и прошу Государственной военной коллегии на исправление сего полку лутчими лошадьми определить сумму по усмотрению. Карабинерные: в Ямбургском люди и лошади хороши, Псковской из долговременного стояния в раздроблении по форпостам утратил много исправности, однакож надеяться можно на тщание полковника князя Багратиона, что вскоре лутчий в нем порядок устроится и оный так, как Ростовской и Пермской имеют из худых лошадей, но люди частью престарелые и малорослые в оных и все они не имеют еще лутчей исправности; из пехотных сама справедливость оставляет похвалу Староскольскому и Севскому, которые я нашел в совершенстве всякого порядка. По них можно предпочесть другим исправностью Орловской, Ряжской, Белиовской и Брянской, а и протчие, хотя не в лутчем состоянии я их видел, теперь однакож из показаний и познания ожидать можно, что достигнут всякой исправности.

О ружье во всех пехотных полках собственным опытом я удостоверился, что окое к употреблению действительному негодно вовсе. Я видевши при экзерцициях, что многие солдаты из оных палить не могли, взыскивал за сие на командирах, которые мне извинялись, что солдаты истощевают последний свой достаток на исправление всечасное оных, но тщетно, ибо пособить в порче неудобь исправной отнюдь не можно и для того о снабдении здешние полки сим первейшим военных людей орудием, паче во время, когда их готовить к прямому ополчению, Государственной военной коллегии взношу на рассмотрение.

Планы маневров, деланных от меня при Переяславле полками в лагере бывшими, а господином генерал-порутчиком и кавалером фон Ессеном при Полтаве, я в скорости имею прислать.

Генерал г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 223, д. 11, л. 136—136 об. Подлинник.

№ 9

1768 г. октября 17. — РАПОРТ П. А. РУМЯНЦЕВА В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ О РАСПОЛОЖЕНИИ ЧАСТЕЙ АРМИИ НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ

№ 1010 *Глухов*

Еще не имевши себе резолюции на представление мое от 24 прошедшего сентября, с нарочным куриером в оную Государственную коллегию отправленное[1], где я докладывал мои примечания касательно до положения наших границ и соседних нам держав, присовокупя к тому росписание, в которых местах, по обстоятельствам того требующим, полки моей дивизии расположены будут по Днепру кантонир-квартирами, долженствую сим отрепортовать о последованиях с того времени.

Известия последние так, как и первые, одно же гласят о положении соседей с прибавлением токмо от времени о числе вновь присовокупляющихся их войск. Я в 9-й день сего месяца, будучи при Полтаве и видев, что безвременная перемена погоды на чувствительную стужу не дозволяла больше продолжать лагеров и уже требовала дать войскам нужные выгоды, повелел господам генералам-порутчикам фон Эссену и фон Далке все полки из лагеров ввесть в кантонир-квартиры и расположить в тех именно местах, где которому в росписании, представленном от меня Военной коллегии, стоять назначено, кроме Курского пехотного, которому занять квартиру велел я теперь вместо Чигирин Дубровы в Новых Водолагах.

Сим генерал-порутчикам предписал я фон Эссену в Полтаве, а фон Далке в Переславле иметь свои квартиры, а бригадным командирам, взявши оные при своих бригадах, смотреть, чтоб солдаты не терпели недостатку в потребном для себя снабдении, ибо от меня повелено для закупки в первом случае провианта и фуража держать суммы, при полках имеющиеся, и в прибавок оным отпустить еще предложил к генерал-провиантмейстеру-лейтенанту Колтовскому. При выступлении из лагеря снабжен всяк командир повелением, дабы при таком доставляемом полкам успокоении не оставлять однакож надобных предосторожностей воинских, чтоб были они на всякой час в таком положении и приготовности, дабы при получении первого повеления тотчас выступить могли, куда бы указано, и для того иметь им при себе всегда в запасе на полмесяца провианта в сухарях.

Оставленным от всякого полку командам в непременных их квартирах еще я дозволил пребывать на своих местах, но в таком порядке, чтоб и оные готовы были при повелении соединиться с своими полками. Напоследок дал я секретно знать

---

[1] См. документ № 1.

обоим генералам-порутчикам, что, хотя все предварительные случаи ограничить мероположениями неудобно, однакож бы ведая они, что нынешное расположение полков по Днепру кантонир-квартирами сделано в предосторожность от опасности соседних нам держав, так польской, где остатки конфедератов против войск наших злоумышляют, яко и турецкой, чтоб собранных их войск близ наших границ противостоять иногда покушениям на открытые наших пределов места, недреманным оком смотрели на сии положения, чтоб всякое движение прямо противное готовы были предупредить и встретить силами вверенных им войск; и как фланги и команды их расположены, то есть фон Эссена против турецкой, а фон Далке противу польской стороны, то для сего повелел я господину генералу-майору Штофельну извещать первому всегда о восприятиях противных, которые им примечены будут [1], и когда бы и сей по таким обстоятельствам потребовал команды в подкрепление своей, немедленно вспоможение в том ему доставлять, а последнему блюсти наипаче, чтоб в скорости доставить из сих полков подкрепление, когда б того востребовали заграничные в Польше над нашими войсками командиры, которых в таком случае требования исполнял бы, не описываясь ко мне, о чем я отписал и к командующему корпусом в Польше господину генералу-майору князю Прозоровскому. Господину же генералу-майору фон Штофельну повелел я соблюдать предосторожности сии по настоящим движениям собранных турецких войск, прилежное бдение иметь о содержании форпостных команд во всяком приготовлении к ополчению и потому расположить в крепостях команды по обширности и положению крепостей и так, чтоб они в случае нужном одни другим скорую могли подавать помощь. Не только между своими форпостами объезжать командам, но и впереди линии пристойным образом учредить разъезды для узнания всяких против себя движений и, ежели бы увидел он заподлинно каковы на граници покушения, того часа требовал бы, как выше сказано, от помянутого генерала-порутчика и кавалера фон Эссена подкрепления, имеючи при том и Курской полк, поставленный в Новых Водолагах, в своих распоряжениях. По сему времени велел я, под видом моего осмотру, в какой военной исправности находятся малороссийские казаки, приготовить также и их к движению во всех полках.

В окончании сего представления о расположениях, сделанных от меня по лучшему моему разумению, нахожусь в необходимости опять повторить прошение в Военную коллегию о получении повелительного наставления, как я должен поступать в рассуждении отдаленной и открытой Елисаветградской провинции, ежелиб на оную стремились противных силы. Поелику теперь

---

[1] Войска генерал-майора Штофельна по существу несли пограничную службу и могли раньше других знать о передвижениях турецкой армии.

и господин генерал-аншеф и киевский генерал-губернатор Воейков требует также, чтоб я ему подал совет, что ему чинить там с малыми частями в его команде состоящих войск. А меня уже непрестанно беспокоит и положение Козловского полку, который я один по требованиям его, как известно Государственной коллегии из прежних моих репортов, оставил в крепости святые Елисаветы, чтоб дальное расстояние и тамошнее открытое поле не лишили иногда способов отсюду доставить ему помощь, как собой невозможно ему составить там никакой обороны. А воспоследованиям сим ежели быть, то, я думаю, ожидать их следует или при покрытии льдом рек или когда они вскроются и когда сии войски собранные, действуя бы уже, показали крайности или хотя непременно в опасном для нас положении долее останутся, то я намерен взять и себе квартиру поближе к тем местам.

Генерал г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 223, д. 11, л. 137—138 об. Подлинник.

№ 10

1768 г. октября 29. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Е. А. ЩЕРБИНИНУ ОБ ОТКОМАНДИРОВАНИИ 20-го ОСТРОГОЖСКОГО ГУСАРСКОГО ПОЛКА К КРЕПОСТИ АЛЕКСЕЕВСКОЙ

Глухов

Высокородный и превосходительный господин генерал-майор, лейб-гвардии майор и кавалер, государь мой.

Восприятые вашим превосходительством предосторожности по поводу пограничных обстоятельств в своей губернии, которые нахожу в сообщении вашем от 25 числа сего месяца, кажут мне довольное искусство вашего благоразумия и прозорливости. Я, оставляя их в своем достоинстве, присовокуплю только вашему превосходительству, елико надлежит 20-го Острогожского гусарского полку, что я имею от Государственной военной коллегии повеления употребить оной по моему рассмотрению к укреплению границ, и так не могу обойтиться, не потребовав теперь, чтоб ваше превосходительство приказали тотчас сему Острогожскому полку следовать к крепости Алексеевской, возвратив и два эскадрона оного, командированные от вас к Изюму, а туда прибыв, отрапортовать генерал-майора фон Штофельна, которому дал я ордер, как сей полк там расположить, для чего оному и находиться в его команде. Команды, расположенные по линии так, как и протчие войски вблизи оных, без сомнения, примечание соблюдут касательно до безопасности

провинции Изюмской, а в прикрытие сверх того тех мест вступят и расположатся вскоре по моему ордеру между Изюмом и Бахмутом три тысячи донских казаков. О чем уведомив ваше превосходительство, имею честь остаться с моим навсегда почтением вашего превосходительства, государя моего, покорным слугою.

Г[раф] *Румянцов*

Филиал ЦГИА УССР в г. Харькове, ф. 401, д. 39, л. 166. Копия.

№ 11

1768 г. октября 31.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА КОШЕВОМУ АТАМАНУ ЗАПОРОЖСКОГО ВОЙСКА КАЛНИШЕВСКОМУ О ПРИВЕДЕНИИ КАЗАКОВ В СОСТОЯНИЕ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ В СВЯЗИ С ТАТАРСКИМИ НАБЕГАМИ

Дошедшие ко мне ваши рапорты о причиненных наглостях и обидах казакам запорожским от татарских орд, за которые их начальство, по требованиям вашим, не чинят никакого обидимым удовольства, так как и с других сторон приходящие известия в рассуждении собранных турецких на границах войск, подтверждают о сомнительном к нам доброжелательстве Оттоманской Порты, по поводу чего нахожу я всенужным предварить вас повелением, чтоб вы, в виду своем имея татарских орд и других турецких войск собрания необыкновенные, недреманным наблюдением восследовали всем их обращениям, и приметив наипаче их движения в опасность нашу, уведомляли бы тотчас о том близ командующих генералов, чтоб все вредные на границы наши попытки успеть встретить рукой защиты, в чем меня обнадеживают известное благополучие и усердие к службе ее императорского величества. Также к безопасности моей по близкому наших мест положению к турецким границам и для подания в опасном иногда случае помощи рекомендую вам, г. кошевой атаман, все войско свое устроить, по настоящим обстоятельствам в военный порядок тотчас, чтоб готовы вы были к внезапному ополчению, яко и выступить того ж времени, куда бы вам повелено было.

В предосторожность, однакож, вашу сказую, что распоряжения от нас чинятся во взаимность только по воззрению на действия турецкие, а с их стороны, при всех нынешних волнениях не кажется еще никакого неприятельского явного против нас поступка, или разрыва продолжающего мирного с нами союза. Почему вы, готовыми будучи всегда к ополчению, сохраните в том наибольшую строгость, чтобы не подать с своей стороны дей-

ствиями нападения на их войска, или другими огорчениями причины к прямому вооружению, каковы начинания под всяким видом вам накрепко запрещаются.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1. Архив военно-походной канцелярии Румянцева, ч. 1, стр. 78—79.

№ 12

1768 г. ноября 4. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ВОЗВРАЩЕНИИ РУССКИХ ПОДДАННЫХ ИЗ КРЫМА И МЕРОПРИЯТИЯХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ЮЖНОЙ ГРАНИЦЫ

Сечи запорожской кошевой атаман Калнишевский от 19 истекшего октября при своем рапорте прислал мне копию с письма от перекопского каймакана, при котором с начала прошедшего лета вышедшие в Крым запорожские казаки и другие промышленники и в Перекопе было задержанные, с их пожитками при нарочных провожатых до Сечи препровождены. В сем письме помянутый каймакан Сагиб Ага дал кошевому знать, что султан турецкий препоручил Крымское ханство Крым-Гирей хану, где был до сего ханом Селим-Гирей, и от последнего имеет он повеление теперь российское купечество и солевозов казаков, определя к ним для безопасности от нагайцев конвой, провесть даже до границы и на сей стороне благополучно вручить кошевому, требуя, чтобы таковым же образом и кошевой их людей в границы возвратил, упоминая тут же, что пребывающие во внутренних крымских городах купцы и казаки, когда поисправят свои надобности, равномерно с Перекопа при конвое отправлены будут, обнадеживает также, что до вступления в ханское владетельство Крым-Гирея, что̀ причинено нагайцами нашей стороне обид и убытков, за все то уготовано удовольство̀, которое принять требует от кошевого присылки нарочного. Сей поступок совсем обыкновенный народам, которые в обстоятельствах с ними, подобных нынешним, оказывали прежде всего варварство находящимся в их руках, приносит нам опыт или перемены их нравов, или же сущего раскаяния о восприятиях своих, противо нас начатых скоропостижно и нерассудительно. Я об оном донесть вашему императорскому величеству толь же нужным признал, как и о том, что я не перестаю по всей возможности приводить в надежную безопасность границы, мне вверенные, державы вашего императорского величества, от стороны сих соседей, по поводу паче последнего из Константинополя известия, о котором я через нарочного курьера всеподданейшую мою от 2-го числа отправил реляцию. Вблизи и по самой линии расположенные войска, где уповать должно начальных покушений,

преградой будут довольной движению наступательному противных; но степь открытая и пространная Елисаветградской провинции упражняет меня наибольше, что по неудобствам самым натуральным трудно к защищению там укрепиться. Я, однакож, не выпускаю из примечания всех случаев, способствующих безопасности в той отдаленной стране и хотя в нынешнее время не можно б уже чаять, чтоб с их стороны поведены неприятельские действия, но я все воинские предосторожности употребил не только к тому, но и в охранение от набегов подобных прежним орд татарских, которые могут сии легкие толпы учинить и зимой. Когда я помянутые обе стороны считая, по расположению противных войск, требующими сильного укрепления, имею себе в предмете, то при обстоятельствах дел польских, которые теперь с описуемыми мной сопрягаются, признал я надобным от 18 числа прошедшего октября отписать к полномочному послу вашего императорского величества, пребывающему в Варшаве, князю Репнину, чтоб он находящимися войсками вашего величества в Польше так располагал, чтоб оные могли иметь себе в случае опасном от здешних сил подкрепление, и особливо прошу Государственной военной коллегии по рассмотрению преднаписать способы к сообщению в том нам взаимному, чтоб я согласно всю предосторожность вел так, как и командующие там генералы. Оная Государственная коллегия в указе от 11 октября мне предлагала, что при опасности умножающейся оставлено не будет, чтоб находящиеся ныне в Польше войска наши не только силу моей команды приумножили, но и предприятиям моим хорошей подпорой быть в состоянии нашлись, а в случ^е нужном подкрепят меня достаточные и отголь войска. Теперь приблизилось до той крайности, что вся важность лежит на благовременном с нашей стороны к военным действиям приготовлении, и весьма близко к тому, чтоб оказывать из того употребления во устрашение злонамеренным. Следственно сама оная Коллегия признает, сколько нужно мне получить план постановления решительного в нынешнем против Оттоманской Порты случае, и какие с Польши, или с России полки в помощь мне определяются, дабы я мог расположить, где их употреблять, и которые места оставить к хранению нынешней моей команде, которую теперь принужден я раздроблять к прикрытию всего пространства границ, и из коей еще господин генерал-майор, киевский обер-комендант Елчанинов, требует довольного числа для стражи колодников в Киев, несмотря, что тысяча солдат из моих полков для того там находится сверх артиллерийского там же состоящего полка. По обстоятельствам умножающейся на границах опасности я предложил господину генерал-поручику и кавалеру Племянникову с четырьмя полками его дивизии следовать к линии, назначив ему квартиры в Харьковском и Изюмском Слободских полках до дальшего повеления, а самому генерал-поручику в Харькове.

Вашему императорскому величеству представив всеподданейше все, что я предприемлю из должности моей и верного усердия к соблюдению высочайших интересов вашего величества, ожидать имею на дальшие и решительные положения всевысочайшего себе повеления.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1. Архив военно-походной канцелярии Румянцева, ч. 1, стр. 80—82.

№ 13

1768 г. ноября 5. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ МАГАЗИНАХ И О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО КОМАНДУЮЩИМ 2-й АРМИЕЙ

С.-Петербург

Граф Петр Александрович

На реляцию вашу от 17 октября[1] сим ответствую, что я распоряжение ваше о прибавлении провиантских магазинов сверх штатного положения весьма апробую, а впрочем ссылаюсь на новые распоряжения Военной коллегии, пребывая, как и всегда, вам доброжелательною.

Екатерина

P. S. Менее трех недель я освободилась помощию всевышнаго от прививной оспы. Новейшая весть есть, что я вас означила командиром второго корпуса[2] моей армии, а впрочем ссылаюсь на приказании, мною данные Военной коллегии.

ЦГАДА, ф. Румянцева-Задунайского, д. 34, л. 1. Подлинник. Собственноручная приписка Екатерины II. Опубл. в «Северном архиве», 1822 г., ч. 1, стр. 146.

№ 14

1768 г. ноября 7. — УКАЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ П. А. РУМЯНЦЕВУ О ПОРУЧЕНИИ ЕМУ СФОРМИРОВАТЬ АРМЕЙСКИЙ ЗАПАСНЫЙ ПОДВИЖНЫЙ МАГАЗИН

С.-Петербург

Хотя Военная коллегия о ревности и прилежности вашей к службе и что вы, господин генерал-аншеф и кавалер, многими распоряжениями и делами утруждены, довольно известно, но как данным ныне высочайшим ее императорского величества имен-

---

[1] См. документ № 5.

[2] Первоначально предполагалось иметь одну армию, разделенную на корпуса.

ным указом[1], с которого прилагается вам здесь копия Военной коллегии, знать дано, что как по образу предстоящей войны необходимо нужно при полках больше положенного десятидневного провианта иметь, то для того сходно с апробованным штатом в ландмилицких полках иметь при всех тех полках пехотных, кои назначены к собранию в Украине и в Польше к соединению с главною армиею, еще повозки для двенадцатидневного провианта, да сверх того, как потребно, чтоб и запасной подвижной за армиею магазин был, которого бы повозки служить могли и для подвоза к армии провианту из учрежденных магазинов, то и повелевается немедленное по тому учреждение сделать и на покупку вновь повозок и упряжи употребить из имеющейся при Военной коллегии чрезвычайной суммы. А к каждой фуре в погонщики на время только сей войны определить из Малороссийской губернии; жалованье же производить им по шести рублев в год и обыкновенной месячной провиант. То во исполнение сего высочайшего повеления, посланными из Военной коллегии во все те дивизии и корпусы, из которых полки в соединение к вам назначены, указами уже велено, чтоб каждой полковой командир на свой полк таковые фуры, какие в ландмилицких украинских полках, по апробованному стату под двенадцатидневной провиант в каждую роту по две, а каждая в четыре вола положены, на походе и с возможною поспешностию строили, употребя на то и на покупку волов деньги, из имеющихся в тех полках наличных, какой бы суммы ни было; а по прибытии их в назначенные им места подали б об издержанных на то деньгах счеты главнокомандующему генералитету, по которым оные в те полки из чрезвычайной суммы и возвращены будут. Погонщиков же к сим фурам употреблять до определения к ним из малороссиан своих полковых.

Но что принадлежит до запасного подвижного за армиею магазина, то Коллегия в необходимости себя видит отяготить тем вас, господина генерал-аншефа, поручая вам учреждение и построение всего сего подвижного магазина; а он состоять имеет из четырех тысяч шестисот шестьдесят семи фур, каждая в четыре вола. Как к закупке сих волов, так и к построению тех фур и ярмов остается совсем в соизволении вашего, кого вы к тому употребить заблагорассудите из генералов ли или из штап-офицеров; денег же на сих днях на то отправлено к вам будет из чрезвычайной при Коллегии находящейся суммы на первой случай семьдесят тысяч рублев, да и впредь, по получаемым от вас требованиям, отпускаема будет, а до получения оных употреблять вам из имеющихся при дивизии вашей наличных, каких бы то сумм ни было, с тем, что все оные вам из чрезвычайной возвращены будут.

---

[1] Указ Екатерины II не публикуется, его содержание приводится в данном документе.

Погонщиков, как к сему подвижному магазину, к каждой фуре по одному, а ко всем четыре тысячи шестьсот шестьдесят семь, да на каждых десять человек по одному запасному, итого четыреста шестьдесят семь, так и в назначенные к содержанию с главною армиею тридцать один пехотной полк в каждой по двадцати, а во всех шестьсот двадцать; всего же пять тысяч семьсот пятьдесят четыре человека. Не оставите вы вследствие прописанного выше высочайшего именного указа с Малороссийской губернии нарядить и как к подвижному сему магазину, так и в показанные полки в каждой по двадцати распределить приказать, которым на положенное вышепрописанным именным высочайшим указом жалованье и провиант, а на продовольствие волов против того, как в ландмилицких украинских полках им производится, деньги употреблять на счет чрезвычайной суммы таким образом, как выше уже писано.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1815, л. 140—141 об. Копия.

№ 15

1768 г. ноября 8.— РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О НАРУШЕНИИ МИРА ТУРЦИЕЙ И ОБОРОНЕ ЮЖНЫХ ГРАНИЦ И ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ НОВОРОССИЙСКОЙ ГУБЕРНИИ[1]

С.-Петербург

Вам известен уже вероломной поступок Порты Оттоманской в нарушении мира арестом резидента нашего Обрескова[2]. Теперь упражняемся мы в нужных по сему случаю распоряжениях и хотя вам от Военной коллегии прямо знать дано будет как о числе собираемых для войны войск, так и о местах, где оные на первой случай расположены быть имеют; но как между тем

---

[1] Новороссийской губернией именовалась степная область по обоим берегам Днепра, присоединенная к России по Белградскому миру с Турцией в 1739 г.

[2] 25 сентября русский резидент в Константинополе А. М. Обресков был вызван к великому визирю, где ему был предъявлен ультиматум: Россия должна немедленно вывести все свои войска из Польши и вообще не вмешиваться во внутренние дела Польши. Обресков заявил, что он не уполномочен принимать или отвергать ультиматумы, предъявляемые русскому правительству, что содержание ультиматума он доведет до сведения своего правительства. Но Турция не желала ждать ответа и использовала этот эпизод в качестве предлога для объявления войны. Обресков вместе с персоналом посольства был посажен в Семибашенный замок. 14 января 1769 г. начались военные действия между Россией и Турцией.

в течение настоящей еще зимы опасность быть может татарского набега в ближние наши границы, то в отвращение оной, а особливо в упреждение, чтоб турки и татары не возгордились какою-либо в том знатною удачею, восхотели мы и сами беспосредственно снабдить вас точными наставлениями, дабы вы с своей стороны к принятию нужных вопреки мер и осторожностей свободные руки иметь могли, согласно однакож с определенными от нас для переду видами.

Опасность главная может настоять для Новороссийской губернии, потому что она лежит в самой близости татарских жилищ и потому еще, что со всех сторон открыта. По сим обороны ее неудобствам не имеем мы, конечно, и намерения держаться при оной чрез всю войну, чего ради весною или летом, когда начнутся в других местах прямые военные действия, будут в рассуждении ее употреблены другие удобные средства к сокращению по возможности толь великого пространства нужной границам защиты, но до сего времяни настоят другие уважения. Слава и честь оружия нашего требуют, чтоб первые неприятелей покушения были, естьли только возможно, совсем бесплодны или бы по крайней мере нарушение целости границ наших они уже за чувствительную себе цену, а не инако одержать могли, дабы в противном случае турецкое невежество не вознеслось до крайней наглости и они б вдруг не удостоверились, что мы противу их стоять не можем. На сем основании повелеваем мы вам, снесясь с киевским генерал-губернатором, принять немедленно и согласно с ним по общему вашему усмотрению все нужные и достаточные меры к прикрытию чрез зиму всех наших вообще границ, а особливо Новороссийской губернии, яко такой части, коею неприятель лехче овладеть может; но при всем том сии самые меры относительно к сей губернии долженствуют зависеть от первого над всеми уважения, чтоб военные силы не были ослаблены к обороне внутренних границ и к будущим весною военным действиям, под которыми после новое распоряжение о новороссийских селениях удобно произведено быть может.

От испытанного вашего усердия и благоразумия несумненно ожидаем мы, что вы ничего не упустите к лутчему согласованию сих различных уважений и к лутчему потому исполнению повеления нашего, чем вы, конечно, и нам и отечеству знаменитую услугу окажете. И пребываем вам впрочем императорскою нашею милостию благосклонны.

Екатерина

ЦГАДА, ф. Румянцева-Задунайского, д. 35, л. 1—2. Подлинник.

№ 16

1768 г. ноября 10. — ИЗ ПИСЬМА П. А. РУМЯНЦЕВА Н. И. ПАНИНУ О ВОЗОБНОВЛЕНИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ В АРМИИ РОГАТОК[1]

Милостивый государь мой, граф Никита Иванович

...Я имел нужду отправить сего курьера в Военную коллегию с рапортом моим по материалам военным, мне неизвестен будет и вашему сиятельству. Вы, милостивый государь, и, конечно, многие подивятся, что я между прочим представляю о возобновлении рогаток, во употреблении бывших в армии во все прежние турецкие войны. Я сам хотя признаю, следуя мыслям искусных генералов, что оные лишняя для солдат тягость и больше делают забот, чем пользы, но как я не служил в турецкие кампании, а находившиеся в оных все за первую и надежную их считают ограду, то иногда в случае неудачей, чтоб не быть подвергнуту нареканиям за неупотребление по общему мнению полезного способу, я в таком рассуждении доклад делаю Военной коллегии.

Оставшись впрочем навсегда с достодолжным почтением и непоколебимой преданностью.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1. Архив военно-походной канцелярии Румянцева, ч. 1, стр 85.

№ 17

1768 г. ноября 19. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НЕОБХОДИМОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НА КАЗАЧЕСТВО ВОЕННЫХ ЗАКОНОВ И ВВЕДЕНИЯ В КАЗАЧЬИХ ВОЙСКАХ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ПОРЯДКА

От 3-го ноября удостоившись получить всевысочайшее вашего императорского величества повеление, чтобы по настоящим обстоятельствам учредить равенство и положение числа людей в полках казацких малороссийских, возводя их до всей свойственной сему войску способности и дисциплины, я сам познаю, сколько при нынешнем положении устроение сие было бы полезно и нужно, но, к сожалению, не остается в теперешнем вре-

---

[1] Рогатки были введены в русской армии Минихом в 1736 году в качестве оборонительного средства против турецко-татарской конницы. Рогатки составлялись из брусьев с крючьями и рогаточных копий, устанавливающихся на брусьях. Рогаточное оборудование представляло тяжелый груз, сковывало подвижность армии и требовало огромного обоза для перевозки.

Рапорт Румянцева в Военную коллегию свидетельствует о том, что некоторые русские генералы были решительными противниками рогаток.

В ходе войны Румянцев решительно упразднил рогатки в своей армии,

мени отнюдь средства удобного повелеваемое действительно исполнить; потому что большая часть выбранных к службе казаков употреблены в разные самонужные раскомандирования, по невозможности регулярными войсками, здесь находящимися, всего исправить и закрыть пространства границ, о коих нарядах подношу именную ведомость[1]. А то, что я, в сходство высочайшего вашего императорского величества повеления, предпринять в сем случае могу, состоит единственно, что приступил заставить исправить им себя по их обычаю военным прибором, в котором они весьма бедны, чтоб по времени, когда можно сменить их от командирования, составили они свои полки и готовы были к походу. Так как Военная коллегия, в силу вашего императорского величества данного оной высочайшего именного повеления, мне предложила, разделить только одни полки их и оные уравномерить числом людей, и сколько времени можно им дозволять, всенужно мне вашему императорскому величеству доложить по поводу сего, что введение известного военного порядка и соблюдение дисциплины инако в сем войске установить не можно, как в подчинении оного военному уставу. По рассуждении сего, я наичувствительным образом начал было оный и вводить, но правительствующий Сенат решительным определением по делу полку Нежинского чиновников и недавно по моему представлению (когда я докладывал, что в одно село Клишино, посланная от Малороссийской коллегии казачая команда для усмирения возбунтовавшихся мужиков, обще с казаками против своих властей, в приступлении к сему сделавшись ослушною предводительствовавшему ею полковнику Кулябке, оставили его и пошли в свои домы, дав бунтовщикам отбить пушки и одного сотника измучить), сославшись на оное ж, исключил их от военного права, и так сие положение порядка военной службы не только распространению, но и заведению всемерно препятствует.

Направление здесь для армии вашего императорского величества потребных и многих провиантских магазинов, не вижу я никакой возможности в скором времени через подряды закупки исправить, и на такой случай одно только средство и остается, которое я и намерен положить, чтоб из здешней земли, в которой, по благости божией, недостатку нет в хлебе, за плату собрать потребные для армии запасы и, свезя оные к берегам судоходных рек Десны и Днепра, при вскрытии весною вод доставить в учрежденные магазины. Но как к сему времени время и нужда столько еще отстоят, что я могу получить в лучшее споспешествование действию сему высочайшую вашего императорского величества апробацию, потому не приемлю предначинать исполнения.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1. Архив военно-походной канцелярии Румянцева, ч. I, стр. 86—88.

---

[1] Не публикуется.

№ 18

1768 г. ноября 19. — РАПОРТ П. А. РУМЯНЦЕВА В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ О НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПЕРЕБРОСКИ ВОЙСК ИЗ 2-й АРМИИ В 1-ю

При указе оной коллегии от 7-го ноября [1], получа я росписание частям войск ее императорского величества, назначенных к кампании против турков, первой и главной под предводительством господина генерала князя Голицына, второй в моей команде, третей в Польше отделенным особливо корпусом, нахожу себя обязанным и долгом и необходимостью доложить Военной коллегии, что план распределению и переводу полков из моей в князя Голицына часть имеет не только трудности, но и неудобства, как я о том изъяснюсь в следующем: известно в Государственной военной коллегии из моих рапортов, что все полки моей дивизии расположены вниз по реке Днепру, в левую и в ту самую сторону, куда и теперь я отделяюсь с моим корпусом. Оныи притом все расположены, так соединением между собою, яко и на таких нужных постах, что их нельзя тронуть никоим образом без подвержения мест, ими защищаемых, покушениям взирающего уже на то, можно сказать, поворотливого неприятеля. К тому ж теперь господин генерал-аншеф и киевской генерал-губернатор Воейков из самых опаснейших постов, то-есть Городища и Власовки, где и прежде татарские набеги ощущали, взял у меня два полка — Орловской и Брянской с третьим Козловским в Елисаветградскую провинцию, а их отбытием открытие угла границы сделалось. Почему я и должен от Переяславля все полки мои, подвинув один за другим, заступить ближними опорожненные места.

Полки, назначенные из других дивизий в мой корпус, не инако могут приспеть, как в продолжении самой уже позной весны. Еще я и то скажу, что многим из них ближе притти к соединению армеи генерала князя Голицына, нежели в часть мою, простирающуюся в степи отдаленные. Таким образом, вообразить можно следствия неминуемые, ежели только стать переводить мои полки, делающие кордон во всю левую сторону, в часть генерала князя Голицына, не имевши в том никакой, могу сказать нужды, то при таком переломе нельзя не быть границам обнаженным. А я тогда, приведен будучи в нестрое-

---

[1] Указом Екатерины II от 7 ноября 1768 г. вся действующая армия, расположенная на Украине и в Польше, была разделена на три части: первую армию (главную) под командованием генерал-аншефа А. М. Голицына, вторую под командованием П. А. Румянцева и третью, расположенную в Польше, под командованием генерал-поручика И. И. Веймарна. (См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1815, л. 6—7).

ние, не найдусь в состоянии ожидаемыми полками так скоро и способно их обнять, как ныне они заставлены.

От каждого моего полку теперь по две роты находится в крепостях по линии, а по сту человек в содержании караулов в Киеве. Представить сама Государственная военная коллегия может, какой лишней и многотрудной марш принять будут должны сии раздробленные частицы войск, следуя к соединению удаленных от них своих полков, которые им теперь в близости. Не говоря о том, что составляемые из сих рот на линии команды делают укрепление, которое при самом том случае рушиться должно. Сказавши причины к сему представлению меня понудившие Государственной военной коллегии, ословливаюсь представить и мое рассуждение, не принято ли будет заблагоугодно, чтоб, избегая помешательства в мерах, устроенных уже к безопасности пограничной, и не делая полкам переводом одного на другого место, со всякой неспособностию, трудности и тягостного изнеможения в самом времени, приближенном к операциям военным, оставить мою команду, так как есть вся нынешняя моя дивизия, которая уж и расположена к тем и в тех местах, где действия мои я производить определен, а прибавить только для укрепления важного поста в Изюме и Бахмуте из пехотных по способности марша Володимирской из Каширы и второй гранодерской из Переславля-Рязанского и гусарской Сумской; а все протчие полки, назначенные из других дивизий, и марширующие в мою команду, отдать в часть главной армеи, в котором их поворот по расстоянию одним больше, другим равная способность будет. Прибавок сей над определенное число полков в одном только пехотном и двух кавалерийских состоять будет. А команды наши, таким образом разделены будучи, никакой помсхи одна другой ни в расположении, ни в придвижении не сделают, ибо все войски генерала князя Голицына в правой стороне, то-есть к Киеву, располагаются и его флангом последнему полку назначено место в Переяславе. Я теперь моими полками подвинувшись по причине взятых трех в Новороссийскую губернию и дошедшего известия от стороны Изюма, что татарские орды выступили уже на Волчую речку, так как и от князя Прозоровского с Польши, что и турецкие подобно приходят в движение, от Переяславля, те места к Киеву заставлю полками Севской дивизии; и так от того края начнется вверх команда первая, а вниз от оного моя вторая.

Но как и все мои распоряжения основываю на усердии и ревности к службе и правилах притом военных, то хотя моей дивизии полки, еще так людьми не укомплектованы, яко и не пришли в совершенство порядка, как новоформированные, я однакоже на сослужащих со мною и собственную ревность уповаю, что я и с оными буду в состоянии произвесть всевозможное к славе оружия ее императорского величества и исполнить на меня возложенное.

Тут я предаю на благоуважение Государственной военной коллегии, признать ли мои примечании правильными, или не взыскать уж с меня, когда их время самым делом оправдит, а для лучшего усмотрения о расположении моих полков прилагаю у сего росписание [1].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1815, л. 76—78. Копия.

Приложение к док. № 18

1768 г. ноября 19. — РАСПИСАНИЕ О ПОЛКАХ, В УКРАИНЕ НАХОДЯЩИХСЯ [2]

Звание полков	Где ныне состоят	Куда им итти надлежит
Севской дивизии		
Карабинерные:		
Севской	В Трубчевске.	В Домантов.
Тобольской	В Карачеве.	В Бубнов.
Пехотные:		
Астраханской	В Севске.	В Переяславль.
Муромской	Во Мценске.	В Киев.
Украинской дивизии		
Борисоглебской драгунской	В Переяславле.	В Еремеевку и Чигирин Дуброву.
Ростовской карабинерной	В Пещаном.	В Ирклеев.
Ямбургской карабинерной	В Бубнове.	В Голтву.

[1] По плану сосредоточения и развертывания армий, разработанному Военной коллегией, Украинская дивизия, находившаяся в подчинении Румянцева, а также Севская и Смоленская дивизии, примыкавшие к ней, передавались в состав Первой армии Голицына. Во Вторую армию назначались полки из состава Финляндской, Эстляндской и Лифляндской дивизий, находившихся далеко от театра военных действий.

Возмущенный этой нелепостью и встревоженный возможными последствиями в организации обороны границы Румянцев одновременно обратился непосредственно к Екатерине с рапортом.

Однако протесты Румянцева и убедительные доказательства о нецелесообразности подобных перемещений остались без последствий. Как можно предположить, здесь имели место преступные интриги недоброжелателей Румянцева из числа придворной знати, преследовавшей цель — создать трудные и неблагоприятные условия для деятельности Румянцева.

[2] Заголовок оригинала.

Звание полков	Где ныне состоят	Куда им итти надлежит
Пехотные:		
Белевской	В Золотоноше.	В Городище по смене Муромским пехотным полком.
Старооскольской . .	В Домантове.	В Власовку.
Ряжской	В Ирклееве.	В Потоку.
Елецкой	В Еремеевке.	В Калеберду.
Брянской	В Городище.	Оные три полка поставлены в Екатерининской провинции по распределению Киевского генерал-губернатора Воейкова от Архангельского шанца до слободы Добрянки.
Орловской	Во Власовке.	
Козловской	В крепости святые Елисаветы.	
Тамбовской	В Голтве.	В Спеваковку.
Севской	В Кобыляке.	Остается для подкрепления правого фланга на линии.
Курской	В Новой Водолаге.	Остается для подкрепления правого фланга на линии.
Псковской карабинерной	В Потоках.	В Кишенку.
Пермской карабинерной	В Калеберде.	В слободе против крепости святые Параскевии.
Гусарские:		
Изюмской	В Кишенке.	В Изюме.
Острогожской	В Алексеевской слободе против крепости Алексеевской.	Там же.

Секретарь *Иван Петухов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1815, л. 75. Копия.

№ 19

1768 г. ноября 27. — РАПОРТ П. А. РУМЯНЦЕВА В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ О ВЕРОЯТНЫХ НАМЕРЕНИЯХ ТУРОК И ТАТАР В СВЯЗИ С УХОДОМ ТАТАРСКИХ ОТРЯДОВ ОБРАТНО К ПЕРЕКОПУ

Прилагаю у сего копиею сказку купцов полтавских [1], бывших в области турецкой, о намерениях турецких и татарских, о которых идет всеобщей там голос. Движение их от Волчей речки и со всех мест к Перекопу, я думаю, последовало или от страха, чтоб не быть нашими выведенными против их войсками охваченными, или же в намерении, чтоб отступлением своим привесть нас в некоторое спокойство и после нечаянно соединенными силами от Перекопа устремиться по покрытии рек на границы.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1815, л. 98. Копия.

№ 20

1768 г. ноября 27. — РАПОРТ П. А. РУМЯНЦЕВА В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ О НЕОБХОДИМОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ УКАЗАНИЙ О ЗАДАЧЕ 2-й АРМИИ И О НАЗНАЧЕНИИ ЗАПАСНОГО ПОДВИЖНОГО МАГАЗИНА

Оная Государственная коллегия вследствие до сего данных мне указов о распределении полков в две назначенные армии подтверждает и от 16 числа сего месяца, предоставляя в волю мне чинить им такую в квартировании и расположении перемену, какая по моему рассмотрению за нужно найдется. Также о наполнении магазейнов, учреждении повозок в полках, в прибавок ныне состоящим, еще на двенадцатидневной провиант, а для всей армии и на возку оного — на месяц; о наряде и отправлении артиллерии, Генерального штаба, комиссарских, провиантских и медицинских чинов, препоручая в мою полную команду все назначенные войска и генералитет до разделения армии. Но я, сославшись на мой рапорт от 19 сего месяца, при котором приложил и росписание расположению нынешнему моих полков [2], объявить долженствую Государственной военной коллегии, что я в том же положении и теперь нахожусь. Я тамо изъяснил, с коликою опасностию и неудобствами сопряжен перевод полков одних на других место. Посему я и стараюсь теперь войсками моей команды коль возможно укрепить границы, не могучи счету весть на следующие сюда полки, из которых ближайшие чуть

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1815, л. 99).
[2] См. документ № 18.

могут поспеть в генваре месяце, а и до того времени могут на границах открыться военные действия.

При нынешних обстоятельствах и по возложенным на меня делам я прошу Государственную коллегию снабдить резолюциею меня в следующем: 1-е — армии первой показана главная квартира в Киеве, но для второй, в мою команду поручаемой, предоставлено избрать мне самому место. Я хотя назначил бы оной быть в Полтаве, но когда встречаю повеления заготовлять магазейны первее в Бахмуте и в крепости святого Димитрия, а после в Киеве и Севске, то не знаю, где определить положительное место для артиллерии, Генерального штапа, комиссарских, провиантских и медицинских чинов. И в сем, как и в протчем, наибольшую мне заботу делает то, что я знания не имею, для каких точно действий вверяемая мне армия назначается, о чем необходимо нужно мне получить план с преднаписанием всех намерений, которые исполнять я определяюсь дабы я тому сходственно приготовился достигать успехов. 2-е — 4667 фур для подвижного магазейна к первой ли только армии все назначены, или из оных и в мою некоторое число уделено будет, ибо, по расчислению моему, полагая на всякую фуру по 10 четвертей, на всех 6667 вместится 66 670 четвертей, а на все полки главной армии всего провианта на месяц выходит 21 189 четвертей с 1/2. Яко я не думаю, чтоб для всех кавалерийских полков и фураж был вожен на таковых фурах, как сии делаются, кладется по сказкам соли по 120 пуд., но я по рассуждению иногда худого пути ставлю по 80, что вынесет 373 360 пуд., а во всем только провианте для главной армии месячном находится 158 917 1/2 пудов. Итак, мне нужно ведать в вышеписанном о сих фурах положение, чтоб постановить, в которое место их все собирать. 3-е — я в здешних магазейнах приготовляю для обеих армий к продовольству провианта и фуража по май месяц, да запасного до 1 июля, а на дальшие запасы Военная коллегия по своему благорассмотрению да соизволит восприять меры, чтоб из России от вершины реки Десны учредить доставления, ибо в здешних местах большого количества быть не может без отяготительного угнетения жителям. Я прилагаю мое исчисление, сколько для обеих армей на один месяц провианта и фуража потребно. 4-е — действующая армия в Польше проходить будет, я надеюсь, в такое время, когда хлеб созрелый на полях будет, который и собирать хотя удобно, но недоставать иногда будет, где бы его смолоть; не повелено ль будет для того запастись ручными жерновами, коих здесь не только мало, но и нет способу умножить и для того потребно доставать из других мест.

Генерал граф *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, св. 169. Подлинник. Опубл. в книге Д. Масловского. «Записки по истории военного искусства в России 1683—1794 гг.», вып. II, СПБ, 1894.

№ 21

1768 г. ноября 28. — ДОКЛАД П. А. РУМЯНЦЕВА В СЕНАТ О ФОРМИРОВАНИИ МАЛОРОССИЙСКОГО КАЗАЧЬЕГО КОРПУСА И ЗАТРУДНЕНИЯХ В НАЗНАЧЕНИИ КОМАНДИРОВ В СВЯЗИ С РАЗЛИЧИЯМИ АРМЕЙСКИХ И КАЗАЧЬИХ ЧИНОВ

По именному ее императорского величества указу Государственная военная коллегия от 7-го числа сего месяца, повелела мне, для соединения с войсками ее императорского величества нарядить из малороссийского войска до двенадцати тысяч козаков с надлежащим числом старшин. Сделавши я распоряжение в исполнение повелеваемого, имею должность по поводу того правительствующему Сенату доложить:

1) Назначиваемых козаков к прямой военной службе, которые не только весь к тому порядок, но свойства самые, так сказать могу, утратили, потребно по меньшей мере ввесть в способности, в надежде которых их требуется в поход. Руководствовать ими к тому посредственно есть должность полковников или командующих. Но в малороссийских полках, именно в Стародубовском, Переяславском, Киевском и Прилуцком, полковничьи места на ваканции состоят, и нет кем по тому вышесказанное исполнить.

2) Генеральные старшины в прежние походы высылаемы были с козаками и имели команду над малороссийскими полковниками; в нынешнем наряде доводилось бы быть или есаулам генеральным Жоравке и Скоропадскому, или же бунчужному Тернавскому; но первый присутствует членом в Малороссийской коллегии, а последние выбранными находятся в депутатах в комиссии сочинения проекта Нового Уложения. И когда их употребить, то как некоторые малороссийские полковники имеют чины армейские, то есть бригадирский: Гадицкий [1] — Крыжановский, полковничьи: Нежинский — Разумовский и Черниговский — Милорадович, то ежели бы им быть высланным в поход, конечно, зайдет спор от полковников, что они, имея действительные армейские ранги, не могут быть под командою генеральных старшин, которые в своих степенях не уровнены против армейских, и хотя при определении в Коллегию членом есаула Жоравки повелено считаться против армейских полковников, но предреченные малороссийские полковники до того уже имели ранги армейские, и следственно, старшинства перед ним требовать учнут. И для того предварительно прошу от правительствующего Сената указа потребного генеральных старшин высылать в поход, или они оставаться должны при местах ны-

[1] Гадячский.

нешних, и как им старшинством быть перед полковниками, имеющими армейские чины, или же поручать малороссийские команды бригадным регулярным?

И не повелено ли будет на места вышеписанные войсковые выбрать полковников, как обстоятельства войны требуют, чтоб им не быть праздным.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1. Архив военно-походной канцелярии Румянцева, ч. 1, стр. 103—104.

№ 22

1768 г. ноября 30. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Н. И. ПАНИНУ О НЕПРАВИЛЬНОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ ВОЙСК МЕЖДУ 1-й И 2-й АРМИЯМИ

Милостивый государь мой, граф Никита Иванович

При возвращении сего курьера, не имея особливо чего вашему сиятельству донесть, изъясню я только касающееся Новороссийской губернии. Правило, предписанное в высочайшем ее императорского величества указе, чтоб меры, восприемлемые к защите той страны, относительны были к главнейшему уважению, дабы военных сил не ослабить к защищению внутренних границ, руководствует мне во всем, до того принадлежащем положении, и я только должен сказать, при чем теперь остаюсь. Федор Матвеевич[1], сам будучи в той части, его ведомству подчиненной, устроил по своему благорассуждению все нужное к безопасности оной. Я, по его требованию, ввел в Елисаветградскую провинцию три полка пехотных и прибавил еще ныне две тысячи козаков малороссийских в подкрепление командам, из оных тамо уже бывшим, и чтоб, обороняя ту открытую сторону, наблюдаемо было более безопасности настоящих границ, он от меня предварен; а напротив и я с теперешним его учреждением согласен и стараюсь ныне, сколько могу, малыми силами укреплять угол, вдавшийся к неприятельской стороне от реки Днепра. Признаюсь же вашему сиятельству, как особливому милостивцу, что сколько разрешен я был от ее императорского величества через руки ваши полученным повелением в трудностях защиты границ, столь напротив несказано замешан и по росписанию полков для двух армий, которое не сообразуется ни состоянию, ни положению моих полков, ибо они поставлены уже от меня в позицию обороны на всех опасных местах так, что их нельзя тронуть, не сделавши отверстия набегам неприятельским даже до лета, или весны, а многие из моей нынешней команды перево-

---

[1] Воейков.

дятся в часть первой армии, которая около Киева собирается. Ежели пикинерные полки, которые больше суть поселяне вооруженные, назначены мне также в команду, и они по своему положению зависят от Федора Матвеевича, который с ними и учинил свое распоряжение, [то] и их оттуда до начатия кампании употребить к другой службе не можно, ибо они составляют хотя слабое защищение своим селениям.

Я из двух крайностей избрав меньшую и в примечании, что заочность одна тому виною, осмелился представить Военной коллегии, что распределение, учиненное от оной, опровергает с моей стороны весь порядок. Вашему сиятельству нельзя мне так точно и словом, не только письмом, представить, как глазами бы видеть можно, какие следствия замешательств перевод полков тут причинить должен. Представьте, милостивый государь, известную вам деликатность пограничной сей страны, которую в самую лучшую тишину мира, так как бы во время жестокой войны, мы всегда ограждаем. Несколько тысяч войска со всякою предосторожностью там, в открытых степях зиму и лето провождают, а показавшаяся малая куча неприятельского войска на несколько сот верст распространяла тревогу. От благоразумного и резонабельного вашего рассуждения я льщу себя удостоенным вашего ко мне признания, что предмет в моих делах, как и в сем изъяснении, есть польза службы и прямая к отечеству усердность[1].

Впрочем имею честь удостоверить, что я с совершенною преданностию называюсь вашего сиятельства, милостивого государя моего, всепокорнейшим слугою.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1. Архив военно-походной канцелярии Румянцева, ч. 1, стр. 105—106.

№ 23

1768 г. ноября 24. — УКАЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ П. А. РУМЯНЦЕВУ О ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ КРЫМА РУССКИХ ПОДДАННЫХ И НАПРАВЛЕНИИ ИЗ РОССИИ В ПЕРЕКОП КРЫМСКИХ ТАТАР

В одной из последних реляций ваших[2] усмотрели мы с удовольствием, что восстановленной крымской хан Крым-Гирей[3] ознаменил начало правления своего таким поступком, которой

[1] В распределение войск Военная коллегия внесла соответствующие изменения; см. документ № 24.

[2] См. документ № 12.

[3] Крым (Керим)-Гирей сменил на ханском престоле ставленника султана Селим-Гирея.

весма опорствует принятым от Порты Оттоманской военным мерам противу империи нашей, ибо как инако можно принимать толь скорой и добровольной за конвоем отпуск из Перекопи бывших в Крыму наших подданных, кои там сначала задержаны были, и готовность ханскую выпроводить равным образом и прочих, в Крыму еще оставшихся, с представлением в то же время полного удовлетворения за все поныне от татар причиненные обиды и убытки. Судя по прежнему поведению сего имянитого хана, а особливо по образу, коим он в первой раз добился ханства против воли и склонности самой Порты, можно, кажется, не без основания полагать, что он в настоящем случае руководствовался каким-либо особенным своим видом и для того до вящиго впредь объяснения прямых обстоятельств надлежит по крайней мере соответствовать и с нашей стороны взаимною учтивостию той, которую он ныне показал; чего ради и имеете вы находящихся иногда в нашей стороне татар или крымских жителей отослать всех в Перекоп к тамошнему каймакану с пристойным от ближнего в той стороне пограничного командира письмом и с приветствием в оном от собственного вашего имяни к Крым-Гирею, дабы сим образом получить с ним повод к оношению.

Принятые вами по границе распоряжения и меры служат все к особливому нашему благоволению, и мы, колико до воинской части касается, не находя ничего прибавить к оным на сей час, довольствуемся только неусыпному бдению вашему сильнейше рекомендовать, чтоб против морового поветрия, в рассуждении близости турецких войск, приняли вы в нынешнее время новые и усугубленные осторожности. Пребываем вам впрочем императорскою нашею милостию благосклонны.

По имянному ее императорского величества указу.

Г[раф] *Панин*

К[нязь] *А. Голицын*

ЦГАДА, ф. Румянцева-Задунайского, д. 39, л. 4—5. Подлинник.

№ 24

1768 г. декабря 3. — УКАЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ П. А. РУМЯНЦЕВУ О НОВОМ РАСПИСАНИИ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

С отправленным от вас, господина генерала-аншефа и кавалера, коллежским курьером рапорт ваш от 19-го прошлого месяца получен[1], на которой Военная коллегия в ответ нижеследующее объявить находит.

[1] См. документ № 18.

Хотя при указе к вам из оной от 7-го ноября[1] войскам ее императорского величества, назначенным в две армии под командою вашего и господина генерала князя Голицына, с именованием составляющих оные полков расписание и отправлено, но как то единственно по высочайшей воли ее императорского величества за основание взято было к назначению предписанного числа, во скольком которой армии состоять, а не для названия полков, ибо тем же самым указом предоставлено вам, господину генералу, расположить оные на Украине в таких местах, где вы способными их найдете к подкреплению границ по вашему благорассмотрению, невзирая на то, что хотя всякому от оной Коллегии для первого случаю, которым именно квартиры занять и предписано, что учинено единственно для того только, чтоб полки по разным дорогам марши свои предприняли. Теперь же известясь от вас, господина генерала, о всех тех способностях, какие вы находите в расположении полков дивизии вашей и в удержании их у себя в команде, также и в расположении для способного соединения впредь полков, вступающих в команду господина генерала князя Голицына, Военная коллегия, учиня новое полкам в составлении вышеречённых двух армей расписание, с высочайшей ее императорского величества апробации при сем прилагает, почему вы, господин генерал-аншеф и кавалер, оставляетесь в полной власти, как назначенным полкам в команду вашу приказать стать в квартиры в тех местах, где вы заблагорассудите, так не меньше назначить в квартиры и всем тем полкам, которые полагаются в команду господина генерала-аншефа князя Голицына, в таких местах, где б удобнее было во время стояния способствовать к защищению правой стороны границы Украинской, а притом и к скорому соединению для нужного выступления. И для того как полки все уже в действительном тут движении находятся и вам всех их маршруты сообщены, то имеете к каждому из оных навстречу отправить немедленно нарочных с вашим повелением, в которое место по сделанному вами расписанию которому полку вступить, кроме тех, кои с полагаемым от вас назначением сходно марш свой продолжают с данными уже им маршрутами, но не меньше, однакож, требуется им знать дать — к которой команде оные принадлежат. До прибытия ж господина генерала князя Голицына все неотменно имеют состоять в команде вашей, следственно и генералитет, которой явится к вам, имеете вы, господин генерал-аншеф и кавалер, распределить по способности команд, кто в которую армию назначен.

В которых же местах которому полку назначите вы квартиры, прислать в Военную коллегию рапорт.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1815, л. 153. Копия.

---

[1] Не публикуется. См. примечание к док. № 18.

РАСПИСАНИЕ АРМЕИ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОД КОМАНДОЮ ГОСПОДИНА ГЕНЕРАЛА АНШЕФА И КАВАЛЕРА КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА[1]

Генералитет

Генерал аншеф Олиц

Генерал-поручтики:

1. Штофельн
2. Племянников
3. Эссен
4. Граф Салтыков
5. Бибиков
6. Николай Салтыков
7. Ренненкампф

Генерал-майоры:

1. Князь Петр Долгоруков
2. Черепов
3. Фон Транзе
4. Ступишин
5. К[нязь] Горчаков
6. Глебов
7. Херасков
8. Измаилов
9. К[нязь] Прозоровский
10. Замятин
11. Каменской
12. К[нязь] Алексей Голицын
13. Подгоричани
14. Черноевич

Полки	Откуда маршируют или где находятся
Кавалерийские	
Кирасирские:	
1. Киевской	Из Тулы.
2. Новотроицкой	Из Орла.
Карабинерные:	
3. Псковской	Находитца в Украине.
4. Нижегородской	Находятца в Польше.
5. Московской	
6. Рижской	
7. Рязанской	
8. Тверской	
9. Тобольской	Находятца в Украине.
10. Вятской	
11. Каргопольской	Находитца в Польше.
12. Ингерманландской	Из Торжка.
13. Сибирской	Из Волоколамска.
14. Астраханской	Из Петербурга.

[1] Заголовок оригинала.

Полки	Откуда маршируют или где находятся
Гусарские:	
15. Сербской	Находятца в Польше.
16. Венгерской	
17. Ахтырской	
18. Харьковской	
19. Острогожской	Находитца в Украине.
Пехотные:	
1. Первой гранодерской	Находятца в Польше.
2. Третей гранодерской	
3. Четвертой гранодерской	
4. Выборгской	
5. Куринской	
6. Сибирской	
7. Бутырской	
8. Санктпетербургской	
9. Пермской	
10. Апшеронской	
11. Ингерманландской	Из Смоленска.
12. Воронежской	Из Белева.
13. Черниговской	Из Серпухова.
14. Невской	Из Москвы.
15. Астраханской	В Украине.
16. Белозерской	Находитца в Польше.
17. Муромской	В Украине.
18. Троицкой	Находитца в Польше.
19. Навагинской	Из Ржева Володимерова.
20. Тенгинской	Из Боровска.
21. Второй московской	Из Калуги.
22. Новогородской	Из Калуги.
23. Ширванской	Из Волхова.
24. Ярославской	Из Петербурга.
25. Низовской	Из Нарвы.
26. Азовской	Из Москвы.
27. Архангелогородской	Из Москвы.
28. Первой московской	Из Петербурга.
29. Капорской	Из Петербурга.
30. Кабардинской	Из Петербурга.
Егери от всей Финляндской дивизии	Из Петербурга.

Полевой артиллерии	100 орудиев
Малых единорогов	10
Понтонов	100
При оной:	
Артиллерии генерал-майор с принадлежащим числом штаб- и обер-офицеров и нижних артиллерийских и фурштатских служителей	1
Инженер генерал-майор	1
Инженерных штаб- и обер-офицеров	12
Донских казаков	6000
Малороссийских	3000

Генерального штаба	генерал-квартирмейстер	1
	генерал-квартирмейстер-лейтенант	1
	обер-квартермистров	2
	дивизионных квартермистров	6
	колоножных офицеров	6
От Комиссариата	генерал-майор	1
	обер-кригс-комиссаров	2
	кригс-цалмейстеров	3
От провиантской	бригадир	1
	генерал-провиантмейстеров-лейтенантов	2
	обер-провиантмейстеров	4
Главной доктор		1
Доктор		1
Штаб-лекарей		2
Лекарей		4
Полевая аптека		1

Приложение 2 к док. № 24

РАСПИСАНИЕ АРМЕИ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОД КОМАНДОЮ ГОСПОДИНА ГЕНЕРАЛА АНШЕФА И КАВАЛЕРА ГРАФА РУМЯНЦЕВА[1]

Генералитет

Генерал-аншеф к[нязь] Долгоруков

Генерал-порутчики:

1. Берг
2. Далке
3. Вернес
4. Измаилов

Генерал-майоры:

1. Иоган Романиус
2. Граф Витгенштейн
3. Карл Штофельн
4. Аврам Романиус
5. Исаков
6. Граф Валентин Мусин-Пушкин
7. Олсуфьев
8. Зорич
9. Лебель

Полки	Откуда марширують или где находятся
Кавалерийские:	
1. Ростовской [карабинерные]	Находятца в Украине.
2. Ямбургской [карабинерные]	Находятца в Украине.
3. Пермской [карабинерные]	Находятца в Украине.
4. Астраханской драгунской	Из Царицына.
5. Борисоглебской драгунской	Находитца в Украине.

[1] Заголовок оригинала.

Полки	Откуда маршируют или где находятся
Гусарские:	
6. Изюмской	Находитца в Украине.
7. Сумской	Из Москвы.
8. Бахмутской	В своих жительствах.
9. Самарской	
10. Черной	
11. Желтой	
Пикинерные:	
12. Елисаветградской	
13. Днепровской	
14. Донецкой	
15. Луганской	
Пехотные:	
1. Второй гранодерской	Из Переславля Рязанского.
2. Володимерской	Из Каширы.
3. Киевской	Из Пернова.
4. Ростовской	Из Риги.
5. Елецкой	Находятца в Украине.
6. Тамбовской	
7. Орловской	
8. Брянской	
9. Курской	
10. Старооскольской	
11. Белевской	
12. Ряжской	
13. Севской	
14. Козловской	

	Орудиев
Полевой артиллерии	40
Малых единорогов	10
При оной:	
От артиллерии генерал-майор с принадлежащим числом штаб- и обер-офицеров и нижних артиллерийских и фурштатских служителей	1
Инженерных:	
Генерал-майор	1
Штаб- и обер-офицеров	12
Донских казаков	4000
Малороссийских	6000 или сколько найдетца
Генерального штаба: генерал-квартирмейстер	1
генерал-квартирмейстеров-лейтенантов	2
обер-квартирмистров	2
дивизионных квартермистров	5
колоножных офицеров	6

От Комиссариата	обер-штер-кригс-комиссар	1
	обер-кригс-комиссар	1
	кригс-цалмейстеров	2
От провиантской	генерал-провиантмейстер-лейтенант	1
	обер-провиантмейстеров	2
Главной доктор		1
Доктор		1
Штаб-лекарь		1
Лекарей		2

Особливой и от вышепоказанных совсем не зависящей корпус в Польшу под командою генерала-поручика Веймарна.

Генералитет:

Генерал-поручик Веймарн

Генерал-майоры:

1. Деколонг
2. Черторижской
3. Граф Апраксин

Полки	Откуда маршируют или где находятца
Кавалерийские	
Карабинерные:	
1. Санктпетербургской	Из Старой Русы.
2. Нарвской	Из Торопца.
3. Новогородской	Из Порхова.
Пехотные:	
1. Углицкой	Находитца в Польше.
2. Казанской	Из Риги.
3. Нарвской	Из Пскова.
4. Нашебургской	Из Пскова.

Артиллерии небольших орудей с принадлежащими к ним офицерами и протчими служителями		10
Казаков		2000
Чугуевской казацкой полк.		
Генерального штаба	обер-квартирмейстер	1
	дивизионной квартермистр	1
От провиантской обер-провиантмейстер		1
Доктор		1
Штаб-лекарь		1

Секретарь *Алексей Астафьев*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1815, л. 153—158 об. Копия. Опубл. в книге А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769—1774 гг.», т. I, СПБ, 1886, Приложение.

№ 25

1768 г. декабря 5. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Е. А. ЩЕРБИНИНУ ПО ПОВОДУ ПРИВЛЕЧЕНИЯ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ К ОХРАНЕ ГРАНИЦЫ

Глухов

На полученные с возвратившимся сей день моим курьером от вашего превосходительства мне сообщения и по поводу присланной на мое рассмотрение от Государственной военной коллегии диспозиции вашей, учиненной в образе укрепления жителям от нападений неприятельских, я другого не имею чего сказать, как только, что все войски моей команды расположены к защищению границ, посколько возможно объять только ими обширность оных. Меры же, предпринимаемые вами к постановлению вверенной вам губернии жителей, конечно, благоразумны и кажутся мне прибежищем последним в самой уже крайности по рассуждению, что когда впереди не могли бы удержать войски выведения неприятеля, то поселянския ополчения мало уже тогда принесут спасения и защиты.

Г[раф] *Румянцов*

Филиал ЦГИА, УССР в г. Харькове, ф. 401, д. 39, л. 50. Подлинник.

№ 26

1768 г. декабря 10. — УКАЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ П. А. РУМЯНЦЕВУ О МЕСТЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЫ 2-й АРМИИ И ЕЕ ТЫЛОВ НА ЗИМНИЙ ПЕРИОД И ОРГАНИЗАЦИИ СНАБЖЕНИЯ ВОЙСК

От 27 числа отправленной от вас, господина генерал-аншефа и кавалера, рапорт исправно здесь в Коллегии получен и как последне-посланным к вам от 3 числа указом[1] вы уже известны о всех тех полках, которым сходственное с вашим представлением росписание учинено, и что расположение как тем, кои в вашу команду, так и тем, которые в команду господина генерала князя Голицына назначены, совсем воле вашей предоставлено, то таким образом сия материя, уже совсем будучи очищена, приступает Коллегия к протчим пунктам требуемых вами, господином генерал-аншефом, во оном рапорте резолюцией.

1-е. Касательно до назначения главных квартир, то князь Голицын назначивается быть в Киеве, а для вас предоставлено на вашу волю и кажется весьма сходно, чтоб оная была на пер-

[1] См. документ № 24 и приложение к нему.

вой случай в Полтаве, так как вы и сами рассуждаете, ибо по времени и по обстоятельствам оную и переменить в вашей воле остается. Заготовление ж магазинов в Бахмуте и в крепости святого Димитрия не только тому не препятствует, но напротив того собранному войску во оных или других местах тем к пропитанию большая способность доставляется. Правда, неизвестность о военных вам предоставляемых действиях может несколько удерживать исполнение точнейших расположениев ваших и благоразумных ваших предвидениев, однакож как уповательно, что план действиям вашим от ее императорского величества в непродолжительном времени всевысочайше предписан будет, то совсем в состоянии найдетесь по оному меры свои принимать.

2-е. Что следует до фур для подвижного магазина, то оные назначиваются ко обеим армиям и именно таким образом на главную, как на все пехотные, кавалерийские и гусарские полки, так на артиллерию и казацкие команды на подвозку на один месяц провианта и овса 3367 фур, из которых, полагая по вашему исчислению на каждую фуру по 80 пуд., употребятся на подвоз месячного провианта на все вышепоказанные войска 2157 фур, а остающие за тем 1210 могут служить для подвозу овса, сколько оного на них поднять можно будет. На вторую ж под командою вашею состоящею армею определенные 1300 фур и хотя оных для подвозу на месяц как провианта, так и овса недостаточно будет, но в рассуждении того, что полки вашей армеи находиться будут вблизости своих магазинов, то вы не оставите в том такие меры принять, чтоб оными исправляться можно было. Сборное место оным фурам для главной армеи быть должны около Киева и Чернигова, к которому ж числу и точно ли в сих местах, о том не оставит вам господин генерал князь Голицын в скором времени сообщить. Для фур же, принадлежащих к вашей армеи, кажется удобнее около линеи близко расположенных вашей команды полков, к правой стороне сборные места учредить, однакож сие предоставляется в ваше рассмотрение.

3-е. Что ж принадлежит до учреждения магазинов, то как вы, господин генерал, объявляете, что на обе армеи для продовольствия их по май месяц, да для запасного по 1 июля провиант и фураж вы запасаете, а на протчие месяцы требуйте, чтоб в том Военная коллегия свои меры предприняла о доставлении оного из России от вершины реки Десны, то хотя о закупке оного в Орле и в способных местах ко отправлению на Десну и к доставлению до Киева также по Дону до крепости святого Димитрия указами генералу-провиантмейстеру от 28 ноября и 3 декабря предписано и от него об отправлении к покупке и заготовлению того подлежащих чинов, а именно в Орел провиантмейстера Войнова, а в крепость святого Димитрия обер-провиантмейстера Маркова рапорты получены, с ко-

торых списав, копии здесь для известия вашего прилагаются [1]; однакож тем не меньше и сего дня к нему ж указ послан, с которого также копия здесь прилагается. Но как главнейшим магазином всемерно почитаться должен Киев, из которого по случиям к отправлению в обе армеи способность всегда находиться будет, то вы, господин генерал, не оставите старание свое приложить, чтоб там того числа провианта и фуража, которое вашими трудами приуготовляется в обе армеи по июль месяц и не менее как до 80 000 четвертей, а знатное оного количество также и около Бахмута или Изюма для случающихся и тамо предвидимых обстоятельств в готовности было.

4-е. Ручных жорновов запасти вам сколько возможно, о чем и господину генералу князю Голицыну равномерно писано; а сколько оных надобно будет, то не оставите вы оба, господа генералы, в том, имев рассуждение, положение сделать. Деньги же на то употребить из чрезвычайной положенной на военные расходы суммы, о доставлении которой в скором времени распоряжение учинено будет.

Впротчем рапорт с приложением копей сказок купцов полтавских, бывших в области турецкой, исправно получен.

Секретарь *Иван Петухов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1815, л. 103—104 об. Копия. Опубл. в книге Д. Масловского «Записки по истории военного искусства в России 1683—1794 гг.», вып. II, СПБ, 1894. Приложение № 24.

№ 27

1768 г. декабря 14. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ З. Г. ЧЕРНЫШЕВУ О НЕОБХОДИМОСТИ БЫСТРЕЙШЕГО СОСРЕДОТОЧЕНИЯ РУССКИХ ВОЙСК ЗА ДНЕПРОМ И С ПРОСЬБОЙ СООБЩИТЬ ПЛАН ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ТУРОК

Милостивый государь мой, граф Захар Григорьевич!

Поблагодарить сим имею честь ваше сиятельство за письмо, полученное мною от 3-го сего месяца [2].

Мнению вашему, милостивый граф, совершенно повинуются и мои мысли, что прибавлять не остается уже ничего к тем восприятиям, которые по вашему искусству и благоразумию будучи основаны, все споспешествующее обещают. Я только ту же самую трудность, что и вас смущает, предвижу не легкую, то есть

---

[1] Рапорты не публикуются.

[2] Не публикуется.

соединение армии князя Александра Михайловича[1] с корпусом, находящимся в Польше, который назначается ему же в команду.

Сему соединению ваше сиятельство толь надлежит поспешиться, что ежели не совершится сею зимою, то весьма опасно на беспрепятственный в том успех полагать весну. Неприятель до того времени удобно может завладеть всеми способами, теперь нам довольно вспомогающими. При вступлении своем в Польшу он, конечно, не упустит воспользоваться, чтоб препятствовать войск наших соединению, и встретит одну и другую часть между собою в разделении, как самое расстояние между Луцком, Киевом и границей турецкою подает сему утверждение. Для сего, милостивый государь мой, надлежит всеми образы ускорить, чтобы все полки армии до окончания еще зимы были уже на своих местах. А я, имевши себе долгом изъясняться всегда с вашим сиятельством по всей моей преданности, присовокуплю мое рассуждение, что и с нынешнего уже времени не неполезно бы было, чтоб все полки первой армии отсюда вступили за Днепр и Польшу и в оной расположились к сообщению бессомнительному, нежели сие отлагать до весны, когда разлитие вод многие сделает трудности, а и крепость наша Киевская уважение также привлекает, что на той стороне реки стоит. Вступлением туда войск некоторым бы образом заслонилась и Елисаветградская провинция. Провиантские магазины, мне бы казалось, не трудно там приготовить, потому что все жители, единоверные нам, весьма нашей стороне преклонны, и они бы с радостью подавали пропитание нашим войскам, нежели теперь снедает их жестокость удручений помещичьих имений, которые [помещики] с ними поступают, как лютые тираны. Ваше сиятельство проникнули уже сами, сколько краткость времени противится многим нашим пользам. В сем случае я только скажу, что надобно взяться, по крайней мере, за главнейшее пособие, к которому наипаче принадлежит мною сказанное.

Что же касается до моего положения, то я по всему вижу, что вы меня готовите к чему-нибудь не маленькому, и я в том мнении смотрю на свой центр. И на то противится возможность, чтоб жребий узкий сравнялся пространством в подвигах великих. Я, однакож, без всякого тщеславия льщу себя тем счастием, что я уже заслужил у всемилостивейшей нашей государыни и у вас, моих соземцев, ту доверенность, что в не превосходящем сил моих я нигде упущения не сделаю. Дозвольте ж затем, ваше сиятельство, сославшись мне на отправляемое при рапорте приложение, что Крым наполняется многочисленным воинством в намерении пойти на наши границы, отнестись мысленно к тому уважению, что имя армии сопряжено уже со славою оружия нашей великой монархини. И так все соответствующее должно быть по всей соразмерности, в чем я вашим

[1] Голицына.

предусмотрением обнадеживаюсь. Напоследок, мой милостивый друг, докончу вам одною же просьбою: откройте вы мне план существительный определенных действий, ибо я, подобно слепцу, хожу поднесь в темноте и только лишь по одному воображению сличаю обстоятельства.

От расположении полков по новой диспозиции удостовериться изволите из подносимого Коллегии рапорта; Воронежской и Черниговской я удержу в своей части. Натурально будет, ваше сиятельство, заключить по собственным чувствованиям, что я тут подвигнут, может быть, побуждением особливой склонности. Правда, милостивый государь, охотнее и надежнее служить с людьми знакомыми и испытанными, но к сей причине приобщаются еще и другие, потому что я оными заставляю самые опаснейшие посты, которые всегда были, и ежели чему быть, то будут и теперь первою попыткою неприятелю. А Ростовскому и Киевскому, которые оставляю на место сих, в первую дивизию отправиться, тем более 500 верст пути против назначенного по расписанию. О Псковском карабинерном, выведенном из моей части, если ваше сиятельство мнить изволите, что уменьшением 500 человек в большей армии сделаете знатный ущерб, то представьте и противное, колико в моем маленьком корпусе важно будет сие число, потому что у меня недостаточно конницы и к закрытию своих флангов, каким бы я правилам в том не обращался; если ваше сиятельство сей полк мне оставите, то я одолжен и удовольствован от вас премного буду. Уповаю, впрочем, что ваше сиятельство по лучшему своему сведению и доходящим к вам обстоятельствам не оставите меня дружески вразумлять, где я могу по мере возможности производить свои старания к наибольшей пользе.

Заключаю сие моею искреннею преданностью и таковым же высокопочитанием, с которыми имею честь быть...

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1. Архив военно-походной канцелярии Румянцева, ч. 1, стр. 122—125.

№ 28

1768 г. декабря 15. — РАПОРТ П. А. РУМЯНЦЕВА В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ О РАСПИСАНИИ ПОЛКОВ ПО КВАРТИРАМ В ЦЕЛЯХ ПРИБЛИЖЕНИЯ ИХ К РАЙОНАМ ВОЗМОЖНЫХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

№ 1272 *Глухов*

Чиня исполнение по полученному вчерашний день из оной Коллегии от 3-го числа сего месяца указу [1], подношу расписание о назначенных от меня полкам квартирах, а с предписанием

[1] См. документ № 24.

к тем местам их марша отправляю навстречу курьеров. На сей час я имею в рассмотрение представить, как одно из верных, уведомление, доставляемое мне от генерала-майора и кавалера Исакова о обращениях неприятельских.

Сие расположение полкам учинил я, сообразуясь повелению от оной Коллегии, чтоб оные служили в защищение правой стороны и близки бы были к соединению вместному для выступления, ибо по прежнему расписанию иных более ста верст квартиры отстояли от Киева. Расположенные же в Полтаве второй гранодерской, в Кобеляках Старооскольской, в Старых Санжарах Сумской гусарской, в Новых Сенжарах и Беликах Борисоглебской драгунской, в Полтаве Ростовской карабинерной будут служить в подкрепление как на линии, так и вниз по Днепру кордону.

Генерал г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 233, д. 1, л. 124—125. Подлинник.

Приложение к док. № 28

РАСПИСАНИЕ МАРШИРУЮЩИМ В УКРАИНУ КАВАЛЕРИЙСКИМ И ПЕХОТНЫМ ПОЛКАМ ПО КВАРТИРАМ[1]

Полки	Генералом-аншефом и кавалером графом Румянцевым квартиры им определены
Первой армии	
Кирасирские:	
Киевской	В Козельце.
Новотроицкой	В местечке Остер.
Карабинерные:	
Ингерманландской	В местечке Горошин.
Сибирской	В Баришевке.
Астраханской	В Чернигове.
Острогожской гусарской	Ныне находитца в Изюме, а по прибытии туда Астраханского драгунского полку переведен будет в местечко Хороль.
Пехотные:	
Воронежской	В Чигирин Дуброве.
Черниговской	В местечке Еремеевке.
Ширванской	В Киеве.
Ингерманландской	В Киеве.
Второй Московской	В местечке Ирклееве.
Новогородской	» » Золотоноше.
Невской	» » Баришполе.
Архангелогородской	» » Воронкове.
Азовской	» » Липляеве.
Кабардинской	» » Яготине.
Первой Московской	» » Басане.
Капорской	» » Пещаном.
Тенгинской	» » Носовке.
Навагинской	» » Гоголеве.
Корпус егерей	» » Василькове за Днепром.

[1] Заголовок подлинника.

Полки	Генералом-аншефом и кавалером графом Румянцевым квартиры им определены
Второй армии	
Ростовской карабинерной . . .	Находитца ныне в местечке Ирклееве, а по прибытии во оное второго Московского полку переведен будет в местечко Голтву.
Борисоглебской драгунской . .	Находитца ныне в местечках Чигирин Дуброве и Еремеевке, а по прибытии во оные Воронежского и Черниговского полков переведен будет в местечки Новые Сенжары и Беляки.
Астраханской драгунской,	В Изюме.
Сумской гусарской	В местечке Старых Санжарах.
Пехотные:	
Второй гранодерской	В Полтаве.
Володимерской	Половина полку в Тору, а другая в Бахмуте.
Киевской	В местечке Моровске.
Ростовской	„ „ Березань.

Генерал г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 20, 1/47, св. 233, д. 1, л. 124—125 об. Подлинник.

№ 29

1768 г. декабря 16. — РАПОРТ П. А. РУМЯНЦЕВА В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ О КВАРТИРНОМ РАСПИСАНИИ ВОЙСК 2-й АРМИИ

№ 1727 *Глухов*

О определенных во вторую армию полках и генералитете учиненное мною по частям и бригадам расписание для сведения Государственной военной коллегии при сем представляю, донося, что господа генерал-поручики Берг и Вернес и генерал-майор граф Мусин-Пушкин, то ж и первой армии из генералитета и из полков, кроме Ширванского пехотного и Новотроицкого кирасирского, ни один еще сюда не прибыл, а Ингерманландской пехотной 1-го числа сего месяца, из Стардуба выступя, марширует по данному ему маршруту в Киев.

Генерал г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 233, д. 1, л. 137. Подлинник.

РАСПИСАНИЕ ВТОРОЙ АРМИИ, ПОД КОМАНДОЮ ГЕНЕРАЛ-АНШЕФА И КАВАЛЕРА ГРАФА РУМЯНЦЕВА СОСТОЯЩЕЙ, О ПОЛКАХ И ГЕНЕРАЛИТЕТЕ ПО ЧАСТЯМ И БРИГАДАМ

	Генералитет		Полки		Им квартиры определены
Господин генерал-аншеф и кавалер.	Господин генерал-поручтик фон Далке в Кременчуге или Городище.	Господин генерал-майор Мусин-Пушкин.	Пехотные.	Черниговской.	В Еремеевке.
				Воронежской.	В Чигирин Дубраве.
		Господин генерал-майор фон Лебель.		Белевской.	В Городище.
				Ря[ж]ской.	Один баталион в Потоке, а другой в Кременчуге.
				Елецкой.	Один баталион в Калеберде, а другой в Переволочне.
	Господин генерал-порутчик фон Вернес. Квартиру взять по способности к его команде, а до прибытия его господам бригадным генералам рапортовать прямо господина генерал-аншефа.	Господин генерал-майор Исаков.		Брянской.	В Елисаветградской провинции от Архангельского шанца до Слободы Добрянки.
				Орловской.	
				Козловской.	
			Гусарские.	Черной.	В их жилищах.
				Жолтой.	
			Пикинерные.	Елисаветградской.	
				Днепровской.	

Продолжение

	Генералитет		Полки		Им квартиры определены
		Господин генерал-майор Иван Раманус.	Карабинерные.	Ямбургской.	Во Власовке.
				Ростовской.	В Голтве.
				Псковской.	В Кишенке.
Князь Василий Михайлович	Господин генерал-поручик и кавалер Измайлов в Полтаве.	Господин генерал-майор Олсуфьев в Полтаве.	Пехотные.	Второй гранодерской.	В Полтаве.
				Старооскольской.	В Кобыляках.
		Господин генерал-майор граф Витгенштейн.	Пермской карабинерной.		В крепости святой Параскевии.
			Борисоглебской драгунской.		В новых Сенжарах и Беляках.
			Сумской гусарской.		В Старых Сенжарах.
	Господин генерал-поручик и кавалер фон Берг в Новых Водолагах, а до прибытия его командировать господину генерал-порутчику и кавалеру фон Эссену.	Господин генерал-майор фон Штофельн.	Пехотные.	Севской.	На линии с правого фланга.
				Курской.	В Новых Водолагах и на линии.
				Тамбовской.	В Спеваковке, в крепости Петра и Изюме.

Продолжение

	Генералитет		Полки		Им квартиры определены
Долгоруков в Полтаве и у него в команде.		Господин генерал-майор Зорич.	Гусарские.	Изюмской.	В крепости Алексеевке.
				Острогожской.	В Изюме.
		Господин генерал-майор Авраам Романус в Бахмуте.	Владимирской пехотной.		Баталион в Тору, а другой в Бахмуте.
			Гусарские.	Бахмутской.	В их жилищах.
				Самарской.	
			Пикинерные.	Донецкой.	
				Луганской.	
			Донских казаков три тысячи.		От Бахмута до Тора и Изюма.

Ростовскому карабинерному и Борисоглебскому драгунскому полкам в назначенные по сему расписанию места перейти из настоящих тогда, когда во оные Черниговской и Воронежской полки вступят, равно и Острогожскому гусарскому по прибытии в Изюм, Астраханскому драгунскому перейти в местечко Хороль и быть в первой армии, а Астраханскому тогда состоять в бригаде у господина генерал-майора Зорича.

Генерал г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 233, д. 1, л. 137—138 и об. Подлинник.

№ 30

1768 г. декабря 30. — РАПОРТ П. А. РУМЯНЦЕВА В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ О НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ КОРДОННОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ ВОЙСК ПРИ ОБОРОНЕ

№ 1326 *Глухов*

Последние уведомления, что я вчерашний день от Сечи Запорожской получил о обращениях неприятельских, представляю в сказке купца Нежинского грека Константия Судаклея [1]. По объезде генералом-порутчиком и кавалером фон-Эссеном линии нашел я из рапортов его, так как и генерала-майора фон-Штофельна, что они, стараясь заслонять необъятное пространство малым числом войска, растянули полки отделениями, которые не могут быть против нашествия неприятельского крепким кордоном, ниже в соединении его удерживать. Посему я, будучи во мнении, что расположение в степи малого числа войск сколько протяжнее, тем больше будет бессильнее, повелел генералу-порутчику Эссену, не раздробляя полки отнюдь на так малые части, содержать сколько можно целыми и расположить: Севской в Белевской или Ряжской крепости, Курской в Новых Водолагах, Тамбовской в Спеваковке, послав из оного по 100 человек в Изюм и Петровскую крепость, Володимирской в Торе и Багмуте, Старооскольской в Кобеляках, Воронежской в резерв, туда ж употребленные в Новых Санжарах и Беликах, куда я ему сего дня из Глухова прямо следовать и в бригаде господина генерала-майора Олсуфьева быть приказал, 2-й гранодерской в Полтаве, а прочие карабинерные и гусарские полки и третьятысячная донская команда в назначенных им по представленному от меня в Военную коллегию расписанию местах, употребляя последних в разъезды на посту от Трех буираков и по речке Самаре. Итак, по положению настоящем моих полков, предрассуждать могу о неприятельских движениях, назначая то на карте прилагаемой литерами [2]. Ежели б неприятель пошел против всяких военных правил во вдавшись в нашу сторону углы под литерою «А», то-есть к крепостям на линии святой Параскевии, Тамбовской, Алексеевской и святого Петра, то он отрезан будет с обеих сторон — с правой под литерою «В» командою генерала-порутчика Эссена, с левой под литерою «С» донскими казаками. А буде бы он прямо на линию устремился против литеры «Д» и не могли бы его обдержать там расположенные войска, то по Ворскле реке под литерою «Е» поставлен-

---

[1] Не публикуется (см. ф. 20, оп. 1/47, св. 233, д. 1).

[2] Карта не обнаружена.

ные в резерв четыре полка встретить его могут и туда же обратится все наше правое крыло под литерою «Z»; когда же бы и на Новороссийскую губернию, то-есть против правого фланга пустился, то команда, по Днепру расположенная под литерою «Z», генерала-порутчика фон-Далке к защищению обратится, а в подкрепление оной и левое крыло быть может. По рассуждению сего приказал я на линии по крепостям иметь столько людей, сколько для караулов и обороны их надобно, смотря по ситуации, а редуты и реданты некоторые вовсе уничтожить, оставив только одни полезные, и чтоб во время тревоги чрез маяки и выстрелы по всей линии беспрерывно к обоим флангам знаки доходили и то бы одною двутысячною от полков пехотных командою содержать, а разъезды впереди линии малороссийскими казаками, коих там теперь 2500 находится.

Господин генерал-аншеф князь Долгоруков вчерашний день для принятия команды отправился в Полтаву; река Сейм, которая по оттепели случившейся невозможным делала чрез оную проезд, препятствовала со времени приезду скорее туда ему ехать. Я ему предложил осмотреть также линию, что и сам хотел бы учинить, но приключившаяся тяжкая боль в боку, при которой доктор опасным представляет всякую мне езду, к тому меня не допускает, сколько еще и не доконченные переписками внутренние для войны приготовления.

Касательно правого крыла до моей команды, то в Киеве расположенные три пехотные полка — Муромской и Ингерманландской и Ширванской, в Переяславле Астраханской и два Севской дивизии карабинерные полки Тобольской и Вятской к обороне сих мест на сей первой случай кажутся достаточны.

В первых числах сего месяца имел я рапорты так от князя Прозоровского, яко и от команд, остававшихся в Польше при границах наших для истребления остатков гайдамак, что вновь возродились многочисленные их артели в Смелянщизне и порутчиком Ямбургского полку Вепрейским взято из них человек до 300. Я по лучшей способности пребывания пред моим господина генерала-губернатора киевского Воейкова препоручил ему восприять по благоусмотрению все меры к искоренению сих обновившихся злодеев [1], чтоб они не пресекли нашим войскам коммуникации с Киевом, велевши по тому все его повеления исполнять господину генералу-порутчику и кавалеру Племянникову с своею командою.

Генерал г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф 20, оп. 1/47, св. 233, д. 1, л. 147—149 об. Подлинник.

---

[1] Имеется в виду гайдамацкое движение.

№ 31

1769 г. января 2. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О ВОЗЛОЖЕНИИ НА НЕГО РУКОВОДСТВА ПОДГОТОВКОЙ И ПРОВЕДЕНИЕМ ЭКСПЕДИЦИИ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ АЗОВА

С.-Петербург

Как уже вам известно, сколь несправедливо нам от Оттоманской Порты война объявлена и сколь мы твердо намерены употребить все силы на защищение вверенной нам от бога империи и на разрушение, сколько возможно, всех предприятий против оные сего вероломного неприятеля, то между прочими сделанными уже к тому приуготовлениями определили мы занять Азов[1] и оной как скоро возможно привести в оборонительное состояние, а сию экспедицию по всегдашней к вам нашей доверенности поручаем под ваше ведение. Вследствие сего нашего намерения повелели мы уже: 1) Для сей работы нарядить с Слободской, Нижегородской, Казанской и Астраханской губерний три тысячи пятьсот работников, коим и приказано в будущем марте, а некоторым в апреле месяцах явиться в Черкасск, а оттуда отправлять их в крепость св. Димитрия к тамошнему оберкоменданту генерал-майору Потапову, о чем и к нему указ послан. 2) Для укрепления сего места командировать одного инженерного штаб-офицера и при нем четырех или пять офицеров и несколько кондукторов и сколько можно минеров, которым явиться же в крепости св. Димитрия. 3) Для сей экспедиции командировать из Москвы в крепость св. Димитрия Вологодской пехотной полк и один гарнизонной баталион из крепости св. Димитрия. 4) На время войны определить вам туда коменданта и плац-майора по вашему рассмотрению. 5) К произведению сей экспедиции определить вам из своей команды генерала-поручика Вернеса, или кого вы к тому заспособно признаете, коего и отправить туда немедленно. 6) Сему назначенному командиру имеете вы дать повеление, чтоб он, все повеленное к сему предприятию собрав в крепости св. Димитрия, следовал в Азов и в нем тотчас работу начать приказал, стараясь сначала сделать укрепление только для обороны от нечаянного нападения, а потом и настоящее, производя всю работу без потеряния времени и с поспешностию. 7) Ему же прикажите взять артиллерии на первый случай пушек чугунных и медных до ста, или сколько вы рассудите, или паче сколько удобно взять

---

[1] Крепость Азов, возвращенная туркам после неудачного Прутского похода 1711 г., была вновь в 1736 г. занята русскими войсками под командованием Ласси, но в 1747 г. ее укрепления были разрушены и лишь в 1769 г. вновь восстановлены.

можно с их снарядом из крепости св. Димитрия, которые и перевести Донским войском с заплатою, а дабы и сию крепость не совсем обнажить, то отдаем мы в вашу диспозицию все верховые крепости, как то: Тавров, Павловск и прочие, из коих на место взятой из крепости св. Димитрия артиллерии можете вы приказать перевести в оную крепость сколько потребно будет. 8) К сей артиллерии одного штаб-офицера с подлежащим числом обер-офицеров и рядовых повелели мы командировать. 9) Для прикрытия Азова в команду определенного от вас командира тысяча человек Донских казаков находятся уже в готовности, кои по первому от вас к генералу-майору Потапову повелению и выступят. 10) А как предполагать надобно, что при начале весны произведению сей работы могут от неприятеля последовать помешательства с Кубанской и с Крымской стороны, а может быть, и с моря, то повелели мы Иностранной коллегии как скоро возможно нарядить не менее двадцати тысяч человек калмык к вашей армии, о чем вам особливым от нас рескриптом знать дастся, да до тысячи пятисот казаков и неотменно сему корпусу собраться на кубанской степи к первому числу марта или, как скоро возможно. 11) О снабдении Азова провиантом из крепости св. Димитрия и из других мест, как скоро по вскрытии вод возможно будет, не менее как на год для продовольствия десяти тысяч человек указ Провиантской канцелярии дан. 12) Сверх всех сил сухопутных приготовлений, нарядили мы и морскую экспедицию и командировали уже адмиралитетского генерала-кригс-комиссара Селиванова в Тавров и в прочие тамошние адмиралитетства, как для приготовления лесов к строению судов разной величины и для возобновления нужных магазинов и прочего на предбудущее предприятие, так и для окончания для сей настоящей экспедиции зачатых уже в тех же местах пяти прамов, построя к ним потребное число мелких судов, и сверх того повелели весною доставить до Черкасска до шестидесяти вооруженных лодок. 13) Сию Азовскую морскую экспедицию поручили мы контр-адмиралу Алексею Сенявину и приказали ему действовать по вашим требованиям. 14) В соответствии сего нашего намерения и данные уже вследствие оного разных от нас повелений надеемся мы, что вы по известной нам вашей ревности и усердию к службе и к пользе отечества не оставите, елико до вас принадлежит сделать такие распоряжения, кои бы сие предприемлемое нами действие к желаемому концу привели, и с сим надеяниям мы пребываем вам, как и всегда доброжелательною...

Екатерина

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1846, л. 1—5. Копия.

№ 32

1769 г. января 5. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О ПЛАНЕ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЕГО ВОЙСК С 1-й АРМИЕЙ[1]

При первых здесь рассуждениях о войне и о мерах, к лутчему производству ее нужных, положено было в нарочно для того держанном совете нашем главным правилом для армии, которою вы предводительствовать избраны, «что как главной вид сей армии состоять имеет в защищении границ, то оставить совсем на искусство определенного командира, которой не оставит, как некоторую часть войска поставить около Бахмута, так и по операциям главной армии свои предприятии делать, и потому надлежит обоим командующим иметь между собою частые сношения».

По сему генеральному положению откладывали мы доныне вступить в раздробление частей его и во всю между ими надобную связь, в надежде, что вы сами ко времени сюда быть можете для подания нам собственных ваших на то мнений и для получения от нас по тому точных уже наставлений на всю будущую кампанию. Но как трудности вашего там на месте пребывания и сотечение разных важных причин препятствовали по сю пору отъезду вашему, да и для переду делают еще оной неизвестным, то и не хотели мы медлить далее войти с вами в ближайшие о том и другом изъяснения и требовать собственного вашего мнения, как от верного сына отечества и полководца испытанной прозорливости и искусства.

Вследствие того поручаем мы вам с полною доверенностию приняться за дело обще с назначенным командиром наступательной армии, генералом князем Голицыным, которой при получении сего рескрипта, конечно, уже в своем месте будет, постановить вместе с ним по лутчему вашему усмотрению удобнейшей и выгоднейшей план, как для защиты собственных гра-

---

[1] На Совете при высочайшем дворе, собранном 4 ноября 1768 г. под председательством Екатерины II, на котором присутствовали К. Г. Разумовский, А. М. Голицын (генерал-аншеф), А. М. Голицын (вице-канцлер), Н. И. Панин, З. Г. Чернышев, П. И. Панин, М. Н. Волконский, Г. Г. Орлов и А. А. Вяземский, было решено для войны с Турцией всю армию разделить на три части: 1-я наступательная армия, под командованием Голицына, в числе до 80 000 человек, должна была собраться в Киеве к первым числам апреля 1769 г.; 2-я армия Румянцева, в числе до 40 000 человек, названная оборонительной или Украинской, должна собраться при Усть-Самаре, а часть — у Бахмута. Эту армию со стороны Крыма должны были прикрывать запорожские казаки. 3-я армия, под начальством генерал-аншефа Олица, именовавшаяся Обсервационной, численностью до 15 000 человек по плану должна была собраться у Луцка, выставить авангард и выслать отряды для занятия Бара и других городов и местечек в этом районе.

ниц, так и для разделения неприятельских сил и внимания, и как можно скорее прислать оной сюда для последнего рассмотрения и принятия решительной заранее на все резолюции.

Для соображения тут мыслей и рассуждений ваших с намерениями неприятеля, поколику оные наперед проникаемы и определяемы быть могут по разным с разных сторон доходящим известиям, нужно вам знать, что турки, повидимому, с двух сторон главнейше действовать готовятся, а именно из Молдавии и от Хотина в Польшу и еще прямо к границам нашим, а может быть, и в третьем месте соберутся они особою частию с стороны Кубани для тревожения нас и в том краю с захвачением и восстановлением, естьли предуспеть могут, разоренного Азова.

Армия генерала князя Голицына имеет служить в первом месте, и ему именно от нас поручено употребить всевозможную поспешность, старание и искусство к неперепущению турецких огромных, но тем больше неустроенных сил на здешней берег реки Днестра, дабы паче нам самим, на нем утвердясь, одержать уже полную свободу и удобность начать весною первые наши операции с сего пункта.

Вы, напротив того, будете противу себя иметь ту часть неприятельских войск, кои определяются к нападению на границы наши и, сколько с вероятностию судить можно, пойдут или с крымской стороны, или по прямой линии от Бендер к новороссийским и киевским границам, состоя из татар при некотором от турков подкреплении. Попечение ваше тут будет не допускать их по возможности до пределов империи пресечением ли пути или же баталиею, в чем вам собственное ваше в военном деле отличное знание будет лутчим руководителем.

Из сего сугубого положения само собою разумеется, что вам в общем вашем совете с генералом князем Голицыным надобно будет на основании данных ему от нас повелений, кои здесь для лутчего вам сведения и нужного с своей стороны по обстоятельствам содействия прилагаются в точной копии, прежде всего о том условиться, каким образом вы друг другу с большею надежностию и пользою помогать имеете, когда неприятель обратится превосходными силами на одного, дабы в таком случае и товарищу выгодную делать диверсию и не выпускать однакож из вида собственного своего главного предмета, поколику разные в том обороты с безопасностию соглашаемы быть могут.

Вы оба, конечно, согласного будете мнения, что сие уважение, то-есть взаимная обеих армии безопасность, следовательно же, и предопределение от вас достаточных для оной мер и осторожностей на всякие возможные случаи, долженствует предшествовать всем другим уважениям и обращать на себя предпочтительное ваше внимание.

Естьли турки устремятся на генерала князя Голицына в таком множестве, что он не будет в состоянии не только насту-

пать на них, но и стоять противу в занимаемой зимней позиции, в таком неожиданном почти случае долг ваш будет, к нему ли приближаясь или в другом чувствительном месте, как, например, учреждением похода и операций ваших к реке Бугу, сделать неприятелю скорую диверсию и стараться его разделить; напротив чего, буде громада тогда или же прямо с места на вас обратится, должен он будет взаимно согласовать тому операции свои и отводить на себя большую кучу.

Предписывая вам здесь единственным правилом для ваших собственных рассуждений движение вперед, когда возможно будет вашей армии, мы оное основываем на том примечании, что толь великое число неустроенных турок и татар, какое пред вами в собрании быть может, удобнее вам держать противу себя в куче, когда вы сами будете делать виды наступательных предприятий к реке Бугу, нежели возможно будет, растянув силы ваши по такой обширной границе, оную от их нападений защищать, ибо в сем положении не всегда и не везде вам удобно будет с надежностию сделать в том месте достаточное супротивление, куда неприятель кинется, когда он себя также рассыпанным против всей границы содержать будет. Положа сие основание общим вашим между собою советам, не хотим мы по возлагаемой на вас обоих совершенной доверенности связывать вам руки во всех частях оного и для того удовольствуемся только объявить вам здесь другие наши военные распоряжения с тем, чтоб вы их, сколько можно будет, присвоили к своему плану.

Низовое Запорожское войско отдаем мы чрез сие в полную и единственную вашу диспозицию, как главного в той стороне военного командира, оставляя потому вам одним и определять ему во время кампании те предметы службы, кои вы по времени и обстоятельствам за полезнейшие признаете.

Волжских калмык наряжено к вам двадцать тысяч человек. Они выступят из мест кочевья своего по первой траве и пойдут к Дону, откуда вам их к себе взять удобно будет, употребление сих войск по свойству обыкновенного их воевания предали уже мы лутчему вашему на месте усмотрению, примечая только, что они по легкости своей могут скорее всех других командированы быть в поиски над неприятелем, а особливо в Крым, куда летом мимо Перекопи брод есть чрез Гнилое море, наипаче же естьли вам возможно будет при такой их экспедиции подкрепить несколькими полками от вашей армии с некоторым числом пушек, придав к тому способного командира из вашего генералитета, чем могли б вы для обнадежения ваших вперед движений запереть Крым. Но мы вам, ничего точно не предписывая, открываем только идею в твердом удостоверении, что вы и по собственному своему к службе нашей усердию, на все удобные случаи наносить неприятелю чувствительные удары, откроете нам сами лутчие ваши мнении.

К Азову командирован от нас генерал-порутчик Вернес или кого вы заблагоусмотрите с несколькими полками и достаточною инженерною командою для возобновления сей крепости, ибо мы твердое приняли намерение стараться одержать оную при мире в нашу сторону. При положении плана вашего надобно вам сделать некоторое примечание на сию экспедицию, дабы оная армиею вашею достаточно прикрываема быть могла во время производства работ, для коих ныне и работники уже отправляются.

Для равного ее с морской стороны прикрытия командирована уже отсюда в Тавров морская экспедиция. Она имеет немедленно построить и вывесть к Азову некоторое число прамов и других способных судов.

Обе сии экспедиции будут состоять под главным вашим ведением, а вашего уже попечения долг будет снабдевать их взаимно нужными наставлениями, а особливо первую ограждать от неприятельского с вашей стороны нашествия. К чему также прикомандированные к армии вашей, как выше сказано, двадцать тысяч калмык могут с пользою служить.

Остающиеся на Дону казаки и в своих местах волжские калмыки употреблены будут с своей стороны в особливую на Кубань экспедицию, под предводительством кизлярского коменданта генерал-майора Потапова. Мы не сумневаемся, что она вам немало способствовать, а по крайней мере кубанских и прочих тамошнего края татар дома удерживать будет.

Хотя все сии предприятия и будут от вас не весьма близки, но тем не меньше долженствуют они иметь некоторую связь с операциями вашей армии, дабы друг другу сколько ни есть способствовать могли, и для того не оставите вы в совете вашем с генералом князем Голицыным взять их в надлежащее уважение и представить нам о всех уже частях войны вообще генеральное ваше мнение на будущую кампанию, которое, не сумневаемся мы, будет иметь основание свое на истинной к отечеству любви, на благоразумном предусмотрении всех нужных способов и на верных правилах военного искусства.

Сверх сего поручаем мы вам все ваше старание употребить к способствованию укрепления к обороне города Киева. Нельзя не признать, что он в настоящую войну должен почитаем быть главным нашим пласдармом и по тому одному уже целость его составляет верховной предмет нашей обороны. Следовательно, необходимо нужно, чтоб сия крепость могла выдержать формальную осаду, естьли б туркам удалось добраться до нее с посредственною артиллериею между обеих армий наших. Между тем мы особливо приказали нашему генерал-фельдцейхмейстеру ныне как наискорее исправить все укрепления того города и привести в настоящую безопасность.

Впрочем отныне присваиваем мы вам, как главному командиру другой нашей армии, все те в команде попечения, преиму-

щества и власть над подчиненными, которые вверили генералу князю Голицыну и которые потому и вам правилом служить имеют по точной силе данного ему и здесь вам в копии сообщенного рескрипта нашего.

Мы уверены, что вы сию нашу монаршую доверенность совершенно оправдаете верностью, усердием и службою вашею, с которыми толь тесно соединены истинная польза отечества, целость и безопасность его границ, поспешествование славного и прочного мира, собственная ваша и имени вашего честь и всегдашняя наша милость и благоволение. Они, как неразлучные спутники истинных достоинств, трудов и подвигов, будут всегда с вами и возрастать вместе с ними.

Екатерина

ЦГАДА, ф. Румянцева-Задунайского, д. 46, л. 1—6. Подлинник.

№ 33

1769 г. января 27. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ А. С. ИСАКОВУ С ОЦЕНКОЙ ЕГО ДЕЙСТВИЙ ВО ВРЕМЯ ТАТАРСКОГО НАБЕГА НА ЕЛИЗАВЕТГРАДСКУЮ ПРОВИНЦИЮ ЗИМОЙ 1769 г.

Вы сами вообразить себе то можете, сколько к сожалению должен мне быть ваш рапорт от 24-го [1], а я только скажу вам, что оный прямо уже подтвердил мои обо всем до сего заключения.

Что я уже могу вам предлагать или и надеяться, когда из самого письма вашего вижу, что вы больше в себе замешаны, нежели чтоб к тому привели вас превозможения неприятеля. Вы имели довольно пехоты и с превосходством против того конницы, вы должны были, познавши только вступление неприятеля, встречать его военною рукою и в случае сражения, если бы вы не могли всемерно одержать верх, тогда бы оставалось прилично ретироваться со своим корпусом к крепости под пушки. Но вы свои действия тем начали, что в самой уже крайности предоставалось к защите. В ваших руках находилось все то, что, сами утративши, ищете теперь у других.

---

[1] П. А. Румянцев был очень недоволен действиями генерал-майора Исакова, позволившими татарам вторгнуться в Новороссийскую губернию. Объяснения Исакова, данные в его рапорте, в котором он пытается оправдать свои поступки и невыполнение приказа Румянцева ссылками на многочисленность противника и слабость своих сил, не могли быть признаны достаточными. Рапорт Исакова в Сборнике не публикуется.

Всякому видеть можно из ваших изъяснений, что страх недостойный увеличивает в одном воображении вашем без испытания силы и число неприятеля, так как напротив умаляет довольство собственных.

Не стыдно ли вам себя унижать пред неприятелем, в терпении которого действии не остановляет стужа, а наши войски для оной равномерно полчаться не могут. Я скажу справедливо, что ко всему были и есть способы, но недостает только одной диспозиции.

Вы, господин генерал, ответствовать будете за все то, что вы уже упустили, и еще паче ежели неприятель беспрепятственно и ко Днепру дойдет и вы его не отважитесь, сзади или со стороны ударив, приостановить своим оружием, не возлагая того на счет других командиров, которым, конечно, могут встретиться свои должности, где они, имевши в предмете верность присяге, долг отечеству и собственную честь, не по-вашему стараться станут остановить отвагу неприятеля и показать силу оружия нашего, заменив тем ваши слабости, возободрившие его. В заключение я вам подтверждаю исполнить непременно от меня прежде повеленное и по крайности последним поведением загладить начатки, не приносящие вам славы.

Я сим разумею то, ежели бы неприятель пошел ко Днепру, чтоб вам его преследовать и всякие над ним чинить поиски.

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел. Бумаги Н. И. Панина, д. VI—12, л. 41 и об. Подлинник.

№ 34

1769 г. января 27. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Н. И. ПАНИНУ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ПЛАНА ДЕЙСТВИЙ РУССКИХ ВОЙСК В КАМПАНИЮ 1769 г.

Киев

Милостивый государь мой, граф Никита Иванович!

Видевшись с князем Александром Михайловичем [1], приступлю я, ваше сиятельство, к исполнению моего обещания от 17 сего месяца в полной надежде, что вы, милостивый государь мой, примите мои мысли в виде откровенного чистосердечия, столько из обыкновения и преданности хранимых к доверенности вашей, сколько и для собственной в том моей пользы, что ваше сиятельство, видевши мои мнения иногда неправыми или

[1] Голицыным.

несогласующими лутчему положению, и составите мне мои ошибки приметить с наставлением истинным, которому всегда и усердно я повинуюсь.

Ремесло наше свои имеет правила, во многих случаях неопределенные, без положения и точности, зависимые токмо от предрассуждений полководцев. А все что искусство военное во основание своим мероположениям приемлет, состоит в одном том, чтоб держать всегда в виду главную причину войны, знать, что было полезно и вредно в подобных случаях в прошедших временах, совокупно положению места и сопряженные с тем выгоды и трудности, размеряя противных предприятия по себе, какое бы могли мы сделать употребление, будучи на их месте.

Вот, милостивый государь мой, правила военные, правила кратчайшие.

Те, которые имели счастие прямо их проникнуть и предписуемое в них узнать, славно имя таковых между победителями и преимуществовать могли они всегда над своим соперником, так как ошибающиеся в сих соображениях платили дорого за свои инакие меры. Не присвояю я себе права первых, но может быть наиболее найдуся в числе последних; из подражания однакож по малейшей моей практике знаю собственно, сколько полезно основывать свои распоряжения на обстоятельствах изъясненных. И так осталось мне за сим по поводу вашего милостивого взыскания открыть вашему сиятельству мои слабые мнения, в которую сторону лутче свои военные операции обратить мы можем. Нет в том сомнения, чтоб не многочисленнее теперь были войски неприятеля и чтоб не всеми оными на нас он устремился, нежели в прошедшую войну, когда его силы разделяли австрийцы и персы, я потому и не без трудности положение наше нынешнее против тогдашнего[1]. Не без предрассуждения тогда город Очаков прежде старались достать, нежели Хотин. Конечно, и в то время приемлемы были во уважение (что и теперь тому же предстоит) сих обоих городов положения. Хотин есть город, который по сообщению с Очаковым имеет свое снабдение, так как и через Молдавию несравненно в труднейших способых против Очакова, который чрез водяную коммуникацию от самого Царьграда все получать может изобильно во укрепление и снабдение всегдашное неприятеля.

По сему судить остается о равных видах пользы нашей и вреда неприятелю, т. е. когда поведем наши действия на Очаков и с помощию господа сил успеем получить оный, выиграем тем много над неприятелем, лишивши его первой удобности, откуда он мог иметь достаточно себе всякие для войны запасы.

Сим самым Хотин бы можно обессилить, как заимствующий многое от Очакова, а ежели обратимся прежде к Хотину, что,

---

[1] Имеется в виду война России совместно с Австрией против Турции в 1735—1739 гг.

правда, легче произвесть, нежели первое, но мы не сделаем, однакож, тем границам своим защиты, хотя бы его в руках имели, столько же как и авантажу над неприятелем, которому всегда подпорою будет Очаков. После Очакова Перекоп в моем воображении занимает равное или другое место, и кажутся сии два города такими предметами, что, не овладев оными прежде, нельзя нам возвыситься над неприятелем.

Я держу в мыслях, что конфедераты, поспешествующие намерениям неприятельским, никогда не доведут до того, чтобы неприятель многими силами вшел в Польшу для опровержения наших тамо приготовлений; их собственный интерес, чтоб сохранить от разорения отечество и себе единомысленных соземцев, тому противится. Но они, конечно, понуждать станут неприятеля все силы свои наклонить в наши границы, а тем отвлечь наши войска с Польши и восстановят свободу в своей земле кроющимся искрам подобных им желаний произвесть пламя, пожирающее себе противных. В доказательство моему мнению служат к границам уже нашим собравшиеся татарские войски, о которых я, здесь будучи, видел известия у князя Александра Михайловича, что уже проходили недалеко крепости нашей Елисаветы, а генерал-майор Исаков сам с своею командою привязался толь крепко к сей крепости, что не мог бы и знать приближения неприятеля, ежели бы наш объезд, наехавши на двоих татар, заблудивших от вьюги, не взял оных. В сем случае я взыскиваю ответа от Исакова, для чего он не исполнил по моим повелениям и не встретил неприятеля прежде, нежели он мог покуситься на вступление в наши границы.

Теперь мне кажется, милостивый государь, должны мы брать меры к защищению собственных границ и сколько можно неприятеля в его земли удержать страхом утраты своих городов, которые ключом нам бы послужили к отверстию дальшему, а с нашими преуспеяниями Польша всегда зависима от нас будет. Я смею себя обнадеживать со свойственною вам справедливостью, столько же, как и всех сослуживших со мною свидетельством, что я всегда старался возложенное на меня дело производить с лутчим успехом, сколько мне было возможно[1].

Тем более теперь я к тому устремляюсь, имевши счастие носить славную доверенность при нынешнем положении. Однакоже, милостивый государь, не в предвещание, но только скажу я по естественному порядку, что часто мужество и храбрость совершенные уступали превосходной силе.

---

[1] П. А. Румянцев критически отнесся к плану войны (док. № 32), составленному без учета реальной стратегической обстановки, сил и намерений противника и отражавшему неподготовленность России к войне.

В настоящем письме Румянцев делает попытку изменить основное направление военных действий и придать им более активный характер. Эта попытка осталась без последствий.

В сих моих изъяснениях примите, ваше сиятельство, чистосердечное и совершенное послушание вашей воли того, который за честь поставляет с совершенною преданностью во всю жизнь пребывать вашего сиятельства всепокорнейшим слугою.

Граф *Румянцов*

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел. Бумаги Н. И. Панина, д. VI—12, л. 33—36. Подлинник.

№ 35

1769 г. февраля 5. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ ОТРАЖЕНИИ НАПАДЕНИЯ ТАТАР НА ЕЛИЗАВЕТГРАДСКУЮ ПРОВИНЦИЮ И ОБ УГРОЗЕ НАБЕГОВ НА НОВОРОССИЙСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Глухов

Ваше императорское величество от 8-го ноября прошедшего года всевысочайшим указом предписать соизволили мне[1]: в рассуждении опасности, настоящей для Новороссийской губернии по ее положению открытому со всех сторон и в самой близости к татарским жилищам, предполагая, что по сим обороны ее неудобствам не имеете, ваше императорское величество, намерения держаться при оной чрез всю войну, но весною или летом, когда начнутся в других местах прямые военные действия, употреблены будут другие средства, удобные к сокращению по возможности толь великого пространства нужной границам защиты; чтоб я между тем, снесясь с киевским генерал-губернатором, восприял по общему усмотрению все нужные и достаточные меры к прикрытию чрез зиму всех вообще границ, а особливо Новороссийской губернии, яко такой части, коею неприятель легче овладеть может; но при всем том сии самые меры относительно к сей губернии долженствуют зависеть от первого над всеми уважения, чтоб военные силы не были ослаблены к обороне границ и к будущим весною военным действиям, под которыми после новое распоряжение о новороссийских селениях удобно произведено быть может.

На сем основании сделанные от меня учреждения в расположении полков к защите границ трех, паче пехотных, к Елисаветградской провинции имели свое действие, что неприятельские первые покушения на Елисаветградскую провинцию и от линии, о чем я вчера всеподданнейшую вашему императорскому вели-

[1] См. документ № 15.

честву отправил реляцию, остались бесплодны[1]. Но из сих открывшихся последований предрассуждение вводить вашему императорскому величеству, что когда в толь жестокую и нестерпимую почти человечеству стужу сии легкие неприятельские войска нападение могли делать, то во время лучшей наступающей погоды, без сумнения, вящше они не престанут стремлений своих производить, паче по вскрытии и разлитии реки Днепра, когда трудность произойдет подавать вспоможение в ту сторону и, делая тем тревоги, препятствовать станут собранию и приведению мне вверенной армии в порядок к должным операциям. Уважение в сем случае занимает и то, что мне назначена часть артиллерии из крепости святые Елисаветы, чему также по времени от разлития реки и движений неприятельских будут непременные же трудности.

Полки кавалерийские моей команды, находящиеся тамо в непрестанных с начала почти прошедшего лета поисках за гайдамаками, утруждены были столько, что в лучшую исправность себя привесть не останется им возможности, ежели неприятель в дальних границах продолжит свои покушения. Я все сие от всеподданнейшего моего усердия к службе вашего императорского величества представив к высочайшему рассмотрению, ожидаю всемилостивейшего повеления, не будет ли угодно из сего времени приступить к тому вознамерению, которое ваше императорское величество высочайше положили в вышепрописанном указе.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 21—24. Подлинник.

№ 36

1769 г. февраля 20. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ЛЕБЕЛЮ О ПЕРЕДИСЛОКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ 2-й АРМИИ И ПРИНЯТИИ МЕР ДЛЯ ОБОРОНЫ ЕЛИЗАВЕТГРАДСКОЙ ПРОВИНЦИИ

№ 399

Учиненное господином генерал-майором и кавалером Исаковым, находящимся ныне за Днепром в Елисаветградской провинции, войскам расположение вашему превосходительству, конечно, известно, которого я никак апробовать не могу. Он ста-

---

[1] Около 27 января, во время отъезда П. А. Румянцева в Киев для переговоров с А. М. Голицыным, на территорию Украины вторглись отряды татарской конницы общей численностью до 10 тысяч всадников. Вторжение произошло в Елизаветградской провинции между крепостью Елизаветы и Днестром из-за беспечности командующего войсками и коменданта крепости генерал-майора Исакова и генерал-поручика фон-Далке.

Преследуемые русскими отрядами, высланными распоряжением Румянцева, татары перешли польскую границу в направлении Умани. Это был последний в истории татарский набег на русскую территорию.

раетца прикрывать попрежнему польскую сторону, которую прежде всеми силами охранить не мог, и теперь, будучи уведомлен чрез посланные от меня к нему ордера, что сия сторона действительным вступлением в Польшу первой армии полков стала совсем ныне безопасна, следовательно, во оной провинции так великого числа полков держать, а по польской границе пехоту располагать надобности не предвидитца, да что и полки пехотные отдохновения и к будущей кампании во всем надобном приготовлении требуют, посланным сего числа господину генерал-аншефу и кавалеру князю Василию Михайловичу Долгорукову ордером приказано по силе прежнего моего ему данного ордера все немедленно перевесть на здешнюю сторону Днепра и расположить: пехотные Козловской — в Омельнике и Манжелее, Брянской — в Кременчуге, Орловской — в Китай-городке, Ряжской — в Потоке, куда и находящейся в Кременчуге баталион перевесть, Елецкой — в Калеберде и Переволочне, а конные в назначенных по прежнему моему расписанию местах, и именно: Ямбургской — во Власовке, Ростовской — в Голтве, Псковской — в Кишенке, где сим пехотным полкам, как обмундирование и обучение экзерцции приводимым рекрутам делать, так и при выступлении куда-либо по надобности излишние повозки и вещи по содержанию данного ему господину генерал-аншефу и кавалеру от 5-го числа сего месяца под № 232-м ордера[1] оставлять велено. А вашему превосходительству рекомендую в крепости святые Елисаветы оставить только тамошние гарнизонные баталионы и для службы и на каждую оборону из поселенных тамо гусар и пикинеров из худоконных или вовсе пеших, а комендантом артиллерии — майора господина Геринга, которой там уже быть и определен, и как ему при обороне крепости от неприятельских покушеней поступать, я уповаю достаточным наставлением снабден, но буде бы паче чаяния того не имел, то ваше превосходительство, соображая все нужные обстоятельства, не оставьте ему от себя оное дать, дабы его при всяком случае нашел себя в состоянии противу неприятельских нападеней, естьли бы тот и еще в наши границы войти покусился, стоять и оную крепость оборонять; для делания ж разъездов неприятельских движеней конпанейцов Елисаветградских полку пикинеров и Малороссийских казаков употребить, расположа от Архангельского шанца по реке Сенюхе и Бугу к Запорожской Сечи в удобных местах и так, чтобы они не только открывали неприятельские движения, но в случае к отпору сообщаться или укреплять, к укрепленным местам ретироваться могли, сносясь с атаманом кошевым Калнишевским, о чем от меня и ему ордировано. Протчих же гусар, пикинеров и казаков содержать во всех шанцах для обороны их жилищ, или где вы нужнее найдете, ибо из последнего татарского набега заключать можно, что они

[1] Ордер не публикуется.

на те места, где хотя малые укреплении и воинские команды были, нападения делать не отваживались.

При всех сих учреждениях всем сим гусарским и пикинерным полкам прикажите, ваше превосходительство, к будущей кампании, по силе ее императорского величества из Государственной военной коллегии от 3-го числа декабря указа, с которого копия при сем прилагается[1], быть во всякой готовности, и всего того откомандировав, взыскивать; ежели же чего они сами собою исправить или чем и вновь снабдить полки свои не могут, требовать от Новороссийской губернии, а артиллерию, в крепости находящуюся и в поход назначенную, прикажите майору Герингу отправить с полками, ежели она совсем исправна и лошадей имеет.

А для приведения всего вышепредписанного распоряжения к скорейшему исполнению квартиру вашу взять по способности к кордону в Глинске или Цибулеве, дабы вы по первым достоверным о движениях к вам неприятельских сил известиям скорее пехотные полки в подкрепление свое истребовать могли.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 120, л. 77 об. — 78 и об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 37

1769 г. февраля 23. — РАПОРТ П. А. РУМЯНЦЕВА В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ ОБ УЧЕТЕ НАЛИЧНЫХ И ЗАГОТОВКЕ НОВЫХ ПЕРЕПРАВОЧНЫХ СРЕДСТВ НА ДНЕПРЕ И ДЕСНЕ

№ 422 *Глухов*

Государственная военная коллегия, делая разные к снабдению обеих армий всем потребным полезнейшие учреждении, не запомнила, конечно, и о держании по рекам Десне и Днепру в пристойных местах, удобных к перевозкам провианта, фуража, артиллерии и всяких вещей, где в них по открывшимся впредь обстоятельствам иногда нужда и надобность востребует, суден дать свои повеления. Я с стороны своей, способствуя всеми средствы, какие только суть в моей силе и власти, в Малой России приказал описать все суда или байдаки и без моего ведома ни одного промышленникам не употреблять; но как их число мало, именно всюду 71, и чрез удержание промышленники лишитца могут своего доходу, а обществу в торгу вовсе пресечение произойдет, для того я Государственной военной коллегии осмелился донесть, чтобы таковых судов в Брянске заблаговременно и на оные искусных кормчиков и надобное число работников заготовить приказано было.

Генерал г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 233, д. 2, л. 80. Подлинник.

---

[1] См. документ № 24.

№ 38

1769 г. февраля 25. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ ОТВОДЕ ПОЛКОВ ДЛЯ ОТДЫХА НА ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ДНЕПРА В СВЯЗИ С ВЫСТУПЛЕНИЕМ 1-й АРМИИ В ПОЛЬШУ

Глухов

С одной стороны я, следуя правилу, в высочайшем рескрипте от 8-го ноября истекшего года, от вашего императорского величества мне предписанному[1], чтоб приемлемые меры к защищению Новороссийской губернии зависели от первого над всеми уважения, дабы к будущим весною военным действиям не ослабить тем силы, с другой, видевши, к сожалению, что весь корпус, состоящий в Елисаветградской провинции, при нападении неприятеля оставался бесплодно, введен будучи против всех моих расположений (которыми я назначал всякому полку место, удобное к лучшим действиям) от генерала-майора Исакова в крепость, приказал ныне из Елисаветградской провинции все полки пехотные и кавалерийские перевесть назад чрез Днепр в их квартиры в сходство высочайшему вашего императорского величества повелению, чтоб их приготовить во всякую исправность к начатию в соединении всей армии наступающей кампании и по причинам, что они требуют по своим от дальнего походу трудам нужного себе отдохновения, так как и во многом исправиться при собственном моем их осмотре в тех местах, где их все полковые багажи остаются. В той же отдаленной провинции им долее пребывши не можно б было ни себя исправить, ниже удобно употреблены б быть к нужным операциям, ибо с самого лета, во всегдашнем будучи движении и разных деташаментах, не имели времени сколько надобно для кампании спорядиться.

Прежде нежели генерал-майор Лебель прибыл в крепость святые Елисаветы к принятию команды, генерал-майор Исаков расположил было все полки по краям польской границы в местах, где ни при нападении неприятеля не было опасности, а теперь и того больше нужды не видится, когда войска команды генерала князя Голицына вступили в Польшу и ту сторону прикрывают. Почему я, сие распоряжение отставивши при возвращении оттоль всех полков, дал наставление генералу-майору Лебелю легкие там оставленные войска употреблять к прикрытию и охранению той провинции, предложивши и кошевому атаману Калнишевскому о доставлении помощи от Запорожского войска в случае движений неприятельских. О чем всем всеподданнейше доношу вашему императорскому величеству.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 40—42. Подлинник.

---

[1] См. документ № 15.

№ 39

1769 г. февраля 25. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Н. И. ПАНИНУ О ВЕРОЯТНОСТИ ОДНОВРЕМЕННОГО НАСТУПЛЕНИЯ ТУРОК ОТ ХОТИНА И ОТ ОЧАКОВА И НЕДОСТАТОЧНОСТИ СИЛ 2-й АРМИИ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАСТУПЛЕНИЮ ПРОТИВНИКА

Милостивый государь мой, граф Никита Иванович!

Присоединенными к сему моими реляциями подношу я в одной[1] уведомление о возвращении полков в квартиры из Елизаветградской провинции, другою[2] осмелился ее императорскому величеству представить, что Федор Матвеевич[3] из моей части требует в Киев для караулов и препровождения транспортов с потребностями для первой армии военных людей, которых я уделить отнюдь не в состоянии.

Ваше сиятельство подавая мне удостоверительные опыты при всяком случае своей откровенности и партикулярной ко мне благосклонности, обязали наисильнейше меня быть признательным пред вами с полным чистосердечием во всех своих мыслях.

В чувствовании сего объясняюсь я в том, о чем еще не говорил и хотел бы всегда замолчать, ежели б могли мы твердо положиться, что предприятия неприятельские нашим первым воображениям всегда будут согласны в последованиях своих. Но когда я из оснований, кажется непреложных, представить смею, что и с их стороны не непристойно ожидать против обоих наших частей выведенных сил от Очакова и Хотина, которые ежели будут устроены в образе наступательном, то конечно во всех частях своих найдутся усилены к операциям предприемлемым всею соразмерностью, согласующего расположения армий действующих. В таком последовании, ваше сиятельство, толь свойственным вам проницанием, ободрите, что мои уже меры возчувствовать тогда должны пред собою виды превосходящие соответствование. Поелику пехота самое твердое основание в воинстве, вся лучшая определена в первую армию, а у меня ее столь мало, что теряет уже свою пропорцию против других легких войск, мне назначенных. Посему я от вашего сиятельства смело могу надеяться не только подкрепления вашими представления моего о непринуждении меня раздроблять малые силы, но еще из свойственного вам и публике известного попе-

---

[1] См. документ № 38.
[2] Не публикуется.
[3] Воейков.

чения о благе отечества прибавления впредь надежных сил, примечая по оборотам противных.

Не примите, милостивый государь мой, сих моих гаданий за безвременную себе докуку. Я их вам представляю, от одной стороны, в обыкновенной откровенности пред моим милостивцем, желая во взаимство сему воспользоваться его на сей случай наставлениями, с другой, чтобы не быть мне иногда обвиняемым, что я не довольно предосмотрителен по своему званию.

Окончу сие уверением истинным о моем совершенном почтении, с которым имею честь оставаться вашего сиятельства милостивого государя моего всепокорнейшим слугою.

Граф *Румянцов*

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел. Бумаги Н. И. Панина, д. VI—12, л. 47—48. Подлинник.

№ 40

1769 г. марта 20. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОЛОЖЕНИИ ЕГО АРМИИ В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ ВОЙСК А. М. ГОЛИЦЫНА В ПОЛЬШУ И О НЕОБХОДИМОСТИ УСТРОЙСТВА ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ ДНЕПР

Глухов

Ваше императорское величество в высочайшем повелении от 5-го генваря сего году со изображением предметов главных должности моей[1], в обращении вверенной мне против неприятеля армии, в 1 пункте возложить соизволили на мое попечение как целость и защиту здешних границ, так и движение делать в облегчение операциям действующей в Польше вашего императорского величества армии, предписав, между прочим, в продолжении сего всемилостивейшего рескрипта, чтоб уважению сего взаимного сообщения между обеими армиями преимуществовать над всеми прочими виды.

Сии два начальные правила соблюдая, приступить я должен к сему представлению, поелику теперь генерал-аншеф князь Голицын из Киева выступил уже в Польшу и берет свою квартиру в местечке Лабуне, а по его толикому отдалению со всеми войски от границ сей страны отдаляется и сообщение, и без прикрытия Новороссийская губерния, Киев и другие по Днепру лежащие места остаются. К тому же, не имев еще от вашего императорского величества высочайшей резолюции на общее от нас с помянутым генералом-аншефом поднесенное мнение о произведении операций военных, необходимость вижу себе главную

[1] См. документ № 32.

в устроении надежной переправы чрез реку Днепр, чтоб переход чрез оную от обеих сторон свободно и во всякое время зависел от моих на то положений, что совершенно утвердить предостается чрез понтоны, которых мне не назначено, и о доставлении оных или других удобных судов, ежели до сего не изготовлены, вашего императорского величества высочайшего повеления, куда надлежит, прошу всеподданнейше, ибо сию реку в своей воле имевши: 1-е. Удобнее сообщение между собою обеим армиям содержать. 2-е. Движение неприятельское от Очакова и Бендер в виду всегда иметь, а от Крыму иногда к стороне линии и Бахмута предупредить, которое не может скрыто быть от Сечи Запорожской. 3-е. Новороссийская губерния, которая за учреждением положенных мер по плану общему нашему с генерал-губернатором киевским, хотя чрез своих жителей и имеющиеся тамо команды в состоянии будет отражать легкие набеги неприятельские, тем надежнее еще останется на военную помощь, которою ее подкреплять река уже не отнимет удобности. 4-е. Магазейн и лазарет в тех местах, ежели дойдет учредить, безопасностью предохранить способно. 5-е. Напоследок сим самим легко будет вконец истребить все шайки гайдамаков, возраждающиеся ныне великим числом в Смелянской и Чигринской губерниях[1].

Переправу же такову чрез Днепр, ради выгоднейшего сообщения между обеими армиями для движения войск к Бугу и прикрытия Киева и Новороссийской губернии, по моему мнению, наиспособнее учредить между Кременчугом и Крыловом. И хотя я на все сие по высочайшей доверенности вашего императорского величества имею свободные руки, но мне при точном еще утверждении повелением высочайшим от вашего императорского величества сего представления и вящшее преподается споспешествование в исполнении всех должностей, в рассуждении том боле, что время и обстоятельства, которым сообразоваться надобно, часто причиняют перемену сделанным уже расположениям.

Я осмеливаюсь в заключении повторить мое всеподданнейшее прошение о снабдении меня на сие вскоре высочайшею резолюциею, дабы я успел по обращениям предприемлемым и магазеины распределить в удобных местах, как уже открыть кампанию время близко следует...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 56—59. Подлинник.

---

[1] Несмотря на то, что крестьянское восстание, известное под названием Колиивщины, в 1768 г. было разгромлено совместными силами русских и польских войск, а вожди движения Гонта и Железняк пленены (Гонта казнен, а Железняк сослан на каторгу), украинский народ продолжал борьбу с польскими и русскими эксплуататорами — помещиками.

№ 41

1769 г. апреля 8. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ ОБРЕМЕНЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ В РАЙОНЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ АРМИИ ПОВИННОСТЯМИ И ОБ ОТЪЕЗДЕ ЕГО К ВОЙСКАМ

Глухов

Дознавая повседневно, сколь ваше императорское величество распространяете всемилостивейшее попечение о благе своих подданных по природному своему человеколюбию, осмелился я по долгу моему представить вашему величеству, что хотя по нынешнему военному времени столько для облегчения здешних жителей, как и ради удержания во всем нужного порядка и удовлетворения войск проходящих от меня подлежащие учреждения сделаны о всех таковых должностях, которых взыскует военное время, но однакож действия многих проезжих опровергают все устроение и превосходят уже меры, чтоб мне собою отвратить то было возможно, паче взиманием непрестанным подвод, которое до того неумеренно, что и самих курьерских лошадей, по именному указу вашего императорского величества на всяком стану отобранных, насильно берут, несмотря на запрещение, часто причиняя бой смотрителям, употребленным на почтовые станы, чего я удержать не в силах по различным ныне войск командам. И хотя сам я знаю, что в военных обстоятельствах нельзя уклониться от тягостей, иногда необходимых, однакож на счет сих нужд и излишествовать могут в своих поступках военные люди, то, как сия страна со всех сторон собранием обеих армий обременена много, я приемлю смелость ходатайствовать к вашему императорскому величеству, не угодно ли будет из матернего милосердия от имени своего высочайшего, презирая на тягости нынешние, здешних жителей пожаловать, во утешение их издать повеление во удержание всех проезжих от всяких озлоблений, паче взыскания лишних подвод, каковому указу никто, конечно, противного уже учинить не посмеет.

По возвращении моем из Нежина я не мог тотчас отправиться в Полтаву по болезни, мне тогда приключившейся, не меньше же что и разлитие весняное на пути лежащих рек делало дорогу непроездною, а завтрашней день выезжаю прямо к Днепру и намерен собою всю ту сторону объехать даже до Багмута, и избрать места к утверждению переправ для рандеву и откуда удобнее брать будет военные действия.

В исполнение до сего данного мне от вашего императорского величества всемилостивейшего повеления, еще я ото всех полков, по дальнему их расположению, не отобрал подлежащих сведений о получаемом ими жалованье, однакож осмеливаюсь уверить, что им все сполна оное доходит.

Отъезжая теперь к армии вашего величества, приемлю смелость, всемилостивейшая государыня, изобразить мое рабское усердие, чтоб всевышний, благословляя праведное оружие вашего величества, даровал мне щастие исполнителя всегда успешного воли своей великой монархини.

При сем с глубочайшею моею преданностию повергаю себя вашего императорского величества к освященным стопам.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 86—89. Подлинник.

№ 42

1769 г. апреля 25. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫМИ ДАННЫМИ О ПРОТИВНИКЕ, О ПРИСЫЛКЕ ПОНТОНОВ И НАМЕЧЕННОМ СОСРЕДОТОЧЕНИИ АРМИИ

м. Городище

От 3-го сего месяца атаман кошевой Калнишевский при рапорте своем прислал ко мне от запорожской партии взятого при разбитии ими под Очаковом одной турецкой команды разъездной начальствовавшего над оною турка Бешлей-агу Османа, который допросом показал между прочим, что минувшего марта в последних числах в Очаков дошел общий слух, что крымской хан Кирим-Гирей в одну ночь с пятью знатными своей орды померли и смерть их нечаянную приписуют отраве, тело ж мертвое сего хана провезено чрез Очаков и морем отправлено в Кинбурн. Сие показание хотя не вовсе еще достоверно, потому что оного до днесь другие ни откуда не подтверждают известия, кроме уведомления, которое мне подает киевский генерал-губернатор Воейков из речей ушедшего из Ясс волошина, кой по слуху также объявлял о смерти ханской. Я однакож почел должностью себе об объявлении сего пленного вашему императорскому величеству всеподданнейше донесть. Запорожским же казакам, пленившим сего турка, в награждение за их подвиги и для поощрения их к дальнейшим, сколько и за ту верность, что они на местные посулы, которые ага им чинил за свой отпуск, не преклонились, послал я для отдачи им к кошевому атаману сто рублей.

Помянутый ага сказует, что неприятельской армии в Очакове находилось до двадцати тысяч и сверх того ожидали к сему городу конных арнаутов до десяти тысячей. Но их движений из сей стороны нигде не примечено, кроме малых разъездов, а настоящего сведения о числе войск и положений оных

получить еще я не мог потому, что никто не берется проехать прямо между Очаковом и Перекопом, где никакого способа и претекста посылаемым примыслить не можно, которым бы они скрыть могли свои комиссии, а все посланные принимают свой путь окружною стороною чрез Польшу и Молдавию и поднесь ни один еще из них не поворотился. Я, прибывши ныне на места, по Днепру лежащие, всеми мерами стараюсь о устроении переправы на сей реке при Кременчуге, а другой, ежели можно будет, и при Переволочной. Но при всем том наибольшую имею остановку, не получая до днесь просимых понтонов, коих о доставлении ваше императорское величество высочайшее повеление, как я из всемилостивейшего рескрипта от 3-го сего месяца, а 17-го полученного видел, дать соизволили, а оные не только для переходу чрез Днепр, но и при движениях для переправ случающихся надобны будут, паче в открытых степях, ибо и при строении нынешней переправы не только в якорях, канатах главной недостаток, но и самого потребного к сему лесу в здешних местах отыскать наибольшая трудность и невозможность настоят и я только одно пособие имею для строящихся мостов, взявши на употребление к тому из Переволочной нашедшеесь некоторое число морских якорей, оставленных тамо от прошедшей турецкой войны[1]. Я ни в котором таковом деле, где по высочайшей вашего императорского величества ко мне доверенности собою могу найти способы к пособию в трудностях и недостатках утруждать, ваше императорское величество не смею, но в рассуждении переправы навсегда на сей реке не предвидя, чтоб когда-либо средство быть могло к награждению недостатков в сих местах в нужных к тому потребностях, не мог не представить вашему императорскому величеству в высочайшее рассмотрение; не соизволите ли, ваше величество, хотя не для нынешней уже постройки, но на следующее время, когда оная не меньше нужна будет, высочайше указать, приготовив в удобных местах всякие морские припасы, служащие к деланию на реке мосту, в сии места оные доставить. Я коль скоро устрою переправу на Днепре, то тотчас и перейду на ту сторону реки и приступлю к соединению вверенной мне армии, взявши первую мою позицию в удобном месте между Кременчуга и крепости святые Елисаветы, чтоб в состоянии быть кооперировать иногда первой армии и предостерегать всякие покушения неприятельские на Елисаветградскую провинцию. Между сим я отделю потребный корпус к Бахмуту, назначив на первой случай калмыкам расположиться в вершинах рек Калмиуса и Кринки для удобнейшего удержания набегов татарских в ту сторону между Таганрогом и Бахмутом, а по обстоятельствам иногда и для делания диверсии на крымской стороне с подкреплением располагаемого корпуса пред Бахмутом.

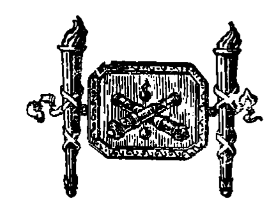
---

[1] Войны России с Турцией 1735—1739 гг.

От назначенной мне артиллерии упряж и припасы, как генерал-майор Вульф меня рапортует, по повелению генерала-аншефа князя Голицына в первую армию для споспешествования действиям, на него положенным, почти все взяты, которые, конечно, по распутице туда в свое время доставлены быть не могли и ныне оных дожидается из Москвы. Я, однакож, повелел сему генерал-майору, чтоб, коль скоро все потребности к артиллерии прибудут, тотчас бы оную отправил в Кременчуг, для чего и лошадей из Старого Оскола заблаговременно привесть в Киев.

Граф *Петр Румянцов*

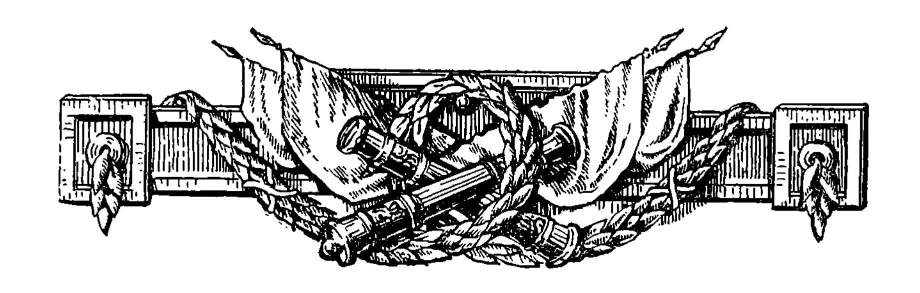
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 115—120. Подлинник.



Глава II

ДЕЙСТВИЯ 2-й АРМИИ в 1769 г.

(май — сентябрь)



№ 43

1769 г. мая 3.— ИЗ ОРДЕРА П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-АНШЕФУ В. М. ДОЛГОРУКОВУ ОБ УЛУЧШЕНИИ САНИТАРНОГО СОСТОЯНИЯ И ОБ ОБУЧЕНИИ ВОЙСК

№ 911

...1-е. Ротным командирам и всем, до кого сие точно принадлежит,' обращать все свое на них примечание и чрез разные посредства внушить им производимой нечистотою здоровью их вред, и сколь напротив чистота сохранению оного полезна; а чрез то сделать их так к ней привязанным, чтоб они непременно всякой день лицо, руки, ноги, не редко и головы мыли, белье переменяли чаще, волосы все головой [1] и словом содержали себя в совершенной чистоте; но все излишество надлежит со времени вступления в лагерь, между прочим, и пудру совсем из употребления вывесть, а иметь в походах волосы в бумажках, а в караулах и парадах расчесанные в одну длинную буклю. 2-е. Солдат, а паче новоопределенных рекрут, приводить в познание только прямого военного дела и их должности и службы и учить их только заряжать ружье; коннице заезжать, а пехоте заходить, поворачиваться, маршировать рядами, шеренгами, равно и проворно колонны формировать не всем с одного пункта, где первой дивизион сходит, но всякому с своего места прямо к первому тянуться и так, что когда первой на ту дистанцию придет, которая от места его занимает колонна, все бы прочие сомкнутся, к тому приступя, соединялись и тем бы и время выграли и лишней марш миновали, которой они делают на место, где первой сходил. 3-е. Пальбу делать в пехоте плутонгами в баталионах, а по рядам в дивизионах с обоих флангов на средину чрез слово принимая, например, когда первой скажет «изготовься», тогда второй — «плутонг» первой — «прикладывайся», второй — «изготовься», и так далее; огонь, которой

---

[1] Так в документе.

и беспрерывно и без замешательства во всех случаях и всегда производим быть может, а в кавалерии чрез роту, выезжая как в ретираде предписано, стрелять по шеренгам, парировав[1] лошадей, из карабинов и заезжать, разделясь направо и лево, за заднюю шеренгу, продолжая одна после другой; но при сей стрельбе не выезжать вперед с палашами; при атаке или с места фланкеров высылать, которым, тихо выезжая, разъезжаться и, воображая себе сближение с неприятелем, из пистолетов на всем скаку стрелять, примеряясь, как надлежит, прямо в цель, и по трубе возвращаться к эскадронам, на котором обороте к своим, однако же отнюдь не стрелять, что мною при всяком делании такова сражения примечено было, и, конечно, от худого только внушения рядовым от офицеров о его в прямом образе[2].

Чрез все сие солдаты и достаточно к действительному употреблению в службе наставлены и совершенно от изнурения и ослабления и здоровья охранены, а служба в прямом военном времени в своей точности исполнено будет...

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 120, л. 193 об.— 194 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 44

1769 г. мая 13. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА В. М. ДОЛГОРУКОВУ ОБ ОБУЧЕНИИ ВОЙСК КАРАУЛЬНОЙ СЛУЖБЕ

№ 1027

Я принужден вашему сиятельству объявить, что я с неудовольствием нашел присылаемых от полков в главную квартиру на караул не только рядовых, но и самих офицеров вовсе не знающими предписанного в главах, о полевой службе изданных[3], и из того заключать должен, что в полках о подлежащем прямо до службы и на нынешнее военное время не стараются обучать, и особливо, что при сменах и содержании караулов исполнять и наблюдать надлежит, и какое число рядовых как строить. Я должен буду за сим последним предписанием с нерачащими о настоящей их должности поступать по самой строгости и по данной мне от ее императорского величества власти офицеров чинов лишать. Господа же полковые командиры в неучении подчиненных своих и в незыскивании точном, до их должности надлежащего, мне дать ответ повинны будут.

---

[1] Сдерживая.

[2] Данные здесь указания о способах и приемах стрельбы в пехоте и коннице соответствуют требованиям пехотного и кавалерийского устава 1763 г.

[3] «Дополнительные главы к генеральному уставу о полевой службе», 1765 г., содержащие указания о караульной и лагерной службе и походных движениях.

Ваше сиятельство, прикажите во все полки, в команде вашей состоящей, подтвердить, чтоб господа полковые командиры, оставя, всходствие данного вашему сиятельству 3 числа сего месяца[1] от меня ордера, все излишное, старались обучать полки свои всему надобному, а паче полевой службе по главам к военному уставу, в 765-м году выданным; а как во оных главах не написано точно, как при смене главного и других караулов, кроме пикетов, и при смене с часов делать ружьем, то в согласие лучшее делать, как ниже написано.

1-е. Когда новой караул шагах в 50-ти к старому приближитца, командовать того старшему офицеру «на караул» и приказать бить поход; а пришедшему, заведя фронт, взаимно делать ему то ж, где барабанщики с обеих караулов тотчас бить перестанут. По отдании ж чести офицерам сходиться на средину между их командами, подняв ружье свое в правую руку и, сошедшись, поставя его к ноге, сняв шляпы, препоручать один другому все, что при том карауле сохранять приказано, тихо и потом, подняв ружье свое в правую руку, поворотясь к своей команде, итти на свои места и командовать «унтер-офицеры к смене»; по сей команде новым унтер-офицерам поворачиватца налево и итти позади первой шеренги, и прошед оную, поворотясь во фронт, сходиться с стоящими на средину ж и, сделав ружьем на караул, требовать пришедшим от стоящих осведомления о числе постов, колико их есть двойных или одиноких, и что к их должности в том карауле точно приказано. Получа осведомление, пришедшим унтер-офицерам рапортовать своего офицера и истребовать дозволение разнумировать всякому своей части караульных на перевезях карандашом по сменам, сказывая им точно, на которые посты и на которой фланг они назначиваются, и именно, первой, второй, третей смены и всегда с обеих флангов из всех шереног поровну, чтоб ранжир испорчен не был; и когда исполнят, рапортуют своего офицера; а офицеру командовать «первая смена подвысь направо и налево ступай»; протчие, смотря по числу людей на карауле, строитесь в одну или в две шеренги. По сей команде, буде часовые стоять на обеих флангах, на оба фланга и к ним назначенным ефрейторам, приступя, командовать «фронт на плечо» и идущему на правой фланг «лево заходи», а налево «право заходи, ступай»; и при сем построении часовых старые ефрейторы, всякой к новому караулу на его фланг идущему, приступит и по левую руку нового с ним рядом идут; на поворотах никогда не командовать, но команда их по малому числу должна сама за ними заходить, разве рукою только им знать дать и упредить иногда всякое замешательство; естли ж где на карауле один ефрейтор, то, не разделяясь на двое, направо только командовать.

---

[1] См. документ № 43.

2-е. Когда новая смена часовых к старым прибудет, новому ефрейтору, поставя их в шести шагах против посту, которой он сменяет, командовать: 1-е «на караул», где стоящим при втором повернуть ружье замком от себя, а при третьем темпах отделить во всю руку; 2-е «под-высь», по сей команде идущим на часы делать под-высь, а стоящему перехватить ружье левой рукой против портупеи, а правой вынесть против галстука, имея замок от себя; 3-е «ступай», по сей команде новому итти против старого и, приближась ко оному, требовать приказу, а стоящему сказать приказ о содержании осторожном караула генеральной и особливой, также и сдачу, буде есть, тихо и, пройдя один на пост, а другой в шеренгу, поставить правую ногу вперед; 4-е «фронт», сшедшему с часов при повороте, подняв ружье левой рукой, а правой под курок подхватить, а стоящему отпустить влево и перехватить против галстука; 5-е «на плечо», стоящему поставить к ноге и отделить, а отходящим положить на плечо; 6-е «направо» или «лево заходи, ступай». На посту же, где на плечо держать должно по приближении, как выше сказано, к посту командовать: 1-е «на караул», 2-е «под-высь», 3-е «ступай», 4-е «на плечо»; при сей команде отходящие сделают «на плечо», а ставшей на пост последним темпом «на караул» и, как развод минует его, кладет на плечо.

> Примечание. Где два часовых ставятся, всегда ставить ровных людей, а буде один другого больше, то большому правой фланг давать и всякую сдачу ефрейтеру самому по положении ружья на плечо и отдаче на время рядовому, стоящему на фланге, осматривать и осторожно все принимать; и буде деньги или вещи, счетом счесть, а за печатью и обвязкою целость оных осмотреть и как о хранении всех вещей при сдаче, так и приказ, на том посту отданной, особливо подтвердить и потом далее для смены часовых маршировать.

3-е. По смене всех постов, ефрейторам рапортовать унтерофицерам, а тем своим офицерам, что они все приняли сходно и на постах данные приказы часовым объявили, по получении которых рапортов, офицерам обоих караулов командовать «задние приступи», «направо ступай», где рядовым, не теряя своей линии, на том месте по рядам заходить, где первой ряд сошел, и по захождении на место уже шеренга от шеренги отделяетца в свою дистанцию и настоящей караул, буде для ружей сошки есть, у самых сошек становитца, а офицер командует «фронт» и отходящей командует «на караул в правую руку, задние две приступи, повзводно право заходи, ступай»; при команде «ступай» настоящего караула офицеру командовать «на караул» и велеть бить поход, доколе сменившейся его минует до пятидесят шагов; а сходящему с караула бить с поля, взяв ружье в правую руку под курок, а потом командовать стоящему «на плечо,

к ноге, приставь ружье»; буде к сошкам — к ним, а буде их нет и к стене, «направо кругом», или «положи».

Примечание. При разводе на часы в больших караулах, где рота, одному офицеру, а при одном офицере унтер-офицеру в ружье становитца и по нумерам всегда с обоих флангов, как выше писано, с ефрейтером на часы отпускать, а по возвращении с часов всем фронтом, сделав на плечо, ранжировать; гобоисты имеют всегда становиться на правом фланге с передней шеренгой в линии, а на походе перед капитаном; знамя, когда поход бьют, всреди команды, а когда с поля перед командой, на месте по положению о местах офицерских и знаменных по военному уставу; господам же генерал-поручикам Бергу и фон Далке о сем от меня ордировано.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 120, л. 215—217 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 45

1769 г. мая 14. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА БРИГАДИРУ ЧЕРТКОВУ С ВЫРАЖЕНИЕМ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПО ПОВОДУ БОЛЬШОГО ЧИСЛА ВЫЗДОРОВЕВШИХ ВО ВВЕРЕННОЙ ЕМУ КОМАНДЕ

№ 43

Я, получа сего числа ваш рапорт, с удовольствием из онаго вижу, что из числа врученных вашему повелению больных не малое число выздоровели, и отда[ва]я в том признание единственно ревностному вашему старанию, не сомневаюсь, что от времени в другое число выздоравливающих умножаться будет. Ваше высокородие, не оставьте об оных чаще меня уведомлять, а сии впредь до моего ордера останутся еще в Кременчуге.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1833, л. 11—11 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 46

1769 г. мая 15. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПЕРЕПРАВЕ ГЛАВНЫХ СИЛ АРМИИ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДНЕПРА И ТРУДНОМ ПОЛОЖЕНИИ 2-й АРМИИ В СВЯЗИ С ОТКАЗОМ А. М. ГОЛИЦЫНА ОТ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Главная квартира в Крюковом шанце

Предыдущею моею от 25-го апреля[1] всеподданнейшею реляциею представлял я вашему императорскому величеству, что главные трудности при собрании вверенной мне армии настоят

[1] См. документ № 42.

в постройке переправы, надежной чрез реку Днепр, и неприбытии еще и поднесь в оную назначенной артиллерии.

Хотя сии важные недостатки до сего времени непрерывно, так как и неприбытие рот, назначенных на линию, на которой часть великая из полков вверенной мне армии и часть большая старых солдат остаются и неудобно их взять, нужной ради осторожности от набегов татарских, меня заботят, и коль скоро услышал от генерала-губернатора киевского Воейкова об одержанных над неприятелем авантажах за Днестром при Хотине генералом-аншефом, командующим первою армиею, князем Голицыным[1], то, прежде его о том мне уведомления, начал переправлять полки на ту сторону Днепра, чтоб споспешествовать первой армии и своими действиями к стороне реки Буга. А как получил потом от помянутого генерала-аншефа о вышеписанных успехах с объявлением о его с армиею отступлении от Хотина и возвращении паки за Днестр, и что притом неприятельские множественные силы под предводительством верховного их визиря скоро перейдут реку Дунай, так поставил и паче нужным переправить войски за реку, чтоб собранием на той стороне оных и движением, привлекши и на себя примечание, и понудить разделить силы, соединенные за Дунай выходящие. Таким образом, не дожидаясь продолжительной (по неимению к тому надобного числа припасов) постройки моста на Днепре, которая и поднесь не начата, уже некоторые полки перешли за реку на паромах при Кременчуге и Переволочной, а и все свою переправу скоро бы окончили, естьли бы затруднения набольшего в том не случилось от сильных ветров с дождем, которые, другая тому неделя, как днем и ночью препятствуют ходу по реке. Между сим для прикрытия границ на сей стороне Днепра и отражения стремлений неприятельских на линию, так к защищению возобновляемых крепостей Азовской и Таганрогской, отделил я особливой корпус, состоящий именно в пехотных Володимерском и Тамбовском, конных Астраханском драгунском, Бахмутском гусарском и пикинерных Луганском и Днестровском полках, пятистах Донских и тысяче Малороссийских казаков, под командою господина генерала-порутчика и кавалера фон Берга, приказав ему с сим корпусом расположиться при Бахмуте и принять в свою же команду до времени и калмыцкое войско.

Сему командующему генералу-поручику при прочих должностях предписал я главнейшими сокращенные в следующем: 1-е. Позицию при Бахмуте взять в таком месте, откуда ни что ему не препятствовало распространить свои примечания, с одной стороны, на возобновляемые крепости Азовскую и Таганрогскую, с другой — между Днепра, себя и на линию, и чтоб сего корпуса один уже лагерь вид неприятелю казал не только замешатель-

[1] 19 апреля 1-я армия Голицына подступила под стены Хотина. Турецкие войска, расположившиеся под Хотином, не приняли боя и отошли в крепость.

ства его покушений, но и встревожение вступлением в собственные его границы. 2-е. Движения свои главные против неприятеля не прежде устремлять, как уже действительно откроются его намерения, в которую прямо сторону он силится, чтоб видом одних покушений не быть обмануту и не удалиться с силами от мест, на которые неприятель предприятием своим метит. 3-е. Сохранял бы все предосторожности для Азова и Таганрога по известиям, ему доставляемым от генерала-порутчика Вернеса и бригадира Жедераса, против движений неприятельских, так равномерно содержанием постов и пред линиею, чтоб неприятель нигде своей предприимчивости не мог укрыть от его передовых. 4-е. Все операции сего корпуса относительны должны быть к главному над всем уважению, что расстояние немалое отделяет оной от главной армии, которая, перешед реку Днепр, тем труднейшее с собою сообщение оставляет. В продолжении таковых распоряжений получил я вчерашний день от генерала-аншефа и кавалера князя Голицына от 10-го сего месяца письмо, которым предуведомляет меня, что по возвращении своем за Днестр не предвидит уже никакой возможности, чтоб опять ему сию реку перейти, не подвергая армии очевидной опасности от крайнего лишения пропитания; что его выступление из границ польских откроет случай полякам к общему возволнованию; что все войски неприятельские и главная их армия под предводительством верховного визиря не намерены приступить к Польше, но для отвлечения наших войск оттуда устремить большую часть своих сил против границ собственных державы вашего императорского величества, следственно противу армии, мне вверенной, и что по сему предвидимому им случаю не может он отважиться в облегчение мое никакого сделать движения без высочайшего вашего императорского величества повеления.

В таковых его, генерала-аншефа, изъяснениях, мне кажется, едва он не переменяет своих наступательных действий на положение оборонительное. Я в держанном моем совете с ним в Киеве предлагал сии самые следствия в рассуждении неприятельских движений и внутренних дел Польши, которые в самом событии теперь видит помянутый генерал князь Голицын.

В сих обстоятельствах, когда первая действующая армия своим положением не будет отвлекать на себя движений неприятельских, когда неприятель, будучи удостоверен о пресечении пути к себе нашим войскам опустошением своих земель, ждать не станет от стороны Польши главных на себя действий, словом, когда его ничто удерживать не может, обратится всеми силами на собственные империи вашего императорского величества пределы, которых открытое пространство едва я могу заслонить вверенным мне войском, а не противостоять многочисленной армии, не имевши и к тому возможности, чтоб малые силы держать в соединении и не раздроблять их на части разные, одна от другой отстоящие. То в таком случае ваше императорское

величество всемилостивейше и всевысочайше благопризнать соизволите, сколь одними силами моими, как для меньших действий предопределенными, неудобно во всем пространстве границ с сей стороны, паче отдаленных мест к Бахмуту и возобновляемых крепостей Азовской и Таганрогской, достаточно сделать отпор против превосходных стремлений.

Я, без сомнения, надеюсь, что известная премудрость вашего императорского величества и глубокое во все совершенства проницание, по учиненному уже к вашему императорскому величеству от генерала князя Голицына представлению, подаст нам обоим наилучшие способы к пользе и облегчению наших трудностей.

С моей стороны осмеливаюсь предуверить всеподданнейшим признанием, что я, пожертвовавши собою долгу службы вашего императорского величества и отечества славе, не утрачу ни в котором случае побуждения, от сих предметов производимого, во всех предстоящих мне действиях. Потому, коль скоро узнаю о движении в сей край неприятельских сил, то тотчас открою действия отделенного корпуса к Багмуту с калмыцким войском, вступлением в собственные неприятельские границы, чтоб понудить его к диверсии и разделению, встречая между тем от своей стороны в ополчении с частию войск.[1]

Напоследок я неусыпно стараюсь и подтверждаю весьма часто о доставлении назначенной артиллерии, постройке моста и понтонов, приемля к награждению недостатков средства, подать только к тому возможность могущие.

Госпитали, главной по удобности мест и настоящего моего положения, я назначил быть в Голтве, куда трудно болящие все отправлены будут, которых число от дня в другой умножается. Причиною терпимых болезней дознают быть физики низко положения мест при Днепре и от того исходящие сырые пары...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 127—136. Подлинник.

---

[1] По плану кампании 1769 года, разработанному в Петербурге, главная роль отводилась 1-й армии Голицына, которая должна была овладеть Хотином. Армии Румянцева отводилась вспомогательная роль. Она должна была обеспечивать наступление 1-й армии и попрежнему оборонять все пространство юга России от Днепра до Дона. Переправой своей армии через Днепр Румянцев начал активные действия. Однако ничем не обоснованное отступление Голицына от Хотина к Деражне ставило малочисленную армию Румянцева в очень опасное положение: она могла быть обойдена главными силами турецкой армии.

Таким образом, петербургский план первой кампании на первых же шагах потерпел крушение. В письме Н. И. Панину одновременно с настоящей реляцией П. А. Румянцев писал: «Положение оборонительное клонится на его сторону, а на мою идут действия наступательные, превосходящие мои силы» (Государственная библиотека СССР им. Ленина. Рукописный отдел. Бумаги Н. И. Панина. Дело VI—12, лл. 55—56).

Тем не менее Румянцев продолжал активными действиями выполнять свою задачу.

№ 47

1769 г. мая 15.— ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА КОМАНДУЮЩЕМУ 1-й АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛ-АНШЕФУ А. М. ГОЛИЦЫНУ С ОЦЕНКОЙ СОЗДАВШЕЙСЯ ОБСТАНОВКИ

Вчерась дошло до рук моих вашего сиятельства всепочтеннейшее писание из лагеря при Деражне под № 1-м от 10-го сего месяца[1]. По прочтении всех уведомлений в оном, за которые приношу благодарность, объяснюсь сим я вашему сиятельству в двух пунктах, то есть против предприятия, примечаемого вами в неприятеле, и собственного моего положения.

По интересам польских мятежников[2] и самой Франции, которая в происках своих имеет их орудием, я предварял ваше сиятельство еще во время свиданья моего с вами в Киеве, что неприятель, конечно, поведет свои действия прежде на собственные наши границы, нежели в Польшу, чтоб, наши войски обративши к защищению первых, дать чрез то свободу возмутителям польским во всех частях своей земли поднять общое волнование, удержуемое ныне страхом только одним приближенного оружия нашего. Сие предсказание и посля подтверждали толь вероятно поступки неприятеля в Молдавии, где он все истреблял, пресекая нам путь к внесению оружия в его страну. Теперь, ваше сиятельство, из последований, прежнему моему мнению согласных, натурально заключаете, что против части моей пойдут стремления неприятельские; я в том тем больше уверен, когда армия вашего сиятельства по своему нынешнему положению и по объясненным от вас для движений дальших трудностям нимало его сил на себя не отвлекает.

По второму: движения мне к Бендерам в ту пору, как ваше сиятельство при Хотине нанесли удар неприятелю, нельзя было никоим образом учинить. Я не имел тогда еще никаких войск, переправленных на сей стороне реки Днепра, умалчивая, что от вашего сиятельства в одно время мне сообщено как о победах над неприятелем, так и о переходе вашем по предстоящей необходимости обратно за Днестр. Равным образом по продолжаючейся и доднесь полков чрез реку переправе, которую другая тому неделя как сильной и беспрерывной ветр чрезмерно затрудняет, препятствуя ходу паромов, за неполучением также еще себе артиллерии, кроме десяти только орудий, не могши напоследок чрез все способы по недостатку припасов начать по сю пору строение мосту, не в состоянии я, ваше сиятельство, советуемого вами предприятия тотчас исполнить отправлением корпуса внутрь границ неприятельских. Кроме сих важных препят-

---

[1] В делах не обнаружено.

[2] Барских конфедератов.

ствий еще и то удержует, что у меня легких войск недостаточно для прикрытия пространства наших границ, а уделять из них малую часть ради поиску военного над большими силами, которые неприятель совместными держит и нигде не раздробляет, больше было бы отваги, нежели надежды. Подкрепление ваше от Бара по дальнему сего места, как мне известно, расстоянию одержали бы прежде многие трудности, а легко и самая крайность от восприятия мер противных, нежели могли наши одна с другою части соединить свои линии. К тому же, ваше сиятельство, сами изволите знать, коль то не соответствовало бы действиям, предопределенным для вашей армии, которая на себя привлекать должна главные движения неприятеля, ниже состоянию малых моих сил и положению весьма трудному, чтоб мне искать ускорить на себя всех сил неприятельских обращения, когда ваше сиятельство к дальнейшим против оных своим движениям видите неудобность и не можете притом решиться облегчать на меня преднамереваемые стремления. Однакож сколько малое мое искусство и состояние сил дозволит по переправе полков на сию сторону реки, я отведать не упущу поиск возможный предприять при познании движения неприятельского и вашему сиятельству в тож время известить. А между тем надеюсь, что в сих трудностях по представлению вашего сиятельства наставление высочайшее ее императорского величества покажет к облегчению и пользе обоим нам лутчие способы...

ЦГАДА, ф. 6. Государств. архива, разряд V, д. 103, л. 130—131. Копия.

№ 48

1769 г. мая 25. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПЕРЕПРАВЕ БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ АРМИИ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДНЕПРА И НЕСОГЛАСИИ ЕГО С ДЕЙСТВИЯМИ А. М. ГОЛИЦЫНА

м. Крюков шанец

Вчерашний день имел я щастие получить вашего императорского величества всемилостивейшое и всевысочайшое от 11-го маия [письмо] с повелением в рассуждении долго не получаемых от меня известий, чтоб я вашему величеству еженедельно, а смотря по обстоятельствам и чаще, мои всеподданнейшие чинил представления о обращениях вверенной мне армии и продолжал бы всегда взаимное сношение с князем Голицыным.

По содержанию сего доношу я всенижайше, что по прибытии моем к реке Днепру и даже до сего времени не было мне другого упражнения, как собирать отвсюду обширно расположенные войска с тою бережливостию, чтобы нигде, однако, жители

в отчаянии и без некоторой надежды на видимое защищение не оставались от грозящих им набегов неприятельских, и о крайных недостатках, препятствующих движению армии, то есть: о доставлении полевой артиллерии, коей и поднесь, кроме находившихся прежде при моей команде десяти орудий, еще не имею, и постройки моста чрез Днепр.

И хотя сии трудности я больше старался преодолеть изысканием всемерных способов, заменяющих оные, чем утруждать ваше императорское величество частыми о том докладами, однако же с подробным описанием моего обращения от 25-го апреля из местечка Городища отправил к вашему императорскому величеству всеподданнейшую реляцию [1].

В ней ваше императорское величество видеть и то соизволили, что против моей стороны нет мне способов прямо наведаться о движениях неприятельских, как чрез посылаемые партии, а для разведывания употребляемые люди принуждены брать самые окружные дороги и не инако, как чрез Польшу, Венгрию и Молдавию, и ни один из них поныне не возвращается.

А после того, как я начал переправлять полки чрез Днепр, и какие мне с своей стороны князь Голицын в ту пору доставил уведомления в рассуждении неприятельских и своих движений, о всем том я вашему императорскому величеству имел честь подробно представить от 15-го сего месяца, на почте чрез штафет отправленным между другими под сим числом, всеподданнейшим доношением [2].

В тот же день послал я и к князю Голицыну куриера, ответствуя ему на письмо его от 10-го маия [3], где он объяснял между другими причинами, заставившими его обратно за Днестр перейтить, что без чинимого в то же время с стороны моей в околичность Бендер какого-либо движения находил он свои легкие войска весьма недостаточными противу оставшегося за Прутом многочисленного неприятеля наступать; и для того он, будучи удостоверен подлинными известиями, что неприятель силы свои обратить стремится против армии, мне вверенной, а во облегчение мое с своей стороны никакого движения не могши учинить без точного на то от вашего императорского величества повеления, оставлял на мое рассмотрение найтить способы из Елисаветградской провинции отправить какой-либо корпус в неприятельские земли для поиска над ним, а для усиления сего корпуса и для способствования в сем предприятии обнадеживал некоторое число легких войск, стоящих в околичности Бара, уделить. И когда ему из превосходного против моего количества и соединенных вместных сил нельзя было, кроме малейшего числа, во вспоможение мое определить, то как я мог из малой моей части

---

[1] См. документ № 42.
[2] См. документ № 46.
[3] См. документ № 47.

и притом еще во многие стороны разделенной поступить на предлагаемое предприятие, я ответа моего, на сие ему учиненного, подношу тут копию.

Итак, всемилостивейшая государыня, после упомянутых предъидущих моих реляций в последование оным долг только мне на сей случай остается донести всеподданнейше вашему императорскому величеству, что большая часть полков на сию сторону реки Днепра переправилась и первая часть артиллерии на сих днях сюда ожидается так, как и донские козаки, марширующие от Бахмута и Тора, уповаю не замедлятся. По соединении их, где армия будет иметь рандеву, в каком числе оная и назначенной ей от меня ордер-де-баталии подношу вашему императорскому величеству при особой реляции.

Генерал-порутчик Берг с своим корпусом прибыл уже к Бахмуту и калмыцкое войско по известиям, от него мне учиненным, щитаю уже до днесь пришедшим к вершинам рек Калмиуса и Крынки. А что я ему предписал наблюдать и как поступать, доносил вашему императорскому величеству во упомянутом от 15-го маия всеподданнейшем представлении.

В последних своих репортах объявляет он, что с той стороны никаких движений неприятельских не примечено; однако же по полученным мною третьего дня от графа Панина цариградским уведомлениям, что турецкий капитан-паша выступил со флотом в Черное море, я отправил куриеров как к нему, Бергу, так в Азов к генералу Вернесу и в Таганрог к бригадиру Жедерасу, чтоб всяк из них особливо и соединенно между собою восприяли меры предварительные в ожидании на себя покушений неприятельских, призвав в помощь свою и морские силы контр-адмирала Сенявина, от которого я, где он находится, известия не имею, хотя я чрез нарочного от 25-го апреля требовал, чтоб он о своих обстоятельствах меня уведомил.

От 22-го сего месяца генерал фон Лебель репортует по известиям, от команд козацких ему дошедшим, что татарская до ста человек партия показалась было против Орла и якобы повыше оного в Кодиме и многочисленное собрание орды находится. Вчерашний день подтверждает он другим репортом, что посланные команды для поиску нашли только следы сей партии, по которым видеть могли ее удаление к Балте, в чем достовернейших ожидаю известий от команд легких войск, для того употребленных. К сожалению моему, сей генерал отчаянно заболел и, как меня сейчас уведомляет, и здал свою команду другому и приуготовляется к смерти, на место которого я генерала-майора Зорича отправил.

В Военную коллегию я всегда таковы репорты, какие по содержанию данной мне от вашего императорского величества высочайшей инструкции чинить следует, посылаю, только до сего мне невозможно было их на требуемой срок доставлять, не получая оных и сам по обширному чрез всю зиму и весну располо-

жению полков и непрестанному к защищению границ движению в свое время.

Всемилостивейшая государыня, я, поставивши вечным себе правилом, чтоб ни в котором деле, принадлежащем интересам вашего императорского величества, не скрывать моих мнений и лучше иногда обнажиться в малом искусстве и скудном знании, нежели, чтоб самая совесть мне выговаривала за упущение своего долгу, приемлю дерзновение представить вашему величеству мои мысли, что положение, принятое генералом князем Голицыным со вверенною ему армиею, чтоб, не распространяя наступательных действий на неприятеля, прикрывать токмо свои могазейны в Польше, не может соответствовать лучшим пользам и правилам, от которых в настоящей войне удаляться не безопасно. Неприятель, проникнув в его намерение, которое кажется не может не быть уже и явно, должен пойтить прямо на границы вашего величества империи и во многих сторонах открыть свои действия, против коих везде с успехом ополчаться моих сил недостаточно. А первой армии поворот делать в помощь мою поздно уже и трудно тогда будет.

Ваше императорское величество таково мое всеподданнейшее изъяснение по высочайшему своему благоволению восприимите единственно знаком моего чистосердечия и рабской усердности и дозвольте сократить все сие приношением пред освященные стопы вашего императорского величества истиннейшего и рабского уверения, что высочайшей доверенности и возложенным на меня должностям соответствую я непрестанно усердием, ревностию и вместе с оными всеми силами моими, имев щастие быть со всеглубочайшим благоговением вашего императорского величества всеподданнейшим рабом.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГАДА, ф. 6. Государств. архива, разряд V, д. 103, л. 125—129. Подлинник.

№ 49

1769 г. июня 8. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ВЫСТУПЛЕНИИ ВОЙСК 2-й АРМИИ К ПУНКТУ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ И О ПРИКАЗАНИИ ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ БЕРГУ ПРОИЗВЕСТИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В КРЫМ

Главная квартира, шанец Павлиша

В течение прошедших дней от отправления последней моей всеподданнейшей реляции к вашему императорскому величеству от 30-го мая[1] никаких близких движений неприятельских не примечено, а только известия гласили, что он из крымской пе-

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1826).

ребирается на сию сторону в помощь сюда выводимым силам. Для сего я дал повеление от 1-го сего июня генерал-порутчику Бергу открыть с той стороны частию его войск, как уже и калмыки все к нему прибыли, прямые военные действия внесением оружия в неприятельские границы и распространить в скором обороте свои поиски переходом удобным чрез Гнилое море, в самой Крым, дабы тем испытать, сколь велики тамо его силы, а озаботив защитою собственных границ, отвлекти от сей стороны и расстроить его преднамерения. Я предписал сему генералу-порутчику, чтоб он в ту самую пору, как поведет таковы действия в границы неприятельские, сам с своим корпусом подался вперед и перешел к Волчьим Водам и далее к Конским, в рассуждении, что такова его позиция деташированному войску будет сильным подкреплением, ближайшею к прикрытию крепостей Азовской и Таганрогской и способною для примечания на линию.

В 3-й день сего месяца одна часть армии от Переволочной, а с другою 6-го числа я сам из главной квартиры Крюкова шанца в поход выступили и следуем до Самбура к месту, назначенному тамо для соединения всей армии. После чрезмерных жаров, которые заменили пред тем продолжавшуюся мокрую и с сильными ветрами погоду, с половины вчерашнего дня случившийся великой дождь, который и теперь не перестает, заставил тот и сей день иметь здесь растах, а ясные прошедшие дни так чрезмерно были жарки, что поход инако делать не можно, как только ночью. От 2-го мая Войска Донского атаман Ефремов по сообщению к нему от находящегося при калмыцких делах подполковника Кишенского уведомлял меня, что сей подполковник, следуя с калмыцким войском вверх по реке Калаузу к соединению с генералом-майором Медемом, горского мурзу Сохура Арасланбека, съехавшегося с войском больше четырех тысяч, разбил, и не спаслось от сего числа больше трехсот человек, а знатные мурзы, султанские дети и прочие все на месте побиты и сам Сохур Арасланбек хотя ушел, однакож с тяжелою раною. Сия победа все калмыцкое войско возободрила и я, поощряя из сих, что в моей команде, к равным подвигам, по дошедшей их просьбе о произвождении жалованья, приказал всем их чинам и рядовым выдать оного теперь половину против положения, мне от вашего императорского величества предписанного, из примеру прежних им выдач. Четыре тысячи от Бахмута я приказал к соединению с армиею отправить, которые, генерал-порутчик Берг рапортует, что уже к Кодаку для переправы тамо чрез Днепр 3-го сего месяца выступили.

По сем о дальнейших движениях, которые предприму по соединении всей армии, тогда же вашему императорскому величеству донесть долженствую...

Граф *Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 187—190. Подлинник.

№ 50

1769 г. июня 11. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА А. М. ГОЛИЦЫНУ С ВЫРАЖЕНИЕМ НЕОДОБРЕНИЯ ЕГО ДЕЙСТВИЯМИ

Всепочтеннейшие вашего сиятельства писания под № 5-м я вчера, а вслед за оным отправленное под № 6-м[1] в сей день имел честь получить. Пред последним уведомляете вы меня, что по держанному военному совету[2] предприняли вы свое движение к Каменцу и в то же время сообщаете по известиям невероятным, что неприятель главные свои силы ведет к нашим границам и следственно против моей армии, а малое токмо число отделяет к Хотину. Я также сей день получил при рапорте генерала-майора Зорича доставленные ему от капитана Чорного гусарского полку Маргажича уведомления из показания пойманного его разъездом шпиона, посланного с письмами от конфедератного маршалка Потоцкого в Польшу к князю Четвертинскому, что 4-го числа ниже Бендер чрез Днестр переправилось до шестидесяти тысяч татар и пять тысяч семейков[3] и прямо шли на Орел учинить на Новороссийскую губернию нападение; что при Бендерах, при одном сераскер паше и в Каушанах при одном татарском хане турецкого войска до пятидесяти тысяч, что он слышал от Потоцкого и от многих, что турки намеревают нынешнюю войну продолжать в собственных наших границах, а не в Польше. Сие объявленное следствие то оправдает, о котором я во вчерашнем моем письме изъяснил вашему сиятельству, что один наш пост не инако как от таковых переправившихся войск разбит, ибо при том нападении видимы были многие турецкие, а не одни татарские войска. Ваше сиятельство, конечно, уже теперь воспомянете, по крайней мере, о моих с вами изъяснениях, которые столько от чистосердечия и усердия собственно и вам, как не менее и по ревности к службе были предлагаемы.

Происшествия видимые доказуют, что я не обманулся в тогдашних своих мнениях, а ныне как вы, милостивой государь мой, с усиленною своею армиею отходите в правую сторону, когда все вам известия гласят, что неприятель и от своей стороны с главными силами вправо же наступает, следственно ни он против вас, ни вы против его быть не можете, но свободно его впущаете вступать в наши границы, сберегая от нашествия токмо польские и открываете дорогу по вашему отступ-

---

[1] Не публикуются.

[2] Предвидя наступление противника, Голицын собрал 5 июня Совет, на котором было решено атаковать неприятельские войска, переправившиеся через Днестр, а для удержания войск Хотинского гарнизона от дальнейшего перехода через Днестр двинуться со всею армиею к Каменец-Подольску.

[3] Так в документе.

лению к Каменцу, или к окружению себя, или, что он, в средине между наших армий став, удобность получит, может пресекти взаимное сообщение. Так не могу я не открыть вашему сиятельству моих противо сего мыслей, что мне кажутся из сего последования опасные и прямо на последок я вам сказую, что я не в состоянии вверенными мне малыми силами удержать защиту границам и отразить великих и главных неприятельских на себя стремлений, когда при том ваше сиятельство в помощь мне не токмо движения не делаете, но из малой моей части удержуете еще за всеми моими прошениями и видимыми надобностями лучших людей, я о сем донес уже и ее императорскому величеству[1]. Впрочем, хотя препятствия по военному вашему совету признаться мне не известны, однако в том я уверен, что вашему сиятельству в высочайшей инструкции предписано, когда бы неприятель повел сильные стремления на наши границы, ему противоследовать. Между сим я пребуду, как и всегда есьмь, с непоколебимым почтением.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 199—201. Копия.

№ 51

1769 г. июня 18. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ТРУДНОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ 2-й АРМИИ В СЛУЧАЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ А. М. ГОЛИЦЫНЫМ ПАССИВНОГО ОБРАЗА ДЕЙСТВИЙ

Главная квартира при Самбуре

Два всемилостивейшие и всевысочайшие вашего императорского величества повеления: 1-е. о произведении порции мясной и винной в нужное время для солдат; 2-е. с приобщением мне экстрактов высочайшим предписаниям, последовавшим от вашего императорского величества генералу, командующему первою армиею, князю Голицыну, я в 15-й день сего месяца получить имел щастие.

По первому, в потребных случаях я доставлять имею войскам сие снабдение, как пожалованное для них от всещедрого и всемилостивейшего призрения вашего величества.

Содержание второго ободрило меня несказанно, по рассуждению, что все те действия, которые ваше императорское величе-

---

[1] Движением своей армии к Каменец-Подольску Голицын удалялся от армии Румянцева; в то же время он сам сообщал, что главные силы турецкой армии направляются не к Хотину, а к Бугу, т. е. угрожают армии Румянцева. Несмотря на это, он не только не пытался усилить армию Румянцева, но продолжал удерживать у себя назначенные к Румянцеву войска, например, три лучших эскадрона из состава Черного и Желтого гусарских полков, командированных в Польшу в 1768 году.

ство преднаписали по превосходству от оных пользы и по достоверному предузнанию последований, которые, конечно, согласны тому окажутся, облегчать непременно будут и мои предприятия.

Я еще не знаю, как приступил князь Голицын к достижению предметов, к коим руководствуют его беспечно правила и средства, собственно от вашего императорского величества изображенные, ибо другого уведомления, кроме о движении прежнем к Каменцу, от него я не имею. В своем предпоследнем письме извещает он мне, что неприятель столько уже усилил свои к Днестру собрания, что и весь свой берег сей реки занял оными. Ежели посему князь Голицын не ускорит обратиться к берегам реки Днестра, или же не найдет себя в состоянии решиться к главным положениям, предоставленным от вашего императорского величества на случай, когда б невозможно ему было одержать чрез все способы неприятеля чрез реку перебраться для препятствий, иногда наносимых от отделенного неприятельского корпуса к Хотину, или по неудобствам иным, которые нередко он встречает для своих движений. В таком случае моя позиция не освобождается ни мало от предстоящих трудностей и самой опасности. Потому что я теперь, ежели не ближе, то, по крайней мере, наравне состою от неприятельской армии как и князь Голицын. Не упоминая о том, что неприятельские силы при самих берегах реки Буга уже располагаются и всегда видимы в тех местах, где, недавно перебравшись, разбили наш пост, держанный компанейскими казаками и пикинерами, о чем предыдущею реляциею я доносил вашему императорскому величеству. Сии примечания вводят в заключение о вероятности объявления шпиона, пойманного капитаном Маргажичем, о чем также донесено от меня вашему величеству, что турки намерены вступить в границы вашего величества по следам татар. А вновь известия никакие не опровергают еще прежних уверений, чтоб неприятель переменил свое намерение, которое оглашено всеми подтверждениями, коснуться собственных границ империи вашего величества. По сим окрестностям сами, ваше императорское величество, всемилостивейше сорассудите, что покуда от первой армии определенные не будут поведены действия, мое всякое прежде того вдаль движение больше имело бы отваги или, так сказать, сам бы я оным подал ближайшие способы неприятелю в ту сторону по превосходству нынешних сил своих не без успеха опрокинуться, в которую он уже нагло метит. Особливо, что тогда изворот князя Голицына подлежал бы уже трудностям, а мне вовсе не послужил бы в помощь.

Я приемлю смелость доложить вашему императорскому величеству, что сверх несравненного числа людей, которым усилена первая армия, еще и то превосходство имеет оная пред вверенною мне, как мне генерал-порутчик барон Ельмт, который на сих днях в оную по воли вашего величества отправился, сказывал,

что тамо местоположения довольно служат, что и самим малым числом удобно одержать великие силы и против оных ополчаться. Но мое положение есть в таких открытых степях, на которые смотря, помянутый генерал-квартермистр признавался согласно моему мнению, что во всей обширности нельзя найти такого пункта, который бы можно по правилам военного искусства в каковую-либо пользу себе употребить дефенсивно. Потому нет мне способов здесь ни маскировать своих движений, ниже скрыть от глаз неприятельских прямое число людей, которых малое количество даст ему возободрение при превосходном его усилии. Я должен знатное число войск употребить на самые разъезды и посты, держа оные от самого устья реки Синюхи, где она впадает в Буг, до Сечи Запорожской, как потому, чтоб не мог неприятель ветренный где-либо пробраться, охватить меня с тылу, или впасть в которую сторону, так и для того, чтоб обеспечить жителей здешних, в трепете и смятениях пребывающих и фальшивые тревоги распространяющих до самой армии.

К управлению на постах передовых стоящих войск принужден я был от себя послать двух майоров: Елчанинова и де Ковача, которые в прошедшей прусской войне отличали себя храбрыми поступками, видев крайнюю оплошность, состаревшихся во оной, здесь компанейских и пикинерных начальников [1].

Подвозной провиант к армии, хотя я препровождаю от Днепра самими внутренними дорогами, однакоже нельзя и сего транспорта оставить без прикрытия довольного, а таковы отделения необходимые ослабить бы могли и большие силы, а не только скудные. Не меньше затруднения наносит и недостаток в понтонах, которых и по ежедневным требованиям еще я не получил из Киева, а без оных в безлесных местах и самая малая речка остановлять может. Однакоже при всех сих сущих трудностях я продолжать буду мои меры, надеясь на споспешествования праведному оружию вашего императорского величества от всемогущего бога, и по должности своей руководствуемой рабским усердием и верностию, не упущу бесплодно ни которой удобности, где только был бы случай нанесть вред врагу.

---

[1] Вдобавок к своей малочисленности армия Румянцева в значительной степени состояла из поселенных войск, компанейских и пикинерных полков, которые представляли скорей вооруженное население, нежели регулярные войска. В реляции Екатерине II от 14 июня Румянцев писал: «...поселенных гусарских и пикенерных полков полковники и другие штаб-офицеры под видом разных военных и земских должностей остаются в домах своих, а на службу военную отправили только из своего усмотрения офицеров, которых число не довольное, не менее коль и другие обстоятельства умножают недостаток и трудности мои и поелику полки от двоякого начальства зависят, то-есть, по губернии от генерал-губернатора Воейкова, а по настоящему делу от меня, то я оных, однако, не всегда требовал и требую, но поныне они еще остаются в своих домах тогда, когда должность всякого верного раба зовет к отправлению службы...» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 191—198).

Напоследок и о том предварить я должен всеподданнейшим представлением ваше императорское величество, что в сей провинции, не видев хлеба ярового почти вовсе, а ржи весьма мало посевов, не предусматриваю я средств к дальшему пропитанию здешних жителей.

Гуманский польский гарнизон приказал я теперь отправить из Глухова в Киев, сообщивши тамошнему генералу-губернатору, чтоб с оного, на основании высочайшего повеления вашего императорского величества, отобрав реверсы, препроводить оттуду в Белую Церковь.

Калмык четыре тысячи, следующие к соединению с армиею, по известиям, от препровождающих их ко мне присланным, уже на сих днях переправляться чрез Днепр при Кодаке [начали]. Медлительным их поход делает худое состояние лошадей, что они все не здоровы и изнемогают в пути.

В окончании сего, возвратился мой курьер из Азова и привез мне рапорты от генерала-порутчика Вернеса и контр-адмирала Сенявина. Оные содержат в себе те же уведомления, о которых по высочайшему вашего императорского величества именному указу он, генерал-порутчик Вернес, присыланным к нему курьером лейб-гвардии прапорщиком Соймоновым, а контр-адмирал Сенявин особливо во отправлении уже построенной эскадры к Азову прямо вашему императорскому величеству донесли и для того здесь повторения я тому уже не делаю, а только донесу, что генерал-порутчик Вернес прибавляет о умножении от времени больных в его команде, по неустроению еще тамо госпиталя по последовавшему уже от вашего императорского величества повелению...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 208—215. Подлинник.

№ 52

1769 г. июня 26. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ДВИЖЕНИИ ГЛАВНЫХ СИЛ ТУРОК И НЕПРАВИЛЬНОМ РЕШЕНИИ А. М. ГОЛИЦЫНА

Главная квартира в Машурином шанце

Когда я, получа экстракт высочайшего вашего императорского величества рескрипта, отправленного к князю Голицыну в 26 день мая, был обнадежен, что преподаваемые тем правила охранять границы государства вашего императорского величества и предоставлять мне с вверенною мне армиею противу-

стоять слабейшей части неприятелю, то в самое сие время получил я от князя Голицына письмо, коим он уведомляет меня, что визирь со ста тысячью турков пошел к Бендерам, откуда соединясь с ордою татар, имеет намерение прямо нападение сделать от стороны Орла на границы вашего императорского величества, и что он, князь Голицын, пошел вверх к Днестру, дабы, выше Хотина переправясь, сделать диверсию и потому не обещает никакого иного в мою пользу сделать движения; предприятие, не будучи удачно в то время, когда ни на Днестре, ни под стенами Хотина стоявшее для защищения его знатное число неприятельского войска не могло удержаться, ныне мне мнится быть из времени и к пользе той послужить не может, какову он себе из того его движения воображает, ибо чрез сие его отдаление, вместо того, чтоб делая свои движения вниз Днестра параллельно с армиею неприятельскою, нашелся он в состоянии везде уничтожать его покушения, принуждать в перемене намерений или и торжествовать над оным со славою, подвергается сам немалой опасности. Легко статься может, что визирь вступит в Польшу между им и мною и, метя на Киев, воспользуется всеми его заготовлениями, сделает его путь обратный трудным и пресечет всякое сообщение с границами и мною, а особливо, когда в околичностях Хотина поставленной корпус, пользуясь своею позициею авантажною, найдет средство его задержать.

Я прилагаю здесь к высочайшему вашего императорского величества благорассмотрению экстракты из письма князя Голицына ко мне и моего ответа к нему, во уповании получить еще на сие в потребное время резолюцию. А особливо в рассуждении здешних поселян, которым на случай набегов татарских в укрепленные места хотя собираться велено, но при вступлении самого визиря все оные укрепления удержаться, да и сама крепость святые Елисаветы, по ее худому положению и укреплению, формальной осады выдержать не могут.

По отправление сего моего всеподданнейшего я от передовых моих никаковых известий о движениях неприятельских не имею, для примечания которых и в Польшу по Бугу команду отправил, воображая себе, конечно, что визирь пойдет Польшею, заключая все его упражнения здесь в Новой России, с его силами и чином не сходствующими, для чего я принужден в моей настоящей позиции удержаться, дабы по его оборотам учреждать и мои сопротивления и не отдаваться в открытые места, где действовать силы и малое мое хозяйство мне не дозволяют...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 246—249. Подлинник.

№ 53

1769 г. июня 26. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА А. М. ГОЛИЦЫНУ С ОЦЕНКОЙ БОЕВОЙ ОБСТАНОВКИ И ПЛАНА ДЕЙСТВИЙ 1-й АРМИИ

Ваше сиятельство и о предприятом движении вашем вверх по Днестру о намерении оной выше Хотина перейтить и таковом же визиря к Бендерам и оттуду прямо на наши границы, вдруг меня уведомляя, отрекаетесь мне помощь делать другим каковым-либо движением и утверждаете сие данным вам от 26 мая от ее императорского величества высочайшим повелением. Долг службы меня нудит вашему сиятельству, ответствуя на ваше всепочтеннейшее, некоторые мои примечания сообщить: движение к Днестру и предприятие на Хотин вам предписаны были на случай ваших рассуждений, где вы полагали визиря и все турецкие силы, без всех действий военных остающимися на Дунае; таковое движение, правда, могло бы понудить их переменить намерение и разделять силы во время их там пребывания, но когда визирь пошел к Бендерам и вы его по часам там уже быть считаете, то может легко произойтить тому противное. Ваше сиятельство, перейдя выше Хотина Днестр, найдете, может быть, в близости онаго корпус, которой авантажною позициею пользуясь, вас от дни в день амюзировать будет. Вреда, конечно, вам нанесть он не может, но время будет потеряно, тыл ваш станет открыт, переход труден, запасы съестные и военные, кои вы во множестве на сей стороне оставляете, подвергаются опасности, одно отдаление ваше лишает вас уже средств исполнить прямо предписанное в помянутом от вас высочайшем рескрипте, данном от 26 прошедшего месяца, из которого и мне экстракт сообщен, в том вопрос ваш, что вам в случае неприятельских движений прямо на меня делать решен тем:

«Буде неприятель-турок пойдет всеми силами на графа Румянцова, то надобно, чтоб для сего перешел уже он чрез Дунай, почему занятие вами обоих берегов Днестра не может тут принудить его к отмене намерения или же, по крайней мере, к разделению армии своей, ибо он, конечно, часть ее должен будет отправить к Хотину, дабы вы сею крепостию между тем овладеть не могли. Ваш напротив того в сем случае долг имеет быть, применяясь к числу деташируемого противу вас корпуса, оставить достаточной в днестровской позиции для охранения ее, а с протчими войсками котоировать вдоль Днестра главную неприятельскую армию, стараться поставить ее между вами и графом Румянцовым, которой теперь незамедля вступит с своей стороны в поход к Бугу и таким образом будет от вас находиться не в весьма дальнем отстоянии, чтоб друг другу сепаратными операциями руку помощи подавать, смотря по обстоятель-

ствам и по движениям неприятеля, которых теперь предузнать нельзя и не допуская только маскировать себя малыми корпусами, дабы он между тем на другую сторону превосходными силами ударить не мог, что сделать труднее будет неприятелю между двумя армиями, когда оные состоят не в самой близкой дистанции одна от другой».

Визирская особа и примечание на его вам особливо препоручены в рассуждении, что сей первоначальствующий военной командир и силу и действие превосходные на себя приемлет. И так, ваше сиятельство, оставляете мне все бремя чувствовать и тогда, когда я всю причину имел ожидать по содержанию сего высочайшего повеления в облегчение мое не столько, как в безопасность и целость границ вовсе иного и прямо вниз Днестра вашего движения и противу следования.

Я осмелился все сие вам изъяснить по поводу вашего собственного ко мне отзыву, будучи впротчем благонадежен, что ваше сиятельство имеет все ближайшие и вернейшие сведения о неприятельских намерениях и, будучи руководствованы достаточными от ее императорского величества наставлениями, не оставите употребить вам вверенные главные силы на уничтожение всех неприятельских замыслов и воспользоваться всяким случаем, доставляющим победу, славу и честь оружию и вам собственно.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1829, л. 37—37 об. Копия.

№ 54

1769 г. июля...[1] — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА А. М. ГОЛИЦЫНУ О НЕВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ 2-й АРМИИ ВЫДВИЖЕНИЯ К БУГУ БЕЗ СОДЕЙСТВИЯ СО СТОРОНЫ 1-й АРМИИ

За отправлением последного моего [письма] в ответ вашему сиятельству на сделанные мне изъяснения во всепочтеннейшем вашем писании под № 9 я должен напоследок и сие подать вам уведомление, что в продолжении марша с моею армиею к Бугу, который я беспечно предпринимал, обнадеявшись тем положением, к которому ваше сиятельство в предпоследнем совете приступили, и меня в письме от 16-го июня уверили, что вы при занятии обоих берегов Днестра армиею своею действовать будете против неприятеля столько на одной, как и на другой стороне реки сея; теперь уже встречается со мною всегдашняя осторожность, с которой нужно мне стало сразмерывать свой шаг.

[1] Дата в документе не проставлена.

Я в той сюпозиции, что от вашего сиятельства при познании неприятельского на мой край движения по тогдашнему преднамеренному вами расположению, близка была бы мне всякая помощь, полагал следствием себе удобным в облегчение ваше легкими войсками от моей стороны сделать движение, и, предваривши о том вас в письме моем под № 5, располагал наибольше мое примечание к Польше, чтоб, при вступлении в оную неприятеля и вашем на него обращении, в состоянии быть повесть на него в одно время с вами и свои действия, и запутать его между двумя огнями. Но как ваше сиятельство, переменя первой свой план, со всею армиею переходите чрез Днестр, и когда ваше отдаление столько как и формальное отрицание в письме последнем лишает меня надежды всякого от вас подкрепления, то теперь и остановляют меня явные неудобства ускорять вдаль своим движением так к Бугу, яко и к Польше, а равномерно и легких войск операциями по той причине, что выходящий угол, в который метит неприятель и сам визирь по вашему объявлению, то-есть от Орла и Польши, собою наводит видимую опасность чрез двоякую удобность отрезать передовые войски, ежели они будут в Польше движением от Орла или напротив от Польши, когда подадутся сии к Орлу.

Вот, милостивый государь мой, трудности не сообразимые, в которые меня поставило неожиданное ваше и отдаленное за Днестр всеми силами движение. Теперь хотя бы я пришел к Бугу, но, не имев поднесь еще понтонов, бесплодно должен бы только у реки остаться. Я только должен теперь стеречь, в которую из сих двоих сторон окажет свое стремление неприятель, не будучи, однакож, при всей осмотрительности в состоянии сам собою без всякого вспоможения против его превосходных сил опорствовать, кроме только в случае дефенсивном, хотя бы он шел на границы наши собственные, хотя бы пробирался в Польшу. Само собою разумеется, что для движения моего вперед предлежит открытая степь, в которой я никаким образом моими силами не могу обеспечить своего обозу, которой, ставя в четыре веревки, и не имев в оном больше как подвижного магазейна и необходимые полковые и офицерские повозки, занимает длины три версты и превосходит таковым протяжением на походе линию армии. Сообразите, ваше сиятельство, коль самое нужное обстоятельство, каково есть пропитание армии столько на моей стороне подвержено опасности, паче против такова неприятеля, который падок, во-первых, на грабление обозов и вколиких потому я трудностях должен находиться за вашим вверх Днестра отступлением.

До сего времени передовые партии легких моих войск под предводительством майоров де-Ковача и Елчанинова остаются еще в Польше, в примечании неприятельского движения. Я от их других репортов не имею, как только о разорении впадшими турками в прошедшем месяце Бершадского Ключа и на сих днях

также чрез господина Зорича уведомлен об одержанной при Каменце господином генералом-майором князем Прозоровским победе над неприятелем с прогнанием его за Днестр к Хотину.

В сем месте я еще остаюсь, покудова для армии перепечены будут хлебы и запасуся на месяц провиантом, дожидаясь между продолжением моего пути от вашего сиятельства уведомления на изъяснения мои в сем и в предыдущем письме. Равно, в каком положении против себя находите неприятеля и свои производите с каковым успехом против его действия?

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1829, л. 41—42 об. Копия. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1, ч. 1, стр. 191—193.

№ 55

1769 г. июля 12. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА А. М. ГОЛИЦЫНУ О ПРИБЫТИИ 2-й АРМИИ НА р. БУГ И ОБ ОТСУТСТВИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С 1-й АРМИЕЙ

Лагерь при р. Буге

Милостивый государь мой, князь Александр Михайлович!

Всепочтеннейшее вашего сиятельства писание из-под Хотина под № 12-м от 5-го июля имел я честь исправно получить.

Как ваше сиятельство откровением обстоятельным дальнейших своих преднамерений меня ни при котором случае не удостоиваете, а только изволите уведомлять, что уже бывает вами действительно предпринято, то я не меньше протчего остаюсь в недоумении и против вашего требования в рассуждении походу вверенной мне армии за Буг потому, что ваше сиятельство не изъяснили ни того, в которую сторону за Буг сие движение видите удобнейшим, ниже — к каковому вам содействию оное служить будет, как все мои операции сопряжены с успехом вашим. И сие обстоятельство, как еще и то, что в сей стороне, по разведыванию возвратившихся партий моих из-за Балты, нигде нет неприятеля, поставляет меня в нерешимость.

Я, остановившись потому с армиею в сем месте, отправил теперь генерала-майора Зорича с передовым корпусом за Буг и велел ему следовать даже до Бендер[1] для поисков над неприятелем. В сей корпус я отделил всю мою легкую кавалерию, то-есть, кроме поселенных гусарских и пикинерных полков, два полка Изюмской и Сумской гусарские, донских три тысячи пятьсот и малороссийских всех казаков, калмык четыре тысячи и корпус егерей; и в рассуждении известий, которые мои партии, возвратившись из-за Буга, и сами многократно польские жители приносят, что по той стороне сея реки в Польше шляхта все

[1] Бендеры и Хотин были важнейшими крепостями турок по р. Днестру.

единодушны неприятелю и для его войск нудят своих подданных запасать провиант, а в Бершадской Ключ не престают врываться с конфедератами часто татарские партии для грабления. Приказал я генералу Зоричу, перешед Буг, от Кодимы в правую сторону тотчас отправить партию при надежном штаб-офицере до дву[х] тысяч человек, чтоб схватить, ежели сыщутся, в Польше татарские или конфедератские партии, забрать все провиантские приготовления и самих единодушных неприятелю по явным в том изобличениям, и разгласить в той стороне повсюду, что я с армиею на Орел иду в Польшу к Днестру, умножая число и разность войск, составляющих оную.

По сей же стороне Буга майоры Елчанинов и де-Ковач в Польше остаются с своими командами и движение свое распространять будут даже до Брацлавля.

На сих днях получил я репорт от генерала-порутчика Берга, что он с корпусом вступил уже в неприятельские границы, что одна сильная партия татар имела сражение при Молочных Водах с передовою его командою донских казаков, и что при сей схватке неприятеля убито двадцать человек и один его знаменоносец, а с нашей стороны ранен только один казак, один калмык и пять лошадей; что после сего господин Берг продолжает поспешнее свой марш, в намерении вскоре повстречаться с неприятелем и по разбитии его достигнуть Крыму.

Сие есть то, что я вашему сиятельству на сей случай донесть могу, уверяя впрочем, что я с моей стороны всегда готов бы в содействие вам что-либо исполнить, еслиб только имел честь знать о предрасположении ваших предприятий и как оным своими действиями согласиться.

Пребываю всегда с непременным высокопочитанием вашего сиятельства покорнейшим слугою.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1829, л. 45—46. Отпуск.

№ 56

1769 г. июля 12. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Н. И. ПАНИНУ О НЕСОГЛАСИИ С РЕШЕНИЕМ А. М. ГОЛИЦЫНА О БЛОКАДЕ ХОТИНА И ОТСУТСТВИИ ИНФОРМАЦИИ СО СТОРОНЫ ГОЛИЦЫНА О ЕГО ПЛАНАХ

Из главной квартиры в крепости св. Елизаветы

Милостивый государь мой, Никита Иванович!

По отправлении последнего моего письма, я не имею ничего иного вашему сиятельству донести, как только то, что я на сих днях получил от князя Александра Михайловича[1] известие о бомбандировании на Хотин, а вскоре и о превращении онаго в блокаду. Признаюсь, что такое его предприятие, по моему

[1] Голицына.

мнению, небезопасным предвидится в рассуждении позиции визирской, которой по его ж уведомлению на том же месте находится, т. е. между Хотином и Бендерами; и хотя Александр Михайлович и надеется будто чрез отнятую коммуникацию у оной крепости с водою и голодом принудить ее к скорой сдаче, но я осмеливаюсь в сем предприятии сомневаться тем более, что визирь, конечно, со всею своею толпою против его пойдет и понудит ретироваться уже не за Днестр, но в верх онаго и тем пресечь сообщение с оставшими на сей стороне Днестра войсками, магазинами и мною. Я желаю, чтоб мои гадания не сбылись. Но заготовленной им магазейн в Станиславе утверждает в противном, да сколько мне известно о данных ему высочайших повелениях, то, конечно, оные не согласуются с учиненным им поступком. Я не скрываю от вашего сиятельства и то, что все его намерения толь мне неизвестны, что я не только их не могу проникнуть, но приводят оные еще совсем меня в недоумение и хотя я многократно просил его сиятельство, чтобы меня удостоил откровением своих предприятий, но всегда моя просьба втуне оставалась, хотя ж и сообщал мне, но тогда, когда уже им произведены были оные в действо, и так сколько бы я ни желал ему вспомоществовать какими-либо движениями, токмо в рассуждении сокрытия от меня прямых его намерений ничего сделать не могу.

В протчем все то, что примечанию достойно усмотреть изволите, из всеподданнейшей моей к ее императорскому величеству реляции.

Милостивому государю моему графу Петру Ивановичу, любезному вашему братцу, прошу покорно засвидетельствовать мое почтение, а мне верить, что я с непоколебимым и должнейшим почтением пребывать честь имею вашего сиятельства милостивого государя всепокорнейшим слугою.

Граф *Румянцов*

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел. Бумаги Н. И Панина, д. VI—12, л. 59—60. Подлинник.

№ 57

1769 г. июля 12. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПРИБЫТИИ АРМИИ К КРЕПОСТИ СВ. ЕЛИЗАВЕТЫ, ПЛАНЕ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ТУРОК И О СТОЛКНОВЕНИЯХ С ТАТАРАМИ ВОЙСК ГЕНЕРАЛА БЕРГА

Крепость св. Елизаветы

В прошедших днях по отправлении последней всеподданнейшей моей [реляции] к вашему императорскому величеству от

2-го июля[1], все происшествия, о которых долг имею донесть вашему величеству, состоят в следующем: выбегающие из плену, как из наших разбитых компанейцев, так и польских жителей, забранных при разорении Бершадского Ключа ворвавшимся неприятелем около 20-го еще дня прошедшего июня, приносили известия, что неприятельские войска во многом числе приступили к Балте, что один видел их два пространные лагеря, расположенные близ реки Кодимы. Я, не упуская должных противу того предосторожностей, отделил из легких войск партии, повелевши пройти одним от Кодимы даже до Балты, а другим Польшею чрез Буг, туда же и майор Елчанинов, преследуя 29-го июня одну из неприятельских партий, разграбившую на той стороне Буга польскую деревню, хотя настиг, был у самой Балты, однако за усталостию лошадей, что вся его команда, позади оставшаяся, к тому не наспела, а он наскакал только с шестью человеками на неприятеля, не мог его разбить и по перестрелке назад отступил. Но напоследок в сей стороне отвсюду так исчез неприятель, что майор де-Ковач с своею командою, прошед чрез самую Балту и даже за реку Кодим, не только неприятельских войск, но и жителей ни единого человека, ниже скота, тамо не нашел, а все селения видел опустелыми. Татарские войска, одни говорят, что от сих мест потянулись к Бендерам, а другие, якобы пошли к Крыму. Вероятным можно считать и то и другое. Первое по действиям уже первой армии при Хотине, второе, что известны им может быть также предприятия генерала-порутчика Берга, который от 4-го сего месяца рапортует ко мне, что он от Берд вступил уже в неприятельские границы и, сего числа прибывши с корпусом к урочищу Салоной, сделает на вечер свой марш и далее, дожидаясь время от времени повстречаться с неприятелем и по разбитии его достигнуть Крыма, и что при самом отправлении того командированный вперед от него донской полковник Горбиков с четырьмястами пятьюдесятью донскими казаками и пятьюстами калмыками к Молочным Водам уведомил его, что 3-го числа июля, поутру, пришедший на Молочные Воды неприятель до пятисот, оставя многое еще число своих за буграми, ударил вдруг на команду помянутого полковника, который, как во всю ночь находившись уже в осторожности, сделал ему сильной отпор. В сражении сем побито более двадцати татар, кроме раненых и между прочими их байрактар или хорунжей одним калмыком убит и взятой его значок представлен генералу-порутчику. С нашей же стороны не убито ни единого, а ранен казак один и калмык один, да лошадей пять. Но когда по превосходству неприятельской партии, а больше, что в таком месте оставался, где не было воды, должен был означенный полковник Горбиков отступить назад, а оная неприятельская партия,

[1] Реляция не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1826).

перебравшись на сию сторону реки Молошной, остановилась, то за присылкою в подкрепление от генерала-порутчика Берга тысячи пятисот калмыков на завтрашний день уже оного неприятеля показанный полковник на месте том не нашел, чего ради по следам его для разведывания отправлена партия, а с корпусом генерал-порутчик Берг продолжает вперед свой марш.

Я, дошедши до сего места с армиею, повелел теперь генералу-майору Зоричу, имеющему в своей команде, кроме поселенных гусарских и пикинерных, Изюмской и Сумской гусарские, корпус егерей, четыре тысячи калмык, три тысячи пятьсот донских, две тысячи запорожских и всех малороссийских казаков, подвинуться с сим корпусом за Буг и делать свои движения, смотря по обстоятельствам, даже до Бендер, ища во всяком попадающемся случае вредить неприятеля. К удержанию безопасного со мною сообщения и чтоб иметь всегда в виду всякие неприятельские движения, я ему повелел оседлать реку Кодиму, а из той предосторожности, что майор де-Ковач, будучи по той стороне Буга, повсюду от самих жителей слышал, что владельцы тамошние преданы стороне неприятельской, заготовления провиантские собираются в тех местах ради неприятельских же войск, а притом и партии татарские с конфедератами врываются часто в Бершадской Ключ на грабления, и простираются такие тайные зложелательства и умыслы даже и до Гумани, то и предписал генералу-майору Зоричу, дабы он, коль скоро за Буг перейдет и будет наравне с Савранью и далее, отправил тотчас под командою надежного штаб-офицера до дву[х] тысяч партию чрез Кодим в правую сторону для захвачения неприятельских или конфедератских войск, которые бы по той стороне Буга нашлись, так как и всех согласников неприятелю из поляков по достоверным на то доказательствам, забрать и приготовленные провиантские запасы, оставив из последних нужное токмо для пропитания жителям. Но при сем строго сей команде повелено предсоблюдать, чтоб таковым образом поступать с одними только преданными неприятелю, а не подозрительных в том ни к персонам, ни к их имению не касаться и в сию партию употребил бы несколько офицеров, давши им наставление, чтоб они везде сказывали себя квартермистрами, присланными для занятия мест на лагери, осведомляясь о травах и водопоях, и чинить везде разглашения, что я с армиею, увеличивая чрезмерно число и разность войск оных, следую на Орел к Днестру в Польшу, а кошевому атаману Калнишевскому с войском Запорожским предложил я итти к Бугу и, став против гарду, посылать вниз оной к стороне Очакова свои партии.

Майоры Елчанинов и де-Ковач остаются по сей стороне Буга со вверенными им командами, распространяя свои движения даже до Брацлавля, в состоянии будучи и о всяком покушении неприятельском вдоль Днестра примечать и мне подавать уве-

домления, показывая тем вид сохраняемого мною с первою армиею сообщения.

Ваше императорское величество соизволите из сего видеть, что я без предосторожности не упускаю из виду ни самых малейших обстоятельств и чрез все способы ищу все то от моей стороны сохранить, что правилом главным предписано от вашего величества в рассуждении безопасности границ, взаимной помощи и сообщения между обеими вашими армиями.

Но осмеливаюсь при всем том всеподданнейше донести вашему императорскому величеству, коль надо меру трудно располагать свои действия тому, кто оными зависим от действий другого.

От 3-го июля дает мне знать командующий первою армиею генерал князь Голицын, что он с армиею, перешед реку Днестр, приступил к Хотину, что неприятель, в семидесяти тысячах на его ударивший, прогнан, что он предприемлет бомбардираду на неприятельскую крепость Хотин, и что визирь с своею армиею между Бендер и Хотином неподвижно стоит. А от 5-го числа уведомляет, что хотя бомбардирада 4-го числа производилась для единого токмо покушения, не сдастся ли неприятель страха ради, но как напротиву того неприятель по своей отчаянности и надежен будучи на свое оружие, положил до крайности обороняться, то, окончав, в ту же ночь обратил ее в блокаду и посему требует, чтоб я безопасно продолжал походом вверенной мне армии за реку Буг, не изъясняя, к какому месту сему моему движению быть должно и на какой конец.

Я, пребывая в крайнем недоумении, к чему клонятся настоящие предприятия вверх Днестра князя Голицына, хотя я его просил, чтобы он меня о своих намерениях и в случаях разных, каковы он предопределяет перемены, уведомлять благоволил и тем паче, что оные мне кажутся несходственными с правилами, от вашего императорского величества предположенными, не знаю, к чему теперь должен приступить, обратить ли мне свое движение за Буг чрез Польшу, то я открою тем все границы вашего императорского величества от Бендер и Очакова и тем своей армии не в безопасности оставлю; итти прямо к Бендерам, то кроме того, что в предлежащих сему местах, как выше донесено, не находится неприятель и, не говоря о том, что не только реки Буга, но и меньших в безлесных местах, не имевши еще понтонов, перейти мне нельзя, я отдалюсь от коммуникации с первою армиею и открою путь к Киеву, ибо хотя князь Голицын и объявляет, что визирь с своею армиею неподвижно стоит, но я столько на сие теперь сомневаюсь полагаться, сколько и прежде тем уведомлениям не подавал веры, чтоб он своими силами на границы вашего императорского величества Елисаветградской провинции обратился, а считаю, что он, маскируя к сей стороне и прежде и теперь прямое свое движение, нечаянно стремления свои поведет на первую армию и воображаю потому,

что для сих случаев может быть и магазейны в Станиславове князь Голицын за спиною своею заводит (как он ко мне пишет), чтоб при превосходном иногда на себя усилии способ иметь отступить вверх Днестра. В каком случае мои бы все движения не только бесполезны, но паче вредны были. Итак, по уважению на сей изворот, доколе неизвестны еще остаются настоящих обстоятельств следствия, я за лучше предвижу располагать свое дальнее движение, показывая вид в оном наступательного, по мере познания неприятельского, куда оное обратится, считая, что сам собою передовой мой корпус, в котором состоит вся моя легкая кавалерия, следующий даже до Бендер, довольно нанесть может амбраж неприятелю и отвлекать некоторым образом стремления, все клонящиеся к Хотину, удерживая сообщение с армиею и пред соблюдаю то наипаче, дабы, поспешив без надобности дальним армии движением, не быть иногда в предосуждение принужденным к скорому назад отступлению.

По осмотру моему крепость св. Елисаветы, с подчинкою теперь обновляемою, сколько можно, безопасною может быть против всякого покушения легких войск, паче татарских, а формальной осады выдержать никак не может, сколько по неокончанию совершенной ее отстройки, так и по обветшалости всего того, что и состроено, а поставить ее в лучшее состояние и времени и людей недостает, так как и суммы на то не имеется. Она имеет шесть полигонов регулярных, а по пропорции сей должно для защищения быть гарнизону двенадцати баталионам, которого только здесь три, а наградить недостаток в людях военных я способу не имею.

Я, расположа при оной армию при движении впредь, куда неприятельские предприятия заставят, все обозы, без которых обойтиться на походе можно, здесь под защитою оставить намерен.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 284—294. Подлинник.

№ 58

1769 г. июля 21. — ИЗ ПИСЬМА П. А. РУМЯНЦЕВА Н. И. ПАНИНУ С СООБРАЖЕНИЯМИ О ПРИЧИНАХ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО СТОЯНИЯ ТУРЕЦКОЙ АРМИИ У БЕНДЕР

Из крепости св. Елизаветы

Ваше сиятельство по мере моей усерднейшей преданности предузнать то могли, с коликим я удовольствием долженствовал получить ваше всепочтеннейшее от 5-го июля [письмо], видя от

дня в день новые опыты к себе вашей искренной доверенности и усердия.

Я сим приношу вам, милостивый государь, ту истинную благодарность, которую в полной мере чувствую и одну только употребляю во взаимство против благодеяний моего милостивца.

Настоящее положение неприятеля, что он долго и нерешительно стоит у Бендер, подает повод к разнообразным заключениям. Могут оправдаться мысли об нем и князя Александра Михайловича, что он помышляет как бы убраться за Дунай, ежели в силах своих оскудел или же не так оные велики, как были ожидаемы.

Станется, что в сей неподвижной позиции дожидается он прибавочных иногда войск из своих земель и по собрании вместо безвозвратно прогнатых из-под Хотина, усилившись оными, сделает свое движение в Польшу, имевши надежду на крепость Хотинскую, ежели снабжена довольным гарнизоном и запасами военными и съестными, что оная может задержать нашу армию, паче по производству неусильному на ее тепрешней осады.

Не невероятно и то, что в нерешительности таковой иногда удержут визиря и мои движения, которые как ни ткни, они, однакож, не могут проникнуть, куда я намерение имею обратиться между двоих городов — Бендер и Очакова, и может быть ожидает, видев мои действия, употребить туда свои силы, где для противостояния больше в них нужды было бы по моему движению. Из сих супозиций я ни единой не утверждаю, поелику к тому и другому легко статься можно, а желать остается события первому, которое за точное уже полагает князь Александр Михайлович по нанесенному от него страху неприятелю.

Приложенная у сего ее императорскому величеству реляция содержит в себе уведомления об экспедиции господина Берга, отступавшего назад с одною добычею скота по невозможности достигнуть Крыму[1]. Я не повторяю тут сему подробностей, которые ваше сиятельство в другом месте найтити изволите...

Граф *Румянцов*

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел. Бумаги Н. И. Панина, д. VI—12, л. 67—68. Подлинник.

---

[1] 8 июля генерал-поручик Берг донес Румянцеву, что его передовые части, не доходя Перекопа, отбили у противника 5000 лошадей, 200 верблюдов, рогатого скота 3 тысячи, овец до 10 тысяч. По показаниям пленных появление корпуса Берга на границах Крыма вызвало панику среди крымских татар. К Бендерам в ставку визиря полетели требования немедленной помощи.

№ 59

1769 г. июля 26. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Н. И. ПАНИНУ С ИЗВЕЩЕНИЕМ О ВОЗМОЖНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ПАССИВНОСТИ ДЕЙСТВИЙ АРМИИ ГОЛИЦЫНА НА ДНЕСТРЕ

Из главной квартиры в Машоринском шанце

Когда я уже за данным рескриптом от 26-го мая[1] князю Александру Михайловичу был обнадежен, что он по достаточным наставлениям и особливо на случай движения всех сил против границ меня не оставит противоследовать неприятеля, но, однакож, он, следуя своему расположению, идет вверх Днестра и пускает на меня визиря. Я осмеливаюсь гадать, что сей первоначальствующий командир не сочтет свое упражнение здесь сходственным ни с числом, ни с званием своими: но, метя может быть на Киев, ворвется в Польшу, овладеет всеми магазейнами и отрежет сие соединение и когда противостоящий паша в околичностях Хотина найдет средство, получив авантажную позицию, алмюзировать, а при обратном пути покуситься в тыл, то каков бы ни искусной полководец, князь Александр Михайлович, найдется, конечно, в больших трудностях. А ежели подлинно визирь пойдет на меня, то только, чтобы меня по бессилию видя другую армию удалившуюся или разбить или же понудить удалиться от Польши на которую сторону, я все примечание мое беру теперь и затем держусь моей настоящей позиции, дабы мне, отделяясь к Бугу и в открытых местах не быть отрезану от магазинов и окружену отовсюду[2].

Пребуду я всегда с моею непременною и совершенною преданностью вашего сиятельства всепокорнейшим слугою.

Граф *Румянцов*

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел. Бумаги Н. И. Панина, д. VI—12, л. 69. Подлинник.

---

[1] Не публикуется.

[2] Полная невозможность согласовать с нерешительным А. М. Голицыным план активных действий против турок заставила Румянцева искать поддержки в этом деле у Н. И. Панина, пользовавшегося авторитетом в военных вопросах в правящих кругах Петербурга.

№ 60

1769 г. августа 4. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О РИСКОВАННОСТИ ДЛЯ 2-й АРМИИ НАСТУПЛЕНИЯ К БЕНДЕРАМ В СВЯЗИ С ОТХОДОМ АРМИИ А. М. ГОЛИЦЫНА ОТ ХОТИНА

№ 11 *Крепость св. Елизаветы*

По отправлении всеподданнейшей моей [реляции] к вашему императорскому величеству от 27-го прошедшего июля[1] я по уведомлениям командующего первою армиею генерала князя Голицына, а паче по последнему [письму] от 24-го того ж месяца, которым дал мне знать, что третьего дня перед тем, то-есть 22-го числа, приходивший корпус неприятельской в двадцати пяти тысячах человек при самом хане Крымском на помощь Хотину не только не допущен до сообщения с сим городом, но и прогнат с уроном вдаль от оного, и что гарнизон тамошний не воспользовался ни мало подвезенным было запасом и своею вылазкою, в то самое время из города учиненною, ожидал с часа на час взятия Хотина, к чему предвидевши надежду, и предуверял меня сам генерал князь Голицын. Но вчера приехавший ко мне от его, князя Голицына, посыланный задолго пред сим мною в турецкую область шпионом, Нежинский грек Анастасий объявил, что он сам видел, как в 26-й день, при бытности его в первой армии, сераскир Молдованжи-паша с немалым числом войска подошел к Хотину и по отступлении наших передовых войск сообщился с городом. Недолго я оставался в сомнении, верить ли сему известию, о котором в письме, чрез сего ж грека писанном, ничего не упомянул князь Голицын, ибо вслед за тем полученное уведомление от его, князя Голицына, подтвердило в самом деле предварительное от грека мне в том объявление, что неприятель показанного числа приступил к Хотину, что он, князь Голицын, принужденным нашелся для блокады отделенные корпуса в лагерь из-под крепости взять, имевши уже больше попечения о целости армии, нежели о покорении города[2], что силы неприятельские подлинно велики и что главная забота теперь настоит, чтоб он не бросился по множеству своей конницы, а особливо татар на ту сторону Днестра и не принудил бы его, князя Голицына, туда с армиею итти по опасности для тамошних магазейнов. Я уже имел честь вашему императорскому величеству в предыдущих всеподданнейших моих доносить, что я всегда оставался в неизвестности о распо-

---

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1826).

[2] Настоящее (вторичное) отступление от Хотина имело следствием усиление Хотинского гарнизона. К концу августа под Хотином под командованием Молдаванчи-паши собралось до 100 тыс. турецких войск с сильной артиллерией.

ложении предприятий князя Голицына для того по поводу неоднократных предложений от него, чтоб я со вверенною себе армиею принимал движение к Бугу, я у него просил изъяснения, куда он за лучше и полезнее признает быть моему вдаль движению, на что в сем же письме получил его ответ, что ему теперь нужно и полезно кажется, чтоб я, по переходе за Буг, предприял свой поход к Бендерам, следственно на самого визиря.

Я приемлю дерзновение, всемилостивейшая государыня, вашему императорскому величеству на всевысочайшее и премудрейшее благопризнание представить сию сделанную пропозицию, могу ли я предлагаемое исполнить и отважиться на дело, превосходящее силы мои, чтоб пойти на визирскую армию с малым числом, в содействие больше определенным, тогда, когда сам князь Голицын с усиленною, несравненно против вверенной мне, армиею уступает некоторым только отделениям на помощь Хотину, от визиря деташированным, и считает уже их в превосходных пред собою силах. Соответствует ли сие видимому положению дел и пользе высочайших интересов вашего императорского величества, чтоб мне в ту пору удалиться от границ собственных и наступать на многолюдство самых лучших сил неприятеля, когда сам князь Голицын предполагает отступление свое необходимым на ту сторону Днестра, не считая, повидимому, себя в состоянии удержать переход неприятеля в Польшу чрез сию реку. Я бы таковым движением не только открыл границы и все позади себя оставшее ворвавшемуся неприятелю в Польшу, но утратил бы в то же самое время и всякое сообщение с первою армиею, которая, по предположению командующего ею, должна была б перейти обратно за Днестр, не говоря о том, что в ту пору больше прежнего в своей помощи отказал бы мне князь Голицын потому, что в рассуждении отдаленности, в самом деле не в состоянии была бы его армия сикурсовать меня, изнурив, без сомнения, при предприятиях на Хотин долговременным употреблением лошадей, и по изнеможению самих людей. Ваше императорское величество всемилостивейше соизволите из предыдущей моей всеподданнейшей реляции от 26-го июня[1] теперь признать, коль я не обманулся в моем предгадании, что по сделанным тогда вверх Днестра движениям по времени найдет себя князь Голицын в таких трудностях, каковы он сам теперь предполагает, не могши заградить путь неприятелю к проходу в Польшу. Таковым образом, держась я моих мер и правил и не упуская из примечания границ собственных и Польши, в которую неприятель больше метит, нежели на Дикую Степь, которую проходя изнурять только себя может, нахожу себя щастливым, что чрез все время сохранил целость границ вашего императорского величества безвредно,

---

[1] См. документ № 52.

к коим никогда неприятельская [рука] коснуться не имела, и уповаю с божиею помощию, что к щастию и впредь моему, толь же полезно по своему рабскому усердию в том должность возложенную на себя соблюду. По сим обстоятельствам я веду мое примечание столько осмотрительно, что неприятель, конечно, не выиграет ничего на моей стороне ни внезапностию, ни маскированием. И для того принужден я ныне сохранять такую позицию, чтоб мне не удалиться расстоянием от неприятеля, в которую бы он сторону от Бендер ни обратился, наджидая между тем к руководству своему дальнейших от вашего императорского величества повелений, и что при том князь Голицын от своей стороны против его предпримет. Как по моему слабому мнению воображаю, два только средства, оставшие ему к предприятию, то-есть, чтоб вскоре атаковать и разбить неприятеля, защищающего Хотин, доколе он не усилится, тем более от вспоможений, к себе ожидаемых, и возобновит формальную осаду городу, или же по превосходству его над собою не могучи в виду противной армии переходить реки, надобно будет отступить вверх оные.

Я, имевши все уже свои легкие войска впереди и при самом Буге, хотя усматриваю удобность маскировать Очаков, но как в той стороне никаких неприятельских войск, кроме городового гарнизона, по известиям не находится, то и тщетно вовсе было бы такое мое предприятие, для которого и употребил я уже запорожское войско, как о том имел честь донесть последнею моею всеподданнейшею. А сверх сего в ту сторону моим движением при отступлении первой армии вверх Днестра или же и за реку открыл бы я границы вашего императорского величества от стороны Новороссии и Киева, против коих мест позиция лежит и самого визиря, ибо на сих днях дошли известия, что неприятельские партии впали в Польшу к Саврани и Бершаду и подосланный от них шпион для разведывания о наших войсках пойман, против чего из корпуса генерала-майора Зорича тотчас отправлены две партии под командою майоров де-Ковача и Увалова, для поисков над ними и до самих Бендер. Сей неприятель в Польшу вступил, как шпион показывает, после того как наши партии назад возвращались от Дубассар, не нашедши нигде тогда неприятельского войска.

Хотя я ко всякому движению армии другие все имею приготовности, однакоже самонужнейшие к тому понтоны, без коих в безлесные места нельзя двинуться, еще ко мне не прибыли, но и оных уже ожидаю непременно на сих днях.

Сим я осмеливаюсь вашему императорскому величеству и о том донесть, что сближающееся осенное время требует попечения завременного о будущем расположении всех войск на винтер-квартиры и паче о приготовлениях провиантских, прося всеподданнейше удостоить меня всевысочайшим наставлением, как воля вашего императорского величества есть, за окончанием кампании расположить свои армии, разумея сим положение обще

всех войск, чтоб по крайней мере идею о том имевши мог я исподволь приготовлять все надобное, а особливо фураж.

От генерала-порутчика Берга полученный полный журнал экспедиции, им деланной на Крым, при сем подношу. Он притом меня рапортует, что теперь отобрал достоверное известие от самих владельцев калмыцкого войска, что оными взято скота неприятельского в добычу: овец до осьмидесяти тысяч, лошадей двенадцать тысяч, рогатого четыре тысячи, верблюдов шестьсот, кроме того, что переправляя чрез Сиваш против Женичек взятого с половину потонуло. В своем рапорте рекомендует он владельцев поведение, которые всемерно стараются приводить в порядок калмык и удерживать от побегов и представляет в пользу настоящего и будущего времени, чтоб владельцы больше поощрены были к службе испросить мне у вашего императорского величества высочайшую к ним монаршую милость в пожаловании им каких-нибудь знаков чести. Я по поводу сего представления приемлю дерзновение всеподданнейше предстательствовать к вашему императорскому величеству о явлении в том для всех четырех калмыцких владельцев высочайшей милости и купно просить равного благоволения и пожалования медали находящемуся с Донским войском, при армии, мне вверенной, походовому атаману Грекову, который прошедшей зимы при нападении неприятеля к Бахмуту рекомендован был мне за свою отличную храбрость, оказанную при том случае командовавшим тамо генералом-майором Романусом, а и теперь порученную должность в службе вашего императорского величества исполняет наиусерднейше и заслуживает ту вашего величества монаршую милость, которою ощастливлены, подобно ему, вернослужащие ваши рабы.

При сем же и сказку взятую от вышеписанного грека имею честь представить...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 325—335. Подлинник.

№ 61

1769 г. августа 7. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА КОМЕНДАНТУ КРЕПОСТИ св. ЕЛИЗАВЕТЫ ПОДПОЛКОВНИКУ ГЕССИИ О НАВЕДЕНИИ ПОРЯДКА В КАРАУЛЬНОЙ СЛУЖБЕ В КРЕПОСТИ

№ 109

Я с изумлением познал вчерашнего числа, что караул, здесь в крепости состоящей, никогда не сменяется, и по любопытству входя во все, что до воинской осторожности принадлежит совсем не приметил, чтоб дозоры и рунды по крепости ходили, и никогда не слышал, чтоб часовые окликали и поелику сверх

моих данных вам подтверждений, дабы крепость всегда содержана была с наивящшею воинскою осторожностию, военной устав достаточное весьма комендантам, особливо на военной случай, преподает наставление, сколь неусыпное бдение о хранении вверенных им крепостей иметь должны. То, чтоб сие было превращено какими-либо особыми для сей крепости данными инструкциями, я совсем того представить себе не могу и для того, во-первых, подтверждаю вам прежнии мои повелении, рекомендую впредь караул содержать в крепости на три смены, разделя людей таким образом, чтоб все излишествы были отставлены и сии определенные для содержания караула более уже ни в какие работы употребляемы не были и тем самым охранены от такого бремени, чрез которое они или меньшую способность и понятие в службу иметь или совсем ослаблены быть могут, при том во всем, на основании предписанного в воинском уставе порядка, иметь осторожность, ходить рундами и, во всем следуя оному, содержать стражу в совершенной строгости; а наконец, как первоначально и из инструкции, данной сдешнему коменданту, так и все потом даже до сего дня бывшие в пополнение оной чрез указы или ордеры наставлении в копиях ко мне представить немедленно.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1833, л. 23 об. — 24. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 62

1769 г. августа 10. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ ОТХОДЕ 1-й АРМИИ ОТ ХОТИНА ЗА ДНЕСТР И О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ДВИЖЕНИИ 2-й АРМИИ К Р. СИНЮХЕ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВТОРЖЕНИЯ ПРОТИВНИКА

№ 12 *Крепость св. Елизаветы*

Командующий первою армиею, генерал князь Голицын, до сего уже донес, я уповаю, вашему императорскому величеству не токмо об оставленной осаде Хотина, но и о переходе своем с армиею обратно за Днестр. А я долг имею по поводу таковых обстоятельств всеподданнейшее представление учинить о следующем:

Когда неприятель видит уже избавленные свои земли от пребывания войск вашего императорского величества, свободные руки и собранные силы, ничего еще не претерпевшие, имеет, то ожидать следует, что он теперь устремит свои действия против собственных границ вашего императорского величества. Я посему весьма осмотрительно примечать должен вокруг себя, однакож нужным считаю подвинуться вперед и предприму марш

с армиею к деревне Висе, предупреждая намерения неприятельские, которые, мне кажется, ближае будут чрез Польшу, дабы, вступая в оную, делить между нами ее и пользоваться приготовлениями тамо для войск вашего императорского величества чинимыми, ибо все другие действия противу армий и границ вашего императорского величества труднее неприятелю будут, не имеющему близ оных своих магазейнов и претерпевающему, по известиям, в провианте великую нужду, поелику и в самом Хотине надобно уповать, что провиантские запасы ежели не истощены, то, по крайней мере, не будет их достаточно. Генерал, князь Голицын, из словесных слухов в Молдавии сообщил мне от 4-го августа, что якобы визирь со всеми силами на дороге уже к Хотину, а ко мне доходящие известия гласят, что он еще стоит попрежнему у Рябой Могилы.

Мои партии по Бугу везде находятся, а отправленные к Дубассарам и Бендерам еще не возвратились. Пойманного в Польше турка допрос у сего подношу[1].

Понтоны 8-го числа сюда прибыли, но часть большая лошадей, под оными бывших, пала, и я принужден надобное число оных уделить от моего подвижного магазина.

Генерал-порутчик Берг требует у меня резолюции о вторичном нападении на Крым со вверенным ему корпусом, к чему уже он и расположение учинил, а просит токмо для сего предприятия до семи тысяч донского войска, и об оном от себя послал представление в Военную коллегию.

Я ему на сие учинил предложение с примечаниями, чтоб он, ежели на сию сторону Сиваша неприятельские земледельцы со скотом и паки перешли, почему только он полезным считает повторное нападение на Крым, то бы оное без замедления предприял с калмыцким войском, которое к таким корыстным действиям наипаче сродно и способно, ибо, хотя он получил бы и требуемое число донского войска, то и с оным должны бы его те же одержать трудности в проходе внутрь Крыма, которые при первом разе не был он в состоянии преодолеть не по недостатку собственных сил, ниже по превосходству неприятельских, которые ему нигде не показались, но единственно для непроходимых топей при Сиваше, следственно может он, что только касается до добычи скота, по сю сторону Сиваша распространить свои действия скоропостижным образом чрез калмык, чем дожидаться для произведения того в помощь донских казаков, тратя время, которого мало уже остается для нынешней кампании.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 343—346 и об. Подлинник. Часть документа опубликована в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 139—140.

---

[1] Не публикуется.

№ 63

1769 г. августа 13. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО КОМАНДУЮЩИМ 1-й АРМИЕЙ

С.-Петербург

Мы за благо рассудили отозвать к нам от первой нашей армии генерала-аншефа князя Голицына, а главную команду оной вам всемилостивейше поручить, на ваше же место мы отсюда отправляем нашего генерала-аншефа графа Петра Панина. Чего ради имеете вы по получении сего нашего рескрипта оставить настоящую вашу армию купно и с Запорожским войском под командою генерала-аншефа князя Долгорукова, дав ему достаточное наставление, каким образом ему состоять и обращаться с армиею до прибытия к ней главного командира, таким образом, дабы на случай не предусматриваемых теперь происшествий с неприятельской стороны, князь Долгоруков мог и по вашим ордерам, к нему отправляемым еще с дороги, и по прибытии вашем в первую армию покаместь граф Панин к нему не прибудет, производить нужные движения и об оных репортовать уже прямо навстречу генерала Панина. Вы же, исполня по сему, как скоро возможно имеете отправиться к Днестру для принятия главной команды от генерала князя Голицына, о чем и к нему сего же дня отправлено наше повеление. Секретную вашу канцелярию со всем архивом и с насланными рескриптами, так как и подлежащие документы сей армии, протчие указы со всем походным по оным правлением, надлежит вам оставить при генерале князе Долгоруком для сдачи от него наместнику вашему, так как и вы от князя Голицына все равное к себе принять должны и оставаться вам при той армии во всем на том же основании, как был ваш предместник. В протчем императорскою нашею милостью пребываем вам благосклонны.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1846, л. 56—58. Копия.

№ 64

1769 г. августа 14.— УКАЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ П. А. РУМЯНЦЕВУ О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО КОМАДУЮЩИМ 1-й АРМИЕЙ И СВЕДЕНИЯХ, ПОДЛЕЖАЩИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЮ В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ

С.-Петербург

Как по высочайшему ее императорского величества соизволению поручается вам, господину генерал-аншефу и кавалеру, первая ее армея, о чем вам именным же ее величества указом

знать дано и Военной коллегии сего августа 14-го дня, таковым же объявлено, то хотя по прибытии к оной и получите вы, господин генерал, полное сведение, как о числе войск, оную составляющих, так и о протчем к ней принадлежащем, но дабы предварительно вас обо всем том уведомить, то Военная коллегия и прилагает при сем ведомости.

1-е. Кто именно при оной армеи ныне состоит генералитет и сколько полевых пехотных, кирасирских, карабинерных и гусарских полков и нерегулярных войск, так же артиллерии с ее служителями, генерального штаба и комиссариатских провиантских и медицинских чинов.

2-е. Сколько, каких точно сумм денежной казны по известию из последних рапортов при оной состоит и сколько еще между тем к тому отправлено.

3-е. В которых точно местах учреждены магазины и коликим числом какого хлеба наполнены.

4-е. В каких местах и на какое число людей учреждены шпитали, сколько при оных медицинских чинов и где какие мундирные магазины, с показанием, кто, где к смотрению оных определен.

5-е. Сколько на каждой месяц чрезвычайной суммы во оную армею определено и ежемесячно действительно отправляется и на какие именно расходы оная назначена.

Генерал-порутчик и кавалер Сиверс находится ныне в Киеве и ему от Коллегии поручено доставление к обоим армеям всего оным потребного, как-то: рекрут, денег, мундирных и аммуничных вещей, снаряду и протчего, что только командующими генералами требуется и в армеи от комиссариата и протчих департаментов доставляется.

Как предместнику вашему господину генерал-аншефу и кавалеру князю Александру Михайловичу Голицыну в данном при поручении ему в команду вверенной ныне вам армеи за собственноручным ее императорского величества подписанием от 16-го декабря 1768 году рескрипте предписано, чтоб в Военную коллегию присылать как обыкновенные месячные, о числе людей и лошадей, так и протчие рапорты и табели о ружье, мундире и аммуниции, не меньше по случаям его — к ее величеству отправленей журналы маршам и движениям своим и планы лагерям и случающимся военным действиям. То, дабы Военная коллегия, видя из рапортов ваших состояние порученной вам армеи, все недостатки ваши и все то, что вам потребно будет, всегда заблаговременно и не ожидая ваших иногда о том представлений, которых за произведением важных движеней и распоряжений вам и сделать времени не достанет, сама уже собою все потребные к наполнению армеи вашей людьми и лошадьми и к снабдению всеми протчими вещьми предварительные свои распоряжения делать и в том меры свои принимать в состоянии была, имеете вы присылать во оную всегда и сколько

возможно в свое время: 1-е. Обыкновенные месячные генеральные рапорты о числе людей и лошадей, включая во оные артиллерию и нерегулярные войска, с показанием, сколько по списку состоит, из того числа в отлучках, в границах российских, затем, при армеи налицо и что в комплект потребно, также и о генералитете генеральном штабе и протчих при армии чинах. 2-е. О прибыли и убыли людей, и именно о бежавших, умерших и неприятелем побитых, особливо же о сих последних, всегда после случающихся сражениев, показывая об офицерах именно, а о унтер-офицерах и рядовых только числом и которых они полков и команд. 3-е. О больных, и какими болезнями оные одержимы и где, в каких госпиталях состоять будут, о чем повеление свое дать тем, кто над госпиталями команду иметь будет, чтоб не утруждая тем вашу канцелярию, прямо от себя в коллегию рапорты свои чрез две недели или чаще присылали. 4-е. Журналы маршам и движениям вашим и планы лагерям и случающимся военным действиям, которые не менее коллегии нужны, чего для не оставите вы равномерно состоящему в армеи генерал-квартирмейстеру подтвердить, чтоб оные всегда в коллегию порядочно присылаемы были. 5-е. О приходе и расходе денежной казны, комиссариатской, провиантской и чрезвычайной суммы на повеленном основании; ежемесячно ж, или, когда можно, и чаще и 6-е. О числе наличного в магазинах и законтрактованного провианта и фуража, о чем имеете вы также главным при армеи вашей комиссариатским и провиантским чинам приказать, чтоб потому ж, каждой о принадлежащем до него, не отягощая тем вас, прямо в коллегию рапорты и ведомости без упущения присылали. А наконец, и 7-е. О определяемых к вам по указам от коллегии или и принимаемых вами иностранных и российских волонтерах, сколько их при вас когда находиться будет, так как и о сверхкомплектных штаб- и обер-офицерах, дабы сих последних Коллегии по случаям на вакансии помещать могла и в полки не в армии, вам порученной, находящиеся.

Курьеров к ее императорскому величеству с донесениями обо всем, что у вас происходить будет, и о всех ваших движениях и действиях, также и с рапортами в Военную коллегию присылать в каждую неделю по одному; когда ж пред неприятелем находиться будете, то чрез два дни, буде особливо чего примечания достойного и важного не произойдет, а в таком случае отправлять оных всегда, как часто вы по обстоятельствам занужно найдете. Когда ж вверенная вам армия расположена будет на зимние квартиры, то, естли ничего особливого к донесению нужного не случитца, отправлять оных с обыкновенными рапортами в каждую неделю по одному ж.

Граф *Захар Чернышев*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1832, л. 2—4. Подлинник. Частично опубликовано в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 141.

1769 г. августа 14. — ВЕДОМОСТЬ ГЕНЕРАЛАМ И ВОИНСКИМ ЧАСТЯМ 1-й АРМИИ

Генералитет	Полки
Генерал-аншеф Петр Иванович Олиц	Кирасирские:
Генерал-порутчики:	1. Киевской
1. Христофор фон Штофельн	2. Новотроицкой
2. Петр Племянников	Карабинерные:
3. Христофор фон Эссен	3. Пермской
4. Граф Яков Брюс	4. Нижегородской
5. Граф Иван Салтыков	5. Московской
6. Яган Ренненкампф	6. Тверской
7. Николай Салтыков	7. Рижской
8. Барон фон Эльмпт в должности генерал-квартермистра	8. Рязанской
9. Князь Николай Репнин	9. Тобольской
Генерал-майоры:	10. Вятской
1. Гаврила Черепов	11. Каргапольской
2. Карл фон Транзе	12. Ингерманландской
3. Алексей Ступишин	13. Сибирской
4. Князь Иван Горчаков	14. Астраханской
5. Федор Глебов	Гусарские:
6. Александр Херасков	1. Сербской
7. Иван Подгоричани	2. Венгерской
8. Иван Измайлов	3. Ахтырской
9. Князь Александр Прозоровской	4. Харьковской
10. Семен Черноевич	5. Острогожской
11. Александр Замятин	Пехотные:
12. Михайла Каменской	1. 1-й гранодерской
13. Князь Алексей Голицын	2. 3-й гранодерской
	3. 4-й гранодерской
	4. Куринской
	5. Сибирской
	6. Бутырской
	7. Выборгской
	8. Санктпетербургской
	9. Пермской
	10. Апшеронской
	11. Ингерманландской
	12. Невской
	13. Астраханской
	14. Белозерской
	15. Муромской
	16. Троицкой
	17. Навагинской
	18. Тенгинской
	19. Второй Московской
	20. Новгородской
	21. Ширванской
	22. Ярославской

Генералитет	Полки
	23. Низовской 24. Азовской 25. Архангелогородской 26. Первой Московской 27. Копорской 28. Кабардинской 29. Киевской 30. Ростовской
Нерегулярных войск: Донских казаков } С принадлежащими старшинами 6000 Малороссийских } 3000 Сверх того находится при армеи некоторое число арнаутов, но о числе их за неимением рапорту в коллегии неизвестно Орудей: Полевой артиллерии . . . . . 100 Малых единорогов . . . . . . 10 Понтонов 100	От 22-го июля от господина генерал-фельдцейхмейстера и кавалера графа Григорья Григорьевича Орлова рапортом объявлено, что к Первой армеи вся определенная по расписанию артиллерия с снарядами и с однюю частию запасного артиллерийского магазейна, также весь армейской магазейн и половинной комплект на артиллерию снаряды, и все, что следовало отправлено; а осталось еще к отправлению часть артиллерийского магазейна, но и оная вся на повозки положена и к отправлению состоит в готовности, а по приводе в Киев из Полтавы лошадей в самое ж то время отправлена быть имеет
Пушек полковых сверх тех, кои в полках сей Первой армии, взятых от оставшихся в России 8 пехотных полков с подлежащими служителями — 32	Оная артиллерия с ее служительми и лошадьми, как рапортом от господина генерал-аншефа и кавалера князя Александра Михайловича Голицына от 12 июля объявлено, для довольствия всем подлежащим распределена в полки, а именно: Псковского в 1-й Московской, Тобольского в Кабардинской, Рязанского в Копорской, Шлиссельбургского

Генералитет	Полки
	в Курляндской, Ладожского в Киевской, Кексгольмского в Ростовской, Вятского в Низовской, Великолуцкого в Ярославской
При означенной полевой артиллерии:	
Генерал-майор барон Унгерн	
Инженер генерал-майор барон Демолино	
Протчих чинов, как-то по рапорту от 19 майя, от господина генерал-аншефа и кавалера князя Александра Михайловича Голицына объявлено по списку в полевой артиллерии состоит, а именно:	
Полкового штаба[1]:	
Полковник 1	
Подполковников 2	
Майоров 3	
Унтер-штаба[1]:	
Полковой квартермистр . . . 1	
Адъютантов 3	
Полковой барабанщик 1	
Ротного прима-плана[1]:	
Капитанов 14	
Порутчиков 14	
Подпорутчиков 27	
Штык юнкеров и прапорщиков 22	
Унтер-офицеров и капралов . 178	
Барабанщиков и флейщиков . 40	
Бомбардир, канонир и фузелер 2406	
Итого 2705	
Нестроевых чинов унтер-штаба:	
Аудитор 1	
Поп 1	
Лекарей и подлекарей 5	
Полковых и баталионных писарей 7	

[1] В состав полкового штаба входили штаб-офицерские чины: полковник, подполковник и майоры; в состав унтер-штаба — все обер-офицерские и унтер-офицерские чины и рядовые, занимающие административные и хозяйственные должности в полку; в состав ротного прима-плана — все офицеры, унтер-офицеры и рядовые, числящиеся в штатных списках роты.

Генералитет	Полки
Штабных, комиссарских и провиантских писарей 16	
Седельников 18	
Коновалов 8	
Церковник 1	
Профосов 6	
Погонщиков и фурлейтов . . 1398	
Ротного прима-плана:	
Прапорщиков фурштатских . . 6	
Фурмейстеров и унтер-фурмейстеров 63	
Цырюльников 33	
Мастеровых 13	
Плотников 10	
Денщиков 153	
Итого 278	
Всего нестроевых 1740	
Всех же строевых и нестроевых 4455	
Генерального штаба:	
Генерал-квартермистр-лейтенант Матвей Муромцов	
Обер-квартермистры чина майорского:	
1. Илья Нефедьев	
2. Устин Потапов	
Дивизионные квартермистры:	
1. Капитанского чина Василей Каховской	
Порутчичья чина:	
2. Карл Гантвих	
3. Иван Боувер	
4. Григорей Искрицкой	
5. Александр Патрикеев	
Колоножные офицеры подпоручичья чина:	
1. Матвей Щелин	
2. Сергей Михайлов	
3. Яков Теглев	
4. Александр Набоков	
Генерал-вагенмейстер Рафаил Ламздорф	
Генерал-гевальдигер Иван Косицкой	
Комиссариатского департамента:	
Генерал-майор Аким Апухтин	

Продолжение

Генералитет	Полки
Обер-кригскомиссары:	
Князь Андрей Щербатов	
Андрей Маслов	
Кригскомиссар Федор Манахтин	В Межебуже при смотрении над гошпиталем
Кригсцалмейстеры:	
Премьер-майорского чина Николай Уваров	
Капитанского чина:	
Михайла Изъединов	
Петр Окунев	
Провиантского департамента:	
Бригадир Дмитрей Буткевич . . .	Находится в Полонном
Подполковник князь Дмитрей Ухтомской	В Киеве
В обер-провиантмейстерской должности провиантмейстеры:	
Иван Арцыбашев	
Прокофей Филисов	
Филип Малеев	
Князь Василей Мещерской	
Фирс Григорьев	
Порутчик Федор Хомутов	
Прапорщик Михайла Левашов	
От Военной коллегии:	
Секретарь чину капитанского Василей Гаврилов	
Генеральной писарь каптенармусского чина 1	
Писцов 2	
Курьеров 4	
Медицинские чины:	
Генеральной штаб-доктор барон Георг Томас Аш	
Доктор Иван Детельс	
Штаб-лекарь Иоган Рудольф Фриз	
Лекари:	
Томас Бауман	
Иван Югов	
Лаврентей Федотов	
Герасим Федорович	
Подлекарь Иоган Брогин	
При полевой походной аптеке:	
Аптекарь Фридрих Фицман	

Генералитет	Полки
Аптекарские гезели: Генрих Белштейн Людвиг Александер Учеников . . . . 2 Писарь . . . . 1 Вагенмейстер . . . . 1 Фурлейт 15	

Ведомость

Сколько каких сумм денежной казны по известию из последних рапортов при 1-й армеи состоит и сколько еще между тем к тому отправлено:

	Рубли	Коп.	
По рапорту июля от 17-го чрезвычайной суммы к июлю месяцу	124 643	20—3/4	Сии суммы, и именно на июль месяц, отправлена Вятского пехотного полку с порутчиком Никитою Кочерюхиным июня 17-го, а на август Кексгольмского пехотного полку с подпорутчиком Пребстигом июля 17-го к генерал-порутчику Сиверсу, которой оную далее к армеи доставить имеет, но прибыли ль впредь, еще рапорту нет
К тому числу отправлено:			
На июль	193 715	69	
На сей август месяц	193 715	69	
Итого . . .	512 074	58—3/4	
Комиссариатской: У генерал-майора Апухтина и у оберкригскомиссаров князя Щербатова и Маслова июня по 22-е число	294 882	54—3/4	
Да состоящих в Киеве у генерал-майора Спиридова июня по 28-е число свезенных из разных провинцей денежной			

		Рубли	Коп.
Комиссариатской	казны, которая к генерал-майору Апухтину к отправлению следует . . Да в Варшаве у генерал порутчика Веймарна	110 206	64—3/4
Следующих к отправлению в первую ж армию червонною монетою 450 000 руб., считая каждой червонной по 2 р. 65 к., из коих отправлено им уже к сей армеи 20 000 червонных		450 000	
Итого . . .		855 089	19—1/2
Провиантской по присланной при рапорте генерал-провиантмейстера от 13-го сего августа с ведомости, полученной им от бригадира Буткевича копии в Главной провиантской комиссии, тако ж при комиссиях провиантских чинов при главных и частных магазейнах июля по 16-е .		516 336	54

Секретарь *Иван Петухов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1832, л. 5—9 об. Подлинник.

№ 65

1769 г. августа 23. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ УСПЕШНОМ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОМ ПОИСКЕ ЗАПОРОЖЦЕВ ПОД ОЧАКОВОМ

№ 17 *д. Виси*

В посылке моих партий для поисков над неприятелем я всегда наблюдаю ту осторожность, что, отправляя одну к Бендерам, в то же время посылаю и другую к стороне Очакова, дабы так одной, как и другой, с открытой стороны не быть отрезáнным. Таким образом, когда следовала к стороне Бендер партия из команды генерала-майора Зорича, о возвращении которой и полученной добычи имел я честь вашему императорскому величеству последнею моею всеподданнейшею [реляцией] донесть от 21-го сего августа, то тогда ж повелел я и кошевому атаману в три тысячи из Запорожского вийска отправить к Очакову, ста-

раясь сколько можно пройти далее и нанесть вред неприятелю. Посему он, кошевой, вчерашний день, рапортуя о возвращении сей партии к себе в 17-й день сего месяца, прислал мне пленных пятнадцать человек турков и два знамя, представляя, что сия посланная команда, приближившись к самому Очакову, в пятнадцати верстах лежащую от сего города деревню над морем, называемую Гаджи-Гассан. . . . сожгла, жителей турков обоего пола, некоторых из представленных забрали в полон, так как и бывших у них в плену захваченных татарами из разных мест христиан шестьдесят четыре обоего пола, а при том и скота до тысячи рогатого, овец пять тысяч, лошадей триста, да мулов пятьдесят, полаток десять, один пернач и немалое число разного багажу.

Между тем, как одни из сей партии казаки в числе пятисотном нападали на означенную деревню, то оставшие две тысячи пятьсот с высланными на них из Очакова командами 13-го сего месяца имели сражение между Джемерлеею и Янчакраком и поразили на месте до двухсот человек войска турецкого, отбили восемь знамен, из которых кошевой шесть при своем коше оставил и прочей добычи, лошадей, ружья и иных воинских приборов по числу убитых и побежденных получили. В сем сражении убито запорожцев одного куренного атамана, семь казаков и ранено три.

Я, донося всеподданнейше о сем успехе вашему императорскому величеству, отправляю чрез сего курьера и два знамени, представленные ко мне от кошевого атамана, присоединив к сему как допросы пленных, так и журнал, мне присланный от кошевого же, действиям сей запорожской партии. Освобожденных же христиан из плену кошевой представляет, что по их желанию отправил он в Кодак на жительство.

В последней моей всеподданнейшей я вашему императорскому величеству доносил, что по требованию ко мне от генерала, командующего первою армиею, князя Голицына о защищении воеводства Брацлавского от стремлений, им примеченных на оное татар, я было обратил все мои передовые партии к стороне Польши против сих предприятий, но от 15-го сего месяца он уже требует, чтоб я свои легкие войска употребил не только за Буг, но и за Днестр по причине, что по известию, им полученному, у Рябой Могилы неприятельского конного и пешего войска щисляется не более сорока тысяч человек, а пушек только тридцать больших, да две чрезвычайной величины [1]. А поелику мои партии,

[1] В ответе А. М. Голицыну на его требование П. А. Румянцев резонно указывает, что если он с большими силами ничего предпринять не может, то посылать отряд легкой конницы к Рябой Могиле против 40 тысяч противника с артиллерией дело вовсе безрассудное. Однако же он приказал генерал-майору Зоричу вновь послать двухтысячный отряд к Днестру и за Днестр для поисков (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1829, л. 64—65. Опубликовано в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М, 1865 г., кн. 1, ч. 1, стр. 194—195).

к той стороне непрестанно обращаясь, никакого однакож от стоящего неприятеля у Рябой Могилы движения не приметили, то и остается заключить, что сей корпус стоит неподвижно, или в примечании на мои движения или же предопределен в помощь другим своим силам. Я как не могу уповать, чтоб дела касательно до переходу на сию сторону Днестра первой армии в настоящем положении остались, то и осмеливаюсь всеподданнейше просить и надеяться высочайшего вашего императорского величества наставления в руководство мне для предстоящих теперь обстоятельств.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 364—368. Подлинник. Частично опубликована в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 141—142.

№ 66

1769 г. августа 23.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НАГРАЖДЕНИИ ЗАПОРОЖСКИХ КАЗАКОВ

д. Виси

Храбрые поступки, описанные в подносимой при сем всеподданнейшей моей [реляции], запорожских козаков достойными мне показались того воздаяния, которое я им учинил именем высочайшим вашего императорского величества, отослав к кошевому атаману для поделу на сию партию тысячу рублей из экстраординарной суммы.

Поелику от нерегулярных войск я требую точной службы и не терплю без взыскания их непорядков, за которые многократно укорять должен я был паче запорожцов, то напротив и хотел я нынешное награждение представить им и всем в пример, коль всещедро ваше императорское величество платите за мужество и истинные подвиги своему воинству, и побудить сим воздаянием тем охотнее и сих самых и других на подобные дела.

Я осмеливаюсь уповать, всемилостивейшая государыня, что употребление упомянутой суммы в доказательство милости и щедрот ваших монарших к верным своим подданным удостоите, ваше императорское величество, высочайшей своей благоугодности. А при сем я, повергнув себя к освященным стопам вашего императорского величества, со всеглубочайшим благоговением имею щастие быть.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГАДА, ф. 5, д. 103, л. 121—122. Подлинник.

№ 67

1769 г. августа 27. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О ЗАДАЧАХ, ВОЗЛАГАЕМЫХ НА НЕГО В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ ЕГО КОМАНДУЮЩИМ 1-й АРМИЕЙ

Граф Петр Александрович!

Обстоятельства, в коих я поручаю вам команду над первой армей, требуют с моей стороны некоторые объяснении. Армия, перешед реку Днестра 24 августа по недостатка в фураже, несумненно подала поводу неприятеля хотя без причины возгордиться, но я надеюсь от вашего искусства и военной поворотливости, что вы не долго дозволите неприятелю пользоваться таким пустым тщеславием, тогда, когда вы имеете под вашей командой армию, коя уже действительно в пять месяцов шесть раз обратила в бег беспорядочную толпу бесчисленного неприятеля, но наипаче стараться будете всячески возвратить не токмо оставленные авантажи, но еще не упустите нам приобрести новых, чрез что исполните желание мое и себе приобретете новую славу и приумножите чрез то мою к вам без того уже известную благосклонность.

Екатерина

ЦГАДА, ф. Румянцева-Задунайского, д. 71, л. 1. Подлинник. Автограф. Опубликовано в «Северном архиве», 1822 г., ч. 1, стр. 149.

№ 68

1769 г. августа 27.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА В. М. ДОЛГОРУКОВУ ВСТУПИТЬ ВО ВРЕМЕННОЕ КОМАНДОВАНИЕ 2-й АРМИЕЙ И УКАЗАНИЕ БЛИЖАЙШИХ ДЕЙСТВИЙ НА СЛУЧАЙ НАСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВНИКА

№ 1

Ее императорское величество, высочайшим, именным рескриптом от 13-го августа отозвав ко двору из первой армии господина генерал-аншефа и кавалера князь Александр Михайловича Голицына [1], главную команду оной всемилостивейше мне препоручить соизволили, а на мое место во вторую армию отправив командующим господина генерал-аншефа и кавалера графа

[1] Голицын был отстранен от командования 1-й армией 27 августа 1769 г. за бездеятельность и неспособность. Тем не менее он 20 октября 1769 г. получил чин фельдмаршала.

Петра Ивановича Панина[1], повелевает, дабы я по получении сего указа оставил настоящую мою армию купно с запорожским войском под командою вашего сиятельства и, дав вам наставление, каким образом вам состоять и обращаться с армиею до прибытия к ней главного командира и, чтоб на случай непредусматриваемых теперь происшествий с неприятельской стороны ваше сиятельство могли и по моим ордерам, к вам отправляемым из дороги, и по прибытии моем в первую армию покаместь его сиятельство господин генерал граф Панин не прибудет, производить нужные движения и об оных репортовать уже прямо навстречу генералу графу Панину. Я во исполнение сего высочайшего ее императорского величества повеления препоручаю вашему сиятельству в команду всю настоящую мою армию и войско запорожское, давши о вашем начальстве знать, как генерал-майору Зоричу, так и кошевому атаману Калнишевскому, равно же и командующему отделенным корпусом генерал-поручику Бергу, а что касается до ваших обращений, то изъясняю вам о том следующее. По настоящему положению неприятеля, который, потянувшись к Хотину, меньше опасною делает нашу сторону левую, чем правую, потребно вашему сиятельству наибольше свое примечание иметь к стороне Польши, в которую неприятель по всем заключениям ворваться стараться будет как для грабления, так чтоб и лишать войски наши оттуду пропитания. Уже сие приметивши, его сиятельство господин генерал-аншеф и кавалер князь Александр Михайлович Голицын в неприятеле требовал от меня, дабы я легкими своими войсками защищал воеводство Брацлавское, почему я и приказал генерал-майору Зоричу к той стороне свои передовые партии обратить. Обстоятельства сии требуют, чтоб ваше сиятельство с армиею подвинулись поближе к Бугу к стороне Польши, простирая правой свой фланг к прикрытию воеводства Брацлавского и для того за возвращением колоножного офицера, которой послан для снятия местоположения, ваше сиятельство движение примите с армиею к урочищу, называемому Каменные Буки, возле слободы Злынки. Как при Очакове со всем городовым гарнизоном не находится больше пяти тысяч неприятельского войска по показанию согласному теперь приведенных пленных, то запорожское войско от той стороны наши границы прикрывать надежно может, которое расположено при речке Корабельной и делает разъезды по Бугу до гарду и к Мертвым Водам. Помянутый генерал князь Голицын уведомлял меня на сих днях из принесенного ему известия от посыланного от него в неприятельскую армию, стоящую у Рябой Могилы, что при оной не больше сорока тысяч неприятельского войска находится при тридцати пушках. Можно думать, что неподвижное сей армии пребывание у Рябой Могилы, когда другие силы поступили к Хотину, про-

[1] См. документ № 63.

должается с тем, чтоб примечать на наши движения второй армии или вспомоществовать отделенным деташаментам из-под Хотина на грабление Польши. Как бы то ни было, только, ваше сиятельство, сохраните свою осторожность, располагаясь и легкими своими войсками и всею армиею, чтоб быть вам блиским противустоять неприятелю, ежели б он к вашей стороне вступил в Польшу или же бы пошел и на собственные наши границы, ибо, не говоря о храбрости, ниже самим числом превозвышать не может вашей команды, судя по приведению всех его сил к Хотину, то есть против первой нашей армии. Я 24-го сего месяца послал господину генерал майору Зоричу ордер, чтоб он в полуторы тысячи человек отправил к Днестру и за оный партию к стороне Бендер под командою майора Толстого для поисков над неприятелем, и, дабы сей партии не быть отрезанной от стороны Очакова, то также о посылке другой из запорожских казаков к стороне Очакова послал я кошевому атаману повеление. Ваше сиятельство равным образом при посылке вперед партии сии всегда предпринимайте осторожности. Сторону от Сечи Запорожской к Днепру прикрывать [будут] расположенные малороссийских казаков команды в Каменке и Калиновке, которые о примеченном как в армию, так и коменданту крепости святые Елисаветы имеют должность репортовать. На сем основании, отдавши я вашему сиятельству команду над армиею, не имею нужды о непредвидимых случаях делать вам предписания, искусной и храброй генерал, каковым по справедливости и испытанию признаваемым находитесь ваше сиятельство по случаю и времени знаете, каковы употреблять ему меры. Посему я, сказавши главные правила, что больше и что меньше озабочивать вас должно, кроме прочих подробностей, которые сами по себе разумеются, оставляю свободные вам руки действовать в произведении на показавшегося неприятеля своих предприятий, как вам лучше обстоятельства позволят. Засим осталось упомянуть, что до прибытия главнокомандующего сею армиею помянутого генерала графа Панина, ваше сиятельство о примеченном от неприятельской стороны всяком действии и что вы напротив предпримите, посылайте со уведомлением как и ко мне в след в первую армию, так и к его сиятельству графу Панину навстречу куриеров. Секретную мою канцелярию со всеми насланными ко мне имянными ее императорского величества рескриптами, так как и подлежащие до команды сей армии прочие указы, оставляю я вашему сиятельству под ведомством актуариуса Иностранной коллегии Михайлы Архипова для сдачи того всего по приезде его сиятельству главнокомандующему генералу графу Панину. В заключении сего примечу я вашему сиятельству по общим известиям, что неприятель лучшие силы и притом многочисленные имеет в кавалерии, в которой вверяемая вам армия недостаточна, посему, если дошло бы вам с неприятелем иметь дело, не располагайте вы легких войск и всей кавалерии против

оного без прикрытия, но поступайте в расположении армии таким образом, как в ордере де-баталии, сообщенном от меня вашему сиятельству, назначено, чтоб прежде от артиллерии понес неприятель сильные поражения, нежели мог достигнуть вашей кавалерии и сверх того прикрываемой еще пехотою. Я информировал артиллерию господина генерал-майора Вулфа, как в сем случае употреблять артиллерию из углов второй линии. Еще осталось мне в самом окончании изъяснится в том удовольстве, которым я непрерывно пользовался, как в отличных поступках вашего сиятельства, елико надлежало к службе ее императорского величества, так и всей вверяемой вам команды, и что ни одна благодарность, но и самая правда требовали, что я не упустил моего преемника предварить о наилучшем достоинстве сей части войск ее императорского величества. Ваше сиятельство обвестите всей команде о сем истинном от меня признании, что я, сколько доволен был во все время моего начальства всех усердием и рачением в должности, столько в искренной жалости расстаюсь теперь с сим достойным воинством, разделявшим со мною службу.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 69

1769 г. сентября 5. — ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НАБЕГЕ ПРОТИВНИКА НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕПРА

№ 19 *д. Новая Гребля*

Вследствие всеподданнейшей моей [реляции] от 27-го истекшего августа [1], я отъехал 28-го того ж месяца из второй вашего императорского величества армии. Распоряжения, которые ваше императорское величество на меня возложили, заставили меня взять путь по почтовой между ими учрежденной дороге чрез Днепр, чтоб удобнее и вслед и навстречу могли от обеих сторон доходить ко мне принадлежащие уведомления.

Продолжая мой путь, 30-го августа получил я от генерала князя Голицына письмо, которым он меня уведомлял, по объявлению схваченного надворного маршалка подчашего Потоцкого Коханского, что визирь Молдаванжи-паша дожидается из Рябой Могилы двадцати [тысяч] пехоты и тридцати тысяч конницы к усилию своему для переходу чрез Днестр, что неприятель, утвердивши свой мост на сей реке, хотя 23-го сего августа был отбит от оного, но как по прочности своей сей мост не

[1] Документ не публикуется, в нем Румянцев сообщал о получении рескрипта с назначением его командующим 1-й армией.

мог быть истреблен при завладении им, то неприятель и паки его употребляет для переходу всеми силами своими на сию сторону реки в намерении, как известия гласят, дать генеральную баталию вашего императорского величества армии. Я за сим, чтоб неприятелю, всеми силами в одно место стремящемуся, сделать скорую чрез движение от сей стороны диверсию и показать вид, что и вторая вашего императорского величества армия, подходя к Бугу, становится в такую позицию, чтоб неприятеля, перешедшего в Польшу, принять между двух огней, повелел тогда ж генералу князю Долгорукову пойти с оною к слободе Добрянке, лежащей на Синюхе. Легкие ж войска под командою генерала-майора Зорича отправить на Синюху и Буг чрез Саврань к Чечелникам, а оттуда к Днестру на местечко Рашков и Могилев послать партии, так как и по реке Кодиме до самих Дубасар, рассевая везде, что вся сия армия идет к Каменцу, и сохранять всем оным партиям между собою и генерал-майором Зоричем сообщение, дабы в случае подлинного осведомления о убыли за Днестром турецких войск генерал-майору Зоричу с своим корпусом над остальными поиск сделать и чрез все возможные средства нанесть вред неприятелю. А Запорожское войско расположить в Орле и вниз по Бугу до Мертвых вод, дабы сторона от Очакова ими прикрыта была. По отдалении армии от крепости святые Елисаветы я приумножить велел магазейн в Архангельске, а между тем и в Гуманской губернии от имени владельца оной воеводы кийовского Потоцкого обнадежено доставлением провианта, а в Бершадской губернии и в местах, за Бугом лежащих, предписал я брать оной сколько для войск, туда посланных, надобно будет, поелику многие случаи открывают, что те селения, как и помещики их, преклонны стороне неприятельской. А настоящего сентября 4-го и 5-го чисел дошли ко мне рапорты от генерала князя Долгорукова по представлению ему от генерала-майора графа Остермана, что неприятель показался у форпостов на реке Орели, что 30-го августа, напав на состоящий тамо форпост, окружил было оный, но Харьковского гусарского полку капитан Климеев с своею командою ударил на них и сквозь проехал, ретируясь к крепости святые Параскевии, к которой и неприятель тянется, и по рапорту генерал-майора Зорича из полученных уведомлений от его передовых партий, что неприятель под предводительством подчашего Потоцкого имеет чрез Днестр переправляться около Китай-города и тянуться к местечку Мурафе, для чего и прислал в то местечко и на все деревни повеление о заготовлении для их приходу всех припасов.

Я должен вашему императорскому величеству донесть, что неожидаемое покушение неприятеля к стороне линии[1] сделалось сверх всех способов, которые в преграду я тому предопределял.

---

[1] Украинская укрепленная линия.

Я во всех случаях повелевал господину генерал-порутчику Бергу о сохранении неослабного на сию сторону примечания, а паче за возвращением его от Перекопа предписал, расположась с корпусом на Калмиусе, не только смотреть на сию сторону, но отделить из оного деташамент на Самару для предосторожности точно против сих неприятельских предприятий. Но когда напоследок ваше императорское величество высочайшим именным указом соизволили повелеть не на Калмиусе, но на Конских и Молочных Водах расположиться ему, Бергу, с своею командою, то я не думаю, чтоб он, генерал-порутчик, исполняя сие высочайшее от вашего императорского величества повеление, не соблюл притом предосторожностей, что от меня ему наказано было, в рассуждении его правого фланга и линии. Посему настоящее происшествие превосходит, так могу сказать, мое воображение, как мог просмотреть генерал-порутчик Берг сию неприятельскую попытку. Я так к нему, как и графу Остерману послал курьеров, чтоб, по крайней мере, не допустили они дешево неприятелю воздвратиться назад, считая, что воспротивные меры ко удержанию его вперед они без сомнения приняли, как неуповательно, чтоб неприятель туда пробрался в больших силах. Другое известие мне кажется сомнительным для того, что генерал князь Голицын в тех же числах меня уведомлял, что Потоцкий у Хотина находился, да и место, определяемое для переправы его чрез Днестр, близко лежит к тому, где первая армия стоит, то и воспрепятствие ему в таковом намерении всегда бы сделано от оной. Однакож принужден я был сей день здесь остановиться и снабдить на сии случаи потребными повелениями как генерала князя Голицына, так по вышеписанному генерала-порутчика Берга и генерала-майора графа Остермана, полагая для генерала князя Долгорукова, что он в позиции своей к реке Синюхе удобность имеет противостоять неприятелю, с которой бы стороны он ни обратился в тот край, так как и корпусом легких войск отражать его частные отделения в непревосходном числе. Я больше уповать могу, что до последнего принадлежит, что помянутый Потоцкий рассевает с умыслом сии известия, чтоб вашего императорского величества войска из тех мест выжить [1].

---

[1] Искусные демонстративные действия П. А. Румянцева совершенно сковали действия визиря — турецкого главнокомандующего. Не имея достоверных сведений о численности армии Румянцева, визирь отовсюду получал донесения о появлении русских войск: активные действия корпуса Берга в Крыму, приближение легких войск Зорича к Бендерам, запорожцев к Очакову, наконец, появление отдельных отрядов в Польше — сбило с толку визиря, и он в полном бездействии простоял у Рябой Могилы и даже не оказал содействия гарнизону Хотина в решающих боях конца августа — начала сентября.

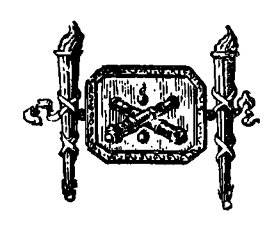
За поражение в кампанию 1769 г. и потерю г. Хотина визирь был казнен султаном.

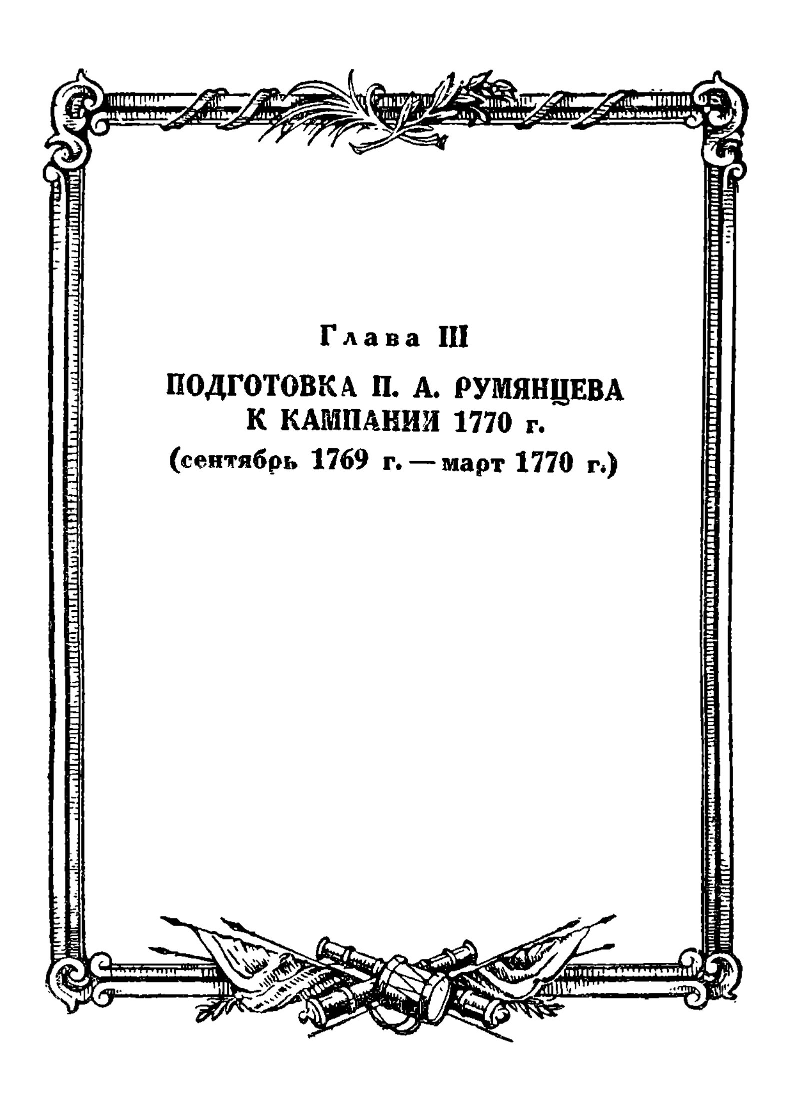
...Оканчивая сие, получил я уведомления из Кременчуга по сообщению от генерала-майора графа Остермана Екатерининской провинциальной канцелярии, что командированный от его, графа Остермана, против показавшегося неприятеля с гусарскими эскадронами секунд-майор граф Подгоричаный, возвратясь, донес, что он нигде по реке Орели, доезжая до урочища Дубовые грады, и где кошом неприятель стоял, как там его, так и по всей степи не нашел, и что совершенно он уже ретировался, для чего и форпосты вновь на прежних местах поставлены.

Я, сколько можно, сокращаю мой путь к армии, ежели найду способ из Переяславля прямо проехать на Белую Церковь, то и отправлюсь по той дороге.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 394—404. Подлинник. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М, 1865 г., кн. 1. Архив военно-походной канцелярии П. А. Румянцева. стр. 202—205.

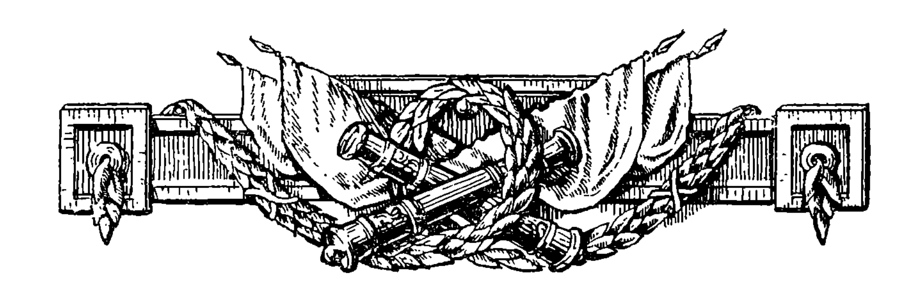




Глава III

ПОДГОТОВКА П. А. РУМЯНЦЕВА К КАМПАНИИ 1770 г.

(сентябрь 1769 г. — март 1770 г.)



№ 70

1769 г. сентября 9.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПРИБЫТИИ В КИЕВ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СВЕДЕНИЯХ О ДЕЙСТВИЯХ ТАТАР НА УКРАИНСКОЙ УКРЕПЛЕННОЙ ЛИНИИ

№ 20 *Киев*

Вследствие донесенного во всеподданнейшей моей вашему императорскому величеству [реляции] от 5-го сего месяца[1], я старался для сокращения пути проехать от Переяславля прямо на Белую Церковь, не нашлось однакож, по разведыванию, ни дороги, ни переправ чрез Днепр удобных в предлежащих оттоль местах. Ради того и принужден я был ехать на Киев, куда в сию ночь прибыл и выеду отсюда в нынешний же день.

В Переяславе будучи, получил я из Кременчуга от бригадира Черткова рапорт в опровержение представления генерала-майора графа Остермана, о котором я имел честь вашему императорскому величеству в окончании последней моей всеподданнейшей реляции донести, что показавшийся неприятель на Орели исчез. Но вновь рапорты к сему бригадиру от Днепровского пикинерного полку полковника Адобаша дошли, что оной, разделясь на две части, вниз и вверх по линии рассыпался и разграбил слободы: сентября 1-го и 2-го Перещенку и Козареву, а 3-го Лычкову. Сии известия в недоумение меня приводят в рассуждении генерала-порутчика Берга, от которого не получаю рапорта, что он предприемлет, и каким образом, против всех предписанных от меня ему предосторожностей, мог сыскать неприятель способ в сей край, его корпусом прикрываемый, пролезть. Я, по крайней мере, надеюсь, ежели он по посланному от

[1] См. документ № 69.

меня по сим уже известиям ордеру исполнит, то еще, перехватя неприятеля, на возвратном пути может ему отплатить за нанесенный вред сим покушением...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1826, л. 407—409. Подлинник.

№ 71

1769 г. сентября 18.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ВСТУПЛЕНИИ В КОМАНДОВАНИЕ 1-й АРМИЕЙ

№ 1 *Лагерь при д. Черчи*

Вашему императорскому величеству имею честь чрез сие всеподданнейше донести, что вчерашнего вечера прибыл я к здешней вашего императорского величества армии и во исполнение высочайших повелений от предместника моего генерала князя Голицына главную над оной команду принял, но по краткости времени предоставляю себе о всех обстоятельствах сей мне вверенной армии впредь всенижайше представить, а напротиву того о положении неприятельском и что между тем здесь произошло, надеюся, вышепомянутой мой предместник донесть не оставил, которой сего полудня в свой путь к высочайшему двору отъехал...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 2. Подлинник.

№ 72

1769 г. сентября 18. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Н. И. ПАНИНУ ОБ УТОМЛЕНИИ АРМИИ И НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЕЙ ОТДЫХА

д. Черчи

При отправлении моего первого курьера я пользуюсь только вашему сиятельству донесть, что я вчерашний день приехал к своей команде. Я не мог поспешнее сделать мою дорогу, имевши непрестанные остановки и от дурной случившейся погоды, и для предосторожностей, которые принужден был принимать против подаваемых мне известий от князя А[лександра] Михайловича [1] и князя Василья Михайловича [2], что неприятели в недальнем расстоянии от дороги, по коей я ехал, грабят по лесам.

---

[1] Голицына.
[2] Долгорукова.

Я нашел армию, что касается до людей, весьма утружденных от понесенных беспокойств долговременно, а лошадей и вовсе в изнурении. Потому должно быть первое мне упражнение оных отдохновение, к которому я, осмотревшись, приступлю. Ваше сиятельство, без сомнения, известны о деташементе, посланном к Яссам[1]; я уже застал сие предприятие приведенным в действие, следственно, и сказать только остается, что мне кажется преследовать неприятеля было бы полезнее, потому что, его истребивши, город бы сей был и без того в наших руках. Но теперь, буде неприятель и от Бендер весь убрался за Дунай, то надеюсь, что и из Ясс жителей увел с собою.

Вступая в ту должность, в препоручении которой ваше сиятельство толь отлично мне явили свое усердие, дозвольте мне, милостивый государь, удержать на все время и ту лестную надежду, что я буду и в сем периоде не меньше пользоваться вашими милостями и руководством, как и до сего был я тем счастлив, жертвовавши на веки в воздаяние вам истинным почтением и всеискреннею моею преданностью, с которым есьм.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», М, 1865 г., кн. 1, Архив военно-походной канцелярии Румянцева, ч. 1, стр. 208—209.

№ 73

1769 г. сентября 22.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СУЩЕСТВУЮЩЕГО РАЗДЕЛЕНИЯ 1-й АРМИИ НА ДВЕ ЧАСТИ И НАМЕРЕНИИ СОСРЕДОТОЧИТЬ АРМИЮ НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ДНЕСТРА

№ 2 *Лагерь при д. Черчи*

Вследствие предыдущей моей реляции о принятии высочайше вверенной мне команды над здешнею армиею вашего императорского величества, всеподданнейше донести честь имею, что нашел я оную разделенною, а именно одну, малую и из мушкетер только почти состоящую часть при многих генералах, здесь, в лагере при деревне Черчи, милях в четырех от реки Днестра и от Хотина, а другую, наибольшую, и в рассуждении употребленных к тому гранодер и протчих отборных людей и лошадей наилучшие силы составляющую, с генералом-порутчиком бароном Елмтом на той стороне Днестра и внутрь Молдавии.

Сие разделение армии должен я, всемилостивейшая государыня, не токмо за крайнее для себя нещастие щитать, но и тем

---

[1] Отряд под командованием генерал-квартирмейстера И. К. Эльмпта, направленный для занятия Молдавии после отступления турок из-под Хотина. См. документ № 73.

больше сожалеть, что сколько бы ни желал в приобретение каких новых над неприятелем авантажей и в распространение славы победоносного вашего оружия что-либо за Днестром без упущения настоящего к тому несколько еще способного времени предприять, но при всей моей ревности и усердии к службе вашего императорского величества встречаю в том не токмо непреодолимые препятствия, но и самую невозможность, в рассуждении, что по переходе армии вашего императорского величества в минувшем августе месяце из-за Днестра на здешнюю сторону и не предвидя по тогдашним обстоятельствам надежды вновь туда вскоре возвращаться, отосланы понтонные мосты в Полонну как для исправления их повреждений, так и особливо для того, чтоб вместо прежних, в ветхость пришедших пильных досок, каковых здесь сыскать невозможно, новые по способности из Киева достать, и что между тем хотя без сумнения все то уже и изготовлено, но недостает же еще к сим понтонам главных вещей, то-есть якорей и канатов, которые большею частию повредились же и которых уже ни откуда и куда, как из самой Москвы получить возможно, а от того и происходит, что здешняя часть армии вашего императорского величества в теперешнем положении дел не имеет с другою стороною Днестра, с тамошним корпусом и с самою Хотинскою крепостью никакого иного сообщения, окромя переправы на паромах и других мелких и опасных судах, которых, однакож, столь мало, что не токмо помянутой в Молдавию посланной корпус едва чрез немалое время и не без крайнего затруднения перебраться мог, но что не перевезены еще и поныне обозы и провиантские магазейны, принадлежащие к находящимся в Хотинском гарнизоне полкам; сверх же того хотя б разорванной неприятельской мост как-нибудь возобновить или другой такой же на сваях построить способ и нашелся, но, окромя промедления времени по чрезмерной теперь быстроте течения сея реки, а паче по прибывающей вновь из гор воде, в целости удержать никакой надежды полагать невозможно, так что я для некоторого в переправах подспорья велел уже приискивать вверх по Днестру сколько возможно более всяких судов, какие только найтиться могут, дабы особливо сим средством и вышепомянутой корпус при возвращении своем на здешнюю сторону хотя несколько прежних затруднений освободиться мог.

Не меньше же забочусь и сожалею, всемилостивейшая государыня, и особенно о вышепомянутом в Молдавию отправленном корпусе для того, что если веру подавать можно было доходившим известиям, что неприятель от нанесенного ему победоносным вашего императорского величества оружием страха бежит с торопостию восвояси, то по малому моему искусству, казалось бы, и никакой нужды не настояло сей корпус, в отборных людях и лошадях состоящей, туда отправлять и тем его напрасно изнурять, а буде напротив того помянутые известии

не надежны были, то оной корпус и совсем на отвагу отдан, рассуждая по той опасности, какой еще неминуемо подвергается, естли, паче чаяния, неприятель все свои рассыпанные силы против его соберет, хотя я на сей случай и не упустил уже к барону Эльмпту два ордера в наставление, а особливо для принятия осторожности от Бендерской стороны отправить [1].

И как из всего вышеизображенного ваше императорское величество сами усмотреть изволите сущую невозможность перехода с армиею ныне опять на ту сторону за Днестр для какого-либо предприятия, не подвергая себя в переправе на толь малых судах очевидному крайнему затруднению и самой опасности, хотя и без того подобной туда переход всей армии, естли, смею сказать, не приносил бы уже никакой пользы, естьли только вышепоказанные еще до моего сюда прибытия бывшие известия о неприятельском бегстве основание свое имеют, то при сем состоянии дел и не нахожу я теперь, всемилостивейшая государыня, к крайнему моему прискорбию, ничего иного предпринять, как во ожидании от генерала-порутчика барона Эльмпта обстоятельных обо всем репортов с армиею вашего императорского величества или в здешнем положении остаться или, смотря по удобности получения фуража, в здешнюю же околичность передвинуться, а между тем по наступающему уже глубокому осеннему времени и холодной погоде, держася силы, данной моему предместнику высочайшей инструкции и пополнительных повелений, пещися о назначении и для всей армии на здешней стороне квартир, не удаляяся от Днестра, дабы во всяком случае ближайшую способность иметь не токмо немедленную помощь Хотинской крепости подать, но, по усмотрению неприятельских на той стороне движений, и всеми силами его встретить.

Между тем, каков получил я теперь от помянутого генерала-порутчика барона Элмта репорт, с онаго при сем для высочайшего вашего императорского величества усмотрения тамошних обстоятельств точную копию подношу, а окромя того, не имею еще ни откуда и никаких известий о неприятельских обращениях.

---

[1] П. А. Румянцев неодобрительно отнесся к высылке в Молдавию к Яссам отряда Эльмпта, в результате чего 1-я армия оказалась сильно ослабленной в обстановке незавершенного поражения турецкой армии и неликвидированной угрозы со стороны Бендер. Более целесообразным Румянцев считал преследование турок, отступивших к Бендерам, и занятие этого пункта (см. письмо Н. И. Панину от 18 сентября, док. № 72).

Выводы Румянцева оказались правильными. Уже 26 сентября Екатерина потребовала от 1-й и 2-й армий совместных действий против Бендер. Однако было уже поздно. Неблагоприятные условия местности и погоды, утомление армии, отсутствие конского состава, невозможность подвезти из Киева осадную артиллерию — не позволяли открыть активные действия, о чем в своей реляции от 14 ноября обстоятельно докладывал Румянцев. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 43—46 об.).

А что касается до новопокоренной оружию вашего императорского величества крепости Хотина [1], то не упустил я и оную самолично осмотреть и нашел хотя нерегулярную, но сколько видеть можно, чрез многое время и великими иждивениями в такое оборонительное состояние приведенную, что ни в каких новых укреплениях нужды быть не усматриваю, почему и определенному тамо за коменданта полковнику Вейсману подтвердив, о том, только стараться, чтоб имеющиеся в сей крепости домы, которые, сверх повреждения бомбардирадою, от самого неприятеля во осторожность все раскрыты, как возможно, а по крайности хотя переборкою одного строения в другое исправлять дабы чрез то гарнизон, которой по необширности места весьма не мал, скорее под кровлю и в жило ввести.

Граф *Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 3—4 об. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 142—144.

№ 74

1769 г. сентября 26.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПРОДВИЖЕНИИ КОРПУСА ГЕНЕРАЛА И. К. ЭЛЬМПТА К ЯССАМ И РАСПОЛОЖЕНИИ ОСНОВНЫХ СИЛ АРМИИ НА ВРЕМЕННЫЕ КВАРТИРЫ

№ 3 *Главная квартира при д. Черчи*

При сем имею честь представить вашему императорскому величеству копию с полученного теперь от генерала-порутчика барона Эльмпта репорта [2], из которого высочайше усмотреть изволите, что он за ненастною погодою и не без великого затруднения прибыл с своим корпусом 22-го числа сего месяца только еще в местечко Батушаны, а 24-го имел итти с четырьмя баталионами к Яссам, откуда уже передовые его легкие войска милях в пяти находились.

А хотя он при том никаких обстоятельств, а наименьше о неприятеле и не присовокупляет, но как по вышеизображенной близости наших легких войск к Яссам, рассуждая заключать можно, что никаких тамо неприятельских войск нет, и что, следовательно, найдется уже он в состоянии, порученное ему от предместника моего дело исполнить, то и оставалось мне подтвердить только ему, о всем тамо происходящем как возможно чаще и ежедневно мне репортовать, дабы я мог, смотря потому

[1] 29 августа накопившиеся под Хотином в значительных силах турки сами перешли в наступление и остановили армию Голицына. Однако, на почве недостатка продовольствия и вспыхнувшей эпидемии чумы, в турецких войсках начались волнения. Ночные атаки русских (6 сентября) еще более усилили деморализацию. 9 сентября турки оставили Хотин.

[2] Рапорт не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1847).

и во ожидании возвращения его с корпусом, здешнюю часть армии вашего императорского величества хотя на кантонир-квартиры с безопасностию расположить и чрез то людям и лошадям при продолжающейся уже с нескольких дней дождливой и холодной погоде некоторое отдохновение доставить.

Между тем удостоился я получить высочайшей вашего императорского величества имянной указ от 10-го числа сего месяца, которым, всемилостивейше апробуя выданное мною запорожскому войску награждение, повелено отличившихся 23-го числа августа при атаке неприятеля[1] обер-офицеров произвесть, а унтер-офицерам, капралам и рядовым пожалованное денежное награждение выдать, что и исполнить не премину, по собрании о первых засвидетельствованей от их тогдашних начальников, а о последних точных списков; напротиву же того штаб-офицерам монаршее вашего императорского величества благоволение за то уже объявил.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 6—6 об. Подлинник.

№ 75

1769 г. сентября 26. — ИЗ РАПОРТА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКА И. К. ЭЛЬМПТА П. А. РУМЯНЦЕВУ О ЗАНЯТИИ ЯСС И О ДЕЙСТВИИ РУССКИХ ВОЙСК В МОЛДАВИИ

Вследствие моего из Батучан к вашему сиятельству отправленного рапорта имею честь донести, что, оставя двенадцать баталионов гренадер, всю тяжелую артиллерию и оба полка карабинерные, отправился я с четырьмя баталионами с корпусом легких войск и егерским к Яссам.

По мере моего наступления обретающейся в Рябой Могиле визирь и близ его крымской хан с остатками разбитых их войск начали отправлятца к Дунаю, а сии известии подали мне мысль не дать время неприятелю в порядке ретироватца, чего ради отправил я партию в Яссы, другую к Цоцоре, где неприятельской обретаетца магазеин, третью сильную на самой Дунай взад к неприятелю. Первая партия, приближась к Яссам, под командою подполковника Хорвата вошла с отменною скоростию и храбростию во оной город... Вторая партия под командою майора Гейкина вошла в Цоцоры, откуда неприятель, оставя свой магазеин муки и пшеницы, истребя только одне сухари в реку, скоропостижно бежал; в магазеине найдено не более как около пятисот четвертей муки и до двухсот четвертей пшеницы. Третья партия около Дунаю показалась и там разъезд по реке делать начала.

Итак, все сии движении, вдруг почти во всех местах чинимые, между тем мое прямо к Яссам приближение принудило неприя-

[1] 23 августа состоялся ночной штурм русскими предмостного укрепления Хотина, закончившийся блестящим успехом русских войск.

теля с ужасною скоропостижностию из Рябой Могилы бежать к Исакче, за Дунай.

Вслед за неприятелем отправлены партии, а сего дни уповаю, что Рябая Могила уже войсками занята и обретающейся тамо магазеин, о количестве которого я еще не известен, рук наших миновать не может.

Сего дня вступил я в Яссы и встречен здешним митрополитом Гаврилой от всего духовенства и знатнейших бояр с отличною честию и обрадованием. Я следовал прямо в соборную церковь, где по окончании... молебна обнадежил я всех именем ее императорского величества о высочайшей ее к народу сему милости и покровительстве, за которые так неизреченные ее величества благодеянии и попечительствы напомнил им, что долг истинного и правоверного христианина требует оказать свою благодарность учинением в верности и подданстве к ее императорскому величеству торжественный присяги.

На сие единогласно и с восторгом все, персты подняв, согласились, принося благодарении за щедроты ее величества всемогущему богу.

Присяга по подносимой у сего форме всем учинена торжественно. Первой митрополит здешной Гавриил в заключении присяги, поцеловав крест и евангелие, во весь голос говорил предстоящим, что он данной ему от спасителя нашего властию повелевает всем православным христианам следовать его примеру и учинить ее величеству от истинного своего сердца и души присягу, если кто в противность сему что помыслит, того он как изверга от христиан предает анафеме.

По выговорении слов сих каждый из предстоящих кучами к целованию креста и евангелия метались так, что нужно было определить людей для наблюдения порядку, наконец всеми в божией церкве обретающимися учинена, таким образом, торжественная присяга, которая сего дня во всех церквах продолжатца имеет в присутствии определенных к тому офицеров...

Ведая, что высочайшая ее императорского величества воля в том состоит, чтоб все здешнее правление, правы и привилегии точно в прежней их силе оставить без всякой перемены, то для собрания рассыпанных здешнего Дивана членов для постановления власти и силы оного, а особливо ради удобнейшего достижения посредствуя сим до желаемого успеху порученной мне от вашего сиятельства экспедиции, осмелился я, во-первых, издать здесь манифест о приведении всего в свой прежний порядок, потом дать Дивану ее императорского величества указ о вступлении в заседание и о протчем, с которых обеих как с манифеста, так и с указа подношу копии.

Город Яссы по осмотру моему имеет замок и два монастыря таких, в которых трех местах 4 баталиона пехоты противу неприятеля держаться в состоянии чрез всю зиму, в чем я вашему сиятельству ответствовать могу; город же Батушаны, так

как и протчие пристойные места, занимаю войсками и таким образом вся под державу ее императорского величества покоренная Молдавская земля от неприятеля охраненною делаетца, имея себе во оборону от четырех до шести баталионов пехоты, егерской корпус и легкое войско, которые все от земли содержаны быть могут без всякой нужды.

Все сие войско и княжество Молдавское препоручаю я г-ну генерал-майору и кавалеру князю Прозоровскому, которой учиненною мною основание и распоряжение уже без меня в действо производить будет.

Из благополучных и полезных поверенной мне экспедиции успехов ваше сиятельство усмотреть изволите, какой страх и ужас неприятель наш получил и каким он еще больше объят быть должен, наконец, в каком уничижении обретатца неминуемо теперь должна униженная оттоманская гордость в самом Константинополе.

При всем том не могу перед вашим сиятельством умолчать, что ежели сия экспедиция так благополучно к концу приводитца, то приписываю сие большою частию господам, при мне находящимся полковникам Ржевскому и барону Игельштрому, их рачению, неусыпным трудам и ревности к службе ее императорского величества, словом сказать их отменному стремлению к соблюдению всего военного порядка строгости и дисциплины. Вяще так нужно во всякое время, а особливо при вступлении в такую землю, которая не столько оружием, как лаской и показанием действия щедрот милосердой нашей государыни, покоряется, усердие сих отличных полковников простиралось до такова градуса, что за усталью и за падежом от ненастья и больших маршей лошадей употребили оне под артиллерию и ящики своих собственных, приглася к такому же благородному поступку и офицеров своих, кои, с отменною радостию видя так важную надобность, согласились и посредством сим господин полковник Игельштром с четырьмя своими баталионами мог совершить три наитруднейшие марша; господин же полковник Ржевской сверх того во всех моих как в Ботушанах, так и здесь земских распоряжениях такую помочь подавал, что никоим образом без отличных его трудов и проворства неможно было совершить так много важных дел в столь короткое время, ибо в одне сутки все теперь учреждено и завтрашнего числа Диван действительно в заседание вступит.

В рассуждении таких великих двух подполковников заслуг и достоинств, присоединяя их к тому отличную храбрость, которою оне в нынешнюю кампанию на самом деле против неприятеля доказали, в высокую вашего сиятельства протекцию обеих их представить осмеливаюсь с покорнейшим испрошением о исходатайствовании им от ее императорского величества, нашей милосердной государыни, высочайшего благоволения.

Генерал-порутчик барон Эльмпт

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 9—12. Подлинник.

№ 76

1769 г. октября 1. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ ОТВОДЕ ВОЙСК НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ В РАЙОН МЕЖДУ ДНЕСТРОМ И БУГОМ И НЕВОЗМОЖНОСТИ ОСТАВЛЕНИЯ ИХ ВДОЛЬ ДНЕСТРА ВВИДУ РАЗОРЕНИЯ ОБЛАСТИ

№ 4 *д. Черчи*

Каков получил я в минувшую ночь от генерала-порутчика барона Эльмпта репорт о занятии Ясс и о покорении чрез то всего княжества Молдавского, також о учиненных тамо над неприятелем поисках и о действительном уходе визиря с армиею за Дунай, оной имею честь в подлиннике при сем всенижайше представить[1]. Чрез присланного от него курьером гвардии порутчика князя Репнина, которой волонтером при тамошнем корпусе находился и потому как самовидец в состоянии найдется потребные объяснении подать, естли б иногда по скорости времени в помянутом репорте чего недоставало.

Еликож касается до оставляемых генералом-порутчиком бароном Эльмптом и его корпуса тамо войск, то по получении от него точнейших о всех тамошних обстоятельствах известий, не упущу в ближайшее о том рассмотрение войти, то есть как о числе сих оставляемых войск, так и о их пропитании и самой безопасности.

А хотя между тем по нынешней ненастной погоде остальные войска вышепоказанного корпуса не могут еще вскоре на здешнюю сторону Днестра возвратиться, однакож я принужденным себя нахожу здешнюю часть армии вашего императорского величества и до их прибытия на первой случай в кантонир-квартиры в самой здешней же околичности расположить, в рассуждении, что в поле и в лагере уже долее стоять ни коим образом невозможно за вышепоказанною ненастною погодою, которая ежедневно при холодных ветрах, беспрерывном дожде, снеге, слякоте и сделавшейся от того чрезвычайной грязи продолжается, и о которой ваше императорское величество уверить могу, что едва ль подобная погода и в суровейшем климате случается.

А как при том же настоит время к занятию и самых зимних квартир, то хотя я во ожидании высочайших вашего императорского величества точных о том предписаний и повелений, к которым может быть нынешние к приращению славы вашего императорского величества произведенные новые успехи победоносного вашего оружия какой особливой случай подадут, предпо-

---

[1] См. документ № 75.

лагаю в запас оным зимним квартирам быть между рек Днестра и Буга как для удобнейшего помещения и отдохновения людям, так и для надежнейшего получения фуража, но в то же время равномерно долженствую предварительно всенижайше донести, что, сколько бы ни желалось во исполнение прежних на сей случай данных повелений армию вашего императорского величества в близости самого Днестра расположить, теперь к тому никакого способа и возможности не усматривается, в рассуждении, что здешние так называемые побережные места по беспрестанному неприятельскому впадению и происходившим с ним воинским действиям так разорены и опустошены, что не токмо жители частию неприятелем в плен забраны, а частию от страху разбежались, но что почти никакого жила и пристанища нет, умалчивая о получении какого-либо тут пропитания, а наименьше фуража, потому что пребыванием в сих же местах с самой зимы наших легких войск, а наконец, и от обоих армий все и оставшееся неминуемо истощено.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 8—8 об. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 144—145.

№ 77

1769 г. октября 4. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ВЫСТУПЛЕНИИ АРМИИ НА ВРЕМЕННЫЕ КВАРТИРЫ, ЗАНЯТИИ МОЛДАВИИ КОРПУСОМ ЭЛЬМПТА И О НЕОБХОДИМОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ УКАЗАНИЙ О ПЛАНАХ ДЕЙСТВИЙ НА 1770 ГОД

№ 5 *Лагерь при с. Тылне*

Вашему императорскому величеству имею честь, во-первых, всеподданнейше донести, что вследствие предыдущей моей реляции приказал я здешнюю часть армии вашего императорского величества со вчерашнего утра из лагеря при Черчи в росписанные от меня на первой случай и на время в той же околичности между рек Смотрича, Жванчика и Сбруча кантонир-квартиры вводить, дабы, сколько число сих квартир ни скудно, людям как наискорее способ доставить хотя попеременно в жиле и тепле обогреваться и некоторое отдохновение иметь. А напротиву того лошадей под кровлю поставить, приемля во уважение, что настоящая ненастная, суровая и самая несносная погода не токмо беспрерывно продолжается, но сверх того покрыло сегодня землю и снегом, при такой стуже, какая по объявлению здеш-

них жителей в нынешнее еще не гораздо позднее осеннее время здесь весьма редко случается, умалчивая о превеликой грязи и о учинившихся чрез то почти не проходимых дорогах, так что отправленные уже третьего дня вперед полковые обозы и больные едва сегодни в назначенные им мили по две и по три квартиры прибыть могли. А главную квартиру занял я по удобности сего расположения войск в здешнем селе Тинне, куда вчерась же и переехал. Сверх же того заняты сии кантонир-квартиры не на обширности, но паче длиною только на две, а широтою на три мили, следовательно в таком близком расстоянии, что армия вашего императорского величества в случае нужды в несколько часов вместе собраться может.

В то же время имею честь поднесть вашему императорскому величеству полученной мною сего утра от генерала-порутчика барона Эльмпта репорт из Ясс от 29-го числа минувшего сентября, из которого высочайше усмотреть изволите, что, сверх учиненных им в сем теперь оружию и державе вашего императорского величества совершенно покоренном княжестве Молдавском разных распоряжений и других до тамошних обстоятельств касающихся уведомлений, возвращается он с главною частию корпуса назад сюда к армии, а для охранения сей земли оставляет под главною командою генерала-майора князя Прозоровского, а именно в самых Яссах при полковнике Ржевском четыре баталиона гранодер и всех егерей с их артиллериею, да в околичности города для закрытия онаго от Бендер и от реки Дуная один гусарский полк и до полуторы тысячи казаков, а напротиву того все протчие легкие войска, то есть гусар и казаков, распологает в городе Батушанах и по реке Пруте в местечках Черноуцах, Тасурове и Степановице, распространяя оные к Сороке и в Польшу чрез Днестр к Могилеву и до самого Брацлавля.

Сие им учиненное расположение тамошних войск оставляю, всемилостивейшая государыня, и я на нынешнее время и до дальнего усмотрения неприятельских обращений, притом воображая себе, что по малой мере до установления настоящей зимы дальней для них опасности не предвидится, разве от стороны Бендер и татар, которые по подтверждаемым и теперь от генерала-порутчика барона Элмта известиям с ханом крымским к Каушанам отошли, а, напротиву того, турки с визирем и за Дунай в Исакчи ушли. Хотя инако, при нынешнем раздроблении армии вашего императорского величества на гарнизоны и части, возможности нет друг другу такое вспомоществование подавать, какое желалось бы, чего для и в предосторожность от татар велел я барону Эльмту как наискорее послать знатную партию к Бендерам для точного разведания, нет ли и не сбираются ли в околичности сего города какие нарочные неприятельские войска, или только оставлен тамо один обыкновенной для охранения сей крепости гарнизон и сколь число его велико,

Но, между тем, главнейше заботит меня то, что при всем от генерала-порутчика барона Элмта обнадеживаемом безнужном пропитании вышепомянутых в Молдавии хотя не в великом числе оставленных войск, не сыскивает он средства к получению тамо для лошадей овса или ячменя, и что, хотя по тому самая необходимость требует, снабдевать сим фуражем отсюда из Польши, но с одной стороны в здешних побережных местах, как я о том уже всенижайше доносил, ничего фуража сыскать нельзя, а с другой ближние наши к Днестру магазейны давно уже и так изошли, что теперь единственно подвозом из других дальних наполняются, следовательно, и должно уже фураж по нужде из сих последних брать, умалчивая о крайних затруднениях в сборе с земли в нынешнюю распутицу подвод, а особливо, когда оные по высочайшем назначении для армии зимних квартир к перевозке и самых сих магазейнов понадобятся. И что хотя, наконец, все сии встречающиеся затруднении как ни есть и преодолелись, иного способа не остается, как по несвободной чрез Днестр коммуникации довозить сей фураж только до здешнего берега к Хотину, а по переправе чрез сию реку на судах и паромах, доставлять далее к находящимся в Молдавии войсках на высылаемых от них самих за тем полковых подводах, естли по опустошению сей земли возможности не найдется оных тамо набрать.

А как в протчем все вышеизложенные обстоятельства зависят от предполагаемых вашим императорским величеством на будущую кампанию операций и от занимаемых вследствие того армиею зимних квартир, то в сем рассуждении смелость приемлю вашему императорскому величеству при всенижайшем повторении учиненного мною в предыдущей реляции о помянутых зимних квартирах представления всеподданнейше просить удостоить меня хотя некоторым идеальным о будущих операциях понятием, дабы благовременно возможно было между другими к тому надлежащими распоряжениями не токмо самые вышепомянутые для армии вашего императорского величества здесь в Польше находящиеся главные, но удаленные магазейны, которые по тогдашним обстоятельствам и на случай пребывания армии в их околичности заведены и учреждены, а напротиву того по нынешнему пременившемуся состоянию дел, а паче по обращению иногда армии на зимние квартиры в неближнее от оных расстояние неминуемо туда ж обращены быть должны, в лутче удобные к тому места перевозить, но где-либо по способности ж и новые заводить.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 18—19 об. Подлинник.

№ 78

1769 г. октября 9. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОЛУЧЕНИИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ДАННЫХ О НЕПРИЯТЕЛЕ, ОРГАНИЗАЦИИ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАЗВЕДКИ И РАСПОЛОЖЕНИИ ВОЙСК НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ

№ 7 *с. Тылно*

При сем имею честь поднести присланное ко мне от возвращающегося сюда с корпусом генерала-порутчика барона Элмта письмо[1] с приложенным от вышедшего из Бендер волоского шляхтича ему ж поданным объявлением, из которых ваше императорское величество высочайше усмотреть изволите, что разосланными по Молдавии до самого Дуная партиями наших легких войск ни одного турка на сей стороне помянутой реки не найдено и не усмотрено, но что все действительно за сию реку ушли, что хан Крымской, распустя также татар по домам, находится сам в селе Кышле в восьми часах за Бендерами, что в Бендерах сверх тамошних тысяч до пяти жителей, щисляется войска только две тысячи человек при двух пашах, но и из оных великие побеги во-свояси происходят, что хотя носится в сем городе слух о идущих будто на помощь туда из Константинополя семидесяти тысячах турков при Бастанжи паше, но сей слух, конечно, выдуман для удержания только вышепоказанных побегов и отнятия вселившегося в неприятельских войсках страха от победоносного вашего императорского величества оружия; что татара, хотя неизвестно какие, отправляют свои табуны и пожитки при многих мурзах на сю сторону Днестра в Балту, а сверх того намерены и державе вашего императорского величества покориться, сколь скоро войска ваши к той границе приближатся; напротиву же того из буджацких татар бегут многие и за Дунай, и что, наконец, генерал-порутчик барон Элмт представляет ту пользу, какая произойти могла б, естьли б вашего императорского величества вторая армия в состоянии нашлась еще в нынешнюю осень Бендерами овладеть.

Я не упустил, всемилостивейшая государыня, сообщить тотчас сии известии командующему помянутою армиею генералу графу Панину как для его ведома, так и особливо для того, что сверх примечания на татарские иногда подлинно к Балте происходящие движении, не найдет ли он в самом деле способа, пользуясь страхом и побегами Бендерского малочисленного гарнизона, овладеть сим городом чрез тот деташамент, которой он уже и без того по поданному ему от меня пред сим уведомлению

---

[1] Не публикуется.

туда отправил, и о котором ваше императорское величество без сумления прямо от него известны.

А что касается до склонности татар к подданству вашему императорскому величеству, то я уже до получения помянутых известий оставленному в Молдавии командиром генералу-майору князю Прозоровскому поручил: во-первых, от тамошних благоразумных жителей выведать, каково их в самом деле к нам усердие, похотят ли они обще и с тамошними поселянами ополчиться совокупно с нами противу общего неприятеля; каким образом могут к тому приготовиться и имеют ли ружья и порох, или в чем недостаточны. А потом склонять их, не возьмуться ли которые из их общества вселить и в соседних татарах подобные сему мысли, подавая им уверение, что, преклонившись к нашей стороне не токмо будут они вспомоществованы и защищены, но сверх достойного награждения, останутся и от всякой дани свободными, а пример нашего снисхождения могут им представить завоеванные молдавцы сами собою. Сверх того разведать о неприятельских нынешних и во время минувшей кампании происходивших смятениях, и каким образом поступает неприятель с нашими пленными и конфедератами, и имел ли при себе в армии министра вашего императорского величества Обрескова, и как он содержан был, в каком состоянии ушли турки за Дунай, где их магазейны обыкновенно заготовляются и каким образом? Сколько бы можно было их чаять и ожидать на будущую кампанию и какие к тому приготовлении за Дунаем обыкновенно бывают? А, наконец, если сыщется тамо надежной человек, которой бы взялся для подобных разведываний за Дунай и в Константинополь съездить, такового, дав обнадеживание о достаточном награждении, и отправить с даваемым ему от меня самого потребным наставлением.

Между тем, взирая на нынешнюю, хотя проясниваюшуюся, но тем не меньше наступающую суровую осеннюю погоду, главнейшей предмет моих попечений состоит в том, чтоб армию вашего императорского величества, благовременно введя в настоящие зимние квартиры, не токмо совершенное людям успокоение по толиким трудам доставить, но чтоб сверх того без упущения времени и всем потребным к будущим действиям себя снабдить, и одним словом, как скоро возможно, в исправность и готовность к тому себя поставить, тем наипаче, что в самом деле обстоятельства армии теперь не из лутчих, и что многого недостает и многое ж исправить должно.

И хотя я о сих зимних квартирах вследствие предыдущих моих реляций высочайших вашего императорского величества предписаний и повелений ожидаю, но как по всенижайше донесенным уже на предь сего обстоятельствам никакого способа и возможности нет в здешних побережных местах, то-есть в самой близости реки Днестра на зиму поместиться и остаться, то в сем рассуждении смелость приемлю поднести при сем на высо-

чайшее вашего императорского величества рассмотрение и апробацию сочиненной мною в запас помянутым зимним квартирам план и расписание.

Ваше императорское величество из оных усмотреть изволите, что сверх расположенных уже в Молдавии войск за нужно я нахожу из оставленного в Хотине великого гарнизона, которой по несысканию еще потребных, не токмо к поправлению поврежденных домов, но и самых кровель, материалов, ни коим образом тамо на зиму весь помещен быть не может, некоторое число убавя, расположить на той же стороне Днестра в Покуции в прибавок к имеющимся тамо в городе Станиславове войскам, дабы оные во всяком случае и подкреплением всем другим, за Днестром же в Хотине и в Молдавии обретающимся служить, а в то же время не токмо тамошние сборища польских мятежников рассыпать, но и сообщение их с турками пресекать могли.

Напротиву же того для протчей армии вашего императорского величества назначиваю я зимние квартиры по вышепоказанной невозможности, хотя не в самых здешних побережных местах, однакож и не в удалении от Днестра, а имянно между сею рекою и Бугом, подаваяся левым крылом к расположению второй вашего императорского величества армии, а правым к находящемуся в Польше и для тамошних дел определенному корпусу, дабы с одной стороны в случае неприятельских к границам империи вашего императорского величества покушений, неприятель сие наше расположение в вящшем уважении имел, а с другой удобность была, сверх совершенного восстановления свободной с Варшавою коммуникации, не токмо нынешние мятежи в Польше истребить, но и до новых умножений не допускать, оставляя притом в запас для возвращающихся иногда из Молдавии паче чаяния легких войск на зимние квартиры, самые здешние места.

А хотя сверх того от решительного на все сие высочайшего вашего императорского величества соизволения не токмо перевоз наших внутри Польши имеющихся, но и заведение новых магазейнов зависит, но как между тем подрядчикам за их поставки платится по договорам или контрактам не малая цена, а напротиву того за собираемой ныне для армии вашего императорского величества в здешние места выписыванием с земли по билетам провиант и фураж производится платеж только по установленной еще с начала вступления в Польшу войск несравненно низкой противу подрядной цене, следовательно здешние жители несут от того тем больше чувствительной убыток и огорчение, что и самые подрядчики у них же и на то же употребление провиант и фураж не свыше помянутой сначала установленной цены покупая, в магазейны гораздо дороже, нежели жителям за такие ж поставки платится, умалчивая, что подрядчики иногда и тем же самым с земли выписываемым

пользуются, то в сем рассуждении и для показания здешним жителям некоторого удовлетворения в их справедливых жалобах, приказал я провиантскому департаменту отныне единственно покупать провиант и фураж от здешних жителей самих и из первых рук по такой цене, по какой только здесь теперь обыкновенно продается и подрядчики покупают, дабы из успеха того видеть, не можно ли будет и совсем без подрядчиков впредь обойтиться сколько в удовольствие здешних жителей, столько же и в сбережение казенной пользы...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 36—39. Подлинник.

№ 79

1769 г. октября 11. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ ОБ УПРАВЛЕНИИ МОЛДАВИЕЙ ПОСЛЕ ЕЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ПРОТИВНИКА И О КОМПЛЕКТОВАНИИ ЕГЕРСКОГО КОРПУСА

№ 339

Похваливши распоряжения ваши, которые в начале командования своего в Молдавии ваше сиятельство приемлете и мне об оных в репорте от 8-го числа представляете, я даю вам резолюцию на ваши между тем объяснения следующую: суд и всякую расправу в покоренной молдавской провинции на сей час должно оставить на тех самых обрядах, какие в оных до сего времени были; законами ли писанными или благопризнанием между себя избранных или же по обыкновениям, преподаваемым чрез память, они управляли свои дела — того вначале завладения народом неприлично разрушать, в рассуждении, что всякая вводимая новость от победителя со уничтожением порядков, к коим люди приобыкли, покажется им трудною, а сих жителей больше мы привлечем верность и преданность к себе, ежели не утесним ничем их свободы, и отдавать станем правосудие, согласное с собственным их мнением. Таким образом, ежелиб до вашей резолюции дошли какие представления, вы старайтесь согласоваться в решении сим правилам, а в случае, где бы не доставало уставов, так должно определять справедливость, которою бы судящиеся и сами убеждены быть могли. Когда ваше сиятельство о распорядках земских рассуждение держать будете с боярами тоя земли, то не упустите у них о всем том наведаться, что я предписал первым вам моим секретным ордером. По недостатку в той земле ячменю и овса, я дал повеление полковнику Ширкову из Станиславова по требованию вашему отпуск оного учинить; итак, теперь от вас зависит с помянутым полковником снестись, до коих мест препровождать нужно на

польских подводах и откуду переменить можно их из земли молдавской собранными; о магазейнах, когда я иметь буду повеления, назначивающие операции будущей кампании, то в то время о моем положении на то не оставлю и вас снабдить, как и члена определить из Провиантского департамента, который бы, при вас находясь, сии дела ведал для порядку и облегчения собственно вашего. Польские близ лежащие по Днестру места столько все истощены, паче чрез насилие и грабительство к предосуждению легкими нашими войсками, что известия отовсюду мне доходят, что там нет способу продовольствовать фуражем стоящие команды, но нужды ради настоящей я согласую на ваше мнение, чтоб вы определили команды для собрания фуража в Польше, давши начальникам над таковыми командами строжайшее приказание, чтоб они отнюдь в сих посылках насильно взятков и никаких предосудительных поступков не делали с жительми и не брали бы последнего у них сена и овса, но умеренность бы в том наблюдали, помня, что ежели от кого дойдет только мне знать о их малейших непорядках в сих комиссиях, всякого я предам непременно достойному наказанию по военным регулам, для чего и употребите вы к сей должности таких офицеров, на которых бы честно положиться вы могли. За сей сбор прикажите давать квитанции жителям верные, не писав в оных цены, но одну только меру и вес взятому по истине, ибо обман и в сем случае не обойдется без наказания, кто бы то ни учинил. Повеление, которое вы дали г. Кантокузину о сборах с винограда и меду, я апробую. Из расписания вашего я примечаю, что на левом крыле ваше сиятельство ставите одни только казачие команды, которые не меньше должно быть подкреплено и лучшею нашею конницею, для чего я бы хотел, чтоб вы по своему рассмотрению который полк и гусарский там расположили. Между тем как и во многих местах вы располагаете малое число людей, которому в таком раздроблении непредвидимой случай может иногда родить следствия неприятные, то мне лучше кажется, ежелиб ваше сиятельство несколько учредили главных и усиленных постов, которые бы и поиск делать и сами защищаться, в блиском расстоянии с другими будучи, в состоянии были, а прочие посты иметь таковы, кои бы только служили ко уведомлению вас или своих команд, ежелиб сомнительство или опасность были примечены.

Ко укомплектованию егерского корпуса я прикажу из полков выбрать людей, но между тем ожидаю от вас ведомости, сколько к тому людей вам надобно и сколько у вас неспособных есть. Неспособных гусар к службе по разборе извольте ко мне прислать, а построение делать на их полк по привозе аммуниции дозволяю в назначиваемом от вас местечке Снятине и прочих, близ оного лежащих. Гофшпиталь для больных от легких войск учредить в Станиславове я согласую и не оставлю надобное число лекарей вам доставить.

Казаков донских, назначенных к отпуску за неспособность к службе, соберите, ваше сиятельство, в такое место, из которого бы удобнее было мне отправить в их домы. При вступлении на винтер-квартиры я вам дам знать о учреждении тогдашней коммуникации с вами. Свойства арнаутов и польских казаков вам из практики лучше известны, то я хочу прежде от вас некоторые идеи иметь, каким бы образом сходнее вы находили привесть их в порядок службы, и ваше сиятельство не оставьте о том мне свои мысли изъяснить, стараясь впротчем всеми образы удерживать и прочую команду свою от всякого своевольства и наблюдать военную дисциплину к сохранению славы оружия ее императорского величества, ибо всеминутно доходят мне жалобы о наглостях наших легких войск, и ее императорское величество на сих днях имянным указом по таковым же к себе дошедшим высочайше мне повелела стараться всеми образы восстановить порядок, чтоб все жители остались без обид.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 41—43. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 80

1769 г. октября 15. — УКАЗАНИЕ П. А. РУМЯНЦЕВА О ДИСЛОКАЦИИ 1-й АРМИИ ПРИ РАСПОЛОЖЕНИИ НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ[1].

Первой линии правого фланга гранодерскому баталиону, Троицкого двум ротам и Низовского двум, артиллерии двадцать пять орудий в местечко Сатанов; Ростовскому в деревни Вершковцы — Боршовка, а Киевскому в Кременну, Лилаваду и Ракивцы, оные деревни лежат меж Сатаново и Грудка.

Кордарме первой линии с правого фланга, гранодерскому баталиону, четыре роты первого гранодерского в местечко Грудек, Апшеронскому в деревне Жищинцы и в Чорноводу, Куринскому в Мондры, Главы и Балакир, Санктпетербургскому в Сказанце и Фрауенполе, а гранодерскому баталиону четыре роты 3-го гранодерского в местечке Слобковце, то ж и вышеписанные деревни между Грудка и Савинец, артиллерии сорока орудиям в Ярмолинцах.

Первой линии левого фланга Бутырскому в местечко Зинков и Ванковце, Московскому в местечко Ослямов, Старые и Новые Нитечинцы, а гранодерскому баталиону 4-го гранодерского четыре роты и артиллерии двадцати пяти орудиям в Бар.

---

[1] Разбросанность расположения частей армии Румянцева вызывалась недостатком необходимых для их обеспечения местных ресурсов.

Правого фланга второй линии баталион гранодер, Ингерманландского двум ротам, Архангелогородского двум в местечко Ожеговце, Архангелогородской в Кленине, а Пермской на половине меж Ожеговец и Черного острова.

Кордарме второй линии баталиону гранодеров первого гранодерского 4 ротами, 2-му Московскому, Ширванскому, Ярославскому и баталиону гранодерскому четыре роты 3-го гранодерского в Черной остров из них Ширванскому Черной остров, а Московскому и четырем ротам 1-го гранодерского полку занять по прямой линии к местечку Ожеговцам на две мили с половиною села и деревни, а Ярославскому и четырем ротам 3-го гранодерского вниз по реке Волку занять села и деревни до села Шумовец, а сие село принадлежать будет к левому флангу которому полку.

Второй линии левого фланга Копорскому в Шумовцы и Капустин, Кабардинскому в Свинну и Калабанни, баталиону гранодерскому четыре роты 4-го гранодерского в Богданивку и Хатну Деражну.

Третей линии правого фланга гранодерскому баталиону, Пермского двум ротам, Киевского двум в Базалию, Новагинскому в Жеребки, Тенгинскому в Малые и Большие Зезюленцы.

Кордарме третьей линии баталиону гранодерскому, Сибирскому двум ротам и Бутырского в Волице и Маркивцы, Сибирскому в местечке Николаеве и Кулчине, Новогородскому — Ходковцы Зарузвя и Пашутивцы.

Невскому в Мытницы, Западенцы, Сковородки или Мошевке и Тирановке, баталиону гранодерскому, Невского двум ротам, второго Московского двум Тиченцы, Бахматовцы и Ярославка.

Левого фланга третьей линии Выборгскому село Должек и Меджибоже, первому Московскому Маркивцы, баталиону гранодер, Выборгского две роты, Копорского две в Гарбасыв.

Кавалерия Каргопольского в Красилове, Ингерманландскому Цыценивка и Карамарика, Рижскому Кузмин.

Кавалерия в кордарме, Рязанскому Воронковцы и Григорувка, Астраханской в Староконстантинов, Сибирской в Свинной, Нижегородской в Синяве Старой.

Кавалерии левого фланга Тверской в Константинов, Новомосковской в Синяву, Новотобольской в Хмельник.

Кор де-резерв

Киевской кирасирской в местечко Деражню, баталион гранодер, Куринского две роты, Санктпетербургского две в Нижне-Астраханской, в Шеришинке, баталионов гранодер, Новогородского две роты, 3-го гранодерского две в Снетувке, Новотроицкой кирасирской в Лятычеве и Вербке.

В Покуции стоящим

Станиславов и Тесменицу Низовскому, Ингерманландскому и Троицкому пехотным, а карабинерным Вятскому и Пермскому в местечке первому Алене, а последнему Иклумач.

А гаубт-квартира по способности назначена в Лятычеве.

Ген. г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1864, л. 8—9. Подлинник.

№ 81

1769 г. октября 20. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ИНЖЕНЕР-ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ ДЕМОЛИНУ ОБ УКРЕПЛЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В МОЛДАВИИ И ЮЖНОЙ ПОЛЬШЕ

№ 464

Ваше превосходительство довольно знаете коль важным есть между прочими приготовлениями, которые распространять мы должны для будущей кампании, сие, чтоб завременно укрепить такие места, которые служат к подпоре нашего войска, к содержанию свободного сообщения, к прикрытию и заложению в них магазейнов. Я таковыми предполагая в Молдавии: первым и главным город Яссы, потом по Пруте-реке местечки Табурев и Степановцы, по Днестру местечко Сорока, между реками Прутом и Серетом местечко Буточаны и на самой реке Серет местечко Сочаву, позади на Пруте местечко Черновцы, монастырь Драгомиров и Хотин; в Польше: Станиславов, Снятин, Могилев, Брацлав. Рекомендую вашему превосходительству немедленно, взяв с собою инженер-офицеров, все места вышепомянутые в Молдавии и Польше осмотреть и в оных какое нужно для предсказанных выгод присовокупить укрепление, оное посколько еще можно в настоящее осеннее время произвесть, снесясь в Молдавии с командующим тамо господином генерал-майором Замятиным, чтоб для работ из земли, а частию и из служивых к тому было определено; в Польше же того требовать от начальников земства. Не вхожу в изъяснение всех сих подробностей такового дела, в котором вы сами, как искусной инженер, все должности объемлете, но только хочу, чтоб ваше превосходительство держались в произведении возлагаемого на вас дела сего правила, чтоб в тех местах, которым сама натура произвела в положении их укрепления, располагали вы по искусству меньше людей и работ в их защите, чем для таковых, кои всех выгод, вспомогающих от положения своего, лишены, ибо сии места как сохранять будут по большей части наши магазейны, то в оных большому

числу людей быть не может. Напоследок я ожидать буду от вашего превосходительства подачи себе всем сим местам планов, и где коим образом вы по укреплению оных предположение сделаете.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 52—53. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 82

1769 г. октября 20. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ О НАСТУПЛЕНИИ НА БРАИЛОВ

№ 487

Я как от подполковника Каразина имею репорт, что турки в великой опасности находятся от наших войск в княжестве Мултянском и бегут из онаго за Дунай, а по уверению тамошних правителей к завладению тем княжеством осталось только взять один Браилов, к чему потребно де отделить малое число войска, а затем уже тамошние жители сами берутся защищать ту землю, так и от одного добронамеренного получил письма, что турки аккуратные берут выправки, какие поиски были чинены на Браилов во время веденной войны бессмертные памяти государем Петром Великим[1] и тщатся противные тому восстановить меры. Ваше сиятельство, не оставьте всеми образы в таком положении турков и усердных нам мултянцов сделать предприятие на означенный Браилов и примите к тому распоряжения толь осторожные, чтоб иногда партия, деташированная от превосходства тамо турецких сил, могла безопасную взять ретираду.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 53 об.—54. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 83

1769 г. октября 22. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ А. Г. ЗАМЯТИНУ О ЗАМЕНЕ В ИНТЕРЕСАХ НАСЕЛЕНИЯ МОЛДАВИИ ДЕНЕЖНЫХ НАЛОГОВ НАТУРАЛЬНЫМИ

№ 505

Из дошедших вчера репортов от подполковника Каразина, видевши я, с какою тягостью для жителей молдавских собираются виноградные подати, и что по корыстолюбию самих еще собирателей и последние жители разогнаты будут, и когда при

[1] Молдавия была главным театром военных действий в русско-турецкой войне 1711 г. Движение русской армии на Браилов имело ближайшей целью захват турецких продовольственных запасов, но военные действия развернулись на р. Прут в районе Фальчи, в 100 км севернее Браилова.

том сей же подполковник представляет, что обыватели тамошние и прежде за продаваемую только скотину, беручи деньги, подлежащую дань оплачивали, а ныне как более года оные продавать было некому, так и в деньгах великой недостаток, предлагаю вашему превосходительству такие вынудительные и тягостные поборы для жителей оставить и согласить всякую в том умеренность с настоящим их состоянием, ибо прежде надлежит дать им способы, откуду могли бы они получить деньги, а потом взыскивать дань, которая теперь нам больше денег нужна в провианте и фураже, а последнее они, как г. Каразин объявляет, с добрым порядком ставить готовы. Ваше превосходительство, наблюдайте, чтоб ко всяким сборам приставлены были люди беспристрастные, которые бы уважали, что от кого требовать прилично, дабы в начале нашего владения не огорчить тамошний народ. А лучше будет, ежели во место прочей дани можно у жителей тамошних взять лошадей для армии, которыми они изобилуют, да[ва]я ассигнации в заплате за оные из доходов, собираемых, или в зачот оных, как я уже о том предлагал г. генерал-майору князю Прозоровскому. Хотя моим ордером пред сим к сему генерал-майору я апробовал сборы, которые он приказал чинить по представлению Кантакузина, однакож я тем разумел токмо такие подати, которые жители дать могут и охотно и без всякого себе отягощения, а поборы делать с усилием, несмотря на нужды народные, я не только не могу согласиться, но и запрещаю.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 56 об.—57 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 84

1769 г. октября 23. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С ПЛАНОМ НАМЕЧАЕМЫХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ТУРЦИИ В КАМПАНИЮ 1770 г.

№ 12 *с. Тылно*

Пользуясь всемилостивейшим вашего императорского величества откровением о предприемлемых мерах от вашего величества в других частях на сокрушение неприятеля, я имею честь во исполнение высочайшего вашего императорского величества повеления всеподданнейше представить при сем мои мысли без предложения мер, относительно к прошедшей и будущей кампании, чрез подносителя сего генерала-порутчика барона Эльмпта, который как правивший должность генерала-квартермистра и чрез самоличное испытание получивши сведение довольное в рассуждении Польши и Молдавии, где войски вашего императорского величества обращаются, найдет себя в состоянии естьли в чем потребно было бы изъяснения представить, в каковом намерении завременно он и отправляется.

Глубокое проницание вашего величества наилучшим образом объемлет сих дел все совершенства, а мои слабые мнения суть только действие рабской ревности и бесконечного усердия, коими я исполнен к службе вашего императорского величества...

Граф *Петр Румянцов*

Приложение к документу № 84

МЫСЛИ ГЕНЕРАЛА ГРАФА РУМЯНЦОВА О БУДУЩЕЙ КАМПАНИИ[1]

Полагая, что Порта Оттоманская нынешние свои утраты понесла чрез силу оружия российского, мы не можем однакож принимать за определительные к предстоящим случаям сии одни щастливые успехи.

Но когда приготовляемся к произведению дальнейших действий, то мнится нужным для предбудущих к тому распоряжений исследовать прежде мимо шедшие действия и уважить оных причины.

Мы видели в согласие предварившим нас известиям, что неприятель по побуждению Франции и надежде на мятежников польских, в присоединении их многочисленных сил и готового пропитания, ранее поднял войну против нас, нежели для произведения оной собрать мог все надобное, и для того, с осторожностью великою поступая, испытывал точность сих обнадеживаний разными впадениями своими в край польской, а увидя противные его мыслям обстоятельства во все время прошедшей кампании, старался защищать только собственные границы от противовоюющих ему.

Доказывается сие тем, что визирь, озабочен будучи движениями второй армии к Бендерам и к Очакову, держался Рябой Могилы, которой прямое положение ныне только мы и сведали, а на защиту Хотину, и против армии первой употреблял он почти одну свою конницу и без пушек, которая при всякой попытке ретировалась, не имевши, повидимому, намерения защищать прямо ни Молдавию ни Хотина-город, как и земли опустошенные. Не было в той стороне нигде провиантских запасов, ниже ближе двухсот верст от Хотина, как именно в Цоцоре, потому и не мог он действовать всеми своими силами.

Сии крайности, дознаваемые неприятелем во всю прошедшую кампанию, поспешествовали его удалению и нашим пользам, паче самих наших против его действий.

Но на будущую кампанию неприятель, ежели не будет убежден искать мира, то удалясь заблаговременно, и из настоящих своих опытов возьмет основание к утверждению лучших осторожностей и свои сопротивные меры стараться будет превосходными учинить от наших по мере и чувствительности своей утраты.

Следственно и от нашей стороны надобно приготовиться на будущую кампанию не по мере тех сил и действий неприятельских, с коими в нынешнюю кампанию имели дело, но сходствуя тому ополчению, которое он из всех сил своих на нас произвесть может. Посему нужно войскам, изнуренным от трудов едва удобсносимых, дать выгодные и покойные зимовые квартиры, поелику есть к тому возможность, и как число оных, так и все им потребное доставить, не упуская удобного к тому времени.

Что касается до пехоты нашей, то она от пехоты неприятельской хотя прямо в минувшее лето и не видела противоборства, но полагать можно по ее превосходному состоянию пред неприятельскою как неустроенною, что количество той и качество оные совместными быть могут, в том однакож

[1] Заголовок оригинала.

разумении, что неприятель на будущую кампанию умножит против известного числа нашей свою, потребно и в нашей учинить прибавок. А гарнизон Хотинской и другие должны быть составлены из командированных от полков не лучшей способности людей к полевой службе, а их места укомплектованы из остающихся в России рот.

Наша конница в нынешнюю кампанию, а особливо легкая больше претерпела, нежели возможно в одну зиму поставить ее в состояние прежнее, а и в том своем состоянии, что она многолюдству противных не только всегда противостоять не могла, но часто оному и уступала, потому настоящее число и состояние оные для будущих операций будут тем меньше достаточно, чем больше увеличит неприятель свою кавалерию, которая и теперь уже превозмогала над нашею, и для того необходимо надобно части сих войск с нашей стороны числом большим умножить.

В будущей кампании по поводу данных теперь повелений и по своему положению первым объектом нам предстоит крепость Бендеры, для сего предприятия надлежит из Киева осадную артиллерию, а шанцовой инструмент, где оной есть (в коем в армии крайней недостаток), зимою перевезть в ту армию, которой то препоручено будет, и ежели второй армии предприятие сие назначится, то переждать с тем обыкновенное время впадений татар в наши границы, а буди первой экспедицию сию производить и прикрывать должно, то число пехоты, надобное сверх предполагаемого, назначить, дабы и осада и армия предуспевали над неприятелем, которого, не удержав, трудно себя овладением крепости ласкать или время пройдет бесполезно и, как известно, что река Днепр затруднить может войскам переправу, то для выигрывания времени и назначиваемые к сей осаде войски в то же время на сию сторону перевесть.

Для сего движения первой армии прилично удержать, а особливо, когда осада Бендер от оной прикрываема быть должна, между Прутом и Серетом, имев на Пруте мосты, и воспящать неприятелю переход на сию сторону реки Дуная, как от Браилова, Исакчи, так и чрез Валахию и от стороны Видина и Орсовы, а в Молдавии по очевидному осмотру многих тамошних мест и по рассуждению генерал-порутчика барона Эльмпта нижеписанные укрепить, как служащие к подпоре нашего войска, к содержанию свободного сообщения и к прикрытию магазейнов: первое и главное Яссы, потом по Пруте-реке местечки Табурев и Степановцы, по Днестру местечко Сорока, между реками Прутом и Серетом местечко Бутичаны и на самой реке Серет местечко Сачаву, позади на Пруте местечко Черновцы.

Заготовление магазейнов соответствовать должно положенному плану для будущей кампании и назначенному для того числу войск. Я только тут упоминаю те самые места, которые от помянутого генерала к тому удобными считаются, в Польше: 1-е Станиславов, 2-е Снятинь, 3-е Могилев, 4-е Брацлавль, 5-е в Молдавии Черновцы, 6-е Хотин, 7-е Бутичаны, 8-е монастырь Драгомиров, 9-е Яссы, 10-е замок Сорока.

Я в сем предположении вышесказанные места осмотреть чрез инженеров, присовокупить в них возможное укрепление и снабжать провиантом, приму старание; но не надобно ныне воображать, чтоб количество и цены последнего равны были прошедшим, подрядчики, коих притом мало, отзываются в двойной всему цене. Они представляют тому резоны, что прежде довольно было здесь запасов у всех помещиков, которые сначала сдешевили продажу, но как оные все эдержаны на армию, а при том весь сей край, по обращению войск в одних местах, севу не чинил, в других утратил весь хлеб на корне, то и не остается средств из ближних мест снабдить магазейны, но должно производить все запасы из отдаленных, а чрез то по усугублению трудностей усугубляются и цены. Из сего заключения следует, что чем далее наше обращение в подобном положении иметь будет, тем паче увеличатся недостатки к нашему пропитанию.

Пункт сей заслуживает внимания, чтоб, рассмотря все подробности, представить потом, коль труднее в будущем нашем положении могут обходиться все транспорты наши? Когда польские побережные места все истощены и опустошены, и когда провинция Молдавская, куда вступить должно

армии, испражнена почти во всем том, что служит к пропитанию войск, и состоящие там требуют уже оного отсюда, и чтоб с приобретением Молдавской провинции, посколько мы отдаляться должны от берегов Днестра, постолько те выгоды, коими преимуществовали мы в нынешнюю кампанию пред неприятелем не отходили на будущую его сторону, ибо заложение вновь магазейнов и подвоз провианта от Днестра столь трудны нам будут, сколь тягостными оные дознавал неприятель, когда он свое снабдение получать должен был по отдаленности от Дуная и моря, но в будущем своем положении он чрез Дунай и море изобиловать будет во всем и не наподобие наших авантажов, как мы обращались над Днестром.

Предвидение скудности и недостатка в пропитании армии, чем долее оная начнет отходить от Днестра, подкрепляется тем опытом, что в минувшую кампанию, сколь ни близки были магазейны и еще по крайней мере селения польские способствовали поставкам; но при всем том я не нашел никаких следов, которые бы означили предуготовления к удержанию завоеванной земли или же способствовали распространению дальших успехов, а и в самих полках не только достаточно, но ни равного числа провианта, но в одном больше в другом на меньше дней. Сим доказывается, что действия или были без предположения, или же невозможность настояла сей порядок нужной во всяком движении сохранить, и что армия, в границах польских стоя, не могла при неподвижности почти запастись провиантом на известное время, а доставление оного всякой раз расходилось на тех, коим уже доходило терпеть в том нужду.

Поступая вперед, запастись мы должны надежною предосторожностью и позади себя, то-есть: обеспечить свой тыл от мятежников польских, которых волнения ни совершенная многих погибель, ни дезавантажи державы, их покровительствующей [1], утушить до днесь не могли, и что паче зараза сия от времени разливается и в самом истреблении важнее становится, когда союза сего открываются предположители уже и из тех, до коих не доходило подозрение, и которые, видев себя самих и имения свои в руках наших, жертвуют всем тем мнимой им мечте, а не прямой надежде.

Для укрощения таковых противников и ради безопасности нашего тылу и обеспечения транспортов из Польши в Молдавию, должно употребить, не тратя удобного времени, особливой корпус, чтоб их зимою, где им и пристанища и пропитания трудно доставать сокрушить вдруг и невзначай, а инако должно содержать в Сандомире, Львове, Люблине и Станиславове войски, которые бы охраняли не только от армии сообщение с границами, но и все транспорты и самые границы.

Изъясняемые предосторожности не простираются до Литвы, которую, я полагаю, в нынешнем спокойстве, а ежели б и в оной восстали мятежи, то сих одних средств на удержание оных не будет достаточно.

Калмыцкое войско, подобное хищным татарам, нельзя удержать в порядке и лучше не соединять его соблазна ради с армиею, а оставить в удобное время примером прошедшим, придав к оному несколько Донского и для виду регулярного войска, чинить поиски на Крым и в то же время от Азова нашей эскадре к той же стороне обратиться, чтоб и на тамошнем проливе морском отыскать бродов, удобных к проходу войскам, и споспешествовать оных действиями взаимными, ибо Азов, по уверениям, не имеет опасности от флота неприятельского потому, что береги тамошние сделались неприступными для военных судов.

Казаки малороссийские, хотя не похваляются в своей способности к военным действиям, однакож они прочую довольную службу при армии, которая требует людей, весьма исправно несут. Поравнять их с прочим порядочным войском много надобно бы иждивения, а как они с прошлой зимы в походе находятся без жалованья и пришли в несостояние, то к поправлению их на зиму отпустить в домы, оставив часть надобную необходимо при армии, которым и дать содержание равное с Донскими казаками.

---

[1] Франция.

Переменить их иными нет возможности потому, что с прошлого года все другие содержат бессменно форпосты по польской границе и все их число, называемое выборные, в раскомандированиях находятся.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 68—75 об. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 145—150.

№ 85

1769 г. октября 30. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ Х. Ф. ШТОФЕЛЬНУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ КАРАНТИНА ПРОТИВ ЭПИДЕМИИ

№ 600

По обстоятельствам настоящей войны ваше превосходительство сами достаточно ведаете, коль важна есть предосторожность от заразительной моровой язвы, свойственной туркам. Не оставьте потому, вступя в командование Молдавиею, между первыми распоряжениями к охранению против сего зла взять надобные меры, не пропуская никакого из приводимых пленных или выбегающих из стороны неприятельской, так-как и возвращающихся посланных, не осмотрев его и не выспросив подлежащим образом, сколько требует опасность от сея заразы, чтоб оная иногда по злости неприятеля не внесена была в места, которые занимают наши войски, в чем прикажите иметь наблюдение всем своим постам.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 68 об.—69. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 86

1769 г. октября 30. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-АНШЕФУ П. И. ОЛИЦУ О ПОРЯДКЕ СЛЕДОВАНИЯ ЧАСТИ ВОЙСК НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ

с. Тылно

Я, считая по времени отправления моих ордеров о командировании от полков для принятия винтер-квартир офицеров, уповаю, что они поныне, конечно, уже заняты, и, в рассуждении настоящей суровой осенней погоды, вашему высокопревосходительству рекомендую приказать всем полкам, выступая из нынешних мест с 1-го числа будущего ноября, маршировать прямейшими трактами в их винтер-квартиры, распорядя свои марши так, что сперва определенные в третью линию, потом во вторую, а затем в первую и за ней кавалерия по вложенному у сего маршруту, и полк полку отнюдь помещательства и в квартирах при ночлегах и растахах, по нынешней суровой и холодной по-

годе, утеснения не причинили, для чего тем, коим по одной дороге итти, или другого дорогу пересекать случится, иметь между собой сношения, давая один другому знать, которой когда именно ночлег и растах иметь будет, и по тому заднему полку свои движения делать.

Обозы все, которые, чтоб по худой дороге не причиняли полкам в их походе затруднений и остановки, приказать отправить при офицерах наперед, оставя при полках только полковую артиллерию.

Господам генералам по выступлении полков принять в свою команду по новому расписанию назначенные полки и батальоны, и бригадным при своих бригадах маршировать и наблюдать порядок весь тот, как выше предписано, а господам дивизионным командирам рапортовать и обо всем представлять прямо ко мне, и господину генерал-порутчику и кавалеру фон Штофельну иметь в своей команде и состоящие в Покуции и Хотине и Молдавии полки и баталионы.

Гренадерские роты, к сочинению батальонов определенные, отправить из нынешних мест прямо в назначенные для батальонов зимние квартиры, и господам батальонным командирам вступить в командование ими [1], а от полков снабдить ротных командиров, по числу людей, со всеми вещами гошпитальными, деньгами, лошадьми, повозками и всем, до них принадлежащим, дав как о всех вещах дальнейшие вернейшие с показанием сроков и годности всякой вещи табели, так и на записки в приход и расход провианта, фуража, вещей и денег по суммам шнуровые книги, дабы они, принимая на счет полков прямо из подлежащих мест, во оные записывать и после с полками верный счет иметь могли.

Провиант и фураж, ежели полки сами собой, добровольной покупкой в своих квартирах, на всю во оных бытность, по крайне прилагаемым стараниям приготовить не могут, получать из магазинов, от господина бригадира Буткевича назначенных, о коих ваше высокопревосходительство при ордере моем экстракт иметь уже изволите.

Артиллерию, при армии состоящую, от полков Санктпетербургской, Финляндской и Эстляндской дивизий, с ее служителями и лошадьми, отправить к гренадерским батальонам, по приложенному при сем расписанию, а батальонным командирам, осмотря ее людей, сколько потребно, определить из батальонов, а что попорчено и повреждено, исправить и вновь сделать, прислав ко мне офицеров для приема из экстраординарной суммы денег на исправление того и покупку лошадей и им фуража.

---

[1] Одним из организационных мероприятий Румянцева в подготовке армии к боевым действиям было формирование сводных гренадерских батальонов из полковых гренадерских рот. Гренадерские батальоны предназначались для выполнения совместно с придаваемой артиллерией и конницей отдельных тактических задач.

Полевой артиллерии следовать обще с полками при тех частях и бригадах, при коих она к расположению на винтер-квартиры назначена, и господам бригадным и полковым командирам приказать, чтобы они ни в чем остановки не имели, вспомоществовать.

А как некоторым полкам и батальонам случится итти через занятые для винтер-квартир местечки, села и деревни на полки первой и второй линии, где для лошадей и фураж покупать будет должно, то бы посланные от полков для заготовления их офицеры не только в том ни малейшего препятствия не чинили, но еще и вспомоществовали, уделяя по нескольку из приготовленного для своих полков, в рассуждении, что от сего недостатка им причинено быть не может, сделать им от полков подтверждение.

Во всех тех селениях, где полки и батальоны проходить и ночлеги иметь будут, дабы жителям ни малейших обид и разорения чинено не было, оставлять залоги и переменять их от тех полков, кои позади маршировать имеют.

Карабинерным Каргопольскому и Пермскому полкам остаться вперед, до ордера, в тех местах, где ныне находятся, а Тобольскому и Малороссийскому следовать по маршруту в назначенные им винтер-квартиры.

Хотя я и уверен, что ваше высокопревосходительство, по ордеру моему от 15-го сего октября, под № 221-м, вам данному [1], о приведении полков в лучшее и готовое состояние, господам полковым командирам подтвердить, так как и сами они точного исполнения чинить не оставили, однако за должность мою почитаю и еще сим о том же напомянуть.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1. Архив военно-походной канцелярии Румянцева, ч. 1, стр. 219—221.

№ 87

1769 г. октября 30. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНУ О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО КОМАНДУЮЩИМ КОРПУСОМ В МОЛДАВИИ С УКАЗАНИЕМ ДАЛЬНЕЙШИХ ДЕЙСТВИЙ

Количество войск, которым я назначил вступить в Молдавию, в прибавок там уже находящимся, и важность самая сего поста призывают к командованию над оными такого начальника, которого бы степень соответствовала сему месту, а искусство положению дел, в оном предстоящих.

Ваше превосходительство, доказав своими делами во многих случаях, коль справедливо принадлежит вам слава искусного и

[1] Ордер не публикуется.

ревностного к службе генерала, привлекает, во-первых, на себя мой выбор, чтоб вновь покоренное высочайшей державе ее императорского величества княжество Молдавское с отделенным от армии знатным корпусом на защиту оного поручить в точную и главную команду вашему превосходительству, что я сим вам и определяю, предь означивши присоединенным к сему списком о генералитете и полках, которые по настоящему вашему начальству вступят к вам в команду, равно и коими местами марш они возьмут и откуда насколько запасут себя провиантом. Касаясь генеральных токмо правил, которые сопрягаются с должностью, которую носить станете, я изъясняю следующие примечания, которым ваше превосходительство соображайте свои распоряжения [1].

1-е. Без сомнения, обняв настоящую свою команду, познаете, ваше превосходительство, многие трудности в утверждении надежной защиты для вверенной страны управлению вашему так, как и к пропитанию войск, для того туда введенных; все сии как бы ни велики были трудности, благоразумия однакож вашего будет дело преодолевать оные всемерно и заграждать сию страну против всяких неприятельских на оную покушений, а для того.

2-е. Местам, которые по означению господина генерал-поручика барона Эльмпта способствуют к подкреплению наших войск и прикрытию магазейнов в Молдавии, к укреплению которых и командированы уже офицеры инженерные, властны будете, ваше превосходительство, по своему рассмотрению определить производство нужных работ в них ли, или в других, которые выгоднейшими пред теми найдете, дая токмо мне знать, где что вы предпримите.

3-е. По мере запасов, которые в той земле чрез все способы, ваше превосходительство, к снабдению войск приготовлять можете, я еще от своей стороны тем вас обнадеживаю, что, во что б то ни стало, стараться буду подвозом из Польши в Молдавию вспомоществовать потребному пропитанию, что и восстановлено будет, конечно, в свое время.

4-е. Приобщаются к сему все ордеры, каковы от меня даны были господам генералам князю Прозоровскому, Замятину и бригадиру Текели, по переменам их командования в Молдавии — они служить должны и вашему превосходительству. К соблюдению моих в оных предписаний на многие случаи тоже и рапорт г. генерала-поручика барона Эльмпта, поданный мне с примечаниями о той земле.

5-е. Ваше превосходительство найдете в первых, коль кратно я повелевал сделать поиски над неприятелем, по предстоявшим

---

[1] В кампаниях 1769 и 1770 гг. генерал Штофельн не оправдал надежд, возлагавшихся на него Румянцевым, и допустил ряд серьезных ошибок, которые показали невежество Штофельна в военном искусстве и являлись результатом слепого подражания западноевропейской линейной тактике и кордонной стратегии.

к тому случаям, однакож то успеха никакого не имело, я думаю по болезни приключившейся князю Прозоровскому. Итак, ваше теперь старание должно быть, посколько новые войски в подкрепление в Молдавию вступают, потолику беспечнее вы можете передовые подвинуть вдаль и именно по предусмотрению собственному к тому удобности, сделать предприятие на Браилов и Галацы, чтоб выгнать из оных остатки турецких войск, которые по известиям там еще удерживаются, равно и очистить от неприятеля все места по сей стороне реки Дуная. К сей экспедиции употребить хотя бригадира Ржевского, или другого кого, предаю на рассмотрение ваше.

6-е. Недостаток в фураже в тех местах заменить я другого способу не нашел, как отпустить овса и ячменю из Хотина и Станиславова, где оные к тому заготовлены, итак зависеть будет от вашего превосходительства изыскать посредство к доставлению того из прописанных мест, куда будет потребно, ибо по неимению в близости подвод нет возможности отсель оной препровождать. Между тем я уповаю, что ваше превосходительство ввойтить не оставите с примечанием в обстоятельство сие, что в Молдавии жители весьма изобилуют лошадьми и скотом, следственно к прокормлению оного должен быть и достаток в сене, из чего, я думаю, найдутся средства и к продовольствию конницы, которые к поправлению приказал я брать, вместо запрещенных податей денежных, от обывателей лошади, кои как привычные к выгодам тоя земли, лучше других могут ко употреблению годиться, о чем в прилагаемых ордерах, данных генералу-майору Замятину, найдете пространнее.

На сей раз я, не имевши более чего предписать и не хотя подробностьми, которые сами по себе разумеются, ниже предположениями на возможные токмо случаи, против коих разумной предводитель войск сам знает сохранять предосторожности, связывать вам руки, но по той доверенности и надежде, которые смело кладу на искусство и способности, толь справедливо между генералами, вас отличающие, предоставляю все относящиеся распоряжения к утверждению войск к ограждению целости провинции Молдавской. К поискам над неприятелем и противустоянию при нападении иногда его производить, как обстоятельства и собственное благоразумие ваше лучше в том вас руководствовать будет.

Коль ни знакомо мне свойство вашего превосходительства, что вы толь похвально соединяете в власти начальника строгость и умеренность, однакож хотел я вам припомянуть, чтоб тем паче сохранили вы во всей своей команде, дабы жители молдавские ничего не терпели от своевольства по неукрощению людей военных, но вящше бы из вашего снисходительства при всех случаях обнадеживаемы были, что мы толико печемся о их защите, колико надобно, чтоб их удержать навсегда присоединенными державе ее императорского величества.

Прежняя команда вашего превосходительства по сему препоручению не терпит ни каковой перемены и вы остаетесь непременно командиром всего правого крыла. Господин генерал-поручик князь Репнин потому остается под ордером вашим, однакож вы ему предложите, чтоб он в потребных случаях прямо репортовал меня. По сему скорости ради будет он беспосредственно получать от меня себе повеления, также и командам господина генерала-майора князя Прозоровского, которые по той и сей стороне реки Днестра находятся вблизи к правому крылу, прикажите как к вам, так и прямо ко мне и к генералитету, смотря по обстоятельствам дела, чинить уведомления. Место для вашей квартиры избрать оставляю я вам на волю, что вы, конечно, не удалитесь оною от удобности, ближайшей к тому, где ваше присутствие нужнее будет по положению дел вообще.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 85. Копия. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 151—154.

Приложение 1 к документу № 87

РАСПИСАНИЕ РАСПОЛАГАЕМОМУ В ПОКУЦИИ И МОЛДАВИИ КОРПУСУ ПОД КОМАНДОЮ ГОСПОДИНА ГЕНЕРАЛА-ПОРУТЧИКА И КАВАЛЕРА ФОН ШТОФЕЛЬНА ПО БРИГАДАМ[1]

Генералитет	Полки	Их квартиры
Господин генерал-майор и кавалер граф Подгоричани	**Гусарские** Сербской Ахтырской Харьковской Все валентиры[2] **Донские казаки** Атамана Сулина Полковника Макарова " Луковкина " Федотова " Дмитрия Сулина	От Ясс к Дунаю по рассмотрению командующего корпусом
Господин генерал-майор и кавалер князь Прозоровский	Баталион егерей Два баталиона гранодер	В Батушанах
	Полки пехотные	
	Навагинской	В Чернавце
	Низовской	В Степановце
	Ингерманландской	В Батушанах

[1] Заголовок подлинника.
[2] Волонтеры.

Генералитет	Полки	Их квартиры
	Гусарские	
	Венгерской Острогожской	В Батушанах
	Донские казачьи	
	Полковника Саврасова " Титова	В Ямполе
	" Краснощекова	В Степановце
	" Левонова	В Степановце
	" Пушкарева	В Монастыряне близ реки Жижи
	" Поздеева	В селах Черкезине и Шелдонешти
	" Попова	В селах Бузине и Табурине
Господин генерал-майор Замятин	Четыре баталиона гранодер Два баталиона егерей Ширванской пехотной полк	В Яссах
Господин полковник князь Владимир Голицын	**Пехотные**	
	Троицкой	В Станиславове
	Пермской	В Снятине
	Карабинерные	
	Вятской	В Селене
	Пермской	В Клумачи, однако остаться ему впредь до ордера в том месте, где ныне находится
Господин бригадир фон Вейсман	**Пехотные**	
	Белоозерской Азовской	В Хотине в гарнизоне

А навербованной казацкой полк, состоящий на реке Серете в селе Пашканах, за неозначением на карте, к которому месту оно ближе лежит, определить командующему корпусом в бригаду по способности и репортовать.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 86—87. Копия.

Приложение 2 к документу № 87

РАСПИСАНИЕ ПОЛКОВ, НАЗНАЧЕННЫХ ОТ ПРАВОГО КРЫЛА АРМИИ В ПРИБАВОК К ВОЙСКАМ, НАХОДЯЩИМСЯ В МОЛДАВИИ

Полки Пехотные:	Куда вступить имеют:
Ширванской	В Яссы
Ингерманландской	В Ботушаны
Низовской	В Степановцы
Пермской	В Снятин
Навагинской	В Черновцы

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847. л. 87—88. Копия.

№ 88

1769 г. октября 31. — МАНИФЕСТ П. А. РУМЯНЦЕВА К НАСЕЛЕНИЮ МОЛДАВСКОГО КНЯЖЕСТВА

Молдавского княжества духовным, военным и гражданским чинам, земским начальствам, дворянам, однодворцам и всякого звания и состояния жителям всем вообще и каждому особливо, кому о том ведать надлежит.

По присоединении сего княжества высочайшей державе императрицы всероссийской православный народ, населяющий оное, без сомнения, теперь ощущает изобильно радость в сердцах своих, что царства российского благочестивого и единоверного с ними сделались они согражданами и что область, угнетающая их магометан, в конец истреблена. Вся вселенная то знает, и вы самовидцы, чрез коликое сокрушение во брани врага имени христова турка российское оружие и вновь победоносным и торжествующим над ним учинилось.

Гордой сей неприятель, попранный и приведенный в трепет, не имея смелости противостать победившим его и отчаявшись владычествия своего над Молдавиею по нынешнему защищению оной от войск российских, от одной зависти к благу настоящему сея страны и злобе, ему врожденной, старается, как я слышу, к смущению народа разсевать слухи, препровождаемые в письмах, относящихся к имени бывшего господаря Молдавского, что многочисленные свои войски выводит он из разных сторон при многих султанах, сераскирах и пашах на покорение и паки себе Молдавии, обнадеживая притом жителей своими благодеяниями.

Но кто от благоразумных не ощущает явной лжи в сих разглашениях? Кто я говорю от православных может поверить словам вероломного, каков был и есть пред христианами турок?

Хотя верность, утвержденная клятвою пред богом во всем народе княжества Молдавского, и те похвальные опыты, которые все видим, их усердие к ее императорскому величеству всемилостивейшей нашей государыни суть надежною порукою, что новое оружие неприятеля, к которому он взял последнее прибежище, то есть ложь и лукавство, не поколеблет ни в ком твердость христианской души ни наводимым пустым ужасом, ни прелестми другими, но паче всякой отвергать и презирать будет пагубные удовления, помня стенание и слезы, кои извлекали из вас бесчисленно господствовавшие пред сим варвары, и что вышепомянутые предложения подает вам та рука, которая лютые злодейства ваши глаза видели в наглости, в хищении своих имений, и что больше в пролитии самой крови ради одного имени христианского.

Я однакож восхотел чрез сие ко успокоению всех и каждого жителей молдавских обнадежить, что б они при покровительстве оружия ее императорского величества считали утвержденным невозвратно свое освобождение от ига магометанского и дабы не страшились никаких приносимых им от стороны неприятельской известий, уповая несумненно, что целость их страны, так как собственность уже империи ее императорского величества всегда сохраняема будет, и что не одни те войски, которые на первой только случай оставлены в той земле, полагаются на защиту оной, но великое число таковых же готовыми находятся подкрепить их во всякой надобности, которые единственно и прежде возвращены и теперь еще не вводятся, да[ва]я время жителям восстановить свою разоренную экономию, и чтоб им при настоящей скудости не нанесть тем утеснения.

Я надеюсь от всех благонамеренных молдавцов, что, поскольку сил их есть, поревнуют они заступающим себя российским войском в истреблении общего врага, а не меньше и всех таковых за собственных себе злодеев принимать будут, которые с какими-либо разглашениями от стороны неприятельской в той земле появятся, коих, брав, и представлять тотчас военным командирам, в чем за свою усердность каждый награжден достойно будет.

В окончании я подтверждаю для всякого прежние обнадеживания о милости и щедротах покровительствующей вас, как единоверных своему народу, ее императорского величества всемилостивейшей нашей государыни, что благоденствие ваше, как и протчих ее подданных, от дня в день возрастать станет по ее матернему и попечительному промыслу.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 70—71. «Журнал исходящих бумаг». Копия. Опубл. в книге А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769—1774 гг.», т. I, СПБ, 1866 г., стр. 279—281.

№ 89

1769 г. октября 31. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПРИЧИНАХ ПОСЫЛКИ ИМ ВОЙСК В МОЛДАВСКОЕ КНЯЖЕСТВО

№ 15 *с. Тылно*

Ваше императорское величество из предыдущих всеподданнейших [реляций] моих соизволили видеть, коль малое число войск оставалось в Молдавии по возвращении оттуда корпуса и артиллерии, которые вывел с собою генерал-порутчик барон Ельмпт для причин ему больше известных, о коих сам он щастлив будет вашему императорскому величеству изустно донести. Я до сего времени во всякой нужде в истощенных местах держался, пережидая ненастливое время, чтобы хотя мало получить удобнейший путь и с меньшею утратою лошадей и лутчею выгодою людям, нежели первой раз было, отправить полки в Молдавию. Но как, с одной стороны, смущения народные по внесенным к ним разглашениям, что неприятель якобы стремится на истребление сих жителей, с другой — предрассуждение, чтоб толь скоро, как есть продолжительна осень, не наступила зима, покрывающая реки, и опасность самая в таком случае малому числу пребывающих тамо войск, не позволяли уже мне на долее отлагать предуготовляемые меры, относительно к славе оружия вашего императорского величества, в удержании сего покоренного княжества, к подкреплению тамошних войск и к возободрению жителей в лутчей надежде на защиту им готовую; то и принужден я был, не дожидаясь лутчих дней, велеть теперь полкам следовать в Молдавию, имея притом репорты, что часть моих отсюда транспортов с провиантскими запасами в ту сторону двинулась.

Главную команду над сим княжеством и войсками, туда вступающими, которые составляют теперь корпус отделенный от армии, препоручил я генералу-порутчику фон Штофельну, коему с данного наставления копию с росписанием мест вступающим полкам подношу к высочайшему усмотрению вашего императорского величества. Чрез сие отделение не терпит перемены сделанное от меня расположение армии на винтер-квартиры, ибо и теперь генерал-порутчик фон Штофельн остается командиром всего правого крыла, дабы в случае надобности удобность ему иметь в подкрепление своего корпуса подвинуть и вновь которые полки.

По отправлении сего я со всеми полками вступлю в зимние квартиры, о чем и приказ уже отдал.

При сем вследствие всеподданнейшего моего представления в мнении, отправленном чрез генерала барона Эльмпта, имею честь

вашему императорскому величеству донесть, что для укрепления способных мест в Молдавии и Польше посланы уже инженерные офицеры и сам инженер генерал-майор Демолин о том снабден повелением.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА. ф. ВУА, д. 1847, л. 83—84. Подлинник.

№ 90

1769 г. ноября 11.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ОЛИЦУ О ПОРЯДКЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ ВОЙСК НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ, МАТЕРИАЛЬНОМ ИХ ОБЕСПЕЧЕНИИ И ПОДГОТОВКЕ К КАМПАНИИ 1770 г.

№ 522

Во ожидании нетерпеливом в присылку от вашего высокопревосходительства обстоятельного уведомления о вступлении дивизии вашей, полков и баталионов в назначенные им по расписанию винтер-квартиры, тоже где господа частные бригадные и полковые командиры квартиры свои взяли и в каком одна от другой от дивизионного командира и от главной квартиры расстоянии находятся, и дабы между тем с стороны должности, на мне лежащей, ничто упущено не было, рекомендую вашему высокопревосходительству по осмотрению собственному локального положения следующее.

1-е. Всем полкам и баталионам назначить сборные места в бригадах и для всей дивизии, способнейшие к собранию оной на середине, а по надобности и на оба оной крыла по нужным оборотам, назначив к тому месту и дороги всем полкам и баталионам и время, как скоро которой должен быть на своем месте, и для подания к тому знаков сделать маяки.

2-е. Полевой артиллерии по удобности на карте мест положения хотя и назначено, но оставляется однакож по предусмотрению лучшей на волю вашу перевесть оную, где вы заблагорассудите, дабы она при всяком движении полков всегда была и близка, и готова, и прикрыта от опасности, а где вы сии места назначите, с подробным всего вышеозначенного описанием ко мне прислать ведомость.

3-е. Осторожность военную по всей строгости приказать везде наблюдать и взыскивать и караулы для того пристойные учреждать, дабы чрез бдение некоторых попеременно прочим всем надобной покой доставлен был.

4-е. Провианта приготовить сухарями на 31 день и содержать его всегда в запасе и в бережении, а в случае долгого лежания и к пище негодности переменять.

5-е. Провиантские и все другие повозки иметь в лучшем состоянии, дабы при всяком движении ничто медленности не при-

чиняло и как иногда обстоятельства могут требовать скорого движения и отдаления от квартир, а всех экипажей взять не позволят, то в бригадах сборные места надлежит избирать положением авантажные и укрепленные, дабы все, что только тягостию называться может, там под прикрытием безопасным оставлять было можно.

6-е. Все генерально, что в бывшую кампанию испорчено, сломано, утрачено или истреблено и чему сроки прошли, приказать на нынешних квартирах чинить или вновь делать без потеряния нужного времени и, ежели что не принято из подлежащих мест, в отпуск требовать.

7-е. Полки и баталионы стараться к будущей кампании привесть в наилучшее состояние ко отправлению их должности и господам офицерам, коль часто можно внушать подчиненным своим коль нужно им при всегдашнем повиновении к начальству всему тому с радением обучаться, чем они преимуществовать всегда над врагом своим могут и что от того слава и государская и государственная, и российского оружия, и безопасность, и польза их собственная зависят; для чего по отдохновении довольном по нескольку человек прилежно обучать ружье заряжать, повороты делать, марщировать проворно, отложа все прочие излишества, отягощавшие токмо солдат и в войне неудоб употребляемые, а пещись доставить им в квартирах все и всякие выгоды.

8-е. Благосостояние здешнего края составляет наше собственное в продолжении сей войны, для чего поселян охранять сколько возможно от обид и озлобления и безденежно, а и за деньги без общего согласия ничего брать не допускать, и как всякой чин имеет долг по званию своему, то по мере того за всякое насилие от подчиненных и ответствовать будет, и для того, что когда бы предохранял всякой и все к тому случаи честно, то бы и не было так велико своевольство и порядок бы вообще сохранен был.

9-е. Для скорого не токмо, но и верного к генералитету и от них в полки писем доставления послать нарочных искусных офицеров и учредить им приказать в пристойных местах как от полку до другого, так до бригадных частных и дивизионных командиров и до главной квартиры почты, определя для ношения писем на всякой станции по нескольку рядовых, а где главные места и для записки получения и отправления их и смотрения за рядовыми по одному унтер-офицеру или карпоралу, писать умеющему, и в каких именно местах на каком расстоянии верст от которого полку оные учреждены, откуда и куда письма отправлять будут, прислать ко мне ведомость, для самонужнейших же дел употребить на то фурьерских лошадей на всякую станцию по усмотрению господ командующих.

Ген. г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1864, л. 10—11 об. Подлинник.

№ 91

1769 г. ноября 27. — ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОНТОНОВ ПРИ ПЕРЕПРАВЕ ЧЕРЕЗ ДУНАЙ

Всеподданнейше исполняя вашего императорского величества высочайшее повеление, доношу о понтонах, что хотя при последнем переходе через Днестр великая в них была трата, однакоже их теперь сто во всей исправности находится в Полонном и в запас еще шестьдесят там же изготавливаются, почему с стороны сего военного снаряду недостаток наперед не затруднит армию...

Первой, что я здесь получил себе подарок из добычи военной, позвольте, всемилостивейшая государыня, поднести вашему императорскому величеству. Не осмелился бы я сего сделать, когда бы не общее сослужащих здесь со мной признание, что подобной в качестве сей добыче во всю прошедшую кампанию не видели, к тому меня и ободрило. Орудийном сим, называемым кинжал, украшался сераскир-паша Агмет-Урфе-Валесы, разбитой при Галацах, где оное бывший в сражении подполковник Каразин, доставши, мне прислал. Ваше императорское величество осчастливите меня высочайшим своим благоволением, когда сия неважная редкость удостоена будет всемилостивейшого принятия и помещения в оружейной вашей камере не ко украшению, но на память токмо бытия.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГАДА, ф. 5, д. 103, л. 90—91. Подлинник.

№ 92

1769 г. ноября 15. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С ПРОСЬБОЙ НАЗНАЧИТЬ ЕМУ ЗАМЕНУ НА ПОСТУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО НА ВРЕМЯ ПОЕЗДКИ В ПЕТЕРБУРГ

м. Летичев

Ваше императорское величество всемилостивейше повелеть мне соблаговолили под кондиции естьли возможно быть в Санкт-Петербурх, а обо всем откровенно вашему величеству объяснятся, я всегда сию мою должность пред вашим императорским величеством наблюдая, и сею моею смелою прозьбою точность оного доказываю.

Превосходнейшее благополучие увидеть мою всемилостивейшую монархиню и пасть к стопам ее, есть выше всех образов изяснить оное, но размеривая расстояние и к открытию будущей кампании краткость времяни, не нахожу себя в состоянии собственно и точно определить оное, а осмеливаюсь всеподданнейше просить от вашего императорского величества решительного повеления, когда и кому я должен буду по отбытии от армии дела мои вверить, дабы между тем в необходимо надобном приуго-

товлении, а иногда и в непредвидимых случаях, кои столь же от противувоюющих зависят, ничего упущено не было.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГАДА, ф. 5, д. 103, л. 86—87. Подлинник.

№ 93

1769 г. ноября 15.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОБЕДЕ ОТРЯДА ПОДПОЛКОВНИКА Ф. И. ФАБРИЦИАНА ПОД ГАЛАЦЕМ

№ 22

Главная квартира при м. Летичеве

По отправлении сего дня моей всеподданнейшей реляции сейчас получаю я от генерала-порутчика Штофельна репорт из Батушан от 11-го сего месяца, что вследствие данных от меня повелений для поисков над неприятелем отправленной с деташаментом, из тысячи шестисот человек конницы и пехоты состоящим, к городу Галацам егерского корпуса подполковник Фабрициян 5-го сего месяца, по приближении к оному, встречен и атакован был неприятелем от шести до семи тысяч состоящим выборного войска под командою сераскира Мегмет-Урфа-Валаси, Абазы-паши, Саланит-Валаси, Али-паши и Гаджи-Али-бея, и увидя арнаутов наших, уступающих превосходной силе, и себя окруженна, решился отважно атаковать их батарею своею пехотою, которою овладев, неприятеля разбил, гнав его даже до самого Дуная и положа более тысяч двусот человек турков на месте; протчих же большею частию в оной реке потопил и Галацем овладел[1]. Между первыми щитается по объявлению пленных Абаза-паша, да один из знатных Гаджи-Али-бей Анадолиской владелец, а в полон взяты Молдавской господарь, да сераскирской кегая с тридцатью турками здоровыми и ранеными. Знаков победы получено: пять пушек, санджак или главное знамя сераскирово и бунчук, взятой гусарским порутчиком Требинским. С нашей же стороны убито рядовых двенадцать, ранено из штаб-офицеров майоры: Гейкинг тремя ранами, Левашов получил контузию, из обер-офицеров гусарские порутчики Требухович, Герсаванов, Донде, из пехотных Белозерского полку порутчик Томашевской, рядовых сорок шесть человек; лошадей убито шестнадцать. Вышепомянутой генерал-порутчик по засвидетельствованию подполковника Фабрицияна рекомендует яко особо отличившихся при сем сражении майоров Вуича, Гейкинга и Левашова, да гусарского порутчика Требинского и протчих офицеров и рядовых, бывших с ним на упомянутом сра-

[1] Успех подполковника Фабрициана под Галацем был временным; увлеченный успехом, он допустил турок прорваться к себе в тыл и сжечь данный город, оставленный им без всякого прикрытия.

жении, которых я как действительно достойных и к поощрению другим по данной мне от вашего императорского величества власти наградить не оставлю; а означенного подполковника в высочайшее вашего императорского величества благоволение препоручить осмеливаюсь.

По завладении Галаца и по данным от меня ордерам, всемилостивейшая государыня, желаю я видеть себя в щастливом состоянии уведомить и о Браилове посте весьма нам нужном, а паче оные все завоевания удержать.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 103—104. Подлинник. Опубликовано в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 154—155.

№ 94

1769 г. ноября 16. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНУ ОБ ОБОРОНЕ ЗАНЯТОЙ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ МОЛДАВИИ И ПРОВЕДЕНИИ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА БРАИЛОВ

№ 704

Получа ваш репорт от 11-го сего месяца об одержанной знатной победе над неприятельским деташаментом под предводительством господина подполковника Фабрицияна и о занятии местечка Галацов, великое я имею удовольствие, что сие толь щастливое происшествие ознаменило начало вступления вашего в Молдавию, и в предвестие служит дальшим следствиям, которых я несомненно ожидаю от испытанного искусства вашего при командовании в той стороне. Ваше превосходительство объемлете своим собственным предрассуждением, что не меньше приносит славы и пользы уметь удержать свои завоевания, как и потерять городы. Сим я разумею, что вам наипаче остается теперь принять все потребные меры к заграждению всяких покушений неприятельских против всех мест, которые чрез силу оружия мы уже имеем в руках своих. Меня, как в сем пункте восприемлет, всех предосторожностей удостоверяет прозорливость и тщание ваше, то толь не меньше я надеяться могу, что произвесть вы не упустите поисков и на Браилов город, которым осталось овладеть, чтоб иметь во власти своей всю Валахию и край тот до реки Дуная[1]. Напоследок в рассуждении другого вашего репорта, которым вы описываете обозренные трудности и неисправности на переправах и дорогах, я вашему превосхо-

[1] Румянцев своевременно учел важность в военном отношении занятия крепости Браилов, но генерал Штофельн на два месяца промедлил с выполнением этого задания и тем позволил туркам усилить гарнизон крепости, в результате чего действия русских войск против нее в 1770 г. оказались весьма трудными.

дительству не иное могу сказать, как что я уже с сей стороны считаю себя успокоенным при вашем тамо командовании, что вы восприимите средства все сие в лутшее состояние устроить. Однакож мое до сего примечание не миновало и сих обстоятельств; я, давши повеление господам генерал-майору Замятину, бригадиру Вейсману и полковнику Ширкову о подчинке дорог и устроении переправ между Яссами, Ботушанами и Хотином, мог полагаться, имея в той стороне командирами военных генералов, что в таких подробностях, относящихся прямо к их распоряжениям, они найдут свою должность и попечение. Я партикулярно слышу, а репорта ни от кого о том не имею, что местечко Степановцы выгорели, где полку стоять назначено Низовскому, который посему обстоятельству предаю я на рассмотрение вашему превосходительству перевесть оный, куда за нужно найдете, хотя и к Яссам в подкрепление своего переду, а между тем уведомьте, ваше превосходительство, меня, сочтя весь провиант, доставляемый из Покуции, и который из Ясс и сбором получили в Молдавии, сколь много оного и как надолго коликому числу войск станет, чтоб по мере того я распорядить мог о запасении с сей стороны, ибо мне кажется не непотребно сверх настоящего числа прибавить еще войск в Молдавию, доставляемый из Покуции провиант сходнее переправлять чрез Прут при Снятине, а не на Черновцы. Господина подполковника Фабрицияна уверьте о моем удовольстве и что я его поступок, при котором он отличил себя в неустрашимой храбрости и благоразумии, как наидостойнейшего офицера рекомендовал всеподданнейше ее императорскому величеству и равно не оставлю я наградить и рекомендуемых от него штаб- и обер-офицеров по мере их заслуг.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 79 об.—80 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 95

1769 г. ноября 18.— СООБЩЕНИЕ П. А. РУМЯНЦЕВА В МЕДИЦИНСКУЮ КОЛЛЕГИЮ О РОСТЕ ЗАРАЗНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В АРМИИ И НЕДОСТАТКЕ МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА И МЕДИКАМЕНТОВ ДЛЯ БОРЬБЫ С НИМИ

№ 66

Входя по должности в состояние вверенной мне армии, с прискорбием вижу умножение болезней[1] и невозможность пособствовать оным; малое число врачей наибольшею сему есть при-

[1] «Умножение болезней», о которых пишет здесь Румянцев, представляло начало страшной эпидемии чумы, нанесшей большой урон русской и турецкой армиям, а в 1770—1773 гг. охватившей значительную часть территории России.

чиною, ибо те, кои от легких временем или воздухом наносимых припадков, могли бы быть скоро излечены, по скудости медицинских чинов впадают в тяжкие и продолжительные болезни, для коих необходимо следует отправлять их в госпитали по пространному расположению армии в дальнем расстоянии находящиеся. В пути не можно дать им довольного призрения потому, что большая часть полковых лекарей распределены по лазаретам и не только чтобы к препровождению доставало оных, но и во многих полках одни только подлекари остаются, а из того происходит, что нередко целые корпусы, из многих полков отделенные, не имеют ни единого врача, хотя впрочем большою частию против неприятеля в сражениях и в местах, нередко прилипчивым болезням подверженных, обращаются. Медицинская коллегия, вошед в сии обстоятельствы и вообразив особливо места, наполненные разных язв, в коих на следующее лето может быть военные операции производимы будут, довольно представить может, коль нужно армии снабдение медицинскими чинами достаточным числом, которых, по мнению моему, необходимо состоять должно при каждой дивизии, коих будет навсегда три, двух отделенных корпусах, коих я полагаю два, кроме находящихся при полках лекарей по одному доктору и штаб-лекарю при генеральном и в Польше находящемся госпитале толикого числа, чтобы не было нужды отдалять к оному лекарей от полков, да сверх комплектных на место иногда болящих для употребления в особые деташаменты и для препровождения больных к госпиталям, как и для определения полевым лазаретам, в разных местах по временам способности учреждаемым: два доктора, десять лекарей и двадцать подлекарей, дабы сим образом отвратить тот вред, которой в прошедшее лето, как и генеральной штаб-доктор барон Аш представил, от недостатка врачей и великого множества требующих их помощи людей чувствуем был, ибо только во все то время при целой армии находился и всю тягость многим принадлежащую принужден был нести один.

Лубенская полевая аптека не меньше затруднения причиняет. Отдаление ее препятствует не только способному и в свое время доставлению порознь в полки медикаментов, но и в лазареты и к главной квартире с великим трудом привозятся, а из того опасаться следует недостатка в толико необходимых для здоровья человеческого вещах и потому от медицинской коллегии чрез сие требую дабы благоволено было как аптеку в пристойнейшем и ближайшем к армии месте назначить, так и вышеименованных чинов ко мне прислать сколь можно в непродолжительном времени, предварительно о том дать мне знать.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1833, л. 47 об.—48 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 96

1769 г. ноября 19.— ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Н. И. ПАНИНУ С ОБОСНОВАНИЕМ ПРИНЯТОЙ ИМ СИСТЕМЫ РАСПОЛОЖЕНИЯ ВОЙСК 1-й АРМИИ В МОЛДАВИИ[1]

м. Летичев

Прочетши последнее письмо вашего сиятельства от 29-го октября, не ставлю я цены моему удовольству, с которым собираю со всякой строки и пользу и наставление, провожденные не одним блистательным благоразумием, но, что всего лестнее для меня, дружескою и бесприкладною доверенностью вашею.

По двум содержаниям приняв в успокоение себе примечания ваши, которыми вы, милостивый государь, объяснили мне дело г. Чацкого, и на каком предположении основывались повеления об экспедиции на Бендеры; на третье следующим имею честь донести вашему сиятельству, сколько я признателен к той резонабильной предосторожности, какову, по отличной своей милости, преподаете вы мне в совете распростерть зимними квартерами правое крыло армии далее в длину свою.

Правда, милостивый государь мой! Важность и польза, до которых проникнула прозорливость ваша в сем соображении, самыми ощутительными доводами влекут и мое совершенное согласие в повиновении мыслям вашим. Но при той справедливости, которою наивящим образом я долженствую достоинствам ваших просвещенных мнений, осмеливаюсь я вашему сиятельству показать причины краткого помещения армии, которые превозмогли в моем рассудке над пространством, по наружности всякому кажущимся выгодным быть для войск.

Приобретенная Молдавия, как сторона открытая и впереди лежащая, следственно и требующая всемерно защищения себе, уважением главным мне предстояла, когда я располагал настоящие зимние квартиры. Правило, к сему относящееся, не позволило мне ни в право, ни на лево большее обнять расстояние, хотя в последнем паче первого я старался чем наиближе коснуться квартирам армии, предводительствуемой графом Петром Ивановичем, нелюбезным[2] братцем вашего сиятельства, чтоб, так сказать, руками друг друга могли мы держаться. Подкрепление введенным в Молдавию войскам во всякое время необходимым сделать может, которое тем надежнее бы осталось, чем далее отступил бы я своими флангами во внутрь Польши и удвоил бы через то расстояние, которое и так длины великой, и разумея концы провинции Молдавской, кои заграждать надле-

---

[1] В отличие от общепринятой в XVIII в. кордонной системы размещения войск, при которой они растягивались в тонкую везде слабую линию, П. А. Румянцев держит свою армию сосредоточенно, компактными группами.

[2] Вероятно, опечатка, нужно — вселюбезным.

жит. С сею осторожностью сопрягаются и другие, что перенести оружие в землю неприятельскую, прилично устроить свое положение ближе к той самой стороне, куда свое предполагаем движение; напоследок самые предприятия, кои уже начали оказывать свои плоды в очищение всего края по сей стороне Дуная и в завладении способствующими к тому местечками, еще за турками остающимися, обеспечивание закладываемых в той стороне магазинов, —привлекают на себя великое толикое внимание, что сие все не инако основать возможно, как под прикрытием, так сказать, самой армии, для чего и от времени и стать прибавлять туда войска. Приложу к сему еще я, ваше сиятельство, один пункт из входивших по сему случаю в мое рассуждение, то есть, число настоящее располагаемых войск, что в сей кажущейся тесноте недостается, однакож, на каждую хату и по одному человеку, то сколько бы реже еще виданы были постояльцы, если бы далее растянуться?

Не хочу я затруднять вас, милостивый государь, рассуждениями, колико трудности приносят нам дешево доставшиеся завоевания, разнствует совсем одно от другого, что занять оставленное, или отнять способы к покушениям вопреки и удержать целость и безопасность повсеместною защитою по следам счастья, не может ступить смело искусство. Сим заключением довольствуюсь на сей раз сократить мое изъяснение, видавши, сколько пространство оного у вашего сиятельства нужного времени [отнимает] и сказавши притом, что я, следуя с пользою совета вашего, не оставлю продлить мое правое крыло, как только стану получать в комплект здешним войскам надобных людей.

Неописанное я имею утешение, получая столько доверенности и откровенностей вашего сиятельства, а привыкши с подобным чистосердечием представлять и мои вам желания, осмеливаюсь одно, и частое при том, изъяснение в письмах ваших назвать несходным с вашим ко мне благоволением, когда ваше сиятельство извиняете всегда себя не знатоком в таких делах, о коих толь с превосходным благоразумием судите и вразумляете точнее других в их ремесле. Я, посвятивши мои мысли непреложному согласию с предполагаемыми от вас мнениями, прошу у вашего сиятельства к утверждению вящшего ко мне благоволения, дабы, руководствуя меня во всех случаях, в качестве друга и милостивца, не употребляли околичностей, несовместных тогда наставнику, когда поучает от всего сердца ему повинующегося.

Пребываю с нелицемерною преданностью и таковым же высокопочитанием.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 1, стр. 231—233.

№ 97

1769 г. ноября 23.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНУ О СОСРЕДОТОЧЕНИИ КОРПУСА БЛИЖЕ К ДУНАЮ И ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ХОДА ВОЙНЫ ЗАНЯТИЯ РУССКИМИ ВОЙСКАМИ БРАИЛОВА

№ 792

Я хотя согласен с вашим мнением, которое изъясняете в своем репорте от 15-го ноября[1] против доходящих к вам известий о переходе в тридцати тысячях турок на сию сторону Дуная, что сие вероятным быть не может, рассуждая колико противится тому и настоящее время и положение, в которое приведен неприятель. Но при всем том неизлишно, мне кажется, если мы мерить неприятеля своего будем не по обыкновенному и ему свойственному распоряжению, но предопределять не упустим свои осторожности и против таких действий, которые необычайно может он со всею крайностью произвесть, видевши себя теснимого распространением наших завоеваний, больше нежели он себе представить мог. Сим я разумею, что нельзя того полагать нестаточным, чтоб и турки не могли ожесточить себя и против стужи и против всяких недостатков, и открыв свои предприятия, коим и опыт и порядок знакомых нам обстоятельств не позволяет верить. Военные дела нередко доказывали, что не все то невозможно, что невозможным по всему кажется и для того великое искусство присвоили себе те генералы, которые во всех частях так дела свои основывали, что противоборствующие им и в самых тайных своих намерениях встречали себе вдруг препоны или заграждения. Сходственно сему ваше превосходительство действуете, предпринимая свой корпус ближе к Дунаю поместить, чем самим вся осторожность свершится, способствующая заградить неприятелю покушения из-за Дуная сколько и истребить его остатки на здешней стороне сея реки. А таково ваше предположение согласует моим мыслям и постановлению, которое изъяснил я вам в первом моем ордере от 30-го октября. Примечу я напоследок вашему превосходительству со всяким удовольствием, взирая на ваши начальные распоряжения пред обнадеживающие в тех успехах, которых я ожидаю от благоразумия и искусства вашего, что занятие Браилова привлекать должно ваше внимание, как такое место, где неприятельских войск остатки основали свое гнездо, а покудова он останется непокоренным, то еще могут чем-нибудь льстится колеблющиесь приступить к нашей стороне околичные жители, как равно нам нельзя до того времени считать себя беспечными в совершенном завоевании сея стороны Дуная. Я не предписую вам ни точного

---

[1] Рапорт не публикуется.

времени, ниже способов к сему предприятию, но, довольствуюсь с первым моим предписанием в вышепомянутом ордере, поручить по собственному предъизбранию вашему, ожидая, что ваше превосходительство ни случая, ни времени к тому не упустите, соображая, что настоящие силы, содержащиеся в Браилове, могут и умножены быть подкреплением, следственно и труднее будет напред сею крепостицею овладеть, ежели в теперешнюю пору не повесть на оную предприятия, занявши Букарешты не упустите, ваше превосходительство, в исполнение предыдущего моего ордера от 12-го сего месяца, хотя партию легких войск отправить к завладению местечком Краиовым, дабы тамошних жителей к себе приобресть, способных к войне и угнетаемых тиранством турецкого владения.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 88—89. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 98

1769 г. ноября 29.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНУ С УКАЗАНИЕМ ОБЕСПЕЧЕНИЙ ДЕЙСТВИЙ ЕГО КОРПУСА В СВЯЗИ С ПРОДВИЖЕНИЕМ В ВАЛАХИЮ

№ 870

При репорте вашем от 21-го полученные знаки победы над неприятелем при городе Галацах я сей день отправил чрез подпоручика лейб-гвардии Хотяинцова к ее императорскому величеству, засвидетельствовавши в моем представлении по рекомендации вашего превосходительства о заслугах сего достойного офицера. Занятие города Букарешты в большое меня приводит удовольствие, что в коротком времени своего командования уже вы столько успели дел обратить к лучшей благоуспешности. Преднамерение вашего превосходительства перенестись со всем корпусом в Валахию, конечно, основывается на надежде доставить там войскам больше пропитания и выгод, но не разлучно с сим иметь надлежит: 1-е — осторожность, чтоб при таковом положении не подвергнуть себя опасности, дабы иногда в боках ваших не мог пролезть неприятель, затруднить, буди и не вовсе пресечь, с армиею сообщение и истребить между вами и оною держащих посты; 2-е — нам должно город Браилов, так сказать, как ключ к Молдавии и Валахии стараться иметь и мнится, когда в Фокшанах, Галацах и Букарештах умножены будут силы, то тогда, оставя там небольшие команды, прочими всеми к одному времени достигая, Браилов атаковать и взять с помощию всевышнего будет удобно. За реку Олту к Краиову надобно, чтоб ваше превосходительство по силе ордера моего команду уже послали, откуду и надлежит ожидать приумножения в количестве великом арнаутов, которым всем определите

выдавать жалование против донских войск. Я разумею о всех тех, которые прямо в службу и в команду входят, а не о тех, кои за корыстию ходя, остаются и отлучаются по своему произволению. Ваше превосходительство, как довольного искусства генерал, сами себе представите и последования и должности, связывающиеся с сими моими мыслями, которые в содействие вашим мнениям, за потребно я признал тут изобразить трем полкам, на правом крыле стоящим, и именно: Киевскому, Архангелогородскому и Тенгинскому, приказал я итти в Молдавию по требованию вашему. Чрез сего курьера весьма мне нужно уведать, в которых именно местах и сколько наличного есть провианта? Откуду вы положили, сколько оного и к коему времени получить, и что уже получено? Какую надежду вы имеете к собранию оного в землях тех, куда зайдут войски? Ибо сей пункт наивернейше должен быть в своем вычете между всеми другими должностьми, ведущих войну. Четыреста четвертей, привезенных в Бутичаны, есть несколькодневный только запас для количества войск, вновь вступающих в вашу команду; и для того я верное хочу от вас чрез сего посланного иметь уведомление, сколько вы и из Станиславова приказали отправить провианта и не следует ли в том какой остановки? И генерально какие приемлете меры к продовольству войск, как у вас уже находящихся, так и тех, коих требуете еще к себе в прибавок, для которых, по крайней мере, фураж в некоторых местах, а особливо, где переправы суть, заготовить нужно, и ваше превосходительство ускорите о том распоряжением, видевши при сем из приложенного маршрута коими местами оные пойдут и встретить их в чем надобно своими повелениями. Я слышу, что около деревни Жоржи или Журжелет, а лутче сказать близ Дунаю есть неприятельской наполненной магазейн. Не в том ли он месте, где г. Фабрициян воспящает пушками неприятеля. Переход к оному не только надлежит не допускать, но его бы наипаче надобно отнять и обратить нам в свою корысть, ибо не имевши недостатка в пропитании и отнимая оный у неприятеля, всегда наш будет верх. Не имевши здесь знатока в металлургии, я представил присланные от вас минеральные руды к ее императорскому величеству, а в ожидании по пробе оных высочайшей резолюции, ваше превосходительство из осторожности, что они может быть и важны, согласите приносивших вам оные, чтоб их собирали, чая себе за то довольной награды[1]. Поелику магазейн большой будет в Снятине, а полк Пермской ваше превосходительство выведете, то ради прикрытия оного, как и для поспешествования транспортов нужно в оном оставить команду, что я отдаю на собственное распоряжение вашему превосходительству.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 98—98 об., 100—100 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] Найденные рудные месторождения оказались весьма незначительными.

№ 99

1769 г. декабря 2.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ УСИЛЕНИИ КОРПУСА ГЕНЕРАЛА ШТОФЕЛЬНА И ДАННЫХ ЕМУ УКАЗАНИЯХ

Главная квартира при м. Летичеве

№ 29

Поспешествуя взятому намерению, чтоб всемерно и до основания истребить остатки неприятельские, на сей стороне реки Дуная держащиеся, когда генерал-порутчик фон Штофельн с своим корпусом приемлет перенестись в Валахию, я приказал от 29 минувшего ноября, к подкреплению и в содействие введенным уже войскам в Молдавию вступить еще из правого крыла трем пехотным полкам, именно: Киевскому в Чернавцы, Архангелогородскому в Яссы, Тенгинскому в Бутышаны, предписавши помянутому генералу-порутчику на случай его вдаль движения между другими и сии правила: 1-е — чтоб вступление войск в Валахию основывалось на надежде доставить там оным больше пропитания и выгод; 2-е — неразлучно с сим сохранена б была осторожность против покушений неприятельских вокруг себя; 3-е — когда умножены будут силы в Фокшанах, Галацах и Букарештах, то тогда, оставя там небольшие команды, прочими всеми к одному времени достигать покорения Браилова; 4-е — что повеления мои, до того ему данные, о посылке команд за реку Олту к Краиову, я уже щитаю исполненными к приобретению оттуду большим числом арнаутов. И о сем я имею честь вашему императорскому величеству всеподданнейше донесть.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 117—118. Подлинник.

№ 100

1769 г. декабря 4.— МАНИФЕСТ П. А. РУМЯНЦЕВА К НАСЕЛЕНИЮ ВАЛАХИИ

Главнокомандующий армиею ее величества императрицы всероссийской генерал, малороссийский генерал-губернатор, президент в оной коллегии, обоих российских орденов, святого апостола, Андрея и Александра Невского и Голштинского, святые Анны кавалер я, ниже сего подписавшийся,

всем Волоского княжества духовным, военным и гражданским чинам, земским начальникам, дворянам, однодворцам и всякого звания и состояния жителям, всем вообще и каждому особливо, объявляю:

В самом начале настоящей войны, то есть от 19 генваря сего 1769 году, в числе прочих славянских народов православного исповедания, в турецком подданстве находящихся, и вы, княжества Волоского обыватели, предварены были в изданных к вам вообще печатных манифестах от ее императорского величества всемилостивейшей нашей государыни высочайшим обнадеживанием, что подъемля дарованное себе от бога оружие против Порты Оттоманской, к чему подвигнули ее императорское величество оказанное от сей вероломной державы презрение прав народных и самой истины, и единственно по оному начатая война с разрушением заключенного вечного мира, простреть оное к укрощению высокомерного неприятеля и купно с тем на избавление христианского правоверных сословия, стенящего под игом владычества турецкого, при утеснении наглом святые церкви.

Благословением всевышнего творца, содействующего святым своим промыслом во всех благих уже сие предобнадеживание всероссийской императрицы, нашей всемилостивейшей государыни, свершилося над двумя из возванных оным словенскими народами, чрез покорение совершенное княжества Молдавского, а по нем ныне и Волоского скипетру ее величества.

Вы, жители обоих сих княжений, чувствуете без сомнения отраду в сердцах своих, что победоносное оружие ее императорского величества, которое привлек на себя против воли ее угнетавший благочестивых сынов святые церкви турок, соединила вас ныне с народом побеждающим и народом, которому единством рода и веры в древние времена возносилась ваша по вселенной слава, доколе не постигли вас нещастия, коим сделала конец воцарившаяся теперь над вами всемилостивейшая наша монархиня.

Познайте вы ныне благий свой жребий и наслаждайтесь щастливых дней, а видев, что те же самые войски, коих почувствовав силу вострепетал и рассыпан был многочисленный неприятель, заняли вашу землю, не сомневайтесь ни в защите, ни во всякой себе от них помощи. Но должность та же и вам настоит, которую до сего уже исполнили радостно и толь похвально все жители молдавские, чтоб утвердили и вы примером их свое верное подданство ее императорству во всех чинах княжества Волоского торжественною на оное присягою, чего я от вас всех вообще, и каждого особливо, непременно требую и в исполнении того не имею отнюдь сомнения, ибо естественный рассудок и свет христианского закона сами уже сильны представить пред очи ваши святость сея непременные должности, которой всегда восследуют милость и покровительство монаршие.

По ревности к православному христианскому закону и по отвращению естественному от нечестия, которое чрез толикое время мучительски всегда господствовало над правоверными, не имея причины сомневаться также, чтоб все жители княжения волоского при нынешнем удобном случае не хотели сами рас-

пространять свою пользу и возвесть свое отечество на степень древнего достоинства при руководстве однопоколенных им россиян, которые благословением вышнего освободили уже их от ига и порабощения магометанского. А потому и увещеваю всех, живущих в сем княжении, дабы обновили в себе дух благородства и храбрости, свойственный их предкам, и споспешествовали каждый с усердием и ревностью, елико кто может, общему благому делу к вреду ненавистника всего христианского имени и прочих единоверных себе, горестью и бедствием от него изнуряемых, коим на помощь и к добродеяниям не было еще времени достигнуть славе могуществу оружия российского, к тому же возободряли, дабы соединялись к подвигам военным с победительным воинством в уповании, что отличившихся в том усердием ждут достойные воздаяния, а средства к произведению того на сие время и вообще с российскими войсками подаст охотно всем явившимся вооружиться командующий над войсками, вступившими в Молдавию и Валахию, г. генерал-порутчик и кавалер фон Штофельн. Сколько ни необходимо, чтоб введенным войскам ради собственной защиты княжества Воложского собрать пропитание, я однакож неусыпно стараться буду, дабы и в сей неизбежности не сделать однакож оною никакого отягощения народу, и чтоб под покровом и обороною оружия российского всем по состоянию своему мог беспрепятственно распоряжать свое упражнение.

Равно взываю я каждого к получению себе удовлетворения, естьли в чем понесены обиды от воинства, преступившего обряды в тайне и невидений от своих начальников.

Сим я известно чиню всем и каждому, присоединенным к державе ее императорства волоского княжения жителям и унадеживаю их о таковом высочайшем к вам благоволении всемилостивейшей государыни, которая по своему человеколюбию и соболезнованию о страдании православных христиан под игом варвар сие только имеет намерение, чтоб посредством праведного своего оружия возвесть в прежнюю славу упадшие народы единоплеменные тому, над коим она царствует, и утвердить их благосостояние, подобно каковым наслаждаются все ее верноподданные.

При сем праведном и непоколебимом обнадеживании, которого исполнение и следствия увидят все добронамеренные и верностью преданные высочайшему престолу ее императорства, да знает напротиву каждой, что всяк несоответствующий своим усердием высочайшему покровительству ее императорства и, следственно, восстающий против христиан и побoряющий по неверным и ненавидящим креста господня, изъят будет от участвования во благих и возчувствует над собою гнев вышнего чрез праведное оружие самодержицы всероссийской низпосылаемый.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 107—110. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 101

1769 г. декабря 8.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ ИМ ДОБРОВОЛЬЦЕВ МОЛДАВАН К УЧАСТИЮ В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ И ОБ АКТИВИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ТУРОК НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ДУНАЯ

№ 940

Исправно получа ваши три репорты от 2-го числа сего месяца, весьма похваляю распоряжения, которые вы учинили в собрании из земли войска, лошадей, провианта и в посылке партии под командою капитана Зорича к истреблению татар, помышляющих на разорение Молдавии; примечание мое я только вам сделал на учреждение ваше четырехтысячного войска. Я лучше хотел бы, чтоб оного или бы больше было, или же по крайней мере, чтоб число его не ограничивалось точным предписанием, по которому мерить можно будет наши силы. Стараться надобно сколь возможно поболее заохочивать тамошних жителей к военным подвигам и составить из оных полки, а которые из них отличились в храбрости и усердии, таковых произвесть я могу полковниками в те молдавские полки, для чего ваше превосходительство назовите именами, кого сим степенем отличить прилично; а затем, мне мнится, всяк уже из них наберет свой полк и попечение чрез то возрастет о порядке, в оном потребном. Мнение сие мое не есть еще решительное, ниже остановлять должно ваши меры в собрании положенного числа войск, которое я сам признаю полезным на первой случай в спопешествование по крайней мере защите пограничной, но предположение мое идет для переду, против чего ваше превосходительство соображайте свои учреждения. В зречениях письменных, что вы прислали полученные из Букарешты, корреспондент волоского господаря князя Гики Фоша Диямантиев от 13 прошедшего ноября описует как самовидец турецкую армию, что оная в самом нужном состоянии, провианта только имела дней на двадцать и помышляет о походе к Адрианополю, а по недостаткам тем, что оная несет в пропитании и изнурении лошадей, говорит он сими словами: «пропащее наше дело». Его письмо и уверения объявляют, что неприятель не только не помышляет о переходе на сию сторону Дуная и покушении на Галацы, но и в Браилове находящеся войско в трепете готовится не к защите, но единственно к побегу за приближением наших команд, чего ради и сам тамошний паша выступил было из города, известившись о нашей победе под Галацами, чтоб уйтить ему за Дунай безбедственно. Ваше превосходительство, настоящим смятением неприятеля не упустите времени воспользоваться и устре-

мите туда сильные поиски, где еще его остатки держутся по сей край Дуная; сими действиями вы тотчас откроете прямое положение, в котором обращается неприятель, после чего и точнее можем взять наши предприятия; от сикурсу из-за Дуная, мне кажется, мало опасности, поелику Дунай река есть такая, по которой большому числу войск на одних лотках трудно или по крайней мере долго перебираться надобно, а держащие команды посты могли бы в таком случае и в малом числе возбранить большому переправу.

Итак, ваше превосходительство, производя вдаль действия к Дунаю, не дреманным оком смотрите на татарскую сторону, что от Прута, тут великая будет опасность от их набегов, когда реки покроются льдом. К заграждению сей стороны, кроме других команд, приготовьте жителей самих молдавцов к вооружению на отвращение собственного их вреда. А я ради предосторожностей, которые предстоят в рассуждении закладываемых магазейнов в Брацлаве и позади оного, велел Астраханскому пехотному полку перейтить в сие местечко и полковнику оного Гудовичу с одним баталионом стать в оном, а другого по две роты в Браилове и Межирове расположить, а Тобольскому карабинерному полку выступить в местечко Жернищи, Донскому полковнику Луковкину от Белой Церкви, где он теперь находился с своею командою, следовать к Тульчину и расположиться в околичностях оного, держа сообщение с командами от второй армии, расположенными в Гранове, и от первой, что состоят в Ямполе, посему и ваше превосходительство, чтоб кордон, который идет в Ямполь, взаимное чинил с сим полковником сношение. Припоминаю о присылке ко мне чинов, которые в плен взяты, коим бы уже быть надлежало здесь.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 116—117 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 102

1769 г. декабря 10.— РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ЕГО ОТЛУЧЕНИЯ ОТ АРМИИ ДЛЯ ПОЕЗДКИ В ПЕТЕРБУРГ

Граф Петр Александрович, на три письма ваши от 31 октября и от 15 до 27 ноября[1] чрез сие вам ответствую. На первое, что хотя я совершенно внимаю все трудности, кои вы описываете в рассуждении тогдашних обстоятельств вам вверенной части, но я не сумневаюсь, что ваше усердие и благоразумие

[1] Письма П. А. Румянцева от 31 октября и 27 ноября в Сборнике не публикуются (см. ЦГАДА, ф. 5, д. 103); письмо от 15 ноября — см. документ № 92.

всякие препятствия преодолевать будут, в чем совершенную надежду на вас имею. Что же касается до приезда вашего сюда, о котором вы упоминаете в письме вашем от 15 числа ноя[бря], то сколько я не желала вас персонально видеть, но теперь вижу сама по обстоятельствам дел, что оные не дозволяют вашего оттудова отлучения. Итак, оставляю удовольствие вас видеть до способнейшего к тому времени. За присланние ко мне прекрасного кинжала благодарствую. Добыча двух господарей еще луче. Прошу впредь при случае прислать самого визиря или, естьли бог даст, и самого султанского величества, сказывают, будто изволит собираться выехать в поле, но за малым стало, опасается бунта. Атестат, кой вы даете подпоручику Хотяинцову, приказала я сообщить в полк, я весьма рада, что не ошиблась в моей о нем гадании. Впрочем остаюсь к вам и всегда доброжелательна, дай боже вам щастие во всех ваших предприятиях, а нам услышать много добрых вестей.

Екатерина

ЦГВИА, ф. 341, св. 1, д. 1, л. 9 об.— 10. Копия.

№ 103

1769 г. декабря 10. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ С ОДОБРЕНИЕМ ПРЕДСТАВЛЕННОГО ИМ ПЛАНА ДАЛЬНЕЙШИХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И С ОБОСНОВАНИЕМ ВОЗМОЖНОСТИ ШИРОКОГО НАСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ТУРОК

Со удовольствием читали и рассматривали мы мнение ваше о будущей кампании [1], ибо находим в нем совокупно и предусмотрения разумного полководца и похвальное стремление истинного россиянина к распространению нераздельной славы нашей и отечества. Всемилостивейше приемля потому заблаго основания предполагаемые вами операционному плану, яко сходствующие с общею системою и связью всех наших военных дел, восхотели мы чрез сие и уведомить вас о том, как для приведения вас в состояние к благовременно по сим самым основаниям распоряжение собственных ваших предварительных мер, так и для соглашения с оными мер и приготовлении командующего второю армиею генерала графа Панина, дабы взаимные ваши во свое время операции, хотя частно и к разным предметам склоняющиеся, вследствиях своих тем не меньше сопрятались к единой цели сколько можно большого споспешествования пользе службы нашей.

---

[1] См. документ № 84.

Вследствие того, и чтоб еще заранее с точностию определить прямые наши на будущую кампанию виды, с коими мнение ваше толь много повстречалось, находим мы за нужно сделать вам здесь для достаточного руководства на все части внимания и подвигов ваших, следующие генеральные, но в то же время и решительные предписания.

Вы знаете уже непременное наше соизволение, да и сами, конечно, чувствуете всю важность пользы от того, чтоб, завоеванное оружием нашим, княжество Молдавское осталось в руках наших, и чтоб в нем будучи уже могли весною, как возможно ранее, возобновиться военные действия вверенной вам армии. Выгоды из того будут превеликие, во-первых, представится вам способность поставить между собою и между неприятелем реку Дунай и заставить его терять время в приготовлениях и покушениях к переходу чрез оную, естьли не можно будет вовсе воспрепятствовать ему в действительной переправе на толь великом пространстве берегов ее или же вы сами иногда по усмотрению обстоятельств за полезнее признаете перепущать турок кучами и бить их по частям, а может быть и всех искусно заманить в предуготовленной на сей стороне ров, где бы им поражение совершенное или по крайней мере поучение довольно чувствительное вероятным образом предстояло в цену невежества и отважности их; во-вторых, прикроется и обеспечится достаточно осада на город Бендеры, ныне нами решительно повеленная генералу графу Панину, ибо оная впрочем с стороны Крыма не будет, по-видимому, иметь никаких препятствий, по маскированию сего полуострова особливым в ту сторону наряжаемым не беззнатным корпусом, которой так далеко пойдет, как только возможность допустит, а сверх того Крым будет еще озабочен со стороны моря и с Кубани.

Вот вам вкратце существо всех наших на предстоящую кампанию намерений. Вы можете из них сами себе весьма легко присвоить все то, что до вас и до вверенной вам армии безпосредственно или же стороною касаться долженствует, а потому и почитаем уже мы за излишно входить здесь с вами в раздробление тех способов мер и самого учреждения оборотов и действий военных, кои в обнадежение успеха сим нашим намерениям теперь заранее человеческою прозорливостью сколько ни есть предусматриваемы и постигаемы быть могли б, но паче в совершенном удостоверении о военном вашем искусстве и патриотическом ревновании о пользе отечества и неприкосновенной еще славе оружия его, кои толь праведно решили выбор наш в персоне вашей и кои да пребудут навсегда верными и лутчими вашими советодателями, оставляем вам самим делать и предпринимать как в предварительных распоряжениях к кампании, так и в самое продолжение ее против неприятеля, все то, что вы собственным благоразумием за нужно и полезно находить будете к верному и совершенному одержанию наших главных намерений,

то-есть сохранения княжества Молдавского с недопущением турков опять в нем утвердиться, следовательно же, и прикрытия осады Бендерской.

Итак отныне собственного уже вашего попечения долгом быть имеет и заготовление в пристойных местах магазинов и благовременное на Днестре и в Молдавии укрепление тех мест, кои по выбору вашему способнейшими покажутся ко ограждению сей завоеванной провинции от нашествия неприятельского, прежде нежели вы сами присутствием своим оному препятствовать в состоянии будете, также и к будущему как в собственном, так и по обстоятельствам иногда представляющимся и локальному положению Бендерской осаде снабжения.

Хотя со многою вероподобностию предполагать можно, что турки на будущую кампанию явятся в поле в большей еще громаде, нежели в прошлую, к чему их, верно, знаем мы, всячески поощряют ненавистники наши французы, обольщая султана мечтою его могущества и таким в ресурсах избытком, какова он и сам себе, конечно, не воображает. Но, с другой стороны, и то не меньше уважить надобно, что турки толь многими понесенными поражениями и предстоящими еще на них повсеместными опасностями приведены уже в крайнею робость и ужас, что лутчее из всего их сброда войско старые янычары, кои, так сказать, одни сохраняли поныне остатки древней турецкой опрометчивости, почти все головою погибло, что самые остатки оного недовольны султаном и явно против его ропщут, почему и он им не только не верит, но и боится еще их, и что напоследок первое с нашей стороны весною удачливое предприятие, сколь бы само по себе в других обстоятельствах ни мало важно было, может весьма легко в конец рассыпать всю сволочь неприятельских волонтеров, кои для одной добычи на войну ходят [1].

Пускай, напротив того, армия наша не будет столь многочисленна, но она обыкла уже побеждать, последний солдат ободрен одержанными успехами и уверен в приобретении новых под предводительством вождя, коего искусство собственным испытанием знает. Таким образом, противу полагая сии важные выгоды и не меньшие еще от свойственного войскам нашим благоустройства и повиновения начальству своему, яко душу военного звания и службы громаде и сброду неприятелей наших, купно же и невежеству начальников их едва уже не будет ли причины сказать, что весы, естьли не перетягивают в нашу пользу, по крайней мере тянут весьма равно.

Все сии уважения не препятствуют однако, чтоб мы ныне же не помышляли о умножении армии вашей, как и действительно дано уже от нас Военной коллегии повеление отправить к оной

---

[1] Предположение о значительной убыли янычарского войска было преувеличено, но недовольство в нем, вызванное попытками реформ Мустафы III, действительно имело место.

столько полков, сколько по состоянию всех наших войск повсеместные дела наши и стража границ с здешней стороны то дозволить могут.

Что до конницы и всех легких войск касается, как в будущую кампанию обе армии в близости одна от другой действовать, следовательно же, и легкие их войска между собою цепью смыкаться будут, то по сей причине и думаем мы, что они взаимно в общем пункте против неприятеля взаимные друг друга силы подкреплять могут и будут[1].

Для Бендерской осады повелели мы нашему генералу-фельдцейхмейстеру, графу Орлову, приготовить достаточное число тяжелой артиллерии с припасами ее, повозками и людьми, которая и будет скоро в Киеве в совершенной исправности для выступления по первому приказу от генерала графа Панина. Вам надобно будет предварительно снестись с сим последним и согласно между собою постановить, когда, какою дорогою и до какого именно места итти сей артиллерии. Так же из каких магазинов той или другой армии по локальному положению получать на походе людям и лошадям провиант и фураж, какое на пути для безопасности иметь прикрытие — непременное ли от Киева, или же сменное от поста до поста, а особливо, каким образом обеспечить ее в том месте, где до времени употребления остановлена будет и откуда там получать пропитание.

В какой силе о всем том, да и о самом плане будущих операций, писано к генералу графу Панину; от сего же числа повелели мы приложить здесь для вашего сведения и руководства точную копию с отправленного к нему рескрипта, а в равном намерении сообщается и ему такая же с сего вам данного, и пребываем вам впрочем императорскою нашею милостию благосклонны.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 121, л. 16—23 об. Копия.

№ 104

1769 г. декабря 11. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНУ О ДОПУЩЕННЫХ ИМ ОШИБКАХ ПОД ГАЛАЦОМ И НЕОБХОДИМОСТИ ЗАНЯТИЯ БРАИЛОВА

№ 966

По вашему репорту от 6 числа с уведомлением о нападении неприятельском на наш пост при деревне Шербеште, а после и на город Галацы, и в обоих случаях не без потеряния, представ-

[1] План кампании 1770 года, разработанный в Петербурге, выдвигал в качестве единственной активной задачи — овладение крепостью Бендеры. Эта задача возлагалась на 2-ю армию П. И. Панина. Армия Румянцева, таким образом, опять должна была выполнять обеспечивающую задачу — прикрывать осаду Бендер. Однако в способах действий Румянцев не был связан, и его предложение — действовать между реками Прут и Серет получило одобрение.

ляю я себе, что сии неприятные следствия не могли бы случиться, когда бы после покорения Галацов не упущено воспользоваться тогдашним смятением и трепетом, происходившем в Браилове, где войско неприятельское и командующий оным паша полагали единственно свое спасение в бегстве и к оному уже приготовлялись, а чтоб овладеть сим городом, стоило только тогда нашим войскам показаться, как я вам о том из вероятных известий сообщил в последнем моем ордере от 8 сего месяца[1]. Теперь, видно, неприятель огляделся и имеет время как укрепиться в Браилове, так и подобные вышеписанным предприятия делать на наши малочисленные посты и возгордиться своими авантажами, ежели не устремить на истребление его все возможности. В рассуждении сего я не только похваляю вашего превосходительства преднамерения, что вы, учредя кордон от местечка Фалчи на реке Пруте чрез Баралат, до Фокшан и ограждая тем свою коммуникацию с Валахиею, приступаете сим образом открыть поиски на неприятеля, но и подтверждаю всемерно и как возможно скорее к тому приступить, чтоб сорвать Браилов, ибо покудова онаго в своих руках иметь не будем, не можем чрез всю зиму отдохновения дать войскам, но должно будет во всегдашних опасностях и тревогах обращаться и утомлять войска, не говоря о том, что неприятель из-за Дуная от времени свободно может приумножать свои силы и в корысть свою опустошать Валахию и лишать нас изобильного тамо пропитания. Я не сомневаюсь, чтоб в сем пункте ваше превосходительство не одного были со мною мнения и, ведавши ваше довольное в своем звании искусство, полагаюсь на оное, что помянутую крепостцу Браилов не долго к защищению своему иметь будет неприятель, по предприятиям, которые вы предуготовляете, и коих свершением надлежит поспешить, не допуская нимало расшириться ему в своих силах, ибо, по завладении Браиловым и заградивши вход неприятелю в Валахию, должен он будет удалиться и от Дуная, ради недостатка на той стороне пропитания. Ваше превосходительство, конечно, сделали справедливость, приказав возвратить г. Кантакузину принадлежащие деньги жене его. По последнему нападению на Галацы и по доходящим известиям не кажется, чтоб неприятель был весьма многочислен при Браилове, следственно, ваше превосходительство, тем надежнее можете воспримать меры к прогнанию его из того места.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 119 об.—121. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

[1] См. документ № 101,

№ 105

1769 г. декабря 14. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ УСПЕШНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ОТРЯДОВ ПОДПОЛКОВНИКА Ф. И. ФАБРИЦИАНА И КАПИТАНА ЗОРИЧА

№ 33 *Главная квартира при м. Летичеве*

Генерал-порутчик фон Штофельн репортовал ко мне от 6-го числа сего месяца, что подполковник Фабрициан, находившейся в Галацах, приметивши неприятельское движение от Браила на его постановленный форпост по реке Серете, в 15 верстах от Галацов, при деревне Шербеште, который служил к сохранению сообщения с Яссами и Фокшанами и состоял из одного эскадрона гусар и ста человек казаков и арнаутов, послал тотчас в подкрепление оного две роты гранодерские с пушками, под командою капитана Лутковского. А 29-го ноября, услышав на рассвете пушечную стрельбу, не дожидаясь уже репорта, пошел и сам туда с одним баталионом и остальными гусарами. Не мог он со всею поспешностию прежде к сему форпосту приближиться, как уже неприятель в тысячи янычар и в пяти тысячах конницы атаковал и окружил оный. Гранодеры, выстрелив до единого пушечные и оружейные патроны, храбро продолжали на месте свою оборону штыками, но, наконец, уступить принуждены были превосходным силам неприятельским, а при их ретираде и захватил неприятель две пушки полковые с ящиками. Неприятель как скоро увидел надходящую помощь с подполковником Фабрицианом, то и начал отступать за реку Серет, что познав, ретирующиеся обратились на него с белым ружьем и вдогон убивали многих.

Подполковник Фабрициан в ту же минуту, как приметил неприятельское отступление, хотя навстречу послал к подполковнику Удому, шедшему из Галац с остальными шестью ротами в подкрепление ему, чтоб он возвратился в Галацы, и хотя последней поспешал со всевозможностию туда войтить, будучи уже тринадцать верст от оного, но неприятель между тем из-за реки Прута от Журжулесты оставленные наши пикеты принудил отступить, впал в Галацы и во многих местах зажег сей город, покудова подполковник Удом, а с оным и Фабрициан, не поспели еще туда притить, а за прибытием выгнали вступившего во многих силах с великим его уроном, и отбили у него две пушки. В обоих сражениях с нашей стороны убиты: порутчик Белокоровкин, гранодер, гусар и арнаутов сорок человек; ранены: капитаны Лутковский и Иванов, прапорщик Венземеер, гранодер, гусар и арнаут семьдесят человек, да шесть артиллерийских лошадей.

После сего происшествия помянутый подполковник Фабрициан, пробыв чрез три дни в Галацах, по недостатку пропитания

и что большая часть сего города от внесенного неприятелем пожара выгорела, а третее и по предосторожности, что он находился между войск неприятельских, от Браилова и Журжулесты, и мог бы быть атакован, как уже река Прут покрылась льдом, отступил с своею командою к деревне Пуцель, где отправленный до того для командования на Галацкой пост бригадир Ржевской, нашед сию команду, для равного недостатка провианта и фуража принужден и из того места перейти с оною в местечко Баралаты. Отколь посыланные разъезды до Галацов неприятеля больше тамо не видят.

Я предписал на сие генералу-порутчику фон Штофельну, дабы он, учредя кордон от местечка Фалчи на реке Пруте чрез Баралат до Фокшан и, ограждая тем свою коммуникацию с Валахиею, тотчас открыл поиски на неприятеля и всемерно старался сорвать Браилов, ибо покуду оного в своих руках иметь не будем, дотоли и войски не могут взять отдохновения, но должны утомляться от всегдашних опасностей и тревог, паче что неприятель свободно из-за Дуная мог бы приумножить свои силы, а по завладении Браиловым и заградивши вход неприятелю в Валахию, должен он будет удалиться от Дуная ради недостатка на той стороне пропитания, как о последнем удостоверяют известия.

Последними репортами помянутый генерал-порутчик фон Штофельн уведомляет, что уже таково расположение им и сделано, как и с крайнею поспешностию все меры он приемлет, введши войски в Фокшаны, начать оттого места экспедицию на Браилов.

В первых числах сего месяца по дошедшим известиям, что не малая часть Татарской орды при местечке Кишиневе, в 14 часах от Прута, кочует в намерении, как скоро речки замерзнут, в Молдавию впасть; генерал-порутчик фон Штофельн отправил Острогожского полку капитана Зорича с четырьмястами человек пехоты, четырьмя пушками и до тысячи легкого войска, повелевши совокупиться к оному с каким возможно вооружением для отыскания своих жен, детей и скота и тамошним жителям под городские знамена, для того данные. Сей капитан от 5-го числа репортовал, что он с таковою своею командою в татарские жилища вступя, нападших было на его передовую команду татар, в числе четырехсот человек, тотчас разогнал и всех их в бегство обратил. А посему и предписал ему помянутый генерал-порутчик, сколько возможно далее их преследовать хотя и до самых Каушан, разоряя жилища оных.

Присланные ко мне от генерала-порутчика фон Штофельна найденные между вещьми умершего господаря Молдавского князя Мауро Кордата чиновную шапку, в которой он заседал во время Дивану, и красной санжак имею честь вашему императорскому величеству чрез сего куриера представить, равно и допросы привезенных ко мне конфедератов, которые пойманы в

Букареште с письмами подчашего Потоцкого и о коих имею я честь донесть вашему императорскому величеству всеподданнейшею моею [реляцией] от 3-го сего месяца.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 139—142 об. Подлинник.

№ 106

1769 г. декабря 18. — УКАЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ П. А. РУМЯНЦЕВУ О ЛИЧНОМ СОСТАВЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ НА 1770 г.

С.-Петербург

Придается при сем к вам, господину генералу-аншефу и кавалеру, расписание, кто именно генералитет, которые полки, сколько артиллерии и чинов генерального штаба, комиссариатских провиантских и протчих, по высочайшему ее императорского величества именному повелению назначивается во вверенную вам армию на кампанию наступающего 1770 году.

Из сего расписания усмотрите вы, господин генерал-аншеф, что сверх того числа полков, которое ныне вверенную вам армею составляет, определяются еще к оной, состоящие теперь в Минске в команде господина генерала-порутчика Нумерса, кирасирской его императорского высочества Наследников, да пехотные, Смоленской и Нижегородской полки и при них генерал-майоры Храповицкой и князь Трубецкой. Все сии три полка генералу-порутчику Нумерсу предписано не только за ныне истекающую сентябрьскую треть, как жалованьем, провиантом, так и следующими на ремонт и протчими суммами, также на будущий январь месяц положенною по штатам на провиант и фураж суммою удовольствовать, но и выдав оным на превосходные провианта и фуража цены, в пехотные по тысяче рублев, а в кирасирской две тысячи рублев, поручить в команду старшему из помянутых генерал-майоров генерал-майору Храповицкому, приказав ему, чтоб он по получении вашего повеления с теми полками туда, куда от вас приказано будет, немедленно следовал; вследствие чего и не оставите вы сему генерал-майору дать свое повеление, когда и в которое место ему с помянутыми состоящими уже в команде его генерал-майором и тремя полками следовать, а напротив того определяемой ныне в корпус под командою господина генерала-порутчика и кавалера Веймарна, Каргапольской карабинерной полк имеете вы, господин генерал-аншеф и кавалер, исключа из вверенной вам армеи, отправить в то место, о котором вам пребывающей в Варшаве посол князь Волконской объявит, или от генерал-порутчика Веймарна представлено будет, приказав равномерно удовольствовать оной за ныне истекающую треть подлежащими от комиссариатского и провиантского правления деньгами.

Недостающее число по расписанию генерал-майоров к армии вашей, господина генерал-аншефа, впредь определено будет и Коллегия не оставит тогда об оных вас, господина генерала, уведомить.

Генерал-майор Черепов определяется к войску Донскому с тем, чтоб он, находясь в Черкаске, прилежнейше наблюдал того, чтоб по всем получаемым в оное, как от Коллегии, так и от командующих обоими армеями генералов повелениям, скорое и неотложное исполнение чинено было, особливо что принадлежать будет до командирования из оного в потребные места команд, не вмешиваясь впрочем в дела, до внутреннего их управления касающиеся: чего для и имеете вы его, доставя ему приложенной при сем из коллегии о том указ, в Черкасск отправить.

Как сверх того числа, которое по вышепомянутому расписанию ко вверенной вам армеи назначивается, оставаться будут у вас некоторые чины, то, дабы все они при своих местах находились, а тем протчие корпуса войск в определенном числе состоять могли, имеете, вы, господин генерал-аншеф и кавалер, всех тех чинов, кто откуда взяты были, туда отправить и Коллегию уведомить.

Что принадлежит до экстраординарной суммы на все потребные при вверенной вам армеи расходы, то не замедлит коллегия о числе и подробности оной вас, господина генерала-аншефа и кавалера, уведомить. А между тем то только теперь к сему присовокупляет, что малороссийским казакам с будущего января месяца такое ж назначивается производить жалованье, какое теперь донские получают.

Граф *Захар Чернышев*

РОСПИСАНИЕ

Кто именно генералитет, которые полки, сколько артиллерии и чинов Генерального штапа, комиссариатских, провиантских и протчих назначивается.

В первую армию под командою господина генерала-аншефа и кавалера графа Петра Александровича Румянцева.

Генерал-аншеф . . . 1

Петр Иванович Олиц

Генерал-порутчиков . . . 8

1. Христофор фон Штофельн
2. Петр Племянников
3. Христофор фон Эссен
4. Граф Яков Брюс
5. Граф Иван Салтыков
6. Николай Салтыков
7. Князь Николай Репнин
8. Барон фон Эльмпт

Генерал-майоров . . . 20

1. Василей Храповицкой
2. Алексей Ступишин
3. Федор Глебов
4. Александр Херасков
5. Граф Иван Подгоричани
6. Иван Измайлов
7. Князь Александр Прозоровской
8. Семен Черноевич
9. Александр Замятнин
10. Михайла Каменской
11. Князь Сергей Трубецкой
12. Князь Алексей Голицын
13. Григорей Потемкин
14. Бригадир князь Юрья Трубецкой
15.
16.
17.
18.
19.
20.

Полки:

Кавалерийских . . . 19

Кирасирские:

1. Его императорского высочества Наследников
2. Киевской
3. Новотроицкой

Карабинерные:

4. Пермской
5. Нижегородской
6. Московской
7. Тверской
8. Рижской
9. Рязанской
10. Табольской
11. Вятской
12. Ингерманландской
13. Сибирской
14. Астраханской

Гусарские:

15. Сербской
16. Венгерской
17. Ахтырской
18. Харьковской
19. Острогожской

Пехотных . . . 32

1. 1-й гранодерской
2. 3-й гранодерской
3. 4-й гранодерской
4. Куринской
5. Сибирской
6. Бутырской
7. Выборгской
8. Санктпетербургской
9. Пермской
10. Апшеронской
11. Ингерманландской
12. Невской
13. Астраханской
14. Белозерской
15. Муромской
16. Троицкой
17. Навагинской
18. Тенгинской
19. 2-й Московской
20. Новгородской
21. Ширванской
22. Ярославской
23. Низовской
24. Азовской
25. Архангелогородской
26. 1-й Московской
27. Копорской
28. Кабардинской
29. Киевской
30. Ростовской
31. Смоленской
32. Нижегородской

Донских казаков 6000
Малороссийских 3000
Полевой артиллерии . . . . 120 орудей
Единорогов 8-фунт. 10
Пушек полковых, сверх тех, кои в полках первой армии состоят, взятых от 8 пехотных полков, остающихся в России 32
Понтонов 100
При полевой артиллерии генерал-майор . . . . . 1, барон Унгерн
Инженер генерал-майор . . . . 1, барон Демолино

Генерального штаба

Генерал-квартермистр	1	Бауер
Генерал-квартермистров-лейтенантов	2	1. Андрей Медер 2. Матвей Муромцов
Обер-квартермистров	2	1. Илья Нефедьев 2. Устин Потапов
Дивизионных квартермистров	7	Капитанского чина: 1. Готгарт фон Кноринг 2. Григорей Искрицкой 3. Иван Боувер Поручичья чина: 4. Яков Фрейман 5. Яков Теглев 6. Леонтей Трант 7. Филип фон Миллер

Да произведенные сверх положенного в генеральном штабе комплекта капитанского чина:

Колоножных офицеров	6	1. Карл Гантвих 2. Александр Патрекеев 3. Богдан Пенской 1. Матвей Щелин 2. Фридрих Медер 3. Панцер-Битер 4. 5. 6.
Генерал-вагенмейстер	1	Рафаил Ламздорф
Генерал-гевальдигер	1	Иван Косицкой
От Комиссариатского департамента:		
Обер-штер-кригс-комиссар	1	Генерал-майор Андреян Владыкин
Обер-кригс-комиссаров	2	1. Князь Андрей Щербатов 2. Петр Свиньин
Кригс-комиссар	1	Николай Уваров
Кригс-цалмейстеров	3	1. Михайла Изъединов 2. } командировать велено генерал- 3. } кригс-комиссару
От Провиантского департамента:		
Бригадир	1	Дмитрей Буткевич
Подполковник	1	Князь Ухтомской
Генерал-провиантмейстеров-лейтенантов	2	В должности их обер-провиантмейстеры: 1. Петр Неклюдов 2. Иван Плотников
Обер-провиантмейстеров	2	В должности их провиантмейстеры: 1. Прокофей Филисов 2. Иван Арцыбащев
Провиантмейстеров	2	1. Андреян Рагозинской 2. Иван Кислинской
Провиантских офицеров	3	Порутчики: 1. Федор Хомутов 2. Федор Костынянской 3. Прапорщик Михайла Левашов
От Военной коллегии курьеров	4	1. Брокгаузен 2. Фофанов 3. Кралевской 4. Беликов

Медицинских чинов:

Главной доктор	1	Генеральной штаб доктор Томас Аш
Доктор	1	Иван Детельс
Штаб лекарей	2	1. Иоган Рудольф Фризе 2.
Лекарей	5	1. Томас Бауман 2. Герасим Федорович 3. Иван Югов 4. Лаврентей Федотов 5. Григорей Стапоковской
Подлекарь	1	Иоган Брозин

Полевая аптека:

Аптекарь	1	Карл Фридрих Фицман
Аптекарских гезелей с протчими служителями	2	1. Генрих Белштейн 2. Гендрих Багислав Лисков

Да в учрежденных для той армии двух госпиталях:

Доктор	1	Иоган Шенкбекер
Штаб-лекарей	3	1. Гисмар Рихтер 2. Крестьян Мартын Граве 3. Иоган Иохим Лейдлер
Лекарей	4	1. Лоренц Клуге 2. Георге Андреяс Миллер 3. Иван Швандер 4. Самуила Каяндер
Подлекарей	6	1. Герман Отто Флеген 2. Павел Зимович 3. Егор Яновский 4. Федор Силенколичай 5. Антон Червинской 6. Федор Граге

Во вторую армию: под командою господина генерала-аншефа и кавалера графа Петра Ивановича Панина

Генерал-аншеф . . . 1

Князь Василей Михайлович Долгоруков

Генерал-порутчиков . . . 5

1. Магнус Берг
2. Георгий фон Далке
3. Иоган Ренненкампф
4. Фридрих Вернес
5.

Генерал-майоров . . . 10

1. Вильгельм Лебель
2. Граф Витгенштейн
3. Карл фон Штофельн
4. Авраам Романус
5. Князь Федор Щербатов
6. Максим Зорич
7. Граф Валентин Мусин-Пушкин
8. Павел Олсуфьев
9. Бригадир Ст. Марк
10.

Полки:

Кавалерийских . . . 11

Карабинерные:

1. Ростовской
2. Псковской
3. Ямбургской
4. Драгунской Борисоглебской

Гусарские:

5. Изюмской
6. Сумской

Гусарские поселенные:

7. Самарской
8. Черной
9. Желтой

Пикинерные:

10. Елисаветградской
11. Днепровской

Пехотные . . . 14

1. Второй гранодерской
2. Воронежской
3. Черниговской
4. Володимерской
5. Елецкой
6. Орловской
7. Брянской
8. Курской
9. Старооскольской
10. Белевской
11. Ряжской
12. Севской
13. Козловской
14. Тамбовской

Егерей от 6-ти полков Финляндской дивизии:

Донских казаков 3000
Малороссийских: 4000

Запорожское низовое войско

Калмык 5000

Полевой артиллерии	50	Из числа сих орудей назначить в корпус, подлежащей сей армии по рассмотрению главнокомандующего
8-фунтовых	22	
Единорогов 3-фунтовых . . .	25	
Понтонов	100	
Артиллерии генерал-майор . .	1	фон Вульф
Инженерной генерал-майор . .	1	Ларион Голенищев-Кутузов

Генерального штаба:

Генерал-квартермистр	1	Михайла Каховской
Генерал-квартермистр-лейтенант	1	Броун
Обер-квартермистров	2	1. Магнус фон Ренне 2. Штадь фон Голштейн
Дивизионных квартермистров . .	3	Капитанского чина 1. Егор Ягодинской Порутчичья чина 2. Василей Буйносов 3. Петр Базилевской
Колоножных офицеров	4	1. Григорей Теглев 2. 3. 4.
Генерал-вагенмейстер	1	Петр Лизандер
Генерал-гевальдигер	1	Яков Фрейгольц

От Комиссариатского департамента:

Обер-штер-кригс-комиссар . . .	1	Иван Марков
Обер-кригс-комиссар	1	Семен Гурьев
Из них определить по рассмотрению главнокомандующего и в принадлежащей к сей армеи корпус — Кригс-цалмейстеров . . .	2	1. Захар Струков 2. Велено командировать генерал-кригскомиссару

Провиантского департамента:

Бригадир	1	Александр Тарсуков
Генерал-провиантмейстер-лейтенант	1	Николай Колтовской

Из них определить по рассмотрению главнокомандующего и в принадлежащей к сей армеи корпус — Обер-провиантмейстеров . 2		1. Семен Аничков в должности обер-провиантмейстера Провиантмейстер 2. Андрей Посельской
Провиантмейстеров	2	1. Князь Василей Мещерской 2. Фирс Григорьев
Провиантских офицеров	2	1. Подпоручик Петр Степанов 2. Прапорщик Иван Рагозин

Медицинских чинов:

Главной доктор	1	Генеральной штаб-доктор Кондрат Дал
Доктор	1	Козьма Рожалин
Штаб-лекарь	1	Иоган Балтазар Фрейтаг
Лекарей	2	1. Петр Левитов 2. Иоган Аксгельм

Полевая аптека и при ней:

Аптекарь	1	Самойла Клибер
Аптекарских гезелей с протчими служителями	2	1. Петр Логинов 2. Алексей Пестеров

Да в учрежденных для второй армии госпиталях

Доктор	1	Густав Ореус
Лекарей	8	1. Карл Кизер 2. Петр Готгард Тебель 3. Андрей Малицкой 4. Готфрид Комаровской 5. Яков Даниель 6. Василей Любимов 7. Петр Баллей 8. Иван Звенигородской
Подлекарей	14	1. Петр Горн 2. Иоган Риддер 3. Аврам Качке 4. Исаиас Никандер 5. Антон Готлиб Зехтин 6. Андрей Шпангель 7. Евстафей Троянской 8. Илья Еостянтинович 9. Иосиф Кочановской 10. Мардарий Штрег 11. Павел Якубовской 12. Павел Тимповской 13. Андрей Трофимов 14. Михайла Котельницкой

В корпусе, принадлежащем второй армии, под командою одного генерал-поручика

Генерал-майоров . . . 2

1.
2.

Полки:

Кавалерийские . . . 2

1. Драгунской Астраханской
2. Гусарской поселенной Бахмутской

Пикинерные . . . 2

1. Луганской
2. Донецкой

Пехотные . . . 3

1. Вологодской
2. Селенгинской
3. Алексеевской

Донских казаков 2000
Малороссийских 2000
Калмык 10 000

Полевой артиллерии сколько по рассмотрению главнокомандующего второю армиею определено будет

При оной артиллерии штаб-офицер . . . 1 и несколько артиллерийских и инженерных офицеров

Генерального штаба

Обер-квартермистр . . . . . . 1 Василей Дьячков
Дивизионной квартермистр . . 1 Капитанского чина Николай Бердяев или кто главнокомандующим второю армиею из числа положенных при оной определен будет
Колоножных офицеров 2

Комиссариатская и провиантская комиссии с надлежащими при них чинами

Доктор 1
Штаб-лекарь 1

В корпусе генерала-порутчика Веймарана

Генерал-майоров . . . 4

1. Иван Деколонг
2. Граф Петр Апраксин
3. Петр Черторижской
4.

Полки:

Кавалерийские . . . 5

1. Кирасирской 3-й

Карабинерные:

2. Каргапольской
3. Санктпетербургской
4. Нарвской
5. Новгородской

Пехотные . . . 5

1. Углицкой
2. Казанской
3. Нарвской
4. Нашебургской
5. Суздальской

Донских казаков 2000
Чугуевской казацкой полк 500
Артиллерии . . . . 32 орудия

Генерального штаба

Обер-квартермистров . . . . . 2 { 1. Григорей Алехин; 2. Василей Каховской }
Дивизионной квартермистр . . . 1 Алексей Бологовской

От Комиссариатского департамента:

Обер-кригскомиссар	1	Яков Трусов
Кригс-цалмейстер	1	Афанасей Водовозов

От Провиантского департамента:

Обер-провиантмейстер	1	В должности оного провиантмейстер Львов

Медицинских чинов:

Доктор	1	До тех пор, пока присланы будут, нанять из вольных искусных людей
Штаб-лекарь	1	
Полевая аптека с ее служителями		

В корпусе генерал-майора Демедема

Драгун 2-го эскадрона бывшего Уфимского полку — Гусар 2-го эскадрона бывшего Грузинского полку

Рота гарнизонная из Астраханских баталионов

Артиллерии с ее служителями . . . . 4 орудия

Инженерной офицер 1

Казаков при атамане с старшинами:

Донских	1000
Вольских	491
Яицких	490
Из Гребенских семейных и Терских	150
	2131

Наместник ханства калмыцкого с калмыцким войском

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1832, л. 90—103 об. Подлинник

№ 107

1769 г. декабря 26. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНУ С ТРЕБОВАНИЕМ ПОДРОБНОГО СООБЩЕНИЯ О НЕУДАЧЕ ПОД БУХАРЕСТОМ И С ПОВТОРЕНИЕМ ПРИКАЗА О НЕОБХОДИМОСТИ СКОРЕЙШЕГО ВЗЯТИЯ БРАИЛОВА

№ 1072

Сейчас получил я ваш репорт от 19-го и приложения, что обвещают злую участь майора Анрепа и всей егерской команды. Я, многократно прочетши репорт к вам о том г. генерал-майора Замятина, не могу разуметь, из чего он выводит свое рассуждение и порицает Анрепа за его дерзновение, что он нарушил общий совет, собою пошел атаковать многочисленного неприятеля и намеревал еще оного преследовать до Журжи, ибо Анреп в своем репорте пишет самое то, что и в общем приговоре изъяснено, то есть, что он, бессилен будучи противостоять многочисленному неприятелю, засел в монастыре и что равному подвержен будет

жребию, как и подполковник Каразин, когда на завтрее сикурс к нему не придет; из сего не значится ни его отваги ниже того, чтоб он предпринимал сражаться с неприятелем, но как противное сему последовало, следов не вижу. Конечно, или другой репорт от Анрепа был, нежели каков приложен, или же г. Замятин от печальных известий чувствовал в себе дистракцию, поелику темнота его уведомлений так меня судить заставляет, прилично ли сказавши, что Анреп и егерская команда наголову побиты, не сказать, в котором месте сие случилось и как происходило; или, говоря о прибывшем к себе с сим, как он называет, плачевным уведомлением майоре Писареве, не объявить, что сей майор Писарев там ли был или при другой какой команде. Не представлял я себе, чтоб г. генерала-майора Замятина деташамент еще ехал на подводах, а теперь и больше мне сожалетельно, что его переход не мог быть поспешнее, и что они на возах ничем наискорее от пеших перебирались. По теперешней дороге не тридцать верст в сутки можно бы переехать. Мне кажется, что его превосходительство и в пути и теперь на месте в Букарештах то к завтрему отлагает, что тогда же надобно делать и в чем и минута дорога, и, ничего не отведавши, уже думает о прибавочных себе войсках.

Ваше превосходительство препятствием встречаете атаке на Браилов нынешнее приключение при Букарештах, и что напоследок отступили от Галацов, не сомневаюсь, что ваши в сие время умножаются заботы, но я в первом моем ордере вам, препоручая, команду в Молдавии, и во всех, потом преподанных, за главной и первой предмет поставлял всегда Браилов, чтоб его сорвать, и что без того не можем мы спокойно утвердиться в завоеванных провинциях, а силы, собранные в Фокшанах, и достаточны уже были произвесть таково предприятие, буди б непременно на то положиться. Я и теперь не соглашаюсь на мнение г. Замятина, чтоб прежде при Журже истреблять неприятеля, чем весть поиски на Браилов, но держу по всем окрестностя̀м за полезнее искать прежде покорить Браилов, а потом уже устремиться на сии отделения; препоручая исполнение сего с полною надеждою искусству вашему предпринимать, как прозорливость и ближайшее сведение предстоящих обстоятельств советодателями быть вам могут [1]. Старайтесь, ваше превосходительство, без замедле-

---

[1] Румянцев придавал очень большое значение взятию Браилова, сильного опорного пункта турок на Дунае, и считал это необходимым условием надежного овладения Валахией. В приказе Штофельну от 23 декабря он писал: «Завладение сим выгоднейшим постом (Браиловом) должно предпочитаемо быть всем прочим объектам, которые с покорением означенного города удобнее достигнуть».

Поставленный перед фактом действий передового отряда против Бухареста Румянцев рекомендовал Штофельну обратить эти действия в демонстративные и внезапно повернуть к Браилову. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 129 об.—131.) Штофельн этой задачи не выполнил.

ния загладить не столько чувствительные, сколько неприятеля возободряющие потери и поражением укротить его дерзость, с которою он помчится и весьма далее, если мы останемся на одних только со дня на день приготовлениях. Я весьма сожалею, что по уведомлению вашему последнему не знать должен, когда вы приступите к Браилову, считавши до сего дня по предыдущим репортам, что действия уже на оной открыты в самой скорости; ваше превосходительство отрепортуйте меня о уроне и коим образом все нещастливые действия происходили при Букарештах, ибо я по одному репорту г. Замятина не имею всех потребных обстоятельств сочинить реляцию к ее императорскому величеству. Естьли сей г. генерал-майор положится на одни уверения жителей, что по крепости монастыря Комина может Каразин долго в нем держаться, то и сему помощь его не больше будет спасительна, как и Анрепу, что и послужит к предосуждению, яко войски, поблизости находясь, не отважились дать ему помощи. Дорога лесистая, что ведет к Комину и которую г. Замятин полагает за непреоборимое себе препятствие, мне кажется больше еще подаст выгод пехоте нашей превозмогать над неприятелем, который весь почти в коннице, следственно действовать ему в лесных местах не будет удобности. Урон, последовавший в команде с достойным Анрепом еще был бы сносен, ежели бы сии отличные люди пострадали в деле, каковой-либо взаимной авантаж в предмете, имея, и не сомневаюсь в справедливости известия, сказанного казаками, что они многих положили, и что неприятель чувствует ту цену, за которую он их получил. Приложенным к митрополиту препровождается высочайшая грамота от ее императорского величества, присланная к молдавскому духовенству.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 133 об.—135. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 108

1769 г. декабря 28.— ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НАРУШЕНИИ ГРАНИЦ АВСТРИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ И ХОДЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ТУРОК

№ 37 *м. Летичев*

Приложение, которое имею честь при сем вашему императорскому величеству к высочайшему рассмотрению поднести, получил я от командующего в Молдавии генерала-порутчика фон Штофельна [1].

---

[1] Штофельн в своем рапорте Румянцеву сообщал о вторжении венгров в Валахию и установке ими на территории Валахии пограничных столбов (см. ф. ВУА, д. 1847, л. 162—162 об.).

Против сего цесарцов поступка я не осмелился собою ни к чему другому решиться, кроме повелеть, дабы помянутый генерал-порутчик отписал к их генералу графу Одонелю, что ежели они сии каменные столбы единственно выставили не в знак границ своих, но для преграды только близкому военному пламени, то и без таковых признаков они всегда верить могут, что мы сами предохраняем от всякого прикосновения их пределы как дружелюбной и соседной теперь державы; а от вашего императорского величества всеподданнейше прошу высочайшего предписания, как я должен поступать в сих обстоятельствах и ежели и больше помянутая держава в завоеванных оружием вашего императорского величества землях предпримет расширять свои границы.

По 22-е число сего месяца генерал-порутчик фон Штофельн репортует, что неприятель от Браилова к Фокшанам, а от Журжи к Букарештам показываться начал, против коего из Букарешт подполковник Каразин с арнаутами, а майор Анреп с егерскою командою выступили, но об их действиях генерал-майор Замятин, который уже прибыл с деташаментом в Букарешты, столько темно и невразумительно пишет, что я удержаться принужден доносить о том вашему императорскому величеству до получения обстоятельного уведомления[1], а между тем не престаю вседневно подтверждать генералу-порутчику фон Штофельну об атаке Браилова[2].

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1847, л. 160—161. Подлинник.

№ 109

1769 г. декабрь — 1770 г. февраль.— ИЗВЕСТИЯ О ДЕЙСТВИЯХ 1-й АРМИИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ П. А. РУМЯНЦЕВА[3]

От 11 декабря 1769 года. На сих днях с прибывшим ко двору ее императорского величества куриером от главнокомандующего первою армиею генерала-аншефа графа Румянцова получено известие, что подполковник Каразин с порученными в его предво-

---

[1] Случай с майором Анрепом, который погиб вместе с егерским батальоном, окруженный турками, вследствие того, что батальон расстрелял все патроны, впоследствии в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. послужил А. В. Суворову, как поучительный пример, который он использовал в своих тактических наставлениях войскам. (См. «А. В. Суворов», сборник документов, т. II, 1951, стр. 354, 410, где Анреп ошибочно именуется генерал-майором.)

[2] В неопубликованной части реляции П. А. Румянцев сообщает о польских конфедератах, перешедших на сторону русских войск.

[3] Известия из армии присылались в Петербург для публикации в «С.-Петербургских ведомостях».

дительство арнаутами, приближась к столичному городу княжества Волоского Бухаресту, выгнал из онаго турецкое войско и взял при сем случае в полон Волоского господаря князя Григорья Гико с братом его, сыном и всеми придворными, которые и привезены уже в Яссы.

От 24 генваря 1770 года. От главнокомандующего армиею генерала графа Петра Александровича Румянцова получено вчера чрез куриера известие по репорту к нему от генерал-порутчика Штофельна, что сей последний 7 числа сего месяца выступил с корпусом своим в поход из Ясс к Фокшанам, и что он того же дня на дороге уведомлен был от генерала-майора графа Подгоричани о двоекратном им поражении неприятеля в двух, одно за другим последовавших, знатных сражениях.

Первое дело было 3 числа и происходило так. В половину дня начал неприятель приближаться к поставленным от генерал-майора Подгоричани передовым пикетам, где скоро и перестрелка зачалась, что он, усмотря, переправился тотчас с тремя гусарскими полками чрез реку Милку вправо, чтоб неприятеля атаковать или отрезать от реки Рыбны; а генерал-майор Потемкин с двумя баталионами пехоты и несколькими пушками маршировал за ним вслед, но по весьма трудной переправе чрез ту реку не мог довольно ускорить; почему господин Подгоричани пошел с гусарскими полками к реке Рыбне, ибо там неприятель находился со всею своею силою, и хотя тут намерен был обождать в подкрепление пехоты, но, увидя, что напротив того некоторая часть конницы неприятельской перебравшись мимо его левого фланга чрез реку Милку, начал с той стороны перестрелку с волонтерами, и стала их теснить даже до сделанных батарей под местечком Фокшанами, чрез что он со всеми своими людьми мог бы заперт быть между двух рек, приказал гусарам, коих, за многим в разные места разкомандированием, не больше шестисот человек во фрунте находилось, атаковать всю на сей стороне реки Рыбны бывшую турецкую толпу, в коей больше сорока знамен больших видно было. Едва увидел неприятель сию на себя атаку, как вдруг и обратился от Фокшан в бегство под препровождением волонтеров, кои его до самой реки Рыбны гнали, и перебили у него на погоне не более ста человек, да в полон взяли троих; но как у сей реки получил неприятель в сикурс немалое число конницы и пехоты, то и возобновилось тут опять великое сражение, которое до самой ночи продолжалось, но кончилось, как и в первый раз, с отбитием и прогнанием превосходного его числа на ту сторону реки, где он по наступившей уже ночи и расположился вблизь лежащия деревни Слобожай и Крецулчи. При сем сражении убито наших: вахмистров двое, квартирмейстер один, капрал один, гусаров дватцать один, арнаутов три; безвестно пропало гусаров пять; ранено капралов два, гусаров три, лошадей осмнадцать. По объявлению пленников турки под предводитель-

ством Абды-паши, который в Браилове всем их войском командует, имели в деле больше двух тысяч конницы, да восемь сот пехоты и одиннатцать пушек.

Генерал-майор Подгоричани, выхваляя особливо мужество и храбрость бывших с ним генерал-майоров князя Юрья Трубецкого и Текелия, отдает в то же время справедливую похвалу Харьковского гусарского полку полковнику Чорбе, Сербского порутчику Давидовичу и прапорщику Станковичу, да Ахтырского порутчику Вукотичу; а при том еще именно рекомендовал Ахтырского же полку вахмистров Саву Коленчица, который в сражении один шесть турков срубил, да Георгия Петковича.

Второе дело случилось на другой день, то есть 4 числа, и было само по себе гораздо важнее, ибо неприятель в двух тысячах пехоты, да в шести тысячах конницы с девятью пушками под командою Сулиман-паши, Румели-Валаси, сераскира Абды-паши, сын Агмет-паши и Али-паши атаковал находящийся в Фокшанах деташамент, но оным скоро назад отбит и больше пятнадцати верст преследован был. Генерал-порутчик фон Штофельн, командующий Молдавским корпусом, репортует генерала графа Румянцова, что о сем последнем деле обстоятельная реляция впредь прислана будет, а между тем на первый случай доносит, что тут более тысячи человек на месте положено, да несколько знатных знамен, пушек и две фуры с порохом в добычу получено, подобно как и накануне пашинское знамя нашими взято. В сем последнем деле особливо выхваляется командовавшим генерал-майором Подгоричани отличная храбрость генерал-майоров Потемкина и Текелия, да бригадира Степана Ржевского.

От 2 февраля. О одержанной 4 минувшего месяца при Фокшанах над турками победе, о сем пред сим коротко уже обнародовано, получено ныне от главнокомандующего первою армиею генерала графа Петра Александровича Румянцова следующее обстоятельное описание.

По уведомлении о переправе на сю сторону реки Милки неприятельской пехоты и конницы господа генерал-майоры Подгоричани и Потемкин согласились между собою перепустить его чрез оную и, выступив в то же время сами из Фокшан к сделанным впереди батареям, первый с гусарами, а вторый со всею пехотою, построили там три каре из последней. Середним командовал господин Потемкин, и там же по большой части был и господин Подгоричани; правым же господин бригадир Текели, а левым господин бригадир Ржевский. Гусарские полки разделены были по эскадронам и поставлены между каре и на обеих флангах.

Пехоты у них было тысяча пятьсот пятьдесят человек, гусар до семи сот, да волонтеров и казаков триста. На батареях артиллериею управлял капитан Тищев. Неприятель, переправившись чрез реку, сделал также на двух высотах батареи и, оставя

их на средине фрунта, протянул конницу на знатное расстояние по обе стороны, а пехоту поставил позади оной. Увидев его движения, пошли наши к нему навстречу, а подошед под выстрелы его батарей, стала его атаковать. Неприятельская конница пустилась тогда с великим стремлением на стоящие между кареями гусарские эскадроны и их поворотила; однако перекрестными картечными выстрелами по знатном уроне обращена в бегство. Часть оной заехала позадь середняго каре и обступила задней его фас, а две тысячи янычар и лавов весьма густою кучею и сильно напали в то же время на передней и на правой, и так окружили было его совсем, но пушечною и ружейною стрельбою были отбиты. В то ж самое время почти вся остальная неприятельская конница атаковала Ширванский полк, составляющий левый каре, а поворотившиеся от среднего каре янычары бросились на баталион полковника Удома, который составлял правой каре, и в обоих местах отбиты были. Потом янычары атаковали еще средней каре, ворвались было в оной и захватили одну пушку и ящик с снарядами, но, будучи встречены штыками, тем, также артиллериею и гусарами, принуждены были оные оставить и отступить. Наконец, начали было они стрелять, подпалзывая иногда на брюхе. Господин Потемкин приказал тогда своему каре иттить вперед, производя пушечную пальбу. Другие каре, тож сделав, совершили сим движением победу, и неприятель побежал с великою торопливостью на реку Милку.

Сие сражение началось в 12 часу пополуночи и продолжалось на месте более трех часов. Во все время онаго убито турков более тысячи человек, а в полон взято только два янычара, да отбито у них два знамя, пять хороших медных пушек и две большие фуры с порохом. Гнавшиеся за ними до самой ночи гусары, волонтеры и казаки разбили их обоз, стоявшей за рекою Милкою. Посланный за бегущим неприятелем в погоню по дороге к Браилову с несколькими гусарами, волонтерами и казаками капитан Гангеблов отнял у него еще одну пушку.

Побежденный неприятельский корпус был, по объявлению помянутых пленных, около десяти тысяч конницы и пехоты, под предводительством Сулиман-паши и Румели-Валаси сераскера, и еще трех пашей и имел девять пушек. Составлен был он из самых лучших людей, назначенных для защиты Браилова, откуда он пришел к Фокшанам. Пришедшие же из того города волохи сказывали, что помянутый сераскер привезен был туда тяжело в руку раненый и что бежавшие турки, побросав фураж свой, увезли с собой много мертвых и раненых.

С нашей стороны убито в сем случае ундер-офицеров и рядовых шесть, безвестно пропал гусар один да ранено один прапорщик и сто тритцать шесть человек ундер-офицеров и рядовых.

Господа генерал-майоры Подгоричани и Потемкин воздают особливую похвалу храбрости и искусству генерал-майоров,

тогда состоящим еще в бригадирских чинах, господ Текелия и князя Юрья Трубецкого, командовавшего одним гусарским полком, да бригадира Ржевского; полковника Чорба, подполковников Субилева и Удома; майоров Ливена и Циглера; капитанов Гангеблова, Мелитиновича, Болта, Сона; баронов Ферзена, Требинскаго и Пулевича; порутчиков Шутовича, Сокарева, Вукотича, Кусовцова, Давидовича и Мартыновича; подпорутчика Хрущова и прапорщиков Станковича и Яцынского, который и ранен; также артиллерии капитана Тищева, майора Мисюрева, бывшего при господине Подгоричани дежурным, и который во время неприятельской атаки подавал немалую помощь в направлении обредевшаго от оной и от числа раненых фрунта пехоты квартирмейстера Транта, находящегося при господине Потемкине за дежурного майора, порутчика Кяльчева и четырех вахмистров Ахтырского полку: Гаврилова, Коленчича, Война и Тозгопоряна, кои при отнятии первой пушки и пороховых фур с капитанами Требинским и Пулевичем, а напоследок при отбитии других пушек с капитаном Пулевичем же и порутчиками Мартыновичем и Кусовцовым на той стороне реки Милки были, и, одним словом, всех бывших в сем сражении, кои в храбрости не уступали друг другу, а особливо пехотных.

Филиал ЦГИА УССР в г. Харькове, ф. 729, д. 809, л. 29—30. Печатный экземпляр.

№ 110

1770 г. января 12. — ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ УСПЕШНЫХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ЧАСТЕЙ КОРПУСА ГЕНЕРАЛА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНА ПОД ФОКШАНАМИ И ЕГО ПОХОДЕ НА БРАИЛОВ

№ 3 *м. Летичев*

Ваше императорское величество из предыдущих всеподданнейших моих [реляций] соизволили видеть, сколько я непрерывно настаивал, дабы командующий в Молдавии генерал-порутчик фон Штофельн чрез все способы достигал атаковать Браилов, а овладевши уже сею крепостцею, простер бы тогда победоносный меч и на другие предметы нестолько важные, которые с сокрушением Браилова и сами бы пали. Справедливость, однакоже, убеждала меня сносить в таком предприятии медление, происходившее от тех наибольше причин, что ему нельзя было так скоро собрать в место всех сил и не можно было обойтиться, не раздробляя оных во многие места, ради обнадеживания и утверждения в верности жителей, призывающих с усердием в помощь себе оружие вашего императорского

величества, как непреоборимую свою защиту, без которой бы не избегнули они пагубы от стремившегося уже на оную неприятеля. Но теперь вашему императорскому величеству имею щастие всеподданнейше донесть, что не только сей генерал-порутчик 1-го числа из Ясс к Фокшанам отправился, но и, в дороге будучи в сей самой день, получил от генерала-майора и кавалера графа Подгоричани, командующего над деташаментом при Фокшанах, об одержанной победе над неприятелем в двух сражениях рапорты, которые поспешая сим донесением, подношу при сем выписанные в копии рапорта ко мне генерал-майора фон Штофельна[1]. Я надеюсь, всемилостивейшая государыня, что последняя победа, тут изъясняемая, при которой толь чувствительную понес утрату неприятель, великое даст споспешествование по прибытии генералу-порутчику Штофельну к овладению городом Браиловым, в чем я, благонадежен будучи на его искусство, льщу себя щастием вскоре вашему императорскому величеству всеподданнейше донесть о покорении победоносному оружию вашему как сего города, так и о разбитии совершенном в оном угнездившихся сил неприятельских.

От моровой язвы дальшие опасности не примечаются, и войски наши попрежнему в Фокшаны вступили.

Вышедшие из полону объявляют, якобы при Каушанах татарские войски собираются, против коих, хотя и не чаемого нападения, генерал-порутчик фон Штофельн потребные осторожности учредил; а из Букарешт генерал-майор Замятин рапортует, что неприятель малыми только партиями в двадцати верстах показывается.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 9—11. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 157—158.

№ 111

1770 г. января 18. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О ЗАТЯЖНОМ ХАРАКТЕРЕ ОСАДЫ БРАИЛОВА ОТРЯДОМ ГЕНЕРАЛА ШТОФЕЛЬНА

Позвольте спросить в откровенность, надеитеся ли вы получить еще нынече в своих руках Ибраил и находите ли за нужное сей пост для будущего пребыванье летом армей в Молдавии. Я сие у вас для того спрашиваю, что из ваших писем

[1] Не публикуются (см. ф. ВУА, д. 1868).

усматриваю, что уже к тому ген[ерал] пор[учик] Штофельн делает близко месяца разные движения, но в самом деле не видно приступ. Итак прошу за конфиденции мне открыть, как дело состоит. Впрочем будте уверены о всегдашней моей к вам доброжелательства.

Екатерина

ЦГВИА, ф. 341, св. 1, д. 1, л. 12 об.— 13. Копия. Опубл. в журнале «Северный архив», ч. 1, СПБ, 1822, стр. 301—302.

№ 112

1770 г. января 21. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ ОБ ОШИБОЧНОСТИ ЕГО ОТХОДА К БАТУШАНАМ И НЕОБХОДИМОСТИ ОТТЕСНЕНИЯ ТАТАР ОТ ГРАНИЦ МОЛДАВИИ

№ 69

Прежде сего ваше сиятельство удостоверитесь из ордера моего от 19-го к вам посланного на ваш репорт от 15-го, сколько я был доволен вашею резолюциею, что вы с своею командою в подкрепление таковой же г. генерал-майора Черневича отправились в Яссы, но последний репорт ваш от 17-го из деревни Драхсины, который я сей день получил, переменил лучшее во мне упование, поелику вы опять возвратились в Бутучаны; те известия, что вас заставили назад воротиться, еще более первых налагали на вас должность поспешать в Яссы, потому что марш ваш туда двойную бы пользу принес, раз что в левую сторону все примечания могли бы вы чинить на неприятельские движения и ему бы не было удобности позади вас пробраться; другое — сосследуя тому, когда бы он обратился к Яссам, поспели бы вы еще подать сему городу помощь, и, соединивши свою с тамошнею командою, сделать достаточной отпо̀р неприятелю; но, к сожалению, когда уже моя резолюция не может упредить вами предпринятой, то по крайней мере я ожидаю, что вы не станете сидеть в Бутушанах, но, оставя к охранению сего места приличное число людей, с прочими пойдете, где вам можно будет встретить неприятеля, который в татарских силах как бы многолюден ни был, не может вас устрашать, и принудите его отступить от молдавских границ во свои углы. Приметить вам еще я должен мое сомнение в рассуждении репорта, по которому возвратились вы из походу в Бутушаны: подпоручику Любимову 11-го числа весть подали волохи о движении татар к Пруту, то как же бы не могли знать о сем движении те два татарина, которые в сие самое время взяты по той стороне Прута при разбитии их партии, но в допросах г. Черневичу того не сказали и только что у их слух носится, по празд-

нике байраме движению быть татарскому; ваше сиятельство, соображая одно с другим, разбирайте такие известия, ибо пужливые люди во все стороны вас заведут, когда их уведомлениям без разбору станете верить.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 166—167. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 113

1770 г. января 27. — ИЗ ПИСЬМА П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ПАНИНУ О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ ОТРЯДОВ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. Г. ЗАМЯТИНА И ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНА ПРОТИВ ТУРОК

№ 4

После донесенных от меня вашему сиятельству от 21 генваря еще я получил от генерала-порутчика фон Штофельна следующие уведомления. В 14 день сего месяца неприятель-турок, соединивши свои войски из разных мест, то есть от Крайова, Никополя, Рущука и Журжи до двадцати тысяч под предводительством новопожалованного от салтана господаря волоского, приступил к городу Букарештам. Господин генерал-майор Замятин, командующий в сем месте, вышел ему навстречу с четырьмя только баталионами пехоты и неточию разные попытки неприятельские на сожжение города и атаку сего деташамента учинил бесплодными, но и презрев многолюдство противных пред храбростию своих солдат, выбил неприятеля из ретранжамента, который был им занят пред городом, и смелым на его наступлением замешал и принудил его в беспорядке бежать за реку Ордыш, а потому, преследуя и побивая онаго, достал одну медную пушку, несколько фур с порохом и снарядами, множество также телег с провиантом и фуражем, как и самого скота. Между сим генерал-порутчик фон Штофельн, соединя свои войски при Фокшанах, пошел атаковать Браилов. 18 генваря на рассвете подходя к тому городу, встречен был он неприятелем многочисленным, который с великой отвагою начал на его корпус наступать, но вдруг пушечными выстрелами понужден к отступлению. А когда войски наши гораздо приближились, то и открыл неприятель по них свою пушечную и оружейную пальбу, а наконец, и со всех сторон окружил оные, заграждая доступ к городу. Не могло, однако же, не мало сие супротивление остановить помянутого генерала с его корпусом, но паче стремления его наступательные тотчас опровергли неприятельское многолюдство и принудили ретироваться, оставя одну медную пушку, пехоту в крепость, а конницу, преследуемую до реки Серет; за первою как ни поспешал господин Штофельн, но ускорил он бегством засесть в крепости; в приближении своем на

картечной выстрел встречен он был из той крепости пушечным и мелкого ружья сильным огнем, почему остановясь прислал ко мне из города Браилова с вышеписанным уведомлением своего курьера, который оставил его в упражнениях, что он предпринимал к овладению оною, согласных чему и ожидаю я на всяк час оттуду подтверждений. По объявлению пленных неприятельских войск тут находилось до 12 000 с 20-ю пушками под командою трехбунжучного сераскира Авду-паши и пяти других пашей, которые со многих мест собрались в намерении по прошествии байрама, то есть 17 сего месяца, нападение учинить на местечко Фокшаны. Неприятель в сем сражении понес великой урон в людях, а с нашей стороны только гусар и арнаутов убито и ранено несколько; знаки победы присланы три большие и три малые бунчуки, два знамя и дервиш кашаны. Впрочем я имею честь подтвердить нелицемерные уверения мои, что всегда естьм с искренней преданностью.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 395—396 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 113а

1770 г. января 31. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ ОТХОДЕ ВОЙСК ГЕНЕРАЛА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНА ОТ БРАИЛОВА

№ 7 *м. Летичев*

В прошедшие дни, между отправлением моей всеподданнейшей [реляции] к вашему императорскому величеству от 25-го генваря[1] и сим не получал я никаких уведомлений от генерала-порутчика фон Штофельна. А сей день приехал от его курьер из местечка Бузео с рапортом от 23-го генваря, в котором объявляет, что 21-го числа отправил он ко мне курьера с донесением обстоятельным о всех происшествиях при городе Браилове[2]. Но сей, от его посланный, ко мне и поднесь не прибыл. Потому, хотя я еще не знаю, какие причины заставили с корпусом помянутого генерала-порутчика отступить от Браилова, не имел, однакож, я далее замедлеть всеподданнейшим донесением моим вашему императорскому величеству, по крайней мере о том, что ссылка его на предыдущий рапорт и настоящее обращение, являют уже, что тот город оставлен и не покорен.

Последний рапорт, по поводу коего я имею честь вашему императорскому величеству сие доносить, состоит в том, что

---

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1868).

[2] Следуя неоднократным приказам Румянцева, генерал Штофельн 18 января 1770 г. атаковал Браилов, но вел это наступление так неудачно, что уже на следующий день отступил к Бухаресту, объясняя эту неудачу недостаточной численностью войск и осадной артиллерии.

в тот день, получа помянутый генерал-порутчик известие от генерала-майора Замятина, яко неприятельские войска из разных мест, при местечке Журже, до 20 000 собираются, и под командою Видинского паши Капи-Карам, который тремя тугами пожалован, намерены возобновить и паки нападение на Букарешты, послал он команду с генерал-майором Потемкиным на подкрепление сему городу, а на завтра и сам хотел вперед на почте поехать в Букарешты, ради распорядков и нужных для поиску над неприятельским войском, который произвесть обнадеживает меня, коль скоро туда прибудет.

Может быть сие новое предприятие и лучшие подаст успехи, токмо я не могу пред вашим императорским величеством скрыть моего в том прискорбия, что не те совсем нахожу я следствия, которых я ожидал от долговременных и с наибольшею осторожностию восприемлемых приготовлений от генерала-порутчика фон Штофельна на атаку помянутого города, и когда в приближении своем к оному рассыпал было в самом начале встретившегося неприятеля; ибо хотя не ведаю еще обстоятельств всех, тамо произведенных действий, не предвижу, однакож, я ни пользы, ни славы, когда только сожжен город, хотя до основания, что упоминает в своем рапорте означенный генерал-порутчик, поелику чрез то неприятель не оскудевает ни в силах, ни в храбрости своей, как равномерно и город не терпит в рассуждении военного своего состояния. А напротив истребление города все выгоды с собою уничтожить должно, для которых мы оный приобретать старались или считали необходимым [1].

Равно не сходствует с моими мыслями и настоящее распоряжение генерала-порутчика фон Штофельна, что он часть войск оставил при местечке Рымниках, другую в Фокшанах, а третью отделил к Букарештам. А такого раздробления остерегаться прямо я предписал ему в моем ордере от 31-го декабря сими словами: «Надобно беречься, чтоб в раздроблениях, как вы свою команду делите, не претерпели и вообще вреда, ежели гонять станете во все стороны за появляющимся неприятелем, а тот пункт, куда должно быть всем нашим стремлениям обходить». Сим разумел я тогда город Браилов.

Но с другой стороны, всемилостивейшая государыня, признаться и в том я должен, что может быть на месте инаковыми обстоятельства встречает для себя помянутый генерал-порутчик, нежели как я оные отсюду обозреваю, а дальнее его от меня отстояние позднит всякую мою к нему резолюцию и заставляет больше надеяться на искусство его и долговременное испытание

---

[1] Военный совет корпуса генерал-поручика Штофельна 20 января вынес решение снять осаду крепости в связи с невозможностью ею завладеть. Военный совет мотивировал свое решение наличием в крепости сильного гарнизона, большого количества артиллерии и сильного укрепления. Решение Военного совета в Сборнике не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1868, л. 39).

военного ремесла. Зимний путь здесь уже рушился, а реки вскрылись; почему и настала самая большая трудность в перевозке в свои места всех потреб и запасов для армий, которые не только сюда, но и в Киев еще не прибыли.

Письмо к вашему императорскому величеству от духовенства Молдавского на греческом языке и три знамя, что взяты при сражении под Фокшанами 4-го генваря, от генерала-порутчика фон Штофельна присланные, имею честь при сем представить.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 31—33. Подлинник. Опубликовано в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», СПБ, 1865 г., кн. 2, стр. 4—6.

№ 114

1770 г. февраля 3. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С ОБЪЯСНЕНИЕМ ПРИЧИН НЕУДАЧИ У БРАИЛОВА И ОШИБКАХ, ДОПУЩЕННЫХ ГЕНЕРАЛАМИ ЭЛЬМПТОМ И ШТОФЕЛЬНОМ

Два собственноручные и всемилостивейшие вашего императорского величества [рескрипты], от 18-го и 21-го генваря[1], и при первом подарок себе, получить я удостоился. Кроме особливых качеств онаго, коими превосходит все другие, мною виденные и сего рода изобретения, одно то, что от высочайших рук вашего императорского величества имею, бесценным мне его делает. Я имею честь за оный тут же принести к освященным стопам вашего императорского величества достодолжнейшее благодарение.

По поводу дошедшего ко мне прежде известия о публикованном от султана манифесте, дая право своему воинству на гибель и пленение волохов и молдавцов, я уже предварил генерала-поручика фон-Штофельна, дабы он, вперяя пристойные мысли во всех тамошних жителей, о сих угрожениях пользовался купно возбуждать их к принятию повсюду оружия, совместно с нами, во спасение собственной своей жизни, и к ободрению в том употребил бы их в начале в такие действия, где бы они, меньше себя подвергая опасности, могли достать корысть и заохотиться тем к подвигам военным; а и те внушения, что ваше императорское величество мне приметили, в рассуждении особы султана, возьму старание препроводить, елико возможно, к слуху турков.

[1] Рескрипт от 21 января не публикуется.

Ваше императорское величество, прежде получения сего, соизвольте удостовериться из последней всеподданнейшей моей реляции, чем кончил свою экспедицию генерал-поручик фон-Штофельн на Браилы. Крепость тамошняя найдена, коль вообще с ним и другие генералы засвидетельствовали, столько приготовленною к обороне, что, по описанию сопротивления, соглашаюсь и я в том с ними, что нельзя ее схватить голыми руками; но, однако ж, прямой попытки, которой, может быть, и не снесли бы, на нее не делано, повидимому, предпочитая всему пощаду людей, к которым природного человеколюбия и матернего милосердия преисполнены все дела вашего императорского величества. Город Браилы первым был мне предметом с начала моего прибытия к сей армии, потому что он один только и есть такой пост на Дунае, которым владея неприятель может скрыто пред нами выводить свои силы на сей берег и препятствовать всем нашим предприятиям как в Валахию, так и по левую сторону Дуная, который взявши и утвердясь тамо, я располагал очистить весь тот левый край, что между Днестра и Дуная к Черному морю, отнять способ к соединению неприятельских войск с Бендерами, и тем самым облегчить осаду тамошнюю, что тогда бы на оную крепость часть только войск второй армии могла экспедицию производить, а прочие удобно было бы подвинуть к действиям при Дунае. Сему моему намерению нанес первее трудности генерал-поручик барон Эльмпт, которого Молдавская экспедиция, а паче поспешный оттуда изворот, была одно и сущее изнурение войску. Вскоре потом в споспешество означенному предприятию велел было я поиски сделать генералу-майору князю Прозоровскому на Буджацких татар и над самым ханом крымским в Каушаны, но и тому болезнь, на тот час приключившаяся, сделала остановку, сверх которые отговорка его была и та, что лошади в несостояние пришли от недостатку в тех местах корму. Напоследок, когда в Молдавии принял команду генерал-поручик фон-Штофельн, то, прежде прибытия его в Яссы, схвачен был один нашим легким войском город Букарешты. Потребовали тот час обстоятельства, чтоб и сей пост занять с укреплением, а сим так, как и неприятельскими на тот край попытками, извинялся мне всегда сей генерал, что не может предприять атаки на Браилы толь скоро, как я ему о том всечастно подтверждал. Между тем и имел неприятель время все устроить там к своей лучшей защите. Я бы уже до сих пор большую часть войск перевел, да и сам перенесся в Молдавию, если б не препятствовала тому крайняя скудость в пропитании в тех местах; ибо с самой осени до днесь и на снабдение настоящего тамошнего корпуса провиант и овес отсюду посылаю, но и для сих транспортов уже способность применяет рушившийся зимний путь. Сей важный пункт, то есть недостаток пропитания и другое, ежели из Браил не вытеснить неприятеля и не очистить всего левого краю, как я выше донес, то армия на будущую

кампанию далее Ясс поступить не может, уклоняясь от противных авантажов, которые пред нею имел бы тогда неприятель, изобилуя своими силами и всеми запасами посредством Дуная и тамошних своих крепостей, и будучи при самых источниках всех своих достатков. Се есть, всемилостивейшая государыня, чистосердечное и всеподданнейшее донесение, что соизволили взыскивать от того, который за первое себе блаженство поставляет пребывать с глубочайшим благоговением.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 50—52. Подлинник. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», СПБ, 1865 г., кн. 2. Архив военно-походной канцелярии Румянцева, ч. II, стр. 7—9.

№ 115

1770 г. февраля 14. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ЗАНЯТИИ ВОЙСКАМИ ГЕНЕРАЛА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНА ЖУРЖИ[1]

№ 12 *м. Летичев*

Поспешаю всеподданнейше донести вашему императорскому величеству, в каком новом торжестве над неприятелем победоносное оружие вашего императорского величества стало на берегу реки Дуная. Сего месяца 1-го числа генерал-порутчик и кавалер фон Штофельн, отправившийся с деташаментом из города Букарешта против неприятеля, за худобою пути не мог прежде к городу Журже приближиться, как на третий день своего похода. Не доходя за восемь верст к сему городу встречен он был неприятельскою конницею до десяти тысяч под предводительством Рущукского трехбунчужного паши Чели-бея, при деревне Кошары, которая с обыкновенным криком наш деташамент атаковала, имея шесть поставленных пушек в помянутой деревне и производя из оных беспрестанную пальбу. В таком сопротивлении недолго, однакож, мог постоять неприятель противу войск, на его наступавших, но при наступлении ночи принужден ретироваться в город, оставя ту деревню, при которой потом помянутый генерал-порутчик расположился лагерем. 4-го числа

[1] Распространившийся слух о наступлении противника из Журжи к Бухаресту, занятому русскими войсками, вынудил Штофельна 1 февраля выступить всем корпусом из Бухареста. Первоначальным намерением его было прикрыть дорогу на Бухарест со стороны Журжи. Если же противник не стал бы наступать на Бухарест, то намечалось провести диверсию к Журже. П. А. Румянцев дал понять Штофельну, что слух о намерении противника, вероятно, умышленный, с тем, чтобы отвлечь его от Браилова, и приказал ему не ограничиваться только диверсией к Журже, а атаковать ее и потом внезапно обратиться обратно к Браилову и овладеть им.

поутру в 7 часов вступил он в марш тремя колоннами к городу Журже и коль скоро подошел к оному, так неприятельская показавшаяся под первым ретраншаментом конница в десяти [тысячах], совокупно с пятью тысячами пехоты с пушечною стрельбою устремилась и паки атаковать идущие на себя наши войски, от которых, не выдержав храброго отпору и наступления, с великим своим уроном конница рассыпалась в разные стороны, а пехота, оставя три пушки, в другой ретировалась ретраншамент, который весьма был укреплен широким рвом и высоким валом, откуду беспрестанный огонь пушечный и оружейный производился. Но, невзирая на все трудности и сильную неприятельскую оборону, чрез полчаса взят штурмом сей ретраншамент; а неприятель, понесши великой урон, который в убитых до трех тысяч простирается, оставил, наконец, и город Журжу в завладение победоносному оружию вашего императорского величества.

В сем сражении с нашей стороны побито и ранено около трехсот, в том числе убиты: Сербского гусарского полку майор Гейкин, Ширванского пехотного полку гранодерской роты капитан Сон. Ранены генерал-майор Замятин, подполковник Петерсон, премьер-майор Левашев и секунд-майор Трейден, но полученные ими раны не суть опасны. Знаков победы получено: 1 санджак или пашинское большое шелковое, золотом тканое знаме, 2 пашинские туга, 6 бунчуков, 1 булава, 7 знамен и 20 медных пушек, в том числе 2 единорога и 4 патронные ящики егерской команды, потерянные майором Анрепом при монастыре Комине. Неприятель, который был в городе, совсем разбит и разогнан, а в находящемся замке на острову реки Дуная засело до 500 человек. За широтою реки в первом разе нельзя было к оному приступить, однако обнадеживает в своем рапорте генерал-порутчик фон Штофельн, что все способы употребить к завладению и тем местом. О пленных, хотя помянутый генерал-порутчик в своем рапорте не упоминает, но приехавший курьер от него с сим ко мне известием объявляет, что число оных до трехсот семидесяти при отъезде его простиралось.

Всему тому обстоятельным уведомлением, равномерно и присылкою полученных трофеев, я нимало не умедлю по получении оных. А сие заключить имею щастие всеподданнейше принося, всемилостивейшая государыня, вашему императорскому величеству рабское поздравление о распространении светлой славы оружия вашего императорского величества в сокрушении от малой части оного превосходных сил неприятельских и препоручить воинство, произведшее сии успехи в высочайшее и всемилостивейшее вашего императорского величества покровительство.

В коликом числе всех чинов деташамент генерала-порутчика фон Штофельна состоял, подношу копию его ко мне рапорта...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 54—56. Подлинник.

№ 116

1771 г. февраля 21. — ИЗ ПИСЬМА П. А. РУМЯНЦЕВА Н. И. ПАНИНУ С ПРОСЬБОЙ СООБЩИТЬ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ [1]

Милостивый государь мой, граф Никита Иванович!

...Ваше сиятельство, сами в то проникните, сколько мне было бы удобнее натягивать свои струны, если б я знал положение тех дел, которым повинен сообразоваться. Человеку, просто взирающему на предстоящее своим глазом, нельзя той видеть пользу, которую выводит познанием сокровенных и оному прилежащих обстоятельств. Легко ошибиться мне, не имея сведения о той части дел политических, которые дают правила военным; я, как человек, без того просмотреть могу, не зная предметы, или, и видев их, иногда не возьму всего внимания, если цену одного пред другим не откуда мне будет познавать. Я беру прибежище к вашему сиятельству, как сущему милостивцу и другу, прося всепокорно дать мне участие в вашей откровенности на настоящее время о положении политических наших интересов, сопрягающихся с жребием оружия, и как шествие последнего оные учреждает [2].

Нам газеты говорят и посторонние слухи подтверждают, якобы нашего двора с датским рушилось согласие, и будто цесарцы свои войска выводят на границы. Я только сии ведомости слышу, а рассуждать об них не умею без вашего, милостивый мой граф, руководства и утверждения. И для того усугубляю наичувствительную мою просьбу о снисхождении вашем наставить человека, которому отменными своими милостьми дали, ваше сиятельство, право на вашу помощь.

Пребывание при мне господаря Гики изволите знать, ваше сиятельство, для каких видов поставлено; но как его посредству в негоциации мирной участвовать не досталось, и обратилось то другим каналом, а притом и не видя своего жребия, которым по обнадеживаниям, ему сделанным, мне, однако ж, не известным, льстится, то и приходит он в совершенное смущение. Я не знаю, что мне с ним делать, ведав его человеком, не только связь противных дел знающим, но уже довольно ввыкнувшим и в наши.

---

[1] Документ относится к V главе сборника.

[2] В отличие от современных ему военных теоретиков и полководцев Западной Европы П. А. Румянцев понимал связь, существующую между политикой и стратегией, и приоритет первой по отношению к последней. В понимании П. А. Румянцевым связи и взаимозависимости политики и стратегии не была еще осознана социальная сущность войны и классовое содержание политики.

Не подает он мне ни малой причины подозревать его верность, но ваше сиятельство сведомы, сколь найдрагоценнейший ему залог, то есть, фамилия и богатство, оставил в руках неприятельских. При всем нашем уверении в лучшем виде нельзя не оглядываться и на сей важный предмет. Я уверен, что ваше сиятельство обильнее в состоянии и предвидеть и сообразить сие обстоятельство, а я только нужду имею доложиться вам, что предпишите мне с сим князем делать в разсуждении места к его пребыванию на дальнее время, дабы мне не иметь лишних расходов и в людях для его караулу и услуг, держа его при армии. Буде сочтете, как до сего помощник мне в нем в рассуждении внутренних обстоятельств обоих завоеванных княжеств, то кто тут может указать порядок, где оного и тень ни во что не проникла, когда наглость, ложь, обман и хищение полным образом в сих землях княжит. Мы теперь все видим нашим глазом, и сколько можно усиливаюсь я, хотя то только учредить, что способствует нашим премногим военным нуждам, и пресекти очевидные бездельства.

Припомяну я здесь вашему сиятельству старое мое представление о поселившихся в Молдавии раскольниках. Вы мне дали отповедь от 26-го марта прошлого года, предоставляя при мирной негоциации произнесть решительныя об них намерения. Они теперь у меня просят определить к ним из наших людей управителя, не быв довольны Молдавским начальством, а выбранный из них депутат и отъехавший в С.-Петербург и доселе еще не возвратился. Я почел за должность повторить мое мнение пред вашим сиятельством, что польза наша требует не оставить сих раскольников в здешних местах, дабы они не были гнездом и убежищем беглецов из наших границ. Предавая то в свое время вашему лучшему благорассмотрению, я пребываю с истинным почтением и такою же преданностью.

P. S. Всепокорнейше прошу ваше сиятельство, по моему письму от 1-го декабря прошедшего года, определить своею резолюциею восстановления нещастного жребия купцов города Полтавы, ограбленных всего имения польскими конфедератами, чрез способы, о коих я имею честь оным вам доложить, а по вашей отповеди я вскоре представлю их доказательства. Хотя бы позволили из некоторой части имений вельмож польских, что пришли под секвестр войск моей команды, употребить доходы на удовольство сего купечества. Казна, ваше сиятельство, не понесет чрез то знаменитого убытку, а бедные напротив могли бы поправить свое в конец разоренное состояние.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских», СПБ, 1865 г., кн. 2. Архив военно-походной канцелярии Румянцева, стр. 125—127.

№ 117

1770 г. февраля 27. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ С СООБРАЖЕНИЯМИ НА БУДУЩУЮ КАМПАНИЮ 1770 г.

Ваши письма от 3 и 14 числа сего месяца[1] я получила и сим ответствую, на первое в предприятие на Браил я признаю пользу главному вам предписанному предмету будущей кампании закрыть бендерскую осаду и недопустить неприятеля укрепиться в Молдавии или Валахии[2], жаль, что не удалось схватить замок, чрез чего сделалась сия экспедиция не совсем удачна, но как теперь Журжа взята, то не сумневаюсь, что сие вам подаст средства обратить в пользу на истребление неприятельской толпы. Браилской же замок уже кажется не столь важен быв так то сказать окружен нашими войсками и постами. Более всего меня беспокоят трудности в заведении магазина в покоренных землях. Бога для употребите всевозможные способы, чтоб вам ни в чем недостатка не было, кажется в Валахии несколько хлеба еще быть может, молдавцы же, когда они из гор и закрытых мест возвратились и в домах живут спокойно, а наши войски и дисциплины содержут, то по крайней мере у них лошадей и волов быть могут способные к возке провианта, кои с вашим обыкновенным хорошим распорядком к тому не бесполезны будут, они же то, спасая себя, делать обязаны, ибо турки грозят их истребить, и вы не оставите им о том растолковать. Бесчисленные силы турецкие в будущей кампании весьма тщетны будут потому, что разбежавшиеся прошлую кампанию войски назад не будут; азиатцы остаются дома против грузинцев. С визирем же теперь не более было по известиям как тысяч до сорок, кои уже частию разбиты под Фокшаном, Браилом и Журжием. Магазейны же их не подумайте, чтоб также чрезвычайно знатны были; у них беспорядок во всем дошел до высшей степени, прошлого года они много хлеба имели из Валахии, которого вы им ныне не дадите.

Екатерина

ЦГВИА, ф. 341, св. 1, д. 1. л. 14 об.— 15 об. Копия. Опубл. в журнале «Северный архив», ч. I, СПБ, 1822, стр. 304—306.

---

[1] См. документы № 114, 115.

[2] Как показал опыт, предстоявшие в 1770 г. военные действия против турок оказались гораздо сложнее и противник был сильнее, чем это представлялось Екатерине II по сведениям, доходившим до нее в Петербург. Данный документ и другие свидетельствуют, что заседавший в Петербурге Военный Совет, председателем которого была Екатерина II, пытался за тысячи верст от театра войны руководить во всех подробностях военными действиями, вмешиваясь во все детали руководства. Румянцев был первым полководцем, который потребовал самостоятельности в руководстве боевыми действиями войск и теоретически обосновал принцип единого главного командования (см. док. № 296, 344).

№ 118

1770 г. марта 6. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОДАВЛЕННОМ МОРАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ ПРОТИВНИКА, БОЕВЫХ УСПЕХАХ РУССКИХ ВОЙСК И НЕОБХОДИМОСТИ УСИЛЕНИЯ 1-й АРМИИ ЛЕГКИМИ ВОЙСКАМИ

Последующими рапортами, за отправлением всеподданнейшей моей к вашему императорскому величеству [реляции], от 25-го прошедшего февраля [1], генерал-поручик фон-Штофельн, ссылаясь на доходящие к нему известия, уведомляет меня, что ни от которой стороны неприятельского движения не слышно, и в обоих завоеванных княжениях, Молдавском и Волосском, все спокойно и благополучно, а сам он находится уже в городе Яссах. Приходящие из-за реки Дуная в Валахию подтверждают об отдалении визиря из Бабады к местечку Карнабат, с тем еще прибавлением, что другой на его место определен, а тот взят в Андриянополь, где и султан находится; что после разорения города Журжи, из лежащих на той стороне Дуная таковых же Никополя, Рущука, Туртукая, Хотина, Силистры, Мачина и прочих, жители с своими пожитками преселяются, страха ради, в горные места. Не меньше же в трепет привела обывателей в Измаиле и в других местах экспедиция генерал-майора Черневича на Журжулесть, которые убежища искали в местечке Килии и по островам на Дунае. Выходцы из полону уверяют, что и сам хан со всем своим домом туда же убрался, и будто на его место другой произведен, и что сераскир Урфа Валаси, за разбитие при Галацах в образе ссылки в местечке Килие пребывает, лишен будучи прежних чинов. По моему предложению генералу-поручику фон-Штофельну, чтобы он с корпусом своим держался в таких местах, где удобнее сохранить предосторожности, относящиеся к защите завоеванных провинций и собственной своей безопасности, до прибытия туда армии, он признает главному посту наиудобнее быть в Фокшанах, которое место назвать можно ключем Валахии и Молдавии, и положение онаго подает способности во все стороны обратиться, куда бы нужда не призывала. Почему как о укреплении онаго, так и в заложении там достаточного магазейна, приемлет он всевозможные старания и уверяет, что в нынешней позиции войск, хотя бы в двадцати тысячах, неприятельские силы покусились атаковать Букарешты и Фокшаны, каждое место в состоянии будет дать отпор и защищать себя. Кордон легких войск армии, мне вверенной, распространяется от реки Ольты чрез Фальчу, Рябую Могилу, Цецару, Табор Криве, что на Пруте, и чрез Прут на Орхею, чрез

[1] Реляция не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1868).

Днестр на Ямполь до Брацлавля. Бдение сих команд не допустило татар в места, ими закрываемые, впадать; но в средних числах прошедшего февраля от Днестра со стороны Балты в противулежащих местах, где войски расположены второй армии, начали они партиями небольшими врываться на грабление польских селений, я не упустил уведомить о том как предводителя той армии, генерала графа Панина, так и с своей стороны повелел стоящему в Брацлавле полковнику Гудовичу отправить партию для поиску над сим, украдкою врывающимся, неприятелем, приготовя и большие меры на случай его превосходных движений. Потому от сего полковника имел я репорт, что 24 февраля посыланный разъезд из донских казаков под местечком Крутыми съехавшись с татарскою партией до двух сот человек, убил из оной десять человек, а прочих обратил в бегство и выручил взятых в полон польских жителей девять человек. Да того ж месяца 27-го посланный в партию, а от означенного полковника, Астраханского пехотного полка, поручик Кутузов, с пятьюдесятью донскими казаками, встретив татарскую партию, покушавшуюся напасть на местечка Бершады, около трех сот человек атаковал и разбил, из коих пало на месте двадцать пять татар, а один взят в полон без всякого в нашей команде урону. Также и генерал-поручик фон-Штофельн уведомлял меня, что посланный от молдавских границ поручик Любимов с партиею против татар, по ту сторону реки Быка, от Кишинева за милю, 20 февраля разбил татарского мурзу со ста человеками, причем убито шестьдесят три, а в полон взято тринадцать татар, в добычу получено десять верблюдов и до ста рогатого скота. Теперь я упражняюсь в приготовлениях, нужных для движения всей армии, и посылаю вперед чинов от генерального штаба, ради освидетельствования мест, где полки маршировать и соединяться будут. Необходимость заставляет меня донести вашему императорскому величеству ту наипаче нужду, что хоть заблевременно отправления последовали с своих мест и рекрутов, и всех, на одеяние войск потребных вещей, но видно по рушившемуся толь в скором времени пути не могут оные доставлены быть сполна в армию к надобной поре; как еще со всего потребного поднесь не великая часть сюда прибыла, и на постройку того требуется не мало времени, почему, к сожалению, мало я имею надежды в таком состоянии, как бы мне хотелось, вывесть в поле полки. Легкие войска, что находятся при армии сей, обращаясь больше года в непрерывном движении, ни по малому числу своему, ни по состоянию, крайне изнуренному и безнадежному, к отправлению в нынешнее время недостаточны вовсе к снесению тех подвигов, что такой части войск предстанут в наступающей кампании, в рассуждении ветренных и многочисленных неприятельских всадников, коих ожидать следует. А хотя, ваше императорское величество, в высочайшем своем рескрипте прошлого года, от 10 декабря, постановить соизволили, что недоста-

ток легкой конницы в моей части награжден будет от второй армии, поелику действия обеим армиям предстанут в близком и союзном состоянии между собою, но как в одно положение нельзя так скоро привести обе армии, или мне того чаять, а должен я с войсками, мне вверенными, завременно выступя, противостать всей силе неприятельской, заслоняя собою действия предоставления для второй армии, которые оная производить будет беспрепятственно под прикрытием впереди стоящих, то в уважении на сие предзаграждение, которое на мою часть возложено, равно и обширность покоренных земель, повсеместной защиты требующих, осмеливаюсь всеподданнейше просить вашего императорского величества о прибавке в первую армию легких войск, сколько по высочайшему вашего императорского величества усмотрению заблагоугодно будет из второй армии, где их превосходное есть число, а меньше будет в них надобности во время дела; ибо при моем командовании тою армиею уже поселенные полки удвоены были числом людей и все имели для себя заготовленную аммуницию, а теперь и вновь еще прибавился к оным сформированный Молдавский полк. По соображению такого количества и предприятий, что каждая армия себе предозначенные имеет, я отважился всеподданнейшее сие к вашему императорскому величеству внесть представление.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 91—94. Подлинник. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Архив военно-походной канцелярии Румянцева, М., 1865 г., кн. 2, стр. 23—26.

№ 119

1770 г. марта 8. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ОЛИЦУ О ВЫПОЛНЕНИИ ПРАВИЛ СОСТАВЛЕННОГО ИМ «ОБРЯДА СЛУЖБЫ» С ИЗЛОЖЕНИЕМ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ВОЙСК

м. Летичев

Ее императорскому величеству всемилостивейшей нашей государыни благоугодно было вверить мне предводительство главной ее армии. Чувствуя важность сей высочайшей милости и доверенности ко мне во всем ее пространстве, обращаю все внимание и труд мой на средства и способы, которым бы я ближе достигнуть мог исполнить мне предположенное и ощастливить тем себя и мне подчиненных, ваше высокопревосходительство ведает, что все успехи от доброго порядка, послушания и равенственного отправления службы зависят и что тем взаимная доверен-

ность и между командующим и войском, спокойствие утверждается, а я, следуя сему заключению, за надобное почел некоторые мои малоискустные дать к тому мероположения в присланных при сем частях и, видя к совершенному моему удовольствию не часть, но вообще всех и ваше высокопревосходительство прямыми себе соревнователями, несомненно надеюсь, что все посредством подаваемых ваших наставлений до часности своей в скором времени придет и каждый при полку не письменно или пересыльно приказами должность свою, но и самолично, где что до кого надлежит, с усердием отправлять будут. Г.Г. полковые и ротные командиры с рачением постараются подчиненных своих, а особливо нижних чинов, привесть в свойственное военным людям состояние, т. е. в добропорядочную жизнь, вежливое обхождение и чистоту не только вкруг тела своего, что есть первейшим средством, к охранению от болезней, но и круг лошадей и всех ружейных, мундирных и амуничных вещей и как к достижению сего наибольшее нужно частое с ними обхождение и подробное всему толкование, то сие непосредственно и ближайшим и лучшим рекомендую, чтобы делить людей на части обер-офицеров поденно и всему, что до солдата и кавалериста надлежит обучать их со всякими подробностями, но при том с кротостью и каждого особо. Прилежной и понятной скоро восчувствует свои в том надобности и познает свое в том превосходство над неустроенным и невежею, каков наш настоящий неприятель, а непонятный и ленивый потерпит за себя, а не все вообще, как обыкновенно при учреждениях бывает. Не скроется тут и офицер, ежели паче чаяния неприлежной и нерадящей о должности своей явился, и чин свой в воздаяние достойнейшему доставит[1].

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, д. 3730, л. 1—3. Подлинник. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. 2, стр. 26—27.

---

[1] Разработка Румянцевым обширного наставления под названием «Обряд службы» была вызвана несовершенством существующих уставов. Несмотря на то, что уставы вышли сравнительно недавно (Пехотный строевой — в 1763 г., кавалерийский — в 1763 г., «Инструкция полковничья пехотного полку» — в 1764 г., «Инструкция конного полку полковнику» — в 1766 г., «Дополнительные главы к генеральному уставу о полевой службе» — в 1765 г.), они, не говоря о прочих недостатках, не давали ясных и подробных указаний, особенно в части внутренней, гарнизонной и полевой службы. Вследствие этого в войсках был большой разнобой как в организации этих видов службы, так и в обучении солдат.

Передовые военачальники, не довольствуясь официальными уставами, разрабатывали собственные инструкции, по которым обучали и воспитывали войска. Такой инструкцией было «Полковое учреждение» Суворова (1764—1765 гг.) и «Обряд службы» Румянцева. Последний в 1788 году был распространен на всю армию в качестве обязательного устава.

№ 120

«ОБРЯД СЛУЖБЫ»

Для ревностного оной отправления в первой армии ее императорского величества, вверянный в команду генерала и кавалера графа Румянцева; дан в главной квартире в городе Летичеве 1770 года марта 8-го дня.[1]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О марше армии и что при оном наблюдать

1

Когда армии, которым крылом, баталионами, дивизионами, взводами или рядами марншировать и обозу впереди, позади или стороннею дорогою — всегда в день пред выступлением при пароле приказано будет.

2

В день марша вместо побудки бить генерал-марш, по пробитии которого всем к маршу приготовляться, рядовых в улицах по списку перекликать, палатки снимать, караулы отовсюду, кроме главной квартиры и денежной казны, сводить, верховых лошадей седлать и вьючить, а в обозах, все на возы уклав, лошадей впрегать и ожидать о марше приказу.

> Примечание. Когда бы о походе приказа и не было и поутру бит бы хотя был побудок, а будет бит генерал-марш, то к маршу готовиться, как выше писано, и заключать, что военного резона ради, намерение отменено.

3

Когда сбор будет бит, рядовых в пехоте, в сумах и ранцах с ружьем, в шеренги и ряды, а в кавалерии при лошадях строить и по команде выводить на плацдарм.

4

Гранодерские, мушкатерские и конные роты делить всегда пополам, что учинит в баталионе восемь, а в полку шестнадцать, а в кавалерийских шквадронах по четыре взвода, равняя число людей во оных по полку.

---

[1] Заглавие подлинника.

5

Когда от командующих дивизиями приказано будет маршировать правым или левым крылом, тогда командующим бригадами, регулируясь на приказ, баталионами и дивизионами итти; взводами прямо, направо или налево марш начинать.

6

Ежели инако приказано не будет, то при выступлении из лагеря и вступлении во оной бить марш и как скоро полки выдут, то отбить и бить в пехоте фельд-марш по одному барабанщику в баталионе, офицерам сесть на лошадей, оставя пред баталионами по одному ж пеших, протчим барабанщикам и флейщикам иттить пред баталионом, а в кавалерии трубачам в то ж время съехатца по сигналу пред первой шквадрон в две шеренги и играть штуки.

7

Когда марш будет в колоннах, то наблюдать между оными равенство и одной пред другой не выходить вперед, и ежели одна зачем будет принуждена тише маршировать или вовсе остановитца, должно командирам между собою снестись и согласно марш свой продолжать, а чтобы во время марша ни малейшей остановки не было, а особливо при переправах, которые от предыдущих портятся и требуют починки, иметь всегда пред всякой бригадой пионеров и точно со всякой роты по одному, из которых третьей части быть с топорами, а двум с лопатами.

8

В баталионах, дивизионах и в взводах наблюдать всегда ту линию, по которой первой марширует, дабы по востребованию могли поспешно и порядочно фронт свой построить.

9

При артиллерии рядовых учреждать также на взводы всякую часть при своем орудии, и их офицерам наблюдать все то, что выше, в 7-м пункте сказано.

10

В марше штаб- и обер-офицерам от своего места без позволения командующего колонною ни в другой полк не отлучаться, а рядовым, кому естественной ради нужды оставаться надобно бы было, не удаляясь от дороги, нужду свою исправлять, и ежели бы к своему месту успеть не мог, к последнему взводу

баталиона своего примкнуть и там маршировать до времяни, где иногда отдыхать станет или уже по прибытии на место к своему взводу и команде явиться, и для того:

11

Надобно рядовым в телесных своих нуждах пред выступлением из лагеря исправлятца и, чтоб иногда видом сим ленивые или к отлучкам случая ищущие не пользовались, определять во всяком баталионе в марше при последнем взводе по четыре унтер-офицера попеременно, коим, сих отстающих собирая, всякого в своем баталионе весть и при отдохновении баталиона в их взводы отводить. В протчем же за самовольно отлучившихся из взводов командующие теми офицеры, а особливо унтер-офицеры ответ дать должны.

12

Когда полки отдыхать станут и люди похотят за водою иттить, буде бы вода не в том месте, однакоже не в дальнем расстоянии была, то за водою посылать при субалтерн-офицерах из всякой артели по нескольку человек, располагая, чтоб оные довольно на всех оставших воды принесть могли и при всяких ста человек унтер-офицеров по два во всем вооруженных, дабы они команду свою в надлежащей строгости и страхе содержать могли.

13

Как колоннам в лагерь вступать, всегда знать дано будет от генерала-квартермистра чрез нарочно посланных офицеров.

14

При вступлении в лагерь, как скоро возможно, полкам и баталионам на плацдарм строиться и по построении нимало медля по предписанному в уставе порядку караулы учреждать и роты вводить в улицы.

15

Рядовых, по постановлении ружей в перамиды, по списку перекликать и, буде кто не прибыл к полку, имянно отрапортовать.

16

Авангард, ежели инако приказано не будет, обыкновенно имеет составлять новой пикет и всегда с генерал-квартермистром вперед маршировать и при занятии лагеря занимать оному пост,

где и в коликом числе от генерал-квартермистра приказано будет, а при выступлении полков от пехоты всякому вступать пред свой баталион, а кавалерии занимать показанные ей посты полевых караулов.

17

Ариергард на том же основании делать старому пикету и командующему оным по вступлении армии в ружье назначить сборное всем место, удобное к прикрытию обозов от стороны опасной, а при выступлении обозов в марш, учредить прикрытие с тем же примечанием и осторожностью и на сколько частей, как по положению места и обстоятельства требовать будут, а по прибытии в лагерь, явясь у генерала дежурного, с его дозволения, распустить всю команду по полкам.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О обозах и что во время марша генерал-вагенмейстеру наблюдать

1

Все генерально обозы иметь ему в точной своей команде и оные учреждать в дивизиях и корпусах по одному обер-вагенмейстеру, а в бригадах по одному бригадному из старших и именно казначеев, аудиторов и комиссаров определять.

2

О марше, каков он получит порядок, сообщать дивизионным, бригадным и полковым вагенмейстерам и условиться с командированным для эскорту штаб-офицером, дабы согласно как в времени, так и в порядке, во сколько веревок обозам итти и которому крылу начинать, было бы исполнено.

3

Надзирать и взыскивать от дивизионных, чтоб бригадные и полковые обозные в назначенное им время и в точности порядка о марше обозы свои учреждали и к выступлению готовы были.

4

В марше обозу итти по нижеследующему порядку и имянно: 1 — дивизионных командиров по их рангам; 2 — бригадных командиров; 3 — полковых штабов; 4 — обер-офицеров; 5 — артельных; 6 — лазаретам; 7 — маркитантерам; 8 — провиантским, где наблюдать, чтоб всегда по порядку в бригадах и полках своих шли и один другого не опережал, а особливо на плотинах и мостах, чрез что большое помешательство и медленность делаются. И таких своевольных, несмотря на то, чьи б люди ни

были, наказывать палками или батогами, не исключая и военных чинов от рядового до извощика, а выше тех, хотя б и офицер случился, взяв за караул, представлять ко мне, дабы сему по степени и штраф чувствительной сделан был. Что до обозу главной квартиры и парка артиллерии, то оным всегда марш назначен будет от генерал-квартермистра.

5

Буде б примечена была усталь лошадей при больших переходах или худых дорогах, в таком случае с согласия командующего эскортом и когда он все по благопристойности что до постановления обоза, дабы в запрегании оного один воз другому помещательства не сделал, а командующий эскортом, что до предосторожности от неприятеля надлежит учредит, выпрежа лошадей, пустить на попаску или запасным с собою взятым кормом кормить и на водопой с полковыми обозами побригадно посылать.

Примечание. Всякому командующему эскортом пристойно и надлежит ведать и судить уметь положение мест, где оной что-либо охраняет и препровождает, и потому меры свои брать и учреждать так, чтоб к стороне неприятельской и откуда он его быть считает, все свое примечание обращать и в нападении сильно противустать, не лишая, однакож, и другие части обоза всякой помощи и обороны, и для того кавалерию свою иметь так, чтоб она беспрепятственно разделенно и соединенно действовать могла.

Следственно, всего больше взаимную помощь при сих учреждениях наблюдать, отделяемые к стороне неприятельской патрули должны составлять главное его спокойство и уведомлять завременно о всех неприятельских движениях.

6

Чтоб никто от обозов не отлучался и в проход оного чрез деревни грабительств не делали, смотреть и ответствовать всякому командующему обозом за свою часть и полк, и все похищенное по принесенном жалобам награждать из своего имения и сверх того, смотря по нерачению их и по мерам, каковые они к предохранению того употребляли, вычетом денежного жалования штрафованы быть, разве бы они сих грабителей, в самом деле поймав, связанных представили и тем доказали, что они все от них принятые меры учреждения явно нарушили.

Повозки, которые бы в марше поломались, немедленно с дороги сносить, чтобы тем других не останавливать и их немедленно чинить, а ежели бы опасность от неприятеля была, то, на них наложенное расклав по другим повозкам, бросить.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О лагере и что при занятии и во оном наблюдать

1

Расположение лагеря одинако быть не может и зависит от положения мест, но каково бы оно ни было, примущественно наблюдать, однако, в нем безопасность и выгоду войска. По обозрении всех мест, окружающих лагерь, господину генералу-квартермистру все такие места, которые постами заняты быть должны, заметить, а для полевых караулов от кавалерии и имянно, где которому крылу или отделенных корпусов и точно назначить.

2

По вступлении в лагерь и отдохновении, дежурным офицерам при шквадронах и ротах людей и лошадей и ружье осмотреть и, буде найдется что неисправно, исправить приказать.

3

В лагере чистоту, как главный пункт к сохранению здоровья служащей, во всякой строгости наблюдать, и для того при самом вступлении во оной, в пехоте на всякую роту, а в кавалерии на всякий шквадрон по одному отходу чрез профосов приказать вырывать, осаживая их хворостом первой линии впереди, второй линии позади во сто шагах от фронту и в жаркое время ежедневно старые засыпая, новые копать впереди старых в прямую линию, чтоб в марше оные не делали препятствия.

4

За водою и дровами командировать людей, размеряя число по тягости, что они принесть должны, при одних шпагах при субалтерн-офицерах, а унтер-офицеров на основании второго на десять пункта первой части о марше.

5

Для конного водопою избирать места всегда ниже лагеря, дабы люди не терпели в чистой воде нужды и могли бы в жаркие дни купатца, а водопой делать пошквадронно при дежурных офицерах; ежели во отдалении от неприятеля, то в кителях и не на оседланных лошадях, а в близости оного совсем вооруженным.

6

Для приезжающих с разными припасами из окружных селений показывать в лагерях особливое место и учреждать при оном от генерального дежурства караул, чтоб приезжих охранять от обид и удержать их в пристойной осторожности.

7

Для лазаретов, коль только безопасность от неприятеля позволит, выгод ради, больных помещать в селениях и в сараях, а не в избах, а ежели в лагере, то, конечно, на местах сухих и выгодных.

8

Из лагеря штаб-офицерам без позволения своих дивизионных, а обер-офицерам и протчим всем чинам бригадных командиров не отлучаться.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О пикете

1

В пехоте со всякого баталиона при одном обер-офицере, унтер-офицерах двух, ефрейторах двух, барабанщике одном, со всякой роты рядовых по десяти, а в кавалерии от всякого полку при одном обер-офицере, унтер-офицерах двух, ефрейторах двух, трубаче одном, рядовых со всякого шквадрона по десяти от всякой дивизии, от пехоты полковников по одному, подполковников по одному, майоров по одному, полковой артиллерии по два орудия и от тех полков, от которых полковник и подполковник, а от кавалерии ото всякого крыла полковника одного, подполковника одного, майора одного на пикет командировать и оным быть хотя в своих палатках, но всегда во всякой готовности и исправности.

Примечание. От отделенных корпусов в пехоте и кавалерии наряжать штаб-офицеров и полковые орудия по числу людей, составляющих пикет на вышеписанном основании.

2

Ежели инако приказано не будет, в пехоте за час пред вечерней зарей пикетам приступать к своей артиллерии и делать цепь двойными часовыми от одного посту к другому и называться тогда не пикетом, а полевым караулом.

3

Кавалерийские пикеты без особливого приказу не выходят, а имеют своих людей и лошадей на правом крыле всякого полку готовых, а когда бы им велено делать полевые караулы, то, всякому крылу соединясь, выйти пред пехотные полевые караулы шагов до трехсот. Ежели бы от генерала-квартермистра место

точно показано не было, то командующему всякого крыла избрать себе пост и отделить от себя отводные караулы при офицерах и не менее тридцати рядовых, чтобы всякий из них мог пять двойных часовых поставить и сделать цепь круг всего лагеря.

Как скоро пикет вступит в караул или куда командирован будет, тотчас новой в том числе и на том же основании наряжать и готовым быть.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

О караулах, как оные содержать и при смене оных поступать

1

Как пикету неудобно содержать полковые караулы и давать часовых, но быть вместо того всегда готовым к выступлению, то знаменные караулы содержать в пехоте и в кавалерии особливые, а имянно при пехоте в полку при одном офицере, унтер-офицерах и ефрейторах двух, одном барабанщике и флейщике, рядовых 30-ти, которым в полках между обоих баталионов, а в баталионах посреди баталионов в 40 шагах брать свои посты и часовых давать к знаменам во всякий баталион по одному, которым стоять между двух знамен, к баталионным командирам по одному, к артиллерии пред всяким баталионом по одному, на крылах по одному; во отделенных же баталионах и полках кавалерии тот караул наряжать по числу постов на три смены, кроме штандартов, которым быть при шквадронах, и часовым оные держать в левой руке, имея палаш в правой, концом на погоне, карабин на крюку прикладом вниз, и сменяться от шквадрону, а как о смене караулов, кроме пикетов, точно в главах полевого устава не предписано и производятся оные неравенственно, то поступать, как ниже.

2

Новый караул должен всегда заходить с правого крыла стоящего, и когда шагах в пятидесяти к старому приближится, командовать стоящему офицеру: «На караул» и бить марш, а пришедшему, заведя фронт повзводно, взаимно делать тож, и офицерам обоих караулов, подняв ружье свое в правую руку, сходиться на середину между их командами и, поставя ружье к ноге, сняв шляпы, препоручить один другому все, что при том карауле наблюдать приказано, тихо, а барабанщикам обоих караулов в то время бить перестать. По препоручении же всего, подняв ружье свое в правую руку и поворотясь к своей команде, отходить на свои места и, сделав фронт, ставить ружье «на плечо», «к ноге». «Унтер-офицеры к смене»! По сей команде нового караула унтер-офицерам с левого крыла на правой и с пра-

вого на левой позади шеренги скоро проходя и со старыми всякий противу своего крыла сошедшись, сделав ружьем на караул стоящим, пришедших уведомлять о числе постов со всякого крыла, колико их есть двойных или одиноких, и что к их должности в том карауле точно приказано и новым, с дозволения своего старшего офицера, номеровать всякой своей части на перевезях карандашом по сменам, сказывая им точно, на которые посты или на часы назначиваются и имянно первой, второй и третьей смены, и всегда из всех шеренг по равну, чтоб ранжир испорчен не был, и по учреждении всего рапортовать старшего офицера. «Первая смена подвысь», «Направо и налево ступай, протчие стройся», по числу людей «В одну» или «В две шеренги»; по сей команде ефрейторам обеих смен, всякому с своего крыла, приступить и новым командовать «Фронт, на плечо», дав знать рукой, как при повороте, так и положении на плечо и идущей направо — «Направо заходи», а налево — «Налево заходи», «Ступай», старым ефрейторам становиться и итти по левую руку нового, на поворотах не командуя, а рукою знак дать, чтоб команда сама заходила, и когда все часовые переменены будут, тогда старому взять правую руку и команду, а новому итти по левую руку. На караул же, где один ефрейтор водит только, командовать: «Часовые подвысь» — и буде с правого крыла часовые отходят направо, а буде с левого — налево, а протчие на месте стоят неподвижно. При выступлении часовых отделенным постам, ежели суть в тож время направо или налево заходя, отходить на свои места, а трубачам и гобоистам играть при разводе часовых штуки.

3

Когда новая смена часовых к старым прибудет, новому ефрейтору, остановя в шести шагах противу посту, которой он сменяет, и став новому на правой, а старому на левой стороне между командою и часовыми, на средине командовать новому: «На караул», где пришедшим всем делать на караул, а стоящим и ружье имеющим у ноги при третьем темпе отделить ружье во всю руку; «Подвысь», по сей команде идущим на часы делать подвысь, как обыкновенно, а стоящим перехватить ружье левою рукою против портупеи, вынеся правой против галстука, имея замок от себя; «Ступай», по сей команде новому итти, против старого, которому стоящей, сказав приказ о содержании осторожном караула генеральной и особливой, также и сдачу, буде есть, тихо и минуя один другого, одному на пост, а другому в шеренгу проходить, имея правую ногу вперед; «Фронт»,— сшедшему с часов при повороте, подняв ружье левою рукою, правой под курок подхватить и сделать на караул, как вся команда держит, а ставшему опустить левой и перехватить правой против галстука; «На плечо», ставшему поставить к ноге,

и отделить, а отходящим положить на плечо; «Направо», или налево «Заходи, ступай». На постах же, где на плече держат часовые, по приближении к посту командовать: «На караул, подвысь» — и делать всем равно; «Ступай», проходить и приказ отдавать, как выше сказано: «Фронт» — и отходящему, поворотясь, сделать самому на караул; «На плечо», по сей команде и отходящим сделать на плечо, а ставшему на пост с последним темпом на караул и, как развод минует, класть самому на плечо.

Примечание. Где два часовых ставятся, всегда ставить ровных и на главные посты лутчих людей, а буде один другого больше, то большего ставить на правую руку, а всякую сдачу ефрейтору по положении ружья на плечо и отдаче на время рядовому, стоящему на крыле, самому принимать вещи щетом, а печать и обвязку в целости осматривать и как о хранении всех вещей при сдаче, так и приказ на том посту и отданной, часовым с толком вразумлять и потом далее для смены часовых маршировать.

4

По смене часовых, ефрейторам рапортовать унтер-офицерам, а тем своим офицерам, что они все приняли сходно и на постах данные приказы объявили часовым, где обоих караулов офицерам командовать: «Задние приступи, направо ступай», — тут рядовым первых двух шеренг смотреть на заднего в своем ряду и, не теряя своей шеренги, на том месте по рядам заходить, где первый ряд сошел, а при захождении уже на место шеренгам отделятца в свою дистанцию и вступающему караулу, буде для ружей сошки есть, у самых сошек становитца «фронт» оба. Отходящей: «На караул в правую руку, задние две приступи, повзводно направо заходи, ступай». Барабанщикам, отбив, бить обмарш, а вступившему при команде «Ступай» командовать на караул и барабанщикам бить марш, доколе сменившиеся удаляться до пятидесяти шагов; «На плечо», «К ноге приставь ружье», буде к сошкам, то делать как при постановлении, так и поднятии ружей все те же темпы, каковы делаются при положении и поднятии ружья обыкновенно, когда оно на землю кладется, только что вместо положения на землю класть на сошки, а буде их нет и к стене «направо кругом», то вынесть ружье пред себя, правой рукой против галстуха, а левой против портупеи и, сделав направо кругом и по команде «Ступай», приставить, а буде на земле — класть. То делать как обыкновенно и потом «направо кругом, ступай, фрунт». Часовым, у ружья стоящим, при слове «ступай» выходить из шереног на свое место и, которые держат ружья у ноги, ставить к ноге, а которые держат на плече, положить на плечо; при вступлении же фрунту к ружью по команде «На плечо», обернуться направо кругом и

проходить в свои места, для чего часовым оставлять место в той шеренге, в которой оне по ранжиру стоят.

> Примечание. Караулам по рядам заходить там, где сошки для ружей близко строений поставлены, где повзводно, тесноты ради место не позволяло б, а инако и где место позволит обоим, новому и старому, повзводно направо.

5

При разводе на часы, в больших караулах, где рота, одному офицеру, а при одном офицере унтер-офицеру в ружье становя рядовых и по номерам всегда с обоих крыл, как выше писанно, с ефрейтором на часы отпускать, а по возвращении с часов всем фронтом, сделав на плечо, ранжировать.

6

Гобоистам стоять на правом крыле с передней шеренгой в линии, а на походе перед капитаном, знамя, когда вступает в среди команды, а когда сходит перед командой — на месте же; офицерам к знаменам, как о местах офицерских и знаменных по главам к военному уставу барабанщикам, перед первою шеренгою на средине.

7

Полевым караулам стоять и сменяться, как в уставе о полевой службе предписано, с прибавлением, что, когда приказано будет стоять чрез целой день, полевые караулы от кавалерии не в обыкновенное время с протчими сменять, но пред побудком за полчаса к постам приходить и становиться по левой стороне стоящих, а по пробитии оного, спустя час сменясь, вступать в лагерь тихо.

> Примечание. Ежели бы неприятель близок был, полевым и отводным караулам в ночное время всем быть на лошадях, а днем одной шеренге попеременно.

8

Поутру, час спустя после пробития побудка, и ежели инако приказано не будет, вступать полевым караулам в свои баталионы, шквадроны и роты и до точной смены быть одетыми и готовыми.

9

При избрании посту полевых караулов от кавалерии за правило иметь, чтобы за собой ущелин никаких близко не оставлять и как можно скрыто, а на противу часовые на таких высотах поставлены были, которые бы на самой дали могли открывать.

10

Часовым отводных караулов, как скоро они много или мало людей только откроют, одному из них круг другого, а приметя уже прямое движение, обоим на своем посте кругом ездить. Тогда офицерам, стоящим на отводных караулах, команды посадя на лошадей, самим подъехав, осмотреть и завременно меры свои к отпору взять, а в превосходнейшей силе, дав знать на главной пост, к нему ретироваться которому к генералу дежурному со обстоятельством и о числе, колико по отделению судить можно, не умедля рапортовать, а самому противу неприятеля не только стоять, но, смотря по силе, и атаковать оного.

11

Ежели бы примеченные были своя команда, возвращающаяся или вновь прибывшая, или иностранные приезжие, то, недопущая шагов до двухсот, громко сказав «стой» и одержав, дать знать другим часовым, чтобы от караула прислан был унтерофицер, которого выслать с шестью рядовыми к той команде и требовать, чтобы дали знать о числе оной, чине и звании командира, от кого и куда были посланы и которого полку, и, получа уведомление, рапортовать своего командира, который при позыве его должен быть на лошади и по обстоятельствам и доказательном сведении команду свою в лагерь пропустить, а всякого иностранного на главный пост отправить приказать, где, поступая с ними со всякою учтивостью, задержать и чрез толкового унтер-офицера немедленно дежурного генерала уведомить словесно или письменно.

Примечание. Что до иностранных и когда б от кавалерии полевых караулов не было, наблюдать точно и исполнять имеют пехотные полевые и полковые караулы.

12

Полевым караулам никому чести не отдавать, кроме генералитета и дежурных, но без бою барабанного и без труб.

13

Палочной караул остается во всем на предписанном в главах о полевой службе основании.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

О пароле и лозонге

Пароль и лозонг при армии имеет во всем по предписанному в уставе порядку производим быть, при разделении же армии, а особливо в отдаленных ее частях, неудобно производить один

многих ради резонов военных, и для того всякому командующему, ежели увидит в том надобность, отдавать его в свою команду и наблюдать уже тогда всю надобную притом строгость, чтоб сие важное в войске слово не терпело злоупотребления.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

О молитве

1

При растагах в девять часов по прибытии на молитву, всем чинам при однех шпагах выходить на плацдармы, и сводя круг, священникам читать обыкновенно положенные в сие время молитвы с коленопреклонением.

2

В праздничные и воскресные дни и когда приказано точно будет, ставить при бригадах церкви посреди бригад.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

О барабанных боях

1

Где конной караул обще с пехотным стоит, то бить зорю вечернюю, как ниже писано:

1 — трубачам трубить зорю; 2 — на литаврах и в главной квартире или в особом деташементе выстрелить из пушки; 3 — бить в барабан и, ежели где случиться площадь, обходя всю; 4 — трубачам трубить три штуки; 5 — гобоистам играть две штуки и арию, становясь в две шеренги за знаменем; 6 — барабанщикам бить на молитву и кончить, как обыкновенно. Побудок начинать, как и выше писано, но по пробитии барабана, где трубачи есть, трубить арию, а по арии бить в барабан на молитву две штуки.

Примечание. Барабанщикам выше пяти ходить в две шеренги, выше десяти в три, флейщикам на обоих крылах пополам во всех шеренгах, часовых при ефрейторе посылать, где барабанщики в одной шеренге, двух по обеим крылам, а где в две или в три — четырех. При первой и задней шеренге на крылах по одному и всегда со одного крыла оных брать, а караулу во время бития зори держать ружье у ноги, а пред битием на молитву поднимать на плечо.

2

Что до протчих боев в лагере и в квартирах, то, когда позовет барабанщик, на главном карауле стоящему ближе отозваться, а затем по всем караулам в круг и по трем позывам, что бито будет, бить то и на всех караулах.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

О рундах, как оной производить и караульным при том поступать

1

Рунд производить на пикет наряженным: главный — полковнику, средний — майору, а белой — подполковнику всякому в своей дивизии и корпусах.

2

Когда рунд к офицерскому посту приблизится, то часовому у ружья в первое и другое откликав «Кто идет», в третье сказать «Говори — убью», и когда отзовется «рунд», то часовому закричать «Рунд стой», «офицер перед фронт», «рядовые к ружью» и как скоро караул в ружье вступит, командировать обер-офицеру унтер-офицера с двумя рядовыми шагов несколько встречу рунду. Сей равномерно, так как и часовой, три раза откликав и по третьему отзыву рунд спросит — какой рунд, когда и в том отзовется главным, средним или белым, то спросить, кто рундом правит, и буде отзовется в особе той, которая в приказе к тому назначена, требовать лозонг, и когда сей справедлив, то уведомлять офицера своего вслух, что рунд справедлив. Тогда офицеру сказать: «На караул, рунд приступи» — и той особе, вынувши шпагу, поставить стоящему в груди, а стоящей ему свое ружье и отдать главному и белому пароль и лозонг, а от среднего самому принять. Унтер же офицеру, с двумя рядовыми, посланному остаться при команде, идущей с рундом, и обеим сим командам, когда офицер скажет караулу «На караул», делать на караул, и потом на плечо и, когда рунд далее пойдет, помянутым двум рядовым с унтер-офицером попрежнему в свое место вступать, а когда рунд часовых проходит, то им окликать его трижды и требовать лозонг и, когда справедлив, сказать: «Рунд мимо», что до полевых и отводных караулов кавалерии, то рундам мимо офицерских постов, а патрулям мимо часовых как можно ближе ездить, дабы лозонг тихо можно было объявлять, а о протчем, как скоро бы не отозвался, в третье или бы лозонг не справедлив был, стараться застрелить, но ежели бы случилось, что команда своя не имела лозонга и отозвалась, то ча-

совым поступить в таком случае, как учит первой на десять пункт пятой части.

Примечание. В кавалерии рунд производить на всяком крыле наряженным штаб-офицерам на вышеписанном же основании.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

О лазаретах

1

Никто больше призрения не заслуживает, как болящей солдат, о покое и выгодах которого обязаны все чины вообще иметь радение: но как в полку всякий чин обязан должностью особою, то надлежит смотрение оных особливом, пристойнее всех полковым казначеям, которым смотреть, чтобы как в походе они везены были укрыты от всякой мокроты, жару и стужи и не тесно бы лежали, так и в лагере были бы положены на сухих местах и в чистом воздухе.

2

По всей армии присмотр оной особливо препоручается члену военного комиссариата, что до пропитания и доброго содержания, а что до пользования генеральному штаб-медику, которым не только часто, но и ежедневно оных посещать и подавать лучшие наставления и мне в превосходящем иногда их власть и возможность представлять, дабы все, что к восстановлению их только служить могло, без упущения времени делано, а вред происходящий завременно предупрежден был.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НА ДЕСЯТЬ

О должности генерала-гевальдигера

1

Маркитантеров, смотря по числу в полках и баталионах штатного положения людей, разделить и наблюдать как возможно, чтоб целыми артелями были определены, дабы они от того разделения не потерпели убытков и при всяком полку за выбором всех, учредить одного старосту, и от того во всяком случае за протчих ответы взыскивать. Все их пашпорты, каковы бы у них ни были, отобрав, хранить при себе, а мне учиня имянной список с показанием их жилищ и откуда им пашпорты даны, а неимеющие, каких ради резонов оные не получили — представить.

2

Всем съестным и питейным припасам применяясь по цене мест тех, где армия находитца будет, еженедельно устанавливать таксы и мне оные подавать, описывая о скоте и о напитках точно, по какой цене оные где покупали и потому в барыш им сколько процентов на сто положено, дабы я иногда смотря по провозу и убыткам их, и сам располагать мог. Из сей оценки исключаются, однако все иностранные товары и то, что для прихотливых и роскошных держится.

3

Весы и меру, противу в государстве Российском постановленным, освидетельствовав, запечатать и кроме тех на другие никаковой продажи под взысканием на госпиталь десятирублевого штрафу, чтоб не чинили, запретить.

4

Все повозки их разделить на три части и взыскивать, чтоб, конечно, всякая не меньше как в две лошади была, под штрафом за первое усмотрение на госпиталь пятирублевого штрафу, а из тех упряжек на двух непременно имели съестные припасы и имянно ветчину, сало, соль, уксус, иногда и засольную рыбу, разные муки для блинов и калачей, подошвы, нитки, мыло, мел, клей, вар и тому подобное, а солдату необходимо надобное, а на третьих вино и пиво.

5

Всякой, где что купит от продавцов, должен письменные виды и с ценами иметь, дабы между сими припасами, под штрафом взятия всего имения на госпиталь и сверх того жестокого телесного наказания, пограбленного не было и для того ни от кого от военнослужащих без позволения и засвидетельства полковых командиров их ничего не покупать, ниже что принимать и самим маркитантерам самовольно отлучаться без билета, данного за рукою моею, не позволять.

6

В битье скотины и в раскладках мяса и других припасов на столах, чтоб всеудобовозможная чистота хранилась и сами бы они всегда чисто себя держали и имели б белые и чистые запаны, разумея о тех, кто продажу чинит, под страхом за первое усмотрение рублевого на госпиталь штрафа.

7

Всех приезжих для продажи сторонних прилежно ему испытывать, откуда они суть и имеют ли свидетельства или пасы и не подозрительные ли они в чем и, ежели бы были, немедленно ко мне представлять.

8

В лагере чтоб для испражнения деланы были нужники на основании третьей части третьего пункта, наистрожайше от полковых профосов того взыскивать и иногда за несмотрение и штрафовать.

9

Во время стояния около лагеря, а в походе позади, иногда и по сторонам объезжать и всех без билетов найденных, кольми паче в грабеже и разорении домов ловя, представлять ко мне, для чего имеет получить в точную свою команду одного офицера, командированного к тому нарочно, и несколько казаков.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

О фуражировании, каким образом и какими осторожностями оное производить

1

Где всякой бригаде и полку фуражировать, назначивать места или деревни, в которых ставить значки тех полков, и не входить из одной части в другую, толь меньше в близлежащие селения для добычи, которая при подобных случаях в гибель обращаетца, каковых к прикрытию фуражиров постам не пропущать, но ловить и представлять к наказанию. Число фуражиров всегда командировать на одне сутки от шести лошадей одну, а на двои сутки от трех одну, а в телегах на одне сутки — в дву лошадях на двадцать, а одну на десять.

2

Командующему фуражирами по положению мест все располагать и учреждать и всегда к неприятельской опасной стороне побольше пост. Прочие же посты противу всякой бригады ставить, стараясь, коль возможно, чтоб некоторая часть мест фуражирования рекою или болотами закрыты были.

3

Фуражирам, по учреждению вышеписанному постов, сомкнув лошадей своих взводов, фуражировать и один другому в связке бунтов и накладке оных на лошадей и в телеги помогать.

4

Бунты возить на веревках с деревянными крюками и петлею, чтобы при надобном случае, скинув петлю с крюка и оба бунта с обеих сторон вдруг сбросив, за ружье взяться было можно.

5

От фальшивых тревог всякому под жесточайшим наказанием при фуражировании и повторении слов иногда от ничего робкому или легкомыслящему показавшегося весьма удерживаться и хотя всякому военнослужащему должно быть известно, что неприятель при фуражировании всегда покушения свои делать старается, а военная хитрость в том состоит, чтоб тревожить всегда не к месту действительного своего устремления, дабы чрез то сопротивляющуюся ему силу разделить, или от желаемого им места отвести, то в таком случае командующему фуражированием брать большую предосторожность и всегда к опасной стороне большие посты держать, о движениях и обращениях неприятельских стараться заблаговременно чрез отводные на высотах караулы и небольшие патрули, на сторону неприятельскую посыланные, обстоятельное известие получать.

6

И как всякому офицеру пристойно ведать и судить положение места, где оный фуражирует, и, следственно, когда на вышеписанном основании посты свои и предосторожность возмет, то ему всегда можно о приближении неприятельском уведомленному быть и в произшедших иногда, как вышеписанно, фальшивых алармах или тревогах в сем деле остаться в порядке, а винного изыскав, к наказанию по возвращении своем представить, в противном поступке при таковом случае сам, яко не имеющий довольно мужества и расположения, ответу подвержется.

7

При фуражировании в деревнях из сараев фуражирам лошадей своих в жило отнюдь не вводить, но смыкать оных вне жила позади своего прикрытия, а бунты из сараев и лошадям на себе пешими носить и отнюдь ничего кроме фуража не брать, для чего ставить в деревнях и на выходах караул.

8

По окончании фуражирования всем строевым фуражирам и с вьюками своими ехать в своих полках, шквадронах и взводах, а не строевым для подъемных лошадей фуражирам, якоже и партикулярным слугам при своих полках, однакоже, не между эскадронов и взводов, но стороной, вовсе безопасной за ними.

9

Фуражировать всегда с отменною поспешностью, чтоб лошади, командированные и стоящие при полках в линиях, без фуража долговременно не были. Офицерам с людьми унтер-офицеров в сараи посылать и как к скорейшему фуражированию понуждать, так к грабительству, яко всегда собою зло и вред приносящему, под страхом за несоблюдение должности своей военного суда и по тому положению в артикулах наказания недопущать и за то ответствовать

Генерал *Румянцов*

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, д. 37, 30, л. 3—37. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 42—60.

Приложение 1 к док. № 120

НУЖНЫЕ ВО ВРЕМЯ ЭКЗЕРЦИЦИИ И ЕЕ ОБОРОТАХ ПУНКТЫ И ЧТО НАБЛЮДАТЬ ДОЛЖНО[1]

1. Мюльд ефрейтор, часовой когда делает ружьем на караул, то считая раз, два, три, четыре, также и в экзерциции.

2. В произвождении стрельбы заряжают ружья и кладут на плечо без всякого знака.

3. Плутонги стреляют: 1-й — 4-й; 2-й — 3-й.

4. Уравнять офицерам все дистанции.

5. Когда полком или командами с места, то прежде никакого исполнения не чинить, пока не командовано: «Ступай», а в движении будучи уже просто «Вперед».

6. Шеренга от шеренги на месте стоит на три шага, а в походе назади их (оставить место); в взводах во фронт или при захождениях задним не приступать.

7. Полком равняться в средину полку в марше, а когда несколько полков, тогда в средину баталионов.

8. Офицеров приучать брать глазомер.

9. По барабану по второму колену исполнять.

10. 80 шагов в минуту, а шаг в три четверти, а скорым маршем 120.

11. Офицерам стараться как можно взводы прямо вести и людям равняться завсегда на том фланге, которому при захождении стоять.

12. В стрельбе не ранее командовать, как в третье слово, а первым вновь не зачинать, пока другие патронов в дуло не вложат.

13. По команде «слушай» задним отступать три шага.

14. Ружье на плече держать ниже и все лишние приемы в экзерциции избегать, также и принуждения фигуры.

15. Отступными плутонгами только командовать «Плутонг изготовься» — иначе не командовать, как на самом поставе в марш правой ноги вперед, почему и взвод уже остановить, а по команде прикладываться налево и приложиться. Выпалив, насыпать порох на месте и как скоро кто насыпав оборачивается и делает как вышесказано. А чтоб взвод от взводу не оставался, то ногу за ногу только тем взводом итти, кои дожидаются очереди стрелять.

16. Скорым зарядом стараться приучать всякие приемы делать скоро, но ясно и чтоб никакого не пропущать.

---

[1] Заголовок подлинника.

17. Когда на часы выходить, то капралам не поворачиваться к команде своей лицом, но только направо взглянув и показав знаки также счетом 1-й и 2-й; 3-й и 4-й и при знаке «на плечо» тотчас ногу поднять и вперед итти.

18. Половина плутонга переменит фронт.

19. Рядами облик линии строить.

20. Фронт переменять захождением направо и лево.

21 По первому отбою, когда целой фронт обмаршем идет, тотчас повернуться налево во фронт.

22. Солдаты чтоб были приучены в походе оборачиваться на ту сторону, которою командует, без всякой сноровки.

23. Музыкантам и барабанщикам зачать играть, когда шагов 40 отойдут, перестать для команды и идут шагов 30, а потом разом опять начинают играть и барабанщики бить в барабан. Только когда мимо командира взводами в марше идут, то барабанщикам во всякое время бить особо, когда тот офицер салютации делает, за коим он идет, хотя и протчие б перестали.

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, д. 37, 30, л. 45 об.— 48. Подлинник.

Приложение 2 к док. № 120

НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ, СЛУЖАЩИЕ К УРАВНЕНИЮ ПРИЕМОВ И ДВИЖЕНИЙ, РАЗНОДЕЛАЕМЫХ ПОНЫНЕ В ПОЛКАХ[1]

В пехоте

1. В экзерциции людям смотреть всегда направо, для чего при всяком повороте унтер-офицерам, стоящим на крылах, выбегая, подавать знаки.

2. Под ружьем стоять так, как им маршировать надлежит, и «Сомкни» не командовать, чрез что делаются в захождении всегда великие интервалы.

3. Тело свое прямо, непринужденно, плечь не подвышая и не перегибаясь назад, головы нечто направо, каблуки оба вместе, ружье на плече плотно, левую руку под прикладом у самой портупеи, а локоть оной и правую руку плотно к телу держать.

4. Приемы делать отрывисто и близко к телу, руками бить не крепко, на плечо класть не поперек плеча, но в плечо или сгиб левой руки.

5. Ружье ставить на караул против левого уха, чтобы все лицо видно было, а для лучшего равенства между всех приемов счесть по четыре, разумеется, пауз в учении.

6. Заряжать проворно и не переносить к заряду, но, закрыв полку левой рукой, перехватить во всю по ложе, потом правой рукой толкнуть приклад за левую ногу курком вниз, чтобы избежать тем замешательств, происходящих из двоякого ружья переноса на одну хотя надобность.

7. Прикладывать левую руку иметь всю по ложе вытянуту, глаза по стволу, ствол наклоненный, и рядовым при команде «Изготовься» перекосить ряды направо, приняв так, чтобы полчеловека из-за другого направо вышел.

8. Пальбу производить всегда с обоих крыл в баталионах, пропуская два слова; например: когда первый командует «Пали», второму командовать: «Изготовься» — и так далее и с крыла, как скоро исправится, не ожидая, начинать и огонь через то безпрерывно продолжать.

9. Маршировать, какой бы то марш не был, по рядам, взводам, дивизионам, батальонам и полкам равною ногою, колен не сгибать, ноги прямо выносить и равно приступать, но не бить.

---

[1] Заголовок подлинника.

10. В поворотах поворачиваться скоро, и когда направо, на последнего человека в своем ряду смотреть; заходить по рядам взводами, дивизионами и баталионами, смотря на то крыло, которое заходит, и, зашедши, по слову «Стой, равняйся» оборачивать головы направо, и заходящим больше шага брать, средним к тому крылу, круг которого тот оборот делается, снаравливать тем же шагом, но короче.

11. При вступлении на место взводам или дивизионам, ежели налево заходить, то последний ряд равняться должен противу последнего ряда левого крыла предъидущего, а ежели направо заходить, то против правого, чтобы миновать обыкновенно из того происходящие впадины.

12. При строении колонн, не поворачиваться другим взводам, но всем вдруг маршировать с места и, маршируя, принимать направо или налево, как приказано будет, и сравнивать за предыдущим, чтобы во все стороны фронта можно построить и особливо облик или косой; когда же впереди ущелина бы была, то взводу за взводом маршировать направо или налево, и ежели бы проход очень тесен был, то командовать: «С половины левого крыла или с обоих крыл осади», где не останавливаясь, по команде «Осади», части проходящей задней шеренги скоро приступить, чтобы отделенным можно было вдруг, за ними сомкнувшись, и марш продолжать, а по выходе, по команде «По прежнему» марширующим наперед снаравливать, а отделившимся, выступая большим шагом, равняться.

При захождениях не командовать «Право» или «Лево стой», а «То или другое заходи», но куда заходить командовать «Направо» или «Налево заходи».

13. Как барабаны иметь на ремнях, все бои бить отрывисто, и скоро руками не взмахивать, стоять и в марше взводами, дивизионами или баталионами, быть перед взводами за офицерами, а в колоннах на том крыле, к которому колонна строится, чтобы не мешать при захождениях, пред пальбою проходить в те интервалы, где обер-офицеры выступают в переднюю шеренгу, разумея в баталионе, а при роте или команде офицерской когда шеренга приступит, а при унтер-офицере, как бы команда ни мала была, на правом крыле выше их.

14. Флигельманам делать те же приемы, которые делают рядовые, показывая оные и стоя от фронта лицом.

15. Ефрейторам, когда они уведомляют, делать на караул и доносить, а когда цыдулку подносят, то, по подаче оной, ставить на караул, и, положа на плечо, оборачиваться направо, налево или кругом, как случится стоять; в двери проходя, ружья приклад подымать против плеча, а, прошедши, класть попрежнему не подымая.

Приемы ефрейторам делать скоро, не считая между оными ничего и некоторою осанкой прилично и непринужденно.

16. Часовым, держащим у ноги, отдавая честь, отставливать ружье во всю правую руку.

17. Унтер-офицерам и рядовым шляпы снимать всегда левою рукой, а гренадерам правую руку поднимать к шапке, но не бить, опущая руку, и, при встрече генералитета и своих полковых командиров, оборачиваться лицом к той особе.

В кавалерии

1. На лошадях тело — как в пехоте; колени крепко, ноги к лошади, сабли прямо и подле правой ольстры держать.

2. Маршировать при экзерциции всегда рысью, сомкнутыми шеренгами, заезжать и атаковать вскачь, имея саблю при атаке поднятую против глаз.

3. Фланкерам и в рассыпной атаке огненным и белым ружьем действовать с надобным к тому обозрением, осанкою и искусством, прикладываться и замахи делать, приподнимаясь на стременах, которым быть так, чтобы, когда на них ездок встал, кулак подложить можно было.

4. Учить из карабинов стрелять, построя чрез эскадрон в две линии и от передовых по полуэскадрону высылать шагов на сто вперед, и по шеренгам стрелять, а, выстреля, разделясь на четыре части, поспешно назад

заезжать, и, как оба выстрелят, то другой половине эскадрона выехать также далеко вперед и продолжать сей огонь производить пристойно противу маячащих неприятелей, чтоб их отогнать. А и при ретираде делая только все наоборот, что тут — вперед, там — назад.

Лошадей, подковы и убор осматривать прилежно и, ежели что сами исправить не могут, тотчас бы объявили унтер-офицерам, он же дежурному офицеру, дабы все то в свое время чрез мастеровых, что до кого надлежит, исправлено было. Но полагаться на сие дежурным офицерам отнюдь не надлежит, а должны, как точную свою должность отправляя прилежно, при вступлении в лагерь и пред выступлением из оного все осматривать сами, и, ежели кто неисправным и нерадивым к лошади и вещам окажется, наказывать и толковать тому, кто по невежеству не понимает, колико много с исправностью вещей и лошадей в военное время самая жизнь его сопряжена.

В некоторых местах сего обряда упоминается о трех шеренгах, но как одна шеренга мною убавлена, то и чрез сие подтверждается построение в две шеренги.

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, д. М. 330, л. 38—43. Подлинник.

№ 121

1770 г. марта 10. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ПАНИНУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ 1-й И 2-й АРМИЙ В ПРЕДСТОЯЩИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ

№ 13

В наибольшем удовольстве и с истинным признанием толь лестных для меня благосклонностей, которые обращаю не к собственным достоинствам моим, но к превосходству единому вашего ко мне усердия, прохожу я, милостивый мой граф, изъяснения вашего сиятельства от 27 числа минувшего февраля. Ничто не может сравняться с тем внутренним моим обрадованием, которое вселяют в меня добродетели души вашей, что с числом дней возвышается искренность, доверенность и сия объемлющая беспредельная ко мне дружба ваша — свойства бесценные для меня, коим я прилепился от самой молодости в среднем и преклоняющемся уже веке чувствую тем больше их цену, а поздние и последние дни мои в том же пройдут без преткновений, что наинежнейшим есть пунктом величайшей моей преданности и взаимства. Сии нелицемерные уверения извлекают из меня благодарность как долг, которым я только теперь могу платить за снисхождения ко мне ваши при каждом случае. Не меньше одолжительно мне, что ваше сиятельство по последующим принимаете и первые мои отзывы в прямом их существе, так как оные один имели вид споспешествования обоюдных наших должностей. Возьму еще я смелость приступить к милостивому моему графу с одним вопросом. Обнажившись тут же в моем состоянии и в причинах, к тому меня нудящих, праведно,

что ваше сиятельство, помышляя о своем движении вперед, еще имеете остановку и заботы, покудова твердо положиться можете на устроенные меры для обеспечения левой вашей стороны и собственных границ наших; но представьте взаимно, в каком и я деликатном положении остаюсь, мое движение относиться должно не только на защиту покоренных княжений, преграду препятствиям осады Бендерской, но в то же время сопрягается с оным безопасность левой моей теперешней стороны, то есть тех самых мест, кои от ваших войск объяты быть должны, и где теперь татарские нападения отражают от Брацлавля и от Ямполя посланные мои команды.

Легко заключить можно, ежели я переведу за Днестр и еще за Прут, куда мне перенестись следует, не останавливаяся, все свои войски, то, открывши сим образом левой край, подвергну я свой тыл видимой опасности, по отверстию коим свободно могут от левой стороны с гарнизона Бендерского и из тех татар, перешедших Днестр, что и теперь уже врываются, составиться партии и позади меня все истребить, поелику на прогнание их мне изворотиться из-за Днестра, а вашему сиятельству по отдалению достигнуть сюда неможно будет. На обнадеживание же сего места при моем движении отделить потребный пост вовсе я не в состоянии по малому числу войск, мне принадлежащих, в рассуждении пространства предметов, противу коих обратиться с оными должен по перенесении моем в Молдавию и Валахию, следственно и нельзя мне двинуться вперед ради сей удерживающей меня от того осторожности, покудова не могу быть от вашего сиятельства удостоверен, по крайней мере, в том точном времени, когда ваши хотя передовые легкие войски станут на Днестре и переймут на себя прикрытие сих, остережения требующих мест, на чтобы я уже положась был обеспечен в моем тыле, сим я не то разумею, чтоб важные движения неприятельские в сию сторону последовали, которые отвращать мой уже долг будет за Днестром, но партии подобные нынешним от стороны Балты пресмыкающимся, которые как летучие мыши во всякую щель пролезть норовят, и коих набеги много зла могут причинить; а на удержание их и малые силы достаточны, ибо моими командами в полон взятые татары около Крутых сознают, что они для того и шли на грабеж польских селений, что их уверили, яко наших войск в том краю нет. Се есть, милостивый государь, искреннее мое откровение, от коего нельзя мне уклониться ни по долгу обоюдной нашей службы, ни по чистосердечию и преданности моей к вам особливой. Разрешите меня ваше сиятельство в сем пункте, который меня вяжет дружескими своими мероположениями, и не мните, милостивый государь, чтоб я мало внимал во все изображенные обстоятельства, причиняющие трудность вашему движению, я их представляю и по собственной моей практике и еще могу сказать с тою прибавкою, что разлив Днепра, мне кажется, построение моста продлит

далее, нежели вы определяете, и что перейти толикие трудности в скорейшем времени будет явным доказательством неусыпного рачения вашего о пользах и споспешествования славы оружия ее императорского величества. От генерал-майора Буткевича получил я репорт, что вашей армии г. генерал-вагенмейстер Лизандер требует из Белоцерковского магазейна 200 000 пудов сена, хотя от меня приказано, чтоб потребным довольствовать лошадей в проходе артиллерии, но такое количество сию уже надобность превосходит, и я прошу вашего сиятельства предписать о соблюдении умеренности командам в сем случае, ибо здесь от недостатка в фураже много претерпевают войски, а я весь край к нашим границам нарочно оставил, и подряду в оном для своей армии чинить не велел, чтоб и потребным войски ваши и собиранием магазейнов запастись всю имели удобность. Об успехах наших войск над конфедератами я поднесь дальших уведомлений от князя Михайла Никитича[1] не имею. Г[енерал] фон Штофельн не нашел удобности удержать на далее Журжу, но сжег сей хороший город, в коем до 5000 весьма изрядных и по большой части каменных домов состояло, великие морские потребности, снабденные магазейны и до ста больших купеческих судов предал также огню со всеми прилежащими селениями. Знающие доходы Порты уверяют, что чрез разорение Браилова и Журжи, как портовых городов, турки несут более трех миллионов на наши деньги убытку. В заключение я себя представлю ко всем вашего сиятельства повелениям с оною беспредельною преданностию, которая равняется тому истинному высокопочитанию, с которым я непоколебимо имею честь пребывать.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 407—409. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 122

1770 г. марта 13. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ЗАТРУДНЕНИЯХ С ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ И ФУРАЖОМ В МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ И О ВВЕДЕНИИ В АРМИИ ЕДИНОГО УСТАВА («ОБРЯДА СЛУЖБЫ»)

м. Летичев

Чрез Военную коллегию получа повеление о всещедром от вашего императорского величества воздаяния войскам, что теперь в Молдавии и Валахии служат, выдачею им третного жалованья не в зачет, за долг себе приемлю всеподданнейше мое принесть к освященным стопам вашего императорского величества благодарение, что всемилостивейшое призрение явили на

[1] Волконский.

мое об них всенижайшое ходатайство и таковою высочайшею щедротою ободрили не только ту часть, но и всю армию к наиусерднейшим подвигам, видев, что оные толико от вашего императорского величества награждаются.

От сих мест истощенных, где уже вовся недостает фуража, а паче сена, хотел бы я и теперь и ранее еще сего перенестись с армиею; но, к сожалению, равная трудность предстоит для войск и впереди, ибо генерала-порутчика фон Штофельна уведомления и все прибывающие из Молдавии и Валахии гласят, что и тамо величайший недостаток в провианте и фураже. А в настоящое время все транспорты из Польши в Молдавию с провиантскими запасами за разлитием рек и ради топкой весняной дороги стали; не меньше же и по той еще нужде, что обывательские лошади, к сему употребляемые, от недостатка пищи при сих повозках и в самих домах погибают.

Однако же я стараюсь всеми образы преодолевать сии препятствия и чем можно скорее движение восприять. Для чего и отправлен уже от меня генерал-квартермистр Боур в Молдавию для освидетельствования положения мест, коими армия маршировать будет. О искусстве сего генерала в своем ремесле по одним начальным видам уже я осмеливаюсь вашему императорскому величеству донесть, что подобного ему наукою в сем чине и в мою службу у нас не было.

Распространяя порядок, споспешествующий службе, елико достает моих сил и возможности в войсках, которыми по высочайшей доверенности вашего императорского величества командую, должен я был теперь выдать во всю армию свое постановление, отрешая разновидные обряды, каковы я здесь нашел, что каждой полк свой имел образ, отличествующий от другого, исправлять службу, дабы введением для всех должности единообразной отдалить настоящое нестроение, яко полки одни пред другими не одинаковыми поступками представляют собою как бы иное войско, хотя всем есть один устав, каким образом делать службу.

Утверждаясь на том правиле, что ничто целое не может быть совершенно, естли части оного между собою не будут согласны, я всегда, где только употреблен был к командованию, приводил наипервее в одно стройное согласие войски; и осмеливаюсь от всеподданнейшего моего усердия представить вашему императорскому величеству видимую истинну и общее заключение, что в армиях вашего величества полки хорошими от полковников, следственно от особ, а не от уставу, как бы быть им должно; тогда бы они все были хороши и все бы текло в равномерном порядке до последнего пункта службы, как часы заведенные, от силы действующего устава.

Я только сие пишу, как и о всех моих делах предуведомлять имею смелость наипервее ваше императорское величество, надеясь твердо на высочайшую к себе милость вашего император-

ского величества, что не в ином виде все мои действия приемлете, всемилостивейшая государыня, как только происходящими от рабского усердия и глубочайшего благоговения, с которыми имею щастие быть.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГАДА, ф. 5, д. 103, л. 94—95. Подлинник. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 2, стр. 30—31.

№ 123
1770 г. марта 21. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНУ О ВОЗОБНОВЛЕНИИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

№ 161

Господин генерал-майор князь Трубецкой, прибывши сюда, объявил мне, что ваше превосходительство имеете репорт от господина генерал-майора графа Подгоричани о построении от турков мосту на Дунае при Исакче и что сию ведомость подтверждают тамошних жителей уверения. Как сей слух паче других примечание наше должен занимать, то я дивлюсь, что ваше превосходительство мне о сем обстоятельстве ничего не извещаете, для чего и посылаю к вам нарочного, чтоб вы о том меня уведомили, рекомендуя наведаться точно о сем действии, послав туда какову партию из легких войск, которая мне кажется по отдалению нынешнему неприятеля может избежать всякой опасности. Воспомянув мой ордер вам от 31-го генваря[1], где я не тратил надежды овладеть Браиловым, как местом, к которому, так сказать, все действия военные в Молдавии были мною предопределены, и считал отступление ваше быть одним видом на успокоение токмо неприятеля и разделение его сил, дабы нечаянным потом приступом сорвать сей город. Обращаю и паки мои мысли к сему важному предмету, теперь вы имеете больше прежнего артиллерии, разумея полученную при Журже. Припасы к оной, на место издержанных, надеюсь вам по моему повелению из Хотина доставлены, неприятель в силах умалился и от ваших поражений чувствительно ослаб. Коснитесь, ваше превосходительство, по сим побуждениям Браилам, нет крепости, которая бы не имела слабого места, нет и таковой преграды, против которой бы не подавало искусство вам способов. Последним вы изобилуете, а я, с полною доверенностью полагаясь на ваше благоразумие и известную ревность к службе, веду упование, что вы посему примечанию сделаете употребление. В разные прошедшие экспедиции пожогом много истреблено неприятельских селений, в коих живущие и христиане понесли в пожитках своих трату, снабдите ваше превосходительство все свои

[1] Документ не публикуется.

команды повелением, чтоб впредь при действиях военных уклонялись от пожогов селений, отчего нет большей пользы никому, разве бы где военной резон необходимо настаевал, чтоб жилища какие истребить в отнятие авантажа неприятелю, ибо всемилостивейшей государыни есть высочайшее соизволение, чтоб и в самих крайностях военного пламени щадить сколько можно селения жительские, которых целость пригодиться бы могла и для выгод наших, и чтоб действия наши тем отличались всегда пред действиями варварскими нашего противника. В предыдущих моих примечено было, чтобы ваше превосходительство употребили надежных людей для проведывания о всяком положении нашего неприятеля. Теперь наипаче нужно вам найтить таковых комиссионеров, которые бы чрез Венгрию или другими околичностьми, пробираясь прямо, наведывались о неприятельских действиях и достоверные подавали вам известия. Таковых людей, ежели они в своих уверениях будут надежны, можно довольною платою наградить, которую вы им при посылке и обещайте.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 200—201. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 124

1770 г. марта 25. — ОБРАЩЕНИЕ П. А. РУМЯНЦЕВА К СЕРБСКИМ КНЯЗЬЯМ С ПРИЗЫВОМ О СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ ТУРЦИИ

Возжелав всех благ, приношу вам благодарение велие за писание ваше ко мне от 15 генваря сего года из града Ниши, еже являет похвальное ревнование ваше о вере православной и славе предков своих. Благо воистину ваше в том усердие, что вы, яко поборники креста господня, ищете руками своими упразднить иго над собою ненавистников тому магометан и призываете на помощь себе оружие российское. Буди вам известно, что всепресветлейшая наша монархиня, в правде подъяв от бога дарованный ей меч, простирает силу оного не только на побеждение турков, но паче на избавление от рабства нечестивой народов, исповедующих веру православную и одноплеменных ее подданным, каковы суть и славеносербы. Богу споспешествующу уже под тению оружия российского два из православных поколений, сиречь Молдавское и Волоское княжение, наслаждаются своим щастием, освобождены будучи от поносного рабства неверным. Имейте и вы надежду, что вскоре досягнет власть оружия воюющих во имя Христа Спасителя и до ваших православных областей на помощь и отраду сословию правоверных, точию не преставайте ополчаться против турка ненавистника всему имени христианскому, везде мы поспеем в союз и подкрепление ваше, а вы ищите токмо удобности и мне давайте знать о своих намерениях и где можем соединить наши обоюдные деяния. Вы

видите, коль кратно поразили мы уже турков, и что силы их исчезают и не могут нам никако же противустоять. Се есть время благопоспешное вам о, потомки славных древле народов, во всей вселенной воспрянуть от уныния и наследовать мужество и храбрость праотцов своих, кои от прахов земных к вам взывают, дабы помыслили вы о их делах и своих настоящих. Коль несть достойно, а паче срамно сносить узы рабства рожденным от крови благородных и знаменитых. Да произрастет вожделенный плод вшедшия в сердца ваша помышления, чтоб восстановить в прежнее достоинство свое отечество. Сие повелевает сама вам вера и того требуют по вас собственная ваша польза и слава, а сколь многое и всемилостивейшее попечение на сердце имеет благочестивейшая наша монархиня о избавлении в настоящем времени пособием своего праведного оружия от ига магометанского всех православной веры и славенских поколений народов, в том вас удостоверят в нескольких тиснениях посылаемые при сем манифесты, кои вы, приняв в своей стране, верив, что все сбудется по написанному в них, а я пребуду готов с войском российским ко всякому вам возможному благоугождению, где точию случай предстанет.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 202 об. — 203 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 125

1770 г. марта 25. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О БОЛЬШОМ НЕКОМПЛЕКТЕ 1-й АРМИИ И О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО СНАБЖЕНИЯ ВЕЩЕВЫМ ДОВОЛЬСТВИЕМ

Армия, мне вверенная, поднесь не имеет рекрут, требуемых к укомплектованию полков; поднесь не доставлены в великом количестве потребные ей вещи. От моей стороны завременно в подлежащие места о сих нуждах взнесены требования, завременно я послал и офицеров к принятию, но ничто, однакож, не предуспело. В приложенных при сем ведомостях под литерами «А» и «В» [1], высочайше усмотрите, ваше величество, число прибывших поныне и недостающих в армию рекрут. Я последнее взял средство, и послал генерала-майора князя Трубецкого до Москвы, чтоб понудил он и препровождающих рекрут и все транспорты, и буде, как известно, что многие извозчики разбежались, то бы от места до места на подводах, на счет подрядчиков, отправляя оные.

Всемилостивейшая государыня, от вашей прозорливости не может быть скрыто, что у нас иной вид и счет на бумаге, а иной

[1] Не публикуются.

на деле, и служивым людям и всему им надобному. Ваше императорское величество соизволите теперь ведать, колико по числу армии не достает людей и времени, чтобы дать им, хотя вид солдат; прошедшую всю войну не были мы сим озабочены; там третии баталионы и полки гарнизонные запасали для нас готовых солдат, а надобное им число комплектов рекрутами со временем и с выгодами их делали подобными старым, и когда в минувшую войну пехотные полки, будучи в кампании в числе двух баталионов и двух гренадерских рот, в коих состояло 1152 мушкатера и 400 гренадеров, и редко более 1000 людей под ружьем имели, то теперь всякой полк, имея только 272 гренадеров и 1088 мушкатеров, следственно, менее прежнего: первых 128, а последних 64 и по расходу, не сравнительно в настоящей войне большему прежнего, натурально едва половину людей в ружье поставить, остальные же от всякого полка две роты не в состоянии комплектовать надобным числом полки, а гарнизоны все обращены, так сказать, в инвалиды [1].

Что до кавалерии, то иные армии, дознавшие, сколь удобнее для службы вообще, а в вооружении и содержании дешевле легкой всадник, пересадили часть большую своей кавалерии на легких лошадей. Мы, проводя войну противу немецкой кавалерии на самых малых русских лошадках и употребляя, сказать прямо, против их одних козаков, подражать взялись тому, что другие оставили, и, к отягощению службы и великому казне убытку, почти всю свою кавалерию на тяжелых лошадей и с тяжелою и дорогою аммуницией посадили, и сколь мало имеет оная способности действовать против настоящего нашего неприятеля, в прошедшую кампанию явными опытами доказалось, а и кроме того, что оная не может употребляема быть так, как легкая, в обыкновенную службу, обременяет она несказанно и командира подвозкою сухого корма, без которого она вовсе и быть не может [2].

Где больше рекрут, там, конечно, больше больных; в чужих армиях больным служат особливого звания люди, а не солдаты, по резону, что ту должность нести может человек, и вовсе не имеющий военной способности, его уже там и не вооружают;

---

[1] Румянцев критикует новые штаты армии, установленные Комиссией 1762 г. Новыми штатами предусмотрена единая численность войск для мирного и военного времени. Они уменьшены по сравнению с прежним штатом военного времени. По прежнему штату полк имел три батальона, причем третий батальон был запасным; он оставался в тылу и готовил рекрутов для своего полка. По новому штату пехотный полк имел 10 мушкетерских и 2 гренадерские роты, то-есть, два мушкетерских батальона (по 4 роты) и две запасные роты.

[2] При реорганизации конницы Комиссия 1762 г. пошла по неправильному пути предпочтения тяжелой кавалерии, подражая в этом прусской армии. Следствием этого была замена драгунских и конно-гренадерских полков кирасирскими и карабинерными. Румянцев был решительным сторонником оправдавшей себя конницы драгунского типа. После войны он как начальник всей регулярной кавалерии провел новую реорганизацию в этом направлении.

но к бою надобна не одна способность, но и приученье, а без всякого на сие счету и примечания, определяя людей военных, остается половина оных в ружье, и другой половине ружья в одну только тягость.

Болящие же и лазареты многого призрения требуют, и надобны во всяком особливые смотрители над услужниками, и особливые услужники, чтоб ко времени упреждать нужды болящих, и я в сем пункте, сколько можно, соображая необходимую надобность, наблюдаю и возможный счет, но, однакож, все с расходом военных людей, что чувствительно умаляет армию.

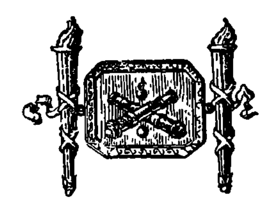
Сии суть нужды, всемилостивейшая государыня, которыми наибольше я сокрушаюсь, видя себя толь много удаленным, недостатков ради, от предполагаемого мне времени к упреждению неприятеля; и прибежище беру для будущего времени к вашему императорскому величеству; а по мере моего к вам усердия, и по привычке говорить всегда правду, а особливо любящим оную, не могу молчать, но решусь сказать следующее: вам потребен комиссариат, который бы все, что только в войске вашем надобно, приготовлял с выгодою, или, как говорится, исподволь; все бы делал хорошо, прочно и в свое время к полкам доставлял; а полкам строить себе одеяние и всем снабдеваться неколи. Им во время военное должно быть одетым и снабженным летом и зимою, ибо время не удерживает военных действий. Я не могу понять, почему к полковничьим чинам доверенность стала велика, и что они лучше других пещися могут о полках своих, мнение, по моему слабому понятию, угрожающее прямо благопристойности: все чины должны пещись и рачить по своему званию о должности их, а разве думать можно, что полковника корысть, с тем сопряженная, не польстит? Но тот полковник, который только сею причиною побуждается, не есть достоин сего чина, и тот отличается мало, который остаток казны обращает на украшение полка, от того, который употребляет оной на себя, ибо дерзновение и ущерб казны равны, а только употребление различно. Но как оный и ограничить, ежели способы, так сказать, явные предложены? Потребны в войске, вашего императорского величества инспекторы, чтобы они надзирали и над прочностью вещей, приготовляемых от комиссариата, и на весь порядок службы, дабы оный везде с уставом, от вас данным, согласовался. Во всех армиях, сей чин важный и нужный удерживает наилучшим образом всякую исправность для войск, и для того, где оных, и не было, ныне введены[1]. И так план,

---

[1] Критика Румянцева отмечает темные стороны организации и быта русской армии. Отсутствие централизованного снабжения войск вещевым и другим довольствием, которое было возложено на командиров полков, влекло за собой непрерывные перебои и вместе с тем огромные злоупотребления. Предложения Румянцева о централизации снабжения далеко опережают существовавшие тогда порядки, свойственные бюрократическому неповоротливому аппарату военного управления XVIII века.

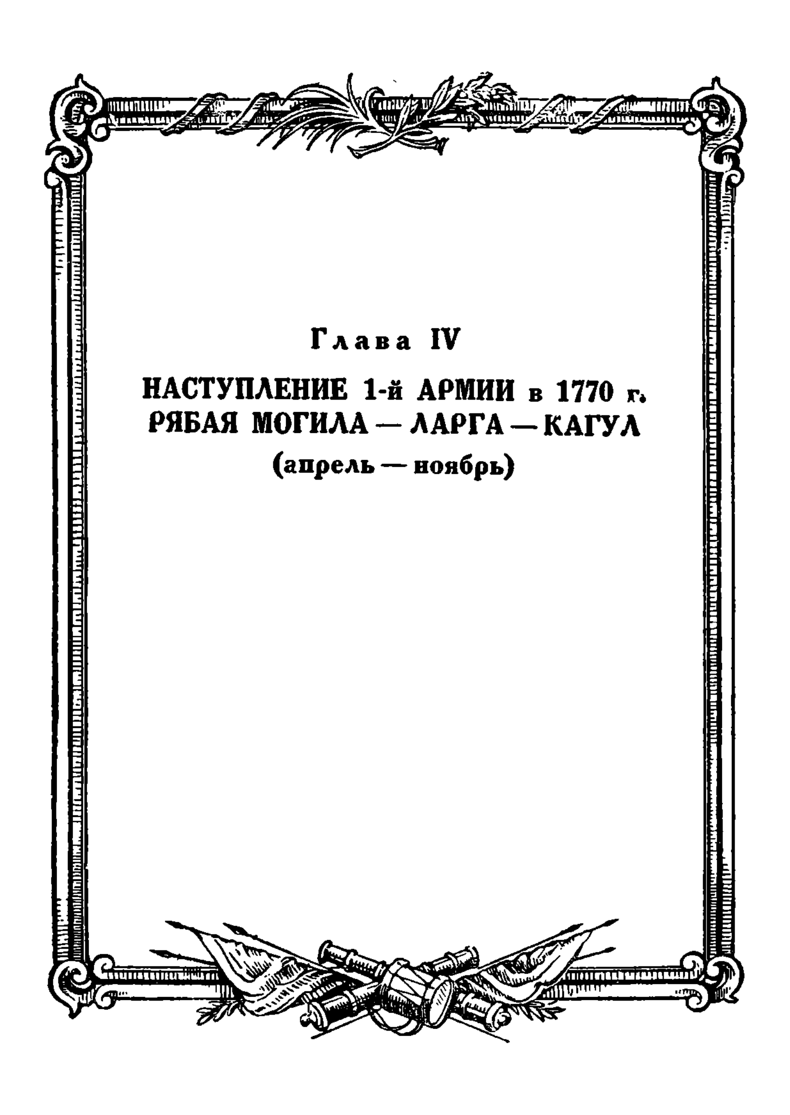
на котором сочинители новые штаты для армии вашего императорского величества располагали, хотя мне неизвестен, но я гадать осмеливаюсь, что ваше императорское величество предприяли сие намерение из двух причин: 1-й, что оконченная война доставляла нам премного случаев познать наши недостатки и что затрудняло и препятствовало в действиях наших, ваше величество делали, конечно, оные наградить;[1] 2-й, чтоб, при утверждении мира, и внутренность государства почувствовала себе возможное облегчение; но видимые ныне следствия, смею выговорить, открыли тому несогласное. Войско вашего императорского величества значительным числом умалено, а казны ни в комиссариате, ни в полках не обережено, ниже служба ощущает возвышение; как и полки, паче кавалерийские, при украшениях своих, даже до излишества, не делаются от того исправнее для прямой службы, поелику полковники больше стали пещися о прикрасах их, чем о пользе оной. Весьма я удален от дерзновения, чтоб, в виде предположения мер, представлять мои мнения о вышеписанном. Всемилостивейшая государыня, вы вложили в меня, точным повелением, ту смелость, чтобы пред вашим величеством, как великодушною монархинею, открываться в слабом моем понятии. Ваше величество призираете милосердно на верность и усердие своих рабов: сие одно было мне побуждением обнажиться столь чистосердечно в мыслях моих пред вами, всеподданнейше уповая, что оные в сем едином виде и приняты будут. И с тем повергаю себя к стопам освященным вашего императорского величества в глубочайшем благоговении.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских». Архив военно-походной канцелярии Румянцева М., 1865 г., кн. 2, стр. 40—43.



---

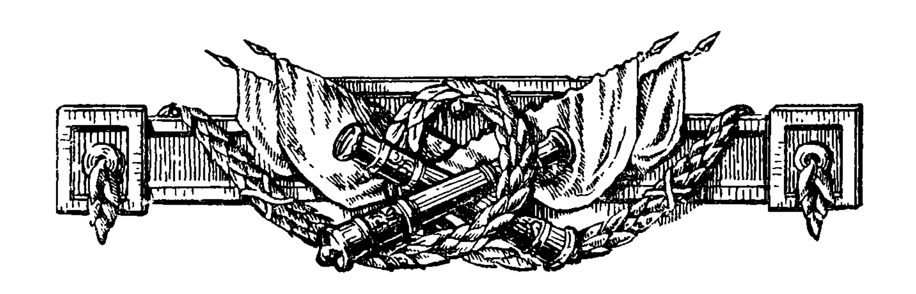
[1] Так в документе.



Глава IV

НАСТУПЛЕНИЕ 1-й АРМИИ в 1770 г. РЯБАЯ МОГИЛА — ЛАРГА — КАГУЛ

(апрель — ноябрь)



№ 126

1770 г. апреля 2.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНУ О НЕОБХОДИМОСТИ СВОЕВРЕМЕННЫХ ДОНЕСЕНИЙ И БОЛЕЕ ТЩАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ПОСТУПАЮЩИХ СВЕДЕНИЙ О ПРОТИВНИКЕ

№ 169

Состоящий в Брацлавле с полком своим пехотным Астраханским господин бригадир Гудович представил ко мне сей день пойманного разъездом его к Ягорлику волоха, вышедшего на прошедшей неделе из Бендер, который показывает, что вместе с ханом намерены в светлое воскресенье христово сделать нападение на город Яссы, а на сей стороне Днестра за Ягорликом будут стоять на стороже 30 000 татар. Сии известия не для того я вам пишу, чтоб почитал их быть истинными, ибо прежние и ближайшие уведомления, что я чрез вас имею о изнеможении татар больше вероятны чем сии, но только, чтоб вы также были известны и о всем до меня доходящем от сей стороны Днестра, паче, что сии ведомости сходствуют разглашением в Букарештах, которые изъясняет в последних репортах генерал-майор Замятин. Я имею причину дивиться, читая в репорте, от вас приложенном, господина генерала-майора Замятина от 18-го марта, что ежедневно показывающиеся к той стороне неприятельские партии давно его привлекали подозрение, но в прежних репортах своих, даже до 26-го марта, ваше превосходительство меня уведомляли, что сей генерал-майор из Букарешт, как и граф Подгоричани из Фокшан, вас репортует, что все там благополучно и неприятель, чтоб где на сей стороне Дуная собирался не

слышно, а потом в один день господин Замятин стал писать, что с трех сторон хотят турки атаковать Букарешты, что в Рымниках соединили свою пехоту и кавалерию, а напоследок в репорте своем от 27-го пишет, что всего войска их стоит в Крайове 1300 человек и не осмеливается переходить на сию сторону Ольты и что намерен неприятель сжечь мост на речке Яломице для пресечения ближнего сообщения постам Букарештскому и Фокшанскому между собою; к чему де господин Замятин давно уже подозревал виды кажущиеся от партий неприятельских, однакож, о сем не представлял вашему превосходительству, как бы должно, поелику вы бы ко мне о сем, конечно, отписали. Я не могу сообразить, откуда бы третею стороною мог прийтить к Букарештам неприятель, ибо кроме из-за реки Ольты, да от Дуная нет ему беспрепятственного пути, а то еще меньше понимаю, чтоб между двух корпусов влез он сожигать мост, где бы его от Фокшан, конечно, встретили, хотя бы от Букарешт не вышли. Сии дела полагать сбыточными можно бы тогда, когда бы войски наши не на то определены, чтобы воевать, но только держаться одного места.

Приметьте, ваше превосходительство, господину генерал-майору Замятину, чтоб он о всяком происшествии подробно уведомлял, коль скоро что до его доходит, а не промалчивал бы первых признаков видимому намерению, покудова оное не предстанет ему в полном виде, инако же с резолюциею потребною нельзя будет упредить; равно, чтоб и известия тамошние, что могут не понимающие военных обстоятельств люди ему приносить, разбирал бы по резонам и свои мнения против них вам бы изъяснял для избежания всяких смятений.

Впрочем я на известное мне вашего превосходительства искусство наиточнее полагаюсь, что вы не удалитесь от предметов, на которых основывать должно обережение всего тамошнего краю и раздроблением войск не подадите неприятелю способов где-нибудь вторгнуться без своей гибели[1]. Бодростью и сообразованием следствий возможных и наводящих токмо пустую тревогу всякому генералу в своей части должно управляться, отчего никогда ни лишнего труда ни замешательств не последует; и естьли бы из сих неприятельских появлений заключения оставалось делать, то сходнее думать, что оными маскирует он, может быть, свое движение, ежели хочет сделать к стороне Фокшан и от Бендер, ибо сия сторона к тому больше удобна, нежели уголок тот, где господин Замятин предопределяет.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 205 об. — 207.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] Румянцев уже ранее указывал генералу Штофельну на недопустимость распыления сил (док. № 113).

№ 127

1770 г. апреля 5.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II СО СВЕДЕНИЯМИ О ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВНИКА И СООБРАЖЕНИЯМИ О ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ АРМИИ

№ 23 *м. Летичев*

Полученные рапорта от последних чисел окончившегося марта из Букарешт и словесные известия употребленных людей для разведывания о положении неприятеля извещают, что собрания турецких войск видимы уже в местечках, лежащих по берегу реки Дуная. Из-за реки Ольты партии их делали попытки при Слатине переходить на сию сторону, токмо арнаутские, стражу хранящие тамо команды, овладев перевозами, к тому их не допустили. По воспящении[1], коем неприятель отошел к местечку Рымникам, куда для поиску над ним генерал-майор Замятин командировал полковника арнаутского с пятнадцатью капитанами, находившегося на той стороне реки Ольты. И в сие же время сведал помянутый генерал-майор, что один паша из Силистрии, чрез Дунай с войском переправясь, стоит против оного города в местечке Ликарешты, в ожидании туда прибытия другого еще паши также с войском и подал о том уведомление генералу-порутчику князю Репнину, командующему в Фокшанах, который тотчас к означенному местечку Ликарештам послал партию, составленную из тысячи лошадей под командою полковника Чорбы, дабы елико возможно поразить сего неприятеля, против коего равномерно обратить поиски и от Букарешт генералу-майору Замятину предписал генерал-порутчик фон Штофельн.

Мост на Дунае в Исакче стараются турки наводить, но большую часть судов и припасов к тому строению бывшее наводнение разнесло и погрузило в песках, а как жители все от берегов дунайских удалились, то и весьма медленно идет у них работа. Сие известие имеет генерал-порутчик фон Штофельн от возвратившегося волоха, от него в те места посыланного, который дополнил свое показание еще тем, что в Исакчи прибыл паша с двумя тысячами войска, а по сделании моста полагают, что и визирь на сию сторону Дуная перейдет и близ местечка Рейны лагерь свой возьмет. От султана, якобы, издан указ, всех в плен взятых волохов и молдавцев освободить, но визирь, сделав на то представление, вторительного повеления ожидает.

В исполнение моего предписания до днесь препятствует разлив реки Прута генералу-порутчику фон Штофельну отрядить знатную партию даже до Исакчи, для точного удостоверения

---

[1] Воспрепятствовать, повернуть вспять (назад).

о наведении тамо мосту и ради препятствования идущим неприятельским войскам к Бендерам. Наводнение нынешнее в сей реке толь велико, что от Фальчи до самого Дуная нельзя чрез оную нигде переправиться. А выше Фальчи, кроме таковой же неудобности к переправе, ежели итти партии по ту сторону реки Прута чрез пустые места, то, по недостатку пропитания, дальшего предприятия исполнить не может.

Впрочем единогласные известия приходят от Дуная, якобы турки собираются атаковать Букарешты, а от стороны Бендер и орд татарских, что новой хан намерение приемлет нападение учинить на город Яссы. Собудутся сии предприятия, сказывали, на последней неделе поста или на первой светлого праздника. Однакож в течение прошедших и сих дней, еще тому не видно начала, да я сии разглашения и не представляю себе инако, как от неприятеля пропускаемыми, чтоб в нас вперив к ним внимание, отвлекти от путей, ведущих к дальним над ним поискам. Но поелику теперь и в наступающее время надлежит не в таком положении представлять неприятеля, в каковом он был зимою, но что он подобно прошедшей в превосходных силах отверстие сделает и нынешней кампании, то и признал я занужно снабдить предположением генерала-порутчика фон Штофельна таковым, дабы он по важности и пользе для предстоящих действий имел в главной себе предмет лежащую сторону между Днестра и реки Серет до тех мест, где оная вливается в Дунай, и к сему пункту преимущественно пред прочими относил свою защиту и принимаемые по обстоятельствам меры, ибо по настоящим его силам, равно он не может во все стороны всегда обратиться, не подвергая войск раздробленных опасности от многолюдства неприятельского, которому скудные силы в числе со всем их искусством преодолеть не трудно. Следственно и смотрел бы он на другие места, как предлоги не толь существительные, которых беречь только надобно до возможности.

Посему город Букарешты, как выходит совсем с положения того, в коем должно быть нашим военным действиям, и нам удержать его во всяком случае, не вдаваясь в явную опасность, отнюдь не можно; то и предварил я в сем виде завременно генерала-порутчика фон Штофельна, ежели бы турки весьма на атаку сего города усиливались и защищать бы оного, тамо находящиеся войска без своей опасности не могли, в таком случае нашим войскам выбраться из того города со всеми военными припасами и следовать к соединению с другими частьми и ни в каком случае городских зданий не истреблять. Жителей же тамошних предуготовить к переселению на такое время повелел я под видом, что их повсечастные смятения и недоверствия на безопасность нашей защиты наводят нам и теперь тревоги, то кольми паче от их слабости и незнания в военных делах ожидать должно беспокойств и страха, когда войски должны итти к общему своему соединению; для того бы они на такой случай

взяли себе убежищем безмятежным горы или ближние места, которые под закрытием останутся в сей нашей армии и в оных бы для пребывания своего приготовление сделали.

Приводя ко времени сим образом в соединение тамошний корпус и утверждая цепь всем восприемлемым приготовлениям в безвредном обережении вышеобъявленной стороны, что от Днестра простирается до устья реки Серет, предопределил я для переду, ежели войски выступят из Букарешт, во место нынешнего поста при Фокшанах, учредить такой же в околичностях Барлата и Фальчи, откуда удобнее будет войскам противу неприятельских движений, к Яссам ли бы оные склонялись или в другие концы Молдавии, соединиться и стать на воспротивление. А места, в таком положении за спиною остающиеся, та самая команда с частию артиллерии прикрывать станет, которая определится к местечку Романову, где главной магазейн будет; поелику сии места заслоняются положением, так сказать, непроходимым, как по освидетельствованию своему представлял мне генерал-квартермистр Боур.

Внутренное состояние вверенной мне армии в своих великих недостатках, то-есть рекрутах и одеяний, а из последнего наипаче в обуви, доселе еще не поправляется по недоставлению того к полкам и уже не остается времени, а потому и надежды, чтоб сии нужды могли быть удовольствованы до начатия кампании, как я имел щастие вашему императорскому величеству все подробности того всеподданнейше представить от 25-го марта.

Из вне предостоят мне также заботы, что при движении своем должен я буду обнажить оба свои крыла, поелику к прикрытию левого не надеется толь скоро генерал-аншеф командующий второю армиею сближиться со вверенными ему войсками к Днестру. Почему в моем отдалении чрез сие отверстие партии неприятельские от Бендер, а паче татарские могут пролезть в Польшу и нанесть всячески вред. Подобным образом и на правом крыле заложенные магазейны подлежат опасности от нападков конфедератов, которых чрез всю зиму войски от сей армии держали без выпуску в горах к венгерским границам. А по отступлении команд они из нор своих выйдут и возьмутся попрежнему за свои дела.

Предстоящие подвиги впереди вовсе мне воспрещают умалять число армии, предпринимая с оною наступательные действия, но, с другой стороны, стою я непременно в том правиле, что, не обеспечивши надежно оставляемого за собою, большими шагами нельзя ступать вперед. Из войск армии, мне вверенной, я не в состоянии уделить числа, достаточного на преграду всему тому, что требует сильных осторожностей при моем отдалении от собственных границ и от мест, дающих нам пропитание. По сим причинам имел я смелость всеподданнейше доносить вашему императорскому величеству, что на сие время нужно быть здесь особливому корпусу, который бы распространил свое бдение на

все означенные окрестности Польский же нынешний корпус не обеспечивает моего тылу по настоящему его отдаленному отсюду положению, ибо посты оного ближе Люблина в сию сторону не распространяются, а в Литве мне неизвестно есть ли какие наши войска [1].

О обывателях здешнего краю вообще, я могу уверить ваше императорское величество, что ни на их настоящую скромность ни на отзывы полагаться отнюдь не надлежит. Они все против нас духа неприязненного и в настоящем спокойствии удерживает их не любовь к нам, ниже разномыслие с братиею своею мятежниками, но один только страх присутственного оружия.

Но вящшее уважение должно мне иметь к тому, чтоб медлением ради недостатков не допустить неприятеля усилиться на сем берегу Дуная и стеснить тамо находящиеся наши войски. Потому коль скоро благость климата здешнего покажется, которой еще ни в чем доселе нет, но дожди сильные беспрерывно заливают, а земля не произрастает травы наинужнейшей для насыщения скота, изнемогшего от глада, которому пропитания по пути найти или приготовить вовсе не с чего, то и не стану я больше дожидаться снабдений армии недоставленных, а полагаю восприять в последних числах сего апреля отсюду движение, хотя с теми только войсками, которые в состояние придут выступить в порядке, надобном для поля, и коих число наберется не более двадцати тысяч [2]; поелику надобно мне от армии оставить одну часть войск ради прикрытия своего сообщения и остающихся в Польше приготовлений, как и для предосторожности против могущих быть попыток от польских мятежников и ради того учреждаемый кордон мой займет Премысль, Львов, Броды и Алику, а до Сандомира я теперь досягнуть не могу, которое место также занять бы следовало, как прошедшего года от 23-го октября месяца в представленных моих мнениях вашему императорскому величеству чрез генерала-порутчика Эльмпта о нынешней кампании, я имел честь изъясниться. Другую ради

---

[1] Польским корпусом назывался корпус русских войск под командованием генерал-поручика И. И. Веймарна, который вел вооруженную борьбу с польскими конфедератами. Люблин был центром расположения группы войск этого корпуса под командованием А. В. Суворова.

[2] В письме П. И. Панину от 20 апреля Румянцев высказывался более определенно о несоответствии степени обеспеченности и готовности армий, обширности задач, поставленных перед 1-й и 2-й армиями.

«Вы,— писал он Панину,— всем потребным свою армию имеете снабженную и уже идущую к предназначенным подвигам; меня же по прошлогоднему и ныне видно обрали, и я во всех недостатках иттить должен для закрытия и ваших операций и других оборонительных и наступательных действий и быть при всем том еще мне обязану попечением и о том, что потребным впредь считается и кроме моей команды...» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 412 об. — 415 об.). Тем не менее Румянцев решил не оттягивать далее выступления и наступать вдоль р. Прута «дабы оным (наступлением) прямое намерение наступательного действия вложить в неприятеля больше страха, нежели суть мои силы...» (там же).

принятия приводимых рекрут и обучения службе и снабдения оных, ибо я заполезнее считаю, чтоб в сих местах чрез определенные на то команды, приведши уже их в настоящую солдатскую исправность, тогда ко мне отправлять, упреждая тем крайности, что ежели весть их к армии невооруженных, то всякая бываемая тревога оных рассыплет, а когда и вооружить, не науча должному употреблению оружия, то и больше еще отяготят, естьли при малейшем страхе они отбегут и ружья [побросают] [1].

При действительном выступлении армии не упущу я моего долгу донести вашему императорскому величеству, сочинив ведомости о войсках, выступающих в поход, и коликое число из оных в котором месте оставлено будет...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 110—115. Подлинник. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М, 1865 г., кн. 2, стр. 45—49.

№ 128

1770 г. апреля 27.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНУ С ПОВТОРНЫМ ПРИКАЗАНИЕМ О ВЫСТУПЛЕНИИ ИЗ ЯСС, ОСТАВЛЕНИИ БУХАРЕСТА И ФОКШАН И О СОСРЕДОТОЧЕНИИ ЕГО КОРПУСА В РАЙОНЕ БЫРЛАТ-ВАСЛУЙ

№ 207

Сей день получа ваш репорт под № 91-м, не без удивления рассматриваю ваше изъяснение, что отлагаете вы до самой крайности выступление полков из города Ясс. Хотя бы не иметь к тому понуждения от умножающейся в стенах городских болезни, то уже ваше превосходительство видите наставшое время, в которое и в северных странах войски выходят в лагерь, кольми паче, когда пора уже пришла, рачить вам и о соединении всего своего корпуса и утвердиться в местах наиспособнейших для предстоящих военных действий. В нынешнее летнее время уже не настоят те нужды, по коим располагались войски в жилищах, чтоб охранить себя от стужи и найтить пропитание лошадям, а напротив теплота воздуха и подножной корм позволяют теперь выбрать и занять таковые места, где наиполез-

---

[1] Рекруты стали поступать в армию Румянцева только тогда, когда она уже выступила в поход. Ввиду неготовности к походной и боевой службе, Румянцев распорядился оставить их в Хотинском гарнизоне.

Вследствие малочисленности полков Румянцев сводил по два полка в один (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 147—150).

нее основать нам свое укрепление и оставить к тому не служащие. Доходящие к вам известия гласят о собирающихся неприятельских войсках за Дунаем, о запасах провиантских, прибывающих к Исакче, и о строении, приводимом к окончанию, на сей реке моста.

Все сие заставляет думать, что неприятель намеревается переходить на сию сторону Дуная, следственно и наши осторожности должны быть против того непродолжительны. От 3-го апреля под № 171-м в моем ордере[1] предписал я вашему превосходительству, что город Букарест выходит совсем из положения того, в коем должно быть нашим военным действиям, потому и надобно его оставить. В Фокшанах также незачем держаться, поелику сие место, как по лучшему обозрению открылось, совсем есть дезавантажное к защищению и мы обманывались до сего в инаковых об нем мнениях; итак, необходимо надобно уже вашему превосходительству избрать место, удобнейшее к расположению в оном всего вашего корпуса к предстоящим операциям.

Я оное вам и назначиваю между Бырлата и Васлуй, по дороге Ясской, куда и перенестись войскам из Букорест и Фокшан, охранив с другой стороны достаточным постом дорогу от Романа, где касается оной конец или ущелие Трансильванских гор, и, сделав для сообщения между собою сим постам на Серете мосты. В расположении таковом будучи, защищать можете совершенно всю сторону между Прутом и Серетом, а от Серета до Трансильванских гор по непроходным местам и совсем останетесь беспечны. Я вам сообщаю мои мысли и не стесняю оными уже формально вашей воли, ибо чрез толикое расстояние нельзя мне все вещи только совершенно постигать, как вы их обозреваете, будучи на месте. Словом, я вам вверил великую часть войск в положении, ближайшем пред неприятелем. Ваше превосходительство, конечно, и попечительны в своем звании о целости оных, вы же имеете в своих руках всех таковых людей, которые верные вам известия дать могут о предприятии неприятельском. Итак, блюдите время, чтоб прежде могли вы соединиться и взойтить со всеми отделенными частьми своего корпуса безопасно в вышеназначенное положение, нежели бы неприятель, перейдя Дунай, мог вам там нанесть не только опасность, но хотя и трудность.

На место господина Черноевича ваше превосходительство из господ генералов, в вашей команде состоящих, к правлению дел гражданских в Яссах определите, а отсюду я не имею кого послать.

Оставляя город Бухарест и Фокшаны, надобно так поступать, чтоб неприятелю не подать вида, что сию сторону мы ему оставляем из утеснения, но паче бы он думал, что мы меняем

[1] Ордер не публикуется (см. ф. ВУА, д.1866).

одно место на другое, ища способности лучше его вредить, и для того всходство первого моего ордера не только в городах не делать никакова грабления и порчи, но и жителей заблаговременно предварить о преселении оттуду, дабы нам преданные от всякой беды могли быть сохранены.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 220—221 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 129

1770 г. апреля 28.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ Х. Ю. ЭССЕНУ О ДИСЛОКАЦИИ И ЗАДАЧАХ ВВЕРЕННОГО ЕМУ КОРПУСА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ТЫЛА 1-й АРМИИ ПРИ НАСТУПЛЕНИИ ЗА ДНЕСТР

№ 209

Предпринимая движение с вверенною мне армиею за реку Днестр для предстоящих действий оружию ее императорского величества в той стране, должен я здесь, в Польше, не малую часть войск оставить, сколько в обнадеживание своего тыла и запасаемого тут пропитания, так и для лучшего споспешествования доставлять в армию во всякой исправности великого числа на укомплектование полков ожидаемых рекрутов, которые из России ведутся, также и аммуничных вещей, еще не прибывших. Известные мне и вас отличающие в военном искусстве достоинства ваши привлекли мой выбор возложить на вас должность попечения о делах, к сим мероположениям относящихся и нижеобъясненных, которые по важности своей требовали генерала и рачительного и довольного благоразумия. В сей надежде, вверив вам в отсутствии моем первое начальство над войсками, что остаются от первой армии в Польше, присоединяю к исполнению по настоящему вашему званию следующее: 1-е. В приложенных при сем ведомостях под литерами А, В, С, Д, Е[1] означается, какие полки и роты здесь остаются и входят в вашу команду, а расположением оных ваше превосходительство определите сим образом: в местечке Премысле три роты Троицкого пехотного полку и Вятского карабинерного полку три эскадрона и нововербованные казаки; в местечко Самбор два эскадрона Вятского полку и одна рота; в Станиславове три роты Троицкого пехотного полку, а одну роту ж поставить в Снятине; в городе Львове Пермского карабинерного полку три эскадроны и три роты пехотных 3-го гранодерского Сибирского и Нашебургского полков, триста малороссийских казаков из вновь команди-

[1] Приложения не публикуются.

рованных из команды бунчукового товарища Иваненка; в Бродах две роты и Пермского карабинерного полку два эскадрона и двесте малороссийских казаков из вновь командированных из команды помянутого бунчукового товарища Иваненка; в Алыках две роты и там находящиеся Донские команды; в Бердичеве одна рота; в Полонном три роты; в Белой Церкве одну, а из Межибожа одну роту перевесть в Гусятин, из Бердичева в Полонное, из Прилук две роты в Браилов, из Полонного одну в Залещики, а другую в Броды. 2-е. Против сего расположения команд вашему превосходительству взять свою квартиру, где наиудобнее за благо признаете, предаю то на соизволение ваше. Начальство же, зависимое от вас над командами, что располагаются между Львовом, Станиславовым и Премыслем, препоручите господину полковнику Ширкову, а прочие, на сей стороне Днестра в Львове, Бродах расположенные, предоставьте в ведомство господину бригадиру Кречетникову, и как скоро Вятского карабинерного полку господин полковник князь Шаховский в Премысль вступит, то содержавшему доселе тамошней пост господину подполковнику Елчанинову прикажите явиться у меня в армии. Что до Полонного, то там определите штаб-офицера по своему усмотрению или подполковника Дякова, там уже находящегося. 3-е. Нетрудно вашему превосходительству собственным просвещением дойтить до подробного соображения сего поверенного вам дела во всех оного частях. Итак, я генеральные только правила изъясняю, на коих должны основываться ваши учреждения. По отдалению армии и от собственных наших и от польских границ само по себе следует, что сии все места польские, которые делают оные тыл, в коих все провиантские запасы заложены, и коими проходить будут всякие транспорты отсюду и из собственных наших границ, наинужнее оградить бдящею стражею, которая бы наибеспечнее обнадеживала коммуникацию и от сих мест и от границ наших к армии; сию стражу хранить и распространять до наисовершеннейшего порядка и беспечности, я вам предназначаю и в сем виде ваше недреманное око да объемлет всю страну от Киева даже до венгерских границ, поставляя вверенными себе командами всегда преграду. Естьли бы польские злоумышленники, известные под именем конфедератов, коснуться от вне вознамерились во вред наш сей страны, или же бы и внутрь здесь живущих шляхтичей воспаляли к опровержению наших в сей земле основанных, как выше сказано, распоряжений к снабдению армии, прикажите для того иметь частое сношение командиру львовскому с командующим на настоящее время в Люблине от корпуса, в Польше действующего[1], и из здешнего кордона от Премысля к Решову к венгерской границе, от Львова к реке Сану к стороне Сендомира, от Бродов к Рубешову по Люблинской дороге,

[1] С А. В. Суворовым.

от Алыки до реки Буга к стороне Влодавы чинить разъезды для примечания и взятья подлинных сведений, употребляйте из здешних жителей, особливо жидов, для таких примечаний же, на что вам и сумма экстраординарная назначается; и где таковые злодейские сборища откроются, имеете, ваше превосходительство, истреблять повсюду, куда досягнет только ваша команда, военною рукою частно или одну другою подкрепляя; но, что до венгерских границ, то запретите ни под каким видом оных не касаться; и хотя нет явных признаков подозревать теперь здешних жителей в таком злоумышлении, но паче лучшего чаяния, буди бы и во внутренних здешних местах, объятых нашими войсками, отважились они против нас возмущаться, то долг ваш будет завременно и в самом зарождении подавлять их мятежи, не допуская до распространения; а в таком злодействе изобличенных поляков, или же взятых с оружием в руках против нас, имеете отсылать в Киев к тамошнему господину генерал-губернатору Федору Матвеевичу Воейкову для препровождения их оттуду в подлежащие места. Напротив, ваше превосходительство, всеми образами старайтесь во всей команде установить и наистрожайже соблюдать военную дисциплину, чтоб никто из военных людей от старших до последнего не учинил ни в каком случае обиды и озлобления всем здесь живущим, и под видом конфедератов не на поствовал бы[1] по пристрастиям на людей ни чем неповинных, ибо, как, с одной стороны, ласковое поведение и удержание сколько можно выгод для здешних жителей весьма им обязательны будут, так, с другой — необузданные своевольства и удручения могут дать повод и нехотящим против нас зложелательствовать к возмущению, и сей деликатной пункт сразмеряйте за всегда, ваше превосходительство, попечением о удовлетворении приносящих вам просьбы и о поступлении с виновными из военных чинов в грабежах или иных обидах беспослабно по законам. 4-е. Господину генерал-майору Буткевичу препоручены от меня все дела без изъятия провиантского департамента и потому он в Польше здесь и остается, а как при поставках в магазейны пропитания и транспортах оного к армии необходимо ему надобны будут военные команды для прикрытия оных и к понуждению к своему времени потребное доставлять, то, ваше превосходительство, по его представлениям для сих дел и дайте ему военных людей, сразмеряя число оных предстоящей надобности; а впрочем старайтесь всех и повсюду разосланных собирать, так как и залог всякого звания, которые не покажут от меня за рукою моею свидетельства, и представляйте мне о таковых кем, кому и когда даны, а между тем буди бы кто из здешних помещиков упорствовал в даче подвод под отвоз провианта или же бы другие чинил затруднения в собрании и транспортах оного, таковых владельцев призывайте, ваше

[1] Так в документе.

превосходительство, к себе и требуйте, чтоб они повеленное тотчас исполнили, а губернаторов или управителей их, брав под арест, держать, покудова все выполнят, и в чем следовала бы остановка их причиною, посылать в имения экзекуции для доправления; во отвращение, однакож, сих следствий неприятных средство я нахожу, дабы, ваше превосходительство, своими всегдашними отзывами вложили в память здешнему шляхетству, что вы имеете от меня повеление всех таковых покровительствовать и помогать их нуждам, которые как благонамеренные усердствовать будут в поставке подвод, и что будет необходимо потребно для войска из их владений, а тех и их имений нимало не щадить, которые противными себя покажут или же доводят до принуждения, вперите вы в них тем надежду и страх, споспешествующие делам нашим. 5-е. Выше сказано, что великое число рекрут и аммуничных вещей еще следует к армии. Сими комплектоваться полки пехотные будут в Межибоже, а кавалерийские в Бердичеве; вашему превосходительству главную инспекцию я препоручаю и над сими командами. Сами вы то представить можете, коль важнейшая настоит нужда, чтоб приведенным людям как можно скорее получить всю исправность, потребную для солдата, и заступить места свои в армии.

Итако я на усердность к службе вашего превосходительства в том полагаюсь, что употребить не оставите вы всего рачения к построению толь скорейшему всех мундирных и аммуничных вещей и к обучению рекрут надобным им ружейным приемам и поворотам. Определите, ваше превосходительство, пехотные и кавалерийские полки старшим в них полковникам в бригады и велите от кавалерии, как скоро которой эскадрон, паче кирасирского полку оставшие команды, укомплектованы будут, то немедля и отправлять их в Хотин, так как и построенную на полки аммуницию. 6-е. Почтовая дорога от Киева до Хотина, учрежденная по настоящему положению армий, не требует и ныне перемены, яко есть прямейшая, а какими оная местами лежит, то показывается в приложенном расписании. Ваше превосходительство, не оставьте без надзирания и сию потребность, чтоб всегда на станциях почтовых для курьеров готовы содержались лошади и проезжим от недостатка оных остановки не было. Осталось мне в заключении дать вам и о том знать, что вторая армия движение свое предприемлет к Бендерам на Ладыжин, куда уже передовые войски от оной до сих пор, я надеюсь, и вступили; следственно левой тот край Польши и обеспечивается тамошними командами, а от польского корпуса[1], к которым местам впредь сближаться войски я вас уведомлю, коль скоро получу по моему взнесенному требованию от полномочного нашего посла, его сиятельства господина генерала и кавалера князь Михайлы Никитича Волконского, из Варшавы

[1] И. И. Веймарна.

о том известие. Сим образом о местах, позади себя оставленных и содержащих толь важные приготовления для армии, я спокоен остаюсь, предав оные бдению и страже толь искусного и попечительного генерала, каковым ваше превосходительство в службе ее императорского величества отличаетесь; не меньше же предстоит тут случай благоуспешным исполнением должности сея, толь много споспешествующей действиям оружия ее императорского величества, вашему превосходительству приобресть вновь всемилостивейшей государыни всевысочайшее к себе благоволение. При кавалерийских полках, кто будет иметь команду в Бердичеве, потребно тому ведать, что недалеко от того места, именно в Кодне, стоят польские войска, нам союзные, то и накажите оному, ваше превосходительство, дабы, с одной стороны, с сими польскими командами так, как с войском союзной державы, всякое благопристойное поведение хранимо было, с другой — естьли бы оные вступались к воспрепятствованию в дачах подвод от обывателей и других поставок для нашей армии, то к тому их не допущать и в таковых случаях, что знаменовать будут худое их против нас поведение, командующему в Бердичеве должно предварительно сообщать их региментарю или кто его место в том войске заступает, требуя о удержании той польской команды в пределах приличной благопристойности. С господином генерал-порутчиком и кавалером Сиверсом, в доставлении к армии людей и надобных вещей имея сношение, учреждайте им маршруты и охраняйте их пристойными эскортами, каковы же даны от меня помянутому господину генералу Сиверсу, походному комиссариату и провиантской комиссии ордеры, к сведению вашему при сем прилагаю [1].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 222—226 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 130

1770 г. мая 3. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА КОМЕНДАНТУ г. ХОТИНА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ О.-А. ВЕЙСМАНУ О ПРИНЯТИИ МЕР ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ПРОТИВ ПРОНИКНОВЕНИЯ ЭПИДЕМИИ В ХОТИН

№ 219

Сей день получа вчерашний ваш репорт, которым уведомляете о знаках морового поветрия, найденных на трех рядовых Пермского пехотного полку, которые в Хотин препровождали из Ясс пленных турков, рекомендую вашему превосходительству в рассуждении сей опасной заразы все те же предосторожности

[1] Приложения не публикуются (см. ф. ВУА, д. 1866).

наиприлежнее соблюдать, кои в посланном моем к вам ордере от 2-го сего месяца я предписал по поводу слышанного поветрия в Яссах[1]. Как доселе вся армия свой марш к Хотину делает, то сами по себе представить можете, сколь нужно мне знать достоверно, что дальше сия внесенная зараза произведет в Хотине, дабы потому я мог восприять должные меры. Для сего, ваше превосходительство, на сей стороне Днестра поставьте команду, которая бы с тогобочными людьми не имела сообщения и в приближении их употребляла те же способы, какие повелены на случай прибывающих из Молдавии, и чрез оную ежедневно репортуйте меня, что с зараженными поветрием тремя людьми последует и изчезнет ли сия болезнь или больше распространяться будет. И письма свои также на сем берегу прикажите окуривать и обмачивать в уксус, а без того ко мне не возить.

Сего егеря, ваше превосходительство, при случае отправьте в Яссы к генералу-порутчику фон Штофельну, ибо я ничего особливого не имею теперь к нему писать.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 230—230 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 131

1770 г. мая 6. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ВЫСТУПЛЕНИИ 1-й АРМИИ С ЗИМНИХ КВАРТИР И ДЕЙСТВИЯХ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ ВВЕРЕННЫХ ЕМУ ВОЙСК

№ 30 *м. Михалполь*

Вследствие всеподданнейшего моего донесения вашему императорскому величеству под № 29[2] все полки армии, мне вверенной, выступили уже с зимних квартир и продолжают ныне свой марш к соединению. От конца зимы даже до сей поры льющиеся днем и ночью беспрерывные дожди самые гористые в сем краю места превратили, так сказать, в болота, а низкие — в топи непроходные. Собственное обозрение, с какими трудностями марширующие полки преодолевают таков разверстый путь, по необходимости склонило меня назначить им несколько расдохов, сверх показанных в данных им маршрутах, дабы тем временем собрались все повозки, с которых многие от своих полков отста-

---

[1] «Моровое поветрие», о котором здесь говорится, было эпидемией чумы, которая в 1769 г. вспыхнула и в Молдавии и Валахии, а в 1770 г. уже распространилась по России, достигнув особо большой силы в 1771 г. в Москве.

[2] В реляции от 23 апреля Румянцев доносил о действии противника и о начале выступления армии из зимних квартир.

ли при самых еще квартирах и не могут дойти к ним за беспутицею.

Еще сия трудность, как мимо идущая, не больше сделать может для армии остановки, как на несколько токмо дней, ибо ясные дни, коих ожидать следует, скоро бы осушили землю и поправили дороги; но я, всемилостивейшая государыня, в настоящем походе, к сожалению, получил из Молдавии рапорты, преклоняющие к крайнему уважению описуемого в оных. Генерал-порутчик фон Штофельн от 28-го апреля уведомляет меня, что в городе Яссах показалось моровое поветрие и тамошние медицинские чины в общем совете, рассматривая причины болезней и скоропостижной кончины многих людей, нашли на них знаки прямые сея гибельные заразы, вслед затем дошли уведомления из Фокшан от генерала-порутчика князя Репнина, что в деревне Кодешты по дороге к Рымнику в 2-х часах от Фокшан также моровая язва оказалась по удостоверению посыланного туда для освидетельствования лекаря, которое поселение командою и окружено для пресечения всякого с оным сообщения, и из Букарешт от генерала-майора Замятина, яко и в оном городе сия лютая язва появилась, по коей причине он со всем войском из города вышел и лагерем расположился, оставя в оном пристойную команду во удержание грабления городу от тамошних арнаутов. Число умерших в Яссах показывает генерал-порутчик фон Штофельн от 25-го апреля по 28-е: из полковых нижних чинов — 17, да тамошних обывателей 46 человек. От 28-го апреля по 1-е майя: Венгерского гусарского полку порутчик Герман Телцын, прапорщик Гендрих Брумер, Пермского пехотного прапорщик Алексеев, нижних чинов 23 и тамошних жителей 47 человек. Из города Ясс все полки выступили в лагерь, также и обывателей большею частию в поле выбрались и помянутый генерал-порутчик уповает при божией помощи вскоре пресечения тамо сей заразе чрез средства, им употребленные, истреблением зараженных мелких домов, а в каменные закрытием проходов. К горьшей моей заботе подоспело, наконец, от 2-го майя и от генерала-майора, правящего должность коменданта в крепости Хотинской, Вейсмана таковое же уведомление, что из команды, пред тем прибывшей из Ясс в препровождении пленных турков и татар, три человека рядовых заболели в Хотине, на коих по осмотру лекарей найдены знаки морового поветрия. Сии болящие хотя тотчас в особливое место на форштате заключены к излечению, и хотя я все известные способы, служащие к удержанию расширения заразы и в Яссах и при Хотине, велел наиточнее соблюдать, но как лютость сего зла превосходит силы человеческие к защите против оного, то естьли бы, от чего боже спаси, язва расширялась в Хотине, сие нещастие опровергнет тогда все надежнейшие мои меры для предстоящих действий, ибо при сей крепости я основывал главные свои магазейны всех потреб вообще на снабдение армии, мне вверенной. Но что бы уже

бог ни послал, я до самой крайности не удалюсь поступать, сходствуя обоим правилам в высочайшем рескрипте от 21-го генваря, от вашего императорского величества мне предписанным, то-есть удерживать за собою завоеванные княжения и сохранить войски от прикосновения вышеписанной пагубы доколе только можно будет сии оба предмета соединять в равновесии. И для того, ежели опасность заразы не дозволит чрез готовый уже мост на Днестре при Хотине перевести армии, то я, однакож, стараться стану, обошед сие место, в другом переправиться чрез Днестр и, конечно, быть на той стороне в самой скорости, дабы не дать неприятелю почувствовать настоящих приключений, нас стесняющих, а напротив походом моим дальшим по сей стороне Прута показать ему виды прямых на него наступательных действий и заставить внимать оным. А затем и принужден буду иного места искать к сложению всех своих запасов, хотя столько надежного, как есть Хотин, другого и не находится [1].

На том и на сем берегу Днестра при Хотине велел я учредить заставы, дабы никого из Молдавии не пропускать без освидетельствования и испытания сколько время требует, чтоб узнать человека неприкосновенного к заразе, и письма все, получаемые, окуривать и в уксус обмачивать, а потом присылать ко мне с курьерами от команд, на сей стороне стоящих. Хотя расширение заразы до такой степени и не доходит, чтоб и в собственных вашего императорского величества границах крепкое уже против оной принимать сохранение, но из одной предосторожности я сообщил генералу-губернатору Киевскому, чтоб он по мере известий, ко мне дошедших, приказал при пограничных заставах, из Молдавии едущих, сколько приличная осторожность требует, осматривать для удостоверения точнейшего. О появившемся поветрии в Хотине и в Молдавии послал я в те места находящегося при армии доктора Ореуса, который в своей профессии и искусством видимым в излечении больных и неусыпным о пользе их прилежанием весьма себя отличает, дабы он на месте испытал, зараза ли прямого поветрия тамо действует, или же жестокость других болезней, меньше опасных, хотя и прилипчивых, которые в теплое нынешное время обыкновенно размножаются, и способы лечительные в сих случаях тамошним медикам по лучшему своему разумению преподал.

При сем имею честь поднести к высочайшему усмотрению вашего императорского величества в копии рапорт генерала-поручика фон Штофельна в объяснениях, с каким успехом свой поиск над татарами окончил секунд-майор Зорич, об отправлении коего за реку Прут доносил я вашему императорскому ве-

---

[1] 23 апреля армия Румянцева отдельными частями выступила с зимних квартир к Хотину, где было назначено общее сборное место для войск первой армии и устроен мост для переправы через Днестр. Вся армия была разделена на семь колонн, которые двигались отдельно одна от другой.

личеству во всеподданнейшей моей [реляции][1] от 23-го апреля. В последних числах истекшего апреля рапортовал из Фокшан генерал-поручтик князь Репнин, что по предварительному известию о идущей турецкой партии из Браил к Бузео, хотя он чрез подполковника Фабрициана, состоящего в Рымниках, предуведомил было содержащего пост в Бузео арнаутского капитана Яна Николаева, дабы сей в случае превосходной турецкой силы против его команды, в 200 арнаутов состоявшей, засел в монастырь Бузейской, который весьма крепок, и в оном бы ожидал себе сикурсу. Токмо оной арнаутской капитан, коль скоро неприятель показался, оставя хранимой пост, ушел с своею командою в горы, а между тем шедший в подкрепление ему от подполковника Фабрициана капитан Требинский с 200 казаков и арнаутов, приближась к Бузео, и увидев сие местечко в пламени, бросился в плавь чрез реку и в 40 человеках казаков и арнаутов ударил на неприятеля и его разбил, забратых жителей бузейских освободил; в плен взял трех турков, многих положил на месте, а остальных принудил бежать к Браилам и потому занял попрежнему пост в Бузео, в котором при нападении несколько халуп неприятелем выжжено. Помянутого арнаутского капитана Николаева генерал-поручтик фон Штофельн как бесчестного человека велел скованного к себе прислать.

Неприятельских движений ни к стороне Букарешт, ни к Фокшанам, ни от татарской орды нимало не открывается, и посыланные наши разъезды на сей стороне реки Дуная нигде оного не встречают. Выходцы из турецкого плену и посыланные для проведывания волохи согласно приносят известия, что при Исакче на Дунае мост еще не окончен, однако уже суда прошлогодние поставлены и доски положены, а разлив Дуная столько необычайно расширяется, что и никто против нынешнего наводнения в оном не памятует, ибо и в местечке Картале, которое больше часа от берега лежит, жители лодками ездят. Визирь находится в Бабады. При нем не боле 20 000 считают войска, и сколько оное ежедневно прибывающими ни умножается, столько чрез побеги ежечастные опять оскудевает. Напоследок, в Букарешты возвращающиеся из полону показывают слышанное ими в турецкой стороне, якобы турки везде публично говорят о предположенном своем намерении не переходить на сию сторону реки Дуная, но по той стороне, укреплясь, защищаться, и что прежнее предположение нападать на Букарешты у них совсем отменилось. Достовернейших же известий чрез надежных комиссионеров, которые посланы до Адрианополя и Царьграда, генерал-поручтик фон Штофельн не может вскоре получать, ибо им иной дороги нет, как проходить чрез Трансильванию, где без

---

[1] Рапорт Штофельна и реляция Румянцева в Сборнике не публикуются. Секунд-майор Зорич, разбив крупный татарский отряд у Прута, вернулся к Рябой Могиле, а татары после этого продолжительное время не приближались к Пруту (см. ф. ВУА, д. 1868).

положенного карантина не пропущаются, потом чрез Венгрию к Видину или к Белграду следовать, итако скорее двух месяцев возвратиться им нельзя. Я предписал помянутому генералу-поручику не полагаться на вышеписанные уведомления, которые одно другим опровергаются и кои, может быть, турки пропущали прежде во устрашение нам, а ныне тоже чинят нарочно, дабы нас усыпить; но чтоб он больше свои осторожности против того учреждал, что неприятель собрание войск как ни есть, производит, однакож, за Дунаем, что при Исакче и мост и запасы провиантские приготовляются, а все сие показывает его намерение переходить на сию сторону, следственно необходимость требует избрать место удобнейшее к расположению в оном всего нашего тамошнего корпуса к предстоящим операциям, которое ему, генералу-порутчику, я и назначил между Барлата и Васлуй по дороге Ясской, куда и перенестись войскам из Букарешт и Фокшан, как первое выходит совсем из положения того, в котором должно быть нашим военным действиям, о чем я вашему императорскому величеству имел честь донести от 5-го апреля [1], а в последнем также незачем держаться, поелику сие место, как по лучшему обозрению открылось, совсем есть безавантажное к защищению; охранив с другой стороны достаточным постом дорогу от Романа, где касается оной конец или ущелие Трансильванских гор, и сделав для сообщения между собою сим постам на Серете мосты. В расположении таковом будучи, тот корпус защищать совершенно может всю сторону между Прутом и Серетом, а от Серета до Трансильванских гор по непроходимым местам и совсем останется беспечен. Я приметил тут же оному генерал-порутчику, дабы имев все способы на месте узнавать о предприятии неприятельском, наблюдал он время, чтоб прежде мог соединиться и войти со всеми отделенными частьми своего корпуса спокойно в вышеназначенное положение, нежели бы неприятель, перешед Дунай, в состоянии был в том ему нанесть не только опасность, но хотя и затруднение. Оставляя Букарешт и Фокшаны, приказал я так поступать, чтоб неприятелю не подать вида, что сию сторону мы ему оставляем из утеснения, но паче бы он думал, что мы меняем одно место на другое, ища способности лучшей его вредить, а для того в сходство первого моего ордера повторил не только в городах не делать никакого грабления и порчи, но и жителей заблаговременно предварить о переселении оттуду, дабы нам преданные от всякой беды могли быть сохранены.

Расположенные в Польше команды от армии, мне вверенной, в прошедшем апреле имели стычки с конфедератами следующие: подполковник Елчанинов в околичностях Премысля к венгерским границам, содержащий стражу с своею командою, под-

[1] См. документ № 127.

ходя до Конечной, передовыми своими прежде разбил разъезд конфедератский, предводимый региментарем Киркуром, положив на месте до 40 человек возмутителей, потом когда Пулавский, о сем уроне сведав, ретировался к Конечной и соединился тамо с маршалком бельским Миончинским, то помянутый подполковник преследовал его до того места. 4-го числа казаки, авангард его делающие, встретили два эскадрона гусар Радзивиловых, кои тотчас стали отступать, однако с таким порядком, что только человек с 15 и два офицера их в ретираде казаками убиты, да в полон взято 4. Напоследок, опровергнувши их пикеты при Конечной, когда на всю партию конфедератов, ставших в порядок бою, означенный подполковник повел свою пехоту, то они все перешли за границу венгерскую и за оною построились, а наши команды дальше на них и наступать не могли и принуждены отойти по перестрелке с обеих сторон пушками и на охотника [1]. Урон при сем случае конфедераты понесли немалой, как дезертировавшие от них показывают, а с нашей стороны убито карабинеров 3, солдат 1, казаков 4. Ранены: вахмистр 1, карабинер 10, солдат 1, казаков 5, лошадей строевых убито 4, ранено 16.

Из Станиславова полковник Ширков уведомляет по дошедшему к нему известию от польского генерала и драгунского полку полковника Винявского, что конфедератов до 300 человек против 22-го числа под командою полковника Дрозда, приехав в местечко Грудок и стоящего в оном полку его штандарты, всю аммуницию и лошадей забрали и уехали, пробираясь к Дукле. Соображая, что сей коронной полк имел налицо более 200 человек, следственно и достаточно бы мог воспротивиться нахальникам, однакож того не чинил, то и походит таков грабеж больше на хитрость и добровольную всего того отдачу во вспоможение конфедератам. В местечке Ляшках из команды его ж, полковника Ширкова, разъезд 21-го числа, наехав [на] конфедератскую партию в 30-ти человеках, убил из оной 3 человек, да 6 взял в полон, с команды ж нашей легко ранен 1 карабинер. Тогда ж и от Белоховского поста посланные 30 человек казаков, наехав [на] небольшую конфедератскую партию в деревне Новокрапивниках, которые, увидев казаков, тотчас в окошка стали по них стрелять, разбили оную, причем казаки одного из них, отстреливающегося, закололи, двух полонили, а прочие ушли в близлежащей лес.

27-го прибывший ко мне из Варшавы майор Остен объявил, что на дороге близ Тартака, напав на него, конфедератская партия разграбила и отбила депешу, которую чрез него послал ко мне полномочный вашего императорского величества посол князь Волконской, от коего давно уже я не получаю ни о чем уведомлений, но в то самое время случилось подъехать к тому месту вы-

[1] Так в подлиннике.

сланной из Бродов донской команды 12-ти человекам, которые, соединясь с командою Володимерского драгунского полку, следовавшею до Бродов в препровождении пленных конфедератов, успели настигнуть ту возмутителей партию, из коей убили 6, да полонили 6 же человек, а прочие разбежались, отбито притом бывших в полону захваченных сими конфедератами из данных от Кабардинского пехотного полку львовскому коменданту для высылки с земли хлеба солдатов 3, да беглой Сибирского полку 1, также и 1 казака Малороссийского, отхваченного ими в провожании курьера, а депеши помянутой от них не выручено. Генерал-майор Буткевич, переезжая Броды рапортует ко мне оттуду, что тамошний комендант отставной генерал-майор Каленберг открыл ему слышанное им за секрет от воеводы Кийовского Потоцкого, что под предводительством конфедератского маршалка Пулавского, где и князь Мартин Любомирской находится в местечке Самборе, и около оного знатное число конфедератских конных и пеших войск собирается, и считают оных по крайней мере быть в 5000 человек, между коими состоит один конной полк коронного гетмана Ржевуского, якобы принужденно Пулавским взятой; что сии возмутители разделясь на партии, укрываются еще по лесам и приманивают в свою шайку постороннюю шляхту. По сим откровениям, когда уже во внутрь преграды, сделанной от меня на заслону в Польше заготовленным нашим припасам, осмеливаются в сию пору влазить и восставать мятежники, то при дальнейшем движении армии они в сих местах еще больше покажутся, как я вашему императорскому величеству всеподданнейше доносил, что на скромность всего здешнего шляхетства вовсе полагаться не можно, и что их доселе удерживал в покое один страх присутственного оружия. Ибо во всю зиму беспрепятственное имев убежище в венгерских границах конфедераты, с коими и от разбития в Великой Польше остатки соединились, могут в удобную пору, показавшися к своим ветренным собратиям, вложить в них великое упование и охоту последовать своему примеру. Я теперь в закрытие своих магазейнов еще сделал прибавку войск казачьими командами и не оставлю вашему императорскому величеству обстоятельно донести из рандеву, в коликом числе я выступил и сколько здесь войск оставлю под командою генерал-поручика фон Эссена, которому и дал я уже повеление принять оставляемые в Польше команды и коим образом ему приступать, имея по отшествии армии начальство в сей части Польши...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 134—141. Подлинник. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М, 1865 г., кн. 2, стр. 59—64.

№ 132

1770 г. мая 14. — РАСПИСАНИЕ 1-й АРМИИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ П. А. РУМЯНЦЕВА ПО ДИВИЗИЯМ И БРИГАДАМ

Первая дивизия — корд-армии, командующий оною господин генерал-аншеф и кавалер Петр Иванович Олиц

Генералитет	Бригады	Полки
Господин генерал-майор Храповицкой	Первая	Первой гранодерской
		Новогородской
		Баталион егерей
Господин генерал-майор Курсель	Вторая	Третий гранодерской
		Ярославской
		Баталион гранодер господина подполковника графа Воронцова
Господин бригадир Сухотин	Третья	Выборгской
		Куринской
		Второй Московской
		Смоленской

Вторая дивизия — правое крыло, командующий оною господин генерал-порутчик и кавалер Племянников

Господин генерал-майор Гротенгелм	Первая	Четвертой гранодерской	
		Подполковника Пеутлинга Выборгского и Капорского рот	Баталион гранодер
		Подполковника Аршеневского Астраханского и Смоленского рот	
Господин генерал-майор фон Вейсман	Вторая	Бутырской	
		Муромской	

Генералитет	Бригады	Полки	
Господин бригадир Гудович	Третья	Астраханской	
		Первой Московской	

Третья дивизия — левое крыло, командующий оною господин генерал-порутчик и кавалер граф Брюс

Господин генерал-майор Херасков	Первая	Подполковника Бегичева Азовского и Нижегородского рот	Баталионы гранодер
		Подполковника Ливена	
		Подполковника Нейбуша	
		Подполковника князя Меншикова	
Господин генерал-майор Римской-Корсаков	Вторая	Санкт-Петербургской	
		Апшеронской	
Господин бригадир и кавалер барон Игельстром	Третья	Кабардинской	
		Капорской	

КАВАЛЕРИЯ

На правом крыле под командою господина генерал-порутчика и кавалера графа Салтыкова

Господин генерал-майор и кавалер Потемкин, а до прибытия его старший полковник	Первая	Кирасирские	Наследников
			Новотроицкой
За бригадира господин полковник Энгельгард	Вторая	Карабинерные	Рязанской
			Астраханской
			Тверской

Генералитет	Бригады	Полки	
На левом крыле под командою господина генерал-майора и кавалера Глебова			
Господин генерал-майор князь Трубецкой, а до прибытия его старший полковник	Первая	Киевской кирасирской	
		Карабинерные	Нижегородской
			Сибирской
Господин генерал-майор князь Долгоруков, а до прибытия его старший полковник	Вторая		Московской
			Тобольской
В лагере при Хотине под командою господина генерал-майора Николая Глебова		Пехотные	Азовской
			Белозерской
			Ростовской
			Нижегородской

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1820, л. 12—12 об. Из «Белового журнала военных действий графа Румянцева с открытия кампании».

№ 133

1770 г. мая 14. — ИЗ «ЖУРНАЛА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ АРМИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЗА 1770 г.». ДИСПОЗИЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ДЛЯ МАРША АРМИИ ПОСЛЕ ПЕРЕХОДА ЕЕ ЧЕРЕЗ ДНЕСТР

Армия пребывала в сем же лагере, поджидая к полкам повозок, которые отстали от оных во время марша за развертым путем от беспрерывного дождя; а генерал, командующий, объехав все полки и осмотря мосты, для переправы приготовленные на Днестре, был в крепости Хотинской, где его со многими генералами и штаб-офицерами обеденным столом принимал правивший в той крепости должность коменданта господин генерал-майор Вейсман. Тут будучи, отдал приказ господину полковнику Азовского полку фон Шталю принять должность коменданта для того, что господин генерал-майор Вейсман употреблен к армии, а главную команду над остающимися при сей крепости полками поручил господину генералу-майору Николаю Ивановичу Глебову.

По учреждении всех потребных приготовлений к переправе чрез реку сделана диспозиция марша, которую бы армия сохранила при будущих движениях без отмены, кроме случаев, где бы особые даны приказы. Учреждение таково сим образом предписано: армия марширует повзводно в семь колонн, три с правого и три с левого крыла, а одна с средины.

1-ю колонну правого крыла составляют бригада господина генерала-майора фон Гротенгельма, она марширует слева, 4-й гранодерской полк следует наперед, за оным баталион подполковника Аршеневского, за ним баталион подполковника Пеутлинга, которой, выступая справа, всегда при входе в лагерь становится в резервную линию, как в ордер де-баталии назначено; за сими баталионами следуют кавалерийские полки: Рязанской, Новотроицкой, его высочества наследников и Тверской, а Астраханской замыкает колонну.

2-я колонна, оную составляет бригада господина генерал-майора Вейсмана, парки артиллерии с крыл под № 1-м и 2-м, а бригада бригадира Гудовича замыкает, Муромской полк следует наперед, за оным Бутырской, потом парки артиллерии с крыл под № 1-м и 2-м, за оными первой Московской, а Астраханской замыкает колонну, оная марширует в первой линии слева, а вторая линия справа.

3-я колонна, оную составляет бригада господина генерала-майора Храповицкого, парки артиллерии под № 3-м и 4-м, баталион егерей и бригада бригадира Сухотина, Новогородской полк идет наперед, за оным следует 1-й гранодерской, парк артиллерии под № 3-м, потом резервной баталион егерей, за оным парк артиллерии под № 4-м, потом Куринской, а колонну замыкает Выборгской полк, первая линия сей колонны и егери маршируют слева, а вторая — справа.

4-я колонна, оная марширует с средины, парк артиллерии под № 5-м следует наперед, а другой под № 6-м замыкает оную.

5-я колонна левого крыла, оную составляет бригада господина генерала-майора фон Курселя, парки артиллерии под № 7-м, 8-м, а бригада полковника Салтыкова замыкает; Ярославской полк следует вперед, за оным 3-й гранодерской, парк артиллерии под № 7-м, резервной баталион графа Воронцова, парк артиллерии под № 8-м, потом Смоленской, а замыкает 2-й Московской полк, первая линия сей колонны и баталион графа Воронцова маршируют справа, а вторая линия — слева.

6-я колонна, оную составляет бригада господина генерала-майора Корсакова, парки артиллерии с крыл под № 9-м и 10-м, а бригада бригадира фон Игельштрома замыкает; наперед следует Апшеронской, за оным Санкт-Петербургской, парки артиллерии с крыл под № 9-м и 10-м, потом Капорской, а замыкает Кабардинской полк, первая линия сей колонны марширует справа, а вторая — слева.

7-я колонна, оную составляет бригада господина генерала-майора Хераскова и кавалерийские полки господина генерала-майора Глебова, баталион подполковника Бегичева следует наперед, а за оным баталион подполковника Ливена, потом баталион подполковника Нейбуша, а баталион князя Меншикова замыкает; сей последней выступает справа и всегда при входе в лагерь становится в резерве меж обеих линий, за оным баталионом в марше следует кавалерия, Сибирской, Нижегородской карабинерные, Киевской кирасирской, Тобольской и Московской карабинерные.

Обозы главной квартиры следуют за 4-й колонною артиллерии, позади пушек и ящиков, полковые обозы идут за их колоннами тем же точно порядком, как полки один за другим маршируют, так как уже в генеральном учреждении приказано было.

Каждой баталион должен иметь две пушки и два ящика впереди, а остальные ящики следуют за полком и при входе в лагерь становятся на крылах полку. Палаточные и рогаточные повозки и патронные ящики идут стороною подле своих рот в тех колоннах, кои выступают слева по левой, а кои справа по правой стороне. Командиры колонн должны наблюдать, чтоб головы оных были ровны и, естьли строиться приказано будет, чтоб каждая бригада имела свою дистанцию.

Пушки становятся в шести-десяти шагах пред каждым баталионом и ровняются с большою артиллериею в одну линию.

Тяжелой полковой обоз в линии лагеря не въезжает, а становится за линиями, где приказано будет, и для того от полков уже в первой марш должен быть отделен.

Но как баталионы князя Меншикова и подполковника Пеутлинга причисляются к фланговым бригадам и при составлении дивизионных каре занимают те места, где они лагерем поставлены, то паркам артиллерии под № 9-м и 10-м, как скоро пробьют генеральной марш, до выступления колонн примкнуться к паркам артиллерии под № 1-м и 2-м, чтоб баталионами не были пересечены, которым баталионам в 1-й и 7-й колоннах маршировать; как скоро дан сигнал из пушки, то всем колоннам составлять свои дивизионы. По второму сигналу пушки полкам первой линии правого крыла вдаваться влево, а левого крыла вправо; полки второй линии правого крыла заходят налево, а левого крыла направо, чтоб по третьему сигналу все полки во фронте построиться могли; первой линии артиллерия въезжает вперед, а парки артиллерии второй линии становятся в шестидесяти шагах пред оною линиею, так, как в ордер дебаталии назначено. Оба фланги делают фронт и буде вторая линия приближилась весьма к первой, то делать ей направо кругом и, отступя, взять потребную им дистанцию.

Естьли дивизиям приказано будет делать свои каре, то паркам артиллерии с средины под № 3-м и 7-м становиться в сред-

ней каре; парк под № 4-м идет в дивизию господина генерала-поручика Племянникова, а другой под № 8-м в дивизию графа Брюса.

Парки с крыл под № 1-м и 2-м, 4-м и 10-м, также 5-м и 6-м посылают по рассмотрению обстоятельств еще несколько больших орудиев ко оным кареям...

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 207—210. Копия.

№ 134

1770 г. мая 20. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ ОТРАЖЕНИИ ПОПЫТКИ ПЕРЕПРАВЫ ТУРЕЦКОГО КОРПУСА ЧЕРЕЗ ПРУТ

№ 35 *Лагерь при р. Днестре*

Вашему императорскому величеству имею честь донесть, коим образом сильная попытка неприятельская из-за реки Прута к нападению на Молдавию на сих днях отражена командами от корпуса генерал-порутчика фон Штофельна. В 13-й день майя, сей генерал-порутчик, получа уведомление у Фальчинского посту, что при деревне Лунка-Банул, между Фальчи и Рябой Могилы, на той стороне реки Прута показался турецкой и татарской лагерь со множеством повозок, тотчас командировал к тому месту Ахтырского гусарского полку секунд-майора Зорича для восприятия вопреки потребных мер с помощию команд, которые повелел ему от других постов призвать в соединение. Вследствие такого предуведомления на другой день, то-есть 14-го майя, рапортовал помянутый секунд-майор Зорич, что в самом деле застал он неприятеля, переправляющегося чрез Прут, который в тот же день как чрез оную реку, так и чрез два широкие заливы в брод и плавь перешел в четырех тысячах пехоты и конницы, производя стрельбу из трех пушек, которые уставил он на берегу Прута.

Приступя к третьему заливу, где самое было узкое место, и занятое капитанами Ахтырского гусарского полку Требуховичем с тремястами легких войск, Архангелогородского пехотного полку Вельяновым с двумястами человек пехоты и с двумя пушками, с великою отвагою сей неприятель стремился достигнуть до наших команд, и, невзирая на сильную пальбу по нем из пушек и мелкого ружья, с обыкновенным криком бросился в воду. Но как оной залив до четырех саженей ширины и весьма глубок был, також берег, на котором команда Требуховича состояла, крут и высок, то, до половины в воду вбежав, неприятельская и пехота и конница далее за глубиною и крутостью берега продолжать нападение не могли и, видев тут себя из ружья, а от казаков копьями побиваемых, обратились в бег, подвергаясь пу-

шечным картечным выстрелам. Секунд-майор Зорич, подоспев туда же с несколько единорогами, приказал тотчас по неприятелю стрелять и гранаты метать, чем не только к отступлению, но и к обратной переправе чрез Прут в прежней свой лагерь его принудил. По известиям сей турецкой корпус состоял до двенадцати тысяч, в коем большая половина татар под командою паши Алибея, и переправился он от визирской армии на судах для примечания с сей стороны на наши войски, так как и крымской хан Каплан-Гирей с знатным числом турок и татар на реке Быке при местечке Кишиневе кочует, примечая равным образом на войски, идущие с нашей стороны к Бендерам.

Неприятельской урон при сем случае считают немалым, поелику турки, подошед столь близко к мелкому ружью, не в состоянии были за наводнением скоро ретироваться. С нашей стороны убит один хорунжий, ранено мушкатер 5, волонтеров 5 да казаков 4. От предводительствовавшего при сем отражении неприятеля, секунд-майора Зорича, за отличную храбрость рекомендованы капитаны: Требухович и Вельянов, Тенгинского пехотного полку подпорутчик Запрегаев, казацкий полковник Мартинов и есаул Яков Засевский.

Дальнейшие предприятия от сего появившегося неприятеля на молдавской берег реки Прута, больше уже не наводят опасности, как уверяет в том меня генерал-порутчик фон Штофельн (потому что секунд-майор Зорич, противостоящий неприятелю, имеет уже до семисот человек пехоты, семь пушек и до двух тысяч легких войск), а между тем и генерал-порутчик князь Репнин с Фокшанским деташаментом туда же сближается. По ретираде неприятельской в прежней свой лагерь на другую сторону Прута, посланные осмотреть те места, которыми их войско проходило, нашли в воде великое число побитых тел, между коими было до трехсот человек в хорошем приборе...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 166—168 об. Подлинник. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М, 1865 г., кн. 2, стр. 75—76.

№ 135

1770 г. мая 20. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПЕРЕХОДЕ ЕГО АРМИИ ЧЕРЕЗ ДНЕСТР

№ 36 *Лагерь за Днестром*

В 15-й день сего месяца армия вашего императорского величества по двум сделанным мостам, одному твердому при Хотине, а другому понтонному против Жванца, перешла на сию сторону Днестра в занятой лагерь в двух верстах от Хотина в правую

сторону. С самого того дня усилившийся беспрерывный дождь не престает еще и теперь и затрудняет переезд обозов до сего дня, ибо сверх того, что в реке воды столько прибыло, что должно было 22 понтона к прежнему мосту прибавить, все повозки загружаются в топях и на руках по большой части выносятся, так что нельзя на самом малом расстоянии ничем тому пособить в рассуждении повсеместной вязкости.

Весьма мне прискорбно, всемилостивейшая государыня, что сия воздушная суровость непреоборимое сделала препятствие прошедшими днями продолжать мой марш к стороне Липчан, ибо генерал-квартермистр Боур подал мне рапорт по освидетельствованию дорог чрез его подчиненных до первого назначенного лагеря, что армии, а паче артиллерии за великою грязью нет способу пройти, покудова хотя мало не осушится путь и поля, итак я в ожидании того через день или два принужден тут простоять.

Всеподданнейше имею честь поднести при сем табель под литерою «А» [1], в коликом числе людей армия вашего императорского величества перешла чрез реку Днестр и ордер-баталии под литерою «В» [1], по которому оная располагается. Расписание под литерою «С» [1], где корпус, оставленной в Польше под командою генерала-порутчика фон Эссена, расположен, которой, исключая бывших в Покуции одного Троицкого пехотного и Вятского карабинерного и во Львове Пермского карабинерного ж, составлен большою частию из числящихся в отлучках, госпиталях и наличных больных и самых последних рекрут, о котором, получа обстоятельные рапорты, вашему императорскому величеству поднести ведомость не умедлю.

Последними рапортами генерал-порутчик фон Штофельн доносит, что моровое поветрие в Яссах вид кажет уменьшения против прежнего, помощию средств, употребленных, что предписал туда посланный доктор Ореус, коего из двух рапортов ко мне присоединяю экстракты и копию представления, что он учинил генералу-порутчику Штофельну о способах, как сохраняться людям от заразы.

Генерал-майор Замятин с своим деташаментом 13-го числа сего месяца был уже в Бузео и поспешает к соединению с генерал-порутчиком князем Репниным в назначенное место, то-есть между Барлата иВаслуй, с ним многое число из волоских бояр и обывателей, в том числе и князь Радукан Кантакузин, брат тому, что к высочайшему двору вашего императорского величества отправлен депутатом, находятся. Город же Букарешты без и малейшего разорения оставлен с немногим токмо числом беднейших жителей. В деташаменте сего генерала-майора до 70-ти человек от моровой язвы померло и столько же больных еще находится; в рассуждении чего генерал-порутчик фон Штофельн

---

[1] Приложения не публикуются.

приказал сему деташаменту с Фокшанским не соединяться, но стать в 25 верстах одному от другого и обозы его в особое место отправить. Крайнейшая осторожность и при армии соблюдается против сообщения с приезжими от тех корпусов, из которых всякой останавляется на первом пикете. А чрез Днестр также без карантину запретил я пропущать. Возвратившийся из-за Дуная волох 17-го майя уведомляет генерала-порутчика фон Штофельна, что вода в Дунае чрезмерно умножилась и мост при Исакче, доведенный уже к окончанию, большою частью разнесло, которого в скорости трудно будет состроить, почему визирь с войском на судах переправляться будет, многое число прибывает. Другой таков же вестник сказывает, что между турков слух носится, якобы под видом недостатка в пропитании из города Очакова турецкое войско и обыватели почти все вышли. Я того ж времени известил о сем предводителя второй армии генерала графа Панина, оставляя в его рассмотрение отведать пристойным деташаментом истину сих важных известий...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 171—173. Подлинник.

№ 136

1770 г. мая 20. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Х. Ф. ШТОФЕЛЬНУ О ПЕРЕМЕНЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ ОТРЯДОВ ГЕНЕРАЛОВ Н. В. РЕПНИНА И А. Г. ЗАМЯТИНА, В ЦЕЛЯХ БОЛЬШЕЙ ИХ СОСРЕДОТОЧЕННОСТИ

№ 247

Ваше превосходительство от 16-го майя в своем репорте мне представляли, что деташаментам господина генерал-порутчика князя Репнина назначили вы пост при речке Селан, а господина генерал-майора Замятина на реке Барлате между Барлата иВаслуй. Господин генерал-квартермистр Боур, осмотревши сии места, не признает за выгодную позицию деташаменту на речке Селан, и потому мое мнение я вам подаю всходство предыдущих уже повелений, чтоб всегда силы свои иметь соединенными; не лучше ли поставить господина Замятина с его деташаментом при Васлуи для подкрепления постов по Пруту и к надзиранию на неприятельские движения, а господин генерал-порутчика князя Репнина, присоединив к себе, стать вам над рекою Жижою, избрав к тому место удобное, чтоб неприятель отрезать ни от армии ниже от деташамента господина Замятина никоим образом невозмог.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 243 об. — 244. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 137

1770 г. мая 25. — ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЙСТВИЙ 2-й АРМИИ ПРОТИВ БЕНДЕР И ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПЕРЕНОСА ЭПИДЕМИИ, РАСПРОСТРАНИВШЕЙСЯ В ТУРЕЦКИХ ВЛАДЕНИЯХ

Как генерал граф Панин из Мишурного Рогу пишет ко мне, что вверенная ему армия в полном движении к Днестру уже находится, то я уповаю, что и вы не только не замедлите своим походом и прибытием к тому месту, которое вы предограждением быть почитаете произведению предприятия на Бендеры, но и в случае всякое вспомоществование в том чинить не оставите[1]; ваше усердие и ревность меня в том удостоверяют, не меньше как и в том, что вы, конечно, такие меры примите, чтобы оказавшееся в некоторых местах поветрие со всевозможною предосторожностию пресечено было, и войско бы никакого вреда от того не чувствовало. Вы сами довольно знаете, сколь нужно распространение оружия нашего над вероломным неприятелем, чтобы поражением его с вашей стороны все в разных местах мною на него предприятия с пользою облегчить можно было и всеми образы принудить его к постановлению желаемого мира, и потому не оставите вы всевозможные способы употреблять, не только к достаточному продовольствию производящих в Молдавии нашими войсками действия в нынешнюю кампанию, но и к будущим зимним расположениям в тамошних местах войск. Сожалительно, что вы прежде времени оставляете Букарест; но я надеюсь на помощь божескую и искусство ваше в военном деле, что не оставите сего наилучшим образом удовлетворить и произвести такие дела, которые приобретут вам славу и докажут, сколь великое усердие к отечеству и ко мне. Не спрашивали римляне, когда где было их два или три легиона, в каком числе против их неприятель, но где он, наступали на него и поражали, и не многочислением своего войска побеждали многособранные противу их толпы; а мы русские, милости божеские за правость нашу в сей войне с нами, я вас имею над войском командиром, храбрость войска известна, и так о благополучнейших успехах моля всевышнего, надеюсь на его покровительство. Остаюсь к вам доброжелательна.

Екатерина

ЦГАДА, ф. Румянцева-Задунайского, д. 86, л. 1—2. Автограф. Опубл. в «Северном архиве». 1822, ч. I, стр. 397.

---

[1] Опасения Екатерины II были совершенно лишены основания. Армия Панина двигалась очень медленно и еще не подошла к Днестру. Армия Румянцева приближалась к Цоцоре.

№ 138

1770 г. мая 30. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ Н. В. РЕПНИНУ О ВСТУПЛЕНИИ В КОМАНДОВАНИЕ КОРПУСОМ, НАХОДИВШИМСЯ В МОЛДАВИИ

№ 255

Получа репорт от господина полковника и Ясского коменданта фон Броуна о кончине с опасной болезни сего числа генерал-порутчика фон Штофельна, поспешаю вашему сиятельству предложить, дабы вы над всем в Молдавии находящимся корпусом команду приняли. Неудобно мне вам повторять теперь все те повеления, которые в должность себе имел от меня покойный ваш предместник, но довольно сослаться на оригиналы, которые вы, без сомнения, найдете в его канцелярии и вы, преемником будучи его командования, исполняйте и все, что ему предписано. Всего нужнее признаю по толь кратным моим повелениям и вашему сиятельству за первое правило рекомендовать, дабы вы сохранение войск и славу оружия, так как и нанесение вреда неприятелю, всему предпочитали несмотря ни на что другое, как-то на защиту мест, от которых, яко зараженных, всеми образы удаляться следует, научаясь злым примером, которой судьба неблагополучная толь полезного службе и отечеству нашему мужа нам преподает.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 248—248 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 139

1770 г. июня 1. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПОПЫТКАМ ПРОТИВНИКА ПЕРЕПРАВИТЬСЯ ЧЕРЕЗ ПРУТ И ОБ ЭКОНОМИИ БОЕПРИПАСОВ

№ 259

Вашего сиятельства два репорта от 31-го майя[1] я теперь получил и, будучи известен, что вы последний мой ордер к своему предместнику получили, не сомневаюсь, что по таковому ж к вам посланному от 30-го уже вы дела письменные к себе отыскали, следственно и имеете в руках своих все мои повеления, паче с открытия движения армии, которыми внушал я пещись наиболее, чтоб ни в коем случае не понесть опасности вашему корпусу в соединении с армиею. Неприятельские разноместные попытки на молдавский берег Прута с левой стороны сея

[1] Не публикуются.

реки я неинако представляю, как вид один, коим они хотят только показать нам готовое воспротивление во удержание нашей переправы чрез сию реку из Молдавии[1], чего они могут чаять, не думая о движении армии по левой стороне; впрочем силы противные ничего чрезвычайного не показывают и я приступаю верить показанию присланного от вас к г. Штофельну волоха и прежних ваших репортов, что лагерь неприятельский стадами лошадиными, коих с собою тут имеют татары, во многом увеличивается. Я уверен в вашем искусстве и благоразумии, что неприятель, естьли бы и подлинно сделал переправу, то перешедшие наголову будут побиты, и их канонада совсем меньшей есть опасности, нежели обыкновенно о том предрассуждается.

По недостатку в вашем корпусе ружейных и артиллерийских зарядов, я тогда ж, как дошел ваш ко мне репорт на имя генерала-порутчика фон Штофельна, послал ордер господину Броуну, оные вам со всяким поспешением доставить, что, конечно, считать могу уже исполненным. А ваше сиятельство весьма похвально с своей стороны поступаете, щадя выстрелы на случай, когда их употребить должно с прямою пользою. По заключениям вышеписанным, которые я делаю о неприятеле, я признаю и искусство и силы ваши достаточными, чтоб воздержать его всякое стремление, и не вижу той уже нужды, чтоб от самоскорейшего прибытия туда всей армии зависел единственно успех отражения неприятеля. Я три дни делал марш до сего лагеря, в коем для отдохновения людям и ради подчинки порчей, что понесть должно было, проходя трудные дифелеи, завтра сделаю раздох, а после завтрего пойду далее к Рябой Могиле. Ваше сиятельство старайтесь держать и озабочивать неприятеля в нынешнем его положении, покудова я туда достигну и предприму меры на поиск против оного.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 250—250 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 140

1770 г. июня 3. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ О ВЕДЕНИИ ЕГО КОРПУСОМ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ НА р. ПРУТ И ПОЛНОМ ОЧИЩЕНИИ ЯСС

№ 261

По поводу вопросов ваших в репорте от 1-го июня, примечу я вам следующее: соединение вашего корпуса с армиею должно учредиться по тем обстоятельствам, что представит нам положе-

[1] К концу мая 1770 г. отряд генерала Замятина соединился с войском Репнина, расположившись между Рябой Могилой и устьем р. Жижиа, чем была затруднена возможность переправы противника через Прут. Ввиду этого турки изменили направление своих действий и сделали попытку переправиться через эту реку у Фальчи.

ние неприятеля, когда к нему сам я приближусь. Ежели он отбежит, незачем тогда вам переходить Прут, буди же посмеет стоять, то какие меры я восприму атаковать его, в то время сообразуясь существительным видам положенных по мере действий, преподам я вам средства, где и как соединиться со мною или же другим предприятием споспешествовать на месте основанным предметам. Теперь я по всей возможности поспешаю приходом армии к тем местам, и из сегодняшнего лагеря завтра пойду далее, а и ваше сиятельство старайтесь токмо заботить неприятеля, дабы я мог его застать в нынешней позиции. Переходить вам реку Жижу я не признаю за полезное и для того естьли б вы принуждены вверх движении свои делать, то оным надлежит быть позади сея реки; и мосты, естьли вы сломаете от оной, то другие также надобно вверху вам приготовить. Резон сему есть тот, что переход чрез сию реку по болотистому ее положению труднее неприятелю быть бы мог, нежели чрез реку Прут, а притом надобно и осматриваться вам во все стороны, чтоб движением своим не подать видов, неприятелю лестных, обнажая вдруг закрываемые молдавские селения между Серета и Трансильванских гор, так как и уважить прежде собрание отделенных от вас команд, чтоб иногда которою из них не пожертвовать, ибо я не знаю баталион подполковника Тунцелмана, которому предместник ваш назначил было пост на реке Серете при деревне Ожеру, где ныне находится. Словом, мои повеления предыдущие предпочитать сохранение войск пред защитою мест на самую крайность сказаны, а не на то, чтоб без нужды выбежать совсем из Молдавии. Приготовление переправы в Цецоре я апробую. Транспортам провиантским повелел я всем обратиться на путь, предозначаемый вашим сиятельством по левому берегу Прута, минуя места зараженные. И в том вашего сиятельства предусмотрение весьма полезно, чтоб все, что в Яссах находится, как из гнезда гибельного, перенести к Цецоре. Я согласую поступить вам по лучшему вашему усмотрению в изобретении удобнейшего к тому места и способов как лучше то исполнить. От 22-го майя дал я ордер покойному генералу-поручику фон Штофельну [1], чтоб он из сего зараженного города и Диван вывел и надзирание над гражданскими делами поручил господину генерал-майору Черноевичу, а от 15-го также предписывал ему, чтоб и больных удалял оттуда, дабы они по выздоровлении своем сближались к Хотину. Последнее подтверждаю ко исполнению и вашему сиятельству. Ордеров, данных от меня вашему предместнику, прислать вам списки сами, ваше сиятельство, найдете неудобным, ибо писанного чрез полгода, конечно, ни в один ни в два дни скопировать нельзя, будучи притом в походе. Безопасности же брать в руки его бумаги я могу вам быть примером, что не только вседневные его репорты, но

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1866).

и подписанный им за несколько часов пред кончиною я держу в руках.

В партикулярных письмах из Молдавии случилось мне видеть изъяснения следующие: «вы знаете какое нещастье последовало с Букарештами и Фокшанами». Не значат ли сии выражения нападков на сии места по выходе наших войск? Уведомите меня. Его сиятельство граф Петр Иванович Панин пишет ко мне во уведомление полученные им известия из Ясс от конфидентов его комиссионера. 1-е — якобы визирь до 60 000 войска отправляет к защищению Бендер и скоро они туда прибудут. 2-е — с остальными большими еще силами сам идет нападать на Молдавию. 3-е — будто в Бендерах началась моровая язва. Я, не имев сих известий с вашей стороны и знав, что оные пересылает, конечно, господин майор Бастевик, рекомендую вашему сиятельству спросить у него, откуду он получает таковы известия и для чего он равным образом ко уведомлению не сообщает оных и вам.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 251—252 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 141

1770 г. июня 5.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ТРУДНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ВОЙСК ВВИДУ ГОРИСТОГО ХАРАКТЕРА МЕСТНОСТИ, РАСПОЛОЖЕНИИ ТУРОК У РЯБОЙ МОГИЛЫ И ПРИНЯТЫХ ИМ МЕРАХ ПРОТИВ ЭПИДЕМИИ

№ 40

Расстоянием от Хотина за 131 версту армия вашего императорского величества, предводительству моему вверенная, со вчерашнего дня находится благополучно в сем лагере. Тут меня принуждает на несколько остановиться недовольное обозрение мест впереди, которые предстали в положении несходном с описанием, им сделанным чрез посланных от генерала-квартермистра лейтенанта Медера чинов, которые зимою клали их на план, видно, по наслышке, а не по очевидному примечанию и теперь во извинение тому представляют, что им нельзя было со всякою точностию сию страну осмотреть по нападкам, в оной происходившим тогда от татар. Места, которыми проходила армия по над Прутом, все гористые и с превеликими дефилеями, но впереди и чем далее итти, то весь путь лежит несравненно чрез большие еще крутизны гор, глубокие и узкие долы, по-

чему и дождусь я покудова сам генерал-квартермистр Боур наведаться может и изберет удобнейшие пути к проходу, ибо натура столько необычайных высот с глубинами здесь поместила, что нет удобности к извороту, а способы отовсюду предстоят быть заперту. Не меньше сей осмотрительности требует и самое то, что я уже на таком далеком расстоянии нахожусь от второй армии, которая еще неблизко от Днестра, а я чем далее подвинусь, тем более отойду и от надежного сообщения с нею и открываю мою левую сторону, в которую отверзаются способы неприятелю иногда от Бендер сделать покушения. Я писал на сих днях к предводителю той армии генералу графу Панину, от коего имел уведомление, коль многие трудности воспящают ему вскоре быть на Днестре, чтоб он хотя легкие свои войски чрез сию реку переправил с уважения к прикрытию тех мест, которые нас между собою разделяют, и удержания взаимного сообщения. Все однакож сии противоположения не остановят меня, если нужда будет, поспешить соединением с корпусом генерала-поручика князя Репнина или исторгнуть у неприятеля какие авантажи.

Неприятель, у Рябой Могилы над Прутом стоящий, о коем доносил я вашему императорскому величеству в последней всеподданнейшей моей [реляции], еще не переменяет поднесь своей позиции. По всяк день продолжается у него взаимная с нашим корпусом, на другой стороне Прута между реки Жижи и Рябой Могилы ему противостоящим, канонада, а иногда и из мелкого ружья огонь, ибо неприятель, удаливши свой лагерь на расстояние вон из выстрелов по берегу реки сделал батареи и в траншеях держит людей, показывая все виды к форсированию переправы, против чего сильной отпор ему делает генерал-поручик князь Репнин. Во все дни перестрелки с неприятелем урон наш состоит в убитых 2-х и раненых егерей и мушкатер 16-ти.

Вчера на вечер и сегодня поутру от генерала-поручика князя Репнина получил я от 3-го июня репорты, что при Фальчах татарская партия вплавь перешла чрез Прут и наши пикеты легких войск принудила к ретираде[1]. Почему первое на противостояние оной командирован майор Писарев с 1000-ю легких войск, а напоследок, получа уведомление, что неприятель усилен до 5000, обратил он к поиску на него, генерала-майора Текелли, с баталионом гранодер, с 250-ю егерей и с 6-ю пушками и с 2-мя полками гусар, имев готовым и достальное число команды генерала-майора Замятина, с корпусом своим уже соединившегося, естьли нужда будет туда же отправить. Помянутый генерал-майор Текелли того же дня словесный прислал репорт, что неприятель вниз по Пруту стал ретироваться, коего старается он настигнуть. Ушедший волох из лагеря неприятельского объяв-

[1] Рапорт не публикуется.

ляет, что сим корпусом командует Абаза-паша и еще два паши, коих имен не знает, а над татарами сам хан крымской. Он весьма с уменьшением против примечаемого генералом-порутчиком князем Репниным показывает о числе неприятеля, но помянутый генерал-порутчик опровергает его в том речи собственным испытанием, что всего неприятельского войска будет до 30 000.

От Дуная ни о каких движениях неприятельских нет слуху. Уведомляет из Польши генерал-порутчик фон Эссен, что подполковник Шилинг майя 18-го близ местечка Триглядова партию возмутителей, предводительствуемую порутчиком Маевским, своею командою разбил. Сей порутчик убит, брат же его родный и два товарищи в полон взяты.

Моровое поветрие в корпусе генерала-порутчика князя Репнина совершенно не прекращается. Однакож число зараженных не есть велико. 2-го июня Венгерского гусарского полку капитан Фридрих и его денщик, да один гранодер сею болезнию умерли, да еще Низовского пехотного полку порутчик и кавалер ордена святого Георгия Варош отчаянно болен; в Яссах же зараза от времени усиливается и самые того города и от армии туда присланные медики от смерти не спаслись; куда лекарства беспрестанно отправляя, нельзя довольным числом оных снабдить тот город. Я, согласуя представлению генерала-порутчика князя Репнина и доктора Ореуса, чтоб для прекращения гибельных следствий, выбраться из сего города как от язвенного гнезда, повелел перевесть из оного все то, что там находится, в безопасное место к стороне Цецоры, между реки Жижи и Прута, и удаляясь от всех окрестностей зараженных, и провиантские мои транспорты приказал провождать позади армии по левом берегу Прута.

В армии же по благости божией все благополучно и нималейших знаков опасности не было и нет. Все воинство, оную составляющее, помня свой долг и усердствуя ревностно славе оружия милующей их монархини, не только не унывают, но ниже смущаются сим приключением, а живость и бодрость духа ко брани написаны на их лицах; в чем я всеподданнейше приемлю смелость ваше императорское величество удостоверить.

При запечатании сего прислал мне репорт генерал-квартермистр Боур, что он, осмотря положение мест впереди, назначил лагери, почему завтре на рассвете и пойду я с армиею далее.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 188—190 об. Подлинник. Опубл. в сб «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М, 1865 г., кн. 2, стр. 83—86.

№ 142

1770 г. июня 8.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ ОБ ОКАЗАНИИ ПОДДЕРЖКИ ВОЙСКАМ КОРПУСА БАУРА

№ 265

Под № 9 я позже получил ваши рапорты, нежели под № 8-м и 10-м. Противу того, что ваше сиятельство распоряжения свои обращаете с наибольшим жаром и против стоящего пред вами и на вас идущего неприятеля, мне остается только похвалу сказать. Но чтоб вам, ожидая на себя от Серета нападения по вашему вычету маршов толь скорого, переходить Прут, вступить в бой с неприятелем и обратиться потом на другого[1], то сие предприятие не согласует с военными правилами, ибо в таком случае, конечно, держать условие оба корпусы неприятельские между собою, и вы, наступая на одного, могли бы охвачены быть от другого и утратить всякое сообщение с армиею. Правда, можно бы это предприять только надлежало ранее, а не теперь. Итак, я вам объявляю, что сей день с авангардом от армии отправляется господин генерал-квартермистр Боур, он пойдет даже до лагеря неприятельского и будет его атаковать. Смотря по обстоятельствам. Старайтесь вы от своей стороны отделением войск вспомоществовать его действиям. Он о своих предположениях будет вас уведомлять всегда, равно и вы ему наичастее сообщайте о своих делах; с ним пойдут понтоны, и на переправу он вам их доставит по условию взаимному, в которое место надобно, а я мост для переправы армейского обозу кину при Цецоре. Покудова г. Боур не дойдет до неприятеля, старайтесь вы всеми образы его амюзировать, паче канонадою, приближа свои батареи к берегу, дабы он не мог увезть своих пушек, послышав о приближении с сей стороны наших войск. Я не знаю, к чему еще считаете, ваше сиятельство, нужным особого командира в земле молдавской сверх господина генерал-майора Черноевича, который при тамошнем правительстве остается; а войск особых в Романов и для защиты мест тамошних не нахожу я иных, как тех, что вы можете из своего корпуса не столько к полевому употреблению способных выбрать и определить по лучшему усмотрению. Я должен сказать вам мое мнение против всего того, что вас чрезмерно страшит, что трудно еще тому верить, что говорят приставники[2], которым малая партия показы-

---

[1] На восточном берегу Прута против корпуса Репнина занимал позиции корпус Абаза-паши, а от Серета наступал отряд Абды-паши.

[2] Приставники — люди, приставленные стеречь что-либо, наблюдать за чем-либо; наблюдатели.

вается армиею, ибо нельзя так чрезвычайным силам неприятельским к Серету не дойтить, да и несходно, чтоб неприятель, оставя сообщение свое с Бендерами, тою стороною наибольшие свои повел войски, разве бы чаял он, что наша 1-я армия между сими реками пойдет, или же бы известен был об отдалении второй от Бендер.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 255—256. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 143

1770 г. июня 9.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ОТРЯДА АБДЫ-ПАШИ И УДЕРЖАНИИ ПРОТИВНИКА, ДЕЙСТВУЮЩЕГО НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ПРУТА

№ 266

Даю вам знать, что я за час пред сим вступил с армиею в сей лагерь. В марше получил я ваш репорт, вчера писанной в полночь, и решу в оном предложенной вопрос о Абды-паше тако: естьли сей паша в самом деле пошел бы на вас из-за Серета, то надобно вашему сиятельству, конечно, против него обратиться, оставя пристойное число войск в теперешнем вашем месте для удержания неприятеля, стоящего на левом береге Прута. Я по мере здешних моих сил считаю корпус ваш достаточным на воспротивление неприятелю, с которой бы стороны он ни шел, тем больше, что на ближние армии и действия господина генерал-квартермистра Боура, который, без сомнения, о своем нынешнем положении вас уведомил, противостоящего вам неприятеля должны потревожить, который, как я с репорта вашего примечаю, уже и приспособился к бегству. Впрочем в перемене неприятельской позиции против нынешней ваше сиятельство свои меры воспримите к вреду его, по согласию с предприятиями, каковы поведет на него господин генерал-квартермистр Боур, о чем он не умедлит вам сообщать по всяк час. Уведомите меня о капитане Богданове, который 4-го числа был в Барлате, где и как он обретается. Прискорбно притом мне, что неприятельские партии забирают жителей молдавских, а ваши передовые не делают им отражения, а прежде таковы попытки неприятель платил дорого и награждал их сугубою потерею собственности.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 256—256 об. «Журнал исходящих бумаг».

№ 144

1770 г. июня 11.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ О ЗАНЯТИИ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ НА ОБОИХ БЕРЕГАХ ПРУТА

№ 269

Случай, происшедший против лучшего чаяния, что неприятель безвредно отбег от нас и мы не воспользовались никаковым над ним авантажем, внушает мне сожаление, тем более, когда я надеялся, что ваше сиятельство, толь долговременно упражняясь в приготовлениях на поражение его, не сделаете его к тому способным [1]. От моей стороны я делал споспешествование елико было можно: понтоны по обоим берегам были посланы, но когда все не достигло до желанной цели, то я о мимошедшем пресекаю прискорбную речь. Теперь я должен сказать, что армия без отдохновения, поспешая по вашим обвещаниям, на выведение вашего корпуса из опасности, которую неминуемою вы себе предполагали, в усталость великую пришла и господин генерал-квартермистр Боур справедливо думает, что и ему с утомленными людьми ничего нельзя предпринять. Итак, я вам рекомендую с своими войсками, что перевели на здешний берег, поставить себя в такую позицию, чтоб усиливающийся неприятель на сей стороне, как вы и господин Боур согласно меня уверяете, не мог вам нанесть ни вреда ни опасности, или же в чем предуспеть доколе я с армиею к тому месту настигну, с которого удобно будет повесть наступательные на него действия. Части своих войск, на той стороне Прута оставленные, откуду по нынешним вашим известиям неприятель убрался, следственно и прежние слухи о его туда нашествии были недостоверны, обратите ваше сиятельство к таковым действиям, коими бы оне и заграждали тамошнюю страну и представляли своими движениями виды наступления нашего, дабы неприятель никак не мог проникнуть, на котором береге Прута наши войски умножены или уменьшены. Людей, сведущих положение, мест в исполнение сей день поутру посланного к вам ордера постарайтесь в армию чем можно скорее доставить, также отправьте к тяжелому нашему обозу, что стоит при Цецоре, такого человека, который бы показал лучший путь к проходу далее тою стороною.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 258—259. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] Угадав намерение Боура соединиться с корпусом Репнина, противник, оставив против его войск часть своей пехоты, с 20 000 человек двинулся с намерением атаковать русских. Боур решил взять инициативу атаки противника в свои руки, для чего, приготовившись к бою, двинулся навстречу к нему. Под натиском войск Боура противник отступил. Войска Репнина не принимали участия в сражении, в противном случае противник был бы совершенно разбит. Отступивший противник, соединившись с войсками, оставленными против Репнина, расположился в трех верстах ниже Рябой Могилы. Румянцев был крайне недоволен исходом этого сражения.

№ 145

1770 г. июня 13.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПРИЧИНАХ ОСТАВЛЕНИЯ БУХАРЕСТА И ФОКШАН И О ТРУДНОСТЯХ СНАБЖЕНИЯ ВОЙСК ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

Лагерь против Рябой Могилы

Высочайшею милостию и возободрением удостоен я будучи во всемилостивейшем [рескрипте] от 25-го майя[1], почитаю за долг принесть вашему императорскому величеству чистосердечную и всеподданнейшую признательность так, как великодушной монархине и всемилостивейшей своей покровительнице. Не можно искреннее, всемилостивейшая государыня, ни трудиться ни желать, как я то чинил, имев толь высочайшую доверенность в делах, чрез которые отечество наше возводите, ваше величество, к венцам славы и благоденствию. Не моего усердия или попечения недоставало исполнить все ваши высочайшие к тому предположения, но стечение непреоборимых препятствий и недостаток сил не дозволили простерти подвиги более настоящего их состояния, что и питает во мне чувствительность бесконечную.

Мне причитается медление в походе, но воззрите, всемилостивейшая государыня, опоздал ли я ко времени притить в свою позицию? Ничего мне не остается говорить против изъяснений, идущих в полном движении и большими шагами, как только, что ваше императорское величество сами получаете известия, коликая еще осталась даль до предположенного им предмета и сколько я поздным, как считают, и медленным выступлением (ранее коего не было способу мне двинуться, не подвергая людей и лошадей потере неминуемой) прошел уже расстояние, в которое не скоро досягнет взаимное от второй армии содействие. Я осмеливаюсь пред вашим императорским величеством и теперь и вперед отвечать не словами, но делом, что я всегда поспею и ничего не упущу в предположениях, что сопряжены с возложенною на меня должностию. Труды настоящие и действия, что производили войски вашего императорского величества, мне вверенные, собою дали бы пример мужества самим римлянам, естьли бы тех веки позже нашего наступили.

Настоящие устремления на Молдавию собравшегося неприятеля, что я описываю во всеподданнейшей моей [реляции, посланной] с сим курьером, коим соединенным всем корпусом едва мог противустоять князь Репнин, на всякой день требуя от меня

[1] Рескрипт не обнаружен.

помощи, сами по себе выводят очевидное заключение, которое склонило меня, предвидя сии действия, отозвать свои войски из Букорест и Фокшан, и естьли бы соединением их я не ускорил, то бы Молдавия от нашествия неприятельского пострадала и части там бывших войск, отдаленные реками и неудобными проходами от взаимной друг другу помощи, в нынешнее время усиленному неприятелю одна за другою неминуемою были бы жертвою.

Что касается до пропитания изобильной на полях жатвы, которую якобы мы оставили в Валахии в пользу неприятелю, то я беру смелость вашему императорскому величеству включить здесь оригиналом репорт князя Репнина, сколь не было там в самой вещи такого достатка, ниже надежды к продовольствованию бывших наших войск. Осмеливаюсь также, всемилостивейшая государыня, со клятвою и в правде, относящейся к священному обязательству верного подданного своей монархине, повторить и здесь, что я ни малейшей возможности отнюдь не предвижу, способствующей запасти в сих местах пропитание ни на настоящее время, а тем боле для будущих на зимные квартеры расположений войск, что ваше императорское величество предъозначать соизволите. Во власти вашего императорского величества наведаться и особливо о истине моего в сем случае представления, а я не отваживаюсь дело сие и наименьше поставлять удобным, или представить оное не превосходящим мои силы. Земля здесь во всем достатке истощена, селения пусты, а жители, то от неприятеля, то от возникшей заразы переселяясь в горы, совсем опустили поля, и не видно, чтоб и для пищи их собственной был каков-либо на оных посев; то какие же можно изобрести тут средства приготовить пропитание для войск? Уже и те способы, что имели мы оное доставлять сюда из Польши, от времени не обещают надежды, ибо во всей Покуции и в воеводстве Руском, непрестанно употребляя от сентября месяца прошлого года и поднесь подводы к перевозке провиянта, чем одним довольствовался во все время здесь находившийся корпус, лишили обывателей тамошних и лошадей и волов по дальнему, а больше еще по худому пути; ибо собственное обозрение предвозвещает мне довольно, сколько понесть должна будет трудностей армия в следующую осень при ненастливой погоде, когда в сих местах, глубоких и гористых, проливишийся и невеликий дождь непроходным путь делает, и когда в суше самой толь тягостно есть движение...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГАДА, ф. 6. Госуд. архива, разряд V, д. 103, л. 117—119. Подлинник. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1865 г., кн. 2, стр. 92—94.

№ 146

1770 г. июня 13.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О МАРШ-МАНЕВРЕ 1-й АРМИИ К РЯБОЙ МОГИЛЕ[1]

С прибывшим третьего дня ко мне курьером имел я честь получить два всемилостивейшие вашего императорского величества рескрипта, подписанные в Царском селе 29-го мая[2]. Правила, в одном из них мне предписанные, на случаи предстоящие, соблюду я непреложно, всемилостивейшая государыня, в повиновении достодолжном толь лучшему руководству вашей монаршей воли. Как уже из всеподданнейшей моей [реляции], от 5-го сего месяца, под № 40-м[3], ваше императорское величество соизволили видеть, что неприятель, считающийся в 12 т[ысяч] турков и 20 т[ысяч] татар, под командою Абазы-паши и хана крымского, расположась на левом берегу Прута против Рябой Могилы, стремился перейти через сию реку на молдавский берег, на коем между Рябой Могилы и реки Жижи, соединя весь свой корпус, генерал-поручик князь Репнин отражал все его к тому попытки, то и начну я сие всеподданнейшим донесением того, что происходило потом в следующие дни. Помянутый генерал-поручик с 5-го числа, по доходящим к нему известиям, репортовал меня, что не только вседневное отражение от Прута сего неприятеля упражняет его, но и другой еще усиленный турецкий корпус от Браил, под командою Абды-паши, идет из-за Серета с намерением на той стороне Прута атаковать наши войска, чтоб в то время неприятелю и с левого берегу свободнее было форсировать переход. Он сие предприятие и свою опасность от двойных нападков повторял мне на всякой день, с прибавлением раз, что уже слышны были и пушечные выстрелы, знаменовавшие движение неприятельское с другой стороны Прута; в другое, яко те татарские партии, впадшие чрез Прут, истребляют огнем селения молдавские, грабят пожитки обывателей и последних варварски погубляют. Я со внимания к таковым известиям принужден был с армиею сряду пять дней маршировать без роздыха, дабы предварить те крайности, что генерал-поручик князь Репнин считал себе угрожающими от усилия неприятельского на него с обоих берегов Прута. Не могу я, всемилостивейшая государыня, толь достаточно изобразить сло-

---

[1] Решив действовать против турок наступательно и сосредоточенными силами, Румянцев разработал новый порядок совершения марш-маневров. Марш-маневр армии Румянцева от Хотина к Рябой Могиле и Ларге в кампанию 1770 г. осуществлялся тремя отдельными войсковыми группами, которые соединились перед боем в установленный срок и в определенном пункте. Регулирование наступления отдельных частей по времени и рубежам было новым явлением в военном искусстве XVIII в.

[2] Не публикуется.

[3] См. документ № 141.

вами, колико труда имели войска во всем, что совершили по ныне [в] походе, восходя с одной превысокой горы на другую [1], еще превысшую, между коими всегда есть глубокие дефилеи, и не видя края, так бы сказать в верх цепью связанным горам; тут выдержала артиллерия чрезвычайную пробу и оказала, в каком оная ныне наилучшем состоянии. Я думал в каждом месте, где насилу вылезть и подняться можно было верхом всаднику, что должно сокрушиться вдребезги ее повозкам, но напротив она везде свои тягости, не только без остановки, но почти и без порчи взвозила; на что все иностранные, при армии находящиеся, со удивлением взирают, так как и на подвиг наших солдат, что в них ни бодрости не умаляет, ниже приводят их в утомление повсеместные кручи и высоты, которые пройтись со всеми тягостями армейскими, двигая их больше на раменах, нежели лошадьми, только собственный опыт отъемлет невероятность.

Достигши равного положения с урочищем на той стороне Прута, называемым Цецора, переправил я все тяжелые армейские обозы, кинув понтонные мосты, за Прут 9-го июня, и находя уже себя в состоянии взять меры на поражение неприятеля, противостоящего на Пруте корпусу генерала-поручика князя Репнина, отрядил из сего места свой авангард, который составляли пять гренадерских баталионов, и именно: подполковников графа Воронцова, князя Меншикова, Нейбоша, Аршеневского, Пеутлинга, один также егерей и команды пикетные, состоявшие до трех баталионов мушкатер, да кавалерии 12 эскадронов, придав к ним 14 полевых орудий, при коих просил употребиться генерал-майор Мелиссино. Так как генерал-квартермистр Боур больше других сведущ был об окрестностях тех мест, коими проходить надлежало до неприятеля, то в надежде сего, а не меньше отличного его искусства, препоручил я ему быть предводителем сему корпусу даже до лагеря неприятельского, где и произвесть над ним атаку, тем надежнее, что я по его следам шел с армией в готовности ко всякой помощи. Распоряжение наше было к атаке, чтоб генералу-квартермистру Боуру зайтить в тыл неприятелю, сделав марш ночью против 11-го числа сего месяца, а в то же время и из своего корпуса генералу-порутчику князю Репнину к содействию с ним переправить часть войск через Прут, в чем оба сии командира между собою условились, и понтоны к князю Репнину для переправы посланы. Одно время нужно токмо было, чтоб выполнить сие предположение, но оного мы не выиграли у турков, ибо они, лишь только приметили движение генерала-квартермистра Боура, которого нельзя было никак пред ними сокрыть, поелику высоты наи-

[1] В данной реляции Румянцев преувеличивает трудности, создавшиеся в связи с рельефом местности, так как Бессарабия представляет собой страну не гористую, а холмистую, причем наиболее высокие точки не превышают 400—500 м над уровнем моря.

дальнейшее явление в сих местах ясно представляют взору, то 10-го числа, пополудни в 4-м часу, оставив часть своей пехоты в ретраншаменте против князя Репнина, употребили прочие все свои силы, простиравшиеся до 20 т[ысяч], на атаку корпуса генерала-квартермистра Боура, и для того прямо на него маршировали. Сей генерал, коль скоро их приметил на себя движение, то и повел во встречу им сопротивное наступление с своей стороны, в намерении, сошедшись, ударить на них прежде, нежели бы они еще распростерли свои руки. Неприятель, уклоняясь от смелого шествия на себя наших войск, не стал сближаться в такое расстояние, чтоб гренадерам можно было иметь дело, и хотя с своим корпусом генерал-квартермистр Боур к нему чем возможно ближе добирался, но наступившая ночь воспрепятствовала с большим успехом против его действовать. И так, отбежав верст 15-ть от лагеря, где теперь стоит генерал-квартермистр Боур, выше Рябой Могилы, расстоянием от армии в шести верстах, остановился неприятель на высотах, ведущих к Бендерам и Фальчи. Не нашел бы он спасения в сем разе средством обыкновенного ему бегства, если б в содействие корпусу, на него наступавшему, мог с своей стороны переслать войск генерал-поручик князь Репнин, но того ему никак нельзя было исполнить, ибо, сколь ни старался он наискорее привести к себе посланные понтоны, неспеша всеми образы, оные ранее не прибыли, как пред вечером, а мост построен не прежде 10-ти часов пополудни. Погнавши неприятеля, овладели мы двумя большими мортирами и все его понтоны имеем в наших руках, коих он, стесняем будучи, не мог увезти с собою; также в перестрелках охотники нескольких турков ранили и полонили. Генерал-квартермистр Боур при действии вышеписанном за совершенный порядок и неустрашимость весьма похваляет баталионных командиров: графа Воронцова, Нейбоша и князя Меншикова и прочих, не меньше отдает справедливость за усердие к службе инженер-подполковнику Фалькенширьду, который командовал пикетами. Подполковнику князю Долгорукову, командовавшему ротою в баталионе графа Воронцова, майору Пеутлингу, начальствовавшему над казаками, капитанам Кнорингу, Гайдвигу и Бергу, словом, он рекомендует всех чинов, при его корпусе находящихся, что не боялись ни опасности, ни трудов, и шли охотно на неприятеля ударить, да токмо бегство его, к большему отличению им себя, отдалило настоящий случай. Все известия, приходящие из Фальчи, Бырлата и околичностей Серета, утверждают о движении неприятельском из сих округов, так как и в лагере его треть против прежних войск видится прибавочных. Осмотревшись, сколько требуют военные предосторожности, не оставлю я сего неприятеля в покое, но прибирать с сего дня опять начну способы на поражение его, ежели только останется в настоящей своей позиции. О переходе визиря или других каковых войск от Дуная, ни каковых я на сих днях не имею известий, да и

трудно оные доставать, ибо всяк дорожит своею жизнью, а турецкие войски, что уже против нас стоят, преграждают путь и головы рубят встречающимся людям, что только не из числа магометан. Партии татарские, по отбытии неприятеля от берега Прута, больше на той стороне не видны, и генерал-поручик князь Репнин рапорт от своих разъездов имеет, что их на той стороне реки Серета нет, а уповать должно, что они совокупились к своему корпусу. Самую большую партию татар, которая перебралась вплавь через Прут при Фальчах, как я доносил вашему императорскому величеству, от 5-го июня, генерал-майор Текелли преследовал даже до Бырлата, но не мог настигнуть, а прежде его посланный майор Писарев, близ урочища Лунка Бакул, 4-го числа имел с оной стычку. Вначале показавшихся тысячу татар он с донскими казаками и арнаутами, коих всех было до 600, атаковал с успехом и убил из них до 20 человек, но в преследовании бегущих из-за гор в трех тысячах в подкрепление своим показался неприятель и тотчас ударил на нашу партию, которая, уступая толь превосходному пред собою числу, потеряла на месте казаков 4, вербованного полку 14, арнаутов 37, да ранено арнаутов 6, хорунжий 1 и казаков 3. Еще 6-го числа майор Лалаш разбил партию татар в числе 200 человек, намеревавших за реку Бырлат следовать, из коих убито 8 и 3 взяты в полон.

Заразительной болезни, богу благодарение, не было и нет по сие время в армии ни малейших признаков, а и в корпусе генерала-поручика князя Репнина, от 2-го числа, оной уже ни на ком не примечается, что поелику подает надежду к безопасности. Перешел он с своим корпусом 11-го числа на сию сторону Прута, и в том же месте стоит в лагере, где и корпус генерала-квартермистера Боура, ради отражения неприятеля, усиливающегося толь близко против нас; в каком случае ваше императорское величество повелеваете, в высочайшем рескрипте от 29-го мая, присоединять к армии отдельные от оной части. Войскам, оставленным от корпуса генерала-поручика князя Репнина на той стороне Прута, ради прикрытия всех тамошних селений, повелел я все виды предпринимать в даль движений наступательных, дабы неприятель не мог проникнуть, на которой стороне той реки теперь убавилось или умножено наших войск. В городе Яссах не перестает действовать смертоносная язва, о продолжении оной и последние гласят рапорты находящегося там доктора Ореуса. Я не оставлю способов к укрощению служащих сего зла, которые ваше императорское величество высочайше предполагаете испытывать и кои с самого начала я употреблял. Теперь, как все жители из сего города выбрались на чистый воздух, то, по благости божией, не перейдет ли опасность от сего места.

Ваше императорское величество соизволите высочайше усмотреть, судя по моему нынешнему положению, что я уже выше

поступаю Бендер, сколько я должен внимать не без забот на всю мою левую сторону, которую позади себя оставляю на обнятие прикрытием войсками второй армии, а от предводителя оной, генерала графа Панина, от 1-го июня только то известие имею, что он еще был в Злынке и дожидает в соединение назади идущих полков, а корпус его передовой неподвижно стоит при Ладыжине. И так его приход к Днестру, от коего зависят и союзные наши действия, по толико далечайшему расстоянию один от другого, не может вскоре их сопрягать; по сему я, хотя велел было провиантским транспортам следовать по левому берегу Прута, уклоняясь сообщения с местами на той стороне зараженными, однако, предпочитая той опасности осторожность противо покушений неприятельских от стороны Бендер, против коих нет уже мне способу изворотиться, принужден опять тем берегом обратить все подвозы...

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 217—222. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских». Архив военно-походной канцелярии Румянцева, М, 1865 г., кн. 2, стр. 87—92.

№ 147

1770 г. июня 20.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О СРАЖЕНИИ ПРИ РЯБОЙ МОГИЛЕ[1]

№ 44 *Лагерь ниже Рябой Могилы*

Вашему императорскому величеству сим всеподданнейше донести я честь имею, коим образом войски, моему предводительству вверенные, вновь храбрым наступлением на неприятеля, ушедшего 10-го числа сего месяца на высоты, ведущие к Бендерам, и паки его обратили в бегство из самого крепчайшего лагеря, которой, рекогносцировав 14-го числа сего месяца, нашел я весьма выгодным для неприятеля и отъемлющим удобность к приступу, естьли прямо всходить к оному, поелику неприятель утвердился на чрезмерно крутой горе, окружившися обширным ретраншаментом с сорока четырьмя пушками, и имев пред собою топкой грязной ручей.

На завтра препоручил я генералу-квартермистру Боуру под прикрытием пехоты и конницы осмотреть еще поближе положение того места, где расположились турки и татаре.

[1] Силы П. А. Румянцева в сражении у урочища Рябая Могила достигали 39 000 человек при 115 орудиях. Противник имел 50 000 татар и 22 000 турок при 44 орудиях. Румянцев решил атаковать и разбить противника. Ввиду крайне неблагоприятной для наступления местности и неясности обстановки он лично сам провел тщательную разведку, а чтобы не потерять момент внезапности, поставил перед командиром передового корпуса Репниным задачу не допускать разведки противником группировки сил армии на обоих берегах р. Прута. Проведенная разведка показала, что укрепленный лагерь противника атаковать трудно, но Румянцев смело пошел на это.

Он обозрел потому возможность токмо с правой стороны атаковать сей неприятельской лагерь, но, возвращаясь по уведомлении о том меня в тот же день из армии к своему корпусу, отстоявшему в 6-ти верстах, нашел, что неприятель, сошедши с гор, вокруг нападает на оной и на стоявший вместе с ним корпус князя Репнина. Учиненной сильной отпор из артиллерии и отделенными пехотными деташаментами хотя тотчас принудил неприятеля, в одной только коннице бывшего, к ретираде, однакож генерал-квартермистр Боур подвержен был опасности, покудова доскакал к своему корпусу и отстреливался сам от татар и одного арапа наездника, которые на него близко уже напускали. При отбитии неприятеля урон его от удачных картечных выстрелов весьма был приметен, а наших убитых и раненых число не превосходило 20 человек.

В следующий день, то-есть 16-го июня, перешел с армиею вперед 9 верст и стал лагерем в виду неприятеля, постановив на завтра атаковать оного, для чего и велел пред армиею маршировать с своим корпусом генералу-порутчику князю Репнину и занять пред высотами одно место, которое закрывало его от глаз неприятельских, а генералу-квартермистру Боуру стоять неподвижно тот день в своем лагере.

Неприятель, увидев движение армии и лагерь, спустился кучами с своего лагеря на низшую гору и во весь день примечания свои на нас обращал издали.

По учиненному расположению к атаке в наступившую ночь, пошел я с армиею в правую сторону занять высоты и подал сигнал на рассвете тремя ракетами генералу-квартермистру Боуру, что я уже обнял оные, почему он с своим корпусом, который сверх прежнего числа на настоящий случай подкрепил я еще двумя баталионами пехоты, долженствовал итти вперед и занять дифилеи, на которых неприятельские пикеты поставлены были, и всходить потом прямо к турецкому ретраншаменту. А в сие время генералу-порутчику князю Репнину своим корпусом атаковать неприятеля в левое его крыло[1], а генералу-майору и кавалеру Потемкину, накануне того приготовившему себя к переправе чрез Прут, перешед сию реку, своим деташаментом ударить неприятелю в тыл. По усмотрению сигнала тотчас пошел генерал-квартермистр Боур на вышину с своим корпусом и лишь только приказал сделать батарею впереди из пушек и единорогов для прикрытия войск, туда всходивших, то неприятель и стал отступать и мешаться в своем лагере, делая виды движения то на армию, подвигающуюся вперед в помощь действиям атакующих корпусов, то на корпус князя Репнина, заходящий ему в тыл. Напоследок, ужаснувшись со всех сторон веденных на него движений, сорвал свой лагерь и обратился в бег, и хотя генерал-квартермистр Боур с великою поспешностию взошел на

---

[1] Так в подлиннике, должно быть «правое крыло».

гору к ретраншаменту с двумя гранодерскими ротами графа Воронцова, но ничего не в состоянии был предприять с таким числом, хотя задние неприятельского корпуса еще переходили дефилею, однакож с прикрытием великим, принуждая часто к ретираде на них тогда посланные наши легкие войски, а всему корпусу его взойти на весьма утесистую гору требовалось времени при всей охоте и усердии, с коими напрягали войски к тому все свои силы. Я, увидев наглую ретираду неприятеля, обратил на него тотчас от армии всю тяжелую кавалерию под предводительством генерала-порутчика и кавалера графа Салтыкова. А между тем генерал-порутчик князь Репнин, познавая, что ни положение места весьма гористого, ни легкость неприятеля, ретирующегося, не дозволяли ему охватить его своею пехотою, приказал генералам-майорам графу и кавалеру Подгоричани и Текелли его атаковать и преследовать, кои с полками гусарскими: Сербским, Ахтырским и Харьковским — не замедлившись то и учинили. При первой атаке помянутый генерал-порутчик сам был свидетелем, коль храбро опрокинули неприятеля наши гусары и за ним шли вдогонку, а в подкрепление туда же скакал со всею кавалериею генерал-порутчик граф Салтыков. Неприятеля скорую ретираду увидев из-за Прута, генерал-майор и кавалер Потемкин поспешил переправить своих егерей и легкие войска, с которыми он шел к оному на поиск. Его узрев в небольшом числе и близко себя, неприятель отделил своей конницы до 2000 и атаковал с великим устремлением сей деташамент, однакож подполковник и ордена святого Георгия кавалер Фабрициан, установя при егерях батарею, производимою из пушек стрельбою, не только обратил назад неприятеля, но и подкрепил тем гусар корпуса князя Репнина. Причем отбито у неприятеля войсками помянутого генерала-майора Потемкина одно знамя.

Вся наша кавалерия при сем случае весьма хорошо свое дело исполняла и преследовала верст до 20-ти неприятеля, чрезмерно напрягаясь достигнуть его; но он по легкости своей от времени далее ускакивал. Гнаться за ним более усталость лошадей не позволила, как происходило сие в день чрезмерно жаркой. А притом неприятель, убравшись на гору, из устроенных тамо батарей стал по наших стрелять, ибо завременно он из лагеря свою артиллерию и обозы отправил, которые с пехотою и успели взойти на высоты под закрытием многочисленной конницы. С пехотою генерал-порутчик князь Репнин преследовал неприятеля верст 6. А генерал-квартермистр Боур более 10-ти в наилучшем порядке.

Неприятельский урон, по засвидетельствовании генерала-майора и кавалера графа Подгоричани, сочтен до 400 человек в убитых, между коими равную участь имел ханской сын Дели Солтан Керим, который в глубоком яру, со сту человеками выборных турков и татар охвачен будучи, не сдался в плен, на

предложение ему, деланное от графа Подгоричани, но принудил как себя, так и всю его отчаянную партию перестрелять. С нашей стороны о убитых и раненых подношу ведомость. В полон взяты Агмет-ага, Селим-агаси, то-есть чиновник из ближайших наперстников Абазы-паши, да ханской секретарь, один турок и один татарин.

Сей неприятельской корпус, по показанию пленных, состоял в 22 000 турков и до 50 000 татар под командою Абазы-паши и хана крымского, о чем, так как и о прочих обстоятельствах, присоединяю допрос, взятой от первого из пленных.

Овладев неприятельским лагерем, получили мы одну медную пушку.

Не могу я премолчать пред вашим императорским величеством засвидетельствованной хвалы от частных командиров генералам-майорам графу Подгоричани, Потемкину и Текелли, полковникам гусарским Чорбе, Сатину, подполковникам Елчанинову, Пищевичу, Фабрициану, майорам Вуичу, Мисюреву и Зоричу, капитанам Гангеблову, Чалиновичу, Бантышу, Требинскому и Пулевичу, порутчикам Шутовичу, Вукотичу, получившему рану, Косавчичу и Кольбеку, что они, имев случай пред другими ближайшими, храбро поступали против неприятеля. В преследовании неприятеля при кавалерии всегда находился волонтер лейб-гвардии конного полку ротмистр князь Мещерской, а при гусарах Измайловского порутчик Потемкин.

Долг же мой и собственное испытание обязывают меня, всемилостивейшая государыня, донести справедливость, что, начав от дивизионных командиров, даже до солдат, все были преисполнены мужества и казали знаки своей нетерпеливости разить неприятеля. Порядок, в коем с разных сторон шли войски атаковать неприятеля, близки будучи друг другу в подкрепление, нанес бы ужас и больше щот разумеющему, нежели наш неприятель, ибо пространность, нами объемлемая, увеличивала в глазах неприятеля число наших сил до ста пятидесяти тысячей. Генерал-квартермистр Боур подаваемыми советами и неусыпными трудами во всякой, возлагаемой на него от меня, должности столько отличает себя в усердии и ревности к службе вашего императорского величества, что самая истина внушает мне смелость всеподданнейше рекомендовать его в высочайшую милость вашего императорского величества как искусного, храброго и предприимчивого генерала.

Все чужестранные и наши волонтеры, находящиеся при армии вашего императорского величества, при описываемом действии отвечали своему званию весьма усердно.

Я умедлил до сего дня донесением моим всеподданнейшим о сем происшествии, покудова мог отобрать подлежащие репорты и изготовить подносимые при сем планы к высочайшему усмотрению вашего императорского величества неприятельского лагеря и наших против оного движений. А притом я спешил

устроить прежде меры по первым репортам к достижению неприятеля, который первого дня остановился было за 30 верст пред армиею на высотах, не разбив своего лагеря, но последующие репорты от посланных партий до сего дня удостоверяют, что по обеим сторонам Прута не могут его открыть далее уже сорока верст, а следы только видят удаления его к Дунаю, рассыпавшегося врознь на части.

Секретарь ханской и другие пленные разноречат в своих показаниях с сим турком, коего допрос я подношу[1], в рассуждении защиты крепости Бендер. Они уверяют, что там весьма мало турецких войск и одни только жители остаются и якобы совсем не приготовляются к сильному отпору против наших войск; а при убеждении их к согласному показанию каждый говорит, что признается в том по истине, что он, будучи в своем месте, слышал. В том, однакож, согласны, что там есть зараза. Я об одном и другом показании уведомил генерала графа Панина, предводителя второй вашего императорского величества армии.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 223—227. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 161—166.

№ 148

1770 г. июня 29.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ УТЕРЕ СОПРИКОСНОВЕНИЯ С ПРОТИВНИКОМ, РАЗБИТЫМ ПРИ РЯБОЙ МОГИЛЕ, И ОБ ОТСТАВАНИИ 2-й АРМИИ В СВОЕМ ПРОДВИЖЕНИИ

№ 45 *Лагерь при р. Кишедом*

После отправления всеподданнейшей моей [реляции] от 20-го сего месяца под № 44[2] не могла по сей день армия вашего императорского величества более уже настигнуть неприятеля, который отбежал вдаль к Дунаю со дня, как познал он наши силы при атаке его на высотах, ведущих к Бендерам. Корпус Абды-паши правою стороною Прута, шедшей от Браилова, как все известия гласили к союзному действованию с Абазы-пашею против наших в Молдавии оставшихся войск, показался было на сих днях на том берегу между Формозы и Водян, но как наши партии стали к нему доезжать, то и оной также назад удалился и теперь впереди посылаемые разъезды от командующего на правом берегу Прута генерала-майора Потемкина ближе неприятеля не находят, как у села Ончи, а на левом, по уведомлению генерала-квартермистра Боура, между двух речек, называемых Салтра, которые сливаются с рекою Салбыш, падающею в Дунай.

---

[1] Допрос не публикуется.
[2] См. документ № 147.

Число сил неприятельских в том и в другом месте нельзя прямо открыть, ибо партиям, верст больше 40 от своих корпусов отъехавшим, опасно к ним наближаться, а вдали положение здешних мест гористых закрывает их лагери, которые частью по огням и палаткам только и приметны.

Не могу я задостоверно донести вашему императорскому величеству о настоящих склонениях бежавшего от нас неприятеля; станется, что он теперь ищет только прикрывать свои обиталища при Измаиле и Килии или же заслоняет оттуду перенесение своего семейства и имений за Дунай, а может быть под сим прикрытием и из-за Дуная переправляют турки свои войски к Бендерам. Точность сих заключений решить только может одно приступление второй армии к Бендерам и открытие предположенных от оной действий на сию крепость, ибо, когда неприятель не обратит на защищение того города наибольше своих сил, но останется притом, как теперь все выходцы из полону показывают, что в оной крепости весьма мало военных людей, тогда сомнения не будет, что он всю страну сию между Дуная, Днестра и Прута предает во власть оружию вашего императорского величества и с оной сам убирается, тогда и мне удобность предстанет меры свои расположить, тому соответствуя. Но ныне, как я еще не имею никакого уведомления, коль скоро вторая армия перейдет Днестр и наспеет осаждать Бендеры, поелику от 12-го числа сего месяца предводительствующий оною генерал граф Панин дал мне знать, что он, только переправясь чрез реку Кодиму, был тогда при деревне Мечетной, следственно и не находя средства удостовериться точно, пойдет ли визирь из Исакчи на сию сторону или за Дунаем останется, и построен ли чрез сию реку мост, о чем никак я не могу еще проведать, ибо на известия простолюдимов положиться в том нельзя, а надежного человека к проведыванию проискать здесь трудно, который бы отважил свою голову, должен я всякой свой шаг вперед делать уже осторожно, осматриваясь на даль и на пространство, что за собою я оставил, поспешая походом в чаянии обеспечения от второй армии идущим по оным моим транспортам провиантским. Сие пропитание, что сочтено по дням, и которое доставить к армии из Польши безмерный есть уже и ныне труд, но чем далее подвинемся, тем самим сугубить станет свои трудности к получению оного, — упражняет все мое внимание, когда притом отнюдь не предвижу надежды не только вспоможение пищею, но ниже способствование в доставлении идущих из Польши транспортов, иметь от жителей молдавских, которые, оставя свои жилища, рассеялись по горам и лесам, что обыкновенно делают они при появлении заразительной болезни и во время движения войск, чьи бы то ни были. А на правом берегу Прута довольно же гористые места и много есть переправ, которые остановки долговременные причинят в переходе провиантским обозам, тою стороною отправленным.

Лишь только генерал граф Панин откроет действия с своей стороны, и я беспечен быть могу на заграждение войск его позициею всего своего тыла от левой стороны, то мои поиски готовы и пойдут вдаль к Дунаю, а к удержанию от того принуждаюсь теперь причиною одного только неприближения второй армии. И коль по сему резону, так и ради воды, держусь я еще реки Прута, ибо все знающие положение сих мест уверяют, что левая моя сторона отсюду есть безводная.

При всех лучших успехах, что я должен чаять приобрести с мужественным воинством, от вашего императорского величества начальству моему высочайше вверенным, когда я помышляю о своем обратном походе по тем же самим безмерным и безщотным высотам и глубоким дифилеям, которым и теперь еще не видать конца, и естьли в самую сушу и лучшее летнее время понесла армия чрезмерные труды, проходя оные, то что уже претерпеть надобно в осеннюю пору, рано здесь начинающуюся, как предстанут в состоянии несравненно горшем и горы и падины в такой земле, которая от малейшего дождя растворяет на себе топи.

Путь таков же, который можно назвать и непреоборимым препятством, предлежать будет и провиантским транспортам, коих с течением поспешным связаны не только успехи, но и целость армии, то сии воображения нудят меня, всемилостивейшая государыня, весьма заранее прибегнуть со всеподданнейшим моим прошением к вашему императорскому величеству о снабжении меня высочайшими повелениями во всемилостивейшее руководство на предбудущие и неизбежные в вышеписанном трудности. Я осмеливаюсь всенижайше донести, что всякое препятствие перестает быть таковым, естьли против оного завременно полезные собраны меры.

Моровое поветрие возникает вокруг нас. Бежавшие из татарских селений пленники объявляют, что в Измаиле и в околичностях оного есть язва. Говорят быть оной и в Бендерах. В Яссах, хотя утишается против прежнего, но на сих днях от оной умер тамо майор Бастевин, посланной от графа Панина из второй армии для секретной экспедиции, происходившей с татарами. В Хотинском также госпитале многие болящие найдены в знаках заразительных. А вчера получил я репорт от генерала-порутчика фон Эссена, что и в Польше в местечках Бару и Браилове, где наши магазины заложены, померло несколько жидов от язвы, а другие еще ею одержимы.

Ваше императорское величество всемилостивейше снизойдете на признание, что и сия злоключительность отнять должна весь покой у того, кому ваше величество на попечение возложили целость и безопасность своей армии. Но богу благодарение, такое повсеместное зло к армии не касается, и я могу донесть, что оная непременно благополучна по отпуск сего. А во всех зара-

женных местах строжайшие предосторожности сохраняются в несообщении с ними не только проезжих, но и тамошних здоровых с болящими...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 231—234. Подлинник.

№ 149

1770 г. июля 2. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ПАНИНУ О ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ 1-й АРМИИ ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ СВЕДЕНИЙ О ДЕЙСТВИЯХ 2-й АРМИИ И ОБНАРУЖЕНИИ ПРОТИВНИКА ЗА р. ЛАРГОЙ

№ 28

После того как ваше сиятельство соизволили уведомить меня всепочтеннейшим своим [письмом] от 12 июня из лагеря при деревне Мечетной, я больше не имею поднесь никакового уведомления о вашем положении и не знаю, чему бы приписать толь долговременное прекращение вашей переписки, ибо опасность в неприятельские попасться руки и объездка мест, что больше разглашается, нежели в самом деле суть заражены поветрием не могут быть так велики, чтоб одержали ваших курьеров. Ваше сиятельство сами снисходительнее представите коликую мне заботу и остановку в моих операциях наносить должно совсем незнание, перешли ли вы Днестр и обеспечаете ли уже своею позициею мой левый бок, который я оставил на заслону ваших войск, поспешая в таком чаянии сам впереди поставить преграду неприятельским склонениям против ваших действий на Бендеры. Я, отправляя сего, имею долг испросить благосклоннейшего от вас, милостивый мой граф, сообщения о вашем настоящем положении и о продолжении оного, как наичастее в соответствие обоюдной связи наших теперь сопрягающихся дел, дабы надолго не остался я в нерешимости, так как теперь пребываю от неполучения от вас известий. Неприятель, отбежавший по нашей атаке его на высотах, ведущих к Бендерам, как я о том имел честь донести вам последним моим [письмом] от 20 июня[1], не показывался больше и не препятствовал нашему походу до настоящего места, в которое, вступя, нашли мы пред собою на горах за речкою Ларгою расположившагося неприятеля, того самого, как мы заключаем, который уклонился от первых наших поисков; завтре я намерен повесть на его атаку и сбить с места[2]. На правом берегу Прута показывался также ла-

---

[1] Не публикуется.

[2] Действительно, это были войска крымского хана и молдавского сераскира Абды-паши, отступившие после поражения у Рябой Могилы. Решение Румянцева остановить их до того, как они смогут усилиться войсками визиря из-за Дуная, привело к сражению на р. Ларга.

герь Абды паши, но как наши партии стали доезжать к осмотрению оного, то и отступил и сей корпус, считающийся до 15 000, назад. Еще не знаем за подлинно к стороне ли Браила, откуда оной и вышел, или же, ища перейтить на левую сторону Прута в сообщение пред нами стоящему Абазе-паши. О переходе визиря чрез Дунай из Исакчи, где его быть сказывают, и о построении мосту точного известия получить не могу, так равно не дошло мне знать, чтоб от Дуная каковы-либо войски на защиту Бендерам отправились или теперь шли, но паче выходцы из плену уверяют, что турки ту крепость не прочат удержать за собою. Усугубляя мою просьбу наипокорнейшую о уведомлении меня нередком про ваши обращения, имею честь с моим непоколебимым почтением и преданностию назваться.

Р. S. По приближении к Бендерам не найдете ли, ваше сиятельство, удобности сообщение со мною устроить чрез степь между Днестра и Прута, и тогда прошу мне дать знать, до коих мест ваши посты объемлют, дабы и я к оным свои примкнул.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 427 об. — 428 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 150

1770 г. июля 6. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ВАГЕНМЕЙСТЕРУ Р. ЛАМСДОРФУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ОХРАНЕ ОБОЗА 1-й АРМИИ

№ 287

Армия из настоящего лагеря предприမет в следующей ночи атаку на неприятеля и потому все и легкие повозки отпущены будут в тяжелой обоз, за которым вашей должности есть пещися о целости; ради сего получите вы от генерального дежурства приказ о числе команды, на защищение того определенной, а я вам к тому предписываю следующее: строение вагенбурга располагаете так, дабы отделения в оном, одно другое обнимая, служило и к обоюдной же защите, и чтоб в средине могли все лошади поместиться, для которых корму по крайней мере на целые сутки велите заготовить. Военными людьми обошлите те наипаче места, на которые вероятнее ждать покушений неприятельских, дабы повсеместную защиту сколько можно более усилить, то и всех слуг, коим могут найтиться ружья или же орудие, способное к отражению нападающего, употребите пристойным образом к надобной обороне. Словом, как все обозы и люди отдаются в диспозицию вашу с полною надеждою на лучшее ваше о сохранении их попечение, то и старайтесь вы весь порядок соблюсти, которого требует настоящий случай.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 264. «Журнал исходящих бумаг». Копия. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 2, стр. 97—98.

№ 151

1770 г. июля 6. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ П. Г. ПЛЕМЯННИКОВУ ОБ АТАКЕ ЛЕВОГО КРЫЛА ТУРЕЦКИХ ВОЙСК В БОЮ НА ЛАРГЕ

№ 288

Из приложенных у сего диспозиции [1] и плана к атаке предстоящего нам неприятеля ваше превосходительство изволите увидеть, что особливой назначивается корпус от правой нашей стороны, чтоб ударить ему на левое неприятельское крыло, тогда как армия с прочими корпусами будет его атаковать в правой фланг. Сей пост как преимущественного есть уважения, и что от храбрости и искусства предводителя определенной к тому части войск зависить будет и облегчение действий армии и споспешествование самой над неприятелем победы завладением его лагеря, то первенство и достоинство ваши, толь праведно отличающие вас между искусными генералами, опытами и самим временем службы, преклонили мой выбор составить сей корпус из дивизии вашей, к которой определяется еще в двух баталионах корпус егерей подполковника и кавалера Фабрицияна, шесть эскадронов кавалерии от корпуса генерал-квартермистра Боура и часть легких войск. Ожиданию моему суть надежною порукою известная ревность вашего превосходительства к славе оружия ее императорского величества, что вы не упустите минуты пойтить атаковать и все то произвесть над неприятелем, что предоставлено в диспозиции действию тому корпусу, которого вверяю вам предводительство.

Само по себе разумеется, коль славно будет новое рачение ваше в службе, естьли ваше превосходительство усердным и благовременным содействованием с своей стороны нанесете ужас и вред неприятелю, захватив его лагерь и ударяя напротивостоящих или бегущих прочь, что будет делом вашего искусства и предусмотрения и в чем с полною надеждою я на вас полагаюсь. Сообщите, ваше превосходительство, г. генералам и бригадирам, под вашею командою находячимся, сие мое предопределение, уверив каждого из них, что я добрую и к ним надежду имею, что они будут вам толь лучшими помощниками в предлежащем деле, коль успех оного послужит к знаменитости их усердия и заслуг пред нашею всемилостивейшею государынею.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 264 об.—265. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] См. документ № 152.

№ 152

1770 г. июля 6. — ДИСПОЗИЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ДЛЯ АТАКИ НЕПРИЯТЕЛЬСКОГО УКРЕПЛЕННОГО ЛАГЕРЯ ПРИ р. ЛАРГЕ

1. Корпус господина генерал-квартирмейстера Боура выступит по пробитии вечерней зари на левое крыло, и для перехода армии через речку Ларгу под литерою «А» [1] подготовит потребные мосты к первому часу пополуночи под номерами: первым, вторым, третьим и четвертым, по которым переходить немедленно: корпусам князя Репнина — через мост под № 1-м, генерал-майора Потемкина — под № 2-м, генерал-квартирмейстера Боура — под № 3-м и входить с поспешностью на высоту под литерою «В», где, построясь, вперед маршировать столько, чтоб армия, в первом часу пополуночи выступя и следуя за ними, имела довольно места построиться.

2. Армия выходит повзводно первой линии слева и переходит через мост под № 1-м, второй линии — справа и переходить мост под № 3-м, а кавалерии переходить — под № 4-м; всем пороховым ящикам переходить через мост под № 2-м. Пушкам первой линии иттить по правой, а второй — по левой сторонам.

3. Корпусу, назначиваемому к атаке неприятельского левого крыла, выступить в два часа поутру, построя каре, имея кавалерию к ней по обоим крылам сзади, маршировать прямо к большому деревянному мосту под литерою «С» чрез речку Ларгу и на левое крыло неприятельское, произведя стрельбу пушечную, на неприятельской лагерь, и приметя, что когда неприятель обратит больше свои силы на правое его крыло и против атаки армии, тотчас сделать нападение на неприятеля и занять высоту неприятельского лагеря.

4. Когда неприятель обращен будет в бег, то с левой стороны армии марширующему корпусу котоировать неприятельской правой фланг, а корпусы правого крыла левой, а вся армия в то время наступать имеет на оного.

5. Ежели бы положение места не дозволяло армии действовать целыми ее линиями, то столько уделять баталионов в боковые фасы, сколько места занять надобно.

6. Передним корпусам строить особливые каре и кавалерию свою кареями, а при наступлении армии и ежели бы надобно было ей всем фронтом действовать, то корпусам князя Репнина податься на правое, а Боура на левое крыло армии, а кавалерии в то время строиться в интервалах сих кареев и армии.

7. Арнаутам и казакам маршировать всем влево армии и стараться неприятеля атаковать с фланга и сзади, а при обращении его в побег, с устремлением на него преследовать, а пред

---

[1] Карта в делах отсутствует.

фронтом, кроме пятидесят человек, особо на то выбранных, пред кареями не быть.

8. Во время первой атаки неприятеля ни мало не щадить, но поражать, что только встретится, а во время обращения его в бег стараться делать пленных.

9. Для обнадеживания себя лутчим успехом в таковом предприятии ободрять людей помощью божескою к благословенному от него оружию ее императорского величества и поощрять любовию и должностию, коими они обязаны к своей государыне и отечеству.

10. Все обозы с получением приказу отправить в вагенбург.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 220—222. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 166—167.

№ 153

1770 г. июля 7. — ИЗ «ЖУРНАЛА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ АРМИИ ПОД КОМАНДОЙ П. А. РУМЯНЦЕВА С ОТКРЫТИЯ КАМПАНИИ 1770 г.» О СРАЖЕНИИ ПРИ ЛАРГЕ

В свою пору назначенную в диспозиции оба корпусы, как князя Репнина, яко и Боура перешли на высоты за Ларгу речку, а в 12-м часу ночи его сиятельство пошел туда же и с армиею тремя колоннами. Особливое рачение и искусство и при сем случае к удовольству главнокомандующего показал генерал-квартермистр Боур учреждением дорог и мостов на переправе толь порядочных, что самой мрак ночи не мог нимало помешать и остановить наше движение в которой либо части; но прежде зори могла подняться армия на высоты за Ларгою речкою, куда передовые корпусы уже взошли, и построить свой фронт прежде совершенного еще рассвету. Татарские пикеты, согнанные движением корпуса Боура, возвестили в неприятельском лагере шествие на них наших войск; потом сперва в их лагере показывались огонь и дым превеликой от зажигания пороху, что за сигнал они имеют тревоги, потом стал крик и обыкновенное метанье во все стороны от сна воспрянувших второпях людей. Первое, к чему они прибегнули, было открытие сильной из своих батарей по нас канонады. Не дав неприятелю опомниться, тотчас приказал его сиятельство генералу-порутчику и кавалеру князю Репнину и генералу-квартермистру Боуру с их впереди стоявшими корпусами начинать атаку на неприятельской лагерь с правой его стороны, а сам между тем, построя армию в каре, поспешал также приступать к неприятельскому ретранжаменту. Как уже наши корпусы, сопротивным огнем досягая неприятеля, приближились к его ретранжаменту, то все татаре, которых был лагерь

с правого флангу, первые выбежали и повели свое движение на левой фланг идущей армии, пробираясь туда лощиною, тут случившеюся. Таково стремление тотчас учинил бесплодным его сиятельство главнокомандующий, повелев генерал-порутчику и кавалеру графу Брюсу от его третьей дивизии командировать одну бригаду пехоты в лощину, который, употребив к тому генерал-майора Римского-Корсакова с полками пехотными: Санкт-Петербургским и Апшеронским и батарею большой артиллерии под командою майора Внукова, первыми выстрелами отбил и обратил в бег от той стороны неприятеля.

В сие время главнокомандующий в прикрытие веденной атаки обоими корпусами, несмотря на сильную неприятельскую стрельбу по себе из пушек, приказал артиллерии генерал-майору Мелисину с его бригадою выдвинуться вперед и бомбардировать неприятельской ретранжамент; скоро он сие исполнил, скоро и привел в молчание неприятельскую с сей стороны стоявшую батарею весьма цельными своими выстрелами, чем и споспешествовался вход нашим корпусам в неприятельской лагерь. Лишь только наши корпусы начали пробиваться в лагерь неприятельской с правой стороны и уже пушечными выстрелами ознаменил и свой приступ и на левой фланг генерал-порутчик Племянников, то его сиятельство, препоруча вести далее построенную им армию в порядок [к] бою генерал-аншефу и кавалеру Олицу, а левую сторону предохранять генералу-порутчику графу Брюсу, сам поскакал к атакующим неприятельской лагерь корпусам. Он присутствовал, как наши гранодеры со всех сторон отверзли своею храброю рукою вход в неприятельской лагерь и овладели его ретранжаментом и пушками и потом с удовольством видел, как неприятель, ужаснувшийся, что сопротивления их, чинимые в защищение своего лагеря из артиллерии и ручного оружия, нимало не остановляли наших войск, но паче отмщение и бодрость в них вливали, коль они не шли, да бежали, не теряя притом строю, на крутую гору и в мгновении ока коснулись холмов, бросив весь свой лагерь в наглой бег [обратился]. Генерал-порутчик и кавалер Племянников весьма благовременно подоспел с своим корпусом к левому флангу неприятельскому, где было его лагеря четвертое отделение и укреплением превосходило все три первые, примыкающие к оному с правой стороны. Шанцы, батареи и глубокие рвы проход к оному заграждали, как и самая утесистая гора, на которой сии укрепления были построены. Помянутый генерал-порутчик разделил свой корпус на два каре, из которых 1-му сам был предводитель, имев тут зависимых от него командиров генерал-майора Гротенгельма и бригадира Гудовича, другой поруча в команду генерал-майору и кавалеру Замятину, преодолел все трудности, и под выстрелами своих батарей, снося таковые же на себя из лагеря неприятельского, овладел его сим лагерем, отразивши многократные неприятельские нападки на фронт при восхождении на холм и уже, будучи во внутрь рет-

ранжамента, ибо турки в сем месте толь долго противились, что еще огонь не переставал в той части, как уже сряду один по другом другими корпусами заняты были три первые отделенные их лагеря. Ради яснейшего истолкования всех подробностей сей атаки прилагается тут план, изображающий неприятельское положение и наши все действия, и как который корпус прошел в неприятельской лагерь. А затем осталось только сказать, что, начав сражение с 4-го часа поутру, свершилась полная наша победа в 12-ть часов пополудни, когда уже его сиятельство, познавши, что бегущего неприятеля по выбитии из лагеря не было способу пехоте настигнуть, которая подвигом преследования сугубила свое утомление, что понесла, вздираясь на гору во время атаки и маршем ночным, приказал остановиться и, подъезжая ко всякому частному командиру, благодарил ему за его усердие и храбрость, равно и всем подчиненным за их труды, споспешествовавшие сей победе. Часть кавалерии, что была при сих трех корпусах, немного дела имела, поелику она позади пехоты следовала, а покудова пехота собою очистила неприятельской лагерь, то уже убрался неприятель на расстояние, что его достигнуть оная не могла и только задних неприятельских успела перерубить, а вся тяжелая конница, от армии отделившися в левую сторону, гналась за татарами, туда с начала склонившимися, и поспешить не в состоянии уже была к преследованию пред пехотою бегущего неприятеля. В рассуждении сего весьма прискорбным себя казал его сиятельство главнокомандующий, когда его повеления, многократно посланные к командиру генерал-поручику и кавалеру графу Салтыкову, чтоб он в правую сторону обратился, не дошли к нему ко времени и остались бесплодны. Совершивши победу, его сиятельство возвратился в лагерь неприятельской, и прежде всего принесено всевышнему богу благодарственное моление с пушечною пальбою за его покровительство правоверному воинству российскому, потом отправлен из самой ставки хана крымского с краткою реляциею ко двору ее императорского величества о сем щастливом происшествии курьером подполковником Карл фон Каульбарс.

Того ж дня солдатам всех трех корпусов генералов: Племянникова, князя Репнина и Боура его сиятельство главнокомандующий приказал выдать из чрезвычайной суммы на каждой по тысяче рублев в награждение, что сие воинство, проходя наполненные корыстию неприятельские лагери, не прикоснулись ни к какой вещи, но, повинуясь воле своих предводителей, старались прежде гнать неприятеля. Учинил также его сиятельство засвидетельствование своего удовольства в отданном приказе в армию всем чинам, храбростию и усердием споспешествовавшим поражение неприятеля.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1820, л. 62 об.—67 об. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 169—172.

№ 154

1770 г. июля 9. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ПАНИНУ О ПОБЕДЕ ПРИ ЛАРГЕ И ДАЛЬНЕЙШИХ ДЕЙСТВИЯХ РУССКИХ ВОЙСК

№ 29

С наибольшим удовольствием получа всепочтеннейшее вашего сиятельства [письмо], в 4 день сего июля чрез г. Броуна нетерпеливно я дожидаю последующего со уведомлением о покорении города и крепости Бендер силе оружия, с коим ваше сиятельство, преоборов все трудности, к стенам оные приспели, в чем и да поможет вам всемогущий бог к увенчанию полною славою толико знаменитых подвигов. А между тем я вашему сиятельству имею честь донести, что армия, предводительству моему вверенная, при помощи всевышнего полную одержала победу над неприятелем, атаковав его в крепчайшем лагере за речкою Ларгою на высотах, примыкающих к Пруту, где неприятель собрал было все свои силы, призвав к соединению и Абды пашу с лутчим его войском в 15000 с правого берегу Прута и так армия их состояла до 80000, а по особливой доверенности солтана верховно командовал оною хан крымской, коему подчинены были с турецким войском знатные три паши тут находившиеся, именно: Абаза, Абды и Измаил. Поверхности, что одержали мы пред сим над неприятелем, выгнав его из двух лагеров, как я имел честь уведомлять уже о том ваше сиятельство в предыдущих моих [письмах], доставили нам несколько дней беспрепятственно маршировать вслед за ним; напоследок, достигши до вышеписанных положений, взяла армия лагерь пред речкою Ларгою в виду неприятеля, сие происходило 4-го числа настоящего месяца и тогож дня как и назавтре лучшие наездники турецкие, спускаясь с гор кучами тысяч до двадцати, покушались нападать на наш фронт, но с величайшим своим уроном отбиты. Но коль скоро мог я только удостовериться по обозрению о местоположении, где неприятель расположил свой лагерь, то, ободряясь мужеством предводительствуемого мною воинства, решился я с сим неприятелем вступить в генеральную разделку, несмотря на все выгоды положения, которые были на его стороне, равно и превосходство в числе сих пред нашими. Приступ мы сделали 7-го числа на рассвете к сему неприятельскому лагерю; атакующие впереди корпусы с разных сторон ведены были генерал-порутчиками и кавалерами Племянниковым и князем Репниным, генерал-майором Потемкиным и генерал-квартирмистром Боуром, а армия между ими всходила также на вышину штурмовать неприятельской ретранжамент. Неприятель, и почувствовавши уже наш огонь с пушек и мелкого ружья, до четырех часов противился однакож нам как сильною своею канонадою, так и стрельбою с мелкого ружья. Но лишь только коснулись наши поспешно всходившие солдаты поверхности горы, то

ни ретранжемент обширной, ни артиллерия не были уже больше ему защитою, а напротив от всюду потеснили мы его своим превосходнейшим огнем и выбивали штурмом из одного по другом отделенных укреплений, коих было четыре в сем лагере. Таким образом, поражая неприятеля, обратили его в бегство, овладев всем его лагером со всеми палатками с множайшими артиллерийскими и съестными припасами, и что только в нем было есть теперь добыч наша. Между множеством стоит однакож при поминовении, что взята великолепная ставка самого хана крымского и таковы же пашинские; пушек медных с лафетами получили 30 и 3 большие мортиры, несколько знамен, плена и убитых имеем довольно, но настоящие мои упражнения о достижении бегущего неприятеля еще мне не дозволили счот за сим повесть точной, сие только достоверно, что такое большое дело бог помог нам одержать с самою малейшею потерею людей, ибо в убитых и раненых считаем всех чинов 91. По свершении победы внутрь неприятельского лагеря богу благодеявшему нам принесли мы благодарные мольбы. Г. генерал-квартермистр Боур во все время сражения с неприятелем везде был присудствен, доводы его мужества и просвещенного знания в военном деле, не меньше и сей случай, мне подтвердил как и до того я оные дознавал. Я не оставил его как достойнейшего офицера и усердного службе рекомендовать в моей реляции ее императорскому величеству, а и вашему сиятельству благодаря, что доставили мне приятное с ним свиданье, прошу о равномерном засвидетельствовании с своей стороны при удобном случае в усугубление множайших ваших ко мне снисхождении. Справедливость от меня требует упомянуть и о похвальных действиях Елисаветградского полку пикинеров, прибывших с г. Броуном, которые с прибытия самого к армии по доброй своей воле участвовали в каждом деле с неприятелем и наипаче 5 и 7 числа отличились примерным мужеством, ударяя раз несколько стройными эскадронами на неприятеля и упорствуя сомкнутым фронтом его на себя нападению и многих турецких наездников выскакивавшие из них на охотника храбрецы положили на месте, за что и имею честь рекомендовать как рядовых, так наипаче при сем полку служащих офицеров, и во первых, г. майоров Увалова и Дунина, кои собою подавали пример мужества своим подчиненным, не меньше же и протчих, которых о достоинстве по именам оставляю донести г. Броуну, как заслуживающих милостивое воздаяние и покровительство вашего сиятельства. Диспозицию к атаке и план действия неприятельского лагеря при сем включаю. Г. Броун по объяснении со мною словесном, хотя в состоянии будет все обстоятельства, кои желаете ваше сиятельство знать, изъяснить, но сверх того я краткое еще присоединяю к сему ко усмотрению моему милостивому графу рассуждение, основывающееся на настоящем положении обоих наших армий и самого неприятеля. Совсем я от того удален, чтоб ваше сиятельство сии мои мысли

приняли за предположительные уже меры, я только по дружеской откровенности вступил в сие изъяснение, дабы во взаимство увидеть и вашего сиятельства мнение и, согласным предположением утвердившись, представить ее императорскому величеству, чего я и не начну, доколе, мой милостивый граф, не сообщите мне своих рассуждений; я осмелился пропитание возлагать на попечение с вашей стороны, приемля за повод к тому словесные объяснения, которые мне сделал от имени вашего г. Броун; как ближайшое расстояние теперь наше сообщение не затруднит, я всепокорно прошу вашего сиятельства, коль можно скорее как на сие пожаловать мне отповедь, так и на всякое время о своем положении уведомлять, чем самым и я учащать наибольше стану. Впротчем имею честь быть с непоколебимою преданностию и высокопочитанием.

P. S. В Яссах поветрие перестает, но майор Бастевик, там находившийся по вверенному ему комиссии от вашего сиятельства, от сей язвы последних чисел июня умре. Для Максима Федоровича Зорича хотя печальную ведомость, но должно мне сказать, что его племянник секунд-майор Зорич 3-го числа сего месяца имел нещастие в шармицеле чрез падение лошади попасться в плен неприятелю, все выходцы и пленные уверяют, что хан при себе весьма хорошо его содержит как человека, который храбрыми своими делами имя свое давно уже огласил между турками и татарами.

Находящийся здесь волонтером командор Тевтонического ордена барон Штейн, испытанной храбрости и знаменитого усердия на поражение турков офицер, восхотел теперь присутствовать при осаде крепости как деле для его новом, которого я как весьма отменного воина, имею честь препровождать к вашему сиятельству и испрашивать вашего к нему благопризрения, с тем, чтобы его с известием об одержанной победы к вам прислать и как партикулярно моего друга рекомендую.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 428 об. — 431 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 154а

1770 г. июля 7. — ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О СРАЖЕНИИ ПРИ ЛАРГЕ

Из неприятельского лагеря
в Ставке хана Крымского.

В сей день, то-есть 7-го июля, достигнувши неприятеля за речкою Ларгою на высотах, примыкающих к левому берегу Прута, одержала армия вашего императорского величества величайшую над ним победу. Было тут турков и татар премногочисленно, а командовали ими сам хан Крымской и паши: Абаза, Измаил и Абды. Последний присоединился к ним с правого бе-

регу Прута с своим лучшим войском в пятнадцати тысячах и так считалась вся их армия до восьмидесяти тысяч.

Неприятель с таковыми великими силами имел лагерь на превысокой и неприступной горе с обширным ретраншаментом, и его канонада командовала всею окрестностью. Но чего не может преодолеть воинство, усердствующее к славе своей монархини! Мы, несмотря на все сии выгодные позиции, на расвете с разных сторон поведши атаку, выбили штурмом неприятеля из всего его лагеря, поражая сопротивляющихся и брав одно за другим укрепление, коих было в оном четыре.

Хотя неприятель сильным огнем из своей артиллерии и мелкого ружья, продолжая боле четырех часов, устремлялся давать отпор, но ни сила орудий, ни персональная его храбрость, которой в сем случае надлежит отдать справедливость, не постояли против превосходного мужества наших солдат, которые коль скоро коснулись поверхности горы, то и сделались мы победителями, а неприятель с превеликим уроном в наглой обратился бег.

Не только место лагеря, что под нашею теперь пятою, но и всеми пушками, коих с первого взгляду считаем до тридцати, артиллерийскими запасами, палатками, разною провизиею, посудою, скотом и каков только был багаж, мы в свою корысть завладели.

Я осмеливаюсь, ваше императорское величество, удостоверить, что еще с толиким ударом не был от наших войск рассыпан неприятель и никогда в толиком порядке и предприятии не действовал наш фронт, как при сей щастливой атаке. Чужестранные волонтеры и все, что теперь вообще служат, дадут по мне в сем свидетельство...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, лл. 235—236 и об. Подлинник. Опубликовано в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», СПБ, 1865 г., кн. 2, стр. 99—100.

№ 155

1770 г. июля 12. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С ПОДРОБНЫМ ОПИСАНИЕМ ПОБЕДЫ ПРИ ЛАРГЕ

№ 46 *Лагерь при р. Салтухе близ д. Найман*

По отправлении всенижайшем краткого известия к вашему императорскому величеству от 7-го июля[1] чрез подполковника Каульбарса о одержанной в тот день победе над неприятельскою

[1] См. документ № 154а.

армиею, обратил я в преследование побежденного и бегущего неприятеля авангардной корпус под командою генерала-квартермистра Боура и другой, предводительствуемый генералом-порутчиком князем Репниным, шед сам за ними с армиею ко стороне Дуная до сего места. Упражнения таковы не позволили мне скорее поспешить пополнительною моею реляциею о толь славном успехе, коим всевышний благословил праведное вашего императорского величества оружие в новой знак своего покровительства оному.

Теперь имею честь, всемилостивейшая государыня, всеподданнейше донести и об обстоятельствах сего щастливого происшествия, начиная от первых дней, то-есть 4-го июля, как армия вашего императорского величества, предводительству моему вверенная, перешед речку Цыганку, вошла в свой лагерь, занятой в виду неприятеля на высотах, противулежащих таковым же, за речкою Ларгою, где огромное расположение открывало многочислие войск неприятельских, там стоявших впереди армии; но в близком расстоянии на правом крыле поставлен был авангардной корпус генерала-квартермистра Боура, а на левом генерала-порутчика и кавалера князя Репнина. К последнему тут присоединился также своим корпусом генерал-майор и кавалер Потемкин, как не было уже нужды ему оставаться на правом берегу Прута, откуда Али-паша с своими войсками в соединении с прочим, на сей стороне стоявшим, отошел и также при Фальче ради прикрытия наших мостов на Пруте пристойной только оставлен деташамент под начальством полковника Каковинского.

С таким расположением, когда армия и корпусы вступали в лагерь, неприятель от своей стороны тысяч по примечанию до пяти стал тянуться и опускаться на низшие высоты в правую свою, а на нашу левую сторону; а в 11-м часу поутру и завели их наглые наездники перепалку, и чем дале подкрепляясь прибавкою своих сил понудили к ретираде наших казаков и арнаутов и передовые пикеты. На прогнание таковых рассеянных поодиночке и отчаянно стремящихся к самому фронту, должно было открыть канонаду в первой линии армии и в корпусах из ближайших батарей. Но сколь ни удачно происходили по них выстрелы, особливо из управляемой батареи самим артиллерии генералом-майором Мелиссиною, так что пред глазами порывали оных наездников, гибель сия, однакож, не отдалила их прежде, покудова, получа от меня повеление, дежурной генерал-майор Ступишин и генерал-квартермистр Боур с левой стороны от корпуса князя Репнина с гусарскими полками и егерями, а подполковник граф Воронцов с двумястами егерей и восмьюдесятью гранодерами от авангардного корпуса с правой стороны не пошли прогнать беспокоивших фрунт. Неприятель, не выдержав первых пушечных и плутонижных выстрелов от сих отделений, тотчас бросился в бег к своим кучам, верстах в 4-х от армии на горе остановившимся.

На завтра, что было 5-го числа сего месяца, держал я военной совет, пригласив к оному всех генералов и бригадиров. Мнение мое предложил я собранию на основании правил, которыми ваше императорское величество высочайше предопределили руководствоваться в нынешнюю кампанию своему оружию, что слава и достоинство оного не терпит, дабы сносить неприятеля в виду своем, не наступая на оного, и чрез какие способы по обозрению собственному местоположения, я находил удобность атаковать его лагерь. Потому в совете бывшие общим согласием постановили учинить в следующий день атаку на предстоящего нам неприятеля, который по обширности своего лагеря казался многочисленным, а известия, что нам на всякой день приносили бежавшие оттуду и пленные и дезертиры христианского закона, гласили быть оного в восьмидесяти тысячах конницы и пехоты; достоверно также и то сознавали, что сею армиею неприятельскою против обычая, по особливой токмо доверенности турецкого султана верховно командует сам хан крымской Каплан-Гирей и от него зависели с своими корпусами знаменитые турецкие паши, тут присутствовавшие, Абаза, Измаил и прибывший в соединение к ним от Браилова с правой стороны Прута с пятнадцатью тысячми отборного турецкого войска Абды.

За сим учинил я к атаке диспозицию[1], которую при сем подношу к высочайшему усмотрению вашего императорского величества. Но между приготовлением к исполнению того, корпус турецкой конницы в 3-м часу пополудни под предводительством Абды-паши начал опускаться с своего лагеря и напустил уже было передовыми наездниками на левое крыло армии. Встречены будучи из артиллерии весьма метко, переменили турки вскоре свою атаку и все устремились к правому крылу корпуса генерала-квартермистра Боура, ища овладеть флангом конницы правого крыла армии, между тем корпусом и Прутом стоявшей; но и тут они не нашли ничего кроме своего урону, ибо генерал-квартермистр Боур на сей случай приказал выступить вперед всем легким войскам так, как и пикинерам Елисаветградского полку, за день перед тем из второй армии пришедшим (с присыланным ко мне от командующего тою армиею генерала графа Панина, генерал-квартермистром-лейтенантом Броуном, ради отобрания с моей стороны постановления к ближайшей между нами коммуникации), которые по доброй своей воле наипаче к тому устремились. А после, как приметно стало, что Абды-паша от времени подкрепляется от армии своей знатным числом конницы, за коею следовал другой корпус пехоты с пушками, то и выступил из корпуса авангардного генерал-майор Вейсман с гранодерскими баталионами подполковников: Пеутлинга и Ферзена, тако ж с егерями Розена, чтоб взять во фланг неприятеля; тогда ж повелено от генерала-квартермистра Боура подполковни-

---

[1] См. документ № 152.

кам Анжели и Елчанинову атаковать фрунт неприятельской двенадцатью эскадронами, что и исполнено было обеими наилучшим образом и неприятель был рассыпан; однакож и затем, собравшись свежими войсками, возобновил он и паки нападение, стараясь пробиться во фланг эскадронов подполковника Елчанинова, коему опасно уже было отважиться на второй удар, тем наипаче, что неприятель поминутно рассеивался, ласкаясь выманить к тому же и нашу конницу. Итак, сей подполковник великую тут показал храбрость, стояв долго и неподвижно сомкнутым фронтом против сильного огня неприятельского и отбивался с наибольшим успехом одною беспрестанною и скоропостижною стрельбою из ружья до издержания всех патронов, сколько его кавалерия при себе имела, а при нападении лучших неприятельских наездников он первой устремлением своей сабли их от фрунту отгонял. При действии вышеписанном остаток неприятельских войск нападал означенного корпуса на фронт правого и левого флангов, но всегда прогоняем был с уроном. И сие сражение продолжалось до сумерков, коему сделал конец генерал-майор Вейсман, подвинувшись с своим деташаментом вперед, и коль начал стрелять по неприятелю из пушек и мелкого ружья, то и ретировался он на расстояние вон из выстрелов, а потом с поспешением уклонился и далее, ночь же наступившая не дозволила больше действовать.

Весьма отличились в сем сражении в смелости и проворстве вышеупомянутые Елисаветградского полку пикинеры, ударяя стройными эскадронами на неприятеля и опорствуя сомкнутым фронтом, когда от превосходного его числа понуждались к отступлению. Храбрецы из них, выскакивая по-одиночке, сразили многих рыцаров турецких, а были им предводительми командиры того полку майоры: Увалов и Дунин.

Неприятель на сей битве много потерял своих людей и лучшие его наездники здесь пали, что доказывал за всем его старанием увозить тела, остаток оных на месте в довольном числе; с нашей же стороны убито карабинеров 4, гранодер 1, донских казаков 2, лошадей 14. Ранены поручик Панкрат Трубников, корнет Егор Иордин, унтер-офицеров и рядовых пехотных и кавалерийских 32. Донских казаков 7. Строевых лошадей 55.

Неприятель по отбитии от нашего лагеря спустился в лощину, что была между его и нашим положением, коего склонение темнота ночи препятствовала настоящим образом обозреть, то армия и принуждена была чрез всю ночь сохранить осторожность бдением половины людей против ночных покушений и доведена тем отложить в ту ночь положенную атаку до следующей.

В наступивший потом день спокойно стоял неприятель; а мы упражнялись неприметным образом в приготовлениях к атаке. Все обозы, кроме палаточных ящиков, отправили в вагенбург, построенный позади армии. А дезертировавший в сей день из

отводного пикета к неприятелю Ахтырского гусарского полку прапорщик Петр Квитковской, который был родом поляк, понуждал тем паче к исполнению нашего намерения, чтоб по его известию не предпринял неприятель вопреки осторожностей.

Итак, коль скоро сумерки могли уже скрывать от глаз неприятельских наши движения, то генерал-квартермистр Боур с своим корпусом пред армиею перешел на левой фланг, разложа нарочитые огни на месте своего лагеря, каковы и в армии с начала ночи разведены были. В двенадцать часов ночи пошел и я с армиею тремя колоннами вслед за предшествовавшими корпусами Боура и князя Репнина; а для атаки левого неприятельского крыла, как изображено в диспозиции, составив корпус из второй дивизии и, присовокупя к оной один баталион егерей подполковника и кавалера Фабрициана, шесть эскадронов карабинер да артиллерии 14 орудий, поручил команду к достижению с оным предположенного успеху генералу-поручтику и кавалеру Племянникову.

Тщанием и особливою ревностию генерала-квартермистра Боура толь исправно предназначены были все дороги, построены с надмерною поспешностью восемь мостов на переправах, что ни армия, ни корпусы, шедшие для атаки неприятельского лагеря с правой его стороны, нигде ни остановки, ни затруднения не имели и взошли все за Ларгою рекою на противулежащую вышину еще прежде совершенного рассвету и могли построиться в порядок бою беспрепятственно от неприятеля, хотя его отводные караулы, прогнанные движением авангардного корпуса, возвестили в лагерь о нашем наступлении, почему в оном начались шум и сигналы чрез зажжение пороху, а потом открылась и канонада из батарей. Я велел немедленно генералу-поручтику и кавалеру князю Репнину с присоединенным к нему корпусом генерала-майора и кавалера Потемкина, так как и генералу-квартермистру Боуру с своим же корпусом вести атаку на неприятельской ретраншамент, подвигая между тем туда же и фронт армии, построенной в каре. Сии оба корпусы с неустрашимостию стали с 4-го часа поутру наступать к неприятельскому ретраншаменту, невзирая на сильную оттуду по них стрельбу из пушек, которой ответствовали они таковою же из своей артиллерии. В сие же время я послал от армии артиллерии генерала-майора Мелиссина с его бригадою вперед бомбардировать вопреки неприятельской лагерь в прикрытие веденной атаки, которую его выстрелы не только протежировали, но и неприятельские батареи заставляли молчать. В продолжении сего тщетно все свои силы напрягал неприятель защитить свой укрепленной ретраншамент. Приступ атакующих наших корпусов разрушил все преграды и каждой с своей стороны открыл себе вход оружием во внутрь неприятельского лагеря.

Во время произведения нашей атаки на правое неприятельское крыло, выбежала из оного многочисленная конница по

большой части из татар и стремилась на левой фланг армии чрез лощину, что находилась близ оного. Сие приметя, повелел я генералу-порутчику графу Брюсу из его третей дивизии отрядить бригаду в ту лощину, на отражение неприятеля, что он толь поспешно исполнил, употребив к тому генерала-майора Римского-Корсакова с полками пехотными: Санкт-Петербургским и Апшеронским и обратив туда же батарею с левого своего крыла под командою артиллерии майора Внукова, что неприятель от первых выстрелов не мог тут держаться, но обратился в бег.

Как спорили еще между собою огнем наши атакующие и неприятельские сопротивляющиеся им войски, я, поруча вести далее построенную армию генералу-аншефу и кавалеру Олицу, сам поехал к неприятельскому лагерю, в которой пробивались наши корпусы. В мое прибытие сражался корпус весьма благовременно приведенный генералом-порутчиком Племянниковым на левое неприятельское крыло, где был его четвертый лагерь и на котором, наипаче шанцами, батареями и глубокими рвами укрепившись, еще держался неприятель, как уже взяты были три его по ряду лагери с правой стороны. В мое тут присутствие и выбитый неприятель возобновлял нападение жестокое на сей последний корпус и при овладении уже лагерем, однакож, удачи отнюдь не имел.

Сколько собственная очевидность и засвидетельствование предводительствовавших генералов позволяет мне утверждать, что корпус генерала-порутчика и кавалера князя Репнина, вошед в первой лагерь, проходил потом вдаль и чрез другие два, гоня неприятеля и оставляя за собою завладенную артиллерию. С первою его частью генерал-майор Потемкин вообще с генералом-майором же князем Трубецким ретраншамент неприятельской атаковали, с другой стороны, приняв влево, входила в ретраншамент и лагерь неприятельской часть же, веденная бригадиром Ржевским. А генерал-квартермистр Боур, подвигаясь к неприятельскому ретраншаменту в прямой линии, отделил баталион егерей на левой фланг из предосторожности, что неприятельская конница показывала вид, яко хочет туда пробиться и в порядке таком, как приближился на 200 шагов к неприятельской батарее, велел он начать стрельбу из большой артиллерии картечами, при которой гранодеры с удивительнюю храбростию пошли на гору, чего неприятель, не ожидая, стремительно и в беспорядке побежал; тогда настала минута, решившая нашу победу, и которая требовала сохранения порядка и дисциплины в войсках и в марше корпуса, тем более, что вся неприятельская конница старалась во всю скачь приближиться к тылу, в ожидании, что гранодеры для добычи расстроятся, но осторожность и поступки баталионных того корпуса командиров, в чем отдает им всю справедливость сам генерал-квартермистр Боур, удержали, что его корпус в наилучшем порядке и в нерасстроенных шеренгах маршировал по всему лагерю неприятельскому,

наполненному обозами и палатками, устремляясь токмо преследовать неприятеля, а ни один солдат не покусился прикоснуться ни к какой добыче. Третий корпус под предводительством генерала-порутчика Племянникова на левом крыле, атаковавший неприятельской лагерь, разделен будучи на два каре, из коих первой по правой стороне составляли пехотные полки: четвертой гранодерской, Астраханской и первой Московской под начальством бригадных командиров: генерала-майора Гротенгельма и бригадира Гудовича, где и сам предводитель Племянников находился, второй на левой под командою генерала-майора и кавалера Замятина, состоящий из пехотных полков Бутырского и Муромского и одного баталиона егерей, уставив свои батареи сопротив неприятельских, и производя из оных пальбу, взошел в неприятельской лагерь, коего не одержали ни сильной огонь пушечной и оружейной из лагеря, ни нападки на фронт вышедших из оного отделений, ниже два рвы глубокие и утесистой всход на горы, где дружка дружку подымали руками, а иные, хватаясь за растущей тут тростник, поспешали взобраться на вышину, овладели пушками и, не остановляясь в лагере, пошли далее гнать неприятеля.

Засим, хотя все корпусы, перешед неприятельской лагерь, старались преследовать неприятеля, так как и армия своим движением подкрепить их в том спешила, но по скорости и удалению бегущих, как не оставалось уже надежды достигнуть их, то и велел я, взирая на утомление своих войск, трудившихся непрестанно со вчерашнего вечера до той поры, что делала уже полдень, остановиться.

Тяжелая наша кавалерия под командою генерала-порутчика и кавалера графа Салтыкова, устремившись на поиск против неприятеля, что показался против левого фланга армии, и обратив оного в бег, преследовала его далеко, но не могла настигнуть, ибо легкие неприятельские лошади, от времени прибавляя бегу, ускакали скоропостижно из виду, а я хотя посылал раз несколько, чтоб обратить оную на бегущего неприятеля в преследовании пехоты, токмо с тем посланные не могли уже в пору к ней поспеть. Части же оной, гусаре и легкие войски, что были при корпусах немного могли дела иметь, понеже пехотою должно было очистить ретраншамент и лагерь неприятельской, оставляя оных позади; а между тем неприятель уж так удалился, что они в преследовании задние только войски догнать и перерубить могли, причем гусарской полковник Сатин, подавая собою знаки мужества, ранен в руку.

Засим, возвратясь армия к неприятельскому лагерю внутрь оного, принесла пополудни всевышнему богу благодарные молитвы с пушечною пальбою за его споспешествование нам в сей победе.

Таким образом, всемилостивейшая государыня, свершила армия вашего императорского величества над многочисленным

неприятелем знатную победу, разбив и прогнав турецкие и татарские толпы к Дунаю и овладев препространным их лагерем, из коего ничего не мог увезти неприятель с собою, а хотя несколько фур и утащил было, но и те разбросал по дороге, спасая единственно свой живот.

С сим благополучным успехом, распространяющим славу оружия вашего величества, я всеподданнейшие мои имею щастие принести вашему императорскому величеству поздравления.

Я должен в окончании не премолчать хвалы пред вашим императорским величеством, так как заслуги требуют, во-первых, предводителям к атаке корпусов генералам-порутчикам и кавалерам Племянникову и князю Репнину, да генералу-квартермистру Боуру. Их пример и мужество служили всем подчиненным к преодолению трудов, к неустрашимости против опасности и к одержанию с толикою пользою самой победы.

Генералы-майоры Замятин и Гротенгельм и бригадир Гудович, в части генерала-порутчика Племянникова находившиеся, неустрашимой храбрости при овладении батареями и неприятельским лагерем дали доводы. Столько же похвалить мне должно бывших в команде генерала-порутчика князя Репнина, генерала-майора Потемкина и бригадира Ржевского, а затем отдать справедливость по засвидетельствованию генерала-квартермистра Боура генералу-майору Вейсману и его корпуса баталионному командиру подполковнику графу Воронцову, так как и другим подполковникам же: князю Меншикову, Петерсону, Пеутлингу, Розену и Ферзену. Сей, будучи ранен, командовал, однакож, своим баталионом. Как первой, так и сии исправляли свое дело прехрабро и овладели ретраншаментами и батареями и взяли 12 медных пушек и 2 мортиры. Инженерной подполковник Фалкеншильд, находившийся по своей воле при сем корпусе, первой взбежал на батарею и первой ознаменил там нашу победу восклицанием: «Виват Екатерина». Подполковник Елчанинов с эскадроном тотчас подоспел и погнал неприятеля.

Из полковников отличились смелостию и усердием в атаке: граф де Наталли, Бороздин, Кожин, Талызин, Беклемишов, Черешников, подполковники: кавалер ордена святого Георгия Фабрициан, Ступишин, Кличка, барон Аш, Боненберх; от кавалерии Анжели; майоры: Эттинген, Цыглер, Алдерберг, Булдаков, Кинлох, сей с баталионом егерей очищал правое крыло корпуса князя Репнина и против своей дистанции особо вошел в неприятельской ретраншамент; от кавалерии Бибиков, граф Миних, Михельсон, получивший в атаке рану пулею в руку, и майор Берг, состоящий при генеральном штабе. Не меньше мне рекомендованы от частных командиров и отменных и храбрых же поступках ротмистры: Пушкин и Шенк, Самаринов, который и ранен; капитаны: князь Мещерской, Раутенфельд, Любимов, Требухович, Требинской, Вильянов, старший адъютант князя Репнина Вилда, Куликов, Ушаков, Аршаневской; при генеральном штабе:

Кноринг, Гайдвиг, Боур, полковой Астраханского пехотного полку квартермистр Шидловской, порутчик Меер, Кутузов, Флоров-Багреев, Ширванского полку квартермистр Хрущов и Харьковского прапорщик Ковалевский.

Полевая артиллерия, где была употреблена, везде успехи приобретала в самой скорости. Я должен справедливость в том отдать оною распоряжающим генералам Унгерну и Мелиссино, которые и сами при устроении батарей довольно трудились; а притом подполковник фон Блек, майоры Внуков и Бухгольц, капитаны Буцковской, Караулов, Леванидов, Тищев, порутчики Бышов, Аблеухов, подпорутчики Радищев и Риттер весьма мужественно и с пользою при корпусах дело свое исполняли.

Хотя армии не доходило сражаться фронтом с неприятелем, но я должен ту, однакож, засвидетельствовать справедливость генералу-аншефу и кавалеру Олицу, который в мою отлучку к сражающимся корпусам вел оную к неприятельскому лагерю, так и генералу-порутчику графу Брюсу, которому на попечение я оставил отражать покушения неприятеля, показавшегося на левом фланге армии, что сии оба генералы с оскорблением видели, что не было им случая показать опыт своего мужества. Не меньше же и прочие генералитет, штаб обер- и унтер-офицеры и до последнего рядового оказывали добрую свою волю к наступлению на неприятеля.

Его светлость принц Бра́уншвейгский, находящийся при армии вашего императорского величества волонтером, весьма усердствовал успеху нашему и везде в огне был между первыми и храбрыми. Подобно поступал и барон Штейн,—командор ордена Тевтонического. Прочие волонтеры прусские: полковник Ленгсфельд, майоры: Краков, Гаас, Менген, порутчик Линдер и прапорщик Пужет, да аглинской гвардии порутчик Фалнер и наши: камер-юнкер Лопухин, бригадир Черторижской, подполковник князь Долгоруков, лейб-гвардии капитан Левашев, ротмистр князь Мещерской, порутчик Лунин, Палибин, подпорутчик Хотяинцев, штаба генерала-аншефа и кавалера князя Долгорукова генерал-адъютант Гамбоум, употреблялись в самую атаку с нужными повелениями с приличною смелостию.

Впрочем отменно имею честь рекомендовать вашему императорскому величеству дежурного генерала-майора Ступишина, который с отличною ревностию и твердостию духа помощник мне был в деле, которое сим я описываю.

В сем сражении также находился присланной ко мне от генерала графа Панина генерал-квартермистр-лейтенант Броун, которого способности в военном искусстве, знакомые мне и прежде, я случай имел видеть, равно и смелость его духа.

Как корпусы генералов-порутчиков Племянникова и князя Репнина и генерала-квартермистра Боура удивительной сохранили порядок, выбивая неприятеля из лагеря и преследовали

оного, не внимая корыстолюбию, которому во удовольство предлежали внутрь и вне лагеря и по пути многие манящие вещи, то за сие повиновение дисциплине и в награждение их храбрых дел осмелился я из экстраординарной суммы на каждой корпус выдать солдатам по тысяче рублей.

Напоследок, взятой неприятельской лагерь обращен в корысть нашим войскам, которые прочую добычу, как-то безщотное множество палаток, провизий, посуды и разных вещей и скот по себе разделили.

В нем в добычь получено 30 медных хороших пушек и 3 таковые же мортиры, коих о калибре подношу ведомость под литерою «А» [1]. Так и артиллерийским запасам, из коих пороху весьма много подорвали зажиганием как сам неприятель, так и наши своевольные арнауты. Знамен досталось только 8, коих великое число позади регулярных войск грабившие лагерь всякая сволочь из наших легких войск и в услугах находящиеся холопы, захватив в свои руки, по невежеству драли в лоскутки, хотя покорыстоваться оными как лучшим фантом, что доказывалось найденными у многих обрывками. Ставки пашинские и хана крымского взяты. Последнего превосходила гораздо своим великолепием первые.

На другой день в неприятельском лагере погребено убитых тел до тысячи, а множество таковых же в очерете, при береге Прута и в преследовании погибших оставлены без исчисления, как должно армии было поспешить походом от того места дале.

Пленных имеем только 23, ибо в первом разе не было пощады противящимся.

Наш же урон в людях весьма невелик, как ваше императорское величество усмотреть изволите из подносимой при сем обстоятельной тому ведомости под литерою «В» [1], сочиненной по отобранным от всех полков репортам.

Сверх сего 3-го числа в шармицеле, заведенном нашими легкими войсками, имел нещастие попасться в плен неприятелю храброй секунд-майор Зорич от падения под ним лошади. Все пленные и выходцы, его в неприятельском лагере видевшие, удостоверяют, что хан крымской содержит его у себя со всякою выгодою. План, изображающий действия наши и положение неприятеля, представляю.

Теперь корпус генерала-квартермистра Боура и генерала-порутчика князя Репнина идут впереди осведомляться о склонении неприятеля врознь, рассеявшегося к стороне Дуная, и где только его могут настигти, станут атаковать, к чему в помощь и я к ним со всею армиею поспею.

Осмеливаюсь всеподданнейше поручить в высочайшую милость вашего императорского величества отличившихся в сем

---

[1] Ведомость не публикуется.

сражений чинов и все воинство, предводительству моему вверенное, как и подносителя сего лейб-гвардии подпоручика Хотяинцева, который первой ко мне прислан от генерала-поручика князя Репнина с известием о входе в неприятельской лагерь его корпуса.

Я же сам, пад к освященным стопам вашего императорского величества, есмь с глубочайшим благоговением...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 237—247. Подлинник.

№ 156

1770 г. июля 12.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ О СОДЕЙСТВИИ ВОЙСКАМ ГЕНЕРАЛА Ф. В. БОУРА В ПОИСКЕ НА р. КАГУЛ

№ 291

Господин генерал-квартермистр Боур репортует меня, что неприятель стоит, обрывшись, между речками Кагулом и Залцою, близ озерка, впадающего в Дунай [1]; и что магазейн великой имеет в Рене на сей стороне Прута, и что мост в Исакче за разлитием вод в Дунае не окончен, а коль случаем таким надобно, конечно, пользоваться и я ему, господину генерал-квартермистру, приказал маршировать вперед для обозрения лучше неприятельского положения, а под силу ежели будет и атаковать. Ваше сиятельство с вверенным вам корпусом имеете в его подкрепление не только, но на случай и общего на неприятеля нападения маршировать так скоро вперед, как от помянутого генерал-квартермистра к вам пришлется офицер, который открывал дороги и вам имеет оную показать.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 265 об.—266. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] После сражения на р. Ларге противник отступил в двух направлениях: турецкие войска вниз по р. Кагул, а татары переправились через р. Сальчи и ушли по направлению Килия — Измаил.

Румянцев выслал вперед авангард Боура, а сам оставался некоторое время на месте, ввиду угрозы со стороны татар левому флангу и необходимости сообщения со 2-й армией, а также для пополнения армии запасами.

Тем временем визирь переправился через Дунай на судах и сосредоточился в верховьях р. Кагул с целью атаковать армию Румянцева, в то время как татары должны были переправиться через р. Сальчу, захватить обозы и атаковать Румянцева с тыла.

№ 157

1770 г. июля 15.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ О ГОТОВНОСТИ СОЕДИНИТЬСЯ С ГЛАВНЫМИ СИЛАМИ 1-й АРМИИ

№ 292

Со вчерашнего дня переменное положение неприятеля, в котором мы и сей день его видим, заставляет думать, что он выступает или в закрытие позади своих движений или же вознамерился чинить атаку на нашу армию. Ради сего, ваше сиятельство, будьте во всякой готовности с своим корпусом присоединиться к армии, коль скоро к вам послан будет офицер для препровождения и назначения места вашему лагерю от господина Боура, которой имеет от меня повеление осмотреть аккуратно прежней лагерь неприятельской, выведены ли оттуду все войски и не маскируют ли в оном одне только караулы да палатки.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 266. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 158

1770 г. июля 20. — ИЗ ЖУРНАЛА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ АРМИИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ П. А. РУМЯНЦЕВА О СРАЖЕНИИ ПРИ КАГУЛЕ

20-го числа перед вечером показались великочисленные движении из неприятельского лагеря к нашей стороне. Его сиятельство главнокомандующий, став на возвышенном месте, примечания свои делал на неприятеля что он далее восприимет. Долго казалось, что турки идут к нам, но напоследок стало открываться, что они остановились похожим образом как бы занимая себе лагерь. Тут его сиятельство главнокомандующий смотрев в зрительную трубку и оборотясь к присутствовавшим генералам, сказал: «если турки осмелятся и одну в сем месте разбить свою палатку, то я их в сию ж ночь пойду атаковать». Вскоре после сего изречения увидели мы, что турки стали разбивать свой лагерь, занявши место по левую сторону устья реки Кагула, не далее семи верст от нашего положения.

Главнокомандующий предузнал в ту же минуту, что приближение сие учинил неприятель, хотя нас атаковать спереди, тогда как хан крымской, не меньше же в силах, облажет весь армии нашей тыл с равным устремлением, а пленные подтвердили, что с тем визирь и хан приготовились уже к завтрашнему дню.

Всяк представить себе может, в каком критическом положении была по сим обстоятельствам армия: пропитание войску давали последние уже крохи, визирь со сту пятьдесят тысячами был в лице, а хан со сту тысячами облегал уже спину и все провиантские транспорты. Великого духа надобно было, чтоб изойти только из сих трудностей, но оной мы нашли в своем предводителе, который умел самую опасность обратить в величайшую славу.

Хотя для подкрепления провиантских обозов толь знатная часть пехоты и кавалерии, как выше изображено, была отделена, чем и оскудевалась в числе армия, ибо за всеми раскомандированиями под ружьем людей могло быть и находилось не более семнадцати тысяч; но дознавши его сиятельство не раз в сие лето мужество предводительствуемых им войск, решился расторгнуть приготовленные на нас сети упредительною с своей стороны атакою неприятельской великочисленной армии.

21-го. Вследствие того ночью против 21 июля учредил он к атаке неприятеля весть свои войски следующим порядком: каждой дивизии составить свой каре, имея из передней и задней линии особливую колонну, а артиллерию в средине оных; корпусу генерал-квартермистра Боура делать авангард правого крыла, а корпусу генерала-порутчика князя Репнина авангард же левого крыла; полкам кавалерийским: его высочества Наследникову и Нижегородскому между каре князя Репнина и третьей дивизии; прочим команды генерала-порутчика и кавалера графа Салтыкова между первой и третьей дивизии; шести эскадронам карабинерным под предводительством генерал-майора князя Долгорукова и Ахтырскому гусарскому полку между первой и второй дивизий; Сербскому же гусарскому между второй дивизии корпуса генерал-квартермистра Боура маршировать; корпусу генерала-квартермистра Боура итить по высотам, ведущим к неприятельскому левому флангу и атаковать оной, а за оным шед до дороге Трояновой [1] второй дивизии генерала-порутчика и кавалера Племянникова принять оттуда влево и атаковать параллельно с оным также неприятельской левой фланг; первой и третьей дивизии и корпусу князя Репнина маршировать по трем гребням, ведущим на неприятельской левой же фланг и центр предположенный за предмет нашей атаки.

Сим образом в час пополуночи выступили все войски из своего лагеря, отправив все обозы в построенной позади оного вагенбург, и продолжали поход к неприятельскому лагерю, в котором, по фальшивой тревоге, минут несколько слышен был сильной оружейной огонь и канонада и несколько лошадей узброен-

---

[1] Под «Трояновой дорогой» здесь подразумевается так называемый Троянов вал — фортификационное сооружение, построенное еще римлянами для защиты от набегов кочевников и представлявшее собой вал высотою до 8 м и ров, удобные для ведения обороны даже и в XVIII в.

ных к нам прибегали, с коего времени, как после мы сведали, турки уже не спали, но все приготовлялися к бою, по внутреннему побуждению ожидая нас к себе, хотя того еще не видели. Все пять частей построились в порядок бою и в оном на рассвете приближились к Трояновой дороге. Коль только оную перешли, то неприятель, обозревши на себя наше наступление, оказал нам все свои силы на высотах, окружавших его лагерь, и встретил многочисленною конницею, которой мы конца не видели. Жестокою с нашей стороны канонадою, а наипаче скорострельным огнем из главной батареи, которою распоряжал генерал-майор Мелиссино, скоро приведен в замешательство неприятель в его лагере и те притом, которые в лице у нас были, но в то же самое время воспользовался неприятель глубокою лощиною, которая между гребнем, где первая дивизия проходила, и другим, где вел свой каре генерал-порутчик граф Брюс, была, и пробежал по оной даже в тыл нам, снося по себе наижесточайшие выстрелы пушечные и оружейные, коими его старались одержать обе дивизии. Сквозь густоту дыма, от стрельбы происходившей во всех фазах сего каре, его сиятельство главнокомандующий генерал, приметя, что неприятель, как в той лощине, так и за Трояновою дорогою задерживаясь, довольно мог вредить наш фронт, немедленно приказал маршировать вперед и из каре отделить резервы пехоты и охотников с пушками и наступательно вести их на неприятеля, где он кучами держался, сказав между тем и всему каре принимать влево, чтоб конницу турецкую, забежавшую по той лощине, отрезать. Сей маневр столько устрашил неприятеля, что оной под конец, боясь быть отрезан от своего лагеря, обратился во всю лошадиную прыть с криком к оному, провождаем будучи от нас наижесточайшею пушечною стрельбою, которая порывала в густых толпах великим числом всадников, отчего вострепетала и вся прочая турецкая конница, нападавшая со всех сторон на кареи Племянникова, графа Брюса, князя Репнина и Боура, и пустилась назад, примером отраженной от каре генерала-аншефа Олица. Тако сломив первое стремление на себя неприятельское, быв в огне непрерывном с 5-го часа утра по 8-й, очистили мы себе путь и удвоили свои шаги к неприятельскому лагерю, в котором еще видели, что пехота и конница смелость имеет нас к себе дожидаться. Не прежде, как в меру, против нашего движения открыл неприятель большие свои батареи, действия которых напряжены были наипаче на тот каре, где главнокомандующий находился и по правую сторону идущии генерала-порутчика Племянникова. Мы усугубили в примечании того стрельбу и поспешали достигнуть к ретранжаменту, который сверх чаяния своего увидел в одну ночь обширно сделанным стройным глубоким рвом и последней наполненный их янычарами. Его сиятельство под сильными ядрами неприятельской артиллерии, которые не редко попадали в лошадей, с ним ездив-

ших, чрез все время разъезжал пред кареем Олица, ободряя примером собственным к неустрашимости следовавших за ним. Как уже действием превосходным нашей артиллерии брали мы верх над неприятельскою многочисленною, осыпавшею нас ядрами и картечами, без большого, однакож, вреда, и их батареи приводили в молчание. В то самое время тысяч до десяти или более янычар, вышед из своего ретранжамента, неприметно опустились в лощину, примыкавшую к их левому флангу, близ которой шел с своим кареем генерал-порутчик Племянников и только что уже его части доходило простерть руки на овладение ретранжаментом, как те янычаре, внезапно выскочив из лощины с саблями в руках обыкновенною своею толпою, ударили на правой того карея фаз и в самой угол оного, который составляли пехотные Астраханской и Первомосковской полки. Едва первой плутонг Астраханского полку мог выстрелить, то янычаре, смяв его, одни ворвались внутрь карея, а другие вдоль пошли по правом фазе и силою своею превосходною замешали те полки и другие того карея, то-есть: Муромской, четвертой гранодерскои и Бутырской, и пригнали к каре генерала-аншефа Олица, к которому пред фронт сквозь их промчалась с великою яростью янычаров толпа и их знаменоносцы. В сем случае его сиятельство главнокомандующий показал опыты наиощутительнейшие своей храбрости и беспримерной твердости и удостоверил, что может [сделать] в самой опасности присутствие предводителя любимого и почитаемого воинством. Увидев своих бегство, сказал он принцу Брауншвейгскому, с ним вместе ездившему, «теперь настало наше дело» и с сим словом, презря грозную опасность, бросился к бегущим, кои уже перемешались с лютыми янычарами, под саблею сих последних. Одним словом «Ребята стой» мог он одержать своих ретирующихся и возобновить к отражению неприятеля, велев притом ударить наижесточае из своих батарей по янычарам, которые без того меньше минуты могли бы уже коснуться каре генерала Олица. Первой гранодерской полк, внимая его повелению и предводительствуя, весьма храбро ударил на все стремление неприятельское и оное сокрушил бодрым духом и отважною рукою, к чему споспешником ему был командир оного бригадир Озеров. Их штыки и пушки, тут случившиеся, в один момент все дело решили и с удивительною скоростию и послушанием построенной опять каре генерала-порутчика Племянникова, воскликнув единодушным гласом «Виват Екатерина», шел вперед. Тут послал его сиятельство на сию дерзкую пехоту свою тяжелую кавалерию, с которою с одной стороны генерал-порутчик граф Салтыков, с другой генерал-майор князь Долгоруков, пробившись, ее посекали и силою вообще огненного и белого оружия великую часть янычар положили на месте, а остальных погнали и в ретранжамент потом вошли. Как оба первые карея, так к тому времени приспели туда же вступить с своими частьми с правого флангу генерал-порут-

чик граф Брюс, а с левого генерал-квартермистр Боур, производя, покудова держался неприятель, пушечную по нему пальбу. Визирь, увидев в сем случае лутчих своих янычар, составляющих первую стену падших, на всю мочь побежал из лагеря со всеми войски; а при вступлении главнокомандующего, отделенной от корпуса генерал-квартермистра Боура подполковник граф Воронцов с своим баталионом с левой стороны, взошед в неприятельской ретранжамент и сопротивляющихся в нем янычар истребил, заняв в той части батареи и несколько отбив у турков знамен. Генерал-порутчик князь Репнин с своим корпусом в продолжении сего захватывал сколь возможно было обращенного в бег неприятеля, заходя взад его лагеря и провождав пушечною пальбою, отчего неприятель, видя свой великий урон, бросил весь обоз и побежал толпами во все ноги к стороне Дуная, где было до трех сот судов больших, которые послужили к его переправе, но не безбедственной, а затем завладели войски турецким полным лагерем, получили в добычь всю артиллерию во сто сороку хороших орудиев на лафетах и со всеми к тому артиллерийскими запасами и великим багажем. Но как число трофеев и плена умножалось и после баталии, то и сказано будет о том и другом при окончании уже сего месяца. Посреде сего изобильного лагеря, прошедши в порядке, преследовали неприятеля верст до четырех, а далее итить за ним усталость солдат не позволила, поелику продолжался беспрерывной и жестокой бой с начала пятого до половины десятого часа поутру, в которой свершили уже нашу победу, а в кавалерии за отделением ее к прикрытию запасного магазейна имели недостаток.

В сем жестоком сражении убиты с нашей стороны: Астраханского пехотного полку капитан Кутузов, порутчик Рязанского карабинерного полку Петр Долгово-Сабуров, первого Московского адъютант Сергей Копылов; унтер-офицеров и капралов — шесть, барабанщиков и флейщиков — пять, рядовых: керасир и карабинер — девятнадцать, гусар — шесть, гранодер — пятнадцать, мушкетер — двести восемьдесят шесть, полевой артиллерии — пять, полковых артиллерийских служителей — три, фурлейтов и погонщиков — три, донских казаков — два; всех — триста пятьдесят три; безвестно пропало: рядовых — девять, фурлейтов — два; ранены: его высочества Наследникова — подполковник фон Маткель, Новогородского пехотного — пример-майор Белавин, Астраханского карабинерного — ротмистр Афанасей Перской; капитаны: Новгородского — Рейнгольт, Астраханского — Петр Шуринов, баталиона подполковника Нейбуша — Иван Кафтырев, первого гранодерского — квартермистр Христофович; порутчики: баталиона графа Воронцова — Копман, второго Московского — Отто Дерфелд, Бутырского — Бутцель, Московского карабинерного — Трубников и Пашков, адъютант первого гранодерского Мельников, Астраханского карабинерного — Дьяконов, первого Московского — Васильев; подпо-

рутчики: Бутырского — Воинов, баталиона князя Меншикова — Богданов, прапорщик Бутырского — Рукин; унтер-офицеров и капралов — тридцать три, музыкантов, барабанщиков и флейщиков — десять, рядовых: кирасир и карабинер — пятьдесят два, гусар — двадцать, гранодер — сто тридцать три, мушкетер — двести семь, егерей — двадцать, полевой артиллерии — четырнадцать, полковых артиллерийских служителей — одиннадцать, фурлейтов, погонщиков и денщиков — девятнадцать, донских старшин и казаков — тринадцать; всех — пятьсот пятьдесят.

Неприятельской урон считать мы должны по крайней мере до двадцати тысяч, хотя пленные и из-за Дуная после пришедшие уверяли заподлинно, что турки чувствуют оной в сороке тысячах наипачей своей пехоты, кроме погибших в лагере, ретранжаменте и пред оным, где их по исчислению погребено тысяч до трех, по пути, где нас атаковала конница, и вдоль за лагерем верст по крайней мере на семь кучами лежали побитые тела в превосходнейшем пред сказанным числе, коим счет [а] не делано. Остаток древних янычар и спагов, таковыми казавшихся по виду и летам своим, которые всю свою опрометчивость истощили над нашим фронтом, тут совершенно погиб, как и тех, кои над меру твердо держались в ретранжаменте, не ушла ни одна нога, ибо отделенный вперед от корпуса генерал-квартермистра Боура с своим баталионом подполковник граф Воронцов, зашед с тылу, тут их остатки переколол и овладел батареями; но сего недовольно. По показанию самих пленных, великая часть их войск, избегнув наших рук, потопилась еще в Дунае, когда визирь, прибежав в торопливости и в страхе, угнетая и рубя дружка дружку бегущие войски, одни садились на суда, другие хватались за канаты и доски, погружая самые судны неумеренною тягостью ко дну вместе с собою. Словом, гибель тут была туркам наивеличайшая, что доказывали ясно всплывающие великим числом на поверхность воды утопшие тела, но давка и метание в воду тогда наиужаснее произошли на берегу Дунайском в неприятельских войсках, как генерал-квартермистр Боур, приблизившись к Дунаю и развезши в три стороны пушки ознаменил выстрелами из оных свое туда шествие, ибо по совершенном разбитии и прогнании неприятеля, коль армия брала свой лагерь при вершине озера Кагула, то вслед за бегущим неприятелем послан передовой корпус генерал-квартермистра Боура.

Остановившись на сих происхождениях в конце дня настоящего, от коего действия идут последования в наступающие, не неприлично изъяснить тут, что плоды своего отличного мужества в день сражения главнокомандующему те были наиприятнее, когда его сами солдаты, видевшие, в какой огонь и опасность он себя ввергал на сей баталии, поздравляли словом, «Ты прямой солдат», ибо всяк, прямо видевший дело, не мог иного говорить, что его храбрость и бодрость духа произвела,

но его сиятельство по обыкновенной скромности своей не принимал на себя одного славы победы, но всякого признавал участие к тому спослешествовавшим.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1820, л. 79 об. — 90. Подлинник. Частично опубликовано в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 173—177.

№ 159

1770 г. июля 21.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О РАЗГРОМЕ ТУРОК У р. КАГУЛ

Из лагеря неприятельского при устье реки Кагул

Воображать я могу, что ваше императорское величество первое мое донесение о поражении армии неприятельской 7-го июля [1], которою тогда командовал хан крымский, получить изволите не прежде сего благополучного дня, в которой войски вашего величества, моему предводительству вверенные, вновь торжествуют и над самым уже визирем турецким, Халил беем, победив наизнаменитейшим образом в его присутствии выведенную им премногочисленную армию на сей берег Дуная, в которой находились также из первых и знаменитейших их чинов янычар ага, Капикирам, топчи паша, то есть, главный командир над артиллериею, Абаза паша, Абды паша и Гистайли паша. Поспешность и конец в сей час только сражения дозволяют мне сим кратчайшее уведомление всеподданнейше учинить вашему императорскому величеству о том славном происшествии.

Достигая после битвы за рекою Ларгою бегущего от нас неприятеля, удостоверились мы, наконец, что оный присоединился к многочисленной армии турецкой, с которой перешел чрез Дунай сам верховный визирь; сто пятьдесят тысяч было их войск, как все пленные показывают, с коим сей гордящийся глава магометан вчера на вечер в семи верстах, ввиду нашей армии, взял свой лагерь при реке Кагуле, на левом берегу пониже озера, в которое сия река вливается, как и оное в Дунай, в намерении будучи сей день нас атаковать, для чего хан крымский со всею своею татарскою ордою не совокуплялся с турками, но первее стоял на реке Сальче, против левого нашего фланга, а потом потянулся нам в спину. Хотя в сие время от армии для прикрытия провиантского транспорта, идущего от Фальчи, отделить я должен был знатную часть пехоты и кавалерии, кои и вели уже дело с обошедшим нас в тыл неприятелем и покушающимся нападать на обозы, но при всем том, я решился не дожидать на себя атаки неприятельской, но оною предупредить его

---

[1] Не публикуется; публикуется подробная реляция от 12 июля 1770 г. (см. документ № 156).

вопреки с своей стороны, презирая великость визирских сил пред усердием и храбростью войск, коими счастье имею предводительствовать, и потому в начале 5-го часа по полуночи приступили мы к визирскому лагерю, которой нашли, к удивлению, в одну ночь тремя ретраншаментами и больше укрепленный, чем предпоследний, из коего выбит был хан крымский и паши Абаза, Абды и Измаил. Ни столько жестокой, ни так в малых силах, не вела еще армия вашего императорского величества битвы с турками, какова в сей день происходила. Пришедшие с визирем янычары совершенно были остаток тех славных во всю вселенную рыцарей, которые в ужас приводили с ними бьющихся своею опрометчивостью; надлежало армии вашего величества отверзти себе путь боем к турецкому ретраншаменту сквозь величайшие таковых храбрецов толпы, которыми встретил и окружил нас неприятель версты за три пред своим лагерем, вспомоществуя своим пресильнейшею канонадою, которая неумолкно по нас продолжалась слишком 5-ть часов. Действием своей артиллерии и ружейным огнем, а наипаче дружным приемом храбрых наших солдат в штыки, пробились мы в 9-ть часов к турецкому ретраншаменту, не видя еще того, чтоб неприятель с робким лицом нам противился, покудова последней пехоты его вылазку из ретраншамента не опровергнули мы храбрым отпором. Тут, призвав в помощь господа сил, благословящего оружие вашего императорского величества, и о имени вашем, всемилостивейшая государыня, ударили мы во всю мочь на меч и огонь турецкий, и одержали над оным верх, взошед в ретраншамент, где не мог более держаться визирь, но со всеми своими войсками, между коими был польский бунтовщик Потоцкий с конфедератами, обращен в бег к Дунаю, отстоящему отсюда в 25-ти верстах, и завладела полным его лагерем армия вашего императорского величества, палатками, обозом и несчетным багажем, и получила в добычу всю его артиллерию, коей по первому счету оказалось 130-ть хороших пушек с лафетами. И так другой раз всевышнему хвалу и благодарность торжественно приносит с пушечною пальбою в неприятельском лагере армия вашего императорского величества.

Наш урон в людях весьма невелик, а неприятельскими телами покрыта вся окрестность. Обстоятельнейшее уведомление о числе плена и убитых и всей нашей добычи в след за сим я долженствую учинить; но в окончание да позволено мне будет, всемилостивейшая государыня, настоящее действие уподобить делам древних римлян, в том, в чем ваше императорское величество мне их примеру подражать велели; не так ли и армия вашего величества поступает, что не спрашивает, как велик неприятель, но ищет, где только он. Подноситель сего, бригадир Озеров, как последнее наиопаснейшее янычар стремление на тот час, где я сам предводительствовал, с своим первым гренадерским полком в глазах моих отринул с великою храбростью со-

противных наших ударом, начало подал к одержанной победе, то и считаю я за долг и справедливость, чтоб ему быть первейшим вестником вашему императорскому величеству о сем благополучном успехе оружия вашего. Есмь с глубочайшим благоговением.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 282—285. Подлинник. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М, 1865 г., кн. 2, стр. 101—103.

№ 160

1770 г. июля 24.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ О ДВИЖЕНИИ ЕГО ОТРЯДА К ИЗМАИЛУ

№ 300

Получа ваш репорт, одно вашему сиятельству подтверждаю, чтоб как можно поспешали вы к Измаилу, не давая неприятелю опомниться. Понтоны уже ко времени приспеть не могли бы, а для переду я на Ялпух оные отправил. Как турецкие обозы переправлялись, то вы тем путем пройтить с корпусом без сомнения найдете себя в состоянии. Господина Ржевского взять всегда было во власти вашей, оставя какой нибудь баталион на его посте. В Измаил вступя, дождитесь в оном дальнейшего моего повеления, которое зависит еще от тогдашних обстоятельств, а графа Подгоричани не упускайте отрядить, и тогда чтоб всюду гнать, где только услышите в сей стороне неприятеля, что будет уже делом вашего предусмотрения.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 269—269 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 161

1770 г. июля 30.— УКАЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ О НАГРАЖДЕНИИ ГЕНЕРАЛОВ И ОФИЦЕРОВ АРМИИ П. А. РУМЯНЦЕВА

Кто господа генералитеты и штаб-офицеры сего июля в 27-й день ее императорского величества за оказанные 7-го числа того ж июля против неприятеля храбрые поступки кавалерами военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия всемилостивейше пожалованы, об оных для ведома и надлежащего публикования прилагается при сем список.

У подлинного пишет тако:

Петр Языков
Секретарь *Андрей Манаков*
Регистратор *Никита Ашурков*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1873, л. 37, Копия,

СПИСОК ПОЖАЛОВАННЫХ КАВАЛЕРАМИ ВОЕННОГО ОРДЕНА В 27-й ДЕНЬ ИЮЛЯ 1770 ГОДА[1]

1. Генерал-аншеф граф Петр Александрович Румянцев	В 1-м классе
2. Племянников	Во 2-м „
3. Князь Репнин	
4. Генерал-квартирмейстер Баур	
Генерал-майоры:	
5. Отто фон Вейсман	В 3-м „
6. Александр Замятин	
7. Георгий Гротенгельм	
8. Григорий Потемкин	
9. Князь Юрья Трубецкой	
Бригадиры, состоящие в полках:	
10. Астраханского — Иван Гудович	
11. Ширванского — Степан Ржевской	
12. Острогожского — полковник Иосиф Сатин	В 4-м „
13. Инженер-подполковник Фалкеншильд	
Подполковники:	
14. Рижского карабинерного — Богдан Елчанинов	
Пехотных:	
15. 3-го гренадерского — граф Семен Воронцов	
16. Санктпетербургского — князь Сергей Меншиков	
17. Выборгского — Андрей Пеутлинг	
18. Бутырского — барон Владимир Розен	
19. Тенгинского — премьер-майор Александр Кинлог	

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1873, л. 42. Копия.

№ 162

1770 г. [июля 27][2]. — ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О НАГРАЖДЕНИИ ЕГО ОРДЕНОМ св. ГЕОРГИЯ I КЛАССА И ДЕРЕВНЯМИ ЗА ПОБЕДУ ПРИ р. ЛАРГЕ

Граф Петр Александрович!

Вы легко себе представить можете, с коликим удовольствием я получила первые известия чрез полковника Каульбарса о совершенно вами одержанной победе над неприятелем при речке Ларге. На другой день я со всем народом приносила всевышнему достодолжное благодарение при пушечной пальбе в церкви Казанской богоматери. Но наивяще чувствовала цену сего происшествия, когда 25 числа сего месяца усмотрела из привезенных поручиком гвардии Хотяинцовым и подполковником Мордви-

---

[1] Заголовок оригинала.

[2] Письмо не датировано; датой его составления, вероятно, является 27 июля 1770 г.

новым писем обстоятельные описания сей славной вам и всем в сражении бывшим войскам баталии, при которой вышнее воинское искусство предводителя было поддерженно храбростию и неустрашимостию подчиненных ему воинов. Что более услуги к отечеству, то менее цены оным может определить настоящее время; одно потомство означивает степени славы знаменитым людям всякого рода. Вы займете в моем веке несумненно превосходное место предводителя разумного, искусного и усердного. За долг почитаю вам отдать сию справедливость и, дабы всем известен зделался мой образ мысли об вас и мое удовольствие о успехах ваших, посылаю к вам орден святого Георгия первого класса. При сем прилагаю реестр тех деревень, кои немедленно Сенату указом повелено будет вам отдать вечно и потомственно.

Впрочем остаюсь к вам как и всегда доброжелательна.

Екатерина

P. S. Как я вспомнила, что в Молдавии золотошвеи статся может мало, то посылаю к вам кованную георгиевскую звезду, какую я сама ношу.

ЦГАДА, ф. 6. Госуд. архива, разряд V, д. 103, л. 32—33. (Автограф.)

№ 163

1770 г. июля 31. — ПОДРОБНАЯ РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С СООБЩЕНИЕМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СВЕДЕНИЙ О СРАЖЕНИИ ПРИ КАГУЛЕ И ПОСЛЕДОВАВШИХ ЗА НИМ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ 1-й АРМИИ

№ 52 *Лагерь при устье р. Кагул*

Сим обстоятельнейшим донесением имею честь дополнить предыдущие мои и всеподданнейшие уведомления вашему императорскому величеству от 21-го [1], 24-го и 27-го июля [2], коликими победами над неприятелем турком и верховным их визирем Халил-беем, прославил всевышний благословенное оружие вашего императорского величества на береге Дунайском и пред оным.

Разбивши при реке Ларге 7-го числа сего месяца хана крымского Каплан-Гирея и трех турецких пашей Абазу, Абди и Измаила, шел я с армиею за сим бегущим неприятелем, стараясь его достигнуть новым поражением, но оного нигде мы не видели остановившегося, доколь не пришла армия на реку Салчу, а пе-

[1] См. документ № 159.

[2] Реляции от 24 и 27 июля не публикуются (см. ф. ВУА, д. 1868).

редовые корпусы генерала-порутчика и кавалера князя Репнина и генерал-квартермистра Боура к реке Кагул. Тут я намерен был его атаковать 13-го числа и на тот конец, оставив все свои обозы в вагенбурге, пошел с одним только войском прямо на него, но, получа известие от генерала-квартермистра Боура, что неприятель отдалился назад более двадцати верст, взял было лагерь и послал за своим обозом. В самую, однакож, ту минуту подоспел от генерала-порутчика и кавалера князя Репнина репорт, что неприятель на него наступает. И, увидя притом пушечные выстрелы, я поднял лагерь и поспешал навстречу сему неприятелю, в больших силах идущему, которой видно для обозрения нашей позиции подходил и скоро ретировался.

Чрезвычайной дождь с вихром и громом, ослабение людей и лошадей, кои во весь тот день ни пили, ни ели, принудили меня занять лагерь чем ближе, тем лучше и находился он расстоянием от корпусов князя Репнина и Боура верстах в десяти при Сальче. В пребывании в оном 14-го июля явился нам на две части разделенной неприятель: татаре с своим ханом при Ялпусском озере, а турки подле озера же, Кагул называемого. Татаре в тот день и на завтра подвигались по реке Салче вверх, так что я приметить мог их умысел к нападению на идущий позади армии подвижной магазейн с месячным провиантом. Своею тогдашнею позициею, возбраняя им на то покуситься, намерен был я в сем месте дождаться сего транспорту и, запасшись пропитанием, итти потом на неприятеля, до коего в обе стороны верст более двадцати щисляли.

В полдень 16-го числа в турецком лагере при Кагуле произошла пушечная пальба выстрелов до пятидесяти, оную приняли мы, судя обычай турецкий за селютацию новоприбывшему к ним войску, что и в самом деле было, как приметил тогда же генерал-квартермистр Боур при сей стрельбе весьма распространившейся неприятельской лагерь, почему и не оставалось сомнения: тако визирь со всеми своими силами от Исакчи, где быть его сказывали, соединился с войском, от нас прогнанным, а последование и открыло, коль заключения наши были в том справедливы.

Внимая усилию неприятельскому на правой стороне, против коего помянутые корпусы князя Репнина и Боура стояли, положил я на завтра перейти с армиею восемь верст и вместе с оными взять лагерь против местечка Грезены, так как и весь транспорт провиантской провождать к реке Кагулу, послав в тот же день для обеспечения оного от реки Салчи, куда клонилось стремление татар, деташамент под командою полковника князя Волконского, состоящий из двух карабинерных: Сибирского и Тверского полков и двух же баталионов егерей подполковника и кавалера Фабрициана и майора Кинлоха.

По вышеписанному предположению, как армия от реки Салчи отступила вправо в соединение с своими корпусами, то татаре

тотчас поспешили обратиться чрез ту реку против наших провиантских обозов, в чаянии воспользоваться истреблением оных, но предводитель помянутого деташамента, на заслону оных посланного, князь Волконской весьма храброй отпор сделал семи тысячам татар, на его нападшим, которые между им и транспортом став, стремились его атаковать. Он, невзирая на превосходные неприятельские силы, сквозь всю сию толпу мужественно с кавалериею и пехотою огнестрельным и белым оружием пробился и оградил своею защитою не только идущий провиант, но тогда же сопротивным ударом рассыпал нападавших татар с уроном их многим, а свой только имея в раненых семи карабинерах, да восьми егерях. Отражение сие, однакож, не обуздало татар, которые еще большими толпами от Ялпусского озера пустились в левую нашу сторону чрез реку Салчу, напрягаясь всеми образы отрезать наше пропитание. Упреждая в том склонение неприятеля, я того ж числа, то есть 17-го, командировал от армии генерал-майоров и кавалеров Глебова с пятью полками тяжелой кавалерии, графа Подгоричани с гусарскими Венгерским, Ахтырским и Острогожским полками, Потемкина с четырьмя баталионами гранодер, да бригадира Гудовича с пикетами в числе двух тысяч человек, чтоб под защитою сего корпуса пройти всему провиантскому транспорту к армии, которого я полагал дождаться в сем лагере, не имев больше уже с собою пропитания в сухарях, как со всею нуждою по 21-е число июля. Все сии команды, по рачению вышеупомянутых предводителей оными, заблаговременно успели соединиться с собою и опровергнуть стремление татарских орд. А между тем 18-го и 19-го числа турки под прикрытием своих наглых наездников рекогносцировали наш лагерь, подъезжая сколько можно поближе, потеряв в оба сии дни пятнадцать отлично храбрых своих всадников, которых наши казаки в шармицелях сразили. Напоследок к вечеру 20-го числа увидели мы великочисленные движения из неприятельского лагеря к своей стороне и обозрели вскоре, что неприятель стал разбивать свой лагерь и расположился по левую сторону устья реки Кагула не далее семи верст от нашего положения. Я проникнул, что приближение сие чинил неприятель, хотя нас атаковать спереди, тогда как хан крымской не меньше в силах обляжет весь мой тыл с равным устремлением, а пленные подтвердили, что с тем визирь и хан приготовились уже к завтрашнему дню.

Хотя для прикрытия провиантских обозов, толь знатная часть пехоты и кавалерии, как выше я изобразил, была отделена, чем и оскудевалась в числе армия, ибо за всеми раскомандированиями под ружьем людей могло быть и находилось не более семнадцати тысяч, но, дознавши не раз в сие лето, что может мужество войск, коими щастие имею командовать, решился я расторгнуть приготовленные на нас сети упредительною с своей стороны атакою неприятельской великочисленной армии.

Вследствие того ночью против 21-го июля учредил я к атаке неприятеля весть свои войски следующим порядком: каждой дивизии составить свое каре, имея из передней и задней линии особливую колонну, а артиллерию в средине оных. Корпусу генерал-квартермистра и кавалера Боура делать авангард правого крыла, а корпусу генерал-порутчика и кавалера князя Репнина авангард же левого крыла. Полкам кавалерийским его высочества Наследникову и Нижегородскому между каре князя Репнина и третьей дивизии, протчим команды генерал-порутчика и кавалера графа Салтыкова между первой и третьей дивизии, шести эскадронам карабинерным под предводительством генерал-майора князя Долгорукова и Ахтырскому гусарскому полку между первой и второй дивизии, Сербскому же гусарскому между второй дивизии и корпуса генерал-квартермистра Боура маршировать. Корпусу генерал-квартермистра Боура итти по высотам, ведущим к неприятельскому левому флангу, и атаковать оной, а за оным шед по дороге Трояновой второй дивизии генерал-порутчика и кавалера Племянникова, принять оттуда влево и атаковать параллельно с оным фланг. Первой и третьей дивизии и корпусу князя Репнина маршировать по трем гребням, ведущим на неприятельской левой же фланг и центр, предположенные за предмет нашей атаки.

Сим образом в час пополуночи выступили все войски из своего лагеря, отправив свои обозы в построенной позади оного вагенбург, и продолжали поход к неприятельскому лагерю, в котором, по фальшивой тревоге, минут несколько слышен был сильной оружейной огонь и канонада и несколько лошадей узброенных к нам прибегали. Все пять частей построились в порядок к бою, и в оном на рассвете приближились мы к Трояновой дороге. Коль только оную перешли, то неприятель, обозревши на себя наше наступление, оказал нам все свои силы на высотах, окружавших его лагерь, и встретил многочисленною конницею, которой мы конца не видели. Я началом своей канонады, а наипаче скорострельным огнем из главной батареи, которою распоряжал артиллерии генерал-майор Мелиссино, скоро привел в замешательство неприятеля в его лагере и тех притом, которые в лице у нас были, но в то же время воспользовался неприятель глубокою лощиною, которая между гребнем, где первая дивизия проходила, и другим, где вел свой каре генерал-порутчик и кавалер граф Брюс, была, и пробежал по оной даже в тыл нам, снося по себе наижесточайше выстрелы пушечные и оружейные, коими его старались одержать обе дивизии. Сквозь густоту дыма, от стрельбы происходившей во всех фасах сего каре, равно и неприятельской по нем, я, приметя, что неприятель как в той лощине, так и за Трояновою дорогою, задерживаясь, довольно мог вредить наш фронт, немедленно приказал маршировать вперед и из каре отделить резервы пехоты и охотников с пушками и наступно вести их на неприятеля, где он кучами держался,

сказав между тем и всему каре принимать влево, чтоб конницу турецкую, забежавшую по той лощине, отрезать. Сей маневр столько устрашил неприятеля, что оной под конец, боясь быть отрезан от своего лагеря, обратился во всю лошадиную прыть с криком к оному, провождаем будучи от нас наижесточайшею пушечною стрельбою, которая порывала в густых толпах великим числом всадников, от чего вострепетала и вся прочая турецкая конница, нападавшая со всех сторон на кареи Племянникова, графа Брюса, князя Репнина и Боура, и пустилась назад примером отраженной от каре генерал-аншефа Олица. Тако сломив первое стремление на себя неприятельское, быв в огне непрерывном с 5-го часа утра по 8-й, очистили мы себе путь и удвоили свои шаги к неприятельскому лагерю, в котором еще видели, что пехота и конница смелость имеют нас к себе дожидаться. Не прежде, как в меру, против нашего движения открыл неприятель большие свои батареи, действия которых напряжены были наипаче на тот каре, где я находился и по правую сторону идущий генерал-порутчика Племянникова. Мы усугубили в примечании того стрельбу и поспешали достигнуть к ретраншаменту, который сверх чаяния своего увидели в одну ночь обширно сделанным стройными глубокими рвами и последние наполненные их янычарами. Как уже действием превосходным нашей артиллерии брали мы верх над неприятельскою многочисленною, осыпавшею нас ядрами и картечами без большого, однакож, вреда и их батареи приводили в молчание; в то самое время тысяч до десяти или более янычар, вышед с своего ретраншамента, неприметно опустились в лощину, примыкавшую к их левому флангу, близ которой шел с своим кареем генерал-порутчик Племянников, и только что уже его части доходило простерти руки на овладение ретраншаментом, как те янычаре, внезапно выскочив с лощины с саблями в руках, обыкновенною толпою ударили на правой того карея фаз и в самой угол оного, который составляли пехотные Астраханской и Первомосковской полки. Едва первой плутонг Астраханского полку мог выстрелить, то янычаре, смяв его, одни ворвались внутрь карея, а другие вдоль пошли по правом фазе и силою своею превосходною замешали те полки и другие того карея и пригнали к каре генерала-аншефа Олица, к которому пред фронт сквозь их промчалась с великою яростию янычаров толпа и их знаменоносцы. В сем случае я щастие имел одним словом «Стой» одержать своих ретирующихся и возободрить к отражению неприятеля, ударив притом наижесточае из своих батарей по янычарам, которые без того меньше минуты могли бы уже коснуться моего каре, где первой гранодерской полк, внимая моему повелению, весьма храбро ударил на все стремление неприятельское и оное сокрушил бодрым духом и отважною рукою, к чему споспешником ему был командир оного бригадир Озеров. Их штыки и пушки, тут случившиеся, в один момент все дело решили и с удивительною скоростию и

послушанием построенной опять каре генерал-порутчика Племянникова, воскликнув единодушным гласом «Виват Екатерина», шел вперед. Тут послал я на сию дерзкую пехоту свою тяжелую кавалерию, с которою с одной стороны генерал-порутчик и кавалер граф Салтыков, с другой генерал-майор князь Долгоруков пробившись, ее посекали и силою вообще огненного и белого оружия великую часть янычар положили на месте, а остальных погнали, и в ретраншамент потом вошли как оба первые карея, так к тому времени приспели туда же вступить с своими частьми с правого флангу генерал-порутчик граф Брюс, а с левого генерал-квартермистр Боур, производя, покуду держался неприятель, пушечную по нем пальбу. Визирь, увидев в сем случае лучших своих янычар, составляющих первую стену, падших, на всю мочь побежал из лагеря со всеми войски; а при вступлении моем отделенной от корпуса генерал-квартермистра Боура подполковник граф Воронцов с своим баталионом с левой стороны взошел в неприятельской ретраншамент и сопротивляющихся в нем янычар истребил, заняв в той части батареи и несколько отбив у турков знамен.

Генерал-порутчик князь Репнин с своим корпусом в продолжении сего захватывал, сколь возможно было, обращенного в бег неприятеля, заходя взад его лагерю и провождав пушечную пальбою, отчего неприятель, видя свой великой урон, бросил весь обоз и бежал толпами во все ноги к стороне Дуная, где было до трехсот судов больших, которые послужили к его переправе, но не безбедственной; а затем завладели войски вашего величества турецким полным лагерем, получили в добычь всю артиллерию в сту сороку хороших орудиев на лафетах и со всеми к тому артиллерийскими запасами и великим багажем, о чем изъясню я ниже. Посреди сего изобильного лагеря, прошедши в порядке, преследовали неприятеля верст до четырех, а далее итти за ним усталость солдат не позволили, поелику вели мы беспрерывной и жестокой бой с начала пятого до половины десятого часа поутру, в которой свершили уже нашу победу, а в кавалерии, за отделением ее к прикрытию запасного магазейна, имели мы недостаток.

По отдохновении немногом, велел я генералу-квартермистру Боуру с своим корпусом итти вслед за неприятелем, запасшися пропитанием, найденным в его лагере, который в тот день и подвинулся вперед, а я с армиею, расположась на сем месте, первое имел попечение о снабдении солдат пищею, а на другой день, по свершении литургии, воздав богу помощнику нашему, благодарное молебствие, торжествовала армия вашего императорского величества свою победу с пушечным и троекратным ружейным беглым огнем; а на вечер, сведав, что неприятеля некоторая часть, отделясь от Дуная, бежит за Елпусское озеро, обратил я туда бригадира и кавалера Игельштрома с деташаментом, который в ту ночь успел занять мост, отбил у неприятеля, что мог за-

стать из обозов, одну пушку и несколько человек взял плену, уведомляя меня, что часть великая неприятельского войска, перешедши Елпуг, пошла к Измаилу. Я, получа сей репорт, ночью того дня поспешил отправить генерала-порутчика и кавалера князя Репнина с его корпусом к Измаилу, чтоб, разбив неприятеля, занять сей город, в котором он по прогнании неприятеля 26-го числа и утвердился, как я о том уже имел честь донести с последним моим курьером вашему императорскому величеству и готовлю вслед за сим к отправлению обстоятельнейшую реляцию, с коликими наибольшими успехами князь Репнин произвел сию экспедицию. А между тем 23-го числа генерал-квартермистр Боур пришел к Дунаю против Исакчи, где не было мосту, а посредством множества судов с некоторою частию войск переправился уже визирь на тот берег; еще однакож и на сем берегу была часть неприятеля, как и все обозы, потому реченной генерал, встревожив, во-первых, легкими своими войсками захваченного неприятеля, послал потом переводчика, требуя сдачи и обещая им за то пощаду живота. Визирь, увидев сюда приход наших войск, подослал из того берега фрегат о несколько пушках, с которых стрелять начали по нашем корпусе и множество судов во спасение оставшимся, но сопротивным действием своей артиллерии не допустил до исполнения сие предприятие помянутый генерал-квартермистр, и войски, найденные более тысячи, в виду визиря и всех своих собратий, с воплем взирающих с той стороны на их участь, положили свое оружие и предались в наши руки. Последней парк артиллерии, при береге найденной, в двадцати шести орудиях тут же взят.

О небольшом числе убитых и раненых с нашей стороны в сие жестокое сражение подношу ведомость[1], о неприятельском же уроне могу сказать, что оной по крайней мере до двадцати тысяч должно разуметь, хотя пленные и из-за Дуная пришедшие уверяют заподлинно, что турки чувствуют оной в сороке тысячах наипаче своей пехоты, кроме погибших в лагере, ретраншаменте и пред оным, где их по ищислению погребено тысяч до трех; по пути, где нас атаковала конница и вдоль за лагерем верст по крайней мере на семь, кучами еще лежат побитые тела в превосходнейшем предсказанным числе, коим щоту не делано. Остаток древних янычар и спагов, таковыми казавшихся по виду и летам своим, которые всю свою опрометчивость истощили над нашим фронтом, тут совершенно погиб, как и тех, кои надмеру твердо держались в ретраншаменте, не ушла ни одна нога. Но сего не довольно, по показанию самих пленных великая часть их войск, избегнув наших рук, потопилась еще в Дунае, когда визирь, прибежав в торопливости к оным и в страхе, угнетая и рубя дружка дружку бегущие войски, одни садились на суда, другие хватались за канаты и доски, погружая самые

[1] Ведомость не публикуется.

судны неумеренною тягостию ко дну вместе с собою. Словом гибель тут была туркам наивеличайшая, что доказывают всплывающие великим числом ныне на поверхность воды утопшие тела.

В трофеи на месте баталии и при береге Дунайском и при Измаиле получено: знамен пятьдесят шесть, бунчуков два, дервишских знаков два, литавр четыре, щит один, разных калибров артиллерии двести три орудия, о коих как и снарядов впредь буду иметь честь поднести специальную ведомость. Плену по сей день имеем более двух тысяч военных людей, но оной на всякой день приводимыми не престает умножаться. Между пленными, взятыми на Дунае, до двадцати чинов есть из посредственных начальников, но в Измаиле, где также плен велик, попались познатнее сих. Прочей добычи, яко то: палаток, лошадей, верблюдов, разного скоту, провизии, экипажу, фур с пропитанием, ни коим образом нельзя сделать сметы; сверх того набираются многие тысячи. Итак за-верно сие только донесть могу, что визирь и турки ничего из вышеписанного не перевезли с собою чрез Дунай, а все, что имела их армия на сем береге, осталось, следственно по многочислию разбитой армии легко судить всякому, коль великую в том потерю неприятель несет и сколь достаточна есть корысть наша.

По удостоверению пленных армия визирская, от нас побежденная, состояла из пятидесяти тысяч пехоты и до ста конницы, собранной из Анатолии, Румелии и из самых отдаленных областей державы Оттоманской, где только славится храбростию турецкое войско. По испытанию справедливость сию должно отдать туркам, что персонально нельзя быть храбрее воину, как их всадники и пешеходы. При визире находились командирами: над конницею—сераскер Абды паша, Абаза Мегмет паша и Дагистанжи в классе трехбунчужного паши, янычар агасы Капикаран ага паша, предводитель янычар баш Мугасе Беджи, реиз авни эфендий Киритли, Агмет эфендий, тайной верховной советник, который последний раз был послом к прусскому двору, визирь кегаясы Ибрагим ага, Нузуль емини эфендий; двухбунчужные паши: Янли Хасан паша, Арнаут Мегмет паша, Хачи Али бек, топчи паша Мухсур ага, куль кегаясы джебеджи баши, баш азидже эфендий, самсонджа баши, загарджи баши, чауш баши, буюк тескереджи, кичик тескереджи, баш баки кулу, силихтар агасы, сыпагиллер агасы, мегтупчи эфендий, буюк рузнамеджи. Словом, все чины военные и статские Оттоманской империи сей сонм составляли, а при султане оставались только каима[ка]н и его придворные. Во время сражения, когда наши войски и артиллерия низлагали противящихся, визирь и Магометом великим своим пророком и салтанским именем силился восстановить опрокинутых, но все кричали в ответ ему: нет сил наших сбить с места россиян, которые огнем, как молниею, разят. Ибо в самом деле, по моему учреждению, артиллерии генерал-майор Мелис-

сино[1] толь скоропостижно из больших пушек стрелял, что не только первым разом со всякого места опрокидал неприятеля, но казалось от звуку самая твердь колеблющеюся, коего за великую исправность в своем звании имею честь особливо рекомендовать вашему императорскому величеству.

Осталось мне за сим справедливость отдать пред вашим императорским величеством, во-первых, командующим дивизиями и корпусами генералам-аншефу и кавалеру Олицу, генерал-порутчикам Племянникову, графу Брюсу, графу Салтыкову, князю Репнину и генерал-квартермистру Боуру, что они собою пример давали своим подчиненным мужества и усердия в происходившем деле, и всяк из них к победе неприятеля споспешествовал своим предводительством и порядком веденных войск; так как генералу-майору князю Долгорукову, который персонально при атаке неприятельской пехоты, как оная устремилась на каре генерала-порутчика Племянникова, врубившись пред своими эскадронами в кучу неприятеля и окружен от него будучи, собственною рукою поражал сопротивных; полковникам Энгельгарду, Панину и князю Прозоровскому, которые с своими полками между кареями, атаковав многократно неприятельскую конницу и насквозь пробиваясь чрез густую их толпу, опрокидали оную со вредом. Генералы—инженерной Голенищев-Кутузов, артиллерии Унгерн, дежурной Ступишин, находясь всегда при мне, по мере своих сил усердно вспомогали в самом огне мне своим примечанием в потребных случаях с отличною твердостию духа, а последней и удержанием повсюду порядка. По справедливости я также должен засвидетельствовать и о подвигах отделенных на сие время от армии генерал-майоров и кавалеров Глебова, графа Подгоричани, Потемкина и бригадира Гудовича, которые со вверенными им войсками сохраняли целость пропитания нашего и нападки хана крымского со всею ордою в ничто обратили. Его светлость принц Брауншвейгской впереди всегда находился во время жестокого сражения и презирал всю опасность, оказывая добрую свою волю к пользе нашей, в чем его примеру подражали и прочие чужестранные, при армии вашего императорского величества пребывающие, волонтеры; равно и все наши на сем сражении с похвальною охотою при всяком их употреблении поступали, из коих подполковник князь Долгоруков, лейб-гвардии Конного полку ротмистр князь Мещерской и Семеновского капитан-порутчик Волков при мне находились и были посылаемы, так как и обер-кригскомиссар князь Щербатов, которой по доброй своей воле в каждом случае отличал себя отвагою. Инженерной подполковник Фалкеншильд, при сем случае будучи при мне, доказывал отменное усердие повсюду поспешным исполнением моих повелений. Протчие же все чины армии вашего

[1] Генерал Мелиссино являлся одним из крупнейших организаторов русской артиллерии второй половины XVIII в., проявившим себя главным образом в части подготовки личного состава этого рода войск.

императорского величества не требуют моей хвалы. Дела их, когда они величайшие силы неприятеля сокрушили толь малым своим числом, наилучшим суть доводом, как они храбры и коль усердны к повелениям своей монархини и сколько сим подвигом учиняют себя достойными высочайшего вашего императорского величества и матерняго к ним покровительства. К их славе я присоединю ту только истину, что я прошел все пространство степей до берегов Дунайских пред неприятелем, не делая нигде полевых укреплений, а поставляя одно мужество и добрую волю их во всяком месте за непреоборимую стену.

Визирь, по известиям, остатки разбитых своих войск, коим удалось переправиться чрез Дунай, держит при Исакче, стараясь всеми образы не допустить в Царьград предварительно прямой ведомости о своем состоянии.

Есть слух также, якобы сам хан крымской поскакал к султану, дабы приготовить его к известию о пагубе, которую претерпела его армия.

В сем состояли успехи победы армии вашего императорского величества над визирем и войсками его предводительства, а сверх сего описания к усмотрению всех подробностей имею честь при сем поднести обстоятельные планы, изображающие наши действия и неприятельское положение[1].

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 292—303 и об. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев». ОГИЗ, 1947, стр. 178—189.

№ 164

1770 г. августа 2. — УКАЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ П. А. РУМЯНЦЕВУ О ПРОИЗВОДСТВЕ ЕГО В ЧИН ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА[2]

Высочайшим ее императорского величества указом, данным Военной коллегии сего августа 2-го дня, ее императорское величество всемилостивейше соизволила пожаловать вас в свои генералы-фельдмаршалы за оказанные ее величеству и отечеству верные и усердные услуги и за храбрость в предводительстве ее войск и в побеждении врага христианства. О сей высочайшей к вам милости Военная коллегия, нимало не медля, сим вам, господину генералу-фельдмаршалу и кавалеру, объявляет с тем, что о произведении по сему чину вам с полным штатом жалованья Главному комиссариату указ дан.

Граф *Захар Чернышев*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1873, л. 52. Копия.

---

[1] Планы в деле отсутствуют.

[2] В русской армии чин генерал-фельдмаршала был вторым после генералиссимуса.

№ 165

1770 г. августа 2. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ВЗЯТИИ КРЕПОСТИ ИЗМАИЛ

№ 56 *Лагерь при устье р. Кагул*

По уведомлениям от генерала-порутчика и кавалера князя Репнина, я теперь имею честь донести всеподданнейше вашему императорскому величеству о всех обстоятельствах экспедиции, им произведенной на город Измаил, дополняя вкратце о том учиненное мною представление от 27-го прошедшего июля чрез сержанта лейб-гвардии Семеновского полку князя Долгорукова.

Сей генерал-порутчик, пришедший к Измаилу с своим корпусом 26-го июля, как известие мы имели, что великая часть пехоты и конницы от Дуная против Исакчи, где визирь ускорял перебираться на другой берег, к сему городу отделилась, в соответствие данному от меня повелению предприял атаковать городской вал и разделял к достижению того свою пехоту на четыре части. В первой с правой стороны были четыре баталиона гранодер и четыре орудия полевой артиллерии под командою генерала-майора и кавалера Потемкина. Вторую составляли два баталиона егерей под командою подполковника и кавалера Фабрициана. В третьей части находились полки: Кабардинской, Санкт-Петербургской, баталион Киевской и четыре орудия полевой артиллерии, коими предводительствовал бригадир и кавалер барон Игельштром. А четвертую часть, крайнею с левой стороны, делали два баталиона гранодер и два орудия полевой артиллерии под командою бригадира Ржевского, конница ж вся была построена в средине между пехоты.

Коль скоро неприятель увидел в таком порядке марширующий корпус, то с великою поспешностию стал из своего лагеря, стоявшего под городом, то ж из города и из-за валу выбираться в правую свою сторону, отделяясь от города[1]. А число оного состояло, конечно, тысяч более двадцати. Почему и князь Репнин, оставя следовать к городу, оборотил свой фронт к неприятелю, и прямо на него пошел. Но оной, уклоняясь от дела, зачал ретироваться в две разные стороны. Некоторые кучи пошли вниз по Дунаю, а другие отделились в их правую сторону. Затем пошел первых преследовать генерал-майор Потемкин, к которому предводитель корпуса в прибавок отрядил Ахтырской гусарской полк, а для преследования вторых спешил бригадир Ржевской в подкреплении посланных туда казацкого полку полковника Иловайского, Венгерского гусарского и двух эскадронов карабинер под командою майора Ладыженского. Прочие же две пехотные части бригадира и кавалера барона

---

[1] В начале 70-х годов XVIII в. Измаил представлял собой крепость сравнительно слабую и совершенно не был похож в отношении своих укреплений на Измаил 1790 г., когда его штурмовал Суворов.

Игельштрома, подполковника и кавалера Фабрициана держал князь Репнин в средине так, чтоб они в случае нужды могли на обе стороны обратиться, отделив между тем Острогожской гусарской полк назад к городу для примечания и отражения всего, чтобы оттоль ни показалось.

Вышеписанным образом был неприятель везде преследован и, наконец, свою ретираду в совершенной бег обратил. Но и в сем случае, как донские казаки Иловайского, так полки гусарские Ахтырской и Венгерской, тож карабинеры, достигая оного, великое число турков срубили и взяли в плен. Свое преследование помянутый генерал-порутчик простирал от города верст шесть и, видев уже конец дня, послал для занятия оного генерала-майора Потемкина, дав ему два баталиона егерей и один гранодер, марширую вслед за ним со всею пехотою. Притом же, исполняя мое повеление, послал одного из пленных в город сказать, чтобы все сдались коль желают пощады; и хотя изза валу уже было начали на подходящие войски стрелять, но получа посланного с вышеупомянутым объявлением тотчас запершиеся сдались; после чего беспрепятственно вошли наши войски в самые уже сумерки в город, тож вал и на нем стоящую артиллерию заняли. А неприятель преклонил свое бегство к стороне Килии, за коим далее не было возможности гнаться за усталью людей и изнурением лошадей, от того более, что поход сей делал корпус в сильную дождливую погоду, форсируя столько, что для подпряжки под артиллерию лошадей доходило спешивать казаков.

Неприятеля в преследовании побито более тысячи, а в полон взято военных девятьсот семьдесят два человека. Между последними именитейшие люди находятся: Али бей, провинциальной шпагинской командир Мустафа-ага-топчи паша, которой прошлого года был в Хотине главным над артиллериею при блокаде нашей той крепости, а потом и в Браилах, Магмет, сын топчи баши — Магмет Барайктар топчи баши, Мустафа ага — оруженосец янычарского аги, Гаджи Ибраим бим паша, Гаджи Агмет ага, Агмет эфенди—секретарь Абазы паши, Гуссейн-эфенди — хранитель печати Абазы паши, Мова Мустафа ага — наместник последнего, Абди Мурза и меньшего ранга старшин янычарских двадцать.

Сии пленные о своем войске показывают, что оное за 20 000 простиралось и все было из разбитых на последней баталии с визирем, с коим янычар ага Капикарам, Абаза и Абди паша по совету визиря от берегу Дунайского ушли в Измаил, чтоб как можно держаться в тамошнем укреплении, однакож войски, устрашенные гибелью в последнем сражении с визирем, меньше всего о том помышляли, но всяк искал только спасти живот и как в пути, так и за приходом оттуда бежали, кто куда за безопаснее находил; а напоследок, обозрев наш корпус, под Измаил приходящий, помянутые два паши и Ага янычар наипо-

спешнее переправились за Дунай, а прочие рассыпались куда кого страх посылал.

Знаков победы тут взято: 37 пушек, знамен 6, барабанов 4. Великое число мулов и верблюдов с экипажами, на них бывшими, достались в руки преследовавших неприятеля и многие тысячи разного скота.

Магазейну провиантского в городе достаточно не найдено, ибо оной так как и город во многих частях самими турецкими войсками накануне приходу наших разграблен в происходившем у них бунте против своих командиров, из коих янычар-агу посадили было под караул. Несколько сот четвертей муки и разной съестной провизии получено в пищу нашим войскам.

В арсенале найдено турецких сабель и ружей штук до 500, 8760 пушечных ядер, 95 бочек пороху и частью разных артиллерийских припасов.

Впрочем город сколь возможно сбережен от разорения и уже живущие в оном молдованы и армяни свое домостроительство и торги отправляют без помешательства. Пространство оного хотя велико, но положение низко, улицы весьма узкие, грязные и от тесноты строения нечисты. На другой день бытности наших тамо войск, засели несколько турков в мечете и в одном доме, не хотя сдаться и стреляя оттоль, которые штурмом взяты и переколоты. Тоже последовало и с другими янычарами, что предприяли было обороняться на близком от города острове, к которым егери, перешед глубокий брод, иных побили, а прочих взяли в плен.

С нашей стороны в сию Измайловскую экспедицию убиты: порутчик 1, капрал — 1, бомбардир — 1, служитель артиллерийский — 1, гранодер — 5, волонтеры — 2. Ранены: капрал — 1, карабинер — 1, гусары — 2, казаков — 3, егерь — 1, гранодер — 2.

Генерал-порутчик князь Репнин рекомендует особливо отличившихся в храбрости в сем деле донского полковника Иловайского и есаула его полку Денисова, которые с своим полком на тысячные неприятельские толпы ударяли, наибольше оных вредя. А и я самовидец тому, что сей полковник и его полк по прибытии к армии первые обуздали гордящихся над нашими легкими войсками поверхностию неприятельских наездников, сразив в один час 15 лучших из них [в] шармицеле, днем пред баталиею происходившем. Почему и приемлю смелость всеподданнейше ходатайствовать к вашему императорскому величеству о награждении сих обоих старшин обыкновенно даваемыми знаками в золотых медалях из высочайшей вашего величества милости для поощрения, как им успевать далее в военных подвигах, так и других ревновать их примеру.

Справедливость тоже отдает с великою хвалою находившимся при том корпусе нашим волонтерам: камер-юнкеру Лопухину, лейб-кирасирского полку князю Долгорукову, лейб-гвардии Преображенского полку капитану Левашову, и генеральс-адъю-

танту генерала-аншефа и кавалера князя Долгорукова Гамбому, что они наибольшее усердие оказывали при употреблении их во время дела с неприятелем. А я в заключении всеподданнейше имею щастие препоручить в высочайшую милость вашего императорского величества подносителя сего лейб-гвардии Измайловского полку поручика Лунина, который в нынешнюю кампанию, при армии будучи волонтером, находился при корпусе авангардном, и от командующего оным генерала-квартермистра Боура особливо мне рекомендован, как усердный и храбрый офицер, доказав сии свойства при многих от него употреблениях во время дела с неприятелем...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 309—312 об. Подлинник. Частично опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 189—190.

№ 166

1770 г. августа 3. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ДЕЙСТВИЯХ ПОД БРАИЛОВОМ

№ 59 *Лагерь при устье р. Кагул*

Хотя последняя и толь благополучная баталия с визирем при речке Кагул расширяет виды военных операций обеих армий вашего императорского величества надежнейшим образом, нежели предполагать еще я мог, победив армию турецкую купно с татарами 7-го июля, но и после того сражения каковы от меня на тогдашнее время предполагались меры для дальших действий оружию вашего императорского величества, как с моей стороны, так и что я мнил к распространению успехов запристойно производить предводителю второй вашего императорского величества армии генералу графу Панину, подношу при сем в приложениях моих и его мне ответные мнения к усмотрению токмо высочайшему вашего величества тех по истине великих трудностей, которых со всем своим усердным старанием граф Панин не нашелся в состоянии преодолеть. Теперь, как побеждающим всегда, имел я щастие довести оружие вашего императорского величества до берегов дунайских, то и должен донести о настоящем моем положении и о коем наперед я помышлять должен.

Остатки неприятельских войск, хотя в невеликом уже числе, отчасти подле Исакчи, а частьми и в других местах на том берегу Дуная еще видимы, и как они имеют в своих руках много судов и вооруженных, то, возбраняя им всякое покушение посредством оных на сей берег, особливо в помощь Бендерам, держусь я в настоящей позиции близ Дуная и не могу ее оставить,

доколе вторая армия не покорит осажденной крепости, которые сопротивление, продолжающееся ко всем другим действиям, стало мне главною препоною, и принуждена ради того вверенная мне армия сносить ныне все невыгоды, стоя в степном месте, где пред сим главные свои станы турецкие и татарские войски имели и истощили весь полевой корм, которого земля более не производит, а трава устарелая к насыщению лошадей не служит, как уже засохлая и превратившаясь в былие толстое.

Инако нельзя мне отделить корпус за Прут, как после взятия уже Бендер, которым я предполагаю брать Браилов и обнять тамошний край от Дуная до реки Ольты.

С последним сим предприятием не спешить одерживает меня еще и то уважение, что собранные турецкие войски долго держаться не могут, следственно, дождав удобного времени, надежнее перенестись будет в Валахию, куда по уверению пленных якобы до 30 000 турки своих войск еще весною ввели на овладение городом Букарештами и из того краю не редко их покушения встречают наши партии по реке Серете и на здешней ее берег.

Всего наибольшее озабочивает меня пропитание, о котором ничего точного сказать не могу, а предвижу всю нужду. Молдавский диван и тамошний командир генерал-майор Черноевич предварены от меня давно повелением, чтоб старались о приготовлении хлеба и сена и подали мне ведомость, сколько того и другого приготовлено быть может, но еще ничего верного о том от них я не имею и сомневаюсь, чтоб пропитание тамошние жители могли дать не только для войск наших, но и про себя оное имели; поелику нынешним летом нельзя удержать их было чрез все предприемлемые обеспечения при земледельстве, а все по обыкновенному своему малодушию в рассуждении войны и поветрия проживали в лесах и горах.

Генералу-майору Буткевичу хотя я также приказал запасать заранее с нового хлеба магазейн для будущего времени, но как теперь только время жатвы, то и тут заподлинно знать нельзя, какой успех произойдет.

Я уже не упоминаю о язве, ибо от мест, ею зараженных, нет способу уклониться, когда и в самой Польше оная расширяется, но надобно на сию опасность дерзость, защитником полагая одного бога, который толь видимо благословляет оружие вашего императорского величества.

Подвоз пропитания из Польши несравненно труднее останется напред потому, что на настоящую кампанию во употреблении к тому лошадей обывательских многие их лишились чрез дальнюю по необходимости возку, а притом и край польской по над Днестром и в самых жителях опустевает.

Все сие в высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение представляя, прошу всемилостивейшего указа и снабдить меня планом, как воля вашего величества будет к

помещению войск, мне вверенных, на зимние квартиры, к чему уже сближается время, а наипаче когда армия в таком отдалении от Днестра, куда оной заранее возвращаться следует, поелику не вижу я способов отнюдь к пропитанию, естьли остаться ей всей в Молдавии и Валахии. Но надлежит часть оставить войск в сих княжениях, а прочие расположить в Польше за Днестром в таком согласии между собою взаимном, чтоб помещение последних своим пребыванием не оскудило тех мест, откуда первым получать снабдение удобнее.

Предводителю второй армии после победы визиря я послал одного пленного турка, который свое семейство имеет в Бендерах, дабы чрез него, естьли заблагорассудит, сообщить городу участь визирской армии, чему он был самовидец, и коль тщетно сия крепость сопротивляется, лишенная сикурсу от Дуная. Я также просил, чтоб он свои легкие войски, стоящие на Талегуле, послал к Килии на овладение сим городом, куда я не могу от своей стороны распространиться, имев всю кавалерию почти обезлошаделую от трудов подъятых и притом великую часть ее отделив для конвоевания от армии взятого плену и артиллерии чрез Польшу к нашим границам.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 320—322. Подлинник.

Приложение 1 к документу № 166

ПОСТАНОВЛЕНИЕ, КОТОРОЕ ПО УПРАЖНЕНИЯМ НАСТОЯЩИМ ОБЕИХ АРМИЙ НА РАССУЖДЕНИЕ И МНЕНИЕ ЕГО СИЯТЕЛЬСТВА ГРАФУ ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ[1] ОТ ПРЕДВОДИТЕЛЯ ПЕРВОЙ АРМИИ ГРАФА РУМЯНЦЕВА СООБЩАЕТСЯ[2]

1-е. Кардон коммуникации первой и второй армий учредить на настоящее время чрез Кизнов, Лопушну, на Фальчи, который по обстоятельствам переводим будет.

2-е. Первая армия, следуя вдоль по реке Пруту к Формозе, стараться будет своими корпусами пресекать неприятелю проход от Исакчи, или по движениям неприятельским подаваясь, вдоль по Ялпуке речке, занять корпусом Измаил.

3-е. Деташамент, которой до сего к прикрытию коммуникации в Молдавии служил, должен быть подкреплен, и, действуя между Прутом и Серетом, стараться будет овладеть от стороны Фокшан Браилами, а между тем вторая армия упражняться будет взятием Бендер, Белгорода и Килии.

4-е. Как от следствия сих действий решится все и окажется сколь велик можно будет оставить корпус для прикрытия в Валахии, протянув оной от Дуная к Ольте, ежели моровое поветрие, более неприятеля опасность наводящее, не воспрепятствует.

5-е. В случае движения визирского с великими силами чаемых войск, против которого обе армии взаимную помощь подавать себе должны.

---

[1] Панину.

[2] Заголовок оригинала.

6-е. По крайнему недостатку пропитания корпусам первой армии, оставляемым в Молдавии и Валахии, не примет ли на себя вторая армия пропитания оных от 1-го октября по последнее марта из заведенных оною магазейнов в Ладыжине и Умане.

При расположении обеих армий на зимовые квартиры в Польше поставляется Бар разделяющим местом, от которого первая располагается до Львова, а вторая до Днестра, запасаясь всякая провиантом из селений, лежащих внутри ее квартир и взад в прямую линию.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 323—324. Подлинник.

Приложение 2 к документу № 166

НА ПОСТАНОВЛЕННЫЕ ПУНКТЫ ГЕНЕРАЛОМ КОМАНДУЮЩИМ ПЕРВОЮ АРМИЕЮ И КАВАЛЕРОМ ГРАФОМ РУМЯНЦЕВЫМ, А СООБЩЕННЫЕ ПРЕДВОДИТЕЛЮ ВТОРОЙ АРМИИ НА ОБЩЕЕ РАССУЖДЕНИЕ И МНЕНИЕ ПО НАСТОЯЩИМ УПРАЖНЕНИЯМ, ОБЕИХ АРМИЙ С ПРЕПОЛОЖЕНИЕМ ПРОТИВ ИХ МНЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО[1]

На 1-е, 2-е и 3-е. На расположении внесенные в них по касательному до учреждения кардона коммуникации между обеими армиями по нынешнему их положению и до окончательных первой армии в сию кампанию операций, иным кроме согласия соответствовано быть не может, и от второй армии по назначенным местам тот кардон до первого посту первой армии уже и учрежден, по коему вручители сего и отправлены. Но что касается, чтобы второй армии теперь упражняться взятием Бендер, Белгорода и Килии, то понеже оная, будучи в свое приближение к первому из сих городу встречена от неприятеля всем надлежащим к защищению оного отпором, а получаемые известии от всех сторон подтверждают, что как сей город заражен моровою язвою, так и что оная еще сильнее того объявляется в деревнях, на низ Днестра к Белгороду лежащих, то в преположениях о действиях сей армии и не может она ничем лучше другим обнадежить, особливо в утвердительном завоевании Белгорода и достижения до Килии, как тем одним, что оное все теперь еще зависит: 1-е, от времени, в какое может она Бендеры покорить сколько возможно с удобными мерами, чтоб без осторожного смешенным с неприятелем вступлением в сей город не ввергнуть всей армии в моровое поражение, и сколько затем времени останется распространению преполагаемых ей завоеваний на Белгород и Килию; 2-е, от тех обстоятельств, какие достовернее открываться станут в действиях моровой язвы в том краю, как и сейчас возвратившаясь от второй армии партия привезла достоверное известие, что от Каушан татары отступили и в нем оставили пораженных моровою язвою тамошних жителей; и 3-е, от того основания, что вторая армия не имеет и иметь не может с собою заготовленного провианта задерживаться в действиях за Днестром далее, как сентября по 1-е число или по крайней мере по 10-е.

На 4-е и 5-е — тем соответствуется, что вторая армия, при случае визирского с великими силами на первую наступления во времени возможного ее пребывания за Днестром, не оставит подавать взаимную помощь.

На 6-е — второй армии принять на себя прокормление оставляемых от первой корпусов в Молдавии и Валахии ни на какое время нет никаких сил и возможности, потому, что прежде ею заготовленной провиант и фураж в магазейнах Ладыжине и Умане, весь собственно на себя частью уже истрачен, а остальной до означенного числа сентября истрачен же будет, на вновь же заблаговременное в той окрестности из Польши заготовление несоглашением предводителя первой армии прошло время, а после того хотя во оные и заготовляют, но успех еще ненадежной и по ежемесячному по-

[1] Заголовок оригинала.

ложению в тамошние только места, от коих в толь дальнее отстояние перевозкою поспевать уже будет никак нельзя, да естьли их туда обратить, то второй армии при оных местах самой располагаться уже будет не можно.

Расположение ж второй армии на зимние квартиры в союзную связь с первою по Бугу и с предметом к раздельному ж месту Бара может произойти из успехов вышеявленного в той окрестности для второй армии заготовления помесячного пропитания и по тем следствиям, кои произойдут из утвердительного разглашения о поражении моровою язвою в тамошней окружности, яко в самом Бару, в Лятычеве, Могилеве и Бердичеве, кои нещастливые приключения теперь затрудняют всякое могущее быть утвердительное о основании винтер-квартир расположение.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 324—325 об. Подлинник.

№ 167

1770 г. августа 5.— ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ПАНИНУ ОБ ОТСРОЧКЕ ДЕЙСТВИЙ КОРПУСА Н. В. РЕПНИНА ПРОТИВ КИЛИИ

№ 34

Поутру сей день имел я честь вашему сиятельству донести, возвращая вашего курьера, что я велел г. генералу-порутчику князю Репнину от его корпуса послать деташамент к Килии по поводу уверений прибывших оттуду жителей, что сей город турки и не прочат удержать за собою метущиеся страхом. Но как помянутый генерал-порутчик по лучшему осведомлению представил мне как о состоянии того города, что оной обнесен валом с каменной одеждой и рвом водяным и имеет також контр-эскарп каменной, а притом он полагает, что и турецкому корпусу, выгнанному из Измаила, негде больше деваться, как засесть в той крепостце или в Аккермане, а и сам хан крымской с татарами стоит, по известиям, десять часов от Килии по дороге к Каушанам при реке Кундук, следственно близка и от его помощь; итако по сим обстоятельствам небезопасным считает он, князь Репнин, отваживание на тот город идущего деташамента, который за 100 верст удалиться должен от всякого подкрепления, то и я с уважения на сии представления принужден и поудержаться с посылкою к Килии назначенного уже деташамента, считая по описанию мне тамошнего укрепления, что оное надлежит брать формальною атакою, а полагаю лучше сию экспедицию предприять в ту пору, как ваше сиятельство овладеете Бендерами[1] и можете тогда часть артиллерии осадной

---

[1] В отношении экспедиции против Килии здесь имеется противоречие между письмом Румянцева к П. И. Панину от 5 августа 1770 г. и его же ордером Н. В. Репнину от 7 августа 1770 г. (см. док. № 168). В первом из этих документов говорится о невозможности атаки Килии до взятия второй армией Бендер, а во втором Репнину предлагается готовиться к боевым действиям против Килии, «как к формальной атаке». Это противоречие объясняется тем, что Румянцев всеми способами хотел активизировать действия армии Панина против Бендер.

уделить; однакож князю Репнину я повелел с корпусом от Измаила поступить вверх Елпуха, которое движение будет в помощь, если итить к Килии, о состоянии которой наиаккуратнее стараюсь я наведаться; но еслиб я знал, что ваше сиятельство часть легких войск под сей город обратить можете, то, условившись о времени и числе оных, я бы с своей стороны тем надежнее соединил пристойной деташамент на попытку тогда безопасную на упоминаемой город Килию, на что прошу благосклоннейшей отповеди чрез сего куриера, назвавшись с непоколебимою преданностию.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 435 об. — 436. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 168

1770 г. августа 7. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ О ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ КИЛИИ И ОБ УКРЕПЛЕНИИ ИЗМАИЛА

№ 322

В распоряжениях вашего сиятельства, касающихся до экспедиции Килийской, по рапорту вашему от 6-го числа, я нахожу переменить следующее: ближе будет к вашему сиятельству присоединиться генерал-майору князю Трубецкому на походе от мостов и вместе далее итить, чем из сей части корпуса отделению лишний круг оттуда делать к Измаилу.

Почему я рассуждаю, что ваше сиятельство по крайней мере два баталиона из настоящей своей команды оставили в Измаиле, куда от меня послан господин инженер генерал-майор Голенищев-Кутузов ради означения как бы лучше в том городе сделать укрепление. Из сего две пользы видимы: первая, что город не будет оставлен от наших войск; второе, что и часть вашего корпуса, в соединение к вам идущая, не станет утомляться дальним поворотом, которой вы для нее определяете, но пойдет по способности с вами же, заменена будучи на месте оставленною командою. Неприятельскую артиллерию прикажите возвратить, конечно, в Измаил, ибо по ветхости лафет можно прибрать средства, чтоб оная служить могла для защищения города, когда все другие припасы к ней есть.

Впрочем, ваше сиятельство, на экспедицию предприемлемую приготовляетесь так, как к формальной атаке, а нам должно считать по уверениям приходящих, что сие дело как бы уже готовое, одного присутствия наших войск ждет, то и надобно поспешать расположением сим согласующим, а не с прибором, что требует довольного времени, в котором, естьли верить общим убеждением, то и не может быть вам нужды.

Ширванской и Киевской баталионы там оставить, мне кажется, удобнее других, к ним могут и другие баталионы тех полков присоединиться, провиант приказал я отправить, а коменданта, ваше сиятельство, назначите такова, который бы не несведущ был по месту и обстоятельствам.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 277 об. — 278 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 169

1770 г. августа 7. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ОЛИЦУ О ВЫПОЛНЕНИИ УКАЗАНИЙ О СКОРОСТИ МАРША ВВЕРЕННЫХ ЕМУ ВОЙСК

№ 3342 *Лагерь при оз. Ялпух*

К крайнему неудовольствию подался мне случай сведать, что некоторые полки и команды, марширую в повеленные от меня места, делают переходы в день верст по десяти и менее с растахами по своему произволению, чиня моим повелениям, в коих точно предписано было маршировать с возможным поспешением, явное преслушание, не понимая, что чрез оное в настоящих военных обстоятельствах могут произойти великие конфузии и разные неожидаемые неприятные приключения; для того я принужденным себя нахожу сим единожды навсегда сделать генеральное постановление, дабы всякой полк и команда, куда б итти не случилось и без крайней нужды маршировали отнюдь не менее: пехотные — двадцати, а конные — двадцати пяти верст в день с растахами в третьей в случае ж надобности, а притом в хорошее время и по лучшей дороге и более, и командирам иметь верные журналы, которого числа они из коего и до которого именно места, сколько верст маршировать будут, описывая точно, какая тогда погода и дороги сухие и ровные или гористые и грязные были, и от чего иногда остановки приключились, дабы самим тем при востребовании оправдаться могли. И чтоб оное навсегда без малейшего упущения исполнялось, ваше высокопревосходительство, благоволите в полки и команды, в вашем ведении состоящие, а в тех всем офицерам предложить, чтоб впредь отнюдь никто неведением отговариваться не мог.

Ген. г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1864, л. 44. Подлинник.

№ 170

1770 г. августа 16. — ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О ВЫДВИЖЕНИИ ЧАСТИ АРМИИ НА ДУНАЙ И РАСПОЛОЖЕНИИ ОСНОВНЫХ СИЛ НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ОТ ПРОТИВНИКА ТЕРРИТОРИИ

Представляя обстоятельно ответствовать на вашу реляцию, касательно до расположения армии под вашею командою на будущую зиму, до того времени, как Бендеры взяты будут, чрез что в состоянии найдемся точнейшее заключение о действиях будущей кампании и потому сходные как оной, так и в расположении войск меры принять, за нужно однако ж я почла, предварительно о том мысли свои вам открыть, дабы ваши успокоить, и чтоб вы потому свои нужные к продовольствию войска и к постановлению его на зиму по местам расположения сделать могли. Желание мое есть в том, естьли возможно, чтоб вы некоторым числом войска на Дунае утвердились и от того уже такую цепь расположения оным учинили до Хотина, Бендер и Польши, и, буде опасности от болезней не будет, главную свою квартиру учредили в котором-либо завоеванном месте, а как для такого занятия предвижу надобность в приумножении вашей армии, то, по овладении Бендерами, несколько пехоты и конницы прикомандируем к оной; следственно и оные уже в расположение ваше войтить должны; сим образом я хотя вам свое желание открываю, однако ж, во всем на ваше, толикими опытами доказанное мне и отечеству, усердие ваше к службе и совершенное ваше знание военного искусства, оставляю на вашу волю, уверена будучи, что вы все то учинить не оставите, что к сохранению войск, к славе оружия и вашей служить может; пребывая к вам доброжелательна.

Екатерина

ЦГАДА, ф. Румянцева-Задунайского, д. 89, л. 1. Автограф. Опубл. в «Северном архиве», 1822 г., стр. 401.

№ 171

1770 г. августа 18. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ДЕЙСТВИЯХ 1-й АРМИИ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ ПОДДЕРЖКИ ВОЙСКАМ АРМИИ П. И. ПАНИНА

№ 65 *Лагерь при оз. Ялпух*

Вашему императорскому величеству всеподданнейше честь имею донести, что армия, моему предводительству вверенная, не переменяет еще своей позиции и стоит попрежнему при Елпухском озере в ожидании покорения Бендер.

Генерал-порутчик князь Репнин и теперь с своим корпусом находится под Килиею. Случившийся во все сии дни дождь препятствует до конца привесть изготовляемые им батареи на атаку крепости, из которых дождевая вода уносит вседневно насыпку земляную, а засевшие в крепости турки отчаянно защищаются оружейным и пушечным огнем. Крепость Килийскую во место небольшого замка, каковым ее считали, князь Репнин находит подобною Хотину и с преимуществом еще тем пред последнею, что Килия к укреплению своему между каменными стенами имеет ров водяной, а во внутрь замок с четырьмя башнями.

Ваше императорское величество, всемилостивейше снизойдите признать, что к атаке формальной толь укрепленного места сия армия потребного снабдения не имеет, но я, несмотря на все трудности, поиск на ту крепость предпринял единственно на тот конец, чтоб всякую диверсию, которую иногда могли бы турки от Черного моря сделать осаждающей Бендеры армии, тем от оной отвратить[1], и тамо до сего времени посторонней помехи в своих действиях не имеет граф Панин, от которого я теперь получил уведомление, что он предосторожность своими легкими войски берет против части татар, остающихся с своим ханом, к коим якобы присоединилось турков до 20 000, но последним я не знаю откуду взяться, потому, что от преследования употребленных от меня войск все они убрались за Дунай, что и мы видели и все известия гласят, а одни только татары спаслись от меча нашего, взяв прибежище к средству союза[2].

Помянутый предводитель армии граф Панин требует напоследок, чтоб я с моей части отсюду послал в подкрепление его войск пехотных шесть полков, считая необходимую нужду в такой помощи себе, когда он дойдет до штурму крепости по окончании всех своих работ. Хотя толикое пространство по берегу Дуная, что я объемлю стражею ныне, ради пресечения всякой удобности пробраться неприятелю в помощь Бендерам, ослабляет меня по раздроблению на дальную дистанцию войск, но во удовлетворение и сей нужды я теперь отрядил от армии генерал-порутчика и кавалера графа Брюса с второю дивизиею, состоящею с пяти полков пехотных Астраханского, Муромского, Бутырского, четвертого гранодерского и первого Московского, повелев ему итти со всяким поспешением к стороне Бендер, предполагая в случае нужды, естьли бы неприятельские от реки Серет произошли сильные покушения на Молдавию, о чем дошли еще, однакож, недостоверные известия, якобы неприятельские показываются партии и великие в той стороне собираются их силы, то он при Фальчах, перешед Прут, должен будет

---

[1] С падением крепости Килии турецкий флот не мог использовать устье Дуная в качестве своей базы.

[2] Разбитые на р. Кагул буджакские ногаи прекратили военные действия. Крымский хан Каплан-Гирей начал мирные переговоры с Россией.

встретить сего неприятеля, соединясь с теми войски, что уже в Молдавии к отражению таковому от меня приготовлены, а при том как уже довольно тратится время удобное к перенесению военных действий между Прута и Серета и до реки Ольты, и наступает пора о помещении войск на зимние квартиры сделать предположение, то для условия и отобрания в том взаимного согласия сей день поутру отправил я во вторую армию к предводителю оной графу Панину генерал-квартермистра и кавалера Боура, и поелику уведомил меня помянутый генерал, что к наибольшей его заботе капитан минерный Жардон ранен, которому отдает он справедливость, что он от всех прочих больше знал практики и теории в рассуждении осады, да я и сам согласен будучи с его мнением, что у нас такого искусства редки люди, препроводил вместе с Боуром к Бендерам находящегося при здешней армии волонтером прусской службы инженер-майора Гаса, который в прошедшей прусской и Брабанской войне осадою и защищением крепостей весьма известным учинил свое искусство; он охотно схотел употребиться и при действии на Бендеры, а я имел смелость обнадежить его высочайшею милостию вашего императорского величества, естьли он своими трудами полезным службе вашей себя учинит.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 341—343 об. Подлинник.

№ 172

1770 г. августа 18. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ Я. А. БРЮСУ О ДВИЖЕНИИ ЕГО ОТРЯДА К ФАЛЧЕ И ПЛАНЕ ДАЛЬНЕЙШИХ ДЕЙСТВИЙ В СЛУЧАЕ НАСТУПЛЕНИЯ ТУРОК НА МОЛДАВИЮ[1]

№ 333

Получа сие, ваше сиятельство, с второю дивизиею извольте от армии со всяким поспешением следовать к Фальче. Два виды понуждают меня к тому месту вас отделить наискорее, во-первых, что известия стали доходить, яко неприятель от сто-

[1] Не опасаясь более активности противника из-за Дуная на участке от Прута до Черного моря, Румянцев имел намерение перенести военные действия через Прут и занять все пространство от этой реки до Серета и далее до Ольты. Это было возможно осуществить только в случае падения Бендер, которые осаждались войсками 2-й армии. Желая ускорить взятие крепости, Панин обратился за помощью к Румянцеву, однако выде-

роны Серета угрожает впадением в Молдавию; второе, что его сиятельство господин генерал-предводительствующий второю армиею, граф Петр Иванович Панин, требует от меня подкрепления в производимой им осаде на крепость Бендерскую. Из сих обоих предметов к коему вам точно обратиться хотя получите вы по обстоятельствам мои повеления дальшие, но доколе то последует и я с сею самой минуты не хочу вас оставить в нерешимости, а предписую к исполнению следующее: господин полковник Каковинский, что держит пост при Фальче, и майор Врангель при Лунке-Маре на той стороне Серета принадлежат теперь вашей команде, так как и два полка пехотные Низовской и Белозерской и карабинерный Рижский, коим велел я следовать в Роман и под начальством господина полковника Броуна распространить поиск и бдение на той стороне Серета против неприятеля, о чем из моего ордера господину генерал-майору Черноевичу приобщается вам копия. Естьли бы от сих вам уже подчиненных и состоящих в Молдавии команд или посредством иным получили в точное уведомление, что неприятель идет в больших силах на разорение Молдавии или собрался где ни есть в приближении к тому, в таком случае немедленно имеете перейтить, ваше сиятельство, Прут, оставя при Фальче один баталион, и того неприятеля встретить и стараться разбить и отнюдь не допустить его к впадению в Молдавию, к чему все распоряжения и осторожности будут уже делом вашего искусства и благоразумия, в которых дознанные многие опыты меня удостоверяют. На сей случай при Фальче полевой артиллерии состоит девятнадцать орудий, которые вы, взяв в свою команду, употребить можете к делу, а как пост при Романе есть нужной для закрытия того места, где и магазейн закладывается, так и на свое время будет надобным к дальнейшим предприятиям, то вы можете поручить его господину генерал-майору и кавалеру Глебову, охоту свою служить там мне оказавшему, и без крайней нужды его оттуду не брать, но на случай превосходных сил неприятельских на сей стороне Серета употребить его можете, оставя там достаточное прикрытие. Впрочем с идущего подвижного магазейна вы на целой месяц запасите весь свой корпус провиантом.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 283—284 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

лить отряд в помощь 2-й армии не пришлось, так как были получены известия о движении крупных сил противника с намерением напасть на Яссы. Ослаблять свою армию отправлением отряда к Бендерам при таких обстоятельствах было затруднительно, поэтому распоряжения Румянцева состояли в том, чтобы иметь возможность или подкрепить Панина, если слухи о намерении турок напасть на Молдавию не подтвердятся, или защищать Молдавию.

№ 173

1770 г. августа 20. — ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ, УПОЛНОМОЧИВАЮЩЕЕ ЕГО ДЕЙСТВОВАТЬ В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ ЕЕ ИМЕНЕМ

Граф Петр Александрович!

За нужно рассудила я для блага дел наших с вами чистосердечно изъясниться, знав, сколь искренно вы усердствуете к пользе империи. Статься может, что иногда тот или другой способнее будет к какому ни на есть предприятию, чрез что другому можно бы, как никогда никто почти себе справедливости не отдает, почитать себе будет то за прискорбно. Но прошу вас всячески смотреть, как я вижу, что вы и делаете, более на успех дел моих, нежели на какие ни на есть страсти людские и будьте уверены, что я всегда в сем, как и во всех прочих ваших ревностных предприятиях, всячески вас подкреплять буду и сим даю вам позволение употребить и мое собственное имя, где вы усмотрите, что сие нужно для успеха дел моих. Впрочем пребываю с всегдашним к вам доброжелательством.

Екатерина

ЦГАДА, ф. Румянцева-Задунайского, д. 90, л. 1. Автограф. Опубл. в «Северном архиве», 1822 г., ч. 1, стр. 402.

№ 174

1770 г. августа 23. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О КАПИТУЛЯЦИИ ТУРЕЦКОЙ КРЕПОСТИ КИЛИИ

№ 67 *Лагерь при оз. Ялпух*

По осьмидневной жестокой обороне против атакующего корпуса под предводительством генерала-порутчика князя Репнина крепость Килия покорилась победоносному оружию вашего императорского величества на капитуляцию, которую с позволения моего князь Репнин учинил с тамошним гарнизоном в сих кондициях, чтоб всех вооруженных турков, коих было там для обороны тысяч до четырех, с их имением выпустить из крепости и перевезть чрез Дунай в местечко Тульчу; артиллерия ж и все военные и съестные припасы оставят они нам[1].

[1] Столь благоприятные для турок условия капитуляции Килии были следствием того, что содержание военнопленных представляло тогда большие трудности. В основном же легкие условия капитуляции объяснялись тем, что к моменту ведения переговоров с комендантом Килии у Репнина были полностью израсходованы все артиллерийские снаряды, так что дальнейшая осада крепости не давала особых надежд на успех.

По заключении сей капитуляции в 21-й день сего августа князь Репнин получил от крепости ключи и обнял своими войсками стены, ворота, артиллерию, военные припасы и место, где лежит провиант; и слишком уже сто лодок турков отправил в Тульчу; прочие же того города жители армяне и жиды, коим дана совершенная воля или выезжать, или оставаться — все не выбираются, да и сами турки, купеческий промысл производившие, ищут позволения пребыть тамо с нашими войсками.

Помянутый генерал-порутчик, поспешая сим уведомлением, не доносит ни о каких больше подробностях, а предоставил изъяснить оные за отобранием полного обо всем осведомления; что я, получа от него, не умедлю вашему императорскому величеству представить, а теперь сие краткое и всеподданнейшее уведомление имею честь препроводить чрез порутчика лейбгвардии Семеновского полку Потемкина, который при той экспедиции во все время находился и ко мне с сим первым репортом от князя Репнина прислан, в котором отдает он ему ту справедливость, что нельзя более доброй воли и усердия к службе показывать, как он делал, не сходя почти с батареи во все время осады, куда от неприятеля жестокая стрельба производилась. Сего я вестника и самовидца всех действий и положения крепости повергаю к освященным стопам вашего императорского величества.

В заключении долг имею вашему императорскому величеству всеподданнейше донести, что я, имев вседневные репорты от генерала-порутчика князя Репнина, коль не было отнюдь возможности без формальной атаки Килийскую крепость сорвать по ее укреплению и сильному гарнизону, а для атаки таковой ничем также сия армия не снабдена, внушал ему разные делать стратагемы пред стенами, показывая виды ведения под оные подкопов и иных приемов, кои могли вложить в осажденных страх, а между тем наказывал чрез посланных и преклонял их к покорению; чему последуя, он довел гарнизон до капитуляции.

Сколь ни приносит славу плен многой неприятеля, но нам оной здесь, всемилостивейшая государыня, обращается в наибольшую тягость, поелику требует прокормления, которое с нуждою доставляется самой армии, прикрытия довольного, для коего много уже и отделено войск и осторожностей наибольших в препровождении дальнем в польские и свои границы, чтоб не умножить или не внесть с сим народом свойственной ему заразы. К тому ж по сие время армия вашего императорского величества пленных у себя считает со дня разбития визиря больше уже четырех тысяч. Ибо и сего августа 11-го и 19-го чисел, пробравшиеся от Аккермана турецкие партии, в намерении сыскать себе где-нибудь переправу чрез Дунай, одну при Пруте близ Фальчи, состоящую в 260 человеках, а другую на Елпухе в 338, наши казаки, охватив, принудили

без сопротивления сдаться, положа ружье. А князь Репнин репортует также, что его казаки и арнауты, на сих днях на Аккерманской дороге шедших таковых же турков разбив, 252 человека из них полонили. Словом от последнего сражения рассыпавшиеся по сему берегу Дуная турки скитаются по степи, в коих столько упала сродная им храбрость, что где ни попадаются нашим командам в поле, тотчас кладут ружье пред оными.

Сии обстоятельства преклонили меня дозволить выход гарнизону из Килии, почитая, что оное место, как ключ в Черное море, нам нужнее, нежели плен, к коему не оставалось средства принудить толь многочисленной гарнизон, который ищет только возвратиться в свои домы, не думая более о войне, и пронести в те концы со избавлением своим славу милосердия вашего императорского величества, которое они в настоящем перемирии весьма превозносят, и тронуты будучи наших войск ласковостию и снисходительством к себе, видев, что мы не ищем кровопролития, ненавиствуют к войне, грозят низвергнуть своего султана виновника оные и восстановить тем мир; потому не берут с собою ни лошадей, ни оружия, но оные продают на здешнем берегу.

Я льщу себя всемилостивейшим снисхождением вашего императорского величества, что средства сии, коими приобретена державе вашего величества крепость Килийская, удостоены будут высочайшего вашего благоволения, и торжествую о покорении ее в армии с пушечной пальбою...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 348—350. Подлинник. Частично опубликовано в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 192.

№ 175

1770 г. августа 27. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О ПРОИЗВОДСТВЕ ЕГО ЗА ПОБЕДУ ПРИ КАГУЛЕ В ЧИН ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА И О НАГРАЖДЕНИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА 1-й АРМИИ ЗА ЭТУ ПОБЕДУ

С.-Петербург

Из реляции вашей от 31-го минувшего июля [1] усмотрели мы с удовольствием подробные обстоятельства той славной победы, которая благословением божиим, храбростию же, мужеством и усердием армии нашей под предводительством вашим одержана при устье реки Кагула над врагом имени христианского

[1] См. документ № 163.

в присутствии самого визиря и всего сонмища, составленного из первенствующих чинов Оттоманской империи. Тут наипаче приметили мы, колико военное искусство начальника, вспомоществуемое порядком и доброю волею подчиненных ему воинств, имеет не числом, но качеством преимущество над бесчисленными толпами неустроенной сволочи. Разбивши при реке Ларге 7 числа июля хана крымского и трех пашей [1], несравненная армия наша свету показала уже тому пример, но пример сей вяще возобновлен был 21 числа, когда многочисленная турецкая громада по весьма упорному сопротивлению была превосходною твердостию и храбростию наших воинов обращена в небытие. Самая опрометчивость янычар, прорвавшихся в каре генерала-порутчика Племянникова, служила к умножению доказательством вышеписанной истины. Одно ваше слово «стой» проложило путь новой славы, ибо по сие время едва ли слыхано было, чтоб в каком-либо народе теми же людьми и на том же месте вновь формировался разорванной единожды каре в виду неприятеля, и чтоб еще в тот же час, идучи вперед, имел он участие в победе. Но естьли такова была слабейшая часть, то какову же вообще приобрело похвалу победами и славою увенчанное наше воинство. Для оказания оному нашего монаршего благоволения и удовольствия, во-первых, обращаемся к вам, как умевшему разумом, искусством и храбростию приуготовить с помощию всевышнего победы и пользоваться оными и в лице всех вам подчиненных, отдавая сию справедливость и достойную похвалу, всемилостивейше пожаловали вас генералом-фельдмаршалом [2]. Полководцу, прославившемуся победами, первую честь мы нашли приличную. По вас же заслужили удовольствие наше и признание весь генералитет, а наипаче генерал Олиц, генерал-порутчики: Племянников, граф Брюс, граф Салтыков, князь Репнин и генерал-квартирмейстер Боур, также и другие, в помянутой реляции вашей означенные чины, их отличною храбростию и усердием в знак сего пожаловали мы первых золотыми шпагами; из числа ж вторых, генерал-майоров князя Долгорукова и Мелиссино, да полковника графа Воронцова — кавалерами ордена святого Георгия в третей класс; полковников же: Енгеларда, Панина, князя Прозоровского и князя Волконского — кавалерами четвертого класса того ж ордена. Генерала-майора Ступишина удостоили мы кавалериею ордена святого Александра; а генерал-майор артиллерии Унгерн получит кавалерию святые Анны. Протчим же, равно как и всей армии, имеете объявить наше особливое удовольствие за храбрость ее и ревность. Ее слава тесно соединена с нашею и с пользою всей империи, обороняемой мужеством достойных своих питомцев, которые за веру и правду неустрашимо бо-

[1] См. документ № 155.
[2] См. документ № 164.

рются. За сие жалуем мы всех участвовавших в победе унтер-офицеров и рядовых медалями, а всех, как наших, так и чужестранных волонтеров обнадеживаем особливым нашим благоволением, впрочем пребываем мы вам императорскою нашею милостию благосклонны.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1852, л. 63—65 об. Копия.

№ 176

1770 г. августа 31. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ Я. А. БРЮСУ О ВЫДВИЖЕНИИ К р. СЕРЕТ И ВНЕЗАПНОМ НАПАДЕНИИ НА ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ ФОКШАН

№ 346

Неприятельские действия, что происходят от Фокшан, о чем из репортов г. майора Врангеля ваше сиятельство изволите знать, так как и я удостоверяюсь, нудят уже, чтоб мы поспешно против их обратились, дабы не дать время расширить делом злые их помыслы; сего ради по получении сей день вашего репорта под № 361 к тому я вас веду следующим повелением, со всем вашим корпусом извольте, ваше сиятельство, при Фальчах перешед реку Прут, следовать к местечку Текучи и как возьмете движение, то от Романа с деташаментом велите г. генерал-майору и кавалеру Глебову подвинуться к посту майора Врангеля и неприметным образом стать в самом жерле, сиречь в конце гор и лесов откуду уже выходит плоскость.

На тот конец я предопределяю сие обосторонное по реке Серет движение, чтоб вашему сиятельству, от Текуча показавшись к Серету, амюзировать неприятеля, находящегося в Фокшанах, а в то самое время, обошед его по другой стороне нечаянно, господин генерал-майор Глебов атаковал бы в бок или в тыл, или, как обстоятельства позволят, откуду неприятель не мог бы ждать на себя такого предприятия. Для сего потребно вашему сиятельству согласить свое движение во времени с движением г. Глебова, дабы напред себя не открыл он неприятелю, нежели вы его своим видом упражнять можете, но держался бы скрытно до своей поры при конце означенных лесов. На случай предполагаемого подкрепите, ваше сиятельство, деташамент г. Глебова еще одним полком и именно Тенгинским, взяв его от Фальчи, ибо при Фальчах на место оного рекомендую вам оставить г. бригадира и кавалера Гудовича с его Астраханским полком; также по вашему рассмотрению к реченному деташаменту Глебова из гусаров и арнаутов, которые от Килии к вам я уповаю поднесь прибыли, определите надобное число. Впрочем я полагаюсь, что ваше сиятельство образ сих моих мыслей произвесть в дело стараться будете, пользуясь всеми обстоя-

тельствами, что могут на месте к лучшему поспешествованию представить.

Остающиесь понтоны при Фальчах сверх потребного числа на тамошний мост, ваше сиятельство, для переправ извольте с собою взять и устроить свою переправу на Серету, выше Текуи, преднаблюдая ту удобность, чтоб оная служить могла к беспрепятственному сообщению вашему корпусу с деташаментом Глебова для усилия ваших войск, смотря по обстоятельствам на той или на другой стороне Серета, а притом сей ваш коммуникационный мост скрыт бы был от сведения неприятельского. Во всем том я полагаюсь на собственное ваше благоучреждение, уверен будучи в вашем искусстве и ревности. Не оставьте меня уведомлять, естьли от пленных или ушедших из турецких рук можете что сведать о положении неприятельском к стороне Букарест, велики ли их там силы?

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 290—291 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 177

1770 г. сентября 2. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ПАНИНУ О ДЕЙСТВИЯХ ЧАСТЕЙ 1-й АРМИИ В ЦЕЛЯХ ПОДДЕРЖКИ ОСАДЫ БЕНДЕР 2-й АРМИЕЙ

№ 38

Милостивый государь мой, граф Петр Иванович!

Вследствие моего предуведомления и по соответствованию на требование вашего сиятельства я уже подвинул было со второю дивизиею генерала-порутчика графа Брюса назад от армии, чтоб ему походом, сближаясь, если до того бы дошло, неумедлить своим прибытием к Бендерам; но теперь, получая известия, что неприятель от Браилова и Фокшан предпринимает покушения по обоим сторонам реки Серет на Молдавию и силится разорить наш заводимой магазейн в Романе и уже из их, так сказать, авангарду человек со сто на сих днях нашими казаками убито, по необходимости должен я был с позавчерашнего дня с корпусом графа Брюса переправить за Прут на противостояние и для поисков против неприятеля, водворившегося в тех окрестностях, и ради защиты, толь нужной тамошним жителям, из которых наипаче неприятель делает плен и пожигает их селения и нашим войскам потребные при расположении будущем, а генерал-порутчик князь Репнин не мог отойтить от Килии, покудова гарнизон турецкой по капитуляции не переправился за Дунай, что, по большому его числу и немногому лодок, долго продолжалось; а вчерась я повелел и ему маршировать оттуду с своим корпусом и стать на речке Ташпунар немного пониже Троянового пути, что от Дуная приходит к сей самой реке. Сию позицию избрал я равностоятельну к Килии, к Измаилу и к ар-

мии. Таким образом, ваше сиятельство, изволите видеть, что я все свои войски, сверх стороны за Прутом лежащей, растягиваю, елико можно, на все пространство берега Дунайского в заслону вашим операциям, и удостоверен по известиям, что в вашу сторону не перебрались отсюду никакие войски неприятельские, кроме татар, на которых по негоциации, с вами сделанной, не употребляли мы оружия. Корпус князя Репнина еще я предуготовляю употребить и на Аккерман, коль скоро, ваше сиятельство, щасливо свершите свою победу, чего я наиусерднейше желаю. В пополнение моего краткого уведомления о покорении Килии имею донесть, что в оной гарнизону турецкого было до 4000, а начальствовал муфти ефенди; пушек мы взяли в том месте 91 и довольно всех к тому припасов; самая же крепость по снятым планам и засвидетельствованию инженерному есть толь довольно от натуры и искусства укреплена, что, кроме малейших подчинок, поправления не требует и признается совершенно из лутчих крепостей, что имеются в Буджаке. Вчера приехавший из Исакчи бин-паша в Килию с лодками для перевозу оттуду турков сказал, что у их возведен новой салтан Боязыт, от коего, якобы, уже и указ получен, чтоб всем войскам от Дуная итить к Константинополю и будто и визирь прежний отрешон[1]. Еще сие сообщаю вашему сиятельству не за настоящую правду, но только как слышу, событие таково прорекали заранее все пленные, но может быть и лгут теперь турки, прикрывая свой стыд и не хотя признаться, что их от Дуная везде мы гоним и заставляем бежать.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 440—441. Копия.

№ 178

1770 г. сентября 5. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ Я. А. БРЮСУ ОБ УСКОРЕНИИ АТАКИ ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ ФОКШАН

№ 352

Я только хвалою и моим удовольством отвечаю на ваш репорт под № 1-м, что вы принялись всеми образы, не дожидаясь отливу, переправляться за Прут и упредили о том самом вчера посланной к вам мой ордер. Старайтесь, ваше сиятельство, преодолеть трудность елико можно скорее, чтоб вам быть на той стороне сея реки. Тенгинский полк в вашей воле остается взять с собою, ибо в ордере от 31-го августа[2] я возложил на

---

[1] Сообщение о смене правительства в Константинополе не соответствовало действительности и отражало лишь все более увеличивавшиеся в Турции волнения, вызывавшиеся попытками проведения различных реформ со стороны султана Мустафы III.

[2] См. документ № 176.

ваше предусмотрение, сделав переправу на Серете, на той или другой стороне больше усилить свои войски, что и делает свободные вам руки в рассуждении вообще с обеих сторон Серета предприемлемого на неприятеля поиску. Господину Глебову должно выступить к посту Врангеля завременно и там держаться скрытно, покудова вы сближитесь своим движением, а с того места тогда уже повинен он дальше восприять, как вы дойдете до своего пункта и для того его движение из Романа не должно быть остановляемо, ибо от сего последнего места надобно будет соглашаться во времени вашим с его движением. Когда он усмотрит занять тот пост в чем не может быть страха, поелику с малым своим деташаментом оный держит Врангель, то не останется тогда никакой нужды обеспечить местечко Окна, ибо таковым положением деташамента господина Глебова все то узкое место между лесов и Трансильванской границы, которое неприятелю в удобную дорогу до Романа предвидите, ваше сиятельство, столько будет закрыто, что надобно бы и желать, чтоб неприятель схотел в оное себя занозить, ибо его от посту Врангеля господин Глебов мог бы отрезать и бить, как в западне. Следственно, не отлагая вдаль, поставьте, ваше сиятельство, господина Глебова с его деташаментом в назначенном от меня месте, чтоб он уже был там, да только скрытно, и между тем временем, покудова вы с своею частью можете собраться и приступить в помощь предприятиям на Фокшаны, а прикрытие, оставляемое в Романе, я апробую.

Впрочем по сим трудностям, что вас остановляют, которых предвидеть было неудобно, умаляется во мне надежда, чтоб лучшие наши намерения и к исполнению оных приемлемые средства могли уже иметь пользу или к поре поспели.

Одно ваше усердие и труд подкрепляют, однакож, при всем том мое упование. Не можете ли, ваше сиятельство, плотов и лесу, что сверху Прута к Фальче пригнаны, употребить в способность для переправы своей.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 295—296. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 179

1770 г. сентября 9. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НЕПРИГОДНОСТИ ТЯЖЕЛОЙ КАВАЛЕРИИ И О РАЗРЕШЕНИИ ПЕРЕФОРМИРОВАТЬ ДВА КАРАБИНЕРНЫХ ПОЛКА В ДРАГУНСКИЕ

№ 74 *Лагерь при оз. Ялпух*

В соответствие званию моему долг имею всеподданнейше донесть вашему императорскому величеству о состоянии тяжелой кавалерии, которая при армии, мне вверенной, находится.

Кирасирские и карабинерные полки посажены сколько на дорогих, столько и на деликатных и тяжелой породы лошадях, которые больше на парад, нежели к делу способны[1]. Во всю кампанию надобно им было запасать сухой фураж, поелику на полевом корме они изнуряются. Самая ж аммуниция кавалерийская есть бремя, отяготительное всаднику и лошади. Для сего в прошедших операциях и нельзя было той пользы произвесть нашей кавалерии, к которой могла бы она иметь случай, естьли бы была в ином состоянии. Я, сколько ни старался щадить оную и с половины почти кампании его высочества и другие карабинерные полки отправил в Польшу, но и на сем обратном и по вольном марше едва не все их лошади пали, яко не могущие несть никаких трудов, хотя наидорожшею ценою покупаются.

Ваше императорское величество я имел честь предварить прежде начатия кампании о сих последованиях во всеподданнейшем моем [донесении] от 25-го марта[2]. А теперь приемлю смелость просить высочайшего позволения на пользу службы из двух карабинерных полков Украинской дивизии, здесь находящихся, сделать мне два полка драгунские. Сей род конного войска принят во все другие армии, яко наиспособнейший к службе, потому что сию конницу двояко можно употреблять, раз на лошадях, а иногда и спешив, где нужно скоро перенестись пехоте.

Проникнули то упражняющиеся непрестанно о возвышении оружия, что труда наибольшие падут в военных действиях на кавалерию и для того сколь возможно для удобнейшего обороту облегчили они и седока и набирают проворных и легких коней.

Естьли, всемилостивейшая государыня, соизволите предать сие в полную мою волю, то я предуверить могу, что такова реформа двум полкам без большого иждивения поспеет к будущей кампании, а там уже по опытам останется судить о пользе моего дела. Ибо я лошадей велю под сих драгунов купить легких пород степных, которые нужду без ослабления переносят; следственно и дешевле они обойдутся и по пропорции состояния, для которого сия конница устроевается, дать и приличную людям аммуницию. Теперь же в кавалерийских полках, из коих в иной уже требуется по 500 лошадей, нет удобности заменить оных другими легкими, потому что настоящая аммуниция кавалерийская по тягости своей требует к понесению оной лошади большой и особливой силы...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 368—369. Подлинник.

---

[1] В начале царствования Екатерины II преобладающее значение в русской армии получил тяжелый тип конницы. Карабинеры представляли собой род тяжелой конницы, имевшей на вооружении, помимо палашей и пистолетов, карабины.

[2] См. документ № 125.

№ 180

1770 г. сентября 10. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ О СОДЕЙСТВИИ ПЕХОТОЙ ВВЕРЕННОГО ЕМУ КОРПУСА В ОСАДЕ КРЕПОСТИ БЕНДЕРЫ

№ 360

Его сиятельство, предводительствующий второю армиею, господин генерал и кавалер граф Петр Иванович Панин довел меня своими требованиями предпочесть пред всеми другими виды вспомоществование его действиям на осаждаемую крепость Бендеры, отряжением от армии моей войск в его подкрепление. Потому я и назначиваю вашего корпуса пехоту итить к Бендерам под его ордер [1], следственно сим уже и пресекается наше предприятие на Аккерман, поелику должны теперь, ваше сиятельство, господина бригадира и кавалера барона Игелштрома, с четырьмя баталионами туда шедшего, остановить, обратя к нему и остальную пехоту, принявшую движение к речке Ташпунар, и, таким образом соединивши обе части войск в удобном месте, велите начальнику над ними немедленно следовать к Бендерам и, вступя в марш, послать репорт к предводителю второй армии, испрашивая дальших себе повелений, а я просил его о высылке навстречу от второй армии легких войск, как по времени считать можно, что легкая наша партия до получения сего придет к Аккерману, а господин Игелштром к своему месту приближится, то нельзя ли, ваше сиятельство, мимоходом к Бендерам отведать удобности начатого предприятия на Аккерман. Сим вам я не делаю точного повеления, ибо круг большой по карте вижу от Бендерской дороги заходить на Аккерман, но только пишу идеально, чтоб подумали и ваше сиятельство, может ли к сему быть способ без дальних трудностей и отвлечения от предмета, к которому определяется ваш корпус, и естьли бы в оном были вы уверены, то тогда, а неинако, попытаться, как соединенная пехота примет поход к Бендерам, то егерей, гусар и казаков, при вашем корпусе находящихся, велите отправить всех к нашим на Елпухе мостам, артиллерии капитана Тищева с его ротою и десятью орудиями отправьте к Бендерам, а прочую артиллерийскую команду возвратите с идущим остальным войском к мостам на Елпухе.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 290 об. — 300 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] Данное Репнину приказание Румянцева о необходимости отправления части его корпуса в помощь 2-й армии под Бендеры было следствием затянувшейся осады крепости Паниным. Впрочем, это распоряжение Румянцева запоздало, так как 14 сентября Бендеры были штурмом взяты русскими, и поэтому поддержка войск Репнина не потребовалась.

№ 181

1770 г. сентября 15. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Я. А. БРЮСУ С ТРЕБОВАНИЕМ ВЫПОЛНЕНИЯ ДАННЫХ ЕМУ ПРЕДПИСАНИЙ И О ДВИЖЕНИИ К БРАИЛОВУ ПОСЛЕ ЗАНЯТИЯ ФОКШАН

№ 363

После препятствий, что вас долго держали при Фалче, наконец, и в самом вашем движении перемены, преклоняющие вас от мер и предположений моих, на которые направил я вверенной вам корпус, остается мне жалеть только о невозвратном времени, когда я должен дознавать сколько отсутственные мои расположении не производят своих действий, поелику приемлете их, ваше сиятельство, с иными заключениями, нежели в каковых от меня происходят[1].

Осторожность, которую рекомендовал я вам иметь в ордере моем под № 357[2] в рассуждении сообщения чрез Серет с тогобочным деташаментом по доходящим слухам о намерении турков из-за Дуная переправиться против Браилова, отнюдь не простиралась к тому, чтоб вам уже и от Текуча назад подвигаться [от] места, лежащего только часа два от Серета и против Фокшан, иное восстановить за собою коммуникацию с тем корпусом, а иное между собою оную поставить; не будет уже то все удобно к моему предположению атаки, неожидаемой по той стороне, ибо не только предприятия наши, но и все между Серетом и Прутом откроется неприятелю, опасаюсь, что сие вправо, куда вы идете, неименуя место, и далеко заведет вас назад вверх по Серету, а тем менее надежды имею ожидать тех воспоследований, которых от скорого извороту чаять мне только и можно было; что же до малого числа легких войск, которыми вам нельзя заслонить стороны от Галац и послать к тому месту партии, доведен я сказать вам, что хотя бы моего припоминовения не было, то само военное искусство внушить вам должно, что нельзя своего тыла или бока иметь не обеспеченна, вам на сей стороне Серета опасности иной нет, потому что сию реку неприятель обыкновенно переходит при Максимени и при Галацах, то вам против таких мест нужно держать стражи. По вашему счету набирается

---

[1] Румянцевым было приказано Глебову прийти к Лунка-Маре раньше, чем поход Брюса будет обнаружен противником, но последний, не имея должной связи с Глебовым, прибыл к Текучу раньше, чем тот успел подойти к Лунка-Маре, и этим дал возможность противнику отойти к Фокшанам. Брюс же из-за опасения встретиться одному с противником отошел от Текуча вверх по Серету, не выполнил указаний Румянцева, за что и получил замечание. Брюс на другой день после получения этого ордера заявил о своей болезни и просил отпуск на излечение.

[2] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1866).

у вас до тысячи легких войск, вам можно бы отделить в заслону сей стороны часть оных без всякой отваги их, ибо мимо их неприятель к вам пробраться не мог бы, а они всегда подкреплены быть могут; и когда до сих пор капитан Богданов с маленькою своей командою мог все сии места и до Галац и до Никарешт обнимать своею стражею, то вашему сиятельству уже говорить нельзя, что у вас к тому недостаточно людей, имев прибавок в легких войсках.

Я в заключении должен вам за правило предложить, что я, конечно, знаю число людей сразмерить с действиями, следственно всякое мое повеление лежит на моем ответе, а напротив ваше сиятельство одну должность имеете все то исполнить, что вам повелевается и за другое, кроме в неисполнении приказанного, не потребуется у вас отповеди. Я сожалею и обязан долгом службы вашему сиятельству сие сказать и, ожидая всегда лучшего, прибавляю еще повеление, естьли ваше сиятельство, сбив неприятеля или и без бою займете своими войсками Фокшаны, то, сообразуясь известиям, которые иметь будете о неприятеле, обратитесь к Браилову.

Избегая кровопролития употребите вы попереду предложение тамошнему гарнизону, чтоб сдал крепость на кондициях, какие имела Килия, то есть, что всем туркам мы не воспретили с своим имением переправиться за Дунай, лишь бы нам оставили пушки, военной и провиантской магазейн, ежели ж бы сии уверения в том не успели, то имеете начать прямую на ту крепость атаку.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 301 об. — 303 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 182

1770 г. сентября 18. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА БРИГАДИРУ И. А. ИГЕЛЬСТРОМУ О ПЕРЕНЕСЕНИИ ДЕЙСТВИЙ НА АККЕРМАН В СВЯЗИ СО ВЗЯТИЕМ БЕНДЕР

№ 368

Теперь я получил уведомление, что Бендеры взяты штурмом, почему вашему высокородию предписываю все действия свои устремить на покорение Аккермана, ибо уже вам не нужно к Бендерам итить; от господина бригадира Ржевского сколько вам надобно войск извольте требовать, об отпуске коих я ему теперь послал ордер, а он еще 17-го числа стоял с своим деташаментом при речке Серете.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 305 об. — 306.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 183

1770 г. сентября 18. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Ф. И. ГЛЕБОВУ[1] О ПОДГОТОВКЕ ОСАДЫ БРАИЛОВА

№ 372

В 16-й день сего месяца по кровопролитном штурме мужеством войск, предводительствуемых его сиятельством г. генерал-аншефом и кавалером графом Паниным, взята крепость Бендерская; сей успех как умножает пользы оружия ее императорского величества и распространяет оного виды, то, сообщая вам о том нахожу потребным прежде всего приметить вашему превосходительству, что теперь вам остается на крепость Браиловскую сделать только тогда попытки, когда вы предвидеть можете покорить оную без формальной атаки, но ежели не по силам вашим будет овладеть оною, то учреждайте свои поступки, ожидая к себе от армии подкрепления и осадной артиллерии от Бендер, о присылке которой просил я его сиятельства графа Панина, а между тем велел я отправить к вам надобное число минеров с офицером.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 306 об.—307. Копия.

№ 184

1770 г. сентября 30. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Ф. И. ГЛЕБОВУ О ПРОДОЛЖЕНИИ ОСАДЫ БРАИЛОВА И ОБСТРЕЛЕ ЕГО С БЛИЗКИХ ДИСТАНЦИЙ В ЦЕЛЯХ ЭКОНОМИИ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ СНАРЯДОВ

№ 389

Прежде первого вашего репорта, которого еще я не получал, дошел ко мне последний от 29-го числа чрез новоставленную коммуникацию, я оной с наибольшим удовольством читал, видев ваши успехи в обложении стен браиловских. Последние строки, где вы предрассуждаете об осеннем времени, ждав себе притом диверсии от неприятеля с стороны Букарешт, хотел бы я, чтоб содержали одно только рассуждение об осторожности обыкновенной, а не клонились бы изъявлять прежде времени вашу опасность, ибо еще ту же погоду сносит армия, что и ваш корпус, в котором половина людей совсем не несших трудов нынешней кампании. Защиту сей крепости ближае подать визирю

---

[1] Генерал-майор Ф. И. Глебов был назначен Румянцевым на место «уволенного на излечение» Брюса.

нежели от Букарест, естьли есть упорство от неприятеля, то оное показывает, конечно, испытывая токмо твердость вашу, поелику нельзя, чтоб не устрашала его гибель Бендер и покорение на сих днях и Аккермана[1]. Ваше сиятельство, берегите заряды и не теряйте бесплодно их стрелянием издали, а естьли вы свои батареи устроите в близкую меру, то канонадою и метанием бомб не трудно вам утеснить в сем гнезде засевших[2]. Я полагаюсь на вашу предприимчивость и терпение и от оных жду достижения предмета, по состоянию и обстоятельствам коего достаточным я считаю быть вам вверенные силы. О прибытии осадной артиллерии к Фалчам еще я репорта не имею, однакож для препровождения скорейшего к вам ее, вы знаете, что я дал ордер.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 313—313 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 185

1770 г. октября 13. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О ПЕРЕХОДЕ АРМИИ НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ, ПОДЧИНЕНИИ ЕМУ КРЕПОСТИ БЕНДЕР И УСИЛЕНИИ 1-й АРМИИ ВОСЬМЬЮ ПОЛКАМИ

Испытанная нами ваша ревность и усердие к службе нашей, равномерно ж и отличное знание ваше в военном искусстве суть причины, ради которых мы с полною доверенностию отдаем собственному вашему благоусмотрению расположение армии нашей, предводительству вашему вверенной, на зимние квартиры в тех местах, кои вы сами реляциею вашею под № 83-м от 27 минувшего сентября предполагаете[3]. Почему оное всемилостивейше апробуя, находимся в совершенном удостоверении, что вы при сем распоряжении не оставите употребить наирачительнейшего вашего попечения как о удержании покоренных праведному нашему оружию мест, так о пропитании и о снабжении всем потребным наших войск и их безопасности так, чтоб при настоянии случая нужды одна часть другой сильною опорою вспомоществовать могла. Сверх сего мы за благо

---

[1] Гарнизон Аккермана 15 сентября без особого сопротивления капитулировал перед отрядом бригадира Игельстрома, будучи подавлен действием русской артиллерии.

[2] Осада Браилова представляла большие трудности. Эффективный артиллерийский обстрел Браилова Румянцев рассматривал как одно из средств подготовки штурма крепости (см. также примечание к док. № 188).

[3] Румянцев предполагал, заняв гарнизонами крепости Аккерман, Килию и Измаил, оставить корпус для защиты Молдавии; в случае овладения Браиловом оставить здесь и в Журже также гарнизоны и отдельный корпус для защиты Валахии. Остальные войска он просил перевести за Буг и расположить между Бугом и р. Синюхой.

рассудили поручить в ведомство ваше покоренную крепость Бендеры, но как обширность завоеванных мест не может быть обнята одною вверенною вам армиею, то и восхотели мы оную умножить шестью пехотными и двумя конными полками, кои вы имеете получить от нашего генерала графа Панина, о чем мы ему уже повелели. В заключении сего рекомендуем вам приложить старание, чтоб вы при вступлении в зимние квартиры оставили все тяжелые и вам в армии не нужные повозки по вашему усмотрению в укрепленных местах завоеванных земель, дабы армия ни чем не была отягощена и тем удобнее могла оставить зимние квартиры и зачать свои действия. Мы ожидаем теперь мнения вашего о будущей кампании и надеемся, что вы, зная ныне тамошние места и способы, распорядите все к удовольствию нашему, а тогда и не оставим мы снабдить вас потребными на то время наставлениями.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 121, л. 4—5. Копия.

№ 186

1770 г. октября 19. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ПАНИНУ О ПЕРЕХОДЕ 1-й АРМИИ ЗА ПРУТ ДЛЯ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ БРАИЛОВА И ОБ ОСТАВЛЕНИИ КОРПУСА О.-А. ВЕЙСМАНА ДЛЯ УДЕРЖАНИЯ ОСВОБОЖДЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ МЕЖДУ ДНЕСТРОМ И ПРУТОМ[1]

№ 47

Переменивши мое положение с 13-го числа сего месяца, вчера с армиею перешел я при Фалчах реку Прут, обращаясь теперь к предлежащим мне действиям в рассуждении обнятия Валахии и Молдавии и покорения крепости Браиловской, которая, приуготовив себя подлежащим укреплением — внешним и внутренним — и вспомоществуема будучи водяным сообщением чрез реку Дунай от войск турецких, на той стороне стоящих, противится сильно отряженному на атаку оной корпусу. Прежде моего движения на защиту страны, между Днестром и Прутом лежащей, и крепостей, завоеванных на берегу Дунайском, я оставил корпус под командою генерала-майора и кавалера Вейсмана, а в уповании будучи на условие, по которому ваше сиятельство подчинили сему генералу пехоту, оставленную в Бендерах, и конницу из четырех эскадронов гусар и пикинеров и трех пол-

[1] Наступившая осень создала большие затруднения в ведении военных действий, и П. А. Румянцев принял решение отвести армию на зимние квартиры. Для удержания завоеванного пространства севернее Дуная он оставил корпус генерал-майора Вейсмана, которому подчинил гарнизоны Измаила, Килии, Аккермана и Бендер. Корпусу Вейсмана приказывалось охранять пространство между Прутом и Днестром до Бендер, а когда турки за Дунаем отойдут на зимние квартиры, то ему следовало перейти к Измаилу и там расположиться на зимовку.

ков казачьих, назначил я во взаимную связь своим и вашим войскам посты и повелел реченному командиру в содействии оные по Дунаю и Днестру таким образом расположить, что они быть бы могли в состоянии по отдалении от них других войск в первом разе удерживать, помоществуясь один от другого, покушения неприятельские; но к разрушению сего положения, уведомляет меня бендерской комендант г. Коррет, что ваше сиятельство повелели ему из оставленных легких войск в его команду обратить в очаковскую сторону, куда он потому для разъездов большую часть оных и отделяет, то есть: к реке Тилигул и к урочищу Гаджибея. При таком предучреждении, когда ваше сиятельство те войски, которые я разумел оставленные во вспоможение мне и на защиту завоеванных крепостей располагаете в толь далекой край, которого и досягнуть, а тем меньше обеспечить, я не в силах, что по моему настоящему положению и исчислению войск ваше сиятельство сами довольно представить можете, то и должен я в повторение прежних моих отзывов донести вам по необходимости, что в рассуждении Бендер и стороны очаковской, что выше и ниже лежит по Днестру, я не только не смею взять на себя обеспечение, но ниже в каком-либо случае ответствовать за то, что там произойдет, поелику те места выходят из моего, а противолежат вашему положению. Я почел за долг службы предварить о сем ваше сиятельство в надежде, что вы найдете способ наградить другими войски тот ущерб, которой по обращению на очаковскую сторону учинился в числе определенном от стороны вашей к совместному упражнению с корпусом, от меня поставленным между Прута и Днестра. Из приложенного в копии репорта ко мне от генерала-порутчика фон Ессена ваше сиятельство узнаете, сколько новые злодеи из самих наших войск на побережьи польском восстают, сии грабители опаснее быть могут от самого неприятеля, яко они под именем своих везде пройтить могут и разорять, следственно, против их вящше нужна стража, нежели против татар; все транспорты, идущие к армии, неминуемо пересекутся, естьли хотя мало дать время таковым шайкам гайдамацким в польских уже и без того разоренных селениях подействовать [1].

Прошу, ваше сиятельство, своим постам приказать с лутчим бдением заграждать проход таковым злодеям и истреблять их где покажутся, да и самому кошевому запорожскому велеть о укрощении в их войске оных. Впротчем с совершенным моим почтением и преданностию имею честь быть.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 447 об. — 448 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 2, стр. 116—118.

---

[1] Это сообщение свидетельствует о появлении новых повстанческих отрядов и усилении классовой борьбы на Украине накануне крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева.

№ 187

1770 г. октября 28. — ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С ОБОСНОВАНИЕМ ПРОСЬБЫ ОБ УВОЛЬНЕНИИ ЕГО В ОТСТАВКУ

Крепость св. Елизаветы

...[1] Принужден, всемилостивейшая государыня, с наивеличайшим души моей оскорблением признаться, что истраченное мое чрез тридцать шесть лет продолжении всебеспрерывно в военной службе, проходя трудности оной от самого солдатства по всем степеням чинов до нынешнего моего звания, в котором уже имею щастие вдругоредь под скипетром вашего императорского величества в поле противу неприятеля предводительствовать войски в звании главного военного чиноначальника, увечными болезненными припадками здоровье до того уже телесные мои силы обременило, а дух разными приключениями стеснило, что вижу себя совсем лишенного возможности не только в наступающую кампанию в поле, но и ни в каком другом звании более продолжать мою всеподданнейшую вашему императорскому величеству и государству службу, то, опасаясь, чтоб нашолся в состоянии войски, уже разделившие в службе вашего императорского величества свою жизнь и честь с собственно моими, хотя расположить и снабдить на безопасное и довольственное их продержание в зимних квартирах. А как важность оных положения, наипаче же возложенная на меня и еще с Крымом не довершенная татарская негоциация, к толикой вышней пользе государства и собственной славе вашего императорского величества обращающаяся, требует внимательного над собою наблюдения, для того принужденным нашолся сим всеподданнейше представить, дабы к предупреждению прекращающихся моих сил, кои ежеминутно угрожают меня совсем лишить вдруг возможности теперичное столь важное звание отправлять, высочайше избрать и отправить к принятию от меня оного, кого вашему императорскому величеству благоугодно быть может, а мне всемилостивейше дозволить малой и дряхлостию уже обремененной остаток своей жизни окончить в свободности от всякой службы и в высочайшем вашего императорского величества монаршем призрении, в кое, повергнувшись со всеглубочайшим и рабским подобострастием до последнего момента пребуду...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГАДА, ф. 5, д. 103, л. 81—82. Подлинник.

---

[1] В непубликуемой части реляции Румянцев благодарит Екатерину II за награды и ее отношение к нему.

№ 188

1770 г. октября 30. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Ф. И. ГЛЕБОВУ С УКАЗАНИЕМ ЕГО ОШИБОК ПРИ ШТУРМЕ БРАИЛОВА И О ВОЗОБНОВЛЕНИИ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ КРЕПОСТИ БРАИЛОВ И ЗАНЯТИИ БУХАРЕСТА

№ 412

Считая, что посланные от армии полки под командою г-на генерал-майора Хераскова к вам уже прибыли[1], рекомендую вашему превосходительству предпринимать следующее: первое — сикурс пришедший, что стоит под Браиловым, долго там держаться не может по той причине, яко в крепости оному поместиться неудобно, тела же убитых людей и скота своим смрадным тлением понудят тем паче его убираться и как сии в помощь прибывшие войски, я слышу, расположились лагерем на том месте, где и вы имели свой стан, то, ваше превосходительство, имеете и атаковать их; естьли бы они в приближении вашем отступили от города, вам должно их преследовать и стараться побить, а когда бы неприятель весь вобрался в крепость или под свои пушки, в таком случае надлежать будет занять вам такое положение, чтоб вас неприятель из города вредить не мог, а вы бы его не выпускали оттуду. Второе — по отступлении своем от Браилова вы предписали полковнику Каковинскому, «чтоб он потому к своей предосторожности меры взял»; сие я не инако разумею как, что вы и ему повелели подобно же ретироваться. Я все легкие войски к вам переправил, конечно, не для осады крепости, где вы их держали безплодно, но ради того, чтоб распространить вам свои действия в Валахию и завладеть Букарештами. Потому и теперь я вам повелеваю отрядить в ту сторону сильный деташамент, разумея за едино и тот, что туда уже ползет под командою Каковинского, и употребить к предводительству оного г-на бригадира и кавалера Гудовича, велев ему итить наипоспешнее занять город Букарешты и везде в Валахии на неприятеля обращать свои поиски. А когда ваше превосходительство и сами в тот край пожелаете вести войски, и то я вам оставляю на волю, как и определение в таком случае командира к корпусу, что должен по вышеписанному иметь на поиск к Браилову. Предосудительный поступок для славы оружия ее императорского величества, что приписывается солдатам 4-го гранодерского полку строжайшие наводить следствия и ради того я вас вопрошаю, полк тот составляют не одни гранодеры, но при них были и офицеры, о которых нет слова, что

[1] Венгерский гусарский, пехотные: Капорский, Апшеронский, Нижегородский, Ростовский, гренадерские батальоны.

сии делали, когда гранодеры были им ослушны, взяв о их именах справки и как всякой из них в том деле исполнял свою должность, объясните вы мне таковое обстоятельство, а не меньше и то, какой резон имели шед на штурм команды г-на полковника Бороздина, майор Евсюков и Кожина подполковник Зитман первыи опрокидать в ров, а другой заклепывать пушки, кроме того, что сие делало им остановку исполнять в дальнейшем вашу диспозицию, еще трудно понять без их объяснения, как можно сбросить пушки в ров, которые, конечно, стояли за укреплением. Станется, что когда сии командиры пеклись о пустом деле, ибо пушки, позади оставляемые, уже бы не вредили, неприятель от того получил время исправить и их отразить. Наконец, не могу я пройтить без примечания, что ваше превосходительство, учреждая приступ на крепость, не обозрели пути, к тому ведущего, что пред оною есть лагерь неприятельской, на который против чаяния напав наши войски натурально повинны были помешаться, а напоследок я слышу, что лакомство на грабеж до того их расстроило, что неприятель мог воспользоваться, забежать всходивших уже на стены в тыл и их поразить. Я хочу знать, знали ли вы о сем неприятельском лагере и для чего против его никаковой предосторожности не употребили при атаке? [1]

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 331—332 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 189

1770 г. ноября 4. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА БРИГАДИРУ И. В. ГУДОВИЧУ О ЗАНЯТИИ БУХАРЕСТА

№ 417 *Лагерь при Фалче*

Видев неудачные предприятия при Браилове и в стороне Волоской, кои интересуют славу оружия ее императорского величества, по долгу звания моего о удержании всемерно достоинства, оной склоняю мой выбор на особу вашу, повелев господину генерал-майору Глебову дать вам из его корпуса два баталиона гранодер, полк Апшеронской, вербованной казачей и из гусар и донских казаков пристойное число, да полевой артил-

---

[1] Глебов объяснял неудачу штурма Браилова 24 октября неустойчивостью 4-го гренадерского полка, убылью офицеров и силой крепостного гарнизона (6000 человек). После неудачи Глебов отступил от крепости.

В ответе на его рапорт Румянцев указал на ошибки, бывшие действительной причиной неудачи: неподготовленность штурма, раздробление сил и др. Возмущенный отступлением Глебова от крепости, Румянцев приказал ему дождаться высланного подкрепления и возобновить действия против Браилова (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 327 об. — 329 об.).

лерии шесть орудий при капитане Караулове, который корпус вы приняв, извольте итти в Валахию и, взяв там в тою же команду с деташаментом полковника Каковинского, который к предосуждению шел вперед не скоро, а назад бежит, и старайтесь утвердиться в том краю, побить неприятеля и овладеть городом Бухарестом. Господин Глебов имеет от меня повеление с достальным корпусом свои действия учреждать к вашему облегчению и пещись вовсе запереть неприятелю проход от Браилова к воспрепятствованию вашего намерения. Вы ему о своих действиях давайте знать, но верх того и прямо ко мне присылайте свои рапорты, почему и беспосредственно будите от меня получать в потребном случае наставления.

Вашему высокородию собственным заключением дойти к тому легко, сколько лучшую мою надежду я к вам преимущественно обращаю, в случае, где надобно подкрепить славу и пользу службы, мнение мое к сему ничем иным не руководствуется, кроме отличных способностей ваших.

По мере ваших трудов и успехов в назначенном предводительстве, будьте уверены, что я наиусерднейший предстатель буду к всемилостивейшей государыне, естьли вы займете Букарешты, сохраните строгость над войском в рассуждении ласкового обхождения с тамошними жителями и устройте укрепления тамо к беспечному пребыванию, пользуясь монастырями и другими местами, что могут подавать к тому выгоды.

Г[раф] Румянцов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1874, л. 19 и об. Копия.

№ 190

1770 г. ноября 9. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-АНШЕФУ П. И. ОЛИЦУ С ИЗЛОЖЕНИЕМ ПЛАНА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ВАЛАХИИ

№ 421

Вследствие моего ордера, по которому я считаю, что ваше высокопревосходительство уже на пути находитесь к Максимианам, сообщаю мои мысли о действиях в Валахии. Ежели не покажут лучших следствий предприятия на Букарешты, как до сего вся сия экспедиция за Серетом имела, то уважая на суровое наступившее уже время, полезнее сократить на некоторое действия наступательные, а держаться в авантажном положении, доколе лучшие средства усмотрятся, полки будут усилены и припасы военные и съестные ближе привезены. Итак, на сии два случаи я вашему высокопревосходительству предписываю: на 1-е — когда Букарешты будут заняты деташаментом г. бригадира Гудовича, то надобно усилить оной двумя еще полками

пехотными и одним кавалерийским и взять там главную квартиру и будет то главной пост, который должен распространить свои поиски до Дуная и Ольты, и иметь на оных отделенные от легких войск посты; второй — в Фокшанах из четырех полков и двух гранодерских баталионов, утвердя на Серету мост к Текучу или Никорештам, охраня его укреплениями и прикрытием; третий — расположите между сими двумя главными в Бузео, или где вы удобнее найдете. Все сии посты не только по той стороне взаимно один другого подкреплять или усмотря случай полезной и на Браилов содействовать должны, но Фокшанской обращаться ко уничтожению неприятельских покушений и на сию сторону Серета, против чего и деташамент, при Фальчах стоящий, всегда готов будет.

Легкие оных войски должны для беспрерывного сообщения иметь посты между оными и впереди так далеко, как они пусированы быть могут к Дунаю, а особо против Браилова. Распределение сих легких войск на все три поста, ваше высокопревосходительство, сделайте, смотря по надобности и числу отделенных постов, которое они содержать будут. На 2-е, буде бы паче чаяния предприятие на Букарешты не возымело желаемого успеху, то пост имеет быть 1-й в Фокшанах, 2-й в Текуче или Никореште, а затем весь корпус по обоим берегам реки Серета расположен, чтобы уничтожить все неприятельские замыслы по обеим сторонам сея реки, а как того боку сторона натурою ограждена, а противная или сего боку требует больше прикрытия и для того, где по натуральному положению больше или меньше в людях надобности, а больше для их выгоды сыщете, там располагайте и главную квартиру потому определите. Что до провианта и фуража на сей ваш корпус, то назначены цинуты в приложенной ведомости при ордере от 6 числа ноября под № 4926 и в Романове магазейн учрежден, в котором по 20 число октября по последней ведомости состоит муки 17 288, круп 1046, овса и ячменя 1909 четвертей. Зависит потому от вашего высокопревосходительства по обстоятельствам Романовский магазейн, а особливо на случай занятия Букарешт приблизить и к Фокшанам, избрав место удобное и крепя оное; в Валахии ж нет сомнения, чтобы не нашлось оного изобильно, ежели взяты будут заврененно к тому меры и жители от наглого всего забрания по примерам злым прошлого года и так сказать за обычай принятым обережены будут, примером да служат мои распоряжения на край Молдавской, которые я сообщил вашему высокопревосходительству. Сведения же о земле и образ собрания нужных запасов могут объяснить сами волоские бояры — князь Кантакузин и Бранисвано, что имели при войсках наших итить в свои домы; ваше высокопревосходительство, потребовав от г. генерала-майора Глебова моих ордеров, что даны ему и предместнику его генерал-порутчику графу Брюсу в течение сей экспедиции, познаете на всякой случай какие полагал

учредить действия вверенного им корпуса. И хотя по известному мне вашего высокопревосходительства долговременному в ремесле упражнению и приобретенному имуществу всякое наставление излишним будет, то я коснусь тех только артикулов, кои вообще до подчиненных ваших лежат в том, чтоб они при таковых расположениях в обеих случаях не потеряли надобной осторожности и к лучшему покою и безопасности места удобные по положениям натуральным или строением твердым укрепляли, чтобы на случай движений могли они малым числом быть держаны, которые же полки и баталионы где расположите и кого командирами при их постах и бригадах назначите, меня уведомить.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 338 об. — 340. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 191

1770 г. ноября 19. — ИЗ «ЖУРНАЛА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ АРМИИ ПОД КОМАНДОЙ П. А. РУМЯНЦЕВА С ОТКРЫТИЯ КАМПАНИИ 1770 ГОДА». ВЪЕЗД П. А. РУМЯНЦЕВА В ЯССЫ

На завтре поутру кавалерийские полки из сего места отошли в свои квартиры, а с пехотными полками — первым и третьим гранодерскими, Новгородским, Куринским и гранодерским баталионом Белавина его сиятельство господин генерал-фельдмаршал следовал к городу Яссам и, прошед двенадцать верст с половиною, взял лагерь в двух верстах от сего города. На походе в пяти верстах встречу сделал командующему с городским войском ратман Василий Разул и с музыкою своего строю провожал до его ставки, при которой ожидали фельдмаршала в церковном уборе все духовенство, также члены верховного сей земли правительства, именуемого Диваном, знатнейшие бояре, дворянство и градские жители. Прибывши к сему месту его сиятельство и вначале приложась к кресту и евангелию, вынесенных от духовного чина, принял с благословением приветствие от митрополита ясского Гавриила Коломаки, который устами общества поздравлял его со всеми знаменитыми победами над неприятелем турком, радуясь, что его мужественным предводительством свершилось благополучие, его же народ паствы его уповал от руки избавительницы своей великой императрицы всероссийской. Бояре Дивана объяснились с равным усердием, коим всем возблагодарил его сиятельство своею тут же отповедью, изъявляя свое удовольствие, что он ближе себя теперь находит к услугам всякого здешнего обитателя, имев честь вступить с ними в общежительство. Уверял их также, что от бога даро-

ванные победы над турком оружие ее императорского величества поставляют тот крепкой щит, которым сильная десница самодержицы всероссийской ограждает от всех наветов народы, ее скипетру подвластные. По окончании взаимных приветствий просил его сиятельство духовенство и светских чинов в свою палатку, где они, приняв пристойное себе угощение, просили при отходе позволения завтра его видеть в своем городе.

19-го поутру в 10-м часу его сиятельство господин генерал-фельдмаршал с вчерашнего лагеря ехал в город Яссы. Его въезде предшествовала новая радость, ибо лишь он сел на лошадь, то в то самое время прискакал куриер капитан Астраханского пехотного полку Григорий Шидловской с рапортом от бригадира Гудовича о взятии города Букарешт и о всех вышесказанных действиях. Сей вестник, быв рекомендован от помянутого предводителя за свои мужественные подвиги при той экспедиции, произведен тогда же от его сиятельства секунд-майором. Новые сии успехи войск наших возвещенные городу, в котором много было бояр знатных и жителей, из Валахии пребывавших, тут от времени выступления войск наших из Букарешт усугубило торжество и веселие настоящего дня. Народ в великом собрании спешил вне города видеть толь знаменитого вождя, которого слава геройских дел всех сердца к тому воспаляла, общество промышленников и рукодельцев, так называемые цехи, вышли за город и по обоим сторонам дороги стояли. Его сиятельство в препровождении чинов своего штата наперед въехал в город, с приближения его к форштату началась пушечная пальба и колокольной церковной звон, продолжавшиеся до вступления в приготовленную ему квартиру. В городских воротах вышли встретить въезжающего командира диванские члены и духовные чины, которые после свои поздравления приносили ему и в его квартире. Вслед за сим вступили в город и полки: прежде везена полевая артиллерия, а за оною входили в параде войски под предводительством дежурного генерал-майора Ступишина и маршировали все мимо квартиры генерал-фельдмаршала. Потом его сиятельство ходил по городу, любопытствовал видеть в оном здания и водные фонтаны, а народ упреждал везде его ход, бесконечным объят быв удовольством и удивлением, когда господин генерал-фельдмаршал словохотливостью со всяким гражданином, слушая терпеливо каждого подходящего к себе просьбы и делая оным немедленное удовлетворение, ознаменил в первый день блистательные свойства благодетельной своей души. В последующих днях делал визит его сиятельство преосвященному здешнему митрополиту, посещал дом Аргирия бана, князя Кантакузина вистиария и ратмана Василья Разула и у всех сих трех бояр угощен был обеденным столом, изобилие коего наибольшое в числе кушания доказывало хозяинов усердие к особе угощаемой, по обычаю присвоенному сими людьми в род обхождения от турков.

От посыланных трех партий имел в сие время господин Гудович сие только известие, от 1-й, что оная заняла пост на половине дороги к Журже в монастыре Комине, отделя вчерась часть к самой Журже для осведомления о состоянии неприятеля, по известиям в смятении бывшего тогда и в сем месте, от 2-й, что неприятеля по сей стороне реки Олты нет, а 3-я в Окнах захватила только трех турков, прочие же до прибытия туда оной бежали за Ольту.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1820, л. 212—216 об. Подлинник.

№ 192

1770 г. ноября 19. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ЗАНЯТИИ БРАИЛОВА И БУХАРЕСТА И ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ ТУРОК НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ДУНАЯ

№ 95 *Яссы*

Пополняя краткое донесение, которое имел я щастие отправить к вашему императорскому величеству лейб-гвардии Семеновского полку чрез капитана порутчика Волкова о занятии крепости Браиловской, всеподданнейше подношу при сем ведомость о взятой тут артиллерии и о других военных припасах[1], а провиантской магазейн нашли мы в оной не в большом количестве.

Ваше императорское величество из предыдущего моего уведомления соизволите ведать, сколь предприятия мои, которых исполнение положил я на генерала-майора Глебова, пошли было не согласно с моими к тому предположениями. Тут я должен был успехи, клонившиеся вопреки, восстановить собственным учреждением, вследствие коего легкие войски, которые приказал я подвесть к Браилову, во-первых, вложили страх неприятелю к бегству из крепости[2]. Но при сем одном, не останавливаясь, сколь скоро генерал-майор Глебов отступил от Браилова, я тотчас отделил деташамент к Букарештам, чтоб оной соединить с таковым же колебавшимся и давно уже туда посланным, под командою полковника Каковинского, который, услышав об отступлении нашего корпуса от Браилова, и сам стал было отходить. Предводительство над сим корпусом препоручил я из верной надежды бригадиру и кавалеру Гудовичу, велев ему итти прямо на державшегося неприятеля в Валахии и овладеть городом Букарештами, ведя свои к тому действия беспосредственно под моим повелением. Сей командир усердностию к службе и

---

[1] Ведомость не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1868).

[2] При вторичном подходе русских войск к стенам Браилова, эта крепость 10 ноября была оставлена турками без сопротивления.

благоразумием своим отвечал прямо моему об нем заключению, наступая на неприятеля, мужественно выгнал он его войски из Букарешт и в 14-й день сего месяца овладел тем городом со славою и пользою службе вашего императорского величества. К усмотрению всех подробностей сего действия, присоединяю копию его ко мне репорта. С сим известием из Букарест прибыл ко мне сей день курьер при самом вступлении моем с частию войск в город Яссы. Итак я, всемилостивейшая государыня, сугубое имел щастие обрадовать здешний народ не меньше, сообща им сие последование, сколько и прибытием сюда победоносных войск ваших на ограждение их тем вящшим спокойствием.

Между окончанием операций в здешних странах имею честь вашему императорскому величеству всеподданнейше донести, с какою славою и успехом победоносное оружие ваше власть свою ознаменило уже на сопротивном берегу Дуная.

В течение предприятий наших на Браилов я два способы находил в облегчение оным отвлекти силы верховного визиря, который, стоя при Исакче, вседневно подавал той крепости помощь. Первое, послав войски к Букарестам под командою Каковинского, что выше изъяснено, второе, велел я генералу-майору Вейсману переправить на лодках партию храбрых людей на тот бок Дуная между Измаила и Килии и там на неприятеля турка сделать внезапное нападение, не касаясь отнюдь жителей христиан. Сего предприятия за продолжавшимся чрез многие дни перевозом отдавшегося на капитуляцию Аккерманского гарнизона и для противных ветров нельзя было выполнить к своей поре, а сколь скоро перевезли гарнизон и настала удобность, то отделенная команда егерей под предводительством майора Мекноба, переправившись за Дунай против 10-го числа сего месяца ночью, лежащее на сопротивном береге местечко Тульчу атаковала, крепостию тамошнею овладела, турков переколола и рассыпалась, а пушек 13 затопя в реке, и оставя на том берегу существительные знаки силы оружия вашего императорского величества во ужас туркам, возвратилась благополучно к своему месту. Таково прикосновение к тогобочному краю хотя для первого успеху, на который оным я целил, был уже поздно, но, однакож, потряслись от его так сказать визирь и вся оного армия, ибо на третий день после того от Исакчи все войски, подняв свой стан, кроме 50-ти палаток, оставленных близ самого замка, пошли прямо в горы к стороне местечка Бабады. При выступлении своем сделали они при Исакче несколько выстрелов из больших пушек на наш сегобочный пикет и бросили четыре бомбы, дая тем знать, что тут оставляется гарнизон и артиллерия.

Всемилостивейшая государыня, я много раз удостоился щастия приклонять милосердие вашего императорского величества моею всенижайшею рекомендациею на пользу тех, кто с усердием несут службу в войске вашем. От такова побуждения беру

смелость повторно и всеподданнейше ходатайствовать о бригадире Гудовиче. Он один остался без произвождения изо всех чинов его степени, что в нынешнюю кампанию под моею командою служили. Я по особливой просьбе графа Брюса определил его к корпусу, под Браилов шедшему. Болезненные жестокие припадки не допустили его быть на штурме. Экспедицию Букарештскую, порученную от меня, нес и совершил он толь благополучно, невзирая на болезнь, которая ослабляла его силы. Призрите, всемилостивейшая государыня, на сие мое беспристрастное о достойном офицере свидетельство, пожаловав его чином генерал-майорским, в который поступили его сверстники.

Вслед за сим донесть не упущу о расположении войск на зимние квартиры, я льщусь моим в том распоряжением совершить угодное высочайшей воле вашего императорского величества, став по обеим сторонам Прута твердою ногою на береге Дунайском и не удаляясь своим положением к отверстию заранее кампании при сей реке.

Из трофеев знамена 18, взятые в Браилове, и два отбитые под Букарештами, которые ко мне присланы, я из обыкновенной предосторожности на несколько времени здесь удержал.

Копию репорта Вейсмана о тогобочной экспедиции подношу [1].

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 524—526 об. Подлинник.

№ 193

1770 г. ноября 29. — ИЗ «ЖУРНАЛА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ АРМИИ ПОД КОМАНДОЙ П. А. РУМЯНЦЕВА С ОТКРЫТИЯ КАМПАНИИ 1770 г.». МАНИФЕСТ П. А. РУМЯНЦЕВА К НАСЕЛЕНИЮ ВАЛАХИИ О ПОБЕДАХ РУССКИХ ВОЙСК

Его сиятельство господин генерал-фельдмаршал издал сего дни манифест в Валахию во обнадеживание тамошних жителей безопасностью и напечатав оной в здешней типографии на валоском языке, вручил те экземпляры при особливом письме тут бывшим боярам оного княжества Николаю Дудескулу, Михайле Кантакузину, Николаю Бранковано, Радукану Кантакузину и Павлу Филипескулу, рекомендовав тем возвратиться в свое отечество яко членам правительства и пронести повсюду от того места содержание писанного к ободрению всенародному. Манифест сей вносится тут в точности.

«Ее императорского величества самодержицы всероссийской всемилостивейшей государыни моей генерал-фельдмаршал,

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1868).

командующий армиею, малороссийской генерал-губернатор, коллегии президент, российских орденов святых апостола Андрея, Георгия и Александра Невского и Голштинского святые Анны кавалер, я нижеподписавшийся: всем волоского княжества духовным, военным и гражданским чинам и всякого звания и состояний жителям вообще и каждому особливо объявляю: ваш слух и ведение внимали всем содеяниям ими же всевышний господь благословил праведную причину и оружие российское в сие лето в победах многократных и толь знаменитых над неверными магометанами.

Се уже гоня побиенных верховного визиря и хана крымского, которые чрез пагубу выведенных ими сил, ощутили крепость воюющих о имени христовом и, покрывшись стыдом и бедами, удалилися от лица оружия, наказующего их неправды и гордыню, водворились войски всеавгустейшей монархини моей по берегу Дунайскому. Се грады неприятельские Аккерман, Килия, Измаил, Браилов и позади первых, в пепел обращенные за упорство Бендеры, действием меча подверженные державному скипетру избавительницы народов православных от тягчайшего ига, показывают им, колико покровительство ее сильно и сколько вышнего руканоспешествует везде высоким ее намерениям.

В сем положении я к вам, жители княжения волоского, во-первых отзываюсь, знав сколь со многим обрадованием и усердностию приемлете вы возвратившиеся к вам и изгнавшие турков российские войски, которые ныне и еще более ваши пределы от державы их очистили.

Хотя собственное ваше проницание без сомнения постигало справедливую вину, коей ради войски наши пред сим долженствовали при наступившей весне на Букарешт выйтить, но в вящшее удостоверение я вам в том изъяснюся и от моей стороны ни что иное не было к тому поводом, кроме познания о неприятельском намерении, что он, все многочисленные свои силы собрав из самых далечайших стран его державы, устремлял чрез Дунай на левой бок реки Прута, потому и нашему войску надлежало тут же собраться, дабы вдруг верховного визиря с его армиею так разбить и прогнать за Дунай, как мы то, богу слава и благодарение, и учинили, утвердя чрез то на все время берег Дунайской за собою, а с тем и вящшую защиту для края волоского.

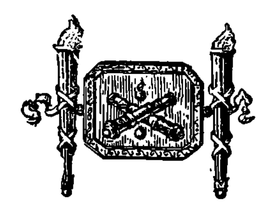
Сколь не убедителен для каждого был сей резон военный, но я при оном не вовсе однакож войски были отдалены от края волоского, а стояли во всю кампанию не сходно приготовленные деташаменты по обеим сторонам речки Серет, в примечании на действия неприятеля в стране волоской, и естли бы он там стал утверждаться, разорять или тиранствовать над жительми, мы бы не оставили и прежде настоящей поры пойтить на опровержение тех злых действий, но ныне, когда все силы неприятельские разбиты и за Дунай прогнаны, когда победоносные войски российские, покрывая берег Дунайской, подают спокой-

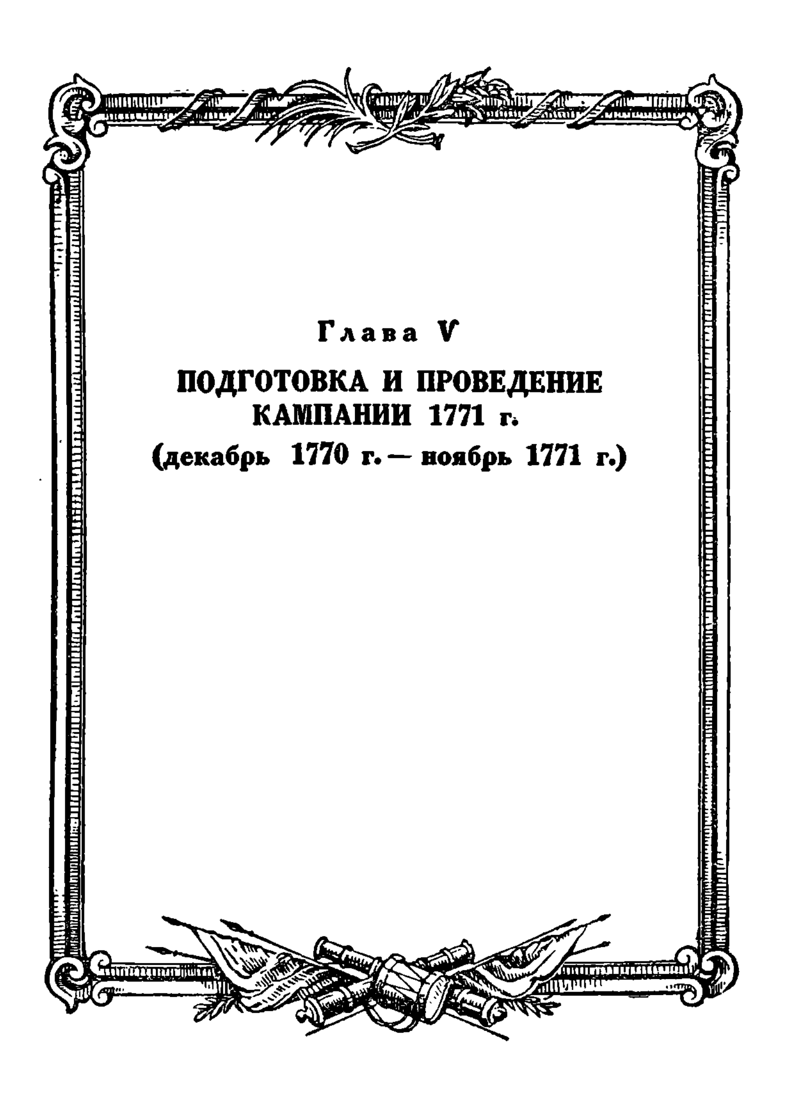
ствие всем сегобочным жителям, восхволяя бога помощника нашего, да обратится каждой из них к упражнению обычному его званию, земледелец да прилагает руки к полевым работам, художник к своему мастерству, а торгующий на обращение своего промысла, верив моему толь истинному обнадеживанию, что войски, от всемилостивейшей государыни мне вверенные, крепкий щит уже собою поставили против всех таковых наветов, что могли бы в чем ни есть рушить утверждаемое благоденствие народам, присоединенным державе ее императорского величества.

Я повторяю еще наиудостоверительнее и в том обнадеживание, что великодушие, милосердие и человеколюбие всеавгустейшей самодержицы нашей простирается не только к правоверным христианам вашей земли, для которых неизмерны ее милость и щедроты, но всякого города и земли владения турецкого, а особливо земли Крайовской жители, какого бы рода и веры ни были, хотя бы и сами турки, естли они только заблаговременно и из доброй воли прибегнут под защиту и власть самодержицы всероссийской и против войск ее не восстанут на сопротивление, то поживут и таковые в своих домах безбедно и войски российские не коснутся к их особам ни имение и ни в каком случае не лишат их участия во благах.

В заключении я полагаюсь в лутчей надежде на усердие и добрую волю всех и каждого из жителей княжения волоского, что они зря подвиги войск российских в сокрушении общего врага и продолжаемые еще и ныне труды за награждение их безопасностию, не престанут показывать к ним благоприятства и уделять, что возможно, из обыкновенной пищи своей к их пропитанию и что столько их благодарность и признание будут в том ощутительны, сколько все вышесказанное от меня в пользе живущих в той стране сохранится непреложно. Дан в главной квартире городе Яссах ноября 29 дня 1770 года.»

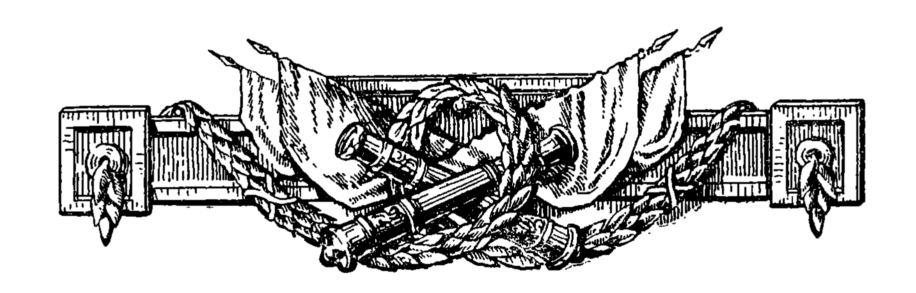
ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1820, л. 222 об. — 225 об.
Подлинник.





Глава V

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ КАМПАНИИ 1771 г.
(декабрь 1770 г. — ноябрь 1771 г.)



№ 194

1770 г. декабря 1. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С МОЛДАВСКИМИ ВЛАСТЯМИ

Яссы

В самой день торжествования всерадостного рождения вашего императорского величества я удостоился получить указ Сенату и купчую на пожалованные мне в Малой России имения. Щедроты первые ваше императорское величество для меня еще распространили более; потому не сугубое, но чрезмерное было для меня обрадование, возвышая общее веселие, ощутить тут же собственное свое и толь великое щастие.

Позвольте, всемилостивейшая государыня, возобновить пред стопами вашими мое всеподданнейшее благодарение за излиянные на раба своего щедроты и желать вам от вышнего руки того, чем он один воздавать может своим помазанным за их милосердие. А я устремляюсь всем усердием лишь бы соответствовали случаи в предлежащих подвигах исполнить угодное воле вашей.

Здешний край я нахожу отменно против того, нежели каковым я его воображал по уверению самовидцов, будучи на той стороне Прута. Чем более я вникаю в обстоятельства сей страны, тем паче к сожалению усматриваю, что мои прежние сюда данные предложения остались без пользы. Смерть генерала-порутчика Штофельна сокрывает причины, его ли упущением не пришли потому дела в должной порядок, или здешнее правительство тому виновно, ибо напоследок явно становится, что тут диванские члены исполнены были коварства и алчбы к собственному токмо стяжанию и по одной корысти своей располагали делами народными.

Я должен был генерала-майора Черноевича для его слабости здоровья отпустить отсюду в Россию, а на его место к управлению определить генерала-майора Ржевского. Сим последним недовольны здешные бояре. Я не знаю о прежних его поступках как он тут был прошлого года, поелику и не было мне на него жалоб. Но теперь в моих глазах он все то делает, чего требует польза службы, да только с строгостию, без которой отнюдь нельзя обходиться с здешними чинами, что навыкли турецким обычаям, и для того бояре об нем и негодуют[1]. Но где дело идет о удовлетворении нужд войска, там нечего взирать на неудовольство партикулярное, когда только первое имеет свои лучшие успехи.

В здешнем городе, богу благодарение, заразительная болезнь поднесь не разширяется, а возникает иногда, но не с большим, однакож, вредом, против чего все предосторожности неусыпно сохраняем.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГАДА, ф. 5, д. 103, л. 84—85. Подлинник.

№ 195

1770 г. декабря 1. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О РАСПОЛОЖЕНИИ И ДЕЙСТВИЯХ РУССКИХ ВОЙСК В КОНЦЕ НОЯБРЯ И РАСПИСАНИИ АРМИИ НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ В МОЛДАВИИ, ВАЛАХИИ И БЕССАРАБИИ

№ 96 *Яссы*

При сем всеподданнейше подношу росписание о расположении всех войск, вверенных мне от вашего императорского величества, на зимние квартиры со изъяснением, в которых местах и какая часть из оных помещена.

По занятии города Букарешт, о чем имел я честь вашему императорскому величеству донести чрез отправленного курьером лейб-гвардии капитана-порутчика Лунина, я только имел репорты от бригадира и кавалера Гудовича, что он тогда ж, как город взял, отделенною частью своей команды занял пост на половине дороги к Журже в монастыре Комине, откуду подвинул партию и до самой Журжи для открытия в том месте положения неприятельского. Да генерал-аншеф и кавалер Олиц, следуя по

[1] В XVIII в. население Молдавии находилось под тяжелым гнетом местного боярства, которое фактически бесконтрольно жестоко эксплуатировало крестьян, находя поддержку у господарей, назначавшихся турками из чуждых народу греков — фанариотов.

моему предписанию для принятия команды над всеми войсками, введенными в Валахию в город Букарешты, уведомлял меня по донесению ему от генерал-майора Глебова, что от сего последнего, командированной с деташаментом генерал-майор Кречетников на достижение неприятеля, который по известиям держался при местечке Ораш, не нашел уже там оного, а предупредил он наших войск сближение, перебравшись за Дунай в город Гирсов.

Я с часа на час жду окончательных репортов, как мои предположения, в тот край употребленные, начальники исполнят в очищении вверх от Браилова берега Дунайского, и чтоб быть в состоянии крепость Журжевскую при утверждении иногда в оной неприятеля достаточным образом атаковать, то заблаговременно к тому отправлены из-под Браилова и орудия осадной артиллерии. Впрочем первейшее мое упражнение есть ныне в запасении войску пропитания и о утверждении повсеместно своей ноги на завоеванном берегу Дунайском. Для сего последнего уже я послал искусных офицеров, чтоб все места, подающие к тому способность, от натурального положения или присоединенными мерами от искусства обратить наилучшим образом в свою пользу. Но для первого много мне предстоит и трудностей и неудобств, а наипаче, когда наводят препятствие и остановки в течение провиантских дел учреждения в Польше кардонов по предосторожностям от заразы. Я избрал способ к доставлению армии пропитания хотя из крайности, но которой, однакож, меньше сомнителен, то-есть: расписал я польские места к расположению армии и велел в оных для полков на все зимние месяцы заготовить пропитание в виде их туда вступления, а сколь скоро приготовлении сии собраны будут, то я оные по зимнему пути все сюда перевезть прикажу.

Бояр княжения Волоского, которые здесь ко мне явились, я к их местам в Букарешты отправил, препроводя чрез их руки напечатанные на волоском языке в здешней типографии манифесты для публикования народу, с которого здесь список на российском прилагаю[1].

Из Польши чрез генерал-порутчика фон Эссена получил я репорт, что всегда с хорошим успехом преследующий конфедератские толпы полковник князь Шаховской, таковое ж мятежническое собрание, выведенное на сию сторону Вислы более тысячи двухсот человек под командою маршалка черняховского при их полковниках Дрозде, Леонтовском, Румере и Рогалинском, близ местечка Закличик под селом Филиповцами прошедшего ноября 7-го числа атаковал одною кавалериею и по разбитии совершенном, гоня остатки сих войск, рассыпал по лесам и горам. В сем сражении положено на месте убитыми возмутителей более двухсот человек, а в полон взято сто три; отбито их четыре

[1] См. документ № 193.

пушки, несколько ружей, десять барабанов, бочка пороху и плита свинцу; а по объявлению пленных сам маршалок только с двадцатью человеками бегством спасся; из своего деташамента помянутый полковник имеет безвестно пропалыми корнета Дударева и донских казаков трех. Ранеными унтер-офицеров двух, карабинер одиннадцать да казаков шесть.

По уведомлению генерал-майора и кавалера фон Вейсмана, который с своим корпусом взял уже главной пост в городе Измаиле, в стороне Бендер, Аккермана и Килии никаких неприятельских действий не примечается и все находится благополучно.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 536—538. Подлинник.

Приложение к док. № 195

РАСПИСАНИЕ АРМИИ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, СОСТОЯЩЕЙ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ГЕНЕРАЛА-ФЕЛЬДМАРШАЛА И КАВАЛЕРА ГРАФА РУМЯНЦЕВА, РАЗДЕЛЕННОЙ НА КОРПУСЫ, К РАСПОЛОЖЕНИЮ НА ЗИМОВЫЕ КВАРТИРЫ[1]

Первой корпус в Молдавии

<table>
<tr><th colspan="2">Генералитет</th><th colspan="4">Полки</th><th>Их квартиры</th></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="3">Генерал-майор и кавалер Ступишин в Яссах</td><td rowspan="3">Гранодерские</td><td colspan="3">Первой
Третей</td><td>В Яссах и ближних деревнях</td></tr>
<tr><td rowspan="2">баталионы</td><td colspan="2">подполковника Белавина</td><td>В деревне Изереме</td></tr>
<tr><td>майоров</td><td>Селиверстова, Раутенфельда</td><td rowspan="2">В Яссах и ближних деревнях</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Генерал-порутчик и кавалер граф Салтыков в Яссах</td><td>Старший полковник в Яссах</td><td colspan="4">Новогородской
Куринской</td></tr>
<tr><td>Генерал-майор Римской-Корсаков близ местечка Васлуи в селеФерешти</td><td colspan="4">Смоленской
Санкт-Петербургской</td><td>В Васлуйском цынуте между рек Барлата и Жижи в деревнях</td></tr>
</table>

[1] Заголовок подлинника.

	Генералитет	Полки	Их квартиры	
Генерал-поручик и кавалер граф Салтыков в Яссах	Генерал-майор Храповицкий близ местечка Фалчи в селе Бахнаре	Архангелогородской Выборгской Ярославской	В ближних к Фальче селениях	
		Полевой артиллерии 10 орудий	При Фальче	
	Генерал-майор и кавалер Текеллий в деревне Петрешти	карабинерные: Рязанской Нижегородской	В деревне Кокутне и ближних	На реке Пруте
		Сербской гусарской	В деревне Загаранче и ближних	
	Бригадир и кавалер Энгельгардт в местечке Стефанеште	Новотроицкой кирасирской	В Добручане и ближних	
		Астраханской	В местечке Стефанеште и ближе	
		Сибирской	В Богучане и ближних	

Главная квартира в Яссах и при ней: артиллерии генерал-майор и кавалер Унгерн с полевою артиллериею, шестьдесят четыре орудия с служителями, обер-кригскомиссар князь Щербатов с комиссариатскою комиссиею, обер-провиантмейстер Бренчанинов с провиантскою комиссиею. Генерал-квартермистр-лейтенант Муромцев с генеральным штабом, генеральной штаб-доктор барон Аш и полевая аптека.

Инженерная и пионерная команды и понтонная рота, походной атаман Сулин с его донским казачьим полком.

Второй корпус в Валахии, которого главная квартира в Букареште, распространяет свои поиски до Дуная и Ольты, где все лежащие места по берегу Дунаю укрепить по военному искусству, естьли бы того не имели они от натурального положения или сделанных прежде, а на Серете утвердить мост, охраняя его укреплениями и прикрытием, чтобы иметь беспрерывное сообщение с корпусом, в Молдавии располагаемым, велено.

Командующей оным господин генерал-аншеф Олиц	4-й Гранодерской Апшеронской Астраханской Белозерской Бутырской Ингерманландской

У него в команде: генерал-майоры Глебов граф Подгоричани Херасков Гротенгельм Князь Юрий Трубецкой Кречетников	Капорской 1-й Московской 2-й Московской Муромской Нижегородской Низовской Ростовской Тенгинской Гранодерские баталионы подполковников { Бегичева, Зитмана, Колюпанова, Толстова, Бывшей Клячкина
	Егерской баталион подполковника Фабрициана Ригской карабинерной Гусарские { Венгерской, Ахтырской Донские казацкие { Иловайской, Янов, Поздеев, Леонов, Зазерсков, Агеев

К сему корпусу принадлежащие:

Артиллерии капитан Буцковской с полевою и осадною артиллериею, обер-квартермистр Нефедьев с генеральным штабом.

Кригс-цалмейстер один
Обер-провиантмейстер один } с их комиссиями

Доктор один, штаб-лекарь один, инженерная команда.

Трегей корпус в Безаравии и по крепостям, которого главная квартира в Измаиле, и в данном ему наставлении предписано иметь в обозрении и примечании весь берег реки Дуная от Прута до Днестра, а и по оному до крепости Бендерской и не перепускать неприятеля через Дунай, и для того все в крепостях оставленные гарнизоны по положению мест и по обстоятельствам неприятельских действий, для приумножения своих сил, собирать или из одного в другой переводить, сколько и когда заблагорассудит командующей оного, а для беспрерывного сообщения с корпусом, в Молдавии располагаемыми, при Фальче сделан мост и укрепление с прикрытием.

Командующей оным генерал-майор и кавалер фон Вейсман У него в команде:	Киевской Ширванской Кабардинской В Бендерах { Елецкой, Тамбовской
Генерал-майор и кавалер Озеров	Гранодерские баталионы: Подполковников { Аршеневского, Пеутлинга

Гранодерские баталионы	Майоров	Адлерберга Пеутлинга Беера Фока Булдакова Тенхера	
Егерские баталионы	Подполковника Розена Майора Мекноба		
Гусарские		Харьковской Острогожской	
Оставленные от второй армии	Шквадроны	Два черного гусарского полку Один Днепровского Один Елисаветградского	пикинерных полков
Донские казацкие	Пушкарев Голов Денисов Мартынов Сулин		
Донские казацкие	Оставленные от второй армии	Один Донской, Малороссийской, Лубенской	

К сему корпусу принадлежащие:

Артиллерии подполковник Дувинг с полевою артиллериею и ее служителями

Обер-квартермистр — один

Доктор — один

Четвертой корпус под командою генерала-порутчика и кавалера фон Эссена, располагающейся по его рассмотрению в Польше к обережению там заведенных магазинов и содействия с корпусом генерала-порутчика и кавалера фон Веймарна ко истреблению возмутителей.

Полки кавалерийские:

Наследников
Тверской
Вятской
Киевской
Московской
Пермской
Табольской
Ингерманландской

Пехотные:

Невской
Сибирской
Троицкой

Двадцать рот, взятых из Киева из двухротных команд. 150 донских и 500 малороссийских казаков один, навербованной из польских жителей казацкой полк.

При сем корпусе обер-кригскомиссар Свиньин с комиссариатскою комиссиею.

Генерал-майор Буткевич с провиантскою комиссиею поблизости к магазейнам

В Хотине:

Генерал-майор Глебов

Полки пехотные:

Азовской	Навагинской	Пермской

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1868, л. 538—540 об. Подлинник. Опубл. в кн. А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769—1774 гг.», СПБ, 1886 г., т. II (приложения).

№ 196

1770 г. декабря 2. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ОЛИЦУ О ПРОВЕДЕНИИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ К ЗАНЯТИЮ ГОРОДА КРАЙОВА

Вашему высокопревосходительству надобно принимать меры к овладению городом Крайовым. Приготовьте вы к тому жителей тамошних надобным внушением о их безопасности, и что мы вносим туда меч единственно на восстановление их благоденствия и к опровержению тиранского господства над ними турков [1]; не меньше вы приискивайте надежных людей и посылайте наведываться об обстоятельствах неприятелей за Дунай, комиссионеров к сему не трудно вам найтить из тамошних жителей, которые за Ольту сообщаются, а оттуду всеконечно, переход за Дунай беспрепятствен. Я приписываю настоящее замедление ко мне вашими уведомлениями тем распорядком, в которых вы, прибыв к месту, упражняться, во-первых, должны, но наперед хочу я, чтоб ваше высокопревосходительство каждую неделю непременно присылали мне репорт, изъясняя по числам, что к вам когда доходить будет, а по экстральным случаям и где вам потребна будет моя резолюция, наичастее присылайте ко мне курьеров.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 352—352 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] В декабре 1770 г. Румянцев поставил перед отрядом генерала Олица задачу — несмотря на зимнее время очистить от турок западную Валахию и, главное, весь левый берег Дуная в ее пределах.

№ 197

1770 г. декабря 11. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ОЛИЦУ О НЕМЕДЛЕННОМ НАСТУПЛЕНИИ НА ЖУРЖУ И ЗАНЯТИИ ЕЕ

№ 437

Вчера я получил ваши репорты из города Букорешт от 6 числа сего месяца и ваше попечение о расположении войск и о занятии оными авантажных постов. Мне только похвалить остается, но тут же и сказать вашему высокопревосходительству, что не об одном сем я в толь долгое время ожидал от вас получить уведомление, а надеялся, что вы не упустите, пользуясь страхом выгнанного неприятеля из Букарешт, тотчас простерти на его поиск и к самой Журже. Сего чаять я тем боле мог, что г. бригадир и кавалер Гудович от 19 ноября репортовал меня, что он уже тогда отрядил партию к той крепостце, уведомясь о смятении тамо неприятеля и бегстве его оттуда за Дунай, но, к сожалению, во место того у вас еще и приготовлений я не вижу к поиску на такое место, которое вы сами называете гнездом неприятеля в той стороне, где он, держась, всечасно может вас беспокоить.

Рекомендую посему вашему высокопревосходительству, не тратя времени полезного и не давая своим медлением опомниться и приготовиться неприятелю, послать непременно деташамент на овладение Журжею, сразмеряя усилие оного по известному вам состоянию там неприятельских сил. Нами дознанные опыты отрешают всякое сомнение о успехах, ибо когда неприятель лучшие свои крепости не мог удержать, то сию последнюю можно ли думать, чтоб он намерился защищать, стоит только пойтить смело, ибо где мы так поступали, там везде брали верх. Осадной артиллерии и четырех орудий довольно будет для такого малейшего укрепления, ежели только с нашей стороны сумеют усугублять на противника ужас, а в нынешнюю пору доставлять артиллерийские орудия и припасы к оным чрез дальную возить совсем невозможно; что ваше высокопревосходительство с моего ордера от 9 числа изволите знать. Впрочем также известны, ваше высокопревосходительство, из моих посланных к вам ордеров, что, награждая недостаток в людях, отправлено в ваш корпус старых солдат и вооруженных многое число, а сверх того аммуниции на тысячу человек в Сочаве имеется, откуду вы оную истребовать можете для прибывающих рекрут.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 355—356. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 198

1770 г. декабря 18. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ОЛИЦУ С ВЫРАЖЕНИЕМ НЕУДОВОЛЬСТВИЯ МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ ЕГО ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ЖУРЖИ И ТРЕБОВАНИЕМ СКОРЕЙШЕГО ЗАХВАТА ЛЕВОГО БЕРЕГА ДУНАЯ

№ 445

Не имев от вашего высокопревосходительства уведомления, чтоб вы приступали к исполнению в рассуждении поиску на Журжу и очищения как можно далее берега Дунайского, и когда прибывший сюда г. подполковник граф Миних и словесно подтвердил то самое, что я в репорте вашем нахожу, яко войски, введенные в Валахию для распространения своих завоеваний, стоят без всякого действия, не могу обойтится, не возобновя вашему высокопревосходительству моих примечаний в следующем. Чувствительно мне не знать, что́ вам воспящает произвесть доселе экспедицию на Журжу, ибо вы никакого о том в своих репортах объяснения мне не делаете. Место, откуду неприятельские разъезды до того, я думаю, уже вас беспокоят, что вы батальон егерей подполковника и кавалера Фабрициана рассудили отрядить на пост в монастырь Комин должно, во-первых, привлекать ваши на себя действия, дабы разрешить свою навсегда во всей той стороне беспечность и сие место я разумею Журжу в толь недалеком от Букарешта расстоянии, что я считал овладеть оным с самого начала в состоянии быть г. бригадира Гудовича, а и того больше, когда уже ваше высокопревосходительство с новыми полками туда вступили, я не знаю, чему приписать, что смятением изгнанного неприятеля из Букарешт, который, как сам г. Гудович ко мне писал, трепетал не меньше и в Журже, мы доселе не воспользовались. К совершенству полководца столько относится знать побеждать неприятеля, как и уметь своими победами пользоваться. Сообразите, ваше высокопревосходительство, полезность времени и обстоятельства своего положения и не дайте неприятелю спокойно держаться, а притом и так близко пред вами на береге дунайском, отрядите вы всеконечно на поиск журжевской пристойной деташамент, чтоб он свое дело совершил, не оставив ни ноги там неприятельской; а так малое число, как есть посланная от вас команда в Комин, ни страху не наносит неприятелю ниже, быть может к пользе, а еще напротив опасность приводит на память, что такой же баталион егерей прошлого года в тех местах пострадал по умножению сил неприятельских. Второе, что я должен вам приметить, есть утверждение наших войск на Дунае; известно, когда ваше высокопревосходительство отправлялись к своей команде еще тогда ни Браилов не был наш, да и Букарештами, не мог я думать, чтоб мы вдруг завладели; уведомления, что ко мне доходили от г. генерал-майора Глебова о числе неприятель-

ских войск в сем городе до 10 000, отступление Каковинского назад и корпус неприятельский, что находили при Ораше, доводили заключать, что неприятель хотел тут держаться, то, по соображению того, и назначил я тогда посты для наших войск в Рымниках и Бузео. И как дела наши получили лучший вид, я оставил помещение войск в том краю на ваше благорассмотрение. Теперь же надобно нам поставить свою ногу прямо на берегу дунайском и так укрепиться, чтобы неприятель, естьли б иногда и проскочил на сей берег, не мог бы, однакож, на оном подержаться. Для сего, как Фокшанской пост удобен во всяком разе к подкреплению Браиловского, к заграждению стороны от гор и к примечанию по реке Серет, то я мню довольно и один оной оставить для вышесказанно[го], а деташамент Бузейской и Рымницкой подвиньте, ваше высокопревосходительство, к берегу дунайскому и старайтеся не только легкими войсками, но и пехотою обнять посты при самом берегу, воспользовавшись удобными к тому местами так, как я вам в моем ордере под № 425[1] предлагал, каковыми мне кажутся Ораш, Лихорешты, Цикапешты или же по лучшему обозрению и другие найдутся, ибо естьли не обнимете, ваше высокопревосходительство, берега дунайского таковым образом, то отдаленные от оного посты не составят защиты ни земле, ниже стражи довольной к неперепущению неприятеля на сей бок, всадники их легкие найдут промежутки ворваться и сделать везде беспокойство.

Ваше высокопревосходительство, как генерал предовольного сведения о делах войны, за чувствительность бы себе приняли, ежели бы я преподавать вам стал о должности вашей в настоящем месте наставления о всех мелких подробностях, до которых во всяком случае проницает собственное ваше искусство и благоразумие, на которых, как на лучших вам свидетелей, в полной надежде я полагаюсь, припомнив только вам генеральные предметы и оставляя собственному вашему просвещению посредство к достижению оных. Сначала писал я вам о Крайове, чтоб вы туда отрядили партию, будучи в том мнении, что экспедиция на Журжу была предпринята. Последним ордером я велел тогда послать деташамент, как другой пойдет атаковать Журжу, итак при действиях своих вы обе сии стороны соображайте большую важность одного места пред другим.[2]

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 359—361 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] Ордер не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1866).

[2] Через три дня Румянцев вновь писал Олицу об активизации действий против Журжи. Отвечая Олицу на его ссылки о том, что Журжа укреплена и продолжает укрепляться, Румянцев разъяснял, что именно поэтому и нужно спешить со взятием Журжи. «Не думайте, ваше высокопревосходительство, чтобы я, делая вам примечания мои, не соображал трудностей, которые могут встречаться,— писал Румянцев,— но военные подвиги тем паче и славятся, когда кто умел столько извернуться, что одолел все препятствия и отнял заранее способы у противника стоять против себя.» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 363—363 об.).

№ 199

1770 г. декабря 27. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ОЛИЦУ О ПРИНЯТИИ МЕР ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ В СВЯЗИ С ПЕРЕМЕНАМИ В ТУРЕЦКОМ КОМАНДОВАНИИ И ВОЗМОЖНОСТЬЮ АКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ СО СТОРОНЫ ТУРОК

№ 460

Г. генерал-майор и кавалер Вейсман от выходцов из-за Дуная отобрал уведомления, что новой визирь в Бабады прибыл, называемый Селиктар Мегмет паша, бывший в Боснии пашею, а прежней по сдаче ему команды отъехал в Боснию на его место, что вновь возведенный крымский хан Селим-Гирей также приехал в Бабады. Сии дошедшие ко мне известия я не упущаю вам сообщить тем более, что вашему высокопревосходительству по сим происшествиям надобно усугубить бдения и осторожности во всех частях, где действуют или расположены к страже вверенные вам войски, ибо натурально новой визирь, которого возвели с отрешением первого, должен быть известных и превосходных способностей в военном деле, для коих отдается ему преимущество пред его предместником, а когда он таков, то при перемене начальника в войске надобно ожидать и перемены положения оного; может быть сей вождь восприемет и в нынешнюю пору, во ознаменование своей храбрости и искусства, какое-нибудь действие, и для того я предваряю ваше высокопревосходительство, дабы вы на всякой случай устроили свои предосторожности столь бдительно, чтобы везде при каком-либо покушении своем неприятель нашел встречающую его стражу ко опровержению злого намерения. Вот я вашему высокопревосходительству и все доходящее ко мне сообщаю, а с вашей стороны ничего подобного не имею; вам предлежат способы наиближайшие послать людей надежных, которые посредством сообщения чрез реку Ольту с другой стороны на оной всякую удобность имеют быть и узнать, что делается за Дунаем; приложите о сем старание, что к вам дойдет, ко мне представляйте, дабы я хотя о чем-нибудь знал, когда теперь не ведаю, что у вас происходит. Чрез г. Вейсмана и сие к моему знанию доходит, якобы турецкие коменданты с Белграда и Виддина присылали просить у визиря сикурсу себе, опасаясь цесарцов, которые будто великой корпус близ тех крепостей набирают; вашему высокопревосходительству легко наведаться о таковом положении цесарских войск, как ваши команды перешли уже Ольту. Еще говорят, что и бунтовщик польский граф Потоцкий из той стороны Дуная, перешед при Видине сию реку, станет по венгерской границе пробираться в Польшу, примечать потребно на все сии разглашения.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1866, л. 368—369. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 200

1771 г. января 2. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ОЛИЦУ С ТРЕБОВАНИЕМ НЕ ДОПУСКАТЬ МЕЛКИЕ ПАРТИИ ТУРОК В ВАЛАХИЮ И УСКОРИТЬ ВЗЯТИЕ ЖУРЖИ

№ 3

Браиловский комендант г. полковник Борзов репортует меня, что ему доносит Астраханского пехотного полку г. подполковник Боненберг, яко 26-го прошедшего декабря поставленною против его посту по той стороне реки Яломицы за понтонным мостом казачьею командою усмотрена небольшая неприятельская партия, которая поспешно удалилась от нашей погони, преследовавшей оную 10 верст.

Сколько сие известие меня удивляет в рассуждении того, что как бы туркам почти в вашей спине возможно разъезжать? Так напротив происшествие сие приводит меня к двоякому заключению: или неприятель, отваживая себя чрез таковы партии, ищет познать наших войск положение, их число и движение для своих предосторожностей, или же предпринимает, судя по бездействию наших войск в Валахии, поиск на которой-либо пост, дабы тревогою в одном месте, обеспокоить и во всех других расположенные наши войски; о последнем я тем больше могу думать по содержанию предпоследнего вашего репорта, в котором вы уведомляли меня, что неприятель от стороны Журжи многократно уже попытки делал своим движением внутрь Валахии. Провождая мои мысли к сведению вашего высокопревосходительства, полагаю я всю добрую надежду на ваши предосторожности повсеместные, что вы учреждением везде своей стражи как сохраните землю, нами обнятую, от прикосновения неприятельского, так и уготовите меры к пагубе неприятеля, ежели бы где он повел свои покушения. В последнем своем репорте от 26 декабря ваше высокопревосходительство возлагаете причину, по которой не могли начать своих действий, на малость числа людей в полках. Сия жалоба, так могу сказать, сделалась общею и для всякого, но каждой, кто видит, с каким числом и я сам нынешнюю войну веду, имеет ли право требовать от меня больше, нежели я определяю? С тем числом людей, кому я что давал, дознал ли хотя один, мне подчиненный, чтоб я его ввергнул где-либо в напасть, но напротив последование всегда оправдало мой верной сразмер против предмета, и что определенными от меня силами можно было больше сделать, нежели что исполнено, естьли бы только следовали моим распоряжениям. К положению Журжевской крепости вы считаете пренужным иметь мортиры. Оружие сие наиболее потребно, чтоб оным разрушить крепкие своды в погребах или магазейны, но в Журже сомневаюсь, чтоб род сих зданий вы нашли. Видевшие тамошний

замок весьма малым его быть сказывают и до 40 только саженей от берега, на каком расстоянии действовать могут хорошо и одни пушки, но когда вы теперь укреплением находите сию крепость соответствующею Браиловской, то сие произошло от того, что мы долгим приготовлением дали время неприятелю вновь поделать строения для своей защиты, коих прежде там не было. Я надеюсь твердо на искусство и на предприимчивость вашего высокопревосходительства, что вы не упустите ни времени, ни случаев, не воспользовавшись ими, которые предстоят по вверенным вам делам к пользе службы и к собственной вашей славе. Г. генерал-майор Кречетников, вы пишите, 20 декабря репортовал вам, что находился за сто верст. Мерою одною расстояния нельзя мне ничего заключить или рассуждать о его движении, а повеления мои многократные до последнего человека в войске, я надеюсь, дошли, чтоб всяк, кто где действует или что приметит, писал бы именно то место по урочищам или по названию, чтоб начальнику можно было воображать полным образом то дело. Подтвердите о сем помянутому генералу и всем начальникам, чтоб в своих репортах означали именно места, где что происходит.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1871, л. 2—3 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 201

1771 г. января 7. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ЗАНЯТИИ ВОЙСКАМИ ГЕНЕРАЛА П. И. ОЛИЦА КРАЙОВА И О ПОПЫТКАХ ТУРОК К АКТИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ В РАЙОНЕ ЖУРЖИ

№ 1 *Главная квартира в г. Яссах*

Из предыдущих всеподданнейших донесений моих ваше императорское величество соизволите знать, что исполняя в одной части предположения мои генерал-аншеф и кавалер Олиц отделил корпус от Букарест под командою генерала-майора Кречетникова за реку Ольту для поиску на город Крайов.

Преодолев трудности, которые собою представляла река Ольта, широтою и течением своим подобная Днестру, при переправе чрез оную нашего корпуса, с которым, во-первых, перешед оную реченный генерал-майор подвинулся к местечку Бранкована, не застал уже тут неприятельского деташамента, в тысяче человек находившегося, который как только наши конные войска туда достигнули 23-го декабря, поспешно отступил к Крайову, потеряв в схватке с ними более сорока человек убитыми и одного пленным, а с нашей стороны в том случае убиты два казака и девять арнаутов, ранены три казака и арнаутов семь.

В сем местечке, где есть замок с каменною стеною и в котором найдено неприятелем довольное число заготовленного фуража и до трехсот овец, генерал-майор Кречетников оставил весь свой обоз с прикрытием и поспешал своим походом далее к городу Крайову, пред которым в 28-й день декабря нашел неприятеля, приготовившегося к сопротивлению, и, рассыпав его произведенною атакою, овладел благополучно городом Крайовым.

Я честь имею к высочайшему усмотрению поднести при сем в подлиннике рапорт генерала-майора Кречетникова к генералу-аншефу Олицу [1], что вкратце только содержит сей успех, произведенный в той стороне оружием вашего императорского величества, отправляя с оным капитана князя Козловского, который, быв в той экспедиции, в состоянии подробности оной словесно дополнить, покудова я, отобрав потребные сведения о тамошней земле, поспею со всеподданнейшим моим донесением.

За долг свой приемлю, всемилостивейшая государыня, препоручить в высочайшую милость вашего императорского величества по сим успехам генерала-майора Кречетникова, как исполнявшего предположение мое о расширении действий оружия вашего к пользе службы.

Предприятия на Журжевскую крепость [2] еще не открыл генерал Олиц, но уверяет меня теперь своим письмом, что он пойдет вскоре атаковать оную, когда с другой стороны генерал-майор Кречетников устремит поиски на Турно. От сих распоряжений осталось мне ожидать благополучных следствий для донесения вашему императорскому величеству.

От Журжи в прошедшем декабре месяце 15-го, 16-го, 17-го и 18-го чисел неприятель показывал свои движения к реке Аргиш, но, встречая везде нашу стражу, ни на что серьезное не отважился, а в 20-й день того ж месяца, на пост, который содержал при монастыре Комине подполковник и кавалер Фабрициан, сделали было турки в числе до двух тысяч под командою Метрежды-паши сильное нападение и чрез два часа с половиною вели огонь с нашими егерями; но, не преодолев наглым своим стремлением твердого от наших войск отпору и паки ретировались к Журже, потеряв на месте до ста человек убитыми да одного пленным. Наших же только убит 1 егерь, 6 тяжело и 9 легко ранено, казаков 3 убито и 3 тяжело ранено.

---

[1] Рапорт не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1925, л. 4).

[2] Еще в конце 1770 г. П. А. Румянцев поручил генерал-аншефу Олицу овладеть Журжей и Крайовой, но Олиц, не имея осадной артиллерии, не решился итти на Журжу, которую турки успели сильно укрепить. Журжевская крепость на левом берегу Дуная, вблизи Бухареста, могла служить противнику плацдармом для вторжения в Валахию. В связи с этим взятие Журжи было очень важно для последующих действий против турок. Генералу Олицу было послано Румянцевым девять предписаний ускорить проведение экспедиции на Журжу, но Олиц продолжительное время находил невозможным ее провести.

Пред сим получил я от генерала, командовавшего второю армиею, графа Панина письма от пленного Бендерского сераскира к верховному визирю и к его домашним, которых препровождением за Дунай старался я воспользоваться, в рассуждении осведомления о тамошних обстоятельствах, и для того послал я оные при своем письме с нарочным к верховному визирю, приказав прежде генералу-майору Вейсману испросить от Тулчинского коменданта, схотят ли они, чтоб мой посланной с письмом ехал сам к визирю, или же они для отсылки одно письмо только примут. На вопрос помянутого генерала Тульчинской комендант посылал в Бабаду доложиться визирю и потом прислан в Измаил один ага, чтоб моего посланного с письмом принять и препроводить в Бабады, куда майор Каспаров, которого я уже раз посылал к визирю, и отъехал с тем провожатым. Сей ага подтверждает прежней слух, что действительно теперь в Бабады приехал новой визирь Селиктар Мегмет паша, зять султанской, также и новой татарской хан близ Бабады свою квартиру имеет. Я, дождавшись с возвращением моего посланного обстоятельнейших известий, поспешу о том донести вашему императорскому величеству.

В протчем при армии вашего императорского величества все благополучно. Зараза, хотя не исчезает вовсе, однакож от сильного поражения в сей стороне везде бог охраняет войски, мне вверенные.

В сей день дошел ко мне рапорт от генерала-майора Вейсмана, что в местечке Тульче против 2-го числа сего месяца, в ночи была великая тревога, которую знаменовал слышанный долговременно огонь пушечный и оружейный. Приехавший в Измаил вышеписанный ага и два наши волоха сказали причину сего смятения, что две порожжие лодки сверху реки под Тульчу к берегу ночью приплыли. Турки оные приняли за вторичной поиск наших войск на их берег и в трепете перестреляли премножество зарядов, покудова не обозрели прямо пустого вида, их встревожившего.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 1—3. Подлинник.

№ 202

1771 г. января 23. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ О.-А. ВЕЙСМАНУ О РАЗВЕДКЕ СУДОХОДНОСТИ ДУНАЯ

№ 7

Предстоящие действия требуют, чтоб нам знать точно по реке Дунаю, где бывает обыкновенной проезд водоходным судам и которые именно места на нашем и том берегу способные

для пристани им. Ваше превосходительство, прикажите чрез способных в том людей отыскать о сем обстоятельстве полное сведение от жителей тамошних или чрез испытание собственно, и меня в свое время уведомить.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 7 об.—8. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 203

1771 г. января 28. — «МНЕНИЕ О РАСПОЛОЖЕНИИ ДЕЙСТВИЙ 1-й АРМИИ В КАМПАНИИ 1771 г.» [1]

Трудно предузнавать и верные вывесть заключения о будущих действиях такого неприятеля, коего доселе все бывшие являли одну предприимчивость без расположения примечательного. Судя, однакож, по образу военных правил о намерениях своего противника, и естли теперь турки не понесут перемены в своих предприятиях по случаям, могущим произойти от внешних или внутренних дел, то по локальному положению в трояком виде воображению моему приходят их будущие действия, то-есть: или они восхотят покуситься посредством Черного моря, высадив на наш берег свою пехоту и переправясь с конницею чрез Дунай, на левой стороне Прута отбирать крепости, у них завоеванные: Аккерман, Килию и Бендеры, чтоб тем и диверсию сделать предприятиям второй нашей армии, или силы свои обратить к стороне Валахии, где река Дунай уже и переход чрез оную на обоих берегах удобнее, чтобы сей край, как довольно еще обитаемой и имеющей в себе выгоды пред другими здешними местами, впадением опустошить и затруднить наши действия, не меньше и пресекать сообщение с народами, нам единоверными, о которых готов[н]ости и усердии к свержению с себя магометанского ига не могут турки не думать, или же напротив того положат на том едином свое намерение, чтобы только оборонительную весть войну, защищая сопротивной берег Дуная.

Вопреки сим намерениям вообще, дабы показать существительные виды повсеместного на своем береге сопротивления,

---

[1] Заголовок подлинника. К началу кампании 1771 г. Румянцев имел армию численностью до 45 тысяч человек. Против него действовала более многочисленная армия противника. Русская эскадра Алексея Орлова, действовавшая в Архипелаге, хотя и одержала большую победу при Чесме, не имела возможности оказать непосредственной помощи Румянцеву; турки же еще располагали значительной флотилией на Дунае. Учитывая такую обстановку и возможность сосредоточения крупных сил турок в любом пункте линии фронта, Румянцев принял срочные меры к созданию речной флотилии, а свои войска расположил на левом берегу Дуная в трех сосредоточенных группах. В данном документе, представленном Екатерине II, Румянцев и излагал свой план кампании на 1771 г.

доколе в состоянии будем твердым образом перенести оружие за Дунай, предполагается:

1-е. Корпусу, правое крыло армии составляющему, быть в Валахии на Дунае и Ольте или и за Ольтою по предусмотрению возможности.

2-е. Среднему, или кор-де-арме при Максимианах, где чрез Серет надежной мост иметь можно по слитии вод с пристойным обережением; а другой, преодолевая все трудности, сделать чрез Прут при Водянах или и ниже оных, чтобы на всякой случай обе сии стороны быть могли в обозрении, не меньше и корпусы за Серетом и Прутом завременно подкрепляться.

Относительно к сему пункту, для приготовления всего потребного, уже посланы офицеры, коим приказано изготовить довольное число фашин, чтоб помощию сего грузу утвердить путь на берегах речных широких и болотистых.

3-е. Корпус, левое крыло армии составляющий, возьмет свою позицию в вершине Елпуха, объемля своим бдением весь берег Дунайской между Прута и Черного моря.

4-е. Все те места, где большими судами приставать можно, укреплением в оных отделенными от корпусов надежными постами из пехоты с артиллериею достаточною обережены; и в резерве часть кавалерии, так как для патрулей по берегам легкие войска иметь будут; ради же скорейшего ознаменения о неприятельском сближении и в каком числе судов, построятся маяки.

5-е. Магазейны, превосходя все трудности подвозом из Польши, учредятся для действующего корпуса в Валахии и на случай переходу армии чрез Серет — в Фокшанах; а на таков же и для действующего корпуса в Бессарабии в Фальче, для крепостей: главной в Бендерах, откуду Аккерман, Килия и Измаил снабдеваться будут.

6-е. Обережение заводимых магазейнов в том краю, так как и крепости Бендерской от стороны Очаковской, полагая, что вторая армия там действия свои иметь будет, предоставляется оной.

7-е. Для удержания возмутителей польских, в содействие с корпусом генерала-порутчика Веймарна и на обеспечение магазейнов, в Польше заводимых, расположатся деташаменты по местам, где больше предусмотрится надобность, а до времени в удобных, где прошлого года они коль в малом числе не были, находили себя в состоянии и оберегать магазейны и уничтожать замыслы возмутителей польских с авантажами.

Разделение армии на части, так, как выше изъясняю, располагаю я по настоящим токмо видам, знав, что визирь имеет свою квартиру в Бабадах и там же помещаются теперь и его войски. Число же полков для предположенных действий определить дело будет той поры, когда точно и в которую сторону

откроются склонения неприятельские, ибо, смотря по сопротивному усилию и на нашей стороне, одна часть другую подкреплять будет в том или другом краю.

К удержанию неприятеля от переправы на сей берег взяты будут удобовероятные способы, оказывающие виды намерения нашего также перенести оружие на его берег, дабы сим обстоятельством не только преклонить его важнейшее внимание, но и разделить силы для стражи против многих мест.

Напоследок, как польза требует, дабы во всех частях военные действия сопрягались по общей связи между собою согласием и помогающим одни другим взаимством, то в сем только пункте коснулся я моим мнением ко второй армии. Ей должно заблаговременно принять свое движение за реку Днестр, во избежание тех трудностей, которые причинили прошлого года медление великое походу оной, при разлитии сей реки. Также по видам своих операций надобно и сей армии положения действующего до той поры не оставлять, пока не достигнет оружие в полном совершенстве своих успехов, из случаев полезных, могущих открыться [1].

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925. л. 28—30. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 193—196.

№ 204

1771 г. февраля 4. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Г. А. ПОТЕМКИНУ ПРИНЯТЬ ОТ ГЕНЕРАЛА М. Н. КРЕЧЕТНИКОВА КОРПУС ЗА ОЛЬТОЙ, О ПРИВЛЕЧЕНИИ НА СВОЮ СТОРОНУ В ВАЛАХИИ И В БОЛГАРИИ РУМЫН, БОЛГАР И СЕРБОВ

№ 17

По испытанию многократному уверен я, сколь ваше превосходительство усердны будучи службе, охотно приемлете случай, где можно вам употребиться на пользу оные. В сем уповании преклоняю мой выбор к вам, когда теперь нужда есть корпус, переведенный за реку Ольту, вверить предводительству искусного генерала, ибо там командовавшей генерал-майор Кречетников подвержен болезненным припадкам и просит потому уволь-

---

[1] По плану кампании 1771 года, разработанному в Петербурге, главный удар наносился по Крыму, для чего предназначалась 2-я армия под командованием генерал-аншефа В. М Долгорукова.

1-я армия Румянцева должна была удерживать Бессарабию, Молдавию и Валахию, не допускать перехода крупных сил турок через Дунай, активными действиями оттягивать на себя силы противника и тем содействовать овладению Крымом.

Планом предусматривались также военные действия на Кавказе.

нения себе к излечению. Я вашему превосходительству тот корпус препоручаю в команду, рекомендуя, чтоб вы поспешно к принятию того начальства ехали в город Крайов, и хотя вы зависимы быть должны от повелений предуставленного от меня главным командиром в Валахии г. генерал-аншефа и кавалера Олица, но я восхотел и беспосредственно дать вам тут мои предписания о исполнении следующего: 1-е. Нет сомнения, чтобы жителей земли Крайовской от закона влиянное усердие не побуждало обще с нами ратоборствовать против турка, яко врага имени христова, не меньше известно и то, что сей народ естественно храбр и при державе цесарской был отличных способностей для военного дела[1], не угасла в нем еще ни природная вера. Итак, ваше превосходительство, употребите все способы привлекти оной к военному ремеслу поведением с ними ласковым, обещанием воздаяния по заслуге каждому и всем тем, что может преклонить их мысль к желаемому; ищите наклонять тот народ, подражать их склонности к службе военной. 2-е. Естьли таковым образом соберете вы в довольном числе тамошнее войско, то разделить его на корпусы, предуставить начальников и употреблять, как вы заблагорассудите, предаю в ваше рассмотрение, а жалованье им можете постановить хотя и такое, как получают наши гусаре. 3-е. Попечение ваше о воспалении сердец народных к единодушию с нами, да будет не только о стране Крайовской, но простирите средствами, которые на месте лучше изобретены быть могут, подобные внушения и за реку Дунай к болгарам, сербам и прочим племенам веры православной. Им также вперяйте надежду на покровительство и милосердие ее императорского величества, что во избавление вскоре достигнет и туда ее победоносное оружие, поощряйте их, дабы в чаянии того приготовлялись они и сами к свержению с себя ига нечестивых магометан удобовозможным против них ополчением и, будучи бы усердны к своему благу, соединялись с нами к общему делу против враждующего християнам турка. Отсюду поедет в Букарешты архимандрит Дрекалович, которому дал я комиссию пронести за Дунай равные сим обвещения, как он знакомство имеет с тамошними многими князьями правоверными, а притом и по сану своему духовному доверенность у них и у духовных чинов. Его, ваше превосходительство, можете взять к себе и в Крайов, ежели бы то к лучшему успеху послужило. 4-е. Вашему превосходительству надобно найти верных эмиссаров, которые бы, переезжая за Дунай, наиточнее наведовались о состоянии неприятеля, а наипаче где он закладывает свои съестные и военные магазейны? Как велики оные и с каким успехом или трудностью наполнение оным доставляется? В которую сторону

---

[1] Западная часть Валахии (или Крайовский банат) отошла от Австрии к Турции по Белградскому миру в результате неудачной для Австрии войны с Турцией 1737—1739 гг.

знаменитее турки обращают и войски и все свои приготовления? Как велика их армия и что располагают для будущих действий против нас? 5-е. Все, что к вашему сведению дойдет, или бы вы нашли потребным иногда по обстоятельствам о чем ни есть подать мне уведомление и истребовать резолюцию, я вам позволяю прямо ко мне присылать репорт, но сим, однакож, неизъемлю я вас от должности г. генерала-аншефа и кавалера Олица, как в том краю полному командиру, обо всем же доносить. Впрочем относительно до правил генеральных в исполнении вашей должности на толь важном посте я не имею нужды с вами объясняться, когда я выше сказал, что вас туда определяю, быв уверен в вашем искусстве и благоразумии, коими вы во всех случаях показали, с какою отличностью носите вы на себе звание генерала.

По прибытии вашем на предозначенный вам пост, я буду ожидать от вашего превосходительства уведомления себе, коим образом по локальному положению той страны обозрите, удобно ль к защите оной для переду, равномерно и к расширению своих действий, дабы турков совсем согнать с здешнего Дунайского берегу, что и свершилось бы, естьли взять город Орсову, который один только они на сем береге имеют, ибо Турно и Журжу, по уверению генерал-аншефа Олица, я считаю вскоре быть завоеванными.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 10—12 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 205

1771 г. февраля 17. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ОЛИЦУ С ТРЕБОВАНИЕМ ДОНЕСЕНИЯ О ПРИЧИНЕ ЗАДЕРЖКИ ВЗЯТИЯ ЖУРЖИ

№ 25

С курьером вашим от 14 февраля я получил ваши репорты, но в них одни только нахожу уведомления генерала-майора Кречетникова, что делается за Ольтою, а о своих действиях, что толь близко вам предлежат, ваше высокопревосходительство ни слова не упоминаете, власно, как бы вы имели берег Дунайской, против себя лежащий, в завоевании, но крепость Журжа — пост, так нужной для нас, еще доселе в руках неприятельских, а не имев оного, тамошние наши успехи утвердиться не могут. Вы же мне ничего не объявляете, как в рассуждении держащегося тут неприятеля, так и о своем предприятии на истребление его, и потому я принужден и еще вам повторить последний ордер, дабы ваше высокопревосходительство всенепременно репортовали меня о всех своих действиях, почему они так долго терпят остановку и о положении, в каком на всякое время находится близко вас владеющий спокойно крепостью неприятель,

что мне нужно ведать в рассуждении общей связи дел. Г. генерал-майору Глебову я дозволяю приехать в Яссы.

P. S. Настоящее время, когда так и против чаяния озабочивают неприятеля войски наши, в Банате действующие, наиудобнейшее к предприятию на Журжу, а чем мы долее медлить будем, тем больше неприятель, обозрясь, полагать станет вам трудностей, а иногда и свои поиски окажет.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 16—16 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 206

1771 г. марта 3. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ОЛИЦУ С ПОЗДРАВЛЕНИЕМ ПО ПОВОДУ ВЗЯТИЯ КРЕПОСТИ ЖУРЖИ И МЕРАХ ПО ЗАКРЕПЛЕНИЮ ДУНАЙСКОГО БЕРЕГА

№ 32

Вчера ввечеру первой и пополнительной репорт вашего высокопревосходительства о предприятии поиску на Журжу, о одержанной совершенным образом победе над неприятелем пред стенами оной и о взятии, наконец, самой той крепости я получил чрез г. генерал-майора и кавалера князя Трубецкого и сей день торжествую о том в здешнем городе, принося богу молитвы с пушечною пальбою. Польза и слава службы, сею знаменитою победою распространенные, а с ними вместе и удовольство мое партикулярное, обязуют меня принести вашему высокопревосходительству об оной всеусердное с тем поздравление и таковую ж воздать благодарность, вначале вам как предводителю к сему новому завоеванию, а потом г. генералам, штаб- и оберофицерам и всему войску, подъявшему в сем деле подвиги отменной славы и ревности. Я хочу, чтоб всем им было известно, что я, препроводя вашу реляцию к ее императорскому величеству и ключи от завоеванной крепости чрез присланного с тем от вас г. генерала-майора князя Трубецкого, не упустил по долгу моего звания ходатайствовать о высочайшем призрении ко всем тем храбрым и усердным воинам, которых вы нарекли отличные подвиги, а что лежит до воздаяния, от моей власти зависящего, то я не умедлю обратить вашу рекомендацию в пользу каждого из наименованных чинов, соответствующих тому своею степенью. Я желаю и надеюсь, что всемилостивейшая государыня удостоит высочайшего своего благоволения сей ваш подвиг, возвышающий пользу службы по всей его знаменитости, сколько теперь приятною есть для меня ведомость о совершенном изгнании неприятеля из Журжи, столько, признаться я должен, было мне до сего удивительно, что ваше высокопревосходительство ни о походе своем под оную ниже о первых

действиях не давали мне знать, ибо с тем связывались мои расположения в других частях, так как в случае нашей неудачи повинен бы я был употребить корпус г. генерала-майора и кавалера Вейсмана для отвлечения неприятеля с вашей стороны и для того всякое действие должно ко мне приходить завременно, дабы способы к своей пользе повсеместно удобно мне предопределять. Г. инженер-порутчику Фере прикажите снять план крепости Журжевской и положить на оном прожект укрепления, которое, кажется мне, можно прибавить на обе стороны обливающих оную, рукавов Дунайских. Я припомяну еще тут вашему высокопревосходительству, вследствие моих предыдущих предложений о утверждении войск на береге Дунайском, чтоб к оному придвинули вы их и из посту Фокшанского. Неприятель, который от устья Яломицы прорывается и стан имел за 25 верст от Слободзеи, мне кажется, может заманен быть в пасть, естьли стража против оного искусно уготована будет.

По карте видятся Ликарешты местом таковым, где Дунайские заливы не оставляют больше одного проходу неприятелю, тут бы то удобно занять пост на отражение его покушений.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 19—20 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 207

1771 г. марта 8. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ОЛИЦУ О ВЫДЕЛЕНИИ СИЛ ДЛЯ СОДЕЙСТВИЯ КОРПУСУ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА Г. А. ПОТЕМКИНА

№ 36

По оконченной с желаемым успехом экспедиции на Журжу и видев в репортах г. генерала-майора и кавалера Потемкина, что неприятель не только умножил знатно число своей обороны в Турнове, но и подвигает свои силы вверх по Дунаю, чиня уже попытки на наш берег, надобно вашему высокопревосходительству весьма уважить положение нынешнее корпуса, действующего за Ольтою, ради сих причин. Первое, что оному на себе единственно должно нести стражу в защиту Крайовской земли и истребить по краям оной остатки неприятеля, что еще держится. Второе, быв в близком соседстве лучших неприятельских крепостей, надобно ему готовым всегда быть к отражению стремления неприятельского, которого склонение уже является и не только отпор на своей стороне дать, но и аттенцию вперить в неприятеля видами своего движения о перенесении оружия нашего на сопротивной берег Дуная. К таким обоюдным видам и изворотам, чтоб сохранить землю и не дать покоя и за Дунаем неприятелю, считаю я потребным, дабы ваше высокопревосходительство из своего корпуса сделали ныне подкрепление

команде г. Потемкина, чего он в рассуждении вышеписанных обстоятельств, относящихся к его должности, себе просит. Подкрепление сие определите из одного баталиона гранодер и одного ж егерей, да полк еще один пехотный, который вы заблагорассудите. От отделения такова не оскудеет ваш корпус, ибо сверх того, что вы можете из внутренних своих постов, которые я вам писал, подвинуть на Дунай, заменить сию убыль, еще вы тем беспечнее останетесь, когда ту часть своей команды, которая ближайшею приходит по положению к лицу неприятеля, приведите в состояние, надежное сопротивляться оному и отвлекти вопреки показанием наступления, ежели бы оной и на ваш край восхотел покуситься.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 21 об. — 22. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 208

1771 г. марта 15.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОСТРОЙКЕ РЕЧНОЙ ФЛОТИЛИИ И НЕВОЗМОЖНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЕМ

№ 17 *Яссы*

Ни единого способа из глаз не выпуская, каковыми только споспешествоваться может польза тех видов, что от вашего императорского величества открыты мне о будущей 1772-го года кампании, стараюсь я, во-первых, сколько от меня зависит, всевозможные находить средства к построению в сих местах судов. Споспешество, что я к тому могу от себя приложить, есть не больше как одно речение мое, а впротчем, что касается до созидания судов, их родов и употребления, я, не быв в сей науке отнюдь ни тактиком, ниже зная первые правила теории, не осмелюсь распоряжать тем, хотя того от меня требуется, а слагаю то на лучшее знание морской службы присланного ко мне капитана Нагаткина. Морского департамента есть делом определить количество, образ и производство строения здесь флотилии и уравновесить качество оного против действий предполагаемых. А долг мой есть донести вашему императорскому величеству, что естьли оную приготовлять для искания поверхности на воде над силами неприятельскими, то надобно уважить известное здесь состояние оных. Река Дунай по производившемуся чрез оную торгу с Царьградом и другими местами носила на себе ежегодно более тысячи судов купеческих. Мы видели сами на оной и те и военные суда, а все оные остаются безвредно в руках турков. Несколько, что нам достались, служат в доказательство, что и купеческие их суда имеют артиллерию и спо-

собность быть обращены к военному вооружению. Соразмерной сему пропорции создать нам тут ополчение в один год, дабы и войско в сороке тысячах посадить и пропитание такожде на воде обеспечить дело будет превосходящее возможность, умалчивая о всех припасах для строения судов, которых здесь отнюдь достать нельзя и коим по весу и ценам своим в велико станут, когда необходимо из наших границ доставлять оные сюда должно. Но естьли, однакож, и неудобность одолевать надобно, то заблаговременно нужно, чтоб сюда прислать потребное число всех чинов, знающих морскую службу и строительство флота, не меньше и определить снабжение всеми к тому потребами, ибо из здешних жителей совершенно знающие сему делу не находятся. Бедствия военные, а заразительная болезнь и того более, здешний край подвергнули во многих местах опустошению в людях.

Когда генерал-фельдцейхмейстер и кавалер граф Орлов предполагал в своих мнениях об отделении корпуса на будущую 1772-го года кампанию за Дунай в сороке тысячах, чтоб, дошед до Варны, оттуду ему водным путем итти на атаку Царьграда, тогда еще армия вашего императорского величества, мне вверенная, не приобрела всех пространных завоеваний, что теперь имеет на береге Дунайском, да и за первое правило поставлял он, предопределяя сию экспедицию, дабы прежде армию к таковым операциям готовящуюся, сколько можно усиливать как числом, так и способностию. Но прибавок ныне войск, назначенный в сию армию, состоит весь из шести пехотных полков, коего числа не достанет и для гарнизонов, коими должно мне снабдить завоеванные крепости в такую пропорцию, чтоб они собою могли по крайней мере воспротивиться на первой случай неприятельским покушениям. Я не возьму смелости делать тут объяснения о войне наступательной и оборонительной. Ваше императорское величество пресовершенно знать соизволите свойства различные одной пред другой. Полководец, ведущий свои действия по правилам первой, в предмете имеет один главный пункт и к оному течет со всем устремлением, поелику одолением оного опровергает все другие, от того зависящие. Но в оборонительной войне нельзя взять предмет такого равновесия, ибо тут на все части потребны и силы и внимание по подверженою оных попыткам неприятельским. Сие есть мое настоящее положение, и когда я соразмеряю число моих сил с великим пространством объятой земли, которую защитить должно во облагонадеживание повсеместно жителей, уповающих на щит оружия вашего императорского величества; когда полагаю потребную стражу и ополчение для завоеванных крепостей, кои ежели тем не обеспечить, то разве разорить, инако же бы достались они в пользу неприятелю; когда убыль, по естественным припадкам ежегодно бываемая в армии в людях, хотя бы бог сохранил от прикосновения заразы, приносит довольное оскудение,— то и

не осмелюсь мнить за возможное, чтоб после наступающей кампании быть в состоянии здешней армии отделить в сороке или тридцати тысячах корпус за Дунай на овладение Цареградом. Такое число отделивши, что может остаться на здешней стороне во удержание сильнейшей защиты и сообщение с оным? Для такого действия я могу сказать: от шести полков прибывших армия не получит усилия, но надобно разве удвоить ее против нынешнего числа.

Заботит меня положение крепости Очаковской, естьли против оной для стражи не будет оставлен деташамент при обращении второй армии к Крыму. Гарнизон в сей крепости, конечно, усилят турки и для диверсии той армии, равно и мне, могут производить покушения по крайней мере в обеспокоение нам при наших упражнениях впереди.

Всеподданнейше прошу, всемилостивейшая государыня, сим моим слабым мнениям определить точность и преподать высочайшее руководство.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 70—72 об. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 198—200.

№ 209

1771 г. марта 15.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА П. И. ОЛИЦУ О ЗАНЯТИИ ТУРНУ И ПОДДЕРЖАНИИ ПОСТОЯННОЙ СВЯЗИ С КОРПУСОМ Г. А. ПОТЕМКИНА

№ 15

В рапорте вашего высокопревосходительства от 10-го марта нахожу я те следствия, которые я себе воображал за неминуемые по движению корпуса господина генерал-майора и кавалера Потемкина из Крайова, что туркам удобно будет и больше нежели они еще учинили в Чернеце, предприять на нашем береге, когда наши войска из того краю обратятся к Турнову. Ибо нельзя неприятелю не назреть склонение наших сил, в лице его стоящих, следовательно, и не воспользоваться ослаблением чрез то места. По необходимости то, конечно, лучше, что вы поворотили господина Потемкина на его прежний пост. Но при всем том я полагаюсь на ваше искусство и благорассуждение, что вы не остановите вовсе своих действий на Турново, а возьмете сильные меры овладеть сим местом, которое инако послужит неприятелю к держанию его ноги на нашем береге ко всегдашнему обеспокоению нашей стражи, и будете щитом, прикрывающим многие во вред нам предприятия. О корпусе генерал-майора Потемкина я должен вам приметить: он повинен в Край-

овской земле учреждать свои действия, дабы большие виды сил и намерений своих являть неприятелю, нежели есть в самом деле. Предводителю оного на такой ноге должно себя держать, чтобы в превосходном устремлении неприятеля, где сил не будет удержать, оттуду уклониться в места безопасные, каковыми суть тамошние горы, дабы, усмотрев потом удобность, воспользоваться лучшим авантажем над неприятелем с слабой его стороны. Словом, сей пост и пребывающие на нем войски ту пользу для нас должны сохранить, чтоб неприятель всегда ими был озабочен и, внимая угрожанию впадением нашим оттуда на его берег, имел бы тем диверсию от других мест, а сие предсоблюдая, делом будет командующего тамо генерала соответствующий тому учреждать оборот для своего корпуса. Ваше превосходительство, сообщите сие правило господину генерал-майору и кавалеру Потемкину, дабы он свои действия по оному располагал, и дайте ему свои наставления относительно удержанию беспечно сообщения того корпуса с вами при устремлении на него иногда в великих силах неприятеля. Наведывайтесь непрестанно, дабы вам знать, не станет ли неприятель собирать все свои главные силы к тому краю. И буде приметите таковые действия или знаменование оных, завременно ускорите меня уведомить.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1977, л. 26—27. Копия.

№ 210

1771 г. марта 21.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Г. А. ПОТЕМКИНУ О ДЕЙСТВИЯХ ВВЕРЕННОГО ЕМУ КОРПУСА В СЛУЧАЕ ПЕРЕХОДА ТУРОК ЧЕРЕЗ ДУНАЙ

№ 59

Я уповаю, что по моему ордеру, данному от 15 марта г. генерал-аншефу и кавалеру Олицу[1] ваше превосходительство снабжены от него предписанием каким образом учреждать вам своего корпуса действия, буде неприятель пребудет на сопротивном береге, или когда возьмет он переходить на нашу сторону в превосходных силах; и ежели не получили, то также ведаете о идущих к вам в подкрепление из Букарешт пехотном полку с баталионом гранодер и егерей, об отправлении коих уже меня репортовал помянутый генерал-аншеф. Но получа сей день ваш репорт от 15 марта, в котором вы описываете собрание и движение уже на себя великих сил неприятельских, повторю я вам и беспосредственно, сходствуя первым предписанья. Притяжение неприятельских войск к вашей стороне без сомнения приводит осторожность против нашего намерения, им вну-

---

[1] См. документ № 209.

шенного, что мы хотим перейти Дунай, а переход нигде так не удобен, как в том краю, где Дунай уже. Натурально посему турки и должны обратить к той стороне большое свое внимание. Но чтоб все их силы против вас подвинулись в сию уже пору, того еще по крайней мере тут неприметно, ибо вниз на сопротивном берегу Дуная везде видимы непременно пребывающие попрежнему их войски. Приемля, однакож, все то задостоверно, что вы мне представляете, пополняю следующим мое постановление, о коем без сомнения вы предварены. Корпус ваш я не полагаю к твердому навсегда пребыванию в Крайовской земле, покудова сил и способов вам будет защищать ту землю от неприятеля, не отваживая своих войск явной опасности, до тех пор вы ту защиту для нея сохраните, но ежели неприятель, несмотря на ваше возможное сопротивление, перейдет в превосходных пред вашими силах чрез Дунай, тогда вы по лучшему своему благоизобретению воспользуйтесь локальною позициею тамошних мест, которая подала бы удобность постоять вам противу числа великого и получить над оным, выбрав время, свои авантажи, что будет делом вашего военного благоразумия и предприимчивости, ибо впустить можно неприятеля иногда для того, чтоб выгнать его потом с большим вредом ему; и когда бы неприятель великое число своего войска до того устремил на ваш берег и в Крайовскую землю, что вам не оставалось бы способу по превосходным его силам нигде надежно с своим корпусом взять пост, в таком единственно случае, не подвергая вверенных себе войск опасности и сохраняя с целостью их сопряженную славу оружия ее императорского величества, имеете вы, не вдаваясь в дело с неприятелем, где большая видится для вас опасность, перейти обратно реку Ольту в соединение с корпусом господина генерала Олица для удержания тем надежнее постов в завоеванных местах между Дуная и сею рекою. Естьли бы доведены были вы до такого обратного движения, тогда должно вам упредить неприятельскую корысть вывозом оттуду всего, что к пропитанию служит и самих жителей сколько можно забрать в Валахию. Сие мое повеление относится к таким последованиям ежели бы турки свои наибольшие силы вывели против вас и вам бы от их превосходных действий инако уклониться возможности не было как выступлением из того краю, но без того я полагаюсь на дознанную вашу ревность к службе и испытанное искусство, что вы не оставите всех способов употребить, дабы свой пост доколе можно удержать со славою, принося тем пользу службе и возвышение собственным вашим достоинствам в военном ремесле. Попечение ваше о собрании арнаутов и их снабдении я аппробую. Ружей и шпаг несколько сот для их пехоты я велю к вам отправить из Сачавы, а за карабинами пишу в Тулу. Что я сказал выше о вывозе запасов и о переводе крайовских с собою жителей, примите сие в таком разумении, что их к тому не насилием принуждать, но старайтесь

преклонить их добрую волю внушениями, что естьли мы оттуду вывозим с собою что-либо, то сие чиним для их же добра, дабы отнять у неприятеля способы утвердиться в той земле, и таковым же убеждением приводите их, чтоб они на такое время с своими пожитками и сами оттуду удалились, инако же грабления, ни разорений ни пожогов, словом и никаких озлоблений тамошнему народу при выступлении отнюдь не чинить и в том соблюдите всю строгость военной дисциплины.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 28—29 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 211

1771 г. марта 30.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ УСПЕШНЫХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ГЕНЕРАЛА О.-А. ВЕЙСМАНА ПРОТИВ ТУРОК ЗА ДУНАЕМ

№ 19 *Яссы*

Имев подтвердительные уведомления из баната Крайовского от генерала-майора и кавалера Потемкина, что неприятель, внемля действиям наших тамо войск, подвинул большие свои силы против его корпуса и угрожает собранными войски от Видина, Орсова и Кладова впадением в тот край, велел я генералу-майору и кавалеру Вейсману в другом конце, в отвличение от такого предприятия, внести вопреки свое действие на сопротивной берег Дуная[1]. Потому сей генерал, составя деташамент от своего корпуса из 720 гранодер да 30 канонеров, 23-го марта от Измаила переехал с оным на собранных судах чрез реку Дунай и, высадя свою пехоту на неприятельской берег, какую одержал над неприятелем победу вне и внутрь города Тульчи, сколько отбил у него пушек, знамен, взял плену и положил на месте убитыми, о том имею честь представить копию его ко мне рапорта[2] ко усмотрению из оного всех подробностей толь храброго дела, и повергнуть с сим к освященным стопам вашего императорского величества того самого офицера, который ко мне с сим рапортом от помянутого генерала-майора прислан, яко участвовавший с похвалою в том предприятии.

---

[1] Румянцев считал, что для пресечения поисков противника на северный берег Дуная необходима организация набегов русских войск за Дунай. Первый значительный поиск был поручен генерал-майору Вейсману против Тульчи Удачно проведенный поиск не сорвал, однако, намерений турок произвести нападение на северную сторону Дуная в трех пунктах: от Тульчи на Измаил, от Силистрии в восточную Валахию и от Видина в Крайовский банат.

[2] Рапорт от 26 марта не публикуется.

Прочие известия, что в продолжении сих дней от передовых корпусов я имею, состоят в следующем: неприятель в малом числе дважды от Исакчи на судах подъезжал на наш берег, но раз только 12-го числа воспользовался захвачением 2-х наших казаков из разъезду, о коих в присоединяемом рапорте вспоминает генерал-майор Вейсман. Из Аккермана доносят, что видели несколько судов в море, поплывших к Очакову, а ушедшие из сего города три молдавана показывают, что в оном щисляется гарнизону до 3000 и провиант получают из Крыму. Выходцы из-за Дуная в Измаил объявляют, что визирь еще стоит в Бабадах, а татарской хан в близлежащей к тому городу деревне, что подвинувшимся войском к Видину командует Мусун-оглу паша, который был визирем пред начатием нынешней войны. Из уведомителей одни говорят, что в Цареграде до двадцати судов военных вооружают, и якобы по отступлении нашего флота от Дарданеллов турецкие суда имеют ныне свободу со всеми припасами приходить в Константинополь [1]; другие доносят будто турки получили известие, что наш флот неподалеку от Дарданелл паки поразил таков же неприятельской новой, от чего они в унынии находятся.

Между сим генерал-майор Потемкин извещает, что он с своей стороны, во удержание стремления неприятельского на свой берег, пустил разглашения в Орсов и Цымбру, уведомляя тамо живущих христиан, дабы они оберегали свои имения, для того, что он, будто, сии города намерен выжечь и ради лучшего утверждения своей выдумки приказал Крайовскому правительству на Ольте строить суда и заготовлять потребные для зажигания вещи. К сему он столько обратил внимание неприятеля, что командующий войском турецким запретил всякому под жесточайшим наказанием переходить на наш берег и чинить грабительства; но экспедиция генерала-майора Вейсмана уповать можно, что заставит неприятеля поделить свои силы оттуда и в сей край.

Нашлось, по лучшему осведомлению генерала-майора Потемкина, что при нападении от неприятеля в местечке Чернеце на наш пост, о чем я доносил во всеподданнейшей моей под № 16, командовавший оным прапорщик Харьковского гусарского полку Требинской не ранен, но захвачен турками в полон, а ошибка сия произошла в первом рапорте от того, что на том посте были прапорщика два, так и не могли вскоре различить который из них пропал.

В заключении осмеливаюсь, всемилостивейшая государыня, просить всеподданнейше вашего императорского величества удостоить знаком, каковым благоугодно высочайшей вашей милости,

---

[1] Русская средиземноморская эскадра, блокировавшая Дарданеллы, в начале 1771 г. была вынуждена в поисках базы отойти к островам Архипелага и тем ослабить блокаду Дарданелл.

генерала-майора и кавалера Вейсмана, так как он между генералами отличает себя искусством и усердием в службе, показав тому отменные опыты в произведенной собою экспедиции на сопротивный берег Дуная.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 74—75 об. Подлинник.

№ 212

1771 г. мая 2. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ Н. В. РЕПНИНУ О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО КОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ, РАСПОЛОЖЕННЫМИ В ВАЛАХИИ, И ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЕМУ ИНИЦИАТИВЫ В ВЕДЕНИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

№ 118

Важность поста командующего в Валахии, старшинство ваше и отличающее вас искусство в деле военном, коего доводы толь кратно армия видела к пользе и славе своей, составляют преимущественно ваше право на предводительство оного. Я вас главным командиром в княжении сем определя, препоручаю в команду все войски, тамо пребывающие, и за реку Ольту в банат Крайовской под начальством г. генерал-майора и кавалера Потемкина отделенные; в расписании, присоединенном к сему, означается, кто из генералов определяется в ваш корпус и какие полки его составляют, а на бригады оной разделить так, как и в земле начальство, поручить особе добродетельной и рачительной, чтобы в отсутствие ваше от Букарешт мероположении, вами подаваемые в своей силе исполняемы были, предоставляю вашему рассмотрению. Вы примете на месте к предместнику вашему покойному генералу Олицу и по нем временно командующему г. генерал-майору и кавалеру Гудовичу вступившие и до сего корпуса принадлежащие письменные дела, между теми и повеления мои, на которые я, ссылаясь, прилагаю при сем в копиях мои ордеры только последние, содержащие в себе постановления г. генерал-майору Потемкину и генерал-майору Гудовичу о связи их взаимной относительно к земле Крайовской, ежели бы большие силы неприятельские от стороны Видина или Орсовы тамо открылись и к беспечному охранению реки Дуная и Ольты, от вашего расположения зависит единственно сей корпус. Вы его не только уменьшить, сблизить, на Ольте поставить, но по обстоятельствам и к себе можете соединить. Успех, каковой будет иметь предприятие сего корпуса на Турно, откроет вам, где большая надобность в нем, там или у вас; не без пользы бы было, однакож, иметь в том краю легкий корпус.

который бы озабочивал неприятеля в случаях его обороту в силах в отдаленную от того сторону, а чтобы он от сильного защищаться умел в горах, вверх Ольты лежащих. Не впервое я имею удовольствие ваше сиятельство избирать в предводителя отделенному корпусу и не новое для вас дело отправлять такое на себе звание, следственно удостоверяясь лучшею надеждою о вашей прозорливости и искусстве, не имею я совсем нужды связывать вам руки подробными наставлениями, а полагаюсь, что вы, яко бдящий в своем месте генерал, соблюдете осторожность, дабы никакой деташамент, в поиске ли прямом на неприятеля или в сохранении своего поста и защиты, не был лишен всякой помощи и подвергаем опасности, и слава оружия чрез то не потерпела бы предосуждения; но чтобы один другому в потребном случае мог быть пособием и обеспечением, и что не озаботитесь одним токмо сим попечением о страже и заграждении входа неприятелю на берег, нами завоеванной, но воспользуетесь и таковыми случаями, которые откроют удобность вам причинить ему вред неожидаемым где-либо сюрпризом. Партии его поныне, подъезжая на наш берег между Журжи и Браилова, делали нашим нередко шиканы. Хотя важного ничего по делу не произошло, но все такие действия я разумею быть следствием раздробления наших команд. При новом расположении оных и при ваших распоряжениях я ожидаю лучшего и что каждая стража недреманное око возведет на свой предмет и на всю окрестность оного. Г. генерал-квартермистр Боур отправлен был от меня с предписанием, чтобы все места, входящие в связь будущих действий за Прутом и Серетом, по Дунаю осмотреть и как для постов обвещательных, так и на препятствие переходу неприятельскому для корпусов назначиваемых и забрать и показать удобные места, и что до вверенного вашему сиятельству касается, то он находит, что между Юрьева и Аргиса реки положение мест не позволяет неприятелю твердою ногою стать на сей стороне, тем меньше внутрь земли отдалиться от берегу, в опасности будучи потерять все свои суды. Для чего тут иметь только казачьи обвещательные посты и патрули, а напротиву того между Аргиса и Яломицы положение мест больше уважения требуют, но как на толь дальнем расстоянии оградить все надежными постами не можно, а малые подвергаются опасности, особливо при Ольтенице и Чеканештах поставленные, которые для того и сближены, то корпусу свою позицию взять при Аргисе в устье Дембовицы, откуду удобно будет подкреплять и посты между Аргисом и Ликорештами и противустать неприятельским действиям на Журжу и от Турно на Букарешт. Что до отделенных постов и сделания коммуникации на надобные случаи движения корпусу или частно одному посту к другому в подкрепление, то он, г. генерал-квартермистр Боур, по повелению моему сообщил командующему генерал-майору Гудовичу, а о подчинке дорог и мостов особливо препоручил от ге-

нерального штаба там находящегося подполковнику Нефедьеву. Впрочем когда восприимет армия свое движение и какие впредь предположить я найду нужным действия для вашего корпуса, о том в свое время получите, ваше сиятельство, от меня повеления. Что до пропитания вашему корпусу, то без сомнения тамошняя земля дать оное может и поныне оным запаслись все полки; но только, к сожалению, я вижу в репортах г. генерал-майора Гудовича, что о том прежде никто не рачил и запущены сии дела к великому предосуждению; ваше сиятельство, приложите, вопервых, свой труд о восстановлении падшего порядка, укрепите всякое своевольство, там до крайности распространившееся, накажите сурово тех, кои в наглостях вам обжалованы будут, и дайте жителям прямо в покое и с усердием приготовлять плоды сего лета. Магазейн в Фокшанах, чтоб иметь сей запас под руками, когда бы не стало иных способов, как только подвозом довольствовать войски, приготовить и наполнять из Романа я приказал.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 47—48 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 213

1771 г. апреля 22.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ И. В. ГУДОВИЧУ О СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ЕГО С Г. А. ПОТЕМКИНЫМ И О ПОБЕДЕ ГЕНЕРАЛА О.-А. ВЕЙСМАНА ПОД ИСАКЧЕЙ[1]

№ 104

Когда ваш получаю репорт от 19-го сего месяца под № 178, в котором вы, донеся об отражении попытки неприятельской на наш пост в Чекоештах, требуете в заключении оного, чтоб я снабдил вас еще повелением в рассуждении сопряжения вашего корпуса с таковым же за рекою Ольтою, предводительствуемым г. генерал-майором Потемкиным, также и зависящей от вас стражи по Дунаю в обеспечение земли Волоской, то и доходит мне объяснить вашему превосходительству, что вы в своем положении еще ничем так не стесняетесь, чтоб вам прибегать уже к моей резолюции, не находя способов в собственном искусстве. Я вам в первом ордере от 7-го апреля под № 86[2] указал на такой же данной вашему предместнику генералу Олицу под

---

[1] Гудович вступил во временное командование корпусом П. И. Олица. Вскоре после смерти Олица командующим данным корпусом был назначен Н. В. Репнин.

[2] Ордер не публикуется.

№ 61, на какой ноге я постановил корпус г. генерал-майора Потемкина держаться в банате Крайовском и в случае входу неприятельского в тот край в превосходных силах взять ему ретираду, дабы с присоединением сего корпуса к вашему, надежнее укрепить свои посты в завоеванных местах между рек Ольты и Дуная. Сие ведав должно вам согласоваться обоим в предприемлемых действиях и располагать свои намерения и осторожности к двоякой цели, то-есть чтоб забежать везде с воспротивлением неприятельским предвзятиям, и дабы воспользоваться, где есть случай, на вред его. Сие принадлежит к достоинству искусных генералов, в каком качестве я вас и господина Потемкина отличаю, следственно и вы с своей стороны уважьте для меня то облегчение, чтоб, когда я вам указал предметы вашего положения, не иметь мне после того нужды всечасно вразумлять еще об одержании оных, в чем дело есть собственным благоразумием руководствоваться военачальнику. Я уже чаять могу, что вам г. генерал-квартермистр Боур поднесь предложил о местах, где вам взять посты и расположиться со всем корпусом, то сие новое помещение войск и приведет, я думаю, в состояние сохранить сообщение между собою обоим корпусам и укрепить защиту землям, ими заграждаемым. Из ордера, что при сем следует, увидите вы победу, одержанную нашими войски при Исакче[1]. Генерал Вейсман видел и зжег великие приготовления для мосту; пленные и тут сказывают, что визирь еще в Бабадах держится, но на их речи полагаться не должно, а надобно нам самим примечать склонение неприятельское, в которую сторону оное идет, ибо нельзя еще того сказать против вашего ли, или против сего места целить неприятель своими силами. Что до Турна, то по упущению времени взятием Журжи стало оное труднее. Вам и генералу Потемкину положение оного и силы, его держащие, известны и для того вам и искусству вашему предоставляю предприятие на оной во время и случай удобной, особливо ежели деланные диверсии внизу Дуная силы неприятельские отвлекут, то в сем случае г. генерал Потемкин также с вами как и во всех согласить свои предприятия должен и г. генерал Боур, будучи сам свидетель мест, около оного лежащих, совет вам небесполезной подать может.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 52—54. об. «Журнал военных действий». Копия.

---

[1] Усиление турок в отдельных пунктах на южном берегу Дуная, их попытка усилиться в Турно и произвести вторжение в Валахию вызвали решение П. А. Румянцева принять необходимые меры. В половине апреля 1771 г. началась подготовка экспедиции Потемкина за Дунай в верхних его частях и поиск к Турно. Помимо этого, в связи с тем, что было получено известие о скоплении больших сил противника к Видину и замечено сосредоточение турок к Рущуку и Силистрии, Румянцев приказал генерал-майору Вейсману произвести новый поиск за Дунай в нижних его частях и угрожать Исакче.

№ 214

1771 г. мая 4.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О НАСТУПЛЕНИИ НА КРЕПОСТЬ ТУРНО И ВОЗМОЖНОСТИ В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ОСТАВЛЕНИЯ КРАЙОВЫ

№ 122

Вчерашний день получил я репорт вашего превосходительства, в котором доносите, что ради оказывающихся покушений неприятельских от Турно в Валахию, переменили вы свое движение сверху Дуная к сему городу и, сбив неприятеля с острова между гирлами и Турном, предприемлете поиск на ту крепость, уважая сколько беспокойно иметь неприятеля на своем береге. Я сам того мнения, и что медлением экспедиции на Журжу, потеряно удобное время к поиску на сию крепость и теперь предпринимать на оную поиск больше стоит, нежели быть могло то в прежнюю пору, ибо я слышу, что неприятель тут и числом и укреплением усиливается, но, однакож, мы толь частые видим удостоверения, что где только войски наши устремятся храбро, тут над силою превосходною неприятельскою всегда получают победу и потому я от вашего искусства и предприимчивости ожидаю, что позаботитесь, ваше превосходительство, приискать с своей стороны меры на овладение сею небольшою, но нам нужною крепостью.

Когда вам удастца или не удастца сделанным поиском получить сию крепость, то хотя в том, хотя в другом случае потребно уже вам свой корпус поставить в безопасное положение, то-есть перейтить на реку Ольту, избрав по своему усмотрению пост такой, чрез которой бы угрожать было можно неприятелю в Турне, естьли б взята оная не была, и сделать против того свою преграду, не меньше же и утвердить свое соединение с корпусом, в Валахии находящимся. Посему как край отдаленный Крайовский выходит из положения наших действий нынешней кампании, то, ваше превосходительство, безопасность и выгоды войск своих предпочитайте пред сбережением оного, не без пользы, однакож, будет оставить вам в той стороне небольшой деташамент из легких войск и, хотя придав к ним несколько егерей, дабы озабочивать неприятеля в случаях его обороту в силах в отдаленную от того сторону, а сам бы он от сильного защищаться умел в горах, вверху Ольты лежащих.

Таким образом, по уменьшению в банате Крайовском наших войск прикажите ваше превосходительство провианта и скота сколько можно собирать под видом купли, не уважая ни на что другое, кроме своей пользы и отправить к Букарештам, дав на заплату за все сие ассигнации на платеж от Дивана тамошнего. Членов диванских заберите при сем случае движения с собою и особливо Чан Очлиа и Димитраки под присмотром пришлите

ко мне, на которых лежит подозрение, а жителям советуйте удалиться от Дуная в горы, как и во всей Валахии чинить велено, чтобы турки нигде не могли им вреда нанести, которые все свои поиски так сказать из грабительства на их только ищут делать, обходя места, где наши войски посты имеют, а особливо при перенесении оружия нашего за Дунай, чрез которой армия в трех местах переправляться будет на сделанных нового рода нашими морскими здесь находящимись офицерами и карабельными мастерами судах, которые к транспортам сколь способны, столь удобнее и скорее всех других составляют мост. Первой опыт на Исакчу совершенство сего доказал.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 56—57. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 215

1771 г. мая 14. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПЕРЕПРАВЕ Г. А. ПОТЕМКИНА ЧЕРЕЗ ДУНАЙ И ЕГО УСПЕШНОМ ПОИСКЕ К ЦИБРО

№ 28 *Яссы*

При самом уже отправлении предыдущей всеподданнейшей моей [реляции], с прибывшим курьером из баната Крайовского от генерала-майора Потемкина получил я рапорт следующего содержания: он с своим корпусом, став на Дунае против местечка Орсова, полагал таковою позициею отвлечь турков, которые из всех окрестных мест пошли защищать Турно. Но неприятель, думая, что он намерен здесь переправляться, из Цымбры и Ломана собрался в Орсов на воспрепятствие им мнимого предприятия. Сие приметив, генерал-майор Потемкин взял 600 гранодер и 200 егерей и, собрав сколько было можно паромов и лодок рыбачьих, 5-го числа майя на рассвете, тремя маршами пришел на Дунай против Цымбры, и как ему никак не можно было скрыть себя на берегу, то неприятель, увидя сии наши войски, тотчас из города выбираться начал, а жестокая буря, случившаяся в то самое время, препятствовала нашим переправиться чрез Дунай прежде 5 часов пополудни; тогда по успокоении ветров, реченный генерал, посадя на суда 360 гранодер и егерей и 100 пеших арнаутов, переправился сам с ними в четырех верстах от города, оставя подполковника Бегичева с 200 гранодер и четырьмя пушками полевой артиллерии против самого города, куда ему должно было возвратиться. Неприятель, в великом ужасе будучи и не дождавшись пришествия наших войск, оставил город и мог только с собою взять своих жен и детей, прочие же все его пожитки достались в руки нашему войску. От переправы своей генерал-майор Потемкин, прошед го-

род, достиг токмо спешившегося неприятеля, который засел было в огородах на конце христианских жилищ в числе до 300 человек, и чрез атаку от егерей тотчас его выгнал оттуду, повергнув на месте убитыми из числа сих 82 турков, а у нас только убит арнаут 1, ранено егерей 6, арнаутов 13.

В сей атаке отменно выхваляет помянутый предводитель храбрость подполковника князя Кантемира и понесенную им опасность. По прогнании неприятеля, возвратясь в город, посланы были суда, чтоб перевезть майора Река с 200 гранодер. Во время наших войск наступательной переправы, неприятель у находящихся в гаване четырех больших балазаков, дабы не достались оные в наши руки, прорубил дны. На всяком было по четыре чугунные, а на одном положено пять больших пушек, видно для переправы на нашу сторону; сии суда сожжены, так как и три весьма большие магазейны с мукою, а четвертой с сухарями, из коего наши войски взяли запасу, сколько перевести возможно было. Потом пополуночи в 1-м часу генерал-майор Потемкин переправился обратно на свой берег с бывшим при нем войском, оставя премьер-майора Река для забрания в сем городе всех находящихся христиан. Чрез сей поиск взято у неприятеля больших судов четырнадцать, из коих два наполнены разными съестными припасами, а малых судов и лодок до ста; сожжено вытащенных на берег и стоящих в гаване больших балазаков четыре, шаек семнадцать; христиан перевезено мужеска и женска полу 2620 душ. А как продолжался в то время великой ветер, то от зажженных магазейнов сообщенным пламенем занялись дома и прекрасной город Цымбра превращен в пепел. По уведомлению двух пленных в городе находилось турков до 2000 человек.

В заключении своего донесения генерал-майор Потемкин рекомендует повторно мужественной подвиг с ним бывших: подполковника князя Кантемира, также подполковника и кавалера Фабрициана, а по них отдает хвалу подполковнику Толстому, премьер-майорам Реку, Аршеневскому и Любимову, секунд-майорам: Ребиндеру, Рахманову и Шидловскому; капитанам: Галахову и Теглеву, Донского войска подполковнику Янову, из Черкасских дворян Ивану Коричу, Авраму Богданову, да Запорожскому старшине Якиму Проневичу, свидетельствуя о его отличной храбрости. Я посему приемлю смелость повергнуть их всех высочайшему вашего императорского величества благоволению, оставляя в пользу предводителя генерала-майора Потемкина о его собственной храбрости, предприимчивости и искусстве свидетельствовать самым опытом в сем произведенном им толь благоразумном действии.

Напоследок он доносит, что неприятель, собравшийся в Орсов, узнав о движении наших войск вверх по Дунаю, мнил не найти себе сопротивления на нашем береге, ему противолежащем, и потому в 400-х пехоты переправясь, атаковал было стоя-

щие по берегу Дуная наши пикеты. Но полковник Ушаков со 150 человеками гранодер и с одним эскадроном карабинер под командою ротмистра Цимермана оного разбил, так что малая только часть турков могла достигнуть лодок, а прочие мечем от карабинер потреблены. Тут взято неприятельское одно знамя и пленных два. С нашей же стороны убито егерей пять, ранено гранодер и егерей семь.

8-го числа сего месяца разъездом нашим от Браилова взят на сопротивном береге один в плен турок, который показывает, якобы назначенное войско из Анатолии в 40 000-х с шестью пашами в визирскую армию, по повелению султанскому, обращено в Грузию, а хан крымской отъезжает в Крым[1]; и пришло в Мачин пред взятием сего пленника известие, будто за две недели до того в Цареграде толь сильной пожар был, что половина города истреблена от оного.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 109—111 об. Подлинник.

№ 216

1771 г. мая 18. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ С ТРЕБОВАНИЕМ ФОРСИРОВАНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ КРЕПОСТИ ТУРНО

№ 144

Ваш поиск на город Цымбру я хотя приемлю за опыт похвального рачения вашего в своем посте, но должен вам и то сказать, что сие предприятие не приносит по себе совершенно тех успехов, по коим бы лучше могли мы утвердить свое положение в той стороне. Город Турно, на нашем берегу и в руках неприятельских беспрепятственно состоящий, есть большим объектом для нас, нежели переходы маловременные на сопротивной берег. Вы с г. генерал-майором Гудовичем несколько уже времени продолжаете условливаться о взаимных предприятиях на овладение сим городом, и он в последнем своем репорте доносит, что в помощь вашим на сей пункт действиям с своим корпусом перенесся за реку Аргис, но предположение такое возьмет ли и когда свое действие? О том вы меня не уведомляете. Без сомнения, ваше превосходительство, сами на то уважите, сколь от времени получил и больше впредь получит себе выгод неприятель

[1] Активные действия русской армии против войска крымского хана развернулись в конце мая — начале июня: 14 июня был взят Перекоп, 22 июня занят Козлов (Евпатория), а 29 — Кафа (Феодосия). В конце июля Крым был занят, с крымским ханом был заключен договор. Крым был объявлен независимым и вступил в союз с Россией.

на утверждение ноги своей в Турне, естьли против того мы спокойны останемся. По донесению г. Гудовича, он от сего места уже ежечасно открывает свои движения на беспокойство наших войск, а что теперь только за беспокойство разумеем, оное возрасти может и до крайней опасности, так как сие гнездо есть среди вашего и в Валахии находящегося корпусов, и когда неприятелю дадим беспрепятственно окончить свои работы, которые, по известиям, он делает для укрепления оного места, умножая перевозом из-за Дуная собрание тут своих войск. Я вам сие примечаю в том мнении, сколько город Турно есть предметом преимуществующим пред другими, следственно против его мы должны прежде расположить свои действия. Но впрочем, как уже я чаю, что прежде получения сего прибудет к своему месту г. генерал-поручик и кавалер князь Репнин, которому я препоручил в команду все войски, в Валахии находящиеся, то и надеюсь, что он не упустит своими распоряжениями достигать в сем случае лучшей пользы, как известия, что чрез вас и от других мест я получаю, еще не приносят удостоверений, чтоб неприятель генерально свои силы устремлял в ваш край.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 63 об.—64 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 217

1771 г. мая 20. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НЕДОСТАТКЕ В СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЕ КОМПЛЕКТОВАНИЯ АРМИИ РЕКРУТАМИ И СНАБЖЕНИЯ АММУНИЦИЕЙ

Яссы

Имел я щастие в 11-й день сего месяца принять всевысочайшее вашего императорского величества [письмо] [1], в котором удостоили, всемилостивейшая государыня, лестною доверенностию, вразумив меня о состоянии дел внешних и внутренних вашего государства.

В последних как на все подробности призирает око ваше, то я уповал так власно, всемилостивейшая государыня, как ваше величество мне дали знать, что по всем моим представлениям о снабдении армии ваши высочайшие повеления везде определяли скорое тому споспешествование и что только посредствую-

---

[1] Письмо Екатерины II от 20 апреля 1771 г. в Сборнике не публикуется. В нем Екатерина благодарила Румянцева за подаренную лошадь, говорила о постройке речных судов и сообщала внешнеполитическую обстановку, в частности о взаимоотношении Турции с Австрией и Пруссией и положении дел в Швеции (см. ЦГАДА, ф. Румянцева-Задунайского, д. 98, л. 1—4).

щие в исполнении воли вашей осторожностьми, предвзятыми против известной заразы, воспрепятствовали течению лучшему. Целость армии и целость границ ваших они не клали на равные весы, итак могу сказать, заграждая единственно свои места от прикосновения заразы, сближали было не меньшую для них опасность, пресек всякое сообщение с своим брань ведущим против неприятеля войском, которое, тем лишившись нужного себе снабдения, существовать бы не могло.

Ваше величество известны из прежних моих донесений, сколько я сам окружен был отвсюду бедою от язвы. Я не меньше присвоял моей должности пещися о нераспространении оной не только до наших границ, но и в Польше, но зря неизбежное оскудение армии, предавался лучше во власть руки божией, нежели смел обезоружить себя против воюющего на нас. Посылка от меня генерала-порутчика графа Салтыкова в Киев, хотя по несколько тщательнее подвинула шедшее от наших границ снабдение армии, но время, потерянное, уже тем не наградилося, когда до того посланных офицеров для приему рекрут и других закупок не впустили в границы и тщетно продержали, не исправляя средствами другими на них положенных дел.

Да позволите мне, всемилостивейшая государыня, еще и сие обстоятельство представить: по отдалению страны, куда перенеслось оружие ваше от границ собственных, набранные рекруты на укомплектование армии, в коротком времени и без отдохновения делая непомерной путь, лишаются естественных сил и великая часть их еще в дороге погибает; которые же и к армии приходят, то в такое уже время, когда действия свои сия открывает. И так утомленному и истощенному силами человеку надобно не опочивши поднять новое бремя полевых трудов, которые изнуряют и самого привычного к ним солдата. Нельзя довольно описать, всемилостивейшая государыня, ни той жалости, которую производит изнемогающее в сих людях человечество, когда ими все наполняются лазареты, ни той траты, которую имеет в них бесплодною от сих обстоятельств армия ваша во место своей пользы. Посему я осмеливаюсь пред моею великодушною государынею изъяснить мое мнение: чем далее война продолжится, то тем вящше сии нужды и убытки возрастут, а их можно, мне кажется, отвратить таковым постановлением, чтобы, завременно набирая рекрут, назначать ближайшое к армии место, в которой бы они исподволь отправлялись, и прибыв туда, между отдохновением своим и тем, как в них нужда в армии настанет, приучаемы могли быть военной службе. Также есть ли и впредь нужда настояла (чего боже не дай) удержать вольное сообщение армии с границами нашими, то предупредительно надобно определить внутрь к тому людей, которые бы, лошадей и протчие вещи к снабдению армии в наших границах закупя, имели готовыми, чтоб отдать их вне застав посланным для приему армейским офицерам. Я чем мог только

пособлять в прошедшую зиму облегчению наших транспортов, то всего того из виду не выпустил. Рекруты, принимаемые в Киеве, были там же и обмундированы, имея чрез то несколько времени на отдохновение себе и привычку делать в пути оттуда к предстоящим им подвигам. Они ношением на себе аммуниции заменяли великое число подвод, для отвозу оные требовавшихся, которых от недостатку едва сил моих стало изобретать средства на доставление сюда пропитания армии, но, богу благодарение, хотя сие стоило мне несказанных забот, однакож я запасся здесь подвозом из Польши столько в пропитании для армии, что до будущего урожаю или и до самой осени не будет в нем недостатка.

Чертеж, присланный судну изобретения адмирала Кновлеса, находящийся здесь флота капитан Нагаткин (который, как мне кажется, с хорошим знанием рассуждает о своем ремесле) находит весьма удобным для здешних вод, но, к сожалению, по пропорции оного не нашлось здесь и самого первого материалу к построению оного, то есть лесу в потребной к тому величине. Но что относится в откровении мне всемилостивейшем на положение дел внешних, не могут в том, всемилостивейшая государыня, удержать успехов ваших ни зависть, ни ухищрения супостатов. Предходит вашим высоким намерениям благоволения вышнего, его воля явна в гласе народов, которые, величая вашу премудрость и дела, ставят оные за эпоху будущим временам. Ваше величество, сподобив меня в одной части быть исполнителем воли вашей, дарили сим вечную славу роду моему, что высокую доверенность толь премудрые и великие государыни носил на себе, пребывающий с глубочайшим благоговением...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГАДА, ф. 5, д. 103, л. 41—43. Подлинник.

№ 218

1771 г. мая 22. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ А. В. РИМСКОМУ-КОРСАКОВУ ОБ УПРАВЛЕНИИ ИМ КНЯЖЕСТВОМ МОЛДАВСКИМ

№ 393 *Яссы*

Служба меня обязывает для предстоящих военных действий, а должность предполагает пещись, чтоб все дела, к высоким интересам ее императорского величества касающиеся, скорое и сходное с настоящими обстоятельствами течение имели и внутреннюю безопасность и доброй порядок в княжестве Молдав-

ском наблюдаемы были, я вам, оставляя управление во оном, и команду над всеми войски в нем находящимися, по доброй надежде на ваше искусство и прозорливость, не считаю надобным говорить о многих подробностях, до внутренних распоряжений и должной воинской осторожности касающихся, а хочу только подать вам мое мнение в главнейших пунктах и именно:

1. Гарнизон здешней расположить в лагере или в замке, где дровами снабдевать обыватели, чаю, не откажутся, но естьли бы, паче ожидания, почли они то в тягость или же в замке и поместить бы неудобно было, в таком случае, не рассеивая по разным местам, расположить по квартирам близ замка и на всякой случай и время не излишнею, но надобную и пристойную в благоучрежденной команде осторожность хранить; а особливо, что до караулов при магазейнах, которые, как в прежнем ордере моем под № 155 от 19-го сего течения сказано, не иметь между строения, чтобы не только оберечь сим от нечаянных иногда от огня случаев, но и никто к оным, кроме определенных чинов, и близко пущаемы не были.

2. Предупреждая всякие вредные следствия, прикажите комендантам наблюдать всегда наиточнейшую городскую полицию, и особливо в пункте заразительной болезни, к должной осторожности присовокупить всегдашнюю внутри города чистоту; назначите для приезжающих из Польши и других заграничных мест купцов, жидов и христиан особые в одном угле квартиры и особой рынок для их торгу, осведомляясь прежде въезда их в город, откуда они приехали, за каким торгом или делом и надолго ли; а во время их пребывания наведываться коменданту о их состоянии, образе жизни, упражнениях и отбытии из города, определя для сего тайно присмотрщиков надежных несколько человек из здешних жителей с довольным денежным награждением. Одним словом, учредите все сие таким образом, чтобы о всех приезжающих и отъезжающих из города и о их здесь поведении вы и комендант известны были, и установите так же часы, в которые ночью все вольные домы и лавки заперты быть должны, но при всех сих, однакож, полицейских учреждениях надлежит смотреть, чтоб оные не обратились комулибо в тягость, но сами бы обыватели познали бы, что все то собственной их ради пользы и безопасности устроевается.

3. По приложенному у сего копиею моему предложению, данному Дивану, согласно возложенной на вас должности, наблюдать настоит, чтобы оное исполняемо было во всей ее силе, и надзирать над здешними правителями и чиновниками и от каждого по его званию взыскивать, чтоб всем озлобленным, и в обидах жалобы приносящим правосудное удовольствие безволокитно доставляемо было, и все управляющие старались бы о сохранении в народе доброго порядка и спокойствия, а не удручали бы оного какими-либо насилиями, равномерно и в сборе доходов и управлений казны поступали б без отягощения

жителей и злоупотреблений по предписанным правилам, представляя о противном ко мне со всеми обстоятельствами.

4. И хотя от преданности и усердия всех земских чинов и обывателей княжества Молдавского надеюсь, что они толико ощутивши всевысочайшую ее императорского величества милость и видя мое о благосостоянии их попечение, всемерно будут пособствовать в высоких интересах ее величества и поступать каждый по долгу своему, но ежели бы, паче чаяния, нашлись такие, кои в нужных и скорого отправления требующих делах явились медленны, упорны и явно недоброжелательны, или следуя примерам варварским, угнетать стали бессильных и неповинных или входить в какое-либо непозволенное сообщение с неприятелем, рассевать в народе зловредные разглашения, то за непослушание и худые поступки исправников и всех других нижних земских чинов, отреша, предавать суду и меня о том тотчас уведомлять, а яв[ив]шихся подозрений в запрещенной переписке, разглашениях и тому подобном благовременно брать под караул, от общества удалять и, сделав им надлежащие вопросы, представлять ко мне, не различая особ.

5. Прилежно наблюдать, чтоб сближающиеся к Трансильванским и Венгерским границам воинские наши команды никогда и ни под каким предлогом к оным не прикасались и с обывателями, соседственными Молдавии, сохранено бы было мирное дружеское и, коль можно, снисходительное обхождение без малейших знаков, как от воинских чинов, так и о землях здешних вражды и несогласия [1].

И, наконец, 6. Как расположенные внутрь здешней земле войски содержать в строгой и должной воинской дисциплине, так и проходящие к армии команды воздерживать от всяких непристойных поступок с обывателями, охраняя последних по всей возможности от всяких обид, притеснений и наглостей со стороны воинских чинов, а сих, кои бы явились в таковых и подобных беспорядках, равно под командою вашей состоящих, как и проходящих к армии по мере власти чина вашего, наказывая или задерживая, под караулом репортовать ко мне, а о изъятых из оной подробные с описанием их вин представлять немедленно ко мне .

Г[раф] Румянцов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1926, л. 7—8. Копия. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 203—205.

---

[1] По всей южной границе Австро-Венгрии австрийское правительство организовало систему военных поселений, в связи с чем здесь скорее всего могли происходить неприятные для России пограничные инциденты.

№ 219

1771 г. июня 3. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ О.-А. ВЕЙСМАНУ О ДЕМОНСТРАЦИИ НАСТУПЛЕНИЯ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ С ЦЕЛЬЮ УМЕНЬШЕНИЯ АКТИВНОСТИ ПРОТИВНИКА В ВЕРХОВЬЯХ ДУНАЯ

Лагерь при Водянах

Из донесений, полученных вчера от господина генерала-порутчика князя Репнина, сообщаю вам следующее: неприятельских сил склонение вверху Дуная до того уже ознаменилось, что по обращению тамошнего нашего корпуса к городу Турно турки, перешед на наш берег, стремятся поиском на нашу крепость Журжу; между тем в Никополе и Турне великое число их войска, от которого при Турне был атакован корпус генерала-майора Потемкина 27-го майя, но отразил сие на себя стремление с величайшим противникам вредом; и так весьма равно становится, что неприятель серьезные действия обращает на наше правое крыло, во удостоверение чему от 1-го июня комендант браиловский г. Борзов представил мне допрос двух выходцев из города Гирсова, которые показывают заподлинно, что визирь в Бабадах за отделением большого числа войска вверх по убережи Дуная не более при себе двух тысяч имеет, а в Исакче и того меньше находится. По обстоятельствам сим ваше превосходительство обозрите себе удобный способ, ради отвлечения неприятеля сверху, сделать поиск на его сопротивной вам берег, оставя потребное число к сохранению города Измаила и ваших постов на сей стороне. Теперь больше всех пор нужным есть сие предприятие и производство оного так де удобнее по отдалению больших сил турецких от краю вам противолежащего. Я полагаюсь на дознанное искусство и ревность вашу к службе, что потщитесь дать оной споспешествование своими полезными подвигами. Правда, вашему предприятию угрожать могут при удобных ветрах прибывшие в Дунай военные неприятельские корабли, но вы, яко благоразумный военачальник, конечно, предохраните себя надежными против того мерами, и не вдадитесь в опасность, от которой бы и люди и посты ваши на сем береге претерпеть могли для себя вредное, а если нельзя будет вам произвесть поисков действительных, то хотя демонстрациями разных своих движений угрожать неприятелю впадением на его берег, а между тем огласите для города и в народе, что я вам приказал готовить все суда, дабы сплавить их вверх к Карталу и соединить оные с новопостроенными и спущенными в реку Прут для переправы армии чрез Дунай, с которою я для

того уже приближаюсь к берегу. Делайте сии виды удостоверительнее собранием к себе людей, знающих управлять судами и дороги на сопротивном береге.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 76—76 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 220

1771 г. июня 3. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ Н. В. РЕПНИНУ С ВЫРАЖЕНИЕМ НЕУДОВОЛЬСТВИЯ ДЕЙСТВИЯМИ ВОЙСК В ВАЛАХИИ И СДАЧЕЙ ПРОТИВНИКУ КРЕПОСТИ ЖУРЖИ

№ 171

Хотя моя резолюция по дальнему отстоянию места и обстоятельствам, вам предстоящим, в пору к вам никак поспеть уже не может, но сказать я должен нижеследующее на ваш репорт от 28-го: уведал из оного, что вы отступили от Турно, а неприятель, переселившись беспрепятственно на наш берег, ведет атаку на самую крепость Журжу. Движение, что сделал г. генерал-майор и кавалер Гудович со всем корпусом к городу Турно, само по себе долженствовало открыть сии следствия, ибо по такому отдалению от позиции, назначенной вашему корпусу при устье речки Дембовицы, отверзся вход неприятелю свободной не только к Журже, но и в город Букарешты. Я видел в первом вашем репорте, что вы, познав тут свое бессилие, велели г. Гудовичу от себя поворотить два полка к устью Дембовицы. Весьма полезно вы тогда рассуждали и лучше бы еще сделали, естьли бы и со всем корпусом его остановили от предприятого движения, которым отваживал он места важнейшие и те, что ему закрывать надлежало. Для поиску на Турно довольно сил корпуса г. Потемкина, доказательством тому есть то, что он один по отступлении вашем победить мог из Турно и Никополя устремившиеся на него все силы неприятельские, а генерал-майору Гудовичу для содействия и удержания сообщения с оным от своей стороны прилично было отделение от своей части послать, а не всем корпусом присоединиться к нему. Г. Потемкин не только не перевез всего из Крайова в Валахию, как я ему писал с самой зимы, но вижу в то место, где он имел не навсегда утвердительной пост, еще он все лишние вещи для войска отыскал из Валахии, поелику его обозы не переправились чрез Ольту прежде его переходу, не говорю я о том, для какой пользы или нужды продлил он поиск на Турно до сей поры? Но что уже успеют мои примечания о деле собывшемся, когда не подействовали наставления завременные. Итак, осталось только вашему сиятельству рекомендовать, чтоб вы не раздроб-

ляли своих сил более и старались вместным оных положением, способствующим к оборотам на всю вашу дистанцию, сохранить уже то, что мы имеем в своих руках. Я не знаю, что произойдет от поиску неприятельского на Журжу, а считая вас по донесению уже достигшим сего неприятеля, остаюсь в лучшей надежде на ваше искусство и предприимчивость.

По подписании уже вышеписанного прискакал ко мне князь Вадбольский с вашим репортом, обвещающим неожидаемое, что крепость Журжа в руках неприятельских[1]. Ведомость сия натурально должна меня оскорблять так, как происшествие, которому подобного никогда я еще не дознал во всех моих действиях, где только носил звание военного командира, я в вашу полную волю отдал корпус г. Потемкина, чтоб вы его из-за Ольты сближили к себе и Турно доставать, обнажая всю Валахию, никогда не было и намерения моего, а не только предписания; дайте мне знать, какие нужды настояли ваш корпус толь удалить из назначенной ему позиции? Не меньше и о последованиях, чем доведен наш гарнизон к сдаче крепости, ибо тут явно есть, что сие бесславие оружию наипаче произошло от малодушия коменданта и всей его команды, когда не продолжал он обороны до вашего прибытия, для чего, естьли он с гарнизоном отпущен будет к вам от турков, велите его и всех офицеров арестовать до будущей моей об них резолюции. Впрочем, как я считаю из вашего уведомления, что вы повсюду призвали с корпусом г. Потемкина в удержание своего с ним беспечного сообщения и его так, как и своею позициею, заслонили сторону от реки Аргиса, то и распространите свое внимание и на левое свое крыло, дабы не подвергнуть опасности посты на сей стороне, посредством коих утверждается ваше сообщение с Браиловым, для чего нужно вам сделать подкрепление посту, стоящему в Обилештах, а между тем и я с армиею в лучшее обеспечение сего краю движение сделаю к реке Яломице.

P. S. Чувствительно должно быть, конечно, сие приключение вашему сиятельству, потому я ожидаю от известного вашего усердия, что вы по соединении всех ваших сил не дадите долго неприятелю, сим пользуясь, распространять свои на вас попытки, но сами на него ударите.

Что до зарядов артиллерийских, то отсюду завтра к вам отправится ящиков с полным числом зарядов к пушкам 12-фунтовым, к 6-фунтовым 4, к полукартаульным единорогам 8, но ваше

---

[1] Крепость Журжа, расположенная на противоположном — по отношению к одной из главных крепостей турок — Рущуку берегу Дуная, расценивалась турецким командованием как важный плацдарм для развертывания военных действий на левом берегу Дуная. В связи с тем, что и русские придавали Журже большое значение, этот укрепленный пункт в 1770 и 1771 гг. не один раз переходил из рук в руки.

сиятельство вышлите такое ж число навстречу порозжних ящиков и тех же калибров, чтоб сии заряды в оные переложить и ящики обратно возвратить для потребы к армии.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 77—78 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 221

1771 г. июня 6. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ КОРПУСА ГЕНЕРАЛА Н. В. РЕПНИНА НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ДУНАЯ И О ПРЕСТУПНОЙ СДАЧЕ МАЙОРОМ ГЕНЗЕЛЕМ КРЕПОСТИ ЖУРЖА

№ 33 *Лагерь при с. Оанче.*

В предыдущей моей [реляции] под № 27-м[1] всеподданнейше донес я вашему императорскому величеству о препоручении корпуса, в Валахии находящегося, в команду генералу-порутчику и кавалеру князю Репнину. Он, терпя жестокие болезненные припадки и преодолевая токмо усердием к службе прямое изнеможение своих сил, отправился из города Ясс к своей команде и 20-го числа приехал в Букарешты. Тогда уже корпус его, предводительствуемый генералом-майором и кавалером Гудовичем, из своей позиции от устья реки Дембовицы делал движение на речку Веде, доведен к тому будучи разобозрением, что неприятель обращает свои силы вверх Дуная, а шпион его, нами пойманной, так и разные выходцы удостоверяли, яко уже турки, собрав большую часть войска к Никополю, переправляют оное к Турну, дабы там утвердиться и сделать поиск на корпус генерала-майора Потемкина, который еще был за рекою Ольтою. Второе, что полагал генерал-майор Гудович своим туда склонением удержать свое сообщение с корпусом генерала-майора Потемкина, которому естьли турки усиленно препятствовать стали переход чрез реку Ольту, то он готовился неприятеля тогда атаковать взад и далее потом споспешествовать от своей стороны содействиями на крепость Турно, которую сорвать полезно для нас бы было, яко гнездо, из которого неприятель мешал нам владеть совершенно и спокойно левым берегом реки Ольты. По сим видам располагая в ту сторону свой оборот, где, видимо, неприятель стремился большими силами не только удержать свою крепость, но и отрезать переправу на сию сторону Ольты корпусу нашему, выходившему из баната Крайовского; обеспечена была на ту пору левая сторона того корпуса и зад его сверх крепости Журжи постом на Дунае в Обелештах.

Генерал-порутчик князь Репнин, следуя за сим движением,

---

[1] Реляция не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1925).

нашел 25-го майя под Турновым соединенные уже корпуса генерал-майоров Потемкина и Гудовича; на завтра сделал он большой шармицель, дабы под оным осмотреть крепость и силы неприятельские. Сии показались ему тысяч до пяти, а крепость увидел такого ж рода, как Браилов, в средине замок четвероугольной, которой служит кавалиром, имея на верху вокруг туры и пушки; сие обведено валом земляным с четырьмя на углах бастионами, а то облечено гласисом. Лежит сия крепость под никопольскими пушками и под самою Никопольскою горою. Дунай и тут очень узок, и пишет в своем рапорте князь Репнин, что с горы Никопольской почти можно в Турно каменьями бросать. Берег неприятельской весь высок, а наш плосок и низкой. Он мнит, хотя бы мы и в свои руки достали Турно, то бы нельзя, однакож, в ней держаться, не имев за собою противного берега Дуная, ибо в крепости, так и около оные по окружающим ее низким лугам, никому бы нельзя быть, сверх того место сие выходит мысом в сторону неприятельскую, имея с двух сторон заливы, коими можно неприятелю десанты везде делать на немалое расстояние и тем коммуникацию крепостную всегда тревожить. Сии обозренные в натуре неполезности для нас, равно и то, что по приготовленной с неприятельской стороны обороне крепости, предприятие на оную требовало формальной осады, которую в настоящем положении того корпуса и весть не было удобности, склонили помянутого генерала-порутчика князя Репнина отойти от того места, но сверх того в тот же самой день на вечер, то есть 26-го, получил он уведомление, что по стянувшемуся главному числу наших тамошних войск в тот угол неприятель сделал им сильную диверсию, переселившись на нашу сторону Дуная при деревне Слободзее, несколько верст выше Журжи. Он в ту же ночь к ней на помощь пошел с своею частью в намерении атаковать преселившегося неприятеля и, скрывая свой обратной поход, дабы сюрпренировать близ Журжи неприятеля, оставил под Турном генерала-майора Потемкина со всем его корпусом для маскирования на одни или на двое сутки той крепости. Неприятель, однако же чрез шпионов или инако, сведав об отступлении князя Репнина и мня, что тут маскирует токмо малой деташамент, на завтра после обеда, усилив себя новыми войски из Никополя, всей своей конницей заехал в округ, а пехотою, которые по меньшей мере было до шести тысяч, от крепости атаковал наижесточае корпус генерала-майора Потемкина, но везде был принят, отбит и прогнан с величайшим уроном. О сем действии прислал мне князь Репнин одну только маленькую к нему записку от генерала-майора Потемкина, в которой он кратко изъясняет, что, победив в пять раз больше себя неприятеля и ус[т]лав их трупами поле, торжественные приносит молитвы богу, подробного же тому описания еще я не получил и думаю за препятствием обстоятельств, о которых продолжаю мое донесение.

Между тем князь Репнин сколько ни спешил на помощь Журжи, сведав напоследок, что неприятель ее атакует, и пришел к оной в четвертой марш от Турны, сделав с лишком 120 верст; но уже нашел ее в руках неприятельских, ибо за несколько часов пред его приходом в 29-й день майя гарнизон наш сдался на капитуляцию, выговорив себе, чтоб при всей верхней и нижней аммуниции, со всеми военными частьми из города выступить и беспрепятственный иметь путь до Букарешта.

Не знав еще о сем нещастии, и приходя к сей крепости, помянутый генерал-порутчик встречен был неприятельскою конницею, которую атаковал и принудил под город бежать, взяв же в то сражение одного пленного, от него сведал, как вышеписанное, так и то, что неприятель имеет слишком двенадцать тысяч пехоты в городе и ретраншаменте. Сие самое еще ему подтвердил из нашего гарнизона офицер, которого неприятель к нему, князю, выслал для объявления ему договора, учиненного гарнизоном. Тогда генерал-порутчик князь Репнин, не быв в силах такое знатное число войск в укреплениях атаковать, принужден отступить к реке Аргису, пославши повеление и генералу-майору Потемкину следовать с корпусом за сию же реку и заслонить своею позициею город Букарешты, против дороги, что от Журжи лежит к оному. 1-го числа сего месяца неприятель прислал к князю Репнину весь бывшей гарнизон в Журже, в препровождении турецкого конвоя. Под раненых и под разные гарнизонные экипажи неприятель дал свои подводы, которые ему и возвращены.

Сие прискорбное приключение, и первое от начала моего командования, не может меня не трогать наичувствительнее, всемилостивейшая государыня, и потому наиболее, что произвели оное не силы и не предприимчивость неприятеля, но трусость и упадок духа бесприкладные тамошнего нашего коменданта майора Гензеля и бывших с ним в крепости офицеров [1].

Крепость Журжевская по осмотру генерала-квартермистра Боура и самого генерала-порутчика князя Репнина, как особливо первый, возвратясь из Валахии, меня уверял, столько была в хорошем укреплении, и снабдена довольно военными и съестными припасами, что отнюдь опасности не было потерять ее там, как по малодушию гарнизона случилось оную невероятным образом утратить.

---

[1] Сдача Журжи в самом начале кампании настоящего года сильно поразила П. А. Румянцева. Желая подать всей армии пример строгости за неисполнение воинского долга, Румянцев всех офицеров гарнизона крепости, подавших мнение о сдаче Журжи, предал военному суду. По воинскому уставу офицеры, подписавшие сдачу крепости при возможности ее обороны, подлежали смертной казни. Суд решил Гензеля, Колюбакина и Ушакова, как наиболее виновных, лишить всех чинов, имущества и звания и сослать на вечную каторгу на Нерчинские рудники; других офицеров разжаловать в солдаты. Но впоследствии приговор этот был значительно смягчен; они были исключены из службы с отобранием патентов на свободу передвижения.

Генерал-порутчик князь Репнин объясняет, что оборона от нашего гарнизона столь слабая происходила, какой уже хуже представить себе не можно. Крепостные строения все целы, да и разбить их нечем было неприятелю, ибо он с собою не имел удобных к тому орудий. Комендант убоялся неприятельской батареи о двух пушках с столь превосходным количеством у себя артиллерии, и за превысокими каменными стенами, имея еще действительно под ружьем, как его рапорты гласят, в той крепости, кроме убитых и раненых, пятьсот сорок шесть пехоты да казаков девяносто девять человек. Я подношу тут рапорт коменданта Гензеля[1] и мнение, поданное от субалтерн-офицеров, и журнал подробный, что там происходило. Всяк усмотреть может из собственных их описаний, что страх недостойный сие бесславие произвел, что тут самый слабый поиск на крепость делан от неприятеля, и что оную защищали совершенные трусы, а не победители россияне. Я приказал помянутого коменданта и всех офицеров того гарнизона, яко заслуживших смертную казнь, заковав в железа, отправить в крепость Хотинскую и содержать их тамо на хлебе и воде; ибо после обличения вины в собственных их показаниях, не о чем уже над ними боле военным судом следовать. Постыдная боязнь о собственном своем животе владела ими больше славы и присяги в том, чтоб не щадить крови своей для пользы службы и высочайших интересов вашего императорского величества.

Всемилостивейшая государыня, теперь от власти вашего императорского величества зависит конечный жребий сих узников. Я осмеливаюсь представить мое мнение, чтоб их без пощады и в образец военной строгости наказать, дабы их позорная казнь так ужасала все войско, как ныне отвратительно для всех их недостойное содеяние, ибо нет возможности тут ничего удержать, когда уже и крепость на три или четыре дни на ее собственную оборону оставить не можно. Я дерзаю сказать, что смерть, кровь и раны толь многих храбрых людей, двукратным оборением неприятеля приобревших нам сию крепость, сами вопиют о наказании сих извергов, которые плоды их мужественных подвигов вотще опровергнули.

К стыду преступников заключу я сие донесением вчера полученного мною рапорта от коменданта браиловского Борзова, что 3-го сего месяца неприятель на утренней заре, переплывши Дунай из города Гирсова числом более двух тысяч человек, атаковал наш пост при устье Яломицы, под командою пехотного Бутырского полку секунд-майора Таубе; и хотя, окружа тут бывший редут, более шести часов турки со всею наглостию стремились штурмовать, но храбростию помянутого майора и его подчиненных не только отбиты, да еще и совершенно побеждены,

[1] Рапорт не публикуется. В наемных армиях Западной Европы эпизоды, подобные сдаче Гензелем Журжи, не являлись редкостью, но в русской армии они были явлением совершенно исключительным.

ибо полегло их убитыми на месте до двухсот человек, шестнадцать в плен взято и два знамя, и великое число поглотила река бросающихся в робости на лодки.

От 3-го числа сего месяца генерал-порутчик князь Репнин, донеся все подробности делу гарнизона, бывшего в Журже, и чего дожидаясь с часа на час умедлил я сим отправлением, пишет, что он с своим корпусом по левой стороне Аргиса расположился на Журжевской дороге и, дождавшись тут генерала-майора Потемкина с его полками, который идет по Бранковanской дороге к той же реке, пойдет сам, оставя его тут для закрытия Букарешт, к устью реки Дембовицы и будет стараться для поправления тамошних дел неприятеля разбивать. Я предложил ему о последнем весьма пещися, и теперь для диверсии оттуда неприятелю помышляю о новом поиске от части генерала-майора Вейсмана на неприятельской берег, буди способы к тому найду, в рассуждении опасности от умножающегося неприятельского флота, приходящего от Черного моря. Комендантам же всех крепостей по поводу случившегося с Журжею велел я крайние осторожности сохранять, предписав, что за стражу свою жизнию они отвечать будут.

Удача неприятелю в отобрании Журжи еще не может великой расстройке подвергнуть тамошних наших дел. Мы станем искать, чтоб поселение их на наш берег обратить им в беду.

Впрочем, за-достоверно еще мы не видим, в которую сторону главные свои силы поведет неприятель, а ежечасно подтверждается, что визирь до сих пор в Бабадах, в ожидании большого числа войска в усилие своей армии.

По выходе нашего корпуса из баната Крайовского, доходят известия генералу-майору Потемкину, якобы турки при Видине чрез Дунай переправляются, но не известно в каких силах...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 121—125. Подлинник. Частично опубликовано в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 205—208.

№ 222

1771 г. июня 6.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПЕРЕВОДЕ ШТАБА АРМИИ В ДЕРЕВНЮ ФАЛЬТЕШТИ И О НАМЕРЕНИИ НЕ ПРИНИМАТЬ АКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ ДО ВЫЯСНЕНИЯ НАПРАВЛЕНИЯ ДВИЖЕНИЯ ГЛАВНЫХ ТУРЕЦКИХ СИЛ

№ 35 *Лагерь при с. Оанче.*

Завтрашний день из сего лагеря с первою дивизиею армии, при которой я нахожусь, перейду я к деревне Фалдешты, за семнадцать верст отсюда. В том месте позиция моя будет равно

отстоятельная как к Пруту, так и Серету, то-есть по два только марша на обе стороны к каждой из сих рек и ко утвержденным мостам: на первой при Водянах, где с наивеличайшим трудом на обширном болоте чрез гати сделали переправу, а на второй при Максимилианах. Тут я, расположась, намерен ожидать, покудова достоверно узнаю, в которую сторону армия турецкая главные свои обратит силы, что еще доныне от нас скрывает визирь, ибо действия на Журжу отнюдь я почесть не могу открытием того, поелику там и намерения не имел неприятель чинить прямой поиск на крепость. С самой журнальной записки коменданта видно, что турки не в таких силах и приготовлении вышли сначала на берег, но уже увидев нечаянно робость нашего гарнизона, который слабо им воспротивился, вседневно подвозили из-за Дуная прибавок оным, но еще и то сомнительно, был ли действительный прибавок или, быть может, стратагему делал неприятель, обвозя на судах кругом раз по несколько те же самые войски, во умножение страха боявшимся.

Генерал-квартермистр и кавалер Боур, командующий авангардным корпусом, станет у меня впереди, оттоль верстах в двадцати, при деревне Толчешты. Он простерт разные виды, угрожающие неприятелю, на его берег поисками от стороны Галац. Я уповаю, что в сем положении будучи, принудим мы неприятеля явить вскоре нам в той или другой стороне прямые свои действия.

Время всего нашего походу было весьма дождливо, что и донесь продолжается, а от того реки так наводнились, что на Серете, разлившейся на версту, нет и переправы кроме пешому в лодках, а Прут почти уже выходит из своих берегов.

Пред несколько днями в Бессарабии в баталионе гранодерском майора Пеутлинга показались на нескольких рядовых приметы болезни опасной, но расширения дальшего и опасности сие зло не делает и по замолчанию я сужу, что уже оное исчезло...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 136—137. Подлинник.

№ 223

1771 г. июня 12.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА О.-А. ВЕЙСМАНУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПОИСКА НА ЮЖНЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ ДЛЯ ОСЛАБЛЕНИЯ АКТИВНОСТИ ТУРОК

№ 191

С получением крепости Журжи неприятелю предстали многие пути искать своих авантажев на здешнем береге и уже я имею от 10-го числа репорты, что он начал переправляться на

Яломице выше Слободзеи, также и комендант браиловский ждет на свой пост от Мачина попытки. Хотя передовой мой корпус, предводительствуемый г. генерал-майором и кавалером Боуром, предприимет, в обеспечение крепости и на подкрепление поста нашего на Яломице, движение, но я схотел еще и вашему превосходительству сообщить следующее: нигде больше вы не можете на пользу службы жертвовать своими подвигами, как в сию пору, когда есть нужда не допустить неприятеля, стремящегося взять поверхность над нами. Из его предприятий весьма вероятным оказывается, что турки все свои силы вверх Дуная обратили, и правое наше крыло или атаковать с правой стороны или отрезать от армии хотят. Вашему превосходительству, мне кажется, есть время теперь на ослабленной неприятельской против вас лежащий берег сделать поиск, ежели неприятель от устья Дунайского или Тульчи подвинул свои корабли, вверх то Запорожское войско на судах могут пуститься смело искать поверхность над неприятелем не только в сопротивных местах, но и шумом и смятением наполнять и позади лежащие, чем бы весьма удобно замешать неприятеля и отвлекти от его предвзятий на Волоскую землю. Я предаю сию мою мысль в вашу волю, чтоб произвесть оную в действие по изобретению вами к тому на месте удобности лучших. Итак, как вы уже неоднократно своим храбрым духом и благоразумною предприимчивостью умножили славу оружия ее императорского величества, то я надеюсь, что в сем случае, где наши волоские военные дела поправления требуют, подадите с своей стороны операциями оным лучшее споспешествование.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 86 об. — 87. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 224

1771 г. июня 13.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ДЕЙСТВИИ КОРПУСА Н. В. РЕПНИНА И О ПОБЕДЕ РУССКИХ ВОЙСК, ОДЕРЖАННОЙ ПРИ БУХАРЕСТЕ[1]

№ 37 *Лагерь при д. Фальтешти*

После отправления моего всеподданнейшего донесения к вашему императорскому величеству от 6-го числа сего месяца я был в надежде, что генерал-поручик и кавалер князь Репнин, дождавшись в соединение с собою генерала-майора и кавалера

[1] 7 июня Румянцев перешел к устью реки Кугурлуй и остановился при деревне Фальтешти в ожидании дальнейших действий противника. Для оказания в случае необходимости помощи войскам на Дунае и для прикрытия территории между Яломицей и Браиловом был выдвинут вперед на 20 верст авангард генерал-квартирмейстера Боура. Генералу Репнину, соединившемуся с Потемкиным, было приказано остаться в Капучанах. 10 июня турки на-

Потемкина, в исполнение моего предписания поведет предприятие на изгнание неприятеля, преселившегося при Журже на наш берег Дуная, так как к успеху в том влекла добрая слава оружия вашего императорского величества и то самое, чтоб не дать времени туркам больше под прикрытием завладенной ими крепости усилиться. Ответ от него имел я на сие от 7-го числа, что пред ним за рекою Аргисом к Журже дефилеи, леса и дурная самая речка Клинешты, и такова ж еще и в спине его Сабор с болотами и дефилеями, почему вперед забиваться ему нельзя, а естьли неприятель в его сторону перейдет и под силу будет, то, конечно, на него ударит и исполнит тем мое повеление. А в сию ночь получил я от него рапорт, в котором доносит о победе, одержанной при городе Бухаресте над пришедшим туда от Журжи Ахмет сераскиром трехбунчужным пашею, призванным от султана к сей стороне из Арабии, где он предводительствовал войсками, и сие донесение честь имею при сем представить в копии. Из оной ваше императорское величество усмотреть изволите, что о дальших своих преднамерениях по следствиям сего дела мне ничего тут не сообщает князь Репнин, а чрез браиловского коменданта я получил рапорт, что в тот же день, то-есть 10-го июня, неприятель переправился чрез речку Яломицу выше Слободзеи и тут содержащий наш пост майор Врангель хотя несколько уже раз воспротивлялся попыткам неприятельским, но за всем тем турки там усиливаются. К отражению сего неприятеля и в помощь крепости Браиловской, естьли б и на оную иногда схотел неприятель покуситься, вчерашнего дня уже переправился при Максимианах чрез Серет с авангардным корпусом генерал-квартермистр Боур.

Смотря во все стороны, примечательно еще не открываем и поднесь нигде движения главных сил визирских. Генерал-порутчик князь Репнин, пополняя уведомление о сдаче крепости Журжи, пишет, что поступок там бывшего коменданта майора Гензеля, когда он ни малейших причин ни прежде, ни после не видит, нудивших его толь скоропостижно сдаться, заставил его усумниться, не был ли он подкуплен неприятелем к прямому предательству, и для того при его аресте велено пересмотреть

чали переправу через Яломицу близ Слободзеи и стали сосредоточиваться на левом берегу реки. Это принудило генерала Боура отделиться от главной армии, перейти с корпусом через Серет у Максимени и приблизиться к противнику. Войска Репнина заняли позицию, чтобы встретить турок, идущих от Журжи. Румянцев не одобрил оборонительного положения, занятого Репниным, и приказал ему перейти в наступление. В связи с тем, что турки предприняли из Журжи движение к Бухаресту, Репнин, имея в своем тылу плохую позицию, 9-го числа отступил к Бухаресту, оказав сопротивление противнику, и не допустил его переправу через реку Арджеш. Турки, приняв умышленное отступление Репнина за отход, следовали за ним и 10 июня подошли к позиции, занятой генералом Репниным под Бухарестом. Едва 10-титысячное войско противника под командой сераскира-паши Ахмета заняло позицию, как было атаковано такими же силами генерала Репнина и отброшено к реке Сабор, в 11 верстах от места сражения.

все их экипажи, но к основанию сего сомнения не явилось ни деньгами, ни пожитками, а только между последними нашлось турецкое платье, которое коменданту при отпуске паша подарил, а между письмами его найдена капитуляция турецкая, в терминах весьма непристойных написанная, да совет ему, коменданту, о сдаче крепости Журжи от случившегося там на то время проездом Муромского пехотного полку премьер-майора Остена, который прошлого года от Военной коллегии принят из польской в службу вашего императорского величества. Сии обе бумаги в оригинале я тут подношу, а реченный майор Остен с прочими офицеры скован. Князь Репнин посылается на всех военных людей, кто Журжу видел, что сия крепость по своему состоянию и обороне могла совершенно держаться более двух недель, хотя бы и с осадною артиллериею неприятель к ней приступил, но оной против ее на берегу имел только шесть пушек 6-фунтовых, а в крепости было совсем готовых исправных 45. То, чтобы тут мог сделать неприятель, естьли бы постыдная и безмерная робость не овладела нашим комендантом и офицерами, ибо от того единого все зло произошло.

В настоящем положении как отлеглость места отнимает возможность при всяком, а наипаче непредвидимом происшествии учреждать действия моею резолюциею корпуса, в Валахии находящегося, то и предал я, сколько безопасное оного сообщение с армиею, так и действия относительно против неприятельских покушений в местах, им объемлемых, на собственной ответ и распоряжение командующего оным генерала-поручтика князя Репнина, приметивши ему, чтоб он ни к какому месту не привязывал себя, но в случае превосходного усилия неприятельского предпочитал славу оружия вашего императорского величества пред всеми земли выгодами, и, ища неприятеля, чтоб иметь с ним дело, тем самым укрощал его покушение, следственно и доставлял земле защиту...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 139—140 об. Подлинник.

№ 225

1771 г. июня 15.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА О.-А. ВЕЙСМАНУ СОВМЕСТНО С ЗАПОРОЖСКИМИ КАЗАКАМИ ОРГАНИЗОВАТЬ НАПАДЕНИЕ НА СУДА ДУНАЙСКОЙ РЕЧНОЙ ФЛОТИЛИИ ТУРОК

№ 196

О возвращении вашем из Дуная в Измаил по неудобствам, обозренным произвесть поиск на сопротивный берег, я, репорт ваш получа, не имею причины думать инако, как согласно с постановлением вашего превосходительства, ибо, определяя вам сию экспедицию, я сам предварительно и тогда же приметил

об опасности от неприятельского умножившегося флота. Но и одно сие ваше движение много подействует, я надеюсь, к диверсии неприятеля сверху, который, видев в сей части ваше намерение, станет приготовляться и к делу. Теперь я нахожу предать лучшему благоусмотрению вашему мою мысль о следующем: положение крепости Килийской сколько по ее укреплению, так и плоскости и мели берегов не подвержено большой опасности от нападения на оную неприятельского флота. Не можете ли вы, с сей стороны обеспечившись, употребить Запорожское войско с подкреплением от нашей пехоты, из коей часть вам отделить ныне удобно на остров Шулин, где бы они, скрываясь в камышах, кроме военных кораблей, все другие с малым вооружением от устья вверх идущие суда захватывали, а по крайней уже мере остановки делали, утвердя к безопасности тамо себе пост. Я не могу отсюду предписывать к производству решительных мер, а полагаюсь на довольное сведение тех мест и искусство вашего превосходительства, что вы и тут поищете способов к одержанию поверхности над неприятелем, посоветовав с старшинами Запорожскими, каким образом они лучше найдут возможным сие предприятие. Обнадежьте вы их моим словом, что естьли они отобьют у неприятеля военной корабль или инако разорят его флот, то, кроме денежного предовольного награждения, еще предводители к тому отличены будут особливыми знаками монаршей милости. Внушайте, что они прешли большую опасность в открытии пути от Днепра, всегдашнее дело их было и есть на своих лодках под Очаковом разбивать неприятельскую флотилию, то тот же дух храбрости да подвигнет их и на разные удобовозможные попытки против кораблей, в Дунай пришедших. О свойстве сих казаков я схотел вам приметить, что их ласкою удобно ко всему преклонять, а напротив к строгости они непривычны; итако ваше превосходительство умейте первым ободрять их службу. Из дошедших ко мне уведомлений сообщаю вам: от крепости Журжи приходивший к городу Букорештам Ахмет сераскир трехбунчужный паша с десятью тысячами войска отражен корпусом генерал-поручтчика князя Репнина и с уроном немалым прогнан за реку Аргис 10 сего месяца, а генерал-майор Ржевский, в одно время покусившегося неприятеля 4-мя тысячами между Яломицею и Аргисом атаковать наш пост в Негоештах разбил и еще и теперь поражает бегущих, имев уже в плену 59 человек, несколько сот убитых и две пушки, а неприятель, в крайнем страхе рассыпавшись, погибает и в реке [и] на земле. Теперь уже нужно, чтоб ваше превосходительство по всяк день присылали ко мне курьеров, будет ли или нет у вас какое новое происшествие, что и рекомендую исполнять. 5000 рублей, пожалованные вам от ея императорского величества при сем в золоте империалами посылаю.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 90—91 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 226

1771 г. июня 21.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ УСПЕШНОМ ПОИСКЕ ВОЙСК О.-А. ВЕЙСМАНА НА ТУЛЬЧУ

№ 42 *Лагерь при д. Фальтешти*

Сейчас получил я краткое донесение от генерал-майора и кавалера фон Вейсмана, которым спешит он меня уведомить, что от корпуса своего Бессарабского, посадив на суда деташамент пехотный, решился от Измаила 18-го июня с оным пойти чрез Дунай на весь неприятельской флот, состоявший при городе Тульче, и атаковать при том же городе знатной неприятельской корпус. Чрезвычайно великой дождь и противная погода держала его столько на воде, что он 19-го числа днем должен был начать свою атаку на неприятельском береге. В 10-м часу взял он штурмом весьма крепкой неприятельской ретранжамент и турецкие войски из города Тульчи выбил [1], а пополудни, хотя неприятель, получа себе великой сикурс, троекратно делал атаку на наш деташамент, но отражен во все разы был с великим своим уроном. Наш деташамент, пробыв весь тот день и следующую ночь в Тульче, поутру уже 20-го числа оттуда отправился на свой пост в Измаил. Генерал Вейсман за скоростию, не отобрав еще подробного сведения о вреде неприятелю и приобретении нашем чрез сию победу, а предваряя о том имеющий быть обстоятельной рапорт, доносил мне только, что он на сопротивном береге разбил трехбунчужного пашу Ахмета, предводительствовавшего тут в восьми тысячах корпусом. Убитых с неприятельской стороны более тысячи, а в полон взято сто шесть человек. Кораблей его и прочих судов сожжено немалое число, также и в Измаил оных привезено. О нашем уроне в скором времени только известно, что убит генерал-майор и кавалер Черешников. Капитанов три, рядовых до ста двадцати, ранено несколько обер-офицеров и рядовых до трехсот человек.

Позвольте мне, всемилостивейшая государыня, иметь щастие, торжествуя ныне в армии о сей знаменитой за рекою Дунаем победе, принести вашему императорскому величеству всеподданнейшее мое поздравление и препоручить, во-первых, в высочайшую вашу милость виновника оной прехраброго и толь предприимчивого генерала и кавалера фон Вейсмана. Сие поспешное

---

[1] В данный период Тульча была небольшим городом с сильным для обороны каменным замком, который представлял собой важный военный объект и поэтому являлся предметом неоднократных нападений со стороны русских войск. Однако из-за отдаленности этого города от основных баз 1-й армии удержаться в нем войскам Румянцева удалось лишь до осени 1771 г.

известие препроводил он ко мне чрез сержанта лейб-гвардии Семеновского полку Осипа Судьенкова, к армии приехавшего волонтером, ссылаясь на его словами пополнение, а сей мне объявил, что ретранжамент неприятельской, взятый штурмом по лестницам, состоял о двадцати четырех пушках; кроме плена войска и судов, в трофеи взято немало и пушек и знамен у неприятеля, но еще тому счету не сделано. А в помощь разбитому в Тульче корпусу пришедшее войско было весьма многочисленно, почитают, что тут был и сам визирь. Помянутый лейб-гвардии сержант Судьенков был в сей атаке за адъютанта при генерале Вейсмане и употреблен везде в опасность, доставляя повеления его войску, которого как расторопного и неустрашимого он мне рекомендует; почему и я приемлю смелость предать его высочайшему вашего императорского величества благопризрению; не отправляю ж оного с сим донесением ради удержаний карантинных, чтоб переменою курьера ускорить к вашему императорскому величеству сим известие.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 167—168 об. Подлинник.

№ 227

1771 г. июня 27.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ Р. И. ЭССЕНУ О ПРИНЯТИИ ОТ Н. В. РЕПНИНА КОМАНДОВАНИЯ ВОЙСКАМИ, РАСПОЛОЖЕННЫМИ В ВАЛАХИИ, И О БЛИЖАЙШИХ ЗАДАЧАХ

№ 224

Видев в репорте г. генерал-порутчика и кавалера князя Репнина, что он по болезни, ему приключившейся, сдал свою команду над корпусом, в Валахии состоящим, вашему превосходительству, во-первых, я спешу вам повелеть принятые от него все мои ордеры прочесть. Против содержания оных вы найдете, сколько неотвечаемо было исполнением как в рассуждении действий военных против неприятеля, так относительно и до пользы дел внутренних войска и земли. Ваше превосходительство, когда рассмотрите с искусством проницательного генерала положение своего корпуса и неприятеля, переселившегося на наш берег, то нельзя, чтоб вы не ощутили того, яко приведением от некоторого времени в оборонительное токмо состояние тамошних наших войск, неприятель получил всю свободу утверждаться на сей стороне Дуная. Искусство военное принесло многим, следующим оному, великие успехи не только от решительного бою, но часто от самых движений попыток и видов, расположенных

по правилам военного благоразумия и неусыпной предприемчивости.

Но что далее искать мне примеров, доказывающих истину того, поступок неприятеля против Журжи нам сие являет, ибо он не приготовлялся к осаде крепости, однако умел выиграть время и страхом ложных оказательств получить всю ту пользу, которую бы не всегда мог иметь чрез действительное сражение. Теперь ваш левой край к реке Яломице обеспечен довольно командою г. генерала-майора Ржевского и близким положением г. генерал-квартермистра и кавалера Боура; правой же от реки Ольты, я мню, не имеет опасности от войск видинских, никопольских и турновских, ибо когда неприятель предпринимал наступать против всего вашего корпуса к Букорештам, то все непременно собрал он от всех тех мест воедино свои силы. По соображению всего вышеписанного рекомендую я вашему превосходительству, созвав всех генералов, иметь с ними общее рассуждение, как бы наилучше — попытками ли прямыми или движением кажущим оные — утеснить неприятеля и изгнать из нашего берега и вывести свой корпус из нынешнего недвижимого состояния. Какие вы на то по общему согласию предположите меры, ускорите меня уведомить, дабы я в других частях в споспешествование вашим расположить мог и свои действия. Я склоняю мою речь на общее лицо, что тут должно поревновать всякому о восстановлении славы того корпуса, так как по участию в оном терпит каждого собственная. Между тем уведомите вы меня, которые и для чего полки из Киева привезли на людей сукна и прочую неделанную аммуницию, преступя мое повеление, чтоб там на месте на рекрут всю одежду построить, ибо г. генерал-порутчик князь Репнин ко мне пишет, что в вашем корпусе в нынешнюю пору в обмундировании солдат упражняются, поелику ничего нет готового. Меня уведомлял помянутый генерал-порутчик, что от 23-го сего месяца послана от него в Рымник на Ольту партия арнаутов для разъезду вниз по сей реке и разведывания о происходящем в банате Крайовском, из сего самого я заключаю, что между вами и Ольтою нет войск неприятельских и потому ваше превосходительство, оставя пристойной деташамент к прикрытию Букорешта от покушений неприятельских, хотя и неожидаемых с правой стороны, можете со всем корпусом перенестися к реке Аргису и переходом оные всеми ли войски или частью оных принудить неприятеля показать вам прямо, намерен ли он держаться на нашем береге или примется за обыкновенное и всегда дознанное при наступлении наших войск бегство, а познав то или другое и вы уже без ошибки можете тогда брать свои вопреки меры.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 100—101 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 228

1771 г. июля 7.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА О.-А. ВЕЙСМАНУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ НА ДУНАЕ И ЕЕ ЗАДАЧАХ

№ 229

По прибытии теперь к вам матросов и считая, что успели уже офицеры флота для действий лучших пленные неприятельские корабли устроить, заменяя недостаток парусинного полотна хотя палаточным, предложу я вашему превосходительству мои помыслы. Надобно бы теперь, получа способный ветр, такими вооруженными судами крейсировать нам вверх Дуная к Браилам, раз потому, что неприятель в Исакчу и Мачин получает провиант сверху на судах; второе, что при Исакче и выше нигде не видим больших неприятельских судов, следственно, естьли вы свои корабли переделаете на военной манер, то никакой опасности им не будет производить поиск над неприятельскими идущими судами, которые и малы и, как вы видите сами, наиболее суть из купеческих и малоудобные к бою своим снарядом, а разъезд наших судов, вооруженных в Дунае, великой страх наведет на неприятеля, не говоря о пресечении ему чрез то сообщения сверху водою. Ваше превосходительство, объявите о сем мое повеление г. флота капитану Нагаткину, чтоб он по своему искусству приложил все старание на произведение вскоре сего опыта. Ежели турки согласятся на обмен 6 человек наших содержащихся в Бабаде, о чем вы в репорте под № 214 доносили, то позволяю я их 8 человек отпустить.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 104 об. — 105.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 229

1771 г. июля 9.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА О.-А. ВЕЙСМАНУ О ПОДГОТОВКЕ ПОИСКА ЗА ДУНАЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕЧНЫХ СУДОВ

№ 437

Вознамерясь сделать поиск на стоящего за Дунаем противу Галаца при урочище Жижие Мегмед-пашу, приказал я поспешно справить из-за Рябой Могилы к Ренну двадцать шаек, на коих до двух тысяч человек вместиться может; но здесь нет таких, кои бы уже в действии подобном употреблены были, я рекомендую вашему превосходительству назначить в сию экспедицию майора Мекноба с его командою и велеть ему приблизиться

к Пруту; и чтоб маскировать его движение не лучше ли к Водянам или при Ренне, или же как вы за способнее признаете; и когда прийдут шайки, на оных опуститься прямо в устье и ко мне тотчас дать знать, а я прибавлю к нему еще несколько войска. Но чтобы отвлечь состоящих у Исакчи, то в самое же то время, когда вам знать дастся о их действительном в Дунай вступлении, ваше превосходительство с своей стороны покажите, что вы имеете намерение на Исакчу, дабы оне не могли сикурсировать Мегмед-пашу.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1927, л. 86 об.—87. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 230

1771 г. июля 17.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА КАПИТАНУ ПЕРВОГО РАНГА НАГАТКИНУ О ПОДГОТОВКЕ ДУНАЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ К ДЕЙСТВИЯМ ПРОТИВ ТУРЕЦКИХ СУДОВ НА ДУНАЕ

№ 256

В отбитии у неприятеля кораблей мало будет нам пользы, естьли не ускорить обращением их на действия, вредные неприятелю. Вы имеете мои повеления снарядить в Измаил приведенные турецкие суда со всякою поспешностью для дела на воде, а как теперь по Дунаю неприятель хотя лишился больших судов, однакож малыми лодками свои нужные войскам отправляет транспорты. Для того и рекомендую я вам открыть немедленно с своими офицерами движение судов наших по реке Дунаю и как скорее поспеть могут исправлением из таковых несколько подвинуть к высоте Браиловской, с таким учреждением, чтоб большие суда или корабли, кои не везде могут взять свой путь, крейсировали в удобных к своему ходу местах, а малые лодки, обнадеживаясь в случае опасности убежищем под их прикрытие, могли делать разъезды и поиски над всяким судном турецким, где оное появится, а особливо на малых и мелких проливах. Видом сих действий великий мы нанесем страх на сопротивном берегу Дуная пребывающему неприятелю, который сопротивляться нам на воде не имеет по нашему обозрению ныне удобного и достаточного флота. Что касается до провизии корабельной, вы имеете мое повеление, сообщенное и г. генерал-майору Вейсману, елико можно оную приспособить, а впрочем как мы здесь ни в каких запасах не имеем избытку, то и надобно довольствоваться что есть и чем токмо можно.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 114 об.—115. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 231

1771 г. августа 2.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА БРИГАДИРУ А. С. МИЛОРАДОВИЧУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ПОСТОВ ПРИ МАКСИМЕНИ И ПОДДЕРЖАНИИ СВЯЗИ С КОМЕНДАНТОМ БРАИЛОВА И РУССКОЙ РЕЧНОЙ ФЛОТИЛИЕЙ НА ДУНАЕ

№ 274

Разлитие последнее[1] разорвало, так сказать, всю связь стоящих за Серетом и на сей стороне корпусов, я из осторожности на предыдущее время при восстановлении ныне сообщения чрез мосты заблагорассудил при Максимианах учредить пост и препоручить оной вам, куда ваше высокородие с двумя своей бригады пехотными полками Севским и Выборгским и одним нумером полевой артиллерии завтра маршировать имеете и, перейдя реку Серет, расположиться лагерем близ укреплений, что сделаны в защиту тамошней переправы. Делом вашим будет в том положении удерживать сию связь беспрерывно и обеспечивать ее на всякой случай; а естьли бы неприятель покусился поиск делать на крепость Браиловскую переходом на наш берег или утверждением себя на острове, противолежащем оной, тогда в последнем должны вы будите в усилие гарнизону отделить часть своих людей, а в первом и со всеею своею командою туда поспеть на опровержение его, для сего вам должно непрерывное иметь сообщение с комендантом браиловским г. полковником Борзовым и дать знать ему о своем прибытии на означенной ваш пост, также и г. генерал-квартермистру Боуру, который стоит с корпусом между рек Яломицы и Колмацуя. На сей стороне Серета г. бригадир Райзер имеет свой пост близ озера Братищ, где находится деревня и пристань Вадуль Лимитани, с ним вы должны вседневно взаимными обсылаться уведомлениями и вспомоществоваться, естьли бы неприятель покусился на наш берег близ Галац, а соединяться на общее дело, где бы одними своими силами не в состоянии был тот или другой противиться, но в сих случаях как вам при Максимианах, так ему при Галацах оставлять прикрытие по усмотрению обстоятельств, а я г. Райзеру велел из своей команды уделить вам один эскадрон пикинеров для разъездов. При сем известны будьте, что от Измаила наш флот к высоте Браиловской под управлением флота капитана Нагаткина, на пресечение хода неприятельским

---

[1] Особенностью Дуная и его притоков является то, что помимо весеннего разлива на них наблюдаются внезапные и очень высокие паводки и в другие времена года, вызываемые либо сильными дождями, либо быстрым таянием снегов в горах в жаркое лето.

судам сверху Дуная вниз, отправлен [1]. Я не меньше поручаю вам в должность чинить и оному всякое вспоможение людьми по требованию реченного предводителя, как и естьли бы неприятельские действия принудили его под оборону приступить к берегу в околичности Браилова, подать ему в то наипаче время вашею командою всю потребную защиту. Не только в случаях, о которых вам выше сказано, но и об открытии чего-либо из вышеписанного репортуйте меня немедленно так, как требует обеспечение надежного сообщения с передовыми постами армии, относящееся ныне по мере настоящей должности и на ваше бдение.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 122 об. — 123 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 232

1771 г. августа 4.— ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ДЕЙСТВИЯХ КОРПУСА Р. И. ЭССЕНА И ФЛОТИЛИИ КАПИТАНА НАГАТКИНА

№ 49 *д. Фальтешти*

Вашему императорскому величеству имею честь донести, что я теперь получил письмо от 4-го июля из Землина от бывшего при Порте Оттоманской министра Обрескова, в котором он дает мне знать о своем освобождении, и что оттуду возьмет путь, по выдержании карантина, который окончевался 22-го того месяца, чрез Темишварской банат на город Чирк Гумеш называемый, лежащей на Трансильванской границе, в Яссы. Я послал нарочного уготовить всепотребное по пути для поспешного его проезду от Трансильванских границ в Молдавию и просил его, как уже от города Ясс до сего места, где я с армиею нахожусь, не больше времени на почте едущими употребляется, сколько надобно ему будет взять для починки там своих экипажей, заехать сюда ко мне. Я в той надежде сие чиню, что чрез свидание с ним могу получить сведения так, как от лучшего испытателя турецких дел, о многом на пользу службы.

Неприятель по сю пору виды токмо кажет укрепления своего на сопротивном берегу Дуная. При Мачине, где его сильнейший пост пред прочими под управлением, как пленные показывают, Абды паши, вседневно земляною работою укрепляют турки свой стан. Вверх Дуная уже не кажутся их великие силы, а приметно больше обращение теперь оных вниз, в чем к удостоверению служит само пребывание визиря поднесь в Бабадах.

[1] Состав Дунайской флотилии капитана Нагаткина к лету 1771 г. доходил до 20 различных мелких речных судов.

Командующий в Валахии генерал-порутчик и кавалер фон Эссен отведывал разными своими движениями выманивать неприятеля из Журжи, тамо оной никакою уловкою не побуждается вступить в полевое дело и сидит неподвижно в той крепости. Знаком его слабосилия приемлет реченной генерал-порутчик самое то, что все партии, шатавшиеся в Крайовской земле и на той стороне Аргиса, теперь сокрылись и обращения войск наших неприятель не надзирает боле там и малыми своими разъездами, а боязнь турков держаться против нас на здешнем берегу доказывают принесенные ему от выходцев из Журжи известия, что не запасают в оной для находящегося их войска провиантских магазейнов, а снабжают людей пропитанием на два и на три дни, привозя оное на судах из-за Дуная.

Сии обстоятельства и соответствующее тому положение неприятеля в нижней стороне Дуная, где он от времени люднее становится, представил нам удобность овладеть и паки Журжею, почему и получил уже от меня повеление генерал-порутчик Эссен сделать прямой поиск на ту крепость, чему события я на сих днях ожидаю, так как вижу к тому добрую волю сего генерала [1].

В предыдущей всеподданнейшей моей [реляции] под № 47-м [2] ваше императорское величество видеть соизволили, что для пресечения неприятелю водного сообщения между Мачином и Исакчею и на поиск против его судов, скрытными заливами проходящих, с нашею флотилиею к высотам браиловским выступил от Измаила флота капитан Нагаткин. Сей офицер 1-го августа, ища высмотреть ситуацию мест по речке Алалуе и озере Плоском, переезжал за Дунай на двух малых полуканчебасах, которые употребляются при галерах, и на четырех лодках с тридцатью гранодерами и восемнадцатью арнаутами. Взошед за Дунаем на гору, называемую Буджак, что лежит против Галац, открыл он неприятеля в речке Алалуе, от Исакчи шедшего на судах в числе пятьдесят человек, на коего произведя поиск отбил с парусами четыре большие лодки и одну полушайку. Неприятель при сей схватке много противился стрельбою и едва прогнан быть мог, потеряв убитыми своих трех человек и наступлением уже наших гранодер, коими предводительствовал секунд-майор Белич.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 210—213.
Подлинник.

---

[1] Генерал Эссен не оправдал надежд Румянцева (см. док. № 233).

[2] Реляция № 47 от 26 июля в Сборнике не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1925).

№ 233

1771 г. августа 13.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НЕУДАЧНОЙ АТАКЕ КРЕПОСТИ ЖУРЖИ ВОЙСКАМИ Р. И. ЭССЕНА[1]

№ 50 *Лагерь при д. Фальтешти*

Отвечая своему званию и доверенности высочайшей вашего императорского величества всеподданнейшим усердием искал я все открывающиеся случаи обращать к пользе оружия, мне вверенного. Ревность моя в сем пункте была, однакож, руководима всегда уважением на время и обстоятельства нашего неприятеля.

Видели посему ваше императорское величество во всенижайшем моем донесении под № 47-м, что я предприятие генерала-порутчика и кавалера фон Эссена, атаковать крепость Журжу, не находя в ту пору удобным, отложил было оное до времени полезнейшего. Известны также быть изволите, всемилостивейшая государыня, из последней всеподданнейшей моей [реляции] под № 49-м, сколь я убежден был после того дошедшими ко мне от реченного генерала уведомлениями согласиться на его просьбу и дозволить сделать поиск на Журжу, зря как его добрую волю, так и паче влекущие к тому обстоятельства, когда он уверил меня, что неприятель от Ольты и от всех сторон скрылся и не кажется нигде пред нашими войски. Когда одни выходцы ему приносили известие, что турки крепостную артиллерию вывозят за Дунай, другие утверждали их боязнь, и что в Журже не имеют они ни малого магазейна, а питаются привозом вседневно пищи из сопротивного берега, следственно и не прочат пребывания своего на нашем береге, а в сем последнем подавали еще удостоверение умножающиеся от времени их силы в нижней стороне Дуная.

По сим предуверениям генерал-порутчик фон Эссен с своим корпусом пришел к крепости Журже 4-го числа сего месяца. Неприятель его пути ничем не воспящал. Партия конная в трехстах человеках, выехавшая осмотреть наших войск движение, нашим авангардом была разбита, из коей в плен получили одного бим-пашу, двух байрактаров и шесть рядовых, а прочие войски

---

[1] В результате неудачной попытки занять крепость Журжу русские войска понесли большие потери. Почти все офицеры отряда, которые во время штурма, находясь всегда впереди, подавали пример мужества солдатам, были убиты или ранены. Было убито 497, тяжело ранено 1393 и легко 321 солдат. Главным виновником неудачных действий против Журжи был генерал Эссен. На свою службу в русской армии он смотрел лишь как на средство личной карьеры и наживы. Вопреки указаниям П. А. Румянцева Эссен дал приказ штурмовать крепость Журжу, не произведя необходимой разведки сил и расположения противника и не проведя необходимой подготовки штурма.

неприятельские, коль скоро открыли движение нашего корпуса, тотчас вобрались в свой ретраншамент, отделя некоторую часть своей конницы по Турновской дороге, которую преследовал полковник и кавалер Пищевич с своим гусарским полком и взял из них в плен двенадцать человек.

С 6-го на 7-е число решился помянутый генерал штурмом овладеть ретраншаментом, в коем неприятель засел, но сие предприятие окончилось неудачно и доведен он был нещастием с потерею людей отступить от того места, видев себя не в состоянии превозмогти отчаянное сопротивление неприятеля. Подношу при сем в оригинале его ко мне рапорты и поданные ему от частных командиров, как сие дело происходило, диспозицию к атаке и списки о числе убитых и раненых, высших и нижних чинов [1].

В сих донесениях все то состоит, что я по сей час о том происшествии получил от реченного командира. Не быв свидетелем делу, не смею я заочно положить нареканиев ни на чьи упущения в сем неприятном случае. Смерть и раны многих свидетельствуют, сколь довольно тут было стремительного усердия приобресть победу, жребий, коея не всегда в человеческой власти. А сего не должен я умолчать пред вашим императорским величеством, что я, дая позволение генералу-порутчику фон Эссену на атаку неприятеля при Журже, внушал ему, чтоб он употребил в пользу сведение наших инженеров и генералов о положении тамошних укреплений и расположил бы потому все свои приготовления, дабы в произведении дела не найти себя в недостатках. Велел ему, во-первых, начать попытку на ретраншамент действием артиллерии, стреляя залпом из многих пушек в амфиладу, чем бы и прикрывать могли свой приступ и отнюдь не сходно то с моими мыслями, что он атаку зачал ночью, когда все случаи к смятению легко происходят, и, приступ делая на ретраншамент, тащили с собою бесплодно пушки, из коих семь досталось в руки неприятелю.

Всемилостивейшая государыня, я дерзаю уповать на правосудие вашего императорского величества, что высочайше признать благоизволите, сколь мне, располагая свои действия на толь великом расстоянии, нельзя инако их учреждать, как на удостоверениях и мыслях частьми командующих генералов, чему следуя, должен я был положиться на уведомления генерала-порутчика фон Эссена и по степени толь уже знаменитой, какову носит он в армии, иметь к нему столько доверенности, чтоб предоставить его диспозиции достигать пользы, которую он в своем месте предвидел для службы, и меня в том унадеждил. Впрочем сия потеря под Журжею еще ни в чем не переменяет нашего положения и неприятель, естьли бы покусился после сего на какой шаг, везде будет принят достаточным сопротивлением. А только генерал-квартермистр и кавалер Боур, которому доставлял я все

---

[1] Указанные приложения не публикуются.

потребное для учинения поиска на неприятеля, стоящего при Гирсове, о чем имел я честь донести вашему императорскому величеству от 10-го сего месяца, уведомляет меня, что он, получа уже от Измаила потребное к тому число судов, рекогносцировал остров Гиски и нашел оной занятым от неприятеля, который одно его судно вперед отдалившегося атаковал и убил на оном одного казака, а другого ранил. Открыл он также лагерь при Гирсове неприятельской, увеличившийся, и что турки делают новой ретраншамент на том месте, где он намерен был учинить десант. Сии обстоятельства переменили план его атаки и трудность навели его предприятию, почему он на сие время только обнадеживает меня о пресечении в той части по Дунаю ходу неприятельского разъездами запорожских судов в тамошних местах...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 215—217 об. Подлинник.

№ 234

1771 г. августа 16.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА О.-А. ВЕЙСМАНУ О ДЕМОНСТРАТИВНОМ НАСТУПЛЕНИИ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ С ЦЕЛЬЮ ОТВЛЕЧЕНИЯ ПРОТИВНИКА ОТ ВЕРХОВЬЯ РЕКИ

№ 287

По поводу репорта вашего превосходительства под № 261, коим вы доносили о примеченном умалении в неприятельских лагерях при Тульче и при Исакче, палаток и войска, веду я заключение, что может быть неприятель от сих мест подвинул свои силы вверх Дуная или для усилия поста своего Гирсовского, зря против оного виды приготовляемого поиска от противостоящего корпуса генерала-квартермистра Боура, или, собираясь действовать на которую-либо часть наших войск, находящихся в Валахии, ободрившись к сему последнему поверхностью одержанною против 7 числа сего месяца под Журжею, где г. генерал-порутчик Эссен делал штурм на ретранжамент, сильно защищаемый неприятелем, и отступить принужден был без успеха. Я надеюсь на искусство и проницание вашего превосходительства, что вы не упустите новым изобретением с своей стороны привести неприятеля во внимание на себя, сколь скоро удостоверитесь, что он свои ослабил против вас посты. Я не предписываю вам ни способов, ни поры, ни на какой поиск, а предлагаю только, как генералу, прославившемусь отменною предприимчивостью, мои идеи, коль нужно есть для вышепи-

санных резонов показать вам виды противостоящему неприятелю, что вы готовитесь поставить твердую ногу на его берегу и тем отвлекти его подвинутые войски вверх Дуная. По последней мере естьли вы свои суда станете выводить и приготовлять к ходу, разглашая в народе о намерении вскоре перенестись за Дунай, то по молве общей тотчас сии вести дойдут в уши неприятелю, и он должен будет свое бдение против вашей части превосходно обратить.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 131 об. — 132. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 235

1771 г. августа 26.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА О.-А. ВЕЙСМАНУ ОБ УЛУЧШЕНИИ САНИТАРНОЙ СЛУЖБЫ В ВОЙСКАХ

№ 622

От начала вступления моего в командование армиею не преставал я между протчими нужными на пользу службы наставлениями напоминать о надлежащем призрении больных и доставлении им всех возможных выгод, для сего и в полки, сверх положенной по стату, прибавлена сумма, и на случай умножения таковых больных, кои с полками двигатца не могут, особливо учреждаемые полевые лазареты повелел комиссариатским комиссиям снабдевать всем потребным, что к спокойствию и скорейшему выздоровлению их способствовать может. Но и затем, паче ожидания моего, дошли ко мне неприятные известии, что от многих корпуса, в Мултянию состоящего, полков больные разбросаны по разным местам, не только не снабженные нужным к спокойствию их, но и без пищи и без медикаментов и повидимому ни находящейся тамо комиссии и никому знать об них не дано; а офицеры, к ним определенные, никаких наставлений не имеют, следовательно, и сами не брегут и не пекутся о помощи сим нещастным людям, коею каждой и по одному только человечеству ближнему своему должен. Справедливость сия утверждается весьма великим числом в сем корпусе больных, ежедневно, как из рапортов видно, умножающихся, а невыздоравливающих, чего иной причины кроме сущего небрежения никак причесть не можно, а потому вижу себя в необходимости еще напомнить прежние мои о том повелении и в последния, подтвердив оные, возложить попечение о должном призрении больных на ответ самих господ командиров отделенных от армии корпусов и всех деташементов, предписав при том, чтобы для всех таковых, кои в движении с полками быть не могут:
1. Учреждаемы были поблизости от оных лазареты; при учреждении их наблюдаемы бы были безопасность от стороны

неприятеля положение места, где здоровее воздух и чище воды, соглашаясь в том с медицинскими чинами. 2. Благовременно даваемо бы знать комиссариатским комиссиям о снабдении таковых лазаретов потребными для покою вещми, съестными, питейными припасами или на покупку оных деньгами, а определенных к надзиранию офицеров наставлениями и книгами на записку приходу и расходу; о доставлении же медикаментов и потребного числа лекарей и подлекарей дивизионным докторам. 3. При всем том наблюдаемо бы за офицерами, чтоб не дерзали они употреблять во зле сделанной им доверенности и не обращали в свою пользу принадлежащего больным, одним словом, чтобы больные отныне ни в чем ни малейшего недостатка не терпели; и, наконец, 4-е. Определяемым к надзиранию офицерам подтверждать, чтобы выздоравливающих, ни мало мешкав, отправляли к полкам, а трудно больных по показаниям медицинских чинов, одержимых хроническими и продолжительного врачевания требующими болезнями как от лазаретов, так и от всех команд отправлять в генеральные особо учрежденные госпитали, о чем ко исполнению сим вашему превосходительству и предлагаю, а к обер-кригс-комиссару Свиньину и генеральному штаб-доктору барону Ашу равного содержания подтверждении даны.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1927, л. 131 об.— 132 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 236

1771 г. августа 29.— ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ УСПЕШНЫХ ДЕЙСТВИЯХ ЛОДОЧНОЙ ФЛОТИЛИИ ЗАПОРОЖЦЕВ В НИЗОВЬЯХ ДУНАЯ И НЕУДАВШЕМСЯ ПОИСКЕ Ф. В. БОУРА ПРОТИВ ГИРСОВА

№ 53 *Лагерь при д. Фальтешти*

Из рапортов, ко мне дошедших после отправленной всеподданнейшей моей [реляции] под № 52-м [1], имею честь вашему императорскому величеству всенижайше донести: употребленные на пресечение неприятелю водного сообщения по Дунаю запорожские казаки на своих шести лодках были отправлены на сих днях с под Браилова от флота капитана Нагаткина под предводительством секунд-майора Белича для поиску против судов турецких, ходящих от Исакчи в Мачин. Сей майор от посту нашего Галацкого ночью против 25-го числа августа взял свой путь по реке Микуле и чрез озеро Плоское вошел в два часа

---

[1] Реляция от 23-го августа 1771 г. не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1925, лл. 238—239 об.).

пополуночи в реку Алалуй против горы Буджака, тут он показанные свои шесть лодок, на коих только было 300 человек казаков запорожских, расставил по той между собою в версте, вниз и вверх помянутой реки, а с правой и левой своей стороны возложил стражу о неприятеле на пикеты, отделенные на малых лодках, и скрывшись в таком расположении от примечания неприятельского с своими судами в кустарниках, дожидался проходу турецких судов. Поутру того ж числа показалась неприятельская флотилия в числе 4-х галер, 3-х канчебасов и во множестве малых судов и лодок. Открыл оную вдали особливо посланный вниз по Дунаю и по речке Чулинце разъезд из Галац от поручика Ахтырского гусарского полку Пятковича. И по уведомлению предварительному от него, реченный майор Белич вскоре увидел и сам оную идущую вверх к Мачину на парусах по над берегом своим, по которому ехали 100 человек конных для прикрытия. Он дал спокойно ей поравняться с срединою расставленных его лодок. А дождавшись того, внезапно с обеих сторон с своими казачьими лодками, выступя из кустарников, повел на сию неприятельскую флотилию атаку. Неприятель, видев себя кругом охваченного, и что его стрельба пушечная и оружейная, которую он бесплодно, хотя и найжесточайше производил, нимало не остановила наступающих на него, сколько с персональною смелостию, так и действием пушечного и оружейного огня, принужден был искать своего спасения, бросаясь из судов в воду к своему берегу. Наши, преодолев храбростию его сначала сильное сопротивление, овладели вскоре всею флотилиею. И как сошедшая на берег часть команды майора Белича поражала бегущих турков, к тому времени неприятель от Мачина, услыша стрельбу, в 200-х человек конницы подоспел на помощь своим, чем разбитые возободрясь, покушались от берегу с наибольшим напряжением овладеть по-прежнему своею флотилиею, но майор Белич, обратя на них как собственные, так и отбитые пушки, опровергнул тем их предприятие, и высаженные наши войски на берег, вспомогаемые действием артиллерии, сего неприятеля немедленно за гору Буджак прогнали.

Сим образом отбитая и приведенная к Браилову с знаменами и флагами неприятельская флотилия состоит в 4-х галерах, 3-х канчебасах и 3-х малых шлюпках, первая о 5-ти больших медных пушках, из коих три с гербами цесарскими, на второй также 5 медных пушек, а 3-я и 4-я имеют токмо по одной медной же пушке и по два фалкенеты. Сих последних и на 3-х канчебасах взято 10. Получили довольное число на сих судах принадлежащих к оным запасов, то-есть парусов, якорей, весел и прочего. Сверх взятых, еще три небольшие судна и несколько малых лодок, кои были у неприятеля, отбиты, но повреждены в сражении от пушечных выстрелов, как уже негодные к употреблению, майор Белич приказал на том же месте истребить.

Толь полезной поиск майор Белич совершил не потеряв из своей команды ни одного человека убитым и раненым. А урон неприятеля, бывшего на судах и на берегу до 1000 человек, щитает он убитыми и потопленными до 150 человек, в плен взят капитан, командовавший сею флотилиею, Гаджа Ассан и 2 турка. Майор Белич похваляет с ним бывших и отличившихся храбростию в сем деле поручика Пятковича и Новгородского пехотного полку подпоручика Николая Пиери.

Я осмеливаюсь всеподданнейше просить вашего императорского величества удостоить медалями, подобно даваемыми за храбрость солдатам, на знак высочайшего благоволения вашего, каждого из сих запорожских казаков, которые на 19-ти лодках из Сечи с великою отвагою прошли в Дунай и здесь во всякое дело мужественно употребляются; к чему и вящшее бы они от таковой к себе милости монаршей поощрение возымели; а теперь за вышеписанной их подвиг в отбитии турецкой флотилии 6 атаманам по 10 рублей, а рядовым 300 по 2 рубли выдал я из экстраординарной суммы в награждение.

Генерал-квартермистр Боур приготовил было свои распоряжения на истребление неприятельских пристани и магазейна при Гирсове и уведомляет меня от 26-го сего месяца, что он на то решился, упреждая предузнаваемой по прибывшему неприятельскому в его стан подкреплению при 20-ти знаменах на свой пост покушение. И для того за три дни пред тем отрядил он в ночи запорожские суда вверх Дуная, придав к ним несколько лучших бомбардиров с каркасами. Им он повелел поднять якори при наступлении ночи и после полуночи с возможною скоростию войти в пристань между неприятельские суда, отхватить оных сколько можно будет, а прочие сжечь и тому же предать магазейн и город. Сто человек лучших охотников должны были сделать нападение на замок, а два прохода из Дуная в пристань занять двумя галерами и острова Гиску баталионом Розена, которой долженствовал, увидя успех в пристани, тотчас стараться завладеть неприятельскою батареею. Баталион подполковника Левашева приготовлен был на нашем берегу, и остаток корпуса реченного генерала по обстоятельствам имел подавать с наибольшим стремлением помощь свою в то место, где оная полезна бы была. Всякая часть свое действие повинна была ознаменить разными сигналами, которые могли привлекать неприятельское внимание во все стороны. Все сие сделано было так, как хотелось генералу-квартермистру Боуру. И уже авангард запорожской, где были бомбардиры, вошел в пристань, не имев на себя от неприятеля ни одного выстрела, но не успели они еще зажечь город и магазейн и забрать суда, коих было до 50-ти, как другие запорожцы прежде времени зачали стрелять из пушек по неприятелю, который до того не знал об них, и встревожили турков в лагере как сим, так и видом в разных местах наших сигналов. Неприятель встревоженный, оставя город, бросился в

замок, открыл из оного и из своих на высоте и у пристани батарей жестокую пушечную пальбу. Действие оной хотя не вредило наших, но от произшедшего от того в ночную пору замешательства, не возымело сие предприятие желаемых следствий. Запорожцы отступили назад без потеряния и едного человека. Суда наши могли еще до свету войти в устье Яломицы, не открыв неприятелю в темноте ночной подлинного своего намерения и действий. Генерал Боур обнадеживает меня сыскать еще случай, где уже предостережет, чтоб подобное сему не случилось в другой раз.

В Валахии не престают и доселе происходить разглашения о движении неприятельских великочисленных войск из-за Ольты под предводительством паши Мусун оглу, но никаких видов, чтобы в том удостоверять могли, еще нигде не познаем. Явился недавно на пост генерала-майора Гудовича прапорщик гусарской Милкович, взятой турками в плен под Турном 23-го майя. Он ушел из Никополя и выведен на наш берег сербами. Сказывает, что Никопольской паша призывал его раз несколько пред себя и всегда угрожал в разговорах с ним нашим войскам шествием на Букарешт реченного Мусун оглу, который ведет с собою войски от Румелии и Боснии. Из сего самого я заключаю, что неприятель, конечно, на страх нам разглашает поход реченного паши, ибо никому неполезно прямых своих намерений открывать противным завременно. Да и сей офицер по пути не видел нигде в великом собрании турецких войск. В одно время как и упомянутый прапорщик пришел к войскам нашим в Валахию донской калмык Шерип, который пред начатием войны с турками послан был от Донского атамана с письмом к хану крымскому и там по разрыве мира удержан и продан был турку, с которым он напоследок приехал в Силистрию и оттуду бежал. Он объявил слышанное от турков, что уже паша Мусун оглу и в Турнов приехал, но один сам, а войска еще к себе ожидает [1].

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 240—244 об. Подлинник.

№ 237

1771 г. августа 31. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Р. И. ЭССЕНУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РАЗВЕДКИ ГОРОДОВ, РАСПОЛОЖЕННЫХ ЗА ДУНАЕМ

№ 653

Приложите старание, ваше превосходительство, сыскать сведующих людей о расстоянии между лежащих за Дунаем городов, начав от Гирсова до Силистрии, Рущука и Никополя, то-

[1] В непубликуемой части реляции П. А. Румянцев доносил о незначительных действиях против турок и польских конфедератов.

есть коль далеки сказанные города один от другого положением, и от каждого из оных колико расстояния до Варны, Бабады и до Черной воды или Карасу; между всеми же как первыми, так и последними, какие дороги, гладкие ли, гористые, с частыми ли переправами чрез малые или большие реки, или болотистые и прочая, как и от всех генерально мест к Варне, к Аккерману и другим по берегу Черного моря лежащим. И ежели таковы знающие совершенно положения о вышепоказанных мест, а паче берегов Черного моря к вам явятся, немедленно пришлите их ко мне. А о сем же в Мултянской диван и к Букарестскому коменданту от меня ордеры даны.

Румянцов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1926, л. 19. Подлинник.

№ 238

1771 г. сентября 9. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА БРИГАДИРУ А. С. МИЛОРАДОВИЧУ О ПЕРЕХОДЕ ЕГО ОТРЯДА К БРАИЛОВУ И ОРГАНИЗАЦИИ ОБОРОНЫ ЭТОЙ КРЕПОСТИ СОВМЕСТНО С ФЛОТИЛИЕЙ КАПИТАНА НАГАТКИНА

№ 329

Разглашения от стороны неприятельской, которые к нам доходят, хотя веры не вовсе достойные, взять, однакож, не неприлично и против оных ближайшие осторожности, и потому я рекомендую вашему высокородию перейти с своими полками к крепости Браиловской, поехав самим наперед для избрания тамо места для лагеря такого, в котором неприятель с сопротивного берега довольно мог бы обозреть ваш приход с войском и расположение, чем привлекти можете его к сему месту внимание, к коему полезно для нас его теперь принудить. Г[осподину] браиловскому коменданту я предположил быть в вашей команде. Ему вверено от меня все распоряжение, что принадлежит до сбережения крепости, а ваше высокородие имеете ему свои повеления дать, естьли бы дошло вам какое действие предпринимать против неприятеля и тогда снабдить крепость числом гарнизона, сколько потребно будет для обнятия довольною обороною ее укреплений. На острову, противолежащем Браилам, поставьте свой пост, сделав на нем укрепление и батареи для воспящения неприятелю приближиться к крепости. Я велел флота капитану Нагаткину стать с своими судами в такую позицию, чтоб они отражать могли всякое покушение неприятельское на сей остров и настоящий на оном наш пост. Артиллерии капитан и кавалер

Бишов получил от меня повеление делать тамо распоряжения для наведения мосту чрез Дунай, в уповании, что на сию стратагему неприятель внимать станет с великою тревогою. Г. генералу Райзеру велел я два орудия 12-фунтовых с потребным числом служителей артиллерийских и снарядов к вам отправить.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 147—147 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 239

1771 г. сентября 9. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА О.-А. ВЕЙСМАНУ О НАБЛЮДЕНИИ ЗА ПРОТИВНИКОМ И ПРОВЕДЕНИИ ДЕМОНСТРАТИВНЫХ ПОИСКОВ ЗА ДУНАЙ

№ 331

Ваше превосходительство найдете в письме, к сему присоединенном [1], которое ненарочно удержано два дни без отсылки в моей канцелярии, что я весьма желаю с вами видиться и по персональным объяснениям сделать распоряжение на будущее время. Между тем по обстоятельствам настоящим нахожу я вам предложить; от корпуса Волоского непрерывно уведомляют, якобы паша Мусун оглу из-за Ольты в 100 000 войска вскоре придет сразиться с тамошними нашими войски, и хотя сии разглашения не стоят веры, но я при восприятии против того осторожностей приказал еще употребить стратагему, открывая работу при Браилове для наведения чрез Дунай мосту. Без сомнения, действительные виды сего предприятия должны отвлечь войски к сему месту, которые стоят вниз Дуная на сопротивном вам берегу. Ваше превосходительство не оставьте примечать бдительно на могущую быть для сего в тех местах убыль и воспользуйтесь в таком случае нападением на слабой, которой-либо пост. Вы много сделаете страха для неприятеля, естьли в нынешнюю пору потщитесь своими попытками его тревожить, а найдя случай и прямо где-либо его разбить, пропустите в своей стороне в народ разглашение, что армия наша переходит за Дунай при Браилове, чтоб тем больше удостоверить вышеписанные виды.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 148—148 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] Письмо в делах отсутствует.

№ 240

1771 г. сентября 12. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Р. И. ЭССЕНУ О ПЕРЕФОРМИРОВАНИИ ЧАСТЕЙ В СВЯЗИ С БОЛЬШИМ НЕКОМПЛЕКТОМ ЛИЧНОГО СОСТАВА

№ 454

Состояние вашего корпуса требует скорого и на сие время возможно-дельного поправления. Я между прочим нахожу полки ваши так малы в людях, что едва их достает на службу полковую, обыкновенно предполагаемую; и ведав, что ничто так в бессилие и слабость не приводит людей, как непрестанное бдение и безпокойствы, а неравенство полков наносит во всех частях командиру величайшую заботу и трудность, и для того, ваше превосходительство, благоволите четыре полка, кои по вашему рассмотрению противу других слабее в порядке (взяв от них всех наличных здоровых и тех, кои надежду к скорому выздоровлению подают обер- и унтер-офицеров, капралов, рядовых и других строевых и нестроевых чинов, распределить в другие полки, уравнивая во всех сколько можно) с их полковым и унтер-стабом, с канцеляриями, обозом и словом со всем полковым основанием отправить в Роман, где находящихся от корпуса вашего больных и раненых в оные причислить, а из прежних, выключа о именах их формулярные списки, немедленно сообщить и ко мне прислать рапорт, коликое число, каких чинов, из которого полку взято, и в которой определено будет. И затем сии полки с какими чинами в Роман, когда выступят, и сколько в них из находящихся в Романе больных, коих точно полков определится, почему я о укомплектовании и приведении их в лучшее состояние старатца не упущу.

Из состоящих в оных полках пушек с их зарядами и прочим, надобные взяв, отдать в полки на место утраченных при последнем под Журжею сражении, и в оные причислить, а из прежних выключить.

Из четырех гранодерских в корпусе вашем состоящих баталионов, кои ныне потому ж малолюдны, изволите сочинить два баталиона, каждой из восьми рот, и именно: первой первого гранодерского, Ярославского, Ширванского и Азовского; второй Пермского, Низовского, Нижегородского и Апшеронского полков и к ним баталионных командиров определить из штаб-офицеров по рассмотрению своему, а ко мне об них отрапортовать.

Г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1926, л. 29—29 об. Подлинник.

№ 241

1771 г. октября 11. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Р. И. ЭССЕНУ О ПРОВЕДЕНИИ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ОВЛАДЕНИЮ ЖУРЖЕЙ

№ 371.

Когда нахожу я в вашем репорте под № 294-м мнение к расположению вашего корпуса в зимние квартиры, то предстоят еще в сие время обстоятельства, которые убеждают уважить сей пункт. Введение войск в кантонир-квартиры, надобно, чтоб служило в отдохновение оным, следственно бы и беспечность облежала все те места. Но можно ли сего надеяться в таком положении, где неприятель довольно сильный, так сказать, свою стражу смыкает с вашею? Тут все ваши ограждения не дадут полной безопасности от всегдашних тревог, а редуты, которые вы во многих местах назначиваете, послужат к непрерывному томлению войска, ибо пост, где нет земляных укреплений, может иногда и отступать к своему главному подкреплению, не повреждая тем общей связи, а всякое укрепленное место при нападках от неприятеля должно оборонять до крайности, инако же бы поводом служило овладение оным к дальшим ему предприятиям. И для того потребным я сужу, чтоб ваше превосходительство помыслили и мне представили о учинении поиска к Журже на корпус паши Мусун оглу, ибо присланный от вас выходец наш арнаутской капрал Станча показывает, что лагерь корпуса Мусун оглу не примыкает к ретраншаменту и расположен пространно по берегу Дуная вон из выстрелов крепостных, а как войски сего сераскира все почти состоят из конницы, то всей оной в ретраншамент неудобно поместиться, а потому внезапное нападение дало бы вам одержать верх и случай к главной победе. Я мню, что к сему предприятию должно вам приступить тако: огласить прежде, что вы располагаете свой корпус в зимние квартиры, и под видом того поставить потребную часть войск между Букарешта и Аргиса, и в других местах, откуду бы скрытным от неприятеля движением могли они притти в соединение и в толь близкое от Журжи место, чтоб с оного внезапно ударить на неприятеля. Сюрприз такой требует отменного проворства, чтоб утаить от неприятеля и движение и приход свой на означенное место, откуду весть атаку. Естьли вы рассыплете тут неприятеля, тогда полные выгоды на зиму к расположению войск откроются, не меньше и следы к дальнейшим пользам. Может быть трудность вам предстанет в переходе реки Аргиса по разорению мостов, но вы имеете у себя понтоны, чтоб кинуть оные вдруг для переправы, обозря места к тому удобные. Впрочем сделав все предположения, свершения такого предприятия по лучшему вашему на месте осведом-

лению и наблюдая притом, чтоб оное не могло расстроить вашего порядку, естьли бы неприятель от своей стороны между тем предварил сопротивным движением ваши намереваемые действия, имеете такову свою диспозицию прислать ко мне, не делая прежде моей на оную аппробации, исполнения.

ЦГВИА, ф. ВУА, 1877, л. 163—164. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 242

1771 г. октября 14. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА НАГАТКИНУ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВЫХ СУДОВ ДЛЯ ДУНАЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ И УСТАНОВЛЕНИИ ПЛАТЫ ГРЕБЦАМ

№ 788

В рапорте вашем под № 542, представляя ваше высокоблагородие о возможности строить суда в новой гавани между озер Малины и Балтицы, пишете, что строение оных зачать должно в ноябре, дабы к спуску готовы были к апрелю месяцу, то есть прежде разливу рек, и требуете на то моей резолюции. Но мне на сие не остается ничего более сказать вам, как только напомнить, что без лесов начинать строить суда неможно, а отыскано ль оных потребное число вы мне о том знать не дали, и что сверх того вы, имея от 21 июня мой ордер [1], чтобы по исправлении завоеванной флотилии вступить и в распоряжении о строении новых сделать исчисление, судя по годности и количеству лесов, какие суда и сколько зачать можно и о сем также доныне ничего мне не сказали. Посаженным от господина генерал-майора и кавалера фон Вейсмана из Измаила на суда для гребли молдаванам и арнаутам от него же определено и жалованье по два рубли и провианта по два четверика на месяц, что от меня и производить велено на счет экстраординарной суммы дотоле, как водяное хождение кончить и их в домы отпустить наступит время, вследствие чего и удовольствовать их заслуженным прикажите из наличной суммы, какая у вас имеется и обер-штер-кригс-комиссарской комиссии о выданной дайте знать.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1927, л. 170 об.—171. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1927).

№ 243

1771 г. октября 17. — ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О НЕОБХОДИМОСТИ УСКОРЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА С ТУРЦИЕЙ

Граф Петр Александрович, рескрипт, сегодня к вам отправленной, составлен по приложенной моей записке, врученной мною графу Панину.

Я ее для того здесь включаю, что мне кажется из нее виднее к чему она составлена, нежели из самого рескрипта, но как я не упряма в своих сочинении, того для и рескрипт подписала. Но притом вам скажу, чтоб вы всевозможные интриги и корупции употребили у нашего неприятеля, не компрометируя однако себя, чтоб его как-нибудь довести до того, чтоб с вами вступили в переговоры о мире.

К сему споспешествовать может и то, я чаю, естьли вы прикажите тому, которого изберете послать к визирю с вашим письмом, словесно отозваться к кегае или к кому удобно будет, будто сам собою, что нам известно, колико они желают мира и мы оного равно желаем и в том положении, естьли б они вступили с вами в переговоры, тоб нашли у вас такие лехкости, кои статься может сами не ожидают, лишь бы переговоры открыты были, к чему, конечно, естьли у них прямая желания есть, онеб не ожидали от нас отдаленности.

Примерно ответ гр. Ру[мянцева] к визирю

Как он, визирь, его просит, чтоб он прилежно старался о всем том, что до уважении обеих империй касается, он, гр. Ру[мянцев], с своей стороны уверяет, что он ничего того из вида не выпускает и не выпускал, чему служат примером те предложении кои он, гр. Ру[мянцев], сделал прошлого году после Кагульской баталии и коих он сново готов делать, естьли б он знал готовность Порты к скорейшему прекращению пролитию крови рода человеческого, которое благо для обеих империй, то есть мир давно бы состоялся уже к посрамлению общих ненавистников, естьли б о сем трактовано было с обеих сторон министрами с того времени, как он, гр. Ру[мянцев], о сем сделал предложении. Ибо когда два самодержавные государя из любви к своим подданным мира равно желают, тогда долго ли его заключить к общему удовольствию и со всеми уважениями надлежащим интересам их держав.

Дарую боже, чтоб вы не избрали дальнейшего пути от вашего предмета тогда, когда ближной предстоит.

ЦГАДА, ф. 5, д. 103, л. 5—6. Автограф. Черновик. Опубл. в «Сборнике Русского исторического общества», т. XIII, стр. 203.

№ 244

1771 г. октября 18. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА КОМЕНДАНТУ БРАИЛОВА ПОЛКОВНИКУ Н. В. БОРЗОВУ ОБ ОКАЗАНИИ СОДЕЙСТВИЯ О.-А. ВЕЙСМАНУ В ЕГО ПОИСКАХ НА ТУЛЬЧУ И БАБАДАГ

№ 378

Господин генерал-майор и кавалер фон Вейсман сего октября 19-го положил с своим корпусом от Измаила выступить, а 20-го числа поутру, став на сопротивном берегу, атаковать неприятеля при Тульче, и с божиею помощию намерен он простерти свой поиск и на Бабаду, где сам визирь находится. Сие ведая, ваше высокоблагородие с наиточнейшим примечанием наблюдите означенную пору и сделайте от своей стороны флотилиею или посылкою новых войск на остров, такое движение, которым бы неприятель, стоящий при Мачине, мог быть подвинут ко вниманию о нападении и от вас на него предпринимаемом и тем самым удержаться от подания помощи своим в Бабаду или к Тульче. Словом, я в надежде на ваше военное искусство, предоставляю собственному распоряжению вашему все то обратить к облегчению действий господина Вейсмана и к приобретению в настоящем случае пользы службе, сколько пост ваш подать только может к тому удобности. Вложенным тут ордером флота господину капитану Нагаткину я повелеваю частью или всею флотилиею действовать по вашему распоряжению.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 168—168 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 245

1771 г. октября 19. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПЕРЕГРУППИРОВКЕ РУССКИХ ВОЙСК В ВАЛАХИИ В СВЯЗИ С ПОПЫТКАМИ НАСТУПЛЕНИЯ ТУРОК ИЗ-ЗА ДУНАЯ И СОСРЕДОТОЧЕНИИ КРУПНЫХ СИЛ ИХ У БУХАРЕСТА

№ 58 *Лагерь при д. Фальтешти*

После отправления всеподданнейшей моей [реляции] под № 57-м[1] предполагал я на изгнание неприятеля от Журжи произвесть вновь поиск, предвидя, что сераскир паша Мусуноглу, там находящийся, приведенными с собою силами всеко-

[1] Реляция от 2 октября не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1925, л. 251—259).

нечно отведает в окончании кампании устроить свои действия против войск наших, в Валахии состоящих.

Для диверсии сему неприятелю и во облегчение наших на оного предприятий, так и ради той пользы, чтоб при вступлении армии в зимние квартиры не иметь беспокойства от покушений неприятеля, объемлющего сопротивный дунайский берег, хотел я, чтоб и от других частей одновременно перенести действия за Дунай и отогнать неприятеля, утверждающегося по убережи. По сим предположениям генерал-майор и кавалер фон Вейсман уже изготовился на 20-е число сего месяца большую часть своего корпуса высадить на сопротивный берег и с божиею помощию простерти свой поиск прежде на неприятельской корпус, стоящий при Тульче, а потом и на Бабаду, где верховный визирь находится.

Между сим от генерала-порутчика, командующего в Валахии, получил я известия, что неприятель от Журжи начал показываться партиями против постов его за Аргисом. Он 7-го числа октября послал и от себя сильную партию к Журже под командою подполковника и кавалера Куроедова для разведания о точном положении неприятельском, и естьли бы часть оного удалось выманить из лагеря, тоб воспользоваться разбитием оной. Сей подполковник обозрел неприятеля, отделившегося от Журжи в знатном числе пехоты и конницы, который 9-го сего месяца расположился лагерем при деревне Пятре. Потому от генерала-порутчика Эссена послан был подполковник и кавалер князь Репнин с подкреплением к нашим, стоящим на Аргисе, пикетам; к коим 12-го числа поутру приближилася в большом числе неприятельская партия, но вошед с нашими пикетами в шармицель, была прогнана с потерянием одного знамя, 10 турков убитыми и 2 взятых в плен, а с нашей стороны убит тут один казак, ранены донской есаул Сычов и 2 казака. Из сих пленных Ахмет ага показал, что сераскир Мусун-оглу не в состоянии быв по своей глубокой старости вытти в поле, послал теперь Журжевского пашу Ахмета, отделя с ним 40 000 конного и 10 000 пешего войска к Букарештам, чтоб прежде распущения своих войск в дома, сразиться с нашим там находящимся корпусом. При Мусун-оглу до 10 000 войска осталось в Журжевских укреплениях и в тот же день, как движение оттуду сделал Ахмет паша, сей сераскир из лагеря перенесся в крепость. В толь великих силах без сомнения не состоит неприятель, а обычно есть туркам, что никогда сказать не могут о числе своего войска, без увеличения оного надмеру по сродным им предубеждениям. Но что касается до намерений неприятельских, то познает сам генерал-порутчик фон Эссен, что оной стремится против его на серьезное дело. Последними рапортами от 16 октября доносит он, что неприятель им самим обозрен в знатном числе в расположенном лагере по ту сторону Аргиса, на вышинах при монастыре Кояни, где река Клинешты впадает в Аргис,

куда перешед 13-го сего месяца от деревни Пятро, наступал двократно на наши передовые войски и в последнем разе коль силился он чрез Аргис конницею в брод переправиться, то генерал-майор и кавалер Игельштром, ездив туда рекогносцировать его, в свое присутствие о происходившем сражении и одержанной турками поверхности, подал рапорт, который в оригинале при сем подношу [1].

В сих обстоятельствах генерал-порутчик фон Эссен сделал свою диспозицию тако: отступя из прежнего своего лагеря при деревне Добрини и соединившись с корпусом генерал-майора и кавалера князя Долгорукова, расположился в четырех верстах пред городом Букарештами, поелику в тамошней околичности нигде больше удобного места к сражению не находится, а притом в таковой позиции надеется не попустить неприятелю отделенными партиями прокрасться к городу. Тут он охотно ждет на себя неприятеля, изготовившись его принять, и надежен будучи в получении своего успеха, для чего и оставил оному почти беспрепятственную переправу чрез Аргис. С левого крыла своего генерала-майора и кавалера Гудовича с его корпусом, оставя от оного прикрытие в Негоештах и Обилештах, подвинул к деревне Фронтинешт при реке Дембовице. С сим последним соединится в сем месте генерал-майор и кавалер Текелли, идущий туда в помощь от реки Яломицы с корпусом, которым по отъезде генерала-квартермистра Боура в Санкт-Петербург временно командует. Им предоставлено, когда неприятель, миновав их, вступит в дело с корпусом Эссена, в самое то время перейти реку Дембовицу, захватить его в тыл, и, поставя между двух огней, отрезать его ретираду.

Посему я жду на всякой час, чем решатся в той стороне предвзятия неприятельские и какой дадут успех против оных уготованные помянутым генералом действия. Ибо в сих же рапортах уведомляет он меня, что уже часть неприятеля переправилась чрез Аргис и находится между сей реки и соборы, неподалеку от деревни Добрини.

К сим распоряжениям не оставалось мне более прибавить, как только указать генералу-порутчику Эссену, чтоб он, поставляя себя там к оборонительному и наступательным действиям, не проронил должной осторожности в удержании своего сообщения с отделенными корпусами, чтоб не мог в ненаблюдении того обратить своих стремлений неприятель на слабейшую часть.

Хотя воображал я попытки, быть имеющие от неприятеля при расположении войск наших в зимние квартиры, и упредительным на него поиском готовился оные отвратить, но не мог чаять, чтоб в нынешнее толь глубокое осенное время турки против дознанных нами обычаев их не только держались в поле, но и

---

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1925, л. 264—265).

предпринимали еще действия. Видно по всему, что время и опыты вселяют и в них мысли, на дела подобные нашим.

Заразительная болезнь во всех местах доселе не исчезает; поражения оной меньше, однако ж, смертоносны, нежели действия продолжающихся здесь лихорадок, от которых весьма много людей умирает. Сие злополучие в крепости Килии наибольше расширилось.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 261—263 об. Подлинник.

№ 246

1771 г. октября 22. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ВЗЯТИИ ГОРОДА И КРЕПОСТИ ТУЛЬЧА И ПОБЕДЕ ПОД БУХАРЕСТОМ

Лагерь при д. Фальтешти

В моем всеподданнейшем [донесении], отправленном чрез генерала-квартермистра Боура, донести я осмелился вашему императорскому величеству, сколь естественные преграды, предстоявшие действиям войск, мне вверенных, в нынешнюю кампанию угнетали дух общий. При окончании оной предполагал я обратить действия всей армии на прогнание неприятеля, утверждающегося по сопротивному берегу дунайскому, соглася с тем предприятия корпуса в Валахии находящегося, который должен был тогда же наступать на все силы сераскира паши Мусуноглу, стоящего при Журже, и сим образом вообще отдалить нанесение беспокойств от неприятеля во время пребывания войск в зимних квартирах.

В сем намерении посылал я генерала-квартермистра Боура осмотреть способность переправы от Браилова к Мачину, но он ни тут, ни от своего посту к Гирсову не нашел к тому удобности без повержения всех наших польз опасной отваге; а между тем неприятель сильным своим стремлением от Журжи к городу Букарешту упредил наше на его в той стороне предвзятие.

По поводу сего последнего обстоятельства, я тем скорее должен был исполнить мои намерения в перенесении оружия с левого краю на сопротивный берег и велел потому от Измаила переправляться за Дунай с войском генералу-майору Вейсману, а от Браилова приступить к Мачину, где Абды-паша с знатным корпусом держался, генералу-майору Милорадовичу, как и имел я уже честь о приготовлении сих поисков представить вашему императорскому величеству во всеподданнейшей моей [реляции] под № 58-м [1].

---

[1] См. документ № 245.

Всевышний, ниспославший мне от своей благодати сии мысли на пользу службы, благословил исполнение оных таковыми знаменитыми успехами, что поутру 20-го числа октября генерал-майор и кавалер фон Вейсман за Дунаем рассыпал неприятельской корпус при Тульче, овладел сим городом и замком, взял турецкой лагерь со всею в большом числе артиллериею и в ту же ночь пошел к Бабаде атаковать там стоящего верховного визиря. Того же дня на рассвете генерал-майор Милорадович своими, сперва легкими действиями, служившими к обращению на себя внимания, одержал поверхность над неприятелем при городе Мачине, а 21-го числа, переправившись с корпусом на сопротивной берег, атаковал неприятеля в его Мачинском лагере, и, выгнав оного, овладел городом, знатным числом пушек и всем тут бывшим военным снарядом.

Во время, как таковые получаю я уведомления из-за Дуная, прибыл ко мне и третий курьер сего же дня капитан Швейковский из Валахии от генерала-порутчика фон Эссена с словесным объявлением, что он, приближившегося неприятеля к Букарештам в великих силах атаковал, разбил и гонит бегущего поразительным преследованием, получа в добычу лагерь, обоз и артиллерию неприятельские. Я спешу токмо сим из кратких рапортов всеподданнейшее учинить вашему императорскому величеству предварение о таковых веселящих нас приобретениях, а дождавшись обстоятельных донесений о каждом деле, не умедлю повергнуть оные к освященным стопам вашего императорского величества, к коим с глубочайшим благоговением и здесь припадает...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 268—269 об. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 209—211.

№ 247

1771 г. октября 24. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОБЕДЕ ПОД БАБАДАГОМ

Лагерь при д. Фальтешти

Вследствие краткого моего донесения от 22-го числа еще я имею щастие, всемилостивейшая государыня, таковым же возвестить вашему императорскому величеству о продолжении успехов оружия вашего за рекою Дунаем. Генерал-майор и кавалер фон Вейсман 21-го сего месяца, дошедши с своим корпусом к городу Бабадам и одолевая по дороге сопротивление визирских войск, огнем брани разбил в тот же день и самого визиря в его величайшем лагере, который со всею артиллериею взят, так как и город Бабады с своим замком. Визирь селиктарь Мегмет

паша, по рассыпании разбитых его войск, побежал оттуду дорогою к городу Базарчик; а Вейсман, пользуясь ужасом, нанесенным неприятелю и по отправлении пленной артиллерии, коей больше 50 орудиев, на свой берег, 23-го числа пошел еще атаковать неприятеля, держащегося при Исакче. Я поспешу, всемилостивейшая государыня, обстоятельное уведомление повергнуть к освященным стопам вашим, коль скоро окончится сие военное пламя, толь щастливо от нас вожженное на сопротивном берегу дунайском [1].

Восприимите ваше императорское величество сии действия за исполнение воли вашей, которую изобразили в высочайшем собственноручном от 24-го августа, рассуждая о последнем деле Журжевском словами сими: «Я надежна, что не оставите оное поправить, где случай будет». Поражение нынешнее дойдет всеконечно до Цареграда под великим титулом.

Я надеюсь, чрез оное испровергнутся все злые умыслы врагов наших, или тамошнее правительство решится на последние меры своего спасения.

Есьм с глубочайшим благоговением вашего императорского величества...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 270—271. Подлинник.

№ 248

1771 г. октября 29. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА НАГАТКИНУ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СУДОВ ДУНАЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЕЕ ОФИЦЕРОВ И МАТРОСОВ

№ 828

Получа ваш рапорт под № 206, я весьма удивляюсь несогласным вашим представлениям. Тут вы пишете, что последние работники, порученные от инженер-подполковника Тучкова мастеру Портнову, бежали и он остался без работных людей, как бы дело ему настояло, но за недостатком работников производить оного не может; а в прежнем под № 595 писали вы, что сим людям за неимением для строения лесов делать нечего, и в сем рапорте говоря, что мастеру для разбору припасов и ко установлению в построении казачьих лоток потребно быть в Яссах, в последнем требуете от меня резолюции, где быть ему; на первой не было мне нужды ответствовать вам, поелику многократно уже сказано от меня вашему высокоблагородию, что вы властны сами в распоряжениях о чинах команды вашей, но

[1] Блестящая экспедиция Вейсмана закончилась захватом крепости Исакчи. Захватив артиллерию и уничтожив крепостные сооружения, Вейсман возвратился в Измаил.

на сей последней я принужденным себя вижу сказать вам, чтобы просмотрели вы данные вам от начала прибытия вашего доныне мои ордеры под № 960, при коем приложены и отверстые 302, 378, 431, 450, 602, 712, 728, и 737, ибо по оным ясно увидите, что нет вам нужды о всех мелочах со мною спрашиваться, но можете и должны ото всех мест, а особливо от генерал-майора Римского-Корсакова всего, что вам потребно для всех генерально строений, а особливо вывозу лесов и работников требовать прямо; так равно и чинами морскими располагать, где им быть потребнее по собственному же рассмотрению вашему же согласно вышеписанному под № 737 ордеру и решится во всем, что до искусства вашего принадлежит по точному содержанию данного вам под № 712, не теряя времени в ненадобных представлениях. Следовательно, естьли лесов недоставало на эленги, давно могли вы истребовать доставления оных от господина Корсакова из заготовляемых вашими же офицерами, как и о побеге работных людей с ним же списываться, по чему бы не оставил он, имея мои повеления, удовлетворить вашим требованиям надлежащим образом. Равномерно ежели почитаете вы пребывание мастера Корчебникова надобным в Яссах, должны бы давно уже и отправить его туда, чему никакия помешательства настоять не могли, когда вы от меня снабдены на таковы посылки и довольным числом подорожных.

А затем в сходствие прежних моих под № 602 и 819 вам данных ордеров рекомендую, поруча команду над флотилиею старшему по себе и определив на суда потребное число офицеров и других морских служителей, с протчими приступить к окончанию неисправленных и к строению новых судов в тех местах, кои вы сами прежде уже назначили. Пребывание же свое взять посреди сих строений и производимых на оные заготовлении лесов, дабы вы удобнее все работы назирать и потребные каждому наставлении давать могли; а между тем сочините экстракт всем работам, какие и где именно производятся и коль велики в оных успехи, и немедленно представьте ко мне; также пришлите в самоскорейшем времени требуемое ордером моим под № 378 исчисление, какие суда по годности и количеству лесов суда и сколько число делать можно, ибо, хотя вы в рапорте вашем под № 569 и сослались на прежние ваши рапорты под № 489 и 542, но оные совсем не о том гласят, о чем я вам под № 788 дал ордер, а вместо того первой о согласии вашем к оставлению на зиму судов при Браилове и Измаиле, а последней, что в новой гавани строение судов производить можно и что суда надлежит начать в начале ноября месяца. А хотя я о заготовляемых лесах от капитана-лейтенанта Маврина и имею рапорты, но по оным судить мне неможно ни о пропорции на какие суда оне годны, ни о числе, сколько каких судов сделать можно, а надлежит о сем сделать объяснение подлинное. Вашему высокоблагородию напоследок остается еще сказать вам, на

рапорт ваш под № 559, в коем вы объясняетесь, что, быв обязаны по силе ордера моего от 21 июня вступить в распоряжение о судах новых по исправлении завоеванных, за неисправлением всех их без особливого моего повеления прежде ни во что и не вступали; я сие повелел тогда вам в рассуждении настоявшей надобности в исправлении готовых судов и по малому числу тогда бывших морских чинов всех их к сей работе употребить велел, чтоб оная была успешнее, никогда не чая, чтоб то долгое время не были приведены в окончание все показанные работы. Но после того, когда прибыло из России не малое число вприбавок к прежним офицеров и других морских служителей, коим всем казалось бы при одном исправлении делать нечего, сами судить можете, можно ли было мне заключать, что ваше высокоблагородие, от коего все распоряжения о строении главную зависимость имеете, не сообразите, что усугубленное число людей и в одно время и к разным делам употребляемы быть могут, не причиняя тем ни малейшей остановки прежде начатым работам.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1927, л. 179—180 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 249

1771 г. ноября 8. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С ОБЩИМ ОБЗОРОМ КАМПАНИИ 1771 г. И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

№ 61 *Яссы*

Пополняя сим обстоятельным донесением предыдущие мои всеподданнейшие уведомления о победах оружием вашего императорского величества, одержанных над верховным визирем и над многими турецкими пашами на обоих берегах реки Дуная, коснусь я вначале воспоминанием неприятельского положения, как оное пременялось с первых и до последних дней нынешней кампании.

С отверстием лета неприятель, без сомнения преклоня на действия в концах Валахии с их стороны удачливые, мое внимание по мысли имел отвлекти туда и наши силы и простерти в то время с правого своего крыла чрез Дунай поиск, коим метил он, так сказать, на пункт нашего в сей земле утверждения. С последних майя и в первых числах июня приведенной флот от Царьграда Черным морем в устье Дунайское, сколь скоро своим явлением подал ощутительнейшие признаки на тот конец в той части деланных приготовлений, я найпоспешнее обратил тогда вопреки оного свои действия, и ваше императорское величество о том знать изволите, коим образом генерал-майор и кавалер фон Вейсман, отвечая моим желаниям и движим быв собственным усердием службе, на небольших лодках, и то им отбитых разными временами у неприятеля, атаковал весь его флот у Тульчинской гавани и перевел пленным оной на свой берег с артиллериею, кроме истребленной знатной части.

Неприятель, лишенный господства на Дунае в нижней части чрез тогдашнюю весьма чувствительную ему победу, не имел уже тут больше способов посягнуть на нашу сторону, но брав осторожности к удержанию своих постов на сопротивном берегу с опасности нашего усилия на Дунае посредством завоеванных у него судов, усиливал токмо свои Мачинской и Гирсовской достаточным числом разных судов снабденные посты, делая нам жалузию на Браилов; а визирь, держась в Бабадах, был в той выгоде, что, имея всякую часть войска из сих на низу Дуная расположенных в равном от себя расстоянии, мог равно и подкреплять их.

Не находил и я потому за полезное удаляться от своего, так сказать, твердого и одного удобного пункта к обережению всего. Не уважал я инако на грозные приготовления на Валахию, как по мере выгод неприятельских, относящихся к тому краю, хотя подлинно движение из-за Дуная в Валахию ста тысяч турок с сераскир пашею Мусун-оглу, а еще больше искусство и действия его персональные и особливо после неудачной генерала-порутчика фон Эссена попытки на Журжу, не одних оного краю жителей и не одних подлых людей повергали в опасность и возбодрить их к лучшей надежде едва удобны были все на утешение и к пользе служащие средства; в защиту их стоявшие всюду наши войски, казались им быть только жертвою туркам. Я между тем и для того сколько мог уделением войск подкреплял вторую дивизию, стоявшую тогда на Аргисе, державши притом корпус в Валахии при устье Яломицы, коим тогда командовал генерал-квартермистр и кавалер Боур в такой удобности, что оному можно было в потребном случае действовать с войсками нашими в Молдавии и Валахии и особливо подать помощь крепости Браиловской при покушении неприятельском, на которую он, казалось, не только виды, но и приготовления делал. Наконец, медленной поход вышеписанного сераскира паши от Видина и от Турнова и прибытие его к крепости Журже не знаменовали пред нами ничего иного, как только что суетно почитают турки в нем искусного вождя, ежели он не был иногда питаем надеждою о произведении некоторых в то же самое время в Польше и Литве предприятых действий. Я во все сие время, стараясь усыплять его видами с своей стороны оборонительного положения, не преставал мыслить о возвращении крепости Журжевской в свои руки, и видя уже время удобное приступить к тому, чтоб однако же не подать неприятелю, еще стоящему при оной неподвижно, подозрения, велел я в октябре месяце всякой части войск готовиться ко вступлению в зимние квартиры, предполагая, что сии известия примут турки к совершенному своему успокоению, а чрез то будет нам легче над ними нечаемые совершить предприятия на обеих сторонах Дуная, которые расположены были мною для сих именно польз, чтоб, сбив неприятельские твердые посты по убережи, почить войскам спокойно

от тревог во всю зиму; и когда от пернесения нашей ноги за Дунай в нижней части, где и я с остатком армии, что при себе имею, уже на наготове держал переправу при Браилове, встревожен был бы неприятель и в Валахии, то надлежало тогда оного атаковать генералу порутчику Эссену при крепости Журже и поступать всячески на завладение оною. Сему генералу я уже и велел быть готову на поиск на лагерь паши Мусун-оглу, коего часть, как выходцы уверяли, выходила вон из выстрелов крепостных. От другой части генерала Вейсмана занятием посту при Чатале кораблями отняты способы рекогносцировать неприятелю оной остров, где надлежало, удобности и поспешности ради в перевозе завременно высадить артиллерию и кавалерию, определяемую к действиям на той стороне Дуная, а от моей собственной изыскивать было велено также лучший путь по переходе чрез реку Дунай к Мачину генералу-квартермистру Боуру, который стояв во все лето против Гирсова, где неприятельской нижней части Дуная главной магазейн был, сколько сей пост, так незадолго пред отъездом своим в Санкт-Петербурге осматривая по сему моему повелению, и Мачинской, засвидетельствовал предо мною, что находящегося там на берегу рву и обороняющих оной батареи нет удобности пройти, не подвергая предприемлющих сие дело вредной опасности.

В приготовлениях таковых с нашей стороны, и когда уже мы знали, что оскудевал неприятель в числе людей, уходящих с поля от неприятеля суровой осенной погоды, и что ров под Мачином, нарочно копаной для пропуску судов, или вовсе в такой широте и глубине не был делан или же занесенной при наводнении илом, и по спадении воды от великой суши обсох, то в сию самую пору, то-есть с 9-го числа октября сераскир паша Мусун-оглу многочисленного своего войска открыл движение от Журжи к городу Букарештам, думав найти наши войски, отходящими в квартиры, или может быть, как выше сказано, размеряя свои шаги с действиями ему известных в Польше и Литве предприятий, дожидал лучших ведомостей, следственно и способности овладеть реченным городом, к чему напрягаемо было все их стремление. Мусун-оглу, что известно из объявления пленных, уклонился от предводительства в сем походе, некоторые, говорят, по старости лет, другие, что и не считал он быть полезным оной и поруча начальство (по мнению многих силою оное взявшему) над войском, шедшим к Букарештам Гази Ахмет-паше, сам по их отходе от Журжи, вобрался в крепость с оставшимися для защиты оной.

Таким образом, неожидаемо и против дознанных нами в сию войну обычаев турецких, явил неприятель в толь позднее уже время свои действия на правое наше крыло. Сим он подлинно упредил мои распоряжения об атаке его под конец кампании, но тем же и понудил скорее исполнять оные. Я, положась на диспозицию генерала-порутчика фон Эссена, чтоб неприятеля, иду-

щего от Журжи, который от дня в день наглее наступал в числе пятидесяти тысяч пехоты и конницы, перепустя беспрепятственно чрез реки Аргис и Сабар, дать ему баталию, наждавшись его к Букарештам, по той необходимости, что между упомянутых рек отнюдь нет места, выгодного к бою, а все положение наполнено лесом и трудными дефилеями, которые при разбитии неприятеля, если будут в его тылу, делали бы ему неизбежную гибель, и что, подвинувшиеся войски, предположенные от меня к содействию обоюдному сих корпусов в Валахии, могли бы уже соединиться на общее дело, как туда к той самой поре поспевал от Яломицы корпус, предводимый генерал-майором и кавалером Текелли, для прервания тамошних скоропостижных стремлений неприятельских и в обозрении его собранных в тот край небольших сил, решился открыть все действия по генеральному моему плану, войсками, находящимися токмо на Дунае против стоящих постов неприятельских на сопротивном берегу дунайском, и определил, чтоб генерал-майор фон Вейсман из Бессарабии с своим корпусом, переправясь за Дунай, сделал, во-первых, нападение на Тульчу. Я предал в его собственное рассуждение, обнадеживаясь известным мне его искусством военным и усердным желанием служить вашему императорскому величеству, по овладении тем городом по обстоятельствам простерти поиск на Бабады и обратно, идучи на Исакчу; а генералу-майору Милорадовичу велел я согласно амюзировать Абды пашу и атаковать Мачин, ежели удобность окажется, перейдя ту же реку при Браилове; полковнику ж Выборгского полку Думашевичу, который по отходе с корпусом генерал-майора Текелли за Яломицу прикрывал пост при устье сей реки и усилен был еще Козловским полком, делать поиск на Гирсов, когда приметит от благополучного действия вышеписанных частей смятение и тут неприятельское. Самому мне по сим обстоятельствам разделиться было неможно. Должен я был подкреплять и силами и советом все сии части и готов быть на многие пути по случаю.

Я лучше не могу изъяснить приобретения от сих предположений во всяком месте, как поднести здесь к высочайшему усмотрению вашего императорского величества подлинные есть рапорты каждого отделенного командира с обстоятельным описанием произведенных ими дел. Познать из них соизволите, всемилостивейшая государыня, сколько десница сильного во бранех господа поборствовала оружию вашему и открывала везде путь к увенчанию оного победами, превосшедшими чаяние многих. Его споспешествующая благодать даровала вновь армии вашего императорского величества славиться сим редким успехом, когда оная, быв раздробленною на многие части и занимая пространство от правого до левого крыла своего до 400 верст, могла на таком дальнем расстоянии в один день, то-есть 20-го октября, в обоих концах, и за Дунаем и на сей стороне, начать свои победы, разумея тем одержанную Вейсманом при Тульче, а Эс-

сеном при Букарештах, и окончить также.. единовременно оные в 24-й день того ж месяца завладением крепостьми в одной стороне Исакчинскою, в другой Журжевскою; и в сии четыре дни творимой брани при разделении одной части от другой великою рекою, побивая неприятеля, взять в добычь его все лагери со всем найденным в них богатством, всю артиллерию, которой, кроме истребленной и в Дунае затопленной, с поля и с крепостей на наш берег получили орудиев 263. Истребить все его главные военные и съестные магазейны вместе с побережными крепостьми и городами и в другой раз обнаженного, со всего оружия гнать постыдно самого верховного визиря, так как и новоявленного грозного сераскира пашу Мусун-оглу со всеми другими начальниками и их войсками, кои не могли нигде удержаться, когда в одни часы от многих мест обвещаемы были постигшие их виды, и, словом, очистить до того сопротивной Молдавии берег дунайской, что на оном нигде уже не может неприятель поставить твердой своей ноги [1].

Се суть, всемилостивейшая государыня, подвиги храброго и усердного вашего войска, коего предводительством на меня возложенным от вашего императорского величества многократно прежде и теперь я ощастливлен. Чувствую я, всемилостивейшая государыня, что спаление толикого числа городов воспричинствует свойственную великой душе вашей и нежному сердцу противность, но с одной стороны хотя бы и не уважать на важность по вышеписанным резонам их локального положения, то с другой невозможно было разделить магазейнов военных и съестных с домами обывателей, которые таковыми запасами были наполнены и все почти обращены во хранилище оным.

Не имею я и смелости приложить тут моей хвалы виновникам толиких знаменитых побед. Сами, ваше императорское величество, воззря вместе с сим на повергаемые к освященным стопам вашим их дела и приобретения, определите высочайшею и толь свойственною вам к воинству своему милостию оным цену, за долг только почитаю не умолчать той справедливости, что генерал-майор фон Вейсман в сем случае распространил полезные службе вашего императорского величества действия предприимчивостию собственного своего мужественного духа далее, нежели и я мог предполагать к тому наверно удобность. Да генералы-майоры князь Трубецкой, князь Долгоруков и барон Игельштром в самое критическое положение дел в Валахии и когда почти все генералы разных болезней ради оттуда удалялись, по-

---

[1] Разгром турецких войск в октябре месяце на обоих берегах Дуная и на обоих флангах огромного 400-верстного пространства, которое занимала 1-я армия, — плод активной стратегии и организаторского таланта Румянцева и блестящий итог всей кампании 1771 г.

О том, насколько высоко ценил Румянцев значение кампании 1771 г., и в частности октябрьских боев для результатов войны в целом, см. в настоящем Сборнике письмо Румянцева Екатерине от 8 августа 1773 года.

следние оба, будучи прямо больными, оказали свое ревностное желание быть там, где больше служба вашего императорского величества тогда требовала; а князь Долгоруков, имев повеление от меня принять корпус генерала-квартирмистра Боура, но уведав о первом движении неприятельском и не сочтя на то время быть нужным приближение туда вверенного ему корпуса, предпочел лучше на дело сие остаться в команде, нежели, для принятия главного начальства, удалить от себя дорогой случай к засвидетельствованию толь истинного усердия к службе вашего императорского величества. Генерал-майор Милорадович подвигнут был до того наибольшим желанием подать собою пример храброго и преусердного службе офицера, что, изнемогая обложною и жестокою болезнию, стремился однакож со всею доброю волею исполнить свою экспедицию. А генерал-майор и кавалер Потемкин был назначен в действии быть при мне, где он болен находился, но когда все сие совершилось против ожидания одними частьми, оберегающими берег, то ревнуя к службе и невзирая на слабость своего здоровья, предприял флотилиею поиски делать на противной берег, так и на суда, где бы в верхней части они встретились, а особливо на Силистрию и Рущук, как города большие, кои одни соседством остались и нам неудобны.

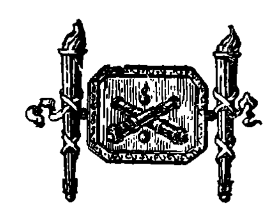
На всякого унтер-офицера и рядового в корпус генерала-майора фон Вейсмана дал я по рублю из экстраординарной суммы за понесенные ими в задунайской экспедиции несравненные труды, не только чрез великие марши, но и ежедневными работами при истреблении тамошных крепостей.

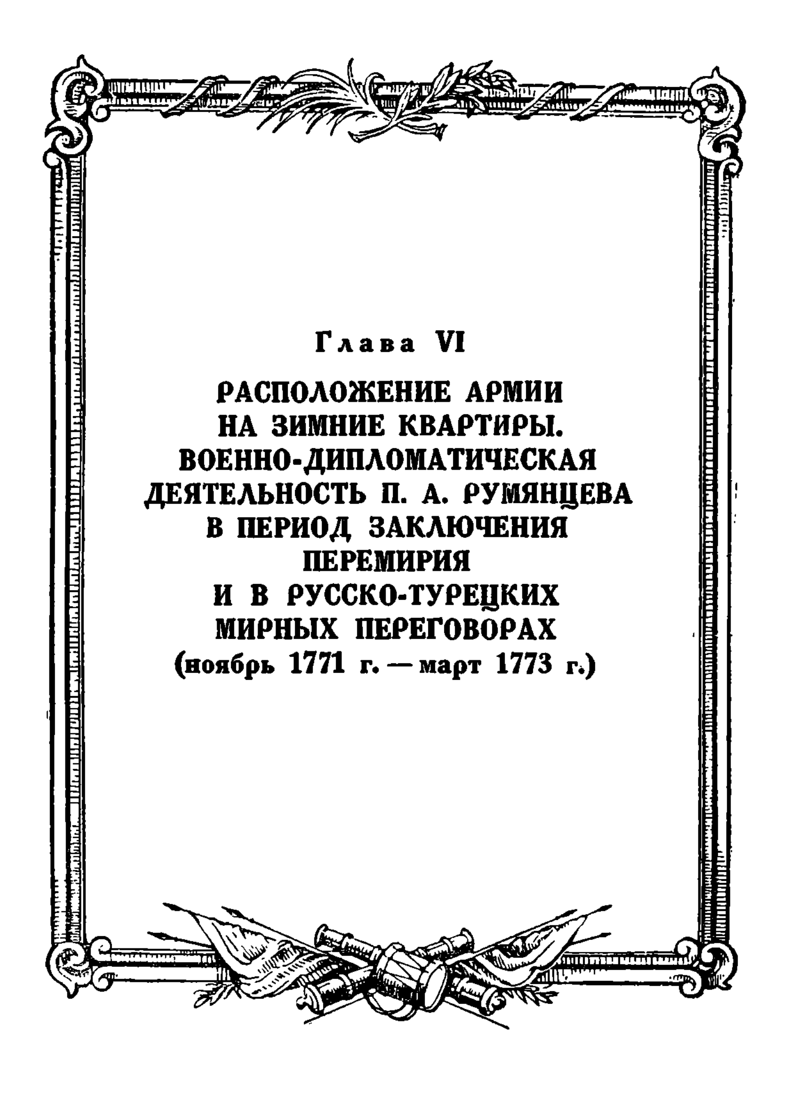
Разъезды наши на сопротивном берегу, отдаляясь верст за двадцать, нигде не открывают уже и следу неприятельского, а выходцы христиане, вседневно прибывающие большим числом, объявляют, что все турецкие войски побежали без памяти во внутрь своей земли.

1-го числа сего месяца въехавший в Дунай из Черного моря галиот турецкой о 3-х парусах, нагруженный овощми, и в невидении разорения Тульчи, шедший к тамошней гаване, полонен нашею флотилиею, стоящею противу Сомов речки.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 277—284. Подлинник.

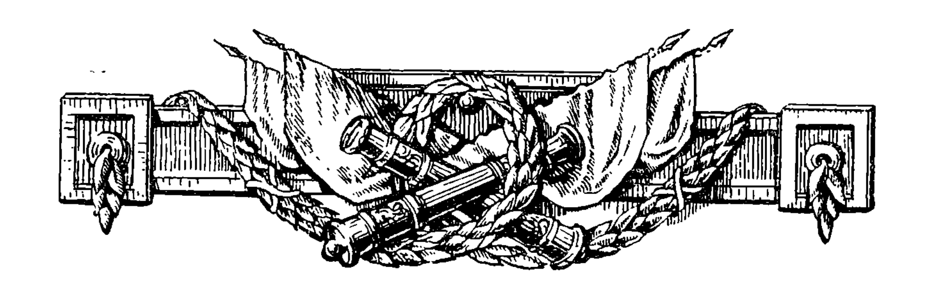




Глава VI

РАСПОЛОЖЕНИЕ АРМИИ НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ. ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. А. РУМЯНЦЕВА В ПЕРИОД ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ И В РУССКО-ТУРЕЦКИХ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ

(ноябрь 1771 г. — март 1773 г.)



№ 250

1771 г. ноября 10. — РАСПИСАНИЕ АРМИИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ П. А. РУМЯНЦЕВА ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ НА ЗИМУ 1771/72 г.

В Яссах

Главная квартира и принадлежащие ко оной чины.

Дежурный господин генерал-майор и кавалер Ступишин, а в отсутствие его господин артиллерии генерал-майор и кавалер Милисино.

Артиллерии господин генерал-майор и кавалер барон Унгерн и полевой артиллерии 42 орудия с ее служителями.

Инженер господин генерал-майор Раевской с инженерною командою.

Господин генерал-квартермистр и кавалер Бауер, а в отсутствие его господин генерал-квартермистр-лейтенант Муромцев с генеральным штабом.

Обер-штер-кригс-комиссарская комиссия.

Генерал-штаб-доктор барон Аш и полевая аптека.

Главная провиантская комиссия в Янове, а обер-провиантмейстер Бухвалов с провиантскою комиссиею в Яссах.

Под ордером дежурного генерала Елисаветградской пикинерной в селе Епурени, Донской казацкой атамана Сулина полки в Авремяне и ближних селениях от Ясс вверх по реке Пруту.

Малороссийская казацкая команда близ Ясс в деревне Болдорешти.

Понтонная рота близ Ясс в деревне Сиварчешти.

Пионерная в Максименах и ближних селениях в команде Браиловского коменданта.

Кор-д'арме Первая дивизия в Молдавии между рек Серета и Прута, командующей оною до прибытия господина генерала-поручика и кавалера Племянникова — господин генерал-поручик и кавалер фон Дерфельден.

Дивизионная квартира в Яссах, где и принадлежащие ко оной чины.

Обер-квартермистр Богдан Пенской и дивизионной квартермистр Патрикеев.

Штаб лекарь Иван Рендлер.

Бригады	Генералитет	Полки	Их квартиры
Первая	Господин генерал-майор и кавалер барон Демолино, а до прибытия его старший полковник	1-й гранодерской 3-й гранодерской	В Яссах
Вторая	Господин бригадир Волков	Новогородской Куринской	
Третья	Господин генерал-майор Милорадович	Ярославской Севской	В Васлуйском цынуте
Четвертая	Старший господин полковник	Санктпетербурской Старооскольской	В Фалчинском цынуте
Кавалерии	Господин генерал-майор и кавалер Глебов	Новотроицкой кирасирской Рязанской, Сибирской, Рижской — карабинерные	Близ местечка Стефанешты, в тех местах, где прошлого году расположены были
Под ордером моим	Господин генерал-майор Римской-Корсаков, управляющий в Яссах земские дела	1-й Московской 2-й Московской	В Романе В Хотине — Для содержания гарнизона

Правое крыло — вторая дивизия в Валахии на защищение оной между рек Яломицы и Ольты. Командующей оною до прибытия господина генерал-поручика и кавалера графа Салтыкова — господин генерал-поручик и кавалер фон Эссен, дивизионная квартира в Бухаресте, где и принадлежащие ко оной чины и инженер с служителями.

Обер-квартермистр Нефедьев с чинами генерального штаба.

Кригс-цалмейстер Лукин с комиссариатскою комиссиею.

Обер-провиантмейстер Соколов с провиантскою комиссиею.

Дивизионный доктор Фридрих Эллерт с медицинскими чинами.

Генералитет	Полки	Где квартиры расположены
Господа генерал-майоры: Павел Олсуфьев Князь Юрья Трубецкой Барон Игельстром Иван Гудович	4-й гранодерской Апшеронской Ингерманландской Астраханской Низовской Тенгинской Гранодерской баталион из рот Сибирского и Нижегородского полков	В Бухаресте
Николай Каковинской	Полевой артиллерии 37 орудий с ее служителями	
Николай Панин	Баталионы егерей { майора князя Мещерского, майора Аршеневского	По рассмотрению командующего дивизиею на Ольте
	Карабинерные { Астраханской, Нижегородской	Между рек Дембовицы или Правы и Яломицы по удобности и достатку фуража
	Ахтырской гусарской Днепровской пикинерной	
	Донских казачьих 5	На Дунае и Ольте по рассмотрению командующего дивизиею
	Пехотные { Капорской, Муромской	В Журже для содержания гарнизона

Левое крыло — третья дивизия в Безаравии и между рек Днестра и Буга на обережение оного краю и наблюдения на крепости, во оном лежащие. Командующей оною до прибытия господина генерал-поручика и кавалера князя Репнина — господин генерал-майор и кавалер фон Вейсман.

Дивизионная квартира в Измаиле, где и принадлежащие ко оной чины:

Обер-квартермистр Штрандман с чинами генерального штаба.

Инженер с служителями.

Обер-провиантмейстер Рославлев с провиантскою комиссиею.

Доктор Шмит с медицинскими чинами.

Генералитет	Полки	Где в квартиры расположить
Господа генерал-майоры: Семен Озеров Степан Ржевской Вильгельм Энгельгард	Кабардинской Киевской Ширванской Смоленской Гранодерские роты 1-го и 2-го Московских,	

Генералитет	Полки	Где в квартиры расположить
	Троицкого, Невского и Белозерского полков, сочиня из них баталионы Баталион егерей майора Мекноба Полевой артиллерии 25 орудий с ее служителями	
	Новагинской, Острогожской, Харьковской — гусарские	В Килии для содержания гарнизона В Татар-Бунаре
	Донских казачьих 5	Расположить на посты по Дунаю и Днестру по рассмотрению командующего дивизиею
Иван Шилинг	Елецкой, Тамбовской, Азовской, Выборгской — Пехотные	В Бендерах для содержания гарнизона В Аккермане для содержания гарнизона
Карл Камеен	Тверской, Московской — Карабинерные	В Одатурне и в ближних селениях, В Белом Камне и в ближних селениях — между рек Днестра и Буга от Рашкова к Бершаде
Находящиеся при Бендерах	Черного гусарского два, Днепровского и Елисаветградского пикинерного два — Эскадрона	Отпустить к их полкам
	Донской Карпов, Малороссийской, Лубенской — Казацкие	Расположить на посты от Бендер к Яссам до Прута и до первых постов второй армии

Гранодерские баталионы, состоящие в Валахии, отправить к дивизиям.

Из корпуса господина генерал-майора и кавалера князя Долгорукова в Молдавию к первой.

1. Подполковника графа Салтыкова — Севского, Старооскольского
2. Подполковника графа Разумовского — 3-го гранодерского, Новогородского
3. Майора Селиверстова — Санктпетербургского, Куринского

В корпус, располагаемой между Серета и Рымника

4. Подполковника Потапова — Орловского, Козловского — Их держать баталионом

Архангелогородские две роты отправить к корпусу, располагаемому между Серета и Рымника

К третьей дивизии

5. Подполковника Левашова	Елецкого Тамбовского

Из второй дивизии к первой в Молдавию

1. Майора фон Трейдена	1-го гранодерского Ярославского

К третьей дивизии в Измаил

2. Сочиня из рот	Ширванского Азовского

Из Измаила к второй дивизии в Букарест, сочиня баталионами

1. [Сочиня батальонами]	Астраханского Капорского
2. "	Тенгинского Муромского
3. "	4-го гранодерского Ростовского

к корпусу, располагаемому между Серета и Рымника

Ингерманландского полку две роты, находившиеся в Браилове, отправить ко второй дивизии.

Корпус между рек Серета и Рымника для наблюдения на Браилов и содействия с корпусами в верхние части Валахии и Безаравии располагающимися, командующей оным господин генерал-майор и кавалер Потемкин, квартиру имеет взять по своему рассмотрению по способности ко оной надлежащие чины.

Обер-квартермистр Гантвиг.

За провиантмейстера поручик Дубовицкой с провиантскою комиссиею в Фокшанах.

Штаб-лекарь Архиландер.

Полевой артиллерии 20 орудий с их служителями бывшие при корпусе господина генерал-квартермистра и кавалера Бауера расположить в Фокшанах, а 10, кои были при корпусах господ, генерал-майоров Райзера и Милорадовича в Браилове.

Генералитет	Полки	Где в квартиры расположить
Господа генерал-майоры: Георгей Гротенгельм Петр Текелли Викентий фон Райзер	Архангелогородской, Козловской, Пермской, Орловской — Пехотные Баталион егерей подполковника Розена	Между Серета и Рымника
	Два баталиона гранодер из рот Орловского и Козловского, Бутырского и Ростовского полков	В Слободзее

Генералитет	Полки	Где в квартиры расположить
	Вятской, Ингерманландской — карабинерные	Около Романа
	Сербской, Венгерской — Гусарские	Около Фокшан
	Волоской князя Кантакузина — Гусарские	Между Бузео и Яломницы
	Донской казацкой Зазерского	По Дунаю, где за способнее командующим корпусом признано будет
	Ростовской, Бутырской — Пехотные	В Браилове для содержания гарнизона

Корпус на обережение границ и магазейнов первой армии, в Польше находящихся, на истребление мятежников и на содействие с корпусом господина генерал-поручика и кавалера Бибикова, поелику без обнажения сего краю делаться может; командующей оным господин генерал-майор и кавалер князь Василей Долгоруков квартиру имеет взять по рассмотрению обстоятельств во Львове или где заблагорассудит.

К сему корпусу принадлежащие чины:

Кригс-цалмейстер с комиссариатскою комиссиею в Полонном.

Лекарь Антон Червинской.

Генералитет	Полки	Где в квартиры расположить
Господа генерал-майоры: Михайло Кречетников	Сибирской	Во Львове
Князь Петр Голицын	Белозерской	
Семен Ширков	Троицкой	В местечке Тамошове
Господин бригадир князь Юрья Долгоруков	Невской	В Полонном
	Нижегородской, Наследников, Киевской — Кирасирские	В Бродах, В Самборе
	Пермской, Тобольской — Карабинерные	Во Львове, В Перемышле
	Нововербованной из польских жителей казацкой полк	Расположить [по] смотрению
	Команды малороссийских и донских казаков	

Морского флота служителям быть при Измаиле и Браилове, которые там находятся ныне, а находящимся в походе с господином генерал-майором и кавалером Потемкиным, так как и Запорожским казакам с их судами определить станции господину генерал-поручику и кавалеру фон Эссену обще с господином генерал-майором и кавалером Потемкиным в Журже или инде где в верхней части Дуная на обережение сего краю и поисков над неприятелем.

Что до шаек, то оным, так как и обывателям, в работе на оных находящимся, быть при тех местах, где они находятся, до тех пор, пока действие на воде не престанет, а потом обывателей отпустить, а шайки содержать в присмотре и исправности морским офицерам, комендантам, исправникам и при магазейнах находящимся офицерам, у коего в ведомстве останутся. Собранные из разного народа арнауты при дивизиях и корпусах, где они ныне есть, которых командующим господам и генералам по силе данных пред сим от меня ордеров учредив в корпуса и переписав всех, определить командиров и назначить им посты, и кто определен будет при каком числе командиром и где расположится ко мне рапортовать.

Провиант и фураж полкам получать

Первой дивизии из магазейнов, состоящих в Яссах, Васлуе, Фалче, Таборе, Стефанеште и Цецоре, и от исправников по способности по ассигнациям обер-провиантмейстера Бухвалова.

Второй дивизии, располагаемым в Букаресте, из обещанного от земли с цынутов Букарестского, Ялфова, Дембовицы, Муацель, Аргише и Одоя [1], прочим с цынутов Бузово, Сакуени и Прохова от исправников по способности, а в недостатке из магазейнов Фокшанского и Романовского по ассигнациям обер-провиантмейстера Соколова.

Корпусу, между рек Серета и Рымника располагаемому, из обещанного с цынутов Браилова, Рымника и Яломицы от исправников, а в недостатке из магазейнов в Браилове, Фокшанах и Романе состоящих по ассигнациям обер-провиантмейстера Соколова.

Третьей дивизии хлеб из магазейнов, в Измаиле, Килии, Аккермане и Бендерах состоящих, а сено из приготовленного в земле по ассигнациям обер-провиантмейстера Рославлева.

Корпусу, в Польше состоящему, из тамошних магазейнов по способности по ассигнациям господина бригадира князя Щербатова.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1878, л. 1—5 об. Копия.

---

[1] Видимо, искаженное. Следует: Олтос.

№ 251

1771 г. ноября 16.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Р. И. ЭССЕНУ О ПОДТВЕРЖДЕНИИ ПРИКАЗА НЕ НАРУШАТЬ АВСТРИЙСКИХ ГРАНИЦ[1]

№ 739

При приближении вверенной мне армии по настоящему ее расположению на винтер-квартиры к Венгерским и Трансильванским границам, возобновляю сим данной от меня циркулярно в прошедшем 1770-м году декабря в 3 день ордер и под жесточайшим ответом и неминуемым наказанием всем воинским чинам подтверждаю: ни под каким явным и сокровенным видом земель ее величества императрицы королевы не касаться, и ни малейшего поводу к каковым-либо неприязненным действиям не подавать, но напротиву того обывателям оных в соблюдение доброго согласия являть всякое благодеяние и с беглецами цесарской службы поступать по точной силе помянутого прежнего моего ордера, о чем к непременному исполнению ваше превосходительство во всей дивизии вашей объявите, и когда будут куда командированы офицеры не в дальном расстоянии от границ, то между прочими наставлениями прикажите о вышеписанном всякой раз подтверждать наистрожайше, дабы никто неведением отговориться не имел причины.

Г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1926, л. 34. Подлинник.

№ 252

1771 г. ноября 25. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О ПЕРЕДВИЖЕНИИ ДУНАЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ К БРАИЛОВУ И ВЫВОЗЕ НА СУДАХ ПУШЕК ИЗ ГИРСОВА

№ 422

Вчерашний день дошел ко мне репорт вашего превосходительства от 20 ноября, что вы отступили к Орашу. Препятствия, кои вы мне описываете, я уже предвидел ранее, и что с медлением должна притти и суровая погода и недостаток в пропитании; для сего от 18 числа послал я вам ордер чрез Букорешт, предлагая, дабы вы, естьли не находите удобности флотилию свою далее вверх подвинуть, ввели войски в назначенные по рапортиции для них зимние квартиры, из сего повеления я и тут

[1] Этот приказ отражал стремление русского правительства сохранить нейтралитет Австрии, поскольку правительство последней в лице Кауница в это время почти не скрывало своего недовольства успехами русского оружия в борьбе с турками.

вам включаю копию на случай, естьли бы вы доселе в получении оного не имели, рекомендуя вашему превосходительству исполнить по оному, не подвергая более людей изнурению, приходящему от настоящей стужи. Не меньше воспримите попечение о доставлении флотилии к Браилову, ибо, по мнению от капитана флота, при оной находящегося, не может, кроме того места, нигде более при тамошнем берегу оная безвредно себя продержать в зимнюю пору. Браиловский комендант г. Борзов по моему повелению посылал инженерного офицера осматривать Гирсовской замок, который в нем нашел до 40 медных пушек, коих не на чем было по отбытии с вами судов перевезть. Теперь, без сомнения, будет случай удобной при отходе судов на низ взять сию знатную добычь, пренебреженную к предосуждению делавшим экспедицию на тот город, о чем не оставьте вы дать свои повеления, кому надлежит, а я теперь пишу и коменданту Браиловскому, чтоб он ускорил о забрании тех пушек уведомить вас.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 191—191 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 253

1771 г. декабря 7. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПОСТРОЙКИ СУДОВ НА ДУНАЕ ИЗ-ЗА НЕДОСТАТКА МАТЕРИАЛОВ И ОТСУТСТВИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ

Главная квартира в г. Яссах

Во всеподданнейшем моем [донесении] от 30 марта[1] чистосердечно я пред вашим императорским величеством изъяснялся, что мне отнюдь незнакомы дела вооружения морского, как не имевшему никогда случаю входить в испытание оных, а присланной от адмиралтейства сюда капитан флота Нагаткин искренно и не обинуяся мне признался, что он сам несведущ в части построения судов и распоряжать заведением того не может и, быв одолеваем долговременною болезнию, от сущего изнеможения теперь подал челобитную, прося отставки.

В сих обстоятельствах, всемилостивейшая государыня, отважился я всеподданнейше повергнуть мое мнение высочайшему рассмотрению вашему; известны ваше императорское величество из прежних моих донесений, сколь в здешних местах совершенной недостаток во всяком припасе к строению флота; доставление же на то погребного из границ наших не только с наибольшим трудом, но и в чрезвычайную цену обходится. Здесь нет

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1925).

ни одного мастера, который бы знал счет и главное распоряжение, но естьли которые за строителей объявляются, те не больше учены, как только плотничему делу, а плату берут превеликую, а как теперь чрез завоевание Крыму, отверзт путь в Черное море рекою Доном и на той самой верве, где созидаема флотилия вице адмиралом Сенявиным[1], без сомнения все запасы есть, построить скорее и с лучшею удобностью суда, нежели на Дунае, где уже и лесу по объявлению мастеров, кроме на три шкуна нет больше для великих военных судов, то не соизволите ли, ваше императорское величество, указать, чтоб по вышеписанным неудобствам прекратить тут строение морских судов, а сделать оные в Воронежской губернии, избегая иждивения великого, что приходит казне вашей, естьли их здесь сооружать. На сие ожидаю всемилостивейшего повеления; а когда необходимо надобно и тут производить строение, в таком случае всеподданнейше прошу определить сюда человека, знающего все части ремесла морского, который бы своим учреждением снял с меня заботы совсем мне неизвестных дел. Есьмь с глубочайшим благоговением вашего императорского величества...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1925, л. 360—361. Подлинник.

№ 254

1771 г. декабря 9. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ В. В. ДОЛГОРУКОВУ О ПЕРЕНЕСЕНИИ ДЕЙСТВИЙ ВВЕРЕННЫХ ЕМУ ВОЙСК ПРОТИВ ПОЛЬСКИХ КОНФЕДЕРАТОВ

№ 458

По успехам, коими окончала минувшую кампанию армия мне вверенная, не предвидятся уже здесь в сию пору ближайшие случаи к действиям против неприятеля, а волнения не угасающие от мятежников в Польше возводят теперь виды, нудящие нас важностью своею обратиться против оных в наибольшем внимании. Я, дознавши в том отличные свойства вашего сиятельства, сколь ревностно вы подъемлете всякой военной подвиг, где идет дело о пользе судьбы, с другой же стороны предпочитая искусство ваше, вверяю вам по вышеписанным обстоятельствам начальство над корпусом, от армии отделенным, который остается в Польше и доселе предводимый был г. генерал-поручиком и кавалером Эссеном, а по смерти его г. генерал-майором и кавалером Кречетниковым. Ваше сиятельство, имев генеральную репартицию о расположении армии, из оной знаете, какие войски составляют сей ваш корпус, а приняв на месте команду,

[1] С начала войны на Дону на верфях в Таврове, Павловске под руководством вице-адмирала А. Н. Сенявина строилась Донская флотилия.

получите в канцелярии ваших предместников по разным случаям даваемые от меня им повеления. Что касается до видов, ради которых оной корпус в пределах Польши пребывает и главнейшие из коих относятся к прикрытию наших границ, прикосновенным польским воеводствам Кийовскому, Волынскому и повету Мозырьскому, также магазейнов в Польше заложенных, к обеспечению всех транспортов и из Польши и из наших границ собственных на снабдение оной, и ко истреблению в тех концах вооружающихся мятежников, а для того и к содейству с корпусом г. генерал-порутчика и кавалера Бибикова, особливо на то искоренение в Польше действующего. Итако, сославшись на все письменные дела, при корпусе имеющиеся, подам я вам тут главнейшие только о том примечания, к чему ведут настоящие обстоятельства. Г. генерал-порутчик Бибиков из Варшавы уведомляет меня по достоверным известиям, что в угле, от Кракова, к австрийским границам прилегшем, и именно в местечке Белом, находятся все лучшие между возмутителями люди, так называющиеся генеральность. За несколько месяцев пред сим прибыл к ним французский генерал Виомениль с 50 другими офицерами. Они делают вообще план своим операциям, поставив между тем твердую ногу в монастыре Ченстоховском и в местечках Тинце, Ландскораде, Бобриках, Освицине и Заторе. Реченной командир по обстоятельствам тамошних дел разделяет свои войски на корпусы, располагая один в Варшаве, один в Люблине, один в Петрокове и один в Венгрове, сохраняя притом посты в Кракове, в Сандомире, в Торуне и удерживая Лембергскую дорогу, яко сохраняющую сообщение с армиею. Для удержания ж Литвы занимает Санкт-Петербургским легионом посты в Вильне, Ковне, Несвиже и Слуцке, а я за лучшее предаю вашему сиятельству от своего корпуса обнять твердыми постами города Самбор, Львов, Владимирж; и поелику сторона сия, прилеглая к Кракову, опасности больше подвержена по заложению тут главного гнезда мятежнического, то и преимущественно храните ваше сиятельство стражу, чтоб никоим образом не могли оттуду возмутители пролезть между Львова и гор в Покуцию и направить обороты свои на многой из того возможной нам вред. Г. Кречетников мнит, что лучше занять Дубно, нежели город Владимирж, ради того, что в последнем нет крепости, но я думаю, что против бродяг во всяком месте легко можно воздвигнуть укрепление, а Владимирж пред Дубновым ту имеет выгоду своим положением, что держав оной, будет у вас, так сказать, под руками в Замостье город, на которой неприятель многожды посягал, а кроме того чрез Рубешов и Красной — став возьмитесь вы за руку с войсками от польского корпуса, стоящими в Люблине, быв в таком же почти расстоянии от другого их посту Сандомирского и своего Львовского. В Луцке, Дубне или Алике, где вы за лучше из сих мест признаете учредить же посты на прекрытие волынского воеводства и в недопущении

литовских мятежников к соединению с коронными, как уже впрочем Литва не может наносить вам опасности, объята будучи упомянутыми войсками польского корпуса, а и в Полонном для того же прикрытия наших прикосновенных границ и охранения главного тут цейхгауза. Вышенаименованные посты я полагаю быть твердыми в вашей части, а прочие от оных по рассмотрению своему учреждайте только обвещательными. В числе сих последних должно вам держать на правом вашем крыле местечко Житомир и от оного стараться восстановить свое сообщение с корпусом, из наших границ вступившим в Белую Русь под командою г. генерал-порутчика и кавалера Романуса. Сии мои предположения я основываю на том только сведении, которое имею из доходящих ко мне уведомлений, но ваше сиятельство обозрением на месте больше можете познать положение локальное и обстоятельства, определяющие потребные действия, следственно и оставляю я вам в том свободные руки, чтоб по времени и случаям восстающим располагать как заполезнее вы найдете свои посты, а я моим назначением тут оных не связываю в том вашего предувидения. Я не оставлю от своей стороны снестись с генералом-порутчиком Бибиковым и вообще положить меры, чтоб одним уже разом, естьли не зимою, то вначале будущей весны сильное учинить действие на поражение возмутителей, поджигаемых французскою партиею на серьезные против нас попытки в Польше. В свое время ваше сиятельство о том будете уведомлены, а до того надлежит вам вести переписку с генерал-порутчиком Бибиковым и от своей стороны содействовать предприятиям им полагаемым в рассуждении общей связи дел польских, елико собственные виды вашего места позволять могут, стараясь и от себя собственно истреблять мятежников, поисками на них, где только откроется удобность к тому и поколику вы сие без обнажения и подвержения опасности вами охранимых постов делать можете. Напоследок и сие вам приметить хочу: многих магнатов польских за недоброжелательство к нашей стороне взяты под секвестр маетности[1] по сообщенному мне от бывшего нашего посла князя Волконского учреждению, сочиненному г. генерал-порутчиком Веймарном, поручены были такие имения в присмотр нашим офицерам, но уже при возвращении некоторых поместей владельцам происходят жалобы на наших администраторов, что они все хозяйство раздоили и, может быть, дойдет нам награждать таковы убытки; для сего представляю вашему сиятельству к управлению таковых секвестрованных имений выбрать двух, или сколько надобно штаб-офицеров, людей надежных и нелакомых на прибытки непозволенные и поручить им администрацию вообще сих имений, а над теперешними управителями из наших чинов исследовать, и естьли которой повинным найдется

---

[1] Так в документе.

какому-либо злоупотреблению и непорядкам, таковых, отреша и брав под арест, представлять ко мне о их преступлении для надлежащего в том осуждения. По обстоятельствам дел политических, то-есть, естьли бы в народе или партикулярно в комлибо приметны были, кроме явного вооружения, умыслы и дух недоброжелательства против интересов наших, имеете вы сообщать о том в Варшаву нашему послу; для каковой переписки и шифры при делах своего корпуса найдете, равно и от посла нашего происходящие определения в рассуждении политических видов должно вам исполнять по получении его требований, уведомляя только о том меня. Г. генерал-майор Кречетников как получает от меня отпуск в Россию ради своих крайних нужд, то я уверен, что он прежде отбытия своего, при принятии вами команды, не оставит к сведению вашего сиятельства объясниться подробно о положении дел тамошних, какие он располагал и для чего действия, и что вы дознаете с лучшею удобностью споспешествующим там нашей пользе, уведомите меня.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 196—199. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 255

1772 г. февраля 22. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О ПРОВЕДЕНИИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ К КАМПАНИИ 1772 г.

№ 53

Обнадеживаясь признаками толь уже несомнительными, что теперешняя весна гораздо ранее здесь настанет, нежели в прошедшем году, и хотя еще известия, доходящие к нам не приносят ничего такого, чтобы уже ознаменяло приготовления от стороны неприятельской к полевым действиям, но по известному положению дел сужу я запотребно, дабы к отверстию предстоящей кампании предварительно в вашей части положить меры из уважения, что войски, вам вверенные, расположены в том краю, где ближае и, во-первых, быть могут неприятельские покушения. Посему хочу я, чтобы ваше превосходительство по лучшему на месте избранию назначили для своего корпуса удобнейшее место, как ему взять свою позицию по выступлении из зимних квартир. На ваше бдение и защиту, сколько по настоящему времени определить можно, приходит вся сторона, лежащая между рек Яломицы и Серета, посты Орашской и Слободзейской, помощь в случае потребном крепости Браиловской и сохранение Дунайского берега от всякого неприятельского прикосновения на оной. Должно также вам в связь заимную себя поставить с войсками корпуса господина генерала-порутчика и кавалера фон Эссена, предопределя всю удобность вспомоществования тут надежнейшим образом одной части от другой. Потому я мню

приличным пост главной вашему корпусу занять между Слободзеи и Ораша, но не определяю еще сего положительным образом, а только сказываю вам мои мысли и желаю наперед, чтоб ваше превосходительство, сообразя вышепомянутые виды, принадлежащие вашему месту, наперед мне представили свое мнение, где вы своему корпусу предполагаете стать при его соединении, какие от него отделенные посты считаете учредить за благо и коликим числом людей обнять оные, и о том свои мысли подайте мне с подробным описанием пользы и резонов, для коих расположение то или другое будет вами за благо признано, а между тем не оставляйте чрез своих шпионов или какие посредства можете вы лучше к тому прибрать, наведываться о положении неприятельском на том боку Дуная. Я давно уже не получаю от г. коменданта Браиловского Борзова уведомлений, что происходит на сопротивном берегу Дуная, лежащем против его посту, куда он разъезды посылал часто, а считаю, что он о том своими рапортами доносит вашему превосходительству, буди бы неизвестность в том настояла и не ездили бы и теперь как прежде наши по том боку разъезды; в таком случае, ваше превосходительство, пошлите пристойную казачую партию за Мачин, которая бы совершенно наведалася, в каком положении тамошние места остаются, и не показывается ли неприятель в оных с какими-либо приготовлениями для взятия своих постов. Морские офицеры, хотя в некоторых частях описали положение, или так сказать глубину реки Дуная, но их планы не все для нас нужное имеют, а потом и рекомендую я вашему превосходительству послать офицеров генерального штаба, или и других знающих токмо потребную науку, чтоб оне, где можно собственным испытанием, а инде расспрося людей сведущих, описали в вашей стороне как здешний, так и сопротивный берег Дунайский, назначивая, где на оных есть, места удобные к пристаням и для какой величины судов и где что поднимают только чрезвычайной разлив вод, как было прошедшего года, и чего не заливает обыкновенное весняное наводнение. При подписании сего, получил я ваш рапорт от 20 числа чрез капитана Дарабана, едущего из Букорешт, где уведомляете о переправе неприятеля против Королаша. Я согласен и с вашим рассуждением о сем известии, но может быть турки понадеялись на настоящую тишину и на обычайное в сей сыропустной неделе усыпление вздумали предпринять и серьезное действие. Я и в том и в другом случае, полагаюсь на ваше рачение, что какое б ни было их покушение, от вас упреждено будет вопреки сильною осторожностью; впрочем я желаю, чтоб ваше превосходительство с таковыми известиями своих ко мне присылали нарочных курьеров, не вверяя оных проезжающим людям посторонним.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 219—220 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 256

1772 г. марта 9. — ПИСЬМО ВЕРХОВНОГО ВИЗИРЯ МУССУН-ЗАДЕ МЕГМЕТ ПАШИ П. А. РУМЯНЦЕВУ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ НАЧАТЬ ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕМИРИИ[1]

Славный между князьями российскими, подпора великих людей христианских и Российской империи войска фельдмаршал, почтенный и великолепный наш приятель, граф Румянцов, да будет конец ваш благ и с радостию. При сем о приятной новости дружески вкратце вам доношу, что его величества короля прусского находящийся в Санкт-Петербурге посол, почтенный наш приятель граф Солмсу, с дозволением прусского двора прислал курьера, которой к вам прибыл и которого должно было отослать к послу его ж прусского величества, находящемуся при Блистательной Порте, почтенному нашему приятелю графу Цегелину по его желанию, которого по прибытии к нам мы отправили к Блистательной Порте. Ныне же оной курьер к нам в зимнюю квартиру императорского лагеря, находящегося в Шумине, возвратился, и чрез которого вышеупомянутой в Константинополе находящийся министр, наш приятель, прислал к нам письмо, коего содержание есть следующее: «Король прусской желает турецкой и российской державам дружбы и доброхотства, и что римской император равномерно желает дружбы сих двух держав, и ежели потребно будет, полномочных для начатия конференции, он определит по примеру прежде оказанных почитаний во время военного перемирия. Дабы окончить сие дело, великолепная, достойная величества и сильная российская императрица согласилась и чтоб дело перемирия трактовано было между двумя армиями в пристойном к тому месте от стороны обеих держав и из двух фельдмаршалов каждой определит одного верного человека, которые друг пред другом говорить будут; и будет благополучие обеих сторон, как пред сим перемирию почтение оказано». Старайтеся ж, дабы привести, наконец, дело с легкостию и как вам сие дело уже приказано, с искренностию вашею, о назначенном пристойном месте меня уведомьте, и что от стороны вашего приятеля должен быть определен один комиссар, также и от вашей стороны равномерно ж определен будет, он упоминает, и что наши приятели за благо приняли, мы на то согласуемся и так, кроме дружеска обыкновения, которое учинят, еще будет покой и благополучие слуг божиих, которые сего желают. А министры, которые найдутся между сих двух держав, в подобных изрядных действиях будут иметь славу и честь. Вы мой приятель и я ваш приятель, что найдемся в та-

---

[1] Успехи русского оружия в предшествующие годы войны с Турцией побудили турецкого султана Мустафу III искать мира с Россией.

ком хорошем действии я признаю за благо, а ныне украшение трона его императорского величества блистающий император, приращение блистания столичного города, великолепный император, великий владетель, сияющее солнце, месяц, освещающий весь свет, самовластный монарх, просвещение света, великий султан, непоколебимой столб сильной справедливости, крепкое основание явной веры, след справедливости между императорами и слуга двух святых городов: Мекки и Медины, великолепный, пышный, сильный великий мой благодетель, славный Александрийский император, мой государь, оказав милость, сделал меня полномочным, дабы окончить сие доброе дело, которое начинается нашим хорошим мнением. Я уповаю, что и с вашей дружеской стороны также примется за благо, и уведомясь о сем с сей стороны определен один комиссар верной, которой уже и готов, и с вашей стороны приготовив, должны найтиться по среде двух армий, а в каком месте и в какой день собрание будет для дружеского перемирия, дабы окончить дело благополучно с вашей дружеской стороны, каким то способом будет, вашим дружеским письмом как наискорее меня уведомите. Того ради я, сие написав, к вам чрез моего курьера посылаю, и ежели бог даст, оное получите и, о деле осведомясь, надеемся, что приложите старание прислать онаго нашего курьера с вашим дружеским ответом о окончании сего хорошего дела как наискорее; и да будет мир над теми, кои суть подвластны всевышнему.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 61—62 об. Перевод.

№ 257

1772 г. марта 10. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ В. К. ЭНГЕЛЬГАРДТУ ОБ ОБОРОНЕ УСТЬЯ ДУНАЯ ОТ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА И УЧРЕЖДЕНИИ ПОСТОВ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ ДУНАЯ

№ 60

С наступающею весною может быть неприятель вознамерится вводить свои суда из Черного моря в реку Дунай. Против чего и надлежит вашему превосходительству приготовить заблаговременно свои осторожности, употребя на воспрепятствование таковых покушений имеющиеся у вас суда и офицеров флота, что в вашей части находятся. Также учредить и сухопутную стражу для вящшего в том обеспечения от гарнизона Килийского, или откуду заблагорассудите, на острове Шулин, где держал по таковым же видам свой пост майор и кавалер Шмит. Я полагаюсь на искусство вашего превосходительства, что вы заранее сии сугубые меры, приведя к взаимной между собою помощи, надежно можете отражать попытки неприятельские на

устье Дунайское. К тому ж потребным я считаю распространить свою стражу и на сопротивный берег Дунайской. Ради чего возьмите старание, ваше превосходительство, в удобнейшем месте на том боку Дуная, занять пост своим войском, которое бы под наблюдением имело сопротивной берег. Употребите на содержание сего поста одну ли казацкую или вместе с оною и егерскую команду, я предоставляю то, равно и в коликом числе людей сей страже быть, вашему лучшему на месте предизбранию, а только не оставляю приметить, что, учредя такой пост на сопротивном береге Дуная, должно будет на непременное обеспечение оному, держать там столько судов, чтоб в случае наступления от превосходных сил неприятельских могли сии войски безвредно убраться оттуду совсем, что при себе иметь будут. Само собою разумеется, что начальник к такому посту должен быть выбран такой, на коего бдение, мужество и искусство с удостоверением можно бы положиться.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 222—222 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 258

1772 г. марта 13. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НЕОБХОДИМОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ПЛАНА КАМПАНИИ НА 1772 г. И УСИЛЕНИИ АРМИИ

Яссы

При донесении моем, с сим вместе отправленном к вашему императорскому величеству, об отзыве от Порты о ее соглашении к перемирию, видя с одной стороны событие оного, сопрягаемое с довольным медлением, после которого могут иногда и прерваться мирные переговоры; с другой толь уже приближенное время к открытию кампании, осмеливаюсь всеподданнейше испросить высочайших повелений от вашего императорского величества, по коим бы я мог определить напольные действия, с наступающею весною, оружию мне вверенному, ибо я к тому доселе еще не получил точного плана. А хотя в 770-м году декабря от 18-го при высочайшем рескрипте от вашего императорского величества прислан план для минувшей и следующей 772-го года кампании, поданный от генерала-фельдцейхмейстера и кавалера графа Орлова, где предполагается обращение военных действий и на самой Царьград[1], но предположения в оном одни уже ранее исполнены, а другие и по днесь не начаты. Первым я разумею завоевание Крыма в прошедшую кампанию, что предоставлено было для предстоящей, вторым, что там положено умножать сколько можно больше силы воинские первой армии, чего еще однакож и поднесь не сделано, а на-

[1] Не публикуется.

против, здешняя армия и своей убыли в людях чрез смерть натуральную и по военным случаям произшедшей не может заменить доселе по недоставлению рекрут, которые по сю пору толь наименьше еще прибывают, что полученное число оных, в рассуждении потребного и недостающего, нельзя вменить за какое-нибудь снабдение. А приехавший ко мне теперь курьер из Царьграда объявляет, что он везде за Дунаем сам видел собирающиеся турецкие войска в великом количестве. И так, не предвидя удобности к распространению вдаль действий с настоящим числом мне вверенного войска, которое довольно уже обременяет одна защита и пространство завоеванных земель и крепостей, дерзаю еще повторить, всемилостивейшая государыня, всеподданнейшие к вашему императорскому величеству просьбы о удостоении меня познать вашу высочайшую волю, могут ли при настоящей перемене сентиментов венского двора в спооспешествование наших дел с турками предопределенные по тогдашним видам разные корпусы, склонить свое обращение в усилие мне вверенных войск, или же оные для других действий сему не вспомогающих предопределяются.

От приехавших офицеров флота я слышу, что сюда едет и адмирал, он, может быть, свои действия с флотом должен тут открыть, но я ничего не зная о таком намерении, по своим сухопутным видам иногда от потребной ему стороны могу удалить войски. Сии обстоятельства, ревность же к званию и службе, убеждают меня всеподданнейше утруждать ваше императорское величество о снабдении меня на вышедонесенное всемилостивейшею резолициею.

Есть с глубочайшим благоговением...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 74—75 об. Подлинник.

№ 259

1772 г. марта 13. — ЦИРКУЛЯРНЫЙ ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА КОМАНДИРАМ ПОДЧИНЕННЫХ ЧАСТЕЙ ОБ ОБУЧЕНИИ ВОЙСК СОГЛАСНО «ОБРЯДУ»

От 13 марта циркулярные ордера ко всем господам генералам.

При расположении армии на зимние квартиры, в ордере от 10 ноября прошлого 1771 года ко всем господам командирам дивизий и корпусов посланном, между прочим я обещал, чему точно рядовых по довольном отдохновении обучать, прислать записку. Теперь наступило время к тому удобное, и я вашему превосходительству оную приложа, рекомендую в состоящих в команде вашей полках и баталионах, приказать точно поступать по оной; а кавалерийским полкам, по сделанному мною в 1770 году, «обряду» непременно.

Записка в облегчение людей на настоящее время, чему, отложа все прочее, прилежно обучать и при экзерцициях и смотрах делать.

1. Для отдания чести — на караул, потом — на плечо.

2. Заряжать ружье, прикладываться, палить, и курок на первой взвод, закрывать полки и на плечо.

3. «На руку» и «на плечо».

4. В правую руку и все вышеписанное обыкновенными приемами.

5. «К ноге» для сокращения в два темпа, и именно: 1) взяв правою рукою за ружье ровно с плечом; 2) перенесть ружье к правой ноге, и поставить, держав правую руку по ружью вовсе опущенную.

6. Класть и поднимать ружье, как обыкновенно.

7. От ноги на плечо в два темпа: 1) имев, как выше сказано, правую руку опущенную во всю, и перехватя ружье, вынесть против правого плеча, где левой рукой подхватить под приклад, курком от себя, близко к телу; 2) положить на плечо.

8. Стрелять плутонгами на месте приступно и отступно, с обеих крыл баталионов, как обыкновенно.

9. Маршировать и строить в марше дивизионы из взводов и из дивизионов взводы, осажать с половины и четверти взводов, заходить направо и налево, все непременно по прежде описанному «обряду».

Г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, св. 46, д. 30, ч. II, л. 164. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 220.

№ 260

1772 г. марта 13. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПРЕДЛОЖЕННЫХ ВЕРХОВНЫМ ВИЗИРЕМ СРОКАХ ПЕРЕМИРИЯ

№ 16 *Яссы*

В 9-й день сего месяца прибыл ко мне в Яссы курьер из Царяграда с письмами от пребывающих при Порте Оттоманской министров их императорских королевских величеств Тугута и его королевского прусского величества Цегелина, а с ним вместе приехал и нарочно посланной от верховного визиря Мегмет Мусун оглу, его чегадарь, чрез которого прислал он мне прямо и от себя письмо[1]. Сии все письма к высочайшему усмо-

---

[1] Письма австрийского и прусского послов в Турции не публикуются (см. ф. ВУА, д. 1932, л. 60—62); письмо визиря — см. документ № 256.

трению я здесь всеподданнейше подношу списанные, а из содержания оных ваше императорское величество узнать соизволите предлагаемое от самого визиря и чрез упомянутых министров о соглашении Порты к постановлению между воюющими армиями перемирия. Я, быв к тому уполномочен от вашего императорского величества высочайшим рескриптом от 3-го генваря, сходственно в оном определенным правилам, ответствовал теперь к реченным министрам и самому верховному визирю и копии с таковых моих писем тут же представляю. Соглашаясь на продолжение сроку перемирия до 1-го июня, не нашел я ничего в том не удобного для наших выгод, как и сами, ваше императорское величество, благопризнали таково время споспешествующим к пользе дел наших, а видев пропозиции, от их стороны означенные, в записке приложенной от интернунция венского двора, кои он мне сообщает за убедительнейшие по пункту соглашения к удержанию военных действий, что оные в нечем различествуют от тех кондиций, которые от вашего императорского величества мне предписаны во основание наставлений к трактованию и заключению перемирия; изъяснил потому я в своей подобной их ноте, нужное ко внушению при желаемых условиях, относительно к берегам Крымским, к прекращению всякого сообщения на Черном море и к неприкосновенности к местам, из которых турки были выбиты на сопротивном береге Дуная, как все о том мне и от меня им предложенное, в полном обстоятельстве имею честь всеподданнейше представить в вышеупомянутых к сему приложениях. Я уповаю, что на все другие кондиции неприятель безпрекословия согласится, но трудность он без сомнения найдет остановить без исключения ход своих судов на Черном море как с тем толь тесно связана коммуникация его с своею крепостию Очаковскою, которая лежит на нашем берегу. Подобно сему, чувствовать он может стесняемые свои выгоды отдалением его на том боку Дуная от всех мест, нашими войсками испражненных, в чем я однакож буду сообразоваться предположенному от вашего императорского величества снисхождению в случае не отступного требования, чтоб дозволить туркам вдоль берега некоторые пропорциональные нашим постам иметь пикеты.

Но как настоящий отзыв Порты содержит в себе новое обстоятельство, что требует оная заключить перемирие под гарантиею содействующих к тому держав, о чем вышеписанные министры, учинив уже к своим государям представления, ожидают их резолюции; к тому же выговаривает еще неприятель естьли бы заключение мира не свершилось до окончания термина поставленного для перемирия, так и тогда сему же перемирию сверх определенного сроку еще продолжится чрез три месяцы; то и не мог я на сей пункт инако ответствовать, как предоставить положение онаго единственно высочайшему воизволению вашего императорского величества. Предуведомление, сделанное

мне о требуемой гарантии на перемирие почти за достоверно и то представляет, что до получения от дворов венского и прусского на взнесенные к оным от их цареградских министров представления удержится и визирь входит в точное трактование преддверия к миру, следственно и благонадежен я остаюсь, что в сем времени удостоите меня ваше императорское величество всемилостивейше пополнительным наставлением о высочайшем на то благосоизволении и коим образом я должен оному сообразоваться в течении сих дел, где встречаются новые обстоятельства. А буди бы визирь по сделанному от меня в моем теперешнем ответном к нему письме внушению, схотел приступить к трактованию перемирия, не ожидая на оное от посредствующих дворов гарантии, то я к тому с моей стороны, все имея в готовности, войду в сношение без всякого замедления, во исполнение данных мне от вашего императорского величества высочайших предписаний.

Ваше императорское величество соизволите увидеть в отзыве прусского министра попечительность его и до наших пленных, из которых от одного майора Зорича он ко мне прислал письмо, в коем сей изъясняет свое и протчих содержание в претерпеваемой крайней бедности в тамошнем состоянии, почему с моим теперешним курьером я послал в диспозицию помянутого прусского министра тысячу червонцев к общему их снабдению...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 49—51. Подлинник. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 217—218.

№ 261

1772 г. марта 13. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА МУССУН-ЗАДЕ МЕГМЕТ ПАШЕ О СОГЛАСИИ ВЕСТИ ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕМИРИИ В БУХАРЕСТЕ ИЛИ ЖУРЖЕ

Чрез отправленного курьера от вашего сиятельства из зимний вашей квартиры в Шумине имел я честь получить всепочтеннейшее и дружеское ваше писание от 9-го луны Зилкиже[1], которым благоугодно было меня уведомить, что Блистательнейшая Порта снабдила вас таковым же полномочием, каково и я получил от ее императорского величества моей всемилостивейшей государыни. Послать и уполномочить комиссаров, которые бы съехались в место, что я назначу между обеими армиями, для переговоров и соглашения о перемирии между двумя воюющими державами, дабы потом уполномоченные от обеих империй могли там собраться, где соглашенность будет, и войти в труд о успо-

[1] См. документ № 256.

коении чистосердечном и постановлении твердого и полезного мира между обеими народами, вовлеченными по нещастию в пагубную войну, которую обе державы искренно желают окончить, прекращая тем дальнейшее пролитие крови человеческой, в чем их величества император римский и король прусский восприемлют участие чрез свое содействие.

Не медля возвращением вашего курьера с моим ответом, пользуюсь я сим случаем подать вашему сиятельству удостоверение о моем почтении и дружестве и засвидетельствовать тут же, колико я сорадуюсь приближению благополучного времени, которое восставит мир, дружбу и доброе соседство между обеими империями.

Но как министры их величеств императора и короля прусского, пребывающие при Блистательнейшей Порте господа Тугут и Цегелин, сообщили мне содержание договоров, которые Блистательная Порта полагает в основание заключаемому перемирию, то да будет за благопринято и вашим сиятельством, что и я с моей стороны прилагаю тут таковы же предположения, которые в содержании своем не различествуют от пред объявленных со стороны Порты, и мы удобно можем в них согласиться, ежели бы только ваше сиятельство благоволили возмещением тут же ограничить плавание на Черном море таким образом, как изъясняется в 4-м артикуле моего предложения [1], в чем нахожу я толь ощутительнейшую необходимость, что злоупотребления коим можно произойти без сей предосторожности, могли бы и подать причины к раздору и неспокойствам и отклонить сердца вместо того, чтоб приближать их в согласие. Свет собственного проницания вашего сиятельства постигнет всеконечную необходимость сего мероположения, и я не сомневаюсь, чтоб ваше сиятельство, питая в себе равные моим чувственности к поспешествованию толь спасительного дела, не утвердили оные своим благопризнанием.

Я ожидать буду от вашего сиятельства ответа, чтоб отправить в город Букарешт комиссара ее императорского величества статского советника, который уже к тому приуготовился и снабден будет от меня полномочием. Естли благоугодно будет принять вашему сиятельству сие назначиваемое между обема армиями место, которое одно и есть, где комиссары могут пребыть с лучшею выгодою и найти надобное к содержанию своему, поелику нет другого удобного на сей стороне Дуная селения, в котором бы мог мой комиссар поместиться с своею свитою, то я поспешу сообщить пашпорт для вашего комиссара и дать надлежащие повеления о принятии и препровождении онаго с пристойными чину и достоинствам его честьми как в приезд, так равно и при возвращении. Я согласен моего комиссара послать и в Журжу, буде бы, ваше сиятельство, не нашли за благо к тому Букарешт.

---

[1] См. документ № 265.

Я желаю всеусердно иметь удовольствие получить вскоре от вашего сиятельства ответ, чтоб не умедлить определением сего дела, которое долженствует положить основание к заключению мира.

Отправляя обратно курьера в Константинополь к министру его величества короля прусского, который от него ко мне был и прислан, покорно прошу вашего сиятельства дозволить ему туда поспешной проезд, не отказав и в помощи, потребной к его безопасности и обеспечению в предлежащем пути.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 69—70 об., 71. Перевод. Опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 218—219.

№ 262

1772 г. марта 29. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Р. И. ЭССЕНУ О СТРОГОМ СОБЛЮДЕНИИ ВСЕХ УСЛОВИЙ ПЕРЕМИРИЯ В СЛУЧАЕ ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

№ 75

Ее императорскому величеству благоугодно было высочайше уполномочить меня заключить перемирие с верховным турецким визирем Мусун-Заде Мегмет пашою, от своего государя равное к тому полномочие получившим, между обеими воюющими армиями чрез высланных от обоих сторон комиссаров. Потом я и визирь взаимно согласились быть съезду нашим комиссарам в городе Журже, и для сего от нашей стороны г. статский советник Симолин туда едет, а от визиря прислан будет почтенный гоза императорского дивана Абдул-Керим-ефендий президент камеры конной милиции.

По заключении и по подписании договоров перемирия наш комиссар г. Симолин сообщит вам все оного артикулы, постановленные к удержанию с обеих сторон военных действий. Тогда с того самого дня ваше превосходительство имеете во все команды дать повеления, запретя под смертною казнию, чтоб никто ни с военных чинов ниже из жителей во все время продолжения перемирия не смел и не делал противо турков никаких неприятельских действий ниже оказывать к тому какие-либо виды; но в своем положении всем оставаться так, как договоры перемирия ограничат, однакож поступая в то время с ласковостью соседственною с неприятелем, долженствуете, ваше превосходительство, соблюсти сами и наказать о том всем подчиненным себе, чтоб ниедина черта не была упущена из моих повелений относительно до предосторожности военной и всегдашнего бдения войск о своем деле. Ваше превосходительство, все требования г. Симолина по его комиссии имеете удовлетворять с тою благопоспешностью, которой требует возложенная на него от ее императорского величества толь важная комиссия для сопровождения его к Журже, равно и для конвою турецкому комиссару от берега

Дунайского определите пристойную команду из гусар или пикинер; а дабы сии дела лучшим образом споспешествуемы были, то я отсюду посылаю г. генерал-майора барона Игельштрома, которому, ваше превосходительство, деташамент войск, при Журже находящихся, поручите в командование, а он от меня получил повеление особливо, что принадлежит до благоучреждений при съезде комиссарском поступать с согласием обще на то г. статского советника Симолина.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 226—227. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 263

1772 г. марта 29. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА СТАТСКОМУ СОВЕТНИКУ И. М. СИМОЛИНУ О ВЕДЕНИИ ПЕРЕГОВОРОВ О ПЕРЕМИРИИ С ТУРЕЦКИМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ

№ 76

Ведая с довольною доверенностью, сколько благоразумие собственное и долговременная практика возвысили ваше сведение в делах политических, не имею я нужды помогать вам тут моим советодательством, где предлежащее дело во всех частях оного объемлете вы и своим просвещением и по руководству, которое вы себе получили чрез откровения, сделанные вам от министра нашего двора, его сиятельства действительного тайного советника и кавалера графа Никиты Ивановича Панина, но со стороны того, что я уполномочен от ее императорского величества к постановлению генерального перемирия между армиею, мне вверенною, и турецкою, которые предводитель верховный визирь Мусун-Заде Мегмет паша имеет также к тому полную мочь от своего государя, и что вы к заключению договоров перемирия избраны от ее императорского величества в комиссары, даю вам приложенные здесь за моим подписанием: 1-е. Полномочие к трактованию и заключению с турецким комиссаром сего перемирия. 2-е. Просить, на какое основании оное постановить, где все выраженные артикулы составлены, сходствуя высочайшим от ее императорского величества мне предписанным правилам. Переписка моя с визирем до настоящего дни вам известна и знаете вы из последнего уведомления, кто от его стороны определен комиссаром, равно и о месте, в которое согласился прислать его для свершения с вами договоров о перемирии; следственно и предлежит теперь, чтоб ваше высокородие к исполнению возложенной на вас комиссии, имев все для оной в своих руках письменные инструменты, благоволили туда ехать. Кондиции, которые с нашей стороны предлагаются к постановлению перемирия, ничего в себе не содержат весьма разнствующего с предложениями, которые предъявлены и от самой Порты, и в по-

следнем письме ко мне визирском видели, ваше высокородие, что он отправляя своего комиссара, предваряет так сказать нас о своем уже соглашении на оные, но рассуждая, с другой стороны, о известном характере в турках, что они ко всякому себе предложению могут брать подозрения, естьли бы турецкой комиссар не хотел согласиться к постановлению перемирия на сих точно пунктах, которые от меня даются по точному же предписанию от нашего двора, то поелику сии все наши пункты столько основаны на пользе и необходимости наших выгод, что их сколько переменить не можно, столько и обеспечить трудно, следственно и не могу я собою больше вам дать власти на перемену оных, как разве только в терминах, что вы можете изъяснить и другим образом, нежели тут написано, во угодность требованиям турецкого комиссара полагаемые артикулы, не отнимая однакож у оных существительной силы, объемлющей наши пользы. Думать можно, что турецкой комиссар трудности найдет принять пункт, в договорах полагаемый, о прекращении хода кораблей в Черном море и в резон поставит сопротивный тому, что их крепости Очаков и Кинбурн утратили бы чрез то нужное себе сообщение. Ваше высокородие в таком случае сделайте пристойное внушение турецкому комиссару, что сие мы выговариваем для взаимной безопасности, ибо и наш флот, в Дунае и у Крымских берегов имеющийся, сему же условию подлежать будет, и что оставляется впрочем свобода получать тамошнему турецкому войску и жителям по настоящему числу оных свое снабдение. Я полагаюсь на искусство и усердие ваше к интересам ее императорского величества, что вы удобвозможными убеждениями преклоните комиссара турецкого познать, коль сии артикулы не стесняют никоторой стороны больше пред другою выгод, принять оные и заключить на сем основании перемирие.

Еще буди бы турецкой комиссар сделал предложение о произведении торговли беспрепятственно на обеих сторонах Дуная в продолжении перемирия, тут я должен вам приметить, что изза Дуная никакими полезными или нужными нам вещьми мы не можем пользоваться чрез открытие торгу, ибо, кроме овощей, не привозят с той стороны никаких продуктов, а из сих мест неприятелю можно будет доставать разные припасы, служащие к продовольствию армии, как то: хлеб, скот и тому подобное; итак, за лучшее я сужу, чтоб сего постановления вовсе не вносить в договоры, а в случае неотступного требования от комиссара, можете вы статью о торговле хотя прибавить, но исключить из даваемого дозволения хлеб всякого рода, так как и военные запасы, коих ни на той, ни на другой стороне ни под каким видом не покупать, а переезжающим для покупки и продажи иметь письменные виды на проезд от командующих в тех местах, из которых приезжать будут. После подписания договоров перемирия к отправлению в Архипелаг даю вам на руки письмо мое

к генералу графу Орлову или кто там командует нашими войски, чтоб вы, вложа в оное справочную копию договоров, на коих заключите перемирие вследствие выговоренного артикула, требовали, чтоб с тем посылаемый от вас курьер, которого вы тотчас отправьте, принят на сопротивный берег и снабденный всем обеспечением препровожден был ближайшею дорогою в те места. Относительно до дел военной части, вы их видите положение из самых договоров, которые простираются на их пользу. Сверх того, поелику в перемирии все действия военные должны прекратиться, а будущих расположение зависит от общей связи и других частей войск, которые не состоят в моей команде, то я сам, не имев еще на сие генерального плана и повелений, не могу тут вам сделать никаких предписаний. Командующему в Валахии г. генерал-порутчику фон Эссену дал я повеление удовлетворять во всем требовании ваши и со дня того, как подписано будет перемирие, прекратить в той стороне неприятельские военные действия против турков. Я посылаю отсюду в Журжу г. генерала-майора барона Игельштрома, препоручая ему особливо все благоучреждения устроить с советом вашим относительно к приему к пребыванию турецкого комиссара и к общим вашим выгодам, повелевая ему равно, как и г. Эссену, все от вас получаемые требования удовлетворять с тою благопоспешностью, которой требует возложенная на вас от ее императорского величества толь важная комиссия. На снабдение курьера в Архипелаг с моим письмом к графу Орлову получите ваше высокородие, здесь 600 червонцев, да на расходы при отправлении вашей комиссии 1000 червонцев, а курьером в помянутое место употребить даю я вам порутчика Кумани, который быв родом из тамошних мест и зная употребляемые там языки, удобно может исправить сию должность.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 227 об.— 230. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 264

1772 г. марта 30. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОПЫТКЕ УСТАНОВЛЕНИЯ СВЯЗИ ПО ЧЕРНОМУ МОРЮ С АЗОВСКОЙ ФЛОТИЛИЕЙ И О ГИБЕЛИ В УСТЬЕ ДУНАЯ РУССКОГО СУДНА

№ 18

В 26-й день сего месяца адмирал Нольс в Яссы приехал, и я долженствую во исполнение высочайшего вашего императорского величества повеления от 8-го февраля всем от меня зависимым вспомоществованием ему в части строения судов, единственному его распоряжению вверенной, удовлетворять его требования, отдав теперь всех офицеров флота с их командами в его ведомство и суда, которые он найдет годным к морскому плаванию, останутся равно в его диспозиции.

Из Еникуля от 4-го марта я имел уведомление от виц-адмирала Сенявина, что еще посланное судно из Дуная под управлением флота лейтенанта Вельяшева еще по то время у крымских берегов не явилось, а 27-го сего месяца представлен мне чрез коменданта крепости Килийской по поданному ему репорту флота от капитана-лейтенанта Баскакова, который послан был от реченного виц-адмирала на дубель-шлюбке из Еникуля для открытия пути в Дунай, что он 4-го марта, отправясь из Еникуля, 15-го числа сего ж месяца прибыл благополучно по северную сторону реки Дуная к Арабул верстах в двадцати, а не имев при своем судне шлюбки и яла, не мог послать на берег и простоял тут сутки. 15-го числа отошел к первому устью реки Дуная, в которое не мог он с судном войтить за мелкостью воды, и держался три дни, а от оного 19-го числа обратился ко второму устью реки Дуная Руско, но и в оное войтить не мог за противными ветрами. Хотя сей офицер от всех вышеписанных мест подавал о своем прибытии сигналы, но по отдалению оттуду побережных наших крепостей не могли из оных ни их приметить, ни отвечать на оные, ибо последнее повелено чинить пушечными выстрелами из крепостей. С 23-го на 24-е число поднявшийся ветр от норда в шесть часов пополудни весьма усилился, а пополуночи был штурм сильной и заливало судно в пятом часу приходящими с стороны валами так, что на палубе вода поровнялась с бортами и подняла некоторые люки, отчего судно, наводняемое, стало садиться ниже. В сем видимом бедствии реченный капитан-лейтенант по согласию команды его обер-офицеров и протчих служителей принужден был отрубить канат от якоря и итить по способности ветра на берег для спасения людей. Сие учиня полчетверти часа, пришел он с судном на берег от устья реки Дуная Руско по южную сторону, где в четверть часа судно разломало, коего для облегчения как артиллерию, так и протчие тягости бросили в воду и мачты срубили, когда от крепкого штурму буруном беспрестанно заливало. Все чины, бывшие на сем судне, в числе 64-х человек, спаслися от потопления, кроме одного солдата, который при переправе на берег утонул. Для перевозки на берег достальной артиллерии, и что из экипажу осталось на разбитом судне, от наших постов по уведомлению тотчас послана потребная помощь. Я послал повеление упомянутому офицеру Баскакову явиться немедленно к адмиралу Нольсу. Положение и высота воды в устье дунайском описаны здесь находящимися морской службы офицерами, которые планы тому посылают в коллегию Адмиралтейства, от коей уведомлен был, я уповаю, о том и виц-адмирал Сенявин для дачи наставлений при отправлении сюда судна от крымских берегов.

Петр Румянцов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 82—83 об. Подлинник.

№ 265

1772 г. март. — УСЛОВИЯ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ П. А. РУМЯНЦЕВЫМ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ С ТУРЦИЕЙ

1-е. Срок перемирию может продолжен быть до 1-го июня, но поелику учреждение конгресса долженствует быть главною целью удержания неприязненных действий, то генерал-фельдмаршал не отречется отсрочить сей термин на все время продолжения конгресса; естьли же против всякого чаяния и ожидания (отчего да сохранит бог) мирные договоры были бы прерваны, то не может он согласиться на отсрочку возобновления действий военных еще на три месяца, счисляя от дня, в которой конгресс разорван будет, а предоставляет постановление о том, как новое и необыкновенное в своем роде, решению двора своего.

2-е. Положение армий с обеих сторон на все время перемирия должно быть то же самое, которое есть ныне. Большое или главное течение Дуная будет в продолжении перемирия признано и постановлено линиею разделения между армиями обеих сторон, собранными в провинциях при упомянутой реке, и на обоих берегах сея реки не производить вновь никаких укреплений, ниже возобновлять разоренные в конце минувшей кампании города и крепости, а именно: Бабады, Тульчу, Исакчу, Мачин, Гирсов.

3-е. Генерал-фельдмаршал выговаривает для себя свободу и безопасность послать курьера из места собрания комиссаров прямо чрез Константинополь в Архипелаг с уведомлением главнокомандующего морскими и сухопутными силами о трактовании перемирия, дабы он с своей стороны на тамошних видах равное мог особенно постановить.

4-е. Перемирие простирается до всего Крыму и до Черного моря, так что никакое вооруженное судно не может войти из Черного моря в устье Дуная и ниже ходить вдоль по берегам Бессарабии к устью Днестра, равно да не показываются суда турецкие, какого бы они звания не были, при берегах и пристанях Крымских. Суда, которые находятся действительно теперь в Дунае, могут ходить свободно вдоль по сей реке.

5-е. Равным образом соглашенность будет на удержание военных действий в Азии с стороны Грузии и прочая, дабы, по получении взаимных уведомлений о перемирии, все земли, крепости и другие места остались спокойно в тех руках, в которых они тогда находиться будут, дабы сим способом вдруг прекратить неприятельские действия.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 72—73 об. Копия. Опубл. в кн. А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769—1774 гг.». СПБ, 1874, т. IV, стр. 165—166.

№ 266

1772 г. апреля 19. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА И. М. СИМОЛИНУ О НОВЫХ ТРЕБОВАНИЯХ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ КОНВЕНЦИИ О ПЕРЕМИРИИ В ОТНОШЕНИИ СУДОХОДСТВА НА ДУНАЕ И ЧЕРНОМ МОРЕ[1]

№ 95

Сей час я получил от двора просить конвенции перемирия и поспешаю вам тут доставить оный в переводах французском и италианском. Двор не желает, чтоб всякое с Дунаем вообще из Черного моря сообщение, а с ним и хождение судов по берегам Бессарабии пресечены были, а напротив, чтоб употребить всевозможное попечение к преложению пункта в наших предложениях относительно до Черного моря таким образом, как оной начертан в проекте конвенции, здесь сообщаемом, а именно, чтоб обеих сторон военные и другие суда имели взаимно свободу ходить и плавать при берегах оружию каждой части подвластных и между оными до крайнего с своей стороны устья Дуная реки на том и другом берегу ее, не преступая уже отнюдь и ни под каким предлогом за сии черты, а еще менее касаясь до берегов и мест, неприятелем занятых. В соответствии точной воли двора нашего употребите, ваше высокородие, все лучше вам известные способы сей артикул о судоплавании в Черном море и Дунае переменить сходственно присланному начертанию и весь акт перемирия сообразовать сему изъяснению во образец, для того присланному от графа Никиты Ивановича Панина, а естьли инако нельзя будет одержать такого на обе стороны равного постановления без дозволения в то же время туркам свободного морем сообщения и со крепостью Очаковскою, в таком случае не возбраняет двор согласиться и на оное, только бы с своей стороны получать нам беспечное и безвредное всякими судами плавание к берегам Бессарабии и чтоб потому оные, встречаясь дорогою с турецкими, не могли быть подвержены неприятельским от сих последних действиям. Я считаю, что сие может еще дойтить к вам прежде свершения полным образом акта о перемирии, и надеюсь, что вашему высокородию не будет трудно

---

[1] Турецкий уполномоченный прибыл в Журжу 9 апреля, и стороны приступили к переговорам. Предварительные условия уже были согласованы, когда из Петербурга были предложены другие условия о сроках перемирия, и некоторые перемены в тех пунктах, по которым уже были достигнуты соглашения. Это остановило дальнейший ход переговоров. Турецкий уполномоченный обратился за инструкцией к визирю, от которого на имя Румянцева последовало довольно резкое письмо, указывающее, что новые пункты невыгодны Турции и вносят затруднения в переговоры. Визирь был также недоволен тем, что перемирие назначается только до 1 июня и что по закрытии конгресса оно не продлится три месяца.

благосклонного Керим-ефендия в рассуждении сделанных вами снисхождений на его предложения, о чем я к вам вчера писал, убедить теперь во взаимство на перемену сего артикула, в котором, для вас говорю, двор наш заключает наиважнейшие наши выгоды. Пребываю впрочем с истинным почтением

вашего высокородия покорным слугою.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 234 об.—235 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 267

1772 г. апреля 28. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ И. П. САЛТЫКОВУ О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО КОМАНДИРОМ КОРПУСА, РАСПОЛОЖЕННОГО В ВАЛАХИИ

№ 2482

Приложа при сем учиненное мною о армии на кампанию сего 772 года по корпусам расписание, вашему сиятельству рекомендую немедленно ехать к назначенному вам корпусу в Валахию, и оной со всеми до него касающимися делами от господина генерал-порутчика и кавалера фон Эссена приняв, согласуясь по сему расписанию так, как и по данным пред сим от меня командирам сего корпуса наставлениям поступать, а его господина генерал-порутчика отпустить к вновь назначенному ему корпусу.

Румянцов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1878, л. 15. Подлинник.

№ 268

1772 г. апреля 28. — РАСПИСАНИЕ РУССКОЙ АРМИИ И УКАЗАНИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА КОМАНДИРАМ КОРПУСОВ НА КАМПАНИЮ 1772 г.

Корд-арме, где главная квартира со всеми к ней принадлежащими чинами находиться имеет, дежурным при армии господин генерал-майор и кавалер князь Василей Долгоруков.

Генералитет		Бригады	Полки
Господа генерал-порутчики и кавалеры	Господин генерал-майор и кавалер барон Унгерн	Первая	Первой гранодерской Куринской Баталион гранодер из рот Тобольского и Елецкого полков

Генералитет		Бригады	Полки	
Племянников при пехоте	Господин генерал-майор и кавалер Гудович	Вторая	Третей гранодерской Санктпетербургской баталион гранодер из находящихся в Польше от первого и третьего гранодерских полков двуротных команд	
Ступишин при кавалерии, коему, до прибытия первого, командовать всем корпусом; под его ордером господин генерал-майор и кавалер Потемкин при кавалерии	Господин генерал-майор и кавалер Милорадович	Третья	Ярославской Севской	
	Господин бригадир Волков	Четвертая	Новогородской Старооскольской	
	Старшей господин полковник	Первая	Рязанской Нижегородской	Карабинерные
	Старшей господин полковник	Вторая	Рижской Сибирской	Карабинерные
	Старшей господин полковник	Третья	Острогожской гусарской	
			Три шрадрона Венгерского гусарского полку	
		Четвертая	Елисаветградской пикинерной	
			Донской атамана Сулина казацкой	

Правое крыло корпуса в Валахии, командующей оным господин генерал-порутчик и кавалер граф Салтыков.

Генералитет		Полки
Господа генерал-майоры: Князь Юрья Долгорукой	Пехотные	Четвертой гранодерской Апшеронской Ингерманландской Астраханской Низовской

Генералитет				Полки
Барон Игельстром Николай Каковинской Карл Камеен при кавалерии	Пехотные			Тенгинской Капорской Муромской Гранодерской подполковника Белавина
		Баталионы	Егерские подполковников	Князя Мещерского: из команд от полков Орловского, Козловского, Старооскольского, Севского, Астраханского, Белозерского, Муромского и Троицкого
				Аршеневского: из команд от полков первого и третьего гранодерских, Куринского, Киевского, Ростовского, Нижегородского, Сибирского, Смоленского
	Кавалерийские			Астраханской, Вятской } Карабинерные
				Ахтырской гусарской Днепровской пикинерной Донских казацких пять

Левое крыло корпуса в Безаравии, командующей оным господин генерал-порутчик и кавалер фон Дерфельден.

Генералитет		Полки
Господа генерал-майоры: Барон фон Вейсман	Пехотные	Киевской Ширванской Кабардинской Выборгской Смоленской

Генералитет		Полки			
Семен Озеров	Пехотные	Баталионы	Гранодерские	Первой подполковника Адлерберга из рот первого Московского и Невского полков	
Иван Шилинг				Второй подполковника Булдакова из рот Троицкого и Белозерского полков	
				Третьей из рот Азовского Навагинского полков	
Вилим Энгельгард при кавалерии			Егерские	Подполковника Мекноба из команд от полков Тенгинского, 2-го Московского, Невского, Архангелогородского, Новагинского, Ширванского, Новогородского, Азовского, Ингерманландского	
	Кавалерийские	Московской Тверской			Карабинерные
		Харьковской гусарской			
		Донских казацких пять			
	Для содержания гарнизона в крепостях	В Килии Новагинской В Аккермане Азовской			
		В Бендерах		Тамбовской Елецкой	Пехотные
				Донской. Карпова. Малороссийской. Лубенской	Казацкие

Корпус резервной между рек Серета и Яломицы, командующей оным господин генерал-порутчик и кавалер фон Эссен.

Генералитет		Полки
Господа генерал-майоры:	Пехотные	Архангелогородской
		Козловской
Петр Текелли при кавалерии		Пермской
		Орловской

Генералитет			Полки
Викентий фон Райзер при пехоте	Пехотные	Баталионы	Гранодерской подполковника Потапова из рот Орловского и Козловского полков
			Егерской подполковника барона Ферзена из команд от полков Ярославского, Низовского 4-го гранодерского, Санктпетербургского, Пермского, Бутырского, Апшеронского, Выборгского
	Кавалерийские		Новотроицкой кирасирской Ингерманландской карабинерной Сербской } Гусарские Волоской } Донской казацкой Зазерского
	В Браилове для содержания гарнизона пехотные		Ростовской Бутырской
			Баталион гранодер из рот Ростовского и Бутырского полков
			Пионерной баталион

Корпус на обережение границ и магазинов, истребление мятежников и на содействие с господами генерал-порутчиками и кавалерами Бибиковым и Эльмптом, поелику без обнажения сего краю делаться может, в Польше под командою господина генерал-майора и кавалера Каменского.

Генералитет		Полки
Господа генерал-майоры: Князь Петр Голицын Семен Ширков Бригадир князь Долгоруков	Пехотные	Сибирской Белозерской Троицкой Невской 18 мушкатерских рот, взятых из Киева
	Кавалерийские	Наследников } Кирасирские Киевской } Пермской } Карабинерные Тобольской } Навербованной из польских жителей казацкой Команда донских и малороссийских казаков

Полевая артиллерия с ее служителями, Генерального штаба чины, комиссариатские провиантские комиссии остаются при корпусах те ж, кои доныне состояли.

Гранодерские баталионы снабдить артиллериею с ее служителями из полковых от оставших в России полков орудий, ныне в ведомстве артиллерии находящихся, от тех корпусов, при которых сии баталионы состоять будут.

Егерские баталионы соединить в нынешнюю кампанию по сему расписанию, чтоб они были ровны и по способности дивизий.

Что до провиантской комиссии, то как оной, так и Нижегородскому пехотному полку и казацкой команде быть по усмотрению господина генерал-майора князя Щербатова, где больше надобности находить будет.

Гарнизонам Ясскому и Хотинскому и состоящим в Молдавии разным командам, не принадлежащим к корпусам, состоять в команде у господина генерал-майора Римского-Корсакова беспосредственно под ордером моим.

Второму Московскому полку, когда две его роты из Янова к Могилеву прибудут, выступя из Хотина маршировать к Фалче, приказав всем четырем ротам для соединения с полком из Могилева выйти на тракт, коим он следовать будет, а две гренадерские его роты, в баталионе подполковника Адлерберга состоящие, отправить с бригадою, назначенною к Водянам, и тамо с полком своим соединитца.

Господам командующим корпусами бригады и ко оным командиров и компаменты определить по обстоятельствам неприятельского из того краю положения с наблюдением надобных выгод и так, чтобы на всякой случай все оные были к отпору неприятеля частно при своих местах и ко взаимным действиям на помощь других и на соединение готовы и на точное время, кое предположат, стать могли.

Чтобы определенные в краю том магазины всем потребным снабдены и из тех надобной провиант в свое время по определениям их господ командующих корпусами доставляем был, провиантского департамента офицеров понуждать и в чем случится у них недостаток спомоществовать.

В крепостях находящиеся ныне гарнизоны господам командирам корпусов по обстоятельствам усиливать и уменьшать.

В крепостях, компаментах и на постах службу в самой строгости отправлять и как людей, так все до последней вещи в полках в лучшей исправности содержать, а напротиву людей излишними караулами и во время жаркое учением и без нужды маршем не отягощать.

Больных в лучшем призрении содержать, и чтоб они со стороны врачевания и пищи и ни в чем недостатка не имели, часто подтвержать и чрез нарочных осматривать, а что до заразитель-

ной болезни, то все предосторожности на тот случай предписанные везде в точности наблюдать приказать.

Впротчем всем сославшись на данное от меня прошлого 770 году марта 8-го наставление благонадежен пребываю, что господа командиры корпусов ничего не упустят, что служба и должность командующим предполагает, как в рассуждении наблюдения надобной осторожности от неприятеля, так и порядка внутренних дел и не замедлят мне дать знать как о командирах бригад, так о компаментах и о обвещательных постах, где оные ими определены будут и какие ко взаимным действиям и к соединению места изберут и время доложат, держась, что до сообщения одного корпуса с другим и взаимного содействия надлежит, моего от 10-го числа ноября прошлого 771 года господам командующим дивизиями и корпусами секретного ордера.

Румянцов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1878, л. 16—19. Подлинник.

№ 269

1772 г. мая 13. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ЗАДЕРЖКЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ

№ 22 *Яссы*

Договоры о перемирии между комиссарами были уже при самом заключении, как получен проект для сей конвенции, присланный мне от действительного тайного советника и кавалера графа Панина, предложение коего от нашего комиссара подало причину турецкому под разными спорами отдалять свое соглашение на содержание оного и потому сия негоциация и теперь еще остается в своем течении.

От 6-го числа сего месяца я сообщил вашего императорского величества действительному тайному советнику графу Панину в посланной ноте мое решение против пунктов, которые требовал турецкой комиссар расположить в инструменте[1] перемирия. Между тем я получил от верховного турецкого визиря [письмо], которое в переводе французском здесь подношу[2] и в коем ваше императорское величество соизволите увидеть, сколь он с свойственною характеру их народа недоверчивостью отзывается ко мне против наших предложений, а наипаче о сроке перемирия до 1-го июня и о 5-м артикуле проекта, гласящем о свободном ходе судов в Черном море. Хотя воображению моему, не постигающему дальших видов, кроме военной части, представля-

[1] Инструмент — здесь официальный протокол, акт.

[2] Письмо верховного визиря Турции на французском языке в Сборнике не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1932, л. 116—118 об.).

лось, что может быть ваше императорское величество, назначивая краткой срок перемирию, предполагали в продолжении конгресса действием оружия поспешествовать заключению мира, сходственного высоким намерениям вашим для пользы империи. Но когда в преамбуле проекта, присланного мне от графа Панина, как присвоенного во всех частях своих положению дел и высочайшим вашего императорского величества намерениям, сказано, что обе державы за нужно признали согласиться на временное перемирие, дабы мирной конгресс и на оном негоциация с тем большею свободою в совершенной тишине, а не под звуком оружия течение принять могли, полагая в сем соглашении непременное правило, чтоб временное удержание оружия не могло никоим образом и ни под каким предлогом послужить той или другой стороне к распространению и умножению настоящих своих выгод, когда сходственные тому рассуждения предлагает в своем письме и визирь во убеждение меня, а о его добрых свойствах и преклонности к нашей стороне наисильнейшие сделал мне удостоверения Берлинского двора министр Зегелин, когда к сему же времени подоспело ко мне от генерала-аншефа и кавалера князя Долгорукова уведомление, что у берегов крымских начали показываться неприятельские суда и что тамошнее правительство нашлось согласившимся на измену и возмущающим народ к поднятию орудия против наших войск, в той части весьма ослабевших от поражений заразительной болезни, ради чего обратил он в ту сторону и те полки, которые назначены были с его части во усилие армии, мне вверенной; когда по отобранному сведению генерал-адмиралом Нольсом наш флот, выведенный из Азовского моря, требует своих подчинок, которые не можно исправить при Еникуле, и когда по отдаленности места не могу я толь скоро, как есть нужно, снабден быть высочайшею резолюциею от вашего императорского величества, ниже доставить мои представления со испрошением оной; — то и принудили меня все сии резоны и самое примечание, сделанное мне от вашего императорского величества в последнем рескрипте от 23-го апреля о невежестве турков, отсрочить термин перемирия до начатия конгресса и доколе продолжать оной будут уполномоченные, считая, что сим не удалился я от высочайшей воли вашего императорского величества по содержанию вышеписанного преамбула в проекте, мне присланном; и дабы турки по буйству своему или по истолкованию других не могли вложить себе в голову дальших подозрений (что можно предвидеть с сего визирского отзыву) причины предложения нового проекта, то велел я нашему комиссару Симолину в рассуждении сих обстоятельств наивозможнее привесть к скорейшему заключению перемирие, и естьли бы турецкой комиссар не согласился учинить того по расположению нового проекта, то подписать договоры по конвенции прежней, основанной на правилах, предписанных мне к тому от вашего императорского величества в вы-

сочайшем рескрипте от 3-го генваря. Я счел за нужно для успокоения сомнительных мнений дать знать о сем визирю и список присоединяю тут сего моего ответа.

Сходствуя содержанию 2-го артикула в проекте, я писал в Архипелаг к командующему там морскими и сухопутными вашего императорского величества войсками генералу и кавалеру графу Орлову или кто по нем начальство имеет, уведомляя его о трактуемом здесь перемирии, чтоб он, в ожидании от меня будущего уведомления о заключении онаго, с своей стороны принял потребные меры. Я послал с тем курьером Новотроицкого кирасирского полку порутчика Кумани, и визирь дал уже мне знать своим письмом, что он препроводил его туда чрез Царьград с подлежащим обеспечением и дал свои повеления Дарданельскому и прочим пашам о вспомоществовании его скорейшему проезду и моего такового письма всеподданнейше представляю тут копию.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 113—115 об. Подлинник.

№ 270

1772 г. мая 22. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ А. А. СТУПИШИНУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПЕРЕМИРИЯ С ТУРЦИЕЙ

№ 134

Ее императорскому величеству благоугодно было по учиненным отзывам от Порты Оттоманской в расположении к прекращению продолжающейся войны уполномочить меня к трактованию и постановлению генерального перемирия между двумя воюющими армиями, и дабы сие перемирие, в удержание с обоих сторон неприятельских военных действий, именем моим заключенное, распространялось на Крым и Черное море, с условием притом равно об остановлении обоюдных военных действий в Азии с стороны Грузии. Вследствие сего предположения с турецким верховным визирем Мусун-Заде Мегмет пашою, предводительствующим ныне их армиею, и равно уполномоченным к сему делу от своего государя чрез наших взаимных комиссаров с моей стороны г. статского советника Ивана Матвеевича Симолина, а от верховного визиря чрез Абдул-Керим ефендия, президента камеры конной милиции, съехавшихся в город Журжу в 19 день сего месяца майя, мы заключили и утвердили генеральное перемирие в удержание обоюдных неприятельских действий. Дая знать вашему превосходительству о совершении сего перемирия, коего акт списанный полным образом во всех частях своих и подробностях здесь прилагается [1], рекомендую во

[1] Не публикуется.

всей вашей команде учинить подлежащие обвещения, о прекращении на все тут определенное время всяких военных действий против неприятеля турка, по точности договоров о том утвержденных, кои написаны в прилагаемой конвенции, и дабы частные начальники старались нужным истолкованием силы условия удалить предосудительные следствия, могущие иногда произойти от недоразумения их подчиненных, ибо каждой нарушитель гделибо и под каким бы то ни было предлогом сих заключенных договоров перемирия и вместе с ним его строжайшего прещения в полное оскорбительной части удовлетворение и в сильнейшее другим своевольникам обуздание жестоко накажется.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 250 об. — 251 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 271

1772 г. мая 25. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОДПИСАНИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ВАРИАНТА ДОГОВОРА О ПЕРЕМИРИИ С ТУРЦИЕЙ

№ 25 *Яссы*

Во всеподданнейшей моей [реляции] под № 22-м[1] имел я честь донести вашему императорскому величеству, какие причины принудили меня во отдаление тех подозрений, с которыми отзывался ко мне верховный визирь по поводу предложения нового проекта к перемирию, велеть нашему комиссару подписать договоры по конвенции прежней, основанной на правилах, предписанных мне к тому от вашего императорского величества в высочайшем рескрипте от 3-го генваря.

Вследствие того, в 19-й день майя заключено и подписано комиссарами перемирие, по той первой между ими конвенции, когда турецкой комиссар изъяснился нашему, что он без потеряния своей головы, кроме сих артикулов, других подписать не может. Я оставляю у себя оригинальные экземпляры сей конвенции на турецком и италианском языках, для могущей быть иногда ссылки на оные, и подношу здесь всеподданнейше таков же российской к высочайшему усмотрению из онаго, что в рассуждении хода судов в Черном море мы своих выгод ни чем не стеснили и продолжение самого перемирия зависимым остается от благопризнания послов, уполномоченных от вашего императорского величества.

Во исполнение условия между комиссарами я послал мое подтвердительное письмо, на их договоры для размены онаго на таково ж визирское и со уведомлением о заключенном переми-

---

[1] См. документ № 269.

рии, отправил курьеров в Архипелаг к генералу и кавалеру графу Орлову или кто по нем командует, к предводителю второй армии генералу князю Долгорукову, прося сего последнего обвестить о том в Крым и на Кубань и во все туда прилеглые места, где действуют войски вашего императорского величества против неприятеля, кроме только Грузии, ибо я уже мое повеление командующему там войсками вашего императорского величества дал на руки своему комиссару Симолину, чтоб доставить оное тогда визирю для отправления обще с его приказанием к турецкому начальнику к той стороне, как он равно пришлет ко мне с коим бы я мог своего курьера и чрез свои земли туда послать к нашему командиру...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 134—135. Подлинник.

Приложение к док. № 271

ДОГОВОР О ПЕРЕМИРИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ

Обе воюющие стороны империя Всероссийская и Порта Оттоманская, желая остановить дальнейшее пролитие крови человеческой, доколе мир блаженной и справедливой не положит оному совершенного конца, и зная на обе стороны чрез посредство их величеств императора римского и короля прусского о взаимной их склонности к сему для рода человеческого толь спасительному делу, признали между собою занужно и полезно согласиться ныне о времянном перемирии и удержании оружия их, дабы между тем мирной конгресс по общему их согласию место свое возъимет и мирная на оном негоциация с тем большею свободою в совершенной тишине, а не под звуком оружия, течение иметь могла к скорейшему по взаимному их желанию, прекращение военного пламени и нераздельно с оным соединенных народных бедствий, полагая в сем соглашении за непременное по сущей и самой строгой справедливости основание охранить и соблюсти, дабы временное удержание оружия и всяких военных действий не могло никоим образом и ни под каким предлогом послужить той или другой стороне, к какому-либо распространению или умножению настоящих своих выгод, способностей и предлогов к предосуждению другой стороны, но чтоб паче каждая сторона оставалась покойно и безпрепятственно при тех, в коих она находиться будет в день одновременного обеих сторон соглашения о съезде уполномоченных к трактованию комиссаров в назначенном к тому месте. Главнокомандующие армиями ее императорского величества всероссийской, генерал-фельдмаршал, малороссийской генерал-губернатор и всех российских орденов кавалер его сиятельство граф Петр Александрович Румянцов, а Порты Оттоманской — верховный визирь его сиятельство Мусун-Заде Мегмет паша, следуя сему между высокими их дворами постановленному условию, согласились каждой с своей стороны по данной им полной мочи и власти от государей их назначить уполномоченными комиссарами, а имянно: с стороны его сиятельства господина генерала-фельдмаршала графа Румянцова, ее императорского величества статского советника и при имперском собрании акредитованного министра Ивана Симолина; с стороны же верховного визиря гозу высокого императорского Дивана Сеид-Абдул-Керим-эфендия Мукабеледжи Сувари, которые, разменявшись между собою данными им от обоих главнокомандующих достаточными в надлежащей форме полными мочами, вступили немедленно в полюбовные переговоры и постановили на вышеозначенном от обеих воюющих держав за непременное принятом осно-

вании о сохранении каждой стороне настоящих ее выгод, способностей и пределов, следующие артикулы временного на обе стороны перемирия и удержания оружия на сухом пути и Черном море, обещая каждой с своей стороны именем, честию, словом и доброю верою двора своего и собственною главного армии начальника, сохранить оные свято и невредимо до установленного срока, который по востребованию обстоятельств распространить далее предоставляют они право и полную свободу полюбовному впредь соглашению обеих главных командиров, чрез них ли же комиссаров или чрез другие, по соизволению впредь благовременно избираемые средства, дабы между тем мирная негоциация в тишине и свободе с большим успехом и всевозможною безопасностию производится могла.

1-е

Все неприязненности и военные действия должны прекращены быть во всех частях, где находятся войски императорские российские и турецкие.

2-е

Корпусы войска российского, находящиеся в Журже, и турецкого против сего места на той стороне реки Дуная считать будут перемирие со дня подписания онаго, а в других частях в Европе и в Азии — со дня прибытия курьеров, которые от их сиятельств командующих фельдмаршалов тотчас после того подписания отправятся к тамошним начальникам.

3-е

Обе армии чрез все время перемирия должны оставаться в том же самом их положении, каково ныне есть. Главное течение реки Дуная признано линиею разделения между собою обеих армий, собранных и расположенных по обоим сторонам в провинциях при оной реке. Ни от которой стороны не имеют быть производимы никакие вновь укрепления на обоих берегах сей реки, ниже возобновлены будут места, разоренные в конце последней кампании, а имянно: Бабады, Тулча, Исакча, Мачин и Гирсов.

4-е

Оттоманская Порта дозволяет с места собрания комиссаров отправить курьера чрез Константинополь в Архипелаг для уведомления командующего там морскими и сухопутными российскими войсками о начатии негоциации и о заключении перемирия, чтобы и он с своей стороны мог особливо учинить соглашение с находящимся там от Порты Оттоманской командиром ко удержанию неприятельских действий на тамошних водах.

5-е

Перемирие простирается на весь Крым и Черное море таким образом, чтобы никакое вооруженное турецкое судно не входило из Черного моря в устье Дуная, ниже вдоль по берегам Бессарабии в устье Днестра; равно да не показываются суда турецкие, какого бы они звания ни были, при берегах и пристанях крымских, выключая случаи бедственной нужды, которые описаны в следующих артикулах; находящимся же теперь в Дунае судам предоставляется свободной ход вдоль по сей реке. Ежели бы какие между жителями обеих сторон сделались споры, невзирая на все предосторожности, которые против того взяты будут, то должны комиссары успокоить оные по доводу и справедливости.

6-е

Порта Оттоманская обязывается чрез все время продолжающегося перемирия не усиливать своих гарнизонов в Очакове и Кинбурне, не посылать туда никаких войск, также аммуниции и других военных припасов и не заготовлять там магазейнов. Находящиеся же ныне действительно там войски и жителей свободно ей снабдевать пропитанием и ежели бы какие суда, тем нагруженные, противною погодою или другим бедственным каким случаем принесены были к берегам Бессарабии или Крыма, то дастся им вспоможение, в котором имели бы нужду, и в предлежащем пути никакого препятствия чинено не будет.

7-е

А ежели также и российские суда, с провиантом и другими съестными припасами в Крым или Дунай к берегам Бессарабии следующие, по таким же причинам принуждены будут стать у берегов владения Порты Оттоманской, в Азии или Европе, то равномерно же во всем нужном вспомоществуемы быть должны, не дознавая от стороны турецкой никакого себе препятствия в продолжении пути к тем пристаням и местам, куда им следовать надлежит.

8-е

Неприязненные военные действии прекращены быть также должны и в Азии, на Кубане, в Грузии и в других местах, где только войски находятся, с получения взаимных известий о перемирии. Все земли, крепости и другие места имеют пребыть спокойно в тех руках, в которых они при получении сего известия найдутся; в местах же, где потребно будет учредить линии разделения, принять договоры на основании перемирия.

9-е

Срок сего перемирия имеет продолжаться в Молдавии, Валахии, Бессарабии, Крыме, на Кубане и других землях и владениях обеих сторон без всякого изъятия, также на берегах и водах Черного моря до собрания полномочных послов, к негоциации о мире назначенных, ибо уповательно конгресс и мирная негоциация вскоре начало свое взять могут, по которой тот срок, естьли нужда и польза обеих сторон того востребует, может по вышесказанному и далее с общего условия обоих главнокомандующих и с согласия уполномоченных послов воюющих держав, к конгрессу присланных, удобно продолжен и продолжаем быть. Срок же перемирия и удержания оружия в Грузии, Мингрелии и протчих тамошних землях имеет продолжаться до первого октября месяца сего же года, потому что дальное сих земель отстояние от мест негоциации не позволяет толь скорого с оными сношения, следовательно, и начало перемирия воспоследует там гораздо позже, нежели во всех европейских областях обеих воюющих империй.

Сей конвенции написаны два равногласящие экземпляра на русском и турецком языках с приложенными к тому итальянскими переводами, кои взаимные уполномоченные комиссары своеручно подписали, печатьми своими утвердили, оные по обыкновению между собою разменяли и обязались взаимно подтвердительные письма как от фельдмаршала, так и визиря, в восемь дней представить. Учинено в палатках при городе Журже 19 мая 1772 года.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 135—141. Подлинник. Опубл. в кн. А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769—1774 гг.», СПБ, 1874, стр. 187.

№ 272

1772 г. июля 2. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С СООБРАЖЕНИЯМИ О ПЛАНЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СЛУЧАЕ РАЗРЫВА МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

№ 34 *Яссы*

Ваше императорское величество всевысочайше повелели мне от 23-го апреля представить всеподданнейшее мнение о военных действиях на случай такой, естьли бы своих успехов не возымела мирная негоциация, выслушав при рассуждении о том мнение генерал-фельдмаршала и кавалера графа Орлова. Его сиятельство при рассуждениях сообщил мне о настоящем положении дел между венским и берлинским дворами, что сии державы в согласие общей конвенции введут свои войски в первых числах июня в Польшу[1], но дела наши с турками, при всем том не утверждены ни на чем определительном, а зависит оное от негоциации и что при упорстве турков надлежит нам готовить оружие, дабы сильными ударами к тому их наклонить. Я, ожидая от вашего императорского величества дальнейших повелений по рассуждению оказавшихся в Крыму колеблемости и лучшего ради сведения о неприятельском положении, отлагал поныне должное о том донесение, но, не смея уже явиться больше медленным, имею честь представить в следующем слабые мои рассуждения и заключить оные таковым же мнением без предложения мер, начиная то соображениями предстоящих предметов моему месту и собственных наших выгод.

1-е. Города турецкие, на противном берегу лежащие, именно: Силистрия, Туртукай и Рущук, на которые первые поиски могли бы мы обратить, по нынешнему опустошению не имеют в себе такой важности, которая бы заменила потерю людей при взятии оных, поелику неприятель, укрепясь в них, держится только в прикрытие своих магазейнов и селений внутрь земли от набегов наших.

2-е. Но что до войск его, то поныне турки не обнажают нимало своих видов в здешней стороне и держут большие силы в отдалении от берегу, а большое число оных в верхней части Дуная.

3-е. Вменяя как должно за главные пункты, что предстоят части вверенных мне войск к нанесению ударов таковых неприятелю, кои бы потрясти могли державу его и принудить на всякое унижение города Адрианополь и Константинополь, нельзя не уважить трудностей, с тем сопряженных, ибо не говоря о пе-

---

[1] В начале 1772 года в Петербурге были заключены соглашения сначала с Пруссией, потом с Австрией о частичном разделе владений Польши. Об окончательном соглашении см. примечание на стр. 552.

реходе чрез Дунай, где сомнения нет, чтоб неприятель не воспрепятствовал всем, что можно на места, которых немного к тому и удобных есть, но положа, чтобы и не были турки в довольных к тому силах собраны на точном месте нашей переправы и мы бы, одолев их, за реку перешли, то ваше императорское величество соизволили видеть из посланного от меня описания от 18-го генваря сего году дорогам, ведущим от Дуная к вышеписанным городам, какими горами и дифилеями там пресеченный мы найдем путь. Неприятель, конечно, уклоняясь от бою в открытых местах станет крепких держаться, и когда мы будем одолевать оные трудные проходы, имея путь частью и безводной и где всякой изворот, а паче с великим обозом, без которого нам по запасу большому и надобному в провианте обойтиться неможно, весьма неудобен, может он употреблять свою легкую и стремительную конницу от всех мест на пререзание нашей коммуникации и в затруднение наших движений и тем нас принудит, и овладев, заслонит таковые проходы чрез горы или укрепленные их места с размерными тому постами и отделят знатную часть войска на обеспечение сообщений даже до берегу Дунайского, а посему и считаю уже за излишно говорить о бессилии нашем и о трудностях к доставлению пропитания, которым я запасаюсь, доставляя с величайшим трудом из Польши провиант к ближним токмо местам, и, превосходя все трудности, наполняю без большого, однако, успеха магазейны ближние к Дунаю в Молдавии и Валахии на пропитание тамошних войск, а в Браилове и ради перенесения оружия за Дунай, когда бы открылися на то или случай, или когда бы от вашего императорского величества повелено было простерти на ту сторону военные предприятия и в какой мы найдемся трудности по мере распространения наших предприятий, на сопротивном берегу Дуная, ежели особливо не может иметь по мнению адмирала Нольса порту флот наш или ходу наши суда при береге морском и способствовать предприятию сухим путем в подвозе пропитания и в прикрытии берегов с левой стороны в примечании неприятельского сильного, вышедшего на сию кампанию в море, ибо при подобном предприятии и войск число великое надобно, чтобы все встречающееся преодолеть и оставляемое за собою обеспечить.

Напоследок, хотя сомнение всякое отъемлется, чтобы турки не подвергли себя предполагаемым от вашего императорского величества постановлениям для заключения мира, когда видят они тщетными уверения побуждавшей их Франции и когда познают самим делом приемлемое участие союзника вашего императорского величества короля прусского и согласившегося к тому же двора венского, ибо перевес таков в нашу сторону тянуть должен за собою их покорность и унижение, но буди бы против всякого основательного чаяния дела инаковы были, и турки не прямо миру да выигрывания токмо времени искали посредством

настоящего положения, учинившегося по их отзывам, чтобы, приведя нас в некоторых отдаленных от них частях в недействие, успокоить могли внутренние войны в Египте, привесть все свои силы в лучшее ополчение и в надежде между тем отклонить от нас или некоторых из союза или из народов покорившихся, то и удостоверить нам себя должно по многократно и без того дознанной стремительности неприятельской, что он в лучшем ополчении не умедлит свои силы и действия против вверенной мне армии открыть и, конечно, в верхней части Дуная.

В таком виде, воображая последования по собственным нашим обстоятельствам, я все свои малые искусство и труды употребляя всегда на пользу вашу, мня, всемилостивейшая государыня, что она в том будет, дабы по деликатности времени, державшись выгодного нашего положения, не отваживать ничего в подвержение перемене, могущей коснуться и на дела вообще, но делав разные демонстрации, искать удобного времени и случаю, где бы можно неприятелю без своего ущербу дать сильный удар и в расстройке его явить ему следы крайней опасности и тем его понудить к миру. И сии мои скудные мысли повергаю высочайшему рассмотрению вашего императорского величества, готов будучи ко исполнению всякого дела, кое бы ваше императорское величество по общему плану на мою часть определить соизволили по лучшему предусмотрению.

Полки, назначенные сюда от второй армии предводителем оных генералом князем Долгоруковым, подвинуты в помощь Крыму по причинам, необходимо того требовавшим, о чем он и вашему императорскому величеству учинил донесение. Его мысли о положении той страны в случае разрыву мирных договоров основаны на уважении, сходствующим таковым обстоятельствам.

Что до исправления здешних крепостей, то оные к тому приготовляться, дабы открытием того принудить неприятеля к скорейшему заключению мирной негоциации.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 180—183 об. Подлинник.

№ 273

1772 г. июля 16. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Г. Г. ОРЛОВУ И А. М. ОБРЕСКОВУ О СРОКЕ ПЕРЕМИРИЯ С ТУРЦИЕЙ

№ 208

Исполнен быв признания к той чести, что вы сделали мне, требуя от меня мнения, до которого времени надобным, или без-

вредным, быть может продолжение перемирия[1], хотя я вижу по содержанию рескрипта, в копии приложенного при всепочтеннейшем вашем о том писании, от 14-го сего месяца, что полная доверенность, с которою ее императорское величество предоставили безпосредственно единственному вашему токмо благоусмотрению располагать сроком перемирия, с возщрением в том на пользы настоящих дел и с ними сопряженных, лучше может руководствовать в сем случае, нежели мои слабые мысли; удовлетворить однако ж желая столь вас и приятной для меня благосклонности, сколько со стороны военной ежегодно испытание меня удовлетворяет, имею честь донести вам следующее:

1) Настоящий июль и по нем следующие два месяца есть то время, в которое турецкие войска и от всех отдаленных сторон в полном собрании и в лучшем ополчении бывают видимы в поле. Теперь флот неприятель в Черном море имеет многочисленный, но оной по худой рейде в Очакове не остается зимовать, но, упреждая осеннюю погоду, возвращается тогда ежегодно в Царьград.

2) В сию же пору собирается и вся жатва с полей, которой лишены были жители по продолжению военных действий в минувшие кампании, и, пользуясь теперешним спокойствием, насеяли они свои поля и могли бы мы от оных снабдением несколько заменить запасы, отшедшие в Польше в руки австрийцев, если таковы плоды были бы собраны без препятствия.

3) Что до внутреннего состояния нашей армии, то в ней великая часть новоприведенных и еще необученных рекрут, особливо в кавалерии; есть и такие полки, где большую их половину составляет сия слабая неучь. Непривычка к климату и дальний путь, откуда приводятся к армии, подвергает их непрестанно болезням, и при самом обучении бремени солдатскому, кольми паче были бы они жертвою, буде их в таком состоянии употребить к прямым военным действиям.

Я предаю все сие вашему лучшему проницанию, в той надежде, что если бы турки нынешнее спокойное положение в коварство употребили, дабы привесть себя в лучшее ополчение, то по вашему искусству и предусмотрению, не дадите вы им воспользоваться тем всеполезным для них временем, но паче воспримите способы вывести их из такого состояния, преимущественного в выгодах: ибо чем далее наступит осень, тогда наипаче их армия оскудевает в надобных запасах и чрез великий побег из нее войск, ради отдаления от своих жилищ, приходит в ослабление против состояния своего в средине лета.

---

[1] Генерал-фельдцейхмейстер Григорий Орлов и А. М. Обресков были назначены полномочными представителями русского правительства для ведения мирных переговоров. Мирная конференция открылась 27 июля в Фокшанах. На первом же заседании конференции было решено продлить срок перемирия до 10 сентября.

В заключение я больше желаю, чтоб вы не имели нужды наблюдать сии осторожности, но утешили нас и отечество вскоре благословенным и от рук ваших принятым миром. Имею честь быть с совершенным почтением.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских». Архив военно-походной канцелярии Румянцева, М., 1865 г., кн. 2, стр. 180—182.

№ 274

1772 г. августа 12. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ С ПОВТОРНЫМ ПРЕДПИСАНИЕМ СОХРАНЯТЬ БДИТЕЛЬНОСТЬ В ВОЙСКАХ НА ПЕРИОД ПЕРЕМИРИЯ[1]

№ 269

При заключении перемирия и в продолжение оного снабдил я моими ордерами от 1-го апреля и 6-го июля[2] каждого начальника, чтобы вверенную ему часть войск содержали во всякой исправности и поготовости к восприятию военного действия, коль скоро о том бы повеление последовало; чтоб бдение их и расположение войск сообразуемо было против внезапных от неприятеля покушений, и дабы всем чрез все способы старался наведаться о состоянии и числе стоящего против себя неприятеля. Но как обстоятельства и теперь нужным и полезным для нас делают попечение о сохранении сих предосторожностей в наибольшей точности, то и возобновляю я сим вышеписанные мои повеления, подтверждая наисильнейше каждому военному начальнику в его части на основании оных пещися и соблюдать,

---

[1] В этот день (12 августа) мирная конференция в Фокшанах прервала свою работу. Русские представители поставили основным условием для заключения мира — объявление независимости Крыма. Турки не соглашались на это требование. Неуступчивость турок объяснялась позицией европейских держав, которые явно и тайно стремились к ослаблению России и толкали Турцию на продолжение войны. Во время перемирия и переговоров на Конгрессе Турция по указке Франции стягивала на Средиземном море флот для нападения на русскую военно-морскую базу на о. Ауза. Русский флот ликвидировал эту опасность. Турецкое правительство было вынуждено просить о продлении перемирия. Румянцев правильно разгадал замыслы визиря и согласился продлить перемирие только на 40 дней (см. док. № 281) и принял ряд мер на случай нарушения турками перемирия (см. док. № 276, 277, 278 и др.).

Переговоры возобновились в октябре того же года в Бухаресте (см. документы №№ 283, 284).

[2] Указанные ордера не публикуются (см. ф. ВУА, д. 1877, л. 230; ф. 52, д. 32, л. 12).

дабы ни едина черта не была упущена со всего того, что относится до предосторожности военной и всегдашнего бдения войск о своем деле, дабы оные в порядке и готовности нашлись в ту же минуту предприять действия, как дошло бы им на то повеление.

Г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 32, л. 21. Подлинник.

№ 275

1772 г. августа 18. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ ОБ УСТРОЙСТВЕ ПОСТОВ ПО ДУНАЮ С ЦЕЛЬЮ ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЯ ПРОХОДА ИЗ СИЛИСТРИИ И ВЕРХОВЬЯ ДУНАЯ ВНИЗ ПО РЕКЕ ТУРЕЦКИХ СУДОВ

№ 290

Как перемены настоящие в положении неприятельском против его прежнего состояния требуют, чтоб мы сопротивные свои меры располагали по соображению оных, то и сами найдете ваше превосходительство, что одинакая позиция войск на всякое время не может служить к равным выгодам, ниже быть равно полезна. Гирсов в прошедшую кампанию уважаем был потому, что тут неприятель, имея войски, имел и довольное число судов, способствовавших им к действиям на наш берег. Сей же пост теперь не имеет уже ничего тому подобного по своему разорению, как и для того, что от устья Дунайского до Силистрии нет нигде у неприятеля ни одной лодки, следственно должно принять ныне попечение, чтоб при возобновлении военных действий новою позициею сделать амбраж неприятелю, который в Силистрии знатнейший пост пред прочими занимает, и препятствовать неприятелю действием нашей артиллерии сверху Дуная подавать на судах вспоможение его войскам, которые в нижних частях могут быть. Я хотя по карте, от вас присланной, вижу некоторые места, кажущие к тому удобность, но по случаю действий своих, произведенных в прошедшую кампанию на Дунае и на сопротивном береге, можете лучше об них ведать по обозрению в натуре, и для того рекомендую вашему превосходительству прислать мне ваше мнение, которые места по Дунаю вы находите к тому удобными, чтоб в них учредя посты и в каком числе людей быть нам в довольном состоянии воспящать чрез артиллерию, дабы никакое судно неприятельское от Силистрии и сверху Дуная не могло вниз пройтить, а такова преграда и споспешествовала бы обеспечение всего нижнего края, и где вы главной пост ваш возьмете, чтобы подкреплять ваши

отделенные и на случай надобной соединиться с корпусом Волоским удобнее? [1]

Коль таковые места должно обнять вскоре, то и ожидаю я с сим курьером вашего рапорта о вышеписанном.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 300 об.—301.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 276

1772 г. августа 21. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Г. Г. ОРЛОВУ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ О ПРОВЕДЕНИИ ДЕМОНСТРАЦИИ К ДУНАЮ В ЦЕЛЯХ СКЛОНИТЬ ТУРЦИЮ К МИРУ

№ 297

Получа теперь уведомление от Алексея Михайловича [2], что упорство турецких полномочных разрушает меры, предположенные для взаимного добра обеих империй и вводит нас и паки в продолжение войны, хотя могу еще думать, что мой милостивый граф, постигая может быть притворство оттоманов, вооружился против того терпением, но естьли бы ничего столько не было верного, как разрыв совершенно вашей негоциации, в таком случае прошу я вашего сиятельства предварить меня уведомлением, нужно ли теперь ознаменить уже движением войск к Дунаю наши меры, относящиеся к военным демонстрациям. Испрашивая в том вашего благосклонного совета, должен я донести вам и сию сопротивность, что движение всякого полку ныне соединено с наибольшим трудом и неудобностью, поелику людей, страждущих обложными болезньми весьма великое число во всех корпусах. Их оставляя, потребно отделить немало же и здоровых для призрения. Итак, полки весьма слабы будут и многолюдства нельзя нам показать на нашем берегу, однакож естьли польза того требует, то я употреблю все, что только можно в последование вашему мнению, и сам, коль ни слаб, поеду к команде, долг службы предпочитая всему, что терплю и могу претерпеть от злых болезненных припадков. Я не имею причины упомянуть здесь о состоянии нашего флота, поелику г. Кенигсберг, который отъехал к вашему сиятельству, может как о здешнем, так и о крымском быть лучшим удостоверителем, осмотря тот и другой полным образом.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 303—303 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] В тот же день Румянцев предписал Дерфельдену разработать совместно с Вейсманом план расположения вооруженных постов на берегу и на островах Дуная с целью не допустить наступления турок со стороны устья Дуная (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 299 об.—300).

[2] Обрескова.

№ 277

1772 г. августа 23. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О ПЕРЕМЕНЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ КОРПУСА С ЦЕЛЬЮ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ НАСТУПЛЕНИЮ ТУРОК В ВАЛАХИЮ

№ 305

Я приказал пост ваш занять из корпуса г. генерал-порутчика и кавалера Ступишина деташаментом, под охранением коего останется уже дистанция между Серета и Яломицы. А вашему превосходительству рекомендую, перешед Яломицу, на первой случай показаться на Дунае, где, по мнению вашему, ко мне присланному, удобнее вам будет навесть внимание и опасность неприятелю в рассуждении Силистрии и удержать его суда, чтоб оные не могли, как в моем предыдущем ордере сказано, в нижнюю часть Дуная обращаться. К сему присоединить я еще могу примечание, что занятие острова должно вам обеспечить свободным с вашим берегом сообщением на всякое время. Я не сомневаюсь, что ваше превосходительство по известному вашему рвению и подвигам воинским, коль по окончании срока перемирия возобновились бы военные действия, найдете способы не только употребить запорожцев на их лодках к истреблению в гавани Силистрской имеющихся судов, но произвесть поиск и на самой тот город, о которого положении вы не несведомы по близкому оного обозрению.

Движению вашему не одно сие я полагаю причиною, а будьте предварены, что поелику ждать надобно, во-первых, при возобновлении всех неприятельских движений в Валахию, то я потребным считаю тамошний корпус столько усилять, чтоб ему быть в состоянии везде против того воспротивиться своими оборотами, а в способствование того я предопределяю явить корпус, с которым вы последствиям времени должны будете взять главный свой пост в Обилештах и закрывать всю дистанцию между Ардиша и Яломицы, где безводные места не делают опасности от переходу неприятеля в больших силах, кроме покушений малыми партиями, на отражение коих можно распространять свои равномерные. Как уже сия дистанция по вышеписанному придет в стражу вашу, то непременно снеситесь вы с господином генералом-порутчиком и кавалером графом Салтыковым, давая ему знать, как вы за благо найдете расположить свой корпус в обеспечение вышеписанных мест и на взаимную связь с его корпусом, таким образом, чтоб быть вам в состоянии в случае надобности подать ему вспоможение и соединиться бы с ним на общее дело. О чем и я стану ждать вашего рапорта, равно и о том, могут ли запорожские лодки в той высоте, куда вы переходите, в речках или заливах способно держаться и быть обес-

печены против покушений от неприятельских больших судов, также могут они пройти между Силистриею, минуя тесной проход, защищаемый неприятельскою артиллериею.

Г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 32, л. 25—26. Подлинник.

№ 278

1772 г. августа 29. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ И. П. САЛТЫКОВУ ОБ ОКОНЧАНИИ ПЕРЕМИРИЯ С ТУРЦИЕЙ И ПОДГОТОВКЕ К ВОЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ[1]

№ 327

Наконец, принятые меры послами обеих сторон удостоверяют нас о совершенном разрушении деланного ими миротворения, следственно и обращаемся к возобновлению военных действий с нашим неприятелем турком, для того при новой позиции [находятся] корпуса г. генерал-майора Потемкина, сокращающего тем вашу дистанцию и способствующего облегчению ваших оборотов, и поелику чрез собственное о тамошних местах хочу я видеть ваше мнение, коим образом устроите вы свой корпус к действиям военным и во отражение всякого наступления неприятельского, где определяете главной стан иметь, и в которых местах в коликом числе будут расположены ваши посты? Но как не довольно при одном только себя защищении оставаться, а надлежит толь здесь возможностью наносить удары неприятелю и на сопротивном берегу, к чему я считаю, естьли бы визирь с своими силами не приступил от Шумли, удобным быть предметом город Рущук, то подайте ваше сиятельство свои мне идеи, как бы лучше от вашей части произвесть поиск на сей пост неприятельский.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 313—313 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] Новый Конгресс открылся в Бухаресте, переговоры велись до начала 1773 г. На этом Конгрессе были согласованы десять статей будущего мирного договора. Однако переговоры не привели к заключению мирного договора. В марте 1773 г. боевые действия возобновились вновь.

№ 279

1772 г. сентября 4. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О ПЛАНЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ ДЛЯ ПРИНУЖДЕНИЯ ТУРЦИИ К МИРУ

С.-Петербург

Нашему генералу фельдмаршалу графу Румянцову

По депешам последнего курьера из Фокшан должны мы теперь к чувствительному нашему оскорблению, несумненно, полагать, что мирной конгресс, а с оным и мирная негоциация совсем уже пресечены действительным отъездом турецких полномочных министров. Чем более еще неожиданное известие долженствует трогать человеколюбное наше сердце, тем вящше поспешаем мы снабдить вас такими наставлениями, кои иногда возмогут еще возвратить прерванную негоциацию в прежнее ее течение, а притом и возбудить в турках новую к тому склонность и собственное желание. Испытав многими и отличными опытами искусство ваше, купно же и патриотическое усердие к службе нашей и отечества, имеем мы наперед твердую надежду, что вы потщитесь в полной мере оправдать нашу в толь важном случае на вас возлагаемую доверенность. Сей рескрипт застигнет уже вас, конечно, по прошествии срока перемирия, следовательно же, в такое время, когда вам случай к новым лаврам предстоять будет. Мы по тому за благо находим предъявить вам желании наши, оставляя исполнение по оным собственной вашей ревности и попечению, как вы во всех делах службы нашей в полной мере доказывали. Они состояли в том, что естьли при получении сего рескрипта ничего такого и на сей час здесь нами непредвидимого у вас настоять не будет, что бы могло переменить настоящее наше заключение о совершенном разрыве конгресса и чрез что бы вы не имели новых аспектов к желаемому окончанию войны чрез какую-либо продолжаемую негоциацию, чего, однако же, мы теперь здесь никак предугадывать не в состоянии: то в таком случае, как выше сказано, желание наше есть, чтоб вы, нимало не теряя времени, устремили все ваше радение к тому, дабы неприятелю как можно скорее нанесть чувствительной удар на супротивном берегу реки Дуная, разогнанием ли главной его армии или же опровержением какого-либо знатного корпуса войск его; а в обоих случаях производя поиски елико возможно будет, обратить их таким образом, дабы вам кампанию вашу кончить уже, оседлав действительно реку Дунай и в сем положении взять зимние ваши квартиры.

Сверх сего при равном предположении дел наших, как выше означено, поручаем мы вам ныне же отозваться к верховному визирю письмом вашим для показания ему истинной и непре-

рывной склонности к продолжению или, лучше сказать, к возобновлению мирных договоров, невзирая на начинаемые военные действия. Письмо ваше долженствует быть таково содержания: что мы, продолжая непременно в наших искренних желаниях видеть прекращение военных бедствий обоюдных империй, уведомилися с сожалением, что мирная негоциация разорвалась от турецких министров на самом первом артикуле и без всякого трактования о других кондициях, следовательно же, и без всякого договаривающимися взаимного испытания в сближении и соглашении одной кондиции с другою. Напротив же того, вы, будучи удостоверены о персональных верховного визиря добрых намерениях и полезных диспозициях к прекращению пролития невинной крови, представляете ему готовность свою к возобновлению мирных договоров там в такое время и такою формою, как, где и когда вы оба между собою наилутче согласиться можете; что для сего самого и оставляются при вас оба или и один второй наш посол тайный советник Обресков, дабы он по имеющейся у него полной мочи и достаточным инструкциям без всякой сюда описи мог в дела и негоциацию вступить, сколь скоро он, верховной визирь, на то согласится и с своей стороны, паки назначит прежнего ли своего полномочного Османа-эфендия или же кого другого, и что напоследок вы находитесь достаточно в состоянии к разрешению предшествующих вторичному собранию окрестностей, как, например, к назначении времени и места, дабы чрез то общежелаемого предмета скорее достигнуть к равной пользе взаимных подданных. Что до сих двух пунктов касается, в определении их оставляем мы вам полную власть, обще с обеими или с одним из послов наших, дозволяя между прочим согласиться на место собрания в главной вашей квартире или другом каком ближнем от оной месте; а в случае турецкого требования и в землях австрийского владения.

В сем последнем случае надобно будет изтребовать позволение венского двора, к чему вы тогда посредство министра нашего в Вене князя Голицына употребить можете.

Допущение министров, добрые официи употребляющих, венского и прусского, долженствует натурально остаться при том положении, какое в Фокшанах было.

Не зная здесь прямых обстоятельств дел после разрыва конгресса, а еще менее будучи в состоянии судить наперед об ответе, какой на письмо ваше последует с стороны визиря, не можем мы потому и предписать здесь решительно, надобно ли будет до получения оного возобновлять военные действия, а особливо производить желаемой нами на ту сторону Дуная знатной поиск сильным и достаточным корпусом, к опровержению главной неприятельской армии, а по крайней мере какого-либо ее знатного корпуса и к занятию на супротивном берегу твердой ноги; почему принятие в сем случае точной резолюции предаем мы собственной вашей прозорливости, обще с совета

обоих наших послов или одного тайного советника Обрескова, кои при расставании с турецкими министрами могли иногда из них, а особливо из речей и мыслей Османа-эфендия познать прямые намерения верховного визиря, а может быть, и самого сераля.

Мы удостоверяем себя, что вы тут, соображая пользу и поспешествование службы и дел наших, найдетесь сами собою в состоянии избрать лучшую дорогу и без ошибки определить время удобное и к тому или другому из двух противных оборотов, хотя мы тем не меньше думаем, что какой-либо чувствительной удар скорее послужит к умягчению турков, нежели к вящшему их упорству.

Между тем щитаем мы за нужно ныне же вам дать знать, что новые в Швеции наставшии явления, и схваченное королем почти неограниченное самодержавие начинают озабочивать нас и с здешней стороны [1], чего ради, дабы на всякой случай прикрыть Финляндские наши границы, положили мы в течение зимы подвинуть к оным те полки, кои теперь составляют корпус, назначенный от второй армии к подкреплению вверенной вам при предполагаемой наперед сего большой за Дунай экспедиции.

А как теперь дела польские приведены уже в совершенную ясность между нашим, венским и берлинским дворами, по которому и самое сего королевства внутреннее успокоение начинает уже сбываться [2], то по сей причине и по занятии австрийскими войсками многих мест, где вы прежде деташаменты свои содержать принуждены были, кажется, и невозможно вам будет заменить отлучение того корпуса пропорциональным уменьше-

---

[1] Шведский король Густав III в 1772 г. произвел государственный переворот, в результате которого были уничтожены почти все права сейма. Власть короля стала фактически неограниченной. Усиление центральной власти в Швеции вызвало угрозу реваншистской войны Швеции против России, что повлекло за собой переброску части сил России к северным границам.

[2] 25 июля 1772 г. было окончательно оформлено соглашение между Россией, Австрией и Пруссией о частичном разделе Польского государства (первый раздел Польши). Сложность международной обстановки, заключение Австрией оборонительного союза с Турцией, недвусмысленные намеки Пруссии на то, что Россия может извлечь выгоды из войны с Турцией только в том случае, если она, Пруссия, получит компенсацию за счет Польши, убедило правительство Екатерины II в том, что оно не сможет сохранить свое преобладающее влияние в Польше, и толкнуло его на заключение соглашения. Правительство Екатерины II в своей политике в отношении Польши, как всегда и во всем, исходило из классовых интересов дворян — помещиков. По первому разделу Пруссия захватила часть Восточной Польши и так называемую польскую Пруссию. Австрия захватила Западную Украину (Галицкую Русь) и некоторые другие земли. России были возвращены часть русских земель по Днепру и Западной Двине. Не преуменьшая реакционности колонизаторской политики царизма, нельзя не отметить, что воссоединение украинского и белорусского народов с братским русским народом имело исключительно благоприятное значение в их дальнейшей судьбе.

нием находящихся в Польше команды вашей войск. Мы, на то щитая, и поручаем вам чрез сие наперед при будущем расположении армии вашей на зимние квартиры возыметь о том попечение, чтоб из оной поставить соответствующее командированному сюда корпусу число войск таким образом, чтоб оное в случае нужды к прикрытию Крыма и к усилению тамошнего корпуса беспосредственно служить могло, ибо не без причины опасаться должно, что неприятель с той стороны сильные покушения делать будет, а настоящей дел наших кризис, не оставляя нам ни время, ни способности к какому-либо скорейшему и новому прибавлению наших военных сил, требует, однакож, необходимо, чтоб мы наличные сим образом поделили между всеми предметами, атенцию нашу привлекающими.

Архив внешней политики России, МИД СССР, ф. «Сношения России с Турцией», 1772 г., д. 1689, л. 8—11 и об. Копия.

№ 280

1772 г. сентября 9. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С ОБОСНОВАНИЕМ ПРИЧИН НЕОБХОДИМОСТИ ПРОДЛЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ С ТУРЦИЕЙ

№ 39 *Яссы*

По известному вашему императорскому величеству разрыву конгресса и к концу последнего термина перемирия приуготовляяся начинать вновь военные действия, приказал я разным деташаментам и с судами оказаться на берегу и на самом Дунае и занять новые позиции на опровержение сокрытых и по сие время неприятельских намерений, наказав при том оным командующим удобными случаями, не упущая, пользоваться, сносясь извещениями и мнениями своими с прикосновенными к ним, дабы на самой первой случай все дела, в лучшем согласии располагаемы и предприятия производимы были. Но явился ко мне от визиря известной и бывший у нас пленником Ахмет-эфенди, бывший секретарь Абазы-паши, с письмом, с которого и последнего пред тем и с предъявленной инструкции, данной помянутому Ахмету-эфендию переводы, так как и с ответных моих на те вашему императорскому величеству к усмотрению бессовестных затей, надменности и податливости турецкой копии всеподданнейше подношу.

Решился я, всемилостивейшая государыня, на продолжение перемирия, но на время таковое, которое предлагаемо было и самими нашими послами, чтоб удостоиться иметь на то от вашего императорского величества дальнейшие высочайшие повеления и из двух причин: одна, чтоб восстановить опять негоциа-

цию, которая по другим делам настоящего времени может быть не бесполезною, другая, чтобы время удобное увести у неприятеля, в котором они по всем достоверным известиям в лучшем ополчении, а особливо со стороны Черного моря на нынешнюю кампанию находятся; а вверенное мне от вашего императорского величества войско великим числом больных обременено, и что на замену оных из находившихся в Польше, в части, занятой ныне австрийскими войсками, наряженные теперь еще не в близком расстоянии в марше находятся.

От всевысочайшего вашего императорского величества определения зависит, привести ли опять в течение негоциацию, продолжить перемирие на предполагаемые визирем месяцы, дабы между тем ваши соизволения на мир или на будущую кампанию имели время быть произведены в действо. И в рассуждении отшествия великой части Польши в австрийское владение, по трудности или невозможности, так сказать, доставлять сюда надобное число провианта уделить знатную часть войска отсюда на зимовые квартиры в Польшу или продолжать военные действия, а в течение сего краткого термина, мною продолжаемого, осмеливаюсь уверить, что не можем мы утратить ни в чем нашей пользы по обстоятельствам здешним.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 225—226. Подлинник.

№ 281

1772 г. сентября 10. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ Ф. П. БУРМАНУ О ПРОДЛЕНИИ ПЕРЕМИРИЯ С ТУРЦИЕЙ

В окончании на сих днях последнего термина перемирия отослался ко мне верховный турецкий визирь письмом, в котором склоняя меня на соглашение к продолжению перемирия, извещает, что он всем командующим пашам повелел о содержании их войск в спокойном положении.

Взаимно согласился и я удержать военные действия от 10-го сего месяца на 40 дней во всем на точном основании и без малейшей отмены артикулов, постановленных при Журже уполномоченными комиссарами с стороны нашей господином статским советником Симолиным, с стороны же турецкой Абдул Керим-эфендием, и дал о том повеления всем корпусным вверенных мне войск начальникам, а равномерно даю о сем знать и вашему превосходительству для прекращения чрез показанное время военных предприятий в корпусе вашем.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 132, л. 13—13 об. Черновик.

№ 282

1772 г. сентября 22. — ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ВОЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ В СВЯЗИ С ВОЗМОЖНОСТЬЮ СРЫВА ПЕРЕМИРИЯ И ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

№ 40 *Яссы*

Вскоре после отправления моей всеподданнейшей реляции от 9-го сентября [1], я удостоился получить всевысочайший и всемилостивейший рескрипт вашего императорского величества от 4-го того ж месяца. Щастливым себя почитаю, всемилостивейшая государыня, находя по содержанию оного, что я, как со стороны готовности моей к военным действиям, так и возобновления прерванной негоциации, приобретаю всевысочайшую вашего императорского величества благоугодность. Теперь по сделанным от верховного визиря ко мне отзывам, подносимым при сем обще с ответом моим на оные в копиях, я послал к нему ратификацию на продолжение перемирия чрез сорок дней, щитая от 10-го сентября, и сколь скоро токмо полное от него получу уведомление, как о назначении со стороны турецкой особы, так и о месте съезда на избираемое ли мною согласится или другое предлагать будет; полномочный вашего императорского величества посол тайный советник Обресков готов для вступления в новые переговоры отправиться. Я не рассудил за благо напоминать визирю о допущении к сей восстановляемой негоциации министров дружеских дворов, не видя поныне от него о том отзыву, и как подтверждается единогласными многих объявлениями, что при возвращении их из Фокшан отвергнули они сделанное от него приглашение их в стан свой и прямо в Константинополь путь свой взяли; но естьли он о присутствии их для добрых услуг сам подаст мне повод, то не премину ответствовать на точном основании всевысочайшего вашего императорского величества повеления относительно к сей материи, в рескрипте изображенного.

Елико принадлежит до поражения сил неприятельских, в случае разрыва, на сопротивном берегу Дуная постановления там твердой ноги и отделения части войск для наблюдения на Крым, то, как скоро токмо способы и удобства к тому оказываться станут, не упущу обратить все мое радение и силы воспользоваться оными и по всей возможности к распространению славы оружия вашего императорского величества и к исполнению всевысочайшей воли. Дерзаю, однакож, всемилостивейшая государыня, представить вашему императорскому величеству всеподданнейше, что по разности и долгому между собою отстоянию сих предположений, почти неудобно изворотиться количе-

---

[1] См. документ № 280.

ством войск, мною предводительствуемых, к усилению которых по причине знатного уменьшения в людях множеством одержимых болезнями я назначил несколько полков из бывших в Польше, кои уже в недалеком отсюда марше обретаются. Сии так, как и другие от армии вашего императорского величества, мне вверенной, в Польшу отделенные, были не иные, как те, которые в прежних кампаниях по примеченному крайнему оных ослабению и истощению по взятии из них лучшей части людей для наполнения прочих полков были оставлены там для удобнейшего после самых их укомплектования и расположены не далее, как между Бугом и Днестром. При окончании срока продолжаемого перемирия минует так сказать вся опасность для полуострова Крымского потому, что турки, как мне из практики известно, далее октября в Черном море и при самом Очакове не держались и, невзирая ни на какие обстоятельства, отходили к Константинополю и в околичностях его лежащим гаваням, подвергая себя иногда разным бедствиям. Как по теперешним договорам о поделе польских земель между вашим императорским величеством и другими дворами по восприятью взаимным на то гарантиям все в королевстве польском дела в порядке и тишине содержаны быть могут, а корпус войск вашего императорского величества, там пребывающий, быв прежде один достаточен к укромнению и унятию всех тамошних замешательств, по настоящему дел положению превосходит количеством все другие, то не соизволите ли, всемилостивейшая государыня, всевысочайше повелеть уделить в замену назначенных от второй армии полков, часть оного к финляндским границам по оказавшейся в Швеции перемене [1], дабы тем лучше обнадежить армию вашего императорского величества к совершению высочайше предписанных ей подвигов.

В течение времени от 10-го сентября до продолжения вновь перемирия от генералов, отделенными корпусами при Дунае командующих, я получаю известия, что на другом берегу в виду их начинают показываться не малочисленные неприятельские лагери. Соображая сии с объявлением майора Храповицкого, посыланного от меня под образом курьера к визирю, что число людей в стану его от некоторого времени гораздо умалилось, заключаю, что неприятель подвинул большую часть войск к усилию постов своих при Дунае. Во все время от заключения первой конвенции пребывали они тихо и скромно, кроме в первых днях сентября вторгались в банат Крайовский и разграбляли в оном поселян. Я тогда же подтвердил всем начальствующим, чтоб они не дреманно бдели и надзирали на все неприятельские обороты и покушения, и чтоб на случай буйственного их нападения всегда готовы были отражать их, а генералу-порутчику графу Салтыкову приказал я отозваться к видинскому паше, что

[1] См. примечание к документу № 279,

как войски вашего императорского величества соблюдали и соблюдают свято постановление перемирия, содержа себя в спокойном состоянии, то всходствие тому потщился бы и он с своей стороны унять подчиненных своих от таковых дерзостей, каковы они в явное нарушение сделанного между нами взаимного договора, вторгаяся в сторону войск вашего императорского величества, производят над обывательми, что он, генерал-порутчик, следуя единственно снисхождению и дружелюбию, не хочет его подвергнуть неприятным следствиям по сделанным между мною и визирем обязательствам и для того не уведомляет меня в хищениях его подчиненными приключенных...[1].

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1932, л. 227—230. Подлинник.

№ 283

1772 г. октября 17.— ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА А. М. ОБРЕСКОВУ С ИЗЛОЖЕНИЕМ МНЕНИЯ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРОДЛЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ С ТУРЦИЕЙ

№ 429

Увидевши из почтеннейшего письма вашего от 13-го октября, что вашему превосходительству доставлена копия высочайшего ее императорского величества рескрипта, ко мне присланного, которым при восстановлении конгресса продолжение перемирия на обоих нас возложено, но кондиционально по течению дел и степеням успехов, и что по тому ваше превосходительство желали бы иметь мои мнения, я, не будучи в состоянии по причине болезненных моих припадков иметь удовольствие самолично с вами объясниться, спешу исполнить то чрез сие и ссылаюсь на держанные нами в Яссах общие рассуждения, что продолжение перемирия до марта месяца не только не предосудительно, но и полезно быть может для следующих причин: 1-е. Ради знатного количества больных, к выздоровлению которых нужную выгоду и удобность нельзя сыскать инако, как введением войск в квартиры. 2-е. Отделивши несколько полков из вверенной мне армии, для наблюдения на Крым и усиления тамошнего корпуса, должно будет стараться обнять те места войсками из оставшихся. 3-е. За отшествием многих земель в участок австрийскому двору, необходимо предлежит искать способов запасы, в оных бывшие для пропитания, заменить в других местах польских и здешних, а при сем по случаю иногда могущих произойти упорства и неисполнения дойдется дело до посылки команд для экзекуции. 4-е. Строение шкунов и снаряжение других судов окончить тако

---

[1] В непубликуемой части реляции Румянцев с похвалой отзывался о сопровождавшем турецкое посольство полковнике Петерсоне.

нужное для показания по надобности неприятелю видов, и что сверх того всего суровость погоды не оставляет уже и времени удобного к каким-либо знатным операциям, а в течение оного времени оградившись сим продолжением перемирия, с одной стороны, ваше превосходительство по искусству вашему можете наклонять в мирных ваших переговорах дело к желаемому концу, а с другой, я, по званию и должности моим пособствуя работе сей, могу извоРотиться и успеть как в вышеизображенных моих предположениях, так особливо по временам и обстоятельствам вашей негоциации показывать неприятелю такие виды, которые уверяли бы его о нашей готовности и состоянии к возобновлению действий, и отымая бы всю надежду воспользоваться выигрыванием времени, убеждали чистосердечно искать тому окончания. Впрочем, в первых конференциях явны будут вашему превосходительству намерения и предложения турецкие, а по свойственному вам проницанию и знанию образа мыслей и характера народа с коим имеем дело, можете из оных вывесть способы и к сему новому постановлению перемирия, по степеням держася силы высочайшего соизволения и в соблюдение достоинства двора так, чтобы оное было следствием их желания и нашего на оное снисхождения.

Достигнув таковым образом в сем пункте желаемого, ваше превосходительство благоволите тотчас по сделании конвенции дать знать о том в Валахии командующему господину генералу порутчику графу Салтыкову, предуведомляемому о сем влагаемым тут моим ордером и сообщить главнокомандующему в Архипелаге нашими силами, для чего и паспорт тут посылаю.

Остается мне на сие время сказать еще вашему превосходительству о делах наших со стороны Грузии. По репортам господина генерала-майора Сухотина от 31-го июля известно мне, что он по данному ему от двора повелению возвращается в российские границы, оставляя малое число войска при тамошнем нашем поверенном в делах господине Львове. Посему, ежели переговоры ваши сей части коснутся, по моему мнению, самый дальнейший срок на те места кажется сходственнейшим, так как и при первом трактовании по благопризнанию и соизволению двора гораздо далее других оный положен был.

P. S. Не доверяя искусству переводчика, при мне находящегося, который кажется мне гораздо недалек в ремесле своем, посылаю к вашему превосходительству полученные по отъезде вашем письма: четыре визирских от рейс эфендия и Гассан паши Силистрийского, и прошу приказать оные перевесть и мне с сим переводом возвратить, также и включенные ответы, естьли найдете их сходными с письмами визиря и рейс эфендия с переводами поскорее возвратить для отправления, а ежели несходны уведомить и сообщить ваше мнение.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 334 об.—336.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 284

1772 г. ноября 3.— РАТИФИКАЦИОННАЯ ГРАМОТА О ПРОДЛЕНИИ ПЕРЕМИРИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ТУРЦИЕЙ, ЗАКЛЮЧЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ ПЕРЕГОВОРОВ В БУХАРЕСТЕ

Ее величества императрицы Всероссийской главнокомандующий первою армиею, генерал-фельдмаршал, малороссийский генерал-губернатор, коллегский президент, российских императорских орденов святых апостола Андрея, Александра Невского, военного, святого победоносца Георгия первого класса и голштинского святые Анны кавалер, я — граф Петр Румянцев сам сознаю и объявляю всем, до кого сие надлежит, что по отъезде в Букарешт место, назначенное для конгресса, чрезвычайные и полномочные послы обеих держав со стороны ее императорского величества великой и славной самодержицы всероссийской — его превосходительство тайный советник, Государственной коллегии иностранных дел член, орденов святого Александра Невского и святые Анны кавалер Алексей Михайлович Обресков, а со стороны его величества султана государя славного и великого — его превосходительство Блистательной Порты Оттоманской рейс эфендий Абдул Резак, по взаимному на то соглашению между мною и его сиятельством блистательной Оттоманской Порты верховным визирем Мусун-Заде Мегмет-пашою, согласилися и постановили продолжить перемирие между обеими армиями по 9-е марта во всем на точном основании артикулов, при Журже заключенных уполномоченными комиссарами, со стороны моей господином статским советником Иваном Симолиным, с стороны же его сиятельства верховного визиря Сеид Абдул Керим-эфендием Мукабеледжи Сувари, так как они от слова в слово гласят. Я желаю удовлетворить моему обязательству относительно к вышеписанному постановлению продолжаемого перемирия; с моей стороны ратификую сим оное, обещевая содержать, сохранять и исполнять до вышепомененного от полномочных послов постановленного срока и до тех пор, пока с другой стороны не произойдет действие и движение, противное сему перемирию. Во вверность сего и сие подписываю моею рукою с приложением герба моего печати. Учинено в Молдавском городе Яссах [1].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1947, л. 156—156 об. Черновик.

---

[1] Во время Бухарестских переговоров П. А. Румянцев находился в Яссах.

№ 285

1772 г. декабря 16.— ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Н. И. ПАНИНУ О НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПЕРЕБРОСКИ ИЗ ВВЕРЕННОЙ ЕМУ АРМИИ ПОЛКОВ К ШВЕДСКОЙ ГРАНИЦЕ

Стечение критических дел полагаю я причиною неполучения мною с последним курьером ваших милостивых писем и не желаю, чтобы оно произошло от какого-либо (боже вас сохрани) болезненного припадка.

Третьего дня получил я указ из Военной коллегии об отправлении из армии, мне вверенной, еще восьми пехотных полков к Пскову, без обещания подкрепления в замену отделенных, ниже преподания по оскудению сил на здешний край нового наставления. Не хочу скрыть перед милостивым моим благодетелем нечаянности и удивления моих: нечаянности в том, что в подобных случаях прежде удостоен был безпосредственно высочайших ее императорского величества повелений, и что во всевысочайшем рескрипте от 28-го сентября повелено мне стараться поместить войска, мне вверенные, в здешних землях для лучшей пользы в делах настоящих; удивление же, что в такое время, когда дела на конгрессе едва только начали являть вид некоторой наклонности, подобное движение войск предприемлется, а кто еще может ручаться, чтобы причины оного не ..остигли до знания неприятеля, хотя я оное скрыл и совсем другие виды давать ему непремину, и не произвели в нем не только упорства в переговорах, но и, по употреблению ими несходных нашим правил, не подали поводу искать ухищренным образом причины к разрыву и возобновлению не ко времени неприязненных действий; и что такое великое число войск собирается против шведов, которых ополчение, в лучшее сил их состояние, едва им соответствовало, да и в рассуждении особы короля, ежели позволено мне судить, все окрестности не показывают его стремительным в предприятиях, а являют более систематическим, когда он делит время свое на часы для упражнения на пользу общества, вводит белые платки для обнадеживания успехов и порядка в войске и другие малые правила. А разве наступательно? Нет, однакож, кажется, удобности, не обнадежившись окончанием в одной стороне, начинать в другой, в рассуждении далекости отстояния сих двух предметов. Инако же и оборонительно, кажется, доставало бы [полков] отряженных перед сим из второй армии и Польши, в рассуждении союза с датским и добрых услуг венского и берлинского дворов, обеспечивающих границы наши: разве открылась и тут невообразаемая двоякость в их расположениях, и что последние не ровное

усердие оказывают в прочих делах наших, как в разделе польском[1].

Простите мне, милостивый государь мой, что я смею обременять вас начертанием чувств своих, следуя единственно откровенности и чистосердечию, к которым благосклонная милость и дружба ваши меня обязывают. Известно вашему сиятельству, каким неизвестностям и опасностям подвергались наши здесь силы, и сколь счастливым образом, благодарение богу, нас благословящему, сохранена честь оружия. С распространением успехов и притяжением завоеваний, как наставала нужда и в приумножении сил военных, то ее императорское величество и благоизволила всевысочайше, по временам, присовокупить сюда войска из других частей. Теперь, может быть, полагается исполнение высочайшего ее величества повеления, в рескрипте от 23 апреля изображенного, чтоб по благопризнанию бывшего на конгрессе в Фокшанах послом, князя Григория Григорьевича Орлова, приуготовить здешние крепости к подорванию, которые и приуготовлены, а с тем сопряжено и испражнение краев здешних. Подобное и неизвестное дел состояние наносит сердцу моему наичувствительнейшее прискорбие и смущение, со стороны рвения моего к исполнению всевысочайшей воли всемилостивейшей моей государыни, и службе ее, и опасности быть подвержену каким-либо неприятным обстоятельства, а особливо в крайнем изнурении сил и здоровья моих. В сих смешанных моих размышлениях, и прошу помощи у того, которого имел я во всех делах советодателем и наставником в твердом уповании, что, от дружеской и милостивой его ко мне откровенности, снабден и подкреплен буду надобным в сем деле просвещением и наставлением.

С истинным высокопочитанием и беспредельною преданностью пребуду навсегда вашего сиятельства покорнейшим слугою.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских». Архив военно-походной канцелярии Румянцева, М, 1865 г., кн. 2, стр. 215—217.

№ 286

1773 г. января 2.— ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА А. М. ОБРЕСКОВУ О ЗАТЯЖКЕ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ С ТУРЦИЕЙ

№ 1

Третьего дня имел я честь получить почтеннейшее вашего превосходительства [письмо] от 29 декабря с приложениями и, увидев из оного постановление и размену трех первых артикулов, поздравляю вас всеусердно сим началом. Но с вами, мой

[1] П. А. Румянцев очень верно оценивает двурушническую политику австрийского и прусского правительств, старавшихся ослабить результаты побед России против Турции и в то же время расширить свои владения за счет захватов в Польше.

вселюбезный друг, согласен я, что тем еще конец не приближается и спор в главнейших пунктах остановляет течение негоциации. Содержание письма г. Зегелина заключает в себе нечто похожее на русскую пословицу «и волчей рот и лисей хвост». Когда турки между объяснениями, упорность их являющими, поговаривают уже, что меньше было бы препятствия естьли бы предложено было подорвать всю крепостю в Крыму и на Кубани, нежель уступить две пристани, толь важные, то может быть, видя с нашей стороны твердое настояние, податливость свою произведут и далее. Депеши ваши к графу Никите Ивановичу я того часа отправил, а теперь возвращаю письмо г. Зегелина и журналы ваши, прилагая тут же постскрипт князя Василия Михайловича, который прошу обратно прислать.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 364. «Журнал исходящих бумаг». Копия. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», СПБ, 1865 г., кн. 2, стр. 225—226.

№ 287

1773 г. января 8.— ПРИКАЗ П. А. РУМЯНЦЕВА ПО АРМИИ О СОХРАНЕНИИ ВОЕННОЙ ТАЙНЫ

На сих днях оказалось, что некоторые, любопытствуя о непозволенном, приходят в канцелярии и справляются о делах таких, кои до них совсем не принадлежат и в тайне хранимы быть должны, хотя сие по генеральному регламенту и указам предобережено, но сугубо на нынешнее военное время должно иметь о том наблюдение. Для чего в канцеляриях и у дел всем чинам находящимся приказать таким любопытным, кроме публичных дел или приватно до чьей особы касающихся справок, ни о чем знать не давать, но и немедленно своему начальству об них объявлять и за вверением каждому дела впредь за сим подтверждением, ежели о каком деле будет известно ответствовать.

Румянцов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1957, л. 3. Подлинник.

№ 288

1773 г. января 23.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ П. А. ТЕКЕЛЛИ О РАЗВЕДКЕ СИЛ И РАСПОЛОЖЕНИЯ ТУРОК НА ДУНАЕ И ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СНОШЕНИЙ С СЕРБАМИ ДЛЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ ИХ В СОВМЕСТНУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ ТУРОК

Для восприятия в потребном случае сопротивных мер против своего неприятеля есть в том одна из главных должностей военачальников, чтоб стараться узнать его положение сил и

способы к действиям, посему подтверждал я неоднократно, дабы предводители корпусов всякой с своей стороны, пользуясь настоящим временем перемирия, тем удобнее изыскивали посредства разведать о состоянии войск турецких в противолежащей им окружности. И поелику сии мои предопределения раз не от всякой части исполнены, другое, что и неприятель может на всякое время переменять свои обороты по своим предрассуждениям, то и нахожу запотребно возобновить и паки мои примечания для каждого из корпусных командиров, повелевая им употребить удобвозможные способы наведаться, в каком положении и силах состоит ныне неприятель на сопротивной стороне реки Дуная, и елико можно удостоверительнее обозреть не означаются ли чрез какие-либо виды приготовления его к военным действиям, а наипаче изведывать — имеет ли он, и в котором месте, какого рода и каком количестве суда, и сии удобны ли для переправы конницы и пехоты, и в колико числе или же военных и съестных запасов. Поступить в сем случае к узнанию потребной истины со всякою достоверностию, не сомневаюсь, что каждой начальник найдет лучшие средства в собственном благоразумии, в чем я на ваше превосходительство и полагаюсь, ожидая без замедления иметь от вас уведомление о исполнении сего во всей точности.

Край сербский, хотя не есть прикосновенный вашей дистанции, лежит, однакож, от ваших мест ближе, чем от других. Сей народ всегда кипел ревностью о вере православной и подавал знаки своей готовности поборять по нас на гонителей христианства турков. Найдите, ваше превосходительство, надежнейший способ наведаться, остается ли и поднесь тот народ, и под другими названиями пребывающие единоверные с нами, [в] таком хорошем расположении, как я выше сказал, и ежели бы не благословил бог нас миром полезным вообще христианству, то какие удобности приискать они могут вступить с нами в общее дело против неприятеля турка и воспользоваться настоящим временем, благополучным к свержению с себя ига магометанского. Когда бы при попытке вашей показали они искреннюю податливость, то должно отобрать полное уведомление, сколько их земля дать бы могла войск и поставить запасов, нужных для армии.

Пункт сего от меня вам предложения толь деликатен, что я, хотя уверен в благоразумии вашем, однакож не могу не рекомендовать вам, чтоб вы сие дело содержали в наивысшем секрете и употребляли орудием к достижению в оном пользы людей весьма надежной веры и способности, дабы неприятель не мог проникнуть и мщением на приемлющих в оном участие, равно и другими вопреки осторожностями, не уничтожил бы весь к тому приступ. Господин генерал-порутчик и кавалер граф Салтыков объявлял мне, что пропитания ваш корпус имеет по февраль месяц. Теперь мне нужно, чтоб ваше превосходительство уведомили меня, можете ли вы обнадежить себя на дальшее время в

пункте пропитания войск из одного баната Крайовского, или же обеспечить задостоверно и на всякое время свое сообщение с корпусом Волоским, буди неможно вам продовольствоваться без подвозу оттуду провианта.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1967, л. 37—38. Копия.

№ 289

1773 г. февраля 26. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ТРУДНОСТЯХ В МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ С ТУРЦИЕЙ И НЕЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

№ 4 *Яссы*

Из посольских донесений, к высочайшему двору вашего императорского величества, с сим вместе отправленных, соизволите увидеть, что последние сии дни перемирия проходят в одном только ожидании решения от Порты на взнесенные к тому от посла ее пункты, а мирные договоры между ими дальше уже не происходят. Хотя посол турецкий в своих поступках являет наружные знаки, обнадеживающие успехом соответствующим заключению мира, да и сам верховный визирь в виде том ко мне отзывался, требуя продолжить срок перемирия сверх настоящего, но сие, однакож, не превосходит полного сомнения, которое иметь должно к свойственным им ухищрениям, ниже опровергает возможность увидеть разорванным и сей конгресс так, как первый фокшанский.

На отзыв визирьский о продолжении перемирия не мог я инако ему ответствовать, как отнести решения того высочайшей резолюции вашего императорского величества, сображаясь в сем случае точности, высочайших от вашего императорского величества предписаний послу Обрезкову в рескрипте генваря от [1], чтоб не полагать дальшего сроку перемирия, и приемля сие последнее, как собственные мне повеления. А между тем остаюсь я на всякой час в ожидании получить от вашего императорского величества высочайшую резолюцию на мои всеподданнейшие предыдущие [реляции] в рассуждении обстоятельств, происходящих по течению мирной негоциации. Я же с стороны военной осторожности, хотя предприемлю всеми образы приуготовлять войски, по берегу и в близости Дуная расположенные, к скорейшему движению, препоруча там командующим испытывать между тем состояние сил неприятельских, против их держащихся, и открывать способы, чрез которые бы удобно их вновь поразить; и хотя по сие время собственным обозрением не находил в близости на сопротивном берегу дунайском, чтоб неприятель умножал или усиливал свои посты приведением на оной новособранных войск

[1] Так в подлиннике.

в большом количестве, а гласят известия, которые при сем подношу, что толпы их расположены в некотором от берегов отдалении и увеличивается число артиллерии, приведенной в визирской стан, даже до невероятности; не смею, однакож, всемилостивейшая государыня, не предуведомить ваше императорское величество по всеподданнейшей моей должности, что не безтрудно будет, естьли бы всевышний не благословил желаемым миром, открывать здесь действия военные в такую пору, когда в каждом полку заняты руки будут первою заботою состроить аммуничные вещи, только что привезенные, и снабдевать себя всем потребным для будущей кампании, когда еще рекруты не дошли к своим полкам, когда отделенные полки от сей армии, хотя я приказал им из Польши обратно уже следовать, не могут завременно поспеть к действиям, которые открываться должны, и когда еще зима и стужа здесь, суровствующие сей год с необычайным продолжением так, что Дунай в некоторых местах покрылся столь крепким льдом, что и теперь еще совершенно не расходится оной, не позволяет ожидать впредь и чрез месяц, чтоб земля произрастила подножный корм, а магазейны на так дальнем и обширном расстоянии запасти тем более неудобно, что жители, обитающее ныне по убережьи, при первом движении войск оставят свои жилища и удалятся в места безопаснейшие.

Из моего ответного препровожденного чрез руки послов к верховному визирю на его два ко мне письма, которые от посла и от меня в переводе сообщены, пред сим вашего императорского величества действительному тайному советнику и кавалеру графу Панину, имею честь поднести при сем копию [1].

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 7—8 об. Подлинник.

№ 290

1773 г. февраля 28.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О НЕМЕДЛЕННОМ ОТКРЫТИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СЛУЧАЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ [2]

№ 57 *Яссы*

Сколь скоро от полномочного на конгрессе посла ее императорского величества господина Обрескова будете уведомлены,

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1987, л. 10—11).

[2] В начале 1773 г. было уже ясно, что бухарестские переговоры об окончании войны с Турцией не увенчались успехом. П. А. Румянцев, расположив свою армию на зимних квартирах в Дунайских княжествах, внимательно следил за переговорами, от результатов которых зависел образ его дальнейших действий. Русский полномочный посол на бухарестской конференции тайный советник Обресков, истощив все средства привести переговоры к желаемому исходу, оставил Бухарест, откуда 11 февраля выехал и уполномоченный Турции Рейс-эфенди.

ваше превосходительство, что мирная негоциация не достигнет желаемого конца, то предварение в том от него принять вы имеете за прямую ревнительность к брани. Но как между тем еще остаются дни перемирия, способствующие на такой случай сделать завременно всякие приготовления и учредить, сколько вспоможение от второй дивизии быть может вам полезным, то и рекомендую я вам по сношению взаимному с г. генералом-майором князем Трубецким предположить по своему лучшему на месте благоизобретению и сведению неприятельских против вас стоящих постов, коим бы образом из сих наважнейшие учинить вам полезной поиск, отведя в то же время внимание неприятельское в другую сторону по предъявлению видов, удобно к тому привлекающих, и не подвергая при всем том ни малейшей опасности взаимного между корпусов ваших сообщения, ниже прикосновению ноги неприятельской защищаемую вами страну, яко главной предмет стражи и действий ваших. Всходствие вышеписанному имеете вы, описав свое к тому предприятию мнение, прислать на мою аппробацию оное с нарочным курьером и с наибольшим поспешением.

Г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 32, л. 47—47 об. Подлинник.

№ 291

1773 г. февраля 28.— ЦИРКУЛЯРНЫЙ ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА КОМАНДИРАМ ДИВИЗИЙ И КОРПУСОВ О ПРИНЯТИИ МЕР НА СЛУЧАЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ С ТУРЦИЕЙ

Какой конец воспримет негоциация на конгрессе, еще неизвестно, а время перемирия приходит к своему истечению. Господа командующие дивизиями и корпусами предварены от меня о бытии в готовности ко военным действиям и от некоторых требованные и надобные уведомления имея, на настоящей случай рассуждаю занужно повторить сим и в последнее (ежели о перемене того, то-есть о удержании оружия в данных от посла известиях, кои они немедленно и прикосновенным сообщить должны, не будет), чтобы по неудобности еще времени к действиям совокупными силами и наступательно исполнено было следующее:

1-е. В дистанции всякого взять бы завременно меры к заграждению неприятелю входа на наш берег, и определены в пристойных местах резервы, легко екипированные, для подкрепления легких войск и уничтожения противных покушений, которым также по времени и известиям в больших силах быть неможно. 2-е. На всякой непредвидимой случай быть в готовности ежели б неприятель в больших силах где-либо оказался и реку

переходить стал, чтобы тотчас выступить встречу и на опровержение его; для чего 3-е. Магазейны с сеном для кавалерии и под артиллерию и провиант надобных лошадей, на путях лежащих к реке Дунаю заложить, а кавалерии, назначиваемой в под крепление, или к выступлению, в готовость иметь сена в кипах, ролями увитых, чтобы брать с собою во вьюках на сколько суток приказано будет. 4-е. Так скоро, как время только позволит и первой корм появится, господам командующим свои главные лагери брать, наблюдая при других выгодах на неприятельские силы и удобности к скорейшему оного отряжению и к сохранению своих магазейнов, и к удержанию сообщения с прикосновенными дивизиями и корпусами. Корпусу же, находящемуся в Банате, оставя легко екипированных часть, которая бы могла, по временам подаваясь к реке и в горы, делать неприятелю внимание и по случаю подкрепление получать, взять свою позицию на сей стороне Ольты. 5-е. При всей неудобности к действиям, как выше сказано, к наступлению в искусстве военном общим правилом сделавшемусь мнению последовать надлежит, чтобы не хотя быть от неприятеля озабочену и обеспокоену, надобно его самого озабочивать и обеспокоивать, а посему в ожидании ежевременно на что-либо генерального распоряжения, распространяя свою осторожность и открывая его слабости, пользоваться оными, и подавая ему зависть на главные его посты, стараться схватывать отделенные и меньше других укрепленные. 6-е. О всяком движении неприятельском и о своих к прикосновенным сообщать, дабы в случае потребном диверсиею ли или настоящею помощью содействовать могли, как и учреждать согласно свои предприятия. Мосты или переправы, чрез реки лежащие, между дивизий и корпусов в лучшем и исправном состоянии содержать, а жителей удалить от Дуная и разумея за посты главных лагерей, кроме поселений при Измаиле, и в райе браиловском, и подобных сим в безопасности своих жилищ. Однакож как тех, так и сих ни под каким видом за предположенную черту наших постов не пропускать. Известная мне ревность и амбиция всех начальников обнадеживают меня их бдением, как с стороны осторожности, так и в приобретении себе славных случаев неусыпных рачением. Но я не даю сим повеления открывать военные действия прежде окончания срока перемирия, которое должно свято сохранять, а говорю, чтоб приготовились только к произведению предприятий в то время, как термин оного пройдет, и об осторожности, которую хранить всегда должно. Сверх всего вышеписанного, принадлежащего ко исполнению дивизиям и корпусам, г. генерал-командующий 3-ю дивизиею имеет свое примечание распространять и на Черное море и предположить свои осторожности к недопущению неприятеля посредством оного войти в Дунай или в другом месте на берегах поставить свою ногу.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1967, л. 39—40 об. Копия.

№ 292

1773 г. марта 8.— ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА А. М. ОБРЕСКОВУ О ТРУДНОСТЯХ ПРЕДСТОЯЩИХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ДЛЯ РОССИИ[1]

№ 78

Вслед за всепочтеннейшим вашим [письмом] от 5-го числа имел я честь получить и последнее таково ж под № 33. Ваше превосходительство прежде сего увидеть изволите в ответном моем вчера к вам отправленном [письме], образ моих мыслей и утесненных чувствий, в которые приводит меня искреннее соучастие в том вашем положении, которое толь больше долженствует угнетать сердце, сколь важнее решится на такой пункт, где должно отдать неизвестному жребию оружия дело успокоения обеих империй, до толикой уже высоты трудом вашим доведенное. Но что я могу и тут сказать, кроме моего безмерного сожаления возбуждаемого во мне и усердием к отечеству и персональною к особе вашей привязанностию. Я от двора ни в рассуждении ваших, ни по моим представлениям никакой доднесь не получил резолюции, кроме предуведомительного письма от графа Захара Григорьевича[2], которого содержание от слова я поместил в моем вчерашнем. По тем всем уважениям, которые ваше превосходительство благоразумно приемлете, чтоб не привлекти на себя нарекания за разрушение конгресса, я не предвижу, чтоб заслужило то какого-либо предосуждения. Естьли ваше превосходительство в чаянии одержать успех в своем деле предопределите по своему благоразумению несколько дней во удержание действий военных, что и предаю я собственному вашему предусмотрению сколь искусство ваше в делах политических постигать может происходящие от того пользы, или напротив отвратить вышеупомянутое порицание, которое толь меньше может на нас пасть в сем деле, яко истощивших в поспешествование оного все способы, зависевшие от наших собственных ресурсов. Что же касается до опасности вашей видеть упрекания себе с стороны успехов военных действий, течением дела вашего приостановляемых, в том, милостивый государь, я первый поборник по той правде буду, что в нынешнее время, по всему еще к наполности неспособное[3], нельзя нам никаких предприятий делом самым начать, а по воображению того, что когда мы под конец кампании 771-го года на той стороне Дуная разбили и верховного визиря, победили всех пашей, командовавших в рас-

---

[1] См. документ № 299.
[2] Чернышева.
[3] Неудобное для полевых действий.

положенной их по убережи армии, завладели их полными станами и всею многочисленною артиллериею, испровергли города и крепости, служившие к их опоре, а все сие, однакож, не принудило Порту ни к чему больше, как только отзыв сделать трактовать о мире и продолжить договоры одни по сие время, то может ли не только превысить сделанное теми победами убеждение, но и сравняться оному в чем-либо всякой теперешней поиск, которой учинить может, переводя часть войск своих за Дунай, ибо по известиям, которые имеем, неприятель по убережи нигде еще не находится в великом собрании, а овладеть городом опустошенным, в какое состояние сказывают привели они при Дунае стоящие, или победить тут малочисленной какой-либо пост, един только будет труд и изнурение, а не произведет ни для нас важной пользы, ниже во вред турков, что-либо значущее. Предприятия ж свои, чтоб нам распространить вдаль на той стороне реки, вообразите ваше превосходительство, сколько предстоит неудобств от испражнения всей той стороны и в жителях и со всего достатку, так что известия гласят, что маленькие частицы войск турецких, в ней рассеянные, претерпевают всю нужду в своем прокормлении, а жители и гладом погибают. С стороны сего обстоятельства мы будем всегда правосудными оправдаемы против всякой злостной клеветы. В поступках г. Тугута не ознаменяются, мне кажется, еще те услуги, о которых уведомление нам сделал князь Дмитрий Михайлович [1], когда Порта хочет отдать мирное дело на суд наших союзников, то в том уже не может быть сомнения, чтоб она не ведала прежде их расположения, и что они для ней в таком случае определят [2]. В пополнение всех моих предыдущих по сей материй к вам отправленных и здесь прошу вашего превосходительства, естьли не предвидите вы лучших успехов мирной негоциации, стараться вскоре товарища своего или с рук сбыть, или же для общего вашего пребывания условиться о другом месте и всех на такой случай потребах по резонам, которые не сходствуют с нашею пользою в делах военных, чтоб оставить для того город Букарешт. Как сие, так и все вышеписанное, предая вашему благорассуждению, искусству и полному сведению в делах политических и в деле вам вверенном, для пользы коего лучшее предизбрать вы можете.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 406—407. «Журнал исходящих бумаг». Копия. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865 г., кн. 2, стр. 254—256.

---

[1] Голицын.

[2] Австрия в лице своего дипломатического представителя при армии Румянцева внешне выражала желание только содействовать заключению мира между Россией и Турцией, но на самом деле стремилась лишь к тому, чтобы успехи русского оружия были бы максимально сведены на нет.

№ 293

1773 г. марта 12.— ПРИКАЗ П. А. РУМЯНЦЕВА ПО ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ С ТРЕБОВАНИЕМ КО ВСЕМ ОФИЦЕРАМ ЗНАТЬ И СТРОГО ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ИЗДАННОГО ИМ УСТАВА «ОБРЯД СЛУЖБЫ»

Из главного при армии дежурства

Сего числа в проезд мой первой дивизии по 2-й линии, к крайнему моему неудовольствию, сведал я, что Севского пехотного полку порутчик Каховский, стоя на отводном пикете, спрашиван был мною, какая должность зависит от его поста и знает ли Обряд Службы, изданный мною прошлого 770-го года марта от 8-го дня [1]. Он на сие ответствовал, что не довольно знать, но и не читывал. Для чего господам полковым командирам рекомендую накрепко своим штаб- и обер-офицерам подтвердить, дабы мною изданный Обряд Службы не довольно прочесть, но и всегда в крепкой памяти иметь, ибо впредь мною никакого оправдания принято и ничем экскузованы не будут. Для лучшего же знания иметь всегда в кармане при себе. Порутчика ж Каховского за незнание точной должности арестовать немедленно, приказав исправлять должность и в походе перед полком весть пешком две недели.

Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина. Рукописный отдел, д. 3730, л. 44—45. Подлинник.

№ 294

1773 г. марта 16.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОДГОТОВКЕ АРМИИ К ВОЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ

№ 5 *Яссы*

Полномочный посол вашего императорского величества тайный советник и кавалер Обресков в своем нынешнем к высочайшему двору донесении подробно описывает, коим образом по несоглашению Порты заключать мир на предложенных кондициях в объявленном от него ултимате, полномочный ее рейс-эфенди 11-го сего месяца выехал из города Букарешт в свою сторону, заключа с упомянутым послом вашего императорского величества конвенцию, чтоб производить между собою министериальную переписку. Я же с стороны долгу звания моего упо-

---

[1] См. документ № 121.

требил и пред истечением перемирия все уже старания приуготовить войски, мне вверенные, к потребному движению на обнятие постов, предлежащих при возобновлении действий военных, и теперь, всемилостивейшая государыня, упражняюсь я в том же рачении, дабы расположенные войски на Дунае и вновь теперь в стражу туда вступающие не только могли отразить всякое покушение неприятельское на наш берег, но и на сопротивном учинить поиски, где только предстал бы к тому удобный случай; а всей вдруг армии выступить в поле не дозволяет ни воздушная суровость, только что тут оканчивающейся зимы, ниже неимение подножного корму, которого еще ни малейше земля не произрастает, старая же трава для лучшего новой произрастения обыкновенно здесь выжигается, как только сойдет снег с земли; велел, однакож, я по обращению оружия и в такое время нужному запастись командам для лошадей зимним кормом, посредством перевозки оного с собою на некоторые дни и учреждением на пути магазейнов.

По сию пору не видят ни каковой перемены против прежнего в положении неприятельском назирающие на то наши посты, и не слышно ни о собрании знатном вновь его войск, кроме тех, которые по убережи всего посты хранили, ниже приметны где-либо виды какого-нибудь военного предприятия, к которому бы он стремился главными силами; а ожидают на сих днях на Дунае командующие генералы возвращения проведывателей, в неприятельскую сторону от них тайно посланных; ибо до селе, все к тому употребленные ни о силах, ни о приготовлениях неприятельских не принесли никакого достоверного известия, но в своих показаниях либо увеличивают безмерно приготовления к войне неприятельские, или об них говорят уменьшительно.

Учреждая по всей мне возможности приготовления для обороту, который приходит на силы оружия, дерзаю, всемилостивейшая государыня, всеподданнейше испросить высочайших от вашего императорского величества повелений в руководство всемилостивейшее мне на кампанию, которая состоит при своем уже отверстии.

Я предуведомил уже о настоящем положении мирных и военных здешних дел командующего второю армиею генерала князя Долгорукова и дал потому ж знать и в Крым генералу-майору князю Прозоровскому.

Подношу тут перевод письма ко мне полномочного Порты, писанного при его отъезде от Букарешт, на которое не упущу ему отвечать сходственно с его учтивством, которое он и при сем разе и во все время оказывал.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 12—13 об. Подлинник.

№ 295

1773 г. марта 17. — ИЗ ПИСЬМА П. А. РУМЯНЦЕВА А. И. БИБИКОВУ О БЕЗРЕЗУЛЬТАТНОМ ОКОНЧАНИИ МИРНОГО КОНГРЕССА В БУХАРЕСТЕ

Пребывши некоторые дни между надеждою и сомнением об успехе мирного дела, увидели напоследок, что и сей букарештской конгресс толь же бесплодно окончен, как и первой фокшанской, ибо посол турецкий вместо уповаемого соглашения от Порты, коль взяты были от его на донесение оной наши ультиматы, получил резолюцию, всю претительность против того изъявляющие, как чего оба послы не нашли уже за пристойное продолжать свою бытность в городе Букарештах, яко в стороне, ближае других мест подверженной звуку оружия, которое восприемлет и паки свои действия по истечению уже ныне дней перемирия и полномочный турецкий отъехал за Дунай 12-го сего течения[1]. Сим отъездом каждого в свою сторону не прервали, однакож, они течения мирной негоциации, но заключили между собою конвенцию, чтоб им продолжать оную чрез взаимную переписку из тех мест, что каждой изберет за удобнейшее своему требованию, дабы все ими поставляемое чрез таковую переписку туже властию имело силу как бы учиненное на месте конгресса, а дабы считать тогда только совершенно разорванную мирную негоциацию, когда обвестят друг друга о невозможности согласиться, ниже иметь надежды об успехе примирения. Сим образом, вселюбезный мой друг, не прекращаем мы ни войны, ниже надежды на политические силы и препоясуемся теперь, елико можно, во броню свойственную битве и неприязни.

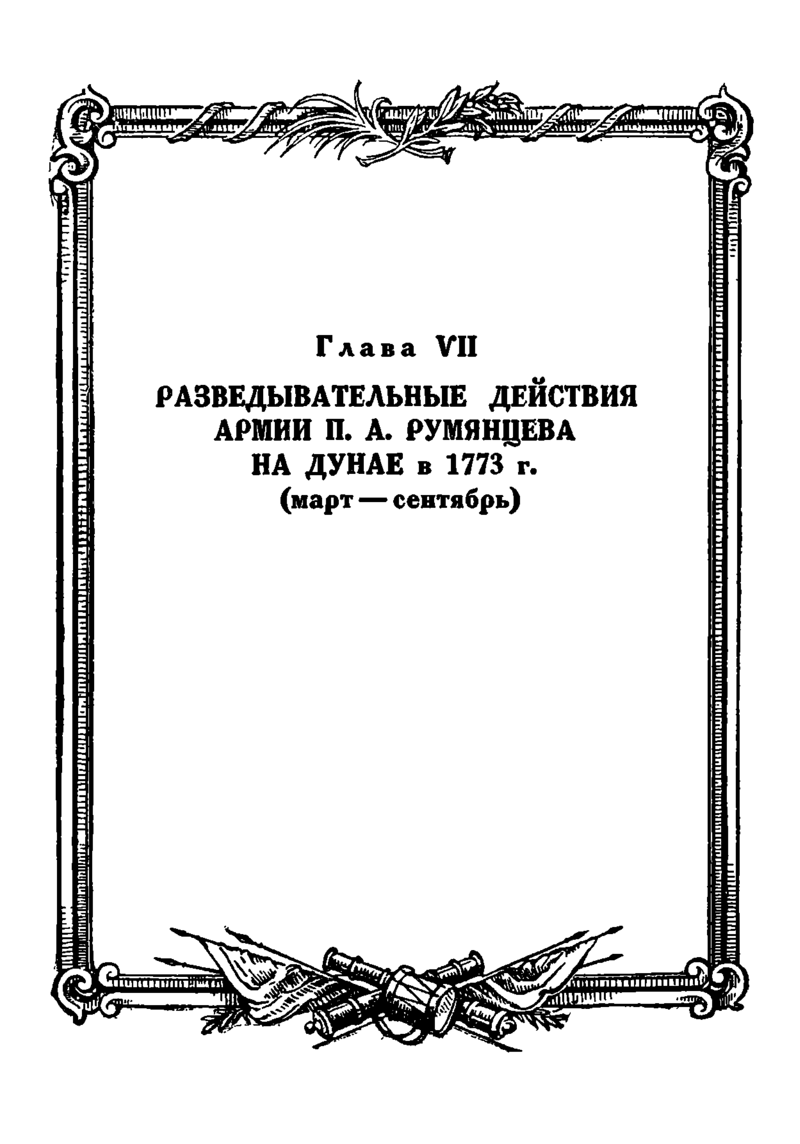
Не задерживая депеши Алексея Михайловича[2] к г[осподину] Штакельбергу, хотя вкратце сказал однакож я вашему превосходительству всю силу положения настоящего мирного дела, непрепятствующего уже с окончанием перемирия никоторой стороне производить военные действия...

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 411 об. — 412. Копия.

---

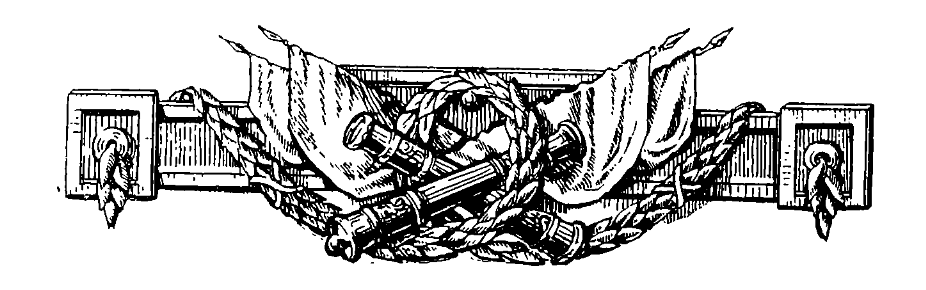
[1] Мирные переговоры в Бухаресте не привели к желаемому результату. Пойдя на некоторые уступки (чисто формальные) в вопросе независимости Крыма, русское правительство одновременно требовало передачи крепостей Керчи и Еникале. Турецкие представители, однако, не соглашались на требования России. Турция рассчитывала на международные осложнения, в частности на выступление Швеции против России. 9 марта переговоры в Бухаресте были прерваны.

[2] Обрескову.



Глава VII

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ АРМИИ П. А. РУМЯНЦЕВА НА ДУНАЕ в 1773 г. (март — сентябрь)



№ 296

1773 г. марта 25.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С ИЗЛОЖЕНИЕМ СВОИХ СООБРАЖЕНИЙ О ПРЕДСТОЯЩИХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ В СВЯЗИ С ОКОНЧАНИЕМ СРОКА ПЕРЕМИРИЯ

№ 6 *Яссы*

Всевысочайший рескрипт вашего императорского величества, от 28-го февраля пущенный, с повелением о непродолжении перемирия и о переходе как наискорее, по истечении срока оного с разрывом конгресса, с армиею или частию ее на сопротивный берег реки Дуная, чтобы там атаковать самого верховного визиря и главную его армию, прежде нежели оная новыми войсками усилиться успеет, удостоился я получить в 20-й день сего течения [1].

Я имел уже честь донести вашему императорскому величеству от 16-го марта [2], что по исшествии срока перемирия всчаты уже военные действия, и что я командирам корпусов, берег Дуная стрегущим, предложил тревожить неприятеля, и показывая виды на укрепленные его посты, между тем охватывать отделенные от оных, чтобы тем разделя его наблюдения, наконец, и на главные при удобном времени внезапно ударить. Вследствие чего генералы-майоры Потемкин и князь Трубецкой от частей своих и учинили некоторые поиски, как то ваше императорское величество из подносимых при сем в копиях их репортов всевысочайше усмотреть соизволите.

---

[1] План кампании 1773 года, разработанный в Петербурге, не учитывал реальной обстановки, создавшейся на театре военных действий, и состояния армии. Екатерина II требовала от Румянцева перенесения военных действий за Дунай, наступления на Шумлу, где сосредоточивались главные силы турок под командованием визиря.

Румянцев пытался убедить Екатерину в нереальности плана кампании, но это ему не удалось. В результате, несмотря на ряд блестящих тактических успехов, кампания 1773 года оказалась стратегически бесплодной.

[2] См. документ № 294.

Подлинно, всемилостивейшая государыня, самое первое перемирие предложено было подступно, и конечно, на пользу неприятелю, тогда низверженному; но возобновление его в прошедшей осени, как время к действиям и без того неудобное, послужило прямо к выгоде войск вашего императорского величества, большие болезни и изнурения потерпевших, которым, особливо отраженным на крайние посты на Дунай и в устья оного, по неимению пристанища и кровли, великие трудности несущим от настоящей здесь необычайной и несносной стужи с бурями и великими выпадшими снегами, не бесполезно бы было и продолжить оное по крайней мере до половины апреля, и пособствовало бы к лучшему всем надобным армии снабдению, кое от долготы войны, а паче со времени вступления австрийских войск, начало становиться весьма мне тяжестно; но я и всех сих хотя важных причин ради, за последним высочайшим послу повелением, и, не получа от вашего императорского величества на мои представления в том резолюции, на сие поступить не осмелился.

Торжествуя всяким случаем, где могу я оказывать вашему императорскому величеству мои услуги, спешу я, конечно, встречать кольми паче такой, который доставляет столь много полезный и надобный покой дражайшему и любезнейшему моему отечеству, коего благосостояние знаю, что есть предлогом вашего императорского величества попечении. Но как военные дела, а особливо те, кои подобно важные решить должны, по своим следствиям более всех иных требуют осмотрения и осторожности, а всякой полководец оные не инако учреждать может, как релативно его понятию и дел соображению, я же не имев и в лучшем веке больших способностей и искусства, в преклонном ныне чувствую ежели не от долговременных трудов, то от частых припадков всю слабость и оскудение в силах, и не могу иметь довольной доверенности к своим собственным средствам и мероположениям, на кои однакож вашему императорскому величеству сложить всемилостивейше благоугодно было. И для того со стороны должной опасности и наблюдения во всем пользы вашего императорского величества, не могу я уклониться, чтобы не представить на премудрое и правосудное вашего императорского величества рассуждение моих мыслей относительно к поиску, мне предписываемому и настоящему дел положению.

Известно, что армия вашего императорского величества расположена бывает в зиму и лето не по выгодам, но по мере завоеваний и должного наблюдения здесь и в Польше внутренней тишины, беспрерывного сообщения, и тем прикрытия доставляемых к оной надобностей, и по одному Дунаю на семистах пятидесяти верстах, и что всякое войска отделение имеет для себя особливые дистанции; а вообще всем предписано оберегать оные, низвергать неприятеля, покусившегося коснуться их, и содействовать одна другой по обстоятельствам. Между оными лежат главный корпус армии, как подпора всех других, и от коего

все они зависят и заимствуют на средине в Молдавии, а команды генерала-порутчика графа Салтыкова и генерала-майора Потемкина — в Валахии, прямо против настоящего визирского стана Шумли (где не знаю пребудет ли он), коим и дам повеление, чтоб они искали удобности к произведению сего предприятия. Пехоты с них первый, хотя до четырех, а последний до трех тысяч в наличности набрать могут, но и сие число по малоимению там судов и неудобности их возводить, вдруг не перевезут. В пособие же и облегчение им генералу-майору барону Вейсману от Измаила и деташаменту от Браила прикажу разве сделать диверсию на Базарджик, где Абды паша квартирует, дабы он не подал Шумли усиления. Но как первым надобно начать формальною атакою укрепленных и снабденных большою артиллериею городов, прямо тот стан закрывающих, и именно: Рущука, Туртукая и Силистрии, в коем, как ваше императорское величество из рапорта генерала-майора Потемкина усмотреть соизволите, войск неприятельских по собственному его обозрению до восьми тысяч быть полагается, а последним делать большие обходы, то и не думаю, чтоб сие предприятие имело желаемое, касательно до визиря, действие. Он так, как и Абды паша, по первому известию о переходе наших, следуя введенному ими обычаю завременно удаляться в горы, и ежели войски их довольно сильны, обратят оные на оборону сих опустелых в прочем городов, чтобы овладение ими привесть нам в весьма дорогую цену, и тем самым на всякой случай обнадежить собственную свою ретираду. С лучшим успехом в сем поиске не можно нам удержать на той стороне и в том месте завоеваний, но изнуря людей, без большого плода надобно будет возвратиться. Следственно при обратном переходе Дуная неприятель, разглася об оном предосудительным образом, и подавая своим ободрение, возбудит к стороне своей и без того привязанных татар и другие народы на неприязненные против нас восприятия. В неудаче же и претерпении урона при атаке сих крепких мест, где как неоднократно испытали, турки люто обороняются, и при самом открытии кампании могут произойти важнейшие следствия, а особливо впадением неприятельским кстати во фланг и в тыл от Турно, Никополя и Видина, откуда он и одними тамошними жителями в Валахии всякие поиски распространить может. Из последней войны турецкой с цесарем мы имеем поучительные примеры, где по разбитии сильного корпуса в Боснии под командою генерала князя Гильдбургсгаузена вся цесарская армия принуждена была, оставя все свои завоевания, даже до самых гор Балканских распространенные, дать неприятелю везде свободный вход на опустошение своих земель и людей на пленение. Корпус в баннате Крайовском для того там и держан был доныне, чтобы, привлекая на себя неприятельское внимание, обнадеживал от опасности внезапного и сильного впадения; но по слабости сил его, к сожалению, при открытии кампании, а более

при подобном за реку движении, для закрытия Валахии и наблюдения в ней тишины, должно, оставя Баннат, взять его и перевесть на сию сторону Ольты, в подкрепление кавалерии второй дивизии, которая ради одной неудобности при переправах за Дунай и по неимению на другой стороне фуража, не только вся, но и часть ее взята быть не может.

Что до главного корпуса армии, ваше императорское величество как из сего, так из росписаний неоднократно усмотреть соизволили его точное определение, которым я только и мог доныне удерживать неприятеля во внимании на себя и респекте уничтожать все его замыслы и обнадеживать твердое здесь пребывание. И потом, когда оному на сей скорый случай к Силистрии или Рущуку ко времени поспеть по отдаленности нет способу, то и в продолжении кампании переходить не только Ардыш, но и Яломицу без большого осмотрения и уверения о предприятиях неприятельских неудобно. Натурально и самому мне, сходное с сим корпусом положение имеющему, не сложив команды и ежечасного попечения в общих распоряжениях на другого, и не вступя в должность отделенного командира, на фланг перенесться для поиску на визиря не можно. Следуя сему заключению, сбор и переход всей армии и в лучшее время, по ее расположению и настоящему сил состоянию, требует великого объяснения. Одни магазины сходно настоящему армии положению и порознь едва с экзекуциями и стражею чрез зиму наполняются на первые месяцы кампании. Легко потому вообразить трудности непреоборимые в свозе того в большом запасе к одному пункту. Я бы, конечно, всегда предпочел пользу вашего императорского величества собственности польских и здешних жителей, и несмотря на конечное их раззорение, по примеру прежних войн всех и совсем бы взял их на услугу. Но с одной стороны, что по неимению достаточных сил не могу их из домов, особливо из гор понудить, а в пути сохранять, с другой опасаюсь, чтобы они духом злобы не направились совсем на неприязненные противу нас действия, как-то ваше императорское величество мимо меня и из посольских донесений известны, что волохи, ежели непрямо приверженность к неприятелю, то по крайней мере страх ощутив от времени беспрепятственного с ними сообщения и внушений о подвержении их снова под иго, страждующим прямо сказать от единого о том воображения, против нас в прежнем усердии и единомыслии колеблемость приметно оказали, и ныне как слышу, при первом возобновлении военных действий, от стану и работ своих разбежались в горы и для того я, напрягая все крайние мои силы к удержанию неприятеля, удаляя всякой вид насилия, принужден бываю часто искать их доброхотства. Разве бы оставить Валахию и все наши в ней запасы, но я сего поныне делать не смел, видя, что вашему императорскому величеству самомалейшая завоеваний утрата причиняет великое неудовольство и подлинно служит к

ободрению неприятеля; или же по прежним, на подобные случаи мероположениям усилить армию умножением пехоты, и тем обеспечить от неприятеля отход от Ольты и Черного моря. Поверхность, в конце кампании 1771-го года одержанная над неприятелем на сопротивном берегу, несходствующая еще настоящим обстоятельствам по разности времени и их тогдашнего положения, являет нам деликатность подобных предприятий, при собрании войск к одному месту и крылу, держа их на закрытие обширной дистанции. Неприятель тогда маскировал все против левого крыла нашего и средины посты, и тем самую тогдашнюю визирскую квартиру обнажа, повел силы свои от Журжи к Бухаресту, и когда от берегу отдалившись, Ардыш уже действительно перешел, то по данным от меня повелениям на сопротивном берегу повсюду атакован будучи, от нестроения и лишения взаимной помощи везде бежал по самые горы, которых, конечно, не будучи бы в своем крае не мог достигнуть, оставляя нам в добычу многочисленную артиллерию и крепкие замки, неоднократно пред тем атаки наши отразившие.

Неоспоримо, что имением пред собою Дуная, лежащих по нем крепостей Бендер и Крыма, имеем и твердую ногу во всех сих местах и чрез то над неприятелем великой авантаж и выгоды. А особливо, ежели бы флоты наши, в Архипелаге и Черном море находящиеся, в равном положении были над их, то бы подлинно в случае не только неприятельского буйственного чрез Дунай опять перехода, но и при сближении к оному, могли бы мы удержать перевес в нашу пользу. Но как по мере дорогою ценою над чаяние и к удивлению света приобретенных завоеваний не можно было к сожалению умножить сил, то мы и находимся едва в состоянии защищать их, толь меньше уделять к наступательному из них употреблению. Следственно переходить Дунай ради решительного поиску, в рассуждении несравненных преимуществ неприятельских близостию крепостей его и крепких мест, и удобностию к снабдению себя всем надобным, и к произведению разных диверсий, а доведши дела наши до степени, каковой они достигли, по мнению моему, есть самоотважное предприятие. Ибо нет сомнения, чтобы неприятель, выигравши время и оказавши упорство свое противу всех умеренности и великодушия исполненных предложений вашего императорского величества, не употребил противу нас всех сил и средств своих. Турно, Очаков и Кинбурн своим с нами на одних берегах положением более нас озабочивая, нежели на противных все силы неприятельские, служат доказательством, с коликими неудобностями сопряжено на той стороне пребывание.

Все сии может быть, как выше сказано, рассуждения и соображения не суть основательны, но я прошу всеподданнейше ваше императорское величество воззреть на оные оком милосердия, и принять всемилостивейше в знак моего усердия и желания поучаться лучшим и полезнейшим средствам, и которые ваше

императорское величество мне предопределить изволите, я точно оным следовать буду. Поднося притом всеподданнейше для лучшего вашему императорскому величеству всевысочайшего усмотрения ведомость, о числе армии вашей по частям ее разделения, так и колико к наполнению ее требуется вдобавке и сколько для того назначено рекрут, а из оных в Киев прибыло, и сюда отправлено...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 16—22. Подлинник.

Приложение к док. № 296

ВЕДОМОСТЬ О СПИСОЧНОМ И НАЛИЧНОМ СОСТОЯНИИ ЛЮДЕЙ В ПЕРВОЙ АРМИИ

	Действительно налицо здоровых		Больных при полках и в разных госпиталях		В отлучках в России, в Польше и при армии, которых из тех мест взять не можно		Всего здоровых, больных и отлучных	
	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых
В первой дивизии корд.-армии								
В четырех полках карабинерных .	3 039	2 206	163	123	293	178	3 495	2 507
В одном гусарском	456	615	17	12	193	160	966	787
В одном Донском казацком . . .	480	465	6	3	14	14	500	482
В восьми пехотных	10 564	7 828	813	709	472	159	11 849	8 696
Итого кавалерии	4 275	3 286	186	138	500	352	4 961	3 776
Итого пехоты .	10 564	7 828	813	709	472	159	11 849	8 696
Всего	14 839	11 114	999	847	972	511	16 810	12 472
Во второй дивизии на правом крыле между рек Ордыша и Ольты								
В одном Кирасирском и трех карабинерных полках	2 785	2 028	160	109	376	209	3 321	2 346
В одном гусарском	863	700	41	30	97	72	1 001	802
В трех Донских казацких . . .	1 324	1 274	61	60	91	89	1 476	1 423
В пяти пехотных полках	5 801	4 248	796	657	316	106	6 913	5 011
Итого кавалерии	4 972	4 002	262	199	564	370	5 798	4 571
Итого пехоты . .	5 801	4 248	796	657	316	106	6 913	5 011
Всего	10 773	8 250	1 058	856	880	476	12 711	9 582

	Действительно налицо здоровых		Больных при полках и в разных госпиталях		В отлучках в России, в Польше и при армии, которых из тех мест взять не можно		Всего здоровых, больных и отлучных	
	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых
К той же второй дивизии в принадлежащих								
В корпусе, расположенном в банате Крайовском								
В одном гусарском полку . .	717	569	25	19	200	161	942	749
В одном пикинерном	911	790	20	7	29	17	960	814
В двух Донских казацких . . .	982	945	18	18	20	20	1 020	983
В двух полках пехотных	2 272	1 644	282	236	133	42	2 687	1 922
В двух егерских баталионах . .	1 005	831	72	56	41	16	1 118	903
Итого { кавалерии	2 610	2 304	63	44	249	198	2 922	2 446
Итого { пехоты . .	3 277	2 475	354	292	174	58	3 805	2 825
Всего	5 887	4 779	417	336	423	256	6 727	5 371
В Журжевском гарнизоне в двух пехотных полках	2 252	1 590	422	363	92	30	2 766	1 983
У содержания Обилешского посту в одном пехотном полку	1 192	865	161	136	75	39	1 428	1 040
Итого во второй дивизии с отделенным корпусом и гарнизонами:								
Кавалерии	7 582	6 306	325	243	813	568	8 720	7 017
Пехоты	12 522	9 178	1 733	1 448	657	233	14 912	10 859
Всего	20 104	15 484	2 058	1 691	1 470	801	23 632	17 976

	Действительно налицо здоровых		Больных при полках и в разных госпиталях		В отлучках в России, в Польше и при армии, которых из тех мест взять не можно		Всего здоровых, больных и отлучных	
	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых
В третьей дивизии на левом крыле при Измаиле								
В двух карабинерных полках .	1 701	1 247	49	40	91	50	1 841	1 337
В одном гусарском	716	575	41	36	216	166	973	777
В пяти полках Донских казацких	1 920	1 835	82	82	207	207	2 209	2 124
В четырех пехотных полках . .	4 186	2 853	567	481	297	141	5 050	3 475
В одном егерском и одном пионерном баталионах	919	734	174	140	36	24	1 129	898
Итого кавалерии	4 337	3 657	172	158	514	423	5 023	4 238
Итого пехоты . .	5 105	3 587	741	621	333	165	6 179	4 373
Всего	9 442	7 244	913	779	847	588	11 202	8 611
Ко оной же дивизии в принадлежащих крепостях в гарнизоне								
В Килии в одном пехотном полку	1 398	1 062	131	117	119	67	1 648	1 246
В Аккермане в одном пехотном полку	818	497	208	191	162	115	1 188	803
В Бендерах в двух пехотных полках	2 032	1 417	353	293	188	101	2 573	1 811
В одном полку Донском казацком	503	486	10	10	—	—	513	496
Итого в третьей дивизии и с гарнизонами:								
Кавалерии	4 840	4 143	182	168	514	423	5 536	4 734
Пехоты	9 353	6 563	1 433	1 222	802	448	11 588	8 233
Всего	14 193	10 706	1 615	1 390	1 316	871	17 124	12 967

	Действительно налицо здоровых		Больных при полках и в разных госпиталях		В отлучках в России, в Польше и при армии, которых из тех мест взять не можно		Всего здоровых, больных и отлучных	
	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых
В резервном корпусе между рек Серета и Ордыша								
В одном Кирасирском и одном Карабинерных полках	1 178	759	66	49	173	110	1 417	918
В одном полку и трех швадронах гусарских . . .	930	788	17	9	30	17	977	814
В одном пикинерном полку . . .	795	677	10	8	2	—	807	685
В одном Донском казацком . . .	405	388	16	16	9	9	430	413
В четырех пехотных полках . .	5 068	3 708	383	289	257	119	5 708	4 116
В одном егерском баталионе . . .	484	404	55	41	—	—	539	445
Итого кавалерии	3 308	2 612	109	82	214	136	3 631	2 830
Итого пехоты . .	5 552	4 112	438	330	257	119	6 247	4 561
Всего	8 860	6 724	547	412	471	255	9 878	7 391
Ко оному ж корпусу в принадлежащих двух пехотных полках, состоящих в Браилове в гарнизоне . . .	2 520	1 854	253	203	11	35	2 884	2 092
В оставленных в Польше до востребования двух пехотных полках	1 753	1 087	182	143	67	10	2 002	1 240
В Польше же у прикрытия магазинов								
В одном Кирасирском и одном Карабинерных полках	1 593	1 190	79	69	212	121	1 884	1 380

	Действительно налицо здоровых		Больных при полках и в разных госпиталях		В отлучках в России, в Польше и при армии, которых из тех мест взять не можно		Всего здоровых, больных и отлучных	
	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых	всех чинов	одних рядовых
В 22 пехотных ротах, взятых из Киева . . .	2 823	2 384	418	381	271	174	3 512	2 939
Итого во всей армии:								
В 14 Кирасирских и Карабинерных полках . .	10 296	7 430	517	390	1 145	668	11 958	8 488
В 5 полках и 3 швадронах гусарских и 2 полках пикинерных	5 688	4 714	171	121	767	593	6 626	5 428
В 13 полках Донских казацких .	5 614	5 393	193	189	341	339	6 148	5 921
В 34 полках пехотных	39 856	28 653	4 551	3 818	2 289	964	46 696	33 435
В 4 егерских и одном пионерном баталионах	2 408	1 969	301	237	77	400	2 786	2 246
В 22 ротах пехотных, взятых из Киева	2 823	2 384	418	381	271	174	3 512	2 939
Всего всех	66 685	50 543	6 151	5 136	4 890	2 778	77 726	58 457

Во все кавалерийские и пехотные полки и баталионы потребно в добавке { Всех чинов . . . . 16 263; Одних рядовых 15 392

А для укомплектования всей Первой армии Военною коллегиею ассигновано рекрут 11 127

В то число по второй день сего марта из разных провинций в Киев действительно приведено 3 773

Из которых отправлено к армии 3002 и самая первая команда, следующая в Крайов 17 числа сего марта прибыла в Фокшаны, а последняя 28 февраля выступила только из Киева.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 26—28. Подлинник.

№ 297

1773 г. марта 26. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА И. П. САЛТЫКОВУ О РАЗВЕДКЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ ТУРОК В ШУМЛЕ И ПОДГОТОВКЕ К ОВЛАДЕНИЮ РУЩУКОМ

№ 37

Ее императорское величество, подавши свету опыт несравненного своего великодушия и человеколюбия, с коими благоугодно ей было [с]пособствовать прекращению войны настоящей и доставлению подданным ее вожделенного спокойства, но истощивши все, так сказать, миролюбивые средства, чрез министров ее императорского величества на двух конгрессах преподанные, и видя в неприятеле непреклонность и упорство против исполненных умеренности ее предложений, и что самое его вступление в мирные переговоры и искание продолжения перемирия было только подлогом к выигрыванию времени, надобного на лучшее себя приуготовление к возобновлению неприязненностей, всевысочайше мне повелеть соизволили стараться, с армиею или частью ее, перешед на сопротивный берег Дуная, учинить поиск на визиря и главную его армию. Объяснивши всеподданнейше ее императорскому величеству все здешние обстоятельства, желаю получить от вашего сиятельства, как командующего по положению вблизости и прямо против стана визирского, ежели оный доныне пребывает в Шумле, ваше мнение, как и каким образом с вашей стороны поиск учинить на его стан, а особливо к овладению Рущука, которого атакою и начать надобно, располагая по его укреплениям, числу в нем войска и артиллерии, коликое число и каково именно войска и артиллерии для сего поиску надобно и сколько у вас оного за отряжением на другие посты к закрытию, особливо от Ольты, в наличности быть может, колико судов имеете и на оных какое число в один раз переправить можно, и где оные переправы назначить: под обороною ли неприятельскою или оставленные; где по овладении Рущука удобнее соединиться с следующим от Силистрии, по взятии оной, корпусом и не сыщется ли способов, которые можно бы было употребить на отрезание визиря от гор, или других к ретираде удобных мест и на пресечение ему к той пути; какое время на произведение всей сей экспедиции по отстоянию мест и упражнению в атаке на Рущук полагаете и на все ли число дней запастись провиантом или подвозом, а на случай отражения от Рущука к прикрытию отступления, какими меры предоставить. Г[осподам] генерал-майорам Потемкину и барону Вейсману предложил я также, чтоб и они с своей стороны по положению команд их в споспешество произведения сих предприятий, мнения свои мне сообщили. Испытанная ваша ревность к службе ее императорского величества и превосходное искусство удостове-

ряют меня, что ваше сиятельство не оставите изыскивать всех способов и средств к произведению сего поиска, оказывая тем новые знаменитые услуги ее императорскому величеству и отечеству. И как о том, так и о неудобствах вами в том по обстоятельствам усматриваемых ваше объяснение доставите мне с сим же посланным.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 413—414. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 298

1773 г. марта 29. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ДЕЙСТВИЯХ ВОЙСК НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ДУНАЯ И ИМЕЮЩИХСЯ СВЕДЕНИЯХ О ДЕЙСТВИЯХ ТУРОК

№ 8 *Яссы*

После отправления моей всеподданнейшей [реляции] от 25-го марта [1], я не упустил тотчас дать мои повеления генерал-поручику графу Салтыкову и генерал-майорам Потемкину и барону Вейсману, чтоб они к произведению в действие всевысочайше повеленного от вашего императорского величества поиска на визиря и его армию, в разных местах расположенную, каждый прямо против его стоящей части учинили свои мнения и оные мне представили для принятия дальнейших к тому мер.

Между тем получил я известие от генерала-майора Потемкина от 23-го марта, что он, приметя усиливание неприятелем посту в Гуробал, отрядил 21-го числа подполковника барона Ферзена, и пример-майора Шепилова и Волкова, разделя им по восьми запорожских лоток, и по сту человек пехоты каждому, кои, прибывши туда, и атаковали там стоявшего двухбунчужного Мустафу-пашу арнаутского. Майор Волков и запорожский полковник Дуплин пошли прямо на деревню Еникею, в которой неприятеля почти спящего истребили, всех христиан с их семьями забрали; а подполковник Ферзен, отряда майора Шепилова со сту гранодерами вниз Дуная, где неприятель засел в сделанных по берегу шанцах, сам сражался с конницею, прибывшими из деревни Козлоджи и других, умноженною до тысячи человек; но сколь горячо она ни наступала, всегда отбита была оружейным огнем и запорожскими пушками, а когда майоры Шепилов и Волков по окончании своего дела с подполковником Ферзеном соединилися, то неприятель совсем стал быть обращен в бегство, потеряв на месте более ста убитых и между ними пашинского кегаю и одного знатного Умар-агу. С нашей стороны убитых: егерской сержант 1, казаков 2, раненых егерей 7, гранодер 4,

[1] См. документ № 296.

казаков 18, да 1 бомбардир у казачей пушки. В плен взят 1 турок, переведено множество христианских семей и до 700 разного скота. Все сие происшествие было в виду самого генерала Потемкина, который и похваляет усердие и мужество подполковника барона Ферзена, майоров Шепилова и Волкова, порутчика Ярославского полку Турчанинова, вышедшего первым с 30-ю гранодерами на берег и вступившего в дело, также полковников запорожских, особливо Дуплича. В самое время помянутого у Горабал сражения, неприятель, почитая, что в Ликарештах осталось мало, из Силистрии переправил пехоту на 23-х лодках, но, приметя то стоящий у устья речки Борща на 8-ми запорожских судах с казаками и двумя стами гранодер секунд-майор Шемберх пошел на них, а за ним и подполковник Увалов с эскадроном пикинер. Неприятель, увидя то, не отдалился от лодок, а передовые вышли на перестрелку и тотчас все обратились. При сем случае ранено с нашей стороны 4 казака. Неприятельский урон долженствует быть не малым, потому что в продолжении еще шармицеля отправили они с ранеными две лодки. Впрочем, в Силистрии день от дня суда прибавляются и по уведомлению к нему от стоящего при устье Рдыша полковника Батурина ежеденно оные из Рущука на низ спускаются; как то и 23-го марта из Туртукая 4 судна с войсками и малая лодка, а сверху Дуная в Туртукай пехоты при 5-ти знаменах, а конница при одном, коей последней по обозрению будет до 600, прибыли и расположились по берегу при городе.

Заключая, что неприятель, встревоженный поисками, от стороны сего генерала на него производимыми, обратил на оную свое внимание и силы к подкреплению тех мест ради лучшего отпору, я предписал генералу-порутчику графу Салтыкову, чтобы, не оставляя свободы неприятелю пользоваться недействием гделибо войск наших, не упускал ни единого случая к нанесению ему вреда, и разделению его наблюдения, и учреждать меры на взаимное споспешествование диверсиею, а в надобном случае и помощию, примечая особливо на проходящие суда.

В отсутствии графа Салтыкова командовавший второю дивизиею генерал-майор князь Трубецкой от того же числа мне доносил, что журжевской комендант, полковник Бекельман отправил пополуночи в 3-м часу заливом вниз Дуная пример-майора Иохимсона с несколько гранодерами для отхвачения судов неприятельских, по Дунаю проходящих, который, остановившись с командою своею в закрытом месте у мысу острова от Журжи, влево простирающегося, на самом рассвете, усмотрел бечевою идущие возле неприятельского берега одно большое судно и малую лодку. Турки, провождающие оные, увидев его приближение, вышли все на берег и старались удержать сие судно, которое, однако, без всякого с нашей стороны урона с лодкою взяты, и найденная на нем до 200 пуд соль отдана на журжевской гарнизон. В сем судне до 60-ти человек пехоты поместиться может. Содер-

жащий пост при устьи реки Телеорман подполковник Пеутлинг по обозрению своему лежащего на сопротивном берегу города Фиштова требовал от него, князя Трубецкого, лодок для делания поисков над проходящими по Дунаю неприятельскими судами, а при встречающейся иногда удобности и над самим Фиштовым, и оторвания тут стоящих судов, находя сей город без всякого почти, кроме замка, укрепления, и имея известия, что там не более тысячи турок есть. К тому же те лодки наши удобно к нему от Журжи привесть речкою, протекающею в здешнем берегу закрытою от Дуная заливами и островами. Вследствие сего помянутый генерал приказал журжевскому коменданту, отрядя с прикрытием столько легких лодок, чтобы на оных до 500 пехоты поместить можно было и, проведя оные ночью мимо пристани Рущуцкой, доставить Пеутлингу.

Вышедшие в недавнем времени из-за Дуная волохи и сербы показывают, что в Рущук начали прибывать войски, коих по разговорам считают они одних сторонных до 5-ти, а с жителями до 15-ти тысяч. В сем городе находится великой магазейн, в который и поныне провиант подвозят. Хотя новых укреплений и не делают, но старые починивать стараются. Обыватели отправили имения свои большою частью в горы из осторожности, и ночные караулы везде умножают. Татарский хан с своими, якобы выступил из Черновода к Царьграду. Посланный в Турно и Никополь для изведания, показал, что в последнем турки считают до 10 000, и что жители усиливались иттить на нашу сторону, но начальники их оттого удерживают. Судов там видел он 4 невеликих, а выше Никополя не в отдаленности хотя и много видел, но число их узнать не имел удобности. В Турно после поиску майора Богданова, о котором репорт при последней моей всеподданнейшей в копии приложен, перешло из Никополя 1000 конных — а 500 пеших, а всех теперь до 3000, из коих в деревнях Магуряны, Карале и Фламунде содержат от 50 до 100 в каждом и как на оных, так и в Турно ночные караулы умножаются. Впрочем, о судах, на низ плывущих, и войсках, туда отправленных, подтверждают уведомления генерала-майора Потемкина.

Генерал-майор барон Вейсман от 25-го марта репортует, что накануне того дня прибыли на двух гондолах греческие шкиперы, не имея при себе ни единого турка, для продажи цытронов и других плодов, кои из Царьграда отправились 15-го марта, и с помощию благопоспешного ветра в пять дней в устье Дуная прибыв, на наших пикетах явились, и просят по окончании их продажи отпустить их. С показаний их копию имею честь всеподданнейше здесь поднесть.

В самое то же время от генерала-майора Текеллия, командующего корпусом в баннате Крайовском, доставлены мне известия, принесенные к нему посыланным в Турно и Никополь, что он, в последнем быв два дни, видел перебирающихся военных людей

в Турно на трех больших суднах, а всех войск считает он в сем городе при 50 знаменах до 2000, в том числе более пехоты, нежели конницы; о числе же оставшихся в Никополе не знает, видел при том спущенных на Дунай небольших восемь пушек для перевозу в Турно. Все жители приуготовлены к сопротивлению. Провиант свозится во множестве и лодки, у побережних христиан отобранные, содержатся при городе, поелику неприятель из движений войск вашего императорского величества заключал намерение их на Турно. Собранные на той стороне подводы отправлены в Шумлу, по известиям, для поднятия тягостей при вознамеренном выступлении визиря оттуда в Плевень. Последнее сие известие, естьли оное подлинно, дает причину к двоякому заключению, или что неприятель, следуя обыкновенной им употребляемой осторожности в закрытии главного своего стана, местами укрепленными, берет сие положение позади Рущука, Никополя и Видина его поставляющее, или, может быть, переносится туда, считая удобнейшим образом по собрании войск впасть в край тот и поиски свои распространить в Валахии.

Предоставивши командующим по берегам Дунайским генералам достовернее и обстоятельнее о том наведаться, из них графу Салтыкову предписал я, чтоб от корпуса генерал-майора Текеллия в сем особливо случае употреблено было всемерное примечание на все движения неприятельские, и сей корпус находился бы в положении способном и надежном на отражение усиливающегося иногда неприятеля соединенными силами с прикосновенною оному второю дивизиею, и особливо, дабы неприятель по буйству своему, не считая у нас в сближающихся праздничных днях пасхи, быть такому бдению, как в другое время, не покусился безбедно на дерзкие против нас предприятия. А притом находя намерение подполковника Пеутлинга на Фиштов, о котором я имел честь донесть выше вашему императорскому величеству, весьма удобным к приведению неприятеля в замешательство, рекомендовал ему к исполнению сего подать всякие возможные способы, облегчающие его попытку, маскируя Рущук, либо и другие места по его усмотрению, а равным образом и всякими поисками приводить его в расстройку и наносить ему вред. Такову же осторожность от неприятеля предписал я и генералам-майорам Потемкину и Вейсману, приказав последнему по уведомлениям, что против его дистанции на сопротивном берегу нигде неприятель в больших силах и собраниях не показывается (кроме Базарчика и Варны, в коих по показанию вышедшего на сих днях из полону и бывшего в услугах при Абды-паше егеря, находится войск в первом до 10 000, а в последнем до 30 000), благовременно воспользоваться настоящею его там слабостию к обеспечению для нас чрез реку переправ и для того перевесть туда большое число казаков для поиску в том крае над неприятелем, щадя, однакож, христиан, елико можно, и желающими перейти на сю сторону, подавая всякое пособие, назначивши, впро-

чем, место для той переправы и распространения их поисков и обнадеживши оную, так как и в надобном случае ретрет пехотою и артиллериею и делая в другом месте диверсию по лучшему его на месте усмотрению. И сверх того, чтоб разделить неприятельское внимание на лучшую для нас пользу и удобнейшее произведение против его действия, разгласить, что большая часть войск вашего императорского величества в сем месте Дунай переходить имеет, а для уверения подать виды делаемых якобы к тому приуготовлений.

К лучшему однакож обнадежению безопасности правого нашего фланга, чтоб в случае естьли бы неприятель переносил в Плевен свою главную квартиру, подлинно и в намерении покуситься на тот край удобнее, подать подкрепление, а по усилию его, поспеть и к действию на отражение его соединенными силами, я с главным корпусом армии за полезно щитаю взять свою позицию на той стороне реки Серета.

Положение сие не выведет меня из мер, всевысочайше от вашего императорского величества предполагаемых, и не обнажит края сего, к охранению которого я по всей возможности моей возму нужные средства. А ежели бы неприятель таковым перенесением главного стана своего искал только маскировать свое на левой фланг наш намерение, то ради надобного оному подкрепления на отражение, я буду содержать на Дунае в близком и способном от себя месте суда, кои и возможно будет без труда спускать вниз, и тем доставлять потребную помощь; но в скором выступлении, к несчастию моему, настоящая суровость воздуха, причинившая великие грязи и разлития рек здешних, противуполагает непреоборимые трудности. Долговременное и необычайное здесь зимы продолжение и стремление во многих местах заготовленного фуража полками, которые делали движение в Польшу и обратно, и множеством транспортов, посольских экипажей и военных, а особливо провиантских припасов, с которыми приезжающим из Польши поселянам принужден я был приказать фуража производить, тем более, что без сего, по пустоте здешних степных мест, и неимению на пути жилищ, лишились бы они скота своего, и в доставлений войскам вашего императорского величества пропитания, произошла бы крайняя остановка, воспричинствовали крайнейший недостаток в корму для лошадей и волов, которому подвержены наипаче войски, по Дунаю стоящие, ибо хотя и предписано было от меня всем сим командам запастись для лошадей зимним кормом посредством перевозки оного с собою на некоторые дни и учреждением на пути магазейнов, но все сие надолго заготовить способу не было, и что все почтовые и уездные лошади и скот пришли чрез то же в крайнейшее изнурение так, что при не проездимом нынешнем пути с места тронуться не могут, и по сей причине посол вашего императорского величества тайный советник Обресков по сие время не мог подняться из Бохорешти, а отправлен-

ный впереди его экипаж, едва третьего стану дошедши, принужден был остановиться.

Чрез посредство упомянутого посла получил я письмо верховного визиря, в переводе при сем подносимое, содержащее в себе ратификацию его заключенного между полномочными постановления о продолжении мирной негоциации чрез взаимную переписку, требуя равного и от меня. Из которого ваше императорское величество всевысочайше усмотреть соизволите, что он объясняется о сей конвенции как о такой, которая удерживает военные действия.

С советом посла вашего императорского величества, ответствовал я ему, изъявляя мое благопризнание в рассуждении непрервания негоциации и по изшествии перемирия, и обещая сим учиненным полномочными постановлениям удовлетворять с моей стороны целостным и во всей полности оных наблюдением; и с сего моего ответа копию всеподданнейше подношу.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 30—37. Подлинник.

№ 299

1773 г. [не позднее марта]. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА А. М. ОБРЕСКОВУ О ВРЕДНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ОСЛАБЛЕНИЯ 1-й АРМИИ ДЛЯ ДЕЛА МИРА

Милостивый государь мой, Алексей Михайлович!

Под № 13, 14 и 15 имел я честь получить всепочтеннейшие вашего превосходительства, в ответ на мои предыдущие и со уведомлением в двух последних, сколь близко ваше дело к разрушению. Не из проницания, свойственного политикам, но по обыкновенному моему пред вами чистосердечию, изъясняю я вам мои мысли по поводу сей материи. Нет сомнения, что зависть и коварство не дремлющими глазами наблюдают наши дела, и наипаче при нынешнем их состоянии; столько же незакрыто провидению вашего превосходительства, что участвующие в том державы, имея у себя свободные руки, не могут инако возбудиться к решительной содеятельности, разве бы интересы их почувствовали подобное бремя, каковым отягощаются обе воюющие. И тако, польза и вред наш зависят от положения, в котором они доднесь остаются, а в которое могут впредь войтить, при нынешнем дел слиянии, каждого интересующем. Надобно, чтоб турки возободрены были убедительными посредствами, от наших недоброжелателей им предъявляемыми, когда они из-за всех своих проигрышев еще целят вознестись превыше наших успехов, хотя, впрочем, как бы ни счастливой оборот взяло их оружие, они бы не больше приобрели, как то же, что и мир собою им приносит.

Но удивительнее и больше того, что мы, когда возвышаем наши требования, тогда не ищем тех способов, которые в таких случаях сущим суть подкреплением, то есть, чтоб умножить свои силы противу неприятеля, но паче их ослабляем в виду, так сказать, врагов, на то взирающих. Оставление взятых полков, которые к первому делу, по дальному переходу, и поспеть уже не могут, не надеюсь, чтоб в неприятеле ту же имело содеятельность, каковую он получил к своему возободрению от их прежнего движения. Дни долгого перемирия не послужили нам к достаточному себя снабжению к военному делу; еще не бывали рекруты, многих нужнейших амуничных вещей не привезено, а потому, ежели в марте открывать кампанию, то не только не будет здесь сил к предприятию какому-либо знаменитому, но едва их станет на защиту себя и удерживаемого края против стремлений неприятельских. Я говорю с вашим превосходительством с полною дружескою доверенностью, что у меня ни здоровья, ни смысла не станет уже для таких трудных изворотов, в которых не имею вспоможения, но паче ослабляют прилагаемые труды к трудам. Все другие держатся правил, что, желая твердого мира, надобно быть готовым к войне, а у нас сему противное видим: ибо армия здешняя, вы сами видите, сколько не имеет для себя надобного по такому предположению.

Благодарю, милостивый государь мой, за предостережение меня в рассуждении повреждения судов, стоявших при Журже, я взыщу с виновных тому; но ежели сие последовало не от крайней наших оплошности, но по неотвратимому стремлению стихии необоримой, то я думаю, что равной вред, на своем береге, должен претерпеть и неприятель, о чем, буде вы можете сведать, прошу меня уведомить.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских». Архив военно-походной канцелярии Румянцева, М., 1865 г., кн. 2, стр. 237—239.

№ 300

1773 г. апреля 6. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С ИЗЛОЖЕНИЕМ СВОИХ СООБРАЖЕНИЙ О ПЕРЕХОДЕ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ

№ 10 *Яссы*

Имев честь донести вашему императорскому величеству во всеподданнейшей моей [реляции] под № 8 [1], что положил было я на первый случай от второй дивизии произвесть поиск на город Фиштов, лежащий на сопротивном берегу Дуная, и в сие же время из Бессарабии генералу-майору барону Вейсману пере-

[1] См. документ № 298.

править за Дунай сильной деташамент конницы, располагая, чтоб чрез сии первые движения воспользоваться сколько слабостию неприятельскою, так и открыть удобнейшие способы к произведению в действие повеленного всевысочайше предприятия на верховного визиря и на его армию; в рассуждении коего предписал я командующим генералам по лутчему их предо мною (яко не могущий удостовериться о каждом месте чрез собственный обзор) локальному усмотрению, дать свои мнения в споспешествование делу предприемлемому; отношу однакож то, всемилостивейшая государыня, к собственному моему несчастию, что кроме других препятств и недостатков самая воздушная суровость, толь несвойственно по здешнему климату по сие время продолжающаясь, не дозволяет поступить в сию пору ни на какое армии движение, ибо после первых дней пасхи, только что еще видим показывающуюсь здесь весняную погоду, но травы для корму скота земля еще не произрастила, яко и не весь еще снег исчез на полях.

Генерал-порутчик граф Салтыков уведомляет, что для поиска на Фиштов не нашел он отнюдь удобности поднять свои суда от Журжи без того, чтобы оные не имея другого прохода, кроме против течения воды самим Дунаем и в глазах неприятельских не были подвергнуты удобному и сильному от него нападению ко уничтожению нашего предприятия. Он пишет, что и легкие войски, в сей части державшие стражу по Дунаю, от чрезвычайных морозов и долговременной зимы привели своих лошадей в крайнее изнурение. О равной невозможности послать за Дунай сильную партию для вышеизъясненного предприятия отозвался ко мне и генерал-майор барон Вейсман, по неимению теперь ни малейше полевого корму, а фуража с собою конница боле двух суток взять не может. Я же хотя везде по пути для предстоящих армии движений велел запасти фураж, но достать его в довольном количестве не могли, сколько для необычайно долговременной зимы, так и ради нужд в нем самих жителей, у которых от неимения корму много погибло скота, следственно и подпали они не состоянию удовлетворять сей надобности войск, в каком случае и бегут из своих жилищ.

По пункту перенесения твердым образом оружия нашего за Дунай, я представляю здесь на всевысочайшее усмотрение вашему императорскому величеству мнения командующих на Дунае генералов графа Салтыкова, Потемкина и барона Вейсмана. Всяк из них, всемилостивейшая государыня, устремляет свое усердие и является готовым достигать предмета, которой указывает нам высочайшая воля; но всяк же считает переход за Дунай найделикатнейшим шагом, каждой уважает прежде нежели может достигнуть главной армии визирской, потерю людей при овладении побережными крепостями, которых легко схватить нельзя, поелику неприятель и числом войск, и всеми запасами потребными к обороне, довольно в них утвержден. Находят они

не только затруднительным, но в случае неудачи и всякой опасности подверженным отступление и обратную переправу на свой нам берег. Наконец, каждый к такому предприятию полагает нужным прибавить в свою часть войск столько, что, уделя оные, не осталось бы уже защиты нашим здесь завоеваниям, ниже обеспечению внутреннему по всей земле.

Касаясь сим только образом их рассуждений, не имею больше уже смелости, всемилостивейшая государыня, повторять собственных моих по сему пункту мыслей, которые сколько мне усердие и верность рабские внушить могли, а всеподданнейше повергнул я всемилостивейшему воззрению во всенижайшей моей [реляции] от 25-го марта. Сие единое повторить токмо возьму дерзновение, что я вменяю собственному своему несчастию все случившиеся сверх чаяния препятства открыть здесь рано кампанию, яко поздно приходящая весна, а и того позже доставление к армии рекрут, которых и в поход уже взять нельзя по их в пути изнурению и недостатку во времени, потребном для их обучения, ради чего принужден я здесь оставлять офицеров, которые бы их принимая между малым хотя отдохновением, для их необходимым, показывали им по крайней мере, первые правила должности солдата, а затем уже препровождали их к армии.

В Черном море примечается уже ход судов к стороне Очакова; неизвестно однакож, с войском ли или с провизиею отправляются туда оные, а известия гласят, что турки необыкновенно большую флотилию приготовляют на сих водах, и слух носится, что оная обратится на Крым. Здешний флот по своему числу малому, конечно, такому предприятию или подобному и на здешние берега воспятить не может (а слышу от командующего второю армиею генерала князя Долгорукова, что и Азовской претерпел вред от сильных морозов и льду и имеет большие недостатки в снабдениях для него нужных, которые не делают его способным заранее выступить). Неменьше доходит знать, что и в самом Крыму есть духи, готовящиеся поборять по неприятельским войскам, когда оные там покажутся.

Соображая дел сих положение и осторожность, которую в моей части я сохранить должен, дабы движениями за Дунай не оставить полной свободы неприятелю впасть в правое мое крыло от Ольты, где он на нашем берегу имеет крепость Турно, а на своем и превосходной достаток в войске, во всех жизненных припасах вижу я, всемилостивейшая государыня, тем более важность держаться выгодного настоящего нашего положения и ежели не опасность, то сомнение выходит из одного ища успехов, зависящих от великой удачи.

Подвергая однакож всю мою мысль и усердие высочайшей воли вашего императорского величества, прилагаю все мои силы находить способы всеподданнейше исполнить оную; о чем и предоставляю доносить впредь, естьли что предприять на неприя-

теля подадут мне удобность случай, время и его положение, ибо когда он решился упорствовать о мире, то и следует заключать, что конечно взял свои меры к действиям военным по соображению всего того, что он претерпел от нас в прошедших битвах.

В Валахии и Бессарабии к сожалению начали люди военные страдать скорбутною болезнию, которая доселе тут не действовала.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 46—49 об. Подлинник.

№ 301

1773 г. апреля 15. — РАСПИСАНИЕ АРМИИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ П. А. РУМЯНЦЕВА ДЛЯ ВЕДЕНИЯ КАМПАНИИ 1773 г.

Кордарме, при котором генерал-фельдмаршал и к главной квартире надлежащие чины находиться имеют

	Полки
Командующей оным господин генерал-порутчик и кавалер Ступишин Господа генерал-майоры: Барон Унгерн Федор Глебов при кавалерии Князь Юрья Долгоруков Князь Василей Долгорукий Дежурным при армии: Барон Игельстром Андрей Милорадович Господин бригадир Апполон Волков	Первой, Третьей } Гранодерские Новогородской Куринской Севской Второй Московской Санктпетербургской Старооскольской Выборгской Первой Московской Карабинерные: Сибирской Рязанской Рижской Нижегородской Гусарские: Острогожской Харьковской Донские казацкие: Атамана Сулина Полковника Денисова Малороссийских казаков Переяславского полку 500 Пионерной баталион Понтонная рота

Корпус в верхней части Валахии и банате Крайовском, командующей оным господин генерал-порутчик и кавалер граф Салтыков

	Полки
Господа генерал-майоры: Михайла Каменской Петр Текелли Князь Юрья Трубецкой Вилим Энгельгард } при кавалерии Карл Камеен }	Четвертой гранодерской Капорской Низовской Апшеронской Архангелогородской Астраханской Ингерманландской Сибирской Муромской Тенгинской Егерские баталионы подполковников { Аршеневского, князя Мещерского Киевской кирасирской Астраханской, Вятской, Тобольской } карабинерные Сербской, Ахтырской } гусарские Днепровской пикинерной Казацкие: Дячкина Янова Сычова, Леонова, Агеева } донские Навербованной из польских жителей арнауты

Корпус в Безаравии и по Дунаю между рек Прута и Днестра, командующей оным господин генерал-майор и кавалер барон фон Вейсман

	Полки
Господин генерал-майор князь Петр Голицын	Кабардинской, Ширванской, Троицкой, Невской, Егерской подполковника Мекноба баталион } при Измаиле Смоленской в Килии Московской, Тверской } карабинерные

	Полки
	Донские казацкие: Мартинова Голова Константина Сулина Луки Сулина

Корпус резервной, командующей оным господин генерал-майор и кавалер Потемкин в нижней части Валахии

Господа генерал-майоры: Николай Каковинской Векентий фон Райзер	Нижегородской Ярославской Орловской Козловской Егерской подполковника барона Ферзена баталион Новотроицкой кирасирской Ингерманландской карабинерной Елисаветградской пикинерной Волоской полк, Три швадрона Венгерского — гусарские Донской казацкой полковника Зазерского Две тысячи запорожских казаков Пехотные: Ростовской, Пермской — в гарнизоне в Браилове

Беспосредственно под ордером генерала-фельдмаршала

Господа генерал-майоры	Полки	В каких именно местах и для чего расположены быть должны
Павел Олсуфьев	Бутырской, Киевской, Новагинской — пехотные	В Бендерах, В Аккермане — в гарнизоне
	Казацкие: Донской полковника Карпова	Для содержания обвещательных постов от Аккермана сей стороной до Бендер, а той стороной Днестра до устья оного и реки Телигула и замка Гаджибея
	Малороссийской Лубенской Пермской карабинерной	На подкрепление казацких полков на той стороне Днестра в удобном месте

Господа генерал-майоры	Полки	В каких именно местах и для чего расположены быть должны	
Римской-Корсаков, имеющей и правление в Молдавии земских дел	Двуротная команда первого Московского полку Хотинской баталион	В Хотине	Для наблюдения внутренней тишины, прикрытия магазейнов и безопасного препровождения к армии транспортов
	Ясской баталион Киевского и Прилуцкого полков тысяча казаков	В Яссах и по границе Трансильванской	
Широков	Наследников кирасирской, 20 пехотных рот, взятых из Киева, 1500 Малороссийских казаков	В Польше между Днепра и Днестра	

Полевой артиллерии и генерального штаба инженерным, комиссариатским, провиантским и медицинским чинам оставатца при тех же корпусах, при коих доныне находились.

Для кордарме предоставляется по времени и обстоятельствам расположение и действие, а в других корпусах на настоящее время позиции избрать деташаменты гарнизоны и обвещательные посты учреждать слагается на господ, оными командующих по локальному тех мест положению надобной осторожности и наблюдению общей связи и взаимной помощи к содействиям.

Румянцов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1878, л. 6—8. Подлинник. С некоторыми редакционными изменениями опубл. в книге А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769—1774 гг.», т. IV, СПБ, 1874, стр. 152—157.

№ 302

1773 г. апреля 19.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА И. П. САЛТЫКОВУ ОБ ОБЩЕЙ ВОЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ НА ДУНАЕ И ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ ПОИСКА НА ТУРТУКАЙ

№ 115

От 16-го сего месяца получил я вашего сиятельства рапорт, которым уведомляете меня о попытках, часто производимых от неприятеля на ваш берег, что он свою стражу побережную между Фиштова, Рущука и Туртукая толико распростер, что голосом могут обвещаться между собою часовые, и что вы, приводя себя в лучшее состояние встретить на своем берегу неприятеля, или напасть на его какой-либо пост, велели г. генерал-майору Текели с его корпусом перейти на левую сторону реки Ольты и на сие вам предлагаю. Растянутая неприятелем стража

на так великую дистанцию вводит меня в двоякое заключение, что или сие делает неприятель, закрывая свое прямое намерение учинить где-либо важный поиск на нас приготовленными к тому силами, или же значит таково его положение сущую слабость и опасность, но в том и другом случае больше он ослабляет себя протяжением на так большом расстоянии своих караулов, следственно и подает нам удобность к приобретению над ним поверхности. Частые покушения, что предприемлют турки в вашей стороне, можно отнести к тем же самым видам и можно еще не без основания полагать, что сим последним неприятель ищет открыть состояние нашего положения и самых намерений. Правила, которые я означил в генеральных от меня предписаниях на нынешнюю кампанию[1], указывают, между прочим, способы как отвратить беспокойства, подобные происходящим ныне в вашей части от неприятеля, то-есть не хотя быть озабочену от него, надобно самого его озабочивать и, сему следуя положению и последними моими ордерами приметил я вашему сиятельству о той надобности, которая требует от вашей части ознаменить каковым-либо действием на неприятеля, войск ваших движение, чего еще не видя, неприятель обращает тем дерзостнее свою попытку на ваш берег, получая время к склонению своих сил вверх Дуная, или на пункт другого какого-либо своего предположения. Соображая сие и ту предосудительность, ежели мы допустим главные силы неприятельские пребыть в верхней части и обременить тем одно наше правое крыло, не отвлекая оных к средине нашего положения, нахожу я тем больше потребным, чтобы ваше сиятельство, во упражнение неприятеля и для диверсии его предприятиям в верхнюю часть Валахии, открыли на него по удобности действия от своего корпуса, а полагаясь на собственное ваше предположение о городе Туртукае, весьма будет теперь кстати, чтоб на оной учинить из вашей части поиск, яко сей пост по известиям не есть из таких укрепленных, где бы неприятель утверждал преимущественно свою оборону, и до которых не полезно вначале кампании привязываться, а пользоваться должно, срывая прежде слабейшие. Приличным я считаю сие предприятие в теперешнюю пору потому наипаче, что от корпуса генерал-майора Вейсмана сильной деташамент 16 сего месяца перешел уже за Дунай, разбил при первом своем входе на сопротивном береге турецкого агу, в двухстах державшего пост при Тульче, получа пленным его самого и прострет свой поиск на той стороне на город Карасу. Способствуя тому и дальшим предприятиям, велел я теперь господину генерал-майору Потемкину занять Гирсов, маскируя в облегчение сему делу Силистрию

[1] Военные действия начались атаками турок из района Силистрия — Рущук. 5 апреля двухтысячный отряд турок переправился из Силистрии в район Ликорешти и был разбит и опрокинут в Дунай конницей Г. А. Потемкина. Также были отбиты попытки нападения турок от Рущука, направленные против дивизии Салтыкова.

возможными демонстрациями его намерения и нашу крепость; а дабы при сих действиях поставить неприятеля в повсеместное замешательство, то свершение того зависеть будет от успеху с вашей части на Туртукай, на которой предприемля поиск, не оставьте ваше сиятельство в то же время поставить во внимание неприятеля в Рущуке разными оказательствами вашего намерения ударить на сей город, дабы, на сем посте упражнен будучи, неприятель собственною защитою не мог подать помощи тому месту, на которое мы устремляем прямое нападение, или своим вопреки предприятием от того нас отвратить. Для предприятия на Туртукай я считаю, что у вас довольно будет судов и еще оными в случае потребном домочь может с своей стороны г. генерал-майор Потемкин, с которым, как ваше сиятельство в толь тесной связи находится, имев предводимые вами корпусы в верхней части Валахии, то и рекомендую вам взаимно сколько на всякое время, так и по предприятию предлагаемому на Туртукай, сообщение между собою и согласие в мероположениях и содействиях сохранить во всех распоряжениях к сему делу. Я полагаюсь на искусство военное и на усердное рачение вашего сиятельства о пользе службы и уверен в том остаюсь, что подробности и встречающиеся иногда трудности собственным вашим просвещением решены будут без потеряния времени на представление оных под мою резолюцию. Не меньше я надеюсь, что встревоженный неприятель по убер509жи, естьли предполагаемые действия, как должно исполнятся, откроет нам лучший способ узнать его силы и слабости и учредить по тому свои меры на дальшие предприятия. Естьли бы неприятель, поманясь движением из Баната г. генерала Текелия, вдался в тот край и зашел во внутрь оного, то коль в других частях замешан он будет вышеписанными действиями, вы тогда можете на поражение оного обратно устремить г. Текелию с тем же войском, несмотря на недостаток подножного корму, и первая дивизия не замедлит взять свое движение к реке Серету.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 428 об. — 430 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия

№ 303

1773 г. апреля 19.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О ЗАНЯТИИ ГИРСОВА И СОДЕЙСТВИИ САЛТЫКОВУ В ПОИСКЕ НА ТУРТУКАЙ

№ 116

Ваше превосходительство уведомлены, я считаю, доселе чрез господина коменданта браиловского Борзова, которому дал знать господин генерал-майор и кавалер барон фон Вейсман, что 16-го сего месяца переправил сей генерал за Дунай от своей

части деташамент, который, минув уже на сопротивном берегу при первом своем выходе пост неприятельской и получа командовавшего на оном агу в плен, имеет следовать для учинения поиска на Карасу. Сей город по картам, которые мы имеем, хотя не лучшей достоверности, показывается однакож лежащим выше Гирсова, а для того не меньше же и в способствование сему и дальнейшим предприятиям нахожу я потребным рекомендовать вашему превосходительству занять теперь замок в Гирсове. Вы положили в своем рапорте от 12-го сего апреля, что к занятию онаго потребно тысяча человек, в сие число вы можете употребить баталион имеющихся у вас егерей и гранодерские роты Пермского и Ростовского полков и по усмотрению вашему еще придать к ним пеших запорожцов, которые из мест, прикрытых укреплением, могут довольно хорошо стрелять; предприемля сие и дабы от неприятеля не быть в том воспрепятствованным, еще у вас будет довольно войск, чтоб движением оных и своих судов и разными удобными демонстрациями удержать не только в почтении против себя неприятеля с стороны Силистры, но и доводить его до крайнего внимания против готовящегося от вас поиска на ту крепость, к чему по своему благорассмотрению на месте прибрать вы можете способы и удобвероятнейшие, видя смятение и замешательство, которое вы тут причинить можете неприятелю, послужит к произведению того ж и в других частях, что наипаче нужно при делании поиска от стороны господина генерала-порутчика графа Салтыкова на Туртукай, и о чем в данном ему от меня повелении, а здесь в копии для знания вашего приложенном, пространнее усмотрите.

Ваше превосходительство имеете посему делу с своей стороны подать вспоможение елико будет возможно вам учинить уделением людей и судов в подкрепление тех войск, которые от графа Салтыкова определены будут на поиск в Туртукай, но облехчить, если не сим, то хотя собственными от вашей части действиями или движениями сие наше предприятие на тот неприятельской пост.

Ту же самую связь сообщение и согласность ко взаимному споспешествованию в деле, теперь предприемлемом, сохраните, ваше превосходительство, против него, которую я ему в сем ордере предписываю в рассуждении вас. Доколе не произведен будет поиск на Туртукай, еще вам неудобно перенестись со всем корпусом на устье Яломице по уважению, что неприятель может иногда свои покушения на наш берег вслед за вашим переходом учинить скорее, нежели на Гирсов; между постом Обилештским и Слободзейским по безводию трудно ему учинить нападение, не опасаясь, кроме того, еще зайтить между двух огней, а ежели он и к Гирсову взял свое движение, то вы все способы найдете ему путь перейтить и опровергнуть всякое намерение с своей стороны нападением; когда же поиск на Туртукай исполнитца, в ту пору по положению войск корпуса господина генерал-по-

ручика графа Салтыкова способно будет вашему превосходительству взять свою позицию на устье Яломицы, обеспечая свой слободзейской пост.

Я слагаю на искусство и на усердие вашего превосходительства к пользе службы учреждение всех подробностей касательно до занятия Гирсова и до обеспечения всенадежного людей, на тот пост употребленных, равномерно и до вспоможение с вашей стороны предприятию на Туртукай, в чем лучше вы можете предусмотреть и определять имеете на месте всю удобность размерить силы неприятельские и локальные способности.

Граф *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 40, л. 280—281. Копия.

№ 304

1773 г. апреля 19.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОТДЫХА ПРИБЫВШИМ РЕКРУТАМ И ИХ ОБУЧЕНИИ

№ 2426

По достоверным известиям рекруты все скоро к полкам прибыть не могут, а по прибытии натурально, как изнуренным чрез дальний путь, дать надобно некоторое отдохновение, а не меньше и на учение первоначальных хотя правил службы, дабы они, при полках будучи и без употребления в настоящую должность, не пришли в конечную слабость и на долгое время к прямому отправлению оной в неспособность; я за благо рассудил оставить их для того от кордарме пехотных полков в Яссах, а кавалерийских в Хотине, а от состоящих верхней и нижней части Валахии и Безаравии корпусов назначить места господам командирам оных по усмотрению их, где бы они, несучи легкую службу, не были подвержены опасности от большого неприятельского нападения и достаточно было бы для их провианта, и определить к ним от каждого полку по одному исправному и знающему, как обходиться с новыми людьми, мундировать и приучать их ко всему, до службы касающемуся, обер-офицеру с пристойным числом унтер-офицеров, барабанщиков и цирульников и доставить в те места на рекрут надобные ружейные, мундирные и аммуничные вещи, а от корпуса по одному штаб-офицеру, лекарю и несколько подлекарей, сообща об них для сведения находящимся в самых тех местах командирам, в Молдавии господину генерал-майору Римскому-Корсакову, в Валахии господину бригадиру и кавалеру Медеру, у которых и быть им в точной их команде, а мне дать знать о месте, где рекруты оставаться имеют, кто штаб-офицеры и с каким числом протчих чинов

командированы; что до рапортов месячных лежит присылать их ко мне на основании моего ордера от 10-го числа ноября прошлого 1772-го году во все команды посланного, а до подробных наставлений, то оные дать штаб-офицерам сходно выше сего предполагаемым притчинам господам генералам командующим.

Румянцов

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 40, л. 292—292 об. Подлинник.

№ 305

1773 г. апреля 21.— ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ДЕЙСТВИЯХ РУССКИХ ВОЙСК ПРОТИВ ТУРОК К СРЕДИНЕ АПРЕЛЯ 1773 г. И О ПОБЕДЕ ОТРЯДА ГЕНЕРАЛА О.-А. ВЕЙСМАНА ПРИ БАБАДАГЕ

№ 12 *Яссы*

По отправлении к вашему императорскому величеству всеподданнейшей моей [реляции] под № 11-м [1], последующими репортами генерал-порутчик граф Салтыков уведомлял меня, что неприятель после неудачной своей на наш берег попытки, о которой приложил я тогда список с его донесения, возобновлял покушения и еще с 11-го в последующие четыре дни в разных местах, как на правой Журжевской остров, так выше Слободзейского редута и ниже Журжи у деревни Слободзеи Пятро, и урочища Поени, везде однакож не допущен ничем воспользоваться. И так он из своих, вниз Рущука лежащих береговых батарей на остров и на самую Журжу, открыв кононаду, с 11-го числа по 16-е оную продолжал, не имея от того больше пользы, кроме, что одному в Журже рядовому оторвало ядром ногу. В те же дни еще неприятель предпринимал на трех судах с пушками при деревне Малкове в числе до 150-ти человек, а в Крайовском банате от стороны Калафаты и Орсовы троекратно от двух до трех сот конных делать нападение на наш берег, но и тут обращен вспять без всякой для себя удачи; а 14-го числа от Рущука войски неприятельские в 14-ти судах в верьх, а в 5-ти вниз Дуная выступали. Из числа первых судов того ж дня приставали выше слободзейского редута к нашему берегу и, не произведши ничего, удалились. Реченный генерал-порутчик граф Салтыков присовокупляет к своим уведомлениям и сие, что неприятель в умножение своего бдения, до того подунайские посты участил между Фиштова, Рущука и Туртукая, что часовые обвещают голосом друг друга.

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1987, л. 66—68).

По толь часто чинимым от неприятеля на наш берег покушениям в верхней части Валахии, и как начал уже он и выше Ольты по Дунаю в разных местах открывать на судах движения войск, умножая сии в Никополе и Турне, известия ж с сопротивной стороны гласят, что от Шумли, где визирь находится, к Дунаю узкие дороги разчисщены, то и заключает помянутый генерал-порутчик, яко неприятель старается вникнуть в положение наше, ища где-либо удобности к нападению; а потому, дабы наилучше ему себя обеспечить и быть в готовом состоянии на своем ли берегу встретить неприятеля, или коль предстал бы способной случай и на сопротивном произвесть поиск, следуя моему на то предписанию, в предварительную осторожность велел генералу-майору Текелли из баната Крайовского с его корпусом перейтить на левую сторону Ольты и взять свою позицию при Рушведе, оставя в банате деташамент из войск, легко экипированных, которые бы могли по временам, подаваясь к реке и в горы, делать неприятелю внимание, и открывать в той части его предприятия. А в случае наступления неприятельского в превосходных силах, уклониться чрез горы в соединение с своими постами и держать от сего ж корпуса пехотные посты один в Слятине, а второй при устьи Телеормана. Я же, видя во всех известиях, что неприятель большие свои силы собирает против верхней части Валахии и коль в том намерения его быть могут, дабы на правое наше крыло устремить в превосходном числе войск свои действия (закрытием сего умело признаю я больше и ту стражу, что по донесению графа Салтыкова растянута в той стороне по всей убережи, нежели, чтоб употребление оной происходит от чрезмерного числа людей, ибо во всяком случае хотя наступления, хотя собственно опасности, таково раздробление войск служило бы найпаче к ослаблению оных), и дабы не допустить сим образом в верху Дуная утвердить позицию неприятелю на опасность нашего правого крыла, но приткнуть его к средине нашего положения, где удобнее можно воспротивиться его силам, и на поражение оных расположить нам свои меры, велел генералу-майору и кавалеру барону фон Вейсману, несмотря на недостаток подножного корму, и полагая, что лошади могут еще по возвращении от понесенного изнурения оправиться чрез отдохновение, послать за Дунай даже до Карасу деташамент, сколько для обозрения тамошнего положения, мест и войск неприятельских, так равно, дабы произвесть над ними поиск, разделить его внимание [в] наилучшую для нас пользу и удобнейшое произведение против его дальших действий. С другой стороны предложил я генералу-майору Потемкину по движению таковому войск наших за Дунаем занять от его корпуса пристойным числом людей замок в Гирсове. А чтоб от неприятеля не быть в том воспрепятствовану, то предписав я ему в то же время удобными оказательствами чрез движения войск и обороты имеющихся у него судов держать не

только в почтении против себя неприятеля с стороны Силистрии, но и доводить его до крайнего внимания в рассуждении поиска на ту крепость. К поспешествованию коль сим предприятиям, так и к распространению дальших над неприятелем поисков дал я повеление в сие же время генералу-поручику графу Салтыкову, чтоб и он от своей части, во упражнение неприятеля и для диверсии его предприятиям в верхнюю часть Валахии, учинил поиск на Туртукай, не считая, чтоб сей пост неприятель толико же имел укрепленным, как другие по убережи, до коих в начале кампании привязывать и не схватя прежде слабейших, не сужу делом быть полезным. Вспоможение сему предприятию учинить должен будет по общей связи генерал-майор Потемкин, а пользу изо всех сих действий быть, то предполагаю, что неприятель, кроме причиненного вреда, в последующем ему замешательстве повсеместно от оных может, наверно, открыть свою силу и слабость, по соображению которых лучший способ останется учреждать нам дальшие против него предприятия, и коль бы он поманен быв движением к Ольте корпуса генерала-майора Текелли, вступил в банат Крайовский, тогда может сей же генерал с своим войском при нынешнем повсеместном на сопротивной стороне встревожении неприятеля, на поражение оного обратиться.

Я уже здесь имею честь всеподданнейше донести вашему императорскому величеству об успехе, с которым движение свое делает за Дунаем деташамент, посланный, как выше я донес, от генерала-майора барона Вейсмана. По его репортам, о том ко мне дошедшим, состоит оной из 600 гранадер, 400 егерей и 1400 донских казаков, при 6-ти орудиях полевой и толикого ж числа полковой артиллерии предводимой кабардинского пехотного полку полковником и кавалером Кличкою. Оной на 16-е число апреля в ночь под Тулчею имел свою переправу, а посланная вперед егерская команда и донские казаки для занятия тамошнего сопротивного берега атаковали находившуюсь на оном турецкую команду, в 200 конницы состоявшую, из коих 4-х убили, многих ранили, и самого командира янычарского Азу Халил с 2-мя турками взяли в полон и отбили одно знамя, и пройдя того ж числа тесные места за Тулчею, реченной полковник от Бабадая верст за 20 остановился к вечеру для отдохновения людям и отправил вправо к деревням: Монастырь Телич и к Исакче казачую партию под командою Кабардинского полку капитана Балбекова, которая неприятельские партии, находящиеся в тех местах, внезапно атаковав, разбила, причем убито турок 6 и 4 взято в плен, с нашей же стороны ранен казак один. По отдохновении своем оттуда 17-го числа по полуночи в 3-м часу выступил помянутый полковник с деташаментом к Бабадаю, где на рассвете несколькими неприятельскими партиями был встречен, были сами вскоре опрокинуты и за мост прогнаны. При котором случае много турков пало убитых копьями; мост

же тотчас неприятель зачал ломать и заготовленными к тому вещи зажог, а пешие турки, стоя за мостом, защищали чрез оной переход оружейною пальбою, но как скоро с пехотою прибыли пушки, и из оных несколько выстрелов учинено, то турки, покинув мост, ретировались. Трудом инженер-порутчика Канавина оной мост скоро исправлен, по коему казаки, перебравшись, неприятеля догнали верстах в 5 и преследовали верст 15.

При сем под Бабадаем в сражении и в преследовании убито действительно турков более 300 человек, в полон взято 53 и отбито знамен 6. С нашей стороны убито казачьих старшин, казаков 11, лошадей более 20. Неприятельское войско при Бабадае состояло под командою двубунчужного Ассан черкес паши, при коем было конных и пеших турков до 2000. Разбитой неприятель бежал по разным дорогам, а большая часть к Карасую и к Карaарману; а за оным в след помянутый полковник Кличка того ж 17-го числа к вечеру от Бабадая далее к Карасую взял движение.

Препятствие, что до селе не могла еще вся армия выступить в поле, наносила суровая погода и неимение подножного корму, ибо на сих днях только показалась весняная теплота. От упадшего необычайно большого снегу в конце зимы погибло у жителей здешних великое число скота, а которой и остался, то в таком изнурении, что обыватели не в состоянии пришли удовлетворить пособием оного нуждам армии...[1]

...Несмотря на недостаток в полях травы, и с преодолением всех других трудностей, вступит на сих днях в лагерь корпус, стоявший в Молдавии, и примет немедленно движение к реке Серету.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 73—78. Подлинник.

№ 306

1773 г. апреля 22.— ЦИРКУЛЯРНЫЙ ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О БЕРЕЖНОМ ОТНОШЕНИИ К ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ВОЙСК, СОХРАНЕНИИ ОРУЖИЯ И ОТНОШЕНИИ К МЕСТНОМУ НАСЕЛЕНИЮ

№ 2468 *Яссы*

В течение прошедших кампаний часто подавал я всем и каждому наставлении, касающиеся до отправления службы в поле и наблюдения в вышней степени ею предполагаемых всякому

[1] Из реляции опущена часть, не представляющая исторического интереса.

должностей, и о приведении нижних чинов в лутчее оных познание, о имении к ним и лошадям призрения, и обережения их всевозможными способами от болезней и лишних трудов, а особливо от побой, иногда бесчеловечно им делавшихся, и о снабдении их всем надобным; о держании ружья, мундира, аммуниции и полковых экипажей в лутчей исправности, и о запасе, каков иметь в провианте, о нечинении обывателям ни малейшего озлобления, коих благосостояние есть одним средством к пропитанию и выгодам для войска надобных, которые и при открытии наступающей кампании возобновляя на попечение господ генералов слагаю, в лутчей надежде, что оне, полковые и ротные командиры, всякой с своею частию явясь в готовности и исправности, не оставят наблюдать всего предписанного, и по преимуществу власти над подчиненными своими исполнения взыскивать; и так как для себя приобретать, так и другим подавать новые случаи к заслугам милости государской, а ежели бы сверх всякого ожидания явились из офицеров нерадетельные в службе и в пренебрежении должности, о таковых к достодолжному осуждению и наказанию представлять ко мне, без малейшего послабления.

Румянцов

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 40, л. 293—293 об.
Подлинник.

№ 307

1773 г. апреля 25.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ С ТРЕБОВАНИЕМ ОБЪЯСНЕНИЯ ПРИЧИНЫ ОТВОДА ОТ БРАИЛОВА ПЕРМСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА

№ 127 *Яссы*

Господин комендант браиловский полковник Борзов рапортует ко мне, что по ордеру вашего превосходительства 20-го сего месяца пехотный Пермский полк пошел от Браилова к устью Яломицы.

Я не могу собою узнать причины, для которой бы сие движение оному учинить вы нашли потребнее, нежели быть в том месте в помощь полкам гарнизонным в рассуждении их малого числа в людях к чему мое расположение определяло бытность его там. Естьли вы считаете всю беспечность в той стороне, потому, что нет там судов, однакож военное положение часто переменяется и там оные быть могут, где теперь их нет, и не быть, где ныне находятся. Я хочу столько знать, что настояло в вашей части в переводе сего полку, сколько и быть всегда и без замедления уведомляем от вашего превосходительства во исполнение моих до сего повелений о всякой тамо перемене, которую

учинить вы в позиции войск или в чем другом найдете по обстоятельствам за потребно в рассуждении расположений, мною предустановленных.

Румянцов

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 40, л. 299—299 об. Подлинник.

№ 308

1773 г. мая 13.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА О.-А. ВЕЙСМАНУ О ПЕРЕПРАВЕ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ И ДВИЖЕНИИ К КАРАСУ

№ 143

Я ждал охотно на вчерашний и в сей день прибытия вашего превосходительства в Фокшаны, считая удобнее объясниться с вами на словах о мероположениях для действий военных, которые должно произвесть от вашей части в согласие предприемлемых в стороны других корпусов, но как уже время не терпит отлагательства в рассуждении наших движений и предприятий, то и спешу я сим предписать вашему превосходительству, дабы вы с корпусом своим, о коего числе к переходу на сопротивную сторону, счет вы мне с своим рапортом прислали, с получения сего перешли за Дунай и сделали движение до Карасу [1]. Дорога ваша будет, как я вижу по карте, на Бабадай, коль нельзя ожидать, чтоб тут нашлись в большем количестве неприятельские войски на воспрепятствование вашего пути, то и будет делом вашего искусства воспользоваться сим местом, а благоразумной предприимчивости простерти свой поиск на самого Абды-пашу, который по известиям находится в околичностях Карасу. Полки два пехотные Выборгской и 1-й Московской, из коих один при Водянах находится, а другой завтра туда ж вступит, оставляю в вашу команду. Вы из оных можете сколько заблагорассудите взять по выбору людей с собою и переправить при Исакче, а остальных употребить во усилие прочих войск, которые вы оставите ради обеспечения той стороны от Черного моря, как уже и самая ваша позиция подавать будет вящшую безопасность против возможных в тот край покушений неприятельских. Я не касаюсь здесь подробностей распоряжения для такого походу, уверен быв в вашем благоразумии и полагаясь на оное в полной надежде, что вы, предприемля движение за реку, не упустите ничего в своих учреждениях, что принадлежит до обеспечения

---

[1] Намеченное по указанию Румянцева наступление корпуса генерала Вейсмана на Карасу, так же как и поиски генерала Салтыкова на Туртукай, имели задачи только разведывательного характера, так как командующий армией не считал возможным начать, не выполнив их, наступление за Дунай главными своими силами.

страны, от которой удаляетесь, и до снабдения войск всем потребным, с коими пойдете за Дунай и против неприятеля. Провианта однакож по числу ваших войск, мне кажется, довольно будет взять вам с собою на повозках на 15 дней, а прочей запасный сколько на подъем оного судов у вас найдется, отправьте на оных вверх Дуная к Гирсову, ибо тамошний замок занят нашими войсками и укрепляется теперь работами[1], чтоб служить мог сколько к опоре нашей, так и ради закрытия всяких туда доставляемых запасов, следственно туда отправленные жизненные припасы будут у вас на всякое время под руками. Я с армиею не медля сделаю движение к Яломице, доводя свое положение до той удобности, чтоб подать от оного мог при всяком действии вспоможение, как другим частям, так и вами предводимой, при их оборотах; а для сего хочу я, чтоб ваше превосходительство тотчас дали мне знать, на скольких судах и какого сии рода отправите вы свой запасный провиант вверх Дуная, и еще сверх оных и после вашей переправы, колико вы можете и каких именно судов подвинуть также вверх Дуная, описав их качества и способность к употреблению, и сколько из них будет удобных для переправы конницы. Я рассуждаю, что по переходе вашем за Дунай не будет уже в том месте нужды содержать сих судов большое количество, поелику естьли дошло бы вам переходить обратно на здешний берег, то сие ближе уже будет вам сделать около Браилова или в другом месте тамошней высоты. Я предоставляю к своему времени подавать вам уведомление о дальших предприятиях, а на сей раз имею только вам объявить из краткого рапорта г. генерал-аншефа и кавалера графа Салтыкова, что на 10-е число сего месяца г. генерал-майор и кавалер Суворов овладел городом Туртукаем, получа по разбитии неприятеля артиллерию, суда и все тут найденное в свою добычу. Когда дойдете ваше превосходительство до высоты прямо с Гирсовым, то постарайтесь учредить свое сообщение с пребывающим в нем нашим постом; чрез которой бы можно вам свои уведомления давать и ко мне и в корпус г. генерал-поручика и кавалера Потемкина, а на такой случай я прикажу сему генералу к учинению сей связи с его стороны всем должным способствовать.

Я сказал выше, взять вам с собою провианта на 15 дней, в том разумении, что большое количество оного отяготило бы ваш обоз, но естьли бы вы всякой тягости и остановкам предпочли имение верного с собою пропитания для войск, то и в таком случае надобно же вам отправить вверх суда, которые служить будут на переправу войска в помощь вашу.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 442 об. — 444.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] Гирсово было взято Потемкиным 24 апреля 1773 г.

№ 309

1773 г. мая 14.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ ОБ УВЕДОМЛЕНИИ КОМАНДИРОВ СОСЕДНИХ КОРПУСОВ О ПЕРЕМЕНЕ В РАСПОЛОЖЕНИИ ПОЛКОВ

№ 2883 *г. Фокшаны*

Вашему превосходительству рекомендую о полках и командах из корпуса вашего по надобности из одного в другие места отправляемых тотчас знать давать всем командирам прикосновенных к вам корпусов с приложением маршрутов на какие места маршировать, и которого дни, где имянно они находитца должны будут, дабы всякой знать мог, где их во время надобности без труда сыскивать и к своему иногда подкреплению брать, или же о имении от неприятеля предосторожности им сообщать.

Румянцов

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 40, л. 365. Подлинник.

№ 310

1773 г. мая 16.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О ДЕМОНСТРАЦИИ ОТСТУПЛЕНИЯ С ЗАНИМАЕМОЙ ПОЗИЦИИ

№ 144 *Яссы*

В последних рапортах ваших от 14 сего течения, мною сего дня полученных, так как и во всех ваших уведомлениях, я вижу с удовольствием отменное ваше усердие к службе и искание пособствовать распространению успехов оружия. Предпринимаемая вами перемена позиции ради подкрепления Гирсова могла быть бы полезна, но что до поиска на Абди-пашу, то толь скорое отступление ваше от настоящего места послужило бы к великому ободрению неприятеля в Силистрии и околичностях сего города держащегося, который по всем видам обратил все свое внимание на наши войски, против его стоящие, и подало бы ему повод и удобность учинить покушение по Ардышу к верхней части Валахии, от чего положим, хотя и не произошли бы дальшие следствия, но впадение таково великую в жителях учинит тревогу и понудит корпус господина генерал-аншефа и кавалера графа Ивана Петровича Салтыкова переменить настоящую его позицию, причиняя тем в настоящих наших предположениях расстройку или же присоединиться он к Абди-паше. Но как из самых допросов, от вас мне присланных, оказывается,

что сей паша не останется далее в Карасу, как до соединения его с Черкес-пашею, а потом, оставя там последнего, сам отправится к Бабадаю, то и нельзя ожидать, чтобы можно было успеть при Карасу произвесть на его поиск. Я, полагая, что неприятелю край тамошний оставлять без всякого примечания и защиты не можно, не примину предприять и против того надлежащие меры, вследствие коих войски к взаимному одни другим споспешествованию действиями, или по крайней мере диверсиями учинять в свое время движения к местам, им назначенным. По сим обстоятельствам и считаю я засходственнее и полезнее вашему превосходительству, оставаясь еще на месте вашем настоящем, несколько раз показать неприятелю, против вас стоящему, виды отступления, вводя его чрез то в искушение, переправиться на сию сторону и, сим воспользовавшись, его поражать и тем занять у него дерзость и любопытство переправляться на сию сторону и держать его в том месте привязанным, доколе обстоятельства инакого положения требовать будут. Между тем могут легко предстать вам способы и на овладение самым противолежащим местом по случаям подобных замешательств внутри оного, о каковых, ваше превосходительство, в одном из рапортов ваших доставляете мне сведение. Я приказал притом по требованию вашему умножить число казаков в корпусе вашем. Пермской пехотной полк, ежели заблагорассудите, можете взять из нынешнего его места и употребить к усилию поста Гирсовского или держать оной при Ораше на надобной случай и на показание неприятелю нашего на место сие наблюдения. Ваше превосходительство по благоискусству вашему не оставите, на основании сих моих предписаний, сделать из оных лучшее на пользу употребление. Об островах близ Гирсова, лежащих между реками Дунаем и Борщом, я ожидаю вскорости вашего уведомления: сухи ли они и во всякое ли время и удобны ли, чтобы на оных поставить войски и иметь посты?

Румянцов

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 32, л. 91—92. Подлинник.

№ 311

1773 г. мая 17.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОДГОТОВКЕ К ПЕРЕХОДУ АРМИИ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ И ДЕЙСТВИЯХ РУССКИХ ОТРЯДОВ ЗА ДУНАЕМ

№ 14 *Фокшаны*

Во всеподданнейших моих [реляциях] от 21-го и 29-го апреля[1] я имел честь доносить вашему императорскому величеству о моих разных распоряжениях и особливо о поиске на Турту-

[1] См. документ № 305.

кай, который генералу графу Салтыкову из корпуса его произвесть от меня предписано было и которой удачливо произведен, как ваше императорское величество обстоятельнее усмотреть соизволите из приложенного при сем журнала известий, в ожидании коих по сей день умедлил я несколько моими донесениями. Я, поучаяся непрестанно о пользе дел вашего императорского величества и стараясь всеми силами наводить ощутительной вред и замешательство неприятелю, ищу всех способов, каким бы образом мне точнее выполнить вашего императорского величества всевысочайшее повеление касательно переходу чрез Дунай, и для того ездил я сам в Браилов и осматривал при оном течение сей реки, где на надобный случай удобнее кажется всех переправа, но не нахожу я возможности к наведению и там моста по великому стремлению реки сей, и над чаяние случающимся от нее наводнениям, причин коих ради турки великим иждивением строенные мосты наводили редко, а удерживать никогда не могли, а потому хотел я в согласие предпринимаемым проискам с нижней части (которые я предписал на сих днях под предводительством генерал-майора барона Вейсмана вновь распространить чрез Бабады до Карасу на Абды-пашу, по новейшим известиям, в околичностях последнего стоящего, и к Бабадам податься вознамерившегось), отсюда прямо взять путь к устью Яломицы, и против Гирсова, нашими занятого, остановясь по обстоятельствам, переправляться там на судах чрез Дунай и содействовать вышеписанному деташаменту, или другим частям войск вашего императорского величества, на сей стороне Дуная находящимся. Однакож и сей поход прямо к устью Яломицы за безводием, а переправа по широте реки оказалися неудобными, и для того иду уже я ныне с главным корпусом армии прямо к Браилову, предоставляя, туда дошедши, распорядить по усмотрению свои дальшие движения, то-есть там ли чрез Дунай на судах переходить или к устью Яломицы, или как тогда обстоятельства востребовали бы обратиться.

Деташамент под командою полковника Клички, за Дунаем бывший и простерший успехи свои до Карасу и далее, не мог более там оставаться по причине одних пленных турков со всем их семейством числом более 3000, не включая толикого ж и християн, которое превосходило во многом его деташамент и с большим трудом ведено было. Количество сие большое вводит меня в новые заботы, в рассуждении безопасного препровождения их без оскуднения сил в войске и поселения в местах надежных. Предводительствовавший сим деташаментом полковник Кличка в сих подвигах явил отличное свое ревнование к службе вашего императорского величества, так как и генерал-майор Суворов, мужественно и благоискусно возложенное на него дело совершивший, а особливо генерал граф Салтыков при сем последнем действии на Туртукай, поспешным строением судов исполнению оного подал лучший и удобнейший способ; и как он, так и ге-

нерал-порутчик Потемкин при сем и всяком случае на пользу дел вашего императорского величества благоразумными в частях их распоряжениями заслуживают всевысочайшее и всемилостивейшее вашего императорского величества благоволение, которого для их, и прочих при сем деле участвовавших, в усердии к службе вашего императорского величества и мужестве отличившихся осмеливаюсь испросить.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 97—99. Подлинник. Частично опубликовано в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 227—228.

№ 312

1773 г. мая 23. — ИЗ «ЖУРНАЛА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ 1-й АРМИИ». ТЕКСТ МАНИФЕСТА П. А. РУМЯНЦЕВА К НАСЕЛЕНИЮ БОЛГАРИИ В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ РУССКИХ ВОЙСК НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ

В Бессарабии генерал-майор князь Голицын с Московским и Тверским карабинерными полками переправился на остров и того ж дня генерал-майор барон фон Вейсман прибыл с корпусом к большому Бабадакскому мосту расстоянием от Тулчи 28-мь верст, а в каком числе людей и артиллерии состоял означенный корпус и сколько оставлено каких войск для охранения той стороны, при сем прилагаются ведомости. А дабы обнадежить вообще турецких жителей о спокойном их пребывании во время движения наших войск за Дунаем, его сиятельство господин фельдмаршал послал Вейсману в экземплярах на турецком, на булгарском, на волоском и на греческом языках изданный к ним манифест, чтоб обвестить оной во области Задунайской, а содержание онаго было следующее:

Граф Петр Румянцов, ее императорского величества самодержицы всероссийской всемилостивейшей государыни моей генерал-фельдмаршал, повелевающий первою армиею, Малороссийский генерал-губернатор, Коллегии президент, российских орденов святых апостола Андрея, Александра Невского, военного, победоносца Георгия и Голстинского святыя Анны кавалер, объявляю всем жителям и всякого звания живущим в области турецкой на правой стороне реки Дуная, как благочестивым христианам, так и исповедающим закон магометов.

Неможно не знать каждому, а паче живущим в сих странах, где войски турецкие еще имеют свое пребывание, коликими над

ними победами в войну нынешнюю благословил всевышний оружие российское на обоих берегах реки Дуная, но распространение вдаль завоеваний и всякое неприязненное действие удержаны были в прошедшем году, коль Порта Оттоманская искала мира, и по колику всемилостивейшая наша самодержица, следуя природным в ней и высокой добродетели чувствам, снизошла к сему предложению, яко делу спасительному, искренним согласием со всякою и наибольшее умеренностью, хотевши видеть паче торжественных побед восстановление тишины народной.

Чтоб не быть проливаемой более человеческой крови и дабы совсем не могли уже возвратиться бедствия военные между обеих империй, то сие истинную благость в себе имели все с стороны ее императорского величества бескорыстные намерения и предложения к миру к благопризнанию целого света. Не сделали однакож сии блаженные расположения своего плода, сколь ни были они для всех ощутительны, по единой Порты непреоборимой претительности к восстановлению покоя и тишины; потому с окончанием перемирия восприяла российская императорская армия и паки свои военные действия, приступая теперь перенести твердым образом свое оружие за реку Дунай, как уже видят частно[1] то исполняемым в открытие сей кампании.

Предуведомляя о том всех и каждого жителей сопротивной стороны Дуная, подаю я вместе и то им обнадеживание, что лютость и грабление никогда не были и не будут свойством российских войск, что меч казни и отомщения простираем мы только на одних противящихся неприятелей и благотворим, напротив, всякому прибегающему под защиту российского оружия и оному повинующемуся. Примером сего последнего суть все обыватели, покойно всем своим добром пользующиеся, в странах, завоеванием в руки россиян доставшихся, и еще пример новейший подают многие семьи самых турков, которые теперь при разбитии неприятеля при Бабадах и при Карасуй добровольно просили себе приселения на левой берег Дуная и приняты здесь нами с обязательством всякого им благодеяния.

Равным образом все протчие, как христине, так и турки, обитающие за Дунаем, да надеются тех же самых благотворений при вступлении в их пределы российской армии, что они, если не возьмут участия обще с неприятелем в воспротивлении или ко вредному какому-либо действию, покровительством сего ж оружия охранены будут от всякого им злоключения, поживут каждой по состоянию своему, воин отложивший оружие, торговщик и земледелец и со всем добром, им принадлежащим. Безмятежно и пользуясь оным найдут в российском войске ко всем им нуждам по всей возможности добротворителей, как в пребывании их в своих местах, так и в переселении, ежели б они того сами пожелали, в другие.

---

[1] Частично.

И сие дознают все и каждой уверившейся и полагающейся в том на мое слово и события да ожидают, пребывая с спокойными духом живущие в городах и деревнях всякого звания христиане и турки, и да не укрываются от лица оружия российского, которое ни как не ударяет, как выше я сказал, на повинующихся, но на одних только противников оному.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1955, л. 29 об. — 31 об.
«Журнал военных действий 1-й армии». Копия.

№ 313

1773 г. мая 24. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА О.-А. ВЕЙСМАНУ О ДВИЖЕНИИ ГЛАВНОГО КОРПУСА К ГИРСОВУ И УСТАНОВЛЕНИИ ВЗАИМНОЙ СВЯЗИ

№ 158

По пунктам моих предположений и по соображению самых известий, что с верхней части Валахии ко мне приходят о собрании большою частию в той стороне неприятельских войск, я теперь с главным корпусом армии иду вдоль реки Дуная к Гирсову и прибуду к той высоте между 27 и 28 сего майя, а с того места всякую переправу учинить чрез Дунай в содействие с вами и давать помощь где потребно бы и на здешнем берегу, смотря по обстоятельствам собственных наших или напротив от неприятеля явленных предприятий, поставлю я себя в лучшую удобность. Ваше превосходительство по настоящему вашему движению совершенно удостовериться можете о состоянии неприятельских сил в нижней части, нежели мы о том известны чрез показания часто противоречущие одно другому, а уважая на известия, что гласят их движение наибольше вверх, полагаюсь я с полною доверенностию на искусство ваше, что вы при своих оборотах за Дунаем всю должную воспримете осторожность в свою безопасность от стороны моря и от стороны вас вверх противолежащей, располагая по мере оного и по мере своих сил всякой свой поиск на неприятеля. Я препоручил вашему превосходительству связать свою коммуникацию с Гирсовым, коль только дойдете против высот наравне оному, и считая, что вы уже того теперь достигли, препровождаю сей мой ордер чрез руки тамошнего коменданта, которому приказал я с своей стороны к утверждению того сообщения способствовать и отселе уже вы своих курьеров ко мне отправляйте чрез реченный пост наш Гирсовский, уведомляя о всем том меня наичастее, что вы предпримите и что в рассуждении положения неприятельского приметите собственным обзором или по известиям. Впрочем я уверен остаюсь в вашем благоразумии и в вашей попечительности с стороны всех учреждений, которых требует ваше настоящее

положение. Предваряя ложные рассеяния, которые могут дойти и до вашего слуха об одном неудачном поиске, 15 сего месяца произведенном, в части г. генерала графа Салтыкова на один неприятельский пост в левую нашу руку в 15-ти верстах от Рущука на той стороне Дуная, даю я вам знать, что потеря тут наша наибольше состоит в особе полковника князя Репнина[1], которой достался в полон. Впрочем изо всего деташамента человек с двести считается убитыми и безвестно пропалыми и сия утрата коль по себе неважна, не переменит в чем в той стороне нашего положения.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 452 об. — 453 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 314

1773 г. мая 26. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА И. П. САЛТЫКОВУ О ПОДГОТОВКЕ ДЕМОНСТРАТИВНОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА ТУРНУ С ЦЕЛЬЮ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРОТИВНИКА К ЭТОМУ РАЙОНУ

№ 163

Обстоятельства настоящие требуют весьма согласного повсюду произведения намеряемых нами поисков, а и нет сомнения, чтобы неприятель не предполагал против оных разные и одни делом, а другие видом трудности и препятствия, а сего ради отделенными частьми командующим употреблять надлежит все способы к уничтожению его прямых покушений и к обращению себе на пользу обманных. Вашему сиятельству по положению дел настоящих надлежит неприятеля оттягать сколько можно от нижней части Дуная и привязывать его к верхней и разделить его внимание. Потому поиск на Орсова, намеренной полковником Уваровым (ежели он возьмет надлежащую осторожность, чтоб от Видина в отсутствие из Крайова не был посещен прежде своего возвращения), может неприятелю сделать беспокойство оказанием и там наших поисков; но Турно есть, по мнению моему, теперь пунктом деликатным для неприятеля и всякой вид

[1] Для воспрепятствования свободному плаванию русских судов по Дунаю турки выставили небольшой отряд на берегу реки при деревне Мавродин, в 20 км ниже Рущука. Для внезапного нападения на этот лагерь Салтыков выделил отряд Репнина, который отплыл на рассвете 15 мая. Русские суда были встречены пушечным и ружейным огнем, от которого все лодки были вынуждены, не приставая к берегу, спуститься вниз по реке к деревне Табан. Несмотря на это, Репнин предполагал вновь подняться вверх по Дунаю, овладеть Мавродиным. Противник, собрав крупные силы, атаковал отряд Репнина и принудил к отступлению. Решившись отступить, Репнин с горстью людей остался в своей лодке, чтобы обеспечить посадку арьергарда на суда. Однако туркам удалось окружить арьергард и помешать ему отплыть, причем на судне, на котором находился Репнин, турки обрубили руль, в результате чего оно и было захвачено в плен.

на оную подаст ему зависть. Казалось бы, не из времени теперь делать к тому демонстрации, грозя осадою на самую Никополь, и приготовливать чрез поселян туры, лестницы и фашины, а и в самом Букореште некоторое сделать разглашение приуготовлением числа надобного лесу на плоты на Ольте и собранием фур и волов и людей, знающих сие место, и указать им некоторые места для сборов, где бы ближе открылось намерение, а притом некоторым движением противу оной крепости и оказать обозрение наше. Вашему сиятельству прилагаю при сем копию ордера г. бригадиру Медеру, от меня данного, а потому и надлежит вам указать ему места, где бы работники, явясь, могли обращены быть и в самом деле на делание плотов на Ольте, а другие вида ради на делание туров и фашин, а в самом деле на приготовление запасного сена и на другие потребы для войск.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 455 об.— 456. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 315

1773 г. мая 26. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ СОВЕТОВ ОТ ПОДЧИНЕННЫХ ЕМУ ГЕНЕРАЛОВ ПРИ ПОДГОТОВКЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ[1]

№ 168 *Браилов*

Настоящее время есть одно из тех, чтоб не оставлять никому на будущее время случая осуждать или нарекать в упущении где-либо пользы над неприятелем, а сего ради господа командующие в предполагаемых намерениях на поиски, диверсии и обороны имеют требовать от подчиненных им генералов порознь советов, как и каким быть образом удобнее намеряемое в действо произвесть, сообщая им о причинах, кои сих поисков или оборотов требовать будут и о внутреннем состоянии его части, и в связи с ним содействующих; и как сделанные от командующего объявлении подчиненным, так ему мнении и голоса, подаваемые от подчиненных, держать в непроницательной тайне; где ж подобной случай совета требовать, и что на оном поставлено будет, как меня обо всем так и прикосновенных о том, что до их части относительно будет, немедленно уведомлять.

Румянцов

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 32, л. 102. Подлинник.

---

[1] Аналогичные ордера были посланы и другим генералам.

№ 316

1773 г. мая 28. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ПРОТИВНИКА, ПЕРЕПРАВИВШЕГОСЯ НА ОСТРОВА

№ 181 *Лагерь при р. Яломице*

В том мнении будучи по предыдущим рапортам вашим, что ваше превосходительство стараетесь занять неприятеля своими действиями на Росовату, получаю ваш рапорт от 27-го, что неприятель в силах продолжает свою переправу против вас на остров[1]. Такому предприятию полагать причин я других не могу, как сии, что он не узнает о движении на сопротивной стороне наших сил или же то движение мня быть от вашего корпуса деланным, считает потому найти на нашем берегу ваш пост ослабленным, против которого и устремляется. В таком случае довлеет мне обнадежить себя вашим искусством и осмотрительностию, что ваше превосходительство возьмете свои меры уловить тут неприятеля к собственной его пагубе, ибо нам его завесть лучше нельзя, как он сам теперь стремится. Но быть может и еще третья причина сему оказательству, то есть, что неприятель, маскируя против вашей дистанции малейшим числом людей, обращает свои силы против корпуса г. Вейсмана, и на сие должно не меньше внимать вашему превосходительству, поелику к проницанию и ко благоучреждению вашему теперь наипаче относится, чтоб не допустить к тому неприятеля, грозя ему всеми виды знаменующими готовой от вашей стороны на его удар при всяком таковом его отделении. Ваше превосходительство выше упомянутым своим обвещанием о переправе неприятельской обратили все мое к вам внимание, но в таком положении после первого рапорта, я не имею от вас доселе дальших уведомлений, которые должны следовать один по другом без промедления, потому и примите вы навсегда за правило, чтоб естьли где откроются неприятельские действия, столько о первом их явлении, сколько и как продолжаться будут или же исчезнут, подавать бесперебойно, как ко мне извести, а так равномерно и прикосновенным себя частям.

Г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 32, л. 106—106 об.
Подлинник.

---

[1] Ниже Орсовы Дунай во многих местах делится на рукава, между которыми образуются острова, имевшие большое значение как для оборонительных, так и для наступательных целей обеих армий.

№ 317

1773 г. мая 30. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПЕРЕПРАВЕ КОРПУСА ГЕНЕРАЛА О.-А. ВЕЙСМАНА ЧЕРЕЗ ДУНАЙ И О СРАЖЕНИИ ПРИ РЕКЕ КАРАСУ

№ 15 *Лагерь при р. Яломице*

Вследствие всеподданнейшего моего донесения от 17-го сего месяца[1] продолжал я движение с главным корпусом армии от Фокшан к Браилову, где намерялся переправить часть войска в усилие на той стороне находящемусь; но от переправы, там хотя удобной, нашлись лежащие проходы от Мачина до Гирсова столь тесны и между каменных гор, коих и расширить не можно, что не только артиллерию, да и простые повозки без большой остановки провесть нельзя по ним; и сколь сей ради трудности, так и по доходящим известиям из-за Дуная от генерала-майора Вейсмана, достигавшего уже высоты Гирсова, что не только неприятеля, но и жителей в той стороне нигде он не находил, а, напротив, от генерала графа Салтыкова и генерала-порутчика Потемкина имея уведомление, что неприятель от дня в день против них усиливается и открывает разные виды, угрожающие им поисками, пошел я на реку Яломицу и вступил 27-го числа в сей лагерь положением недалеко от устья оной, чтобы мне, как в той же всеподданнейшей доносил вашему императорскому величеству, быть ближе на всякой случай на обоих берегах. Тут на другой день моего прибытия получил я от генерала-майора барона Вейсмана, который по моему предположению, о коем вместе с вышеписанным имел я честь предуведомить ваше императорское величество, переправясь с своим корпусом чрез Дунай при Тулче, следовал во время моего движения вдоль реки Дуная, по другой стороне оной до высоты Карасу, где долженствовал он простерти свой поиск на неприятельской корпус, в околичности того места расположенный, и предводимый по известиям до селе бывшим Абды-пашею чрез Гирсов, вкратце рапорт, который пополнить вскоре имел обстоятельным, что он во исполнение того 27-го мая в 8-м часов поутру атаковал неприятельский корпус при Карасу, состоявший в 12 000 под командою Абдулла арнаут и Черкес-Хассан-паши, да татарского солтана Башмет-Гирея, и одержал над оным совершенную победу, хотя пехота их упорно держалась в ретранжаменте, причем неприятеля 1100 человек пало убитыми, 100 в полон взято, а в добыч получено 16 пушек, 9 знамен, весь неприятельский лагерь и обоз. Неприятель, там разбитый, бежал по дороге к Базарчику и преследован к вящ-

---

[1] См. документ № 311.

шему его вреду от наших войск. Наш урон в сем деле, сколько по скорости мог узнать генерал-майор Вейсман, состоит в убитых двух офицерах, в 50-ти рядовых; ранено обер-офицеров 5, нижних чинов 160, казаков убито 12, ранено 19. Сию победу торжествует армия, вашего императорского величества, принося всевышнему благодарственные молитвы с пушечною пальбою, и о которой дерзаю мое всеподданнейшее повергнуть к стопам вашего императорского величества поздравление.

При сем подношу продолжение дневной записки из уведомлений, полученных по отправлении моего последнего донесения, в ней соизволите усмотреть, всемилостивейшая государыня, одно неприятное происшествие в верхней части Валахии, что полковник и кавалер князь Репнин, быв отделен от генерала графа Салтыкова сорвать пост неприятельской, на сопротивном берегу Дуная расположенный, получа три раны, достался неприятелю в полон, в чем состоит наша тут потеря. Не видя всех обстоятельств сего происшествия, не смел я вашему императорскому величеству сделать донесения; а теперь, отобрав, подношу о том ведомость, присланную мне от графа Салтыкова, равно и выписку из его рапортов, коим образом сие действие происходило. Случай сей и утрата в нем небольшого числа людей не составляют по себе ничего важного ниже перемену какую-либо нанесть могли в нашем положении; прискорбно только для меня наиболее случившееся с князем Репниным, как офицером отличных достоинств и исполненным мужества и ревности к службе, который знаменитым образом оказал себя и в сем случае, оставаясь последним на берегу во спасение своих подчиненных, кои однакоже как из собственных их рапортов, у сего в копии подносимых, явствует, не отвечали его похвальным расположениям, и не учинили ничего должного на оборону и во избавление своего предводителя, и над которыми приказал я держать военный суд по всей строгости закона, чтобы впредь подобные и непростительные офицеров отговорки места не имели, ибо всегда во всяком благополучном действии офицеры присвояют себе весь успех и получают воздаяние, то равным образом отвечать они должны за все случившееся ко вреду, не слагая на одних солдат, коим должны они давать собою пример, и их понуждать суровыми образы в надобных случаях.

Теперь я, всемилостивейшая государыня, связал мое сообщение чрез Дунай посредством в руках наших состоящего замка Гирсовского [1], с корпусом генерала-майора Вейсмана, который на равной и близкой высоте уже стал с тем нашим постом, должен прежде с осмотрительностию внимать, какое действие произведет в неприятельском положении войск наших движение

---

[1] Румянцев считал крепость Гирсово важнейшим плацдармом на правом берегу Дуная для намечавшегося им развертывания наступательных действий против турок в северной Болгарии.

за Дунаем и одержанные ими там победы, и что против оных или же на наш берег предпримет в вышней части Валахии собравший силы свои неприятель и какие уведомления подаст мне капитан Третьяков на обозрение неприятельского флота и движения его вышедший с Дунайскою флотилью в Черное море; в сем месте, будучи с главным корпусом армии, поставлю я себе в лутчую удобность учинить и переправу за Дунай [1], в соединение с корпусом фон Вейсмана и обратиться, где бы нужны были подкрепление и помощь другим частям и на здешнем берегу, смотря по обстоятельствам собственных наших или напротив от неприятеля явленных предприятий. Сей переход за Дунай весьма лестен мне для моего честолюбия; но воззря на все должные уважения к пользе, выгодам и на самую славу оружия вашего, с оным деликатным пунктом сопряженные, и которые я всему предпочитая и натурально всю тягость, какова на полководце в подобных обстоятельствах лежит, чувствовать должен, не без причины опасаюсь, чтоб, по обширности краю и оскуднению сил, неприятель, где-нибудь не успел в своих напротив нас предприятиях, и при лучших наших успехах на той стороне не затруднил обратную переправу и доставление пропитания, и не разорил бы здешние наши запасы...

Граф *Петр Румянцов*

P. S. При самом окончании моей всеподданнейшей получил я чрез секунд-майора князя Гаврила Гагарина обстоятельной рапорт от генерала-майора Вейсмана о победе, им одержанной над неприятельским корпусом, о которой я донес из краткого его уведомления: и оной в копии при сем к высочайшему усмотрению вашего императорского величества имею честь представить объявление от пленных тут написанное [2], что при Силистре неприятель войска имеет до тридцати тысяч при шести пашах, и что визирь еще стоит при Шумле с своим войском и хочет там все лето пробыть, да и от генерала-порутчика Потемкина от 29-го полученные известия, что сверху Дуная на двадцать судах привезенное войско высадил тот день неприятель на берег у Силистры, заставляют меня с тем большею осмотрительностию взирать наипаче на свой берег и размерять великою осторожностию переход на сопротивной.

Румянцов

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 109—112. Подлинник. Частично опубликовано в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 228—229.

---

[1] Переправившись лично на правую сторону и произведя разведку в районе Гирсово, Румянцев убедился в том, что этот пункт неудобен для переправы и решил переправляться у Гуробал (см. следующий документ № 318).

[2] Не публикуются.

№ 318

1773 г. июня 2. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА О.-А. ВЕЙСМАНУ О ПРЕДСТОЯЩЕЙ ПЕРЕПРАВЕ ГЛАВНЫХ СИЛ РУССКОЙ АРМИИ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ

№ 203

Ваш рапорт под № 177 я получил [1], я теперь имею вас уведомить о следующем: быв вчерашний день в Гирсове, осматривал я собою тамошнюю переправу за Дунай. Я нашел настоящую весьма затруднительную и на далеком расстоянии, потому все меры приемлю сократить ее чрез другие места и подать лучшую удобность к перевозу, а достигнув в том ближайшей способности, не замедлю переправиться с главным корпусом за Дунай. Во мне самом я дам пример всем чинам, чтоб не брать экипажей, увеличивающих обозы, а имея по расчислению одни только легкие повозки с собою, мы можем и переправу и свое движение скорее учинить. Я не полагаю, чтоб неприятель сильнее был в здешней стороне, нежели в вышней части, к тому ж мы входим теперь в такую позицию, что равные силы наши против него будут на обеих сторонах. Я требую ныне от г. генерал-порутчика Потемкина его мнения, какой он с своей стороны залучше и полезнее рассудит произвесть поиск на неприятеля чрез Дунай, тогда как главной корпус сделает свое движение по сопротивной стороне до Гуробаль и далее к Силистрии, и где он переправу свою учинит. Я не надеюсь, чтоб неприятель, наши войски на своем берегу видя, больше помышлял о переходе на здешнюю сторону, нежели принимался оным противостоять, ибо он дознал неоднократно во всяком на наш берег предприятий ноги нашей твердость; но и тут, предохраняя все могущее быть от него попытки, велел я, как графу Салтыкову, так и г. Потемкину разными от их частей демонстрациями занимать оного и держать в ретекте [2], поставив себя со всеми осторожностями на отражение всякого впадения. Как я учиню свою переправу при Гирсове, ваше превосходительство будете от меня немедленно уведомлены, равно и о всех дальших моих расположениях, в которых не кладу я быть медлению, ведя войско на сопротивную сторону сколько можно налегке в рассуждении всего того, что к бою не служит, а в марше и действии есть тягостью. Сей час я получил уведомление от г. Потемкина по дошедшим к нему известиям, что г. обер-квартермистр Фрид и полковник Денисов от Рисоваты или Гуробаль понуждены превосходным числом турков к ретираде и что в преследовании

---

[1] Рапорт от 28 мая 1773 г. о победе при Карасу в Сборнике не публикуется.

[2] Так в оригинале, вероятно, следует «в решпекте».

неприятель ранил двух казаков, и как [в] бытность там нашей партии согласует с рапортом ко мне о том вашего превосходительства, то и ожидаю от вас обстоятельного уведомления, что случилось с г. Фридом и в каком он положении и силах обозрел там неприятеля.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 466 об. — 467 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 319

1773 г. июня 3. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА О.-А. ВЕЙСМАНУ О ДВИЖЕНИИ К ГУРОБАЛУ В СВЯЗИ С ПРЕДСТОЯЩЕЙ ПЕРЕПРАВОЙ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ ГЛАВНЫХ СИЛ АРМИИ

№ 207

По многим неудобствам одной переправы при Гирсове чрез Дунай, а и по удостоверению вашему и г. генерал-майора Муромцева, исправляющего должность при армии генерал-квартермистра, что по той стороне непроходимые дороги, подвинусь я с главным корпусом по здешнему берегу до высоты Гуробальской и обращу туда снизу приведенные суда и, соединивши их с теми, что в части г. Потемкина, могу удобнее, оставя все обозы, перевезти налегке войска на сопротивной берег в содействие с вами, как требовать того будут обстоятельства. Я имею от г. Потемкина уведомления, какову он с своей стороны находит удобность к переправе при Гуробалах и восколько может к тому месту с корпусом притить из настоящей его позиции, и сообщаю оные вам в копии рапорта, а от вас также хочу быть уведомленным, которого числа выступите вы от Карасу, полагаете прибыть к Гуробалам и какие на случай своего движения сделаете распоряжения; батальоны гранодерской г. Галахова и егерской барона Ферзена найдете ли запотребно употребить с собою и наместо их для прикрытия обозов оставите из слабых и неспособных вашего корпуса, понести форсированные марши; также господина полковника Огарева на посту ли в Черной воде оставите, или отправьте его с оными в Гирсов, дабы от здешнего корпуса отряженная в тот замок команда могла быть взята к своим полкам, и какое место вы определите для своего тяжелого обозу, на все сие о своих распоряжениях дайте мне знать.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 469—469 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 320

1773 г. июня 4. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ А. В. СУВОРОВУ О ПРОВЕДЕНИИ ПОИСКА НА ТУРТУКАЙ

№ 212

Для выигрывания времени хотел я беспосредственно вас уведомить, что меры здесь взятые, по которым г. генерал-майор и кавалер барон Вейсман 7 сего месяца поутру предполагает пост неприятельской атаковать в Гуробалах и к тому же времени в содействие имеет свои войски на сопротивной берег высадить г. генерал-порутчик и кавалер Потемкин, и хотя заточно сказать еще нельзя, но сколь обстоятельства подали б к тому возможность, то вскоре затем те наши войски сделают опыт и на неприятельской корпус при Силистрии, а я, отсюду завтрашний день выступя, пойду и сам с главным корпусом к высоте Гуробальской.

При таких наших предположениях от сей стороны рекомендовал я г. генералу и кавалеру графу Салтыкову усилить вашу часть потребным войском, дабы вы, пользуясь смятением внизу неприятельским, в которое должны поставить его по вышеписанному предприемлемые действия, учинили от своего поста поиск на Туртукай; и между тем, пока вы будете иметь от реченного генерала потребную резолюцию, не упускайте наиприлежнее наблюдать его положение, в котором натурально должны последовать перемены по здешним действиям, а потому и оставляю на ваше искусство и предприимчивость воспользоваться в таком случае над неприятелем всем возможным. Но буди по усмотрению вашему предстали бы важные препятствия, или же бы находили вы и вовсе невозможность против сил неприятельских на сем Туртукайском посте учинить формальной поиск, то хотя демонстрациями своих к тому намерений, избирая по локальному усмотрению все лучшие к тому способы, старайтесь озаботить неприятеля, чтоб он по вниманию на ваши предприятия не мог к другим местам дать помощи, но паче повергнут был вообще в смятение, которое собою дать может дорогу к дальшим пользам, внимающим военным глазом и проницанием в расположение оного [1].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 471 об.— 472. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

---

[1] 4 июня Румянцев информировал И. П. Салтыкова о назначенной на 7 июня атаке противника у Гуробала корпусом Вейсмана во взаимодействии с корпусом Г. А. Потемкина и о предполагавшемся в дальнейшем наступлении на Силистрию. От И. П. Салтыкова Румянцев требовал тщательно наблюдать за противником, не позволять ему отделить силы на помощь атакованному участку и в случае замешательства турок активно действовать по обстановке. Там же Румянцев подтвердил приказание о проведении Суворовым поиска на Туртукай. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 472—473 об.)

№ 321

1773 г. июня 5. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О СОДЕЙСТВИИ ВОЙСКАМ О.-А. ВЕЙСМАНА В ЗАНЯТИИ ГУРОБАЛА [1]

№ 218 *д. Факоени*

Сей час получа ваш рапорт под № 120, спешу и вам изъяснить мои мысли: уменьшение лагеря Осман-паши, может быть, происходит и от того, как вы думаете, что неприятель свои войски в крепость вводит, но статься также может, что он их и отделяет и на какое-либо предприятие. Уверен я остаюсь в вашем благоразумии, что в толь деликатном пункте и моменте наиприлежнейше наблюдите вы свою осторожность и предприимчивость, вследствие моих один по другом идущих к вам ордеров, в содействии предприятиям г. Вейсмана, дабы неприятель нимало не мог успеть, обратя на него все силы. Делом проницания вашего будет угадать в сем кризе, к чему клонятся обороты неприятельские и во опровержение оных взять свои меры. И естьли б не могли вы по каким-либо неожидаемым препятствиям или, имев не меньше полезной повод в другом месте одержать успех, соединить свои действия с действиями г. Вейсмана, то однакож спомоществовать долженствуете ему с своей стороны удобными демонстрациями, во отвлечение и замешательство неприятеля. Еще я вам подтверждаю, во чтоб ни стало, разумея награждение, достать с неприятельской стороны языка, чтоб узнать прямо его намерения и силы. А с г. Вейсманом старайтесь иметь чрез Дунай беспрерывную переписку, дабы каждой друг другу с своей стороны примеченное о неприятеле, прикрывая, могли потому лучшим образом согласить свои против него действия. Для удобнейшего содействия вы можете от себя на такой случай отделить свои обозы в свой тыл, ибо столько имеете кавалерии, что оною и их обеспечить и еще чрез демонстрации неприятеля занимать можете.

Весьма потребно по настоящим обстоятельствам иметь здесь таких людей, которые бы отсюду протоками знали ход и пристани к Расовате и выше, чтоб можно и отселе восстановить мне

---

[1] Готовя переправу на правый берег Дуная, П. А. Румянцев обращал внимание на мельчайшие подробности ее подготовки и по нескольку раз в день посылал предписания в корпуса Вейсмана и Потемкина, согласуя их действия таким образом, чтобы они имели возможность одновременно атаковать противника при Гуробале. Генерал-поручику Потемкину было послано несколько ордеров, чтобы он выделил часть своего отряда для содействия генерал-майору Вейсману, а с другой частью сделал поиск на лагерь Осман-паши, стоявший в 4 верстах выше Силистрии.

сообщение с г. Вейсманом, а в случае потребном и высадить войски. Естьли у вас есть такие люди, неумедлите прислать ко мне оных.

Г[раф] *Румянцов*

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 32, л. 118—118 об. Подлинник.

№ 322

1773 г. июня 8. — ДИСПОЗИЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ДЛЯ ПЕРЕПРАВЫ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ ПРИ УРОЧИЩЕ ГУРОБАЛ

...В сей день дано от его сиятельства господина генерала-фельдмаршала повеление главному корпусу изготовиться к переправе чрез Дунай по объявленной при том диспозиции, которая состояла в следующем:

1-я линия

Наперед переправляться полевой артиллерии № 1-го, 1-й гранодерской, Куринской и половина № 2-го, потом вся гаубтквартира.

Другая половина № 2-го, Санкт-Петербургской, 3-й гранодерской и артиллерии № 3-го, Сибирской и Рязанской карабинерные.

2-я линия

№ 6-го артиллерии, Севской, 2-й Московской, половина № 5, 2-я половина № 5-го, Старооскольской, Новгородской и № 4-го.

Кавалерия: Ригской и гусарской Острогожской.

Генералитеты при своих частях и бригадах.

Напоследок переправляются Донской казачий полк и пионерный батальон.

Обозы все повелено при токой переправе отправить в вагенбург, которой устроить на назначиваемом удобном месте, а с собою иметь генералам и полковникам каждому по две, штаб-офицерам по одной, обер-офицерам на роту по одной, провианту на наличное число, полагая в том и четырехдневный, что на людях на 15 дней, рогаточные роспуски все, кузнечные в каждом полку по одной, лазаретные все, палаток половинное число, маркетентеров по одному куреню в полку, аптечных ящиков в бригаду по одному.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1955, л. 79—80. «Журнал военных действий 1-й армии за 1773 год». Копия. Опубликовано в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 230—231.

№ 323

1773 г. июня 9. — ОБЩИЕ УКАЗАНИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА О ПОСТРОЕНИИ БОЕВОГО ПОРЯДКА И ДЕЙСТВИЯХ РОДОВ ВОЙСК НА СЛУЧАЙ БОЯ ПОСЛЕ ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ ДУНАЙ[1]

Правила генеральные, что должны быть наблюдаемы, доколе через рекогносцирование получается лучшие сведения о неприятельском положении[2].

1-е. Всякой корпус должен построен быть в каре продолговатой так, чтоб боковые фасы половину фрунтового фаса имели, а гранодеры полков, делающих фланги, сведены были на сии.

2-е. Полевая артиллерия делится на 6 №; разделяясь в кордебаталии на средине последнего фаса, то-есть: 1-й № 10 орудий, а на прочих по 4. В том числе 4 гаубицы по флангам, в прочих корпусах разделяют оную командующие генералы по своему благоизобретению.

3-е. Кавалерию всю построить в две шеренги между кареями, равняясь по задней линии и имея в ней самые малые интервалы не более как на взвод.

4-е. От боковых каре для прикрытия флангов оных егерям составлять особливые кареи с 4-мя полковыми орудиями, за оными казачьи полки.

5-е. Кавалерии огненного ружья на собственной себе вред под ответом полковых командиров отнюдь не употреблять, ниже оставлять свое место без повеления, разве бы неприятельская конница фланг их искала, то в таком случае фланговым шквадронам, очистя место егерским кареям на употребление их артиллерии и огня ружейного, взять таковую позицию, чтоб в состоянии быть всегда их подкреплять. Ежели б неприятель действительно в бег обратился и господа командующие повелят атаковать, тогда держа возможным образом свою линию, поражать неприятеля без всякой пощады и пленными в первоначальных поражениях себя не отягощать. В случае ж иногда сильного упору, которому быть однакож не чается, естьли всяк свою должность исполнять будет, отступить в свой интервал с поряд-

---

[1] 9 июня главная армия начала переправу через Дунай, которая закончилась 10-го; 11 июня в легкой казачьей лодке Дунай переплыл и П. А. Румянцев. Для дальнейших действий за Дунаем Румянцев составил особый боевой порядок и расписание армии. Правым крылом армии было поручено командовать генерал-поручику Ступишину, левым — генерал-поручику Потемкину, центр состоял под командой самого Румянцева, которым была составлена специальная диспозиция на случай боя с противником.

[2] Заголовок подлинника.

ком, где кто стоял. Но при том ведать, что инако поступивший и лишающий себя собственной обороны чрез замешательство иногда пехоты, понесет всю жестокость казни, предписанной в военном уставе.

6-е. Пехоте надлежит при всяком случае, где приказано будет на неприятеля наступать и особливо на овладение батареи и окопов, держа весь порядок в строю и со всем военным звуком итти поспешно, чтоб не медлить под неприятельским огнем, которой артиллерия должна своими ужасными залпами к молчанию привесть. Искусство артиллеристов наставит их производить огонь в содействие и облегчение одного пред другим больше терпящего огонь неприятельской, а особливо стараться, открыв неприятельские линии, их амфилировать. Делом будет искусства и проницания самых господ предводителей, чтоб, пользуясь действием артиллерии, открывать слабую сторону неприятельскую и его фланкировать, в чем я и полагаюсь на их благоразумие. В таком предприятии, каковое перенестись за реку Дунай и там произвесть на неприятеля свое оружие, не сомневаюсь я, что всяк усердную волю свою к службе при каждом действии покажет, коль сие предприемлемо во исполнение высочайшей воли нашей всемилостивейшей государыни и поелику на таковы наши действия целой свет обратит свое зрение. Тут добрая заслуга каждого измерена будет при воздаянии ценою сих великих уважений, как и напротив изобличенные в нерадении и в других предосудительных поступках службе долженствуют ожидать, что им возмерится судом всея строгости.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 479—480. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 324

1773 г. июня 12. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА И. П. САЛТЫКОВУ С СООБЩЕНИЕМ О ПЕРЕПРАВЕ ГЛАВНЫХ СИЛ РУССКОЙ АРМИИ ЧЕРЕЗ ДУНАЙ И НАЧАВШЕМСЯ СРАЖЕНИИ У СИЛИСТРИИ

№ 223

Сим даю знать вашему сиятельству, что главной корпус по переправе благополучно чрез реку Дунай уже соединился на сей стороне с корпусами генерал-порутчика Потемкина и генерал-майора барона Вейсмана и сам я с вчерашнего дня при сих войсках нахожусь за Дунаем. Передовой корпус под командою г. генерал-порутчика Ступишина из сего лагеря сей день выступил вперед к стороне Силистрии, а вслед туда же и я пойду

с частью главною. Ваше сиятельство с своей стороны предпринимайте действия на пользу службы, как я вас предварил о том моим ордером под № 222 [1], и сколько собственное ваше искусство и на месте обозрение преподадут вам к тому ближайшие способы, ибо я действую здесь на неприятеля не только удален видеть в вашей стороне его положение, но и от самих вас в сих днях ничего не слышу об оном, равномерно и что вы делаете или делать намерены, а потому и не могу в неизвестности такой располагать тем, что предостается собственной вашей предприимчивости, учредить теперь обороты вверенного вам оружия на поражение неприятеля, который угнетен и отвлечен без сомнения будет наступлением на него с сей стороны. Я уверен о усердии вашего сиятельства, и что вы своей части не оставите в недействии, когда другие всемерно трудиться будут, распространить наши поверхности над неприятелем. Я повторяю только в сей доброй надежде, чтоб ваше сиятельство уведомили меня, которое место для переправы своей чрез Дунай изберете лучшим и сколько с собою войска возьмете и на обеспечение левой стороны оставите оною, и на которой неприятельской пост будут, во-первых, ваши действия. О всем таковом, и что в неприятельском положении приметите, подавайте мне беспрерывно уведомления. Чрез г. бригадира Медера по дошедшим к нему известиям, я теперь слышу, что теперь из самого города Крайова и изо всей тамошней околичности жители до последнего сквозь наши пикеты разбежались от тревоги, происшедшей 3-го числа сего меяца, когда от неприятеля в Черной был наш пост атакован. От вас я не имею уведомлений, что неприятель вступил в Банат в большом числе войск, а когда жители скрылись в горы и селения пусты, то вам в той стороне не ту уже стражу иметь должно, которая нужна была на обережение оной, а только надзирать в том краю, чтоб неприятель не зашел в ваш тыл, впрочем склонение его в ту сторону, естьли бог благословит здесь наши успехи, быть не может для нас опасным. Приведенный теперь молдаван из Силистрии объявляет, что третьего дни от Рущука пришло туда до сорока судов с провиантом без всякого прикрытия. Я вашему сиятельству уже предлагаю, чтоб все способы употребить на пресечение хода в Дунае неприятельских судов и теперь сие самое подтверждаю. Никогда не сделано пробы на такой поиск, войдите рассуждением в сей пункт, сколь он немаловажен, ибо один разбивши транспорт, потаетца страх неприятелю посылать все другие, а по крайней мере должен он будет отражать большие прикрытия, чрез которые ослабляя свои посты, подаст тем самым случай нападать на сии последние.

---

[1] В ордере № 222 от 8 июня Румянцев сообщил Салтыкову об оттеснении турецких сил у Гуробал и предписал вверенному ему корпусу, перейдя за Дунай, содействовать переправе сил и их движению к Силистрии (см. ф. ВУА, д. 1877, л. 477—478).

При окончании сего я вижу и получаю от г. Ступишина словесные рапорты, что он, занимая впереди свой лагерь, вошел в дело серьезное с корпусом неприятельским, предводимым Осман пашею. Сразившись с его конницею, опрокинул ее и, выбив неприятеля из ретраншамента и лагеря, стоящего в 10-ти верстах по сей стороне Силистрии, завладел и пушками и всем, что было в его стану. Неприятель бежит к Силистрии, и когда я сие отправляю, то еще войски наши его преследуют и слышен от самой Силистрии пушечной огонь.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 480—481 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 325

1773 г. июня 12. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ПОЛКОВНИКУ А. С. МЕЩЕРСКОМУ ПРОИЗВЕСТИ ПОИСК НА ТУРТУКАЙ

№ 224

На полученный от вас рапорт, которым доносите по отсутствию за болезнию г. генерал-майора Суворова, что неприятель числом войск весьма усиливается в Туртукае, и что по малоимению у вас пехоты воображаете вы, естьли учините покушение от Чеканешт, неприятель тогда может поставить свою ногу на вашей стороне, я вам изъясняю. Действия на Туртукай и от Чеканешт предлагал я г. генерал-майору Суворову не за такое дело, чтоб побить ему турецкие сильные корпусы. Нужно есть и тогда было, чтоб каждая часть с своей стороны занимала чем можно неприятеля, буди нет сил на поиск прямой, то хотя демонстративно и не оставалась бы в недействии в такую пору, когда другие на него наступают и сражаются. Сим образом я хотел, чтоб г. Суворов в замешание неприятеля от Чеканешт показался с войсками в то время, как наши действия на Силистрию огнем будут ознаменены. Естьли больше нужно вам пехоты, нежели усилить может баталион, присланной от генерала графа Салтыкова, то что вам мешает и карабинер, которых у вас много, а дела для них нет, спешить и в красных камзолах употребить так властно, как пехоту, ружья для них я думаю найдется в полку Астраханском и баталионе Апшеронского полку излишние по недостатку людей. Благоразумный начальник свой недостаток в силах часто заменять может способами военной уловки; хотящему и пекущемуся нет ничего трудного, а мне только не легко подавать отсюду наставления о избрании способов, которые у вас под глазами и кои распорядить вам удобнее, имея долгом изо всего предстоящего приобретать по возможности

пользу службы[1]. При окончании сего я вижу и получаю от г. Ступишина словесные рапорты, что он, занимая впереди свой лагерь, вошел в дело серьезное с корпусом неприятельским, предводимым Осман пашею. Сразившись с его конницею, опрокинул ее и, выбив неприятеля из ретраншамента и лагеря, стоявшего в 10-ти верстах по сей стороне Силистрии, завладел и пушками и всем, что было в его стану. Неприятель бежит к Силистрии, и когда я сие отправлю, то еще войски наши его преследуют, и слышен от самой Силистрии пушечной огонь, хотя передовые наши открывают, и объявления пленных в том согласны, что неприятель свой лагерь, выше Силистрии в 5 верстах стоявший, перенес на сию сторону в то место, где теперь разбит, однакож весьма полезно бы было, чтоб вам при настоящих действиях от сей стороны занять его в той части своими демонстрациями.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 481 об.—482 об.
«Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 326

1773 г. июня 14.— ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПЕРЕПРАВЕ С ГЛАВНЫМИ СИЛАМИ ЧЕРЕЗ ДУНАЙ И УСПЕШНОМ БОЕ У ГУРОБАЛ

№ 16 *Лагерь в семи верстах от Силистрии*

От 30-го числа истекшего мая, имел за честь всеподданнейшею моею [реляцией][2] донести вашему императорскому величеству, что я, тогда находясь с главным корпусом армии близь устья реки Яломицы, держал посредством занятого замка Гирсовского мою связь с корпусом, шедшим по той стороне Дуная под командою генерал-майора и кавалера барона Вейсмана, и предполагал по надобности там высадить войски в соединение с оным. Но осмотрев 1-го числа сего месяца Гирсов и переправляясь на легкой запорожской лодке с двадцатью шестью гребцами, едва в четыре часа мог перевезтись чрез реку и тамошние проливы, нашел оную во многом неудобную, а особливо, что по течению сей реки идя до соединения с генералом-майором Вейсманом вся бы моя часть была бы...[3] из всех действий, ста-

---

[1] И. П. Салтыков усилил отряд Суворова для поиска на Туртукай всего одним батальоном Апшеронского пехотного полка половинного состава, гренадерской ротой и двумя пушками. Тем не менее Суворов готовился к поиску, но усилившаяся болезнь вынудила его 7 июня выехать в Бухарест.

Оставшийся за Суворова полковник Мещерский проявил нерешительность и трусость и не выполнил задания.

Поиск был проведен под личным руководством Суворова только 17 июня.

[2] См. документ № 317.

[3] В тексте оригинала явный пропуск нескольких слов.

рался искать другой и удобнейшей по положению и намерениям переправы, которая и нашлась больше способною в дистанции генерал-порутчика и кавалера Потемкина по его сведению и по обозрению напоследок генерал-майора Муромцова против места на сопротивном берегу, называемого Гуробалы; но сей проход, отстоящий от Силистрии в 30-ти верстах, ст[е]режен был неприятельским постом, тут же в Гуробале утвержденным с пушками, который усилен был на настоящее время до 6000 пехоты и конницы под командою трех двубунчужных пашей Али, Джафар и Абдулла. Несмотря однакож на всю сию приготовленную от неприятеля защиту, коль польза службы настояла в низвержении сего поста, велел я генерал-майору Вейсману от Карас итить к оному, и ежели можно в тыл, а генерал-порутчику Потемкину от Ликарешт изготовиться, чтоб на своих судах от реки, высадя войски влицо неприятелю одновременно, как Вейсман обойдет, атаковать. Положа сие намерение, перешел и я с главным корпусом армии 5-го сего месяца чрез реку Яломицу и следовал без растагов, ведя наравне с своим ходом по Дунаю от Гирсова и приведенные для переправы суда к той же Гуробальской высоте, где атаку на неприятеля долженствовали генерал-порутчик Потемкин и генерал-майор Вейсман учинить 7-го июня. Поутру в тот день, сколь скоро неприятель обозрел приступ на себя, с сухопутной стороны корпус генерал-майора Вейсмана, а от воды на судах генерал-порутчика Потемкина, который весьма благовременно поспел туда в содействие, да открыто сим туркам было уже иное движение по левом берегу Дуная, то в великом смятении и страхе изо всего своего лагеря, разделявшегось на три части, побежали они от первых выстрелов вверх, схватя с собою пушки и закрывая оные и пехоты своей бег конницею. Командовавший авангардом в части барона Вейсмана полковник Чорба обращен был с гусарским Харьковским и тремя казачьими полками на преследование оных, и сии коих достигли, перерубили, а особливо при дифелее от лагеря в 10-ти верстах, где неприятель не мог скоро пробраться. Неприятель потерял тут убитых более 300-т человек, в полон взяты турнаджи Оржу Агасы, серденгешты Омер ага, баирактаров 2, янычаров, босняков и арнаутов 57-м, в добыч имеем отбитых 8-мь пушек медных с лафетами, знамен 3, обозы и бывшие на неприятельском лагере запасы. С нашей стороны ранено гусар 11-ть, казаков 9-ть, арнаутов 3. О прочих подробностях здесь имею честь поднести в копии, поданной мне рапорту от барона Вейсмана[1].

Согнав неприятеля таковым образом из укрепленного места и очистив себе тут чрез Дунай способнейшую переправу, поспешно я перевозил войски на судах, совокупя в место все то, что приведены с низу и с верху от корпуса генерал-порутчика Потемкина, и сам с первою частью оных 11-го числа поутру пе-

[1] Рапорт не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1987).

реехал за Дунай; осмотрел я того ж дня весьма тесной проход, ведущий к Силистрии и деланные генерал-майором Муромцовым в горах и по берегу две дороги, а чрез речку Галицу, выходящую из озера, по которому сие название имеет, и впадающую в Дунай, наведенные мосты. Для выигрывания времени приказал я на завтре, то-есть 12-го, передовым корпусам генерал-порутчика и кавалера Ступишина, к которому и барона Вейсмана присоединил и генерал-порутчика ж и кавалера Потемкина одному за другим проходить сии узкие места, и, пройдя мосты, взять лагерь. Неприятель в 5-ти верстах вниз от Силистрии по нашей дороге стоял на высотах, стан его был окопан рвом и защищаем пушками, в нем поставленными. Известия чрез пленных я имел, что Осман-паша, державший пост выше Силистрии, сюда перенесся с своим корпусом после того, как Джафар и с ним бывшие паши сбиты были с поста Гуробалского.

Сей неприятель, как передовой корпус генерал-порутчика Ступишина, перейдя речку Галицу, приблизился взять свой лагерь на против лежащих высотах, от первой перепалки с легкими войсками вошел стремительно в прямое дело. Сам Осман-паша, пленные показывают, ударил тут с своею конницею в наши легкие войски и на пехоту, но, быв отбит, ускорил тем самым новые наши успехи, ибо генералы-порутчики Ступишин и Потемкин, опровергнув стремление его конницы, вслед за тем повели приступ и на его лагерь и воспользовалися толико сим случаем, что к полной победе неприятеля взяты его стан, артиллерия и все тут бывшие запасы. Здесь я имею честь представить всеподданнейше, для усмотрения всех подробностей сего дела, репорты генерал-порутчиков Ступишина и Потемкина[1]. По разбитии неприятеля оба корпусы, предводимые вышеименованными генерал-порутчиками, взяли свой лагерь, прошед стан неприятельской, верстах в трех от Силистрии; а и главной корпус по окончании 13-го числа переправы, прошед все упомянутые дифилеи, расположился верстах в четырех не доходя обоих боковых корпусов. Между тем, я осматривал, выезжая за крайних своих часовых, город Силистрию и нашел оной вкруг окопанным и со многими батареями, из которых неприятель вчера продолжал стрельбу, где только приметил наши разъезды.

Сим я спешу, всемилостивейшая государыня, повергнуть всеподданнейшее мое донесение, что упомянутые части войск ваших на правом берегу Дуная соединились по окончании чрез сию реку благополучно своей переправы и сколько распространили и тут уже своих побед над неприятелем.

О неприятеле по сей час имею чрез пленных известия, что вне и во внутрь крепости Силистрии, на которую первое наше покушение быть должно, при двух пашах состоит войск до 30 000, визирь же держится еще в Шумле с корпусом выше 10 000, в Ру-

---

[1] Рапорты не публикуются.

щуке, в Никополе и Видине считают немалые силы, в Базарчике и в Варне есть также неприятельские корпусы. Движением моим отсюду откроются достовернее положении неприятельские, и как об оном, так и о моих против того действиях предоставляю впредь всеподданнейше доносить вашему императорскому величеству.

Как ожидать следует, что движение в сей части предводимых мною войск отвлечет от верхней [части] силы неприятельские, то и велел я генералу графу Салтыкову, надзирая сие, перейтить за Дунай, оставя часть потребную войск для обеспечения левого своего берега, и действовать на посты неприятельские, ища равномерно пользы оружия...[1]

...Высадивши войски на неприятельской берег и предпринимая с оными наступательные действия, оставляю я на всем пространстве, от моря до Ардыша, откуда дистанция корпуса генерала графа Салтыкова начинается, весьма слабые посты и большою частию из рекрут последнего приводу, коих и не имели времени нимало обучить, больше для маскирования, нежели в крепкое ограждение и потому не мог беспечен быть от всяких покушений неприятельских во время наших действий на другой стороне. Не имею я и средства ни чем заменить сей недостаток, ибо ваше императорское величество соизволите быть известны из поднесенного мною о числе людей репорта, в коликом числе каких чинов корпус мною водимой и отделенные состоят, а в полки главного корпуса поныне еще ни одного рекрута не приведено и уже в Киеве отказались мне и присылать больше оных по неимению.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 152—157. Подлинник. Опубликовано частично в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 232—235.

№ 327

1773 г. июня 17.— ДИСПОЗИЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ДЛЯ АТАКИ РЕТРАНШЕМЕНТА НА ПОДСТУПАХ К СИЛИСТРИИ

По открытии горы у неприятеля, ретранжаментом занятой, предполагается завтре, то есть 18 числа июня, сделать покушение от корпуса генерал-порутчика и кавалера Потемкина.

Господин генерал-майор и кавалер барон Вейсман всем корпусом, состоящим в команде господина полковника и кавалера Клички, с своей стороны как артиллерию, так и действительною атакою по согласию взаимному и за знаком обвещательным содействовать всем предприятиям имеет.

---

[1] В выпущенной части реляции Румянцев сообщает о слухах пленения турками Али-бея египетского.

В то же время наряженная команда от первого корпуса под предводительством г. генерала-майора барона Игельштрома, к которой и часть господина генерал-порутчика и кавалера Ступишина по малолюдству, не составляя особливой для генерала части, присовокупит, сойдя с горы по береговой дороге против посту г. генерала-порутчика Ступишина само перво занятого, делает неприятелю разными демонстрациями заботу, чтоб он на подкрепление или усилие атакованным на горе не мог вспомоществовать.

Произведя удачливо поиск на гору, ежели сбит будет неприятель и ежели последствием того удобность откроется, то и ретранжамент городовой от вышеписанных корпусов господ Потемкина и барона Вейсмана атаковать, а в таком случае г. Игельштрому искать с своею частию, где ему удобность откроется, равным образом форсировать себе вход во оной ретранжамент.

Но как по примечанию неприятель меньше всех других мест сторону от Дуная теперь наблюдает, то запорожцам части, которая останется при их полковнике, на судах в то ж самое время войдя в залив, производить пушечную пальбу на неприятельские, поставя батареи на берегу Дуная, против всего корпуса действующие и искать способным же образом ворваться в ретранжамент и следовать при этом подаваемым предположением от господина генерала-майора барона Игельштрома.

Пути же, ведущие как двум левым колоннам к атаке горы, так и последствии всем трем на самой город, как уже обозримый самими генералами предводителями сих колонн, не кажутся нужны здесь быть объясняемы, как и распределение им вверенных войск на их распоряжении оставляю.

Шанцовой инструмент иметь при себе каждому в достаточном числе, равно и фашин по исчислению, также несколько рогаток для употребления в нужном случае вместо лестниц.

Вся сия атака должна начинаема быть при самом рассвете; на своих же местах, с которых атака начнется, должны все части севодни в вечернюю зорю быть в готовности.

Г. генерал-порутчику Ступишину с своим корпусом, составляя резерв, взять свою позицию за средней колонной, за которою следовав, рассматривая удобности, и в случае занятия передовыми городового ретранжамента, как при таковых случаях бывает иногда беспорядок, войти в оной же с построенным войском, обоз свой оставить построенным в вагенбург в прежде овладетом неприятельском ретранжаменте.

Главному корпусу состоять во всякой готовности.

Напоследок приметить хочу 6-й пункт 9-го числа июня приказу господам, колонн предводителям [1], дабы наистрожайше подтвердили своих частей артиллерии командирам, чтоб пункты, на которой их действие стремиться будут, жестоким огнем очищаемы

---

[1] См. документ № 323.

были, не упуская из внимания и то, что когда тех пунктов пехота достигать будет, обращали бы свои орудия поспешно в те места, которые в распространение к поражению неприятеля и ко очищению окажутся нужными, или где наиболее неприятель к отпору оного стремиться будет.

В настоящем же случае не надлежит и то из виду упустить, что как при атаке горы действие наших войск будет с двух сторон, то остерегаться, чтобы иногда перекрестными выстрелами артиллерии не принес вреда один другому.

Должен твердо в памяти нижних чинов подтвержден быть приказ 9-го ж числа о удержании от грабежа, воображая их живо те пагубные следствии, которые от сего последовать могут; в способности сего каждой частию командующей должен при себе иметь зажигательные припасы, которые и истребовать от генерала артиллерии, которыми вошедшими в ретранжамент стараться зажечь город, что неотменно будет препятствием грабежа.

Румянцов

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 40, л. 443—444 об. Подлинник.

№ 328

1773 г. июня 18. — РЕШЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА ОБ ОСТАВЛЕНИИ ЗАНЯТОГО РЕТРАНШЕМЕНТА ПОД СИЛИСТРИЕЙ[1]

Получа известия о движении от Базарчика с новым войском Нуман-паши, и когда отступление колонны барона Игелстрома пред уготовленной на нападение страх городу, вновь меры заставляло принимать, держан был его сиятельством господином генералом-фельдмаршалом с генералами первый военный совет в тот же самый день, на коем по уважению на вышеписанные обстоятельства и положение наше постановлено: «Корпус генерала-майора барона Вейсмана вывесть из ретранжамента неприятельского и присоединить в ту же ночь к корпусу генерал-поручика Потемкина, а по соединении им обоим взять позицию на левом крыле главного корпуса, дабы соединенными си-

[1] Получив сведения о движении на помощь Силистрии 20 000-го отряда Нуман-паши, Румянцев принял решение отойти от крепости и приказал отряду Вейсмана оставить Нагорный редут и присоединиться к армии, которую отвел от крепости и расположил лагерем в 10 км от нее.

Для отражения Нуман-паши, намеревавшегося выйти в тыл русской армии и отрезать ей пути отхода на Гуробал, Румянцев решил выделить корпус Вейсмана, а свои главные силы отвести на левый берег Дуная, переправив их у Гуробала. Вейсман выступил с 5000 человек, чтобы перехватить наступление турок от Буюк-Кайнарджи на север, и атаковал их в укрепленном лагере у д. Кучук-Кайнарджи. В этом бою турки были наголову разбиты, но сам Вейсман был убит.

лами при всяком покушении неприятельском, удобнее было его поразить; а и главному корпусу взять другой лагерь, поелику тогдашний был между лесом, за которым неудобно было открывать и самого ближнего движения неприятельского». Вследствие сего постановления барон Вейсман, сняв свою и неприятельскую артиллерию, соединился с корпусом Потемкина.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1955, л. 115 об.—116. «Журнал военных действий 1-й армии за 1773 г.». Копия.

№ 329

1773 г. июня 21.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА А. В. СУВОРОВУ О ПРОДОЛЖЕНИИ ДЕМОНСТРАТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ И НАБЛЮДЕНИИ ЗА ПРОТИВНИКОМ

№ 229

Приятное уведомление о поиске, вторично вами сделанном на Туртукайской неприятельской пост, я получил с тою признательностью, какову всегда имел к вашим искусству и усердию к службе. И засим по уважению на настоящее положение наше спешу я вашему превосходительству рекомендовать, чтоб вы, буди еще движения вверх не учинили, пребыли на прежнем своем посту в Нигоештах, и чем ближе к Дунаю, тем лучше. Тут стоя, держали всегда во внимании на себя неприятеля, показывая ему все виды готовой вашей переправы и намерения вступить на его берег, дабы сим озабочивая беспрерывно, не допустить его войск до соединения куда-либо вместного. Я о сем моем повелении уведомляю генерала графа Салтыкова вложенным тут ордером, который ему доставьте с нарочным.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 485 об. «Журнал исходящих бумаг». Копия.

№ 330

1773 г. июня 24.— РЕШЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА АРМИИ П. А. РУМЯНЦЕВА О НЕВОЗМОЖНОСТИ НАСТУПЛЕНИЯ НА ШУМЛУ И СИЛИСТРИЮ И НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕХОДА НА ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ

Июня в 24-й день 1773-го года пригласил генерал-фельдмаршал ниже сего подписавшихся генералов на второй военной совет для сообщения им, что посыланные к стороне Шумли и Базарчику по очевидности доносят, что дорога, к тем местам ведущая, столь тесна между гор и ущелин лесных, что не только

артиллерию, но ниже наших повозок, необходимо надобных для провианта, провезть по оной нет удобности, и еще на великих переходах и воды не имеется: где по довольному рассуждению, что по сим натуральным препятствиям пройтить к Шумле большим корпусом невозможно, а сюрпренировать визиря еще меньше, ибо как известно он, отрядя войски от себя в Силистрии и в наш тыл, с которыми мы всеми и имели дело, пребывает весьма на-легке в Шумле, так, что всякое наше движение ускорить он может своим удалением оттуду в горы, как уже последние выходцы от неприятеля, согласно о том и показывают, а при всяком сем бесполезном движении для удержания нашего сообщения с переправою, на чем лежит и все пропитание армии, надлежало бы непременно оставлять за собою посты, но от такого числа войск, каково здесь имеем, чинить отделения таковы было бы жертвовать и ими и всем, поелику неприятель, заслоняясь удобными тут местами, сорвал бы каждой такой пост, прежде нежели против того могли бы вспомоществовать другие.

Пример явной сему увидели из корпуса неприятельского весьма сильного веденного Нюман-пашею, и 22-го нами разбитого, который, закрываясь положением здешних лесных и впадистных мест, пробрался было в нашу спину, и метил по всем показаниям пленных, чтоб внезапно ударить на нас с стороны неожидаемой, и положить только оставалось ему руки на наши обозы и на отрезание нас от переправы, естьли б учиненная на него атака не опровергнула его намерений и купно с тем наших опасных следствий. Следственно одно только оставалось бы, чтоб делать по возможности вторичное покушение к городу Силистрии; но при атаке ретранжамента на высоте, в котором как в самих письмах Осман-паши теперь найдено, было неприятельских войск 7000, мы видели, сколь еще превосходящее пред сим число неприятеля стало в городском ретранжаменте и в полной готовности оборонять город, который кроме силы войска, весьма укреплен и снабден довольною артиллериею, и судя по утрате, дознанной при атаке первого ретранжамента, надобно отважить потерять несколько тысяч людей; а в таком случае, хотя бы и весь успех одержать, то утрата наша в людях неминуемая довела бы нас в средине кампании до бессилия не только на здешнем берегу действовать, но и подать помощь на оба свои фланги в Валахии и Бессарабии при покушении от неприятеля и туда быть могущем, сверх же того Силистрия не есть таким пунктом, чтоб доставя оной, решить тем все действия нынешней кампании, а кавалерия наша приведена уже до изнурения от трудов, в сражениях с неприятелем понесенных, и чрез недостаток в сих местах полевого корму и естьли далее тут пребыть, потеряет до последнего своих лошадей, ездя повседневно фуражировать весьма далеко и с большим всегда прикрытием за одним тростником, который уже и в пищу не служит по устарелости; то согласно постановили, не видев здесь больше дела на пользу

службы, а паче возможности к оному, ради непроходимых путей, по рассыпании теперь неприятеля, ведущего на нас злой умысел, и которой не в далеком еще нашем пути от переправы делал уже однакож против нас засады; доколе он не соберет вместо своих войск, перейтить главному корпусу здесь при Гуробале чрез Дунай на свой берег и там расположиться, притягивая своею позициею к сим местам неприятеля, поколь время и случай подадутся к новым на него действиям; а корпусу, перешедшему из Бессарабии, итить чрез Карасу до Тулчи и там переправиться в Измаил и в пути своем, естьли по силам найдется, поражать неприятеля.

Подлинной подписали:

Генерал-порутчик *Ступишин*
Генерал-порутчик барон *Унгерн*
Генерал-порутчик *Потемкин*
Генерал-порутчик князь *Долгоруков*
Генерал-майор барон *Ингельстром*
Генерал-майор *Аполлон Волков*
Генерал-майор *Матвей Муромцов*
Дежурный генерал-майор князь *Долгоруков*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 203—204 об. Копия.

№ 331

1773 г. июня 26.— ПРИКАЗ П. А. РУМЯНЦЕВА В КОРПУС Г. А. ПОТЕМКИНА О ПЕРЕПРАВЕ НА ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ

1

Его сиятельство, повелевающей армиею, господин генерал-фельдмаршал, изволил приказать до окончания переправы вашей наставьте егерских баталионов командующего подполковника Мекноба, каким сигналом пушечным ли выстрелом или другим чем вы ему повелите, на запорожские лотки садитца и на сю сторону следовать, поелику он самой последней переправлятца должен. По прибытии ж его к переправе на сю сторону, прикажите ему сухим путем чрез понтонные мосты к армии следовать, а запорожцев на их лотках оставьте при устье Борща, дабы Дунай на всякое время ими открыт быть мог, и в случае неприятельского покушения и отпор учинен.

2

Поелику никаких мелких войск при главном корпусе нету, которыми б цепь делать можно было, то и прикажите полк Сулина, принадлежащей до означенного корпуса, без всякого за-

медления тотчас переправить и приказать к армии следовать; равно и почтовых лошадей на тех судах, кои для гаубт-квартиры отряжены были, а потом инженерной батальон, которому последнему прикажите остаться на острове по сю сторону Дуная с повелением, чтобы по переправе всей армии провожаемы были все суда им в Борщ, вдобавок же к нему командирован отсель Нижегородской пехотной полк, которого командиру повелено у вашего превосходительства явиться.

3

По переправе ж вверенного вам корпусу на сю сторону Дуная прикажите осмотреть весь тот берег переправы, чтоб ни одного человека там не оставалось какого б то звания ни было, касающих до армии, как то булгар и молдаван переправляющихся.

4

Испорченные суда прикажите равным образом на сю сторону перевесть, разве которое совсем к перевозу невозможны случились, таковые прикажите или изрубить или сжечь, сняв с них пушки, якоря и все принадлежащее сколько б оных всех числом, повеление дано генералу Милорадовичу здать их все под расписку корпуса вашего полковнику Огареву.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1957, л. 103—103 об. Копия.

№ 332

1773 г. июня 30.— ИЗ ПИСЬМА П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С ИЗЛОЖЕНИЕМ ПРИЧИН ПЕРЕХОДА НА ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ[1]

Из лагеря при д. Жигалес

Предвидя, что персональные мои неприятели выводят меня на пробу жестокую, тогда как силы, мне вверенные, приведены в великое ослабление, дерзнул я донести вашему императорскому величеству о всех трудностях в настоянии перехода за Дунай. Будучи на той стороне, бывшие со мною там генералы остаются свидетели, сколько я старался до последней черты, не щадя ни трудов, ни жизни, выполнить высочайшую волю вашего императорского величества, имея токмо под именем армии корпус

[1] Переход П. А. Румянцева на левый берег Дуная вызвал раздражение среди столичной знати. Неудача похода за Дунай, вины в которой Румянцева не было, сильно задела самолюбие полководца. В письме к Н. И. Панину от 30 июня 1773 г. Румянцев писал: «О коль трудно, исполнять по чужим планам! Я завидую счастливой в тех людях способности, кои соображать легко могут и дела головоломные, но моя доля есть то, что ослиная носить всегда тягость, под которую приходится упасть». («Русский архив», 1882 г., кн. 2, стр. 54).

небольшой в 13 тыс. пехоты на все действия с визирскими силами[1], которые, однакож, побиты и рассыпаны: словом, не испытано разве только то, чего одолеть не может человечество. Чрез сей поход многотрудный весьма утомлены люди, а лошади дошли до крайнего изнурения, и я не могу скрыть пред вашим величеством угнетающих меня теперь трудностей по пункту оборонительного положения, в которое нелегко мне попасть с прежнею твердостию, рушившись из оного до самой пяты.

Еще я дерзаю, всемилостивейшая государыня, изъяснить пред вами дух усердного и верного раба о положении сопротивного дунайского берега по очевидному уже моему дознанию, что, естьли продолжать на нем военные действия, то не удвоить, а утроить надобно армию; ибо толикого числа требует твердая нога, которой без того иметь там не можно в рассуждении широты реки, позади остающейся, и трудных проходов, способствующих отрезанию со всех сторон, для прикрытия которых надобно поставить особливые корпусы, не связывая тем руки наступательно действующего, который чрез леса и горы себе путь сам должен вновь строить...

«Чтения в Обществе истории и древностей российских». Архив военно-походной канцелярии Румянцева, М, 1865 г., кн. 2, стр. 274—275.

№ 333

1773 г. июня 30.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О БОЯХ ПОД СИЛИСТРИЕЙ И ПРИЧИНАХ ОБРАТНОЙ ПЕРЕПРАВЫ АРМИИ ЧЕРЕЗ ДУНАЙ

№ 19 *Лагерь при д. Жигалее*

Имел я честь всеподданнейшею моею [реляцией] от 14-го сего месяца[2] донести вашему императорскому величеству, чрез каковы поражения неприятеля отверзли себе путь войски, мною водимые, на правом берегу Дуная, даже до города Силистрии, на которой долженствовало быть первое наше покушение. Потому на завтре, то есть 15-го июня, подвинулся корпус левого крыла под командою генерал-порутчика и кавалера Потемкина в левую же сторону, еще ближе к Силистрии, а с главным тогда ж, перешед шесть верст, взял я лагерь пред самыми силистрийскими судами. Тут по ближайшему моему и генералов обозрению открыли мы гору, пред городом влево стоящую под пушками городовыми, на которой Осман паша сел в ретранжаменте с своею пехотою. Генерал-порутчик Потемкин, пришед на

[1] Имеется в виду пехота для наступательных действий.
[2] См. документ № 326.

место своего стана против той высоты, нашел до пяти сот турков под лесом, которые тотчас отошли назад, но вскоре против его правого фланга вышла из лесу в большом числе конница, а на левой выступила и конница и пехота, первая лощиною пробиралась в тыл к нему, а вправо шедший неприятель стремился на стоявших там кирасир и гусар Острогожского полку. Лишь только он от лесу отделился, полковник Чортов с Новотроицким кирасирским полком весьма сильно в него ударил и загнал его и паки в лес. Не преставал однакож неприятель и потом еще больше усиливаться в том месте, склоняясь к левому флангу. В ту пору подоспел туда генерал-порутчик и кавалер князь Долгоруков с Рязанским и Рижским карабинерными полками, которого я послал по сему действию в помощь тому корпусу. Турки, увидя приход новых войск, оттого, как равномерно и от действиях на них артиллерии, побежали пешие в лес, чем последовала и большая часть их конницы; те ж, кои заезжали в тыл, опрокинуты были казаками под командою майора и кавалера Рахманова. Помянутой генерал-порутчик похвалял в сем разе подвиг вообще у него бывшей кавалерии, и отлично в оном участвовавших полковника Чортова и майора Арсеньева, да подполковника Ярославского пехотного полку князя Голицына, который с двумя ротами гранодер, сперва один, а потом с прибавлением к ним других под командою полковника Гинцеля прикрывал левой фланг. В сем деле получил смертную рану и от оной скончался Острогожского гусарского полку секунд-майор Абоза; убито — кирасир шесть, пикинер два, ранено кирасир пять, гусар тридцать, пикинер шесть, трубач один. Стрельба во весь тот день происходила пушечная и оружейная между наших и неприятельских войск, как на левом крыле, так и в садах против главного корпуса, где стояли егерские баталионы и казачие посты.

Расположась сим образом около города, между первых приготовлений к дальшим действиям, дозволил я генералу-порутчику Ступишину по совету на то многих послать от своего лица письмо к паше турецкому, командующему в Силистрии, требуя сдачи города. Осман и Гасан сераскеры паши, первой главный над войском, а второй обер-комендант в том городе, допустя к себе с тем посыланного капитана Зюмбатова, объявили собранным лутчим из войска содержание им сделанного предложения, но все, обнажая свои мысли, отрицались исполнить оное, удержали однакож нашего посланного переночевать и на завтре с рассветом, надев на него обыкновенный кафтан, выслали ответ чрез него к генерал-порутчику Ступишину, которого подношу перевод «А», как и список письма от Ступишина писанного «В» [1]. Приводимые пленные объявили, что за день до нашего приступления к Силистрии пришло к сему городу войска несколько тысяч, от визиря присланного; а против 16-го числа в ночи приме-

[1] Приложения не публикуются.

тил генерал-порутчик Потемкин, что из Силистрии по Рущуцкой дороге вышло конных турков до тысячи, и видны были по самому берегу Дуная веденные ими со вьюками мулы, против чего и взяты были осторожности, что б не мог неприятель, зашед в тыл, показать сим отделением виды пришедших на помощь городу войск. Неприятельская пехота того ж 16-го, вышед из лесу, с великим стремлением и криком сбила пикеты корпуса генерал-порутчика Потемкина, и от левого, потянувшись на правой фланг, заняла кусты и производила стрельбу пушечными выстрелами, едва могли принудить их кучи к возвращению. И по усильному действию неприятельскому посылал я от главной части и сей день четыре кавалерийские полка туда в подкрепление, а неприятель до вечера как в левой стороне, так и в садах против главного корпуса находился в частой перепалке с передовыми постами. При сем ранено унтер-офицеров два, гусар девятнадцать, пикинер десять, сержант один, егерей шесть. Дабы открыть в то же время неприятеля и положение мест по Шумлинской дороге и другие проходы, выходящие на оную, послал я майора и кавалера Любимова со сту шестью десять карабинер, одним эскадроном пикинеров и тремя стами казаков и арнаут, а в подкрепление сей первой партии в другой следовал полковник Чорба с своим гусарским полком. Майор Любимов на завтре, то есть 17-го, в тридцати верстах от нашего стана в деревне [Афлатар][1] неприятельскую партию до полторы тысячи, водимую Мегмет агою, разбил, поверг убитыми более ста и достал пленных трех, и освободил из рук сих турков восемьдесят семей христианских с их обозами, имев у себя убитыми двух да ранеными шесть человек.

Между тем в три сии дни сколько я сам, так и генералы высматривали как можно ближе положение войск неприятельских при Силистрии и укрепление сего города, ездя и ходя под их выстрелами. Генерал-майоры артиллерии Тургенев, инженер Ригелман и правящий должность генерал-квартирмейстера при армии Муромцов все, что до каждого части принадлежит, испытывали чрез собственно свой обзор. Город сей лежит у подошвы гор при самом берегу дунайском, но кряж сих высот и на них сады, которые с нашей стороны закрывали оной, исполнены нельзя меньше сказать как самых пропастей, сверх и снизу покрытым большим лесом. Нельзя было ни на высотах, ни по впадинам поставить людей без отваги быть им отрезанным, ибо лес, холмы, и овраги подавали всю способность неприятелю с удобной ему стороны пролезть и отхватить всякую часть, как напротив нам не дозволяли нигде стать и построить ни самую малую часть в боевой порядок. При сей неприятелю от натуры самой даруемой защите, имел еще он, как выше упомянуто, пред самым городом и под защитою городских батарей крутую ре-

[1] Название деревни не разобрано.

траншированную гору, где стоял целый корпус Осман паши с артиллериею. Не сломя сей преграды и первой и сильной, не могли мы приступить к городу и потому, невзирая на все трудности, решился я атаковать тот неприятельской ретранжамент, предполагая по успехам, тут одержанным, наступать и на самой город Силистрию, ежели удобность к тому откроется.

Две трети из состоящих здесь войск употреблены были для сего действия, а распоряжения к оному учинены таковым образом, как подношу при сем к высочайшему усмотрению список оной диспозиции «С».

17-го числа наряженные команды, кроме части генерал-порутчика Потемкина, из главного корпуса гранодер тысяча двести шесть и тысяча тридцать девять мушкетер под командою генерал-майора и кавалера барона Игельштрома, полки Ширванской, Кабардинской и баталион гранодер подполковника Блюхера, предводимые генерал-майором бароном Вейсманом, и в резерв первой гранодерской Куринской и баталион генеральс-адъютанта графа Румянцева, под предводительством генерал-порутчика Ступишина, где и бригады той командир генерал-майор и кавалер Мелиссино находился, пошли с вечера на назначенные им места, и за два часа до рассвету колонны барона Вейсмана и барона Игельштрома спустились вниз с горы, первая к стороне ретранжамента, а вторая к городу. Пред выступлением к атаке я сам осмотрел людей, к тому назначенных, и говорил им о предлежащем подвиге, с которым сопряжена их слава и польза службы и со внутренним удовольством, видя в офицерах и рядовых отменную ревность и бодрость духа, как и те и другие сами напрашивались из доброй воли на сие дело, принимал за толь усердную вообще волю за лучшее предвещание желаемого успеха. На рассвете 18-го числа, как скоро генерал-порутчик Потемкин дал сигнал ракетою, что он готов к атаке, тогда открыл вдруг свои батареи генерал Ступишин, бывшую под прикрытием Киевского пехотного полку, генерал-майор Вейсман от него поставленную, равно и генерал-порутчик Потемкин и под сим огнем вступили, во-первых, колонны части генерал-порутчика Потемкина в атаку, из оных правую вел Ярославского пехотного полку полковник Лукин, левую полковник Языков, с третею следовал по дороге к Силистрии для очищения горы в трех стах пехоты и с пешими запорожцами пример-майор Фаминцын и порутчик лейб-гвардии Потемкин, а резерв был под командою подполковника Розенберга. Первые две и резерв принадлежали управлению предводителем оным бывшему генерал-майору Каковинскому. Неприятель, обозря приступ наших войск, из всех своих батарей с горы и из города наижесточайшую производил стрельбу, а в приближении и оружейную. Правая колонна, веденная Лукиным, сближась уже на горе до того к ретранжаменту, что только оставалось оной броситься в неприятеля штыками, потеряв тут своего предводителя убитым,

остановилась от огня неприятельского, а турки во мгновении выскоча из окопов, со всею яростию ударили на нее саблями. Стремлением сим сколько отчаянным, так и сильным замешали они не только ту, но и левую колонну, которые в отступлении расстроившись, в тот же непорядок вовлекли и в свой резерв. Третья колонна под командою пример-майора Фаминцына и лейб-гвардии порутчика Потемкина доходила до самых картечных выстрелов из города, и при таковом в других замешательстве действовала, наступая и отходя в таком порядке, что ни когда неприятель не брал у них поверхности. Неприятель из города, приметя сию поверхность, поднял по обычаю ужасной крик радости, и пустились оттуду его войски в полном стремлении на гору, но в самое то время замешательства в наших атакующих колоннах, и что неприятель выбежал на них из своего ретранжамента, полковник и кавалер Кличка, отделенный от колонны барона Вейсмана для атаки, поднялся с полком Кабардинским на ту гору с левого флангу и овладел неприятельским ретранжаментом, а полковник Леонтьев с Ригским карабинерным полком, который на дороге вниз стоял между тою горою и колонною барона Вейсмана, взъехав на гору от левой неприятельской стороны, ударил неприятелю, из окопов выбежавшему, в тыл; с правой же неприятельской стороны от части генерал-порутчика Потемкина, отделенный с тремя стами пехоты подполковник и кавалер Цыглер, вошел в неприятельской ретранжамент, и выгнал еще державшихся там турков; коль сие наилучшим образом и в самой скорости исполнено было, то неприятель, увидя в спине своей нашу кавалерию и пехоту, и последнюю вступившую уже в его ретранжамент, поворотил назад к оному, но тут, не дав ему опомниться, устремили на него толь сильные поражения, входя в порядок расстроенные части и пришедшие по приказанию моему резервные полки под командою генерал-порутчика Ступишина первой гранодерский Куринский и баталион графа Румянцева, что неприятель, который продолжал и сбитой паки возобновлял упорную оборону с подкреплением от города, был истреблен, а избегающие того турки бросились в город, провождаемые нашею канонадою. По сбитии неприятельского корпуса с сего места, толь упорно защищаемого, приказал я барону Вейсману своею колонною занять ретранжамент. В сем жестоком бою, продолжавшемся на горе чрез шесть часов, где успех наших войск имел добрые и худые перемены, неприятель ежечастно высылал из города в помощь своим на гору войски, доколе мы не превозмогли по вышеписанному над всем его усилием; но сколь много ни отделял он городовых войск на ту гору, еще мы видели вокруг города ретранжамент, наполненный всегда многолюдством оных, как равномерно и все внутренние укрепления.

По истинне, всемилостивейшая государыня, подвиг войск ваших в сем деле не имеет много подобных примеров в войнах,

что были в свете. В таком неприступном положении, как тут был неприятель, что пути к нему непроходны, и что сей корпус по себе сильной брался еще за руку с городом укрепленным и войском еще сильнейшим во взаимную себе защиту, преодолеть и местную неудобность и смелую оборону от неприятеля и сбить оного не есть ли событие чрезвычайное по предприятию и по мере самих трудов.

Завладев горою и на ней окопами и артиллериею неприятельскою в десяти пушках, достигнули мы только в первом сем пункте нашей полной победы, но не было еще конца длившемуся с обеих сторон огню и самому сражению, на весь тот день оставшемуся, ибо неприятель из города со всех батарей умножал стрельбу по нашим полкам, объемлющим гору, и не преставал так же досягать оною колонны, вниз стоявшие, под предводительством генерал-майоров баронов Вейсмана и Игелштрома.

Как только по моему повелению барон Вейсман со свою колонною взошел снизу наверх горы и взял под свою оборону отбитой у неприятеля ретранжамент, то я, прибыв на ту гору против неприятельской из города канонады, что к вреду туда досягала, велел еще ближе воздвигнуть свои батареи и все употребить служащее к утверждению нашему на той высоте, которая повелевала самим городом, а как уже сим образом стоял твердою ногою на той горе барон Вейсман, обратя и свои и неприятельские пушки на город, то генерал-порутчику и кавалеру Ступишину с резервом приказано от меня возвратиться в лагерь главного корпуса. Между тем я, объехавши свои части и осмотря положение мест, предлежащих от оных к городу, и коль расстройка, случившаясь в начале атаки ретранжамента в колоннах от корпуса генерал-порутчика Потемкина воспрепятствовала вместе с тем сражением приступить внизу стоявшим колоннам к городу, и увидя несразмерное число оборонявших, полагал в будущую ночь зажечь город и немедленно сделать приказал надлежащие к тому приготовления. Я отъехал с той горы с сим намерением в лагерь главного корпуса, чтоб и тут учинить подлежащие распоряжения по оному. На первом, так сказать, шагу прискакал ко мне с передового пикета вестник, что неприятель в великих силах по Базарчицкой дороге наступает в наш тыл. Я только успел случившемуся быть со мною генерал-порутчику Потемкину приказать, чтоб он, свою кавалерию обратя против него, выступил вслед и со всем корпусом в порядке бою, а сам я, не останавливаясь, продолжал ехать, хотя был без малейшего прикрытия, как другие уведомители и от передовых согнатых уже постов и от корпуса прискакали ко мне с известием, что я уже отрезан от лагеря своего вошедшим между нас неприятелем, которого конницу разъезжавшею и сам я тут близко себя увидел. Не мог бы я избегнуть от рук турецких, естьли бы не благовременно, хотя и случайно, генерал-порутчик Ступишин показался на своем обратном пути сему си-

курсу неприятельскому, который на походе им веденные полки первой гранодерской Куринской и баталион генеральс-адъютанта графа Румянцова кинулся тотчас атаковать, а я между его в ту сторону устремлением мог, вдавшись в лес, пробраться в лагерь главного корпуса; откуду тотчас отправил по звуку начавшегося сражения в подкрепление своим два кавалерийские полки, там остававшиесь. Генерал-порутчик Ступишин и во внезапном нападении от неприятеля помянутые свои полки успел построить, и открыв по нем непрерывной огонь из артиллерии и мелкого ружья, не только не допустил неприятеля коснуться фронту, как он ни нагло напускал, но и не мог сей турецкой корпус, из конницы состоявший, против сильного отражения долго устоять в своем наглом нападении, а быв побежденным, побежал во всю мочь назад в преследовании от кавалерии, подоспевшей туда, и от корпуса генерал-порутчика Потемкина.

Корпус неприятельской был сей послан от Нюман сераскира паши по услышании чрез пушечную стрельбу о чинимой от нас атаке на Силистрию, под командою Черкес Гасан паши в семи тысячах конницы, чтоб поспешить туда на помощь. Одержав в сей день вторую победу над неприятелем, изведал я от взятых тут пленных, что Нюман паша идет от Базарчика с двадцатью тысячами конницы и пехоты, с намерением, чтоб во освобождение Силистрии, ударить с своей стороны на наши войски и не далее уже тридцати верст от нас находится. Занят будучи сим новым явлением, должен я был себя готовить к отпору против окружавшего неприятеля с тылу и держать войски пред Силистриею, в неумолчном оружейном звуке ведущие действия с неприятелем.

С второго часа пополудни начал неприятель усиливаться против постов генерал-майора барона Игелштрома, первые вылазки были отражены, но, наконец, устремился он против всей его части нагло так, что положению места во рвах, буграх и лесах, и расстроившихся от того людей отступил он к главному корпусу. Великость урона неприятельского в людях пред Силистриею доказывали кучи тел побитых, но щоту мы тому не могли делать, ведя с утра до самых сумерков сражение и прибавляя на всякую минуту число пораженных. Не во время бою, но от разбития уже лесом бегущий неприятель напал на три орудия полевой артиллерии, шестифунтовую пушку и гаубицу, да Куринского полку одну пушку, которых на крутость горы не могли поднять лошади и, оборвавшись с высоты, не свергли в овраг, когда люди долженствовали спешить к овладению ретранжаментом, имел случай захватить и увезти в город, чему никак нельзя было воспрепятствовать в тех закрытых лесом и буграми местах, и увидеть того не могли прежде, как уже утащены к городскому ретранжаменту.

К вечеру прибыл посыланный с партиею по Шумлинской дороге майор Любимов, который, доезжав до местечка Токмак,

отстоявшего от нашего положения шестьдесят верст, нашел как в тех местах, так по разведыванию впереди, толь узкие дороги с чрезвычайными горами и ущельями, что не только с артиллериею и нашими повозками пройтить по оной нет удобности, но и кавалерии не более как в две лошади, а инде и в одну только лошадь проехать можно, а на великих весьма расстояниях нет и воды. Он, возвращаясь назад, встретился паки при деревне Афлатари с неприятельскою партиею тысячах в двух и оную разбил, но вслед за тем Черкес паша со своими превосходными против него силами, отрезав ему дорогу к армии и к соединению с полковником Чорбою, атаковал их обоих и принудил пробиться чрез всю противостоявшую толпу, хотя с утратою людей.

Получа известия о движении с новым войском от Базарчика Нюман паши, и когда отступление на наведение страха городу вновь меры заставляло принимать, то держал я с генералами первой военной совет в тот же самой день, и рассуждая, что хотя мы одержали полной успех в завладении ретранжаментом, но испытали сим же делом, коль велики силы неприятельские в городе Силистрии, и как отчаянно он сии укрепления защищает, следственно, нельзя избежать в людях великой утраты, естьли брать город приступом, ибо один сей способ оставался, не имея большой артиллерии и лишних снарядов ко вреду города, и видя, что многие выстрелы полевой артиллерии желаемого успеха не приносили. В таком деликатном положении, когда все наши запасы, и даже нужное пропитание имеем за рекою Дунаем, а пред собою и в округе многочисленного неприятеля, город же Силистрия нам для того только нужен, чтоб не оставить оного в спине своей, ежели делать поиск на визиря в Шумлу, но сам визирь, по всем известиям, отрядя от себя войски на оборону сего города и в наш тыл, держится налегке и предупредить может всякое наше на него движение,— ради сих причин, как еще и по уважению на самую невозможность по числу наших сил, чтоб далее наступать на неприятеля, запершагось в своих укреплениях городовых, который всякую свою потерю может награждать новоприводимыми войсками во место, что мы чрез утрату умножили б наше ослабление, постановили на сем совете, чтоб корпус генерал-майора барона Вейсмана вывесть из ретранжамента неприятельского и присоединить в ту же ночь к корпусу генерал-порутчика Потемкина, а по соединении им обоим взять позицию на левом крыле главного корпуса, дабы соединенными силами при всяком покушении неприятельском удобнее было его поразить, что и исполнено было. И генерал-майор Вейсман, сняв свою и неприятельскую артиллерию, соединился с корпусом Потемкина, а на завтре, то есть 19-го числа, пришли на места свои к главному корпусу. Хотя на том же совете определено, чтоб и главному корпусу взять другой лагерь, поелику тогда бывший был между лесом, за которым неудобно было открывать и самого ближнего движения неприятельского, но слу-

чившийся в 19-й день июня сильной дождь с жестокою бурею, удержал нас тот день простоять на том же месте; а неприятель, выходя малыми партиями из города, перестреливался только в садах с нашими пикетами. На завтре, то есть 20-го числа, отошед главный и оба боковые корпусы шесть верст назад от Силистрии, расположились в лагерь. Тут от полковника Огарева, который прикрывал с Пермским пехотным полком наши мосты чрез реку Галицу и переправу чрез Дунай и большую сзади и спереди дифилеи, получил я рапорты о показавшемся в левой его стороне неприятельском лагере между деревень Биюк и Кючук-Каинарджи. Взирая на опасность, коль близок уже был неприятель по местоположению отрезать нас от Гуробальской переправы и от всякого сообщения с сопротивным берегом послал я генерал-майора Муромцова осмотреть положение и силы оного. Сей нашел лагерь пространной, но числа войск в нем не мог определить, поелику стояли турки в глухом месте закрыты лесом и дифилеями, но с другой стороны как тот неприятель не делал никакого покушения на небольшой пост полковника Огарева, до пяти сот только человек у себя имевшаго, то заключал я по сему спокойному пребыванию, что в том крепком месте, может быть, разбитой неприятель хранит свои обозы, или каковы запасы, коих не может провезти в Силистрию, или же, запав, примечает на наши движения, чтобы иногда при вторичном покушении на Силистрию, или при возвращении в дифилеях впасть в тыл. Во уважении на то и другое, отделил я на рассвете 21-го числа генерал-майора и кавалера барона Вейсмана с пехотными полками: Троицким, Кабардинским, Невским и Ширванским, двумя баталионами гранодер, с карабинерными Московским и Тверским, Харковским гусарским, пикинерным Елисаветградским и с одним полком донских казаков, чтоб атаковать того неприятеля; и генерал-майора Муромцова послал я с ним же, бароном Вейсманом, при том же корпусе, коему было известно положение неприятельское по деланному им пред тем рекогносцированию. В полдень прислан был ко мне от генерал-майора барона Вейсмана подполковник граф Девиер с словесным рапортом, что он, сближаясь к неприятелю, пришел к путям непроходимым. Я ответствовал, чтоб открыл он хотя далее сторону способного к нему проходу откуда бы ударить можно, в случае ж не обретения ни каких к тому возможностей, имел бы в крайнем наблюдении дорогу к Гуробалам, чтоб неприятель не захватил ее в пресечение нашего сообщения с переправою. Ради обеспечения в том себя, и чтоб упредить всякие вредные намерения неприятельские в сем пункте, сделал я движение с главным корпусом 22-го июня, стараясь чрез реку Галицу и чрез все большие горы и тесные дифилеи пройтить на высоты, которые лежат в шести уже верстах от нашей чрез Дунай переправы. Корпус генерал-поручтика Потемкина сим же путем шел в след за мною. На сем походе по утру стала нам слышна пушечная

пальба в правой стороне, которая знаменовала происходившее уже сражение с неприятелем корпуса барона Вейсмана. Долго я не имел от него ни о чем уведомления, кроме что один с начала сражения бежавший пикинер в полном страхе прискакал ко мне, обвещая совершенное разбитие всего корпуса, которого словам не только я не поверил, но еще в ту ж минуту и наказал его как вредного беглеца. Напоследок генерал-майор Муромцов первый прислал ко мне рапорт, что неприятель многочисленный там побежден, овладели наши полки его лагерем и артиллериею и уже оного преследуют. Вслед за тем получил я подтвердительные известия, но купно с тем и печальное к общеприскорбию, что генерал-майор и кавалер барон Вейсман фон Вейсенштейн, пройдя сквозь неприступные места, и окружен будучи превосходным числом неприятельских лучших войск, сколько не мог ни кто чаять тут их наитить, примером в себе неустрашимого духа ободряя подчиненных, разбил все сии силы, но среди полной уже своей победы на месте бою пал сам убитым оружейною пулею, которая пронзила насквозь его руку, грудь и сердце. Сим запечатлел сей многократно победитель турков на том берегу Дуная славу своих военных подвигов и великое усердие к службе вашего императорского величества.

Корпус, им побежденный, состоял под предводительством сераскер Нуман паши, считающегось между турков астрологом, и он есть тот самой, что пред сим командовал в Грузии. С ним были Ибраим, Черкес Гасан и Курт паши. В письмах, которые тут взяты, находится, что сей сераскир, как войски наши победили при Карсу, усилен был от самого визиря посланным войском из Шумны к Базарчику, но потом, когда мы пошли к Силистрии, то наипоспешнее сюда обращен. Он имел до десяти тысяч пехоты, далкаличи называемой, которые присягают сражаться одною только саблею, а всех пехоты и конницы тысяч более двадцати. На сие войско имел толикую надежду визирь, что приказами предводителю сераскиру Нюман паше, которые найдены между бумагами подлинные, грозил и салтанским гневом и божиим судом, нудя его скорее напасть на наши войски, и предполагая коль сие он учинит в содействие с силистрским корпусом, то не спасется ни одна нора наша. Нюман паша потому уже и готов был положить руки на наши обозы, занять высоты дервентские между трудными дефилеями в пресечение нам проходу к переправе и ударить на нас на походе по их заключению с стороны неожидаемой; естьли б не движением корпуса Вейсмана был он удержан от выполнения своего намерения и не разбит по вышедонесенному в тот самой день, когда хотел злой свой умысль произвесть на нас делом самым. По первому известию, что неприятель тут разбит, я послал генерал-порутчика Потемкина с кавалериею его корпуса, и такову ж от главного в преследование. Сии сколь еще могли достигнуть бегущего неприятеля, истребляли верстах на тридцати от места бою, но

трудно было и здесь и далее догонять, бросившихся в густые леса и по тесным дорогам, по которым рассыпанный неприятель искал спасения одной только жизни. Лагерь полной с обозом многочисленным разделили по себе наши войски, истребя последнее, чего взять не могли с собою. Кроме других военных запасов вся неприятельская артиллерия, в ретранжаменте взятая, состоит из 25-ти орудий. Подробнейшее же донесение о сем деле имею честь поднести в экстракте «Д», из рапорта, мне поданного от генерал-майора князя Голицына, который в том корпусе находился и старшим оставался, как убит был Вейсман.

Свободясь через сию победу от засады, которую враг наш уготовил было на всеконечное истребление, и обратя сию пагубу на главу его, принесли мы всевышнему нам в том помощнику благодарные молитвы в главном корпусе с пушечною пальбою.

23-го числа генерал-порутчик Потемкин привел полки корпуса Вейсмана от места сражения в соединение с главною частью и донес, что в той стороне, кроме по разбитии бегущих без остановки, не открыт больше ни где неприятель; не показывался он так же и из Силистрии во время нашего обратного походу, кроме конных только партий, высыланных для обозрения.

Не имев уже ни где более против себя в поле неприятеля, после многократных его разбитий, а видя от всегдашнего дела с ним и от походу всех людей утружденных до бессилия, и что вся кавалерия пришла внесостояние, у которой лошади ни на час из-под седел не выходили, имея вседневно дело с неприятелем и по оному беспрерывное движение, как равномерно ездя далеко за тростником одним, из коего для нее весь корм состоял, но и тот, уже от дня в день устаревая, не служил более на пищу, травы ж на сих гористых местах отнюдь не было, и щитая поиск на верховного визиря в Шумлу неудобным и бесполезным, неудобным потому, что нет проходу по образу строю и экипажей наших войск по дороге, туда ведущей, а безполезным ради того, что он, войски отделяя от себя, с которыми мы всеми имели дело, держится, повидимому, на готовой ноге к бегу в горы, чего ни коим движением упредить нельзя, а по донесению от последних выходцев, уже он и оставил Шумлу и отправился далее внутрь Румелии. Созывал я 24-го числа генералов на второй военный совет, на коем рассуждая о положении нашем и неприятельском, заключили переправиться чрез Дунай на свой берег, а для каких причин усмотреть изволите, всемилостивейшая государыня, в копии здесь подносимой о том приговора. Вследствие на совету определенного в тот же день отправя корпус, вышедший из Бессарабии по правому берегу Дуная чрез Карасу в Измаил под командою генерал-майора Райзера, и не имев опасности по всем известиям, чтоб было у неприятеля в той стороне столько сил, чтоб сделать на него важное покушение, но напротив предполагая, что и сей корпус в пути своем может еще на него производить поиски, а сие учиня, 25-го приступил главной

корпус, а по нем генерал-порутчик Потемкин к обратной у Гуробала переправе и кончили оную благополучно 27-го к полдню, меры всегда имея готовыми принять неприятеля силистрского, хотя бы на последнею остающеюся часть покусился, но он не хотел не только сего учинить, но ниже назрить наши следы, вышед из авантажного положения.

Представляю здесь всеподданнейше ведомости о числе убитых и раненых в экспедицию на Силистрию, издержанных артиллерийских и ружейных зарядах; и дерзаю себе льстить, всемилостивейшая государыня, что, рассмотря на подносимом плане («Е») положение мест, которые мы прошли, и на которых были и свергали с оных малыми силами превосходное число неприятеля, удостоите, ваше императорское величество, высочайшего своего благоволения несравненный труд, мужество и усердие от ваших войск, в сих подвигах оказанные.

Командующие частьми генерал-порутчики: Ступишин, барон Унгерн, Потемкин и князь Долгоруков, в трудах и действиях против неприятеля были мне помощники и с полною ревностью к пользе службы, где кому был случай употреблялись, а князь Долгоруков из доброй своей воли при атаке корпуса Осман паши находился в части генерал-порутчика Потемкина и сотруждался обще с ним в распоряжениях к одержанному успеху; генерал-майоры: дежурной князь Долгоруков во время бою с неприятелем и во всякой час по званию, которое исправляет, оказывал достохвальное мужество и свое рачение, артиллерии Тургенев, инженер Ригельман, Мелиссино — трудились всегда по своей должности. Правящий должность генерал-квартермистра генерал-майор Муромцов, по малоимению здесь чинов Генерального штаба все бремя сей многотрудной должности на себе одном несет и, упражняясь неусыпно в рассмотрении положения мест, в делании новых дорог для проходу войскам, сколько в том доказывал свое искусство, так и под Силистриею, вдаваясь в сеи опасности, делал ближайшие рекогносцирования, а на последок в победе, одержанной бароном Вейсманом над сераскиром Нюман пашею, много участвовал способствуя своими трудами, не щадя жизни, и поводом сим новым его храбрости и трудов отличных, осмеливаюсь испросить к нему всемилостивейшего от вашего императорского величества благопризрения и повергнуть оному же подвиги своего отличного мужества в сих действиях, изъявивших генерал-майора Мелиссина, полковников и кавалеров Петерсона, графа Воронцова, фон Кличку, Новотроицкого кирасирского Чертова, Московского карабинерного Левиза, пикинерного Елисаветградского подполковника Увалова; подполковников и кавалеров Венгерского гусарского Розена тяжело раненного барона Ферзена и Цыглера, и пример-майора Фаминцына. О протчих же офицерах, имевших случаи отличиться своею службою, не умедлю представить вашему императорскому величеству по отобрании

от частных командиров достоверных о том свидетельств. Во время сражения с неприятелем находились при действующих войсках иностранные волонтеры, Римской императорской генерал-фельдмаршал-лейтенант барон Барко, полковник Броун, гишпанской полковник Деласказас, аглинской капитан Елиом; наши: полковник и кавалер принц ангалт-Бернбургской, которой командовал частью в колонне, на приступ к городу назначенной барона Игелштрома, и явил не меньше в сем как и во всех случаях к общему признанию дух твердости, свойственной его породе и свойственный рожденным военачальствовать. Камер-юнкер князь Долгоруков, штаба генерал-фельдмаршала князя Голицына генеральс-адъютант князь Прозоровский, употребляющийся всегда с полками кавалерийскими, лейбгвардии капитаны: Розенберг, Лунин и Крузенштерн, порутчики Бибиков, Леонтьев, Васильчиков, Потемкин, Самойлов — сей отличился, подавая собою пример мужества при атаке ретранжамента, и когда нужно было расстроившиеся колонны приводить в порядок, флигель-адъютант генерал-аншефа и кавалера графа Чернышева Арсеньев, гвардии адъютант Трегубов, подпорутчик Высоцкий, прапорщики Судьенков, Васильчиков, корнет Васильчиков, сержанты Позняков и Рахманов, кои употребляемы были как мною, так и от частных командиров для отнесения повелений, где дело происходило с неприятелем.

Щастливым я себя признаю, всемилостивейшая государыня, что, перенесши оружие за реку Дунай, удостоился к славе оного приобресть там новые успехи, но не меньше к щастью моему обращаю и то, что без всякой потери учинил я обратную переправу, и стою уже на своем берегу. Не мог я гонятца по местам непроходным за особою одного верховного визиря. Предложения ваши были, всемилостивейшая государыня, чтоб разбить визирскую армию, доколе она не будет еще в полном собрании на той стороне. Сие мною и учинил я, победив те войски, которые он против меня отряжал и боле коих не имел уже у себя.

Булгария весьма приличное название у турков имеет — Делиарман, то есть: лес разбоинский, которым в ней одним воевать удобно. Горы крутые и впадины глубокие составляют положение оной. Мы брали у неприятеля полные лагери, обозы и артиллерию, но побить наголову нельзя никак его войск, в убежище везде себе находящих леса и овраги, по которым по образу нашего ополчения кавалерии и пехоты, артиллерии и тягостного обоза, никак нельзя и ходить, а и того меньше действовать, а напротив ничего так нелегко в той земле, как засаду делать и внезапно нападать, к чему и было покушение неприятеля напряжено на совершенное нас истребление.

Сведя вмести три корпуса, которыми защищаема была Бессарабия, Молдавия и Волахия даже до реки Ардыша, имел я в них только всей пехоты тринадцать тысяч. С таким числом,

будучи за широкою рекою, естьли пойтить на атаку укрепленных неприятельских постов, каков и город Силистрия, то за утратой людей, в таком случае неминуемою, едва бы осталось у меня сил и для содержания гарнизону при овладении тем местом; но сию всю обширность земли, которая чрез то движение была обнажена, чем тогда закрыть? Еще я за должность себе нахожу донести вашему императорскому величеству, что мне нелегко теперь войтить в прежний порядок оборонительного положения и восстановить в нем ту же твердость, которая рушилась чрез переход за Дунай, ибо магазейны и все транспорты, довольствовавшие каждую часть, делясь на разные пункты, сведены были к одному, равно как и суда, на которых потребные запасы возятся, употреблены были для переправы, следственно в тех местах, где должно войскам стать, не могут они найтить теперь ничего к продовольству их нужного.

В жителях сопротивного берега не приметил я ни какой приверженности к войскам нашим, не было ни одного, которой бы по доброй воле подал нам о неприятеле известие, но и которые попадались в руки больше подавали в себе сомнения, что суть подосланные от стороны неприятельской, нежели приносили достоверности. Осман паша, который пред сим командовал в Мореи, привез в Силистрию много оттуду греков пленных, чрез которых может наносить страх и сдешним християнам, или же в них по общежительству с турками больше действует привычка, нежели побуждение веры.

Польза службы велит донести вашему императорскому величеству, чтоб в укомплектование здешней армии не присылать более татар, ибо коль только стали на одном берегу с неприятелем, то примечен в таковых дух неверности и ушли из них некоторые прямо к неприятелю, за всеми против того сделанными осторожностьми.

В продолжении экспедиции за Дунаем, какие одержаны поверхности над неприятелем в части генерала графа Салтыкова генерал-порутчиком Каменским и генерал-майором Суворовым, и что препятствовало ему по моему повелению вступить тогда ж на сопротивной берег, к высочайшему усмотрению представляю выписку его ко мне о том репортов.

Окружен быв неприятелем и находясь против него в повседневных действиях, не мог я прежде совершенно конца тому, поднести вашему императорскому величеству всенижайших уведомлений, что и есть причиною умедления между последним и сим моим всеподданнейшим донесением.

Долг звания моего обязывает меня тут же представить всеподданнейше вашему императорскому величеству и о сем, что в полках здешних по убыли чрез бой с неприятелем и от самых болезней, едва уже малейшая часть остается твердых старых солдат, а состоят оные из рекрут слабых, которые не навыкли бесстрашно входить в огонь и причиняют расстройки, случаю-

щиеся в деле с неприятелем. Неприятель же, как известия подают и министры дворов союзных, о коих мне сообщал тайный советник Обрезков, не только не мыслит уже о мире, но больше ополчения принимает продолжать войну, и мы сами видели в нынешних действиях за Дунаем, хотя и в начале еще кампании, что войски, с которыми имели мы там дело, состоят уже из самых лутчих и выборных храбрецов, и потому весьма нужным я полагаю против такового неприятельского ополчения лутчее и большее дать усилие и здешней вашего императорского величества армии, в коей о наличном числе людей соизволите быть известны из поднесенных от меня репортов, и осмеливаюсь всеподданнейше просить высочайшего о том повеления.

Флота капитан Третьяков с флотилиею дунайскою, посыланной от меня в море для произведения поисков над неприятельскими судами при их ходе и в пристанях, сколько могли бы дозволить его силы, возвратясь в устье дунайское, прислал мне репорт, что сие он учинил по оказавшейся тече в судах, который к высочайшему усмотрению подношу в копии. По его уведомлению 18-го и 19-го июня неприятельские четыре корабли военные, четыре брегантины и три галеры прошли мимо острова Сулино к Очакову; и еще комендант Килии репортовал о примеченном так же турецком военном корабле 21-го числа, который приближался к острову Сулину и, выстрел сделав из пушки, отошел в море. В последних числах сего месяца из Царяграда на пяти лодках прибывшие в Измаил греки привезли на продажу разные фрукты. Они показывают, что при отъезде их 11-го июня отправлено из Царяграда десять кораблей и двадцать галер с войском в Анадолию в крепость Батунь...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА. д. 1987, л. 175—194 об. Подлинник. Частично опубликовано в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 235—237.

Приложение к док. № 333

1773 г. июнь. — ВЕДОМОСТЬ КОЛИЧЕСТВА БОЕПРИПАСОВ, ИЗРАСХОДОВАННЫХ ПРИ АТАКЕ СИЛИСТРИИ

Звание		Число зарядов
Из Главного корпуса		
Из 12-ти фунтовых пушек 6-ти	ядер	201
	картечь	44
Из $1/2$ картаульных единорогов 2-х	бомб	75
	картечь	15

Звание		Число зарядов
Из колонны господина генерал-майора и кавалера Вейсмана фон Весенштейна		
Из 12-ти фунтовых пушек 12-ти	ядер	728
	картечь	20
Из 6-ти фунтовых пушек 2-х	ядер	149
	картечь	13
Из $1/2$ картаульных единорогов 5-ти	бомб	234
	картечь	9
Из $1/4$ картаульных единорогов 2-х	гранат	3
Из корпуса господина генерал-порутчика и кавалера Потемкина		
Из пушек 12-ти фунтовых 10-ти	ядер	329
	картечь	28
Из пушек 6-ти фунтовых 6-ти	ядер	281
	картечь	22
Из шести полукартаульных единорогов	бомб	312
	картечь	19
	Итого	2 482
Из полковых пушек и единорогов выстрелено гранат и картечь и ядер	В Главном корпусе	250
	В корпусе господина генерал-майора и кавалера Вейсмана фон Весенштейна	132
	В корпусе господина генерал-порутчика и кавалера Потемкина	509
	Итого	891
Ружейных патронов	Из Главного корпуса	111 465
	В колонне генерал-майора и кавалера Вейсмана фон Весенштейна	96 012
	В корпусе генерал-порутчика и кавалера Потемкина	89 030
	Итого	296 507
Потеряно при занятии горы, упадшия во овраг		
Гаубица		1
Пушка 6-ти фунтовая		1
Полковой единорог $1/4$ картаульной		1
Ящиков	гаубичной	1
	пушечных 6-ти фунтовых	3

Граф *Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 207—207 об. Подлинник.

№ 335

1773 г. июля 18. — ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ В ОТВЕТ НА ЕГО ДОНЕСЕНИЕ О ПРИЧИНАХ ОТХОДА РУССКИХ ВОЙСК НА ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ

Петергоф

Граф Петр Александрович, любя истинное благо империи и для того желая не менее многих восстановления мира, чистосердечно вам скажу в ответ на ваше ко мне партикулярное письмо из лагеря при деревне Жигалее от 30 июня сего года[1], что известие о возвратном вашем перешествии чрез Дунай не столь мне приятно было, как первая ваша с армиею переправа чрез сию реку, с которою я вас столь искренно поздравила письмом моим от 28 числа прошедшего месяца[2], ибо мню, что возвращение ваше на здешней берег не будет служить к ускорению мира, оставляя впрочем без всякого уважения все пустые по всей Европе эхи, коими несколько месяцев сряду уши набиты будут. Сии сами собою конечно упадут, причинив нашим ненавистникам пустое некоторое удовольствие, на которое взирать не станем. Что же касается до ваших персональных неприятелей, о коих вы ко мне упоминаете, что они вас выводят на пробу жестокую тогда как силы, вам вверенные, приведены в великое ослабление и для того вы ко мне о всех трудностях перехода чрез Дунай живое описание делаете, то, входя во все ваши обстоятельства, колико возможно подробнее откровенно вам скажу, во-первых, что я сих ваших неприятелей, на коих вы жалуетеся, не знаю и об них, кроме как от вас, не слыхала, да и слышать мне об них было нельзя, ибо я слух свой закрываю от всех партикулярных ссор, уши надувателей не имею, переносчиков не люблю и сплетней-складчиков, кои людей вестьми ими же часто выдуманными приводят в несогласие, терпеть не могу; сии же люди обыкновенно не имеют к приобретению себе уважения, кроме таковых подлых; подобным интригам и интригантам я дорогу заграждать обыкла уничтожая их двоякости; о людях же качествами своими и заслугами себя столь же как и чинами от других отличивших как вы, я не привыкла инако судить, как по делам и усердию их; итак, надеюсь, что вы по прошедшему времени, в котором вы толико имели опытов моего благоволения к вам и многочисленным вашим заслугам ко мне и к государству, будете судить о настоящем и о будущем моем к вам расположении. Описав столь откровенно вам мой образ мыслей в рассуждении вас персонально, теперь приступаю я к другому предмету вашего письма, то есть к живому описанию по-

---

[1] См. документ № 332.

[2] Не публикуется.

ложения вашей армии, в которой вы пишите, что под именем армии не более имеете, как корпус небольшой в 13 000 пехоты на все действия с визирскими силами. Признать я должна с вами, что армия ваша не в великом числе, но ни когда из памяти моей исчезнуть не может надпись моего обелиска по случаю победы при Кагуле, на нем начеканенная, что вы, имев не более 17 000 человек в строю, однако славно победили многочисленную толпу, предводимую тогда визирем Галил-беем, с которым считалось до полутораста тысяч человек, что весьма во мне утвердило правило, до меня римлянами выдуманное и самыми опытами доказанное, что не число побеждает, но доброе руководство командующего, совокупленное с храбростию, порядком и послушанием войск. Сожалею весьма, что чрез сей вам бывшей весьма многотрудной за Дунай и обратной поход утомлены сии храбрые люди, и что лошади дошли до крайнего изнурения, как вы о сем в вашем письме ко мне упоминаете, но надеюсь, что вашим же известным мне об них всегдашним попечением и люди и лошади паки приходить будут в прежнее их состояние. Что же ваше оборонительное положение рушилось до самого основания, вам не легко будет оное восстановить, сие себе представить могу не беструдным для вас, ибо чрез месяц ваша позиция три разные вида получила, а именно: первое ваше положение по сю сторону Дуная, потом наступательная переправа чрез Дунай и за сим обратной поход ваш совокупной с восстановлением паки оборонительного положения. Все сии так сказать переломы конечно соединены быть должны с немалыми трудностями и заботами, но знав ваше искусство и испытав усердную ревность, не сомневаюсь, что вы в каких бы ни нашлись затруднениях с честию из оных выходить уметь будете. Супротивной дунайской берег у Силистрии вы мне описываете столь неспособным к продолжению на оном военных действий, что не токмо удвоить, но утроить надлежало армию для получения твердой на оном ноги; я описанию сему вашему совершенную подаю веру, но колико не желаю окончания войны нанесением наивящего вреда неприятелю в недрах его, не могли получить мира сносного чести и пользе моей империи негоциациями после толиких побед, со всем тем удвоить, а еще менее утроить армию я не в состоянии и сие сверх того и за полезно не почитаю по вышеписанным мною постоянно принятым и следуемым правилам. Все, что делать ныне могу, есть то, что я из польского корпуса приказала к вашей армии послать несколько еще полков для усиления оной и надеюсь, что они еще ко времени к вам приспеют, ибо полагаю по нынешним вашим мне уведомлениям, что большая часть летнего времени исчезнет и, следовательно, обыкновенное время кампании сей, прежде нежели вы в состоянии будете паки принудить вашими действиями неприятеля к ускорению мирных договоров, в сем и в прочем я вам руки не связываю, как теперь, так и прежде в совершенной вашей воле состоит наносить неприятелю

все те удары, которые по мере сил ваших вам бог на сердце положит. Более доверенности кажется вы от меня уже желать не можете, но дабы вы во всем совершенно удовольствованы были и ответствуя на все строки письма вашего ко мне, приказала я выправиться, на какие из ваших требований или писем вы от меня решением не снабдены, и естьли таковые отыщутся, то немедленно на оные вам сообщены будут мои о том положении, не менее как и награждение тем, кои оного по вашему предстательству заслужили, дабы дух подчиненных ваших и в сем случае был ободряем, так я обыкла оных не приводить в упадок, что многими вам не безызвестными опытами самим делом по вашему предстательству уже многократно доказала. Что же ваши телесные силы чрез войну, водимую пять лет сряду, пришли в ослабление, как вы о том ко мне упоминаете даже до того, что вы охотно желаете увидеть такого на вашем месте, который бы так, как вы, полагал щастие свое в угождении воле моей и в благе отечества, о сем осталось мне сердечно жалеть и конечно, колико бог подкрепит телесные и душевные силы ваши к предводительству орудий российских, империя не-инако, как с доверенностию от вас ожидать должна дел, соответствующих уже приобретенной вами ей и себе славы, но со всем тем естьли бы по человечеству свойственным припадкам вы к общему сожалению и моему не в силах себя нашли продолжать искусное ваше руководство, то и в сем случае я бы поступила с обыкновенным моим ко всем в подобных обстоятельствах находящимся уважением. С победами, полученными вами за Дунаем, от всего сердца вас поздравляю и желаю, чтоб вы завистникам всегда ответствовали победами. Смерть храброго генерал-майора Вейсмана мне чувствительна весьма была и много об нем жалею. Впрочем остаюсь к вам доброжелательна[1].

Екатерина

ЦГВИА, ф. 341, св 1, д. 1, л. 39—43. Копия. Частично опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 237—239.

№ 336

1773 г. июля 25. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О ПРИНЯТИИ МЕР К ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЮ ПРОХОДА СУДОВ ПРОТИВНИКА ОТ РУЩУКА К СИЛИСТРИИ

№ 265 *Лагерь при р. Яломице*

Получая часто репорты, что неприятель от времени больше великими и малыми партиями на судах от Рущука вниз проходит к Силистрии и снабдевает без сомнения чрез сей путь свои

[1] Ответ П. А. Румянцева — см. документ № 339.

войски пропитанием, нахожу за потребно возобновить толь многократно чиненные от меня предложения, дабы все меры взяты были на воспрепятствование сих способов неприятелю; ваше превосходительство в своей части имеете довольно судов, ищите посредством оных удобовозможные сделать засады против ходу неприятельских судов, чтоб хотя раз произвесть на оные поиск и подать тем страх неприятелю в сем его Дунаем сообщении, которые он теперь беспрепятсвенно продолжает, ежели не для усилия войском нижних своих постов, то для наполнения в сей части своих магазейнов, следственно и то и другое делают два важные пункты, чтоб вам с своей стороны на опровержение оных восприять всевозможные действия, а не меньше и по вниманию, что должно иметь вам о безопасности запорожских лоток, на которые может быть турки целят своими предприятиями.

Румянцов

P. S. Прилагаю здесь план сделанного уже парома, который по испытанию является удобнейшим для переправы кавалерии и артиллерии [1], чтоб ваше превосходительство по сему образцу таковых у себя для употребления построили. Когда к тому все иметь можете готовое, или же в чем был бы недостаток, оное старались заготовить к постройке на случай потребной.

Румянцов

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 40, л. 489. Подлинник.

№ 337

1773 г. июля 30. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О ПЕРЕМЕНЕ ПОЗИЦИИ ВВЕРЕННОГО ЕМУ КОРПУСА, О ЗАНЯТИИ ЧЕКАНЕШТИ И ВЫСЫЛКЕ ПАРТИИ ЗА ДУНАЙ

№ 271

От дня в день подает неприятель виды, по которым замечать должно предприемлемые им действия в ту часть, где следствия могут быть для нас опаснее, и коль еще скрывает он в том прямые свои умыслы, а больше бы оставалось ожидать их в верхней части Валахии [2], то и знаете вы из моего третьего дня ордера, что я предписал генералу графу Салтыкову, в рассуждении

---

[1] План парома в делах отсутствует.

[2] Под «верхней частью Валахии» подразумевается западная часть Валахии.

сохранения взаимной с вами связи[1]; но и теперь познается по приближению вновь в сей день неприятеля на судах и сухим путем к Гирсову, что он серьезные берет покушения на овладение сим замком, в котором мы удерживаем твердую ногу ради отвлечения неприятельского усилия в верхней части и для опоры войскам своим в предприятиях на сопротивном берегу. Ради сего за потребно я считаю, чтоб ваше превосходительство переменили свою позицию, закрытую ныне от обозрения неприятельского (которой может потому считать вас удаленным от сей стороны и дерзает на свои поиски, сделав, повидимому, верной вычет расстоянию, как можем мы куда поспевать), и придвинулись к берегу Дуная, а для взятия вам такова поста мне кажется удобным местом Чеканешты, где вы, оказав свои силы и прибавив еще по искусству виды какова-либо готовящегось от вас предприятия, нанесете неприятелю и страх и замешательство, а по крайней мере попрепятствуете его устремлению ныне на Гирсов. Для диверсии ему в сем наипаче последнем постарайтесь, ваше превосходительство, на своих судах высадить партию на сопротивной берег между Туртукая и Силистрии для омбражу только неприятелю или же подобное сему действие открывать и на Туртукай, а ежели вы на сей или на другой какой неприятельской пост находили бы удобность произвесть и серьезный поиск, то отдаю на ваше благоусмотрение и полагаюсь в учреждении к тому мер на ваше искусство. Сии действия и корпусу вашему положение на берегу Дуная я считаю нужным по настоящим обстоятельствам, но по времени вы можете опять перенести свой стан на место с лучшими выгодами, как равно дойдет может случай, и общими силами действовать нам на неприятеля. Вы имеете столько пехоты, чтоб при Негоештах полком или и больше держать стражу на тамошнем посту к обеспечению своей связи с корпусом графа Салтыкова, который последним рапортом извещает, что турков тысяч до пяти от Калифаты и от Орсова следует вниз Дуная и перешли уже реку Жи, а перейдя к Чеканештам и имея понтоны, удобно вам на речке между Обилешт поставить вверху свою переправу; в нижней части генерал-поручику барону Унгерну велел я со всем корпусом перейтить к Бабадам и сей день подвинул я и от себя бригаду к устью Яломицы, предпринимая расположение атаковать неприятеля, естьли он устремится формально приступить к обложению Гирсова.

Румянцов

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 40, л. 500—501. Подлинник.

---

[1] Ордером от 27 июля Румянцев указал И. П. Салтыкову на неправильное его расположение в верхнем течении р. Телеорман, при котором утрачивается связь с корпусом Потемкина. Румянцев разъяснил Салтыкову, что он обеспечивает полосу между рр. Ольга и Арджеш с центром между Дунаем и Бухарестом и поддерживает тесную связь с Потемкиным (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1877, л. 499—500 об.).

№ 338

1773 г. августа 4. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА А. В. СУВОРОВУ О ВЗАИМНОЙ СВЯЗИ С ВОЙСКАМИ ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКА К. К. УНГЕРНА И УДЕРЖАНИИ ПОСТА В ГИРСОВЕ

После держанных мною словесно с вами рассуждений о состоянии замка Гирсовского, препоручая вашему превосходительству в командование сей пост, не имею я нужды предписывать подробные правила, которые происходят от сих генеральных.

Сей пост удержан нами прежде для опоры войскам, которые возвращались в Измаил, а теперь полезен оной, чтоб, отвлекая сюда внимание неприятельское, не допустить его полными силами обратиться в верхнюю часть. Двукратные уже попытки его на сих днях приносят нам удостоверение, сколько держимая тут нога наша его занимает. Но, чтоб еще более поставить его на обоюдную опасность, то по моему повелению переправляется со вчерашнего дня генерал-порутчик Унгерн от Измаила на сопротивный берег и возьмет пост свой в Бабадах в месте, подходящем к высоте вашего пункта.

Я приказал ему, вступая на сопротивной берег, послать пред собою партии, которые бы открыли Караарманскую и Базаруцкую дорогу и связали сообщение взаимное с Гирсовым.

Сим образом вновь предприемлемое движение наших войск за Дунаем нанесет, без сомнения, заботу неприятелю, в которой держать его ныне полезно, доколе время и способы улучшили на дальнейшие противу него действия, не допуская, между тем, ступить ему всеми силами ни в сей, ни в другой край. Когда генерал-порутчик Унгерн вступил в Бабады, то уже вся линия между вас по принятой связи будет обеспечена и вашему превосходительству останется свои партии и разъезды посылать по Карасунской дороге и от своей стороны подавать ему нужные уведомления так равно, как и он вам от тех мест, которые войдут под его наблюдение.

По настоящему укреплению в Гирсове и числу состоящих там войск не может быть опасным покушение неприятельское без надлежащих орудий и приготовлений к атаке. Я же, ведав образ ваших мыслей и сведений, предоставляю собственному вашему искусству все, что вы по усмотрению своему к пристройке нужным найдете прибавить там на вящшую пользу.

Делами вы себя довольно в том прославили, сколько побудительное усердие к пользе службы открывает вам путь к успехам.

На сие, как и на искусство ваше, весьма мне известное, довольствуюсь я возложить сохранение и оборону сего нужного поста и придать делу собственного ж вашего предусмотрения воспользоваться иногда случаем к поиску каковому-либо над неприятелем, как равно и открывать оной.

Запорожская команда и суда, что при Гирсове состоят, под вашею диспозициею остаются, а бригада господина генерал-майора Милорадовича, хотя принадлежит главному корпусу, но в том месте будучи, по вашим требованиям, в случае надобном от своей части и он доставит вам помощь. Сим я оканчиваю предписание, указав только вам генеральные пункты, и остаюсь в надежде, и в том уважении, что вам, яко генералу, отличающемуся достоинствами военными, собственное благоразумие будет во всяком разе лучшим руководителем.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1980, л. 13—14. Черновик без подписи. Опубл. в сб. «А. В. Суворов», т. I, Воениздат, М., 1949, стр. 677—678.

№ 339

1773 г. августа 8.— ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С ОБЪЯСНЕНИЕМ ПРИЧИН ПРЕКРАЩЕНИЯ НАСТУПЛЕНИЯ И ОБРАТНОГО ОТХОДА ЗА ДУНАЙ В КАМПАНИИ 1773 г.

Лагерь при р. Яломице

Всевысочайшее своеручное вашего императорского величества [письмо] от 18-го июля [1], которым благоугодно было, по свойственному великой душе вашей легкосердому образу, покровительство и доверенность вашу к ободрению моему, подтвердить, я с глубочайшим благоговением 30-го того же месяца принять удостоился.

Чувствую, всемилостивейшая государыня, премного отрады от слов и милостей ваших, но боль во мне душевная не может исчезнуть, с которою поступить принужден я был на обратной переход из-за Дуная, не находя возможности достигнуть больших предположений. Злословия недоброхотов избежать бы не можно, в которую бы пору не случилась обратная наша переправа, ибо твердой ноги своей мы там удержать не могли, по неимению пропитания. Все, однакож, и сам неприятель, всеконечно, то сознает, что мы перешли на свой берег не от силы нудящей, но быв победителями над его войсками, от нас троекратно разбитыми.

Из действий в первую мою здесь кампанию известны ваше императорское величество, как я всемерно старался поставить твердую ногу на берегу дунайском, и чем скорее добирался к сей реке, чтоб не починать будущих военных действий, и паки с прежнего пункта зимния квартиры я тут взял против чаяния и представления многих, и сим образом утвердившись, сколькратно я делал поиски на сопротивный берег к чувствительному вреду неприятельскому.

---

[1] См. документ № 335.

Кагульская победа одержана подлинно с малым числом людей над превосходным; но не сей один пример, всемилостивейшая государыня, низвержения неприятельского оружием, мне вверенным; в 1771 году, в октябре месяце, разбит он был весьма знаменитее[1]. Сияния действия сего всячески затменно, но следствием оного вдруг увидели предположения мирные в прекращение дальших действий; ибо в упомянутом сражении неприятель потерял до того всю многочисленную артиллерию, что теперь все пушки, которые мы берем, уже вылиты 1772 года.

Сие доказывает, естьли бы по чувствам ударов и своей потери, вел неприятель с нами военное дело, то бы давно уже, по дознанному вреду, кончил оное; но упорство его в заключении мира не есть упование на оружие, но на те посредства, которые упасть ему не дают, или падающего кстати и ко времени подъемлет, и которые не подходят под острие меча сражавшихся. Я вообращаю мои чистосердечные и на прямой верности раба основанные представления вашему императорскому величеству, которые я чинил, мня иметь к тому долгу и полное право со стороны звания и со стороны высочайшей доверенности вашей, сколько ни время, ни силы наши, ни места сопротивного берега, где мы должны были действовать, не отвечали предположениям, и вспомня еще прежние с прибытия к сей армии мои всеподданнейшие донесения о неудобствах, в которые приведена наша пехота и кавалерия, чтоб по тому прибавить людей в роты первой, а другую поставить на легкую ногу, ради пользы службы и ко уменьшению казенных на оную теперешних безплодных расходов и еще тогда ж я докладывал, что привод рекрут поздной не подкрепляет, но обременяет армию; поелику нужно толпу, сей неуч, охранять и учить с расходом людей служащих. И коль мало из них, яко изнуренных дальним путем и без всякого отдохновения вводимых вдруг под все бремя солдатское, остаются прочными для службы, тому явным есть доказательством число ежегодных наборов, и не видя, чтоб обо всем том мои доклады заслужили уважение, хотя в том я удостоверен, всемилостивейшая государыня, что клевета неприкосновенна священному слуху вашему, наипаче собственным моим примером, удерживаясь единым покровительством вашим пять лет сряду на таком посту, где, подобно бывшие начальники, в нашем и прежние века дознали всегда уязвления от зависти. Ибо я никогда не имел повода собственностию моею нажить себе недоброжелателей, не знав, от детского возраста до дней уже моей ныне старости, жизни выгодной; но что я их к нещастию имею, то к чему мои объяснения о том пред вашим императорским величеством, яко монархинею премудрою и проницающею глубоко во все действия и их причины, которыми они против меня прямо идут, и своими новоизобретениями, во опровержение

---

[1] Под Тульчей, Исакчей, Бабадагом и Бухарестом.

моих, представляют и надобности, и возможности, и удобства, и иной вид в щот дают на бумаге войску, нежели оной есть в деле, и тем ставят меня во исполнении непреодолимых обстоятельств, или неготовым, или неискусным, и всяческими образы смешивают к получению награждения прямых военноподвижников, не только на ряду старшинства с находящимися вне войны, но и с теми, кои, под разными виды, явно удаляясь от службы и не редкия в нареканиях и неудовольствии против меня по новым штатам, наводят для себя выгодные и полезные места, присвоияют двойное жалованье, при прежнем отправлении службы и должности, изъемлют из ведения моего чинов, привязанных прямо ко мне и неотлучно бытностию, по вверенному над армиею начальству, а чрез то честолюбие, как лучшая подпора к службе, и уважение к начальнику упадать, негодования же и происки умножаться должны. Имел я сии обстоятельства в мысли моей, когда доносил вашему императорскому величеству о моих неприятелях, и что для произведения на том берегу — действия и охранения твердым образом наших завоеваний, надобно удвоить армию, и словом сим удвоить и утроить, не разумел я, по числу людей, в каком она щитается по состоянию, в каком она есть в количестве людей, несущих прямую службу; ибо все рекруты, поздно, а некоторые токмо что сей день приводимые, не составляют подкрепления оной, но еще для сбережения и науки их должны отделять знатную часть солдат старых, а полки, упражнены будучи действиями против неприятеля, не имели времени ни выучить, ни обмундировать их, и для того по сию пору большие их кучи в своем образе остаются, то есть в серых мужичьих кафтанах.

Зрите, всемилостивейшая государыня, во всех строках сих продолжение чистосердечной моей исповеди пред вами, которую извлекают из меня верность раба, правота души моей и ободрение, что я чиню оную монархине великодушной и в полном признании ее к себе высочайших благотворений.

Не запинался я действовать в другую уже войну с малыми силами, знав весьма мои обстоятельства, и избрав по склонности своей сие ремесло, переносил терпеливо всегдашнюю участь, что скудные способы мне достаются против изобильного ополчения. Храбрость, конечно, заменяет во многих случаях недостаток числа: сие можно бы присвоить за непременное правило, естьли бы сей редкой души талант врожден был каждому оруженосцу, из коих многие, однакож, по моему дознанию, в деле мерят числом телесные силы, а не свойствами душевными, и как на первом свое упование и подпору утверждают, так в последнем явно оказывают ежели не страх, то сомнение.

Ваше императорское величество усмотреть изволите из реляции и журнала, при сем следующих, что я, устремляя все, что только в возможности есть, к нанесению в том вреда неприятелю и к смягчению его упорства, и упражняясь в том при воз-

вращении из-за Дуная с первых дней высматривая наиточное положение его и способы, чрез которые в свое время к тому приступить, но по всем пропозициям своим, граф Салтыков не отходит от своих предположений, и не сыскивает во всей своей части никакой пользы в наступательных действиях на противном берегу, а по дальнему расстоянию не остается мне надежды заимствовать подкрепление в нынешнюю кампанию от полков, назначенных из Польского корпуса, в противном же усердному желанию моему состоянии, и при истощении крайних моих сил быв и теперь несколько уже дней в постели, надеюсь на высочайшую милость вашего императорского величества, щедрым образом всем верно и усердно служащим являемую, что и мне дозволите на подобный случай отлучиться по крайней мере куда-нибудь под кровлю, ради спасения последних моих жизненных сил; ибо терпя всю суровость воздуха, в нынешнюю наипаче кампанию, чрез так чувствительные и жестокие перемены погоды наипоразительнее разорено мое здоровье. Но как не удалялся я никогда от случаев, где мог пользу принести службе, так и на сию мою отлучку не смею поступить без высочайшего на то вашего императорского величества благоволения.

«Чтения в Обществе истории и древностей российских». Архив военно-походной канцелярии Румянцева, М., 1865 г., кн. 2, стр. 279—283.

№ 340

1773 г. августа 8.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ДЕЙСТВИИ РУССКИХ ВОЙСК ПОСЛЕ ОТХОДА НА ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ

Из лагеря при р. Яломице

Всевысочайший рескрипт вашего императорского величества от 19 июля удостоился я получить и изъявленное в оном всемилостивейшее благоволение за подвиги войску, действовавшему против неприятеля на сопротивном берегу Дуная, объявил я к всеобщему обрадованию.

В такое время, в каком уже есть течение настоящей кампании, не могут поспеть сюда к надобной поре назначенные полки из Польши, как равно и произведены быть в действие посредства какие-либо, служащие к споспешествованию вновь устройства, и для того я, не ведя на то счету, сколько настоящие здесь силы позволяют, стараюсь о приобретении пользы службе. В тех обстоятельствах, где я мог обойтиться собственным изворотом, не дерзал я никогда утруждать ваше императорское величество, ниже в том обременял моими представлениями Военную коллегию. Но о позднем приводе рекрут, от которых усилия армии весьма мало, а потеря их ежегодно многая и невоз-

вратна о подкреплении в числе людей пехотных полков и о облегчении кавалерии, представлял я и в моих реляциях и в репортах Военной коллегии завременно и неоднократно.

Из поденной записки, которой продолжение при сем подношу, соизволите усмотреть, ваше императорское величество, подробное описание сколько уже донесенным от меня действиям в нынешнюю кампанию, так и происходившим после отправления последней всеподданнейшей моей [реляции] под № 23-й[1] какие получил я от генералов, частьми командующих, репорты, и что предписывал им ко исполнению.

На своем берегу оборонительное положение в том мнении я всегда прочил, чтоб по утверждению оного удобнее производить всякой поиск на сопротивной, в чем пользу во многих опытах мы дознали, и я, переходя из-за Дуная, помышлял же не об одном оборонительном положении, да и о действиях наступательных, чему доказательством есть удержание замка Гирсовского на сопротивном берегу, которой занят для того, чтоб посредством оного, назирая ближе движение неприятельское, в случае предприятий наших снизу Дуная на сопротивный берег иметь тут свободное сообщение и подпору, и дабы неприятель, видя там нашу ногу, притяжен был к сему пункту вниманием и имел бы равно опасность сводить свои силы в один край. Сей важной пост поручил я теперь генералу-майору и кавалеру Суворову, к всякому делу свою готовость и способность подтверждающему.

Неприятель своими попытками, двократно чиненными, на оной показывает, сколько пребывание в нем наших войск его озабочивает: ибо 28-го и 30-го июля сперва до трех, а после и до четырех тысяч от воды на сороку судах и от сухопутной стороны турецкие войски устремляли свой поиск противу замка; но, дознав готовое и сильное отражение от нашего гарнизона, наипоспешнее отступили, не отваживаясь в близкой бой.

Видев, что тут державшая нога наша в толь великое беспокойство приводит неприятеля, что он сверху весьма большие партии судов спустил к Силистрии, велел я для вящшего еще притяжения его внимания и сил по отдохновении, которое было нужно войску, утружденному подвигами прежними, перейтить за Дунай генерал-порутчику и кавалеру Унгерну с корпусом от Измаила, и стать в Бабаде, которая подходит к высоте моего здесь положения, и потому не неудобно мне будет к усилению его и на всякое действие, к которому бы случай и способы открылись, расположить свои предприятия. Сей генерал-порутчик с своим корпусом уже тот пост за Дунаем занял, от которого может он и возвратится в свою защиту, если бы неприятель открыл свое покушение на судах с стороны моря в устье Дунайское, или на тамошние берега наши, где часто он показывается.

---

[1] Реляция № 23 от 19 июля 1773 г. не публикуется (см. ф. ВУА, д. 1987, л. 338—342).

Дела сами свидетельствуют, что где близко я сам нахожусь, то и та часть и прикосновенные, конечно, отведывали действовать, но в Верхней Валахии прежде командовавшие, и ныне генерал граф Салтыков, считали всегда против себя силы неприятельские превосходными, и посты его на оборону весьма укрепленными. Сей последний, конечно, всегда усердно пекущийся о приобретении успехов вверенных ему оружием по всем от меня предложениям не находит отнюдь удобности и пользы поступить на переход и поиск за Дунай, не подвергаясь следствиям опасным, что обстоятельно изъясняется во внесенных в журнал его репортах.

Впрочем должен я и здесь повторить, всемилостивейшая государыня, о неудобствах для нас ко всякому действию, что в натуре имеет сопротивной берег Дунайской, в положении своем сокращенный до того на выгоду неприятельскую, что где нам должно проходить верст больше двух сот к таковым пунктам он может от всех к одному и от одного ко всем двумя и тремя легкими маршами поспевать, можно сие судить и по идеальному плану, от меня вашему императорскому величеству представленному, которого начертание весьма сходствует с тем положением, которое видели мы своими глазами.

Я желаю, чтоб последования из моего соображения и непрерывного рачения отвечали во всем усердию, с которым и прежде и теперь ежечасно мои старания на пользу дел вашего императорского величества устремляю.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 344—346 об. Подлинник.

№ 341

1773 г. сентября 7.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ ОТРАЖЕНИИ А. В. СУВОРОВЫМ АТАКИ ПРОТИВНИКА НА ГИРСОВО

№ 29 *В лагере при р. Яломице*

Ваше императорское величество из предыдущих моих всеподданнейших [реляций] соизволите знать, что я все способы употребляю к открытию прямых неприятельских намерений, поелику из разных мест доходящие до меня разные репорты содержат в себе и разное заключение о числе турецких войск и их предприятиях, для того я между протчими принятыми вопреки мерами велел при истечении августа генералу-порутчику и кавалеру Потемкину с своим корпусом подвинуться на берег ближе к Силистрии, и открыть в виду сей крепости и в других еще местах свои лагери, дабы неприятеля опять привязать несколько к сему пункту, и не давать ему свободы на отделение своих войск во вспоможение другим частям; к той же высоте

одновременно с его, Потемкина, движением отправлены от устья реки Яломицы, приведенные снизу Дуная сюда канчебасы и часть запорожских казаков с их лодками, чтоб посредством сей флотилии быть в состоянии реченному генерал-порутчику, наводя опасность на неприятельской берег, воспятить не только ход турецких судов между Рущука и Силистрии, но и делать на них поиски. Неприятель, всеконечно, по тем движениям, считая там наши силы умножившимися, принял такой случай себе за время удобное вырвать из наших рук замок Гирсовской, и потому сераскер Нюман паша, стоящий в Карасу, соединя свои войски с прибывшими в помощь оным из Силистрии, послал тысяч больше восьми пехоты и конницы под командою Джафер паши, снабдя их артиллериею и всем военным снарядом, потребным для атаки крепости, чтоб сим образом выбить паки войски с сопротивного берега и овладеть Гирсовом. Черкес и Арнаут паши в сие же время отделены от него были с своими особливыми деташаментами, против части генерал-порутчика барона Унгерна, стоящего в Бабадах, чтоб тем обеспечить тыл своих войск, действующих на Гирсов [1]. Надежда на таковы распоряжения толь велика была в неприятеле, что он движение к Гирсову сделал наистремительнее, и почти купно с известием от передовых наших постов, вдали его открывших, показался уже он 3 сентября близь стен и самого замка, и предпринял, во-первых, атаковать наши отдельные тут укрепления. Генерал-майор и кавалер Суворов, командующий на том посту, со вверенными ему полками, не только по надлежащему устроил свое против сего сильного и внезапно нападшего неприятеля сопротивление, но ко времени и кстати движением бригады, в запас на острову держанной, опроверг его опрометчивость и, преследуя бегущих турков верст до 30, отбил у них артиллерию, обоз и весь снаряд, привезенной для атаки укреплений. К усмотрению всех подробностей дела, и коликую гибель понес тут неприятель в своем предприятии, подношу здесь список с репорта ко мне о том генерала-майора Суворова [2], донося всеподданнейше, что о дарованной сей победой на завтре, то-есть 4-го сего месяца, торжествованные молитвы всевышнему принесены в армии вашего императорского величества.

Все пленные единогласно уверяют, что в конце прошедшего августа торжествовали турки во всей армии о полученном известии, якобы в Белом море [3] при острове Шио пленил их флот

---

[1] Турецкое командование предполагало осенью 1773 г. начать наступление; основное — на Журжу и вспомогательное на Турно. Кроме этого, для отвлечения сил русской армии на другой участок им было произведено демонстративное нападение на Гирсово. Вследствие того, что эти действия велись турками разновременно при энергичном отпоре со стороны русских, успеха турки не добились.

[2] Рапорт не публикуется.

[3] Так называлось Средиземное море.

несколько российских кораблей[1], стрельба пушечная и оружейная слышна была в их лагерях всем нашим побережным постам, которую я, однакож, принимал за обыкновенные их празднества, называемые байрамы, да и нередко визирь во ободрение войска разглашает вымышленным образом свои подобные сему преуспеяния.

Подношу при сем продолжение журнала, в которой многие пополнения вносятся не для сведения публики, но только, чтобы всеподданнейше донести вашему императорскому величеству до последней черты о тех моих мероположениях, которые я частным командирам предлагаю, в рассуждении действий военных, и как они возражают против того удобность или не возможность с своей стороны рассуждениями.

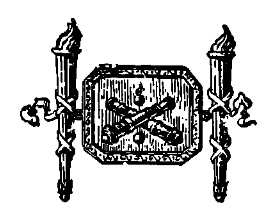
Из Варшавы от генерала и кавалера Бибикова получил я от 6-го августа уведомление, что он во исполнение ему данных повелений полкам, в Литве находячимся, приказал уже выступить, а прочие снабжает к немедленному движению.

Сличая время и положение неприятельское и не находя по оным ныне опасности с стороны Ачакова, перевел я из Бендер и от Аккермана от полков гранодерские роты и часть мушкатер к Измаилу ради обеспечения тем более устья Дунайского, и во вспомоществование на случай открытия действий корпуса, в Бабадах стоящего.

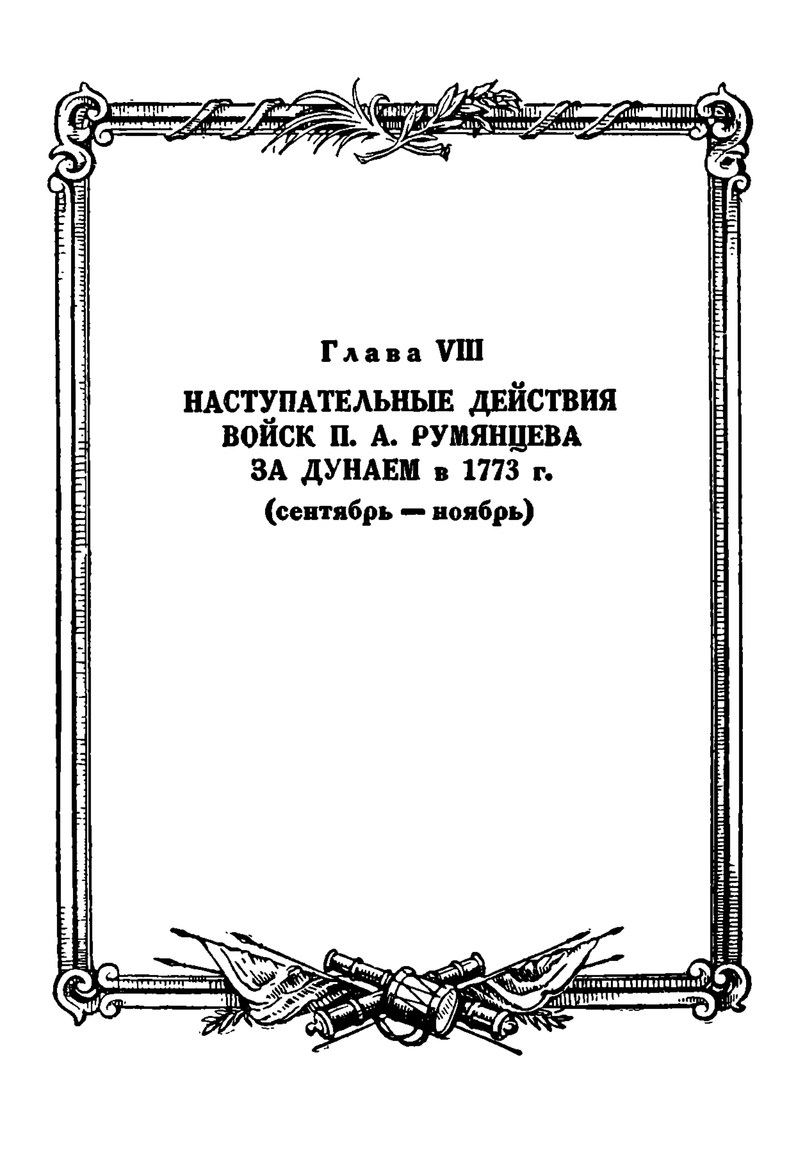
От генерала-порутчика барона Унгерна, хотя еще не имею уведомления, были ль какие в его сторону покушения от неприятельских войск, по показанию пленных против его постов отделенных, но от 5-ч[исла] он меня уведомляет о других делах, не упоминая о том, то и заключаю из сего, что неприятель скорее узнал свое поражение при Гирсове, нежели, что мог противу его предпринять, ибо и передовые посты, связь содержащие между сих обоих наших корпусов, остаются спокойны...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА. д. 1987, л. 444—446 об. Подлинник.



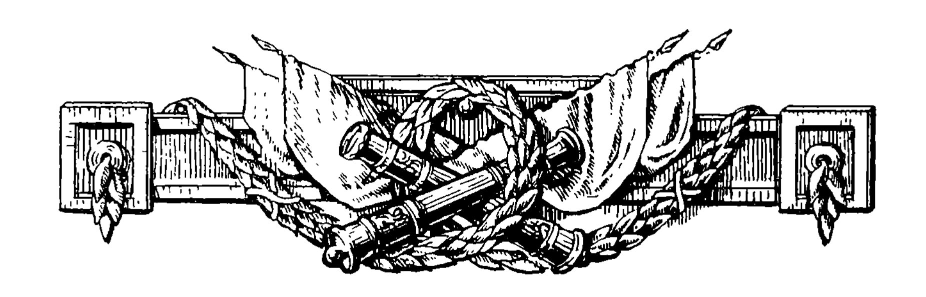
[1] Видимо, речь идет о неудачных действиях русского десанта из состава эскадры контр-адмирала Елманова 6—7 августа по овладению островами Станчио (Кос). Под давлением превосходящих сил турок десант отступил, но никаких кораблей взято не было.



Глава VIII

НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВОЙСК П. А. РУМЯНЦЕВА ЗА ДУНАЕМ в 1773 г.

(сентябрь — ноябрь)



№ 342

1773 г. октября 15.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НАМЕЧЕННЫХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ РУССКИХ ВОЙСК НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ДУНАЯ В РАЙОНЕ ГИРСОВО — КАРАСУ

№ 36 *Фокшаны*

Ваше императорское величество из предыдущих всеподданнейших моих [реляций] соизволите быть известны, что я не престаю всеми образы стараться извлекти неприятеля из его и поднесь весьма закрытого положения и ввойтить в дело с ним для окончания нынешней кампании.

Известия, что имеем чрез пленных и выходцев, одни гласят быть неприятелю в чрезвычайно великих силах, другие уверяют, что он теперь ослабевает, наипаче в Карасу, чрез умаление войск по настоящему времени и по действиям, в которых пред сим дознали турки свой вред при разных своих покушениях от сего поста.

Но как уже время наступило ввести войски в зимние квартиры, где их спокойное пребывание инако обнадежить нельзя, как отогнанием неприятеля с убережи, по которой его нынешнее расположение быть предвидится на ежевременные нам тревоги, то достигая в уважении того, и пользы и своих выгод, определил я генералу-порутчику и кавалеру князю Долгорукову с тремя полками пехотными и одним кавалерийским переправиться чрез Дунай при Гирсове, и соединясь на сопротивном берегу с корпусом генерал-майора и кавалера Суворова, условиться к взаимному содействию с генерал-порутчиком бароном Унгерном, стоящим с корпусом в Бабадах и произвесть поиск по общему их распоряжению на Карасу, где по известиям к Нуман паше присоединились недавно с новыми деташаментами сераскиры паши Омер и Дегистанли, а сей, якобы и приеемник есть команды первого, да чауш-баши, присланный от визиря из Шумлы.

По одержании тут успеха, елико можно, прострут сии корпусы и на дальшую тамошную окрестность свои действия, дабы согнать с оной неприятеля.

Генералу-порутчику Потемкину предписал я открыть от своей части в сию же пору действие на Силистрию, утвердя батарею на острове, сопротивном городу, и для того, будучи я в Браилове, отправил при себе к нему водою осадную артиллерию, велев сделать генералу артиллерии все потребные снаряды для зажжения города. Я сложил на искусство сего генерала, имеющего у себя судов довольно, воспользоваться всеми случаями, которые произойдут от бомбардирования на город и от действий, что при том по своему благоусмотрению определять он может, смотря на обороты неприятельские; я же приметил ему, что, притянувши к сему пункту неприятеля, удобность откроется ударить ему и на Туртукайской пост.

Генерала графа Салтыкова уведомя о сих предположениях, велел я ему, еже бы нельзя неприятеля к себе выманить с сопротивного берега, то отведать по возможности учинить нападение и на его которой либо пост, и попытаться хотя действием артиллерии с мест, в меру к тому состоящих, вредить городу Рущуку, дабы при том его пред взятием во всей части был столько занят неприятель, чтоб не мог в помощь нижним постам, на которые устремлены наши войски, учинить никакого отделения.

Все сии распоряжения настоят уже при самом производстве, чтоб неприятеля одновременно занять на всех главных его постах и привязать обороною собственною каждого поста, чтобы не могли их силы соединиться вместно, или же бы одни другим подать и малейшую помощь.

Ежели в той или другой части успех отвечать будет моим намерениям, то не упущу я, всемилостивейшая государыня, никакого случая, который подался бы к приобретению чего-либо в вящшую пользу вверенного мне оружия, и предоставя доносить о том вашему императорскому величеству в свое время, здесь подношу продолжение дневной записки о бывших действиях, какие известия доходили ко мне о неприятеле.

В чаянии прибытия полков, следующих из Польши, удерживался я начинать действия в конец нынешней кампании: но как оные едва только теперь в границы молдавские вступили, и командующий ими генерал-майор Лопухин репортует, что больных в них весьма умножилось, и наипаче таких, что повредили ноги от марша, ради чего принужден он был делать малые марши; то приход сих полков сюда уже к зимнему времени умножит только тягость расходов на них пропитания, которое с великим трудом в сии места доставляется...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 548—550 об. Подлинник.

№ 343

1773 г. октября 28.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ УСПЕХАХ КОРПУСОВ П. С. ДОЛГОРУКОВА И К. К. УНГЕРНА ЗА ДУНАЕМ В РАЙОНЕ КАРАСУ — БАЗАРДЖИК

№ 37 *Фокшаны*

Предуведомя всеподданнейшею моею [реляцией] от 15-го [1], какие предположил я действия на поражение неприятеля в конец нынешней кампании, имею честь, всемилостивейшая государыня, донести сею об успехах потому приобретенных за Дунаем корпусами, предводимыми генерал-порутчиками и кавалерами бароном Унгерном и князем Долгоруковым. Первой прибыл 15-го сего месяца в Ташауль, имел от передовых своих уведомление, что партия, от сего корпуса посыланная для открытия неприятеля в Карасу, подходила к его пикетам не в дальнем от лагеря расстоянии. Сии обвестили тотчас своим главным о приближении туда наших войск, и потому вскоре под командою Черкес паши, как объявили пленные, до 300 человек выехало турков и от Карасу прямо устремились на наши войски к Карамурату, бывшие там под командою пример-майора и Донского полковника Денисова, который, скрыв тут свою команду, и маня неприятеля видом своей ретирады к наступлению в даль на себя, навел его на скрытую свою стражу, от которой внезапным нападением был замешан и разбит сей неприятель и потеряв из своих убитыми до 50-ть человек, а семь пленными, отбежал к стороне своего стана, с нашей же стороны ранено в сем деле только два казака.

Назавтре реченный генерал-порутчик барон Унгерн соединился в Карамурате с прибывшим туда корпусом генерал-порутчика князя Долгорукова и следовали оба 17-го числа к назначенному лагерю в 8-ми верстах от Карасу при деревне Каратаи. Подходя к оному, когда обозрели легкие войски неприятельской пикет, бежавший от своего места, и в немалом числе конницу, вышедшую из своего лагеря, не видя в протчем никакого смятения в неприятельском войске, тогда генерал-порутчик барон Унгерн, взведя наверх горы (на коей был неприятельский лагерь) прежде — Харьковской гусарской полк и в подкрепление оному пехотной авангард и весь свой корпус, поехал далее вместе с генерал-порутчиком князем Долгоруковым на занятой казаками высокой бугор, с которого рассматривая неприятельское положение и его поставленный при лагере конной строй, коль только приметил часть из неприятельских войск бегущую по дороге Базаржиской, что самое открывалось уже чрез умаление и конницы, державшей однакож свои еще строи, то и обращены были помянутым генерал-порутчиком на сего неприя-

[1] См. документ № 342.

теля по явному уже его бегству все легкие войски, а за ними и карабинерные полки, которые, нагнав неприятеля в 5-ти верстах от Карасу, поражали его наисильнейше. Конница, однакож, неприятельская, отходившая позади своей пехоты, по устремлению наших войск хотя принуждена была обратиться вслед за бегущими, но достигнувши своей пехоты в 12-ти верстах от Карасу предпринимала, соединившись с оною, войти в сопротивление против наших гусар и казаков; но увидя вслед к ним стремление карабинерных полков, оставила свою пехоту и пустилась в дальший бег, которую и преследовали больше 20-ти верст. Тут часть пехоты неприятельской сбежалась в лежащую близь дороги Базаржиской деревню Мамуткюй, и, засев в развалины каменных стен оной, оборонялась против нашей кавалерии до прибытия посланного по известию о том егерского баталиона под командою майоров Блюма и графа Мантейфеля, которые как только повели на них построя свою команду, то и отдалась вся та пехота военнопленными со всем своим оружием, которых нашлось с разными чиновниками 708-м. При сей победе урон неприятельской простирается наверно убитыми до 1500-т человек; в плен взяты трехбунчужный Омер-паша, Испир чауш, Мегмет-паша, Осман чорбаджи, чебежди-баша, векели Абдул и протчих нижних чинов 772, в том числе християн 22 человека. В добыч получен неприятельской лагерь с палатками, 11-ть пушек, в числе которых 4 наших осмифунтовых единорога, 18-ть знамен, 3 бунчука и не малое число ящиков с снарядами и разных экипажей. С нашей стороны убито: казаков 2, арнаут 7; тяжело ранены: Харьковского гусарского полку порутчик Сабов, прапорщик Фееш, вахмистр один, гусар 21, есаул один, казаков 21, арнаут 14; лошадей убито: строевых 10-ть, казачьих 6-ть; ранено: строевых 59-ть, казачьих и арнаутских 29-ть. Пленные показали, что прежде в Карасу находилось войск неприятельских до 25 000, но по умалению от дня в день оставалось еще до 20 000 под командою сераскира трехбунчужного Дагистанли-паши, присланного на смену Нюман-паше, которого визирь по худым до селе его успехам в сражениях, лиша чинов, сослал в замок Кавалакалссы, и бывших тут же Омер-паши трехбунчужного, чауш-баши и Черкес-паши и трех еще арнаут-пашей, и как высланные их партии подали известие, что российские войски идут от Бабады и от Гирсова, то командующий сераскир приказал им в ту ночь отправлять свои обозы, и некоторой части пехоты за ними следовать; но и за сим отделением в день сражения было еще их войск до 15 000, которые по уговору Дагистанли-паши и чауш-баши сели было для обороны в шанцы, а конница также приготовлялась к бою, но, получа от пикетов известие о приближении наших войск, несмотря на побуждения пашей, бросились в бег.

По получении первого о том уведомления я приказал генералу-порутчику барону Унгерну распространить далее во внутрь

земли неприятельской свои действия сколько на другие посты, так и на Базаржик, пользуясь способами, которые по разбитии неприятеля открываются.

Вследствие того, имею уже от него вкратце рапорт, что от Карасу шел он немедленно с корпусами по следам бежавшего неприятеля большою частию в Базаржик, и в приближении к тому городу 23-го числа впереди легкие войски, открыв близь оного неприятеля в 3000 под командою Черкес-паши, вошли с ним в перестрелку, но как только показались два карабинерные полки, то неприятель обратился тотчас в бег, коего преследуя легкие войски взяли несколько человек в плен и захватили семьи бежавших из города жителей и отбили на дороге у неприятеля 4 пушки и одно знамя.

А вслед за тем по прибытии и главной части корпусов взят и занят город Базаржик, в котором из жителей не нашлось более, кроме малого числа обедневших христиан и турок тут взято в добычу на гостином дворе 18-ть пушек и одна мортира, найдено в магазейнах несколько муки и довольное число ячменю и сена, что и послужит для продовольствия войск наших на несколько дней их там отдохновения, в чем будучи я уверен от генерал-порутчика барона Унгерна, предложил ему по лутчему его на месте усмотрению простерти свои поиски на Шумлю и на Варну, ища всего того лишить неприятеля, где бы он в той стороне мог иметь на зиму себе снабжение и убежище...[1]

...Генерал-порутчик Потемкин с светом 24-го числа открыл свою батарею на город Силистрию и тотчас из города турки на 150-ти лодках переехали, половина от острова Кегай, а другая несколько ниже, и вышед из 6-ти самых больших судов с великим стремлением ударили на нашу батарею. Бригадир и кавалер Потемкин с двумя баталионами, находящимися у прикрытия, встретил их на штыках и все вышедшие турки были тут переколоты, а выстрелами пушечными потоплен один канчебас, а два затопили же сами турки, бросившиеся в те суда великою толпою, и из них один из агасы, командовавший сими охотниками, спасен от утопления нашими солдатами. Реченный генерал-порутчик уведомляет при том, что бомбы наши делают не малой вред, во многих местах строения зажигали, но турки загасить всегда могли; урону же он имеет в сем действии по 25-е число, убитых ундер-офицеров и рядовых 20-ть, раненых обер-офицеров три и нижних чинов 27-мь человек. Зарядов выстрелено осадной артиллерии: бомб 24, ядер 24-х фунтовых 86-ть, 18-ти фунтовых 99-ть, картечь 18-ти фунтовых 2 полевой артиллерии из 12-ти и 6-ти фунтовых 232 выстрела.

На большое замешательство силистрийского неприятеля велел я перейтить с полками от устья Яломицы к Гуробалам ге-

---

[1] Непубликуемая часть реляции перечисляет подвиги отдельных офицеров.

нерал-поручику Глебову и расположить свой стан на высотах, которые в виду неприятеля, и оказывать виды своего приготовления, к переправе на сопротивной берег. Не меньше отвлекти должно его внимание и движение наших войск к Шумле, как происходящее уже в его спине.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 594—600. Подлинник.

№ 344

1773 г. октября 28.— ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ЗАНЯТИИ БАЗАРДЖИКА И О ПЛАНЕ НА КАМПАНИЮ 1774 года

г. Фокшаны

Всемилостивейшая государыня!

...Я ждал времени и случая, и сими обоими воспользоваться знаменитее, нежели иногда от самих больших предположений. Плен из неприятельских войск не малый, и между оным первостепенных чинов; получили всю артиллерию неприятельскую, и город Базаржик стал в наших руках без всякой почти потери без пушечного выстрела; ибо меры поступления и действий наших толь удачно приняты в сию пору, что неприятель толико стеснен и нуждою и страхом, что бежал от лица идущих на него войск, потеряв свой стан и лишась толь нужных ему приготовлений для зимы.

Приобретения сии, всемилостивейшая государыня, полезны оружию вашему, как, напротив, весьма чувствительны будут неприятелю. Что до плана операций на будущую кампанию, то я, по окончании предположенных действий и по расположении войск в зимния квартиры, поколику и то и другое обстоятельство войти должно в разсуждение о таковых мероположениях, долженствую исполнить высочайшую волю и повеления ваши. Не скрыл я, однакож, и наперед сего ни в чем моих мыслей пред вашим императорским величеством, я доносил вам, всемилостивейшая государыня, обо всем, что я предвидел неудобством утверждения ноги нашей за Дунаем, и что разумел полезным, или противным, успехам оружия вашего, и ежели я больше и лучше не в состоянии был проникнуть и сообразить, хотя ревность и труды мои на службу остаются в полном всегда напряжении, то в том единственною виною природные мои недостатки.

Планы, обыкновенно делаемые в начале только войны, или в начале кампании, для согласного учреждения движений и содействий, предполагаемых от разных и дальних пунктов, или в общем деле с союзниками, бывают, однакож, подвержены не редкой перемене, но при сближении к неприятелю, предается тогда искусству военноначальника располагать дальние пред-

приятия на него, по видимой на то время и удобности и предстоящим обстоятельствам; и я долгое уже время со вверенными мне войсками разделяюсь с неприятелем, и то не везде, одною только рекою: следственно, сколько ежедневно может переменять свое положение, столько неудобно, а найпаче теперь, назначить и нам свои против него действия на будущее время, которые, по моему мнению, зависят более от случаев и начального на то время усмотрения, ибо сии последние часто открывают путь к знаменитым предприятиям, нежели великие предположения быть могут выполнены без препятствия и затруднения.

Я льщу себя, всемилостивейшая государыня, и благоволением и доверенностью в том вашими, что я нигде еще не проронил ни времени, ни способов, служивших к низвержению неприятеля и к распространению пользы оружия вашего.

Естьли к своим делам кто-либо соображается от примеров войны европейской, то в оной могли быть предположения завременно для действия, на основании известного удостоверения о местоположениях, где вся земля, до последней стежки, со всеми в натуре ее неудобностями, описана; но здесь сопротивной берег Дуная нам неизвестен; неверность карт, которые на ту сторону имеются, познаем из собственного испытания, и токмо те ближния, опустошенные уже, части знакомы, которые были под нашею пятою.

Я, на основании вышеписанных обстоятельств, всеподданнейше прошу вашего императорского величества удостоить меня прежде уведомлением, какия предположения имеют и иметь будут в будущею кампанию другия части войск ваших, в морях и на сухом пути действующих? ибо доселе между собою мы столько отстоим, что ни я им, ни они мне ни какого вспоможения учинить не могли; равно, буде уже благоизволили ваше императорское величество назначить каковые мероположения для будущих военных операций и ко удержанию твердой ноги войск ваших за рекою Дунаем.

Дух мой исполнен ревности, чтобы последния силы предать на исполнение в том высочайшей воли вашего императорского величества, не меньше и донести вам чистосердечно, естьли что приметил я несходственно с пользою вверенного мне оружия; ибо пространство наших завоеваний на здешнем, а положения неприятельского на сопротивном великую наводят трудность во избрании пункта, на которой можно было устремить нам свои действия и не быть в опасности от диверсии, перенесшись за реку широкую и прямо между нас и неприятеля протекающую, и в сем высочайшего руководства дозволите мне, всемилостивейшая государыня, ожидать от милосердия и высочайшей ко мне доверенности вашей...

«Чтения в Обществе истории и древностей российских». Архив военно-походной канцелярии Румянцева, М., 1865 г., кн. 2, стр. 291—293.

№ 345

1773 г. ноября 7.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Г. А. ПОТЕМКИНУ О РАСПОЛОЖЕНИИ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ВОЙСК НА ЗИМНИХ КВАРТИРАХ

№ 5208 *Фокшаны*

Учиненное мною в армии к расположению на зимние квартиры расписание и ведомость, от которой дивизии и где в крепостях гарнизоны, а на отделенных постах команды содержать, вашему превосходительству при сем прилагаю, ссылаясь впрочем к неупустительному исполнению, что до наблюдения военной осторожности, готовности к отпору и не допущения неприятеля брать твердой ноги на сей стороне Дуная, безпрерывного сообщения с прикосновенными дивизиями и корпусами, подавания завременно не только известий, но и взаимной помощи, хранения порядка в службе, приведения нижних чинов в лучшее оной и предположенных всякому должностей познание, имения к людям и лошадям призрения, доставления им выгод и сбережения их всевозможными способами от болезней и лишних трудов, а паче от побой, иногда бесчеловечно им делавшихся, снабдения их всем надобным, содержания ружья, мундира, аммуниции и полковых экипажев в лучшей исправности, требования завременно всего надобного прямо из подлежащих мест, не ожидая особливого подтверждения и представления прямо ко мне, ежели хотя малейшая где в отпуске медленность последует, приготовления и содержания запасных сухарей, оставления при полках и артиллерии подъемных лошадей и отправления иных по недостатку в тех местах фуража внутрь земли, не чинения обывателям ни малейшего озлобления, коих благосостояние есть одно средство к получению пропитания и выгод, для войска надобных, на преподаваемые нередко мои наставления, а особливо на публичной и секретной 10 числа ноября прошлого 771 года[1] при таковом же расписании во все команды от меня посланные ордеры, следуя которым, ваше превосходительство, с получения сего, определя корпуса вашего полкам квартиры, прикажите для занятия их и приготовления там всего надобного завременно отправить полковых квартермистров с надлежащими командами, наказав находящемуся при корпусе вашем провиантмейстеру Бабренкову, чтоб он, имея в магазинах и в приготовленном в земле провианте и фураже сведении, дал полковым квартермистрам ассигнации, откуда именно, которому полку и баталиону на квартирах провиант и фураж получать. Выступление ж корпуса из настоящих лагерей на квартиры сделать по точному предписанию в посланном к вам 6 числа сего месяца при ор-

[1] Не публикуется.

дере моем примечании, а когда оное учинить велите, и где именно, которым полкам и бригадам квартиры, а передовым войскам посты, как и обвещательные назначите и из каких магазинов или от земли провиант и фураж получать, и какое число подъемных лошадей содержать, а прочих куда на корма отправить определите, прислать ко мне ведомость.

Румянцов

ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 32, л. 142—142 об. и 146. Подлинник.

№ 346

1773 г. ноября 8. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА К. К. УНГЕРНУ О ПРОВЕДЕНИИ ПОИСКА ПРОТИВ ВОЙСК ВИЗИРЯ, РАСПОЛОЖЕННЫХ В ШУМЛЕ

В предыдущем моем [ордере][1] видели вы уже мою мысль по случаю неудачи в поиске на Варну, что сие обстоятельство не должно нас остановлять в достижении своих предположений, как и не может еще оное неприятелю подать великого ободрения, но доднесь я не знаю, для чего генерал-порутчик князь Долгоруков, имея у себя свободные руки, возвратился с пути, не дойдя к Шумле. Теперь я уведомлен от генерала графа Салтыкова, что он с своим корпусом 3-го числа ноября перешел на сопротивный берег Дуная у Марутин, заняв там неприятельский лагерь, взял его пушки и простирает свое обозрение на Рущук и во внутрь земли. Я не знаю, каково у вас теперь время стоит, которое здесь весьма ненастливо, не знаю также и в каком положении и действии видите вы против себя, и от которых постов неприятеля, следственно я не могу иначе распоряжать, как предаю только вашему искусству и усердию сообразить удобности и препятствия в том и другом и по оным взять меры к одержанию дальших еще успехов над неприятелем по всей возможности на пользу службы. Ежели, как я выше говорю, от неприятеля никакого действия против себя вы не примечаете и ежели время еще подает возможность, то имеете вы по отправлении своих раненых оставить деташамент надежный в Карасу, который бы прикрывал и ваши транспорты и обеспечал ту вашу сторону, а оставя тут свой пост и соединясь с генерал-порутчиком князем Долгоруковым, сделать движение чрез Кайнарджи к соединению с корпусом генерал-порутчика Глебова, и учинив сие, стараться вам вообще сделать поиск на Шумлю, где ежели вы новейших известий не имеете вопреки, то все прежния, от пленных и из Царьграда ко мне доходящие, гласят быть визиря при самом малейшем числе войск. Делом искусства и благоразумия вашего

---

[1] Не публикуется.

будет распорядить все, что принадлежит к такому предприятию, равно и связать свое сообщение к взаимным содействиям с графом Салтыковым, которому я также рекомендовал по своему рассмотрению к стороне Шумлы посылать отделения, так как Потемкину во время ваших [действий] занимать своими действиями неприятеля силистрийского. Впрочем я полагаюсь на ваше искусство и на добрую вашу волю, не имея ныне уже возможности по отдалению места подавать вам на всякой раз наставления. Благонадежен я также остаюсь, что вы не забудете должного попечения об обвещении на всякий раз потребного всем прикосновенным себе.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 621—622 об.

№ 347

1773 г. ноября 16. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НЕУДАЧНОМ ДЕЙСТВИИ РУССКИХ ВОЙСК ПРОТИВ ВАРНЫ И О ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ АТАКЕ ШУМЛЫ

№ 38 *Фокшаны*

Донесши вашему императорскому величеству всеподданнейшею моею [реляцией][1], отправленною чрез генерал-майора и кавалера князя Долгорукова, о разбитии неприятельского корпуса при Карасу, что потом занят город Базарчик и что уже пред осталось предводительствующим в той стороне войсками вашего императорского величества генерал-порутчикам барону Унгерну и князю Долгорукову последствиям своих побед и по собственным их предположениям искать овладеть Варною и выгнать из Шумлы верховного визиря, ласкал я себя, видя и случаи и сии успехи, довести оружие вашего императорского величества с концом нынешней кампании до обладания всею сопротивною убережью. И потому, считая на продовольствие из магазейнов неприятельских, придвинул я к Дунаю и все полки, пришедшие из польского корпуса, яко многолюднейшие, чтоб расположить их с другими в зимние квартиры между Варны и Карасу. Дальшия однакож действия реченных генералов не имели желаемого плода и обратились в противное тому. Генерал-порутчик барон Унгерн, атаковав 30-го октября неприятеля в ретранжаменте варнинском, был отбит хотя и не с таким уроном, который бы составлял уже какую-либо решительность; а князь Долгоруков в ту же пору, сделавши движение к Шумле, возвратился с первого марша в Базарчик, а потом и в Карасу. Хотя я изъяснил им обоим, что не должны они тратить ни надежды к дальшим успехам, а и того меньше свойственной бодрости предводителям войска, ибо такой поиск, каков сделан на Варну, хотя и не-

[1] См. документ № 343.

удачно, обыкновенно оставляет по себе страх в оборонителях, которые, дознав отдачу и храбрость нападавших, должны бояться еще жесточае что-либо увидеть над собою от их руки; но сим я не мог уже ускорить сделанного обратно движения, и барон Унгерн, шедши с своим корпусом приморскою дорогою, на обратном своем пути воспользовался разорить Балчик, Коварну и Мангалию и неприятельские другие селения с найденными в них запасами, не дознав ни какого действия и ни ноги неприятельской ни от Варны, ни от других его постов вслед за собою, так как и за корпусом князя Долгорукова.

Между тем, знав первые успехи вышеупомянутых генералов и предположения дальшим их действиям, чтоб споспешествовать им вящше в сих последних, генерал граф Салтыков с своим корпусом переправился за Дунай близь Рущука при деревне Марутин, а генерал Глебов у Гуробал, и вступили они в то время на сопротивной берег, как вышеписанные корпусы, действующие в левой стороне, назад возвращаются. И сих и тех различное положение поставило меня в толь деликатной момент, что не столько уже мыслить должно о приобретении дальшей поверхности над неприятелем, как обнадежить каждой части обратной переход на свой берег, в рассуждении быть могущих иногда нападений от неприятеля чрез собрание сим против одного которого-либо нашего посту. Но как дело при Варне не ставлю я ни себе в урон решительной, ниже неприятелю в такое ободрение, чтоб не чувствовал уже он ни страха, ни опасности себе от действий наших войск, вступивших в его сторону, то и велел я генералам-порутчикам барону Унгерну и князю Долгорукову, ежели время позволит и усматриваемые ими лучше на месте обстоятельства положения неприятельского, соединиться от Карасу чрез Кайнарджи с генерал-порутчиком Глебовым и совокупно взять меры, произвесть поиск на Шумлю, связав свое сообщение с графом Салтыковым. Еще я не имею от них уведомления, найдут ли они сие предприятие теперь к исполнению удобным и как оное расположат [1]. Я о том, и о всех подробностях дела Варнинского и почему от туда корпусы взяли обратно движение предоставляю впредь по отобрании обстоятельных репортов донести вашему императорскому величеству, а здесь включаю только ведомость о числе там убитых и раненых, да экстракт из репортов графа Салтыкова, как он вступил на сопротивной берег и с какою поверхностию над неприятелем партии его действуют. Имею также известие от генерала-порутчика князя Долгорукова, что из Базарчика деташированной от его корпуса с

---

[1] Генералы Унгерн и Долгоруков действовали исключительно безынициативно и вопреки указаниям Румянцева. Неудачи под Варной послужили Долгорукову предлогом, не дойдя до Шумлы, повернуть обратно. Дальность расстояния (больной Румянцев находился в Фокшанах) не позволила Румянцеву своевременно исправить действия обоих генералов. Ввиду позднего времени Румянцев отвел войска на левый берег Дуная.

легкими войсками подполковник и кавалер Розен на Шумлинской дороге разбил навстречу шедший нашим войскам неприятельской сильной деташамент, предводимой Измаил и Дегистанлы пашами, из коих первой взят был в плен, но от жестокой раны на пути умер.

Три недели сряду и беспрерывно льющийся здесь дождь иногда с снегом и жестокими бурями нагнал студеную и самую суровую погоду, и здешнему климату в сию пору необычайную. Воды, вылившейся из рек, затопили многие селения, а иные и с жителями снесло, так как и все мосты и во многих местах так власно, как ваше императорское величество увидеть изволите в донесении графа Салтыкова, от бурной стихии претерпели в Дунае и в других реках находившиеся наши суда и частию с грузом провиантским были разбиты. Чрез многие дни пресечена была между рек вся коммуникация и куриеры, от меня и ко мне ехавшие, по неделе дожидались переправы чрез оные. Сие естественное неотвратимое приключение к большому несчастию последовало в таком положении войск, когда дорог всякой момент и много зависит от поспешного извороту. И больше бы еще от действия воды и бури претерпели войски, утратя способы к сообщению и к получению своего продовольствия, ежелиб были они на здешнем плоском берегу, нежели на сопротивном, где нет таких рек, да и погода не так долговременно суровствует...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 601—604. Подлинник.

№ 348

1773 г. ноября 28. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ УСЛОВИЯХ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ НА ВСЕМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ПЛАНЕ НАСТУПЛЕНИЯ ЗА ДУНАЙ В КАМПАНИЮ 1774 г.

Фокшаны

Не с надежды на мое искусство, но от рабского моего повиновения исполнить высочайшее повеление вашего императорского величества представляю всеподданнейше мои мысли по соображению неудобств и самой опасности, что прежде предстояли, и теперь не меньше предстоящими мне кажутся желанию или возможности, чтоб утвердить армии вашего императорского величества свою ногу за Дунаем. Прошедшего года я доносил вашему императорскому величеству сколько усердие и простое мое разумение постигали о всех тех трудностях, что сопряжены с перенесением главных сил наших за Дунай, и иска-

нием распространить и удержать в той стороне наши завоевания. Открыл я там все мое понятие, которое и теперь бессильно найтить противные тому или лутчие способы пользы и выгоды.

Внешними препятствами я полагаю: 1-е. Состоящие на правом нашем крыле по убережи неприятельские города Рущук, Никополь, Видин и Белград по соседству австрийскому сильные весьма и числом в них и всегда тут служивого войска и жителей турков, которые как только надобно вооружаются и к военному делу все свойства имеют, сколько мы видим из испытания. Тот край, или, так сказать, большие силы неприятельские (ежели венской двор как поныне будет жертвовать своею прямою пользою корысти той, которую он чрез принужденную теперь для турков коммерцию имеет, я не знаю судить и о расположении его против нас), оставя в своей правой стороне, буди поступить армии на переход за Дунай, то неприятелю путь открытой тем дается вступить на наш взаимно берег, подпала бы тогда беспрепятственно под его действия Валахия и нельзя бы в таком случае быть безопасным и нашему тылу, а из сего представить легко, сколь сильная для армии произошла бы диверсия. Но ежели, в отвращение сих быть весьма могущих действий, оставить в Валахии корпус в большом числе людей, как того безопасность собственно армии и наших на сем берегу завоеваний требует, то сие отделение и еще другие, о коих я ниже упоминаю, расход такой войску сделают, что часть, с которою перенестись за Дунай, будет бессильна для наступательных и на отвагу много требующих действий, в рассуждении, что самое натуральное положение мест на сопротивном берегу дает способную защиту неприятелю, а сколь твердо в своих укреплениях и зданиях он держится, тому пример ощутили мы и нередко.

2-е. С левой стороны неприятель полным образом господствует на Черном море, примного имея военных и транспортных судов. Крепости его Очаков и Кинбурн, состоящие на нашем берегу, не могут упасть собою, как бы ни далеко мы здесь распространили свои завоевания, доколе им свободна остается коммуникация водою, чрез которую оные не только весь военный и питательный запас получают, но даже и дрова судами им туда привозятся. Сии крепости покудова в руках турецких, крымские татары питать всегда будут надежду заимствовать чрез оные помощь от турков, и не исчезнут в том полуострове волнения и умыслы против войск наших, как разве с покорением Очакова и Кинбурна. Неприятель, господствуя чрез свой флот на Черном море, немало наводит опасности и устью Дунайскому и Безарабским берегам, на которые он удобнее может дессант учинить, нежели на полуостров Крымской; ради чего нельзя, переходя за Дунай, крепости наши Бессарабские оставлять как только с сильным гарнизоном. Должно также части войска отделить и ради обеспечения всей той стороны и крепости Бендерской, ибо уже нынешним летом войски неприятельские от Оча-

кова приходили и сухим путем вверх по Тилугулу до речки Осички.

Я несведом, в каком состоянии наш флот Азовской, и может ли он прибыть к сим местам и перенять собственно на свою защиту всякое возможное неприятелю покушение на здешние берега, а здешняя Дунайская флотилия не может ни к чему такому быть достаточна; четыре шкуны, сделанные из готового лесу по расположению адмирала Нольса, никакого действия в море еще не оказали, хотя я непрерывно к тому командующего понуждал, да и когда сам адмирал Нольс, человек великого искусства в мореплавании и сооружении флота, и другие чины части адмиралтейской, что были сюда присланы, не предуспели воздвигнуть тут флот довольной, то и довлеет мне на их испытание сослаться, ибо они больше о сем подать могут объяснении, нежели я, не учившися науки мореплавания. Сие однакож я должен сказать о слабости Дунайской флотилии, что оная по прилагаемым при сем в копиях репортам[1] весною от разных приключений держаться, а в осень по мелководию проходит в море, и собою одного устья Дунайского держать не может без укреплений на островах, которые немалою частью военной сухопутной стражи всегда содержатся и оная многократно попытки неприятельского флота, как еще нечрезвычайно сильные, отвращала, ибо во время переходу нашего в начале кампании за Дунай неприятельские военные корабли легли было уже против наших, дунайских батарей, силясь пройтить в устье, что им тогда не удалось, может удаться напредь, когда турки к сему пункту устремлят все силы своего на сем море флота; следственно коликого обеспечения требует и сия левая наша сторона, во время перехода армии за Дунай, легко заключить можно.

3-е. Переправа чрез реку Дунай и сообщение наше с противным берегом инако ни коим образом быть не может, как только на судах, ибо хотя бы можно с великим трудом и иждивением навесть в некоторых местах мост, но удержать оной, и помыслить нельзя, потому что наводнение в сей реке, многократно в лето случающееся, с великими бурями, придающее реке свирепость, которая и в натуральном своем течении быстра чрезвычайно, во мгновение ока сокрушит и разнесет все такое здание, яко и на малых здесь речках, как только от случающихся дождей прольется с гор вода, все срываются мосты. В нынешнее лето одно волнение в Дунае затопляло суда, и на берегах стоящие, от чего не могла спасти их довольная стража, а в осень и с времени теперь прибылая вода, возвысившаясь больше, нежели помнят в свой век все старожилы, залила деревни, людей и скот, снесла все мосты, разбила и разметала наши суда с грузом провиантским, и преспела всякое сообщение не только с со-

---

[1] Не публикуются (см. ф. ВУА, д. 1987).

противным берегом, но и во внутрь земли. Вот непреоборимое естественное препятствие, грозящее здесь на всякое время, и что нашему сообщению с сопротивным берегом нельзя быть утвержденну и безопасному.

Внутренние наши недостатки, которые от времени больше увеличиваются: 1-е. Пропитание, которое один способ есть, чтоб доставлять из Польши. Доселе с великим трудом провиантские поставки только что могли отсюду ярового поспевать в ближние здешние магазейны, чтоб армии довольствоваться тем в летние месяцы, а от снятия хлеба с поля доставляется осенью весь запас на всю зиму и для начала кампании, ибо в сей стороне зима ни к каким транспортам неудобна, а в чрезвычайной беспутице вся проходит; но и польские округи, довольствуя армию чрез всю войну, оскудели в прежнем своем изобилии, часть жителей в оных вымерла от поветрия, а оставшие обнищали чрез всегдашние употребления на службу войскам, едваль не до последка потеряли они свой скот в транспортах сюда, и теперь перевозка сюда провианта в толикую уже цену становится, что трудно найтить подрядчика, да и сами польские владельцы всеми образы приискивают оных и за величайшую плату, только бы чрез то сохранить от разорения своих мужиков, которые, как и здешних княжеств жители, от всякой тягости и притеснения имеют теперь себе убежище новую область Австрийскую [1], куда и преселяются многолюдно, и хотя на границах своих та держава держит карантины, но всякому, идущему селиться в их земли, дает корона по 4 крейцеров в день на содержание; а я, сколько ни старался, отсюду высылать в границы империи вашего императорского величества самих выходцов из оных и других вольножелающих, но они, в задержании карантинном прожив весь свой достаток, а иные лишались и имения, возвращаются почти все назад. И так чем далее поступим за Дунай, тем самым в пункте нашего пропитания понесем неминуемо и неизмерные трудности, судя по настоящим. 2-е. В течение войны уже большая часть наших старых солдат в частых приступах и боях пали, от заразы и случайных болезней померли, а великое число рекрут и младого возраста приводимое, одни по изнурению в дальнем пути, и не бывши еще под ружьем, другие от непривычки к трудам военным, подпадают болезням, и множайшая ежегодно в них утрата, которую отвратить бессильны все мои и медиков, кои так же большою частию и жизнию пожертвовали, наисильнейшие попечения, а оставшие не к употреблению, но только еще в науку входят.

Все вышеизображенные трудности, которые занимать должны соображение ведущего армию за Дунай, внушают ту мысль, чтоб с великою осторожностью и не вдруг сей шаг сделать. Из положения настоящего неприятеля видно, что он не готовит себе

---

[1] Часть Польши, перешедшая к Австрии по 1-му разделу.

сражаться с нами в открытом поле, но берет все меры утвердиться в своих гнездах, которые добывать нельзя без большой утраты в людях, а всякое такое действие, как и самой переход наш за Дунай, сопряжены будут с отвагою. Я не знаю состояния дел политических, в рассуждении соседних держав, коих положение настоящее, и быть могущее впредь ваше императорское величество объемлете полным сведением. Но ежели вашему величеству благоугодно принять мое мнение, то в будущую кампанию перенестись с армиею за Дунай и там производить военные операции лутче по состоянию дел и положению неприятельскому, сохраня от проницания публики сие намерение, а в отвлечение внимания неприятельского разгласить здесь оборонительное, а не наступательное приготовление, а напротив пронести предприятия, клонящиесь от войск и от нашего флота на Азийские берега, чтоб неприятель по тем видам собрал свои там силы, наподобие, как его пустые разглашения о дессанте на Крым, держали в той стороне во все нынешнее лето бесплодно не малую часть войск наших, против которого я с начала кампании сообщил свои мысли командующему второй армиею как по сим видам должны будут отдалиться и от Очакова неприятельские войски, то между тем не приметным образом к нашим границам, хотя к крепости святые Елисаветы, привезти осадную артиллерию к августу месяцу и назначить от второй ли армии, с Польши ли или с России войски, к коим можно часть от ближних постов присоединить и из здешней армии, чтоб в том месяце выступить и иттить осаждать крепость Очаковскую, ибо неприятельский флот в тамошней гавани долее сентября месяца не держится, но отходит всякой год па зиму к стороне Царьграда. Войски же в поле здесь могут и далее действовать; следственно, когда флот от крепости, и с оным немалая часть войска отправится, то гарнизон будет слабее на оборону. В осень же ходу судов в Черном море быть нельзя, ради сильных ветров, от которых, чтоб не претерпеть, то и Очаковский флот завременно в тихие пристанища удаляется, почему и не будет осажденным надежды получить себе морем во время осады помощь; да хотя бы флот неприятельской из Очаковской гавани и не выступил до начатия осады, то он, конечно, не может с весны привезти туда столько всякого запасу, потребного для содержания и обороны осажденных, чтоб они осенью не имели в них большого недостатку; взяв Очаков, падет и сам Кинбурн и падет все упование к Порте зломыслящих в Крыму, и уже берег моря и устье Дунайское будут тогда в полной безопасности.

Я не могу теперь назначить места точного, где переходить армии за Дунай. Сие зависеть будет от положения, в котором тогда будет неприятель, равно и первые действия на сопротивном берегу открыть должно на те пункты, которые тогда усмотрятся удобными к тому, и способными, чтоб завладением оных утвердить там нашу ногу и простирать далее во внутрь земли

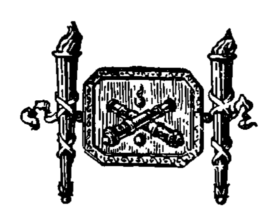
завоевания, не помышляя однакож переходить Балканы; а разве бы флот наш крымский овладел выше оных которою-либо крепостью и гаванью, чтоб посредством оной связать свое нам сообщение.

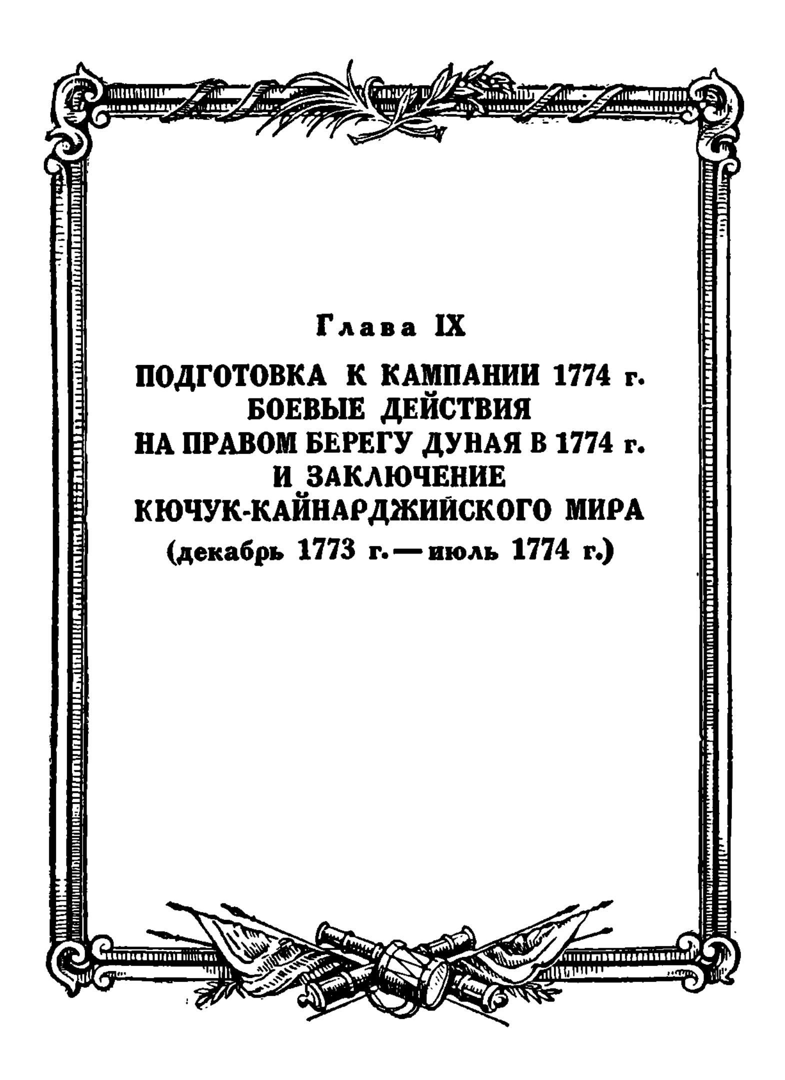
Я повергаю всеподданнейшую мою мысль в том в высочайшее рассмотрение вашего императорского величества, предаю также премудрому проницанию и то, сколь неудобно мне больше распространиться ни с каковым предположением и назначить заранее в земле незнакомой точные пункты движению и действиям армии, которая должна то определять по найденным в то время противу себя силам неприятельским, и я мое мнение дерзаю подать, чтоб предоставить вождю армии на будущую весну, по лутчему его на месте соображению положения неприятельского, где удобнее будет перейтить реку, и сколько будет возможно и полезно теснить и гнать неприятеля, и расширять на сопротивном берегу оружием приобретения к утверждению на оном всегдашнего пребывания частьями войск или всей армии. Случаи и усердие по моему мнению больше в таком деле руководства дадут, нежели планоначертания; я же персонально со всеподданнейшею ревностью равно готов во всяком месте исполнять волю вашего императорского величества верною моею службою.

Впрочем войски вашего императорского величества неоднократно уже побеждали неприятеля за Дунаем, а теперь подходили и к Балканам; но я не знаю, делает ли сие перелом в делах миротворения.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1987, л. 646—656. Подлинник.

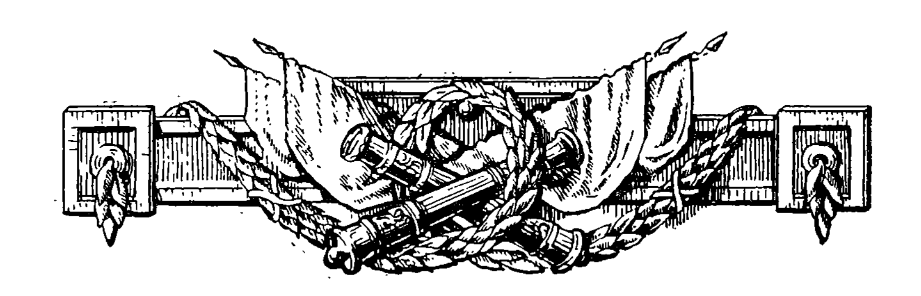




Глава IX

ПОДГОТОВКА К КАМПАНИИ 1774 г. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ДУНАЯ В 1774 г. И ЗАКЛЮЧЕНИЕ КЮЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКОГО МИРА

(декабрь 1773 г. — июль 1774 г.)



№ 349

1773 г. декабря 6. — ПИСЬМО ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ С ОЦЕНКОЙ ДЕЙСТВИЙ РУССКИХ ВОЙСК ЗА ДУНАЕМ И О ПОДГОТОВКЕ ПРИДУНАЙСКИХ МАГАЗИНОВ ДЛЯ БУДУЩЕЙ КАМПАНИИ

С.-Петербург

Граф Петр Александрович! 14-го числа ноября приехал ко мне в Царское Село отправленный от вас генерал-майор князь Василий Долгоруков с известием о одержанной генерал-поручиком фон-Унгерном и князем Юрием Долгоруковым поверхности над корпусом турецким за Дунаем у Карасу под командой трехбунчужного Омер-паши и взятии сего старика в плен; о занятии Базаржика и о намеренном оттуда выступлении по малом отдохновении вышеупомянутых двух генералов-поручиков, первому к Варне, а другому к Шумле для прогнания самого визиря из сего последнего места, и что генерал-поручик Потемкин упражняется киданием бомб в город Силистрию, а генерал-поручик Глебов к нему в секурс отправлен. Причем князь Василий Долгоруков обнадеживал нас, что дней через шесть о успехе сих предприятий обвещения в получении быть могут, в ожидании которых прошли однакож не шестеро суток, но целые две недели со днем, ибо я не прежде как ноября в 29-й день получила через обыкновенного вашего курьера уведомление, что предприятие на Варну было неудачно; что князь Юрий по одному маршу вперед к Шумле возвратился вспять к Карасу; что же у Силистрии произошло, о том вовсе вы не упоминаете и оставляете меня в глубоком неведении, а мысли мои в произвольном волнении, которые однакоже более наклонение имеют ни малейшей полагать надежды на бомбардираду, с которой город не возьмется, ниже большой ему вред не причинится, хотя

генерал граф Салтыков рущукским туркам преградой служить будет для подавления помощи тем, кто в обороне в Силистрии находятся. Но хотя следствия у Карасу произведенного бою не были таковы, как на первый взгляд они обещали быть, однакоже не менее дело подтвердило, с одной стороны, укоренившиеся мнения о храбрости наших войск, и что в поле неприятель поверхности не будет иметь в теперешнем состоянии и обстоятельствах, лишь бы где атакован был, а с другой — не может как полезно быть для дел наших всякое за Дунаем наше предприятие, и тут конечно всякий ваш шаг споспешествует или отдаляет народный покой и тишину, совокупленную с блаженством. И в таком виде с немалым удовольствием услышала я о карасуйском деле; сожалею только по позднему годовому времени, что все не может иметь таких польз, как из того произойти могло, если бы предпринимались месяцев с шесть тому назад.

Но дабы будущий год также по пустому не прошел и дабы недостаток в пропитании опять не служил препятствием к действию, не могу оставить вам сызнова наикрепчайшим образом подтвердить, чтоб вы старались на будущей кампании наполнить ваши подунайские магазины так, как я к вам писала, дабы действиям вашим на супротивном берегу не могло причиниться остановки, и кампания та не прошла без достижения мира сильным употреблением оружия, о чем немедленно от вас ожидаю много уже раз мной от вас требованного мнения[1], которое если еще замедлится, опасность настоит, что не ко времени приспеет, и следовательно, на будущий год во всем-таки опоздать можем, в чем ни пользы, ни славы, ни чести не вижу.

Каковы бы усердие и ревность в сердце империи служащих знаменитых людей, как вы, ни были, каковы труд и радение, мной ежечасно прилагаемые, ни будут, но свет вас и меня судит по одним успехам нашим: нас в мыслях людских оправдают и обвиняют попеременно, а наипаче в теперешнее время, когда после пятилетней счастливой войны подданные ждут мира единственно от действий ваших. А как для составления вышеупомянутого мнения вашего желаете ведать положение прочих частей войск наших, не под ведомством вашим состоящих, то для удовольствия вашего сделаю вам следующее описание, а именно: вторая армия охраняет Крым, а буде случай представится, то помышлять станет о атаке Очакова; Азовская флотилия крейсерует около Крыма и старается всякому тому десанту препятствия наносить до тех пор, пока в силу придет однако действовать в Архипелаге, кой флот тревожит беспрестанно все в его окружности лежащие берега и тем самым сильную диверсию делает в пользу первой армии; ибо удерживает тамошние неприятельские войска усиливать визирскую армию и, под видом охранения сво-

---

[1] Письмо Екатерины разошлось с докладом Румянцева о будущей кампании (документ № 348).

их очагов, многие тысячи, каковы наряды от султана ни бывают, дома остаются; в Польше и в Кизляре, также и на здешней границе совершенное спокойствие настоит. А что касается до башкирских замешательств около Оренбурга, о которых, может статься, до вас слух дошел, то по наряду, отселе сделанному, надеяться можно, что вскоре желаемый вид возьмет и все в прежнее состояние придет. О продолжительной слабости вашего здоровья весьма сожалею, а с удовольствием увидела из письма вашего свидетельство, которое вы даете генерал-майору князю Василию Долгорукову, и вы можете уверены быть, что в памяти моей останется, пребывание как всегда к вам доброжелательна.

ЦГАДА, ф. Румянцева-Задунайского, д. 116, л. 1—3. Автограф. Опубликовано в «Сборнике РИО», т. XIII, стр. 374—376.

№ 350

1773 г. декабря 14. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II С ОТВЕТОМ НА ОЦЕНКУ ИТОГОВ КАМПАНИИ 1773 г.

с. Корнешты

Вчерашний день я удостоился принять высочайшее своеручное вашего императорского величества [письмо] от 6-го декабря [1].

Замедление в доставлении всеподданнейших донесений о действиях войск, бывших за Дунаем, вслед за посланными чрез князя Долгорукова, происходило от прерванного на то время всякого здесь сообщения чрез ужасное наводнение, потопившее и дороги, и поля, и целые селения, так что и мои и от генералов ко мне посыланные курьеры, где день был езды, задерживались сими непреоборимыми препятствиями больше недели. И о сем, и чем кончились действия ходивших войск за Дунай ваше императорское величество доселе уже имеете в получении мои всенижайшие уведомления.

Что до Силистрии, то бомбардированием оной, кроме вреда, причиненного и городу и войску тамошнему, привязан был неприятель к тому месту и не мог уже учинить диверсии нашим войскам, двинувшимся во внутрь его земель. По успехам и последствиям от корпусов барона Унгерна и князя Долгорукова, наипаче естьли бы они выгнали визиря из Шумлы и стали в спине сему городу, надежда была конечно тогда бы поступить формально на овладение оным, но когда не сбылось первое, то и не оставалось мне уже доносить вашему императорскому величеству, чтоб генерал-порутчик Потемкин мог одною своею частью добывать тот город, в котором неприятель засел в больших силах, и сколь способна тут ему оборона, нам то известно

[1] См. документ № 349.

из испытания в начале кампании, а притом ему, Потемкину, к переправе не было уже и судов, ибо с своей части должен он был ссудить оными по требованию графа Салтыкова, у которого необычайною погодою вся флотилия во время его вступления на неприятельской берег была разбита и разнесена волнами.

Ваше императорское величество примечание высочайшие полагаете, что действия за Дунаем больше бы плод принесли, ежели бы они принимались месяцов за шесть назад.

В начале сей кампании я осмелился представлять, сколь сильно неприятель свои укрепления обороняет, и мы хотя в поле всю поверхность над ним одерживали, но при полном собрании тогда своих сил мог он против нас засады делать и брать весьма сильные, а для нас опасные меры на пресечение нашего сообщения с своим берегом. Постов же его твердых нельзя покидать за собою, а приступ на них стоил бы великой потери людей, на что я решиться не отважился.

Мысли мои о операциях для будущей кампании во исполнение вашего императорского величества повеления я уже представил вашему величеству с моею всенижайшею [реляцией] от 28-го ноября[1] предположения вашего императорского величества на крепость Очаковскую подкрепляют мое мнение, сходственное тому.

Всемилостивейшая государыня! Не умедлил бы я мнение мое представить и прежде отправленного, но поелику долженствовало войтить в оное состояние и успехи действий наших задунайских, и что в прочем в моих прежде донесенных обстоятельствах перемены не дознавал, то и удерживался я писать, доколе все там решилось.

Год или лето сие считаете вы, всемилостивейшая государыня, по пустому прошедшим? По сему не одно в том мое несчастие скорбные мне чувства дает, но и труды всех моих сподвижников к состраданию влекут, которые, перенося безмерные тягости и отваживая во многих случаях на всю опасность самую жизнь, были в надежде со мною удостоиться благоволения вашего императорского величества, ибо ежели исчислить все наши поверхности в сию кампанию, приобретенные над неприятелем, ежели уважить его потерю в людях, пленных и убитых, в артиллерии, военных и питательных припасах, ежели поставить в дело те разорения, которые к вреду его причинены опустошением земель при наступлении зимы и переводом жителей на наш берег и ежели к тому еще приложить, что все его наисильнейшие замахи, о которых во всю Европу гремели газеты, испровержены, то поистине должна бы иметь свою цену и нынешняя кампания. Сравнивать оную нельзя с прошедшими потому, что ни наше, ни неприятельское положение теперешнее не похоже на тогдашнее, ибо чем далее пойдем, то еще труднее будет вызвать неприя-

[1] См. документ № 348.

теля на дело в поле, который войдет в оборонительное положение и сближит натурально к рукам все ему пособствующие пункты, а нам должно будет от таковых своих удалиться на величайшее расстояние и употреблять самые жестокие и крайнейшие средства. Усердие, преданность непоколебимо во мне действуют на исполнение всего того, что благоугодно будет вашему императорскому величеству для переду определить делом вашему оружию. Но здоровье мое, с средины кампании удручаемое жестокими болезнями, со дня в день ввергает меня в пущее ослабление в силах и сближает, как я чувствую сам в себе, всю крайность немощному телу. Милосерднейшее сожаление вашего величества о таком моем состоянии приемлю за большое себе облегчение и всеподданнейше благодарю за оное [1]...

Архив внешней политики России, МИД СССР, ф. «Сношения России с Турцией», 1773 г., д. 1954, л. 1—4. Подлинник.

№ 350а

1774 г. января 17. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ С ОДОБРЕНИЕМ ЕГО ПЛАНА КАМПАНИИ НА 1774 г.

С.-Петербург

Мы читали и рассматривали с особливым благоволением представленное нам при реляции от 28-го ноября мнение ваше о военных действиях будущей кампании [2]. Положенные в оном основания повсеместной связи частных пособий свидетельствуют с одной стороны попечительную вашу прозорливость, а с другой предвещают нам со многою вероятностию прямую от исполнения их пользу. Мы потому всемилостивейше приемля сии основания и сообразуя оные с приуготовленным количеством сил наших и их настоящего употребления, купно с другими предметами, хотим только преподать вам здесь от сего результата точную стезю к учреждению от ныне собственных ваших мер по степеням тех способствований, которые мы в общественном нашем окообъятии на разные части вашей как·первой и главной почитаем быть возможными от прочих.

Достижение мира на честных и полезных отечеству условиях есть единый предмет желаний наших [3]. Настоящая зимняя пора дает правда теперь место политическим негоциациям. Но как в оных равно щастливого конца сколько и неудачи ожидать

[1] Окончание документа не приводится.

[2] См. документ № 348.

[3] Основной причиной стремления к скорейшему заключению мира с турками был страх Екатерины II перед восстанием Пугачева, в борьбе с которым правительственные войска в это время терпели поражения.

должно, то и требует от нас долг, вверенной нам от промысла божия государственной стражи, приготовить и устроить заранее сильнейшие средства к вынуждению сего драгоценного блага силою оружия и новыми его успехами. Могут ли же оные по существу своему неприятелю нашему, где в другом месте прямо чувствительны быть, как единственно в той стороне, где есть его средина, ведущая до самой его столицы? Вследствие сего не перестаем мы признавать за необходимо нужно, чтоб порученная предводительству вашему армия перенесла в будущую кампанию наступательные свои действия на супротивной берег реки Дуная, как для наведения страха в самых цареградских жителях, так и для содержания здешнего нашего соседа в респекте, мнением, что переход чрез Дунай сделает уже скорой конец войне.

Не скрыты от нас все трудности такового подвига, но в то же время усматриваем мы с удовольствием из собственного вашего мнения, что могут тут с пользою употреблены быть важные облегчительные способы, как разделением неприятельского внимания, так и маскированием прямого нашего намерения.

Удобнейшее повсеместно сообразование сих-то самых способов к единой цели, то-есть во всевозможное облегчение ваших главных и для мира прямо решительных операций в предстоящую кампанию, видится нам теперь столько уже исполненным, колико оное быть может по свойству толь обширного ополчения нашего.

В Архипелаг отправлена уже новая эскадра в четырех линейных кораблях и в двух фрегатах. Соединясь с оною, найдется тамошней наш флот в довольных силах делать неприятелю частую и сильную диверсию, следовательно же, по пространству берегов его и упражнять знатную часть азиатских войск.

Азовская флотилия будет равномерно к весне совершенно исправлена и по возможности усилена как для охранения крымских берегов, так и отвлечения на себя турецких в Черном море сил.

Для вящего Порте с других сторон внимания, желали б мы действия второй нашей армии распространить в будущую кампанию Крымского полуострова и всего пространства Кубанской степи, где теперь в собрании находится такое множество диких и легкомысленных орд татарских, но в настоящем оных положении не усматриваем к тому способности, особливо же при открывшемся от некоторого времени внутреннем и вам известном уже неустройстве в Оренбургской губернии [1].

Тем не меньше надобно ожидать, что и в настоящем своем положении вторая армия будет отвлекать на себя немалую часть сил неприятельских, как в рассуждении известных намерений Порты Оттоманской на Крым, так и по близости ее к крепости Очаковской.

---

[1] Имеется в виду начало крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева.

Несмотря на встречающиеся теперь затруднения, не упускаем мы однакож из вида действительного на сию крепость предприятия, сколь скоро обстоятельства откроют к тому некоторую удобность. Чего ради и для лучшего маскирования перехода первой армии за Дунай повелели уже мы снарядить и заготовить с большею огласкою к действительному отправлению знатное количество осадной артиллерии.

Весть о том, конечно, везде разнесется, и Порта ей тем легче поверит, что услышит потом о разных оборотах второй армии, приличествующих открытию от нее кампании Очаковскою осадою.

Что с собственной вашей стороны принадлежит до разглашения и подания вида, что действия будут ограничиваться в одном охранении находящихся уже во владении нашем неприятельских земель, оное поручаем мы с полною доверенностию собственному вашему на месте лучшему усмотрению и благоизобретению, как полководцу, коего искусство и патриотическое усердие к службе нашей и отечества доказаны уже в толиких случаях и толикими опытами, довольствуясь только изъявить желание наше, от желания скорейшего мира проистекающее, чтоб меры ваши в сем случае к приведению неприятеля на ложные мысли и заключения о будущем устроены были таким образом, дабы оные нимало не могли препятствовать действительному перенесению театра войны на супротивной берег Дунайской. Но чтоб паче вы по вашему в военном деле искусству привели себя в состояние поставить твердую ногу в Булгарии, сколь скоро случай и удобность к тому изыщете.

Кроме сего единого предмета на будущую кампанию, не хотим мы входить здесь в частные и подробные предписания, оставляя по справедливости вашему проницанию, вашей к службе ревности и собственной вашей славе руководствовать вас в оных и в избрании места и времени, как, где и когда перенестись за Дунай с достаточными силами, на поражение встречающегося неприятеля.

Нельзя теперь наперед знать будущего положения его, как и по каким местам он к отверстию кампании расположится против вас на своем берегу Дуная и где тогда займет свои твердые и важные посты. Но естьли судить о будущем по-настоящему, овладение Варны и прогнание визиря из Шумлы могут тогда представиться вам первыми стезями к приближению вожделенного мира.

От благости всевышнего, от разумного вашего предводительства и от храбрости вверенных вам войск, несумненно, ожидаем мы щастливых успехов, коим не предел Балканские горы при всех их трудностях, естьли только мужественной ваш дух в течение побед усмотрит и найдет некоторую возможность к преодолению их по мере неприятельского ослабления и уныния.

Построенные на реке Дунае шкуны имеют остаться в полной вашей диспозиции, естьли оные для армии нужны, а в противном тому случае рекомендуем мы вам отослать их в команду нашего вице-адмирала Сенявина для усиления Азовской флотилии, снабдя и снарядя их всеми нужными припасами, а особливо пушками, выливая чрез зиму сии последние из взятых у неприятеля, естьли инако извортиться нельзя.

Впрочем с совершенным удостоверением, что вы к пользе и славе любезного отечества все то тщательно исполните, в чем только некоторая возможность быть может, пребываем мы вам императорскою нашею милостию благосклонны.

Екатерина

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 8—13. Копия. Опубликовано в книге А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769—1774 гг.», т. V, СПБ, 1874, стр. 115—118.

№ 351

1774 г. февраля 5.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О СМЕРТИ ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА И НАСТРОЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ МОЛДАВИИ

№ 4 *с. Корнешты*

Всевысочайшее повеление вашего императорского величества в рескрипте от 17 генваря в предначертаниях, относящихся к предмету действий армии, мне вверенной на будущую кампанию сего 1774-го года, удостоился я получить настоящего месяца 3-го числа.

При толь великом упадке телесных моих сил, каков я в себе чувствую от болезней непрерывных, осмеливаюсь еще, всемилостивейшая государыня, обнадежить в том ваше императорское величество, что я всевозможные способы изыскивать и в дело обращать буду, дабы удовлетворить и сим предположениям и всеподданнейше выполнить высочайшую волю вашу, не меньше и вечное мое обязательство, чтоб жертвовать всем усердием и трудом службе вашего императорского величества и пользе моего отечества.

Я замедлил несколько дней доносить вашему императорскому величеству в чаянии получить достоверное подтверждение известиям, которые принесены с сопротивного берега о смерти солтана турецкого [1], ибо генерал граф Салтыков уведомляет меня, что один наш арнаут, взятой в плен турками и ушедший из Ру-

[1] После смерти султана Мустафы III его место занял новый султан Абдул-Гамид I.

щука, объявил ему, что 21-го генваря в том городе обнародован был указ о возведении нового солтана именем Амит, меньшего брата умершего солтана, ради чего в тот день производилась там пушечная стрельба, которая слышна была и нашей передовой страже, сколько от стороны Рущука, так и от Силистрии, и в сем последнем, как извещает по донесениям от своих постов бригадир и кавалер Потемкин, продолжалась оная три дни сряду. Недавно я послал к визирю дошедшие ко мне из Киева письма от пленных пашей чрез своего нарочного и ожидаю на всякой день возвращения оного, ко удостоверению о истине сей гласимой перемены.

Впрочем и армия вашего императорского величества в своем расположении на зимних квартирах пребывает спокойною и нигде еще неприметно, чтоб были новые движения войск неприятельских на сопротивном берегу.

Здесь подношу всеподданнейшее прошение к вашему императорскому величеству, врученное мне собором духовных и мирских чинов Молдавского княжения. В них трепет и уныние возросли от известий, которые с публичных газет на все языки переведены прошлого года о договорах, каковы происходили на последнем конгрессе, о возвращении сих княжеств Порте[1]. Елико можно, я не престаю их уверять и обнадеживать, что ваше императорское величество, покровительствуя доселе их силою своего оружия, не меньше и на все будущее время оградите их судьбу мероположениями, утверждающими их навсегда благополучие. Но при всем том, всемилостивейшая государыня, сами ваше императорское величество благорассудить изволите, что все мое поведение против здешнего народа, по положению между оного главной части войск ваших с наибольшою благостию и снисхождением, в рассуждении взыскания потреб нужных армии не сильно изгнать из них боязни, ниже укрепить во всех добрую надежду, ибо как суть из них приверженные доброхотством к нашей стороне, так нельзя не быть и таким, которые преклонили ухо и свое сердце на те внушения, каковы неприятель в виде жестоких угроз и в образе льстящих обещаний рассевает и препровождает к ним посредством их соземцев и собратий, с начала войны и поднесь неисходно пребывающих в Трансильвании...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 96—98. Подлинник.

---

[1] На Бухарестском мирном конгрессе русский уполномоченный Обресков впервые официально заявил о русских предложениях относительно Молдавии и Валахии, по которым эти княжества возвращались Турции, при условии восстановления их прежней автономии, которую Турция полностью ликвидировала в начале XVIII в. Известие о возвращении княжеств Турции, распространившись среди населения этих княжеств, осложнило положение там русских войск.

№ 352

1774 г. февраля 20.— УКАЗ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ П. А. РУМЯНЦЕВУ О РАСПИСАНИИ ВОЙСК НА КАМПАНИЮ 1774 г.

№ 108

Сим Военная коллегия препровождает к вам, господину генерал-фельдмаршалу и кавалеру, под лит. «А» расписание, коликое число по всевысочайшему ее императорского величества соизволению определяется быть в которой армии и отделенных корпусах на предстоящую сего 1774-го года кампанию генералитета, которым именно кавалерийским и пехотным полкам, сколько нерегулярных войск, артиллерии, также генерального штаба, комиссариатских, провиантских и прочих чинов, а под лит. «В» расписание кто именно генералитет, куда на ту кампанию определяется.

Из сего последнего усмотрите вы, господин генерал-фельдмаршал, что из определенных во вверенную предводительству вашему армию два генерал-порутчика и четыре генерал-майора находятся теперь в отпуску, но по высочайшему ее императорского величества повелению отправлены уже к ним указы, чтоб каждой из них в будущем мае месяце у вас, господина генерал-фельдмаршала, непременно явился; господам же: генерал-аншефу и генерал-кригскомиссару Александру Ивановичу Глебову, генерал-провиантмейстеру Дурнову и генерал-квартирмейстеру фон Бауру предписано, чтоб все назначенные по расписанию при вверенной вам армии, Генерального штаба, комиссариатские и провиантские чины находились при оной в определенном их числе и буде во оное и тем, которые теперь действительно при армии состоят, некоторых недостает, тоб отправлены они были и впредь наполнялись без наималейшего упущения времени, а касательно до артиллерии, чинов к оной подлежащих, также и снарядов, писано к господину генералу-фельдцейхмейстеру и кавалеру князю Григорию Григорьевичу Орлову; о комплектовании ж в положенное число донских казаков послана грамота в войско донское; что ж принадлежит до чинов медицинских, об оных сообщено в Государственную медицинскую коллегию с тем, что естьли тех чинов при вверенной вам армии находится больше, нежели положено по расписанию, и вы, господин генерал-фельдмаршал, находите в них надобность, тоб благоволила оная и таковых оттуду не отлучать.

О определенной на вверенную вам армию для разных расходов чрезвычайной сумме не оставит Коллегия впредь доставить вам, господину генерал-фельдмаршалу и кавалеру, подробной ведомости.

РАСПИСАНИЕ

Сколько, в которой армии и корпусах генералитета, которые именно полки, сколько артиллерии, также Генерального штаба, комиссариатских, провиантских и прочих чинов состоять назначивается в кампанию 1774-го года.

В первой армии

Под командою господина генерала фельдмаршала и кавалера графа Петра Александровича Румянцева.

Генералитет

Генерал-полной 1
Генерал-поручиков 6
Генерал-майоров 21
Да в Киеве для разных в первую армию отправленей
Генерал-майор 1

Полки

Кавалерийские

Кирасирские:

1. Его императорского высочества наследников
2. Киевской
3. Новотроицкой

Карабинерные:

4. Каргопольской
5. Рижской
6. Рязанской
7. Астраханской
8. Сибирской
9. Тверской
10. Пермской
11. Вятской
12. Нижегородской
13. Ингерманландской
14. Тобольской
15. Московской
16. Новогородской

Гусарские:

17. Сербской
18. Острогожской
19. Сумской
20. Харьковской
21. Ахтырской и 3 эскадрона Венгерского гусарского полку

Пикинерные:

22. Днепровской
23. Елисаветградской

Пехотные

1. Первой гранодерской
2. Третей гранодерской
3. Четвертой гранодерской
4. Ингерманландской
5. Астраханской
6. Первой Московской
7. Бутырской
8. Второй Московской
9. Киевской
10. Троицкой
11. Санктпетербургской
12. Новогородской
13. Сибирской
14. Смоленской
15. Нижегородской
16. Ростовской
17. Архангелогородской
18. Ярославской
19. Пермской
20. Невской
21. Копорской
22. Муромской
23. Выборгской
24. Апшеронской
25. Низовской
26. Кабардинской
27. Ширванской
28. Куринской
29. Навагинской
30. Тенгинской
31. Углицкой
32. Казанской
33. Суздальской
34. Черниговской
35. Старооскольской
36. Севской
37. Орловской
38. Козловской

Пионерной баталион

Донских казаков	6500
Малороссийских	3000
Полевой артиллерии	126 орудий
Осадной	10
Единорогов 8-ми фунтовых	10
Пушек полковых сверх тех, кои в полках первой армии состоят, взятых от 8 пехотных полков, остающихся в России	32
Понтонов	100
Артиллерии генерал-майор	1
Инженер генерал-майор	1

Генерального штаба

Генерал-квартермистр	1
Генерал-квартермистр-лейтенант	1
Обер-квартермистров	4
Дивизионных квартермистров	8
Вожатых колонн	8
Генерал-вагенмейстер	1
Генерал-гевальдигер	1

От Комиссариатского департамента

Обер-штер-кригскомиссар	1
Обер-кригскомиссаров	2
Кригскомиссар	1
Кригс-цалмейстеров	3

От Провиантского департамента

Генерал-майор или бригадир	1
Генерал-провиантмейстеров-лейтенантов	2
Обер-провиантмейстеров	3
Провиантских офицеров	2
От Военной коллегии курьеров	4 { Тех, которые и ныне там находятся

Медицинских чинов

Главной доктор	1
Докторов	3
Штаб-лекарей	5
Лекарей	10
Подлекарей	10
Полевая аптека с ее служителями[1]	

Во второй армии

Под командою господина генерала-аншефа и кавалера князя Василья Михайловича Долгорукова

Генералитет

Генерал-полной	1
Генерал-порутчиков	3
Генерал-майоров	9

[1] Общая численность армии Румянцева в кампанию 1774 года была доведена до 52 тысяч человек. Это дало реальную возможность перенести решающие боевые действия за Дунай.

А на Украинскую линию для разных в сию армию отправлений употреблен быть может комиссариатской генерал-майор.

Полки

Кавалерийские

1. Псковской

2. Ямбургской } Карабин[ерные]
3. Ростовской }

Драгунские:

4. Астраханской
5. Борисоглебской

Гусарские поселенные:

6. Чорной
7. Жолтой
8. Молдавской
9. Бахмутской и 8 эскадронов

Пикинерные:

10. Луганской
11. Донецкой

Пехотные:

1. Азовской
2. Белозерской
3. Белевской
4. Ряжской
5. Елецкой
6. Тамбовской
7. Брянской
8. Курской
9. Алексеевской
10. Селенгинской

Московской легион

Легких полевых команд	2
Егери от 6 полков Финляндской дивизии	360
Донских казаков	3000
Малороссийских	3000

Запорожское низовое войско

Полевой артиллерии . . 56 орудий | Но естьли теперь при оной армии и более сего числа орудей находится, то остаться им там попрежнему

Артиллерии генерал-майор	1
Инженерной штаб-офицер	1

Генерального штаба

Генерал-квартермистр-лейтенант	1
Обер-квартермистров	2
Дивизионных квартермистров	4
Вожатых колонн	4
Генерал-вагенмейстер	1
Генерал-гевальдигер	1

От Комиссариатского департамента

Обер-штер-кригскомиссар	1
Обер-кригскомиссар	1
Кригс-цалмейстеров	2

От Провиантского департамента

Генерал-провиантмейстер-лейтенант	1
Обер-провиантмейстер	1
Провиантских офицеров	2

Медицинских чинов

Главчой доктор	1
Доктор	1
Штаб-лекарей	2
Лекарей	6
Подлекарей	8

Полевая аптека с ее служителями.

Да в команде предводителя ж второй армии

Расположенные в Елисаветградской провинции, ближних местах Польши и на Украинской линии 40 рот, оставших за выступлением пехотных полков в поход. В Слободской губернии остающихся за выступлением слободских гусарских полков в поход пять эскадронов. На новой Днепровской линии донских казаков . . . 1500 ч.

В корпусе в Польше

Под командою генерала-порутчика Романиуса

Генерал-майоров 3

Полки

Кавалерийские:

1. Кирасирской третей
2. Карабинерной Нарвской

Пехотной Нашебургской

Санктпетербургской легион

Легких полевых команд	2
Донских казаков	2000
Артиллерии	10 орудей
Артиллерии офицер	1
Инженерной офицер	1

Генеральното штаба

Обер-квартермистр	1
Дивизионной квартермистр	1

От Комиссариатского департамента

Обер-кригскомиссар	1
Кригс-цалмейстер	1

От Провиантского департамента

Обер-провиантмейстер	1

Медицинских чинов

Доктор	1	До тех пор пока присланы будут, нанять из вольных искусных людей
Штаб-лекарь	1	
Лекарей	2	
Полевая аптека с ее служителями		

В корпусе для Кубанской стороны

Под командою генерал-порутчика де Медема

Легкая полевая команда	1

Гусар 2-го эскадрона.

Артиллерии с ее служителями	4 орудия
Инженерной офицер	1

Казаков при атамане с старшинами

Донских	1000
Яицких	490
Из Гребенских семейных и Терских	150
	1640

В корпусе к стороне Оренбурга под командою господина генерал-аншефа и кавалера Александра Ильича Бибикова

Генерал-порутчик	1
Генерал-майоров	3

Полки

Карабинерные:

1. Санктпетербургской 2. Архангелогородской

Гусарской Изюмской и 7 гусарских поселенных эскадронов.

Пехотные:

1. Второй гранодерской
2. Владимирской
3. Томской и одна гранодерская рота Вятского пехотного полку.

Легких полевых команд 4

Гусарской казацкой полк

Казаков	Донских	500
	Малороссийских	1000
Полевой артиллерии		22 орудия
Да Вятского пехотного полку полковых пушек		4
Генерального штаба дивизионной квартермистр		1

Граф *Чернышев*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1878, л. 27—33. Подлинник.

№ 353

1774 г. марта 5.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПРЕДПРИНЯТЫХ МЕРАХ ДЛЯ ПЕРЕНЕСЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ

№ 6 *Яссы*

Имел я счастие получить высочайший рескрипт от 14 февраля [1], которым ваше императорское величество по случаю перемены солтана турецкого повелеваете мне внимать на оплошность

[1] В рескрипте от 14 февраля Екатерина писала о том, что смена султана в Турции неминуемо вызовет в стране и в армии смуту и расстройство, и предлагала Румянцеву воспользоваться этим, по ее мнению, благоприятным моментом, назначив особый экспедиционный корпус для внезапного удара на Силистрию и Варну. Заранее уверенная в том, что такая экспедиция произведет надлежащий эффект, Екатерина этим же рескриптом уполномачивает Румянцева вести мирные переговоры.

Своим ответом Румянцев раскрывает трудности, с которыми сопряжено выполнение этой затеи.

и расстройство, могущие произойти от оной между неприятельскими войсками, а приметя сии, переправить достаточной корпус за Дунай и ударить вдруг или порознь на Силистрию и Варну.

Предварительно сему, всемилостивейшая государыня, не упустил я наказать всем частями войск по Дунаю командующим генералам, чтоб каждой из них обратил прилежно примечание свое на состояние войск неприятельских, им противостоящих, и каждой бы уведомил меня, колико удобности и способов видеть они могут на месте, чтоб простерти нам свой на сопротивной берег действия. Наставления в том мои я основывал не на одном воображении расстройки в войске неприятельском последующей из такой перемены на престоле, но полагая с противной стороны и к тому уважение, что наследники империи Оттоманской, до минуты возведения своего царствовать пребывают во тьме полного вещей неведения; следственно, не меньше первого нужно есть снабдиться осторожностями, что иногда такой государь, быв уловлен происками наших недоброжелателей, решится может во ознаменение своих счастливых способностей, на самое отважное воинское дело, ибо повсюду в войсках неприятельских еще оплошностей не является, а уж разглашения во весь голос идут, что новой солтан весьма ущедряет войски, званные на службу, и что всякой паша тщится ознаменить его счастливое царствование сражением с нами, для чего и готовятся переправиться вскоре на наш берег.

Попечения мои, всемилостивейшая государыня, в том были и неусыпны суть, что неприятель нас неготовых никогда не постигнет, а по настоящему толь важному в их империи приключению, я с первого о том известия искал и продолжаю мое всемерно рачение, чтоб силу оружия вашего императорского величества и новому турецкому солтану показать в том же ужасе, которым был часто поражен его предместник. Происшествие однакож сие учинилось в такую пору, когда здесь настоит еще поднесь зимняя стужа нестерпимая в поле, а рекруты не приводятся в армию, даже и пятитысячной команды люди не все еще в отдаленные части прибыли, транспорты же вещей нужных в снабдение полков раз по худому пути от непостоянной здесь зимы, в другое за остановками, тут происшедшими в виде оскудения здешней земли от продолжающейся войны (в чем утвердить желаемой порядок недостает уже моих сил и вотще был несколколетной труд) весьма медлительно идут, так что иные полки того еще не имеют и по сю пору, а которые и получили, то упражнены теперь только построением, без чего нельзя бы выступить в поле солдатам, разве в полной наготе.

По поводу высочайшего от вашего императорского величества предписания, чтоб корпусу, перешедшему на скорую руку за Дунай, ударить вдруг на Силистрию и на Варну, долженствую донести, что первая крепость лежит на Дунае, а другая от-

стоит от оного более двухсот верст, куда нельзя нискоро, нискрыто дойти, ниже действовать в таком отдалении, разве уже с таким количеством войск, которыми бы не только овладеть крепостью, но и отразить все силы неприятельские, непременно туда обратящиеся, было возможно и надежно, ибо верховной визирь свой в Шумле пост и все другие, так мне кажется, расположил благоразумно и осмотрительно, что каждому из них близка от всех помощь. Попытка на Варну в конце минувшей кампании, где толь скоро мог собрать неприятель сильную оборону, доказательством есть как сему, так и противиться по виденному удобности достать нам ту крепость рукохватно и без большой отваги.

Но при всем том, как время и случаи только подадутся, я от всего умения и от всей моей возможности стану испытывать все средства, чтоб достигнуть желания и предположения вашего императорского величества, предавшись наиревностнее в том высочайшему руководству. Если бы положение мест, как ваше императорское величество оное уже знаете из неоднократных моих донесений, отвечало моей всегдашней готовности, то бы больше мог я взять на себя, нежели одно ныне удостоверение, что я неусыпно рачить буду, довести в наступающую кампанию оружие, мне вверенное, до предметов, которые укажет польза и возможность местоусмотрительная.

По сем остается мне, всемилостивейшая государыня, всеподданнейшую благодарность повергнуть к освященным стопам вашим за новую доверенность, провожаемую обнадеживанием благоволения навсегда монаршего в уполномочении меня к возобновлению и заключению мирного дела. Доселе я от визиря не имел еще никаких отзывов, к тому клонящихся, а по случаю частой между нами пересылки писем к их пленным и от них взаимно, я пристойным образом делаю иногда чрез посланцев внушения, чтоб он вошел полным чувством в бедствия страдательные народу, и что еще горшие им предстоят, ежели не прекратится война вскоре.

Сколько мне известно расположение Порты об артикуле уступки нам в Крыму, Яникуля и Керчи, то не осмеливаюсь я, всемилостивейшая государыня, ласкать себя надеждою преломить показанное упорство на те пункты, которые они присвояют существу их закона, с полным отрицанием изменить когда-либо в том оному.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 104—107 об. Подлинник.

№ 354

1774 г. марта 21.— ОТВЕТ П. А. РУМЯНЦЕВА ВЕРХОВНОМУ ВИЗИРЮ ТУРЦИИ МУССУН-ЗАДЕ МЕГМЕТ-ПАШЕ НА ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЗАКЛЮЧИТЬ МИР

Провидение всевышнего творца, располагающее делами человеческими, естьли возводить на степень знаменитейшую мужа благонравием и разумом блистающего, то несомнительное знаменование есть в том его благости на пользу народную. Ваше сиятельство от первых дней, подавших нам случай к взаимной дружбе, видите непрерывно и до сей еще поры, с каким я удостоверением пребываю о ваших душевных свойствах и сколько я к благоразумию и человеколюбивым вашим намерениям сохранял и храню признательность, почитая, что власть свою и доверенность к себе государскую обращаете вы на возвращение наипаче благоденствия народам, бедами войны угнетенным, в чем прямая и достохвальная есть должность нашего звания.

Привыкши мыслить об особе вашей с таким сердца моего расположением, приемлю я так, как некоторое уже событие добрых моих мнений, письмо вашего сиятельства от 4-го дня луны Мухаррема [1], привезенное мне чегодарем вашим Саидом, в котором вы изъясняете, что получили дружелюбное известие от министра, резидующего в Константинополе, его величества короля прусского, что посредством сего государя, обоим сторонам блага желающего примирение сделаться может, и вследствие того ваше сиятельство, препроводя ко мне особливое письмо оного министра, желаете, чтоб я восприял дать первое начало к совершению сего блаженного дела, дабы тем пресекти разлитие крови народной.

Во удовлетворение таковому от вашего сиятельства предложению пишу я к вам сие сколь искренно, так и охотно, что я от ее императорского величества всемилостивейшей и всеагустейшей самодержицы моей давно уже уполномочен на взаимное сношение и договоры с вашим сиятельством о мире, и предстоит сей путь и ныне к отверстию на сокращение всяких затруднений и времени самого в действиях неприятельских продолжаемого, возобновя уже негоциацию о том между обоими нами, яко главными военными начальниками.

Но как ваше сиятельство совершенно известны о содержании сообщенного ультимата и последних артикулов мирного трактата почтеннейшему блистательной Порты Абдул-Резак-ефендию, бывшему полномочным послом на конгрессе Букарештском, от почтеннейшего же и полномочного посла ее императорского

[1] В письме к П. А. Румянцеву верховный визирь, скрывая трудность для Турции продолжать войну с Россией, писал о желании прусского посла в Константинополе Цегелина быть посредником в вопросе о мире и заявлял о своем «желании прекратить пролитие крови...»

величества тайного советника и кавалера Обрезкова, на что последнее слово обещал полномочный с вашей стороны сообщить послу нашему, по прибытии в императорский лагерь, и сего однакож не учинено, то и остается мне потому ожидать теперь полного от вас уведомления, яко на вещь ясную и вам довольно сведомую, то-есть на те последние предложения, которые на Букарештском конгрессе выше-упомянутым послом ее императорского величества были сказаны к прекращению войны и для миру вечного, в каком расположении против оных блистательнейшая Порта пребывает.

Ваше сиятельство собственным просвещением достаточно испытываете, сколь малые причины отдаляют тут совершение дел великих. По истине, мы находимся в таком точно положении, что малейшие искры осталось только вам изъять из среди полного и искреннего обоих держав расположения к миру, претящие им вкусить уже оной, а напротив, возжигать могущие широту пагубного пламени, толь свойственно продолжением войны растущего.

Я не сомневаюсь, что ваше сиятельство в отвращение крови разлития и всех тех зол, которые по образу враждующих и по предстоянию нынешней поры для действий оружия неминуемы, восприимите наискорейшие и кратчайшие способы к одержанию обоюдно желаемого и полезного мира, плодом коего главным было бы возвращение обоим державам прежней их дружбы и взаимного между собою согласия. Я надеюсь, что попечения его величества короля прусского, яко искреннего обоим сторонам доброжелателя, устремляются к сим единственно видам. Во мне же должное рачение будет вашему сиятельству свидетельствовать, сколь лестна для меня слава общего с вами служения в таком деле, которое к благоугодности наших государей и на пользу их скипетру подвластных народов относится. В ожидании на сие дружеского вашего ответа, я пребываю как и всегда был с непоколебимым почтением.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 145—146. Копия.
Опубликовано в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947, стр. 242—244.

№ 355

1774 г. марта 26.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ М. Ф. КАМЕНСКОМУ О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО КОМАНДИРОМ 3-й ДИВИЗИИ И О ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ СИЛИСТРИИ

№ 59

Устроям войски для предстоящей кампании, определяю теперь вашему превосходительству принять команду над третьею дивизиею и ехать для того в город Измаил. Предписания, что

я могу вам учинить со вверением сих войск вашему превосходительству, изъясняю на сей раз следующим. Командовавшему доселе в Измаиле г. генералу-майору Райзеру велел я ту часть в совершенной иметь готовности на переход за Дунай и предварительно ради того от полков, на дальних постах расположенных, гранодерские роты привести к Измаилу, так равно двинуть уже к Дунаю и кавалерийские полки, ежели по пути могут иметь фураж. Потому гранодерские роты уже и находятся, как мне видно из репортов, в движении, а за сим делом, во-первых, вашим должно быть учреждение потребной стражи для обеспечения устья дунайского от входу неприятельских судов, не меньше такову ж предосторожность положить и для побережных мест, во отвращение всякого прикосновения неприятельского к оным от моря. В сем пункте я слагаю на ваше искусство и на локальное усмотрение оставить ради сей безопасности или те посты и на том же основании, как были оные прошедшего года, или же иным образом, по лутчему вашему благопризнанию, расположить к тому свою стражу с наблюдением однакож полным образом той предосторожности, которую должно сохранять в ожидании, что нынешним летом неприятель без сомнения сильнее прежнего окажет свой флот в Черном море и может наипаче при усмотрении слабого ограждения нашего с сей стороны покуситься на какое-либо испытание. Оградившие себя надежным образом против могущих быть от моря покушений, восприимите ваше превосходительство главное уже попечение о переправе с своим корпусом за Дунай, ибо нужно есть, чтобы вы перенеслись на сопротивной берег, как только трава для полевого корму произрастет и вами собственно удобность к тому усмотрена будет. По последним репортам г. генерал-майора Райзера ходившие его за Дунаем партии к Кистанже, к Карасу и к Мингалии не открыли нигде ни войск неприятельских, ниже следов его там бытности. Итак, из соображения настоящего положения прилично кажется вам первой свой пост взять в Бабаде, а смотря по обстоятельствам и по откровению впредь состояния неприятельского можете вы свой главной стан переносить и далее и даже к Карасу. С вложенною тут копиею моего ордера[1] г. генерал-майору и кавалеру Суворову, известны будете, ваше превосходительство, что под его стражею пребудет наш Гирсовский пост, и что ему от меня наказано бдеть и против покушения неприятеля от Силистрии и на удержание нашей ноги в Гирсове; а занимая сей пост на одном с вами берегу, разумея по переходе вашем за Дунай, учредит с вами взаимную связь на сношение их способствованию один другому содействовать по случаям, того бы востребовавшим, в виде приобретения поверхности над неприятелем, и собственной ради защиты противу его действии, что самое исполнять и вам равномерно предоставляю. Из дове-

[1] См. документ № 356.

ренности к благоразумию и к искусству вашему в деле военном открою я здесь вашему превосходительству, что ее императорское величество, всемилостивейшая наша государыня, высочайше предположила в начало настоящей кампании стараться ударить вдруг или порознь на Силистрию и на Варну, чтоб овладением сих важных постов вынудить у неприятеля желаемый мир; но действия сии на такой случай предоставлены, ежели бы дознано было в неприятельском войске ослабение и неустройство и во мнении, что сих ждать должно при нынешней перемене у турков верховного правительства. Я учинил всеподданнейшие мои донесения ее императорскому величеству, что крепость Варна и Силистрия между собою отдалены столь большим расстоянием, что вдруг на сии оба места действовать неудобно, да и каждое из оных, ежели и порознь нападать, в свою оборону призвать может неприятельские главные силы; при всем том однакож должно нам всевозможнейшим образом употребить все способы, которые бы могли податься к достижению сих предметов, и я, быв благонадежен на искусство и на известное усердие вашего превосходительства к славе оружия ее императорского величества и к славе нашего отечества, вверяю вам сохранить без огласки сии высочайшие намерении и полагаюсь на вас в полной надежде, что вы не оставите изыскивать всех средств, которые бы удобны были к одержанию сих предметов, сколь скоро, так и без большой, если можно, отваги людей, и в каком состоянии по лучшему знанию на месте известны вам будут силы неприятельские, равно если б по их оплошности предположить за полезно вы нашли открыть каковы-либо действия в надежде достижения означенных пунктов, давайте мне немедленно знать. А сколько мне доселе ведомо из показаний выходцов и пленных, то в Варне тоже число войск находится, которое было и в конце минувшей кампании, но пред городом, якобы вновь еще сделано шесть редутов под обороною городовых пушек; в Силистрии ж нет весьма большого числа войск, однакож имеющееся довольно бдит свою осторожность. О рекрутах и потребных вещах, которых еще не имеют ваши полки, получите, ваше превосходительство, особливо от меня общее повеление.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1993, л. 20 об.—23. «Журнал отпусков по секретной экспедиции». Копия.

№ 356

1774 г. марта 26.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ А. В. СУВОРОВУ О ПОРУЧЕНИИ ЕМУ РЕЗЕРВНОГО КОРПУСА И О ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ ВАРНЫ И СИЛИСТРИИ

№ 60

Как ныне отсутствует командовавший резервным корпусом г. генерал-поручтик и кавалер Потемкин, а время и обстоятель-

ства требуют открыть рано предстоящую кампанию, то и поручаю я вашему превосходительству ехать теперь и принять над упомянутым корпусом команду. Мне довольно известны искусство и ревность ваша к службе, и я довольствуюсь положиться на оные, указав вам два главные пункта в виде предстоящего вам дела, то-есть замок Гирсовской, которой возлагаю на вашу оборону, яко пост весьма нам нужной держать на сопротивном берегу, и город Силистрию, кроме намерения, которое изъясню ниже, чтобы воспятить всякие покушения неприятельские от сего поста, и к оному принадлежащих, на наш где-либо берег. Г. генерал и кавалер г. Салтыков уведомляет меня по показаниям выходцев, якобы, неприятель силистрийской снабжается сверху многими припасами, способствующими построению моста чрез Дунай, согласно сему доносит и г. бригадир Потемкин, что разглашения купно с приготовлениями идут, будто неприятель собирается понтонной утвердить мост чрез Дунай на остров, против города лежащий. Напоследок на сих днях посылан от него был артиллерии капитан Базин и в Силистрию, который чрез собственное обозрение удостоверился, что у пристани городской, против прежнего, суда гораздо умножены и понтоны с берегу на воду уже спущены; он войск в городе не весьма много нашел, однакож все мне донесения гласят о их крайнем бдении в свою осторожность; прочее достаточные ваше превосходительство изведать можете, прибыв на свой пост и потребовав от реченного капитана обстоятельного о том изъяснения. Положа два выше наименованные предметы для действий ваших, считаю за потребно, чтоб ваше превосходительство несколько полков, как по рассмотрению своему заблагорассудите, подвинули на устье Яломицы, упредительно изготовя тем надежное вспоможение посту нашему в Гирсове, в могущих быть покушениях неприятельских на оной. Свой же главной стан имеете взять при Слободзеи, распределя по лутчему своему на месте усмотрению обвещательные и другие свои посты, служащие на обеспечение всей вашей дистанции, и к отряжению всякого прикосновения неприятельского в оной на наш берег. Я не назначиваю тут ни дня ни поры, когда вам на обнятие своих постов двинуть войски, ибо не ведаю естьли на нашем и на сопротивном берегу трава для корму, а возлагаю по видению к тому удобности распоряжать по вашему рассмотрению. С вложенного здесь в копии ордера г. генералу-порутчику и кавалеру Каменскому ваше превосходительство известны будете, что он имеет с своим корпусом от Измаила перенестись за Дунай, стать в Бабадахе, а по обстоятельствам и усмотрению надобности перейтить и в Карасу. Вам, в рассуждении поста Гирсовского, яко на одном берегу с ним стоящему, надлежит иметь между собою взаимную связь и способствовать один другому содействие по случаям того бы востребовавшим, в виде приобретения поверхности над неприятелем, или собственной ради защиты против его действий. В какой доверенности открыл

я реченному генералу-порутчику высочайшую волю ее императорского величества, с такою и вам открою следующее: всемилостивейшая государыня соизволила высочайше предложить в начало настоящей кампании стараться ударить вдруг или порознь на Силистрию и на Варну, чтоб овладением сих важных постов вынудить у неприятеля желаемый мир. Но действия сии на такой случай предоставлены, ежели бы дознано было в неприятельском войске ослабение и неустройство во мнении, что сих ждать должно при перемене ныне у турков верховного правительства. Я учинил всеподданнейшее мое донесение ее императорскому величеству, что крепость Варна и Силистрия между собою отделены столь большим расстоянием, что вдруг на сии оба места действовать неудобно, да и каждое из оных, ежели и порознь нападать, в свою оборону призвать может неприятельские главные силы. При всем том однакож должно нам всевозможнейшим образом употребить все способы, которые бы могли податься к достижению сих предметов, и я, быв благонадежен на искусство и на известное усердие вашего превосходительства к славе оружия ее императорского величества и к славе нашего отечества, вверяю сохранить вам без огласки сии высочайшие намерения и полагаюсь на вас в полной надежде, что вы не оставите изыскивать всех средств удобных к одержанию коль скоро, так и без большой, естьли можно, отваги людей одного из наименованных предметов, в вашей части состоящего, то есть города Силистрии; и в каком состоянии, по лутчему знанию на месте, известны вам будут силы тут неприятельские, и если по их оплошности за возможно вы найдете открыть каковы-либо действия в надежде овладеть сим городом, то как и с каким числом и где Дунай переходить предположите, мне немедленно дайте знать, чтобы я ко времени и другим частям содействовать или облегчать ваше предприятие указать мог. О рекрутах и потребных вещах, которых еще не имеют ваши полки, получите ваше превосходительство особливо от меня общее повеление.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1993, л. 23—25. «Журнал отпусков по секретной экспедиции». Копия.

№ 357

1774 г. апреля 8.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПРОВЕДЕННЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ К ОТКРЫТИЮ КАМПАНИИ 1774 г.

№ 10 *Яссы*

С подносимого при сем всеподданнейше росписания[1] ваше императорское величество соизволите усмотреть распределение вверенных мне войск для предстоящей кампании. А дабы открыть оную сколь можно ранее, то уже предписал я генералу

[1] Не публикуется.

графу Салтыкову, генералам-порутчикам Каменскому и Суворову препоруча из сих двух — первому третью дивизию в Бессарабии, а последнему, по отсутствии ныне старших генералов, вторую и резервной корпус, выступить наипоспешнее с полками в поле. Пойдут также вскорости с своих квартир к Дунаю и полки первой дивизии, которым я назначил сборное место у Браилова, чтоб им сойтись там 7-го числа майя.

Ранее сего нельзя было никак в нынешний год вывести в поле войски, по неимению нигде подножного корму, ибо и от самых частей, прикосновенных Дунаю, где теплейший климат обыкновенно произращал первые травы, я получаю рапорты, что оных там равно, как и здесь, до сей поры еще не имеется по причине, что холодные ветры, наставшие по согнании снега и продолжающиеся повседневно, засушили весьма землю и так, что благорастворение ее зависит ныне от напоения дождевого, которого еще не было.

Поручая вышеупомянутые части войск генералам-порутчикам Каменскому и Суворову, открыл я им высочайшие повеления, от вашего императорского величества мне данные в начало настоящей кампании, в рассуждении Варны и Силистрии, чтоб им все старания приложить, по лучшему усмотрению на месте состояния сил и обороны неприятельской, к удостоверению себя в тех способах, которые бы могли податься к одержанию сих предметов.

Для сего предложил я генералу-порутчику Каменскому, обеспеча потребною стражею устье Дунайское от входу неприятельских судов, с наблюдением полным той предосторожности, которую должно сохранять в ожидании, что нынешним летом неприятель без сомнения сильнее прежнего окажет свой флот в Черном море и может наипаче при усмотрении слабого ограждения нашего с сей стороны покуситься на какое-либо испытание, переправиться потом с своим корпусом за Дунай и располагать по усмотрению состояния неприятельского на сопротивном берегу свой стан или в Карасу или где лучшая к тому удобность предстанет. Во исполнение таковых предположений он меня уведомляет, что, оградя себя надлежащим образом от моря, переведены уже им все легкие войски и егерской баталион подполковника Мекноба на ту сторону Дуная к Бабаде и от сих посланы партии для открытия Карасу и Кистенжи, а чтоб поспешить в действиях, то несмотря на недостаток травы, которой в тех местах совсем еще нет, полагает он, генерал-порутчик, 15-го числа сего месяца переправить на сопротивный берег и четыре пехотные полка, кавалерийские же до произрастения травы оставить на здешней стороне, видеть всю необходимость.

Генералу-порутчику Суворову на сей раз указал я два пункта, то-есть оборону Гирсова, и с тем связь взаимную с корпусом, предводимым генералом порутчиком Каменским по переходе сего последнего за Дунай, дабы они содействовали друг другу во взаимную помощь в случае, представшем к приобрете-

нию поверхности над неприятелем и собственной ради своей защиты противу действий от него вопреки быть могущих. В другой предмет назначен ему город Силистрия, чтоб воспятить всякие покушения неприятельские от сего поста и к оному принадлежащих на наш где-либо берег; и поелику известиями подтверждается, что неприятель силистрийской снабжает себя тут многими припасами, способствующими наведению моста чрез Дунай, и по удостоверению посыланного для проведывания артиллерии капитана Базина, у пристани городской судов против прежнего умножилось, то и велел я реченному генералу-поручику Суворову несколько полков подвинуть скоро на устье Яломицы, упредительно изготовя тем надежное вспоможение посту нашему в Гирсове в могущих быть покушениях от неприятеля на оной, а с прочими взять позицию при Слободзее.

Засим рачению и искусству реченных генералов-порутчиков и их усердию к службе вашего императорского величества предал я изобретать все средства, лучше на месте обозримые, дабы воспользоваться всемерно неустройством и оплошностию, если бы в оных войски неприятельские нашлись, хотя в поле или же буди бы такое и слабое положение оных подавало удобность без большой отваги схватить Силистрию или Варну, и если тот или другой завозможно найдут простерть каковы действия в надежде такового успеха, то по отобрании от них о том известии, я не умедлю обратить на споспешествование делу и другие части.

О сих распоряжениях, относящихся на нижнюю часть и к наступательным действиям, предварил я генерала графа Салтыкова, сложа на его неусыпное бдение не допустить неприятеля в вышней Валахии ни до какого покушения в наш берег и препятствовать ему удобвозможными демонстрациями, как намерение таково, так не меньше, чтобы виды оборотов войск, предводимых им, графом Салтыковым, столько заняли неприятеля оным противустоящего собственною его безопасностию, сколько нужно есть не допустить его проникнуть и упредить предприятия наши в нижней части, а и того меньше быть в состоянии спомоществовать сюда отделением своих войск.

Я подтвердил из сих причин реченному генералу, чтоб он поспешил с первою открывшеюся удобностию вывести с квартир свои войски в поле и в открытие уже кампании, свой лагерь оказать неприятелю.

Хотя и прежде тот корпус пребывал в оборонительном положении, и хотя граф Салтыков на мой ему вопрос ответствовал и ныне, что он не находит удобности с количеством вверенных ему войск учинить с надеждою поиск на Рущук, а иного предмета не обретает он в своей части, кроме сего города, для открытия своих действий на неприятеля в упреждение его таковых быть могущих в наш край. Но и теперь однакоже дал я ему знать, сколько полезно бы было, если бы и он изобрел способы и возможность с своим корпусом перенестись за Дунай, ища

овладеть помянутым городом или же другим неприятельским постом, способствующим к утверждению там нашей ноги и к распространению вдаль нашей поверхности над неприятелем, удостоверяя его, сколь охотно бы я по его уведомлениям на вспоможение такова предприятия с своей стороны употребил всевозможные меры.

Между сим неприятель нигде еще знатных своих движений не оказывает, повидимому, из той же неудобности, которая и нам настоит от неимения травы. А только свое покушение чинил против наших войск в банате Крайовском, о чем имею репорт от начальствующего там генерала-майора и кавалера Енгельгарта, которым он доносил, что неприятель чрез Дунай переправясь до трех тысяч пехоты и конницы, сбил своею силою наши бекеты и 30-го числа марта поутру в 10-м часу приближился к монастырю Стригаи, где держал пост с двумястами егери, со сту восьмидесятью карабинер и с двумястами арнаут подполковник и кавалер Паткуль. Сей офицер, за отделением на то время в партии конных, вышел неприятелю навстречу с одними егерями и с небольшим числом карабинер и, быв окружен турками со всех сторон, сражался с ними оружейным огнем и штыками более трех часов и, наконец, преодолев сего неприятеля в бою, прогнал его от реченного монастыря назад к Чернецу с немалым уроном; и предоставляя о сем деле донести впредь обстоятельнее, чего в кратком рапорте изобразить не успел, означает только, что до семидесяти человек одних убитых турков тут легло.

По положению баната Крайовского, почти сие неизбежно, чтоб неприятель не покушался на разные порывки в оной, а сих и ждать должно, наипаче, когда войски турецкие сверху к своим нижним и твердым постам движение чинят. Мимоходом таковым, я щитаю, отправили они и вышеписанной свой набег на Стриганской монастырь.

Я препоручил ныне в команду генерала графа Салтыкова весь тот отряд войск, что в банате Крайовском должен оставаться, и возобновил напомянуть ему сначала вступления войск данные от меня предписания там командовавшим, что главное употребление сей части войск должно быть в том, чтоб притянуть, и видами своего положения, а по случаям и самим действием, от неприятеля на себя внимание во отвлечение его сил от главных частей, яко при таких действиях ему нужно будет иметь и там полную стражу для безопасности своего берега. Посему сколько легкие обороты там нашего войска могут в страхе держать неприятеля чрез нападение на его слабые и оплошные посты, так в случае наступления туда турков в превосходных силах нашему деташаменту, уклонившись в горы, не только нет опасности в соединении с главною своею частию, но еще может оной удобно своими действиями остановлять и вредить неприятеля, заманивая его и пользуясь положением мест, вели-

кую удобность подающих, малым числом противустоять великому. С числа таковых преимущественно избран генерал-порутчиком Каменским, пред сим командовавшим в банате Крайовском, монастырь Стриганской, которой имеет твердые стены и подаст способность, держа там пост, возбранить неприятелю вход в горы, ради чего и наказал я сохранять оной под твердою нашею стражею.

На такой ноге, оставляя часть войск в Крайовском Банате, зависимую от распоряжений графа Салтыкова, предписал я ему подать ближайшие наставления предводящему оными генералу-майору Енгельгарту, дабы он столь бдел и готов был отряжать всякие покушения неприятельские, ожидаемые паче от проходящих войск, как и старался бы к Орсове или инде, где был бы оплошен неприятель, переходя Дунай, к чему готовые есть при том корпусе суда, нападать на сопротивостоящие посты, разорять деревни, служащие к удержанию ноги неприятельской на противном берегу и всякой вред причинять удобной, естьли не сделать диверсию для других частей, то по крайней мере не попустить неприятелю сверху вниз отделять свои войски. Я изъяснил тут же генералу графу Салтыкову, яко разные движения, что те войски могут показать в виде искания схватить Турно, привяжут и тут неприятеля, а впрочем если бы случай и к большеполезному поиску чрез таковы посредства был приобретен, то я предоставил его искусству всякое нужное вспоможение в том с своей стороны подать, утвердя свою связь на всякое время наибеспечнейшим образом с тем деташаментом, к чему служить может пост, который я оставил его рассмотрению расположить на Телеормане.

Донесши сим о главных моих распоряжениях к начатию кампании в полном и всеусердном старании распространить действия оружия, мне вверенного, сколь полезно и возможно, предоставляю впредь всеподданнейше уведомлять ваше императорское величество, что по тому далее исполнено и приобретено будет...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 132—142. Подлинник.

№ 358

1774 г. апреля 9.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА И. П. САЛТЫКОВУ О ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ РУЩУКА

№ 69

Переход в Туртукае войскам нашим без сомнения удобен, как по неоднократному испытанию мы то знаем; но вступление туда обыкновенно чинилось, чтоб занять неприятеля, держащегось в нижней части Дуная, и на содействие нашим там дей-

ствующим, потому и желаю иметь от вас уведомление, твердым ли образом и в каких силах неприятель сей пост хранит, или только надзирает оной и полки назначенные в ту дивизию, чтобы сближенными были к Негоештам, но вашему сиятельству с главною своею частию, когда туда перенестись, то сомнительно, чтоб такой оборот занял неприятеля в вышней части, разумея от Рущука, которого заботить, удерживать и искать над ним поверхности, предоставил я вашему искусству по предводительству вам части войск, к тому назначенных; но вопреки и более ждать бы оставалось, что чрез такое движение вся важная дистанция в вашей стороне быть бы могла подвержена нападениям неприятельским, которому отход ваш в левую сторону учинил бы свободные руки к тому. Итак, по мнению моему, чтоб озаботить и удержать неприятеля, вам противустоящего в вышней части Валахии, от способствования нижним его постам при действиях войск наших на оные, нужно вашему сиятельству искать выше перейтить Дунай и тем привесть в страх больше рущукского неприятеля, нежели всяким иным движением внизу и паче таким, которое уже он видел неоднократно. Я, имея доверенность полную к искусству вашему обнадеживаюсь, что ваше сиятельство из собственного просвещения и побуждающего усердия вашего о приобретении пользы службе, употребите ближайшие способы поставить свою ногу за Дунаем, как другие части войск движения свои откроют на сопротивном же берегу, избрав полезным предметом себе овладение Рущуком или другим неприятельским постом, способствующим, как я вам писал, простерти действия на дальшую поверхность над неприятелем. Корпус вашего сиятельства усилен теперь больше, нежели оной состоял при генералах, командовавших пред вами в Валахии; с меньшим числом пред настоящих всегда мы там одерживали свою поверхность над неприятелем, как еще и главные свои действия устремлял он в тот край, чего я равномерно и от вашего искусства ожидаю. Ваше сиятельство в моем ордере, уже вами полученном, имеете объяснение на край Баната, как там нашим войскам действовать, остается вашему попечению наблюдать, дабы командующий там учреждал благоразумно тем образом свои обороты и подавать ему вспоможения в случаях представивших на пользу, как равно и в предвидении по обстоятельствам опасности оному. Я не могу принять за совершенную истину тех известий, которые г. Паткуль предъявляет, за полученные от своего шпиона, о собрании больших сил неприятельских, чтоб войтить в Банат. Несходствует сие с оказанием выходцов, да и противится здравому разумению о деле военном, чтоб неприятель в тот угол зашол с знатною частию войск, да нередко и пред сим неприятель подобные разглашения в тех местах чинил не собывшиеся однакож в чаянии единым страхом понудить наши войски к выступлению оттуду, надобно иметь осторожность в испытании самих шпионов, которые могут быть

подосланы с духом лжи от самого неприятеля. Я многократные давал о сем наставлении во всю армию, но оные так мало наблюдаются, что г. Паткуль и имени не объявил употребляемого им шпиона, и где, и когда, сам ли собою видел или слышел собранные неприятельские войски.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1993, л. 32—34. «Журнал отпусков по секретной экспедиции». Копия.

№ 359

1774 г. апреля 11.— ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА А. М. ОБРЕСКОВУ О ВОЗМОЖНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА С ТУРЦИЕЙ

Милостивый государь мой, Алексей Михайлович

Вчера возвратился наш Мельников с тем же чегодарем визирским, который в последний раз был к нам прислан. Я их отправляю к вам для вручения писем, к вам привезенных, а здесь влагаю оригиналами и тем, что я чрез них получил. Удостоверяют сии предложения, которые ваше превосходительство в полном их пространстве усмотрите, что тщетно возлагаем мы надежду успех в том одержать иными посредствами, к чему ближайшие убеждения на двух конгрессах нимало не наклонили Порту. Не нужно мне пред вашим превосходительством, яко строителем сего дела, расширять объяснения, сколько Порта ощущает существенный свой интерес противиться нашим хотениям в обладании крымскими крепостями и в преобретении неограниченного мореплавания. Но как мне двор во основание мира предположил те же правила, которым ваше превосходительство последуя, видели, наконец, разрушение двократно всех миролюбивых договоров, то и готовлюсь я на сии письма, которыми, кажется, визирь желает извлекти из меня смягчение ультиматум, в чем я не властен, расположить мой ответ сим образом, что я вместо ожидаемых от него и самих ближайших способствований к заключению полезного мира, обретаю в сем его письме настояние о тех же самых артикулах, которые предлагая есть властно тоже, что не являть никакой склонности к прекращению войны, ибо ему известно из тех же самых конференций, на которые он ссылается, бывших между послов обеих держав, что независимость татар, уступка в Крыму крепостей Еникуля и Керчи и неограниченное мореплавание были главными и непреложными пунктами с стороны империи российской к миротворству, что я излишним почитаю в сей раз объяснить ему, сколько умеренности и снисходительства Россия при том благополучном оружия своего производстве оказалася в при-

своении завоеваний своих и в распространении оных, что ваше превосходительство, трактуя с рейхс ефендием в Бухаресте, достаточно изразили право и причины, по которым нельзя ни коим образом стороне нашей принять сих артикулов в их точной силе, которые визирь мне выписывает; и что мир сущий и чистосердечное желание оного должны быть утверждены теми самыми постановлениями, что предложены были о сих пунктах на конгрессе вашим превосходительством. NB. После сего упомяну я, что самая справедливость дает ныне неоспоримое право империи российской требовать больше по учиненным в войне издержкам, нежели как она свои требования предлагала Порте, желая заключить с оною мир два года назад; что соглашение пред сим на некоторых кондициях возвратить Порте провинции завоеванные соображать должно ныне с настоящим положением российского оружия, поелику все права Россия имеет переменить о том прежние кондиции и требовать сходного и принадлежащего себе удовлетворения по цене убытков, прирастающих чрез продолжение войны. В заключении я скажу верховному визирю, сколь ни лестна мне слава участвовать с ним обще в примирении обеих держав, но когда с их стороны не те средства предлагаются, которые бы могли к тому споспешествовать, но паче претящие в сей доброй надежде, то и должен я буду следовать по той уже дороге, которая остается в таком случае, когда не действуют во благое все истощенные способы миролюбия, сколько случаи дозволили нам взаимно познать друг друга, то не имею я уже надежды удостоверять его, колико желательнее бы мне было видеть плоды от миротворства, к которому я от ее императорского величества уполномочен, нежели от неминуемых действий оружия, предводительству моему вверенного. Я прошу вашего превосходительства дружески уведомить, естьли вы найдете что нужным переменить или прибавить в вышеписанном моем ответе, начертанном только кратким содержанием которой я располагаю прямо на отрез, чтоб отнять у них мнение, может быть не лучшее о состоянии нашем продолжать войну. Я ожидаю, что вы полным образом совет и свои мысли преподадите тому, который имеет честь быть с истинным почтением.

P. S. Я хочу поместить в моем ответе верховному визирю в тех строках, где стоит «NB», что с стороны возвращения Крыма, сколь не велики делались в прошедшие годы от Порты приготовления, но однакож при помощи божией оружие российское пребывает везде твердо в своих завоеваниях. Прошу меня уведомить, покажется ли вам потребным сие мое изражение. Да еще, милостивый государь мой, нужен мне ваш дружеский совет и в том, как бы приличнее сообразовать мой ответ тому уважению, что когда визирь в своем первом письме объявляет, что министр прусской известил ему, яко посредством его государя примирения сделаться может; следственно думать надобно, что медиатор сей, может быть, изъяснил каковы-либо предположе-

ния к одержанию взаимного согласия и в тех пунктах, которые доселе претили заключению мира, а я о том никакого уведомления от двора не имею. Посоветуйте вселюбезный друг, по вашему достаточнейшему сведению, как бы наилучше в сем разе составить мою отповедь верховному визирю.

Прилагаю для сведения вашего экстракт известия от князя Василья Михайловича[1] о рассыпании в Крыму той кучи недоброжелательных, которая, всеконечно, подавала Порте лучшую надежду, нежели как сей есть оборот.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1989, л. 152 об.— 156. Копия. Опубл. в сб. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», М., 1865, кн. 2, стр. 301—303.

№ 360

1774 г. апреля 19. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О НАЧАЛЕ ПЕРЕПРАВЫ ВОЙСК ЗА ДУНАЙ И РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СВЕДЕНИЯХ О ДЕЙСТВИЯХ НЕПРИЯТЕЛЯ

№ 13 *Яссы*

Вследствие всеподданнейших моих донесений вашему императорскому величеству от 8-го сего месяца[2], продолжаю сим должное уведомление по полученным рапортам от генерал-порутчика Каменского и Суворова. Первой 17-го числа из своей части полк пехотный уже последний за Дунай переправлял, терпя в том замедление от погоды в реке, чрез шесть дней продолжающейся, а четыре полка пехотные той же дивизии с полковою артиллериею уже стоят в Бабаде; карабинерные же по недостатку травы не имеет еще никакой удобности перевести на сопротивной берег и с большою нуждою переправляет один только гусарской полк. Партии от той части, ходившие к Карасу и к Кистанжи, нигде не открыли неприятельских войск. Генерал-порутчик Суворов, ради взаимного содействия оной части, также привел резервной корпус к переправе у Гирсова, которая начата с 18-го апреля, расположа второй дивизии полки при Слободзее. А 23-го числа сего же месяца выступят из своих квартир войски и первой дивизии к Браилову на назначенное им там сборное место.

От генерала-порутчика Каменского имею уведомление, что 2-го числа апреля девятнадцать кораблей с стороны Царьграда прошло к Очакову, а 12-го мимо Карaармана с той же стороны проплыли двенадцать лодок, в каждой до двадцати человек ту-

[1] Долгорукова.
[2] См. документ № 357.

рок пеших. Того ж числа из Царьграда в Измаил прибыл на судне с овощьми садовыми и огородными грек шкипер Симон Карцогли, с ним один турок и четыре работника. Они показывают, что из Царьграда, собираемые тамо войски, одни в Шумлю отправляются, а другие в Варну, и турецкой флот у Царьградской гавани состоит в немалом числе военных больших кораблей и других судов вооруженных.

Из вышней Валахии чрез пополнительные донесения от генерала графа Салтыкова о бывшем сражении с неприятелем 30-го марта при Стрегае изъяснено, что убит в том деле Тобольского карабинерного полку корнет Зеленов, нижних чинов одиннадцать, лошадей тридцать восемь, ранено нижних чинов сорок, лошадей двенадцать. Неприятель, как после известия подтверждают, в сей неудачной попытке потерю имел, кроме убитых, в большом числе раненых тяжело. Между первых считают погибшим некоего Осман агу. За поступки мужественные в сем действии рекомендованы капитан и кавалер де Вильно, подпоручики Богдан Деханов и Григорей Дурнов, арнаутские прапорщики Алексеев и Попович, сей последней и рану получил.

Теперь идут разглашения, и неоднократно своими рапортами возвещает мне граф Салтыков, якобы неприятель в Видине, Острове, Орсаве и Кладове собирает большие силы до пятнадцати тысяч и, дождавшись вспоможения также знатного и от Белграда, будто намерение имеет вступить в банат Крайовской, чтоб вытеснить оттуду наши войски за Ольту. А от наших постов примечено, что сто судов с пехотою турецкою пришли к Никополю. Слухи сии и возвещения без сомнения от приверженных неприятельской стороне произвели было 11-го числа в том краю для войск наших фальшивую тревогу о действительном якобы уже вступлении большого числа неприятеля.

Я дал знать графу Салтыкову, сколь не сходствуют сии известия с другими показаниями выходцев, да и противятся здравому разумению о деле военном, чтоб неприятель зашел в тот угол, с толико знатною частию войск, но больше подозревать должно, что турки свойственные им хитрости тут употребляют, в чаянии единым страхом от пустых разглашений понудить наши войски к выступлению оттуду. Во уважении чего изъяснил я реченному генералу, ссылаясь на мои предыдущие предписания, что легкие обороты деташаменту Крайовскому присвоены наипаче по действиям, относящимся к нападению по времени, случаям и оплошности на неприятельские посты, чтоб оному изворачиваться внезапно в своих к тому предприятиях, и потому бы на достижение полезных успехов, преподал он, граф Салтыков, заимствуя от ближайшего по месту сведения, свои наставления предводящему тем отрядом войск, дабы обороты оных на тот конец учреждаемы были, чтоб в неприятеля вселить страх против своих действий, а не ждать самим с боязнию на себя таковых от него. Повинных же начатию упомянутой фальшивой

тревоги, приказал я по выисследовании в страх другим наказать без пощады.

Впрочем, по сей день, в других частях неприятель, чтоб начинал движения или действия, я еще уведомлении ни откуда не имею.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 167—170. Подлинник.

№ 361

1774 г. апреля 28. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА Д. М. ГОЛИЦЫНУ О ВОЗОБНОВЛЕНИИ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ С ТУРЦИЕЙ И С ПРОСЬБОЙ УСТАНОВИТЬ СВЯЗЬ С АВСТРИЙСКИМИ И ПРУССКИМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Упражнен будучи на сие время отверстием кампании, не могу еще вашему сиятельству никаких здесь уведомлений учинить с стороны военных действий, кроме о том едином, что войски наши, частью уже перешед Дунай, взяли свои посты на сопротивном берегу, и как те, так и все другие, в движении находящиеся, на здешнем берегу целят на предметы, которых бы достижение пользу нам, а вред неприятелю причинило. Я, предоставя своему времени сообщать вам о последованиях, которые быть могут в положении, в кое армия, мне вверенная, зайдет и неприятеля притянет. Уведомляю между тем ваше сиятельство, что по отзывам верховного турецкого визиря беспосредственно между мною и им возобновляется ныне мирная негоциация. По дошедшим ко мне от двора нашего повелениям я считаю, что о том ваше сиятельство чрез свой канал доселе уже известны, но как мне теперь двор наказывает особливо изыскать порядочной и верной канал учредить с находящимися в Царьграде министрами венским и прусским беспосредственную корреспонденцию, независимо от той способности, которую подавать может посредство в том верховного визиря, то я, воображая к тому два способа — или чрез здешних жителей тайным проходом или чрез венскую дорогу и по опытам ведая, сколь первый отнюдь не надежен ради коварства и неверности, в каковых нередко изобличаются оные, принял последний и отписал теперь на первой случай в Германштат к генералу Прейсу, прося о препровождении ему адресованного письма моего, относительно к сей материи к г. Тугуту, как можно скорее ближайшим путем в Царьград; а ваше сиятельство я покорно прошу от штатского министра князя Кауница испросить раз навсегда до-

зволение, чтобы я мог чрез реченного генерала Прейса, или же естьли вы и другую какую-либо кратчайшую и удобнейшую дорогу выбрать и наименовать мне можете, посылать своих курьеров с депешами в Царьград и получать на такой им проезд пас австрийской под именем их курьера, я пребуду в ожидании получить поспешно наилутчее удостоверение посредством вашим о приискании на вышеписанное ближайшего пути и способов, которые мне толь нужны, и имею честь впротчем быть с совершенным почтением.

P. S. В шифрах, кроме подчерченных, корреспонденцию мне с министрами Тугутом двор ставит нужною наипаче для благовременного и надежного в настоящую пору сведения истинных мнений и резолюций Порты при каждом особливо случае, я прошу всходствие желаний нашего двора, чтобы ваше сиятельство, естьли может своего курьера под именем австрийского отправить в Царьград, сделали нарочные цифирные два разные ключи и с довольною безопасностию доставили в руки реченным министром, ради тайной взаимной между нами переписки. А буди вам нельзя своего надежного курьера послать как только чрез австрийского, то уже для обоих один ключ сделайте и равной мне надежным образом пришлите.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1989, л. 158—160. Копия.

№ 362

1774 г. апреля 28. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА ВЕРХОВНОМУ ВИЗИРЮ ТУРЦИИ МУССУН-ЗАДЕ МЕГМЕТ-ПАШЕ О МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ

Извините меня, ваше сиятельство, что больше обыкновенного задержал я у себя чегодаря вашего Сеида и не успел прежде сего отписать к вам на дружеское ваше от 29 луны Мухаррема, чрез него полученное. Причиною тому дни поста и по них наставшего святого праздника, упражняющие нам особливыми обрядами во удовлетворение закону, и еще к тому прибыли ко мне в сию пору знатные гости.

Я готов уже был учинить отправление оному, как поспел ко мне и другой курьер вашего сиятельства с письмом от 14 луны Сефер, в котором вы изобразили по случаю препровождения тем письма ко мне министра его величества короля прусского Цегелина свое искреннее расположение для блага общего и приязни ко мне персональной. Я благодарю вашему сиятельству за верность и скорое доставление мне того письма; благодарю еще сугубо за добрые и непременяемые обо мне ваши мнения и, чувствуя цену прямую оных, удостоверяю о моем взаимно усердии

и почтении к вам, которые толь кратно усугубляются, сколь чаще доводят меня случаи познавать чувства ваши сердечные, во благое действующие.

Четыре артикула, сообщенные мне вашим сиятельством при первом письме из вышеупомянутых, я нахожу те же самые, против которых уже на бухарестском конгрессе с вящшим пространством объяснения учинены, но мы теперь, движимы будучи равным желанием довести до вожделенного конца спасительное дело, должны пойти с пункта ближайшего к основанию оного.

Ваше сиятельство совершенно сведомы, что на бухарестском конгрессе взаимными полномочными десять артикулов мирных действительно подписаны; а именно: 1-й) о восстановлении вечного мира и общей на обе стороны амнистии взаимным подданным; 2-й) о Грузии и уничтожении Портою навсегда дани христианскими мальчиками и девочками[1]; 3-й) о Кабардах с предоставлением хану крымскому согласиться на уступку оных России; 4-й) о выдаче взаимных беглецов; 5-й) о служителях российских в Константинополе будущих министров, как с ними в разных случаях поступать; 6-й) о совершенной по прежнему свободе в построении святых мест; 7-й) о содержании впредь нашим двором при Порте министра второго ранга и об определении ему в церемониале точного места после римского императорского интернунция; 8-й) о переводчиках, в службе Российского двора находящихся; 9-й) о неограниченной на обе стороны свободе заводить и строить в своей стороне всякие новые селения и крепости, а напоследок 10-й) о взаимном освобождении всех пленных без изъятия, которое от турок по нашему требованию распространено на грузинцев и поляков.

Сии и другии предложения неменьше вашему сиятельству известны из двадцати восьми мирных артикулов, врученных в Бухаресте от тогдашнего посла ее императорского величества всеавгустейшей самодержицы всероссийской тайного советника и кавалера Обрескова уполномоченному от Блистательной Порты достойнопочтенному действительному ее рейс-эфендию Абдул-Резаку, между коими трудность в соглашении встретилась наибольше на двух пунктах, то есть на уступке России на Крымском полуострове Керчи и Еникале с их уездами, да на беспредельной свободе всякого кораблеплавания по Черному морю. Я поставляю в долг рачителя о сближении благополучия народов и для учинения действительного начала в мирной негоциации возобновить напамятованием вашему сиятельству прежде с нашей стороны положенные будущему миру основания, кои состоят: 1) в уменьшении способности впредь к разрыву постановляемого трактата вечного мира и вечной дружбы; 2) к достав-

[1] Отбиравшиеся в соответствии с этой унизительной данью мальчики предназначались главным образом для пополнения янычарского войска, а девочки — для гаремов правящих кругов турецкой империи.

лению нашей стороне справедливого удовлетворения за убытки войны; 3) в освобождении от порабощения торговли и мореплавания беспосредственною связью между подданными обоех империй для высшей их пользы и взаимного блаженства, дабы оными сохранение мира учинить тем полезнейшим и важнейшим для обоих народов, следовательно же, и тем драгоценнейшим для управляющих делами их. Потому я повторяю и ныне же основания и, совместно ожидая от правосудия и прозорливости вашего сиятельства, что равным образом согласитесь признать и употребить их к учреждению возобновляющейся негоциации, ибо они в обществе своем не иное что доказывать могут, как искренность и святость намерения всеавгустейшей нашей императрицы утвердить и обеспечить будущий наш мир на общеполезных и непоколебимых правилах; а вследствие того, для сокращения взаимных наших трудов, как равно и для выигрывания драгоценного времени могу я тут предложить соизволению вашему принять за благо и решительно подтвердить все вышеупомянутые артикулы, кои на Бухарестском конгрессе взаимными полномочными отчасти действительно подписаны, а отчасти соглашены были тем наипаче, яко оный конгресс не разрушен, а единственно обстоятельствами прерван, в чем неложное свидетельство преподает известная при разъезде послов ими заключенная с нами обоими ратификованная конвенция; а затем, как ваше сиятельство совершенно уже сведомы о всех других от уполномоченного тайного советника Обрескова таковому-ж Блистательной Порты рейс-эфендию Абдул-Резаку учиненных предложениях, из коих некоторые по неприятию Порты сделались причиною бесплодного до времени послов разъезда с сборного места, а другие совсем почти без рассмотрения и ответа оставлены были, так и надеюсь я теперь от искренности и дружбы вашей, не яко обыкновенного негоциатора, но как от главного вождя войск своего государя и верховного его министра, коему свойственнее есть идти к желаемому предмету прямым, кратчайшим путем, что вы сообщите мне с чистосердечием и доверенностию как примечания ваши на те пункты, кои не успели еще на конгрессе совсем очищены и определены быть, так и дозволяемые ныне от Блистательной Порты модификации, вместо не принятых и течение негоциации остановивших статей, сразмеряя тому приличное удовлетворение по настоящим успехам оружия и по тем следствиям, которые нанес бы собою давший пламень войны и коим отвращение мыслящие благоразумно должны наипаче искать, ибо впрочем сама Блистательная Порта давно уже признала справедливость требуемого со стороны нашей удовлетворения. Я, когда получу от вашего сиятельства такое дружеское и откровенное, а не меньше и подробное изъяснение, буду оным приведен в состояние ознаменовать вам с равною искренностью и, конечно, с неменьшею откровенностью те способности, которые вы с своей стороны в пользу мира преподавать можете, следуя че-

ловеколюбивым желаниям видеть скорейшее прекращение к пролитию невинной крови, ибо таким образом обоим нам гораздо легче и свободнее будет, шествуя с обеих сторон равными шагами и с равною доверенностью друг к другу, каковая людям нашего звания прямо и приличествует, достигнуть скоро с желаемой целью и уравнением предлагаемых с вашей стороны модификаций с зависящими от меня пособиями запечатлеть и увенчать напоследок при благословении всевышнего общие наши труды и подвиги миром благости его толь угодным, а подданным обеих империй толь нужным и равно для переду выгодным. А ради вящшего оному споспешествования и, как я выше изразил, что ныне я с вашим сиятельством трактовать имеем дело спасительное, не яко обыкновенные негоциаторы, но яко облаченные высшим саном и вышнею доверенностию от наших государей, и сколько министры мира, так и водители войны, за полезно я мню сближиться как вашему сиятельству, так и мне, взаимно и одновременно, местами пребывания нашего к одному пункту, дабы сократить и то самое продолжение времени, которое инако в переписке на дальнем расстоянии много бы тратилось, поелику дело сие чрез пересылку людей поверенных скорее идти может, нежели чрез пространные письменные сношения. Но дабы наиудовлетворительнее доказать, что и в сем моем предложении не имею я иных видов, кроме пользы взаимно и вспомоществования всеми образы скорейшему постановлению мира, то, не указывая ни на какое место, предаю я совершенной вашей воле избрать оное с лучшими по вашему усмотрению выгодами и меня об оном уведомить, дабы я по тому приступил равномерно к учреждению подействующих мер и с моей стороны.

Всевышний, да ублагословит сердца мыслящие благое, и да отымет ожесточение от таковых, кои не зрят на истину и на ток крови, войною пролитою и еще проливаемою, и не побуждаются человеколюбием равным, каково я признаю в вашем сиятельстве и в себе самом чувствую, поспешить всеми стараниями на прекращение оного. Ничего приятнее не могло бы в жизни моей быть, как вкусить радость той минуты, в которую бы я мог поздравить ваше сиятельство венчанием славы вашей в роды родов именем благотворителя созданию божию, к чему я, несколько уже лет проходит, как старания мои благожелательнейше прилагал известным вашему сиятельству образом, оказавшим и предместникам вашим искреннее мое в том расположение.

В ожидании на вышеписанное вашего приятнейшего ответа через сего вручителя, нарочито для того от меня отправленного, за сим, как и всегда, я был с отличным почтением.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 162—163. Копия. Опубликовано в книге А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769—1774 гг.», т. V, СПБ, 1874, стр. 158—161.

№ 363

1774 г. мая 3. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА И. П. САЛТЫКОВУ ОБ УСКОРЕНИИ ВЫСТУПЛЕНИЯ КОРПУСА С ЗИМНИХ КВАРТИР К ДУНАЮ

№ 87

Получая от 30 апреля ваши репорты из Бухареста, следственно не видя и по тот день, чтоб ваш корпус выступил из квартир, имею долг требовать от вашего сиятельства уведомления, дабы мне донести потом двору, какие притчины до сей поры задержали выход войск, вам вверенных, в поле, ибо уже месяц тому прошел, как я вам предлагал обстоятельства, рекомендуя в рассуждении оных оказать ваш лагерь чем наискорее неприятелю. Но теперь как уже два корпуса наших стоят на сопротивном берегу, а самые отдаленные части вступают на Дунай, то не без основания можно мыслить, что неприятель, пред собою не видя вашей части, и не быв занят по отдалению оной ни каким против вас вниманием, присоединит оттуду к другим свои силы и над чаяние где-либо устремится превосходным образом, к тому же имея удобность казать вам разные свои демонстрации, подобно как чинить в Крайове. Упреждая таковы следствия, я вам пишу сие, чтоб вы поспешили показать свой корпус неприятелю не только выведением оного в поле, но и в полной готовности занять его на собственном его берегу своими действиями. Все резоны, заимствуемые от локального положения главных сил неприятельских, претят верить, чтоб над устьем Жии начал неприятель строить твердой мост на Дунае. Он имеет лутчую удобность делать то под Турною под защитою крепости, да если бы его силы в том угле достаточны были, то бы он перешел реку и на судах, не терпя долговременности, с которою сопряжено сооружение твердого моста на такой реке, как Дунай. Я должен приметить вашему сиятельству, чтоб вы также предписали г. генералу-майору Енгельгарту, дабы всегда именовать человека, кто такие известия приносит, чтоб после за ложь знать кого наказывать, о чем мои повеления, много раз подтвержденные имеются. Однакож и за оными и в сих донесениях не именованы, кто строение реченного моста собственными глазами видел, а между тем пошлите, ваше сиятельство, и от себя надежного человека, который бы собственным обозрением наведался во удостоверение о такой работе, быть может и сие разглашение похожим на предыдущие о вступлении неприятельских войск 15 и 20 апреля в Банат, о чем мои заключения сколь были справедливы, ваше сиятельство, видите то на деле. Впротчем о шайках разбойнических, показавшихся в Банате, я полагаюсь на ваше попечение, которым вы меня обнадеживаете в их уничтожении, и сколько при том доверенность к вашему чину и управлению делами по месту внушают мне всю надежду, что

ваше сиятельство умножите вящше должную осторожность на безопасность всякого сообщения частям войск определенных, ибо твердость и стража в такой коммуникации собою опровергала бы подобные происшествия, не допущая оным и распространиться, но не менее исследовать должно, не подавала ль чрез свои непорядки причины к такому делу провождавшая транспорт команда.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1993, л. 44 об.—46. «Журнал отпусков по секретной экспедиции». Копия.

№ 364

1774 г. мая 12. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ А. В. СУВОРОВУ О СОВМЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЯХ С ВОЙСКАМИ ГЕНЕРАЛА М. Ф. КАМЕНСКОГО

№ 95

Имея репорт г. генерал-порутчика и кавалера Каменского, что он с своим корпусом пришел в Карасу, а от вашего превосходительства, что вы по восхождению туда помянутого г. генерал-порутчика приемлете с своею частию движение от Гирсова для содействия оному, нахожу теперь нужным рекомендовать вам, чтобы ваше превосходительство по отобрании лутчих сведений о положении неприятеля за поворотом партий, посланных от г. Каменского и по обозрению собственному края, вам вверенного, сопротивных постов и города Силистрии и войск, тамо находящихся, возымели общее с ним рассуждение по соединению ваших частей, коим образом вы за лутче усматриваете и предположить можете, отвечая моим предписаниям, данным обоим вам при вручении предводительству вашему сих войск, повести свои действия и движения против неприятельских постов, и которых именно, и какую чрез то, и где вы чаяли одержать в свою пользу над ним поверхность. Я ожидаю от вашего благоразумия и искусства, толь уже в военных делах испытанных, что вы тут расположите свои меры, как бы удобнее неприятельское внимание своими вам движениями разделять на разные пункты и отклонять его во ослабление тех, на которых целить будете прямым нападением, и где вы удобнее можете быть подкреплены в ваших предприятиях, или полехчение во оных иметь чрез диверсии от пребывающих на сей стороне войск наших. Я ожидаю чем можно скорее на вышеписанное иметь ваше предположение, основанное на общем и очевидном усмотрении и соображении всех сих, к тому относящихся обстоятельств, чтобы, оное получа, мог я другие части войск, на сем берегу состоящих, ввести в положение, способствующее подкрепить и облегчить

вами предъизбираемые меры на приобретение дальшей поверхности над неприятелем. Первой дивизии я прикажу подвинуться вперед и оная у Ораша будет 15 сего месяца. Хотя не имел бы я нужды изражать здесь о начальстве, которое предписано военными регулами, но как нередко случалось, что в сем пункте встречались затруднения, то и схотел я здесь упомянуть, что я надеюсь, яко ваше превосходительство по соединении своей части с корпусом г. генерал-порутчика Каменского наблюдать будете весь тот долг, каков в подобных случаях определяет чиноположение младшему пред старшим [1].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1993, л. 49—50. Копия.

№ 365

1774 г. мая 14.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ О ЗАДАЧАХ 2-й ДИВИЗИИ ПРИ НАСТУПЛЕНИИ АРМИИ ЗА ДУНАЙ

№ 97

По росписанию армии, учиненному мною на нынешнюю кампанию, назначены уже ваше сиятельство командовать второю дивизиею, а сим я только предписую, что быть должно делом вашего попечения на первой раз по прибытии к оной. Главная часть той дивизии стан свой имеет при Слободзеи, а другая у Негоешт, состоящая из полков, взятых из части господина генерала и кавалера графа Салтыкова. Я, желая, чтобы ваше сиятельство, на месте будучи, во-первых, осмотрели свою дистанцию и сопротивные в оной неприятельские посты и, судя по образу, заимствуемому от очевидного испытания, подали мне ваше рассуждение и примечание о состоянии оных и естьли бы какое действие за удобно вы нашли произвесть на неприятельской берег в нашу пользу и во вред оному. На острове, что против Силистрии, неприятель ставит по сейчас легкую еще ногу. Положение того места могут достаточно вам изобразить люди вашей части, в прошедшую кампанию бывшие на оном, где притом наши разъезды и теперь ходят. Не без основания можно думать, что турки от Силистрии потянутся к переходу на тот остров, естьли к оному подвинуть часть войск, не открывая пред очи их всего лагеря, искусством вашим будет прибрать к тому способы, чрез которые могли бы вы их оттянуть в такое положение, где бы можно вам было, напав внезапно, их поразить. На случай перехода и вашей части за Дунай, естьли действия наших войск, тамо уже находящихся к тому бы позволили, осмотрите, ваше сиятельство, настоящие укрепления в Слободзеи, Обилештах и Негоештах и уведомите меня с своим мнением, естьли что

[1] Старшим по времени производства был Каменский.

на тех постах нужно бы поправить или прибавить к укреплению, и коликим числом войск оные бы занять следовало, ради воспрещения набегов от партий неприятельских, могущих легкою рукою на наш берег вступать, тревожить жителей и оказывать паче виды нежели прямое дело для диверсии нашим войскам, будущим на той стороне. Я сие пишу на такой токмо случай, естьли бы войскам нашим за Дунаем надлежало поступить во глубину неприятельских тамошних земель, но естьли удобность найдется учинить нападение на город Силистрию, то в таком разе другие меры тому способствующие и от вашей части взять должно будет и для того не оставляю я вашему сиятельству впредь подавать наставлении, как только удостоверен быть могу с стороны действий, на которые точно уже решатся поступить корпусы, водимые за Дунаем г. генерал-порутчиками Каменским и Суворовым при полном осведомлении о положении и силах неприятельских, так равно будете известны и о том, к каким предположениям тогда и другие части употребятся.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1993, л. 50—51. «Журнал отпусков по секретной экспедиции». Копия.

№ 366

1774 г. мая 17.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА А. В. СУВОРОВУ О РАЗВЕРТЫВАНИИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ВОЙСКАМ Н. В. РЕПНИНА

№ 112

Имея рапорт ваш от 15 с каким расположением вы свой марш делаете до Черных вод, хотя еще я не уведомлен от г. генерал-порутчика и кавалера Каменского, какие действия он себе предположит, заключать однакож могу, что он вознамеряет внутрь земли поступить к Базарчику или к другому какому-либо пункту. Движение, которое вы предъизбрали по Дунаю тихим шагом, я уповаю сообразуется условиям вашим с г. Каменским на взаимное содействие, оным притом и закрываете Гирсов; но в рассуждении тут нашего поста, я, как только получил ваш рапорт о движени корпуса от оного, велел тогда ж г. генерал-порутчику Глебову взять гирсовскую стражу под свое наблюдение, дабы тем паче свободным учинить ваши руки на действия наступательные вдаль. Вы усмотрите во всей подробности мое о том предписание г. Глебову из копии ордера, здесь сообщаемой. Между сим как генерал-порутчик князь Репнин предводимую им вторую дивизию на всякие обороты иметь будет готовою, то и рекомендую я вам, естьли бы вы, при восприятию с своей стороны действий, усмотрели нужные в облегчение или

помощь вашу или же на приобретение возможною вам кажущейся поверхности над неприятелем, оказать ему, князю Репнину, от своей части какого-либо движения и действия, о том вы имеете ему свои уведомления чинить, присоединяя ваше мнение о способах, чрез кои бы удобнее достигнуть лучшей в том пользы.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1993, л. 57—57 об. «Журнал отпусков по секретной экспедиции». Копия.

№ 367

1774 г. мая 21.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА М. Ф. КАМЕНСКОМУ И А. В. СУВОРОВУ ОБ ИХ СОВМЕСТНОМ ПОХОДЕ ЗА ДУНАЙ НА БАЗАРДЖИК И МАНГАЛИ

№ 20

Из рапорта вашего от 18 числа[1], которым вы представили общее ваше рассуждение, что полагаете полезным искать неприятеля сбить прежде в поле, заключаю я о вашем намерении, что вы для того поступить готовы с своими корпусами в глубину сопротивного берега. Я не имею других известий о неприятеле, кроме получаемых чрез ваши донесения, по коим, чтоб были где в открытом месте собранными войски неприятельские, кроме такого числа в Базарчике я не знаю; равным образом и о том, чтоб знатным количеством прибавились оные на котором-либо посту и из известных своими укреплениями.

В таком положении, имея полную доверенность к искусству и предусмотрениям вашим, сообщаю вам мои мысли в означении только того образа, который мне кажется полезным для вашего движения.

Генерал-порутчик Суворов, дойдя в Черные воды, должен тут оставить свой пост в числе войска и артиллерии достаточном к сопротивлению, естьли-б свои покушения мог восприять неприятель на проход туда.

Учредя сие, а с вашей стороны, отделя легкой отряд войск на обзор всей окрестности приморской до Мангалии (что может дать внимание и Варне), ваше превосходительство можете свой марш обратить к Базарчику по той же дороге, которою шел туда в прошедшую осень г. генерал-порутчик барон Унгерн; тогда ж господину генерал-порутчику Суворову котоировать вас своим движением в правой стороне, да и виды, елико можно удостоверительнее, будто оборот его преклонится к Силистрии. Сим образом удержит он против себя в почтении силистринского неприятеля, сохраняя и связь и способность содействовать взаимно впадением во фланг, и зайдя в тыл неприятелю. Естьли бы предстали случаи вам к общему делу свою добычу судя

[1] Не публикуется.

по карте, в таких паче делах, в которых ежедневно встречаться могут неожидаемые обстоятельства, а довольствуюсь в лучших распоряжениях и во всех предприятиях, в которых удостоверены будете приобретением полезной над неприятелем поверхности, положиться на ваше усердие и знание военного дела, коих опыты уже довольные водя войсками, ваше превосходительство, оказали к своей славе.

Засим хочу я только, чтоб вскоре вы мне прислали подробное объяснение, как вы свои марши расположите, и в которой день куда дойти предназначите, дабы в соображении того мог я и в других частях по их предметам единовременное распоряжение учинить. Равного сему содержания и в одном отправлении получит от меня ордер и г. генерал-порутчик Суворов.

Что до Запорожских команд, то употребить их как при Черной Воде, да и для других действий и способствования вашего сообщения в продолжении движения по Дунаю, предаю удобно ему взять на деревню Кюкерлюки, Кузгунь и до Куроармана; однакож по локальному усмотрению в его воле избрать и другую, естьли больше в оной выгод встретит соответствующих вышеписанных намерению. Впрочем, на благоучреждение старшего предводителя слагаю по предстоящим случаям и по надобности разделить вам свои части из обоих корпусов, уменьшая или прибавляя от одного к другому число войск, как делается и самоположение для которой части того востребует, а с моей стороны я велел ныне генерал-порутчику Глебову одну бригаду пехоты, два полка карабинерные и гусарской Венгерской с 6-ю орудиями полевой артиллерии переправить из первой дивизии в Гирсов, которые г. генерал-порутчик Суворов имеет к своему корпусу присоединить, как я считаю, что им еще весьма удобно достигнуть его на марше.

С божиею помощию естьли вы прогоните неприятеля из Базарчика, да и само движение ваше может быть подаст вам и другие случаи открыть ближае положение неприятельское, которому сообразуясь, свет собственного вашего проницания руководствовать вам да будет к достижению успехов, себе полезных и вредящих всемерно неприятеля. Весьма, однакож, надобно уважать, что неприятелю, повидимому, в нынешнюю кампанию положили держаться в своих укрепленных оградах и потом должно вам стараться своими движениями наводить ему в оных опасность и вселять завистъ к тем местам, в которых он чаять бы мог постоять против нашего наступления и сим образом вывлекать его на разделку в поле.

При обучении вам корпусов, открывши те пункты, которые наш двор одержанным оружием в сию кампанию видеть желает, не делаю я на сей раз предписаний, которые, впрочем, преподавать на дальнем расстоянии неудобно.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 161, л. 138—140 об. Отпуск.

№ 368

1774 г. мая 25.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О РАСПОЛОЖЕНИИ КОРПУСОВ 1-й АРМИИ ПЕРЕД НАМЕЧАЕМЫМИ БОЕВЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ С ПРОТИВНИКОМ

№ 17 *Фокшаны*

В последование донесенному от меня всеподданнейшею [реляцией] от 6-го майя[1] имею честь вашему императорскому величеству учинить сим всенижайшее уведомление о положении, в котором по отправлении нынешнее находятся части армии, мне вверенной, в приготовлении себя к будущим дистанциям.

Первая дивизия свой стан взяла при Ораше; вторая под командою генерал-порутчика князя Репнина от Слободзеи, перешед Яломицу, располагается для оборотов, к которым бы ей подался случай на здешнем или на сопротивном берегу. Генерал граф Салтыков от 16-го числа из лагеря при деревне Магушешты извещал: что корпус, им водимый, принял уже движение, с коим он, перейдя Аргис, обратится в ту сторону, где лучшую усмотрит надобность. На сопротивном же береге генерал порутчик Каменский 9-го числа прибыл в Карасу с пехотою и легкою конницею, а карабинерные полки принужден был остановить по недостатку там корму в 15-ти верстах к морю у озера Дураклар. С резервным корпусом генерал-порутчик Суворов с 16-го числа подвинулся от Гирсова по Дунаю, чтоб стать с тем корпусом на равную дистанцию с войсками, Каменским предводимыми. Между сим имел я рапорты о нижеследующем: от генерала графа Салтыкова, по уведомлению, ему учиненному от предводящего в банате Крайовском деташаментом генерал-майора Энгельгарда, что от сего последнего большие партии, доходя одна до мельницы, состоящей на речке Бахне от острова в одной версте, и нашед тамо турецких пандуров до 80 человек, разбила оных. Другая, вступив на лежащий по Дунаю между Кладова и Бырзо Паланки остров, называемый Корбов, истребила там бывшие турецкие жилища, а третья, подходя к самой Турне, отхватила у Магурян одного турка. Потом еще велел он, граф Салтыков, послать часть пехоты к Ореве и тамо, показавшись, ежели нельзя чего произвесть во вред неприятелю, то истребить бы поставленные турками в устье реки Жия сваи для удержания нашего в Дунай сею рекою входа. По объявлению пленного турка в Турне и Никополе состоит войска более 6000. В Никополе командует сераскир требунчужной Ахмет паша и другой двубунчужной Сулиман, а в Турне — Арнаут паша. В движении

---

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 2011).

с своим корпусом к Дунаю имел он, граф Салтыков, рапорты от начальников передовых постов, что неприятель оказывает в Туртукае ежедневные свои партии, а близ деревни Марутина открыл небольшой лагерь и в Рущук прошло Константинопольскою дорогою несколько конных войск. К Видину Дунаем сверху примечено идущих 49 судов с турками, на каждом до 50-ти человек. Подъезжавшие в околичность Турны наши партии одна с майором Хомутовым открыла поставленный там малый лагерь и, шармицируя при деревне Магурянах, возвратилась без урона, а другая от майора Рыделя, нашед при устье Ольты косивших траву турок, сих разогнала, получив их все платье, которое они имели сложенным с себя.

От генерала-порутчика Каменского из лагеря при Ташауле от 5-го числа сего месяца посланная партия по Базарчицкой дороге не наехала никого до деревни Дурбалы за четыре часа от Базарчика, а тут передовые наши съехались с турецким разъездом и при воспоследовавшей перепалке застрелен из наших один сотник. Но как команда подоспела, то, ударив на оной разъезд, гналася за ним почти до самого кургана, где стоит пикет от Базарчика; в сем разе отбила у турков три знамя и два турка взяты в полон. Другой разъезд того ж корпуса неподалеку от Мингалии захватил также одного турка. После того помянутый генерал-порутчик послал вновь три донских полка и велел предводителю оных ехать по Базарчицкой дороге 20 верст за Магмуткюй, а потом, если можно, пробраться на Силистрийскую дорогу к Базарчику и по оной подвинуться несколько к Силистрии, не доходя до Кайнарджи, и, возвратясь, кордон уже поставить от Мингалии на Магмуткюй и до озера, что впадает в Дунай в Рисовате. Подполковник Гантвиг, с вышепомянутою партиею от Каменского к Базарчику отправленный, продолжая марш в правую руку Кайнарджи и не доезжая до оной верст 15, при деревне Абтату 11-го числа открыл неприятельской лагерь, величины коего по причине лесного места узнать было неможно, почему и принужден он был встревожить оной, чтоб узнать неприятельское состояние, к чему употреблен был премьер-майор Денисов, которой, искусным и смелым образом подняв неприятеля на себя, производил сначала перепалку с оным, а потом с подоспевшим ему подкреплением под командою секунд-майора Арсеньева с Сулиным и Иловайским полками так сильно на его ударил, что обратил в бегство к лагерю, между тем, как он, подполковник Гантвиг, приметил, что неприятель и в лагере своем начал волноваться, то в подкрепление отправил и достальной Устинова полк и пикинерные эскадроны под предводительством секунд-майоров Сиверсова и Мамошина; и неприятель, которого, по объявлению пленных, под предводительством двубунчужного Кара паши и четырех бин башей было более 1200 человек, вскоре был разбит и преследован более 10 верст по двум дорогам, лежащим к Силистрии и Кайнардже, коего побито до 300,

в плен взято 15, знамен получено больших 4, малых 33 и весь неприятельской бывшей тут лагерь. С нашей же стороны убит казак один, легко ранено казаков 10, пикинер 2. Лошадей убито 15, ранено 23. За отличной подвиг в сем деле рекомендован подполковник Гантвиг, премьер-майор Денисов, секунд-майоры Сиверсов, Арсеньев и Мамошин, донские полковники Иловайской и Устинов, порутчики граф Мелен, пикинерного полку Сергеев, Колесников, Гегелов, прапорщик Афанасьев, волонтер фон Швейговер и есаул Сулин. Пленные показали что в Базарчике с 800 конницы и пехоты стоит Черкес паша. Из Константинополя отправлено в Черное море 10 военных кораблей один о 50-ти, пять о 40 пушках, а остальные разной величины, но все с пушками, в Варну также послано четыре корабля от 30-ти до 40 пушек, да четыре чехтая десятибанковых.

Того ж 11-го числа от Очакова пред утреннею зарею приплыло большое судно с пушками, на коем было до 200 человек, и, став на якорь против Черного Тулигульского броду, заставило нашу стражу, стоящую у того брода, принять свои осторожности и дать ближайшим постам о том знать, но вслед затем чрез упомянутой брод, которой, когда ветр от берегу бывает, весьма мелок становится для проходу, увидели они до 300 неприятельской конницы, перешедшей, которая тотчас вступила с небольшим числом наших, против оной там собравшихся казаков в перепалку, в коей убито наших казаков 6 и ранено 10, из последних взяли турки 6 человек в полон, да одного хорунжего также от тяжелой раны на землю поверженного, а с неприятельской стороны убито тут до 10-ти, ранено до 30-ти человек. В продолжении сего турецкая пехота из судна не выходила, но в окончание перепалки выпалили из своих пушек, почему конница турецкая, собравшись обратно к Очакову, равно как и то судно, отъехали. Я посему предложил прямо начальнику отряда войск от второй армии, наблюдающего город Очаков и всю против оного окрестность, дабы он с его стороны принял лучшее бдение и осторожность в отвращение равных сему и на легкую руку происходящих от неприятеля покушений, да и против самоважнейших устремлений, которые может быть неприятель предполагает учинить в той стороне и, сообщая о том предводителю второй армии генералу князю Долгорукову, приметил, что движение сие разве могло последовать прежде обнятия от упомянутых войск своих против Очакова постов, а и прежде того, то-есть, 2-го числа, приплыв от Очакова к Гаджибейскому замку, один большой корабль и две плоскодонные лодки и, остановясь верстах в четырех на якоре, приближались на лодках к берегу человек до 200. Содержащей же там пост порутчик Веденяпин, имеющеюся у него из донских казаков командою встретил их расстоянием от замка в двух верстах при урочище татарском Селище с взятою из замка одною пушкою и фальконетами. Неприятель хотя умножал пальбу из небольших пушек

и фалконетов, но выстрелы таковы были безвредны. Означенной же порутчик, подступя ближе, ружейными выстрелами не допустил турков выйти на берег и с уроном обратил к их кораблю.

Как только по вышедонесенному генерал-порутчики Каменской и Суворов свое положение на сопротивном берегу взяли, то и велел я обоим по отобрании лучших сведений о положении неприятеля и по обозрению собственному того края, сопротивных постов, города Силистрии и войск, тамо находящихся, возыметь общее рассуждение по соединении своих частей, коим образом они за лучшее усматривают и предположить могут, отвечая моим предписаниям, данным им при вручении предводительству их войск, повести свои действия и движения против неприятельских постов, и которых именно и какую чрез то и где бы они чаяли одержать в свою пользу над ним поверхность, располагая свои меры как бы удобнее неприятельское внимание своими движениями разделять на разные пункты и отклонять его во ослабление тех, на которые целить будут прямым нападением, сколько могли бы они быть подкреплены в своих предприятиях или полегчение в оных иметь чрез диверсии от пребывающих на сей стороне войск наших. А в рассуждении сих предуготовлений в нижней части Дуная требовал я от генерала графа Салтыкова мнения, не усматривает ли он удобности теперь, или хотя в то время, как другие корпусы далее наступят, снизу на неприятеля напасть на Рущук и овладеть оным или же схватить Турно отрядом, тот пост наблюдающим, ибо в рассуждении движений и дел, от наших войск приемлемых, снизу на сопротивном берегу нельзя ожидать, чтобы неприятель против его, графа Салтыкова, части остался в силах, равных прежнему его тамо состоянию. На что от 17-го числа получил я от него, графа Салтыкова, уведомление, что он находит теперь лучшую удобность произвесть свои действия на Рущук с присовокуплением к его корпусу двух полков пехоты и двух кавалерийских, из прежней его части во вторую дивизию на нынешнюю кампанию назначенных, причем хотя он не удостоверяет, чтобы непременно тот пост был схвачен, но не без основания надеется, что неприятель в великое повержен будет сим замешательство и откроет лучшее удобство к обретению наших в левой стороне успехов, а между тем как он, граф Салтыков, обратится в сей поиск, генерал-майор Энгельгард будет производить против Турны свои движения, и тут по усмотрениям ему, графу Салтыкову, содействовать. Сие его, графа Салтыкова, предположение похваливши как довод похвального усердия к службе, велел я вскорости представить мне во всей подробности его диспозицию на такое предприятие, и именовать те способы, какие подают ему к успеху в том удостоверения, равномерно и какие обороты предоставляет он себе на случай неудачи и таких препятствий, которые дознал он в равном случае прошедшего года; а до получения на сие объясне-

ния, велел упомянутым четырем полкам, шедшим уже в часть князя Репнина, остаться попрежнему под его распоряжением.

Генералы-порутчики Каменской и Суворов на предписание мое вышеизъясненное по общему их рассуждению о действиях на неприятеля, подали свое мнение, предполагая оным сбить прежде с поля неприятеля, нежели приступить к осаде Варны и Силистрии, для чего намерены они итти, во-первых, к Базарчику, потом к Козлоджи, откуда повернуть хотя одним корпусом к Варне, чтоб привлечь туда несколько сил неприятельских и, оставя оной город без всякой атаки, поворотить к Шумле, и если тот город может быть сорван без дальнего кровопролития, то оное исполнить, а естьли так укреплен, что требовать будет формального обложания, то, подавшись несколько к Силистрии, отрезать обоими корпусами оному месту с внутренностию земли и проход заградить от всякой помощи. Все сии меры берут они, Каменский и Суворов, для облегчения в завладении Силистрии, потому, что настоящее покушение на Варну щитают они совсем бесполезным до взятья Силистрии, так, что и овладев Варною кроме затруднения в пропитании войска, которое там останется, оное место привяжет к себе поблизости его к морю неотлучно один из тех корпусов и тем ослабит вспоможение, которое они должны подавать во взятье Силистрии, а овладев сим последним, можно уже будет сделать предприятие и над Варною. Посему сообщил я им свои примечании в означении того образа, который мне казался полезным для их движения, то есть, чтобы генерал-порутчик Суворов, дойдя в Черные воды, оставил тут свой пост в числе войска и артиллерии, достаточной к сопротивлению, естьли б свои покушения мог восприять неприятель от Силистрии на проход туда; генерал же порутчик Каменский, отделя легкой отряд войск на обзор всей окрестности приморской до Мингалии (что может дать внимание и Варне), свой марш обратил бы к Базарчику и тогда Суворову котоировать его своим движением в правой стороне, да и виды елико можно удостоверительнее, будто оборот его преклонится к Силистрии, дабы сим образом удержать ему против себя в почтении силистрийского неприятеля, сохраняя и связь и способность к содействию взаимному впадением во фланг или зайдя в тыл неприятелю, естьли бы предстояли случаи к общему им делу. Впрочем на благоучреждение старшего предводителя сложил я по предстоящим случаям и по надобности разделить свои части из обоих корпусов, уменьшая или прибавляя от одного к другому число войск как действие и самоположение для которой части того востребует. А во усиление резервного корпуса велел я еще два полка пехоты и два полка карабинерные и гусарского венгерского эскадроны с шестью орудиями полевой артиллерии из первой дивизии переправить чрез Дунай при Гирсове и соединиться оным с реченным корпусом. Так же как генерал-порутчик князь Репнин предводимую им вторую дивизию на всякие обороты

имеет готовою, то предложил я во общую им связь, естьли бы при восприятии действий за Дунаем предусмотрено нужным и полезным оказать ему, князю Репнину, от своей части каково-либо движение и действие, чтобы о том уведомлял его генерал-порутчик Суворов.

По положению неприятеля, который доселе других видов своих намерений нам не оказывает, как одно то, в чем выходцы и пленные удостоверяют, что он всемерно укрепляет свои твердые посты и в оных со всею осторожностию держит свои войска и в Шумле, где сам визирь пребывает, сделаны вновь со всех сторон земляные укрепления, а позади от Балканов наподобие замка сооружают и каменные стены, учреждаю я, всемилостивейшая государыня, с наибольшею осторожностию и уважением обороты и действия оружия, мне вверенного, и в переправе войск на сопротивной берег уважаю я сколько на то, чтоб на неприятеля действия оных тамо усилить со вспоможением одной от другой части, так не меньше и не обнажить бы здешнего своего берега, ибо хотя свои трудности встретило бы всякое предприятие неприятелю на оной, однакож известиями подтверждается, что в Силистрии немалые запасы собраны для наведения чрез Дунай моста, а с стороны берегов наших от Черного моря весьма часто суда неприятельские, из Царьграда идущие к Очакову, да и от сего города посланные, обзирают оные и изведывают нашу тут стражу. Я буду по всей возможности стараться чрез движения войск наших вытягивать неприятеля из его крепких гнезд и побивать оного, елико подастся он на разделение своих сил, ибо, успев в том, удобнее уже будет при происшедшем от того стеснении наступить и на самые укрепленные его посты, нежели нападать на оные в такую пору, как полные силы свои неприятель в них имеет на оборону. В том ж и другом не упущу я ни времени, ни случаю, которые бы служить могли к достижению пользы в предположениях, которые мне от вашего императорского величества всевысочайше наказаны.

Во многих нужных способах, неся все трудности, не могу, наконец, не донести вашему императорскому величеству, что доставление здесь войскам пропитания есть для меня самым тягостнейшим. От начала войны на получение оного употреблял я образы, елико можно уменьшавшие расход казны вашего императорского величества. Но на сей год, имея нужду запасти рано магазины самоотделенные, решился в оскудении уже всех других мер принять средство, хотя весьма в войсках обыкновенное, но для меня крайнейшее, чтоб чрез подряд перевести всего хлеба из Ясс семьдесят четыре тысячи пятьсот двенадцать четвертей за заплату от четверти в Фокшаны по восьмидесяти одной копейке, в Букарешт по рублю семидесяти шести копеек, в Браилов по рублю шести копеек; первую половину к 10-му майя, а другую к 10-му июня, дав вперед для споспешествования та-

кой поставки из казны и знатную сумму денег; однакож в первом сроке своего контракта подрядчики не выполнили и несостоятельными оказались и к последнему всю должную сумму в свои места доставить. На счет их заплаты по контракту велел я, как ни дорого бы обошлось, делать в вышеписанные места хлеба поставки, однако ж наградить не могу в рассуждении известных здесь в том недостатков. Я уверен в милостивом образе вашего императорского величества рассуждения о моем звании, что из многих примеров соизволите признать, колико, при всем моем ревностном попечении и неусыпном бдении о пользе службы, должен я бороться с неописанными трудностьми, препятствиями и недостатками в способах самонужнейших и коль меньше оных нахожу, чтобы утвердить ногу на той стороне Дуная, где к пропитанию вовсе надежды не открываю...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 219—227 об. Подлинник.

№ 369

1774 г. мая 25.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТУ И. Л. ЛОМАНУ О НАПАДЕНИИ НА ТУРЕЦКИЕ СУДА В ОЧАКОВЕ И ВАРНЕ

№ 206

От 20 мая под № 118 вы имеете от меня подтвердительный ордер[1], чтобы все меры употребить к произведению поисков вами управляемою флотилиею над неприятельскими судами, проходящими в Черном море между Варною и Очаковом. Но как теперь известия ко мне дошли от предводителя второй армии господина генерала и кавалера князя Долгорукова, что неприятель весь свой флот обратил к Крыму и свои действия посредством оного направляет наисильнее в тот край, то и предстоит вам ныне наилучший случай оказать пользу службе чрез свое искусство в сей части нашего вооружения, и я вам наисильнейше сим подтверждаю, дабы вы все силы своего умения приложили выйти немедленно со шкунами в море и подняться к Очакову и Варне (ибо в сих обеих пристанях нельзя уповать, чтоб неприятель имел ныне большое число судов, а конечно все тут бывшие обратил к Крыму), по возможности вашими действиями на плавающие суда и на берега неприятельские оказали силу нашего

[1] Не публикуется.

дунайского флота во вред неприятелю и для диверсии в его предприятия на Крым, что без сомнения произведут ваши с сей стороны покушения и демонстрации, естьли оные искусно и рачительно расположите, чего я засим моим повелением от вас ждать буду всеконечно, как на сие вашего рапорта.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 161, л. 176—176 об. Отпуск.

№ 370

1774 г. мая 26.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА И. П. САЛТЫКОВУ О ПОДГОТОВКЕ К ПЕРЕПРАВЕ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ ВЫШЕ РУЩУКА

№ 124

Получа вашего сиятельства рапорт от 20 мая, в котором изъяснили ваши предположения для переходу на сопротивный берег, и не имев еще рапортов о действительном выступлении из настоящей позиции г. генерал-порутчиков Каменского и Суворова, не могу в сей раз точное время к переправе вам назначить, но чтобы между тем все для оной было у вас приготовлено. Я предварительно сообщаю вашему сиятельству сие мое мнение. Лагерь при Стенештах увеличенный, а при Ольтенице весьма малой неприятелю теперь оказать, и суда иметь готовыми; корпусу же, назначенному к переправе, держаться до времени между рек Дембовицы и Аргиса, где есть удобнее чрез обе реки переправа, чтобы можно было между тем покушению неприятельскому на оставленные части сделать отражение и тем больше его учинить к предполагаемому пункту беспечным. Что до г. генерал-майора Енгельгарта, то ему не прежде открыть свое действие, как по действительной вашей переправе, где, конечно, неприятель должен будет обратить свои виды все на вас, и легко станется, что Турно или вовсе оставить или с малым только обережением, а г. Енгельгарт, открыв случай, схватить оной, или без дальнего сопротивления овладеть может.

Что я всегда держал мнение о переправе части войск в Вышней Валахии выше Рущука, я мои резоны прежде уже изъяснил о том вашему сиятельству, считая неприятеля в правом вашем фланге, по собственным вашего сиятельства уведомлениям по числу прибывшего в судах и сухим путем, весьма уже сильным. Но как неоднократно подобные до нас известия доходят большою частью с умножением, то я заключить должен, что ваше сиятельство лучше и ближе открыли теперь точные его силы.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1993, л. 62—62 об. «Журнал отпусков по секретной экспедиции». Копия.

№ 371

1774 г. июня 4.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СВЯЗИ С КОРПУСОМ А. В. СУВОРОВА И ВЫДЕЛЕНИИ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО ТРЕХ ПОЛКОВ

№ 144

Из предыдущего и последнего рапорта вашего под № 24 видя, что неприятель против ваших поманок неподвижен, двояко о сем я могу заключать, что он или соблюдает свое предположение, дабы не исходить из укрепленных своих мест, или же, таковы виды против вас оказывая, отделяет иногда свои войски против наших, внутрь его земель вступающих. Но как по происшедшему несогласию в движении корпусов, предводимых г. генерал-порутчиками Каменским и Суворовым, что сей последний взял свой оборот несходной ни с учиненным предположением, ни с числом, к тому назначенными, так что я теперь не могу наверно знать, где он находится и котоирует ли первого, идущего в Базарчик, а только сей имею от него рапорт, который, списанным, к вам для сведения прилагаю; что он всех пашей, в Шумле и в Силистрии находящихся, по показанию пленных, двинувшимися против себя считает с невероятным числом войск, то и желаю я, чтоб ваше сиятельство уведомили меня, не имеете ли вы ближайших и точнейших известий от господина Суворова о его движении и предприятиях, и естьли его партии приступят к Гуробалам, тогда имеете, ваше сиятельство, два полка пехотные и один карабинерный из первой или второй дивизии, по удобности и своему рассмотрению, переправить на сопротивный берег Дуная и расположить оные при Гуробалах для того, чтоб им служить в случае потребном на подкрепление войскам, от реченного корпуса тут сообщающимся, так и в прикрытие будущей переправы полков, еще на сем берегу стоящих. А между тем, ваше сиятельство, первую и вторую дивизии, а среди оных кавалерию, расположите таким образом, чтоб обе оные состояли, сколько в удобности к общему движению, так и могли бы отряды свои сделать, естьли бы неприятель паче чаяния легким образом покушение учинил на наш берег к стороне Слободзеи от Чиканешт, чему трудно однакож произойтить по случаю уповаемого ныне в той части перехода на сопротивный берег генерала графа Салтыкова. Я теперь посылаю ордер г. генерал-майору Муромцеву, чтобы он мне подлежащее уведомление учинил о состоянии переправы относительно качества судов и самой воды в Дунае и Борже, также бы донес вам на рассмотрение и о ситуации, удобнейшей на здешнем и на сопротивном берегу для вышеупомянутых лагерей, а когда три упомянутые пол-

ка станут на сопротивном берегу и ваша связь с г. Суворовым обеспечена будет, то и о сем вы ему сообщите.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1993, л. 70 об.—71 об. «Журнал отпусков по секретной экспедиции». Копия.

№ 372

1774 г. июня 8.— ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА Н. В. РЕПНИНУ О ПЕРЕПРАВЕ ЧАСТИ ЕГО ВОЙСК НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ

№ 180

Из рапорта вашего от 7-го[1] я признаю за наилучшие распоряжения, которые ваше сиятельство учинили вследствие моего предписания от 4-го июня, а затем, как я считаю, что вам должно быть уведомлену, что г. генерал граф Салтыков уже перешел Дунай, сбив неприятеля при Туртукае, то по генеральному предположению и кордарме надлежит теперь вступать также на сопротивной берег, ваше сиятельство, возмите команду и место при первой дивизии и по отделении уже за Дунай бригады прикажите гусарские оба полка переправить, а за ними беспрерывно переправлять пехоту и одну за другой бригаду с их номерами артиллерии, а по них и оставших той части карабинер. Кирасирской, Ингерманландской карабинерный и три полка пехоты из нелучших исправностью, коих выбор оставляю вашему рассмотрению, включая и отделенной в деташамент к Чеканештам, имеете оставить на здешнем берегу при Ликарештах, где ваш ныне лагерь, скрыв сколько можно пред неприятелем вступление и выступление оттуду войск, ради чего марш им взаимной можно расположить в ночь, назнача сразмерное тому место, чтоб когда на оное прибудут идущие, тогда другим выступить из своего лагеря, а сим также взять оной. Сей отряд для того делается, что ему должно будет иметь дело с осадною артиллериею против Силистрии. Когда, после вступившей уже бригады, другие части войск переправлены будут на сопротивной берег, то учредя пост при речке Галице в защищение тамошней дефилеи, можете, ваше сиятельство, первее перешедшую бригаду подвинуть к Куюжук или к Кучук Канаржи. Возведение такового сделает амбраж Силистрии, да и вящше подкрепит связь с корпусом г. генерал-порутчика Суворова, что паче нужно на случай, есть-ли часть войск от оного присоединены будут к 3-й дивизии, или же реченный генерал-порутчик поступит далее в содействие с г. генерал-порутчиком Каменским. В том же нельзя предвидеть опасности, чтоб неприятель от Силистрии между наших корпусов хотел в ту сторону порываться. Осталось еще мне приметить

---

[1] Не обнаружен.

вашему сиятельству, чтобы вы приказали всем полкам, в переправу вступающим, иметь с собою провианта на 20 дней, а прочии, которому в готовности быть надобно, в дополнение оставить в вагенбурге и сей последний учредите для оставляемых обозов, определя прикрытие оному приличное по рассмотрению вашему из слабых и нелучших людей; свое сообщение с генералом графом Салтыковым и г. генерал-порутчиками Каменским и Суворовым продолжайте елико можно чаще.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1993, л. 73 об. — 74 об. «Журнал отпусков по секретной экспедиции». Копия.

№ 373

1774 г. июня 9.— ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА ВЕРХОВНОМУ ВИЗИРЮ ТУРЦИИ МУССУН-ЗАДЕ МЕГМЕТ-ПАШЕ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ЕГО ТРЕБОВАНИЙ, ВЫДВИНУТЫХ В ХОДЕ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, И ЖЕЛАНИИ ЧАСТИ НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА ПЕРЕЙТИ В РУССКОЕ ПОДДАНСТВО

Последнее письмо вашего сиятельства со включенною в оном нотою в ответ на такову ж, от меня вам посланную, я получил чрез майора нашего Каспарова, возвратившегося в препровождении вашего чегодаря Али.

Если ваше сиятельство мои предложения, облегчающие пункты, навлекавшие претительность во мирной негоциации, встретили к великому своему удивлению и если снисхождение и умеренность, истинные сопутницы миролюбия, и на оных основанные артикулы, сохраняющие благо обеих империй, не получают у вас надлежащего удобоприятия, но чем далее спасительное дело подвергается вящшим и вящшим затруднениям в истощение истинных склонностей к миру двора моего, преисполненных безкорыстия и умеренности, по коим в настоящее время предлагаемые кондиции в продолжении дальшей уже в войне неприязни быть могут не только не сходными, но иногда превратятся обстоятельствами и в самые предосудительные интересам двора моего, то я паче вас должен был удивиться сему, как и требованиям вашим, исключающим всякую пользу и удовлетворение для державы, по сей день в войне преуспевающей. Я возвращаю при сем чегодаря вашего вышеупомянутого, придав для безопасного проезду его чрез наши посты на обоих берегах Дуная нашего офицера, которого прошу я вашего сиятельства равномерно приказать препроводить до первого наших войск пикета.

Против того что ваше сиятельство упомянули в своем письме, якобы оружие Порты приводит в страх татар, то я вам сооб-

щаю с той стороны новейшие и наиудостоверительные извести: «что некоторые из тамошнего народа, отщетившиеся напредь сего от целого благонамеренного общества, просят уже себе пощады и присоединяются паки к союзникам Российской державы и что в последних числах минувшего месяца мая посланный на Кубань с отрядом войска подполковник и кавалер Бухвостов на берегу реки Кубани, недалеко от города Копыла, скопившихся к удержанию их тысяч до десяти черкес и других горских народов разбил, где знатные их начальники пали убитыми, и овладел помянутым городом Копылом, взяв в нем, кроме прочего, на стенах 34 пушки».[1]

Впрочем, я удостоверен о благих ваших склонностях к добру народов и, питая взаимно то же в себе расположение, как и храня навсегда партикулярную признательность к вашей приязни, ожидаю, что ваше сиятельство употребите способы лучшие и действительнейшие на приведение к концу желаемого обеим державам примирения, сходствуя учиненным предложениям, на взаимную пользу; и ежели о том меня теперь и впредь благоволите уведомить, то с тем ваши посланные к постам войск наших будут всегда по надлежащему ими приняты. Пребываю с непременным почтением и прочее.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 235—236. Копия. Опубликовано в книге А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769—1774 гг.», т. V, 1874, стр. 181—183.

№ 374

1774 г. июня 10.— РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОБЕДЕ РУССКИХ ВОЙСК У БАЗАРДЖИКА И УСПЕШНОЙ ПЕРЕПРАВЕ У ТУРТУКАЯ КОРПУСА И. П. САЛТЫКОВА НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ ДУНАЯ

№ 19 *Браилов*

По тем предположениям моим, о которых имел я честь донести вашему императорскому величеству во всеподданнейшей моей [реляции] от 25-го майя[2], подвинул я оба корпуса, водимые генерал-поручтиками Каменским и Суворовым, с прежних их станов во глубину правого берега Дуная, чтоб поставить оные на такой высоте, где бы положение их в недоведомость и заме-

[1] Борьба в Крымском ханстве за отделение его от Турции началась еще до занятия его войсками В. М. Долгорукова. К середине же 1774 г. победила группировка, ориентировавшаяся на Россию, и власть в Крымском ханстве оказалась в руках Шагин-Гирея, бывшего ставленником русского правительства.

[2] См. документ № 368.

шательство неприятеля приводило о прямых наших оборотах, следственно и облегчало путь при разделении неприятельского внимания в разные стороны, к достижению тех пунктов, с которых полезнее начать было действия для одержания желаемых успехов в нынешнюю кампанию. Посему генерал-порутчик и кавалер Каменский, взяв свой марш к Базарджику, отправил вперед казаков, под командою майора и их полковника Денисова, на коих 28-го майя напала турецкая партия в тысячи человеках под командою бин баши Галила близ деревни Вертики, и хотя число неприятеля тут было превосходное, разбит однакож был он от наших казаков и прогнат с потерянием кроме убитых пленными билюк башу, двух байрактаров, одного ода башу и седми рядовых, да отбито одно знамя сына бин баши Баталбея; с нашей же стороны убит один казак да ранено семь. Похвалены были от реченного генерала-порутчика за храбрость в сем разе майор Денисов и донских полков есаул Ежов и Астахов, сей последний упомянутое взял знамя. А 2-го числа сего месяца занял генерал-порутчик Каменский Базарджик, имев дело с неприятелем при входе своем туда сим образом: когда его авангард, предводимый генерал-майором Райзером, сближился к тому городу, то казацкие полки, предшествующие оному, с одним эскадроном пикинер веденные полковником Гантвигом, вывлекли на себя из Базарджика всю неприятельскую конницу в числе пяти тысяч человек, где командовал сераскир Дагистанли паша с тремя двубунчужными, Ахметом, Черкесом и Мустафою пашами, да капиджи башею Гаджи Турганом. Они ударили наистремительнее на небольшое число наших казаков, коих за рассылкою только до 600 тут было. Сих в ретираде подкрепили два эскадрона кавалерийские, высланные от генерала-майора Райзера; турки однакож толь бодро и сильно напускали, что в силу могли удерживать и оные их нападения, но быв ободрены примером мужественным находящихся волонтерами принца Петра Голштинского, да и обоих принцев Вальдекских, которые тут сами с турками на пистолетах перестреливались, и получа еще к тому два эскадрона кавалерии из авангарда от генерала-майора Райзера, кинулись сии наши войски столь мужественно и дружно на неприятеля, что, опрокинув его, не дали ему остановиться и в его там бывшем лагере и гнали бегущего по Шумлинской дороге до 20-ти верст. Отбито в сем деле у неприятеля три новые пушки на новых лафетах, знамен семь, взято пленными капиджи баша Гаджи Турган, байрактаров шесть, янычар и спагов 40 и разного звания людей 45 человек. За скорым отправлением сего известия тот генерал-порутчик не мог еще сказать точного числа урону неприятельского в убитых, но видит его не малым, а с нашей стороны оной состоит из одного офицера пикинерного, одного гусара и нескольких казаков.

Я долг имею, всемилостивейшая государыня, засвидетельствовать в сем разе справедливую похвалу усердию и предпри-

имчивости, коими отличают себя в службе реченный генерал-поручтик Каменский, ибо он и тут поспешным изворотом своим упредил неприятеля в больших силах по показанию пленных, шедшего уже из Шумлы на защищение Базарджика; а от него рекомендованы отличившиеся своими подвигами: генерал-майор Райзер, яко искусно расположивший свои меры, предводя авангардом на вывлечение неприятеля, премьер-майор Денисов, казачьи полковники Иловайский и Устинов, Харьковского гусарского полку секунд-майор Шульц, которым взят в плен вышеименованный капиджи баша, капитан Риндин и поручик Белинсгаузен. В поощрение к вящшим трудам, удостоивает он, генерал-порутчик, вышеупомянутых двух донских полковников Иловайского и Устинова награждения за их ревностную службу золотыми обыкновенными медалями, о коем воздаянии беру смелость и я повергнуть вашему императорскому величеству всенижайшее мое прошение.

Между сим, генерал-порутчик Каменский был в движении в Базарджик и оной занял, разбив неприятеля, генерал-порутчик Суворов с резервным корпусом прошел весьма трудным и тесным путем до Карач и 3-го числа прибыл в то место. В сем пути посланной от него с партиею секунд-майор Арцыбашев 1-го июня, нашед в лесу по дороге к Кайнарджи тридцать турков, посланных для разведывания о движении наших войск, разбил оных, где пало их мертвыми шесть, а в полон взято десять без всякого урону с нашей стороны.

По первым уведомлениям о вступлении наших войск в Базарджик предложил я генералу-порутчику Каменскому, чтобы он пользовался первым ужасом разбитого от него неприятеля и оборотился к Шумле, яко главному предмету, делающемуся таким по пребыванию в оном городе верховного визиря, коего особа в мнении турков нераздельна с великим числом войска, что подает всем надежду на его помощь. Я велел ему присоединить к себе такую часть войск от резервного корпуса, сколько запотребно он признает на довольное свое усилие, а в подкрепление остающихся от сего последнего переведены два полка пехоты и один полк кавалерийской от корде-арме у Гуробалах на сопротивной берег.

По первому моему предположению, когда реченные бы уже действующие за Дунаем корпусы были мною направлены к их пунктам, надлежало генералу-порутчику князю Репнину с своею дивизиею переправиться при Туртукае, а корде-арме при Гуробале, дабы тем лучше разделить неприятельское внимание; генералу ж графу Салтыкову держать в примечании на себя собиравшегося против его, как он тогда меня уведомлял, в немалых силах неприятеля и поступать оборонительно. Но когда по лучше дошедшим к нему видно известиям он представил мне свою готовость на переход при Туртукае, ежели отряженные четыре полка во вторую дивизию останутся в его команде, то и согла-

сился я на то, приказав частным командирам, чтобы приступили 2-го числа сего месяца на Дунай первая и вторая дивизии, и с того дня первая у Гуробаль, а вторая у Ликарешт простояли в ожидании прихода и начатия переправы, предназначенной у Туртукая корпусу генерала графа Салтыкова по его предположениям, куда он за пролившимся дождем и за другими своими приготовлениями не мог притти прежде 6-го числа. А между сим генерал-порутчик князь Репнин, сколько ни старался, скрыв свои силы, уловить неприятеля, выманя его из Силистрии на противолежащий остров, где была на разбитие его приготовлена засада, но оной из города не двинулся на все чинимые ему поманы.

Но сколь скоро дошел ко мне рапорт от генерала графа Салтыкова, что он в ночь на 6-е число, спустя флотилию с устья Аргиса, открыл свою переправу при Туртукае и вступил уже и сам на сопротивной берег, где турки числом до 3000, стоявшие в лагере от садов Туртукайских к стороне Рущука под командою Бошняк Мустафи паши двубунчужного, приметя переход его авангарда, предводимого полковником Уваровым, выступили было ему навстречу, выслав несколько галер с пушками против продолжавших переправу, но по малой перепалке и суда удалились вверх Дуная и паша с войском бежал в сторону Рущука, потерпев урон от преследовавших казаков и гусар, и оставил в добычь нашим весь свой лагерь и несколько пленных, в том числе казнадаря своего тяжело раненого; то и приказал я теперь наипоспешнее первой дивизии и князю Репнину у Гуробаль переправляться чрез Дунай, оставя отряд сильной у Ликарешт в защищение здешнего берега против покушений от Силистрии, и по отправлении сего и сам я туда отъеду на сопротивной берег и находиться буду при первой дивизии, положа меры по возможности на охранение берега, оставляемого за собою.

Пленные удостоверяют, что визирь от Шумлы против наших войск двинул уже свои силы в немалом числе и якобы оными предводительствует рейхс-ефенди, бывший послом.

Я смею уверить ваше императорское величество, что, при перенесении настоящем оружия за Дунай, вначале я приложу старания мои поставить там все части во взаимную связь, чтоб подкреплять могли одна другую в действиях. Я стану потом елико можно притеснять неприятеля и вывлекать его на бой в поле из укрепленных мест, на которые без крайности и доколе неприятель чрез действия другие не будет в них ослаблен не почитаю я полезным вести поспешно атаку и отваживать вначале кампании людей на большую потерю. Впрочем отвечаю я вашему императорскому величеству за мое рачение, и что я нигде себя не пожалею, также и в том, что я и от всякого потребую службы наиревностнейшей, ища по всей возможности удовлетворить высочайшим предположениям, котрые ваше императорское величество соизволили мне вверить, и предоставляю

доносить впредь вашему императорскому величеству о всем воспоследующем по переправе полным образом всех частей войск на сопротивной берег. Больше всех и неотвратимая предстоит мне трудность в полной своей мере, то-есть доставление пропитания войскам, так что я не могу себя обнадежить и в способах на самое нужное в таком отдалении от мест снабдевающих нас оным.

Генерал граф Салтыков при своем переходе за Дунай оставил отряд войск при Журже под командою генерала-майора Гудовича, который по приступлении его к Рущуку окажет купно и с своей стороны на тот город действия чрез батареи, в то время устроенные на острову близлежащем, и в сие время велел он предводящему деташаментом в банате Крайовском генералу-майору Энгельгарту приближиться к Турне и занять по крайней мере тут неприятеля, если бы не было способов схватить оную.

От сего последнего были уведомления, что в 22-й день майя арнаутской прапорщик Барбуленкуль с 80-ю конных арнаут в двух верстах, не доезжая Валчиреи, встретил неприятельскую партию до ста человек, с коею сражаясь, убили арнауты 8 пандуров и 3 турков, а прочих обратили в бег и получили в добычь одиннадцать лошадей и тридцать штук рогатой скотины, а с нашей стороны ранено тут два арнаута. 23-го же числа арнаутские прапорщики Николаевич и Стоматович с сорокью человеками арнаут на малых лодках напали на неприятельской пост при деревне Правова, лежащей вниз по Дунаю от Кладова в 30-ти верстах, которой разбив, взяли одно большое судно, в коем было масла до восьмисот, меду до шестисот, рыбы сушоной до тысячи ок[1]. Бывшие на сем судне шесть турок в сражении убиты, а судно по выбрании съестных припасов затоплено по невозможности оного удержать, ибо кладовской неприятель, услышав стрельбу, пустился было на вооруженных пушками судах числом до 400 человек к освобождению реченного своего поста, но не успев к тому месту прежде притти, как уже по совершенном разбитии бывших там пандуров и арнаут. При сем случае ранено только наших четыре арнаута.

Предопределенный поиск на раскольников, за озером Разек кроющихся, о чем уже я доносил вашему императорскому величеству в предыдущей, не имел желаемого плода, ибо подполковник Вильбоа, командированный к тому с деташаментом от генерала-порутчика Каменского, не нашел уже на том острове жителей, которые на судах удалились в море, а только сжег бывшие там шалаши, взял оставленных девять лодок да из разбитого турецкого судна две пушки, из коих одну чугунную затопил и возвратился потом в свое место...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 242—249 об. Подлинник.

[1] Ок — татарская мера веса, равная 3 фунтам или 1200 граммам.

№ 375

1774 г. июня 13. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА М. Ф. КАМЕНСКОМУ С ВЫРАЖЕНИЕМ НЕУДОВОЛЬСТВИЯ ПРЕКРАЩЕНИЕМ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРОТИВНИКА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ПРИ КОЗЛУДЖЕ И С ТРЕБОВАНИЕМ РАЗВИВАТЬ УСПЕХ НА ШУМЛУ

№ 185

Радуюсь с одной стороны победою, одержанной над неприятелем в 9 число сего месяца при Козлуджи, с другой — не без сожаления встречаю купно с сим присланные уведомления, что вы, совершенно разбив неприятеля, отложили общим советом...[1] днях пользоваться таковою своею победою. Ежели в таком случае за пользу еще вменить следует ваше предположение, «что вы хочете только взять позицию промеж Силистрии и Шумли, для пресечения с сухова пути неприятелю коммуникации», я читаю в допросах пленных, от вас присланных, что все визирские войски были против вас посланы, и в Шумле никого не оставалось, а в общем совете вы сами пишете, что совершенно вы оные разбили, следственно на то время, когда вы победили, неоспоримо была Шумля и сам визирь без обороны. Вот пункт предстоявшей плодам вашей победы так, как и местом опочития, и который, яко главный заранее от меня вам указан, но между тем, как вы остановились, неприятель может собрать и ободрить и разбитые войски и учредит свою оборону в укреплениях, не дни, да часы и моменты в таком положении дороги и потеряние невозвратно. Я вижу, что недостаток у вас пропитания был из причин, вас остановивших, но от кого ж, как не от вас, зависело отвратить оной, ибо под вашим распоряжением имеется на сие время довольной запас питательный и могли вы, готовясь к делу, снабдить войски оным, сколько потребно, чтоб достигнуть вам своих предположений и по оным следствий, в чем есть одна из главных должностей военачальников. Теперь я жду, что ваше превосходительство по своему предположению, о коем меня уверяете в рапорте против постановления другими чинами подписанного, подступите к Шумле, не теряя времени, и попытайтесь овладеть оною по удару, который понес неприятель, там бывший; а ежели бы вы нашли путь неприятеля столь в дольных силах по числу войска и по самым укреплениям, что без большей отваги людей не предвидели бы совершить желаемый поиск на тот пост, то в таком только случае пристойно бы было поставить ваши корпусы в такое положение, чтоб стеснить всемерно неприятеля, запершагось в укреплениях, и пресечь всякое ему

---

[1] Одно слово не разобрано.

сообщение и, извлекая его из оных, побивать, быв друг другу на взаимную помощь. Впрочем я сам нахожусь с корпусом на здешнем уже берегу в виду Силистрии, а на сопротивном при Ликорештах не слабой деташамент обращает к себе также внимание сего неприятеля, который, конечно, теперь о своей обороне помышлять должен. Граф Салтыков до сих пор, я чаю, занял своим приближением и Рущукского неприятеля в таком нашем на сем берегу положении, трудно неприятелю от Силистрии против вас что-либо отделить, да и я от дня в день против того с своей стороны распространять не упущу осторожностей, а сего дня с каким наставлением послан от меня г. полковник барон Розен для открытия с вами сообщения, усмотрите из приложения следующего при сем.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1993, л. 77—78. «Журнал отпусков по секретной экспедиции».

№ 376

1774 г. июня 14. — ИЗ РЕЛЯЦИИ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОБЕДЕ А. В. СУВОРОВА И М. Ф. КАМЕНСКОГО ПРИ КОЗЛУДЖЕ И ТУРТУКАЕ

№ 21 *Лагерь при озере Голтин против Гуробала*

По отправлении всеподданнейшей моей [реляции] от 10-го сего месяца [1], я тот же день выехал из Браилова и чрез ночь прибыл на берег Дуная к Гуробалам, где войски продолжали свою переправу, которая 13 числа благополучно кончена в той части, с коею и сам я с 12 июня нахожусь на здешнем берегу; и отсюда имею щастие, всемилостивейшая государыня, повергнуть к священнейшим стопам вашего императорского величества всеподданнейшее уведомление о победах, вновь одержанных над неприятелем оружием, мне вверенным, на него уже действующим в Болгарии.

Я донес предыдущею, что верховный визирь против наших корпусов, вступающих во глубину земли сего берега под командою генерал-порутчиков Каменского и Суворова, из Шумли обратил свои силы. Потому реченные генерал-порутчики, ища встретить и атаковать оные, соединили оба корпуса и в 9-й день июня дошли до местечка Козлуджи, вступая пред оным и тут в жестокой бой с неприятелем, который сильно ополчался, имея по показанию пленных, до пятнадцати тысяч конницы под предводительством Абдул Резака рейс ефендия Оттоманской Порты, бывшего послом на Букарестском конгрессе, а пехоты до двадцати пяти тысяч под командою янычар аги и при пяти двубунчужных пашах, между коими были Абдул, черкесыдар. Турки превосходным числом своего войска сначала было замешали

---

[1] См. документ № 374.

часть нашей кавалерии по неудобности тамошнего места, яко лесного и в дефилеях, действовать оной, сохраняя свой строй, и по случаю взятой им поверхности над передовыми легкими войсками; но удар от пехоты и артиллерии нашей, учиненной наступательно, решил победу так, что неприятельской сильной сей корпус был разбит совершенным образом, и бегу отдавшиеся турки гонимы были поражающими на несколько верст по дороге к Шумле и Праводам. Я не отобрал еще описаний, сколько надобно для сведения всех подробностей о происхождении сего дела, но о том уже имею рапорт, что неприятель потерял в нашу добычу весь свой лагерь с полатками и с великим числом всяких военных снарядов, медных новых хороших пушек на лафетах двадцать три, больших три и мортир три, всего артиллерии двадцать девять орудий, знамен отбито сто семь. Убитых на неприятельской стороне считают до пятисот человек, а пленными до ста, а с наших в сем деле убито унтер-офицеров и нижних чинов регулярных и нерегулярных семьдесят пять человек, ранено тяжело Севского полку подполковник князь Ратеев, егерского баталиона поручик Брант, прапорщик Харламов, Углицкого полку подпорутчик Чернов, да нижних чинов сто тридцать человек [1].

Того ж числа, то-есть 9 июня, рущукской сераскир Асан бей в уповании найти часть графа Салтыкова слабою против своих сил, атаковал его при Туртукае, приведя под своим начальством сухим путем и водою от Рущука в числе пятнадцати тысяч пешего и конного войска. Граф Салтыков отразил все его стремления на собственной его вред и предуспев отбитого и побежденного неприятеля гнать больше двадцати верст. Урон неприятельской при сей его победе он полагает убитыми до двух тысяч пятисот человек, а пленных получил сто пятьдесят девять, между коими один бин баша, да отбито в сражении у неприятеля одна пушка и три знамя.

Сии успехи, всемилостивейшая государыня, в славу оружия ознаменены здесь торжественным образом. Далее же попечения мои идут взять на сем боку такое положение, чтоб неприятеля извлекти из укрепленных мест или стеснить оного всеми образы, дабы овладеть оными лучше можно без большой людей потери.

Генерал граф Салтыков теперь в марше к Рущуку, а генерал-порутчик Каменский уведомляет, что он по моему предположению обратится к Шумле, о чем я ему по случаю победь: вновь и вящше подтвердил...

...Не имея еще уведомлений, как свои дальшие обороты учредят Каменской и Суворов от Козлоджи, послал я отсюду отряд войск, чтоб открыть с теми корпусами сообщение, и дать

[1] Победа при Козлудже была обеспечена смелыми и инициативными действиями А. В. Суворова. Однако Каменский в своей реляции Румянцеву не дал правильной и объективной картины сражения, замолчав решающую роль Суворова.

виды движения больших наших сил по Шумлинской и Рущукской дорогам, а за сим уже по положению оных и неприятельскому и я мое движение с частию, при которой нахожусь, располагать буду.

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 251—254. Подлинник. Частично опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947 г., стр. 246—247.

№ 377

1774 г. июня 21. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА И. П. САЛТЫКОВУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СВЯЗИ С КОРПУСОМ М. Ф. КАМЕНСКОГО

Прошед весьма трудные дефилеи, взял я сей день лагерь на хребте горы, под которою лежит город Силистра, сближаясь сим образом ко взаимной связи с вами и другими корпусами отделенными. Генерал-порутчик Каменский 18-го числа стоял при деревне Алибаба близ Силистрийской дороги в 11-ти верстах от Шумли, он послал полковника Розена в Разград, чтоб сжечь оное место, да и все деревни около Шумли велел нарочно огню предать, дабы принудить неприятеля выйтти из укреплений на полевое дело. Ваше сиятельство своим партиям накажите возыметь сообщение с полковником Розеном, который по уведомлению г. Каменского будет в Разграде. Реченному генерал-порутчику Каменскому я дал знать в посланном сей день ордере о содержании ваших рапортов ко мне от 19-го под № 259 и 260-м.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1989, л. 192—193. Копия.

№ 378

1774 г. июня 22. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ М. Ф. КАМЕНСКОМУ О НЕДОПУСТИМОСТИ ЗАДЕРЖКИ У СЕБЯ КОННОГО ОТРЯДА В. И. РОЗЕНА И ПРОСАЧИВАНИИ ТУРЕЦКИХ ВОЙСК ИЗ ШУМЛЫ В ТЫЛ ГЛАВНЫМ СИЛАМ

Сей день приехал ко мне капитан Федоров, а пред ним посланный курьер с уведомлением о сражении, бывшем 19-го, по сейчас еще не прибыл. Судите сами, с коликим сожалением я должен взирать на состояние между нами коммуникации, пункта полагаемого между первыми должностьми нашего звания, но с моей стороны, колико был я в том попечителен, видели то ваше

превосходительство в моем ордере от 4-го числа, где я вам предписал, когда вы в соединенных силах пойдете к Шумле, то бы часть войск из резервного корпуса оставить, которая бы сообщалась с войсками, при Гуробалах перешедшими. Напоследок, как скоро я сам вступил на здешний берег, послал г. полковника Розена с деташементом, сообща вам тогда ж данную ему инструкцию, из коей вы сведомы, что он отправлен для учреждения сообщательных постов между нами и еще в пользу общую разгласить своим движением обнятие нашими войсками всех мест, служивших неприятелю к сообщению от Силистрии к Шумле. Г. Розен, ничего не исполнивши из моих ему наставлений и письменных и словесных, искал повидимому только к вам дойтить совсем побочными дорогами. Он даст за сие ответ, но сожаление мое при том не может остаться; я хочу и от вас иметь объяснение, какие причины вас нудили его у себя оставить, ибо он не для подкрепления к вам послан, ниже для того, чтоб только вас найтить, поелику сие последнее мог бы я получить, употребя на то человек 10. Вы читали его инструкцию, могли видеть, что он послан от меня партизаном, следственно долженствовали его вспять обратить к выполнению моих ему предписаний, поколику разуметь вы могли, что он не то делает и совсем удалился от оных. Я не удерживаю здесь ни одного арнаута из приезжающих от вас, а вы целой отряд легких моих войск у себя употребили, тогда как по рапортиции знаете, что у меня, кроме одного малолюдного казачьего полку, нет боле никаких. Вчера я вам послал ордер, чтоб тот деташамент с Розеном возвратить в Афлатар, и там же уведомил, что я и почту уже к вам расставил, вместо что надлежало вам прежде учредить со мною связь, а что курьеры ваши доселе не по оной ездят, то разве последний пост еще не дотянулся ваших. Граф Салтыков от 20-го подтверждает, что неприятель, отделившийся от Шумли, оказывается в его спине. Посланный от него подполковник Пеутлинг нашел его при деревне Турлак, стоящего в месте неудобном атаковать конницею, и потому возвратился в Черные воды. А по известиям считают более двух тысяч с находящимся тут Арнаут пашею, для поиску над оным командировал уже реченный генерал, вдобавок посылаемой конницы, два баталиона пехоты с г. генерал-майором Нащокиным; соображайте ваше превосходительство обстоятельства такого в войске положения, когда вперед отряжен сильный корпус, чтоб бить, стеснить и запереть неприятеля, то какие заключения должно уже иметь позади остающимся, видя из-за вас приходящего неприятеля. Тут натурально две причины мысль встретит, что или нет довольной против того стражи, или же неприятель взял поверхность, а сим неприятным воображениям и заботам могу как я, так и граф Салтыков быть подвержены, имея в лице у себя неприятеля и обнадеживаясь в беспечности своего тыла посредством ваших оборотов и действий, по коим и наши располагаемы

быть должны. Посему за потребно я нахожу приметить вашему превосходительству, что ежели бы вы не предвидели удобности овладеть Шумлою по ее укреплениям и силе обороны, то возмите уже такое положение с войсками, чтобы неприятеля, всемерно стесняя, не допустить его нигде пролезть оттуду в тыл мой, или графа Салтыкова, в чем я полагаюсь на вас в полной доверенности к вашему искусству и рачению. При отправлении сего получил я с нарочным рапорт от г. генерала-майора Райзера от 21-го, что неприятель показался от Варны и в тот день отправленный к вам транспорт с шестидневным провиантом атакован неприятелем же близ деревни Юшумлей. Я над чаяние тут сведал, что обозы и питательные запасы обоих корпусов вы покинули в Базарчике, где долженствовал только быть пост примечательный и остались они теперь по вашему положению в боку вместо, что вам бы их надлежало иметь всегда за своею спиною прямо между мною. Естьли бы вы не ускорили своею резолюциею пособить г. Райзеру на обеспечение и ежели бы он не предвидел сам отбить неприятеля наступающего, то в таком крайнем случае посланным теперь ордером я ему велел обозы взад свой к Дунаю, или к сим местам, кои обеспечиваются расположением здешних войск, отправлять.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1989, л. 193—196 об. Копия.

№ 379

1774 г. июня 23. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА ВЕРХОВНОМУ ВИЗИРЮ МУССУН-ЗАДЕ МЕГМЕТ-ПАШЕ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ПРИСЛАТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО В РУССКИЙ ЛАГЕРЬ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ О ПРЕЛИМИНАРНЫХ УСЛОВИЯХ МИРА

Чрез нашего капитана Зека, от меня к вашему сиятельству посыланного, я получил сей день ваше письмо от 23 луны Ребиуль-Ахира. Сим подтверждаете, ваше сиятельство, удостоверение о благом расположении, каковым руководствуетесь вы в деле полезном роду человеческому. Я радуюсь, встречая сие, и обыкши заимствовать чувствам вашим прямым чистосердечием, предварял я ваше сиятельство всеми от меня добрыми стараниями, которые могли сохранить пользу народную и прекратить настоящую гибель, тяготнейшую и неизбежную для неповинных.

В самом полном течении успехов оружия не пременяю я и теперь ни мысли, ни сердца моего о приобретении мира, желаемого и полезного обоим империям, и не сделал бы я ни малейшего затруднения по отзыву вашему послать ныне к вашему сиятельству человека, возложа на него доверенность в договорах с вами о спасительном деле, если бы ваше сиятельство из преды-

дущих моих писем известны уже не были о предложениях, с нашей стороны учиненных; а я, как напротив, ничего еще от вас такового ни на словах, ни на письме не имею, что бы награждало с вашей стороны каковою-либо уступкою толь знаменитые снисхождения, на кои поступил я в уповании достигнуть вожделенного мира; то и предоставляю я по сей причине вашему сиятельству прислать теперь в мой стан особу с вашей стороны, снабденного полномочием, с которым бы я не имел сомнения объясниться и составить уже прелиминарные пункты примирения. Власть и промысел всевышнего, да благословит намерения наши, взаимно действующие во благое, а о моем к тому наиусерднейшем расположении будьте, ваше сиятельство, уверены, как и в том к вам отличном почтении, с которым я быть не престану.

P. S. Я не хотел упустить, чтобы не уведомить ваше сиятельство, что 21 числа сего месяца при разбитии корпуса, с вашей стороны шедшего на помощь обложенному городу Рущуку, взят нашими войска при деревне Турлак Мустафа двубунчужный паша, коего родственники или приятели, если пожелают писать к нему или чем-либо его снабдить, то все то он получит исправно.

Снабдя моим паспортом с сим отправленного вашего чегодаря, прилагаю такоже и для той особы, которую ваше сиятельство ко мне для договоров прислать заблагорассудите, дабы он со всею безопасностию мог проехать между наших войск.

А. Петров, «Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769—1774 гг.», т. V, 1874, стр. 186—187.

№ 380

1774 г. июня 28. — УЛЬТИМАТИВНОЕ ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА ВЕРХОВНОМУ ВИЗИРЮ МУССУН-ЗАДЕ МЕГМЕТ-ПАШЕ ОБ ОТКАЗЕ ВЕСТИ ПЕРЕГОВОРЫ О ПЕРЕМИРИИ И ТРЕБОВАНИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА НА УСЛОВИЯХ, ПРЕДЛОЖЕННЫХ РУССКИМИ

Я видел из последнего вашего письма, что ваше сиятельство считаете меня в Журже, и для сего в ту сторону отправляете двух полномочных ваших, а остров, что между Журжею и Рущуком, местом конгресса полагаете. Но мое свойство ниже сходствует с почтением моим к вашей особе обмануть вас в чем-либо и потому изъясняюсь чистосердечно. Я не в Журже, а Рущук обложен и стеснен нашими войсками и ради того ваше сиятельство пришлите своих полномочных чрез господина генерала Каменского, который ко мне их препроводит.

О конгрессе, а еще менее о перемирии, я не могу и не хочу слышать. Ваше сиятельство знаете нашу последнюю волю, естьли

хотите миру, то пришлите полномочных, чтоб заключить, а не трактовать главнейшие артикулы, о коих уже столь много толковано и было объяснено [1]. И доколе сии главнейшие артикулы не утверждены будут, действия оружия никак не престанут. Между тем предаю и то уважению вашего сиятельства, что легко можно в одно время совершить, того в другое вовсе неудобно сделать и напоследок самая умеренность, коль бы ни велика была, истощится. Однакож я и по сей час тот же, который желает пощадить пролитие крови неповинной, и ежели ваше сиятельство в таком, как и я расположении, то сие полезное дело без замедления совершится. Пребуду в прочем с отличным почтением.

P. S. Я, дав повеление генералам и другим начальникам наших войск не препятствовать ниже с дороги сворачивать курьеров, которые от вас ко мне посылаются, ожидаю, что и ваше сиятельство своим начальникам прикажете тоже наблюдать, дабы не терять время драгоценное, ибо последний ваш ко мне посланной, будучи провожаем малым числом людей наших и веденый ближайшею дорогою, следовательно неподалеко от постов ваших был оными схвачен, удержан несколько часов и после такого замедления ко мне отослан.

Письмо и деньги Бошняк паше исправно вручены будут, и он, равно, как и прочие, у нас находящиеся, содержан будет с честью, покоем и благопристойностию, сходственною достоинству обоих империй.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 270—271 об. Копия. Опубликовано в книге А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769—1774 гг.», т. V, 1874, стр. 189—190.

№ 381

1774 г. июля 1. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА И. П. САЛТЫКОВУ С СООБЩЕНИЕМ О ДЕЙСТВИИ М. Ф. КАМЕНСКОГО ПРОТИВ ШУМЛЫ И О МИРНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ВИЗИРЯ [2]

Я видел к новому удовольствию из пополнительного рапорта вашего под № 301 колико предуспели ваше сиятельство отбить нападение рущукского сераскира, учиненное им против войск

[1] Опасаясь, что перемирие и ведение длительных дипломатических переговоров могут быть использованы турецкой армией для передышки, Румянцев категорически настаивал на подписании мира, а не перемирия.

[2] После победы Суворова при Козлудже главные турецкие силы, сосредоточенные в районе Шумлы, по приказу Румянцева были блокированы войсками Каменского. Одновременно дивизия Салтыкова обложила Рущук, а главные силы подошли к Силистрии. С целью усиления давления на противника за Балканами был выдвинут отряд бригадира Заборовского, который вызвал панику в тылу турецких войск. В результате великий визирь был вынужден обратиться к Румянцеву с просьбой о перемирии и открытии мирного конгресса.

ваших в 29 день истекшего июня. Что до г. генерал-порутчика Каменского, то он с 3-ю дивизиею и резервным корпусом стоит пред Шумлою и утесняет войски с визирем, севшие в тамошних укреплениях. На сих днях был отделен от него взад Шумли с деташаментом бригадир Заборовский и разбил в Балканах за сорок верст при деревне Чалыкове корпус, веденный сераскер пашею Юсуфом. Между сим визирь ко мне сделал отзыв в искании мира, и я против того послал ему ответ, чтоб он прислал в мой стан полномочных ради заключения оного, а предложение его о новом конгрессе и о временном перемирии отвергнул я вовсе, удостоверивши, напротив, что прежде того никак нельзя престать военным взаимным действиям. Я на всякой час жду его на сие отповеди, и ежели встречу в оной несходства интересам нашим, то и не упущу я тогда дать знать вашему сиятельству, какие меры должно будет выполнить по настоящему положению нашего оружия, действия коего, богу благодарение, идут доселе по желанию и неприятель весьма их чувствует. Г. генерал-порутчику Каменскому я подтверждал наблюдать всемерно, дабы неприятель от Шумли не мог отделить своих войск в помощь Рущуку, и он кажется на то смотрит не неприлежно. Деташамент из Разграда вы можете обратить по своим предположениям, ибо в том месте не нужно держать сильной пост, а только обвещательный на легкой ноге и из легкой конницы. Я надеюсь, что ваше сиятельство, по случаю неоткрытия движения неприятельского г. полковником Гинцелем в прошедшей вылазке, чрез что и ваше предположение не выполнено, наисильнейше подтвердили всем постодержателям о сохранении лучшего в том бдения и осторожности участвовавших в сражении последнем и в прежних, обнадеждя ваше сиятельство, что я представлю должное свидетельство их подвигам и о воздаянии мое ходатайством к ее императорскому величеству, о коих наградить от меня зависит, таковым сделать то не оставлю по вашей рекомендации.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1989, л. 203—206. Копия.

№ 382

1774 г. июля 3. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА ГЕНЕРАЛ-ПОРУЧИКУ Ф. И. ГЛЕБОВУ ПРИНЯТЬ ОБЩЕЕ КОМАНДОВАНИЕ В СВЯЗИ С ОТЪЕЗДОМ РУМЯНЦЕВА ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРНОГО ДОГОВОРА

По обстоятельствам мирной негоциации возьму я теперь с малым отрядом войска место для своего пребывания между здешнего и предводимого г. генерал-порутчиком Каменским корпусов, а в сем отсутствии поручаю здешние все войски в

команду вашему превосходительству, считая потребным изъяснить вам притом следующее: доселе неприятель как на других его постах, так и в Силистрии, будучи от войск наших заперт и утесняем лишением выгод ему надобных, способом сим и поверхностьми над ним в поле доведен он к искательству мира. Я без крайности не рассудил поступить на меры самые жестокие, то есть атаковать его в укреплениях, что не нам, а ему паче было бы полезно, яко приготовившемусь к обороне, по сему и должны вы с сею частью войска пребыть в настоящем положении, и при тех осторожностях, которые теперь наблюдаются. Полковник барон Розен с своим деташаментом, державший пост в Афлатаре, остается в зависимости от вас, ему вы прикажите чрез партии наведываться о всяком движении неприятеля в левой стороне от Силистрии и не утратить сообщения к Туртукаю с частью г. генерала графа Салтыкова, как разве в крайней опасности от усилия против того неприятельского. К тому же оставшие эскадроны Сумского гусарского полку поставятся на дороге, ведущей от Силистрии в Кайнарджу, в таком положении, чтоб пост, ими тут занимаемый, не подвергал их опасности, и предпишется начальствующему над сим отделением, дабы он о всяком примеченном неприятельском от Силистрии движении давал знать тотчас ко мне, деташаменту Розена и сюда к вам, а вы вопреки того меры брать должны. Г. генерал-майор Лойд с своим корпусом имеет состоять в вашей точной команде и с его стороны действия с осадною артиллериею не должны быть прежде производимы на город, как разве бы с сей стороны уже войски приступили к какому-либо предприятию на овладение оным. Все вышеписанное относится к положению неприятеля, в котором он пребывает поныне, и к упованию, что не пременит он его ради своей пользы, но ежели бы против оной неприятель, выступя из своих укреплений, сделал в которую-либо сторону в знатных силах движение на здешнем берегу или на острову против корпуса генерал-майора Лойда, в таком случае делом искусства и благорассмотрения вашего быть должно учредить вопреки тому и вам с здешним войском свой оборот и вспомоществоваться взаимно таковым образом, что ежели бы в сию сторону турки из города учинили предприятия, то бы г. Лойд, запорожцами, открытием своих батарей и движением войск в виде перехода к городу делал им диверсию, как равномерно, когда неприятель на остров против его бы устремился в большом числе, вам приближением к городу с войском и разными демонстрациями готовности своей к нападению на оной отвращать таковы предприятия. Ради таковых быть могущих случаев возьмите ваше превосходительство осторожность условиться с г. Лойдом о сигналах наиудобнейших, чрез которые бы вы могли один другому возвестить движение против себя неприятельское в больших силах и самую нужду в вышеупомянутом вспомоществовании. Я уверен, что ваше превосходительство собственно

вашею резолюциею опровергнуть можете всякое неприятельское предприятие, но ежели бы оное последовало, то и я в таком близком расстоянии находиться буду, что могу сам сюда быть, или же потребное тогда учинить вам предписание. Г. генерал-порутчик и кавалер князь Репнин, быв ныне употреблен от меня к делам мирной негоциации, отъедет потому со мною из здешнего лагеря.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1989, л. 206 об.—209 об. Копия.

№ 383

1774 г. июля 6. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА ВЕРХОВНОМУ ВИЗИРЮ МУССУН-ЗАДЕ МЕГМЕТ-ПАШЕ О СОДЕРЖАНИИ ОСНОВНЫХ ПУНКТОВ МИРНОГО ДОГОВОРА, СОГЛАСОВАННЫХ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ТУРЦИИ

Вчерашний день имел я удовольствие в здешнем моем лагере принять от вашего сиятельства полномочных почтенных нишанджи-Ресми-Ахмет-эфендия и Ибрагим-Мюниб рейс-эфендия. Я хочу отдать справедливое свидетельство пред вашим сиятельством их качествам, коими отвечают они в полной мере возложенной доверенности и приятным мне делают партикулярное с ними знакомство. По делам мирным представляя лицо ваше, имели они разговор со мною и по объяснениям согласились уже они со мною в главных пунктах, имеющих составить мирный трактат, то есть, что всем татарам остаться вольными и ни от кого, кроме единого бога, не зависимыми в их гражданских и политических делах и правлении, а в духовных сообразоваться имеют правилам магометанского закона без предосуждения однакож вольности и независимости, от обеих империй для них утверждаемой. Все земли и все крепости в Крыму, на Кубане и на острове Тамане и прочие земли, в их владении бывшие, им же, татарам, отдаются, выключая крепости крымские: Еникале и Керчи с их уездами, которые Блистательная Порта России уступает. Уступает также России замок Кинбурнский с его округом и степью, между реками Бугом и Днепром лежащею. Коммерция в областях обеих держав и судоплавание на Черном и Белом море и Дунае во всех пристанях и каналах, и на всех морях взаимным образом обеим империям дозволена, и за убытки военные России заплатить имеет Блистательная Порта семь миллионов с половиною пиастров, считая на российские деньги, четыре миллиона пятьсот тысяч рублей. После сего оставляет Россия Порте город Очаков с древним его уездом, возвратит Бессарабию, Молдавию и Валахию со всеми городами и крепостями, все острова на Архипелаге, выговоря для жителей островских и помянутых провинций свободное отправление веры,

облегчение в податях и сохранение при их привилегиях. Впрочем десять артикулов, подписанных взаимными послами на Бухарестском конгрессе, утверждаются слово до слова и другие, сообщенные на оном же конгрессе в числе 28-ми артикулов, против коих нет причины прекословить.

Я поспешаю сим ваше сиятельство предъуведомить, сколь близки мы уже возвестить радость нашим государям и напоить оною же сердца народные, ибо как только от вашего сиятельства я получу надлежащее благопризнание на мирные артикулы, вашими полномочными поставленные, то в ту же минуту и корпусу генерал-поручика Каменского и в других частях прикажу удержать оружие и отойтить из настоящего положения.

Я тем скорее ожидать буду от вашего сиятельства утверждения на все, здесь полномочными вашими установленное для мира, чем больше мне сведомо ваше доброе расположение к прекращению неприязненных действий, которые потому престать имеют.

При взаимном усердии к пользе интересов дворов наших ваше сиятельство сами довольно признаете, сколько еще действует в споспешествование заключению спасительного дела отличное мое к вам почтение, с которым никогда я быть не престану.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 280—281. Копия. Опубликовано в книге А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769—1774 гг.», т. V, 1874, стр. 191—193.

№ 384

1774 г. июля 10. — ПИСЬМО П. А. РУМЯНЦЕВА ВЕРХОВНОМУ ВИЗИРЮ МУССУН-ЗАДЕ МЕГМЕТ-ПАШЕ О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА

В сей день свершилось пред очами моими дело спасительное, толь много вожделенное и всерадостное для обеих империй, и я от самой минуты подписания ныне взаимными полномочными трактата вечного мира спешу, во-первых, поздоровить ваше сиятельство оным от всей моей души, яко виновника сему благоденствию народному. Возблагодарим судьбы всевышнего, уже благословившего искренным примирением высокие державы и венчавшего труды наши о том славою и пользою. Я в чувствах полной радости обращаюсь к выполнению предположений, которые еще взаимно для нас остаются. Ваше сиятельство изволите увидеть в 28-м артикуле, что по содержанию оного обязаны мы взаимно сии самые пункты вечного мира от слова до слова написать и утвердить нашими подписьми и печатьми, так власно, как бы оные деланы были в присутствии обоих нас личном, и взаимно разменяться в соблюдение нужного порядка, и что мир сделан нами, грамотами, которыми нас всепресветлейшие госу-

дари наши уполномочили постановить и заключить сей мир между их империями. Хотя на присылку сих инструментов от вашего сиятельства ко мне чрез находящихся здесь ваших полномочных, коим от меня взаимные вручены будут, срок пятидневной назначен в трактате, но споспешествуя чем скорее пременить повсюду лицо оружия в положение мирное, надеюсь я получить от вас оные днями несколько ближе и поспешнее того сроку, так равно и повеления в Очаков во флот в Архипелаг и против Крыма в Грузию и к командующим постами на Дунае, чтобы я по договору мог оные с равными от себя найти военачальникам в те места доставить с обвещением заключенного здесь мира во прекращение военных действий.

Положено также в 27-м артикуле от обоих дворов послать торжественные посольства с императорскими ратификациями сему сделанному нами трактату, то и о сем хочу я от вас иметь предуведомление, не найдете ли, ваше сиятельство, удобным положить срок, чтоб таковым послам взаимно отправиться от своих дворов в два месяца от сего времени, не меньше нужно согласиться точно и о месте, где им взаимно по обычаю съехаться. Впрочем, обе державы по настоящему примирению, возвращая себе приязнь взаимную, открывают и путь чрез то пространный по предусмотрениям к пользе и удовольствию обеих сторон в искренном согласии делать сверх сих всякие взаимно потребные для себя постановления.

Удостоверившись величайшими опытами о добродетелях вашего сиятельства, которые в самом противном дел положении утверждали однакож мою к себе надежду и приязнь вашу делами мне наидрагоценнейшею, сколь ставлю я себе за велико с стороны любочестия, участие в делах общее с вами, как с таким мужем, который государю и отечеству служит с толикою отличностию, столь полному удовольствию моему не достает единого, что я не могу увеличить оного персональным моим с вами свиданьем, при котором бы я мог вящше и вящше подтвердить то почтение, с коим никогда быть не престану.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 282—283. Копия. Опубликовано в книге А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769—1774 гг.», т. V, 1874, стр. 195—196.

№ 385

1774 г. июля 10. — ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА М. Ф. КАМЕНСКОМУ ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ВОЙСКАМ О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА С ТУРЦИЕЙ

Я вам велел остаться против Шумлы в прежнем вашем положении, не предпринимая на город действий, но вы от 9-го числа пишете, что отступили назад семь верст. Я хочу знать, вер-

ховный визирь с обратным курьером не дал ли вам знать, что он все постановленное о мире в моем лагере утверждает. Сей день подписан уже полномочными мирной трактат, о чем визирю с сим курьером сообщается. Вы с сим посланным можете его пристойно поздравить и просить его, чтоб он, выполняя содержание артикулов заключенного мира, приказал в войске своем и везде обнародовать, и что когда вам он о том даст знать, тогда вы должны считать мир совершенно объявленным и во все части, от вас зависящие, также дадите знать; и дабы под смертною казнию ни кто не чинил ни обиды, а не только неприязненных действий ни войскам турецким, ни самим жителям наистрожайше подтвердить повелениями.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1989, л. 211—211 об. Копия.

№ 386

1774 г. июля 17. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА С ТУРЦИЕЙ В КЮЧУК-КАЙНАРДЖИ

№ 23 *Лагерь при д. Куюжук*

После всеподданнейшего донесения моего от 30-го июня [1], в коем соизволили видеть ваше императорское величество, колико преуспевало оружие, мне вверенное, в своих действиях наступательных, и что уже способом сим смягчалось упорство Порты, и сам верховный визирь принужден наконец искать примирения, как я отказал ему против предложения учредить конгресс и постановить перемирие словами точно сими: «Что о том и слышать не хочу», посланы были от него ко мне в славной стан армии вашего императорского величества уполномоченные: первым кегая-беи, на сие время одеянный чином нишанджи, Ресми Ахмет-ефендий, вторым Ибраим-Мюниб рейс-ефендий.

Я предуведомлен быв от визиря об отправлении оных, перешел с двумя полками пехотными и пятью эскадронами кавалерии к деревне Кучюк-Кайнардже, лежащей на дороге Шумлинской, дая тем наиточнейшее удостоверение, что я сам иду соединиться с корпусом генерала-порутчика Каменского, под Шумлою действовавшим.

Вышереченные от стороны Оттоманской Порты уполномоченные прибыли 4-го июля в деревню Буюк-Кайнарджи и, узнав о моем движении, нетерпеливо домогались меня увидеть, коих я на завтра, то-есть 5-го июля допустил к себе в лагерь, которой взял я с упомянутым отрядом войск при деревне вышеименованной, и сколь визирь сам, так и они убеждали меня чем наискорее приступить к делу, тем паче, я отговариваясь, по мере обнажения их истинных намерений, моим предприятием, что оное как сами

[1] Не публикуется (см. ф. ВУА, д. 2011).

они меня видят на дороге не дозволяет мне ни дня тут мешкать, понудил их и в первом разе и со дня в день не пременяя того же виду и моих слов, отдалить все претительности и согласиться с уполномоченным с моей стороны генералом-порутчиком князем Репниным заключить без отлагательства вечной мир.

Нужные переговоры, объяснения и сочинение мирного трактата продолжались чрез пять дней. Я быв тут во все время неотлучен и смотря глазами на дела полномочных, вседневно преподавал им способы и путь ближайший к окончанию, что и свершилось 10-го июля подписанием чрез взаимных полномочных трактата вечного мира между империею Всероссийскою и Портою Оттоманскою.

В первых моих разговорах с полномочными, когда ими кондиции от меня предложенные для миру были приняты, я уведомил тогда ж о том визиря и в ответ получил от него письмо со благопризнанием оных, так равно и по заключении трактата в срочное время, то-есть 15 сего месяца. Чрез полномочных с их стороны предъявлено было утверждение от самого визиря присланное, что он по обязательству в трактате израженному[1], все артикулы оного трактата приемлет и утверждает по силе полной мочи, данной ему от своего государя, так власно как бы им самим в личном присутствии со мною постановлены были.

Я равногласной сему инструмент, во укрепление мирного трактата разменял в тот же день с сими полномочными, принимая от них визирем подписанной трактат и отдавая на их руки взаимный моим подписом и печатью утвержденный, возгласил я: «Да многолетствуют наши государи, и да благоденствуют их подданные»; при сих словах моих началась пушечная стрельба во ознаменование торжественным образом совершившегося обеих империй примирения.

Оригинальные акты вечного мира на турецком и италианском языках я оставил у себя ради могущих быть в настоящее время ссылок взаимных на оные, а копию трактата, как оной мною подписан на российском языке, вручен на обе стороны в переводе италианском, также и список со взаимного на турецком языке подписанного полномочными и утвержденного от верховного визиря, имею честь ко усмотрению вашего императорского величества поднести при сем и копии тут же всей нынешней взаимной нашей переписки с верховным визирем на русском и италианском языках. Ссылаюсь впрочем на изустное донесение князя Репнина, естьли вашему императорскому величеству благоугодно будет вопросить, что касается до образа, коим было трактовано сие дело, без всяких обрядов министериальных, а единственно скорою ухваткою военною, соответствуя положению оружия с одной стороны превозмогающего, а с другой до крайности утесненного.

[1] Выраженному.

Я не имел других людей, сведущих, кроме единого князя Репнина, практикованного в делах сего рода, ибо тайный советник Обрезков, по моему предуведомлению, не мог с своею канцеляриею поспешить за разливом рек на левом берегу Дуная и прибыл ко мне, как трактат уже был заключен и подписан полномочными.

Пункт мореплавания и при нынешнем трактовании весьма беспокоил полномочных турецких. Я, приметя их подозрение и недоверство, в образе страха и предосуждения, для существенной безопасности самой их империи, о чем они наибольше говорили и на прежних конгрессах, обратился к руководству инструкции, данной послам на конгресс Фокшанской, чтоб в генеральных терминах изразить сие постановление; и так в артикуле о том не именовано ни число пушек, ниже ограничено вооружение купеческих кораблей, но присвоив вообще капитуляции цветущей коммерции англичан и французов, по всей их точности нашему кораблеплаванию и торговли на всех водах без изъятия, доставлена тем нам свобода в вооружении таковых нам кораблей, каковы те нации употребляют в Белом и других морях, что самое служит нашему кораблеплаванию и на Черном море, как равно и умолчание в трактате о сооружении флота на сем море дает право неограниченное к построению нам оного.

В рассуждении ратификации от вашего императорского величества и от салтана, соображаясь инструкции, послам данной, где повелено выговорить от обоих дворов отправление оных с торжественными посольствами и содержанию высочайшего ко мне рескрипта от 10-го апреля, в котором изражено: «чтоб предоставить на обе стороны подтвердить трактат обыкновенными государей ратификациями чрез взаимные торжественные посольства, кои в предназначиваемом месте разменены быть имеют», не мог я точного сроку для отправления, ни места для размены посольства определить собою из предосторожности, что хотя бы время отправления было и выговорено, посол мог бы однакож под разными виды медлить в пути и остановляться, не доезжая до места, назначенного к взаимной размене, и причинить тем долговременное ожидание на своем месте послу от двора вашего императорского величества определенному, ради чего в артикуле на то постановленном настоящего трактата договорено отправить взаимные посольства с государскими ратификациями в то время, которое с общего обоих дворов согласия назначено будет понуждением однакож чем скорее то учинить. Остается артикул о размене пленных, который не может быть выполнен прежде размены ратификации, хотя на предложение мое визирю, чтоб в два месяца от подписания трактата отправить сии посольства с ратификациями, он ко мне теперь пишет, что чем можно скорее, он будет стараться в таковом отправлении от своего двора и как только все надобное к тому приготовится, то и уведомить меня, но к соглашению точным образом, как о

срочном времени, так и о месте, в коем сим посольствам по обрядам разменяться, я испрашиваю всеподданнейше от вашего императорского величества высочайших наставлений и наипоспешнее, чтобы о том я мог, как есть еще время, договориться с верховным визирем; и снабдите также меня, всемилостивейшая государыня, высочайшими повелениями о возвращении армии в свои границы, обратить ли полки в прежние их непременные квартиры, или расположение оным должно быть другое? Дабы я по тому мог учредить им путь, сколько распорядок таков относится к первым пунктам, от коих должно им двинуться, ибо запасов провиантских в здешних магазейнах до положенного срока к их выходу из сих земель достанет, но дальшее снабдение зависит от их оборотов, как равномерно не несть бы и излишних убытков в доставлении и аммуничных вещей, кои уже им и на будущий 1775 год от комиссариата сюда ассигнованы.

15 числа с присланными ко мне от визиря его чегодарями, послал я купно своих курьеров с обвещением заключенного мира в Варну, в Очаков и к командующим взаимными войсками вверху Дуная. И таковых в тот же день отправил во вторую армию к князю Долгорукову, предоставляя ему оных визирских чегодарей, снабденных письменными повелениями купно с своими (письменными повелениями) нарочными препроводить в Тамань и в Грузию к обоюдным начальникам, дабы везде прекращены были неприятельские действия. Я сообщил ему между прочими артикулами из мирного трактата, его сведению принадлежащими, о татарах, чтоб хану и народу обвестить оной, о Еникале, Керче и о Кинбурне, чтоб содержание оных выполнил, яко командующий в той стороне. Послал также майора Белича и в Архипелаг, доставляя чрез него известие командующему там флотом российским о заключенном здесь мире и приложил списки из артикулов мирных, которые генерально и сепаратно на ту часть служат, куда с ним вместе и визирь свои повеления пошлет к начальнику с их стороны над тамошними войсками о прекращении действий оружия[1].

Флотилию Дунайскую я приготовлю к отправлению в наши гавани крымские и Кинбурнскую и писал уже к предводителю второй армии, прося от него уведомления, где больше и нужнее оной быть и кои запасы питательные и военные в снабдение тех крепостей на первой случай потребно будет по его рассмотрению, посредством оной доставить отсюду.

От времени последнего моего донесения до дня заключения мира о происходивших военных действиях, которые все были во вред неприятелю, не успеваю я теперь уведомить ваше императорское величество, занят будучи не терпящею времени экспедициею мирного дела, а впредь исполнить то имею.

---

[1] Прибыв в 1770 г. в воды Эгейского архипелага, русский флот оставался там в течение всей войны, действуя не только в Эгейском море, но и у берегов Сирии.

Я льщу себя, что ваше императорское величество, оказывая благоволение всевысочайшее о подвигах, которые в течение войны оружием, мне вверенным, учинены с равною благодарностию воспримите сим образом заключенный мир, который есть плод щастливой войны, существом своим полезен отечеству и слава коего возносит имя бессмертное победительницы.

Подносителя сего генерал-порутчика князя Репнина, который будучи от меня уполномоченным трудился с большим усердием в приведении к окончанию мирного дела, повергаю высочайшему призрению вашего императорского величества, сколько достойным оного делают его заслуги настоящие и прочая вся служба, известная вашему императорскому величеству по его отличной ревности и искусству; повергаю тако ж и с ним посланного полковника графа Воронцова, который от начала войны до самого окончания оной служил безотлучно в армии, в действиях против неприятеля всегда отличал себя храбрым и искусным офицером, как я имел честь о том в свое время свидетельства мои чинить вашему императорскому величеству, и теперь при сочинении мирного трактата употреблен был к переводу оного, как и всех письменных дел с российского на италианской язык, один будучи знающим оной и службою своею, о коей по моим прежним донесениям считаю быть, ваше императорское величество, удостоверенными, заслуживает всемилостивейшее воздаяние. В окончании повергаю и себя с ними к священным стопам вашего императорского величества и есмь со всеглубочайшим благоволением...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 272—279 об. Подлинник. Частично опубл. в сб. «Фельдмаршал Румянцев», ОГИЗ, 1947 г., стр. 248—250.

№ 387

1774 г. августа 3. — ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА С ТУРЦИЕЙ В КЮЧУК-КАЙНАРДЖИ

Минувшего июля в 23 день пришел в Петергоф ко двору ее императорского величества отправленный от командующего первою армиею генерала-фельдмаршала графа Румянцова курьером сын его, который того же дня из полковников всемилостивейше пожалован в генерал-майоры, столь приятное, сколь и знаменитое известие, что произведенными на супротивном берегу реки Дуная разными действиями от победоносного оружия ее императорского величества предводительствующий турецкою армиею верховный визирь Заде нашелся толико утесненным в положении разных и знатных ее частей, что он принужден был послать от себя двух полномочных комиссаров в лагерь генерал-фельдмаршала графа Румянцова с требованием мира и что оный по

пятидневных переговорах действительно в 10 день минувшего же месяца при урочище Кучук-Кайнарджи заключен и подписан в собственной его фельдмаршальской ставке чрез назначенного к тому генерала-порутчика князя Репнина и выше помянутых двух турецких полномочных комиссаров с таким притом условием, чтоб и сам верховный визирь дал в пять дней собственное свое на сей трактат формальное подтверждение. А как вследствие оного и прибыл уже ныне в 31 день прошедшего июля месяца с тем визирским подтверждением означенный генерал-порутчик князь Репнин, то и не может теперь пред целым светом оставаться малейшего сомнения, что воздвигнутая Портою Оттоманскою война противу империи стала при благословении всевышней десницы, мудрым и прозорливым руководством всемилостивейшей нашей государыни, к умножению и распространению неувядаемой славы безсмертнаго имени ее величества, новым и прочным источником безопасности, благоденствия и приращения любезнаго отечества нашего, когда ныне заключенный мир, коему от времен толь славного и полезного для России Нейштатскаго мира, ни одного подобнаго не было, при многих других весьма важных выгодах и преимуществах для империи, с одной стороны в конец из среды изнимает все до сего настоящия причины ко взаимным раздорам между ею и Портою Оттоманскою чрез освобождение всего Крыма и всех вообще татар от власти турецкой, и чрез превращение их в область вольную и независимую, когда с другой одержанием пристаней, а именно городов Керчи, Еникали и Кинбурн на Черном море отверзает оной согражданам нашим свободный путь к новым промыслам и торгам в Отоманских областях беспосредственным кораблеплаванием по Черному и Белому морям; а сие единое и составляет уже для переду сохранение настоящего мира для самой Порты драгоценные прежняго, в разсуждении новаго и взаимного прибытка для обоих народов; и когда напоследок доставлены тут же нашим единоверным в подданстве от Оттоманской Порты находящимся такия выгоды для покойной их жизни, каковыми они прежде не пользовались.

О таковых и многих других отечеству нашему от щедроты всевышняго чрез помазанницу его царствующую нами императрицу и самодержицу дарованных великих благодеяниях, способом заключенного и подтвержденного уже трактат вечнаго мира и доброй дружбы с Портою Оттоманскою, объявляется чрез сие во всенародне известие, дабы, во-первых, богу, яко дателю всех благ, принести за оные должное и усердное благодарение, а притом и излиять пред престолом его единодушныя и теплейшия наши моления о низпослании и впредь благословении его на все подвиги и деяния ее императорского величества, относящияся во всяком случаи к несомненному блаженству отечества нашего.

Филиал ЦГИА УССР в г. Харькове, ф. 729, д. 928, л. 21. Копия с печатного.

№ 388

1774 г. августа 12. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ С ПРИЗНАНИЕМ ЕГО ЗАСЛУГ В ДЕЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА С ТУРЦИЕЙ

С.-Петербург

Возвещая мир, рук ваших творение, возвестили вы нам в то же время чрез оной и знаменитейшую вашу услугу пред нами и пред отечеством. Мы объемлем ее во всем пространстве тех трудов и подвигов, коими вы чрез все время войны ополчаться долженствовали к преломлению сил и высокомерия неприятеля, обыкшего доныне в щастливых своих войнах предписывать другим законы жестокие. Мера благоволения нашего к вам и к службе вашей стала теперь преисполнена, и мы, конечно, не упустим никогда из внимания нашего, что вам одолжена Россия за мир славной и выгодной, какого по известному упорству Порты Оттоманской, конечно, никто не ожидал, да и ожидать не мог с рассудительною вероятностию. Самая зависть не может оспорить сей истины, ибо с одной стороны турки, лишившись Крыма и всех татарских орд, лишились впредь на время военное и знатного числа войск, тем паче Порте полезных, что они содержанием своим ей тогда ничего не стоили бы, а с другой — доставление нам трех пристаней на Черном море — может впредь служить к сугубому предмету, то-есть и к связанию взаимных подданных узлом собственной их корысти чрез беспосредственные на обе стороны торги и к вящей нам способности вредить Порте в самых для нее чувствительных местах, естьли б она когда-либо, пренебрегая сие уважение, покусилась или вновь на войну с нами в угодность посторонним проискам или же на возвращение под власть свою Крыма и татар, одаренных ныне совершенною свободою и независимостию в гражданском и политическом их положении. Не станем мы исчислять здесь других от заключенного вами мира произрастающих выгод, течение времени покажет их скоро во всей их важности, но для того самого, что они в существе своем важны и таковыми всегда существовать будут, приемлем мы за систему настоящего нашего политического поведения в рассуждении Порты Оттоманской показывать ей во всех до нее относительных случаях и делах наших всю возможную умеренность и искреннее желание вяще и вяще утверждать возобновленной ныне вечной мир чрез пристойные к стате и ко времени снисхождения к ее справедливым требованиям чрез уклонение от нашей стороны всяких и малейших поводов к каковому-либо неудовольствию или же недоверке, а напоследок чрез скорейшее заведение беспосредственной торговли между взаимными областями, дабы в прибытках оной учинить

турецких подданных участниками, а в сем собственные корысти качеств и прямыми ревнителями о лучшем впредь сохранении драгоценного мира.

Для начала в исполнении сего политического правила, которое мы туркам для возбуждения их к нам доверенности, везде открыто являть хотим, небесполезно будет по мнению нашему поспешить ныне разменою ратификации, предоставленною в трактате до прибытия ко дворам взаимных торжественных посольств, дабы сим способом последней формалитет к совершению блаженного мира мог еще совершиться в остальное время близкой вашей и верховного визиря между собою бытности. Мы оставляем вашей прозорливости и практическому вашему знанию турецких склонностей, а особливо сего Оттоманского министра, решить поколику от вас некоторой потому отзыв учинен быть может с надеждою успеха, хотя мы здесь и не усматриваем, чтоб от оного какое-либо неудобство родиться могло. Вы поступили между тем при постановлении мирного трактата весьма осмотрительно и весьма благоразумно, что сроки испражнения войсками нашими турецких земель, определили постепенно и нескорые. Конечно, турки наступления их ждут с алчностию, почему кажется далее без ошибки можно предугадывать, что и сам верховной визирь ускорению оных весьма бы рад был. Нельзя ли же, как и выше сказано, вследствие сей не неосновательной догадки отозваться вам к верховному визирю письменно, или же словесно, как вы то за лучшее найдете, с предложением о размене взаимных государских ратификацей собственно между вами как совершителями самого мира на соглашаемой короткой срок, дабы тем выиграть время к скорейшему освобождению из неволи остающихся в оной и после войны пленников, вопреки самому намерению мира, собственному вашему и визирскому человеколюбию и алчной нетерпеливости страждущих, внушая притом или же и действительно обещая искусным образом, что вы сроки испражнения потщитесь к удовольствию Порты по крайней возможности сократить, естьли она с своей стороны поступит прежде и независимо от взаимных торжественных посольств на действительную размену ратификацей, в чем лучшее ваше на месте усмотрение удобностей и неудобностей возвратного армии похода имеет в свое время определить меру надобности и удобвозможного снисхождения в жертву желаемому нами пункту; что вы по вашему требованию получили уже от двора нашего в запас на всякой случай здешние инструменты, и имеете их у себя в руках к действительному употреблению, ежели только верховной визирь испросит себе и действительно получит на такой же конец султанские; что такая посольствам предшествующая размена ратификаций не долженствует однакож взаимному отправлению оных препятствовать, но паче надобно им по точной силе трактата непременно исполниться быть немедленно назначенным, отправленным и разменно в одну пору принятым на обе стороны где-либо

в Польше как постороннем месте, о котором ныне же и условиться следует, и привесть с собою на обе стороны, как пристойные подарки, так и дружественные, от государя к государю грамоты в подтверждение восстановленного мира и основанной на оном вечной дружбы между обеими империями, что вы от двора нашего уведомлены уже, что с здешней стороны полномочной посол вскоре назначен будет знатнейшего чина и что оной в показание нашей атенции к восстановленной ныне доброй дружбе и для запечатления оной сим торжественным поступком вскоре же и отправится в действительной путь, и что напоследок вы с своей стороны не отречетесь в уравнение тому, что мирной трактат заключен и подписан в вашей ставке, поступит на размену ратификацей в ставке верховного визиря, и что для сего торжественного обряда, естьли оной место иметь может вследствие получаемых султанских ратификаций, намерены вы отправить в турецкой лагерь уполномоченную от вас особу знатного чина с достаточною свитою, дабы сею учтивостию заменить пред публикою ту, которую Порта в рассуждении нас первая исполнила с тою разнотою, что мы из доброй воли оную учинить хотим в показание искреннего нашего отныне дружелюбия к Порте Оттоманской.

В надежде, что верховной визирь согласится на такое с вашей стороны предложение, дабы ему самому с оконченным уже делом в Царьград возвратиться, повелели мы действительно приложить здесь ратификации наши как на самой трактат, так и на сепаратные его артикулы в двух экземплярах, одни за собственноручным нашим подписанием, а другие с одною только государственною печатью. Вверяя и те и другие той особе, которая от вас при настоянии случая к верховному визирю для исполнения размены послана и акредитована будет, не оставите вы ей именно предписать, чтоб с нашей стороны в отдачу туркам употреблены были экземпляры в такой форме, в каковой их ратификации будут, с подписанием ли султанским или же без оного.

Впрочем всемилостивейше апробуя все вами учиненные распоряжения, как в рассуждении Дунайской флотилии, о которой ныне же посылаются наши повеления к генералу князю Долгорукову, так и относительно отправления с известием о мире курьеров ваших обще с турецкими во все нужные места, ссылаемся мы, что принадлежит до будущего распределения полков армии вашей на апробованную нами репорацию, которую вы из нашей Военной коллегии получить имеете, и пребываем вам с отличнейшим благоволением, особливою нашею императорскою милостию навсегда благосклонны.

Екатерина

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 43—49 об. Копия. Опубл. в кн. А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769—1774 гг.», т. V, 1874 г., стр. 204—207.

№ 389

1774 г. августа 22. — РЕЛЯЦИЯ П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II О ПОДТВЕРЖДЕНИИ НОВЫМ ВЕРХОВНЫМ ВИЗИРЕМ ТУРЦИИ ИЗЕТ-МЕГМЕТ-ПАШОЙ УСЛОВИЙ МИРА

№ 25 *Фокшаны*

Вчера на вечер получил я от нового визиря Изет-Мегмет-паши два письма чрез чегодаря, нарочно ко мне присланного из Царьграда. Я подношу оных переводы к высочайшему усмотрению, что содержанием оных удостоверяет сей верховный министр о соблюдении кондиции, заключенного его предместником со мною вечного мира для обеих империй. Купно с сим курьером возвратился и майор Белич, посыланной от меня в Архипелаг с обвещением мира командующему там флотом вашего императорского величества. Привезенный им рапорт от вице-адмирала Елманова присоединяю к сему в копии, так как и письма в сей раз полученные от министров Тугута и Цегелина[1].

15 числа сего месяца имел быть ко мне отправлен Иностранной коллегии переводчик Мельников с ответом на мое письмо к прежнему визирю, которое содержало в себе предуведомление об отправлении от меня полковника Петерсона в качестве поверенным в делах.

Упомянутый переводчик из Адрианополя подает уведомление, что войски турецкие под именем армии с 12 числа сего месяца выступили из того города и идут в Царьград с Магометовым знамем и что там молва носится, якобы Абдур Разак прежний рейхс-ефендий из Китая, места его заточения, возвращается ныне в Константинополь, и предназначен якобы послом быть от Порты к высочайшему двору вашего императорского величества.

О настоящих визирских ко мне отзывах я послал уведомление сей день командующему второю армиею генералу и кавалеру князю Долгорукову, чтоб он и вящше мог учинить свои требования командующему флотом турецким, об отступлении оного и войск их от Крымских берегов; ежели бы они того и доселе не учинили, в исполнение мирных договоров, кои соблюдать свято должны, как и нововерховный министр Порты, преподал мне в том удостоверения, а я буду отвечать визирю в выражениях приличных положению дел с стороны учиненного взаимно примирения, и присоединяю тут же и с моей стороны домогательство, дабы от Крыму все их войски немедленно удалились.

По содержанию всеподданнейшей моей отправленной чрез генерала-порутчика князя Репнина по сей день еще я не имел

---

[1] Не публикуются (см. ф. ВУА, д. 2011)

счастья получить от вашего императорского величества высочайших повелений.

Как болезнь, одержащая меня жестокостию своею, лишила сил встать с постели и действовать по всечасно в исправление должности, то дабы ни в чем чрез мой недуг остановки быть не могло, я, призвав к себе генерала и кавалера графа Салтыкова, препоручил его управлению дела в армии относительно к их внутреннему течению и приготовлениям на настоящее время, касающимся до выступления войск и ко испражнению сих земель...

Граф *Петр Румянцов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2011, л. 335—337. Подлинник.

№ 390

1774 г. октября 14. — ПИСЬМО РУССКОГО ПОСЛАННИКА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ Х. И. ПЕТЕРСОНА П. А. РУМЯНЦЕВУ О БОРЬБЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИДВОРНЫХ ТУРЕЦКИХ ГРУППИРОВОК ПРОТИВ РАТИФИКАЦИИ МИРНОГО ДОГОВОРА [1]

Константинополь

Как только после смерти верховного визиря Муссуна Оглу получило правление список с заключенного с нами трактата, то тотчас Измаил-бей сообщил копию с оного французскому послу, сей приметил Порте, что может она без видимого нарушения трактата откладывать ратификацию оного, искать главным образом перемены некоторых артикулов, пока войски наши совсем не выступят, а тогда уже и силою все можно будет обдержать, как по причине внутренних в России замешательств, которые здесь гораздо увеличены, так и для того, что открывшиеся посредством прежних негоциаций меры двора российского обнимали гораздо менее и можно полагать наверное, что двор российской жертвует для сохранения мира тем, что сверх собственных желаний получил. Несколько времени сии внушения бесплодными оставались; известие о болезни вашего сиятельства, которую здесь неисцелимою почитали, и надежда безпорядков и уныния в армии, придало смелости недоброжелателям; правление приудержалось публиковать в городе трактат, переменили муфтия и возвели на его место настоящего, главного мира заключению противника; сей возбудил еще

---

[1] С ратификацией договора турецким султаном возникла задержка до января 1775 г. Причинами задержки явились: невыгодность условий мира для Турции, а также интриги Австрии и в особенности Франции, подстрекавших султана отвергнуть договор, как несовместимый с достоинством Блистательной Порты. Но твердость и дипломатические способности Румянцева превозмогли все препятствия, и договор был ратифицирован султаном.

больше прежнего между собратиею своею противу постановлений мирных негодование; но как государя миролюбивые свойствы известны и что он персонально доволен миром, доставившим ему беззаботное препровождение времени, такожде опасались отвращения народа от войны, которой полагали тревожиться начнет, как только восстали бы новые между двумя дворами раздоры, могущие нанесть опасность о возобновлении оной, то и стали сами делать разные разглашения, или чтоб испытать чувства публики, или для того, чтоб встревожить нас и приуготовить к слушанию жалоб на трактат и предложений о переделании оного. Первой слух, пущенной в народ, что со стороны нашей нарушен мир и война опять начата, дошел даже до флота нашего, и господин вице-адмирал Андрей Власьевич Елманов дал комиссию здесь наверное о том проведать; слух сей уничтожился приходом моим; потом мне начали говорить, что Порта посылает тихим образом войски в Крым и в то ж самое время при бывшем на сих днях с рейз-ефендием разговоре об учреждении каким образом отыскивать пленных, жаловался он на народ в Константинополе, коего своевольство и необузданные уста не допущают правление оказывать нам все свое доброхотство. С моей стороны ответствовано, что на сие смотреть не должно, объявляя внушенное мне, сколь ни щекотливо, не пременяет ни мыслей, ни поступков моих, для того, что оно невероятно. Теперь всеми мерами стараются возбудить всех ненависть противу россиян, в деле о пленных связывают нас сколько можно с духовными; татарские депутаты ходят везде по городу и жалуются на трактат, закон магометанской нарушающий; на сих днях разбросали по повелению Стамбул-эфендия, или первого городского судии, одну греческую церковь, кажется будто нарочно для того, чтоб я за нее вступился, по силе мирного трактата; я рассудил умолчать о сем в настоящем деле положения, для того, что за нератификациею трактата и ближайшие к нам дела, как-то размена пленных, еще не кончены. Слух пустили, что после байрама Порта намерена нам объявить войну, все сии разглашения, однакож, и хитрости не производят в народе того действия, которого желает коварство правящих и с ними согласных людей, и дело кажется обошлось бы негоциациею (хотя и многие думают, что от объявления нам войны зима только Порту удерживает), но для оные здесь необходимо нужен посол и большое иждивение, для перемены, в нужном случае, некоторых чинов в министерстве, к чему способы могут со временем открыться и из оных упомянутой в рапорте много служить может, тем более, что тот человек приведен к содействию последней раз учинившихся перемен не убеждением, но деньгами.

С татарскими делами и с письмом от визиря к вашему сиятельству слышал я от прусского посланника, что назначивает Порта отправить Вассиф-эфендия. Такожде уведомляют меня, что у Порты сего дня положили свиту чрезвычайного посла, она

имеет состоять из тысячи трехсот человек и отъезд его назначивали опять к 30 октября, но на сие ненадобно полагаться, ибо естьли покажется нужна остановка, то он и на дороге заболеть может. Новой Волоской господарь старается, чтоб посол был отправлен чрез Измаил или Галац на Бендеры и представляет разорение двух княжеств, да и сама Порта не очень того желает, в рассуждении обретающихся тамо в большом числе войск российских; сочинение маршрута для посла поверено Яковакию Ризо, бывшему на Фокшанском конгрессе за переводчика Порты.

Имею честь быть с глубочайшим почтением и всепокорнейшею преданностию.

Милостивый государь
вашего сиятельства
нижайший слуга
Христофор Петерсон

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 160, л. 59—61. Подлинник.

№ 391

1775 г. ноября 6. — РЕСКРИПТ ЕКАТЕРИНЫ II П. А. РУМЯНЦЕВУ О НАЗНАЧЕНИИ ЕГО КОМАНДУЮЩИМ ВСЕЙ КАВАЛЕРИЕЙ РУССКОЙ АРМИИ [1]

Мы не можем престать от удовольствия возлагать на вас должности дел нам благоугодных, внимая с какою всегда пользою выполняли вы свое служение, сим побуждены будучи, и в довод навсегда присвоенного вам нашего благоволения и монаршей доверенности, препоручаем мы вам главное начальство над кавалериею армии нашей, которая, как всем известно, в бывшую Прусскую войну из неустройства, или паче сказать из небытия, вашими единственно искусством и трудами приведена была в доброе состояние. Вы также, предводя армии наши, и в последнюю с турками войну опытами дознали тягость вооружения оной настоящего, искусились подробно в неудобности употреблять такую конницу, как есть наша, против неприятеля легкого.

В рассуждении сего мы теперь обращаем и желание и полную надежду нашу к испытанному благоразумию и вашему усердию к отечеству, вверяя вам всю сию кавалерию и купно предмет намерения нашего об оной, дабы вы ее по своему лучшему благоизобретению поставили на такой степени совершенства, чтоб способно и полезно употребляема быть могла против всякой армии, и страшна б была оная не пустым именем тяжелой конницы, но

---

[1] Опыт боевых действий русской конницы в начале Семилетней войны показал, что она являлась слабейшим родом войск вооруженных сил России того времени. Большой заслугой Румянцева была выработка новых методов ее подготовки и последующего использования в боевых действиях.

добротою своих лошадей, легким и безизлишним вооружением, а наипаче совершенным устройством, и чтоб происходящей от оной быстрой удар совершал ее силу и тягостен был неприятелю, а не собственному ее состоянию, во всех сих частях предуспеть вам не трудно по столь достаточному сведению, какое вы имеете о всех войсках соседних нам держав.

Напоследок восхотели мы открыть вам и в том нашу мысль, что, имея в нашей армии столь великое число легких войск, желаем уже порученные вам полки: пять кирасирских, девять карабинерных и те учреждаемые в Малороссии из компанейцев иметь войском отборным и, следственно, больше сбереженным, а не под странным доселе бывшим названием тяжелой конницы, чего мы в ней ни именем, ни вещию оставить не хощем.

В довольном удостовернии о наилучшем от вас исполнении в сем нашей воли мы пребываем отличною нашею императорскою милостию благосклонны. Дан в Москве, ноября 6-го дня 1775 года.

Екатерина

ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, св. 224, д. 46—52, л. 12—12 об. Копия.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1774 г. июля 15. — КЮЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

«Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между империей Всероссийской и Оттоманской Портой в ставке главнокомандующего генерал-фельдмаршала графа Румянцева, при деревне Кючук-Кайнардже на правом берегу реки Дуная, чрез уполномоченных от него и от верховного визиря в 10 день июля и ими обоими в 15 день того же июля утвержденный, а со стороны его султана величества подтвержденный и ратификованный в Константинополе в 13 день генваря 1775 года»[1].

Во имя господа всемогущего!

Обеих воюющих сторон империи Всероссийской и Порты Оттоманской государи и самодержцы, имея взаимное желание и склонность к прекращению настоящей между обоюдными государствами их продолжающейся войны и к восстановлению мира, чрез уполномочиваемых с обеих сторон поверенных особ действительно определили и уполномочили к соглашению, постановлению, заключению и подписанию мирного трактата между обоюдными высокими империями, ее величество императрица всероссийская — графа Петра Румянцева, генерал-фельдмаршала, предводящего армией, малороссийского генерал-губернатора, коллегии малороссийской президента и орденов святого апостола Андрея, святого Георгия, святого Александра Невского и святые Анны кавалера; а его султаново величество — верховного Блистательной Порты визиря Муссун-Заде Мегмет-пашу.

Посему оба главнокомандующие армиями, генерал-фельдмаршал граф Петр Румянцев и верховный визирь Муссун-Заде Мегмет-паша, следуя предположениям их высоких дворов, употребили о том свои попечения, и от верховного визиря со стороны Блистательной Порты присланные 5 июля 1774 года в стан генерал-фельдмаршала уполномоченные Нишанджи-Ресьми-Ахмет Эфендий и Ибраим-Мюниб-Рейс-Эфендий, с избранным и уполномоченным от упомянутого генерал-фельдмаршала князем Николаем Репниным, генерал-поручиком, орденов святого Георгия, большого креста Александра Невского, польского Белого орла и голштинского святые Анны кавалером, в присутствии его самого генерал-фельдмаршала графа Румянцева согласили, постановили, заключили, подписали и печатьми утвердили для вечного мира между империей Всероссийской и Портой Оттоманской нижеследующие артикулы:

Арт. 1. Отныне и завсегда да пресекаются и уничтожаются всякие неприятельские действа и вражда, между обеими странами происшедшие, и предаются вечному забвению всякие неприятельские действа и против-

---

[1] Заголовок подлинника.

ности, оружием или другим подобием с одной или другой стороны предвосприятые, учиненные и произведенные, и никоем образом отмездия оным да не учинится, но вопреки вместо того да содержится вечный постоянный и ненарушимый мир на сухом пути и на море. Равномерно же да сохранится искреннее согласие, ненарушимая вечная дружба и наиприлежнейшее исполнение и содержание сих артикулов и соединение постановленных между обеими сими высококонтрактующими странами ее всепресветлейшим императорским величеством и его султанским величеством, и их наследниками и потомками, также и между империями, владениями, землями и подданными и обывателями обеих сторон; и так, что впредь с обеих сторон един против другого да не воздвигнет ни тайным ни явным образом какового-либо неприятельского действия или противности, а вследствие возобновляемой толь искренней дружбы дозволяют обе стороны взаимную амнистию и общее прощение всем тем подданным без всякого отличия, каким бы то образом ни было, которые сделали какое-либо против одной или другой стороны преступление, освобождая на галерах или в темницах находящихся, позволяя возвратиться как изгнанным, так и ссылочным и обещая после мира возвратить оным все чести и имения, коими они прежде пользовались, не делая и не допуская прочих делать им какие-либо ненаказуемые ругательства, убытки или обиды, под каким бы претекстом то ни было, но чтобы каждый из них мог жить под охранением и покровительством законов и обычаев земли и равным образом с своими соотчичами.

Арт. 2. Если по заключении сего трактата и по размене ратификаций некоторые из подданных обеих империй, учиня какое-либо тяжкое преступление, преслушание или измену, захотят укрыться или прибегнуть к одной из двух сторон: таковые ни под каким претекстом не должны быть приняты, ниже охранены, но беспосредственно должны быть возвращены, или по крайней мере выгнаны из области той державы, в коей они укрылись, дабы от подобных зловредников не могла причиниться или родиться какая-либо остуда или излишние между двумя империями споры, исключая только тех, кои в Российской империи приняли христианский закон, а в Оттоманской империи приняли закон магометанский. Равным образом, если некоторые из подданных обеих империй, как христиане, так и магометане, учиня какое-либо преступление или иное что, по какой бы то причине ни было из одной империи прибегнут в другую, таковые, когда будут требованы, беспосредственно должны быть возвращены.

Арт. 3. Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы, без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана Чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе, и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом, но признавать и почитать оную татарскую нацию в политическом и гражданском состоянии по примеру других держав, под собственным правлением своим состоящих, ни от кого, кроме единого бога, независящих; в духовных же обрядах, как единоверные с мусульманами, в рассуждении его султанского величества, яко верховного Калифа магометанского закона, имеют сообразоваться правилам, законом их предписанным, без малейшего предосуждения, однакож утверждаемой для них политической и гражданской вольности. Российская империя оставит сей татарской нации, кроме крепостей Керчи и Ениколя с их уездами и пристанями, которые Российская империя за собой удерживает, все города, крепости, селения, земли и пристани в Крыму и на Кубани, оружием ее приобретенные, землю, лежащую между реками Бердой и Конскими водами и Днепром, также всю землю до Польской границы, лежащую между реками Бугом и Днестром, исключая крепость Очаков с ее старым уездом, которая попрежнему за Блистательной Портой остается,

и обещается по пристановлении мирного трактата и по размене оного все свои войски вывесть из их владений, а Блистательная Порта взаимно обязывается равномерно отрещись от всякого права, какое бы оное быть ни могло, на крепости, города, жилища и на все прочее в Крыму, на Кубани и на острове Тамане лежащие, в них гарнизонов и военных людей своих никаких не иметь, уступя оные области таким образом, как российский двор уступает татарам в полное, самодержавное и независимое их владение и правление. Також наиторжественнейшим образом Блистательная Порта обязывается и обещает, и впредь в помянутые города, крепости, земли и жилища гарнизонов своих и всяких, какого бы звания ни были, своих людей военных в оные не вводить и там не содержать, ниже во внутри области сей сейменов или других военных людей, какого бы звания ни были, иметь, а оставить всех татар в той же полной вольности и независимости, в каковых Российская империя их оставляет.

Арт. 4. С естественным всякой державы правом сходствует делать в собственных землях своих таковые распоряжения, каковые за благопристойные оными найдутся: вследствие чего предоставляется взаимно обеим империям полная и беспредельная вольность строить вновь в областях и границах своих в таковых местах, каковые найдутся удобными, всякого рода крепости, города, жилища, здания и селения, равно как починять или поновлять старые крепости, города, жилища и прочее.

Арт. 5. По заключении сего блаженного мира и по возобновлении соседственной искренней дружбы, российский императорский двор будет всегда при Блистательной Порте иметь второго ранга министра, то-есть посланника или полномочного министра, Блистательная же Порта употребит в рассуждении его характера все то внимание и уважение, которые наблюдаются к министрам отличнейших держав, и во всех публичных функциях помянутый министр должен следовать беспосредственно за цесарским министром, если он в равном с ним характере; когда же другого, то-есть большого, или меньшего, тогда беспосредственно должен он следовать за голландским послом, а в небытность оного за венецианским.

Арт. 6. Если кто-нибудь из находящихся в действительной службе министра Российской империи, во время его при Блистательной Порте пребывания, учиня какую-либо покражу, важное преступление или непристойное наказание, заслуживающее дело, для избежания помянутого наказания захочет сделаться турком: таковой хотя и не должен быть отвергнут, однако, по учинении ему достойного наказания, должно в целости возвратить покраденные вещи, сходственно с объявлением министра; таковые же, которые захотят сделаться магометанами в пьянстве, не должны быть в магометанский закон приняты, разве по прошествии его пьянства, и когда память его придет в естественное свое состояние, но и тогда последнее его признание должно сделано быть в присутствии присланного от министра переводчика и нескольких беспристрастных мусульманов.

Арт. 7. Блистательная Порта обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного, равным образом дозволяет министрам российского императорского двора делать по всем обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в 14-м артикуле церкви, так и служащим оной разные представления, и обещает принимать оные в уважение, яко чинимые доверенной особой соседственной и искренно дружественной державы.

Арт. 8. Как духовным, так и светским Российской империи подданным да позволится свободно посещать святой град Иерусалим и другие места посещения достойные, и от подобных странствующих и путешественников да не будет требовать ни в Иерусалиме, ни в других местах, ниже на пути, от кого бы то ни было, никакой харч, подать, дань или другие какие налоги; но сверх того да будут они снабжаемы надлежащими пашпортами и указами, которые прочих дружеских держав подданным даются. Во время же пребывания их в Оттоманской империи да не будет учинено им ни малейшей обиды, ниже оскорбления, но да будут они со всей строгостью законов защищаемы.

Арт. 9. Переводчики, служащие при российских министрах, в Константинополе находящихся, какой бы нации они ни были, поелику суть люди, в государственных делах упражняющиеся, следственно и обеим империям служащие, должны быть уважаемы и трактуемы со всякой благосклонностью, в налагаемых же на них от начальников их делах не должны они терпеть.

Арт. 10. Если между подписания сих мирных пунктов и получения о том от главнокомандующих взаимные армиями повелений, произойдут гдельбо каковы действия военные, оные ни которая сторона не примет себе за оскорбление, так как и самые в том успехи и приобретения уничтожаются, и оными ни одна сторона пользоваться не должна.

Арт. 11. Для выгодностей и пользы обеих империй иметь быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам, во всех морях, их земли омывающих; и Блистательная Порта позволяет таковым точно купеческим российским кораблям, каковы другие государства в торгах в ее гаванях и везде употребляют, свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное; так как и приставать ко всем гаваням и пристаням на берегах морей и в проездах или каналах, оные моря соединяющих, находящимся. Позволяет также Блистательная Порта в областях своих подданным Российской империи иметь коммерцию как на сухом пути, так и на водах кораблеплаванием и в реке Дунае, сходственно вышеизображенному в сем артикуле с такими же преимуществами и выгодами, каковыми во владениях ее пользуются прочие народы, в наибольшей дружбе с нею пребывающие, и коим преимущественно в коммерции Блистательная Порта благоприятствует, как то французы и англичане; и капитуляции сих двух наций и прочих, яко бы слово до слова здесь внесены были, должны служить во всем и для всего правилом, равно как для коммерции, так и для купцов российских, кои, платя с ними равные пошлины, могут привозить и отвозить всякие товары, и приставать ко всем пристаням и гаваням как на Черном, так и на других морях лежащим, включительно и константинопольские.

Позволяя вышеописанным образом взаимным подданным коммерцию и кораблеплавание на всех водах без изъятия, позволяют тут же обе империи купцам пребывать в областях своих столько времени, сколько интересы их востребуют, и обещают им ту же безопасность и свободу, каковыми прочие дружеских дворов подданные пользуются.

А дабы во всем наблюдаем был добрый порядок, равным образом Блистательная Порта позволяет иметь пребывание консулам и вице-консулам, которых Российская империя во всех тех местах, где они признаны будут надобными, назначить заблагорассудит, которые будут почитаемы и уважаемы в равенстве с прочими дружеских держав консулами; дозволяет им также иметь при себе переводчиков, называемых баратлы, т. е. патентованных, снабдя оных императорскими патентами, и которые равным образом будут пользоваться теми же преимуществами. коими пользуются находящиеся в службе помянутых французской и английской и других наций.

Российская империя дозволяет также подданным Блистательной Порты в областях своих коммерцию как на море, так и на сухом пути с теми же преимуществами и выгодами, каковыми пользуются народы, в наибольшей дружбе с ней находящиеся, с платежем обыкновенных пошлин. В несчастиях же, могущих случиться судам, имеют обе империи взаимно подавать им все те вспоможения, которые всем прочим дружественным народам в подобных случаях подаются; а нужные вещи будут им доставляемы за обыкновенную цену.

Арт. 12. Когда российский императорский двор похочет сделать коммерческие трактаты с африканскими, т. е. трипольским, тунисским и алжирским кантонами, Блистательная Порта обязывается употребить власть свою и кредит к приведению в совершенство помянутого двора намерения, и быть, в рассуждении вышереченных кантонов, ручательницей в наблюдении ими всех тех кондиций, которые в оных трактатах постановлены быть имеют.

Арт. 13. Блистательная Порта обещает употреблять священный титул императрицы всероссийской во всех актах и публичных грамотах, так как и во всех прочих случаях, на турецком языке, т. е. Темаммен руссиелерин падышах.

Арт. 14. Российскому высочайшему двору, по примеру других держав, позволяется, кроме домашней в доме министра церкви, воздвигнуть в части Галата, в улице Бей Оглу называемой, публичной грекороссийского исповедания церковь, которая всегда под протекцией оной империи министров остаться имеет и никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет.

Арт. 15. Таковым образом, как определяются границы двух контрактующих империй, хотя и есть причина полагать, что взаимные подданные не будут иметь более случая к важным между собой распрям и раздорам; со всем тем, на всякий нечаянный случай, для избежания всего того, что бы могло произвесть некоторую остуду или причинить оскорбление: обе империи соглашаются в том, что всякие подобные случаи должны быть рассматриваемы пограничными губернаторами и комендантами или посредством нарочно назначенных для сего комиссаров, которые по пристойном рассмотрении, кому надлежит, имеют отдать настоящую справедливость без малейшей времени отсрочки, с точным договором, что подобные происшествия никогда не могут служить претекстом к самомалейшему раздражению дружбы и доброго согласия, настоящим трактатом восстановленных.

Арт. 16. Российская империя возвращает Блистательной Порте всю Бессарабию с городами: Аккерманом, Килией, Измаилом и прочими; слободами, деревнями и всем тем, что оная провинция в себе содержит; равномерно возвращает ей и крепость Бендеры. Возвращает также Российская империя Блистательной Порте оба княжества, Воложское и Молдавское, со всеми крепостями, городами, слободами, деревнями и всем тем, что в оных находится, а Блистательная Порта приемлет оные на следующих кондициях, с торжественным обещанием свято наблюдать оные: 1. Наблюдать в рассуждении всех жителей сих княжеств, какого бы достоинства, степени, состояния, звания и рода они ни были, без малейшего исключения полную амнистию и вечное забвение, постановленные в первом сего трактата артикуле, против всех тех, кои действительно преступили или подозреваемы в намерении вредствовать интересам Блистательной Порты, восстановляя оных в прежние их достоинства, чины и владения и возвратя им имения, коими они прежде настоящей войны пользовались. 2. Не препятствовать, каким бы то образом ни было, исповеданию христианского закона совершенно свободного, так как созиданию церквей новых и поправлению старых, как то прежде сего уже было. 3. Возвратить монастырям и прочим партикулярным людям земли и владения прежде сего им принадлежащие и которые потом против всей справедливости были у них отняты около Браилова, Хотина, Бендер и прочих, и ныне раями называемые. 4. Признавать и почитать духовенство, с должным оному чину отличием. Фамилиям, пожелающим оставить свое отечество и в другие места переселиться, позволить свободный выезд со всем их имением, а чтоб оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел, дается им год времени для сего свободного из отечества преселения, считая со дня размены настоящего трактата. 6. Не требовать или не взыскивать никакой денежной или другой суммы за старые счеты, какого бы существа они ни были. 7. Не требовать от них никакой контрибуции или платежа за все военное время, а за многие их страдания и разорения, в течение сей войны ими претерпенные, и еще впредь на два года, считая со дня размены сего трактата. 8. По истечении помянутого времени обещает наблюдать всякое человеколюбие и великодушие в положении на них подати состоящей в деньгах, и получать оную посредством присылаемых депутатов всякие два года; при таковом их наложенной на них подати точном платеже никто из пашей, из губернаторов, или какая бы то ни была особа, не имеет притеснять их, или требовать от них какого-либо платежа, или других налогов, под каким бы именованием или претекстом то ни было; но дозволить им пользоваться теми же

самыми выгодами, коими пользовались они во время царствования, достойной памяти, султана Мегмета четвертого, любезного родителя его султанова величества. 9. Позволяет князьям сих двух княжеств каждому с своей стороны иметь при Блистательной Порте поверенного в делах из христиан греческого закона, которые будут бдеть о делах до помянутых княжеств касающихся, и будут Блистательной Портой благосклонно трактованы и в малости их почитаемы; однакож людьми, народным правом пользующимися, т. е. никакому насилию не подверженными. 10. Соглашается также, чтоб по обстоятельствам обоих сих княжеств министры российского императорского двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оные с сходственным к дружеским и почтительным державам уважением.

Арт. 17. Российская империя возвращает Блистательной Порте все Архипелагские острова, под ее зависимостью находящиеся, а Блистательная Порта со стороны своей обещает: 1. Наблюдать свято, в рассуждении жителей оных островов, кондиции, в первом артикуле постановленные, касательно общей амнистии и совершенного забвения всякого рода преступлений, учиненных, или подозреваемых быть оными учиненные в предосуждение интересам Блистательной Порты. 2. Что христианский закон не будет подвержен ни малейшему притеснению, так как и церкви оного, ниже будет препятствовано к перестроиванию или поправлению оных; люди же в них служащие равным образом не имеют быть оскорбляемы, ниже притесняемы. 3. Что не будет от них требован платеж никакой подати ежегодно ими платимой со времени, как они находятся под зависимостью Российской империи, по причине великого их претерпения в продолжении настоящей войны, впредь на два года, считая со времени возвращения оных островов ей Блистательной Порте. 4. Фамилиям, пожелающим оставить свое отечество и в другие места переселиться позволить свободный выезд со всем их имением, а чтоб оные фамилии могли иметь удобность к распоряжению дел их, дается им год времени для сего свободного из отечества преселения, считая со дня размены настоящего трактата и 5. В случае, когда российский флот при самом его отъезде, что имеет учинено быть в три месяца, считая со дня размены настоящего трактата, будет иметь в чем нужду, Блистательная Порта обещает снабдить его всем тем, чем ей возможно будет.

Арт. 18. Замок Кинбурн, лежащий на устье реки Днепра с довольным округом по левому берегу Днепра и с углом, который составляет степи, лежащие между рек Буга и Днепра, остается в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи.

Арт. 19. Крепости: Еникале и Керче, лежащие в полуострове Крымском, с их пристаньми и со всем в них находящимся, тож и с уездами, начиная от Черного моря и следуя древней Керчинской границе до урочища Бугак и от Бугака по прямой линии кверху даже до Азовского моря, остаются в полное, вечное и непрекословное владение Российской империи.

Арт. 20. Город Азов с уездом его и с рубежами, показанными в инструментах, учиненных в 1700 году, т. е. в 1143, между губернатором Толстым и ачугским губернатором Гассаном пашей, вечно Российской империи принадлежать имеет.

Арт. 21. Обе Кабарды, т. е. Большая и Малая, по соседству с татарами, большую связь имеют с ханами крымскими; для чего принадлежность их императорскому российскому двору должна предоставлена быть на волю хана крымского, с советом его и с старшинами татарскими.

Арт. 22. Обе империи согласились вовсе уничтожить и предать вечному забвению все прежде бывшие между ими трактаты и конвенции включительно Белградский, с последующими за ним конвенциями, и никогда никакой претензии на оных не основывать, исключая только в 1700 году между губернатором Толстым и ачугским губернатором Гасаном пашей, касательно границ Азовского уезда и учреждения Кубанской границы учиненную конвенцию, которая останется непременной, так как она была и прежде.

Арт. 23. В части Грузии и Мингрелии находящиеся крепости: Богдадчик, Кутатис и Шегербань, российским оружием завоеванные, будут Рос-

сией признаны принадлежащими тем, кому они издревле принадлежали, так, что ежели подлинно оные города издревле, или с давнего времени были под владением Блистательной Порты, то будут признаны ей принадлежащими, а по размене настоящего трактата в условленное время, российские войски выдут из помянутых провинций Грузии и Мингрелии. Блистательная же Порта с своей стороны обязывается, в сходственность с содержанием первого артикула, дозволить совершенную амнистию всем тем, которые в том краю, в течение настоящей войны, каким ни есть образом ее оскорбили. Торжественно и навсегда отказывается она требовать дани отроками и отроковицами и всякого рода других податей, обязывается не почитать между ими никого за своих подданных, кроме тех, кои издревле ей принадлежали; все замки и укрепленные места, бывшие у грузинцев и мингрельцев во владении, оставить паки под собственной их стражей и правлением, так как и не притеснять никоим образом веру, монастыри и церкви, и не препятствовать поправлению старых, созиданию новых, и да не будут притесняемы какими-либо требованиями от губернатора чилдирского и от прочих начальников и офицеров, к лишению их имений. Но как помянутые народы находятся подданными Блистательной Порты, то Российская империя не имеет совсем впредь в оные вмешиваться, ниже притеснять их.

Арт. 24. По подписании и утверждении сих артикулов тотчас все находящиеся войски российские на правой стороне Дуная в Болгарии в обратный путь вступят и чрез месяц от подписания перейдут на левый берег Дуная; когда же все чрез Дунай переправятся, тогда отдадут турецким войскам замок Гирсово, выступя и из оного места, по переходе всех российских войск на левый берег Дуная, потом испражняться станут в одно время Валахия и Бессарабия, на которое полагается два месяца времени, а по выступлении всех войск из оных провинций, оставятся турецким войскам с одной стороны крепости Журжа и потом Браилов, а с другой — город Измаил, крепости Килия, а потом Аккерман, выведя оттоль российские императорские войски вслед за прежними; всего же времени на испражнение вышепомянутых провинций полагается три месяца.

Наконец, из Молдавии российские императорские войска выступят потом чрез два месяца и перейдут на левую сторону Днестра; и тако испражнение всех вышепомянутых земель учинится чрез пять месяцев с вышеписанного подписания вечного примирения и покоя между двух контрактующих империй. А когда все российские войски перейдут на левую сторону Днестра, тогда оставятся войскам турецким крепости Хотин и Бендер, с той однакож кондицией, что если тогда уже отданы будут Российской империи в полное, вечное и неприкословное владение замок Кинбурн, с его положенным округом и с степью между Днепра и Буга, как гласит 18 артикул пунктов вечного примирения и покоя между двумя империями.

Чтож касается до Архипелагских островов, то оные российским императорским флотом и войсками оставлены будут попрежнему в неоспоримое владение Оттоманской Порте, как только скоро домашние распорядки и учреждения того российского императорского флота позволят, понеже здесь тому точного времени определить не можно. А Блистательная Порта Оттоманская, для скорейшего того флота оттоль отбытия, всем нужным для него, как уже дружественная держава, обязуется, чем ей возможно будет, снабдить оный.

Доколе российские императорские войска пребудут в отдаваемых Блистательной Порте провинциях, правление и порядок в оных имеют остаться так властно, как в настоящее время суть оные под обладением их, и Порта, на то время и до срока выхода всех войск вступаться в оные не имеет. Российские войска в сих землях, до последнего дня своего выступления получать будут всякие потребные себе вещи, и снабжения питательными и прочими припасами, равным образом как и ныне то им доставляется.

Не прежде войскам Блистательной Порты вступить в отдаваемые крепости, и не прежде оной власть свою внесть и коснуться отдаваемых земель, как об оставлении каждой из оных российскими войсками командир

оных уже уведомит определенную к тому начальствующую особу со стороны Порты Оттоманской.

Магазины свои питательные и военные в крепостях, городах и где оные ни есть, российские войски испражнять могут, как хотят, а оставят только в крепостях, отдаваемых Блистательной Порте одну турецкую артиллерию, сколько ныне оной находится в них. Жители всякого рода и звания всех земель, возвращаемых Блистательной Порте, вступившие в службу императорскую российскую, и кои токмо пожелают, сверх данного им годового срока в артикулах мирных договоров 16 и 17, могут с своим семейством и с своим имением купно с Российскими войсками отойти и преселяться, что им, Блистательная Порта, по силе установления в вышеименованных артикулах, и тогда и во весь годовой срок обязывается ни коим образом не возбранять.

Арт. 25. Все военнопленники и невольники мужеского или женского рода, какого бы достоинства или степени не нашлись в обеих империях, исключая тех, кои из магометанян в империи российской добровольно приняли закон христианский, а христиане, кои в Оттоманской империи добровольно ж закон магометанский, по размене ратификации сего трактата, беспосредственно и без всякого претекста взаимно должны быть освобождены, возвращены и препоручены без всякого выкупа или платежа, так как и все прочие в неволю попавшиеся христиане, т. е. поляки, молдавцы, волохи, пелопонесцы, островские жители и грузинцы, все без малейшего изъятия, равномерно ж без выкупа или платежа должны быть освобождены. Равным же образом должны быть возвращены и препоручены все те российские подданные, которые по какому-либо случаю, по заключении сего блаженного мира, попались бы в неволю, и нашлись в Оттоманской империи, что самое чинить обещает взаимно и Российская империя против Оттоманской Порты и ее подданных.

Арт. 26. По получении отсель известия о подписании сих пунктов, командующему российской армией в Крыму и губернатору очаковскому тотчас обослаться между собой, и в два месяца, от подписания сего, выслать взаимных доверенных людей для отдачи и принятия замка Кинбурна с степью, как определено в предъидущем 18 артикуле, что и исполнить тем доверенным конечно в два месяца времени от своего съезда, дабы в четыре месяца от подписания сего трактата, конечно то точно исполнено и кончено было, а если можно и скорее; о исполнении ж тотчас дать знать их сиятельствам господам генерал-фельдмаршалу и верховному визирю.

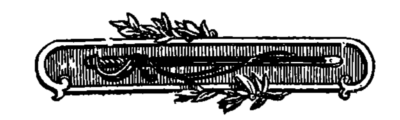
Арт. 27. Но дабы тем наивящше между обеих империй настоящий мир и истинная дружба заключены и утверждены были, торжественно от обеих сторон будут отправлены чрезвычайные послы с подтверждающими заключенными мирный трактат императорскими ратификациями в то время, которое с общего обоих дворов согласия назначено будет. Оба посла равным образом встретятся на границах и будут приняты и почтены теми же обрядами и тем же образом, каковые употребляются при взаимных посольствах между наиболее почтительными европейскими с Оттоманской Портой державами. В знак же дружества взаимно с оными послами имеют быть посланы подарки, с достоинством их императорских величеств сходственны.

Арт. 28. По подписании сих артикулов вечного мира, вышеименованными генерал-поручиком князем Репниным и Блистательной Порты Нишанджи Ресьми Ахмет Ефендием и Ибраим Мюниб Рейз Ефендием, должны престать военные действия в главных армиях и во всех отделенных частях войск взаимных на сухом пути и на водах, с получения о сем от главнокомандующих взаимными армиями повелений. И для того от упомянутых генерал-фельдмаршала и верховного визиря имеют быть тотчас посланы курьеры в Архипелаг во флот, стоящий в Черном море против Крыма и в другие места, где военные действия настоят, с той и другой стороны, чтобы, по силе заключенного мира, прекратились везде неприязнь и всякие действия оружия, а курьеров сих снабдить повелениями от генерал-фельдмаршала и от верховного визиря так, чтобы российский курьер, буде приедет скорее к начальнику своей стороны, мог чрез него турецкому доставить

повеление верховного визиря, а когда курьер верховного визиря прежде поспеет, то турецкий начальник доставил бы повеление фельдмаршальское начальнику российскому.

А как договоры и постановление сего заключенного мира от государей взаимных империй возложены на главных командиров их армий, то есть фельдмаршала графа Петра Румянцева и верховного Блистательной Порты визиря Муссун-Заде Мегмет-пашу: то им, фельдмаршалу и верховному визирю, все вышеписанные артикулы вечного мира, как они в сем пункте изложены, так властно, как бы оные сделаны были в личном их обоих присутствии, утвердить, в силу полномочия, каждому из них от своего государя данного, своими подписями и печатьми, и все в оных постановленное, обещанное твердо и непоколебимо содержать и точно исполнять, и ничего в противность тому не чинить и не допущать, чтобы от кого-либо учинилось, и ими подписанные и печатьми их утвержденные экземпляры сему равногласные, верховного визиря на турецком и италиянском языках, а от генерал-фельдмаршала на российском и италианском языках, равно и полномочия от государей им данные, чрез сих же вышеименованных особ, кои от стороны Блистательной Порты к генерал-фельдмаршалу присланы, в пять дней непременно, а ежели можно и скорее; предопределяя им оные от генерал-фельдмаршала графа Румянцева тогда принять, сколь скоро от верховного визиря таковыж предъявят полученными.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Том XIX, 1770—1774, стр. 957—967, изд. 1830.



ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ[1]

А

Авантаж — выгода, преимущество, успех.

Актуариус — делопроизводитель; должность, введенная Петром I вместо подьячих.

Аларм — тревога.

Амбраж (сделать, нанести) — ввести в заблуждение, обмануть.

Амфилировать, правильнее анфилировать — обстреливать косым огнем вдоль фронта.

Амюзировать — занимать, отвлекать; сковывать.

Арнауты — турецкие войска, состоявшие в основном из албанцев; в русской армии в конце XVIII в. — нерегулярные части, навербованные из жителей Молдавии и Валахии.

Артикул — статья, пункт договора или устава.

Аттенция — внимание.

Аудитор — обер-офицерская должность в бригаде или полку с юридическими функциями (ведение следствия, подготовка дел к заседанию военного суда).

Б

Байдак — речное грузовое судно типа небольшой барки с палубой и одной мачтой, применяемое на Днепре и его притоках.

Баш азидже эфенди — палач в Турции.

Бекет — см. Пикет.

Белое оружие — холодное оружие.

Белюк-баши — командир роты, сотник в турецкой армии.

Бим-баши — тысячник, майор в турецкой армии.

Бискуп —епископ.

Бостанджи — солдат дворцовой стражи для охраны садов и дворца султана.

Брешь-батарея — батарея, предназначенная для пробивания бреши в укреплениях.

Бригадир — офицерский чин, следовавший за полковником; в русской армии введен Петром I, ликвидирован в 1788 г.

Бригантина (брегантина) — небольшое быстроходное двухмачтовое парусное судно, могущее идти в случае надобности и на веслах. В русском флоте так назывались введенные Петром I парусно-гребные суда для действий в шхерах.

Бруствер — земляная насыпь, прикрывающая стрелков от неприятельского обзора и обстрела.

Бунт — куча, связка, охапка (сена, травы и т. д.).

Бунчук (также туг) — знак власти и достоинства турецких пашей в виде древка с золоченым нако-

---

[1] Пояснения терминов даются применительно к периоду, отображенному в документах сборника.

нечником и прикрепленными под ним конскими хвостами. По числу последних у турок различались «двухбунчужные» и «трехбунчужные» паши.

Буюк-паша — см. Белюк-баши.

В

Вагенмейстер — начальник обозной службы.

Винтер-квартира — район расквартирования войск зимой.

Вистиарий (вистерник) — государственный казначей в Молдавии.

Волонтер — доброволец, в данном случае иностранный подданный, поступивший на военную службу другого государства.

Воспящать — препятствовать.

Г

Галера — военное судно гребного флота для действий у берегов, имело от 16 до 25 пар весел и две мачты. Артиллерийское вооружение состояло из мелких пушек (от 2 до 20), а иногда из 1—2 мортир. Экипаж доходил до 250 человек.

Гаубт-квартира (гаупт-квартира) — главная квартира.

Гезель — помощник или ученик аптекаря.

Генерал-аншеф — полный генеральский чин, следующий за генерал-поручиком.

Генерал-гевальдигер — старший офицер, наблюдавший за чистотой и порядком в лагере и в главной квартире, а также руководивший полицейской службой.

Генерал-квартирмейстер (генерал-квартирмистр) — высшее должностное лицо в управлении армии, обязанностью которого являлась организация передвижений и расквартирования войск и составление боевых документов.

Генерал-марш (генеральный марш) — барабанный бой, по которому войска выступали в поход.

Генерал-фельдцейхмейстер — главный начальник артиллерии.

Генерально, генеральный — вообще, общий.

Гетман (в Молдавии) — командующий войсками.

Гласис — пологая земляная насыпь перед наружным рвом укрепления.

Гренадеры (гранодеры) — в начале XVIII в. особый вид пехоты; были вооружены, кроме ружей со штыками, ручными гранатами и имели назначение усиливать боевой порядок на флангах. Со второй половины XVIII в. отборная часть пехоты; вооружением не отличались от мушкетер (см.).

Гусары — легкая нерегулярная кавалерия, набранная из поселенных на Украине венгров, сербов, хорватов, молдаван и грузин. В 1765 г. были сформированы гусарские полки из слободских украинских казачьих полков.

Д

Далкылыч — отборная легкая турецкая пехота, вооруженная саблями.

Дезавантаж — невыгода, неравенство, ущерб.

Дервиш — мусульманский нищенствующий монах.

Деташемент — отряд, отделенный от главных сил для выполнения боевой задачи.

Деташировать — отделять, отряжать часть войска.

Дефенсивный — оборонительный.

Дефиле (дефилея) — узкий проход, теснина.

Джебеджи-баши — начальник корпуса латников в Турции.

Диван — совет при великом визире в Турции; совет при господаре в Молдавии и Валахии.

Директивно — непосредственно.

Дистракция — рассеянность, расстройство.

Добрые оффиции или *добрые услуги* — содействие урегулированию международного конфликта со стороны нейтральной державы в форме советов; процедура, менее обязывающая, чем медиация (см.).

Драгуны — вид кавалерии, обученной действиям как в конном, так и в пешем строю.

Дубель-шлюпка (дубель-шлюп) — беспалубное одномачтовое, двадцативесельное судно. Артиллерийское вооружение достигало 15 малокалиберных орудий. При-

менялось для действий у морских берегов, в лиманах и на реках.

Е

Егеря — легкая пехота, обученная стрелковому бою в рассыпном строю.

Единорог — орудие типа гаубицы, употреблявшееся во второй половине XVIII и начале XIX в. В зависимости от своего веса различались картоульные (пудовые), 1/2-картоульные (полупудовые) и 1/4-картоульные (четвертьпудовые) единороги.

З

Значковый товарищ — воинский чин в полках украинских казаков.

И

Интернунций — дипломатический представитель Австрии в Константинополе, посол второго ранга.

К

Кавалир (кавальер) — фортификационная постройка для усиления огня по местности; устраивался внутри укрепления или составлял возвышенную часть его. С введением нарезной артиллерии утратил свое значение.

Казнадарь — казначей.

Каймакан (правильно каймакам) — по-турецки начальник уезда, подполковник.

Камер-юнкер — придворный чин; введен Петром I при установлении табели о рангах в 1722 г.

Кантонир-квартиры — временное квартирное расположение войск в тылу театра военных действий в условиях относительной близости противника.

Канчебас — турецкое гребное одномачтовое судно, вооруженное легкой артиллерией.

Каптенармус — унтер-офицер, заведующий складом оружия и боеприпасов в полку.

Капыджи-баши — один из младших придворных чинов в Турции.

Карабинеры — тяжелая кавалерия, имевшая на вооружении, помимо палашей и пистолетов, карабины; в отличие от кирасир карабинеры не носили защитного вооружения — шлема и кирас. Карабинерные полки существовали в русской армии с 1763 г. по 1796 г.

Каре (карей) — боевой порядок, представляющий собой сомкнутый строй в виде квадрата или прямоугольника.

Каракас — старинная зажигательная граната.

Картаульный — см. Единорог.

Квартирмистры (квартирмейстеры) — офицеры штаба, ведавшие передвижением войск и размещением их в лагере и на квартирах.

Кирасиры — тяжелая кавалерия, носившая защитное вооружение: шлемы и кирасы (металлические нагрудники).

Кита — свитый кольцом вьюк с сеном, приторачиваемый к седлу.

Колоножные офицеры — колонновожатые (младшие офицеры штабной службы), ведавшие разведкой и передвижением войск.

Комиссариат — орган военного ведомства, занимавшийся снабжением войск, главным образом обмундированием.

Компанейцы — малороссийские казачьи полки, переведенные на положение регулярных войск.

Кондиция — условие, соглашение.

Кондуктор — унтер-офицер инженерных частей.

Консиль — совещание, совет.

Контрэскарп — передняя отлогость наружного рва укреплений, ближайшая к противнику.

Кончебас — см. Канчебас.

Корволан (корволант) — легкий корпус, подвижный отряд, предназначенный для быстрых самостоятельных действий в отрыве от основных сил.

Кор-де-арме — главные силы армии.

Кордон — линейное расположение войск, отрядов, постов, караулов.

Кригс-комиссары — военные чиновники, ведавшие денежным и вещевым довольствием войск. Различались генерал-кригс-комиссары, обер-кригс-комиссары и просто кригс-комиссары. Эти должности существовали в русской армии до 1864 г.

Кригс-цалмейстер — военный казначей.
Котоировать — следовать на фланге.
Кош — военный лагерь запорожских казаков.
Кошевой — главный атаман запорожских казаков.
Куль кагаясы (кулькяхьясы) — второй заместитель начальника янычарского корпуса.

Л

Литавры — ударный музыкальный инструмент, состоящий из металлического полушария и обруча с натянутой на нем кожей, по которой били палочками.
Ложемент — небольшое полевое укрепление для прикрытия пехоты от выстрелов, состоящее из траншеи (рва) и бруствера (насыпи).

М

Маркитантер (маркитант) — торговец мелочным товаром, сопровождавший войска в походе.
Медиация — посредничество в международном споре нейтральной державы, которой предоставляется право участвовать в переговорах спорящих сторон на мирном конгрессе.
Медиатор — посредник.
Мегтупчи-эфендий (мектупчу-эфенди) — старший секретарь верховного визиря.
Мортира — орудие с коротким стволом для ведения навесного огня.
Муфтий (муфти) — мусульманский богослов; лицо, уполномоченное давать каноническое толкование событиям на основании корана.
Мухаррем — название первого месяца мусульманского календаря. В 1768 г. мухаррем продолжался с 7 мая по 5 июня, в 1769 г. — с 26 апреля по 25 мая, в 1770 г.— с 16 апреля по 15 мая, в 1771 г.— с 5 апреля по 4 мая, в 1772 г.— с 24 марта по 22 апреля, в 1773 г. — с 14 марта по 12 апреля, в 1774 г. — с 3 марта по 1 апреля.
Мушкет — кремневое ружье калибром в 8 линий, бывшее на вооружении русской армии.
Мушкетеры — основной вид линейной пехоты XVIII в., вооруженной мушкетами. Название сохранилось в русской армии до 1811 г.
Мюльд-ефрейтор — посыльный, вестовой.

Н

Негоциация — переговоры.
Негоциаторы — участники переговоров.

О

Обмарш — выступление в поход.
Ода-баши — буквально — «старший по комнате», один из офицерских чинов в янычарском корпусе.
Ольстра — чехол для пистолета, прикреплявшийся впереди седла.
Ордер — приказ, предписание.
Ордировать — приказывать.
Ордер баталии (ордер де батали) — размещение войск в боевом порядке.
Отводной караул -- полевой караул.
Оффиция —см. Добрые оффиции.
Очерет — камыш.

П

Палисад — частокол, заграждение из вбитых в землю заостренных бревен.
Палочный караул — внутренний караул в лагере, находившийся при гауптвахте для несения комендантской службы и охраны арестованных.
Пандуры — легкая нерегулярная пехота венгерских войск XVII—XVIII вв.; в России второй половины XVIII в. составляли нерегулярные полки, подобные гусарам, но пешие, укомплектованные сербами.
Пас — проход; паспорт, пропуск.
Паша — высший военный чин, а также правитель провинции, наместник султана в Турции.
Петарда — подрывная мина в виде конусообразного или цилиндрического сосуда, наполненного порохом. Имела широкое применение в XVII—XVIII вв.
Пикет — пост охранения, полевой караул.
Пикинеры — вид кавалерии, по своей организации приближав-

шийся к гусарам; в 1783 г. переформированы в легкоконные полки.

Пионеры — инженерные части.

Плацмайор — помощник коменданта крепости.

Плашкоут — грузовое несамоходное судно, используемое для портовой и транспортной службы.

Плутонги — подразделения, на которые делились роты (батальоны) для производства залповой стрельбы; для этой цели батальон рассчитывался на 2 дивизиона, дивизион на 4 плутонга. Рота, таким образом, имела 2 плутонга.

Подчаший — помощник чашника (придворного виночерпия) в Польше.

Полуканчебас — малый канчебас (см. Канчебас).

Полукартаульный — см. единорог.

Полушайка — малая шайка (см. Шайка).

Прам — плоскодонное артиллерийское парусное судно XVIII в. с вооружением от 18 до 38 орудий крупного калибра. Применялось на мелководье, у берегов и в реках против укреплений.

Премьер-майор — старший майорский чин, следующий за секунд-майором (см.).

Пропозиция — предложение.

Профос — должностное лицо в полку, ответственное за чистоту, а также за исполнение приказов о телесных наказаниях.

Претекст — повод, предлог.

Р

Райя (рай) — подданные — немусульмане в Турции; населенная ими область.

Рандеву — свидание; соединение войск в назначенном пункте.

Ранжир — шеренга, строй; по ранжиру — по росту.

Ранжировать — выстраивать солдат в шеренгу по росту.

Растах, растаг — дневка на марше.

Реверс — обязательство, подписка.

Ревокация — отмена, отозвание.

Регементар (региментар) — чин в польских войсках, соответствовавший русскому полковнику.

Регулы — правила.

Редант (правильно редан) — полевое укрепление, имеющее форму выступающего наружу угла.

Редут — сомкнутое квадратное или многоугольное полевое укрепление с наружным рвом и бруствером.

Рейс-эфенди — сокращенная форма от рейс-улькюттаб («начальник секретарей»). Пост, соответствовавший министру иностранных дел в Турции.

Резидент — дипломатический представитель третьего ранга.

Резонабельный — разумный.

Репортиция — ведомость, сводка сведений.

Рескрипт — письменное обращение государя к подданному с выражением своей воли.

Респект — уважение, почтение.

Ретирада, ретрет — отступление.

Ретироваться — отступить.

Ретраншемент (ретраншамент, ретранжамент, ретранжемент) — полевое укрепление, окоп; в крепости — внутреннее укрепление, усиливающее оборону.

Решпект — см. Респект.

Рогатки — продольные и поперечные деревянные брусья, скрепленные петлями и крючьями; применялись для отражения атак кавалерии.

Роспуски — повозки артиллерийского обоза.

Рунд — обход для проверки постов.

С

Сальвогвардия — 1. Особые отряды войск для охраны частных лиц и их имущества во время пребывания армии в данной местности. 2. Охранные грамоты на жилые помещения, не подлежащие постоям.

Санджак — знамя, округ (турецк.).

Секунд-майор — младший майорский чин, следующий после капитана.

Сераскир (сераскер) — главнокомандующий войсками действующей армии, а также командир отдельной группы войск в Турции.

Сефер — название второго месяца мусульманского календаря. В 1768 г. сефер. продолжался с 6 июня по 4 июля, в 1769 г. — с 26 мая по 23 июня, в

1770 г.— с 16 мая по 13 июня; в 1771 г.— с 5 мая по 2 июня; в 1772 г.— с 23 апреля по 21 мая, в 1773 г.— с 13 апреля по 11 мая, в 1774 г.— с 2 апреля по 30 апреля.

Сикурс (секурс) — помощь, поддержка.

Сикурсовать — помогать, поддерживать.

Скорбут — цынга.

Сошка — подставка для упора ружья при стрельбе.

Спаги (по-турецки сипахи) — феодальное ополчение в Турции, состоявшее из конных воинов.

Стратагема — военная хитрость.

Субалтерн-офицер — младший офицер роты, эскадрона, батареи.

Сюпозиция, супозиция — предположение.

Сюрпренировать — напасть врасплох, захватить.

Т

Теналь — фортификационная постройка впереди куртины для обороны крепостного рва; в полевой фортификации — укрепление в виде входящего угла.

Термин — срок.

Тескереджи — по-турецки санитар.

Топчи-паша (правильно: топчубаши) — начальник артиллерии турецкой армии.

Туг — см. Бунчук.

Туры — цилиндрические корзины из хвороста, наполненные землей; употреблялись при строительстве укреплений.

У

Универсал — жалованная грамота, указ польских королей и гетманов Украины.

Ф

Фальконет — малокалиберная пушка XVI—XVIII вв., стрелявшая свинцовыми ядрами.

Фас — прямолинейный участок крепостной ограды или полевого укрепления для фронтальной обороны; сторона каре.

Фашины — связки хвороста для загачивания топких мест, забрасывания рвов и т. п.

Фельд-марш — походный марш.

Фланкеры — солдаты, преимущественно кавалеристы, посланные на фланг для разведки местности и расположения противника; действовали парами в рассыпном строю.

Фланкировать — высылать фланкеров.

Флигельман — правофланговый солдат, делавший перед строем приемы, которые повторял строй.

Форпосты — передовые посты, передовая укрепленная позиция.

Форштат — предместье, пригородная слобода.

Фузелёр — пехотинец, вооруженный кремневым ружьем (фузеей).

Фурлейт — возчик, обозный рядовой.

Фурмейстер — должностное лицо обоза.

Фуршгат — служба тяги артиллерии (конский состав и ездовые).

Фурьер — лицо, занимавшееся поставкой продовольствия, фуража, а также обеспечением квартир для войска.

Х

Хорунжий — первый офицерский чин в казачьих войсках, соответствующий в кавалерии корнету.

Ц

Цезарцы (цесарцы) — австрийцы.

Цынут (цинут) — округ в Молдавии и в Валахии.

Ч

Чауш-баши — начальник чаушей (т. е. сержантов, приставов, старшин), охранявших высокопоставленных пленных и выполнявших ответственные поручения султана и судебных органов. Чауш-баши являлся также генерал-квартирмейстером турецкой армии.

Чеголарь — курьер, камердинер.

Ш

Шайка — общее название небольших турецких транспортных судов, наиболее крупные из которых (грузоподъемностью до 100 т) имели 2 мачты. Использовались и русскими войсками (трофеи).

Шанец, шанц — полевое укрепление, окоп.

«Шапки» — политическая партия, отражавшая интересы мелкого и среднего дворянства Швеции в XVIII в., занимавшая резко враждебную позицию по отношению к России.

Шармицель — стычка, перестрелка.

Шиканы — помехи.

Шквадрон — эскадрон.

Штафет — эстафета, конная верховая почта.

Э

Эволюции — различные передвижения и построения войск.

Экзерциция—упражнение, обучение.

Экспериенция — опыт.

Эскаладировать — взять укрепление с применением приставных лестниц.

Эскарп — задняя отлогость рва, укрепления

Эскорд (эскорт) — конвой, охрана, прикрытие.

Эфенди — господин, сударь; форма обращения к духовным лицам и вообще ко всем невоенным в султанской Турции.

Я

Ял — короткая и широкая шлюпка, имеющая от 2 до 8 весел; служит для посылок, перевозок легких грузов, работ у борта кораблей и т. д.

Янычар-агасы — начальник корпуса янычар.

Янычары — постоянная пехота в Турции.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

[1] Указатель составил Ю. Р. Клокман.

В

Г

Д

Е

З

И

К

Л

М

Н

О

П

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

А

[1] Указатель составили З. М. Новикова и Е. П. Воронин.

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

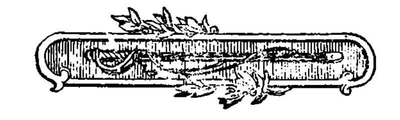
Ц

Ч

Ш

Ю

Я



УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ[1]

[1] Указания, поясняющие местонахождение географического пункта, даны в прямых скобках только в тех случаях, когда при чтении сборника может возникнуть сомнение об одноименных пунктах. Географические названия, которые удалось установить по справочникам, в основном даны в транскрипции начала XX в. Остальные названия установлены по архивным картам, хранящимся в фондах ЦГВИА. В круглых скобках даны разные транскрипции из текстов документов.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СБОРНИКЕ

Глава I

ФОРМИРОВАНИЕ 2-й АРМИИ И ОБОРОНА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ГРАНИЦЫ НА УКРАИНЕ

(сентябрь 1768 г. — май 1769 г.)

Стр.

Глава II

ДЕЙСТВИЯ 2-й АРМИИ в 1769 г.

(май — сентябрь)

Глава III

ПОДГОТОВКА П. А. РУМЯНЦЕВА К КАМПАНИИ 1770 г.

(сентябрь 1769 г. — март 1770 г.)

Стр.

Стр.

Стр.

Глава IV

НАСТУПЛЕНИЕ 1-й АРМИИ В 1770 г. РЯБАЯ МОГИЛА — ЛАРГА — КАГУЛ

(апрель — ноябрь)

Стр

Стр.

Глава V

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ КАМПАНИИ 1771 г.

(декабрь 1770 г. — ноябрь 1771 г.)

Стр.

Глава VI

РАСПОЛОЖЕНИЕ АРМИИ НА ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ. ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. А. РУМЯНЦЕВА В ПЕРИОД ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕМИРИЯ И В РУССКО-ТУРЕЦКИХ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ

(ноябрь 1771 г. — март 1773 г.)

Стр.

Глава VIII

НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ВОЙСК П. А. РУМЯНЦЕВА ЗА ДУНАЕМ В 1773 г.

(сентябрь — ноябрь)

Глава IX

ПОДГОТОВКА К КАМПАНИИ 1774 г. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ДУНАЯ В 1774 г. И ЗАКЛЮЧЕНИЕ КЮЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКОГО МИРА

(декабрь 1773 г. — июль 1774 г.)

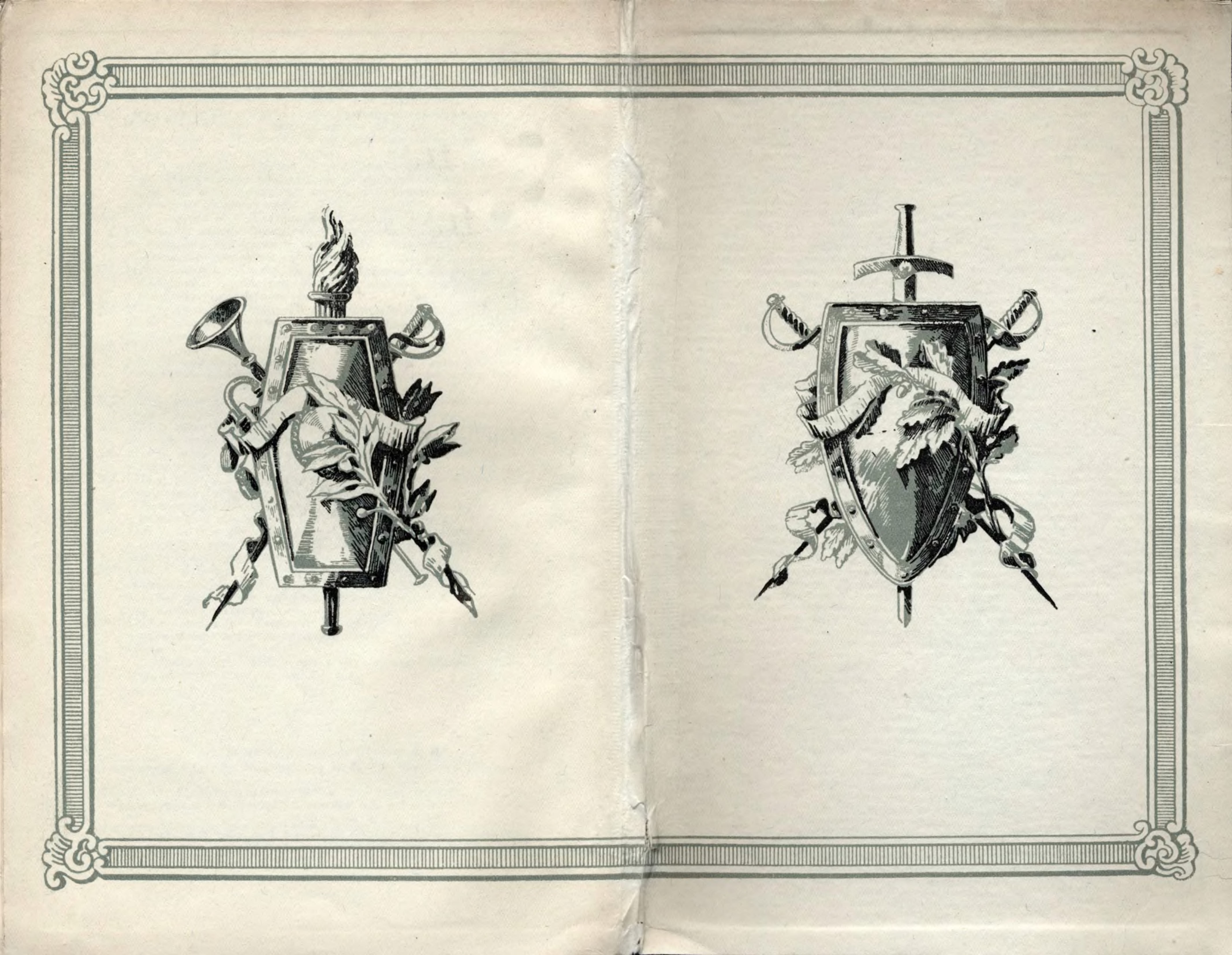
Редактор полковник **Панков Д. В.**

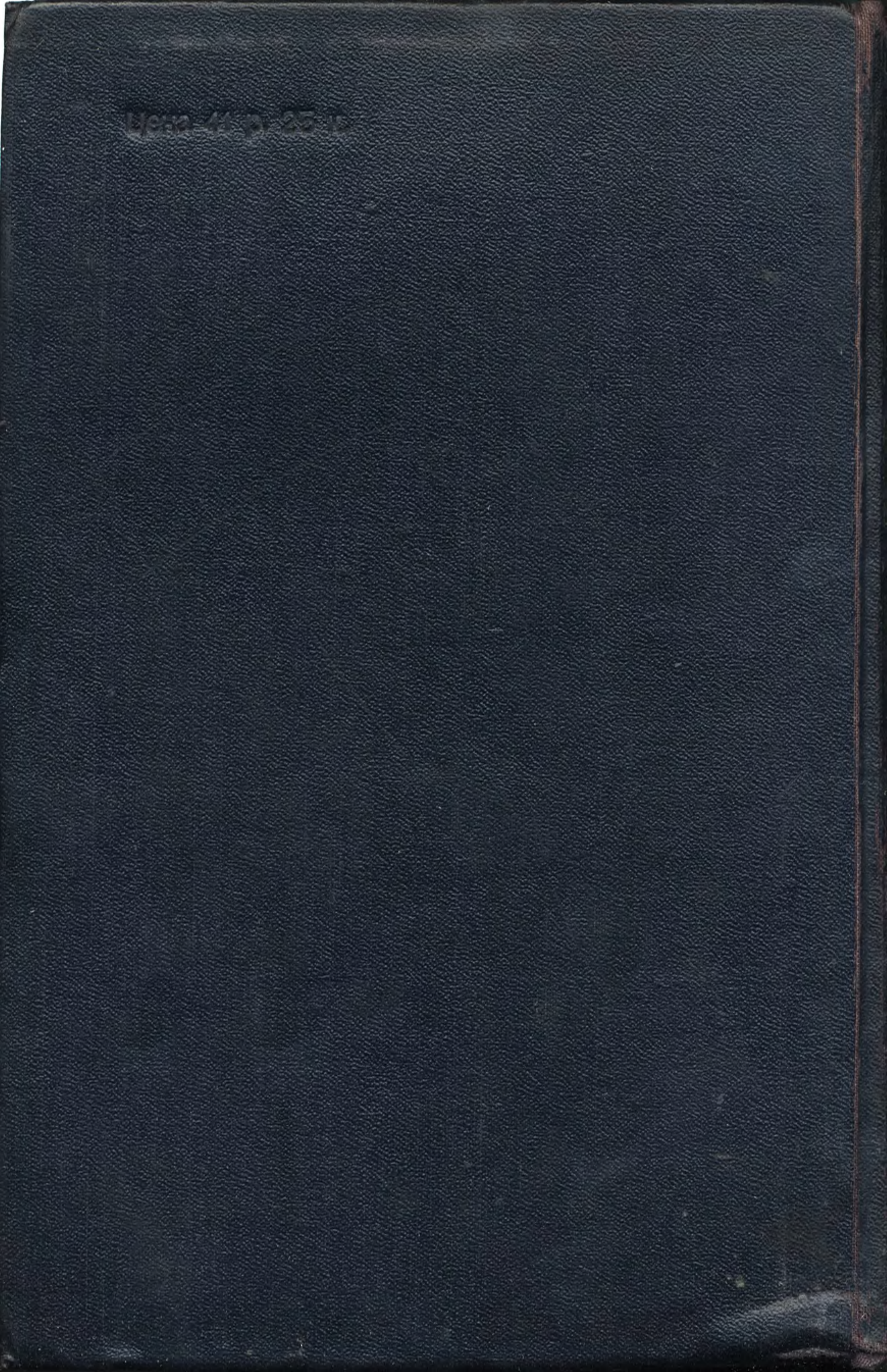
Технический редактор **Межерицкая Н. П.** Корректор **Федорова Е. В.**

Г-93239 Подписано в печать 23.10. 53 г. Изд. № 7/2345 Зак. № 496

Формат бумаги 60 × 92[1]/16 — 28,125 б. л. = 56,25 п. л. + 9 вклеек — 4,75 б. л. = 9,5 п. л. 66,921 уч.-изд. л.

2-я типография имени К. Е. Ворошилова Управления Военного Издательства Министерства Обороны Союза ССР




Цена 41 р. 25 к.